РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Притвицъ — Рейсъ.

Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Историческаго Общества **А. А. Половцова.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

II.

Притвицъ, баронъ *Карлъ Карловичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, генералъ-адъютантъ; происходилъ изъ древняго рода и былъ сыномъ отставного ротмистра прусской службы Бернгарда-Отто-Карла П. (ум. въ 1842 г.) и жены его, баронессы Каролины фонъ-Дибичъ; род. въ Поношау, въ Силезіи, 20-го ноября 1797 г. Поступивъ, 11-го ноября 1814 г., юнкеромъ въ 49-й егерскій полкъ, онъ въ 1815 г. былъ переведенъ въ Низовскій пѣхотный полкъ, съ которымъ, въ апрѣлѣ 1815 г., выступилъ въ походъ противъ французовъ, но въ пути былъ командированъ колонновожатымъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части и 3-го сентября былъ произведенъ въ корнеты съ назначеніемъ въ Серпуховскій уланскій полкъ, а черезъ два года (12-го іюня 1817 г.) перешелъ въ л.-гв. Уланскій полкъ. 12-го декабря 1828 г. П. получилъ чинъ ротмистра и, командуя въ 1830 г. эскадрономъ, отличился своею находчивостью и распорядительностью въ Варшавѣ въ ночь Св. Сантурина — 17-го ноября 1830 г., — когда онъ былъ дежурнымъ по своему полку. Получивъ извѣстіе о начавшемся въ городѣ мятежѣ, онъ велѣлъ немедленно бить тревогу и одинъ изъ первыхъ въ порядкѣ привелъ полкъ къ Бельведеру. Затѣмъ, послѣ удаленія цесаревича съ русской арміей изъ предѣловъ Польши, онъ съ своимъ полкомъ, въ январѣ 1831 г., снова двинулся походомъ въ Польшу въ составѣ арміи гр. Дибича-Забалканскаго и 13-го февраля принялъ участіе въ Гроховской битвѣ, гдѣ съ своимъ лейбъ-эскадрономъ врѣзался въ три карре 1-го Егерскаго (бывшаго Его Величества) полка и, несмотря на рану картечью въ лѣвый локоть, первый ворвался въ середину праваго карре, при чемъ былъ вторично раненъ пулею въ лѣвую руку. За этотъ подвигъ онъ получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. и былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ, а затѣмъ принялъ участіе въ нѣсколькихъ дѣлахъ этой кампаніи. Продолжая службу въ полку (съ 1-го мая въ чинѣ полковника) онъ, въ качествѣ флигель-адъютанта, до 1841 г. выполнилъ 15 особыхъ Высочайшихъ командировокъ, 16-го апрѣля 1841 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры Свиты Его Величества, въ ноябрѣ 1849 г. назначенъ начальникомъ 1-й бригады 2-й легкой кавалерійской дивизіи, а 6-го декабря произведенъ въ генералъ-лейтенанты, пожалованъ генералъ-адъютантомъ и назначенъ начальникомъ 7-й легкой кавалерійской дивизіи. Черезъ пять лѣтъ (12-го декабря 1854 г.) ему повелѣно было состоять при особѣ Государя Императора, при чемъ онъ нѣсколько разъ сопровождалъ его въ поѣздкахъ по Россіи и за границей и выполнилъ 18 Высочайшихъ порученій и командировокъ. Въ 1856 г. П. былъ назначенъ исправляющимъ должность попечителя С.-Петербургскихъ военныхъ госпиталей и несъ эти обязанности до упраздненія должности въ 1861 г., а 13-го февраля этого года, въ ознаменованіи 30-ти лѣтія Гроховской битвы, былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи съ оставленіемъ въ должности генералъ-адъютанта и съ

зачисленіемъ по гвардейской кавалеріи. За время своей 65-лѣтней службы П. былъ награжденъ орденами до Владиміра 1-й ст. включительно, который былъ пожалованъ ему 13-го февраля 1881 г., въ 50-ю годовщину битвы при Гроховѣ. Умеръ онъ 10-го марта 1881 г.

Полный послужной списокъ отъ 1-го янв. 1872 г.; В. В. Крестовскій, «Исторія л.-гв. Уланскаго Его Величества полка», стр. 158, 161, 167, 204, 222, 251, 254, прил., стр. 79—80; П. О. Бобровскій, Л.-гв. Уланскій Ея Величества полкъ 1802—1903 г., С.-Пб. 1903; «Русск.Стар.» 1885 г., апрѣль, стр. 293, 523; «Русскій Инвалидъ» 1881 г., №№ 56, 60; Н. И. Глиноецкій, «Исторія Русскаго Генеральнаго Штаба», т. II, С.-Пб. 1894 г., стр. 70; «Военный календарь на 1883 г.», стр. 153.

Притвицъ, баронъ *Павелъ Карловичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ; сынъ полковника Карла Карловича П. (убитаго въ Финляндіи въ 1809 г.); род. 11-го октября 1792 года. Получивъ образованіе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, онъ былъ выпущенъ 23-го февраля 1811 года прапорщикомъ въ 1-ую артиллерійскую бригаду, 4-го марта былъ переведенъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части (теперь Генеральный Штабъ) и отправленъ на топографическую съемку въ Финляндію. По объявленіи войны 1812 года, финляндскій корпусъ генерала Штейнгеля, при которомъ состоялъ П., былъ перевезенъ моремъ изъ Гельсингфорса въ Ревель, и П. сразу пришлось принять участіе въ сраженіяхъ: 14-го сентября—при Даленъ-Кирхѣ, на слѣдующій день — при Гроссъ-Экау, 18-го—при Цемаленѣ; 28-го числа корпусъ Штейнгеля поступилъ подъ начальство Витгенштейна, и П. былъ въ бояхъ: 7-го и 8-го октября подъ Полоцкомъ, при Орѣховѣ, Кублистѣ, Чашниковѣ, 15-го ноября при Старомъ Борисовѣ и на слѣдующій день—въ бою у Студянокъ. Получивъ за отличіе въ двухъ послѣднихъ бояхъ орденъ св. Владиміра съ бантомъ и золотую шпагу съ надписью «за храбрость», П. 17-го декабря перешелъ границу въ отрядѣ генер.-адъют. Чернышева, высланнаго впередъ Витгенштейномъ, участвовалъ въ отрядныхъ кавалерійскихъ стычкахъ съ французами, былъ въ набѣгѣ Чернышева на Берлинъ, въ сраженіи подъ Гоммерномъ и 2-хъ-дневной бомбардировкѣ крѣп. Виттенбергъ; въ 1813 г.—въ сраженіи подъ Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ; за отличіе подъ Кульмомъ П. получилъ чинъ штабсъ-капитана, а за Лейпцигъ—орденъ св. Анны 2 ст. и прусскій «Pour le mérite». Въ 1815 году, состоя при начальникѣ Главнаго Штаба арміи, онъ совершилъ походъ во Францію, откуда, послѣ смотра подъ Вертю, вернулся въ Могилевъ, произведя цѣлый рядъ рекогносцировокъ во Франціи и въ Польшѣ. Быстро двигаясь по службѣ и получивъ въ 1821 году бриллiантовый перстень отъ Государя, П. въ 1822 году былъ произведенъ въ полковники и назначенъ (11-го марта 1827 года) состоять при учебномъ заведеніи Главнаго Штаба. Назначенный, въ 1830 г., оберъ-квартирмейстеромъ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, П. участвовалъ въ слѣдующемъ году въ подавленіи Польскаго возстанія; 7-го февраля 1831 г. онъ былъ въ бою при Козеницахъ, 27-го при взятіи барономъ Крейцомъ Люблина, велъ на штурмъ спѣшенный дивизіонъ драгунскаго принца Виртембергскаго полка и за выказанное мужество и распорядительность получилъ орд. св. Георгія 4 ст. и произведенъ (15-го марта) въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командовать 2-ой бригадой 26-ой пѣхотной дивизіи; со своей бригадой онъ былъ въ бояхъ при Бобинѣ, Вроновѣ и Казиміржѣ. 19-го апрѣля генералъ П. былъ назначенъ въ штабъ главнокомандующаго гр. Дибича, но пробылъ въ этой должности всего 2 мѣсяца, т. е. до смерти гр. Дибича. Назначенный опять командиромъ бригады въ 1-ую пѣхотную дивизію, П. съ 25-го февраля 1833 г. состоялъ при Главномъ Директорѣ Пажескаго и всѣхъ сухопутныхъ корпусовъ и Дворянскаго полка, былъ членомъ комиссіи по постройкѣ Орловскаго Бахтина кадетскаго корпуса (съ 1837 по 1842 гг.), за что получилъ Высочайшее благоволеніе и награжденъ орд. св. Станислава 1 ст. при осмотрѣ построекъ корпуса Государемъ. Назначенный въ 1843 году (2-го марта) Вице-Директоромъ Департамента военныхъ поселеній, онъ почти ежегодно командировался по дѣламъ военныхъ построекъ. Произведенный въ 1844 году (6-го декабря) въ генералъ-лейтенанты, П. въ 1845 г. командированъ былъ, «какъ лично извѣстный Его Величеству совершенной своей благонадежностью»,

для осмотра зданій Ѳеодосійскаго военнаго госпиталя, при чемъ Государь велѣлъ ему проѣздомъ осмотрѣть всѣ постройки вѣдомства Департамента военныхъ поселеній на югѣ. Оказавъ въ этой командировкѣ «большую услугу не только интересамъ казны, но больнымъ и раненымъ, поселеннымъ въ Ѳеодосіи», П. былъ назначенъ (14-го іюля 1846 г.) предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи о дѣйствіяхъ лицъ, производившихъ въ городѣ Новочеркасскѣ непомѣрно-высокую оцѣнку домовъ, принятыхъ Донскимъ войскомъ въ залогъ по донскому питейному откупу. Наблюдая въ слѣдующемъ году за возведеніемъ зданій для Военно-Топографическаго Депо съ его Архивомъ и за перестройкой Главнаго Штаба, онъ получилъ особенное Монаршее благоволеніе за отличное выполненіе этихъ работъ, а въ 1848 г. (11-го апрѣля) — орденъ св. Владиміра 2 ст. «въ воздаяніе отлично усердной и ревностной службы по исполненію многочисленныхъ на немъ лежащихъ обязанностей»; 9-го мая онъ былъ командированъ для осмотра Псковскаго шоссе и постройки въ Новгородѣ зданій 1-го карабинернаго полка и, вернувшись, управлялъ Департаментомъ военныхъ поселеній. Въ 1849 году, 13-го октября, П. повелѣно было присутствовать въ 3-мъ Департаментѣ Сената, оставаясь въ прежней должности. Въ 1856 году, 25-го февраля, П. скончался и погребенъ въ Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ.

Общій Архивъ Главнаго Штаба, формулярные списки 1850 г., № 14207; М. Богдановичъ, «Исторія Отечественной войны 1812 г.», С.-Пб. 1859, т. II, стр. 425, т. III, 270—275; М. Богдановичъ, «Исторія войны 1813 года за независимость Германіи», С.-Пб. 1863, т. I, стр. 49, 56, 57, 105, 502, т. II, стр. 419; А. Михайловскій-Данилевскій, «Записки 1814 и 1815 годовъ», С.-Пб. 1841, стр. 169; «Записки Петра Кононовича Меньковa», С.-Пб. 1898, т. II, стр. 183, 185, т. III, стр. 12, 70; Лалаевъ, «Историч. очеркъ военно-учебныхъ заведеній 1700—1880 гг.», ч. II, стр. 42; «Военно-Энциклоп. Лексиконъ», изд. 2-ое, т. X, стр. 721; Н. П. Глиноецкій, «Исторія русскаго Генеральнаго Штаба», т. II, С.-Пб. 1894, стр. 29, 60, 70.

Н. Артамоновъ.

Притвицъ, баронъ *Ѳедоръ Карловичъ*, генералъ-маіоръ корпуса инженеровъ путей сообщенія; братъ предыдущаго; родился 25-го ноября 1798 года. Получивъ образованіе въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, былъ выпущенъ прапорщикомъ (1816 г.) въ 21-ю батарейную роту 11-ой артиллерійской бригады съ назначеніемъ состоять при начальникѣ штаба артиллеріи 1-ой арміи ген.-маіорѣ Сухозанетѣ, при которомъ и былъ до мая 1822 г. Въ 1817 г. ему было поручено преподаваніе математическихъ и артиллерійскихъ наукъ въ школѣ артиллерійскихъ юнкеровъ, учрежденной при штабѣ арміи, а съ 5-го ноября 1823 г.— въ военно-офицерской школѣ при той-же арміи. Переведенный, 16-го апрѣля 1829 года, уже въ чинѣ штабсъ-капитана, въ Генеральный Штабъ, П. участвовалъ въ Турецкой войнѣ, состоя при главной квартирѣ, а потомъ —дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 5-ой пѣхотной дивизіи; былъ при взятіи Сливны и Адріанополя, получилъ чинъ капитана (17-го октября 1829 г.) и былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 4-ой пѣхотной (8-го іюня 1830 г.), а затѣмъ 1-й гусарской дивизіи. Въ этомъ году П. получилъ командировку для повѣрки съемокъ окрестностей крѣпости Динабурга и собиранія матеріаловъ по Эстляндской губерніи для составленія дислокаціонный карты.

Участвуя въ 1831 г., въ составѣ главной квартиры дѣйствующей арміи, въ усмиреніи польскаго возстанія, П. былъ въ бояхъ у Калушина, Минска, Вавра, Грохова, при Земноводѣ и Остроленкѣ и за «отличную храбрость и благоразуміе» въ послѣднемъ дѣлѣ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст., а за участіе во взятіи Варшавы — чиномъ полковника (1832 г., января 9-го). Получивъ должность оберъ-квартирмейстера сначала 4-го резервнаго кавалеріскаго корпуса, а потомъ 1-го пѣхотнаго, онъ въ 1833 году получилъ отъ Государя порученіе разсмотрѣть въ Ригѣ и Ревелѣ привезенные изъ Швеціи историческіе матеріалы о Лифляндіи и Эстляндіи и «отобрать все важное».

Въ слѣдующемъ году баронъ П. былъ переведенъ въ Корпусъ инженеровъ путей сообщенія (24-го марта 1834 года) и сначала былъ директоромъ кондукторской школы, а затѣмъ (съ 1840 г., января 12-го) директоромъ Училища гражданскихъ инженеровъ и произведенъ въ генералъ-маіоры (1839 г., 6-го декабря); здѣсь онъ занимался и преподава-

ніемъ наукъ; 17-го декабря 1842 года П. былъ назначенъ директоромъ Строительнаго училища Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Онъ умеръ 26-го августа 1849 года.

Московское Отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба, дѣла Инспекторскаго Департамента 4 отдѣленія 3 стола 1844 года, св. 1968/2, № 1546; Приказъ по корпусу путей сообщенія отъ 21 іюля 1841 г., № 114; «Мѣсяцесловъ на 1851 г.», стр. 163; «Вѣдом. С.-Пб. Городской полиціи» 1849 г., № 47; «Краткій историч. очеркъ 50-лѣтія Института гражданскихъ инженеровъ 1842—1892», С.-Пб. 1892, стр. 25.

Н. Н. Артамоновъ.

Проваторовъ, *Викторъ Владиміровичъ*, лѣсоводъ; происходилъ изъ дворянъ Владимірской губерніи, родился въ 1829 году, воспитаніе получилъ въ С.-Петербургскомъ лѣсномъ и межевомъ Институтѣ, въ которомъ курсъ офицерскаго класса окончилъ въ 1851 году съ чиномъ подпоручика. До 1861 года П. занимался лѣсоустройствомъ въ казенныхъ дачахъ, сперва въ должности младшаго, а затѣмъ—старшаго таксатора. Въ 1861 г. назначеный губернскимъ лѣсничимъ сперва въ Курскъ, а потомъ въ Воронежъ, онъ въ 1866 году переведенъ былъ губернскимъ лѣсничимъ во Владиміръ и тамъ же въ 1867 году занялъ должность управляющаго государственными имуществами, въ каковой должности, въ чинѣ статскаго совѣтника, пребывалъ до смерти, послѣдовавшей въ 1878 году. Въ 1873 году П. составилъ «Таблицы кубическаго содержанія древесной массы бревенъ разныхъ размѣровъ», Владиміръ. 1873. Трудъ этотъ былъ очень полезенъ для ученыхъ лѣсничихъ, облегчая имъ требовавшіяся въ то время довольно сложныя вычисленія по учету лѣсныхъ матеріаловъ.

Личное дѣло изъ архива Министерства Земледѣлія и Госуд. Имущ.; П. Н. Вереха и Рудзкій, «Литература русскаго лѣсоводства», С.-Пб. 1878 г.

П. Вереха.

Прозоровскій, князь *Александръ Александровичъ*, генералъ-фельдмаршалъ, происходилъ изъ древняго княжескаго рода, ведущаго свое начало отъ Рюрика и кн. Ярославскихъ, потомки которыхъ, удѣльные князья Моложскіе, приняли отъ принадлежавшаго имъ въ Моложскомъ уѣздѣ (теперешней Ярославской губерніи) села Прозорова фамилію кн. Прозоровскихъ.

Сынъ князя Александра Никитича и княгини Анны Борисовны, рожденной княжны Голицыной, князь П. родился въ 1732 г. и, по обычаю того времени, 7-го іюня 1742 г. былъ зачисленъ солдатомъ въ гвардію. Опредѣленный въ Сухопутный кадетскій шляхетный корпусъ, онъ получилъ здѣсь свое образованіе, при чемъ 1-го августа 1744 г. былъ произведенъ въ капралы, а 10-го марта 1746 г. въ фурьеры. Въ 1752 году П. былъ сдѣланъ каптенармусомъ, а въ слѣдующемъ, 1753 г. (18-го ноября) сержантомъ. Выпущенный 25-го апрѣля 1754 г. изъ гвардіи въ полевые полки поручикомъ, онъ 9-го октября 1756 г. былъ произведенъ въ капитаны. Начавшаяся Семилѣтняя война съ Пруссіей увлекла на театръ военныхъ дѣйствій кн. П., открывъ ему широкое поприще для боевой дѣятельности; онъ совершилъ съ русскими войсками весьма трудный походъ на Западъ и 19-го августа 1757 г. принялъ участіе въ благопріятномъ для русскихъ сраженіи при Гроссъ-Егерсдорфѣ, гдѣ былъ раненъ пулею въ лѣвую ногу. 28-го іюня 1758 г. П. былъ произведенъ въ секундъ-маіоры и, попавъ подъ стѣны осажденной русскими крѣпости Кюстринъ, принялъ 4-го августа того же года участіе въ одномъ изъ крупныхъ дѣлъ, разыгравшихся около этого города, а 14-го августа, въ рядахъ русскихъ войскъ, храбро сражался при деревнѣ Цорндорфѣ, гдѣ былъ вторично раненъ пулею въ правое плечо на вылетъ. 12-го іюля 1759 г. въ столкновеніи съ прусскимъ генераломъ Веделемъ подъ Пальцигомъ, гдѣ пруссаки были разбиты, и, наконецъ, 1-го августа того же года въ знаменитомъ Кунерсдорфскомъ дѣлѣ подъ Франкфуртомъ, кн. П. находился въ первыхъ рядахъ нашей арміи. За храбрость, проявленную въ этихъ сраженіяхъ, онъ 20-го декабря того же года былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры, а 1-го января 1760 г.—въ подполковники. Въ это время онъ находился подъ начальствомъ генералъ-маіора гр. Тотлебена, съ которымъ подступилъ къ Берлину и былъ посланъ атаковать Таласкія ворота, а 28-го сентября 1760 г. съ русскими войсками вступилъ въ Берлинъ. Такая энергичная дѣятельность, распорядительность и храбрость были вполнѣ оцѣнены, и

15-го февраля 1761 г. онъ былъ произведенъ за отличіе въ полковники. Въ этомъ году кн. П. попалъ въ корпусъ гр. З. Г. Чернышева, который соединился съ Австрійской арміей и дѣйствовалъ совмѣстно съ цесарскими войсками. Происшедшая въ это время перемѣна царствованія рѣзко измѣнила направленіе русской политики. Императоръ Петръ III, по вступленіи своемъ на престолъ, велѣлъ не только прекратить военныя дѣйствія противъ пруссаковъ, но и сталъ помогать прусскому королю, приказавъ русскимъ войскамъ соединиться съ прусской арміей. Кн. П. все это время находился при русской арміи и только со вступленіемъ на престолъ Императрицы Екатерины II-й, не пожелавшей продолжать военныхъ дѣйствій и отозвавшей наши войска, вернулся въ Россію. 24-го ноября 1764 г. П. былъ произведенъ въ бригадиры, а 18-го мая 1766 г. въ генералъ-маіоры и въ томъ же году (28-го іюня) награжденъ орденомъ св. Анны. Въ 1767 году князь въ корпусѣ генералъ-поручика Нумерса отправился въ Литву для усмиренія конфедератовъ. Находясь въ Вильнѣ, онъ 16-го апрѣля получилъ отрядъ съ порученіемъ отправиться въ Брестъ-Литовскъ и наблюдать тамъ за польскими сеймиками, а затѣмъ поѣхалъ въ Варшаву и присутствовалъ на сеймѣ. Конфедераты, между тѣмъ, открыли враждебныя дѣйствія и, по приказанію Императрицы, русскія войска должны были принять участіе въ усмиреніи мятежниковъ. П. съ небольшимъ отрядомъ былъ посланъ на помощь въ Бердичевъ и, по дорогѣ туда, 18-го іюня встрѣтилъ непріятеля, напалъ на него и взялъ въ плѣнъ до 500 человѣкъ. Занявъ Бердичевъ, онъ вскорѣ направился оттуда въ мѣстечко Санекъ, гдѣ также нашелъ конфедератовъ и преслѣдовалъ ихъ до Кракова, гдѣ и остался до прибытія туда 6-го августа русскихъ войскъ. Въ слѣдующемъ, 1768 году кн. П. былъ назначенъ командовать корпусомъ, дѣйствовавшимъ противъ конфедератовъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Кречетникова; принявъ начальство, онъ занялся усмиреніемъ и розысками непокорныхъ враговъ Польскаго правительства и Россіи. Открывшаяся въ 1769 г. война съ Турціей отвлекла П. изъ Польши: онъ получилъ важное назначеніе начальствовать авангардомъ въ арміи генералъ-аншефа кн. А. М. Голицына. Тамъ ему очень скоро пришлось столкнуться съ непріятелемъ, съ которымъ онъ встрѣтился 14-го апрѣля сейчасъ же послѣ переправы черезъ Днѣстръ у Калюса, имѣя въ своемъ распоряженіи только легкія войска; столкновеніе было весьма благопріятно для П., такъ какъ турецкій отрядъ былъ разсѣянъ. Успѣшно продолжая наступленіе, онъ 17-го апрѣля разбилъ на голову турецкій отрядъ подъ командой Карамана - Паши; въ этомъ сраженіи турки потеряли 400 человѣкъ убитыми и 4 знамени; 18-го апрѣля князь былъ уже подъ Хотиномъ, гдѣ и расположился со своими войсками по Ясской дорогѣ. Пораженіе Абаза-Паши (20-го апрѣля) войсками кн. Голицына, среди которыхъ находился и князь П., дало возможность послѣднему отличиться смѣлымъ и рѣшительнымъ натискомъ на непріятеля, овладѣвъ при этомъ турецкимъ обозомъ и захвативъ три знамени и булаву Паши. Послѣ этой побѣды кн. Голицынъ, не имѣя осадной артиллеріи и необходимаго продовольствія для войскъ, не рѣшился приступить къ осадѣ Хотина и 21-го апрѣля отступилъ со всею арміей обратно за Днѣстръ. Это временное отступленіе было только шагомъ къ дальнѣйшему успѣху русскаго оружія. Собранная въ маѣ 1769 г. большая турецкая армія двинулась за Дунай вверхъ по Пруту до Рябой Могилы. Кн. П., дѣйствовавшій въ это время самостоятельно, хитростью завлекъ двадцатитысячный турецко-татарскій корпусъ подъ предводительствомъ паши Джели-Бека въ болото близъ Днѣстра у Каменца и 19-го іюня разбилъ на голову и обратилъ въ бѣгство неосмотрительнаго пашу, попавшаго со всѣмъ корпусомъ подъ убійственный огонь артиллеріи П. Преслѣдуя непріятеля, онъ двинулся къ Хотину, при чемъ 30-го іюня со своимъ отрядомъ оказалъ большое содѣйствіе главнокомандующему въ пораженіи двадцатитысячной татарской арміи, бывшей подъ начальствомъ Хана Крымскаго. 2-го іюля, когда арміи нашей пришлось проходить передъ Хотиномъ черезъ дефиле, она была аттакована конницей непріятеля, которая, однако, была разбита стоявшимъ на правой сторонѣ корпусомъ П., который далъ, такимъ образомъ, воз-

можность нашимъ войскамъ заставить непріятеля спрятаться въ Хотинскую крѣпость. Въ это время дѣйствія русской арміи всецѣло сосредоточены были около этой крѣпости, и въ цѣломъ рядѣ сраженій, а также въ осадѣ Хотина кн. П. принималъ самое дѣятельное участіе. Между прочимъ, 22-го іюля онъ находился въ рядахъ русской арміи при разбитіи Хана Крымскаго, который отступилъ на Липчаны, а 6-го августа, переправившись вмѣстѣ съ нашей арміей черезъ Днѣстръ, расположился передъ самымъ Хотиномъ и съ 7-го по 14-е августа постоянно входилъ въ соприкосновеніе съ непріятельскими отрядами, отражая ихъ нападенія. Наконецъ, при осадѣ Хотина онъ не остался безучастнымъ и энергично аттаковалъ турецкія укрѣпленія въ ночномъ приступѣ 7-го сентября, при чемъ, когда часть турецкихъ отрядовъ, вслѣдствіе ночной аттаки, была отрѣзана, онъ 8-го сентября смѣло ихъ преслѣдовалъ, разбивъ нѣсколько партій и взявъ въ плѣнъ большую часть этихъ отрядовъ. Послѣ паденія Хотина и занятія его 9-го сентября русскими войсками, кн. П. былъ откомандированъ отъ главной арміи вмѣстѣ съ генералъ-поручикомъ барономъ Эльмптомъ во главѣ отдѣльнаго отряда для занятія Молдавіи, что они успѣшно и исполнили, занявъ Яссы и покоривъ волнующійся край. Послѣ этого П. расположился на зимнія квартиры въ предѣлахъ Молдавіи. Въ награду за храбрость и распорядительность въ кампанію этого года П. получилъ орденъ Александра Невскаго.—Этимъ закончилась служба его подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала кн. Голицына. 16-го марта 1770 г. кн. П. былъ переведенъ во вторую армію, находившуюся подъ начальствомъ гр. П. И. Панина, куда немедленно онъ и отправился. По прибытіи въ главную квартиру, князь П. вскорѣ былъ посланъ съ отрядомъ запорожскихъ казаковъ, калмыковъ и тремя полками: Донскимъ, Украинскимъ и Гусарскимъ подъ Очаковъ. Задача его заключалась въ томъ, чтобы охранять русскую границу, прикрывая осаду Бендеръ. Это трудное порученіе князь исполнилъ вполнѣ удачно, при чемъ 26-го іюня ему пришлось столкнуться съ турками въ сраженіи близъ Очакова, а 10-го сентября, когда ханъ, начальствовавшій надъ турецкими войсками въ Очаковѣ, вышелъ оттуда съ гарнизономъ и былъ на голову разбитъ русскими, кн. П. выказалъ замѣчательную распорядительность и умѣніе и не потерялъ присутствія духа въ критическихъ обстоятельствахъ. Неутомимая, энергичная дѣятельность кн. П. въ теченіе этого года доставила ему награду орденомъ Георгія 3-й ст. Вскорѣ послѣ этого онъ оставилъ театръ военныхъ дѣйствій и въ 1771 году мы встрѣчаемъ его уже подъ начальствомъ кн. В. М. Долгорукова, въ Крымской арміи,—начальникомъ авангарднаго отряда, составленнаго изъ легкой конницы—казаковъ и гусаръ. Это отвѣтственное назначеніе князь П. получилъ, конечно, благодаря своему предыдущему боевому опыту. Войска двинулись къ Перекопу, гдѣ П. 12-го іюня встрѣтился съ непріятелемъ, завязавъ сильную перестрѣлку и дѣйствуя по прежнему смѣло и удачно. По рѣшенію русскаго главнокомандующаго, 14-го іюля нужно было штурмовать всю Перекопскую линію, при чемъ П. было поручено, усиливъ свой корпусъ, переправиться черезъ Сивашъ (Гнилое море) прямо въ Крымъ. Это смѣлое и рискованное предпріятіе князь П. исполнилъ очень удачно, разбивъ и обративъ въ бѣгство заградившій ему дорогу 30000 непріятельскій отрядъ. 25-го іюня Перекопъ былъ взятъ русскими войсками, которыя двинулись далѣе, и подъ Кафой, гдѣ непріятель былъ на голову разбитъ, кн. П. первый съ своимъ отрядомъ занялъ непріятельскій ретраншементъ. Послѣ этого, 1-го іюля, онъ получилъ приказаніе двинуться на помощь корпусу генералъ-маіора Броуна, который былъ окруженъ врагами. Узнавъ, по прибытіи къ устью рѣки Малаго Карасу, впадающей въ Большой Карасу, что непріятель отбитъ, князь не пошелъ дальше, а направился, по распоряженію главнокомандующаго, къ Бахчисарою, занявъ всѣ пристани отъ Судака за Перекопскую линію по берегу Чернаго моря. Послѣ покоренія Крыма кн. П. былъ назначенъ командиромъ резервнаго корпуса, расположеннаго по Дону и въ крѣпости Св. Дмитрія Ростовскаго. Скоро ему пришлось опять вернуться въ Крымъ съ войсками для усмиренія взбунтовавшихся татаръ; выступивъ туда 7-го апрѣля 1772 г., онъ, по прибытіи на мѣсто, хотя

и считался состоящимъ подъ начальствомъ генералъ-поручика кн. Щербатова, но, вслѣдствіе его болѣзни, командовалъ и его корпусомъ и пробылъ въ Крыму до августа 1773 г. Дольше онъ не могъ здѣсь оставаться, такъ какъ самъ заболѣлъ и, сдавъ команду, уѣхалъ.

Въ этомъ году (21-го апрѣля) князь былъ произведенъ въ генералъ-поручики. Въ 1774-мъ году кн. П. снова отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ Турціи и участвовалъ съ русскими войсками во многихъ сраженіяхъ и столкновеніяхъ съ непріятелемъ: подъ Шумлой, Рущукомъ, Козлуджи, Енибазаромъ и Кулевчею. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ прекратилъ турецкую войну и далъ возможность кн. П. вернуться въ Петербургъ. За эту кампанію онъ получилъ отъ Императрицы, 10-го іюля 1775 г., золотую шпагу, украшенную алмазами. Въ 1777-мъ году кн. П. опасно заболѣлъ и не могъ дольше нести своихъ служебныхъ обязанностей. Уволенный въ отпускъ, онъ уѣхалъ за границу на два года, на минеральныя воды, а по возвращеніи оттуда былъ командированъ въ Украинскую дивизію подъ начальство фельдмаршала гр. П. И. Румянцова-Задунайскаго.

Безпорядки въ Крыму и возмущеніе татаръ, не желавшихъ признавать возведеннаго Россіей хана Шагинъ Гирея, привлекли снова все вниманіе правительства на тамошнія дѣла. Татары, подъ начальствомъ волновавшаго ихъ Батырь-Гирея, который мечталъ стать ханомъ Крымскимъ, подняли открытое возстаніе. Россіи пришлось снова отправить туда войска для подавленія вооруженнаго сопротивленія. Императрица опять поручила ихъ кн. П., который и разбилъ мятежниковъ на голову, прогнавъ за Кубань и самого Батырь-Гирея съ остатками полчищъ его. Орденъ Георгія 2-ой ст., пожалованный ему 26-го ноября 1778 г., былъ наградой за успѣшное и быстрое умиротворенія края.

13-го іюня 1781 г. кн. П. былъ назначенъ Орловскимъ и Курскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ согласился принять эту должность подъ условіемъ числиться въ спискахъ русской арміи; но эта просьба была оставлена безъ вниманія, и 28-го іюня 1782 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-аншефы «съ выключкой изъ штатнаго армейскаго списка». Кн. П., очень этимъ недовольный, просилъ Императрицу зачислить его по прежнему въ армію, но получилъ отказъ, при чемъ Государыня велѣла ему передать, что производство въ полные генералы онъ долженъ считать за честь. П. хотѣлъ было выйти въ отставку, но, по совѣту друзей, остался и только 21-го декабря 1783 г. былъ уволенъ отъ службы съ сохраненіемъ содержанія. Послѣ этого онъ уѣхалъ въ одну изъ своихъ деревень, посвятивъ себя сельскому хозяйству и безвыѣздно проводя время въ деревнѣ. Шесть лѣтъ пробылъ П. не у дѣлъ; 19-го февраля 1790 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву на мѣсто П. Д. Еропкина, а также сенаторомъ по 5-му Департаменту. Императрица подчинила ему находившіеся въ Москвѣ и ея окрестностяхъ войска, а также войска, расположенныя въ Бѣлоруссіи и Смоленской губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ высшую награду—орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Назначеніе князя П. главнокомандующимъ, несмотря на продолжительную немилость къ нему Императрицы, которая никогда не любила П. за его крутой нравъ, рѣзкость и излишнюю болтливость, не было ни для кого неожиданностью. Смутное время броженія умовъ на Западѣ и первые зачатки, а затѣмъ быстрые успѣхи французской революціи заставили правительство и Императрицу быть особенно бдительными. Екатерина II обратила свое вниманіе на литературу и на разныя тайныя секты и общества, которыя, собственно говоря, не представляли изъ себя ничего опаснаго; но особенно враждебно правительство отнеслось къ возникшему въ 1784 г. обществу мартинистовъ. Придворная партія, окружавшая Императрицу, старалась изобразить въ ея глазахъ мартинистовъ, какъ людей, замышлявшихъ лишить ее престола и видѣть Императоромъ Великаго Князя Павла Петровича, и Императрица стала считать и его сообщникомъ заговора мартинистовъ. Приближенные къ ней лица единогласно указывали Государынѣ на князя П., какъ на человѣка, способнаго подавить нарождающееся опасное вліяніе мартинизма. П. Д. Еропкинъ, человѣкъ очень мягкій, не могъ отвѣчать желаніямъ Правительства, которое хотѣло

суровыми мѣрами искоренить зачатки литературнаго и умственнаго движенія. Еропкинъ былъ уволенъ, — и на его мѣсто назначенъ кн. П., хотя Императрица согласилась на это назначеніе, уступая лишь настойчивымъ совѣтамъ приближенныхъ. Князя П. она не любила и сохранила къ нему свою антипатію до самой смерти, ограничиваясь съ нимъ дѣловой, чисто оффиціальной перепиской. Первымъ распоряженіемъ князя по вступленіи въ должность, по тайному приказанію Императрицы, было увольненіе въ отставку Московскаго губернатора И. В. Лопухина, извѣстнаго масона. Программа, данная П. Императрицей, ясно и точно опредѣляла его обязанности и общій планъ дѣйствій. Первая гроза разразилась надъ А. Н. Радищевымъ, авторомъ извѣстнаго «Путешествія изъ Петербурга въ Москву»: онъ былъ преданъ суду, П.-же было вмѣнено въ обязанность строго слѣдить за книжными лавками и типографіями, а Московскій почтъ-директоръ Пестель въ широкой степени сталъ примѣнять вскрытіе писемъ частныхъ лицъ, преимущественно принадлежавшихъ къ обществу мартинистовъ. Этотъ суровый режимъ продолжался три года, при чемъ князь П. изрѣдка ѣздилъ въ Петербургъ, за полученіемъ инструкцій, и являлся строгимъ исполнителемъ велѣній высшей власти. Въ апрѣлѣ 1792 г. кн. П. былъ занятъ розысками авторовъ «извѣстныхъ пасквилей», полученныхъ въ Петербургѣ многими лицами. Въ приказѣ отъ 13-го апрѣля этого же года кн. П. было поручено сдѣлать обыскъ и строго допросить Н. И. Новикова, къ которому уже давно правительство относилось очень подозрительно. По указу Императрицы у него въ Москвѣ и въ подмосковной были сдѣланы обыски. Князь исполнилъ всѣ указанія Императрицы даже болѣе усердно, чѣмъ того требовали обстоятельства, и обошелся очень круто съ Новиковымъ и его друзьями. Арестованный 22-го апрѣля 1792 г., Новиковъ былъ отправленъ въ Петербургъ и посаженъ въ Шлюссельбургскую крѣпость. Государыня велѣла П. допросить кн. Н. Н. Трубецкого, И. В. Лопухина и И. П. Тургенева, какъ людей, замѣшанныхъ въ дѣлѣ Новикова; такъ закончилось дѣло мартинистовъ, ученіе которыхъ, по мнѣнію П., было имъ окончательно искоренено среди Московскаго общества. Между тѣмъ, французская революція принимала все большіе размѣры и вызывала у насъ все болѣе и болѣе суровыя мѣры. Ничтожныя обстоятельства продажи французскихъ календарей съ новымъ лѣтосчисленіемъ подняли на ноги всѣ Московскія власти; кн. П. конфисковалъ у книгопродавцевъ всѣ полученные экземпляры календарей, при чемъ было строго запрещено впредь выписывать ихъ изъ-за границы. Крутыя мѣры, къ которымъ онъ прибѣгалъ, возбудили противъ князя П. часть русскаго общества; однако, самъ онъ не снискалъ расположенія Императрицы за все время управленія Москвой, и вся переписка съ нимъ государыни, въ отличіе отъ задушевныхъ писемъ ея къ другимъ сановникамъ, носитъ сухой и оффиціальный характеръ. Дневникъ Храповицкаго ясно показываетъ холодное отношеніе къ нему Императрицы, которая смѣялась надъ его «подъяческой» привычкой всюду вставлять слово «сирѣчь», находила что онъ «любитъ много говорить» и вообще относилась къ нему очень недоброжелательно. Въ этомъ отношеніи характерны нѣкоторыя выраженія императрицы по поводу князя П.; такъ, напримѣръ, въ 1791 году, когда Суворовъ и кн. П., передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, откланявшись Императрицѣ, удалились, она замѣтила Храповицкому: «ils sont mieux à leurs places». Въ другой разъ, въ январѣ 1793 г., когда князь П. пріѣхалъ въ Петербургъ, государыня, недовольная его пріѣздомъ, спросила Храповицкаго, знаетъ-ли самъ князь, зачѣмъ онъ пріѣхалъ?— и затѣмъ сама отвѣтила: «онъ пріѣхалъ «сирѣчь» къ наградѣ за истребленіе мартинистовъ».

21-го марта 1795 г. кн. П. былъ уволенъ отъ должности московскаго главнокомандующаго, получивъ при отставкѣ орденъ св. Владиміра I-ой ст. и 12.000 рублей постоянной прибавки къ жалованію, съ назначеніемъ шефомъ Московскаго гренадерскаго полка. Князь оставался затѣмъ не у дѣлъ до конца Екатерининскаго царствованія. Императоръ Павелъ, при вступленіи своемъ на престолъ, назначилъ (24-го ноября 1796 г.) кн. П. командиромъ 1-ой Смоленской дивизіи, переименовавъ его въ генералы-отъ-инфантеріи. Быстрыя перемѣны въ царствова-

ніе Павла были особенно неблагопріятны для кн. П. Командуя 1-ой дивизіей и находясь подъ командой гр. Румянцова, онъ, послѣ смерти фельдмаршала, какъ старшій послѣ него, принялъ начальство надъ арміей въ ожиданіи назначенія преемника Румянцову; но 6-го января 1797 г. былъ неожиданно уволенъ отъ службы съ приказаніемъ жить въ своихъ деревняхъ «за вступленіе въ командованіе не своей части». Только императоръ Александръ I, вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, вызвалъ князя изъ деревни. 12-го декабря 1805 г. кн. П., въ качествѣ старшаго георгіевскаго кавалера, явился къ императору Александру во главѣ депутаціи, представившей ему докладъ Орденской думы о награжденіи государя орденомъ св. Георгія 1-ой ст. Это предложеніе Орденской думы было отклонено государемъ, который не счелъ себя достойнымъ такой высокой награды, согласившись надѣть на себя знакъ 4-й ст. этого ордена. Несмотря на свои преклонныя лѣта, кн. П., въ концѣ 1806 г., былъ назначенъ начальникомъ милиціи 6-ой области по случаю составленія земскаго войска для внутренней службы. Произведенный 30-го августа 1807 г. въ генералъ-фельдмаршалы, П. былъ назначенъ главнокомандующимъ надъ русскими войсками въ Молдавіи, такъ какъ вскорѣ послѣ заключенія Тильзитскаго мира началась война съ Турціей. Уже больной, хотя и бодрый духомъ, престарѣлый фельдмаршалъ, не надѣясь на свои силы, испросилъ къ себѣ въ помощники Кіевскаго военнаго губернатора Кутузова, знаменитаго впослѣдствіи кн. Смоленскаго, котораго онъ называлъ своимъ ученикомъ. Прибывъ на театръ военныхъ дѣйствій, въ столицу Молдавіи Бухарестъ, князь нашелъ русскія войска, отдыхающими по случаю заключеннаго, послѣ смерти Михельсона, Слободзейскаго перемирія и немедленно вступилъ въ переговоры съ верховнымъ визиремъ о строгомъ исполненіи условій перемирія. Визирь уклонялся, однако, отъ строгаго соблюденія условій этого перемирія, не прерывая, впрочемъ, переговоровъ, которые тянулись до конца 1807 г. Обѣ арміи стояли другъ передъ другомъ, раздѣленныя Дунаемъ, а въ это время въ Парижѣ, при посредничествѣ Наполеона, происходили совѣщанія объ окончательныхъ условіяхъ прочнаго мира. Между тѣмъ, въ началѣ 1808 г. срокъ Слободзейскаго перемирія близился къ концу, а объ мирѣ ничего не было слышно. Въ это время съ одной стороны императоръ Александръ, опасаясь плановъ Наполеона объ изгнаніи турокъ изъ Европы, приказывалъ въ письмахъ своихъ къ П. воздерживаться отъ враждебныхъ противъ турокъ дѣйствій, а съ другой стороны, турецкое правительство, видя союзъ и дружбу Франціи съ Россіей, не желало обострять своихъ отношеній съ русскимъ императоромъ и охотно вступило въ мирные переговоры, поручивъ это Мустафѣ-Байрактару, сераскиру Рущукскому, враждебно относившемуся къ Наполеону, приверженцу свергнутаго съ престола турецкаго султана Селима III, находившагося въ заключеніи. Мечтая лишь о собственной карьерѣ и о возведеніи на престолъ Селима III, Байрактаръ съ большой охотой взялся вести мирные переговоры, но, не доведя ихъ до конца, воспользовался перемиріемъ и во главѣ 15.000 корпуса двинулся къ Константинополю съ цѣлью вернуть престолъ Селиму III. Узнавъ о его насильственной смерти, Байрактаръ свергъ съ престола султана и возвелъ брата Селима-Махмуда. Все это, конечно, не могло внушить довѣрія императору Александру, который поручилъ П. открыть военныя дѣйствія тотчасъ, «какъ только турки дадутъ къ этому поводъ». Выступивъ, въ іюнѣ 1808 г., изъ кантониръ-квартиръ и расположившись лагеремъ у селенія Кальены на рѣкѣ Серетѣ (между Браиловымъ и Рымникомъ), онъ отправилъ письмо къ Мустафѣ-Байрактару, спрашивая о его намѣреніяхъ; тотъ немедленно отвѣтилъ, обѣщая и клянясь не начинать военныхъ дѣйствій; между тѣмъ, кн. П., теряя много солдатъ отъ болѣзни и мучась отъ бездѣйствія въ Ковненскомъ лагерѣ, просилъ у Государя разрѣшенія воспользоваться окончаніемъ осени, какъ временемъ, весьма удобнымъ для военныхъ дѣйствій, и отнять отъ турокъ крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная, начиная съ Браилова. Государь, находившійся въ это время въ Эрфуртѣ, гдѣ былъ подписанъ союзный договоръ между Россіей и Франціей, обезпечивавшій Россіи свободу дѣй-

ствій въ Турціи, поручилъ кн. П. самому вести мирные договоры съ Портой безъ всякаго посредства другихъ державъ, требуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы границей между русскими и турецкими владѣніями была рѣка Дунай, при малѣйшемъ же несогласіи предписалъ немедленно начать наступательныя дѣйствія. П. отправилъ своего адъютанта Краснокутскаго къ верховному визирю, который, однако, не могъ дать никакого положительнаго отвѣта, такъ какъ въ столицѣ Турціи въ это время вспыхнулъ мятежъ, и только послѣ его усмиренія новый визирь увѣрилъ Краснокутскаго въ непремѣнномъ желаніи Порты заключить скорѣе миръ, отправивъ для переговоровъ въ Яссы нѣсколькихъ уполномоченныхъ. Дурныя дороги и выпавшіе глубокіе снѣга задержали уполномоченныхъ Турціи, которые прибыли въ Яссы только въ февралѣ 1809 г. Все это были только однѣ проволо́чки, которыя, какъ уже заранѣе было рѣшено, не могли привести ни къ какому благопріятному результату. Турецкое правительство заключило союзъ съ Англіей и, опираясь на него, отказалось пойти на уступки въ мирныхъ переговорахъ съ Россіей. 22-го марта 1809 г. П. объявилъ войскамъ походъ, послѣ чего 80.000 русскихъ выступили съ зимнихъ квартиръ и перешли Дунай. Планъ П. заключался въ быстромъ овладѣніи Браиловымъ, а затѣмъ Тульчею, послѣ чего онъ разсчитывалъ принудить къ сдачѣ крѣпость Измаилъ, поручивъ, между тѣмъ, Милорадовичу взять приступомъ Журжу. Произведенный Милорадовичемъ 24-го марта 1809 г. штурмъ Журжинскихъ укрѣпленій не удался и былъ отбитъ съ большими потерями. Осада Браилова началась 8-го апрѣля, когда къ крѣпости подступилъ главный корпусъ русскихъ войскъ, прибывшій изъ Фокшанъ. Въ теченіе 10 дней П. бомбардировалъ Браиловскія укрѣпленія и въ ночь съ 19-го на 20-е апрѣля произвелъ штурмъ. Страшная рѣзня, продолжавшаяся въ теченіе 8 часовъ, и громадныя потери съ нашей стороны (5000 убитыхъ и раненыхъ) не привели ни къ чему: штурмъ былъ отбитъ, и 7-го мая фельдмаршалъ, огорченный неудачей, снялъ осаду Браилова.

Начавшіяся въ это время осложненія въ Европѣ заставили Государя быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ, и онъ, конечно, не желалъ далѣе продолжать войну съ Турціей; утѣшая П. въ понесенныхъ имъ военныхъ неудачахъ, Государь приказывалъ ему немедленно переправиться обратно за Дунай и постараться привести дѣло къ благопріятному мирному результату. Эти новыя распоряженія заставили П. перемѣнить планъ дѣйствій. Принужденный, въ силу полученнаго приказанія, перейти отъ наступленія къ отступленію, кн. П. оставивъ около Браиловской крѣпости небольшіе отряды, чтобы не бросился въ глаза его отходъ, самъ съ арміей расположился въ Сербешти, такъ какъ время для переправы было еще не особенно удобно вслѣдствіе разлива рѣки. Между тѣмъ у фельдмаршала вышло недоразумѣніе съ генераломъ Кутузовымъ, которому онъ поручилъ найти удобную переправу черезъ рѣку Серетъ. Кутузовъ, руководствуясь указаніями Толля, выбралъ для переправы очень отдаленное мѣсто и сообщилъ объ этомъ кн. П., но послѣдній остался недоволенъ неудачнымъ, по его мнѣнію, указаніемъ переправы и сдѣлалъ выговоръ Толлю, который послѣ этого попросилъ о переводѣ его изъ арміи. Желая себя оправдать, П. написалъ гр. Аракчееву письмо, жалуясь на Толля и на Кутузова, который ему покровительствуетъ. Слѣдствіемъ этого было назначеніе Кутузова Литовскимъ Военнымъ Губернаторомъ. Это пріятное для него извѣстіе П. постарался замаскировать довольно неискуснымъ сожалѣніемъ объ отъѣздѣ Кутузова, прощаясь съ которымъ, онъ жаловался, что остается безъ близкаго себѣ помощника, а послѣ отъѣзда Кутузова говорилъ совершенно обратное. Переправившись 27-го іюля 1809 года черезъ Дунай, П. имѣлъ вслѣдъ затѣмъ нѣсколько столкновеній съ непріятелемъ. Генералъ Зассъ овладѣлъ 31-го іюля Исакчею и 2-го августа Тульчею, а генералъ Платовъ 2-го же августа занялъ Бабадакъ; самъ фельдмаршалъ только 6-го августа переправился черезъ Дунай и расположился противъ Мачинскаго гирла. Въ это время силы уже окончательно покинули князя П., а преклонный возрастъ и сильныя душевныя волненія въ связи съ военными неудачами ускорили развязку. 9-го авгу-

ста 1809 г. въ лагерѣ при устьѣ Мачинскаго гирла кн. П. скончался, въ полной памяти, самъ читая отходную. За нѣсколько часовъ до смерти онъ отправилъ въ Петербургъ курьера, которому на прощаніе сказалъ: «Когда ты будешь представленъ военному министру, а можетъ быть и Государю, объяви, что я умираю,—меня въ то время не будетъ уже на свѣтѣ. Разсказывай, что видѣлъ, лишняго не прибавляй».

Узнавъ о смерти фельдмаршала, Императоръ Александръ 18-го августа 1809 г. назначилъ трехдневный трауръ во всей арміи «въ знакъ признательности полезной отечеству службы кн. П.». Князь Прозоровскій погребенъ былъ, по его желанію, въ Кіево-Печерской Лаврѣ, откуда въ 1816 г. прахъ его былъ перенесенъ въ церковь Св. Александра Невскаго, находящуюся въ Печерской части города, на выѣздѣ къ Васильковской заставѣ.

Со смертію князя Александра Александровича угасъ древній родъ князей П. Послѣ него остались двѣ дочери—Елизавета и Анна; изъ нихъ вторая вышла замужъ за кн. Ѳ. С. Голицына и ея сыну, кн. А. Ѳ. Голицыну, разрѣшено было именоваться кн. Голицынымъ-Прозоровскимъ.

Жена князя А. А. Прозоровскаго, *Анна Михайловна*, рожд. кн. Волконская (род. 28-го іюня 1747, умерла 29-го сентября 1824 г.), въ коронацію Императора Александра I (15-го сентября 1801 г.) была пожалована въ статсъ-дамы и награждена бантомъ ордена св. Екатерины, а 18-го апрѣля 1809 г.—тѣмъ-же орденомъ 1-го класса. Она сопровождала Императрицу Елизавету Алексѣевну въ поѣздкѣ за-границу и, по возвращеніи въ Петербургъ, получила отъ нея медальонъ съ ея портретомъ, украшенный брилліантами.

Формулярный списокъ о службѣ (14-го января 1775 г.); «Военный Сборникъ» 1868 г., № 7, 8, 9, 11 и 1864 г., № 4—9; «Русская Бесѣда» 1858 г., кн. X—XII; Бантышъ-Каменскій, «Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ» 1840 г., ч. III; «Орловскія губернскія вѣдомости» 1872 г., № 33—105; «Губернскій служебникъ», кн. Н. Н. Туркестанова, С.-Пб. 1869 г., стр. 117; «Историческое обозрѣніе списковъ кавалеровъ Императорскихъ орденовъ», Бантышъ-Каменскаго, Москва. 1814 г., стр. 125, 220, 306; «Въ память столѣтняго юбилея ордена Св. Георгія», Степанова и Григоровича, С.-Пб. 1869 г., стр. 3, 8; «Капище моего сердца», кн. И. Долгорукова; Словари: Бантышъ-Каменскаго, Ровинскаго, Зедделера; Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», изд. 1847 г. т., II, прилож. стр. 46; «Списки Карабанова», стр. 7, 26, 83, 94; «Воен. Энциклопедическій лексиконъ», Т. X, стр. 624; Старчевскій, «Энциклопедическій словарь», Т. IX, стр. 315; «Россійскій гербовникъ», Т. I, стр. 11; Кн. П. В. Долгоруковъ, «Россійская родословная книга» Т. I, стр. 192; «Дневникъ А. В. Храповицкаго», С.-Пб. 1874 г., стр. 564; М. Н. Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты»; Михайловскій-Данилевскій, «Описаніе Турецкой войны», изд. 1843 г., Часть I, стр. 121; «Русская Старина» 1874 г., т. IX, стр. 57—72, 258—276; 465—472; 1876 г., т. XVI, стр. 65; «Русскій Архивъ» 1866 г., стр. 73—75; 1872 г., стр. 533—534, 566—567, 574.

Б. Алексѣевскій.

Прозоровскій, князь *Александръ Ивановичъ*, сынъ князя *Ивана Андреевича*, по прозванію *Пуговицы*. Въ 1563 г. былъ осаднымъ воеводой въ Полоцкѣ, въ 1564—65 г.г.—воеводой передового полка, въ 1565 г. воеводой въ Полоцкѣ отъ литовской украйны «въ другомъ городѣ за Палатою», а затѣмъ—сторожевого полка въ Серпуховѣ. Въ 1566 г. онъ былъ однимъ изъ поручителей по тѣмъ боярамъ, которые ручались за кн. Мих. Ив. Воротынскаго о невыѣздѣ его изъ Московскаго государства; въ случаѣ несостоятельности поручителей на его долю падала уплата 200 рублей. Въ томъ же году кн. П. подписался подъ граматой о продолженіи войны съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ. По словамъ кн. Курбскаго, кн. П. былъ «погубленъ», т. е. убитъ Іоанномъ Грознымъ. У него остались два сына: кн. *Василій* и кн. *Андрей*, отъ которыхъ и продолжался родъ кн. П. до 1860-хъ годовъ, когда умеръ послѣдній кн. П., *Александръ Петровичъ*.

«Др. Росс Внвл.», XIII, 334, 366, 381; «Акты ист.», I, 322; «Собр. гос. гр. и дог.», I, 538, 541, 543, 549; «Акты Арх. Экп.», I, с. 289—297; «Спнб. Сборн.», 7, 8, 10, 12, 13, 16, 17; Долгоруковъ, «Росс. род. кн.», I, стр. 190; «Сказанія кн. Курбскаго», изд. Устрялова, стр. 85; Д. А. Корсаковъ, «Меря и Ростовское княжество», Казань. 1872, стр. 203.

В. Корсакова.

Прозоровскій, князь *Алексѣй Петровичъ*, сынъ князя *Петра большого Семеновича*. Въ 1682—90 г.г. онъ былъ кравчимъ, а въ 1690 г. бояриномъ. Сохранились извѣстія о его воеводствѣ на двухъ крайнихъ пунктахъ Россіи: въ Азовѣ (1697—1699 г.) и на Сѣверной Двинѣ (1700—1701 г.г.). Въ 1699 г. кн. П. заблаговременно далъ знать Муртазѣ-пашѣ Керченскому и Кафинскому, что царь

Петръ В. отправляетъ въ Константинополь моремъ чрезвычайнаго посланника Украинцева, для окончательныхъ мирныхъ переговоровъ съ Турціей. Весной 1701 г., будучи Двинскимъ воеводой, кн. П. получилъ царскую грамату объ укрѣпленіи Архангельска и Холмогоръ, такъ какъ Петръ В. предполагалъ, что лѣтомъ можетъ произойти нападеніе на нихъ шведовъ. На о. Бревеникѣ, въ 15 верстахъ отъ Архангельска, повелѣвалось построить каменную крѣпость Ново-Двинку, по чертежу, утвержденному государемъ. Для строенія крѣпости былъ присланъ изъ Москвы инженеръ Резе. Въ іюнѣ 1701 г. кн. П. и архіепископъ холмогорскій Аѳанасій, съ соловецкимъ архимандритомъ Ѳирсомъ, съ двумя игуменами и двумя протоіереями, приплыли къ о. Бревенику и положили основаніе крѣпости Ново-Двинки, которая была достроена лишь четыре года спустя воеводой Ржевскимъ. Между тѣмъ, въ Москвѣ было получено донесеніе, что шведскій комиссаръ въ Гельзинерѣ ищетъ штурмановъ къ Архангельску на четыре шведскихъ корабля, какъ будто бы для китоловной экспедиціи въ Гренландію. Получивъ это донесеніе, царь послалъ кн. П. грамату, чтобы были приняты мѣры предосторожности. Когда въ Архангельскѣ наступило время ярмарки и пришло множество англійскихъ и голландскихъ кораблей съ товарами, кн. П. не замедлилъ принять мѣры осторожности: въ Архангельскѣ и другихъ мѣстахъ поставлены баттареи; въ Ново-Двинку посланы солдатскіе головы съ 200 вооруженныхъ солдатъ; старыя Двинскія устья, Мурманское и Пудожемское засыпаны землею, перебиты сваями и обставлены 20 пушками; у Архангельской пристани приготовлено шесть брандеровъ, съ пришедшихъ на ярмарку англійскихъ и голландскихъ кораблей взяты ружья, порохъ, свинецъ и розданы служилымъ и торговымъ безоружнымъ людямъ. Едва кн. П. приготовился къ оборонѣ, какъ 20-го іюня вечеромъ пришла на Двинское Березовское устье шведская эскадра, подъ англійскимъ и голландскимъ флагами, и стала на якорѣ противъ Мудьюгскаго острова. На слѣдующее утро сторожевой капитанъ этого острова, принявъ стоявшія суда за торговыя, отправился со своею командою для досмотра товаровъ; шведы встрѣтили ихъ съ честью, но какъ только они взошли на корабль, всѣхъ захватили въ плѣнъ. Вечеромъ два шведскихъ фрегата и одна яхта, подъ англійскими и голландскими флагами, прошли Березовское устье и появились въ Малой Двинкѣ. Послѣ долгаго ожесточеннаго боя передъ батареей Ново-Двинки, шведы были принуждены покинуть одинъ изъ своихъ фрегатовъ и яхту, попавшіе на мель, и выйти на уцѣлѣвшемъ фрегатѣ въ море. Кн. П. распорядился вынуть изъ воды фрегатъ и яхту и привести ихъ въ Архангельскъ съ опущенными флагами; на нихъ найдено, между прочимъ: лять знаменъ, тринадцать пушекъ и большое количество ядеръ. Вторично шведская эскадра уже не рѣшилась напасть на Архангельскъ и ограничилась тѣмъ, что разорила на Мудьюгскомъ островѣ караульныя избы, а на р. Куѣ сожгла около двадцати дворовъ Куйскаго соляного промысла, принадлежавшаго Соловецкому монастырю. Получивъ отъ кн. П. донесеніе объ этомъ, Петръ В. писалъ Ѳ. М. Апраксину: «Зѣло чудесно!... Симъ нечаемымъ счастіемъ поздравляю васъ. Гдѣ чего не чаяли, Богъ далъ».

О службѣ кн. П. болѣе ничего неизвѣстно, но есть нѣкоторыя свѣдѣнія о его земельныхъ владѣніяхъ: въ 1678—79 г.г. за нимъ значились вотчины: сельцо Жданское, въ Моск. у., и помѣстная и вотчинная земля въ с. Исаковѣ, Ростовскаго стана. Въ 1684 г. ему и его брату князю *Василію Петровичу* была отдана вотчина ихъ отца въ Епифанскомъ у., въ с. Судаковѣ съ деревнями, которою раньше владѣли: кн. Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, женатый на ихъ родной теткѣ, княжнѣ Евдокіи Сем. Прозоровской, и кн. Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій.

«Указат. къ бояр. книгъ»; «Полн. Собр. Зак.», II, 635; «Опис. док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст.», I, 1462, II, 3399; Устряловъ, «Исторія Петра В.», III, стр. 23, 281; т. IV, ч. I, стр. 22—23, т. IV, ч. II, стр. 100—104

В. Корсакова.

Прозоровскій, князь *Андрей Ивановичъ* (въ XVII колѣнѣ отъ Рюрика), сынъ князя *Ивана Ѳеодоровича*, былъ удѣльнымъ княземъ Прозоровскаго княжества, а въ 1508 г. перешелъ въ служилые князья. Княжество Прозоровское выдѣлилось изъ Моложскаго княжества

и получило названіе по своему центральному селенію—Прозорову.

Долгоруковъ, Росс. родосл. книга, т. I, стр. 190; А. В. Экземплярскій, т. II, стр. 110.

В. Корсакова.

Прозоровскій, князь *Борисъ Ивановичъ*, бояринъ; сынъ боярина князя *Ивана Семеновича*, младшій братъ боярина князя *Петра Ивановича*; родился около 1654 г. Съ 1668 по 1670 годъ, во время воеводства отца своего въ Астрахани, находился при отцѣ и матери вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Борисомъ меньшимъ Ивановичемъ. Въ 1670 г., въ годъ взятія Астрахани Стенькою Разинымъ и казни отца, князю Борису Ивановичу было 16 лѣтъ. Передаютъ разсказъ о смѣломъ и умномъ отвѣтѣ его Разину. 13-го іюля Разинъ собирался уже оставить взятую имъ и, послѣ смерти воеводы князя И. С. Прозоровскаго, разграбленную Астрахань, какъ, вспомнивъ, что у воеводы были богатства, велѣлъ позвать старшаго изъ его сыновей, надѣясь отъ него вывѣдать о деньгахъ. Когда привели кн. Бориса Ивановича, Разинъ спросилъ его: «Гдѣ таможенныя деньги, что собирались въ Астрахани съ торговыхъ людей? Твой отецъ или завладѣлъ ими, или промышлялъ?» Молодой князь сказалъ, что отецъ его «никогда этими деньгами не корыстовался», и въ доказательство своихъ словъ разъяснилъ порядокъ слѣдованія таможенныхъ денегъ и прибавилъ, что оставшіяся средства пошли на жалованье служилымъ людямъ, а личное имущество отца было разграблено при взятіи города. По возвращеніи съ матерью въ Москву, въ 1672 году, кн. Бор. Ив. Прозоровскій сдѣланъ былъ стольникомъ, а въ 1674 году сталъ «комнатнымъ» стольникомъ царевича Ѳеодора Алексѣевича. Въ 1675 году, въ концѣ іюня, кн. П. получилъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ, княземъ Петромъ, отпускъ въ вотчину на богомолье. Въ 1689 г. въ званіи комнатнаго стольника онъ участвовалъ въ Земскомъ Соборѣ, созванномъ по вопросу объ уничтоженіи мѣстничества, и подпись его находится подъ «соборнымъ дѣяніемъ». Это было въ январѣ 1682 года, а въ день смерти царя Ѳеодора (27-го апрѣля) въ томъ же году мы видимъ его уже бояриномъ. Назначенный «дневать и ночевать у гроба государя», кн. Борисъ, однако, не могъ явиться по болѣзни. Вѣроятно, онъ былъ сдѣланъ бояриномъ въ промежутокъ времени между Соборомъ и смертью царя и тогда же былъ назначенъ въ Приказъ Большого Дворца. Въ періодъ двоецарствія Іоанна и Петра Алексѣевичей онъ постоянно сопровождалъ царя Іоанна по богомольямъ. Въ 1692 году онъ былъ назначенъ воеводою въ Великій Новгородъ, гдѣ пробылъ до марта 1697 года. Въ маѣ (11-го) вышелъ указъ писать въ граматахъ князя Бориса «ближнимъ бояриномъ». Въ 1697 году онъ былъ въ Москвѣ, а въ 1698 году царь Петръ Великій вызвалъ его къ себѣ въ Воронежъ. Причина вызова, однако, осталась неизвѣстною. Имя князя Бориса встрѣчается въ «спискѣ бояръ» еще въ 1705 году.

«Акты Истор.», т. V, стр. 367, 397; «Доп. къ Акт. Истор.», т. X, стр. 35, 61, 77, 126, 127, т. XI, стр. 248; т. XII, стр. 48, 49, 370, 386, 387; «Собр. Госуд. Грам. и Догов.», т. IV, стр. 409; «Сборникъ Муханова», стр. 555; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-е, кн. XIV, ч. VII, стр. 121; кн. XVII, ч. XV, стр. 454; кн. XX, ч. IV, стр. 422; «Пам. Дипл. Сношѳ.», т. VIII, стр. 475, 498, 500; «Дворцовые Разряды», т. III, стр. 1114, 1494, 1638; т. IV, стр. 211, 242, 257, 312, 321, 368, 390, 402, 407, 414, 419, 423, 425, 435, 446, 506, 510, 554, 557, 586, 590, 592 (прим.) 792; И. Голиковъ, «Дѣянія Петра Вел.», изд. 2-ое, т. XIII, стр. 223; т. XIV, стр. 11; Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки»; «Бумаги и письма Петра Великаго», т. I, стр. 279, 767; т. II, стр. 530, 532; П. Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ».

Н. В—н—въ.

Прозоровскій, князь *Василій Ивановичъ*, сынъ князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, по прозванію *Пуговицы*; въ 1584 г. былъ намѣстникомъ въ Черниговѣ и отразилъ нападеніе литовцевъ, взявъ знамя пана Яна Сапѣги. За эту побѣду кн. П. и второй воевода Ѳома Третьяковъ получили отъ царя Іоанна по золотому. Въ 1566 г. онъ подписался подъ граматой о продолженіи войны съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ. Кн. П. былъ убитъ, по приказанію царя Іоанна Грознаго, своимъ роднымъ братомъ кн. Никитой Ивановичемъ, котораго кн. Курбскій называетъ «безумнымъ».

«Др. Рос. Вивл.», т. XIII, стр. 349, 355, 356, 363; «Сказанія кн. Курбскаго», изд. Устрялова, стр. 126; Карамзинъ, т. IX, стр. 41; «Собр. гос. гр. и дог.», т. I, стр. 549; Долгоруковъ, «Русск. родосл. кн.», т. I, стр. 190.

В. Корсакова.

Прозоровскій, князь *Василій Петровичъ*, бояринъ; сынъ боярина князя Петра Большого Семеновича Прозоровскаго. Со званіемъ стряпчаго упоминается подъ 1658 г. въ «Боярскихъ книгахъ», а около 1664 г. сдѣлался стольникомъ. Въ періодъ времени съ 1664 по 1674 г. неоднократно стоялъ рындою при государѣ во время пріема пословъ, а во время стола, послѣ пріема, присутствовалъ въ качествѣ чашника. Чашничалъ онъ и у патріарха. Нѣсколько разъ государь отправлялъ его и къ посламъ «со столомъ». Въ 1669 году кн. П. Ѣздилъ провожать патріарха Александрійскаго Паисія, въ 1670 году «дневалъ и ночевалъ» у гроба царевича Алексѣя Алексѣевича. Въ 1674 году онъ «смотрѣлъ въ кривой столъ» во время государева стола, а вскорѣ и въ «большой столъ». Въ 1675 году (6-го января) онъ былъ посланъ Посольскимъ Приказомъ «на встрѣчу полномочнымъ посламъ, князю Н. И. Одоевскому съ товарищами «на встрѣчу и о здоровьѣ спрашивать». При торжественной встрѣчѣ Кизильбашскихъ пословъ (13-го января того же года) находился въ «выборной сотнѣ стольниковъ». Въ томъ же году, 9-го мая, былъ назначенъ старшимъ товарищемъ къ боярину кн. А. А. Голицыну въ Кіевъ, но 13-го мая былъ замѣненъ кн. Я. В. Хилковымъ. Въ 1682 году, 29-го іюня, возведенъ былъ въ санъ боярина и затѣмъ неоднократно назначался слѣдовать съ другими боярами за царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ въ его походахъ на богомолье. Его имя упоминается въ «Боярскихъ книгахъ» еще подъ 1687 годомъ.

«Доп. къ Акт. Истор.», т. V, стр. 144; «Пам. Дипл. Сношн.», т. V, стр. 105, 129, 152, 154, 155—161, 345; т. VI, стр. 433, 434, 492; т. VII, стр. 715; т. IX, стр. 797, 800, 801; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», кн. VII, ч. VIII, стр. 481, 483; кн. XIV, ч. V, стр. 69, 78, 87; «Дворцовые разряды», т. III, стр. 557, 559, 566, 588, 589, 898, 940, 944, 952, 972, 979, 1000, 1028, 1029 (прим.), 1030, 1031, 1033 (прим.), 1048, 1170, 1193, 1220, 1221, 1232, 1377, 1385, 1450, 1625; «Доп.» къ III т., стр. 413; т. IV, стр. 96, 211, 242, 268, 285, 288, 305, 311, 325, 347, 353, 369; П. Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ». *Н. В—н—въ.*

Прозоровскій, князь *Иванъ Семеновичъ*, бояринъ, старшій сынъ боярина князя Семена Васильевича. Будучи стольникомъ, участвовалъ въ Русско-Польской войнѣ 1632—1633 г. Въ ноябрѣ 1633 года отецъ его выслалъ его вмѣстѣ съ кн. Дан. Несвицкимъ съ передовымъ отрядомъ для осады города «Бѣлой», самъ же подступалъ съ главными ратными силами. Князь Иванъ съ товарищемъ взялъ у непріятеля главный острогъ, побилъ много людей, многихъ взялъ въ плѣнъ и принудилъ горожанъ сѣсть въ осадѣ въ городѣ. Къ этому времени подошелъ самъ князь Семенъ Васильевичъ и принудилъ городъ сдаться. Въ періодъ времени съ 1635 г. по 1656 г. кн. Иванъ неоднократно былъ рындою при пріемѣ пословъ, служилъ на торжествахъ при столѣ государевомъ вмѣстѣ съ другими стольниками, которые должны были «ѣсть ставить» предъ государемъ; иногда посылался со столомъ отъ Государя къ посламъ. Съ 1647 г. сталъ «смотрѣть» сначала въ «кривой», а затѣмъ въ «большой столъ», а въ 1656 году нѣсколько разъ былъ назначенъ «подчивать» патріарховъ и грузинскаго царевича, гостившихъ у Государя, а также царевичей Сибирскихъ, «дневалъ и ночевалъ» у гроба царевича Ивана Михайловича и въ томъ же году участвовалъ въ погребеніи царевича Василія Михайловича. Въ 1642 году, по «Крымскимъ вѣстямъ», былъ назначенъ полковымъ воеводой въ большой полкъ въ Переяславль-Рязанскій. Въ ночь на 13-е іюля 1645 года скончался царь Михаилъ Ѳедоровичъ, и новый царь тотчасъ разослалъ по разнымъ городамъ ближнихъ государевыхъ людей для приведенія къ присягѣ жителей, при чемъ въ Астрахань былъ посланъ съ дьякомъ К. Жоховымъ князь Ив. Сем. Прозоровскій. Помимо Астрахани, онъ долженъ былъ привести къ присягѣ жителей всѣхъ Понизовыхъ городовъ. Кромѣ того, онъ былъ посланъ и на Терекъ. Въ 1646 году онъ былъ полковымъ воеводою въ большомъ полку на Тулѣ, а въ 1648 гоуу отозванъ къ Москвѣ. Въ 1648 году находился въ числѣ поѣзжанъ на первой свадьбѣ Алексѣя Михайловича и на свадебномъ пиру на третій день «смотрѣлъ въ большой столъ». Въ 1654—1655 году принималъ участіе въ русско-польской войнѣ изъ-за Малороссіи и, во время похода Государя на Смоленскъ, сначала былъ въ государевомъ полку есауломъ и головою у сотни дворянъ, а въ 1655 году сталъ полковымъ воево-

дою, товарищемъ главнаго воеводы кн. Я. К. Черкасскаго. Когда въ мартѣ 1655 года Государь пошелъ изъ Вязьмы въ Смоленскъ, то воеводы, а въ томъ числѣ и кн. П., ожидали царя въ Смоленскѣ. Въ іюлѣ того же (1655) года онъ былъ въ Вильнѣ, которую бралъ вмѣстѣ съ кн. Я. К. Черкасскимъ. Взявъ Вильну, воеводы 8-го августа взяли и Ковно. Въ 1656 году кн. П. принималъ участіе въ Шведской войнѣ, будучи опять въ большомъ полку съ кн. Я. К. Черкасскимъ. Походъ былъ объявленъ 20-го іюня. Послѣ взятія Кукенгузена и Динабурга, приступлено было къ осадѣ Риги; во время одной вылазки, воеводами было сдѣлано нападеніе, при чемъ многіе были побиты, другіе же взяты въ плѣнъ. Получивъ это извѣстіе, Государь отправилъ въ полкъ къ воеводамъ благодарить «за службу съ своимъ государевымъ жалованіемъ, съ милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивать». По заключеніи перемирія, на возвратномъ пути изъ похода, находясь въ гор. Вязьмѣ, Государь возвелъ кн. П., 21-го декабря 1656 г., въ званіе боярина, а по возвращеніи въ Москву назначилъ его (въ янв. 1657 г.) бояриномъ во Владимірскій Судный Приказъ. Съ 1657 по 1667 года кн. П. много разъ былъ оставляемъ на Москвѣ во время отсутствія Государя и часто былъ приглашаемъ къ торжественному государеву столу, кромѣ того, много разъ участвовалъ въ торжественныхъ крестныхъ ходахъ по Москвѣ и въ торжественныхъ встрѣчахъ пословъ. Въ 1658 году, 23-го апрѣля, вышелъ указъ кн. П. отправиться, съ титуломъ намѣстника Тверскаго, на «съѣздъ» о мирномъ постановленіи со Шведами. «Изъ-за мѣстъ» съѣзды начались лишь 17-го ноября, и хотя главнымъ посломъ былъ бояр. Прозоровскій, однако душою съѣзда былъ второй посолъ А. Л. Ордынъ-Нащокинъ, благодаря дипломатическому таланту котораго было заключено перемиріе. 26-го декабря 1658 года отъ кн. Прозоровскаго присланъ былъ къ Государю вѣстникъ о заключеніи договора, въ отвѣтъ на что Государь послалъ стольника кн. Ѳ. Ник. Борятинскаго къ посламъ «за службу съ государевымъ жалованьемъ, милостивымъ словомъ и о здравьѣ спрашивать». Въ январѣ 1659 года послы прибыли къ Москвѣ, а 3-го февраля были приглашены къ торжественному столу государеву, по окончаніи котораго за посольскую службу получили награды; кн. Прозоровскій получилъ атласную золотую шубу, кубокъ, да къ прежнему окладу придачи 100 рублей, да на вотчину 6000 ефимковъ. Когда стало истекать трехлѣтіе, на которое было заключено перемиріе, Государь въ 1661 году опять послалъ на съѣздъ прежняго посла, боярина и намѣстника Тверскаго кн. П.; переговоры окончились заключеніемъ мирнаго договора «на вѣчныя времена», и 21-го іюля послы прибыли къ Москвѣ. Хотя миръ, заключенный Прозоровскимъ, былъ не выгоденъ для русскихъ (вся завоеванная часть Ливоніи уступалась обратно), но онъ развязывалъ руки для операцій въ заволновавшейся Малороссіи. Приглашенные къ торжественному государеву столу (15-го сент.), послы были награждены, при чемъ, помимо шубы и кубка, Прозоровскій получилъ опять придачи къ прежнему окладу 100 рублей, да на вотчину 9000 ефимковъ. По возвращеніи въ Москву, кн. П. опять получилъ назначеніе быть бояриномъ во Владимірскомъ Судномъ Приказѣ. Въ 1662 г., въ февралѣ, вышелъ указъ кн. Прозоровскому отправиться 2-мъ полномочнымъ посломъ на съѣздъ съ польскими коммисарами для заключенія мира, но польскіе коммисары на съѣздъ не явились, и въ февралѣ 1663 года Государь указалъ отозвать пословъ изъ Смоленска, а въ іюнѣ велѣно было собираться воеводамъ для войны съ Польшею, при чемъ кн. Прозоровскому указано было быть товарищемъ воеводы кн. Я. К. Черкасскаго. Въ томъ же 1663 году (5-го авг.) князь П. опять былъ назначенъ во Владимірскій Судный Приказъ, а въ 1667 году посланъ воеводою (товарищами его были: братъ его кн. Михаилъ Семеновичъ да стольникъ кн. Семенъ Ивановичъ Львовъ) въ Астрахань, около которой возгорался мятежъ, извѣстный подъ именемъ «бунтаСтеньки Разина»; для дѣйствій противъ послѣдняго и былъ посланъ князь П., на смѣну воеводы кн. Хилкова. На пути изъ Саратова въ Астрахань кн. Прозоровскій отправилъ отъ себя къ Разину, для переговоровъ, двухъ посланцевъ, но Разинъ одного изъ нихъ убилъ, а другого

отослалъ обратно къ Прозоровскому. Весною 1668 года Разинъ спустился къ Каспійскому морю, чтобы напасть на Персію и, казалось, Нижнее Поволожье освободилось отъ его шаекъ, но возникали другія партіи, стремившіяся пробраться къ своему атаману. Съ Дона поднимались и переходили на Волгу все новыя шайки, на Яикѣ тоже не было спокойно. Посланный кн. Прозоровскимъ для успокоенія Яика стрѣлецкій голова Богданъ Сахмышевъ былъ утопленъ мятежниками. Но ни одна шайка не была такъ серьезна, какъ шайка Сережки Кривого, вѣрнаго друга Разина. Противъ него кн. Прозоровскій выслалъ письменнаго голову Гр. Авксентьева, который застигнулъ его ниже Краснаго Яру, но былъ разбитъ мятежниками, которымъ удалось соединиться съ Разинымъ. Продолжительное отсутствіе Разина дало Прозоровскому возможность обдумать планъ дѣйствій. Въ августѣ 1669 г. пришло извѣстіе, что казаки возвращаются на Волгу, и Прозоровскій послалъ противъ «воровъ» своего второго «товарища» князя Львова съ 4000 вооруженныхъ стрѣльцовъ. Казаки достигли уже устья Волги и заложили станъ на островѣ «Четырехъ Бугровъ», но, испугавшись царскаго войска, бѣжали въ море; Львовъ со своей флотиліей преслѣдовалъ Разина, гналъ его верстъ съ 20 и затѣмъ послалъ къ нему милостивую царскую грамату,—о прощеніи въ случаѣ сдачи. Мятежники согласились на всѣ условія и выслали двухъ казаковъ, которые приняли присягу за все войско. 25-го августа Разинъ былъ принятъ Прозоровскимъ, просилъ у него позволенія отпустить его на Донъ и отправить шестерыхъ выборныхъ казаковъ просить лично у Государя помилованія («добить ему, Государю, челомъ и головами своими»). Затѣмъ Разинъ поднесъ кн. Прозоровскому, какъ главному воеводѣ, богатые «поминки» изъ дорогихъ персидскихъ тканей. Разинъ вскорѣ же сумѣлъ подчинить своему вліянію воеводъ, и они не гнушались вести дружбу съ разбойникомъ, которому только что дано было помилованіе. Воеводы каждый день то звали его къ себѣ, то отправлялись къ нему, пили и ѣли съ нимъ, проводили время въ бесѣдахъ и охотно принимали отъ Разина подарки.

4-го сентября 1669 года Разинъ съ казаками спокойно двинулся изъ Астрахани на Донъ. Прозоровскій далъ инструкцію воеводамъ тѣхъ городовъ, мимо которыхъ они должны были проходить, не продавать имъ вина и не впускать въ города. Когда Разинъ дошелъ до Царицына, то воеводы не смогли сдержать его, и онъ вошелъ въ городъ, чуть не убилъ воеводу, выпустилъ изъ тюремъ колодниковъ и открылъ кабаки. Многіе пристали къ Разину. Узнавъ объ этомъ, Прозоровскій отправилъ къ нему посланца, нѣмца Видероса, который, прибывъ къ Разину, потребовалъ, съ угрозами, чтобы онъ, подъ опасеніемъ царской немилости, немедленно отпустилъ отъ себя всѣхъ лишнихъ людей, къ нему приставшихъ, но Разинъ въ гнѣвѣ закричалъ на него и заявилъ, что онъ не выдастъ приставшихъ къ нему «ради любви и пріятства», сталъ поносить воеводу, обѣщая съ нимъ свидѣться и разсчитаться. Правительство не было довольно распоряженіями Прозоровскаго, но онъ оправдывался тѣмъ, что поступалъ согласно прежнимъ примѣрамъ и съ совѣта митрополита Астраханскаго Іосифа. Это происходило въ сентябрѣ 1669 года, а въ апрѣлѣ 1670 года Разинъ уже подступилъ къ Царицыну. Посланные изъ Москвы 1.000 чел. стрѣльцовъ были Разинымъ разбиты и перехвачены. Когда вѣсть объ этомъ достигла Астрахани, она произвела тамъ смятеніе; однако Прозоровскій принялся энергично за работу: онъ собралъ всѣ старыя суда, денно и нощно строилъ новыя, вооружалъ ихъ пушками и посадилъ на нихъ 2.600 стрѣльцовъ и 500 вольныхъ людей. Флотилія эта, подъ начальствомъ кн. Львова, была послана противъ Разина къ Царицыну (25-го мая 1670 г.). Какъ только у Чернаго Яру показались суда Разина, астраханскіе стрѣльцы на судахъ взволновались и связали начальныхъ людей. Узнавъ объ этомъ, кн. Прозоровскій понялъ, что предстоитъ осада Астрахани, и приступилъ къ укрѣпленію города. Не надѣясь на стрѣльцовъ, выражавшихъ открыто свои симпатіи Разину, и желая привлечь къ себѣ хоть иноземцевъ, онъ позвалъ служившаго у него нѣмца Бутлера (15-го іюня) обѣдать, одарилъ его, а затѣмъ просилъ каждый день

приходить къ нему. Когда стрѣльцы стали жаловаться на то, что имъ не выплачено жалованье, Прозоровскій приказалъ выдать его изъ своихъ денегъ, и стрѣльцы подъ присягой обѣщались (18-го іюня) служить вѣрно. Въ тотъ же день (18-го іюня) Прозоровскому донесли, что Разинъ съ мятежниками уже подъ городомъ и остановился на «Жаренныхъ Бугрохъ». Отсюда Разинъ прислалъ двоихъ людей для переговоровъ о капитуляціи города, но Прозоровскій въ гнѣвѣ велѣлъ схватить обоихъ, одному отсѣчь голову, а другого, въ виду того, что онъ былъ духовнаго званія (священникъ), посадить въ тюрьму и заклепать ротъ. Затѣмъ Прозоровскій приказалъ заложить кирпичемъ городскія ворота. На слѣдующій день, по приказанію воеводы, былъ подожженъ такъ назыв. «Зеленый городъ», или татарская слобода, у рѣчки Кривуши, покрытый сплошь виноградными садами. Сдѣлано это было для того, чтобы мятежники не могли имѣть пристанища подъ стѣнами города. Вечеромъ 21-го іюня казаки съ Разинымъ пошли на приступъ. Воевода, его братъ и товарищъ воеводы кн. Михаилъ Прозоровскій и прочіе выѣхали на встрѣчу врагу, по направленію къ Вознесенскимъ воротамъ, гдѣ Прозоровскій ожидалъ главнаго натиска. Наступила глубокая ночь. Казаки пустились на хитрость: самъ Разинъ стоялъ и бился у Вознесенскихъ воротъ, и, казалось, стрѣльцы выказывали чудеса храбрости; однако, въ другой части города была иная картина: сами осажденные подавали руки казакамъ, помогая имъ влѣзать. Прозоровскій, сосредоточившій все свое вниманіе на жаркомъ бою у Вознесенскихъ воротъ, не досмотрѣлъ, что̀ дѣлалось въ другомъ мѣстѣ. Неожиданно для него вдругъ раздалось 5 выстрѣловъ изъ пушки (что обозначало «сдачу города» или, какъ называли тогда, «ясакъ»). За этимъ сигналомъ чернь, давно сочувствовавшая Разину, принялась бить всѣхъ, кто былъ знатнѣе или выдѣлялся богатствомъ. Самъ кн. Прозоровскій былъ раненъ копьемъ въ животъ и упалъ съ боевой лошади, но былъ схваченъ однимъ изъ своихъ холоповъ и принесенъ въ соборную церковь, князь же Михаилъ Прозоровскій погибъ въ самой битвѣ. Митрополитъ Іосифъ, какъ вѣрный другъ Прозоровскаго, поспѣшилъ въ церковь и со слезами бросился къ воеводѣ, утѣшалъ его и причастилъ Св. Таинъ. Затѣмъ, въ церковь стали сбѣгаться всѣ, кто хотѣлъ спастись тамъ или проститься съ воеводою, но и сюда вскорѣ пробрались мятежники, взяли раненаго воеводу, унесли его и положили на голую землю подъ раскатомъ, гдѣ онъ пролежалъ всю ночь (на 22-е іюня). Въ 8 часовъ утра явился Разинъ, чтобы произвести судъ; говорятъ, онъ повелъ Прозоровскаго на раскатъ, гдѣ они стали рядомъ; видно было, какъ Разинъ сказалъ что-то П. на ухо, но тотъ отрицательно покачалъ головою, и тогда Разинъ столкнулъ П. съ раската.

Жена князя И. С. Прозоровскаго—княгиня *Прасковья Ѳеодоровна*—была дочерью печатника Ѳедора Ѳедоровича Лихачева; замужъ она вышла въ 1643 году и въ декабрѣ 1656 г. была пожалована въ боярыни; въ 1667 году она сдѣлалась верховной боярыней Московскаго двора, но во второй половинѣ того же года, послѣ назначенія мужа главнымъ воеводою въ Астрахань, уѣхала туда съ двумя малолѣтними дѣтьми и находилась тамъ во все время воеводства мужа. Послѣ взятія и разгрома Астрахани и смерти супруга, оставшись вдовою, кн. Прасковья Ѳеодоровна скрывалась съ двумя младшими сыновьями, (двумя Борисами, 16 и 8 лѣтъ) въ кельяхъ митрополита Іосифа, бывшаго вѣрнымъ другомъ ея мужа. Изъ рукъ ея здѣсь вырвали сыновей, чтобы отвезти къ Разину на поруганіе, и изъ нихъ Борисъ Меньшой былъ казненъ Разинымъ. Съ сыномъ кн. Борисомъ Большимъ Ивановичемъ, по прекращеніи бунта, княгиня П. возвратилась въ Москву и умерла въ январѣ 1687 года.

«Акты Истор.», т. IV; «Доп. къ Акт. Истор.», тт. IV, V, VI, VII и X; «Акты Арх. Эксп.», т. IV, стр. 197, 228; «Акты Московск. Госуд.», т.т. I, II и III; «Русск. Истор. Библіот.», т. X; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. XIII, ч. XVIII, стр. 177, 200, 217; кн. XVIII, ч. II, стр. 90; кн. XX, ч. I, стр. 112, 121; кн. XX, ч. III, стр. 294, 295; «Пам. Диплом. Сношѳ.», т.т. III, IV, V, VI, VIII; «Дворцовые разряды», т. II, стр. 437, 461, 485, 611, 617, 659, 669, 680, 695, 699, 703, 871, 933, 934, 942, 964, 965, 974, т. III, стр. 4, 29, 55, 66, 78, 82, 85, 182, 245, 288, 329, 330, 333, 337, 338, 344, 351, 352, 355, 358, 359, 360, 383, 385, 386, 388, 395, 400, 401, 416, 437, 442, 467, 469, 470, 478, 484, 487, 491, 492, 590, 591, 595, 599, 600, 605, 609, 613, 615.

617, 629, 633, 636, 637, 640, 644, 654, 655, 847, 871; «Доп.» къ III т., стр. 14, 15, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 29, 30, 31, 37, 55, 58, 72, 87, 88, 89, 95, 102, 103, 128, 159, 163, 166, 170, 171, 183, 191, 205, 206, 209, 230, 236, 247, 275, 278, 279, 280, 288, 289, 297, 301, 306, 310, 311, 314, 369, 373, 376, 385, 391, 393; «Письма и бумаги Петра Великаго», т. I, стр. 311; Д. Н. Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопямятн. русск. людей», т. IV; И. Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», т. XIII, стр. 59, 67, 68, 69; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общ. Польза», кн. III, т. XI, стр. 58, 60, 63, 64, 65, 72, 73, 74, 119, 123, 303, 306—309, 616; Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI в.»; В. Берхъ «Списки системат. бояр., окольн. и думн. двор. съ 1468 г.»; Ѳ. Глѣбовъ-Стрѣшневъ, «Списокъ бояр., окольн. и т. д. съ 1538 г.»; Гр. А. Бобринскій, «Двор. роды,. внесенные въ общ. гербовникъ Всеросс. Имп.», ч. I, стр. 96; П. Н. Петровъ, «Исторія родовъ русскаго дворянства», т. I; Н. И. Костомаровъ, «Историч. монографіи и изслѣд.», изд. 2-ое, т. II, стр. 240; Ригельманъ, «Исторія войска Донскаго», стр. 59, 60, 63, 65; А. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ»; П. Ивановъ, «Указ. къ боярск. книгамъ». *Н. В—н—въ.*

Прозоровскій, князь *Матѳѣй Васильевичъ*, стольникъ и воевода; въ періодъ времени съ 1613 г. по 1618 годъ неоднократно бывалъ рындою при пріемѣ пословъ, а съ 1617 по 1635 г. нѣсколько разъ, во время торжественнаго стола у Государя, «смотрѣлъ въ большой столъ», многократно, ради торжественности, съ другими придворными чинами сидѣлъ въ золотой одеждѣ въ палатѣ, гдѣ производился пріемъ пословъ, а послѣ пріема, во время стола, находился среди чашниковъ. Въ 1614 году, будучи назначенъ рындою меньше кн. Ѳ. С. Куракина, затѣялъ съ нимъ мѣстническое дѣло, но по приговору бояръ былъ посланъ въ тюрьму. Это было въ октябрѣ, а въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ уже былъ, послѣ битвы при Олонцѣ,—съ отрядомъ казацкимъ (дѣйствовавшимъ вмѣстѣ съ «лисовчиками») въ плѣну у казацкаго полковника Сидора, который его захватилъ. Будучи вымѣненъ, П. возвратился въ Москву. Въ 1615 году онъ опять мѣстничался съ Куракинымъ и на этотъ разъ былъ «битъ батоги въ Разрядѣ и посланъ въ тюрьму». Въ 1624 году, 9-го марта, онъ былъ назначенъ въ Украинскій Разрядъ, въ передовой полкъ на Дѣдиловѣ, но въ сентябрѣ того же года вышелъ указъ главнымъ (первымъ) воеводамъ, оставивъ за себя своихъ «товарищей»; быть къ Москвѣ, къ государю. Въ 1626 году, 5-го февраля, онъ участвовалъ среди поѣзжанъ на 2-й свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича, а въ 1628 году (12-го февраля) ему велѣно было быть воеводою въ Торопцѣ, гдѣ онъ находился и въ 1629 году, а въ 1630 былъ отпущенъ къ Москвѣ. Затѣмъ, въ 1631 году, онъ былъ назначенъ воеводою въ Курскъ, гдѣ оставался до 1633 года, а въ 1638 и 1639 году былъ воеводою въ Вяткѣ. Въ 1640 году, для прихода Крымцевъ, указалъ Государь быть воеводомъ не по полкамъ, но по городамъ, при чемъ П. былъ назначенъ въ Переяславль-Рязанскій, откуда возвратился въ Москву въ сентябрѣ того же года и 25-го числа «на пріѣздѣ» былъ у руки государевой. Въ 1641 году (1-го марта) государь повелѣлъ воеводамъ быть по мѣстамъ, по городамъ, «въ которыхъ городахъ прежъ сего полки стояли по засѣкѣ»: П. велѣно было быть воеводою въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, а 5-го октября 1646 года вышелъ снова указъ объ отпускѣ полковыхъ воеводъ по домамъ. Въ 1647 году (23-го апрѣля и 8-го мая) кн. П., будучи дворяниномъ московскимъ, на время отсутствія Государя изъ Москвы, назначенъ былъ «дневать и ночевать на государевомъ дворѣ». Въ 1648 и 1649 году онъ былъ воеводою въ Вязьмѣ. Въ 1661 году имя его, какъ Московскаго дворянина, встрѣчаемъ въ спискѣ лицъ, которыхъ государь «пожаловалъ на праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія свои очи видѣть въ комнатѣ». Имя его встрѣчается въ боярскихъ книгахъ еще въ 1668 году.

«Доп. къ Акт. Истор.», т. II, стр. 13; «Акты Моск. Госуд.», т. II и III; «Собр. Госуд. Грам. и Догов.», т. III, стр. 284, 380; «Русская Истор. Библіот.», т. X, стр. 214, 326, 344, 362, 369, 405; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-е, кн. XIII, ч. XVI, стр. 138; ч. XVII, стр. 160; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ отд. Собств. Е. И. В. Канц., т. I, стр. 81, 82, 83, 411, 548, 549, 550, 984, 985, 987, 988, 1004, 1005, 1006, 1007, 1013, 1019, 1024; т. II, стр. 81, 181, 283, 679, 732; «Дворцовые разряды», т. I, стр. 157, 158, 173, 224, 225, 261, 281, 282, 283, 305, 309, 572, 583, 635, 650, 684, 690, 776, 1031; т. II, стр. 89, 235, 291, 437, 461, 588, 625, 870; т. III, стр. 29, 102, 130; А. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ»; П. Ивановъ, «Указат. къ боярскимъ книгамъ».

Н. В-н-въ.

Прозоровскій, князь *Михаилъ Семеновичъ*, стольникъ и воевода; 4-й сынъ боярина князя Семена Васильевича. Въ періодъ времени съ 1654 по 1663 годъ бывалъ многократно рындою при Государѣ

во время торжественнаго пріема иностранныхъ пословъ и смотрѣлъ сначала въ «кривой столъ», а съ 1655 года—«въ кривой и большой столъ». Съ 1656 года ему было поручаемо во время стола у Государя потчивать грузинскихъ и сибирскихъ царевичей. Въ 1653 году, когда стало извѣстно, что къ Государю въ Москву изъ Грузіи ѣдетъ грузинская царица Елена Левонтьевна съ царевичемъ Николаемъ Давидовичемъ, то П-му съ товарищами было поручено встрѣтить ее въ Нижнемъ-Новгородѣ, при чемъ отъ Нижняго до Москвы велѣно ему быть «въ возницахъ». Въ 1654—55 г. онъ принималъ участіе въ войнѣ съ Польшею изъ-за Малороссіи, былъ въ походѣ царя Алексѣя Михайловича подъ Смоленскъ, при чемъ находился сначала въ государевомъ полку рындою «у большаго копья», въ 1655 г. (31-го марта) былъ головою у 5-й сотни дворянъ, а съ 14-го іюня—головою 2-й сотни; въ шведской войнѣ 1656 года онъ былъ головою первой сотни. Въ томъ же году П. былъ посланъ отъ Государя изъ Полоцка въ Юрьевъ Ливонскій къ боярину князю А. Н. Трубецкому «съ Государевымъ жалованнымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивать». Въ 1657 г., во время возвращенія Государя изъ Вязьмы въ Москву (послѣ похода), былъ возницею у Государя. Въ 1660 году, во время похода Государя на богомолье (24-го марта), тоже находился у Государя возницею «въ приказѣ безъ терлика». Въ 1663 г. (4-го августа), когда старшій братъ его, князь Иванъ, былъ сдѣланъ бояриномъ во Владимірскомъ Судномъ Приказѣ, князь Михаилъ былъ назначенъ за боярина въ Московскій Судный Приказъ. Въ 1657 году онъ былъ посланъ съ братомъ Иваномъ и кн. Львовымъ на воеводство въ Астрахань, гдѣ и погибъ 22-го іюня 1770 г. въ бою противъ Стеньки Разина.

«Акты Истор.», т. IV, стр. 378, 380—381, 383, 385—387, 391, 396; «Акты Московск. Госуд.», т. III, стр. 535; «Памятн. Дипл. Сношѳ.», т. III, стр. 435, 783; т. V, стр. 81; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-е, кн. VII, ч. IV, стр. 122, 124, 134, 135; кн. XIV, ч. III, стр. 35, 38; ч. IV, стр. 48, 50; «Дворцовые Разряды», т. III, стр. 352, 359, 360, 367, 381, 385, 387, 390, 398, 400, 402, 404, 407, 415, 437, 442, 451, 452, 462, 465, 469, 470, 480, 481, 492, 499, 502, 520, 545, 565, 847, «Доп. къ Дворц. Разр.», т. III, стр. 16, 21, 22, 24, 25, 27, 29, 31, 36, 37, 39, 52, 58, 59, 60, 65, 67, 69, 70, 74, 75, 76, 81, 86, 87, 88, 90, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 103, 108, 116, 117, 118, 119, 121, 123, 124, 125, 126, 127, 136, 138, 139, 141, 143, 148, 149, 161, 162, 166, 171, 177, 178, 180, 182, 188, 191, 192, 193, 197, 209, 215, 217, 220, 221, 222, 225, 226, 228, 233, 241, 248, 313, 315, 324, 326, 328, 331, 374, 391; А. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ»; П. Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ». *Н. В-н-въ.*

Прозоровскій, князь *Михаилъ Ѳеодоровичъ*, воевода; сынъ князя Ѳеодора Андреевича; былъ женатъ на родной сестрѣ кн. Андрея Михайловича Курбскаго. Въ 1554 г. находился въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ царя Казанскаго Семіона съ Марьей Андреевной Кутузовой, а въ 1556 и 1559 гг. былъ намѣстникомъ въ Рыльскѣ; въ 1557 г. находился вторымъ осаднымъ воеводой въ Казани, въ 1562 г. стоялъ на Лукахъ-Великихъ и былъ воеводой большого полка въ Литовскомъ походѣ. Въ 1563 — 64 гг. онъ — товарищъ воеводы въ Юрьевѣ, при главныхъ воеводахъ — кн. Андреѣ Мих. Курбскомъ и Бутурлинѣ. Когда Курбскій, находившійся подъ опалой царя Іоанна, желая избѣжать казни, рѣшилъ бѣжать въ Литву и покинулъ Юрьевъ, Бутурлинъ немедленно отправилъ въ Москву гонца и не пострадалъ отъ гнѣва Іоаннова, а кн. П., который, можетъ быть, даже зналъ заранѣе о намѣреніи своего зятя перейти въ Литву, какъ значится въ «Исторіи князя великаго Московскаго», написанной кн. Курбскимъ, былъ казненъ царемъ. У кн. М. Ѳ. Прозоровскаго былъ мѣстническій счетъ съ кн. И. А. Стригинымъ-Оболенскимъ.

«Древн. Росс. Вивл.», т. XIII, стр. 59, 262, 267, 287, 325, 328, 336; «Сказанія кн. Курбскаго», изд. Устрялова, стр. XV, 85, 339—340; «Отеч. Зап.» 1830 г., ч. XCIV, стр. 101; Долгоруковъ, «Росс. родосл. кн.», т. I, стр. 190; А. Маркевичъ, «Исторія мѣстничества», стр. CXVIII. *В. Корсакова.*

Прозоровскій, князь *Никита Петровичъ*, бояринъ; сынъ кн. Петра меньшаго Семеновича. Женатъ былъ на княжнѣ Маріи Михайловнѣ Голицыной. Въ 1676 и 1686—1692 гг. онъ былъ комнатнымъ стольникомъ Іоанна Алексѣевича, въ бытность его сначала царевичемъ, а потомъ царемъ; въ промежуткѣ былъ десять лѣтъ (1676 — 1686 гг.) стольникомъ царицы Натальи Кирилловны; въ 1693 г. былъ пожалованъ въ бояре, а въ 1696 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царя Іоанна Алексѣевича.

II. Ивановъ, «Указатель къ бояр. книгамъ»; «Русск. Ист. Библ.», т. V, стр. 922; «Собр. госуд. грам. и догов.», т. IV, стр. 656; кн. П. Долгоруковъ, «Росс. родосл. книга», т. I, стр. 191.

В. Корсакова.

Прозоровскій, князь *Петръ Ивановичъ*, бояринъ; сынъ князя Ивана Семеновича; умеръ до 1718 г. Въ 1660 и 1663 гг. былъ однимъ изъ чашниковъ, носившихъ передъ государя питье при отпускѣ Грузинскаго царевича Николая Давидовича и при пріемѣ англійскаго посла. Въ 1662—63 гг.—рында въ бѣломъ платьѣ, при пріемахъ шведскаго посла, а въ 1664 г. стоялъ возлѣ царя съ мечемъ при пріемѣ въ Грановитой палатѣ англійскаго посла гр. Карлейля. Въ 1666—68 гг. былъ приставомъ у вселенскихъ патріарховъ—Паисія Александрійскаго и Макарія Антіохійскаго; обѣдалъ съ ними иногда у царя и у московскаго патріарха, сопровождалъ ихъ въ подмосковные монастыри, былъ посылаемъ къ нимъ «со столомъ» отъ царя, присутствовалъ при раздачѣ патріархомъ Макаріемъ благословенныхъ граматъ царю и царской семьѣ и былъ послѣ того у государя «у руки». Лѣтомъ 1668 г. онъ былъ посланъ сопровождать патріарха Макарія до Астрахани. Въ 1667 и 1671 гг., при пріемѣ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ польскихъ и литовскихъ пословъ, для прочтенія и подтвержденія мирныхъ договоровъ Андрусовскаго мира, кн. П. держалъ скипетръ, когда царь прикладывался къ Евангелію. Въ 1671 г. онъ подалъ челобитную о возвращеніи ему имущества его отца, кн. Ивана Семеновича, бывшаго воеводой въ Астрахани и убитаго Стенькой Разинымъ; имущество это было разграблено казачьимъ атаманомъ Васькой Усомъ, а послѣ его смерти досталось его женѣ, которую кн. П. и просилъ допросить въ Приказной Палатѣ. Въ 1674—75 гг. онъ—дядька и ближній человѣкъ при царевичѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ, а потому ему поручалась охрана царевича, когда царь Алексѣй ѣздилъ изъ Москвы въ свои любимыя подгородныя села или отправлялся къ обѣднѣ въ который-либо изъ московскихъ монастырей. Въ 1676 г. царь Алексѣй, передъ своей кончиной, опредѣлилъ приставниками къ царевичу Петру Алексѣевичу самыхъ довѣренныхъ людей, въ томъ числѣ кн. П., повелѣвъ имъ хранить царевича, «яко зѣницу ока», а царю Ѳеодору Алексѣевичу заповѣдалъ никогда не отлучать отъ него этихъ приставниковъ. Въ 1679 г. онъ, будучи бояриномъ, сопровождалъ царя Ѳеодора Алексѣевича къ Троицѣ, а въ 1682 г. подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества. Въ томъ же году, въ день вѣнчанія на царство Іоанна и Петра Алексѣевичей, стоялъ вмѣстѣ съ Бор. Гавр. Юшковымъ на чертожномъ мѣстѣ, возлѣ царя Іоанна Алексѣевича, и надѣлъ на него царскую одежду, по благословеніи ея патріархомъ. Въ 1683, 1685, 1688—89 гг. сопровождалъ иногда царя Іоанна и царевну Софью въ загородныя села—Коломенское и Измайлово и на богомолье въ Суздаль, во Владиміръ, къ Троицѣ, въ Саввинъ монастырь и въ Воскресенскій монастырь на Истрѣ. Въ 1689 г. царь Петръ Алексѣевичъ послалъ кн. П. къ своему брату Іоанну, настоятельно требуя выдачи Шакловитаго со всѣми сообщниками. Когда это было исполнено, и Шакловитый послѣ пытки раскрылъ замыслы царевны Софьи, Петръ написалъ Іоанну Алексѣевичу о необходимости отстранить ее отъ участія въ дѣлѣ управленія государствомъ и перемѣнить многихъ судей въ Приказахъ. Письмо заканчивалось такъ: «А о иномъ къ тебѣ, государю, приказано словесно донести вѣрному нашему боярину кн. П. И. Прозоровскому и противъ сего моего писанія и словеснаго приказу учинить мнѣ отповѣдь». Принявъ управленіе государствомъ по отстраненіи царевны Софьи, царь Петръ поручилъ завѣдываніе Приказами такимъ лицамъ, которыя пользовались его довѣріемъ; кн. П-го онъ назначилъ въ Приказы Большой казны и Большого приходу.

Въ 1696 г. царь Петръ предпринялъ заграничную поѣздку и на время своего отсутствія изъ Россіи ввѣрилъ управленіе государствомъ боярамъ Л. К. Нарышкину, кн. Б. А. Голицыну и кн. П. И. Прозоровскому, предоставивъ имъ право по всѣмъ дѣламъ военнымъ, посольскимъ и суднымъ распоряжаться съ общаго согласія, отъ имени царя. Въ концѣ этого же года Петръ В. учредилъ корабельную повинность и вслѣдствіе этого въ началѣ 1679 г. въ Помѣстномъ приказѣ была произведена корабельная

раскладка, кому съ кѣмъ быть «въ кумпанствѣ», и составилось 19 кумпанствъ духовныхъ и 42 свѣтскихъ. Въ 1699 г. въ «Мнѣніи» Петра В. о воронежскихъ корабляхъ сказано: «Три корабля Избрантовы, Прозоровскаго, Черкасскаго, что на Чижовкѣ, есть наилучшіе отъ всѣхъ кумпанскихъ кораблей». Въ 1697 г. кн. П. просилъ дать ему въ пользованіе казенныя зырянскіе соляные заводы въ Перми Великой съ тѣмъ, что онъ будетъ ставить въ казну за промыселъ 150.000 пуд. въ годъ и получитъ изъ казны деньгами на два года 95.323 р., т. е. столько же, сколько выдавалось раньше «держателямъ» соляныхъ заводовъ. Но эти заводы, съ крестьянами и угодьями, были отданы въ пользованіе не ему, а Григорію Строгонову. Въ 1697 и 1698 гг. вышли указы о сборѣ въ Москвѣ «помѣрныхъ» пошлинъ и объ устройствѣ, съ вѣдома кн. П., заставъ по дорогамъ около Москвы, для осмотра тамъ товаровъ цѣловальниками. Тѣхъ лицъ, у кого окажутся «воровскія мѣры», велѣно отсылать въ Приказъ Большой казны и туда же отбирать товары, настоящая цѣна которыхъ будетъ утаена ихъ владѣльцами, съ цѣлью меньшаго платежа пошлинъ. Весной 1698 г. Т. Н. Стрѣшневъ писалъ царю, что кн. П. жалуется на «великое оскудѣніе» денегъ въ Большой казнѣ, такъ какъ изъ другихъ Приказовъ не помогаютъ. Но, несмотря на это, въ декабрѣ того же года кн. П. получилъ отъ царя указъ о переводѣ черезъ Архангельскъ въ Амстердамъ на покупку фузей и корабельныхъ припасовъ, на наемъ офицеровъ, матросовъ и кораблей и на разныя другія нужныя покупки 82.000 ефимковъ и 40.000 червонныхъ. Къ веснѣ 1699 г. ему предписывалось доставить въ Амстердамъ 3.582 бочки поташу.

Въ знаменательную борьбу Петра В. съ шведскимъ королемъ Карломъ XII кн. П. оказалъ большія услуги Русскому государству на поприщѣ тогдашнихъ его финансовыхъ затрудненій. Послѣ пораженія подъ Нарвой Петръ В. былъ весьма озабоченъ двумя вопросами: какимъ способомъ построить новую артиллерію и откуда на это добыть денегъ. Въ это тяжелое время онъ написалъ кн. П., бывшему тогда не только во главѣ Приказа Большой казны, но и во главѣ Оружейной Палаты, чтобы онъ передѣлалъ въ деньги всю посуду и всѣ вещи, тамъ хранившіяся, и прислалъ бы ему необходимую сумму. Кн. П. отвѣтилъ, что это повелѣніе будетъ исполнено, и вскорѣ выслалъ требуемую сумму нововыбитою серебряною монетою. Когда царь вернулся въ Москву послѣ побѣдъ, одержанныхъ надъ шведами въ Лифляндіи, то выразилъ кн. П. сожалѣніе, что нельзя убрать Грановитую палату тѣми вещами и посудой, которыми она убиралась раньше въ торжественныхъ случаяхъ. Но П. сказалъ, къ великому удовольствію царя, что посуду онъ сберегъ въ кладовыхъ.

«У меня», сказалъ онъ: «на случай нужды сбережена довольно знатная сумма, о которой кромѣ меня по сіе время никто не вѣдаетъ, и которой еще довольно осталось на таковыя же нечаянныя нужды». При этомъ онъ разсказалъ, какимъ образомъ, будучи казначеемъ уже при царѣ Алексѣѣ, онъ накопилъ столько денегъ, и какъ велѣлъ перечеканить часть старой запасной монеты на новый образецъ.—Петръ В. былъ удивленъ этой неожиданностью, обнялъ и поцѣловалъ князя и просилъ показать, гдѣ хранятся остатки денегъ. «Изволь, покажу»,—отвѣчалъ князь,—только не прогнѣвайся, государь, съ договоромъ: не брать съ собою Меншикова и не открывать ему сей тайны, а то онъ размытаритъ всѣ остатки тѣ». Получивъ отъ царя это обѣщаніе, князь ввелъ его при свѣтѣ фонаря въ одинъ тайникъ и показалъ ему цѣлый уголъ сложенныхъ денегъ. Петръ собственноручно отложилъ въ сторону десять большихъ мѣшковъ съ деньгами. «На что это?», спросилъ князь.—Это тебѣ,—отвѣчалъ государь. «Мнѣ? Я бы могъ давно и всею казною сею овладѣть, не опасаясь извѣту, ежелибъ хотѣлъ и не побоялся бы Бога нарушить крестное мое цѣлованіе. Но мнѣ не надо. Ты знаешь, государь, что я, по милости Божіей, предковъ твоихъ и твоей, доволенъ и своимъ; и при томъ одну только дочь имѣю, которая и безъ того нарочито богата будетъ». Дочь кн. Прозоровскаго, княжна Анастасія Петровна (р. 22-го окт. 1665, ум. 10-го мая 1722 г.), была за мужемъ за комнатнымъ стольникомъ кн. Иваномъ

Алексѣевичемъ Голицынымъ (р. 1651, ум. 1722 г.), роднымъ братомъ дядьки Петра Великаго.

Въ 1702 г. царь велѣлъ кн. П. отпустить изъ Приказа Большой казны 15 тысячъ рублей въ прибавку къ прежней дачѣ на вспоможеніе Рѣчи Посполитой и на «возбужденіе» противъ шведовъ. 9-го апрѣля 1703 г. Ѳ. А. Головинъ писалъ дьякамъ Посольскаго приказа, что царь, въ дополненіе къ прежнимъ договорамъ, заключилъ съ польскимъ королемъ еще договоръ, чтобы для вспоможенія въ войнѣ съ общимъ непріятелемъ, шведскимъ королемъ, дать ему 200 тысячъ рублей съ Денежнаго двора, подъ закладъ Могилева, со всѣми принадлежностями и доходами. Самъ царь писалъ кн. П. объ отправкѣ 100 тысячъ рублей съ надежнымъ провожатымъ въ Смоленскъ, гдѣ деньги должны остаться до присылки польскимъ королемъ коммиссара съ роспиской и съ закладной на Могилевскую экономію. Остальныя 100 тысячъ выдать въ іюнѣ, но раньше выдачи денегъ послать изъ Смоленска въ Могилевъ полковника Головкина съ полкомъ и велѣть принять и описать, какіе съ кого доходы бываютъ, и сколько воинскаго наряду и припасовъ. До уплаты польскимъ королемъ этого долга, въ Могилевѣ должно было стоять войско.—Въ 1704 и 1705 гг. кн. П. пришлось выдавать, по приказанію царя, весьма значительныя денежныя суммы то въ Ратушу, то въ Посольскій Приказъ. Въ 1712 г., за уничтоженіемъ Мастерской Палаты, казна ея была передана на Казенный дворъ, въ вѣдѣніе кн. П., которому, вслѣдствіе этого, велѣно сдѣлать ея опись. Въ томъ же году онъ присутствовалъ въ Монастырскомъ Приказѣ. Въ 1715 г. царь прислалъ ему сдѣланные въ Нѣмецкой землѣ новые штемпеля, чтобы выбивать ими серебряную монету, а въ 1716 г. кн. П. получилъ указы относительно чеканки нѣкоторыхъ медалей и продажи поташа, смолы, мачтовыхъ деревьевъ за наличные ефимки, которые передѣлывать затѣмъ въ «россійскую монету».

Какъ извѣстно, царь Петръ не прекращалъ своихъ «забавъ» и въ тяжелыя минуты жизни; такъ онъ поступалъ и во время шведской войны. Въ одной изъ этихъ царскихъ забавъ кн. П. принялъ дѣятельное участіе: къ нему въ домъ пріѣзжали бояре и самъ государь за невѣстой, когда царь вздумалъ въ 1705 г. женить придворнаго шута Кокошкина на какой-то посадской женкѣ. Свадьба сыграна въ домѣ думнаго дьяка Автонома Иванова и была, какъ сказано въ одномъ современномъ описаніи, «уборная», такъ какъ приглашенные были «въ старомъ платьѣ, въ ферезяхъ и охобняхъ».—Въ 1715 г., во время шуточной свадьбы Зотова, кн. П. былъ маршаломъ, въ золотой одеждѣ.

«Полн. Собр. Зак.», т. I, стр. 743, 746; т. II, стр. 421, 426, 751; т. III, стр. 42, 46, 82, 102, 258, 259, 261, 305—306, 332—335, 459—468, 481—482, 632; т. IV, стр. 431—432, 735, 791, 821; «Акты ист.», т. IV и V; «Доп. къ акт. ист.», т. V и X; «Опис. Госуд. Разр. арх.», стр. 16; «Древн. Росс. Вивл.», кн. XIV, 50; «Собр. гос. гр. и дог.», т. IV, стр. 219, 222, 407, 628; «Письма Петра Великаго», т. I, стр. 14, 323, 564, 689, 699; т. II, стр. 130, 374, 375, 475, 513, 515, 518, 583—585; т. III, стр. 154, 404, 617, 619, 620, 658—659, 684, 892, 1023; А. П. Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», т. VI, стр. 288; «Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ», т. I, стр. 17, 20, 101, 140—144, 147, 149, 153, 156. 159, 154, 164, 166, 167, 169, 176, 180, 185, 192, 277, 279; т. II, 219; Устряловъ, «Царствованіе Петра В.», т. II, стр. 73, 97, 305—306; т. III, стр. 11; «Дворц. разр.», т. III, дополн. къ III тому и т. IV; И. Голиковъ, «Дѣянія Петра В.», т. I, стр. 3, 58, 108, 440, 491, 565; т. II, стр. 41, 523; т. V, стр. 121, 328; т. VI, стр. 361, 414, 484, 490, 564; т. IX, стр. 431; т. XIII, стр. 223, 273; т. XIV, стр. 509; т. XV, стр. 118; т. XV, «Анекд.», стр. 53—55; Кн. Долгоруковъ, «Росс. родосл. кн.», т. I, стр. 191, 193; Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей», М. 1836 г., ч. IV, стр. 228—231.

В. Корсакова.

Прозоровскій, князь *Петръ большой Семеновичъ*, посолъ и воевода; сынъ князя Семена Васильевича; въ 1637 г. былъ стольникомъ и присутствовалъ при пріемѣ литовскаго гонца: въ томъ же году участвовалъ въ перенесеніи изъ царскихъ хоромъ въ Архангельскій соборъ гроба царевича Василія Михайловича, при коемъ затѣмъ онъ дважды дневалъ и ночевалъ. Въ 1644 г., во время обѣда въ Грановитой палатѣ датскаго королевича Вольдемара, былъ однимъ изъ чашниковъ, носившихъ пить передъ государя, и въ 1643, 1655—56, 1659—60 гг. бывалъ рындой въ бѣломъ платьѣ или же рындой съ топоромъ и въ ферезяхъ, при пріемахъ кизильбашскихъ и кумыцкаго пословъ, грузинскаго царевича Николая Давидо-

вича, пословъ римскаго цесаря, гонцовъ польскаго короля Яна-Казиміра и бранденбургскаго курфюрста, шведскаго, венгерскаго, молдавскаго и имеретинскаго посланниковъ. Въ 1648 г. онъ былъ въ числѣ поѣзжанъ на первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича и ѣздилъ однажды «со столомъ» отъ царя къ голландскому послу Бургу. Въ 1646, 1651—56, 1660—61 гг. во время царскихъ обѣдовъ смотрѣлъ то въ кривой, то въ большой столъ, бывалъ у стола и «наряжалъ вина», а въ 1654—56 и 1660 гг. потчивалъ за царскими обѣдами грузинскаго, касимовскаго и сибирскихъ царевичей. Въ 1654 г. онъ былъ возницей у царя Алексѣя при «походѣ» его на богомолье въ Саввинъ монастырь, въ 1654—55 гг.—головой у дворянъ въ Литовскомъ походѣ и былъ при взятіи Ковны воеводой ертаульнаго полка. Между 1656 и 1659 гг., но неизвѣстно въ точности сколько времени, былъ воеводой на Холмогорахъ.

Въ 1662 г., февраля 13-го, кн. П. и Ив. Ав. Желябужскій назначены послами въ Англію и были, мѣсяцъ спустя, «у руки» у государя, 30-го мая вторично являлись къ царю и 3-го іюня выѣхали. Они были посланы въ Англію для поздравленія короля Карла II со вступленіемъ на престолъ и для выраженія ему желанія царя быть съ нимъ въ братской дружбѣ. Но главная причина посольства скрывалась въ тайномъ наказѣ, данномъ посламъ: имъ поручено было попросить у короля взаймы нѣсколько тысячъ ефимковъ и постараться занять денегъ у англійскихъ купцовъ. Послы были встрѣчены весьма торжественно: когда они ѣхали по Темзѣ, на всѣхъ корабляхъ стрѣляли изъ пушекъ; на лондонскихъ улицахъ велѣно было народу привѣтствовать ихъ громкими криками, а «лучшимъ» людямъ быть на встрѣчѣ. Когда послы были «въ отвѣтѣ», англійскіе лорды объявили имъ, что король возвращаетъ теперь московскому царю то вспоможеніе, которое было ему сдѣлано во время его изгнанія, а на просьбу пословъ, кромѣ возвращенія занятой казны, дать взаймы московскому государю 10.000 пуд. ефимковъ, съ тѣмъ, что царь заплатитъ за нихъ пенькою и, поташемъ какъ будетъ положено въ договорѣ,—лорды отвѣчали, что скоро этого дѣла рѣшить нельзя. Король сказалъ кн. П-му на отпускѣ: «Я вседушно бы радъ помочь любительному моему брату, да мочи моей нѣтъ, потому что я на королевствѣ вновѣ, ничѣмъ не завелся, казна моя въ смутное время вся безъ остатку разорена, и нынѣ въ большой скудости живу; а какъ Богъ дастъ на своихъ престолахъ укрѣплюсь и съ казною сберусь, то буду радъ и послѣднее дѣлить съ великимъ государемъ вашимъ». Послѣ отъѣзда пословъ, англичане отзывались о Желябужскомъ, какъ о человѣкѣ весьма гордомъ, а о кн. П., напротивъ, писали къ своимъ знакомымъ въ Москву, что «король и думные люди хвалятъ его за учтивость; что онъ у короля и вельможъ въ славѣ и чести высокой; что весь дворъ говоритъ про него все доброе». Въ январѣ 1665 г. въ Москву пріѣхалъ голландскій посланникъ Борель и просилъ царя Алексѣя назначить коммиссаровъ, съ которыми бы онъ могъ согласить недоразумѣнія, возникшія по торговлѣ. Царь исполнилъ его желаніе и опредѣлилъ коммиссарами: А. Л. Ордына-Нащокина, кн. Прозоровскаго и Прончищева. Пріѣхавъ на воеводство въ Смоленскъ въ 1695 г., кн. П. донесъ царю о пріемѣ казны и наряду и о томъ, что дворяне и дѣти боярскіе самовольно разъѣхались со службы изъ Смоленска до его прибытія туда. Чтобы ратные люди въ Витебскѣ и Полоцкѣ не терпѣли недостатка въ хлѣбѣ и не разбѣжались бы ради скудости, царь велѣлъ кн. П. заботиться объ отпускѣ туда хлѣба изъ Смоленска. Кромѣ Смоленска кн. П. было поручено «во всемъ вѣдать» Дорогобужъ и оберегать его отъ приходу воинскихъ людей, вслѣдствіе чего Селунскій, назначенный въ 1666 г. воеводой въ Дорогобужъ, долженъ былъ увѣдомить его о своемъ пріѣздѣ и сообщать ему обо всѣхъ дѣлахъ. Незадолго передъ тѣмъ, какъ видно изъ отписки стрѣлецкаго головы Чернцова, въ Каспленскихъ и Еленскихъ лѣсахъ, Смоленскаго уѣзда, были пойманы бобры, рыси, вепри и другіе дикіе звѣри, для отсылки въ Москву, но кн. П. не рѣшился дать подъ нихъ ямскія подводы, не получивъ на то царскаго указа. Во время воеводства кн. П. въ Смоленскѣ былъ возбужденъ вопросъ объ отводѣ въ городѣ мѣста подъ стрѣ-

94, 96, 311, 359; «Собр. гос. гр. и дог.», т. IV, стр. 407, 450, 619; «Русск. Ист. Библ.», т. V, стр. 908—911, 920—922; Кн. Долгоруковъ, «Росс. родосл. кн.», т. I. стр. 191; «Дв. разр.», т. III, стр. 520, 546, 554, 565, 586, 588, 589, 654, 847; дополн. къ III т., стр. 67, 74—76, 86, 88, 90, 95, 98, 102, 103, 105, 108, 115—117, 120, 121, 123, 125—127, 129, 136, 138, 139, 141, 148, 160, 161, 166, 173, 177, 180, 191, 192, 197, 201, 204, 206, 216, 217, 220, 221, 222, 233, 253, 257, 272, 279, 280, 310, 313, 315, 317, 320, 326, 328, 364, 374; «Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина», М. 1857 г., стр. 29, 33—36, 54.

В. Корсакова.

Прозоровскій, князь *Семенъ Вавильевичъ*, бояринъ, сынъ кн. Василія Александровича. Въ 1608 г. былъ въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ царя Вас. Ив. Шуйскаго, а за обѣдомъ «наряжалъ вина». Въ томъ же году, узнавъ, что поляки собираются осаждать Коломну, царь Василій Ивановичъ послалъ на помощь къ коломенскимъ воеводамъ войско, подъ начальствомъ кн. П. и Сукина. Они укрѣпили городъ, а затѣмъ побили много поляковъ и измѣнниковъ, а остальныхъ взяли въ плѣнъ. Въ 1609 г. кн. П. былъ посланъ къ боярину Ѳ. И. Шереметеву во взятый имъ приступомъ Касимовъ, съ милостивымъ словомъ отъ царя за службу, что «служилъ и прямилъ» ему, но въ то же время съ выговоромъ, что онъ «идетъ медленно, государевымъ дѣломъ не радѣетъ». Въ 1612 г., въ числѣ другихъ сходныхъ воеводъ, онъ былъ отправленъ кн. Пожарскимъ къ полку кн. Дм. Мамстр. Черкасскаго, въ разные города; въ маѣ этого года онъ стоялъ на Угличѣ. Въ 1613 г. собственноручно подписался подъ граматой объ избраніи на царство Мих. Ѳеод. Романова. Въ томъ же году кн. П. и Вельяминовъ отпущены были изъ Ярославля помогать Пскову. Узнавъ объ этомъ, бояринъ кн. Ѳеод. Ив. Мстиславскій писалъ царю, что находящіеся въ Москвѣ дворяне, дѣти боярскіе, атаманы и казаки обрадовались и готовы служить царю, но бьютъ челомъ, чтобы къ нимъ былъ присланъ воевода, для совмѣстныхъ дѣйствій съ кн. П. противъ Заруцкаго. Въ томъ же году кн. П. былъ воеводой въ Тихвинѣ; вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Л. А. Вельяминовымъ онъ отбилъ нападеніе шведовъ до прихода вспомогательнаго отряда, посланнаго царемъ подъ начальствомъ Ѳ. К. Плещеева, и отнялъ у шведовъ нарядъ. За это тихвинское осадное сидѣнье кн. П. получилъ отъ царя серебряный золоченый кубокъ и соболью шубу, крытую «виницейскимъ» бархатомъ. Въ слѣдующемъ, 1614 г. кн. П. хлопоталъ о размѣнѣ или выкупѣ русскихъ и шведовъ, попавшихъ въ плѣнъ подъ Тихвиномъ, и писалъ объ этомъ гр. Делагарди. Въ 1615 г. назначенный быть въ передовомъ полку во Мценскѣ, онъ не поѣхалъ туда, несмотря на многократныя присылки отъ имени царя, не изъ-за мѣстничества съ кѣмъ нибудь, а вслѣдствіе болѣзни. Въ 1616 г. онъ былъ осаднымъ воеводой въ Москвѣ отъ Фроловскихъ воротъ до Яузы, а въ 1616 г. рындой въ бѣломъ платьѣ при пріемѣ англійскаго посла и въ день новаго 1617 года — при пріемѣ кизильбашскихъ пословъ. Черезъ нѣсколько дней, въ Крещеніе, былъ отданъ царемъ приказъ, чтобы кн. Юрій Яншеев. Сулешевъ и кн. П. шли къ Дорогобужу противъ Гонсѣвскаго и литовскихъ людей, которые стоятъ между Дорогобужемъ и Смоленскомъ; кн. П. велѣно было идти съ передовыми людьми въ Вязьму и ожидать тамъ прихода кн. Сулешева, а затѣмъ быть имъ обоимъ вмѣстѣ. Въ началѣ марта они доносили царю, что посылали противъ литовцевъ головъ съ дворянами, съ дѣтьми боярскими и съ татарами; что они взяли въ плѣнъ полковника Вонгля и многихъ польскихъ и литовскихъ людей, знамена, трубы, литавры. Въ маѣ они снова доносили царю о пораженіи ими приходившаго подъ Дорогобужъ полковника Чаплинскаго и о томъ, что они взяли въ плѣнъ 240 человѣкъ. За обѣ эти побѣды царь посылалъ къ князьямъ Сулешеву и П. съ милостивымъ словомъ и съ золотыми. Послѣ второй побѣды онъ велѣлъ имъ со всѣми ратными людьми идти къ Москвѣ, а въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ и Можайскѣ указалъ оставить воеводъ, ратныхъ людей и хлѣбные запасы и устроить укрѣпленія. По возвращеніи въ Москву, лѣтомъ того же 1617 г., кн. П. дважды смотрѣлъ за царскимъ обѣдомъ «въ кривой столъ», а осенью былъ рындой въ бѣломъ платьѣ при пріемѣ кизильбашскихъ пословъ. Въ 1618 г. онъ — осадный воевода въ Москвѣ за Яузою; осенью — рында въ бѣломъ платьѣ при пріемѣ кизильбашскихъ пословъ; Въ 1619 г., по Крымскимъ вѣстямъ — полко-

вой воевода въ Переяславлѣ Рязанскомъ; въ случаѣ прихода къ Переяславлю воинскихъ людей, къ нему должны были идти въ сходъ воеводы изъ Михайлова и Пронска. Въ 1620—22 гг., за время его воеводства въ Астрахани, городъ этотъ былъ укрѣпленъ: почти половина стѣны возведена каменная зубчатая, съ воротами, башнями, валовыми окнами и бойницами, а остальная часть, вѣроятно вслѣдствіе недостатка въ кирпичѣ, выстроена деревянная. Такъ какъ кн. П. взялъ невольно въ какую-то казенную работу нѣсколькихъ крестьянъ, принадлежавшихъ Вознесенскому монастырю, то многіе монастырскіе крестьяне разбѣжались, и въ 1624 г. послѣдовала царская грамата объ освобожденіи всѣхъ монастырскихъ крестьянъ отъ казенныхъ работъ. Въ 1625—26 гг. онъ былъ воеводой въ Вязьмѣ, а въ 1627 г., марта 18-го, изъ стольниковъ назначенъ въ дворяне, въ день «Свѣтлаго Христова Воскресенія ударилъ царю челомъ въ комнатѣ». Въ 1626, 1627 и 1630 гг. нѣсколько разъ былъ у государева стола, сопровождалъ его къ Троицѣ и былъ однажды у стола патріарха Филарета Никитича. Въ 1628—29 гг.—воевода въ Путивлѣ. Царской граматой ему было предписано пересмотрѣть въ соборной церкви, въ монастыряхъ и у мірскихъ церквей на посадѣ и въ уѣздѣ всѣ употребляемыя при церковныхъ службахъ книги и сдѣлать имъ опись. Въ 1629 г. онъ былъ отпущенъ съ Путивля къ Москвѣ и былъ у царскаго стола; за Путивльскую службу пожалованъ половиной денежнаго оклада. Въ 1630 г. кн. П. присутствовалъ при пріемѣ шведскаго посла, а въ 1631 г., въ январѣ, посланъ въ Калугу. Въ половинѣ мая онъ опять былъ въ Москвѣ въ Золотой меньшой палатѣ, при пріемѣ шведскаго посла, а въ началѣ августа отправленъ на Волуйку для размѣна крымскихъ плѣнныхъ. Въ 1632 г., въ концѣ февраля, при пріемѣ въ Грановитой палатѣ посла турецкаго султана, онъ «объявлялъ» его и дары его государю, въ началѣ марта опять «являлъ» его царю, а въ половинѣ іюня былъ при его отпускѣ. Осенью этого года кн. П. посланъ былъ въ Ржеву-Володимерову, и съ нимъ отправленъ кн. Мих. Вас. Бѣлосельскій, чтобы собирать людей въ Ржевѣ и идти къ Бѣлой. Вскорѣ послѣ того кн. П. писалъ царю, что они пошли со всѣми людьми изъ Ржевы подъ Бѣлую, и «Бѣльскіе сидѣльцы государю добили челомъ, и Бѣлую сдали». По полученіи этого извѣстія царь послалъ къ кн. П. сына его, стольника кн. Петра Семеновича, съ милостивымъ словомъ и съ золотыми, а для леченія раненыхъ къ нему присланы, по его просьбѣ, два лекаря.

Въ августѣ 1632 г. подъ Смоленскъ было отправлено войско подъ начальствомъ боярина М. Б. Шеина, а въ слѣдующемъ, 1633 г. на помощь къ нему указано быть въ сходѣ многимъ воеводамъ, въ томъ числѣ съ Бѣлой князьямъ П. и Бѣлосельскому. Послѣ неудачной попытки Гонсѣвскаго пробраться въ Смоленскъ, пришелъ самъ польскій король Владиславъ. Ему прежде всего хотѣлось сбить русскихъ съ Покровской горы, гдѣ укрѣпился полковникъ русской службы Маттисонъ, а подлѣ въ острожкѣ стояли князья П. и Бѣлосельскій. 28-го августа отъ этого острога былъ отбитъ съ большимъ урономъ коронный гетманъ; жители Смоленска сдѣлали вылазку, овладѣли шанцами Маттисона, но были вытѣснены сотнями, присланными князьями П. и Бѣлосельскимъ. Двѣ недѣли спустя было произведено новое нападеніе на Маттисона и на острогъ кн. П., и русскіе съ поляками бились двое сутокъ; видя, что невозможно удержать городокъ на Покровской горѣ, московскіе воеводы вывели Маттисона ночью къ себѣ въ большой острогъ, при чемъ много иностранцевъ перебѣжало къ полякамъ. Получивши донесеніе объ этомъ, царь писалъ М. Б. Шеину, что если кн. П. затруднительно стоять въ своихъ таборахъ, а пѣшимъ людямъ сидѣть въ земляныхъ городкахъ, то пусть кн. П. идетъ въ обозъ къ Шеину, чтобы все войско находилось въ одномъ мѣстѣ. Вслѣдъ за этимъ Шеинъ донесъ царю, что кн. П. перешелъ въ большой обозъ за Днѣпръ; что, по уходѣ русскихъ, самъ король Владиславъ осматривалъ покинутые ими окопы, и что, по словамъ поляковъ, огромные валы равнялись высотою стѣнамъ Смоленска, и было бы пролито много крови, если бы пришлось добывать ихъ приступомъ. Въ отвѣтъ на это царь писалъ Шеину и

кн. П., что они сдѣлали хорошо, что стали со всѣми людьми вмѣстѣ, и увѣдомилъ ихъ, что посылаетъ къ нимъ помощь. Въ это время поляки въ тылу у Шеина сожгли Дорогобужъ, гдѣ были сложены запасы для войска, а въ началѣ декабря въ русскомъ станѣ открылась сильная смертность. Послѣ долгихъ колебаній, Шеинъ вступилъ въ мирные переговоры съ Владиславомъ, согласился на исполненіе предъявленныхъ имъ требованій и ушелъ съ войскомъ въ Москву. Тамъ онъ былъ встрѣченъ, какъ измѣнникъ и былъ допрашиванъ, равно какъ и А. В. Измайловъ, кн. П. и Бѣлосельскій, «для чего Смоленскій острогъ покинулъ». Послѣ этихъ допросовъ Шеинъ и Измайловъ были казнены, кн. Бѣлосельскій освобожденъ отъ смертной казни только потому, что былъ боленъ, а кн. П., «по упрашенію—какъ сказано въ приговорѣ—царицы Евдокіи Лукьяновны, царевичей и царевенъ, и для твоей князь Семеновой прежней службы, да и для того, что ратные люди, дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, которые были на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ и Нѣмецкіе полковники и Нѣмцы въ распросѣ сказывали, что подъ Смоленскомъ служба твоя ко Государю и радѣнье было и съ Литовскимъ королемъ и съ Литовскими людьми бился и государевымъ людемъ на боѣхъ своимъ полкомъ помочь чинилъ во всемъ, а до болшого промыслу не допустилъ тебя Михайло Шеинъ и въ государевѣ дѣлѣ не слушалъ тебя ни въ чемъ», былъ помилованъ: онъ и Бѣлосельскій были приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь, женъ и дѣтей ихъ велѣно разослать по городамъ, а помѣстья и вотчины «со всѣми животы и съ хлѣбомъ» отписать на государя. Черезъ мѣсяцъ, однако, 20-го мая 1634 г., царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ, не велѣлъ у кн. П. отписывать помѣстій и вотчинъ, кромѣ нижегородскихъ, которыя розданы въ раздачу. Вмѣсто Сибири кн. П. со всей семьей былъ посланъ, подъ надзоромъ Загряжскаго, изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ, а нижегородскому воеводѣ В. П. Шереметеву велѣно дать имъ въ городѣ дворъ для жилья и указать, въ какую церковь ходить къ службамъ. Кн. П. прибылъ въ Нижній 17-го іюня, а 20-го сентября царь писалъ уже Шереметеву объ отпускѣ его съ женой и дѣтьми въ Москву.

Въ 1635 г. кн. П., по царскому указу, ѣздилъ вмѣстѣ съ бояриномъ кн. И. И. Шуйскимъ встрѣчать гробъ царя В. И. Шуйскаго, двадцать три года пробывшій въ Польшѣ. Въ 1635—1654 гг. онъ изрѣдка обѣдалъ у царей Михаила и Алексѣя и у патріарховъ, сопровождалъ царей къ Троицѣ и бывалъ иногда отправляемъ впередъ, «для дѣланія становъ». Въ 1636 г. онъ являлъ царю Михаилу въ Золотой подписной палатѣ посланниковъ польскаго короля Владислава. Въ 1637 г. былъ, по крымскимъ вѣстямъ, осаднымъ воеводой въ Москвѣ за Яузою, а въ 1638 г. воеводой въ Веневѣ, гдѣ возвелъ укрѣпленія: у веневской засѣки, у р. Осетра, земляной городъ, съ четырьмя башнями по угламъ, съ двумя воротами и съ шанцами, а кругомъ—широкій и глубокій ровъ. На донесеніи объ этомъ кн. П-го помѣта: «Государь указалъ, велѣлъ отписать, что дѣлать учнетъ земляное и что сдѣлалъ и то добро и за то похвалить». Въ 1639 г. кн. П. былъ назначенъ присутствовать въ Судномъ Московскомъ Приказѣ и въ томъ же 1639 г. по два раза дневалъ и ночевалъ у гроба царевичей Ивана и Василія Михайловичей. Весной онъ наблюдалъ, какъ додѣлывали земляной городъ и выкладывали ровъ за Москвою рѣкою, за Чертольскими воротами, до Тверской улицы. Въ 1640 г. онъ объявлялъ кизильбашскаго гонца, въ 1642 г.—турецкаго посланника, въ 1644 г. —литовскаго гонца и датскихъ пословъ, а въ концѣ января этого года «звалъ къ столу» въ Грановитой палатѣ датскаго королевича Вольдемара. Въ 1642—43 гг. онъ присутствовалъ въ Ямскомъ Приказѣ.

Въ 1645 г., при вступленіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича, кн. П. приводилъ въ Москвѣ ко кресту, вмѣстѣ съ Чудовскимъ архимандритомъ Кирилломъ, бояриномъ Н. И. Одоевскимъ и разряднымъ дьякомъ Волошениновымъ. Въ этомъ же году онъ—воевода въ Мценскѣ, и велѣно ему идти за татарами въ Курскъ. Въ 1646 г., въ Успеньевъ день, пожалованъ въ бояре, въ 1646—48 гг. присутствовалъ въ Ямскомъ Приказѣ, въ 1647—49 гг. часто «оставался на Москвѣ» во время «походовъ» царя Алексѣя къ Троицѣ,

въ Саввинъ монастырь, въ с. Коломенское, с. Хорошево и с. Покровское. Въ 1648 г., на первой свадьбѣ царя Алексѣя, былъ въ сидячихъ боярахъ у государя, а жена его Марья Семеновна—въ сидячихъ боярыняхъ. Въ томъ же году назначенъ для предварительныхъ работъ по составленію задуманнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ «Уложенія». Въ 1649 г.—воевода въ Путивлѣ по крымскимъ вѣстямъ. Въ томъ же году кн. П-му писалъ Тимошка Анкудиновъ, выдававшій себя за кн. Ивана Вас. Шуйскаго—внука царя Василія Ивановича, что за нимъ есть «великое царственнѣйшее дѣло и слово и тайна», и просилъ прислать къ себѣ скрытно вѣрнаго человѣка, которому бы онъ могъ передать эту тайну. Получивъ письмо Анкудинова, кн. П. отправилъ ему съ подъячимъ Мосолитиновымъ грамату, въ которой, между прочимъ, сказано: «Тебѣ бы ѣхать ко мнѣ въ Путивль тотчасъ безо всякаго опасенья, а великій государь тебя пожаловалъ, велѣлъ принять и въ Москву отпустить». По этому письму Анкудиновъ рѣшилъ-было ѣхать въ Москву, но потомъ раздумалъ, говоря, что если его государь пожаловалъ, «то прислалъ бы свою грамату имянно, что пожаловалъ кн. Ивана Шуйскаго, велѣлъ ѣхать въ Москву безо всякаго сомнѣнія, а то меня обманываютъ». Въ 1651 г. войсковой писарь войска Запорожскаго Иванъ Выговскій вызывался писать въ Путивль кн. П-му о сношеніяхъ Хмельницкаго съ польскимъ королемъ и съ крымскимъ ханомъ, при условіи, чтобы это осталось втайнѣ, такъ какъ иначе ему не миновать наказанія. Въ концѣ этого года Хмельницкій велѣлъ сказать кн. П., а потомъ писалъ ему, что не вѣритъ полякамъ. Въ 1654 г., мая 18-го, царь Алексѣй выступилъ въ Литовскій походъ; большимъ полкомъ предводительствовалъ бояринъ кн. Я. К. Черкасскій, а товарищами при немъ были: шуринъ его кн. Сем. Вас. Прозоровской и кн. А. Ѳ. Литвиновъ-Мосальскій. Три года спустя, оба они были у царя за столомъ въ передней палатѣ, а послѣ стола государь жаловалъ ихъ шубами, кубками и придачами къ старымъ ихъ окладамъ за участіе въ вышеупомянутомъ походѣ. О трехъ послѣднихъ годахъ жизни кн. П. (1657—60 гг.) свѣдѣній не сохранилось. Онъ умеръ 14-го сентября 1660 года, принявъ схиму съ именемъ Сергія, и погребенъ въ Новгородскомъ Тихвинскомъ Богородицкомъ монастырѣ. Кн. С. В. Прозоровскій мѣстничался: съ кн. Н. П. Борятинскимъ, И. М. Сопленкомъ-Бутурлинымъ, Г. Б. Кокоревымъ, С. И. Меньшого-Волынскимъ, кн. В. и Ѳ. С. Куракиными, кн. А. Ѳ. Литвиновымъ-Мосальскимъ, Б. И. Нагимъ, Г. А. Глазуномъ-Плещеевымъ, кн. Г. В. Тюфякинымъ и кн. Ю. Д. Хворостининымъ.

«Др. Росс. Вивл.», т. XIII, стр. 123, 127, 175, 179, 193; т. XX, стр. 95, 103, 104; «Указ. къ бояр. книгамъ»; «Акты Арх. Эксп.», т. III, стр. 14, 294, 299—306, 338—340, 346, 367, 375, 377, 382, 383, 489—491, 493—495; томъ IV, стр. 46; «Акты историч.», т. III, стр. 216, 318, 319, 390; «Доп. къ акт. ист.», т. II, стр. 11, 22, 23, 56; т. III, стр. 261—263; т. IV, стр. 32; т. VIII, стр. 91; «Собр. гос. гр. и дог.», т. I, стр. 638; т. II, стр. 595; т. III, стр. 171, 172, 333, 343; «Разр. кн.», т. I и II (см. указатель); «Дворц. разр.», тт. I, II, III и доп. къ III тому; «Русск. Ист. Библ.», тт. II, VIII, IX, X (см. указатели); «Опис Гос. Разр. Арх.», стр. 178, 210; «Опис. док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст.», т. II, стр. 97; «Акты Московск. государства», т. II; И. Голиковъ, «Дѣянія Петра В.», т. XII, стр. 246; 448, 510, 535, 568, 570; т. XIII, стр. 6 и 7; С. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. VIII, IX и X; Долгоруковъ, «Росс. родосл. кн.», т. I, стр. 190; Карамзинъ, «Ист. госуд. Рос.», т. XII, стр. 81, 99, пр. 411; А. Маркевичъ, «Исторія мѣстничества», стр. CXVIII; «Историко-статист. описаніе Тихвинск. Богородицк. монастыря», С.-Пб. 1888 г., стр. 172—173, 187. *В. Корсакова.*

Прозоровъ, *Григорій Михайловичъ*, тайный совѣтникъ, профессоръ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи; сынъ священника, родился въ 1803 г., умеръ 8-го января 1885 года въ Петербургѣ, погребенъ на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Первоначальное образованіе получилъ въ Черниговской Духовной Семинаріи, въ 1821 г. окончилъ философскій классъ и, какъ лучшій ученикъ, былъ отправленъ на казенный счетъ въ Петербургъ, въ Медико-Хирургическую Академію; здѣсь онъ слушалъ лекціи и въ медицинскомъ, и въ ветеринарномъ отдѣленіяхъ, въ 1825 г. окончилъ курсъ лѣкаремъ и ветеринарнымъ врачемъ и былъ награжденъ серебряною медалью, послѣ чего служилъ врачемъ въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ. Въ 1828 году онъ участвовалъ въ Турецкой кампаніи, а въ 1831 году—въ

Польской. Въ 1833 году П. служилъ въ Артиллерійскомъ, а въ слѣдующемъ году—въ Военно-Сухопутномъ госпиталяхъ. По возвращеніи съ театра военныхъ дѣйствій, онъ сталъ работать въ ветеринарномъ отдѣленіи Медико-Хирургической Академіи и уже въ 1833 году былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта при ветеринарной каѳедрѣ профессора Всеволодова. Въ 1835 году П. представилъ диссертацію о прорѣзѣ зубовъ въ младенческомъ возрастѣ и былъ признанъ докторомъ медицины, а въ слѣдующемъ году получилъ степень доктора медицины и хирургіи. Въ 1836 году П. выдержалъ экзамены изъ всѣхъ ветеринарныхъ предметовъ и былъ утвержденъ въ должности адъюнктъ-профессора ветеринарнаго отдѣленія; при этомъ Прозорову было поручено чтеніе лекцій по зоофизіологіи и экстерьеру. Послѣ выхода въ отставку Всеволодова, П. преподавалъ студентамъ медицинскаго и ветеринарнаго отдѣленій Академіи эпизоотологію и ветеринарную полицію, а по смерти профессора Лукина—зоогигіену, зоофармакологію, зоотерапію и судебную ветеринарію; кромѣ того, онъ былъ врачемъ для студентовъ и исполнялъ обязанности субъ-инспектора. Въ январѣ 1839 года ему было поручено исполнять должность ординарнаго профессора, въ 1845 году онъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи, а впослѣдствіи получилъ званіе академика. Одной изъ главныхъ заслугъ П. было то, что онъ составилъ и издалъ разнообразныя руководства по ветеринарнымъ наукамъ: «Ветеринарная родовспомогательная наука», «Полное руководство къ распознаванію и лѣченію болѣзней у лошадей», «Анатомія лошади» и пр. Прозоровъ значительно расширилъ программы преподаванія ветеринарныхъ наукъ въ Академіи и поставилъ это преподаваніе на практическую почву.

Въ засѣданіяхъ Конференціи Медико-Хирургической Академіи онъ принималъ живое участіе и ревностно поддерживалъ русскую партію профессоровъ. Научная дѣятельность П. была очень обширна. Кромѣ трудовъ, относившихся непосредственно къ ветеринаріи и другимъ отраслямъ врачебнаго искусства, онъ составилъ «Матеріалы для исторіи Импер. С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи», имѣющіе важное значеніе для исторіи медицины въ Россіи. Въ сентябрѣ 1863 года окончился срокъ службы его въ Академіи, но такъ какъ не было достойнаго преемника его обширной преподавательской дѣятельности, то П. безвозмездно продолжалъ читать лекціи по эпизоотологіи студентамъ медицинскаго и ветеринарнаго отдѣленій. Въ слѣдующемъ году онъ вышелъ изъ Академіи и послалъ на имя ея начальника Дубовицкаго письмо, въ которомъ говорилъ слѣдующее: «Разставаясь съ Академіею, я выхожу за рубежъ самаго важнаго періода моей жизни: тридцать лучшихъ лѣтъ протекли подъ священнымъ ея кровомъ, лучшія мои силы принесены на алтарь ея; все зданіе моего служебнаго счастья сложилось ея дарами. Много было вопросовъ, которыхъ рѣшеніе доставило прочные и вполнѣ достаточные матеріалы для возведенія его»; далѣе П. приносилъ душевную благодарность профессорамъ Академіи и говорилъ, что память объ ней будетъ для него вѣчно священна. Покинувъ Академію, П. продолжалъ много работать на научномъ и административномъ поприщахъ. Изслѣдовавъ новый способъ прививки оспы, онъ устроилъ телячій питомникъ и въ 1868 году положилъ начало прививки телячьей оспы въ Воспитательномъ Домѣ. Какъ человѣкъ, онъ отличался, «общедоступностью, скромностью, отзывчивостью къ нуждамъ человѣческимъ и былъ стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ». Въ послѣдніе годы жизни онъ сдѣлалъ крупныя пожертвованія въ кассы: медицинскую, студенческую и академическую и въ Общество русскихъ врачей въ Петербургѣ, гдѣ былъ почетнымъ членомъ. Въ 1885 году онъ основалъ въ Академіи студенческую стипендію, для платы за слушаніе лекцій. Кромѣ того, онъ основалъ въ Павловскѣ богадѣльню на 20 кроватей, въ память своей жены. До послѣднихъ дней жизни онъ постоянно слѣдилъ за успѣхами врачебныхъ наукъ. Прозоровъ обладалъ знаніемъ языковъ: латинскаго, греческаго, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго и польскаго. Онъ напечаталъ слѣдующіе научные труды: «Apologia naturae, primam dentionem in homine operantis etc.», дисс. на степ. д-ра мед., С.-Пб. 1835 г.; «Назначеніе

минеральныхъ водъ для домашнихъ животныхъ»—«Военно-Мед. Журн.» 1842 г., ч. 39, отд. III; «Сѣченіе сухихъ жилъ»—тамъ же, 1843 г.; «Отношеніе человѣка къ природѣ, значеніе заразъ, вліяніе на человѣка заразительныхъ болѣзней, свойственныхъ животнымъ»—«Записки Дубовицкаго» 1843 г.; «О колико у лошадей»—«Журналъ Коннозаводства» 1843 г.; «Сравнительный взглядъ на послѣднее пятилѣтіе Импер. С.-Петерб. Медико-Хир. Академіи» – «Записки Дубовицкаго» 1844 г.; «О нѣкоторыхъ видахъ колики»—«Военно-Медиц. Журн.» 1846 г.; «Сапъ въ началѣ, какъ болѣзнь излѣчимая»—тамъ же; «Ветеринарная родовспомогательная наука», С.-Пб. 1849 г.; «Полное наставленіе къ распознаванію и лѣченію болѣзней у лошадей», С.-Пб. 1850 г.; «Академическіе акты. Матеріалы для исторіи Импер. С.-Петерб. Медико-Хирургической Академіи, въ память 50-лѣтія ея собранные», С.-Пб. 1850 г.; «Ипподіэтетика», 1853 г.; «Скарлатина, окончившаяся родимцемъ»—«Проток. засѣд. С.-Петерб. Общества Русск. Врачей» 1857—1858 г.; «О способахъ лѣченія сифилитической болѣзни»—тамъ же; «Статистика венерическихъ болѣзней»—тамъ же; «Мѣстное употребленіе хлороформа» — тамъ же, 1858—1859 г.; «Общій историческій взглядъ на ветеринарную часть въ Россіи»—«Военно-Медиц. Журн.» 1859 г., ч. 74, отд. V; «Случай водобоязни у человѣка (студента Новицкаго)»—«Прот. засѣд. Общ. Русск. Врачей въ Петербургѣ», 1861—1862 г.; «Злокачественный прыщъ, наблюдаемый Н. В. Коноплевымъ и сужденіе о семъ»—тамъ же; «Зудячка (Prurigo)»—тамъ же, 1862—1863 г.; «Распознаваніе чумы у рогатаго скота»—тамъ же; «По поводу предложенія Якубовскаго объ очищеніи кожъ послѣ павшаго скота»—тамъ же; «Ветеринарная терапія», т. I, 1865 г.; «Анатомія лошади для коновальной школы. Записки по зоофизіологіи и зоофармакологіи; литографировано въ началѣ 1850 г.». Кромѣ того, въ «Журналѣ Коннозаводства» П. помѣстилъ слѣдующія статьи: «О сочиненіяхъ по ветеринарной части, вышедшихъ въ Россіи» (1844 г.), «Бѣлковинная моча у животныхъ», «Подсѣдъ и новый способъ его лѣченія», «Полное изложеніе діэтетическаго ученія о лошади» (1847—1848 г.), «О лѣченіи суставолома», «Сибирская язва» и др. Не мало статей напечаталъ онъ и въ «Трудахъ Импер. Вольно-Экономическаго Общества» и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

В. Э. Воронцовъ, «Историч. очеркъ каѳедры эпизоотологіи и бывшаго Ветерин. отдѣленія Имп. Мед.-Хир. Академіи», С.-Пб. 1898 г., стр. 20, 22, 24, 25, 53, 76—82; Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи писатели», тетр. II, С.-Пб. 1886 г., тетр. III, С.-Пб. 1887 г. и 2 дополненіе, С.-Пб. 1892 г.; «Исторія Импер. Военно-Мед. Академіи за 100 лѣтъ», С.-Пб. 1898 г., стр. 251, 290, 323, 370, 374, 412, 441, 446, 449, 450—452, 556, 517, 518 и прилож., стр. 197 и пр.; «Врачъ» 1885 г.; «Русская Медицина» 1885 г.; «Протоколы засѣд. Общ. Русск. Врачей въ С.-Пб.»; Дѣла въ архивѣ Имп. Военно-Мед. Академіи; Кондуитъ № 2036 въ 9 книгѣ, I отд., Главн. Военно-Медиц. Управленія.

Н. Кульбинъ.

Прокопій, граверъ на деревѣ XVII в.; сперва дьяконъ, потомъ іерей, въ 1646—1662 гг. онъ награвировалъ на деревѣ 23 листа «Апокалипсиса», довольно грубо. По мнѣнію Стасова многіе изъ нихъ, особенно изображающій «явленіе Господа, съ мечомъ, исходящимъ изъ устъ и съ пламенѣющими глазами, Іоанну Богослову, посреди семи свѣтильниковъ», представляетъ собою явное подражаніе гравюрамъ Виттенбергской Библіи 1541 г. или одной изъ переиначенныхъ съ нея копій. Съ этимъ мнѣніемъ согласился также и Ровинскій, раньше видѣвшій здѣсь заимствованіе изъ «Библіи» Пискатора. Изъ этого «Апокалипсиса» одиннадцать картинъ заимствованы въ изданіе «Толкованіе Апокалипсиса Андрея Каппадокійскаго», М. 1712. Тѣмъ же граверомъ исполнены три изображенія для «Кіево-Печерскаго Патерика 1655—1658 г.г.»: «Преп. Ѳедоръ и Василій», «Преп. Кукша и преп. Пименъ» и «Преп. Титъ».

Д. Ровинскій, «Русскія народныя картинки», С.-Пб. 1881 г.; В. В. Стасовъ, «Собраніе сочиненій», С.-Пб. 1892 г.; Д. Ровинскій, «Матеріалы для русской иконографіи»; Его-же, «Подробный словарь русскихъ граверовъ», С.-Пб. 1895 г.

А. Новицкій.

Прокоповичъ, *Андрей Семеновичъ*, протоіерей, писатель; происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи, род. въ 1757 г., воспитаніе получилъ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ, гдѣ обучался съ 1770 г. грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ,

философіи, богословію, ариѳметикѣ, греческому, латинскому и нѣмецкому языкамъ и 22-го февраля 1780, по окончаніи курса, рукоположенъ былъ во священника къ Харьковской Николаевской церкви и въ то же время назначенъ въ Коллегіумъ учителемъ латинскаго языка и грамматики, которую онъ преподавалъ $2^1/_2$ года, одновременно съ публичнымъ преподаваніемъ православнаго катихизиса по воскреснымъ днямъ. Въ 1782—1788 гг. П. состоялъ учителемъ исторіи и географіи, а въ 1788 г. возведенъ въ санъ протоіерея и назначенъ членомъ Харьковскаго Духовнаго Правленія, гдѣ пробылъ въ теченіе 5 лѣтъ; въ 1789 г. онъ началъ преподавать въ Коллегіумѣ еще и поэзію, въ 1790 г. опредѣленъ учителемъ риторики, при чемъ ему поручено было публичное изъясненіе Евангелія по воскреснымъ днямъ вмѣстѣ съ преподаваніемъ катихизиса; назначенный въ 1791 г. учителемъ философіи, П. въ 1794 г. опредѣленъ былъ префектомъ Коллегіума и преподавателемъ богословія, а въ 1796 г. переведенъ настоятелемъ Харьковскаго Успенскаго собора и съ 1800 по 1807 г. былъ, кромѣ того, каѳедральнымъ протоіереемъ въ Покровскомъ соборѣ. Будучи ректоромъ Коллегіума съ 29-го марта 1801 г., онъ продолжалъ исполнять должности префекта и профессора богословія и въ этихъ должностяхъ оставался и по преобразованіи училищъ въ 1817 году. Кромѣ того, онъ въ теченіе 24 лѣтъ былъ цензоромъ проповѣдей, сочиняемыхъ священнослужителями, учителями и студентами Коллегіума, 23 года былъ членомъ Консисторіи, 12 лѣтъ благочиннымъ и исполнялъ различныя особыя порученія по дѣламъ церкви. Человѣкъ умный, просвѣщенный и весьма энергичный, П. былъ награжденъ въ 1788 г. золотымъ наперснымъ крестомъ, а въ 1803 и 1811 г.—орденами Анны 2 ст. (простымъ и съ алмазами), при именныхъ рескриптахъ Александра I—отличіе единичное по тѣмъ временамъ; въ 1814 г. онъ, кромѣ того, получилъ камилавку. Въ 1821 г. возникли у Прокоповича недоразумѣнія съ преосвященнымъ Павломъ, который всячески старался отстранить отъ дѣлъ властолюбиваго протоіерея; онъ обвинилъ его въ неправильномъ повѣнчаніи одного помѣщика и въ 1822 г. удалилъ его отъ должности ректора Коллегіума и профессора богословскихъ наукъ. 17-го января 1823 г. П. просилъ уволить его и отъ должности члена Консисторіи и цензора проповѣдей. Преосв. Павелъ, не удовольствовавшись удаленіемъ П. отъ должностей, началъ противъ него судебное дѣло въ Консисторіи, которое окончилось не въ пользу обвиняемаго,—и онъ перенесъ дѣло въ Синодъ; послѣдній совершенно оправдалъ его; однако, П. прожилъ уже не долго: онъ скончался 29-го января 1826 г.—П. оставилъ по себѣ память строгаго, но образцоваго школьнаго и епархіальнаго администратора, ученаго богослова, усерднаго и краснорѣчиваго проповѣдника и устроителя колокольни при Успенскомъ соборѣ. Изъ трудовъ его напечатаны слѣдующіе: 1) «Слово на день коронованія Императрицы Екатерины II, говоренное въ Харьковскомъ соборѣ протоіереемъ А. Прокоповичемъ», С.-Пб. 1794; 2) «Поучительныя Слова» и рѣчи на праздники и высокоторжественные дни, М. 1803; 3) «Мысли при чтеніи посланій св. Апостола Павла къ Солунянамъ перваго и второго, къ Галатомъ, къ Колоссаемъ и къ Ефесеемъ, изложенныя протоіереемъ А. Прокоповичемъ», въ 4 частяхъ, С.-Пб. 1819—1821; 4) «Латинская Хрестоматія, для употребленія въ Семинаріи», Харьковъ. 1811, на латинскомъ языкѣ; 5) «Lexicon ecclesiasticorum scriptorum, nec non haereticorum, adjecto cyclo paschali», Charcoviae. 1818; 6) Календари Харьковскіе, изданные въ Харьковѣ въ 1797, 1799, 1808, 1809 и 1810 годы.

Филаретъ, Историко-статистич. описаніе Харьковской епархіи; отд. II, М. 1857, ст. 22; Харьковскій календарь на 1884 г., стр. 430—431; тоже, на 1886 г., отд. IX, стр. 144—145 и 146; «Харьковскій Сборникъ», вып. VII, Харьковъ. 1893 г., стр. 143—144, 159, 183—186; тоже, вып. IX, Харьковъ. 1895 г.,стр. 130—137, 163, 173; Историко-статистическое описаніе Харьковскаго Каѳедральнаго Успенскаго Собора, Харьковъ. 1894 г., стр. 11, 12, 16, 17, 19, 22, 138, 145, 146, 159, 161, 165—175, 319.

Прокоповичъ, *Николай Яковлевичъ* даровитый писатель и талантливый преподаватель; родился въ Оренбургѣ 27-го ноября 1810 года. Отецъ его, Яковъ Семеновичъ, служилъ управляющимъ мѣстной пограничной таможней, но вскорѣ вышелъ въ отставку и переѣхалъ съ семьей въ Нѣжинъ, гдѣ былъ из-

бранъ повѣтовымъ маршаломъ (предводителемъ) дворянства. До десятилѣтняго возраста П. воспитывался дома, а затѣмъ поступилъ въ Гимназію высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, въ которой шелъ курсомъ ниже Гоголя, но держалъ пріемные экзамены вмѣстѣ съ нимъ, въ 1821 году. Гоголь и многіе другіе были приняты во второе (старшее) отдѣленіе, П. же поступилъ въ первое (младшее) вмѣстѣ съ своимъ братомъ Василіемъ.

Въ школѣ П. сдѣлался общимъ любимцемъ товарищей, которые, съ легкой руки Гоголя, дали ему ласковое прозвище «Красненькаго» за его румяный цвѣтъ лица. Недурной собой, привѣтливый, живой и веселый мальчикъ отличался общительностью и готовностью на всѣ дружескія услуги и одолженія. Жилъ онъ во второмъ музеѣ (такъ назывались отдѣленія, по которымъ распредѣлялись пансіонеры) вмѣстѣ съ Гоголемъ, Данилевскимъ и другими. Постоянныя встрѣчи и близкіе общіе интересы связали ихъ прочной и глубокой симпатіей; все отрочество ихъ проходило на глазахъ другъ у друга.

Но не одна симпатія сверстниковъ послужила основой дружбы П. съ Гоголемъ, Данилевскимъ и нѣкоторыми другими товарищами: вскорѣ обозначилось сходство ихъ вкусовъ и увлеченій. Такъ, Гоголь, Базили и П. стали выписывать въ складчину журналы и альманахи. Потомъ начались увлеченія театромъ, горячо и сильно захватывавшія весь школьный улей: тогда всѣхъ волновали общія заботы и вездѣ слышались толки о спектаклѣ и о приготовленіяхъ къ нему; изучались роли; сильно было затронуто личное и корпоративное самолюбіе. П. не былъ изъ числа самыхъ выдающихся школьныхъ артистовъ, уступая въ этомъ отношеніи Кукольнику и Гоголю, но и онъ не мало преуспѣвалъ въ трагическихъ роляхъ, въ противоположность Гоголю, который превосходно исполнялъ роли комическія.

По окончаніи курса въ Нѣжинѣ, Гоголь и Данилевскій поѣхали въ Петербургъ искать счастья. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прибылъ къ нимъ и Прокоповичъ. Въ Петербургѣ онъ поселился на одной квартирѣ съ Гоголемъ, которому только что пришлось разстаться съ своимъ прежнимъ сожителемъ Данилевскимъ, поступившимъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Въ это время Гоголя тѣснили постоянныя неудачи, о которыхъ ближе всѣхъ зналъ, какъ непосредственный свидѣтель, Прокоповичъ. Но и Прокоповичу было не легче пробивать себѣ дорогу, и онъ также, и уже съ первыхъ шаговъ, не былъ баловнемъ обстоятельствъ. Не будучи практикомъ, онъ мало думалъ о будущемъ и безразсчетно предавался хотя и благороднымъ, но не всегда полезнымъ въ дѣловомъ смыслѣ увлеченіямъ: онъ съ упоеніемъ посѣщалъ театръ, какъ будто главной цѣлью его въ Петербургѣ были удовольствія. Въ наслажденіяхъ искусствомъ онъ забывалъ о мелкихъ невзгодахъ и уже на первыхъ порахъ не чувствовалъ себя непріютно въ новой обстановкѣ, благодаря сердечному общенію всѣхъ нѣжинцевъ, устраивавшихъ товарищескіе вечера, на которыхъ царили братство и непринужденность. Наконецъ, онъ такъ поддался обаянію театра, что захотѣлъ поступить на сцену, но, вмѣсто того, встрѣтивъ какія-то препятствія, поступилъ въ Театральную школу. «Это всѣхъ насъ сильно поразило», разсказывалъ А. С. Данилевскій: «человѣкъ съ большимъ развитіемъ и знаніями садится на скамью театральнаго училища!» Потомъ Прокоповичъ сталъ выступать и на сценѣ, но лишь въ скромныхъ роляхъ вѣстниковъ, что было, вѣроятно, причиной скораго охлажденія его пыла и даже внезапнаго исчезновенія изъ Петербурга. Такимъ образомъ первый пробный шаръ вышелъ неудачнымъ, и протерянное время осталось ничѣмъ не вознагражденнымъ. Въ 1832 г. Гоголь писалъ Данилевскому о Прокоповичѣ: «онъ еще не актеръ, но скоро будетъ имъ, можетъ быть, тотчасъ послѣ Святой», а лѣтомъ, окончательно порвавъ съ театромъ, Прокоповичъ уже наслаждался отдыхомъ на родинѣ. Все заставляетъ насъ предполагать, что Прокоповичъ или потерпѣлъ, подобно Гоголю, неудачу на испытаніи въ театрѣ, или, что еще вѣроятнѣе, просто не рѣшился на него. Въ концѣ 1832 г. онъ снова вернулся въ Петербургъ; 10-го іюля 1836 г. П. занялъ должность преподавателя русской словесности въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ. Съ этихъ поръ для Прокоповича начался неумолимый и постоянно возрастающій

гнетъ семейныхъ заботъ, необезпеченнаго состоянія и совершеннаго неимѣнія досуговъ. Трудно, тяжело было Прокоповичу среди выпавшихъ на его долю тяжелыхъ жизненныхъ условій. Ему приходилось ходить по частнымъ урокамъ изъ одного конца города въ другой, и въ этихъ мытарствахъ скоро надломилось его здоровье; прежде всего исчезъ съ лица тотъ яркій румянецъ, который когда-то доставилъ ему прозвище «Красненькаго». Жизнь Прокоповича вошла въ строго опредѣленную колею, изъ которой онъ уже никогда не могъ выбиться. У друзей все сильнѣе крѣпло убѣжденіе, что его совсѣмъ засосала проза жизни. Гоголь всячески старался пробудить въ своемъ другѣ энергію, пытался дѣйствовать на него уговорами и увѣщаніями. «Ты долженъ узнать современную славу», писалъ онъ, «долженъ начать съ нея непремѣнно, вкусить и горькіе, и сладкіе плоды. Не принимайся за большое дѣло, примись сначала за малое, пиши повѣсти, все, что угодно, но только пиши непремѣнно» и т. д. Прокоповичъ и раньше помѣщалъ въ журналахъ свои стихотворенія, и появленіе въ печати каждаго изъ нихъ радовало Гоголя, пробуждая въ немъ надежды за своего друга, но рѣдко появлявшіяся стихотворенія терялись на страницахъ журналовъ и проходили незамѣченными, а это вредно отзывалось на Прокоповичѣ и усиливало въ немъ неувѣренность въ себѣ. Изъ-подъ его пера выходили такія чудныя стихотворенія, какъ «Городъ», остроумныя баллады и сказки, но все это были мелочи; всѣ онѣ болѣе или менѣе свидѣтельствовали о талантѣ автора, но были хороши лишь какъ начало, какъ надежды на будущее... Прокоповичъ постоянно былъ поглощенъ заботами минуты и выбиться изъ тѣсной колеи ему не представлялось ни малѣйшей возможности и приходилось поневолѣ мириться съ тяжелымъ положеніемъ. Между тѣмъ, любовь къ избранному имъ педагогическому труду и замѣчательная способность къ нему (Гребенка говоритъ, что онъ не зналъ лучшаго преподавателя грамматики, нежели Прокоповичъ), тихая и счастливая семейная жизнь и дружеское общеніе съ такими людьми, какъ Бѣлинскій, Плетневъ и другіе, многое скрашивали въ существованіи Прокоповича и незамѣтно помогали ему мириться съ своей долей. На понуканія Гоголя Прокоповичъ наконецъ отвѣчаетъ, что онъ «совершенно сжился со своею незамѣтною и скромною жизнью, что педагогическія холодныя заботы ему даже какъ-то нравятся, что даже ему скучно, когда придутъ праздники»...

Нѣкоторое время Гоголь все еще не оставлялъ своихъ надеждъ на П.; онъ писалъ ему въ отвѣтъ на приведенныя строки: «Нѣтъ, изъ жалости не бросай такъ равнодушно этихъ лѣтъ. Они не возвратятся и никогда не возвратится вмѣстѣ съ ними та дѣятельность воображенія, которую подымаютъ свѣжія силы молодости»; спустя десять лѣтъ, уже не за-долго до своей смерти (въ 1845 г.), онъ писалъ Плетневу о П., убѣждая его воспользоваться для «Современника» дарованіями послѣдняго, при чемъ, вспоминая прошлое, говорилъ: «Про всѣхъ тѣхъ, которые воспитывались со мною, у него раньше, чѣмъ у всѣхъ другихъ, показалась наглядность, наблюдательность и живопись жизни. Его проза была свободна, говорлива, все изливалось у него непринужденно-обильно, все доставалось ему легко и пророчило въ немъ даровитѣйшаго романиста» и т. д. Впрочемъ, въ Гоголѣ развилось въ отношеніи къ П. нѣсколько покровительственное и высокомѣрное чувство, непріятно поражавшее постороннихъ людей, какъ, напр., Панаева, видѣвшаго ихъ, когда Гоголь проѣздомъ черезъ Петербургъ остановился у П. Но тотъ-же Панаевъ вынесъ о П. впечатлѣніе, какъ о чудакѣ, но добрѣйшемъ человѣкѣ. Эта черта сердечной доброты не разъ сказалась и въ отношеніяхъ П. къ Гоголю, который нерѣдко давалъ П. сложныя и трудныя порученія.

Борьба съ житейскими невзгодами имѣла для П. самый неутѣшительный и прозаическій исходъ. Сначала, какъ мы сказали, пропала его веселая беззаботность и исчезъ его румянецъ, а со временемъ у него развилась злая чахотка, отъ которой онъ и сошелъ въ могилу 1-го іюня 1857 года; погребенъ онъ въ Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ.

Первое стихотвореніе П.—«Мои мечты» было напечатано въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» за

1831 г. (гдѣ въ 1832 г. онъ помѣстилъ стихи «Къ портрету В. Скотта»), а въ 1832 г. онъ помѣстилъ въ альм. «Сѣв. Цвѣты» стих. «Полночь»; затѣмъ произведенія его напечатаны: баллада «Полнолуніе»—въ «Библ. для чтенія» 1835, ч. VIII; «Своя семья», повѣсть въ стихахъ—въ «Моск. Наблюдателѣ» 1835, ч. 2; «Повѣсть о томъ, какъ Садко богатый былъ въ гостяхъ у царя Морского»—въ «Сынѣ Отеч.» 1836; «Сестра и братья», сербская баллада—въ «Современникѣ» 1838 г.; «Городъ» и «Сторожъ», стих.—тамъ же; «Графъ Конрадъ и его жена», стих.—въ «Современникѣ» 1840 г.; «Ѳедина елка», стих.—въ «Звѣздочкѣ»; «Тѣни Пушкина»—въ «Журн. для чтенія воспит. Военно-учебн. заведеній».

Въ 1858 г. вышелъ сборникъ «Стихотвореній Н. Я. Прокоповича» (С.-Пб.) съ біографіей умершаго писателя, написанной Н. В. Гербелемъ.

Природная застѣнчивость и тяжелыя матеріальныя условія помѣшали полному развитію и надлежащему примѣненію далеко недюженныхъ способностей П.; судьба его также не представляла ничего особенно выдающагося; но, при всемъ томъ, эта благородная и симпатичная личность достойна вниманія, какъ по собственнымъ небольшимъ заслугамъ, такъ и по близкимъ отношеніямъ, которыя соединяли П. съ такими крупными величинами нашей литературы, какъ Бѣлинскій Плетневъ и особенно Гоголь.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1857 г., № 130 (некрологъ); «Николай Яковлевичъ Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю» («Современникъ» 1858, II); Письма Прокоповича къ Гоголю см. въ «Русской Старинѣ» (1889, I, 14—15) и въ брошюрѣ Е. В. Пѣтухова: «Письма Гоголя къ Прокоповичу».—Письма Гоголя къ Прокоповичу были напечатаны въ отрывкахъ въ «Библіотекѣ для чтенія» 1857 г., №№ II и XI, въ статьѣ П. В. Анненкова: «Воспоминанія о Гоголѣ» и въ названныхъ выше статьяхъ; въ полномъ видѣ—въ «Русскомъ Словѣ» (1889, I) и въ брошюрѣ Е В. Пѣтухова «Письма Н. В. Гоголя къ Прокоповичу», Кіевъ. 1895; о Прокоповичѣ и нѣкоторыя его письма къ Гоголю см. въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», Шенрока; «Замѣта о письмахъ Н. В. Гоголя къ Прокоповичу», Е. В. Пѣтухова (въ «Русской Старинѣ» 1892, XI); Н. В. Гербель, «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Хрестоматія для всѣхъ», С.-Пб. 1873.

В. И. Шенрокъ.

Прокоповичъ, *Петръ Ивановичъ*, первый русскій пчеловодъ—теоретикъ и выдающійся практикъ; род. 29-го іюня 1775 года въ селѣ Миченкахъ, Черниговской губерніи, близъ гор. Батурина, въ дворянской семьѣ; умеръ 22-го марта 1850 года. Въ 1786 году, отвезенный отцомъ въ Кіевъ, онъ былъ опредѣленъ въ Кіевскую Духовную Академію, въ которой учился съ большимъ прилежаніемъ и успѣхами. По окончаніи курса Прокоповичъ намѣревался поступить въ Московскій Университетъ, но отецъ, не соглашаясь на это, отправилъ его въ Херсонъ къ брату, служившему капитаномъ въ гвардіи, и послѣдній опредѣлилъ П—ча кадетомъ въ Переяславскій конно-егерскій полкъ. Въ 1774 году Прокоповичъ былъ произведенъ въ корнеты, а въ 1796 г. переведенъ въ гусарскій Боура полкъ съ назначеніемъ адъютантомъ къ шефу этого полка—Боуру. Въ 1789 году, по болѣзни, Прокоповичъ вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика, уѣхалъ къ отцу и жилъ у него, наблюдая за хозяйствомъ.

Въ 1799 году Прокоповичъ, случайно увидѣвшій пчелъ въ ульѣ за работой, возымѣлъ страстное желаніе заняться пчеловодствомъ, но сначала опыты его были неудачны. Начавъ послѣ этого внимательное наблюденіе за жизнью пчелъ и изученіе ихъ нравовъ, П. вскорѣ достигъ замѣтныхъ успѣховъ.

Съ 1802 года онъ занялся исключительно пчеловодствомъ, но весь первый періодъ его дѣятельности былъ полонъ ошибокъ: не знакомый съ литературой по пчеловодству, онъ свои пріемы основывалъ на личныхъ наблюденіяхъ надъ жизнью пчелъ и на цѣломъ рядѣ опытовъ, часто неудачныхъ, но давшихъ ему возможность сдѣлать нѣсколько полезныхъ открытій въ искусствѣ пчеловодства, а впослѣдствіи и возвысить его на степень науки. Вполнѣ самостоятельный, Прокоповичъ сумѣлъ своими опытами разсѣять традиціонныя заблужденія, до него практиковавшіяся. Впослѣдствіи онъ познакомился съ французской и нѣмецкой литературой о пчеловодствѣ, но не ставилъ ея высоко, а разсужденія французскаго естествоиспытателя Реомюра о пчеловодствѣ находилъ, за исключеніемъ анатомическихъ изслѣдованій его о пчелахъ и описанія устройства ихъ членовъ, дѣтскими.

Желая распространить свои знанія, пріобрѣтенныя долгими и упорными тру-

дами, Прокоповичъ рѣшилъ заняться обученіемъ другихъ пчеловодному искусству и въ 1828 году открылъ, съ одобренія Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, спеціальную школу въ Батуринѣ. Цѣлью этой школы было—научить простыхъ людей теоретическимъ познаніямъ о пчелахъ и раціональному управленію ими. Программа этой школы была составлена самимъ П. И. Прокоповичемъ. Московское Общество сельскаго хозяйства, цѣня заслуги Прокоповича, избрало его въ 1829 году своимъ дѣйствительнымъ членомъ, а за учрежденіе школъ пчеловодства наградило его серебряной и въ 1832 году—золотою медалью. Съ учрежденіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, по представленію министра графа П. Д. Киселева, Прокоповичъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Батуринская школа Прокоповича, поддерживаемая постоянными личными его трудами, пріобрѣла большую популярность среди всѣхъ занимавшихся пчеловодствомъ. Изъ описанія этой школы, сдѣланнаго непремѣннымъ секретаремъ Вольно-Экономическаго Общества, видно, что въ 1846 году въ ней было до 48 учениковъ, частью изъ казенныхъ, частью изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Пчельникъ, въ которомъ занимались ученики, состоялъ изъ 500 ульевъ. Курсъ ученія продолжался въ школѣ Прокоповича 2 года, и ученики, возрастъ которыхъ колебался между 16 и 40 годами, обучались въ ней, кромѣ пчеловодства, и грамотѣ. Искусство пчеловодства преподавалось по запискамъ самого Прокоповича, составленнымъ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, а теоретическія познанія учениковъ провѣрялись въ пчельникѣ, на практикѣ.

Литературная дѣятельность П. И. Прокоповича выразилась въ цѣломъ рядѣ статей, которыя были имъ присылаемы въ Московское Общество сельскаго хозяйства. Кромѣ интересныхъ «отчетовъ» о дѣйствіяхъ школъ пчеловодства за 1829, 1830 и дальнѣйшіе годы, надлежитъ упомянуть слѣдующія статьи его: «О пчеловодствѣ и о гнильцѣ въ ульяхъ» (1827 г.); «О семействахъ пчелиныхъ», «О маткахъ пчелиныхъ» (1828 г.), «Опытъ размноженія одного семейства пчелъ, давшаго въ 1828 г. значительный сборъ меда, и наблюденія надъ пчеловодностью матки», «Описаніе естественнаго хода пчеловодства и бывшихъ въ немъ происшествій и приключеній въ нынѣшнемъ году» (1829 г.), «Политическія дѣйствія при управленіи пчелинымъ заводомъ», «О пользѣ разведенія для пчелъ синяка, echium vulgare, растенія маслобойнаго и медоноснаго» (1833 г.), «Грамота пчеловодства, или искусство изображать опредѣленными знаками различныя состоянія пчелиныхъ семей, съ рисунками» (1836 г.), «Политико-экономическій взглядъ на пчеловодство въ Россіи» и др. Особенно интересна статья Прокоповича «О семействахъ пчелиныхъ», помѣщенная въ «Земледѣльческомъ Журналѣ» за 1827 годъ, № XXI. Въ ней онъ дѣлитъ пчелъ на три разряда: 1) добрыхъ, тихонравныхъ, умныхъ, 2) злыхъ, кусливыхъ, воровatыхъ, 3) плохихъ, глупыхъ и т. п., говоритъ объ ихъ «присягѣ» на вѣрность маткѣ и т. д. Прокоповичъ считаетъ, что онъ «открылъ главныя естественныя познанія о пчелахъ, которыя еще никѣмъ къ пользѣ объяснены не были», что онъ «проникъ въ тайны рода пчелинаго далѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, написалъ о пчелахъ и пчеловодствѣ методическое сочиненіе, совершенно отличное отъ всѣхъ прежнихъ своимъ существомъ и придумалъ новаго сложенія улей, наилучше приспособленный къ климату и обиходу». Этотъ улей «новаго сложенія» не могъ, однако, вытѣснить прежнихъ дупляныхъ и только впослѣдствіи, вслѣдствіе разныхъ перемѣнъ въ его устройствѣ и благодаря развитію просвѣщенія, получилъ у пчеловодовъ право гражданства.

П. И. Прокоповичу принадлежитъ честь изобрѣтенія различной системы ульевъ, которыя составляютъ важный шагъ впередъ къ раціональному пчеловодству, а его изслѣдованія, наблюденія надъ жизнью пчелъ и указанія лучшихъ способовъ ухода за ними отличаются особенной цѣнностью, какъ совершенно самостоятельныя.

А. И. Ходневъ, «Исторія Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества», С.-Пб., 1865, стр. 135, 230, 504; С. А. Масловъ, «Историческое обозрѣніе Императорскаго Общества сельскаго хозяйства». Москва, 1846, стр. 56, 63, 76, 119, 124, 129, 187—189, 245, 246, 287; приложеніе, стр. 119; А. П. Перепелкинъ, «Историческая записка объ учрежденіи Императорскаго Московскаго общества сель-

ского хозяйства», Москва. 1895, стр. 32, 49, 67, прил., стр. 10, 15; И. Токмаковъ, «Обзоръ матеріаловъ по исторіи пчеловодства», Москва. 1899 г., №№ 43, 64, 107, 172, 180, 250, 253, 281, 291, 302, 359; «Отчетъ Импер. Вольно-Экономическаго Общества» за 1839 г., стр. 67; «Труды Вольно-Экономическаго Общества» 1842 г., стр. 218—223; 1846 г., ч. II, отд. 3, стр. 121; 1874 г., т. I, стр. 63—18, 69—81; 1876 г., т. II, стр. 431 слѣд.; т. 36, стр. 133; т. 74, стр. 26, т. 82, стр. 12; «Извѣстія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи», томъ 70; «Кіевлянинъ» 1876 г., № 136; «Русскій Архивъ» 1881 г., т. II, стр. 122; «Черниговскія Губернскія Вѣдомости» 1850 г., къ № 19-му, стр. 189; «Атеней» 1828 г., ч. I, № 3, стр. 105—107; «Земледѣльческій Журналъ» 1829 г., № XXV, стр. 247; 1836 г., № 1, стр. 14—15, 268; «Москвитянинъ» 1850 г., кн. II, № 10, стр. 32; «Журналъ Сельскаго Хозяйства и Овцеводства» 1850 г., № 5, стр. 133—148; № 12, стр. 238—244; «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» 1850 г., ч. 37, № 10, стр. 51—61; «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1851 г., т. LXX, отд. VI, стр. 88—89; «Воспоминанія Бурнашева»—«Русскій Вѣстникъ» 1872 г., № 5, стр. 102. *А. Петровъ.*

Прокоповичъ, *Прохоръ Карповичъ*, протоіерей лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, писатель; сынъ священника, род. въ 1789 г. въ с. Черепинѣ, Черкасскаго уѣзда Кіевской губ., ум. около 1870 г. Образованіе получилъ въ Кіевской Духовной Академіи, курсъ которой окончилъ въ 1813 г. и въ слѣдующемъ году, 15-го марта, былъ рукоположенъ во священника, въ Кіевѣ. Вскорѣ онъ поступилъ на службу въ Литовскій корпусъ, около 1830 г. состоялъ въ числѣ духовенства Варшавской дворцовой церкви великаго князя Константина Павловича, былъ въ плѣну у поляковъ, а по окончаніи польской кампаніи былъ переведенъ въ гвардейскій корпусъ. Изъ литературныхъ трудовъ его извѣстны: «Духовный подарокъ рекрутамъ», изд. 1842 г; «Письмао причинахъ отдѣленія Западной церкви отъ Восточной», изд. 1862 г.; «Письма отца къ сыну о началѣ употребленія въ церкви Христовой Знаменія Креста Христова», изд. 1864 г.

«Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости» 1864 г., № 8, отд. II, стр. 242—244; «Православное Обозрѣніе» 1864 г., т. XIV, № 7, отд. II, стр. 158—160, списки, стр. 804. *И. Ефимовичъ.*

Прокоповичъ, *Савва*, Малороссійскій генеральный судья. Свѣдѣнія о немъ начинаются съ 1669 года, когда онъ, будучи сотникомъ Воронежскимъ, Нѣжинскаго полка, подписалъ, въ числѣ прочихъ, актъ избранія Многогрѣшнаго въ гетманы. По разсказу старожиловъ, записанному въ «Генеральномъ слѣдствіи о маетностяхъ», производившемся въ Малороссіи въ 1729—30 годахъ, «Савва сталъ сотникомъ (Воронежскимъ) за гетмана Многогрѣшнаго, ѣздилъ въ Москву и для размноженія народа и расширенія города (Воронежа) выправилъ монаршую жалованную грамату». Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ посланнаго въ Москву гетманомъ Многогрѣшнымъ Нѣжинскаго полковника Матѳѣя Гвинтовку, упоминается «козакъ Савва Чернышенко»,—быть можетъ одно лицо съ П. На урядѣ Воронежскаго сотника П. оставался по 1672 годъ, когда, при замѣщеніи генеральныхъ урядовъ, послѣ избранія въ гетманы Самойловича, онъ былъ поставленъ изъ сотниковъ генеральнымъ писаремъ. Такое повышеніе можно объяснить лишь тѣмъ, что П. былъ человѣкомъ весьма замѣтнымъ среди тогдашней малороссійской старшины. На Коломацкихъ статьяхъ, составленныхъ при избраніи въ гетманы Мазепы въ 1687 г., П. подписался уже генеральнымъ судьею, а до этого времени занималъ должность писаря генеральнаго суда. Онъ участвовалъ въ 1687 году въ Чигиринскомъ походѣ, а въ 1686 и 1688 гг.—въ двухъ Крымскихъ, за что ему было пожаловано, 20-го сентября 1690 года, село Кудровка, Сосницкаго у. Генеральнымъ судьей П. оставался по 1700 годъ, когда къ нему былъ поставленъ въ товарищи другой судья, Василій Кочубей, названный при этомъ старшимъ судьей, изъ чего можно заключить, что въ это время П. былъ уже старъ и не могъ управиться одинъ съ дѣлами суда. Умеръ онъ въ концѣ 1700 или въ началѣ 1701 года, какъ это видно изъ гетманскаго универсала на имѣнія, даннаго его вдовѣ, гдѣ онъ названъ «недавно змерлымъ». Сынъ его Семенъ, называвшійся по отцу уже Савичемъ, былъ генеральнымъ писаремъ.

Дѣло Архива Департамента Герольдіи Правит Сената о дворянствѣ рода Савичей; А. Лазаревскій, Описаніе Старой Малороссіи, т. II: Полкъ Нѣжинскій, Кіевъ. 1893 (по указателю); «Кіевская Старина» 1891 г., т. I, стр. 143; Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, т. I, ст. 807, 897; «Акты южной и западной Россіи», т. VIII, стр. 172, т. IX, стр. 946; «Собраніе государственныхъ граматъ и договоровъ», т. IV, стр. 56. *В. Модзалевскій.*

Прокоповичъ - Антонскій, *Антонъ Антоновичъ*, заслуженный профессоръ и ректоръ Московскаго Университета, директоръ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, предсѣдатель Общества любителей Россійской словесности, писатель, педагогъ. Родился въ Малороссіи 17-го января 1762 г. и происходилъ изъ дворянскаго рода, но отецъ его поступилъ въ духовное званіе и былъ священникомъ въ Черниговской губерніи. Въ 1773 г. П.-А. отданъ былъ въ Кіевскую Академію, которая въ это время была на верху своей славы и процвѣтанія, будучи прекрасно обставлена педагогическими силами. Съ успѣхомъ пройдя курсъ Академіи, П.-А. въ 1782 году перешелъ студентомъ въ Московскій Университетъ и воспитывался здѣсь на счетъ Новиковскаго Дружескаго ученаго общества. Прокоповичъ слушалъ лекціи по медицинскому и философскому факультетамъ и неоднократно получалъ медали за успѣхи: въ 1784 г.—серебряную по каѳедрѣ химіи, въ 1785 г.—такую-же по философскому факультету и въ 1786 г.—по медицинскому. Произведенный въ 1784 г. баккалавромъ Учительскаго Института, онъ былъ репетиторомъ университетскихъ гимназистовъ и предсѣдательствовалъ въ Собраніи университетскихъ питомцевъ, а въ 1787 г. опредѣленъ секретаремъ по дѣламъ Университета при кураторѣ Мелиссино и тогда же поступилъ учителемъ естественно - историческихъ наукъ въ Университетскій Благородный Пансіонъ, гдѣ преподавалъ въ теченіи 15 лѣтъ. 7-го марта 1788 г. П.-А. получилъ званіе адъюнкта и занялъ въ Университетѣ каѳедру энциклопедіи и натуральной исторіи, при чемъ первый сталъ читать ее на русскомъ языкѣ; въ это время онъ привелъ въ порядокъ и описалъ кабинетъ натуральной исторіи и съ 1788 г. по 1790 г. редактировалъ журналъ: «Магазинъ натуральной исторіи, физики и химіи», выходившій въ видѣ приложеній къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» (вышло 10 частей); кромѣ того, П.-А. одно время завѣдывалъ Университетскимъ ботаническимъ садомъ. Получивъ 28-го февраля 1790 г. званіе экстраординарнаго профессора по той-же каѳедрѣ, онъ въ 1791 г. занялъ мѣсто инспектора Университетскаго Благороднаго Пансіона, для котораго передъ вступленіемъ въ должность, написалъ новый уставъ. Въ званіи ординарнаго профессора П.-А. состоялъ съ 28-го ноября 1794 г., а въ 1804 г., при введеніи новаго университетскаго устава, назначенъ былъ на каѳедру сельскаго хозяйства и минералогіи. Съ 1807 до 1817 г., когда онъ былъ избранъ проректоромъ Университета, П.-А. шесть разъ былъ избираемъ деканомъ физико-математическаго факультета, въ 1818 г. избранъ былъ въ первый разъ ректоромъ, въ 1821 г. избранъ имъ вторично, въ 1824 г.—въ третій разъ, но, не дослуживъ до конца трехлѣтія, въ 1826 г. уволился отъ этой должности; въ 1828 г. онъ временно былъ проректоромъ Университета и тогда-же вышелъ въ отставку. Въ 1818 г. П.-А. былъ назначенъ директоромъ Благороднаго Пансіона и пробылъ въ этомъ званіи до 3-го сентября 1824 г., будучи 31-го декабря 1818 г. утвержденъ заслуженнымъ профессоромъ Университета. Кромѣ прямыхъ обязанностей по Университету и Пансіону, П.-А исполнялъ и другія: такъ, онъ неоднократно былъ посылаемъ визитаторомъ въ разныя учебныя заведенія Московскаго учебнаго округа, былъ членомъ (съ 1805 г.) комитета при Университетѣ «о составленіи ученой русской исторіи», въ 1808 г. составилъ проектъ преобразованій Ярославскаго высшихъ наукъ училища, съ 1795 г. былъ цензоромъ книгъ, печатавшихся въ Университетской типографіи, въ слѣдующемъ году—составилъ штаты Московской цензуры, въ которой былъ назначенъ цензоромъ, а съ 1803 г. состоялъ членомъ Московскаго Цензурнаго Комитета. Въ 1811 г. П.-А. за долговременную службу и пользу, принесенную Московскому Университету и особенно—Благородному Пансіону былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст., а въ 1817 г. произведенъ въ д. с. совѣтники.

Какъ профессоръ, П.-А. не оставилъ послѣ себя слѣдовъ въ наукѣ, которую читалъ; при изложеніи своего предмета онъ руководствовался трудами другихъ ученыхъ, напр.—Бомара и др.—въ области минералогіи, а растенія и животныхъ описывалъ по господствовавшей въ то время Линнеевой системѣ.

Дѣятельность П.-А. на поприщѣ лите-

ратурно - общественномъ была гораздо болѣе плодотворна: въ самомъ характерѣ его было много данныхъ для такой дѣятельности: спокойный, доброжелательный; всегда ровный въ обращеніи съ людьми, онъ умѣлъ сближать ихъ между собою, примирять и склонять къ работѣ на общую пользу. Благодаря, главнымъ образомъ, мягкому, тактичному своему характеру, а не литературнымъ дарованіямъ, онъ въ 1784 г. сталъ предсѣдателемъ въ основанномъ за два года передъ этимъ Собраніи Университетскихъ питомцевъ, а въ 1789 г.—секретаремъ только что открытаго при Университетѣ Общества любителей Учености, для котораго онъ-же составлялъ и уставъ. Наиболѣе плодотворна была дѣятельность П.-А. въ учрежденномъ въ 1810 году при Университетѣ Обществѣ любителей Россійской словесности, въ коемъ онъ уже въ 1811 году былъ избранъ предсѣдателемъ; работами и собраніями общества П.-А. съ успѣхомъ руководилъ 15 лѣтъ (до 1826 г.), и это время, въ теченіе котораго было издано двадцать семь книжекъ «Трудовъ», Общества, было временемъ расцвѣта его дѣятельности; въ нихъ заключается не мало изслѣдованій по русскому языку и его нарѣчіямъ, грамматикѣ, синтаксису, исторіи, археологіи, критикѣ, не говоря о большомъ количествѣ произведеній изящной литературы. П.-А., благодаря своему такту и дипломатическимъ способностямъ, умѣлъ объединять членовъ Общества, умиротворять столкновенія литераторовъ между собою, ободрять начинающихъ, поддерживать ихъ своими совѣтами, возбуждать ихъ дѣятельность на пользу науки и литературы. Самъ П.-А. въ издававшихся Обществомъ «Трудахъ» и «Сочиненіяхъ въ прозѣ и стихахъ» не принималъ особенно виднаго участія (онъ ограничивался только рѣчами, произносимыми передъ торжественными засѣданіями общества,—напр.: «О преимуществахъ и недостаткахъ Россійскаго языка» и т. под.), но раньше былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ нашихъ писателей. Еще въ 1782—1785 г., будучи студентомъ, П.-А., съ братомъ своимъ Михаиломъ и другими лицами, былъ сотрудникомъ Новиковскихъ журналовъ, издававшихся при Обществѣ университетскихъ питомцевъ: «Вечерней Зарѣ», «Покоющемся Трудолюбецѣ» и въ извѣстномъ «Дѣтскомъ чтеніи для сердца и разума» (1785 г.), въ которомъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, издавъ первыя четыре части этого журнала.

Наиболѣе полезна въ жизни П.-А. была дѣятельность его въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Заботы его объ этомъ заведеніи и его питомцахъ достойны добраго воспоминанія. Не говоря о внѣшнемъ благоустройствѣ, онъ старался обставить Пансіонъ лучшими педагогическими и учеными силами, умѣлъ привлечь въ составъ преподавателей лучшихъ профессоровъ университета, составлялъ учебники, программы и т. под. Особенно заботясь о развитіи литературныхъ вкусовъ своихъ питомцевъ, П.-А. устраивалъ засѣданія Общества любителей словесности въ залѣ университетскаго пансіона, и на нихъ присутствовали старшіе воспитанники; затѣмъ, онъ содѣйствовалъ основанію «Дружескаго литературнаго Общества» воспитанниковъ пансіона (1801), которое, будучи руководимо П.-А.,—почетнымъ членомъ общества,—издало въ 1802—1808 г. шесть томовъ «Утренней Зари» (здѣсь, въ ч. V, 1807 г. П.-А. снова перепечаталъ свою рѣчь «О воспитаніи»), за которой послѣдовали сборники: «Въ удовольствіе и пользу» (1810) и «Калліопа» (1815 — 1820 г.). Онъ непрестанно былъ въ кругу своихъ учениковъ, въ непосредственномъ съ ними общеніи, и питомцы Пансіона навсегда сохраняли къ своему директору чувства уваженія, съ любовью вспоминая свои ученическіе годы. Стоя во главѣ заведенія 33 года, П.-А. выпустилъ изъ него не мало полезныхъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ; умѣя отмѣтить, угадать способности юноши, онъ развивалъ ихъ, руководилъ нѣкоторыми и, по выходѣ изъ пансіона, поддерживалъ ихъ матеріально, какъ напр., Жуковскаго. Со стороны писателей новѣйшаго направленія, литературные вкусы П.-А. не встрѣчали сочувствія, даже подвергались насмѣшкамъ и злобнымъ выходкамъ, но не въ этой сторонѣ дѣятельности П.-А. его заслуги.

Въ послѣдній періодъ своей жизни П.-А. дѣятельно работалъ въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства, съ самаго основанія его; въ 1823 году онъ былъ избранъ начальникомъ 1-го

Отдѣленія Общества, завѣдывающимъ учеными трудами его и изданіемъ «Земледѣльческаго Журнала» (до 1845 г.); въ 1840 г. онъ получилъ отъ Общества золотую медаль за 20-ти-лѣтніе труды, въ 1845 г. избранъ былъ вторымъ вице-президентомъ Общества и начальникомъ 4-го Отдѣленія; съ обязанностями послѣдняго званія было сопряжено и завѣдываніе Земледѣльческою Школою, на устройство и веденіе которой онъ положилъ не мало трудовъ и для которой пожертвовалъ 3000 р. Въ 1846 г. въ залѣ Общества былъ помѣщенъ его портретъ.

П.-А. скончался отъ холеры 6-го іюля 1848 г. въ Москвѣ и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Кромѣ названныхъ выше, П. А. былъ членомъ обществъ: Соревнованія физическихъ и медицинскихъ наукъ при Университетѣ (съ 1804 г.), Импер. Вольно-Экономическаго (1805), Исторіи и древностей Россійскихъ (1807) и почетнымъ членомъ: Императорскаго Общества натуралистовъ въ Москвѣ (1806), Общества словесности при Ярославскомъ Демидовскомъ училищѣ (1814), Петербургскаго Общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія (1818), Любителей словесности, наукъ и художествъ (1820), любителей коммерческихъ знаній (1821) и Московскаго университета (съ 7-го декабря 1833 г.); кромѣ того, въ 1813 г. онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорской Россійской Академіи, а съ 1841 г. состоялъ почетнымъ членомъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Рѣчь П.-А.: «О воспитаніи», произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 30-го іюня 1798 г., была издана отдѣльно три раза, подъ измѣненными заглавіями: въ 1798 г. (М. 4°), въ 1809 г. (М.) и въ 1818 г. (И. И. Давыдовымъ, въ Москвѣ) и перепечатана въ книгѣ Н. В. Сушкова «Московскій университетскій пансіонъ», М. 1858, стр. 90—113; кромѣ того, онъ издалъ: «Слово о началѣ и успѣхахъ наукъ и въ особенности — естественной исторіи», М. 1791 (рѣчь въ торжественномъ Собраніи Университета 1-го іюля 1791 г.) и «Разговоръ о томъ, какъ нужно понимать природу и самихъ себя для довольствія самимъ собою, спокойствія и счастія», М. 1819, 4°.

«Сѣверная Пчела» 1848 г., № 156, стр. 623 и № 157, стр. 626 (ст. Ар—ва); «Моск. Вѣд.» 1848 г., № 82 и № 84, статья Н. В. Сушкова; то-же, отд. изд., М. 1848 г.; «Москвитянинъ» 1848 г., ч. IV, № 8, стр. 190 - 206 (статья С. П. Шеверева и отд. отт.); «Моск. Вѣд.» 1848 г., № 140 (статья С. А. Маслова; то-же «Журн. сельск. хоз. и овцеводства» 1848 г., № 10, стр. 107—111); «Журн. М. Н. П.» 1849 г., ч. LXI, стр. 50—53; «Отеч. Зап.» 1849 г., т. 64, стр. 64—89; «Волог. Губ. Вѣд.» 1849, № 7, стр. 73—76; «Отчеты Импер. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и словесности», С.-Пб. 1851, стр. 217—221; Н. В. Сушковъ, «Московскій университетскій благородный пансіонъ», изд. 2-е, М. 1858 (съ портретомъ П.-А.); «Біограф. словарь профессоровъ Московскаго Университета», М. 1855, ч. I, стр. 12—36 (статья С. П. Шевырева); В. Аскоченскій, «Кіевъ съ его училищемъ академіею», К. 1856, ч. II, стр. 316—319; «Пам. книжка Полт. губ. на 1866 г.»; Неустроевъ, Историч. разысканіе, С.-Пб. 1874; «Русск. Вѣстн.» 1824 г., кн. 4, стр. 20—24; М. Н. Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты», М. 1867; С. Масловъ, Историческое обозрѣніе импер. Моск. общества сельскаго хозяйства, М. 1864, стр. 122, прилож., стр. 111, 117, 138, 255, 256, 257; А. П. Перепелкинъ, Историческая записка объ учрежденіи Импер. Моск. Общества Сельскаго хозяйства, М. 1895. passim, (съ портретомъ), прилож., стр. 15, 29, 30, 31; «Вѣстникъ Сельскаго хозяйства» 1901 г., № 102 (50), стр. 3—5 (съ портретомъ); «Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ», т. I—II; «Мелочи изъ запаса моей памяти», М. А. Дмитріева, М. 1869 г.; Н. С. Тихонравовъ, Сочиненія, т. III, ч. 1 и 2; Лѣтописи Русск. литературы, его-же, 1861 г., кн. 6, отд. II, стр. 81—116 (въ запискахъ Калайдовича); Собр. сочиненій Жуковскаго и Письма его къ А. И. Тургеневу, М. 1895 г.; Н. П. Барсуковъ, Жизнь и Труды Погодина, pasim.; «Русск. Архивъ» 1883, 1889, 1892 и др., «Русск. Стар.» passim; Сочиненія Батюшкова, подъ ред. Л. Н. Майкова; «Русскіе люди», изд. М. О. Вольфа, т. II, С.-Пб. 1866, стр. 169—189; «Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древн.», 1869, № 3; Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, изд. 2; «Старина и Новизна», кн. II и IV; «Душеполезное Чтеніе» 1865 г., № 1, стр. 1—6; «Сѣв. Пчела» 1860 г., стр. 169 (письмо къ В. Н. Каразину, 22-го апр. 1818); «Сатиры, посланія и другія стихотв. М. В. Милонова», С.-Пб. 1819, стр. 135 (къ портрету П.-А.); «Сборн. 2 отд. Имп. Акад. Наукъ», т. VI, стр. 302 (письмо къ И. А. Крылову); Н. Колюпановъ, Біографія А. И. Кошелева, М. 1889, т. I, стр. 21—23.

Б. Львовъ.

Прокоповичъ-Антонскій, *Владиміръ Михайловичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ (братъ слѣдующаго); род. 29-го іюня 1793 г. Воспитывался въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, при выходѣ изъ котораго, какъ отличнѣйшій ученикъ, былъ записанъ на золотой доскѣ, а затѣмъ — въ Императорскомъ

Московскомъ Университетѣ; въ 1804 г. поступивъ въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, онъ въ 1810 г. перешелъ въ Экспедицію о государственныхъ доходахъ и, по особому журналу Комитета Министровъ, 16-го марта 1814 г. былъ отправленъ къ большой дѣйствующей арміи бухгалтеромъ при ликвидаціонныхъ коммиссіяхъ, а 10-го іюля опредѣленъ былъ въ Кёнигсбергскую ликвидаціонную коммиссію для разсчетовъ съ Пруссіею, исполнялъ нѣкоторое время должность Русскаго консула въ Кенигсбергѣ, гдѣ оставался до августа 1818 г., послѣ чего сопровождалъ Императора Александра до Берлина въ качествѣ чиновника для особыхъ порученій. 1-го февраля 1820 г., по окончаніи дѣлъ Кёнигсбергской ликвидаціонной коммиссіи, П.-А. вернулся въ Экспедицію, а 8-го мая 1821 г. назначенъ начальникомъ Казенной экспедиціи Верховнаго грузинскаго правительства. Прослуживъ въ Тифлисѣ три года, онъ въ 1824 г. назначенъ былъ вице-губернаторомъ въ Пензу, гдѣ отличался своею распорядительностью во время борьбы съ холерою (въ 1830 г.); въ 1833 г. произведенный въ д. с. совѣтники, онъ въ 1836 г. (1-го января) опредѣленъ былъ и. д. Рязанскаго гражданскаго губернатора и въ 1838 г. (16-го марта) утвержденъ въ этой должности. Дѣятельность его въ Рязани, какъ и въ Пензѣ, была полезна для губерній; особенно пекся онъ въ Рязани о мѣстномъ домѣ трудолюбія, состоявшемъ подъ покровительствомъ Императрицы, которая неоднократно выражала ему благодарность за его заботы объ этомъ учрежденіи. Прослуживъ въ Рязани до 10-го марта 1841 года, П.-А. былъ назначенъ директоромъ 1-го Департамента Государственн. Имуществъ, а въ іюнѣ этого года, за службу въ Рязани и особенно за обезпеченіе народнаго продовольствія въ губерніи во время большихъ неурожаевъ, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст. Явившись однимъ изъ помощниковъ гр. П. Д. Киселева въ управленіи Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, П.-А. въ 1841 году состоялъ членомъ въ особомъ Комитетѣ по пересмотру откупной системы, въ 1844 г. пожалованъ былъ въ тайные совѣтники, а 12-го мая 1848 г. назначенъ сенаторомъ 8-го Департамента Сената, въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 1-го іюля 1849 г.; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Формулярный списокъ; «Московскія Вѣдомости» 1849, № 110 (некр. П. Н. Арапова).

Прокоповичъ-Антонскій, *Дмитрій Михайловичъ*, д. тайный совѣтникъ, сынъ слѣдующаго; род. въ 1802 году, воспитывался въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1815 г. и поступилъ на службу въ Экспедицію о государственныхъ доходахъ; въ 1821 г. онъ служилъ въ Департаментѣ Государств. Казначейства, въ 1822 г. перешелъ въ Канцелярію Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ Сената, въ 1830 г.—въ Департаментъ Министерства Юстиціи, а 5-го января 1831 г. княземъ А. Н. Голицынымъ былъ приглашенъ на службу въ Особенную Канцелярію при Главноначальствующемъ надъ Почтовымъ Департаментомъ и назначенъ начальникомъ отдѣленія. Перейдя въ январѣ 1836 г. въ Почтовый Департаментъ, онъ былъ назначенъ и. д. помощника Московскаго почтъ-директора и здѣсь устроилъ Почтовое училище, а въ мартѣ 1838 г. опредѣленъ вице-директоромъ Почтоваго Департамента, при чемъ вскорѣ (15-го апрѣля 1841 г.) пожалованъ въ званіе камергера, а въ 1844 г. произведенъ въ д. с. совѣтники. Исполнивъ нѣсколько особыхъ порученій по службѣ, П.-А. 28 го іюня 1854 г. назначенъ былъ, послѣ извѣстнаго Ѳ. И. Прянишникова, директоромъ Почтоваго Департамента и С.-Петербургскимъ почтъ-директоромъ и въ 1855 г. награжденъ чиномъ тайнаго совѣтника. Когда гр. В. Ѳ. Адлербергъ покинулъ Почтовое вѣдомство и перешелъ въ Министерство Императорскаго Двора, онъ перевелъ туда и П.-А., назначивъ его (1-го января 1857 г.) предсѣдателемъ Строительной Конторы этого Министерства. Произведенный затѣмъ въ д. тайные совѣтники, П.-А. умеръ въ Баденѣ 21-го іюня 1870 г.

Формулярный списокъ; В. А. Инсарскій, «Записки», С.-Пб. 1898 г., стр. 446—447; «Голосъ» 1870 г., № 191.

Прокоповичъ - Антонскій, *Михаилъ Антоновичъ*, братъ А. А. П.-А. (см. выше), переводчикъ; р. 8-го ноября 1760 г., въ молодости служилъ секрета-

ремъ при П. Д. Еропкинѣ, затѣмъ воспитывался въ Московскомъ Университетѣ и, будучи студентомъ, сотрудничалъ въ издававшихся Н. И. Новиковымъ журналахъ: «Вечерняя Заря» (гдѣ въ 1782 г. помѣстилъ свой переводъ съ латинскаго яз. разсужденія Локка «О познаніи Божія бытія»,—ч. Ш, стр. 18—42) и «Покоющійся Трудолюбецъ» (1784—1785), а въ 1804 г. издалъ въ Москвѣ переводъ съ франц. яз. «Мыслей Ж. Ж. Руссо, Женевскаго философа». Въ 1791 г. П.-А. былъ приставомъ гражданскихъ дѣлъ въ Московскомъ верхнемъ земскомъ судѣ, 1-го января 1799 г. произведенъ былъ въ надв. сов., въ 1801—1802 г. былъ оберъ-секретаремъ въ 6-мъ Департаментѣ Сената, а затѣмъ Общаго Собранія Московскихъ его Департаментовъ и въ 1815 г. имѣлъ чинъ статскаго совѣтника, причемъ въ 1821 г. награжденъ былъ орденомъ Владиміра 3-й ст. Выйдя затѣмъ въ отставку, онъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 29-го мая 1844 г.; погребенъ онъ въ Донскомъ монастырѣ.

Адресъ-календари; надгробная надпись; А. Неустроевъ, «Историч. розысканіе о русск. поврем. изданіяхъ и сборникахъ», С.-Пб. 1874 и «Указатель» къ нему.

Прокоповичъ-Антонскій, *Николай Михайловичъ* (сынъ предыдущаго), писатель; воспитывался въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1819 или 1820 году. Будучи еще въ Пансіонѣ, онъ состоялъ дѣятельнымъ сотрудникомъ издававшагося воспитанниками литературнаго сборника «Калліопа», гдѣ напечаталъ слѣдующія произведенія: «Аллегорія. Геркулесовъ выборъ. Изъ Аддисона» (1815 г., стр. 136—139); «Благодарность» стих. (1816 г., стр. 35—40); «Изреченіе греческихъ мудрецовъ» (тамъ же, стр. 52—62); «Нравоучительныя мысли разныхъ писателей» (1817 г., стр. 157—163); басня: «Желанія осла» изъ Михаелиса (тамъ же, стр. 166—167) и въ 1820 г.: «Разговоръ о томъ, какъ нужно понимать природу», произнесенный на публичномъ пансіонскомъ актѣ 14-го сентября 1819 г. (ч. IV, стр. 49—65); «Разговоръ. Александръ и Діогенъ. Изъ Виланда» (стр. 76—91); «Нѣкоторыя правила, какъ должно обходиться съ людьми», перев. съ нѣмецкаго (стр. 92—101); «Раввинская мудрость Изъ Энгеля» (стр. 161—166); «Ночь несчастливца подъ новый годъ», изъ Ж. П. Рихтера (стр. 167—171); «Яблоко. Изъ Круммахера» (стр. 176—177) и «О добродѣтели. Изъ Тускуланскихъ разсужденій Цицерона» (стр. 189—197); послѣдній переводъ былъ изданъ отдѣльною книжкою въ Москвѣ въ 1820 году. Въ 1831—1832 г. П.-А. жилъ въ Петербургѣ; онъ былъ женатъ на Людмилѣ Сергѣевнѣ Даргомыжской, сестрѣ знаменитаго композитора, и также прекрасной музыкантшѣ (она играла на арфѣ).

«Русск. Архивъ» 1903, № 3, стр. 338; «Вѣстн. Европы» 1819 г., ч. 108, стр. 301; Н. Сушковъ, Моск. Универс. Благор. Пансіонъ, стр. 32; Смирдинъ, Роспись книгамъ; Б. Л. Модзалевскій, И. Е. Великопольскій, С.-Пб. 1902, стр. 45, 46.

Прокофьевъ, *Адріанъ*, актеръ Императорскихъ театровъ. Воспитаніе получилъ въ С.-Петербургскомъ Театральномъ Училищѣ и, еще будучи воспитанникомъ, принималъ участіе въ представленіяхъ, исполняя роли слугъ. 1-го сентября 1787 г. былъ выпущенъ изъ училища, при чемъ съ него была взята подписка въ томъ, что онъ будетъ посѣщать Театральное Училище три раза въ недѣлю для продолженія своего артистическаго образованія. П. обыкновенно игралъ роли слугъ, которыя, во время господства Мольеровскихъ комедій и русскихъ, написанныхъ по тому же образцу, были однѣми изъ наиболѣе отвѣтственныхъ. Такъ, извѣстно, что онъ участвовалъ въ пьесахъ «Троякая Женитьба» и «Истинный Другъ», при чемъ въ обѣихъ пьесахъ исполнялъ роль Пролаза. Обладая довольно хорошимъ теноромъ, онъ былъ первымъ пѣвцомъ русской оперы при Императрицѣ Екатеринѣ II. Онъ скончался 1-го апрѣля 1798 года.

«Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ» Изд. Дир. Имп. Теат., С.-Пб. 1892 г., Отд. II и III; «Артистъ» 1891 г., кн. 16, ст. А. Н. Сиротинина: «Очеркъ развитія русскаго сценическаго искусства», стр. 87.

Прокофьевъ, *Василій Сергѣевичъ*, дьякъ; упоминается въ боярскихъ книгахъ уже подъ 1629 годомъ. Въ 1630 году былъ дьякомъ въ Аптекарскомъ Приказѣ. Въ 1634 году съ бояр. Ѳ. И. Шереметевымъ отправленъ былъ на съѣздъ съ польскими послами для заключенія вѣчнаго

мира и для размежеванія границъ согласно условіямъ этого мира («Поляновскій договоръ»), 12-го апрѣля было рѣшено къ опредѣленному сроку собраться той и другой сторонѣ на р. Поляновкѣ; рѣшеніе свое послы подтвердили записью, а 17-го мая былъ заключенъ миръ, подписанный окончательно 4-го іюня. По возвращеніи въ Москву 5-го іюля 1634 г., П. получилъ шубу «атласъ золотной» «на соболяхъ», кубокъ «серебренъ, золоченъ», придачу къ прежнему окладу, да вотчины 200 четвертей. Въ 1636 и 1637 году П. былъ дьякомъ въ Костромской Чети, въ 1638 году въ Нижегородской Чети, въ 1639 и 1641 г. былъ въ Приказѣ «сбору ратныхъ и даточныхъ людей. Въ 1641 году П. вторично былъ назначенъ дьякомъ Костромской Чети и служилъ здѣсь до самой смерти, т. е. до 19-го августа 1646 года.

«Акты Архивн. Экспед.», т. III, стр. 430—431, 438—439; «Акты Истор.», т. III, стр. 361, 472, «Акты Московск. Госуд.», т. II, стр. 98; «Русск. Истор. Библіот.», т. IX и X; «Древн. Россійск. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. XX, ч. III, стр. 326, 327; «Дворц. Разряды», т. II; П. Ивановъ, «Указатель къ боярск. книгамъ»; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣшнихъ сношеній», т. III, стр. 118.

Н. В—н—въ.

Прокофьевъ, *Дмитрій*, дьякъ; въ 1616 году, еще будучи подъячимъ, былъ назначенъ «по крымскимъ вѣстямъ» находиться при воеводѣ на Фроловскихъ воротахъ. Въ маѣ 1630 г. онъ былъ подъячимъ Приказа Большого Дворца, но уже въ слѣдующемъ (1631 г.), 11-го января, со званіемъ дьяка назначенъ въ Тобольскъ, гдѣ пробылъ до 10-го мая 1633 года. Въ декабрѣ того же 1633 года онъ былъ уже въ Москвѣ. Въ 1634 году сдѣлался дьякомъ Приказа сыскныхъ дѣлъ и, какъ таковой, участвовалъ въ разборѣ дѣла бояр. Мих. Бор. Шеина и другихъ воеводъ, сдавшихъ Полякамъ Смоленскъ, и въ объявленіи приговора Шеину съ товарищами. Имъ же, какъ дьякомъ этого Приказа, была скрѣплена и самая грамата съ объявленіемъ приговора. 18-го августа того же года вышелъ указъ разнымъ лицамъ въ качествѣ «межевыхъ судей» отправиться на границу съ Польшею для межеванія согласно съ только что заключеннымъ Поляновскимъ договоромъ новыхъ границъ государствъ, при чемъ кн. В. Г. Ромодановскому съ Л. Г. Суминымъ да дьякомъ П. велѣно было производить разграниченіе въ раіонѣ Пскова и Великихъ Лукъ. Въ 1638 году, во второй его половинѣ, Государь поручилъ нѣкоторымъ лицамъ произвести перепись «поименно дворовъ въ Москвѣ», при чемъ П. съ И. Н. Арбузовымъ порученъ для переписи раіонъ Китая-города. Въ январѣ 1639 года онъ былъ назначенъ первымъ дьякомъ въ Московскій Судный Приказъ, однако, судя по «Боярскимъ книгамъ», въ концѣ 1639 года или въ началѣ 1640 года былъ отставленъ оттуда и находился дьякомъ «не у дѣлъ», но въ томъ же году возвращенъ въ Судный Приказъ. 5-го февраля, по челобитью боярина этого Приказа кн. В. П. Ахамашукова-Черкаскаго, онъ былъ отправленъ въ тюрьму, откуда 9-го февраля былъ отпущенъ, но изъ Приказа уволенъ. Въ 1641—1642 году П. былъ съ воеводами И. Ѳ. Лыковымъ и П. Ѳ. Еропкинымъ отправленъ на воеводство въ Вязьму, гдѣ, несмотря на нѣсколько смѣнъ воеводъ, оставался до 1649 года.

«Акты Архивн. Экспед.», т. III, стр. 382, 389, 492, 495; «Акты Московск. Государства», т. II; «Русская Истор. Библіот.», т. IX, и X; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ отд. Собств. Е. И. В. Канцеляр., т. II, стр. 362, 689; «Древн. Россійск. Вивліоѳ.», 2 изд., кн. III, ч. II, стр. 149; «Сборн. выписокъ изъ архивныхъ бумагъ Петра Вел.», т. I, стр. 403; «Дворцовые Разряды», т. I, II и III; П. Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ»; А. П. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ».

Н. В—н—въ.

Прокофьевъ, *Ефимъ*, дьякъ; упоминается, какъ подъячій, въ граматѣ 1651 года. Въ 1660 году былъ дьякомъ въ Иноземномъ Приказѣ, гдѣ находился и въ 1661—1663 г. Въ 1660 году (12-го января) онъ отправленъ былъ гонцомъ къ Польскому королю въ Данцигъ съ объявленіемъ о томъ, что изъ Москвы выступило посольство на предстоящій въ гор. Борисовѣ съѣздъ съ Польскими уполномоченными для заключенія вѣчнаго мира. Въ 1661 г. онъ отправленъ былъ гонцомъ въ Вѣну, но по дорогѣ, находясь въ Польшѣ, онъ былъ ограбленъ и въ теченіе 35 недѣль содержался подъ стражею, письма же, которыя онъ везъ отъ государя къ императору, были у него отобраны. Отпущенный на свободу, онъ былъ высланъ въ Россію, а 2-го сентября того же

(1661) года прибылъ въ Москву, не выполнивъ, такимъ образомъ, порученія. Въ 1662 году были посланы въ Польшу къ королю два гонца, которымъ, помимо спеціальнаго порученія, велѣно было просить для П., какъ гонца къ императору въ Вѣну, пропуска черезъ Польшу, но въ этомъ было отказано, и П., находившійся, въ ожиданіи исхода переговоровъ уже въ пути, принужденъ былъ и на этотъ разъ безъ результата возвратиться въ Москву (12-го сентября 1662 г.).

«Акты Истор.», т. IV, стр. 148; «Акты Московск. Госуд.», т. III; «Дворцовые разряды», т. III, стр. 534; «Памятн Дипл. Сношн.», т. IV и V; «Древн. Россійск. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. VIII, ч. V, стр. 153; кн. XX, ч. III, стр. 315, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣшн. сношеній», т. I, стр. 92; т. III, стр. 134, 136.

Н. В—н—въ.

Прокофьевъ, *Иванъ Прокофьевичъ*, извѣстный скульпторъ; род. 25-го января 1758 г., ум. 10-го февраля 1828 г. въ Петербургѣ. Отецъ его, Прокофій Ивановъ, служилъ по конюшенной части закройнымъ мастеромъ. При учрежденіи Академіи Художествъ, И. Прокофьевъ, будучи всего шести лѣтъ, вмѣстѣ съ другими семью мальчиками былъ вытребованъ изъ Гофъ-Интендантской Конторы и въ 1764 г., по первому пріему, былъ принятъ въ воспитанники перваго возраста; въ 1767 г. онъ переведенъ во второй возрастъ, еще черезъ три года—въ третій, при чемъ поступилъ въ классъ профессора скульптуры Жилле. Въ 1773 г. П. переведенъ въ четвертый возрастъ и, въ слѣдующемъ году, за вылѣпленную «съ натуры» группу, представляющую «Распятіе Господа нашего Іисуса Христа», получилъ вторую серебряную медаль. Въ 1775 г. также за вылѣпленную «съ натуры» группу, представляющую «Учителя, учащаго рисовать», получилъ первую серебряную медаль. Въ слѣдующемъ году переведенный въ историческій скульптурный классъ, къ профессору Ѳ. Г. Гордѣеву, онъ въ 1777 г., по заданной отъ Академіи программѣ, вылѣпилъ барельефъ: «Аврааму, приносящій сына своего Исаака въ жертву», за что получилъ вторую золотую медаль, а въ 1778 г. за барельефъ, тоже исполненный по программѣ: «Проклятіе Хама», получилъ первую золотую медаль и 13-го августа 1779 г. былъ выпущенъ изъ Академіи съ званіемъ художника XIV-го класса и съ правомъ поѣздки на казенный счетъ за-границу, получивъ, кромѣ того, за вылѣпленную по программѣ «голову, представляющую презрѣніе», особую медаль «за экспрессію» имени г-жи Ржевской.

Отправленный 15-го августа 1779 г. пансіонеромъ въ Парижъ, П. посѣтилъ по дорогѣ Берлинъ, Гамбургъ и Страсбургъ и, пріѣхавъ на мѣсто назначенія, сталъ упражняться въ копированіи анатоміи Бушардона, «подъ смотрѣніемъ славнаго художника S. Julien». Въ теченіе 1780 г. имъ исполнены: «Бюстъ княгини Гагариной» съ натуры, изъ мрамора, и «Мальчикъ спящій», тоже мраморный, для профессора Жюльена. Въ 1781 г. онъ исполнилъ: «Мальчика, съ натуры, для ученья», бюстъ одного американца французской службы и др.

Въ 1782 г. П. прислалъ въ Академію Художествъ терракотовыя фигуры, представляющія «Морфея, бога сна» и «Моисея»; за послѣднее изъ этихъ произведеній онъ получилъ отъ Парижской Академіи вторую серебряную медаль. Кромѣ того, имъ вылѣплены два барельефа: «Пастухъ, уязвленный змѣею» и «Амидасъ». Въ 1783 г. онъ вылѣпилъ, по заданной Парижской Академіею программѣ, барельефъ «Воскресеніе мертваго, брошеннаго на кости пророка Елисея», за который названная Академія признала нашего художника достойнымъ золотой медали, но, такъ какъ иностраннымъ пенсіонерамъ такія медали не выдавались, то, вмѣсто нея, ему выдано было свидѣтельство—certificat, за подписью членовъ и секретаря Академіи, въ томъ, что онъ «въ теченіе своего четырехлѣтняго пребыванія во Франціи отличался какъ поведеніемъ, такъ и трудомъ, постоянно посѣщая школу и моделируя, за что получилъ вторую серебряную медаль и признанъ былъ достойнымъ конкурировать на большую премію, которую онъ не могъ, конкурируя первый разъ, заслужить за свой барельефъ, удовлетворявшій многими своими качествами». Присланное въ Петербургскую Академію Художествъ, свидѣтельство это было «съ удовольствіемъ разсмотрѣно» ею 28-го сентября того же года. Тогда же имъ вылѣплена была аллегорическая группа, изображавшая Императрицу Екатерину II, поднесенная ху-

дожникомъ Великому Князю Павлу Петровичу, при посѣщеніи послѣднимъ Парижа, за что авторъ получилъ въ награду двѣнадцать луидоровъ.

Въ 1784 г., 26-го января, Прокофьевъ выѣхалъ изъ Парижа на родину. По дорогѣ онъ остановился въ Берлинѣ, гдѣ въ натурномъ классѣ Академіи исполнилъ три терракотовыхъ бюста съ натуры. Затѣмъ въ Штетинѣ исполнилъ съ натуры медальоны г-жи Стальценбергъ и семейства г. Шмита. Изъ Штетина моремъ онъ пріѣхалъ 3-го іюня въ Петербургъ. По пріѣздѣ сюда, въ томъ же году, имъ исполнены: два барельефа «Дѣтскія забавы», аллегорическая статуя, три медальона «Дѣтскія забавы» для дома И. И. Бецкаго, два гипсовыхъ барельефа, «представляющіе дѣтскіе отдыхи послѣ охоты и жатвы» и небольшой надгробный памятникъ. Въ этомъ же году, 5-го августа, по предложенію профессора Гордѣева, задана ему была, въ видѣ программы на званіе академика, статуя: «Актеонъ, превращенный въ оленя Діаною за безпокойство своимъ любопытствомъ купавшейся съ нимфами богини», а 20-го іюля 1785 г. онъ былъ произведенъ въ академики. Эта статуя, отлитая изъ бронзы Екимовымъ, была впослѣдствіи поднесена Обществомъ Поощренія Художниковъ Императору Николаю I, отъ котораго П. получилъ въ 1827 г. подарокъ. Въ томъ же 1785 г., 28-го іюля, повелѣно ему «быть при должности адъюнктъ-профессорской скульптурнаго класса».

Въ 1793 г. П. былъ назначенъ отъ Академіи «для осмотру и описи бюстовъ и статуй, состоящихъ въ дворцовыхъ садахъ и Петергофѣ»; въ слѣдующемъ году, «въ уваженіе искусства», произведенъ въ адъюнктъ-профессоры. Въ 1797 г. снова откомандированъ въ Петергофъ для составленія каталога статуямъ, а слѣдующіе два лѣта, тоже по назначенію Академіи, занимался «исправленіемъ поврежденныхъ статуй».

Командировки эти повторялись не разъ и впослѣдствіи. Въ 1800 г. онъ удостоенъ званія профессора и, кромѣ того, ему порученъ «присмотръ въ лѣпленіи изъ воску по медальерному классу».

Въ 1802 г. ему былъ переданъ классъ профессора Козловскаго; 21-го января слѣдующаго года онъ избранъ въ члены Совѣта Академіи; въ 1819 г. произведенъ въ старшіе профессора; 13-го мая 1821 г., во время класса, съ нимъ сдѣлался сильный припадокъ болѣзни, послѣ котораго у него обезсилѣли правая рука и правая нога, такъ что вскорѣ онъ лишился возможности не только лѣпить, но и рисовать, а 10-го февраля 1828 г. умеръ. Отъ 1-го февраля 1830 г. сохранился интересный приговоръ Совѣта Академіи, заключающій въ себѣ оцѣнку его дѣятельности. Препровождая рисунки покойнаго художника, министръ Императорскаго Двора сдѣлалъ запросъ Академіи «о достоинствѣ ихъ, а также о томъ, почитался ли означенный Прокофьевъ въ числѣ знаменитыхъ художниковъ по своимъ талантамъ, и какія были отличныя произведенія его работы?» На это Совѣтъ Академіи постановилъ: «Донести г. министру, что Прокофьевъ почитался въ числѣ знаменитыхъ художниковъ. Лучшими работами его находятъ: изъ бронзы въ Петергофѣ Тритоновъ и рѣку Волховъ, бѣгущаго Актеона (фигуру, отлитую Обществомъ Поощенія Художниковъ) изъ бронзы, спящаго пастуха и проч. Рисунки его оказались, по разсмотрѣніи, двухъ родовъ: оригинальные, числомъ 106, и копіи—числомъ 187; какъ тѣ, такъ и другіе, бывъ произведены художникомъ извѣстнымъ, заслуживаютъ вниманія и могутъ занять мѣсто въ собраніи мастерскихъ рисунковъ».

Какъ преподаватель Академіи, П. отличался чрезвычайною безпристрастностью къ ученикамъ, одинаково внимательно относясь какъ къ казеннокоштнымъ, такъ и къ приходящимъ воспитанникамъ Академіи, вопреки обыкновенію другихъ профессоровъ того времени, которые вовсе не обращали вниманія на приходящихъ. Кромѣ выше упомянутыхъ работъ его П—мъ еще исполнены: мраморная статуя для Исаакіевскаго собора (1787 г.); для Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ имъ сдѣланы: четыре Евангелиста, ап. Андрей и пр. Илія (1803 г.); барельефъ надъ колоннадою, изображающій «Воздвиженіе змѣя мѣднаго Моисеемъ въ пустынѣ», изъ пудожскаго камня (1806); барельефъ «Св. Евангелистъ Матѳей» (1810 г.); статуя «Надежда», для иконостаса (1811 г.) и группа четырехъ Евангелистовъ, которую пред-

полагалось вылить изъ серебра (1813 г.). Для придворной церкви въ Гатчинѣ—четыре ангела и пять херувимовъ (1800—1802 гг.). Статуя «Св. князь Владиміръ»—въ ц. Рождества Христова, что на Пескахъ, въ Петербургѣ (1786 г.). Два ангела въ церковь Горнаго Корпуса (1805 г.). Два ангела на иконостасѣ въ церкви Медико-Хирургической Академіи (1818 г.). Фронтонъ «всевидящее Око съ херувимами», на ограду къ церкви ап. Андрея (1805 г.). Бюсты Александра Македонскаго, Антонина, Олимпіады и Семирамиды (1794 г.) и три статуи (1793 г.) для Таврическаго дворца. Барельефъ «Похищеніе Европы», изъ пудожскаго камня, во внутренніе покои Михайловскаго замка (1800 г.). Двѣнадцать статуй «12 мѣсяцевъ года», въ парадныя сѣни дворца въ Павловскѣ (1785), два фронтона и тринадцать разныхъ барельефовъ (1787 г. и 1801 г.) для того же дворца. Въ Академіи Художествъ находятся: деревянная статуя «Минерва съ признаками художествъ» (1785 г.), которая была на куполѣ Академіи до 27-го апрѣля 1819 г., когда ее поломало бурею, двѣнадцать барельефевъ на парадную лѣстницу (1785—1786 гг.); три барельефа на круглый дворъ (1786 г.) и барельефъ «Воспитаніе»—на чугунную лѣстницу (1819 г.). Упомянутая группа «Тріумфъ Нептуна, по бокамъ его рѣки Нева и Волховъ», для фронтона Биржи (1807 г.). 16 каріатидъ и 28 барельефовъ, для Императорской Публичной Библіотеки (1796 г.). Статуя Императрицы Екатерины II, въ видѣ «Богини Теллы»,—для залы присутствій Воспитательнаго Дома, на Царицыномъ Лугу (1790 г.). Круглый фронтонъ, представляющій «Мальчика, держащаго императорскій вензель», на домъ бывшаго Греческаго, впослѣдствіи Морского Кадетскаго корпуса (1796 г.) и двѣ статуи ангеловъ, на иконостасъ, туда же; мраморный барельефъ «Слава» въ залу Харьковскаго Университета (1804 г.) и др. Для упомянутыхъ петергофскихъ фонтановъ: «Два Тритона, держащіе рогъ изобилія», «Пастухъ Ассисъ», «Рѣка Волховъ» (1799—1801 гг.) и два льва, на колоннаду, туда же.

Кромѣ того, П. исполнялъ также художественные монументы и надгробные памятники, напр. князю Потемкину (1789 г.), графу Суворову (1799 г.) сестрѣ А. Ѳ. Лабзина, на Смоленскомъ кладбищѣ (1804 г.); Великой Княжнѣ Еленѣ Павловнѣ (1804 г.); Минину и князю Пожарскому, для Нижняго - Новгорода (1808 и 1819 г.г.); монументъ Императору Александру I(1817 г.); графу З. Г. Чернышеву (1820 г.); гробницу князю Барклай-де-Толли (1821 г.) и другіе. Группы: «Незусъ, похищающій Діаниру» (1786 г.); «Аллегорія» (1787 г.); «Замиреніе Россіи со Швеціею» и «Персей, избавляющій Андромеду», за которыя художникъ получилъ отъ Императрицы Екатерины II, въ награду, 1000 р. и которыя помѣщены въ Эрмитажѣ «Амуры, сидящіе на барсахъ» (1789 г.); (1790); «Авраамово жертвоприношеніе» (1801 г.); «Три Тритона, поддерживающіе раковину, съ Нептуномъ, похищающимъ Амфитриту, на ней» и «Соединеніе рѣкъ Волхова съ Невой»—для графа Строгонова (1804 г.); «Нептунъ съ Тритономъ» (1808г.); «Ангелы, держащіе крестъ» (1812 г.); «Побѣды Императора Александра I въ 1812 г.» (1814 г.); «Левъ, раздирающій лошадь» и «Бойцы» (1816 г.); «Тріумфъ Нептуна» (1817 г.); «Смерть Аякса» (1818 г.); «Благодарность за воспитаніе» (1819 г.); и «Ветхій и Новый Завѣтъ» (1821 г.). Статуи: «Мальчикъ спящій», изъ мрамора, для князя Потемкина, и такой же, для фабриканта Роговикова (1785 г.); «Мальчикъ» изъ мрамора, «Спящая Венера» (1786 г.) и многія другія (съ 1787 до 1817 г.). Барельефы: «Дѣтскій концертъ» и «Дѣтскія забавы» (1786 г.); «Осязаніе» (1798 г.); «Св. Евангелистъ Матѳей» (1810 г.); «Русскій Сцевола», «Подвиги капитана Букарева, при Бородинѣ», «Мученіе св. Екатерины» (1815 г.); «Парнассъ Аполлона» и «Дѣтская пляска» (1818 г.) и мн. др. Бюсты: княгини Барятинской (1786 г.), И. И. Бецкаго (1788 г.), графини Воронцовой (1791 г.), А. Ѳ. Лабзина и его жены Анны Евдокимовны (1800 г.), г. Дубянскаго (1804 г.), М. Н. Муравьева (1808 г.), княгини Урусовой и графа А. А. Аракчеева (1809 г.), г. Измайлова и графа Платова (1814 г.), Станислава Трембецкаго (1822 г.) и мн. др. — Шесть портретныхъ медальоновъ великихъ князей и великихъ княженъ (1786 г.), такой же медальонъ фабриканта

Роговикова (1789 г.), медальонъ «Эндиміонъ, застающій Діану въ купальнѣ съ Нимфами» (1786 г.) и медали: «На пожертвованіе въ 1805 г., сдѣланное на вооруженіе милиціи» (1808 г.) и «На заключеніе мира между Россіею и Швеціею при рѣкѣ Торнео, въ 1809 году» (1809 г.).

П. Чекалевскій, «Описаніе нѣкоторыхъ произведеній россійскихъ художниковъ» С.-Пб., 1792 г.; Г. Реймерсъ, Императорская Академія художествъ въ Петербургѣ. С.-Пб.; Отчеты общества поощренія художествъ, за 1814 и 1827 г.г.; «Журналъ изящныхъ искусствъ» 1825 г.; «Сѣверные Цвѣты» на 1826 г.; «Нѣчто о жизни и произведеніяхъ Ив. Прок. Прокофьева»—«Отечественныя Записки» 1828 г.; Н. А. Оленинъ, Краткія историческія свѣдѣнія о состояніи Императорской Академіи художествъ, съ 1764 по 1829 г., С.-Пб. 1829; «Указатель находящихся въ Академіи произведеній», изданный Фишеромъ, С.-Пб. 1842; «Исторія и достопримѣчательности Исакіевскаго соб.», С.-Пб. 1858; «Сѣверное сіяніе», С.-Пб. 1862 г.; «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи художестъ»; Н. П. Собко, Словарь русскихъ художниковъ, С.-Пб. 1899; Ю. Иверсенъ, «Медали въ честь русскихъ госуд. дѣятелей и частныхъ лицъ», ч. III, С.-Пб. 1881, стр. 124 и 125; «Мѣсяцесловъ» на 1840 г., стр. 182. *А. Новицкій.*

Прокофьевъ, *Михаилъ Прокофьевичъ*, думный дьякъ; въ 1666 году упоминается, какъ подъячій Казанскаго Приказа. Въ 1671 году, уже будучи дьякомъ, участвовалъ въ походѣ противъ Стеньки Разина, находясь 2-мъ дьякомъ при посылочномъ воеводѣ И. П. Лихаревѣ. По окончаніи похода, какъ и другіе участники, былъ (19-го марта 1671 г.) приглашенъ, за службу, къ государеву столу, а послѣ стола награжденъ «шубою подъ атласомъ золотнымъ, придачею къ окладу 10 р. денегъ, да 50 четвертями». Въ томъ же 1671 году П. отправленъ былъ дьякомъ въ Псковъ. По возвращеніи оттуда въ Москву, онъ сталъ 2-мъ дьякомъ Казанскаго Дворца и находился тамъ до тѣхъ поръ, пока не были назначены въ 1674 году воеводы по полкамъ: онъ сдѣланъ былъ тогда 2-мъ дьякомъ при воеводѣ Большого полка, продолжая, однако, числиться дьякомъ Казанскаго Дворца. Въ 1675 году предполагалось отправить его вмѣстѣ съ окольничимъ В. С. Волынскимъ и стольникомъ Ѳ. Ѳ. Толочановымъ въ посольство къ императору въ Вѣну, но потомъ отправка этого посольства не состоялась. Въ Казанскомъ Дворцѣ онъ былъ до 1679 г., а въ послѣднее время пребыванія въ немъ, т.-е. въ 1678—1679 году одновременно былъ 2-мъ дьякомъ послѣ думнаго въ Казанскомъ Дворцѣ и 1-мъ послѣ думнаго въ Стрѣлецкомъ Приказѣ. Послѣ февраля 1679 года въ Казанскомъ Дворцѣ его уже не видимъ, въ Стрѣлецкомъ же Приказѣ онъ былъ до 1682 года, когда сдѣлался дьякомъ Сибирскаго Приказа. Въ 1687 году онъ принималъ участіе въ «первомъ Крымскомъ походѣ» кн. В. В. Голицына, и, какъ и прочіе участники, получилъ за походъ этотъ награду: сорокъ соболей, придачи помѣстнаго оклада по 120 четвертей и денегъ по 20 рублей. Въ Сибирскомъ Приказѣ Прокофьевъ находился также въ 1688 и 1689 г., а 15-го ноября 1691 года былъ назначенъ въ Приказъ сыскныхъ дѣлъ, со званіемъ «думнаго дьяка», откуда только въ 1698 году переведенъ въ Московскій Судный приказъ.

Въ 1697 году ему съ дьякомъ Прокофіемъ Деревнинымъ велѣно было въ селѣ Воскресенскомъ «набирать на Царскую службу служилыхъ чиновъ».

«Акты Истор.», т. IV и V, «Доп. къ Акт. Истор.» т. VI, VII, VIII, IX и X; «Собр. Госуд. Грам. и Догов.», т. IV, стр. 569, 654; «Русская Истор. Библіот.», т. XI и XII; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-е, кн. XVI, ч. XVIII, стр. 303; кн. XVII, ч. VIII, стр. 362; кн. XX, ч. IV, стр. 482; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ Отд Собств. Е. И. В. Канцел., т. II, «Дворцовые разряды», т. III и IV; «Сборникъ выписокъ изъ архивн. бум. Петра В.», т. I, стр. 403; «Письма и бумаги Петра Вел.», т. I, стр. 723; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ врѣшнихъ сношеній», т. I., стр. 26; П. Ивановъ, «Указ. къ боярскимъ книгамъ».

Н. В- н—съ.

Прокудинъ - Горскій, *Михаилъ Ивановичъ*, писатель; происходилъ изъ рода Владимірскихъ дворянъ; въ 1760 году, будучи сержантомъ л.-гв. Преображенскаго полка, находился, въ качествѣ дворянина посольства, въ Константинополѣ, затѣмъ вышелъ въ отставку съ чиномъ л. гв. прапорщика и проживалъ въ г. Владимірѣ. Въ 1774—1778 г. онъ былъ членомъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ Университетѣ и въ 1801 г. имѣлъ тотъ-же чинъ гвардіи прапорщика; по словамъ М. Н. Макарова П.-Г. занимался также и агрономіей. Литературная дѣятельность его началась въ 1764 г., когда онъ напечаталъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» (т. XX, іюль, стр. 62—95) «Письма, или увѣдомленіе въ

Москву бывшаго въ Константинополѣ въ 1760 году дворяниномъ посольства... М. П.»; затѣмъ произведенія его, въ хронологическомъ порядкѣ (напечатанныя съ подписями: Пракудинъ, Прокудинъ и Прокудинъ-Горскій), суть слѣдующія: «Уединенное размышленіе деревенскаго жителя», съ посвященіемъ М. Ѳ. Соймонову, об.-прок. Сената, перев., М. 1770; «Валерія, или дѣйствіе души великой и благородной», ориг. романъ, написанный подъ вліяніемъ Мармонтеля, М. 1774; «Самохвалъ», ориг. комедія въ 3 д., М. 1773; «Добродѣтель, увѣнчанная вѣрностію», ориг. комедія въ 5 д., М. 1874, посвящена, при письмѣ, сенатору П. Д. Еропкину (перепечатана въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ», ч. XXV, 1788 г., стр. 83—144); «Рѣчь на день торжества славнаго и вѣчнаго мира между Имперіею Россійскою и Портою Оттоманскою, заключеннаго Ея Величествомъ Императрицею Екатериною II, говоренная въ собраніи Владимірскаго дворянства, въ г. Владимірѣ, іюля 10-го дня 1775 г.», М. 1775 (40, 6 стр.); «Торжествующій градъ Владиміръ», прологъ въ 1 дѣйствіи, сочиненный на случай открытія Владимірскаго намѣстничества въ 1778 г.», со стихами Ермила Кострова (седьмое, послѣднее явленіе), М. 1778; посвященъ гр. Ром. Ил. Воронцову (перепечатанъ въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ», ч. XXX, 1789 г., стр. 265—286, во «Влад. Губ. Вѣдом.» 1852 г., № 1 и во «Владимірскомъ сборникѣ», К. Н. Тихонравова, М. 1857, стр. 122—127); «Рѣчь при открытіи Тамбовскаго намѣстничества, говоренная въ торжественномъ собраніи дворянства сочинителемъ, Мих. Прокудинымъ», М. 1776; «Слово похвальное Морицу, графу Саксонскому, герцогу Семигальскому и Курляндскому, соч. Томаса», перев. съ франц. яз., М. 1781; «Судьба деревенская, комедія, сочиненная въ нравахъ деревенскихъ жителей», въ 3 д., М. 1782 (перепечатана въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ», ч. XXIX, 1789 г., стр. 93—132); «Рѣчь благодарственная Ея И. Вел. Всепресвѣтлѣйшей, самодержавнѣйшей великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Второй, законодательницѣ Всероссійской Имперіи, читанная во Владимірѣ, отъ всего Владимірскаго дворянства, въ аудіенцъ-залѣ предъ портретомъ Ея Величества по прошествіи трехъ лѣтъ, во время перемѣны судей отъ дворянства, декабря дня 1781 г.», М. 1782 (перепечатана во «Владим. Губ. Вѣд.» 1864 г., № 37); «Слово похвальное Генриху Франциску д'Агессо, Канцлеру французскому», пер. съ франц., соч. Томаса, М. 1783; въ «Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова» за 1783 г. (ч. X, стр. 174—176) П.-Г. напечаталъ два стихотворенія: «Стихи, присланные изъ Владиміра» и «Эпитафію, присланную изъ Владиміра»—оба написанныя по случаю смерти гр. Р. Ил. Воронцова; «Гласъ славы на всерадостное восшествіе на Всеросійскій Императорскій престолъ Его Величества всепресвѣтлѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго Государя Императора Александра Павловича» (4,° 4 нен. стр., проза), 1801; «Туалетъ, или уборной деревенской столикъ» (анон., М. 1802); «Сокращенное познаніе математики отъ начала ариѳметики до фортификаціи, или военной архитектуры», М. 1803 г., съ фигурами; и, наконецъ, «Историческое похвальное слово генералу-аншефу, сенатору и кавалеру Еропкину», М. 1805 (по Сопикову—изданно въ 1814 г.).

В. Сопиковъ, Опытъ росс. библіографіи; Смирдинъ, Роспись книгамъ; В. Н. Рогожинъ, Указатель къ Сопикову; М. Евгеній, Словарь русск. свѣтск. писателей, т. II, стр. 138; Л. Майковъ, Очерки изъ исторіи русской литературы, С.-Пб. 1889, стр. 415; А. Н. Неустроевъ, Историч. розысканіе о русск. поврем. изданіяхъ и сборникахъ, С.-Пб. 1874 и «Указатель» къ нему; А. Н. Аѳанасьевъ, Русскіе сатирическіе журналы 1799 — 1774 г., М. 1859, стр. 153—154 (выдержка изъ ком. «Добродѣтель»); «Моск. Курьеръ», ч. I, стр. 391; В. Кашпиревъ, Памятники новой русской исторіи, т. I, стр. 83 (въ воспом. М. Н. Макарова); А. Е. Бурцевъ, Библіогр. описаніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ, т. V. С.-Пб. 1901, № 1846 и т. VII, С.-Пб. 1901, № 2231, В. В. Сиповскій, Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти», ч. I, С.-Пб. 1903, стр. 22 и 217—218 (выдержки изъ предисловія къ «Валеріи»); С. А. Венгеровъ, Русская поэзія, вып. VI, С.-Пб. 1897, стр. 237; «Русск. Стар.» 1891, т. 72, стр. 598.

Прондзинскій, *Игнатій*, польскій бригадный генералъ; родился въ 1792 г. въ Познани. Получилъ домашнее образованіе въ Дрезденѣ подъ руководствомъ каноника Езерскаго, въ 1809 г. поступилъ въ 11-й пѣхотный полкъ великой Наполеоновской арміи и принималъ участіе въ войнахъ противъ Австріи и Россіи въ 1809—1812 гг.; между прочимъ

въ 1812 г., въ чинѣ капитана-инженера, состоялъ при генералѣ Домбровскомъ, командовавшимъ обсерваціонныхъ корпусомъ подъ Бобруйскомъ, описалъ военныя дѣйствія этого отряда и объяснилъ многими картами, которыя самъ чертилъ по даннымъ,собраннымъ во время рекогносцировокъ. По образованіи Царства Польскаго,Прондзинскій возвратился изъ Франціи съ польскимъ войскомъ и состоялъ членомъ коммиссіи для проведенія пограничной линіи между Царствомъ и Пруссіею. Въ 1816 г. Прондзинскій, его другъ Колачковскій и Густавъ Малаховскій составили кружокъ, цѣлью котораго было объединить всѣхъ поляковъ, желавшихъ охранять свою свободу и народность. Для этого они образовали тайное общество «Польскихъ друзей», первое въ ряду множества другихъ, вскорѣ покрывшихъ собою всю Польшу. Въ 1819 и 1820 гг. П. читалъ офицерамъ курсъ стратегіи и полевой фортификаціи и составилъ сочиненіе «Fortyfikacya polowa», оставшееся въ рукописи. Въ апрѣлѣ 1821 г. въ Варшаву пріѣхалъ генералъ Уминскій, посолъ «Общества консиньеровъ герцогства Познанскаго», съ цѣлью войти въ сношенія съ польскими масонами. Прондзинскій, присутствуя на собраніяхъ, поклялся участвовать въ общемъ возстаніи, чтобы вернуть Польшѣ независимость и присоединить къ ней всѣ отнятыя земли. Въ началѣ 1822 г. Прондзинскій былъ арестованъ и только съ большимъ трудомъ избѣгъ заключенія. Въ январѣ 1826 г. снова поднялся вопросъ о тайныхъ обществахъ: въ Варшавѣ было произведено множество арестовъ, а Прондзинскому, который въ то время завѣдывалъ работами по устройству Августовскаго канала, было приказано явиться для допроса въ Варшаву къ Великому Князю Константину Павловичу, послѣ чего за нимъ стали слѣдить; вскорѣ онъ былъ схваченъ и заключенъ въ Кармелитскій монастырь, гдѣ и пробылъ 3 года. Здѣсь онъ такъ палъ духомъ, что рѣшился уморить себя голодомъ, и только просьбы жены и обѣщанія Великаго Князя даровать ему помилованіе удержали его отъ повторенія попытки на самоубійство. Во время своего трехлѣтняго заключенія Прондзинскій, по приказанію Константина Павловича, разрабатывалъ проэктъ войны съ Австріей. 13/25-го марта 1829 г. Прондзинскій былъ освобожденъ. Во время польскаго возстанія 1831 г. П. былъ назначенъ революціонерами въ польскій главный штабъ генералъ-квартирмейстеромъ.

Когда въ январѣ 1831 года русскія войска стали подвигаться въ направленіи Варшавы, Прондзинскій убѣдилъ главнокомандующаго въ необходимости наступленія. Результатомъ этого движенія было пораженіе авангарда Гейсмара у Дембе-Віельке и отступленіе войскъ Розена. Не давая противнику опомниться, поляки, побуждаемые Прондзинскимъ, бросились преслѣдовать русскихъ, настигли ихъ и разбили при Игане—29-го марта 1831 г. За это сраженіе Прондзинскій былъ произведенъ въ бригадные генералы. Онъ участвовалъ въ Гроховскомъ сраженіи и въ сраженіи при Остроленкѣ. Послѣ пораженія здѣсь поляковъ, онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба, при чемъ ему была поручена реорганизація польскихъ войскъ и приведеніе въ порядокъ сильно запущенныхъ штабныхъ дѣлъ; но вскорѣ, однако, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и въ іюлѣ 1831 г. отправился въ Варшаву, гдѣ принялъ на себя управленіе работами по укрѣпленію города. Въ августѣ, когда русскія войска стали приближатся къ Варшавѣ, растерявшійся сеймъ предложилъ П. стать во главѣ арміи, но онъ, чувствуя себя несостоятельнымъ, отказался занять этотъ постъ. 25-го августа, послѣ перваго штурма Варшавы, П. былъ посланъ для переговоровъ съ русскими. Свиданіе сторонъ состоялось въ Волѣ, и поляки попросили отстрочки для размышленія. Такъ какъ время шло, а отвѣта отъ нихъ не получалось, Паскевичъ возобновилъ штурмъ,—и 26-го августа Варшава была взята. Хотя вскорѣ послѣ этого П. и получилъ прощеніе, но положеніе его сдѣлалось настолько щекотливымъ, что князь Паскевичъ отправилъ его въ Ярославль, откуда онъ, по приказанію Императора Николая I, въ 1832 г. былъ привезенъ въ Гатчину, чтобы описать войну, въ которой онъ принималъ столь дѣятельное участіе. (Трудъ П., озаглавленный «Mémoire historique et militaire sur la guerre en 1831» (рукопись) былъ разрѣшенъ цензурою въ Варшавѣ лишь въ ноябрѣ

1897 г. и вышелъ въ Петербургѣ въ 1898 г. подъ заглавіемъ: «Pamiętnik historyczny i wojskowy o wojnie polsko-rosyjskiej w roku 1831»). Государю понравилась работа П., и онъ позволилъ ему вернуться въ Польшу, послѣ чего П. поселился въ своемъ имѣніи, а затѣмъ переѣхалъ въ Краковъ. Въ 1850 г. П. послалъ Смиту, автору исторіи Польской войны, свои замѣтки относительно его книги, для исправленія нѣкоторыхъ неточностей при печатаніи слѣдующаго изданія, и Смитъ издалъ эти замѣтки и мнѣнія нѣкоторыхъ другихъ компетентныхъ лицъ въ одной общей книгѣ: «Feldherrn Stimmen aus und über den Polnischen Krieg vom Jahre 1831».

П. скончался 24-го апрѣля 1850 года на островѣ Гельголандѣ, въ большой бѣдности.

«Feldherrn Stimmen aus und über den Polnischen Krieg vom Jahre 1831. Friedrich von Smitt. Leipzig. 1858». Seiten 67, 71, 73, 78, 79, 80, 81, 86; «Русская Старина» 1902 г., мартъ, т. CIX, стр. 624, 629, 636, 637; май, т. CX, стр. 427, 428, 429, 430, 433; іюнь, стр. 554; «Исторія польскаго возстанія и войны 1830—1831 гг.», Смита, переводъ Квитницкаго, С.-Пб. 1863 г.; Пузыревскій, «Польско-русская война 1831 г.», т. I, С.-Пб. 1890 г., стр. 30, 31, 104, 139, 141, 154, 158, 159, 253, 255, 300, 384, 410, 411, 413, 415; «Polen, seine Revolution und sein Recht. Von einem Preussischen Staatsbeamten», Braunschweig, 1847, S. 59; «Военно-Энциклопедическій лексиконъ», ч. II и X; «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона, т. XXV, стр. 443, 444; «Encyclopedyja Powszechna», t. XXI, s. 531—532; J. Kolaczkowski, «Biografia generala Igłacego Prądzynskiego», Poznan. 1851; «Czteréj ostatni wodzowie polscy przed sądem historyi», Posnan. 1865. *И. А—ва и Ѳ. Ф. В.*

Пронскіе удѣльные князья. Помѣщаемъ тѣхъ князей, о которыхъ сохранились біографическія данныя.

Александръ Михайловичъ; въ 1340 г. онъ отправился въ Орду съ данью; на дорогѣ встрѣтилъ его Иванъ Ивановичъ Коротополъ, ограбилъ и, привезши въ Переяславль-Рязанскій, убилъ. У князя Александра Михайловича были сыновья: Ярославъ, Димитрій и Иванъ, котораго Никонова лѣтопись называетъ Василіемъ.

Всеволодъ Глѣбовичъ, сынъ Рязанскаго князя Глѣба Ростиславича.—Въ 1180 г., вмѣстѣ съ братомъ своимъ Владиміромъ, жаловался Всеволоду Георгіевичу, Владимірскому князю, на старшаго своего брата Романа Глѣбовича, который отнималъ у нихъ волости. Всеволодъ вступился и «урядилъ» всю братью.—Въ 1186 г. Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи были осаждены въ Пронскѣ старшими братьями. На помощъ осажденнымъ Владимірскій князь послалъ отрядъ, при приближеніи котораго старшіе Глѣбовичи сняли осаду Пронска и бѣжали. Всеволодъ Глѣбовичъ пошелъ на встрѣчу владимірскому войску и съ нимъ вмѣстѣ отправился во Владиміръ, такъ какъ, повидимому, Пронску не угрожала болѣе опасность. Между тѣмъ, Рязанскіе князья опять подошли къ Пронску, гдѣ въ это время былъ Святославъ Глѣбовичъ, сдавшій городъ. Старшіе Глѣбовичи вошли въ Пронскъ и захватили въ плѣнъ жену, дѣтей и дружину Всеволода Глѣбовича. Послѣдній въ отомщеніе за это захватилъ Коломну и оттуда сталъ пустошить волости братьевъ, которые въ свою очередь разоряли его землю.—Всеволодъ Георгіевичъ предпринялъ походъ въ Рязанскую землю, въ результатѣ котораго было возвращеніе Пронска Всеволоду Глѣбовичу.—Въ 1196 г. кн. Всеволодъ Пронскій участвовалъ вмѣстѣ съ другими Рязанскими князьями въ походѣ Всеволода Владимірскаго на Ольговичей.—Въ этомъ же году онъ былъ на свадьбѣ Константина Всеволодовича во Владимірѣ. Въ 1205 г., въ союзѣ съ Рязанскими князьями, онъ ходилъ на половцевъ и въ 1207 г. скончался въ Пронскѣ, оставивъ сына Кир-Михаила.

Иванъ Владиміровичъ, сынъ Владиміра Ярославича, князя Пронскаго.—Между Рязанскимъ великимъ княземъ и Пронскими была наслѣдственная вражда. Поэтому великій князь московскій Василій заключая договоръ съ Ѳедоромъ Ольговичемъ, великимъ княземъ Рязанскимъ, ставилъ себя посредникомъ между Ѳедоромъ Ольговичемъ и Иваномъ Владиміровичемъ. Однако, вражда между ними не стихла. Въ 1408 г. Иванъ Владиміровичъ при помощи Татаръ выгналъ изъ Рязани Ѳедора Ольговича. Войска, посланныя московскимъ княземъ на помощь Ѳедору Ольговичу, были разбиты Иваномъ Владиміровичемъ на р. Смедвѣ. Несмотря на побѣду, послѣдній, при посредничествѣ московскаго князя Василія Дмитріевича, отдалъ Рязань Ѳедору Ольговичу. Въ

томъ же году кн. Иванъ Владиміровичъ былъ въ Ордѣ, откуда онъ возвратился съ ханскимъ «пожалованіемъ».—Около 1430 г. Иванъ Владиміровичъ «добилъ челомъ, дался на службу» Витовту, съ которымъ былъ заключенъ у него договоръ. По этому договору безъ воли Витовта онъ не могъ договариваться съ кѣмъ-либо и идти на помощь, не исключая и московскаго князя. Если у послѣдняго будетъ «нелюбье» съ Витовтомъ, то Пронскій князь обязался помогать Витовту. У Ивана Владиміровича были сыновья: Ѳедоръ, Иванъ - Нелюбъ и Андрей Сухорукій и дочь, вышедшая замужъ въ 1416 г. за Ивана Васильевича, сына великаго князя московскаго Василія Дмитріевича. Воскресенская лѣтопись считаетъ Ивана Владиміровича послѣднимъ княземъ въ Рязани.

Михаилъ Всеволодовичъ, сынъ Пронскаго князя Всеволода Глѣбовича, называемый иначе Киръ-Михаиломъ. Во время похода Всеволода Георгіевича, Владимірскаго князя, на Пронскъ, гдѣ княжилъ Михаилъ Всеволодовичъ, послѣдній бѣжалъ къ своему тестю въ Черниговъ въ 1206 г., Пронскъ же сдался Всеволоду Георгіевичу, который взялъ въ плѣнъ жену князя Михаила Всеволодовича. Въ 1209 г. Киръ-Михаилъ вмѣстѣ съ Изяславомъ Владиміровичемъ, мстя за разореніе Рязанской земли Всеволодомъ Георгіевичемъ, опустошалъ окрестности Москвы; посланный на нихъ Георгій Всеволодовичъ, сынъ великаго князя Владимірскаго, разбилъ ихъ на голову. Въ 1210 г. Михаила Всеволодовича и Изяслава Владиміровича Всеволодъ Георгіевичъ прогналъ съ береговъ рѣки Пры. По лѣтописи Переяславля Суздальскаго, кн. Михаилъ Всеволодовичъ приходилъ къ Пронску, гдѣ княжилъ Давидъ Муромскій, посаженный Всеволодомъ Георгіевичемъ; Давидъ сдалъ городъ,—и въ Пронскѣ сѣлъ тогда Киръ-Михаилъ. Въ 1217 г. кн. Михаилъ Всеволодовичъ былъ убитъ коварно на пиру Глѣбомъ и Константиномъ Владиміровичами Рязанскими.

Святославъ Глѣбовичъ, сынъ Глѣба Ростиславича Рязанскаго. Въ 1180 г., въ виду нападенія на Рязань Всеволода Георгіевича, вел. кн. Владимірскаго, Романъ Глѣбовичъ бѣжалъ и «затвори въ Резани» Игоря и Святослава. Въ 1186 г. Святославъ Глѣбовичъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Всеволодомъ сѣлъ на Прони. Въ томъ же году на жизнь его и брата умышляли старшіе братья, и «послаша къ нима звати ихъ къ себѣ на совѣтъ лестію», «она же, увѣдавше се, начаста градъ твердити». Тогда Романъ и другіе старшіе братья пошли на Пронскъ. Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи просили помощи у Всеволода Георгіевича. Романъ съ братьями осаждалъ Пронскъ. Когда, по отступленіи Рязанскихъ князей, Всеволодъ Глѣбовичъ уѣхалъ во Владиміръ, братья вторично осадили въ Пронскѣ Святослава Глѣбовича, и послѣдній, доведенный до крайности, сдалъ Пронскъ.—Въ 1207 г., во время похода Всеволода Георгіевича на Ольговичей черниговскихъ, Святославъ Глѣбовичъ, участвовавшій въ походѣ, былъ схваченъ Всеволодомъ по подозрѣнію въ измѣнѣ и отведенъ во Владиміръ, гдѣ оставался до 1213 г. У Святослава Глѣбовича были дѣти: кн. Мстиславъ и Ростиславъ.

„Полн. собр. рус. лѣтоп.“; А. В. Экземплярскій, Великіе и удѣльныя князья, т. II; Соловьевъ, Исторія Россіи; Иловайскій, Исторій Рязанскаго княжества; Карамзинъ, Исторія Госуд. Россійскаго. *Н. Борсукъ.*

Пронскій, князь *Даніилъ Дмитріевичъ*, бояринъ, умеръ въ 1551 г.; сынъ кн. Дмитрія Андреевича, въ инокахъ Антонія. Въ 1512 г.—воевода, былъ назначенъ для посылокъ къ князю Данилѣ Вас. Щенѣ въ большой полкъ, стоявшій на р. Угрѣ. Въ 1517 г. былъ воеводой въ одномъ изъ украинныхъ, т. е. пограничныхъ съ Литвой городовъ, когда возникло дѣло о намѣреніи кн. Вас. Ивановича Шемякина перейти на службу къ польско-литовскому королю. Кн. Шемякинъ, возмущенный доносомъ своего родного брата, хотѣлъ ѣхать къ великому князю Московскому Василію Ивановичу оправдываться и сказалъ объ этомъ воеводѣ кн. П., но тотъ отговорилъ его отъ этого на томъ основаніи, что «ѣхати деи тебѣ нынѣ съ украйны ко Господарю о томъ бити челомъ самому, а безъ его вѣдома, ино непригоже». Тогда, по просьбѣ кн. Шемякина, ему былъ данъ сынъ боярскій для посылки съ челобитьемъ къ великому князю. 1519 г. Въ онъ — полковой воевода въ Дорогобужѣ, а въ 1524 г. въ Муромѣ; въ 1528 г. былъ

*

однимъ изъ подписавшихъ поручную грамату въ поручительствѣ бояръ князя Бориса Ив. Горбатого-Шуйскаго и Петра Яковл. Захарьина по князьямъ Ив. Мих. и Андреѣ Мих. Шуйскихъ, въ уплатѣ въ казну великаго князя Василія Ивановича 2000 р. въ случаѣ побѣга кн. Шуйскихъ въ Польшу. На долю кн. П падала уплата 100 р. Въ 1529 г. онъ—полковой воевода въ Калугѣ, въ 1533 г. воевода въ Вязьмѣ, а затѣмъ посланъ съ полкомъ въ Дорогобужъ. Въ 1535 и въ 1545 г. князь П. былъ вторымъ воеводой большого полка во время литовской войны, въ 1536—37 г.—воеводой на р. Угрѣ, а въ 1546 г. воеводой въ большомъ полку на Коломнѣ и на Коширѣ и въ томъ же году пожалованъ въ бояре. На свадьбѣ царя Ивана Васильевича съ Анастасіей Романовной Захарьиной въ «большомъ мѣстѣ» за столомъ сидѣлъ старшій братъ царя, кн. Юрій Васильевичъ; бояриномъ при немъ былъ кн. П. и говорилъ рѣчь «во княжое мѣсто», т. е. отъ имени кн. Юрія Васильевича обращался съ рѣчью къ царю Ивану Васильевичу. Въ томъ же году онъ былъ вторымъ воеводой большого полка въ Коломнѣ. Въ 1548 г. участвовалъ въ походѣ къ Казани, куда войска были посланы, несмотря на то, что царь Иванъ Васильевичъ вернулся, вслѣдствіе оттепели изъ Работокъ; затѣмъ опять стоялъ на Коломнѣ, оберегая отъ прихода крымцевъ. Въ 1550 г. онъ былъ намѣстникомъ и воеводой въ Смоленскѣ. У кн. П. былъ мѣстническій счетъ съ кн. Ю. Н. Голицинымъ.

«Акты ист.», т. I, стр. 171;» Акты Арх. Эксп.», I, стр. 345; «Собр. Гос. Гр. и Дог.», т. I, стр. 430, 434; «Древн. Рос. Вивл.», т. XIII, стр. 30—31; т. XX, стр. 34, 34; «Никон. Лѣт.», т. VII, стр. 8; Арцыбашевъ, «Повѣствованіе о Россіи», т. II, кн. IV, стр. 134; Карамзинъ, т. VIII, стр. 66, пр. 33; А. И. Маркевичъ, «Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII в.в.», стр. CXIX; «Отеч. Зап.» 1830 г., ч. 44, стр. 62, 68, 70, 72; «Чт. Моск. Общ. и Древн. Рос.» 1902 г., кн. I, (Древнѣйшая разрядная книга оффиціальной редакціи (по 1565 г.). изд. подъ наблюденіемъ П. Н. Милюкова). *В. Корсакова.*

Пронскій, князь *Иванъ Дмитріевичъ*, бояринъ, умеръ въ 1523 г. въ плѣну въ Польшѣ; братъ предыдущаго. Въ 1500 г. былъ въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ своего родного дяди кн. Вас. Дан. Холмскаго съ дочерью Іоанна III—княжной Софіей; въ 1513 г.—воевода въ правой рукѣ, стоялъ на Тулѣ; въ 1514 г. пожалованъ въ бояре и въ томъ же году въ битвѣ съ литовцами подъ Оршей былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со многими другими воеводами и рядовыми дворянами.

«Древ. Росс. Вивл.», ч. XIII, стр. 2, ч. XX, стр. 17; «Отеч. Зап.» 1830 г., ч. 44. стр. 12; П. С. Казанскій, «Село Новоспаское, Деденево тожъ и родословная Головиныхъ, владѣльцевъ онаго», М. 1847 г., стр. 114; Карамзинъ, т. VII, пр. 98, 125. *В. Корсакова.*

Пронскій, князь *Иванъ Васильевичъ Нелюбовъ-Шемяка*, бояринъ и воевода; ум. въ 1550 г.; сынъ кн. Вас. Ив. *Нелюба*; въ 1511 г. былъ воеводой въ сторожевомъ полку, стоялъ на Тулѣ, а затѣмъ воеводой въ лѣвой рукѣ въ походѣ изъ Козельска на рѣку Угру противъ крымцевъ; въ 1530 г. стоялъ съ полкомъ противъ Колычевскаго острова, въ1531 г. стоялъ противъ Люблина; затѣмъ велѣно ему и кн. Никитѣ Палецкому идти съ Коломны на Тулу; съ ними же должны были быть воеводы съ Коширы и изъ Серпухова. Въ томъ же году—воевода въ лѣвой рукѣ въ Козельскѣ, а въ 1534 и 1540 г.г. стоялъ на Коломнѣ въ передовомъ полку, для приходу крымскаго хана. Въ наказѣ, присланномъ ему съ дьякомъ Иваномъ Курицынымъ, сказано, что онъ написанъ въ передовомъ полку, а въ правой рукѣ кн. Иванъ Турунтай-Пронской, и онъ бы былъ въ передовомъ полку для великаго князя дѣла,—а то ему не въ мѣсто. Въ 1535 г. онъ—воевода въ правой рукѣ на Коломнѣ и въ Серпуховѣ, въ 1537 г.—воевода на р. Угрѣ, затѣмъ во Владимірѣ въ сторожевомъ полку. Въ 1541—45 г.—воевода въ правой рукѣ противъ крымскаго хана: стоялъ во Владимірѣ, а затѣмъ на Коломнѣ и на Коширѣ; въ 1547 г. бояринъ и воевода въ Калугѣ изъ Смоленска; въ 1548 г.—воевода въ лѣвой рукѣ въ походѣ къ Казани, въ 1548—49 г. намѣстникъ въ Рязани, въ 1549—50 г. стоялъ на Коломнѣ въ большомъ полку. У кн. П. былъ мѣстническій счетъ съ кн. А. Б. Горбатымъ-Шуйскимъ.

«Др. Росс. Вивл.», ч. XIII, стр. 35, ч. XX, стр. 37 «Отеч. Зап.» 1830 г., ч. 44, стр. 15, 37, 33, 60, 63, 64, 66, 70; Н. Лихачевъ, «Разрядные дьяки», стр. 234, 317, 318; Карамзинъ, т. VIII, стр. 48, пр. 99; А. И. Маркевичъ, «Исторія мѣстничества въ Моск. госуд. въ XV—XVII в.», стр. CXIX; «Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1902 г., кн. I. *В. Корсакова.*

Пронскій, князь *Иванъ Ивановичъ Турунтай*, бояринъ, ум. въ 1569 г. (утопленъ по приказанію Іоанна Грознаго); сынъ князя Ивана Дмитріевича. Первыя свѣдѣнія о князѣ Турунтаѣ относятся къ концу княженія великаго князя Василія Ивановича. Изъ нихъ можно видѣть, что кн. П. пользовался довѣріемъ какъ кн. Василія Ивановича, такъ и его брата, Дмитровскаго князя Юрія Ивановича. Князь Дмитровскій не дружилъ съ Московскимъ великимъ княземъ и, какъ извѣстно, погибъ въ правленіе Елены Васильевны Глинской. Изъ послѣдующихъ политическихъ отношеній кн. П. въ царствованіе Іоанна IV можно предполагать, что онъ былъ сторонникомъ правъ на московскій престолъ, по смерти Василія Ивановича, этого Дмитровскаго князя Юрія, руку котораго, вслѣдъ за смертію великаго князя Московскаго Василія Ивановича, держали кн. Андрей Шуйскій и люди его партіи, захватившіе вскорѣ верховную власть въ московскомъ государствѣ. Въ 1532 г. кн. П. былъ воеводой сторожевого полка въ Нижнемъ Новгородѣ. Въ 1533 г., незадолго до смерти великаго князя Василія Ивановича, онъ былъ посланъ въ Дмитровъ за княземъ Юріемъ Ивановичемъ со словами: «хотимъ Андрея брата женить, и ты-бъ, братъ нашъ, поѣхалъ ко мнѣ и къ Андрею брату на свадьбу». И кн. Юрій, не довѣрявшій своему брату, вел. кн. Василію, повѣрилъ кн. П. и на зовъ его пріѣхалъ. Въ 1533 г. и 1537 г. онъ былъ воеводой въ Муромѣ, а въ 1540 г. воеводой въ правой рукѣ въ Коломнѣ. Въ 1541 г., когда полки стояли въ Коломнѣ «по крымскимъ вѣстямъ», кн. П. былъ воеводой передового полка, а кн. Ив. Вас. Шемяка-Пронской—воеводой въ правой рукѣ, при чемъ кн. Ивану Васильевичу прислано отъ великаго князя сказать, что это ему «не въ мѣсто», т.-е. что въ этомъ нѣтъ для него безчестья. Крымскій ханъ Саипъ-Гирей пришелъ къ Окѣ и сталъ на горѣ; татары хотѣли переправиться на другой берегъ, но имъ не удалось это исполнить, потому что московскіе воеводы, получивъ извѣстіе о его приближеніи, поспѣшили тоже къ Окѣ и вступили съ ними въ сраженіе. Передовой полкъ, съ кн. П. во главѣ, пришелъ раньше другихъ и, какъ сказано въ лѣтописи, «полѣтеша стрелы аки дождь». Кн. П. былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ кн. Шуйскими и участвовалъ въ 1543 г. въ томъ засѣданіи думы, когда бояре, въ присутствіи вел. кн. Ивана Васильевича и митрополита Макарія, едва не умертвили ненавистнаго имъ великокняжескаго любимца Воронцова. Вскорѣ послѣ того великій князь Иванъ Васильевичъ, рѣшивъ освободиться отъ боярской олигархіи, передалъ тогдашняго «правителя» московскаго государства, кн. Андрея Мих. Шуйскаго, своимъ придворнымъ псарямъ на расправу, и тѣ затравили его собаками; многіе же изъ его друзей и сообщниковъ были разосланы по отдаленнымъ деревнямъ: кн. П. велѣно было жить въ Ржевскихъ его имѣніяхъ. Этимъ объясняется, что мы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не встрѣчаемъ имени кн. П. ни въ лѣтописяхъ, ни въ разрядахъ. Лишь въ 1547 г., для радостнаго событія вѣнчанія на царство великаго князя Ивана Васильевича, а вслѣдъ затѣмъ его свадьбы съ Анастасіей Романовной Захарьиной, была снята опала съ провинившихся бояръ и князей, и кн. П. и жена его присутствовали 3-го февраля 1547 г. на свадьбѣ царя: кн. П. былъ въ качествѣ дружки со стороны невѣсты. Неизвѣстно, когда именно кн. П. былъ назначенъ намѣстникомъ въ Псковъ, но въ томъ же, т. е. 1547 году, въ Петровъ постъ, псковичи прислали въ Москву 70 человѣкъ съ жалобой на него. Царь Иванъ Васильевичъ былъ въ это время въ сельцѣ Островкѣ и такъ разгнѣвался на челобитчиковъ, что сталъ обливать ихъ горячимъ виномъ и палилъ бороды и волосы. Вѣроятно они не избѣжали бы казни, если бы въ эту минуту не явился изъ Москвы посланный съ донесеніемъ, что упалъ большой колоколъ благовѣстникъ; пораженный этимъ сообщеніемъ царь поспѣшно уѣхалъ въ Москву,—и псковичи остались живы. Былъ-ли кн. П. виновенъ въ притѣсненіяхъ, или псковичи напрасно на него жаловались, объ этомъ лѣтопись умалчиваетъ, но послѣдующія событія заставляютъ предполагать, что кн. П. по прежнему симпатизировалъ правленію Шуйскихъ и не желалъ быть сторонникомъ новой царской родни — Захарьиныхъ. Онъ боялся новой опалы и надумалъ бѣжать въ Литву вмѣстѣ съ роднымъ дядей царя, кн. Мих. Вас. Глинскимъ, который искалъ спасенья за рубежемъ Московскаго государства послѣ

возстанія московской черни въ 1547 г., въ которомъ погибъ братъ его, кн. Юрій Вас. Глинскій. 3-го ноября 1547 г. была отпразднована свадьба младшаго царскаго брата, кн. Юрія Васильевича, съ кн. Ульяной Дмитріевной Палецкой, а на третій день послѣ свадьбы пришло извѣстіе о побѣгѣ въ Литву кн. Глинскаго и кн. П. Они выбрали повидимому это время, какъ наиболѣе удобное и безопасное, разсчитывая, что царь и его приближенные будутъ заняты свадебными торжествами, и они успѣютъ переѣхать границу. Но расчетъ ихъ не оправдался: царь отправилъ въ погоню за ними дворянъ, подъ начальствомъ кн. Петра Ив. Шуйскаго, который и настигъ ихъ, какъ сказано въ лѣтописи, «въ Ржевскихъ мѣстахъ, въ великихъ и непроходимыхъ тѣснотахъ». Увидавъ, что имъ невозможно скрываться, они отправились въ Москву и хотѣли тайно въѣхать туда: кн. П. былъ остановленъ во время заутрени у Новаго города, въ Неглименскихъ воротахъ, когда онъ хотѣлъ «войти въ городъ съ попы», а кн. Глинскій былъ найденъ на посадѣ, на дворѣ у Вознесенья, за рѣкою Неглинною, на Никитской улицѣ, и оба они были приведены въ городъ 11-го ноября. Царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ посадить ихъ подъ стражу и разспросить о побѣгѣ: они же били челомъ, что отправились молиться въ Ковецъ къ Пречистой, будучи напуганы убійствомъ кн. Юрія Глинскаго чернью, но не знали твердо дороги и заѣхали въ сторону. Царь Иванъ Васильевичъ простилъ кн. П. и кн. Мих. Вас. Глинскаго, вслѣдствіепросьбы духовенства и бояръ «заиже отъ неразумия тотъ бѣгъ учинили были, обложася страхомъ княжь Юрьева убійства великаго». Въ томъ же 1547 году, въ декабрѣ, съ кн. П. была взята запись, за поручительствомъ московскаго митрополита Макарія и многихъ «властей», о продолженіи впредь службы государю вѣрно, усердно и безо всякихъ побѣговъ. Кромѣ того, была взята поручная запись съ бояръ и дворянъ, въ силу которой, въ случаѣ побѣга кн. П., поручители обязывались заплатить въ казну 10 тысячъ рублей. Въ 1549 г. кн. П. былъ пожалованъ въ бояре, участвовалъ въ Казанскомъ походѣ и былъ посланъ для развѣдокъ въ деревню Бежболду, подъ Казань. Въ 1550 г. онъ получилъ помѣстья 200 четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, въ томъ же году былъ воеводой отъ казанской украйны въ Муромѣ и былъ вызванъ оттуда царемъ на Коломну, а затѣмъ стоялъ въ Бѣлевѣ и въ Рязани по крымскимъ вѣстямъ въ передовомъ полку. Въ 1551 г., въ маѣ, по линіи отъ Коширы, черезъ Коломну, до Мурома, уже собралось 150-тысячное московское войско, готовое къ казанскому походу; въ передовомъ полку былъ кн. П. Получивъ 21-го іюня извѣстіе, что небольшой отрядъ крымскихъ татаръ, подъ начальствомъ хана, показался около Тулы, царь Иванъ Васильевичъ послалъ туда полки (въ передовомъ полку былъ кн. П.), намѣреваясь лично двинуться на другой день, но остался за Окой, такъ какъ оказалось, что приходившіе къ городу крымцы куда-то скрылись, пограбивъ окрестныя села и деревни. Однако, тревога была не напрасна: ханъ, дѣйствительно, явился подъ стѣнами Тулы и намѣревался осаждать ее, но ночью съ 22-го на 23-е іюня ушелъ, узнавъ о приближеніи московскаго войска отъ Коширы. Черезъ десять дней царь Иванъ Васильевичъ со своимъ войскомъ двинулся къ Казани, и 23-го августа полки расположились станами вокругъ нея на назначенныхъ имъ мѣстахъ; на Арскомъ полѣ стали: передовой полкъ, подъ начальствомъ кн. П. и кн. Хилкова, большой полкъ, ертоулъ и дружина кн. В. А. Старицкаго; затѣмъ, когда произошли измѣненія въ распредѣленіи полковъ, передовой полкъ былъ оставленъ на прежнемъ мѣстѣ. 28-го августа на помощь осажденному казанскому гарнизону явился особый отрядъ татаръ, подъ предводительствомъ Епанчи. Опрокинувъ русскую стражу, наблюдавшую за Арскимъ лѣсомъ, татары стремительно бросились на станъ передового полка и начали рубить воиновъ, спокойно предававшихся своимъ обыденнымъ занятіямъ. Кн. Хилковъ не былъ въ силахъ отбиться отъ непріятеля, но вскорѣ къ нему на помощь подоспѣли: кн. П. съ остальной частью передового полка, кн. Мстиславскій съ частью большого полка и кн. Пенинскій-Оболенскій съ предводимой имъ дружиной. Въ день же взятія Казани, 2-го октября 1552 г., кн. П. начальствовалъ надъ той частью передового полка, которая должна была итти на Кайбатскія ворота. Въ 1553 г., во время силь-

ной болѣзни царя Ивана Васильевича, когда онъ, готовясь къ смерти, почелъ необходимымъ привести бояръ и другихъ царедворцевъ къ присягѣ на вѣрность своему преемнику—сыну Димитрію, тогда, какъ извѣстно, многіе изъ бояръ отказались это сдѣлать и выставляли преемникомъ умиравшему царю его двоюроднаго брата, кн. В. А. Старицкаго. Въ числѣ этихъ «супротивниковъ» Іоанна IV находились князья: Петръ Щенятевъ, И. И. Турунтай-Пронскій и Ростовскій. Они говорили по поводу присяги младенцу царевичу Димитрію: «вѣть де нами владѣть Захарьинымъ, и чѣмъ нами владѣть Захарьинымъ, а намъ служити Государю младу, и мы учнемъ служити старому князю Володимеру Андреевичу». Эти рѣчи слышалъ бояринъ И. П. Ѳедоровъ и передалъ потомъ царю. Когда бояре пошли въ переднюю избу, гдѣ у креста стоялъ кн. В. И. Воротынскій, а дьякъ Ив. Михайловъ держалъ крестъ, кн. П. началъ говорить кн. Воротынскому: «твой отецъ, да и ты послѣ великаго князя Василія первой измѣнникъ; а ты приводишь ко кресту». Кн. Воротынскій отвѣтилъ ему: «я измѣнникъ, а тебя привожу ко крестному цѣлованію, чтобы ты служилъ Государю нашему и сыну его царевичу князю Дмитрію; а ты прямъ, а Государю нашему и сыну его царевичу князю Дмитрію креста не цѣлуешь и служить имъ не хочешь». Послѣ такого рѣшительнаго отвѣта, кн. П—у ничего больше не оставалось, какъ вмѣстѣ съ другими цѣловать крестъ. Несмотря на явное выраженіе симпатіи со стороны кн. П. князю Владиміру Андреевичу и на вражду къ Захарьинымъ, родственникамъ царя,—Іоаннъ IV не высказалъ открыто своего гнѣва кн. П., и онъ по прежнему занималъ видныя должности. Съ 1554 до 1568 г. мы почти изъ году въ годъ встрѣчаемъ кн. П. воеводой разныхъ полковъ то по крымскимъ вѣстямъ (стоялъ на Коломнѣ, въ Калугѣ, въ Серпуховѣ, въ Дѣдиловѣ, въ Вязьмѣ, у Николы Зарайскаго, въ Ржевѣ), то въ Ливонскихъ походахъ къ Полоцкому и Дорогобужу. Въ 1562 онъ версталъ денежнымъ жалованьемъ Мещерянъ и дѣлалъ имъ смотръ. Въ 1564 г., когда кн. П. пріѣхалъ на службу во Ржевъ, то послалъ за кн. А. И. Воротынскимъ, но онъ не поѣхалъ, сказался боленъ, а затѣмъ билъ челомъ царю, что ему невмѣстно быть меньше кн П., но царь отвѣтилъ, «чтобы онъ зналъ себѣ мѣру». Въ 1565 г. кн. П долженъ былъ идти съ Лукъ Великихъ подъ Озерище вмѣстѣ съ цар. Семеномъ Касаевичемъ; они взяли Озерище и донесли объ этомъ царю Ивану Васильевичу. Въ томъ же году кн. П. былъ въ числѣ поручителей по боярину Ив. Петр. Яковлевѣ и, въ случаѣ его побѣга, долженъ былъ заплатить 800 р. Съ раздѣленіемъ въ этомъ году Московскаго государства на опричнину и земщину, кн. П. назначенъ былъ членомъ Земскаго управленія. Въ 1566 г. онъ собственноручно подписался подъ граматой о продолженіи войны съ польскимъ королемъ, а въ 1567 г. былъ посланъ изо Ржева въ Вязьму, куда съѣхались воеводы изъ Боровска и съ Волока, чтобы оказать охрану московскимъ посламъ, возвращавшимся изъ Польши. Около 1569 г. царь припомнилъ кн. П. его поведеніе въ 1547 и въ 1553 г.г.,—и онъ былъ обреченъ на смерть. О послѣднихъ дняхъ кн. П. показанія у современниковъ весьма разнорѣчивы: кн. Курбскій въ «Исторіи Іоанна» говоритъ, что кн. П. принялъ иноческій санъ, но Іоаннъ велѣлъ взять его изъ монастыря и утопить; Таубе и Крузе пишутъ, что кн. Щенятева и кн. П. засѣкли; въ спискѣ же бояръ («Др. Рос. Вивл.», ч. XX, стр. 49) кн. П. показанъ *умершимъ* около 1569 г., при чемъ не сказано, что онъ *выбылъ*, т. е. умеръ насильственной смертью. Карамзинъ полагаетъ, что кн. П. былъ казненъ, какъ мнимый единомышленникъ боярина Ив. Петр. Ѳедорова, который вмѣстѣ съ нѣсколькими другими боярами пересылался съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, намѣреваясь измѣнить Іоанну. Принимая во вниманіе предыдущее поведеніе кн. П., мы думаемъ, что онъ могъ быть, вопреки утвержденію Карамзина, не *мнимымъ*, а дѣйствительнымъ участникомъ той боярской партіи, которая вошла въ это время въ сношенія съ польскимъ правительствомъ.

«Др. Росс. Вивл.», ч. VIII, стр. 2; ч. XIII, стр. 19, 30, 61, 80, 252, 286, 3 5, 341, 351, 353, 358, 366, 381, 388; ч. XX, стр. 36, 50; «Собр. Гос. Грам. и дог.», т. I, стр. 454, 458, 508, 510, 547, 556; «Ник. лѣт.», т. VII, стр. 27—28, 59—60, 173; «Полн. Собр. Русск. Лѣт.», ч. IV, стр. 307; «Царств. книга», стр. 336—346; «Отеч. Зап.» 1830 г., ч. 44

стр. 21, 59, 65, 85, 86, 91, 94, 96, 97, 99, 100, 102, 108, 114, 116; «Синб. Сборн.», стр. 1, 2, 4, 6, 7, 10—13, 17, 18, 19, 21; «Русск. Ист. Библ.», т. III, 242, 245, 254; Арцыбашевъ, «Повѣствованіе о Россіи», т. II, кн. IV, стр. 154, 156, 167, 185, 187, 217; А. Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», т. I; Н. Лихачевъ, «Разр. дьяки», стр. 32, 234, прим. 58; «Сказанія кн. Курбскаго», С.-Пб. 1868 г., стр. 85; Карамзинъ; Соловьевъ; А. И. Маркевичъ: «Исторія мѣстничества въ Моск. госуд. въ XV—XVII в. в.», стр. CXIX; Трофимовъ, «Походъ подъ Казань, ея осада и взятіе въ 1552 г.», Казань. 1890 г., стр. 12, 66, 72, 88; кн. М. Щербатовъ, Исторія, т. VIII, стр. 156; «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1902 г., кн. I.

В. Корсакова.

Пронскій-Рыбинъ, князь *Иванъ Петровичъ*, бояринъ; сынъ князя Петра Ивановича. Въ 1625 г. былъ въ числѣ поѣзжанъ на первой свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича съ кн. Марьей Влад. Долгоруковой. Въ 1632—33 г. онъ—рында въ бѣломъ платьѣ при пріемахъословъ Голштинскаго, Англійскаго и Турецкаго. Въ 1634—35 и 1641 г.г. П. ѣздилъ отъ царя со столомъ къ Шведскимъ, Турецкому и Кизильбашскому посламъ; въ 1635 г., во время обѣдовъ у царя польско-литовскихъ и кизильбашскихъословъ, а въ 1644 г.—датскаго царевича, кн. П., въ должности чашника, ставилъ пить передъ царемъ. Въ 1637 г. онъ присутствовалъ при пріемѣ литовскихъ гонцовъ, а въ 1638 г., іюля 12-го, отпущенъ въ деревню. Въ 1639 г. кн. П. участвовалъ при перенесеніи тѣла царевича Ивана Михайловича, а затѣмъ тѣла царевича Василія Михайловича изъ дворца въ Архангельскій соборъ и дневалъ и ночевалъ у гроба того и другого. Въ 1643 г. онъ ѣздилъ въ Тобольскъ навѣстить своего отца, бывшаго тамъ воеводой, и, прогостивъ здѣсь около трехъ недѣль, уѣхалъ обратно вмѣстѣ съ матерью и сестрой. Въ 1644—45 г.г. онъ былъ воеводой въ Вязьмѣ, а въ 1646 г.—воеводой въ большомъ полку на Ливнахъ. Въ 1648 г. кн. П. былъ въ числѣ поѣзжанъ на первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Маріей Ильиничной Милославской, а въ 1649—50 г.г.—воеводой въ Бѣлгородѣ. Въ 1652 г., марта 17-го, пожалованъ изъ стольниковъ прямо въ бояре. Въ тотъ же день царь указалъ кн. П. быть воеводой въ Астрахани, а товарищемъ при немъ назначилъ стольника Плещеева. Кн. П. билъ челомъ, что Плещеевъ ему недругъ, а потому онъ не можетъ быть съ нимъ у государева дѣла; вслѣдствіе этого царь отставилъ Плещеева, а въ товарищахъ у кн. П. велѣлъ быть кн. В. Б. Волконскому. Пользуясь сохранившимися царскими граматами и отписками кн. П., можно составить ясное представленіе о времени его воеводства въ Астрахани (1652—55 г.г.), о чемъ ему приходилось заботиться и какого рода царскія порученія на него возлагались. Во время войны царя Алексѣя Михайловича съ польскимъ королемъ Яномъ-Казимиромъ въ 1657 г. кн. П. назначенъ былъ воеводой въ Полоцкъ, а при немъ въ товарищахъ окольничій кн. Д. Гагинъ, при чемъ была объявлена служба безъ мѣстъ. Несмотря на это, кн. Гагинъ билъ челомъ и за ослушаніе былъ отправленъ къ кн. П. на дворъ «головою», посаженъ въ тюрьму, а затѣмъ все-таки посланъ въ Полоцкъ. Въ бытность свою въ Полоцкѣ, кн. П. доносилъ царю, что польскій полковникъ Лисовскій, прибравъ къ себѣ многихъ ратныхъ людей въ Полоцкомъ уѣздѣ, разоряетъ государевы дворцовыя волости и монастырскія и шляхетскія маетности. Въ 1658 г., мая 5-го, царь Алексѣй Михайловичъ «пожаловалъ въ комнату» кн. П., а недѣлю спустя указалъ ему быть въ дядькахъ у наслѣдника престола царевича Алексѣя Алексѣевича, которому шелъ тогда пятый годъ. Во все время нахожденія въ дядькахъ при царевичѣ, кн. П. упоминается только въ 1667 г.: 1-го сентября этого года, при обнародованіи совершеннолѣтія царевича Алексѣя Алексѣевича, онъ спрашивалъ о здоровьѣ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и всякихъ чиновъ людей, когда царь и царевичъ шествовали въ соборную церковь. Въ томъ же году, при пріемѣ и отпускѣословъ польскаго короля въ Грановитой палатѣ, онъ стоялъ по лѣвую сторону царевича Алексѣя Алексѣевича. 16-го января 1670 г. царевичъ, подававшій, какъ говорятъ, «великія надежды по отличнымъ способностямъ ума своего и любви къ наукамъ», скончался, имѣя около 16 лѣтъ отъ роду, неизвѣстно отъ какой болѣзни. Какъ это ни странно, но мы не встрѣчаемъ кн. П. при церемоніалѣ перенесенія тѣла царевича въ Архангельскій соборъ и въ спискѣ тѣхъ бояръ, которые дневали и ночевали въ продолженіе сорока дней при гробѣ царевича. А что

кн. П. продолжалъ быть дядькой царевича передъ его кончиной, это видно изъ того, что 21-го февраля онъ представилъ въ Мастерскую палату роспись его «хоромной казны», т. е. принадлежавшихъ ему иконъ, книгъ, платья и всякихъ вещей. Часть вещей была передана въ Приказы, часть роздана близкимъ къ царевичу лицамъ; самъ кн. П. получилъ: четвертину, суму съ гребнями, завѣсу и проч. Въ 1671 г. онъ вѣдалъ Приказную Палату,а на второй свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Нат. Кирил. Нарышкиной шелъ непосредственно за царемъ. Въ томъ же году онъ назначенъ былъ воеводой въ Новгородъ, гдѣ оставался до 1673 г. Въ 1682 кн. П. собственноручно подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества. Въ 1652 г., по смерти отца его, боярина кн. Петра Ивановича, за нимъ и за братомъ его кн. Михаиломъ Петровичемъ была справлена отцовская подмосковная вотчина,—село Чижово съ пустошами. Въ 1669 г. кн. Ив. Петр. далъ эту вотчину въ приданое за своею дочерью Авдотьею, вдовою стольника Семена Шеина, при выходѣ ея замужъ за боярина кн. Гр. Санчул. Черкасскаго, отъ котораго она перешла впослѣдствіи къ сыну его кн. Данилѣ Черкасскому.

«Акты историч.», т. IV; «Доп. къ акт. ист.», т. III, IV и VII; «Полн. Собр. Зак.», т. I, ст. 235, 721; «Собр. Гос. Грам. и Догов.», т. IV, стр. 407; «Акты Моск. госуд.», т. II; «Русск. Ист. Библ.», т. V и X; «Оп. Моск. Арх. Мин. Юст.», т. I и II; А. Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», т. VI; В. Берхъ, «Царствованіе ц. Алексѣя Михаиловича», С.-Пб., 1831 г., т. I, стр. 252; «Родъ кн. Дондуковыхъ-Карсаковыхъ», Тифлисъ. 1886 г., стр. 2—3; «Боярскій родъ Колычевыхъ», М. 1886 г., стр. 143; А. Викторовъ, «Опис. записн. книгъ и бумагъ старин. дворц. приказовъ», М. 1877 г., т. I, стр. 205—206. *В. Корсакова.*

Пронскій, князь *Михаилъ Петровичъ*, бояринъ; старшій сынъ боярина князя Петра Ивановича. Въ 1626 году, будучи стольникомъ, присутствовалъ въ числѣ поѣзжанъ на 2-й свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича Съ 1628 г. онъ принималъ постоянное участіе въ придворной жизни въ качествѣ рынды, при чемъ ему поручалось смотрѣть въ «кривой столъ» и въ «большой столъ», ѣздить со столомъ отъ Государя къ посламъ различныхъ государствъ, которые прибывали съ посольскими порученіями къ Государю въ Москву; особенно же часто поручалось ему наряжать вина при государевомъ столѣ. Въ 1634 году онъ, будучи стольникомъ, назначенъ былъ 1-мъ воеводой на Терки, откуда возвратился въ Москву въ 1635 г. Въ 1636 году, судя по Олеарію, онъ былъ въ Приказѣ «Большого Прихода», а также въ Приказѣ «Сбора десятой деньги». Въ 1638 г., 1-го апрѣля, въ ожиданіи набѣга крымцевъ послѣдовало назначеніе воеводъ по полкамъ, при чемъ кн. П. назначенъ былъ 1-мъ воеводою въ прибыльный полкъ, стоявшій въ Мценскѣ. Въ началѣ 1639 года онъ находился уже въ Москвѣ—на похоронахъ царевича Ивана Михайловича въ числѣ лицъ, которыя въ тотъ же день «дневали и ночевали» у гроба, и вторично 1-го февраля; въ томъ же мѣсяцѣ вышелъ указъ быть ему воеводою во Псковѣ, гдѣ онъ находился въ 1640 и 1641 годахъ. Въ 1643 г. онъ назначенъ былъ 1-мъ воеводою въ Казань, гдѣ пробылъ до 1647 г., а 25-го декабря того-же года былъ изъ стольниковъ пожалованъ былъ прямо въ бояре, минуя званіе окольничаго. Правомъ этимъ, какъ извѣстно, пользовались въ то время только члены нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ (16 фамилій). Пожалованный въ бояре, онъ былъ тогда же назначенъ въ Пушкарскій Приказъ. Въ 1648 г., 16-го января, онъ принималъ участіе въ церемоніи, предшествовавшей чину вѣнчанія государя съ цар. Маріей Ильиничной Милославской. Въ 1650 г., 3-го іюня, ему указано было «по крымскимъ вѣстямъ» быть полковымъ воеводой на Тулѣ съ кн. А. Н. Трубецкимъ, а около сентября того же (1650) года онъ былъ назначенъ воеводою въ Астрахань, гдѣ пробылъ до мая 1652 г., когда его на воеводствѣ смѣнилъ братъ его князь Ив. Петр. II. Въ 1654 г онъ былъ бояриномъ въ «Приказѣ денежнаго сбору». Государь, со времени пожалованія П. въ бояре (1647), во время своихъ отлучекъ изъ Москвы неоднократно оставлялъ его въ числѣ бояръ, которымъ поручалась охрана Москвы, а равно и управленіе, въ ней сосредоточенное, при чемъ кн. П. бывалъ сперва 2-мъ, а затѣмъ и главнымъ среди такихъ бояръ; когда 18-го мая 1654 г. Государь отправился въ походъ на польскаго короля Яна-Казиміра, то, можно сказать, предоставилъ Москву въ полное его управленіе. Товарищемъ

его по управленію тогда были назначены кн. И. В. Хилковъ съ двумя окольничими изъ той же фамиліи, да окольничій кн. В. Г. Ромодановскій. Въ то время поднялось моровое повѣтріе, царская семья, ради безопасности, выслана была изъ Москвы, которая была изолирована, а для передачи извѣстій царю были примѣнены всѣ извѣстныя въ то время мѣры предосторожности. Въ Москвѣ поднялось волненіе, вызванное лицами, недовольными религіозными новшествами, которыя вводились патріархомъ Никономъ. Въ борьбѣ съ эпидеміей и въ успокоеніи населенія кн. П. проявилъ большую энергію, однако она не пощадила его: онъ скончался отъ морового повѣтрія 11-го сентября 1654 года.

«Акты Архивн. Экспед.», т. IV, стр. 2; «Акты Истор.», т. IV, стр. 129, 131—133, 137—140, 142—144, 157—160. 162, 164, 235; «Доп. къ Акт. Истор.», т. III, стр. 442—444 и др.; «Собр. Госуд. Грам. и Догов.», т. III, стр. 284, 531, 532; «Полное Собр. Рус. Лѣт.», т. IV, стр. 336, 340; «Акты Москов. Госуд.», т. II, стр. 249, 250, 255, 267, 382; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-е, кн. XIII, ч. XVII, стр. 160; ч. XVIII, стр. 194; кн. XX, ч. III, стр. 343, 381; «Русская Историч. Библіотекъа, т. VIII и X; «Разрядныя книги», изд. 2-го отд. Собств. Е. И. В. Канц., т. II, стр. 449, 817; «Дворцовые разряды», т. I, II и III; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, «Русская Родословная книга», т. II; П. Ивановъ, «Указат. къ боярск. книгамъ»; А. Барсуковъ, «Списки городов. воеводъ»; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. Т-ва «Обществ. Польза», кн. II, т. X и кн. III, т. XII; Адамъ Олеарій, «Путешествіе», перев. Барсова, стр. 288, 220, 294. *Н. В—н—въ.*

Пронскій, князь *Петръ Даниловичъ*, бояринъ и воевода, ум. въ 1577 г. безд.; сынъ кн. Даніила Дмитріевича. Въ 1543 г. кн. П. отразилъ нападеніе крымцевъ отъ Рязанской области, въ 1544 г. былъ воеводой на Коломнѣ въ лѣвой рукѣ и въ 1547 г. на Коломнѣ и на Коширѣ въ большомъ полку. Въ 1550 г. онъ былъ воеводой у Николы Зарайскаго; въ томъ же году находился въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ кн. Владиміра Андреевича Старицкаго съ Евдокіей Александровной Нагой. Въ 1551 г.—воевода, съ Ильина дня, въ Василѣ, въ 1553 г., съ Благовѣщенья, воевода въ Новгородѣ Сѣверскомъ, въ 1556 г. былъ въ походѣ съ царемъ (одинъ изъ головъ въ стану въ сторожахъ). Въ 1559 г. царь велѣлъ кн. В. А. Старицкому послать на Коширу, а оттуда въ Дѣдиловъ и дальше своего боярина кн. П—го или кн. Василія Темкина, чтобы осмотрѣть, гдѣ стоять полкамъ въ полѣ. Въ 1564—65 г.г. онъ—воевода въ Чебоксарахъ, а въ 1565—67 г.г. въ Юрьевѣ Ливонскомъ; въ 1567 г. пожалованъ былъ въ бояре. Въ 1570 г., въ январѣ, царь Иванъ Васильевичъ пріѣхалъ въ Новгородъ,—и болѣе мѣсяца продолжался такъ назыв. «Новгородскій погромъ», по окончаніи котораго царь «вмѣсто себя оставилъ правителя, боярина и воеводу кн. Петра Даніиловича Пронскаго». Во время пребыванія царя въ Новгородѣ, у него за столомъ возникъ мѣстническій споръ между боярами—кн. Пронскимъ и кн. Ив. Андр. Шуйскимъ, при чемъ кн. Шуйскій билъ на кн. П. о безчестьѣ своемъ. Царь велѣлъ разобрать ихъ дѣло и далъ сыну кн. Шуйскаго правую грамату на кн. П., а безчестья не присудилъ. Въ 1573 г. кн. П. былъ на обѣдѣ на свадьбѣ Ливонскаго короля Магнуса (Арцымагнуса) съ княжной Маріей Влад. Старицкой. Въ томъ же году онъ участвовалъ въ походѣ царя Ивана Васильевича на казанскихъ черемисъ. Кромѣ вышеупомянутаго мѣстническаго спора, у кн. П. было мѣстническое дѣло съ кн. В. Ю. Голицынымъ.

«Др. Рос. Вивл.», кн. VIII, стр. 6, кн. XIII, стр. 56, 100, 361, 387, 422, 430, 435; кн. XX, стр. 48, 55; «Акты Арх. Эксп.», т. I, стр. 320; «Собр. Гос. Гр. и дог.», т. II, стр. 53; «Акты Моск. госуд.», т. I, стр. 31, 36, 37; «Полн. Собр. Русск. Лѣт.», т. III, стр. 259—260; А. Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», т. I; Карамзинъ; Н. Лихачевъ, «Разрядные дьяки», стр. 335, 495; А. Маркевичъ, «Ист. мѣстничества въ Моск. государствѣ въ XV—XVII в. в.», стр. CXIX; Соловьевъ, т. VI; «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1902 г., кн. I. *В. Корсакова.*

Пронскій, князь *Петръ Ивановичъ*, бояринъ, ум. въ 1652 г. Въ 1608 г. кн. П. былъ на свадьбѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго у «другой свѣчи» съ кн. Мих. Мезецкимъ, а у «большой свѣчи» былъ кн. Одоевскій, но, вслѣдствіе челобитья кн. П., царь указалъ кн. Одоевскаго отставить, а на его мѣсто велѣлъ быть кн. Бор. Андр. Хилкову. Въ 1613 г., іюля 11-го, при вѣнчаніи на царство ц. Михаила Ѳеодоровича, онъ былъ однимъ изъ десяти стольниковъ, шедшихъ передъ царемъ изъ царскихъ палатъ въ соборную церковь. Въ 1613 –1616 г., во время его воеводства въ Холмогорахъ, случались нападенія на островъ польско-литовскихъ

отрядовъ, вслѣдствіе чего попавшіе въ плѣнъ черкасы допрашивались о численности непріятеля, объ именахъ начальниковъ и о намѣреніяхъ «литовскихъ и нѣмецкихъ воинскихъ людей», и кн. П. пересылалъ эти распросныя рѣчи царю. Какъ видно изъ царской граматы кн. П—у, холмогорскіе посадскіе люди своевольничали въ деревняхъ, принадлежавшихъ Архангельскому монастырю, и въ ихъ угодьяхъ на Холмогорскомъ посадѣ; вслѣдствіе этого, царь предписывалъ кн. П. наблюдать, чтобы впредь игуменъ Архангельскаго монастыря Кирьякъ съ братіей не терпѣлъ притѣсненій отъ посадскихъ людей. Въ 1616 г. онъ—стольникъ; помѣстный окладъ ему до московскаго разоренья былъ 700 четей и 55 р. Въ 1616 — 17 гг., во время польско-литовской войны, царь Михаилъ послалъ въ Дорогобужъ кн. П., а въ товарищахъ при немъ Колтовского, но они донесли царю, что не могутъ попасть въ городъ, потому что онъ осажденъ поляками. Тогда царь приказалъ имъ быть въ Вязьмѣ и отсюда помогать жителямъ Дорогобужа «промышлять надъ литовскими людьми». Когда самъ польскій королевичъ Владиславъ пришелъ съ войскомъ къ Дорогобужу, то тамошній воевода Ададуровъ сдалъ ему городъ, какъ царю Московскому. Владиславъ хотѣлъ уже расположиться тамъ на зимнія квартиры, какъ получилъ извѣстіе, что вяземскіе воеводы кн. П. и кн. Бѣлосельскій (назначенный на мѣсто Колтовского), узнавши о сдачѣ Дорогобужа, бѣжали изъ Вязьмы въ Можайскъ вмѣстѣ съ вяземскими ратными людьми. Вслѣдствіе этого, въ концѣ октября 1617 г., Владиславъ торжественно вступилъ въ Вязьму, а кн. П. и кн. Бѣлосельскій были, по приказанію царя, скованы и отвезены въ Москву; тамъ они были высѣчены кнутомъ и сосланы въ Сибирь (кн. П.—въ Туринскій острогъ), а недвижимое имѣніе ихъ отобрано для раздачи другимъ воеводамъ. Неизвѣстно, когда кн. П. былъ возвращенъ изъ ссылки, но въ 1622 г. онъ уже обѣдалъ у царя, а въ 1624—25 г. г. былъ воеводой въ Брянскѣ. Интересно, что среди дворянъ, сопровождавшихъ въ 1625 г. царя вмѣсто окольничихъ, въ его походѣ на богомолье въ подмосковный Угрѣшскій монастырь, были: кн. П. и тотъ самый Семенъ Чемодановъ, который въ 1617 г. везъ кн. П. скованнымъ изъ Вязьмы въ Москву. Въ 1625—29, 1633, 1634 и 1637 годахъ кн. П. обѣдалъ у царя въ торжественные дни, а въ 1626 г., на второй свадьбѣ царя, шелъ въ церковь передъ зголовьями. Въ 1627 г. назначенный на службу въ Путивль, онъ въ 1628 г. присутствовалъ при пріемѣ кизильбашскаго посла, а въ 1629—31 г. г. былъ воеводой въ Томскѣ и доносилъ царю о распоряженіяхъ, какія были сдѣланы по доставленію въ Кузнецкій острогъ бѣжавшихъ оттуда служилыхъ людей и пашенныхъ крестьянъ. Въ 1633—34 г. г. онъ присутствовалъ во Владимірскомъ Судномъ Приказѣ, а въ 1634—36 г. г. былъ воеводой въ Вязьмѣ и въ 1639 г.—во Псковѣ. Въ 1639—43 г. г. кн. П. былъ воеводой въ Тобольскѣ, при чемъ велѣно ему было оказывать содѣйствіе П. П. Головину, который былъ посланъ ставить Якутскъ и долженъ былъ остаться тамъ затѣмъ воеводой. Въ 1647 г., апрѣля 22-го, на Свѣтлой недѣлѣ въ четвергъ, кн. П. пожалованъ изъ дворянъ прямо въ бояре (слѣдовательно, онъ былъ лишенъ сана стольника при ссылкѣ въ Сибирь), а на другой день оставленъ вѣдать Москву, когда царь Алексѣй отправился въ с. Покровское. Въ 1648 г., на первой свадьбѣ царя Алексѣя съ Марьей Ильинишной Милославской, онъ шелъ за царемъ.

Кн. П. женился въ 1624 г. на Марьѣ Григ. Колычевой, дочери Григ. Θеод. Гущи-Колычева, и получилъ за нею въ приданое сельцо Чижово, да семь пустошей и перелогу 200 четей (нынѣ Богородскаго у., въ 28 верстахъ отъ Москвы).

«Акты ист.», т. II, стр 359; т. III, стр. 64, 367, 368; «Доп. къ акт. ист.», т. II, стр. 167—169; т. III, стр. 16; т. IV, стр. 251.; «Акты Моск. госуд.», т. I и II; «Разр. кн.», т. I и II; «Русск. Ист. Библ.», т. VIII, IX и X; «Собр. Гос. Гр. и дог.», т. III, стр. 72, 285.; «Др. Рос. Вивл.», т. III, стр. 134; т. XIII, стр. 124, 163, 180.; «Ник. Лѣт.», т. VIII, стр. 226—227; «Боярскій родъ Колычевыхъ», М. 1886 г., стр. 142—143; Соловьевъ, т. IX, стр. 132, 135, 136, 337.

В. Корсакова.

Пронскій, *Платонъ Петровичъ*, артистъ Императорскихъ Петербургскихъ театровъ. Родился въ Тулѣ въ 1825 г. и былъ сыномъ мѣстнаго богатаго купца Владимірова - Вѣтрова. На сцену П. попалъ совершенно случайно: послѣ смерти

родителей ему достался значительный капиталъ, который, однако, онъ скоро прожилъ, послѣ чего рѣшилъ поступить на сцену; первый дебютъ его былъ настолько удаченъ, что гастролировавшій тогда въ Тулѣ знаменитый Московскій комикъ В. И. Живокини одобрилъ игру дебютанта и предсказывалъ ему успѣхъ. Пронскій усердно началъ заниматься и скоро сдѣлался извѣстнымъ провинціальнымъ актеромъ. Особенно любили его въ Харьковѣ, гдѣ онъ игралъ много лѣтъ подрядъ. Въ 1858 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и вступилъ въ составъ труппы Александринскаго театра, гдѣ первое время занималъ амплуа второго любовника, но не пользовался успѣхомъ; съ переходомъ же на амплуа пожилыхъ и свѣтскихъ людей, благородныхъ отцовъ и злодѣевъ, на него обратили вниманіе, какъ на артиста, и оцѣнили его игру. Наиболѣе хорошъ онъ бывалъ въ роляхъ Гарриса въ «Хижинѣ дяди Тома», отца въ «Злобѣ дня» и Скалозуба въ «Горѣ отъ ума». Исполненіе этихъ ролей было прекрасное и могло удовлетворить самаго взыскательнаго критика. Среди петербургскихъ актеровъ того времени Пронскій рѣзко выдѣлялся своими костюмами, всегда дорогими, изящными и модными. Онъ считался законодателемъ модъ,—и петербургская молодежь старалась подражать ему. Въ Петербургскомъ обществѣ П. былъ очень популяренъ. Года за два до смерти онъ, вслѣдствіе болѣзни въ ногѣ, принужденъ былъ оставить сцену, слегъ въ постель и послѣ мучительныхъ и долгихъ страданій скончался 10-го декабря 1875 г.; погребенъ онъ на Стародеревенскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

А. Л. Нильскій, «Закулисная Хроника», С.-Пб. 1900 г., стр. 198—200 и 230—234; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1878 г. (некрологъ); «Русская Старина» 1892 г., т. 73, стр. 506; «Иллюстрированная Недѣля» 1875 г., № 50 (некрологъ), стр. 799; «Петербургскій Листокъ» 1875 г., № 234.

Пронскій, князь *Семенъ Даниловичъ*, бояринъ, ум. въ 1584 году, безд.; сынъ кн. Даніила Дмитріевича; въ 1547 г., на первой свадьбѣ царя Ивана Васильевича съ Анастасіей Романовной Захарьиной, онъ несъ, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Шемякинымъ-Пронскимъ, къ церкви тѣ камки, на которыхъ вѣнчали. Въ 1556 и 1558 г.г. былъ полковымъ воеводой на Дѣдиловѣ, а въ 1559 г. въ Ливонскомъ походѣ состоялъ однимъ изъ воеводъ, для посылокъ въ большомъ полку, у боярина кн. Ив. Ѳеод. Мстиславскаго. Въ 1564—65 г.г. онъ—воевода въ Торопцѣ, а въ 1570 г. — «по крымскимъ вѣстямъ». Въ 1572 г. пожалованъ въ бояре, при чемъ въ разрядѣ этого года упомянуто, что онъ бояринъ изъ опричнины. Былъ въ походѣ съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Ржеву Володимерову и значился воеводой большого полка, а затѣмъ посланъ на воеводство въ Юрьевъ Ливонскій. Въ 1573 г. кн. П былъ воеводой въ лѣвой рукѣ въ походѣ съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ сначала къ Пайдѣ, затѣмъ на казанскихъ черемисъ и въ томъ же году—береговымъ воеводой (на Окѣ) передового полка, а нѣсколько времени спустя—большого полка. Перемѣна эта и повышеніе произошли вслѣдствіе того, что главные воеводы: кн. М. И. Воротынскій, кн. Н. Р. Одоевскій и М. Я. Морозовъ навлекли на себя царскій гнѣвъ и были отозваны съ береговой при-Окской линіи. Въ этомъ году приходили на Рязанскія мѣста крымскіе царевичи; кн. П. съ воеводами изъ Орла и изъ Новосили отправились за ними въ погоню до р. Верды, но не настигли ихъ. Въ томъ же году онъ верстался денежнымъ жалованьемъ суздальцевъ, а въ 1574 г.—жителей г. Лухъ и былъ (1574 г.) воеводой въ передовомъ полку, стоявшемъ въ Калугѣ, для прихода крымскаго царя. Въ 1576 г., вмѣстѣ съ послами польскаго короля Стефана Баторія къ московскому царю, пріѣхалъ особый гонецъ, Иванъ Гоголь, къ московскимъ боярамъ. Пріемъ Гоголя происходилъ у старѣйшаго боярина кн. И. Ѳ. Мстиславскаго, и всѣ присутствовавшіе были въ золотномъ платьѣ; въ тотъ же день Гоголь вмѣстѣ съ боярами обѣдалъ у кн. Мстиславскаго, но одежда бояръ была самая простая - нагольныя шубы. Кн. П., въ числѣ весьма немногихъ бояръ, присутствовалъ и на дневномъ пріемѣ, и на обѣдѣ. Двѣ недѣли спустя, Гоголю была вручена отвѣтная грамата думныхъ бояръ къ панамъ рады; грамата написана была отъ лица трехъ бояръ, титулованныхъ намѣстниками разныхъ городовъ: отъ кн. Ив. Ѳеод. Мстиславскаго, намѣстника Новгородскаго, кн. П—го, намѣстника Нижегородскаго,

и Ив. Вас. Шереметева, намѣстника Коломенскаго. Въ 1577 и 1579 г.г. кн. П. стоялъ въ Серпуховѣ съ большимъ полкомъ, въ ожиданіи прихода крымскаго хана. Въ декабрѣ 1578 г. начались приготовленія къ новому походу въ Ливонію, и была объявлена роспись воеводамъ по полкамъ; въ передовой полкъ назначены: кн. Мстиславскій, кн. В. Ю. Голицынъ и кн. П. Въ 1579 г. онъ—воевода передового полка при походѣ въ Новгородъ, а оттуда во Псковъ. При возвращеніи въ Москву, царь Иванъ Васильевичъ оставилъ по нѣскольку воеводъ въ обоихъ этихъ городахъ; въ Новгородѣ, въ числѣ другихъ, былъ оставленъ кн. П. Въ 1580 г., на свадьбѣ царя Ивана Васильевича съ Маріей Нагой, онъ былъ въ числѣ поѣзжанъ. Царь Иванъ Васильевичъ нѣсколько разъ поручалъ кн. П—му разбирать мѣстническіе споры: въ 1572 г.—Романа Олферьева съ кн. Вас. Мосальскимъ; въ 1577 г.—Ѳомы Аѳ. Бутурлина съ Ив. Вас. Шереметевымъ-Меньшимъ; въ 1579 г.—того же Бутурлина съ кн. Хворостинымъ. У самого кн. П. были мѣстническіе счеты съ кн. В. Ю. Голицынымъ и Б. В. Шеинымъ.

«Др. Рос. Вивл.», т. XIII, стр. 35, 257, 258, 312, 346, 359, 413, 422, 429, 435, 436, 441, 447; т. XIV, стр. 294, 296, 335; т. XX, стр. 52; «Синб. Сборн.», стр. 8, 32, 36, 39, 41, 44, 45, 48, 50, 52, 65, 69, 70, 72, 73; «Отеч. Зап.» 1830 г., ч. 44, стр. 126, 127, 128, 136, 140, 144, 154, 158, 162, 174; «Акты Моск. госуд.», т. I, стр. 39; А. Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», т. I, стр. 390, 391, 413, 414, 420, 424, 479; Карамзинъ; Н. Лихачевъ, «Разр. дьяки», стр. 465, 476, 486, прил. 68, 70.

В. Корсакова.

Пронскій, князь *Юрій Дмитріевичъ* (въ инокахъ Геронтій), бояринъ и воевода, ум. въ 1523 г. Въ 1506 г. великій князь Василій Ивановичъ «послалъ по казанскимъ вѣстямъ въ Муромъ кн. Данилу Васильевича (Щеня) да Юр. Конст. Сабурова, а на Плеса послалъ кн. Мих. Ив. Булгакова, а ко князю Михайлу послалъ кн. Юрія Пронскаго, а того не написано воеводою-ли или въ дѣтяхъ боярскихъ». Въ 1514 г. кн. П. былъ пожалованъ въ бояре. Въ 1519 г., въ ноябрѣ, великій князь Василій Ивановичъ послалъ его къ крымскому хану Магметъ-Гирею для переговоровъ о возобновленіи союза съ Крымомъ. Черезъ четыре мѣсяца послѣ этого Магметъ-Гирей прислалъ посольство съ увѣдомленіемъ, что онъ «учинился съ великимъ княземъ въ крѣпкой дружбѣ и въ братствѣ, во всемъ по тому, какъ къ нему князь великій приказывалъ со своими послы». Но «дружба» эта оказалась весьма недолговѣчна: кн. П. вернулся въ Москву въ началѣ января 1521 г., а въ іюлѣ того же года Магметъ-Гирей, «забывъ своея клятвы правду», какъ сказано въ лѣтописи, пришелъ вмѣстѣ съ ногайцами на «отчину» великаго князя Василія Ивановича и повоевалъ коломенскія мѣста. Въ томъ же 1521 г. кн. П. былъ воеводой въ Муромѣ.

«Никон. Лѣт.», т. VI, стр. 216. 227; «Др. Росс. Вивл.», кн. XX, стр. 17, 21; Карамзинъ, т. VII, 58, 60; «Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1902 г., кн. I. *В. Корсакова.*

Пронскій-Шемякинъ, князь *Юрій Ивановичъ*, ум. въ 1554 году, безд.; сынъ кн. Ивана Васильевича Шемяки; въ 1547 г., на первой свадьбѣ великаго князя Ивана Васильевича съ Анастасіей Романовной Захарьиной, онъ держалъ колпакъ и спалъ у постели, а на другой день свадьбы мылся въ мыльнѣ съ великимъ княземъ. Въ 1549 г. онъ—кравчій, а въ 1549—50 г.—рында въ Казанскомъ походѣ и въ 1550 г.—стольникъ; на первой свадьбѣ кн. В. А. Старицкаго съ Евдокіей Александр. Нагой онъ несъ вино въ церковь; въ 1551 г. былъ полковымъ воеводой въ Нижнемъ-Новгородѣ, а затѣмъ на Михайловѣ; въ 1551 г. былъ однимъ изъ начальниковъ ертоула въ Казанскомъ походѣ. Въ лѣтописи за это время онъ называется просто *кн. Шемякинымъ*, но въ «Сказаніяхъ» кн. Курбскаго, который самъ былъ участникомъ похода подъ Казань, онъ названъ кн. Пронскимъ; тамъ мы читаемъ: «княжато Пронскій Юрій, юноша зѣло храбрый». Ертоулъ выступилъ 15-го іюля изъ Мурома, а черезъ мѣсяцъ (16—19-го августа) всѣ войска переправились противъ Свіяжска на лѣвый берегъ Волги. 23-го августа рано утромъ, когда полки двинулись для обложенія Казани, ертоулъ, въ составѣ 7000 пѣшихъ и конныхъ воиновъ, подъ начальствомъ кн. П. и кн. Троекурова, безпрепятственно достигъ верховьевъ р. Булака, близъ озера Кабана, навелъ мосты и, переправившись, сталъ подниматься къ Арскому полю по

склону крутой горы. Когда часть ертоула уже поднялась на вершину горы, казанцы (5000 всадниковъ и 10.000 пѣшихъ) неожиданно напали на середину колонны, прорвали ее и произвели сильное замѣшательство среди стрѣльцовъ, на помощь которымъ, къ счастью, подоспѣли кн. П. и кн. Троекуровъ съ другой частью ертоула, состоявшей изъ дѣтей боярскихъ и отряда стрѣльцовъ, и заставили казанцевъ отступить къ городу. 25-го августа ертоулъ получилъ приказаніе передвинуться съ Арскаго поля на правый берегъ Казанки и соединиться съ полкомъ правой руки, подъ начальствомъ князей Щенятева и Курбскаго. Лишь только ертоулъ выступилъ по назначенію, какъ былъ атакованъ казанцами, сдѣлавшими вылазку изъ города: перевѣсъ и въ этомъ сраженіи, благодаря передовому полку, прибывшему подъ предводительствомъ кн. Хилкова со свѣжими силами, остался на сторонѣ русскихъ, потери которыхъ были невелики и состояли главнымъ образомъ изъ раненыхъ. Кн. П. тоже былъ раненъ, но такъ какъ 30-го августа мы встрѣчаемъ его на полѣ битвы, то изъ этого можно заключить, что рана не была серьезна. Въ день штурма Казани, 2-го октября 1552 г., кн. П. предводительствовалъ частью ертоула и долженъ былъ итти на проломъ въ Збойливыя ворота. По взятіи Казани, онъ стоялъ съ большимъ полкомъ въ Калугѣ.

Вслѣдъ за покореніемъ царства Казанскаго, царь Иванъ Васильевичъ задумалъ покорить царство Астраханское. Весной 1554 г. царь собралъ боярскій совѣтъ, на которомъ было рѣшено отомстить Астраханскому хану за неисполненіе договора, заключеннаго съ его посланникомъ, кн. Ишимомъ, и за ограбленіе московскаго посла: это служило, конечно, лишь благовиднымъ предлогомъ для похода московскаго войска къ Астрахани. Какъ только прошелъ ледъ, 30-тысячное войско, подъ начальствомъ кн. П., сѣло на суда и поплыло по Волгѣ; туда же отправились и Вятскіе служилые люди, съ кн. Александромъ Вяземскимъ во главѣ. 29-го августа 1554 г., когда царь Иванъ Васильевичъ, по обыкновенію, праздновалъ въ с. Коломенскомъ свои именины, въ кругу духовенства и бояръ, прискакалъ гонецъ отъ кн. П. съ вѣстью о взятіи Астрахани. Кн. П. писалъ, что 29-го іюня они пришли къ Переволоку (между Волгою и Дономъ), и что отправившійся впередъ кн. Вяземскій встрѣтился съ астраханцами выше Чернаго острова и разбилъ ихъ на-голову. Плѣнные сказали воеводамъ, что царь Ямгурчей послалъ ихъ провѣдывать про московскія войска, что самъ онъ стоитъ въ пяти верстахъ отъ Астрахани, а что въ городѣ людей мало и всѣ сидятъ по островамъ. Кн. П., оставивъ большія суда, поспѣшилъ къ Астрахани, а кн. Вяземскаго отпустилъ къ Ямгурчееву стану. Оказалось, что Ямгурчей бѣжалъ къ Азову, а женъ и дѣтей его удалось перехватить въ судахъ на морѣ. Астрахань сдалась кн. П. безъ малѣйшаго сопротивленія, потому что защитники ея обратились въ бѣгство при первомъ появленіи московскаго войска. Черезъ нѣсколько дней московскіе воеводы настигли толпы астраханцевъ, спасавшихся бѣгствомъ; часть ихъ была побита, другіе взяты въ плѣнъ, при чемъ было освобождено много русскихъ невольниковъ. Жители, оставшіеся въ Астрахани, прислали къ воеводамъ съ челобитьемъ, чтобы государь ихъ пожаловалъ,— не велѣлъ побивать и разводить, а велѣлъ бы служить себѣ и Дербышъ-Алею. Воеводы согласились на ихъ челобитье, съ условіемъ, чтобы всѣ русскіе невольники были освобождены. Царя астраханскаго Дербышъ-Алея кн. П. обязалъ клятвою давать ежегодно московскому царю по 40.000 алтынъ и по 3.000 рыбъ и даромъ дозволять московскимъ рыболовамъ ловить рыбу въ Волгѣ отъ Казани до Астрахани. Въ случаѣ смерти Дербышъ-Алея, астраханцы должны были бить челомъ московскому царю и его дѣтямъ о пожалованіи имъ царя. По утвержденіи этихъ условій шертною граматою, воеводы отправились въ Москву, отпустили всѣхъ астраханскихъ плѣнныхъ, а съ собою взяли только царицъ съ дѣтьми и русскихъ плѣнныхъ. Въ томъ же 1554 г. кн. П. долженъ былъ по росписи стоять въ Калугѣ съ передовымъ полкомъ, но, вслѣдствіе сдѣланнаго измѣненія, стоялъ въ Рязани.

«Никон. лѣт.», т. VII, стр. 210, 216—223; «Древ. Росс. Вивл.», кн. VIII, стр. 4; кн. XIII, стр. 29, 33, 34, 55; кн. XX, стр. 36; «Сказанія кн. Курбскаго», стр. 17, 54; Арцыбашевъ, «По-

вѣствованіе о Россіи», т. II, кн. IV, стр. 222, 226—229; А.Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ» т. I, стр. 147; Карамзинъ; Соловьевъ, т. VI, стр. 125, 127»; Трофимовъ, Походъ подъ Казань ея осада и взятіе въ 1552 г., Казань. 1890 г., стр. 43, 47, 63, 69, 73, 77;» «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1902 г., кн. I.

В. Корсакова.

Пронскій, князь *Ѳедоръ Дмитріевичъ*, бояринъ, ум. въ 1537 году; сынъ кн. Дмитрія Андреевича, въ инокахъ Антонія. Въ 1512 г. былъ однимъ изъ воеводъ большого полка, когда ожидали прихода крымскихъ царевичей; по удаленіи крымцевъ, главный воевода большого полка кн. Дан. Вас. Щеня былъ отозванъ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ въ Москву, а остальные воеводы оставлены стоять на р. Угрѣ по полкамъ, при чемъ кн. П. назначенъ былъ воеводой сторожевого полка. Въ 1513 г. былъ воеводой въ лѣвой рукѣ на Тулѣ, для прихода крымскаго хана. Въ 1514 г., послѣ взятія Смоленска, кн. П. былъ однимъ изъ воеводъ большого полка во время сраженія подъ Оршею между московскими воеводами и кн. Александромъ Острожскимъ, а въ 1517 г.—воеводой въ Стародубѣ-южномъ. Въ 1519 г. онъ—воевода въ Мещерѣ; въ 1533 г. на свадьбѣ брата великаго князя Василія Ивановича—кн. Андрея Ив. Старицкаго съ кн. Евфросиніей Андр. Хованской кн. П. былъ у постели, а сынъ его кн. Константинъ держалъ колпакъ кн. Андрея Ив. Въ 1536 г., послѣ смерти въ тюрьмѣ кн. Дмитровскаго Юрія Ивановича, правительница великая княгиня Елена Васильевна послала звать въ Москву кн. Андрея Ив. Старицкаго на совѣтъ о дѣлахъ внѣшней политики. Онъ сказался больнымъ и требовалъ врача; посланный къ нему извѣстный лѣкарь Ѳеофилъ не нашелъ въ немъ, однако, никакой серьезной болѣзни. Тогда вел. кн. Еленой овладѣло подозрѣніе, и, посылая вновь узнать о здоровьѣ кн. Андрея Ив., она велѣла тайно освѣдомиться, нѣтъ-ли какихъ слуховъ о его намѣреніяхъ. Послѣ третьяго зова въ Москву, кн. Старицкій отправилъ съ отвѣтомъ своего боярина кн. П. Но не успѣлъ еще кн. П. доѣхать до Москвы, какъ одинъ изъ дѣтей боярскихъ кн. Старицкаго, кн. Голубой-Ростовскій, тайно прислалъ сказать кн. Телепневу-Оболенскому, который пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ правительницы, что кн. Андрей намѣренъ бѣжать изъ своего удѣла. Правительница послала къ кн. Андрею Крутицкаго митрополита и еще двухъ духовныхъ лицъ съ увѣщаніями, а на случай, если бы увѣщанія не подѣйствовали, были двинуты сильные полки къ Волоку, подъ начальствомъ двухъ кн. Оболенскихъ. Боярина кн. П. перехватили на дорогѣ, но въ то время какъ его брали, одному изъ его провожатыхъ удалось убѣжать; онъ прискакалъ въ Старицу и объявилъ своему князю, что кн. П. схваченъ, и что великокняжескія войска идутъ противъ него самого. Получивъ это извѣстіе, кн. Андрей выѣхалъ изъ Старицы 2-го мая 1537 г. и двинулся въ новгородскія области. Когда затѣмъ, хитростью завлеченный въ Москву, князь Андрей былъ тамъ схваченъ вмѣстѣ съ женой и сыномъ Владиміромъ, то бояре его: кн. П., двое князей Пенинскихъ-Оболенскихъ, кн. Палецкій и тѣ князья и дѣти боярскія, которые, какъ сказано въ лѣтописи, «были въ избѣ у Андрея и его думу знали»,—были пытаны, казнены торговою казнію и заключены въ оковы въ наугольной стрѣльницѣ. Про кн. П. прибавлено: «и боярина его кн. Ѳедора в тої нуже не стало».

«Акты ист.», т. I, стр. 177, 182; «Акты Арх. Экп.», т. I, стр. 339; «Собр. Гос. Гр. и дог.», т. II, стр. 38; «Царств. книга», стр. 67; «Др. Рос. Вивл.», кн. XIII, стр. 20, 28; «Никон. Лѣт.», т. VII, стр. 13—18; «Отеч. Зап.» 1830 г., ч., 44, стр. 8, 39, 42, 48; Арцыбашевъ. «Повѣствованіе о Россіи», т. II, кн. IV, стр. 142 — 144; Карамзинъ; Соловьевъ, т. VI, стр. 11, 12, 14; А. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣв. Руси», т. II, стр. 251. *В. Корсакова.*

Прончищевъ, *Аѳанасій Осиповичъ*, думный дворянинъ, сынъ дворянина Московскаго Осипа Яковлевича, отецъ Ивана Аѳанасьевича П.; упоминается еще въ окладной книгѣ 1616 года, а затѣмъ, какъ Московскій дворянинъ, въ книгѣ боярской подъ 1625 — 26 г.г.; въ 1628 г. 11-го февраля назначенъ былъ «укладчикомъ» для царскихъ походовъ. Въ 1632 г., когда началась война съ Польшею, онъ съ дьякомъ Бормосовымъ посланъ былъ 9-го іюля въ Константинополь съ порученіемъ побудить султана къ войнѣ съ Польшею. Кромѣ того, велѣно ему было предложить султану, что государь отправитъ своихъ пословъ въ Персію для при-

миренія шаха съ султаномъ, но только подъ условіемъ, что султанъ будетъ «стоять съ Царскимъ Величествомъ за одно» на Польскаго короля. Въ Константинополѣ Прончищеву и Т. Бормосову пришлось прожить всю зиму, и только весною визирь объявилъ, что будетъ склонять къ тому султана, а передъ отъѣздомъ даже было объявлено о послѣдовавшемъ въ этомъ смыслѣ султанскомъ распоряженіи. Уже послы сѣли на корабль для отъѣзда, какъ пришло извѣстіе о нападеніи Донскихъ казаковъ на Малоазіатскій берегъ. Задержанные и призванные къ великому визирю для допроса, послы убѣдили его, что это, вѣроятно, были запорожскіе казаки, а не донцы, находившіеся въ подданствѣ Россіи, и тогда только были отпущены. Но вскорѣ судьба подвергла ихъ еще большей опасности: буря, поднявшаяся на ихъ пути, пригнала корабли какъ разъ къ Малоазіатскому берегу, гдѣ населеніе, злобное на русскихъ за опустошеніе казаками малоазіатскаго берега, чуть не убило пословъ. Самое посольство было безрезультатнымъ, такъ какъ визирь не выполнилъ обѣщанія. Въ 1635 году Прончищевъ съ дьякомъ Ив. Патрикѣевымъ назначенъ былъ воеводою на Вагу, гдѣ пробылъ и 1636 годъ. Во время управленія областью Прончищевъ, какъ воевода, со своимъ дьякомъ допускалъ злоупотребленія и взяточничество. Въ 1638 году онъ былъ на службѣ въ Тулѣ, причемъ находился въ числѣ дворянъ, которые должны были «ѣздить за бояриномъ» — воеводою кн. Ал. Мих. Львовымъ. Въ 1646 году, въ августѣ, на съѣздъ съ польскими комиссарами для размежеванія спорныхъ пограничныхъ земель въ качествѣ межевыхъ судей посланъ былъ стольникъ кн. Д. Щербатовъ, а съ нимъ и Прончищевъ, да дьякъ Н. Талызинъ; однако съѣздъ этотъ, какъ и предыдущіе, былъ безрезультатенъ. Въ 1642 году съѣзды должны были возобновиться, и 19-го іюня прибылъ въ Москву гонецъ съ извѣстіемъ о назначеніи въ три различныя мѣста польскихъ межевыхъ комиссаровъ. Прончищевъ и на этотъ разъ былъ назначенъ межевымъ судьей къ Великимъ Лукамъ, но споры и въ этомъ году не привели ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ польскіе комиссары не соглашались ни на какія уступки, а предъявляли тяжелыя для Россіи требованія. Попытки къ размежеванію тянулись 30 лѣтъ, и только въ 1648 году удалось русскимъ посламъ (въ числѣ нихъ былъ и Аѳ. Ос. Прончищевъ), съѣхавшимся въ Великолуцкомъ уѣздѣ съ польскими комиссарами, вполнѣ закончить размежеваніе. Въ 1642 г. П. участвовалъ на земскомъ Соборѣ по вопросу объ Азовѣ и подписался подъ соборной граматой (3-го января), со званіемъ дворянина. Въ 1649 году Прончищевъ былъ отправленъ въ товарищахъ съ Б. И. Пушкинымъ посломъ въ Швецію. Еще въ іюлѣ 1651 года Государь отправилъ къ польскому королю въ Варшаву гонца съ жалобой какъ на умаленіе государева титула, которое допустило только что бывшее въ Москвѣ королевское посольство, такъ и на другія неправды со стороны его, а также на невыполненіе нѣкоторыхъ условій договора. Отвѣта на это тотчасъ не послѣдовало, но король въ концѣ года въ свою очередь прислалъ гонца съ просьбою назначить на предстоящій (въ янв. 1652 г.) сеймъ русское посольство въ виду того, что только на сеймѣ будетъ возможно произвести слѣдствіе, а если окажутся виновные, то и наказать ихъ. Въ отвѣтъ на это государь назначилъ въ концѣ 1651 г., а отправилъ 12-го января 1652 г., дворянина А. О. Прончищева. Товарищемъ къ нему былъ назначенъ извѣстный дьякъ Алмазъ Ивановъ, неоднократно бывшій съ разнаго рода дипломатическими порученіями въ Польшѣ. Посламъ было поручено не только домогаться отъ сейма наказанія виновныхъ въ оскорбленіи государевой чести, но и добиться заключенія договора о союзѣ противъ Крымцевъ, объ украинскихъ казакахъ, о перебѣжчикахъ и о самозванцѣ Анкудиновѣ. Посольство это было безрезультатно, такъ какъ послы не могли заводить и рѣчи о прочемъ, не будучи въ состояніи добиться рѣшенія перваго и главнаго вопроса, т.-е. объ умаленіи титула. Главною причиною неуспѣха было то, что П. сильно домогался смертной казни трехъ первыхъ и знатнѣйшихъ вельможъ государства, считая ихъ главными виновниками; сеймъ же, не желая согласиться, отказалъ Прончищеву, оправдывая ихъ всячески и изъявляя свое согласіе на казнь только нѣсколькихъ малоизвѣстныхъ лицъ, вина

которыхъ, къ тому же, считалась посланниками слишкомъ маловажною, а самыя лица въ дѣлѣ мало отвѣтственными. Когда въ 1653 году (въ ноябрѣ) узнали, что въ Москву къ государю ѣдетъ внукъ Грузинскаго царя Теймураза, царевичъ Николай Давидовичъ съ матерью своею царицею Еленою Леонтьевною, то государь отправилъ для встрѣчи въ Нижній-Новгородъ нѣсколькихъ лицъ, которыя, кромѣ того, должны были состоять при царевичѣ («быть въ приставахъ»), и въ числѣ нихъ былъ отправленъ Прончищевъ. 2-го февраля 1654 года онъ былъ пожалованъ изъ дворянъ «въ думные дворяне», а въ 1655 г. снова былъ въ «приставахъ»,—на этотъ разъ при Антіохійскомъ патріархѣ Макаріи, бывшемъ долгое время въ гостяхъ у государя въ Москвѣ. Со времени пожалованія въ думные дворяне, Прончищевъ неоднократно засѣдалъ съ другими думными людьми при «отвѣтѣ у бояръ» различныхъ посланниковъ въ посольской избѣ и такимъ образомъ принималъ участіе въ дипломатическихъ переговорахъ съ ними. Скончался онъ 30-го декабря 1660 г.

«Доп. къ Акт. Ист.», т. VI, стр. 434; «Акты Москов. Госуд.», т. I и II; «Собр. Госуд. Грам. и Догов.», т. III. стр. 381, 484; т. IV, стр. 171; «Русск. Истор. Библіот.», т. VIII, IX и XIV; «Памят. Дипл. Сношѳ.», т. III; «Полное Собр. Русск. Лѣт.», т. IV, стр. 340; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. XX, т. I, стр. 110, 122; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ отд. Собст. Е. В. Канцел., т. II, стр. 827, 932; «Дворцовые разряды», т. I, стр. 973, 999, 1000, 1011, 1013, 1014, 1020, 1021, 1024, 1025; т. II, стр. 2, 39, 43, 57, 59, 66, 67, 68, 70, 71, 73, 278, 581, 682, 753, 841, 847, 857; т. III, стр. 111, 285, 381, 382, 386, 387, 393, 394, 399, 457; «Доп.» къ III т., стр. 17, 21, 22, 23, 27, 28; И. Н. Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи», т. III, стр. 121, 122, 126, 128; П. Ивановъ, «Указатель къ боярск. книг.»; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Обществ. Польза», кн. II, т. IX, стр. 1247, 1248, т. X, стр. 1618, 1619; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. II.

Н. В—н—въ.

Прончищевъ, *Василій*: ум. 30-го августа 1736 г.; капитанъ-лейтенантъ, начальникъ первой правительственной экспедиціи, для нанесенія на карту сѣверныхъ предѣловъ Азіи. Эта и другія подобныя экспедиціи, предпринимавшіяся съ 1734 по 1743 годъ отъ береговъ Двины, Оби, Енисея и Камчатки, называются общимъ именемъ «большія сѣверныя экспедиціи». Экспедиція Прончищева снаряжена была въ 1735 году. Ему было поручено произвести описаніе берега Ледовитаго океана отъ устья р. Лены къ западу. Подъ его командою была дубель-шлюпка «Якутскъ» (70 фут. длины, 18 фут. ширины, углубл. 6,5 фут.). На этомъ суднѣ онъ вышелъ 30-го іюня изъ Якутска вмѣстѣ съ лейтенантомъ Лассеніусомъ, которому поручено было изслѣдованіе на востокъ отъ Лены. Съ П. были: подштурманъ Челюскинъ, геодезистъ Чекинъ, іеромонахъ, подлѣкарь и до 50 человѣкъ команды. П. сопровождала молодая его жена,—первая изъ европейскихъ женщинъ участница полярнаго плаванія, бывшая такъ далеко на сѣверѣ. П. спустился внизъ по Ленѣ, 14-го августа, прошелъ черезъ восточный рукавъ, объѣхалъ вокругъ дельты этой рѣки и 7-го сентября достигъ Олененской губы. Позднее время года побудило его поставить судно на зимовку у берега, на которомъ находилось нѣсколько лѣтнихъ юртъ (подъ 82° 54′ с. шир.). Зима прошла благополучно, а въ слѣдующемъ, 1736 году Прончищевъ опять выступилъ, какъ только позволило ему состояніе льдовъ въ губѣ Оленка, т. е., не раньше 15-го августа. Путь онъ взялъ вдоль берега къ сѣверо-востоку. По мѣстамъ встрѣчался ледъ, но корабль быстро подвигался впередъ и 1-го сентября достигъ 77° 29′ сѣв. широты, т.-е., немного не дошелъ до мыса Челюскина. П. описалъ берегъ на западъ до Анабары, по которому посылалъ геодезиста. Густые льды принудили судно вернуться, и оно направилось опять къ губѣ Оленка, куда и прибыло 15-го сентября. Незадолго передъ тѣмъ П. умеръ отъ цынги, а черезъ нѣсколько дней послѣ него умерла и его жена. Оба они погребены на берегу Оленки.

«Путешествіе А. Э. Норденшельда вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ «Вега» въ 1878—1880 г.», С.-Пб., 1881 г., вып. I, стр. 19—24; «Русскія экспедиціи для описанія сѣверныхъ береговъ Сибири и прилежащихъ острововъ, 1734—1682 гг.» — «Кронштадтскій Вѣстникъ» 1876 г. №№ 78, 82, 86, 87, 91, 94, 96, 100, 104, 113, 120 и 127; Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXV, стр. 448; А. Н. Пыпинъ, «Исторія русской этнографіи», т. IV, С.-Пб. 1892, стр. 247—249, 289; «Матер. для исторіи Имп. Академіи Наукъ», т. VIII, стр. 79.

Прончищевъ, *Иванъ Аѳанасьевичъ*, окольничій, посолъ; ум. въ 1687 г.; сынъ Аѳ. Ос. П. (см. выше); въ 1640 г. онъ былъ стряпчимъ, а съ 1644 г. начинается его посольская служба, когда онъ состоялъ при посольствѣ въ Литву; весной 1658 г. участвовалъ въ переговорахъ со шведскими послами при рѣкѣ Плюсѣ относительно вѣчнаго мира, а въ концѣ этого года — въ заключеніи перемирія между Россіей и Швеціей. Въ 1661 г. снова происходили мирные переговоры со шведскимъ королемъ Карломъ-Густавомъ, которые и закончились въ Кардисѣ договоромъ о вѣчномъ мирѣ, заключеннымъ со стороны Россіи бояриномъ кн. Ив. Сем. Прозоровскимъ и Ив. Аѳ. Прончищевымъ. Осенью того же 1661 г. П. былъ пожалованъ въ думные дворяне и назначенъ посломъ въ Швецію, куда снова ѣздилъ въ 1662 и 1663 годахъ. Въ 1678 г., уже въ чинѣ окольничаго и съ титуломъ намѣстника Чебоксарскаго, онъ участвовалъ въ совершеніи въ Москвѣ договора съ польскими послами. Въ 1681 г. былъ отправленъ на посольскій съѣздъ въ Швецію «великимъ и полномочнымъ посломъ»; въ дворянахъ при немъ находились: сынъ его, стольникъ Михаилъ Ивановичъ, и еще четыре Прончищевыхъ, состоявшихъ съ нимъ въ дальнемъ родствѣ; вторымъ посломъ былъ думный дьякъ Григорій Богдановъ. Такова въ краткихъ чертахъ посольская дѣятельность П. Въ промежуткахъ между посольствами и заключеніями договоровъ онъ несъ придворную службу, участвовалъ въ Смоленскомъ походѣ, былъ посылаемъ на южную и восточную окраины Московскаго государства и начальствовалъ въ разныхъ приказахъ.

Относительно придворной его службы мы знаемъ слѣдующее: въ 1648 г., на другой день свадьбы царя Алексѣя съ Маріей Ильиничной Милославской, П. былъ въ числѣ стольниковъ, ставившихъ кушанья передъ тѣми боярами, которые сидѣли въ кривомъ столѣ. Въ 1650—52 г.г. онъ сопровождалъ царя въ его богомольныхъ и загородныхъ «походахъ». Въ 1653 г. находился въ числѣ лицъ, посланныхъ въ Нижній-Новгородъ навстрѣчу грузинской царицы Елены Леоновны и сына ея царевича Николая Давидовича, а по дорогѣ изъ Нижняго въ Москву долженъ былъ стоять у царевича «на ухабѣ», и въ 1654 г. ѣздилъ отъ царя «со столомъ» къ грузинской царицѣ. Въ 1656 г. онъ—рында при пріемѣ пословъ нѣмецкаго императора Фердинанда. Въ 1660 г., во время обѣда, даннаго по случаю отпуска грузинскаго царевича Николая Давидовича, подавалъ кушанья царю Алексѣю. Въ 1664 г. П. былъ приставомъ у англійскаго посла графа Карлейля, Карла II, и участвовалъ въ «отвѣтѣ» съ нимъ, а во время торжественнаго обѣда въ Грановитой палатѣ, вмѣстѣ съ Никитой Ив. Шереметевымъ, былъ посаженъ на одной скамьѣ съ гр. Карлейлемъ. Въ 1665 г., въ Вербное воскресѣнье, и въ 1674 г., октября 22-го, т. е. въ день празднованія иконы Казанской Божіей Матери, П. участвовалъ въ крестныхъ ходахъ. Въ 1669 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Симеона Алексѣевича, а въ 1670 г. — при гробѣ царевича Алексѣя Алексѣевича. Въ 1668, 1674, 1675, 1678 и 1679 г.г., во время отсутствія царя изъ Москвы, П. былъ неоднократно оставляемъ охранять ее вмѣстѣ съ другими довѣренными лицами. Въ 1675 г., когда былъ сильный пожаръ въ Москвѣ въ Китаѣ-городѣ, однимъ изъ распорядителей при тушеніи пожара царь назначилъ Прончищева.

Хотя мать и жена П. не находились въ числѣ «пріѣзжихъ» боярынь царицы Маріи Ильиничны, но, какъ видно изъ разрядовъ, въ исключительныхъ случаяхъ онѣ являлись на пріемахъ царицы «встрѣчницами» и «приставами». Такъ, напр., въ 1654 г., когда царица Марія Ильинична принимала въ Золотой палатѣ грузинскую царицу Елену Леоновну, мать П—ва была одной изъ боярынь, ѣхавшихъ въ саняхъ съ царицей со двора въ городъ, а затѣмъ обѣдавшихъ у нея въ Передней палатѣ. Въ 1660 г. у Маріи Ильиничны былъ снова пріемъ грузинской царицы, и жена П—ва находилась тогда «приставомъ» у нея.

Въ 1646 г., въ походѣ съ Ливенъ въ Бѣлгородъ, П. былъ эсауломъ въ полку кн. Дм. Петр. Львова. Въ 1656 г., во время Польскаго похода царя Алексѣя Мих., воеводой въ Смоленскѣ былъ боринъ Вас. Бор. Шереметевъ. Много московскихъ служилыхъ людей, находившихся въ царскомъ войскѣ, оказались

въ «бѣгахъ»; эти бѣглые наполняли Смоленскъ, и его уѣздъ и поимка ихъ была весьма затруднительна; поэтому, въ помощь Шереметеву былъ посланъ П., которому строго приказано: «сыскавъ всѣхъ бѣглыхъ и учиня имъ наказанье, выслать ихъ на государеву службу тотчасъ, безо всякаго мотчанья». А Вас. Бор. Шереметеву, отъ 18-го іюля 1656 г., предписано было: «какъ стольникъ Иванъ Прончищевъ въ Смоленескъ пріѣдетъ и учнетъ для сыску служилыхъ людей о людехъ говорить, и ему бъ для того сыску людей какихъ пригоже давать велѣть, чтобъ у него за тѣмъ въ Смоленску мотчанья не было. А какъ онъ, Иванъ, выславъ служилыхъ людей, изъ Смоленска къ великому государю поѣдетъ, и ему, Ивану, на рѣкѣ Каспле велѣти дать стружокъ небольшой, въ чемъ ему къ великому государю въ походъ водою доѣхать».

Въ 1657 г. П. былъ посланъ въ Малороссію вмѣстѣ съ окольничимъ Богд. Матв. Хитрово и изъ-за мѣстничества съ нимъ отсидѣлъ въ тюрьмѣ, а по возвращеніи изъ Малороссіи въ Москву «былъ битъ батогами и долженъ былъ заплатить пени 500 рублей за то, что доѣхалъ до тюрьмы въ саняхъ. «И ты, дѣтина—читаемъ въ царскомъ указѣ,—забывъ свою «худую породу», до тюрьмы ѣхалъ въ саняхъ, чего изъ давныхъ лѣтъ неповелѣно; а которые превеликіе господа твои, бояре и окольничіе и думные и ближніе люди отъ него Великаго Государя за опалу посланы бываютъ въ тюрьму, и тѣ до тюрьмы ходятъ пѣшіе, а на лошадяхъ и въ саняхъ не ѣздятъ».

Въ 1662—63 г. г. П. начальствовалъ въ Приказѣ Большой Казны и въ Монастырскомъ Приказѣ, а въ 1668 г.—въ Приказѣ Большого Прихода. Съ 5-го декабря 1670 г., почти въ теченіе трехъ лѣтъ, П. былъ вторымъ воеводой въ Казани, 2-го ноября 1673 г. онъ вмѣстѣ съ первымъ казанскимъ воеводой кн. Алексѣемъ Андр. Голицынымъ и съ бывшими въ Казани дьяками, явился въ с. Преображенское, и всѣ они были у царя «у руки». Въ 1674—75 г. г. П. начальствовалъ въ Разбойномъ Приказѣ, съ титуломъ намѣстника Елатомскаго. Въ 1682 г. онъ присутствовалъ на соборѣ, уничтожившемъ мѣстничество.

«Акты ист.», т. V, стр. 479; «Доп. къ акт. ист.», т. V, стр. 239; т. IX, стр. 156; т. X, стр. 62; «Собр. Госуд. Грам. и Догов.», т. IV, стр. 408; «Дв. разр.», т. III, и «Дополн.» къ т. III; «Полн. Собр. Зак.», т. I, стр. 451, 468, 526, 532, 611, 643; т. II, стр. 168, 377; «Др. Рос. Вивл.», т. XIII, стр. 220; т. XIV, стр. 51, 72, 81; т. XX, стр. 288, 305; Кн. А. Б. Лобановъ—Ростовскій, Русская родосл. книга, т. II, стр. 137—138; А. Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», т. IV, стр. 276—278; т. VI, стр. 287—289; И. Голиковъ, Дѣянія Петра В., т. XIII, стр. 59; И. Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царицъ, стр. 366; Соловьевъ, «Исторія Россіи, т. XI, стр. 81, 100.

В. Корсакова.

Прончищевъ, *Осипъ Яковлевичъ*, стольникъ, посолъ; сынъ Якова Ивановича и внукъ Ивана Васильевича Прончища, который, по преданію, выѣхалъ изъ Польши на службу къ вел. кн. Ивану III Васильевичу и пожалованъ былъ въ 1488 г. помѣстьями въ Тарусскомъ уѣздѣ. Около 1613 г. и въ этомъ же году О. Я. П. былъ воеводою въ Галичѣ, въ 1613 г. (въ концѣ) и въ 1614 г.—головою въ Казани, откуда по указу (6-го февраля) посланъ былъ съ новокрещенными и татарами (въ колич. 300 человѣкъ) въ Калугу, гдѣ былъ сборный пунктъ войскамъ, предназначеннымъ для военныхъ операцій противъ поляковъ, чтобы ужъ отсюда двинуться въ Литву. Имя О. Я. П. встрѣчаемъ въ окладной книгѣ 1616 г. Въ концѣ 1617 и 1618 г. Прончищевъ съ кн. Ѳ. П. Барятинскимъ да дьякомъ Кашкинымъ находился въ посольствѣ въ Швецію и участвовалъ въ заключеніи Столбовскаго договора (1617). По возвращеніи изъ Швеціи онъ былъ назначенъ, среди другихъ, «объѣзжимъ головою» по Москвѣ, при чемъ ему велѣно было быть въ объѣздѣ въ раіонѣ Китая-города. Въ 1619 г. онъ посланъ былъ воеводою въ Уфу и находился тамъ до 1622 г. включительно, а въ 1623 г. былъ отправленъ переписчикомъ на Кевроль и Мезень и былъ составителемъ переписныхъ книгъ Кеврольскихъ этого года. Въ 1625 г. П. ѣздилъ посломъ отъ государя въ Крымъ и имѣлъ чинъ стольника.

«Акты Истор.», т. II, стр. 407; «Доп. къ Акт. Истор.», т. IX, стр. 127; «Акты Москов. Госуд.», т. I, стр. 145; «Русск. Истор. Библіот.», т. IX, «Разрядныя книги», изд. 2-мъ отд. Собств. Е. И. В. Канц., т. I, стр. 49, 664, 721; «Дворцовые Разряды», т. I, стр. 325, 428, 460 660, 724; «Временникъ Имп. общ. исторіи и древностей Россійскихъ», т. I, стр. 35; А. Барсуковъ, «Списки го-

родовыхъ воеводъ»; Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. II; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи». изд. Т-ва «Обществ. Польза», кн. II, т. IX, стр. 1131, 1132.

Н. В—и—въ.

Прончищевъ, *Петръ Ивановичъ*, думный дворянинъ; сынъ Ивана Аѳанасьевича II. Имя его, со званіемъ стольника, встрѣчается въ разрядныхъ книгахъ еще подъ 1667 годомъ. Въ 1670-хъ годахъ онъ очень часто былъ назначаемъ «головою у сотни жильцовъ» при торжественныхъ за городомъ встрѣчахъ иноземныхъ пословъ, пріѣзжавшихъ къ государю въ Москву. Около 1682 года онъ былъ пожалованъ изъ стольниковъ въ «думные дворяне», а въ 1685 г. былъ отправленъ съ посольствомъ въ Швецію. Въ 1687 г. П. былъ полковымъ воеводою въ Чугуевѣ. Когда назначенъ во Владимірскій Судный Приказъ неизвѣстно, оставался же тамъ до 1699 г., т.-е. до упраздненія этого Приказа. Скончался въ 1700 году.

«Доп. къ Акт. Истор.», т. XII, стр. 102; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. VII, ч. VII, ч. III, стр. 393; кн. VIII, ч. VIII, стр. 175, 177, 178; кн. XV, ч. XVIII, стр. 298; кн. XX, ч II, стр. 144, ч. IV, стр. 426; Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. II; П. Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ»; «Дворцовые разряды», т. III, стр. 660, 916, 1158, 1195; т. IV, стр. 380, 389, 394, 398, 404, 408, 417, 811, 1047, 1050, 1051, 1056, 1072, 1076, 1098, 1102.

В. Н—и—въ.

Проскуряковъ, *Яковъ Андреевичъ*, артиллеріи генералъ-маіоръ, родился въ 1736 году и происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Поступивъ на службу солдатомъ въ 1754 году (14-го января) въ Казанскій гарнизонный полкъ, онъ былъ зачисленъ черезъ три года (8-го сентября 1757 г.) фурьеромъ (унтеръ-офицеромъ) въ Обсерваціонный корпусъ, который формировался тогда гр. Шуваловымъ и въ рядахъ этого корпуса былъ въ сраженіи при Цорндорфѣ и при Пальцигѣ (12-го іюля 1759 года), гдѣ получилъ двѣ контузіи: въ лопатку и колѣно. Вернувшись изъ кампаніи, онъ поступилъ (1-го марта 1761 года) кондукторомъ 1-го класса въ Инженерный корпусъ и здѣсь прослужилъ до 28-го октября 1799 года, когда, съ чиномъ генералъ маіора, былъ опредѣленъ въ присутствующіе Артиллерійской экспедиціи Военной Коллегіи. 7-го марта 1800 года, по указу Императора Павла, II. былъ отставленъ отъ службы, но въ ноябрѣ, когда послѣдовалъ указъ Сенату о прощеніи всѣмъ исключеннымъ, онъ былъ вновь принятъ (11-го ноября) и опредѣленъ въ чертежный архивъ Артиллерійской Экспедиціи (1812 г.—чертежное Отдѣленіе Артиллерійскаго Департамента), и въ 1802 г. награжденъ орд. Влад. 4-й ст.; прослуживъ здѣсь до своей смерти, П. въ 1817 г., 13-го іюля, былъ исключенъ изъ списковъ умершимъ.

Московское отдѣленіе Архива Главнаго Штаба, изъ дѣлъ приказной экспедиціи за 1803 годъ, опись 58, св. 420-я, книга № 4, тамъ-же, опись 54, св. 396, дѣло № 500 за 1802 г.; тамъ-же, Дѣла о награжденіи офицеровъ за выслугу 35 л. орденомъ св Владиміра; «Русская армія въ Семилѣтнюю войну», вып. I, М. 1886, приложенія, стр. 106, 107, 114, 115, таблица № 35, стр. 3; «Записки артилл. маіора М. В. Данилова», М. 1842, стр. 100; Н. К. Шильдеръ «Импер. Александръ I, его жизнь и царствов.», С.-Пб. 1897, т. I, 210, 214; Г. А. Лееръ, «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», т. II, 507, т. IV, 331, т. VIII, 202. *Н. Артамоновъ.*

Проскуряковъ, *Яковъ Степановичъ*, военный топографъ; родился въ 1807 г., происходилъ изъ солдатскихъ дѣтей. На службу поступилъ 17-го апрѣля 1827 г. топографомъ 2-го класса и назначенъ былъ на топографическую съемку С.-Петербургской губ., гдѣ пробылъ до 1830 г. Въ 1832 г. (27-го апр.) онъ поступилъ въ Школу топографовъ роты Военно-Топографическаго Депо, окончилъ здѣсь курсъ и до 1838 г. находился на топографической съемкѣ Псковской губ. Произведенный въ прапорщики Корпуса Топографовъ съ назначеніемъ состоять при Военно-Топографическомъ Депо, П. въ 1842 г. былъ командированъ по Турецко-Персидскому разграниченію нашихъ владѣній. Переговоры между Турціей и Персіей продолжались нѣсколько лѣтъ; все это время коммиссаръ отъ русскаго правительства полковникъ Дайнезе находился въ Эрзерумѣ; Проскуряковъ, состоявшій при немъ, воспользовался свободнымъ временемъ и сдѣлалъ съемку: всей Эрзерумской равнины до горъ Биигельдага и далѣе на сѣверъ по рѣкѣ Чурокъ-Су до Тортумскаго озера, а также маршруты на Трапезондъ и Сюрмене, снялъ планы городовъ Эрзерума и Трапезонда; къ этимъ съемкамъ онъ составилъ подробное топографическое описаніе мѣстности, въ которомъ заключалось множество любо-

пытныхъ этнографическихъ и статистическихъ замѣтокъ. Въ 1847 г. трактатъ между Россіей, Персіей и Турціей былъ заключенъ, и П. вернулся въ Россію, при чемъ за свои труды былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. (1846 г.) и произведенъ въ штабсъ-капитаны (1847 г.). Въ 1848 году онъ былъ вновь командированъ въ помощь коммиссару-посреднику Россіи полк. Чирикову (замѣнившему Дайнезе) и, подъ его наблюденіемъ, продолжалъ дальнѣйшія работы. Въ 1849 г. (при содѣйствіи топографа Огрaновича) П. снялъ, помощью буссоли и часовъ, въ масшт. 1 в. въ д. маршруты отъ г. Самсуна черезъ Діарбекиръ до Моссула, а также—по теченію р. Тигра отъ г. Моссула до г. Корны и р. Шатъ-эль-Араба отъ Корны до Персидскаго залива. При этомъ были сняты (въ масшт. 100 с. въ 1 д.) планы почти всѣхъ городовъ, лежавшихъ на пути слѣдованія. Затѣмъ, вмѣстѣ съ коммиссаромъ, онъ отправился по р. Тигру въ Персидскій заливъ черезъ Бассору. Несогласія турокъ и персовъ часто подавали поводъ сноситься съ Тегераномъ и Константинополемъ; въ ожиданіи оттуда разрѣшенія, Проскуряковъ неутомимо продолжалъ съемки, сопутствуя коммиссіи по Персіи. Въ 1850 г. онъ посѣтилъ г. Испагань, пройдя Луристанскій хребетъ, а весной 1851 г. былъ въ Сузѣ; потомъ, вмѣстѣ съ коммиссіей, онъ прошелъ всю турецко-персидскую границу до Арарата, гдѣ кончились занятія коммиссіи. Съемка по границѣ производилась Проскуряковымъ глазомѣрно, съ помощью буссоли, а главныя направленія были взяты теодолидомъ. Изъ 2-ой командировки Проскуряковъ. вернулся въ 1852 г., 29-го мая, и за свои труды былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. (1850 г., 25-го іюля) и произведенъ въ капитаны (1852 г., 26-го авг.). Въ дальнѣйшей своей службѣ Проскуряковъ довольно быстро двигался въ чинахъ: въ 1863 г. былъ произведенъ въ полковники и назначенъ для особыхъ порученій и ученыхъ занятій въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, а въ 1867 г. (21-го янв.) произведенъ въ генералъ-маіоры. Упадокъ силъ и совершенное разстройство зрѣнія не позволили ему служить дольше, и 31-го января онъ былъ уволенъ отъ службы. Въ обѣихъ своихъ заграничныхъ командировкахъ Проскуряковъ произвелъ въ Турціи, Персіи и на восточный окраинѣ Аравіи военно-маршрутныя съемки пространствомъ болѣе 120.000 кв. верстъ. Этотъ громадный трудъ его представляетъ по частямъ слѣдующія карты: 1) Карту Турецко-Персидскаго разграниченія въ масштабѣ $1^3/_4$ в. въ 1 д. на протяженіи болѣе 1500 в.; 2) Военно-маршрутныя карты главныхъ путей по Турціи и Персіи, масшт. 1 вер. въ 1 д.; 3) Подробные планы городовъ и исторически замѣчательныхъ мѣстъ тѣхъ-же государствъ въ масш. 100 с. въ 1 д. (въ Турціи 51 городъ и развалины, въ Персіи 44 города). Главнѣйшая изъ этихъ работъ—Карта Турецко-Персидской границы, заключающая въ себѣ около 75 тысячъ кв. верстъ, можетъ служить весьма достаточнымъ пособіемъ для ознакомленія съ топографическимъ характеромъ мало извѣстной страны. Изъ другихъ его трудовъ слѣдуетъ упомянуть «Атласъ Россійской Имперіи, изданный въ 1841 г.». По отзыву ген.-лейт. Веригина (начальника Проскурякова), «Проскуряковъ постоянно отличался особенной дѣятельностью и усердіемъ; съемка внутри чуждыхъ владѣній требовала самыхъ лучшихъ качествъ и умѣнія обращаться съ азіатскими народами. Независимо отъ тяжкихъ трудовъ и всякаго рода лишеній, связанныхъ съ заграничной съемкой, польза трудовъ Проскурякова для государства исключаетъ ихъ изъ ряда обыкновенныхъ». Проскуряковъ умеръ въ 1873 г., 28-го января, и погребенъ въ Петербургѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Мин. Военное, Гл. Штабъ, отдѣл. 4, сталъ 3, дѣло 1867 года, № 246; Мин. Военное, Глав. Штабъ, отд. 6, столъ 3, дѣло 1873 г., № 424; докладъ Главн. Управленія Ген. Шт., по части Военно-Топогр., Инспект. столъ, 1864 г., 16-го апр., № 1552; «Истор. очеркъ дѣятельн. Корпуса Военн. Топ., С.-Пб. 1872 г., стр. 341 и 342; Ю. Б. Иверсенъ, Медали въ честь русск. госуд. дѣятелей и частныхъ лицъ, вып. III, С.-Пб. 1881, стр. 125 и 126. *Н. Артамоновъ.*

Просовецкій, *Андрей Захаровичъ*, атаманъ «воровскихъ» казаковъ, Тушинскій стольникъ, а впослѣдствіи дворянинъ Московскій, извѣстный дѣятель смутнаго времени. Ярый приверженецъ Лжедимитрія II, П. былъ назначенъ имъ, со званіемъ стольника, воеводою г. Луха, гдѣ онъ находился еще въ мартѣ 1609 г., а въ

апрѣлѣ былъ уже 2-мъ воеводою въ г. Суздалѣ. Первоначально П. былъ назначенъ 1-мъ воеводою и долженъ былъ смѣнить «Тушинскаго окольничаго» Ѳеод. Кирилл. Плещеева, назначеннаго Лжедимитріемъ II къ себѣ въ полкъ, но Суздальцы, боясь-ли характера, или не довѣряя способностямъ Просовецкаго, упросили оставить Плещеева; П., тѣмъ не менѣе, былъ сдѣланъ вторымъ воеводою. Около того времени многіе города, а въ числѣ нихъ Лухъ, гдѣ ранѣе П. находился воеводою, перешли на сторону Шуйскаго, но вскорѣ были взяты Плещеевымъ и Просовецкимъ, двинувшимся съ войскомъ изъ Суздаля. Особенное, однако, сопротивленіе оказалъ г. Владиміръ, гдѣ жители возстали противъ Тушинцевъ и убили своего воеводу Вельяминова, ставленника Лжедимитрія. Суздальскіе воеводы, Плещеевъ съ Просовецкимъ, не только не могли взять городъ, держа его долгое время въ осадѣ, но не могли даже воспрепятствовать жителямъ сноситься грамотами съ другими городами и, по признанію самихъ воеводъ, «прельщать и приводить къ присягѣ Шуйскому жителей всѣхъ понизовыхъ городовъ». Въ союзѣ съ Плещеевымъ и П. при осадѣ Владиміра находился и знаменитый Лисовскій со своими полчищами. Вскорѣ положеніе Шуйскаго сильно измѣнилось. Благодаря удачнымъ дѣйствіямъ молодого кн. М. В. Скопина-Шуйскаго, почти весь центръ сталъ принадлежать власти Шуйскаго. Шуйскій торжествовалъ, Суздальскимъ воеводамъ, вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, пришлось не только снять осаду съ Владиміра, но и самимъ ограничиться защитою только Суздаля. При защитѣ Суздаля съ Лисовскимъ былъ только одинъ воевода – Просовецкій: Плещеевъ ранѣе перешелъ на сторону королевича Владислава. Всю зиму П. держался съ Лисовскимъ въ Суздалѣ, съ наступленіемъ же весны они удалились на сѣверъ, ко Пскову, въ которомъ, не смотря на междоусобную распрю, большинство было на сторонѣ Лжедимитрія. Двинувшись въ маѣ 1610 года на сѣверъ, Лисовскій съ Просовецкимъ по пути подошли къ Калязинскому монастырю, осадили его, взяли и предали разграбленію, а затѣмъ сожгли. Отсюда они двинулись въ Новгородскую землю. Между тѣмъ, Шуйскій былъ сверженъ съ престола, а королевичъ Владиславъ почти всею Московскою знатью былъ признанъ царемъ. Это событіе измѣняло отношенія къ Москвѣ Шведовъ, которые теперь превращались изъ союзниковъ во враговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Лисовскій, дѣйствовавшій ранѣе совмѣстно съ Просовецкимъ въ интересахъ Самозванца и Польской короны, теперь въ интересахъ послѣдней намѣренъ былъ вступить въ борьбу со Шведами. Просовецкій, вѣроятно, еще не понявшій смысла борьбы Лисовскаго со Шведами, дѣйствуетъ совмѣстно съ нимъ. Получивъ пораженіе отъ Шведскаго полководца Горна подъ гор. Ямою (нынѣ Ямбургъ), они должны были отступить и оба двинулись ко Пскову. Во время отступленія ко Пскову союзники разошлись: П. уже понялъ, вѣроятно, въ какой онъ попалъ обманъ, а также, какая пропасть теперь ихъ раздѣляла. Ему стало понятно, что Лисовскій отнынѣ будетъ преслѣдовать интересы Польши и Владислава, онъ же, конечно, останется вѣренъ Самозванцу. И такъ отнынѣ они расходятся врагами; Лисовскій ушелъ къ Острову, Просовецкій же остановился станомъ въ 20 верстахъ ото Пскова по дорогѣ въ Новгородъ. Когда Лисовскій собрался съ силами и подготовился, то неожиданно изъ-подъ Острова напалъ на станъ Просовецкаго. Между ними завязалась битва, и побѣжденный Просовецкій удалился опять къ Самозванцу, силы котораго, какъ извѣстно, возродились послѣ бѣгства въ Калугу. Такимъ образомъ, Просовецкій до самой смерти Самозванца (въ дек. 1610 г.) оставался вѣренъ ему. 7-го февр. 1611 года онъ пришелъ въ Суздаль и сталъ владѣть имъ, становясь какъ-бы воеводою его, хотя никѣмъ неназначеннымъ. Вернувшись въ Суздаль, Просовецкій становится ярымъ противникомъ избранія королевича. Такъ, тотчасъ по прибытіи въ Суздаль, онъ послалъ (11-го февр.) подмогу жителямъ Владиміра, благодаря которой тѣ побили кн. Ив. Сем. Куракина, посланнаго во Владиміръ съ войскомъ для приведенія жителей въ вѣрность королевичу. Отсюда же Просовецкій сносился съ другими городами, призывая ихъ примкнуть къ зарождавшемуся земскому ополченію для изгнанія поляковъ изъ предѣловъ государства. Съ одной стороны самъ

Просовецкій, видимо, сочувствовалъ идеѣ изгнанія поляковъ, съ другой стороны и иниціаторы ополченія (Ляпуновъ, патр. Гермогенъ и др.) старались привлечь его къ этому дѣлу. Оно вполнѣ и понятно: Просовецкій имѣлъ на готовѣ довольно внушительную силу. 17-го марта 1611 г. въ Москвѣ произошло избіеніе населенія польскими войсками, извѣстное подъ названіемъ «Московскаго разоренья», во время котораго побито было до 70000 человѣкъ. Ополченіе всею своею массою не могло быстро поспѣшить на помощь, почему рѣшено было въ качествѣ передового отряда, отправить Просовецкаго съ его войскомъ. Когда въ Москву пришла вѣсть о приближеніи Просовецкаго, Гонсѣвскій, начальникъ польскаго горнизона Москвы, выслалъ противъ него Зборовскаго и Струся. Струсь (25 мар.) около Александровской слободы встрѣтилъ Просовецкаго, но Просовецкій отступилъ на главныя силы ополченія, съ которымъ (1-го апрѣля) и прибылъ къ Москвѣ. Когда Сапѣга съ войскомъ выступилъ въ походъ для разоренія различныхъ центральныхъ русскихъ городовъ, Ляпуновъ отрядилъ для помощи городамъ нѣсколько дружинъ и между прочимъ одну подъ начальствомъ Просовецкаго. Встрѣтивъ Сапѣгу подъ Александровской слободой, Просовецкій не оказалъ ему сопротивленія, а двинулся къ Переяславлю. Собравшись здѣсь съ силами, онъ напалъ на Сапѣгу, а затѣмъ засѣлъ въ городѣ въ осаду, но Сапѣга сжегъ городъ, и Просовецкій принужденъ былъ бѣжать. Когда, несмотря на клятвенное обѣщаніе П. и Заруцкаго не пускать своихъ казаковъ грабить мирное населеніе, разбои продолжались и былъ постановленъ извѣстный «приговоръ 30-го іюня, которымъ опредѣлялось довольно строго, но точно положеніе казаковъ въ земскомъ ополченіи, казаки Просовецкаго и Заруцкаго усмотрѣли въ нѣкоторыхъ пунктахъ приговора посягновеніе на основу свободы казачества, это недовольство, какъ извѣстно, было причиной убіенія Ляпунова и распаденія вслѣдъ затѣмъ самаго ополченія. Если Просовецкому и его казакамъ трудно было ужиться въ первомъ ополченіи, то, конечно, они не могли быть участниками строго организованнаго второго (такъ наз. нижегородскаго) ополченія. И дѣйствительно, Просовецкій вступилъ съ нимъ прямо во враждебныя отношенія, стараясь погубить дѣло при самомъ началѣ. Такъ, когда ополченіе еще не выступило изъ Нижняго, туда пришло извѣстіе, что Заруцкій прислалъ въ Ярославль много казаковъ, а Просовецкій проявляетъ явныя намѣренія захватить городъ и находится на пути къ этому городу. Ярославль имѣлъ въ данный моментъ громадное стратегическое значеніе, а потому онъ отправилъ передовой отрядъ, чтобы занять Ярославль раньше, чѣмъ придетъ туда Просовецкій. Такимъ образомъ его козни по отношенію къ ополченію не удались. Сами Суздальцы, у которыхъ Просовецкій былъ воеводою, просили у ополченія другого воеводу, вслѣдствіе чего Просовецкій съ казаками былъ изгнанъ изъ города. Такимъ образомъ, къ концу смуты Просовецкій пересталъ играть роль, а по окончаніи ея объ немъ совсѣмъ ничего не было слышно. Въ 1630-хъ и 1640-хъ годахъ имя его снова встрѣчаемъ въ памятникахъ. Судя по Боярскимъ книгамъ онъ въ 1635—36 году имѣлъ званіе «Москвовскаго дворянина» и въ то же время былъ посланъ воеводою на Чаронду (нынѣ с. Чаронди, Кирилловск. уѣзда, Новгор. губ.), а въ 1638 году (въ концѣ) онъ былъ уже на Москвѣ. Когда въ 1639 году (1-го мая) государь повелѣлъ «для приходу Крымскаго царя и для Крымскихъ и Ногайскихъ людей быть воеводамъ по мѣстамъ (на «берегу»); то Просовецкій былъ назначенъ состоять головою при 2-мъ воеводѣ на Тулѣ и имѣть подъ началомъ служилыхъ ратныхъ людей съ городовъ: Твери, Торжка, Старицы и Можайска. Въ 1639—40 г.г. Просовецкій былъ посланъ на воеводство въ г. Козьмодемьянскъ.

«Акты Архивн. Экспед.», т. II, стр. 302—305, 306, 311, 313, 323; «Акты Истор.», т. II, стр. 194—195, 225, 227; «Собр. Госуд. Грам. и Догов.», т. II, стр. 455, 460, 498, 501, 509, 512, 513, 540; «Полн. Собр. Русск. Лѣт.», т. IV, стр. 328; «Русск. ист. Библіотека»; «Сборникъ кн. Хилкова», стр. 62, 63; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, т. II, стр. 933; «Дворцовые разряды», т. I, стр. 1167; т. II, стр. 606; Карамзинъ, «Исторія Государства Россійск.», изд. ж. «Сѣверъ», т. XII, стр. 129, 178; 738, 754; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т—ва «Общ. Польза», т. VIII, стр. 874, 875, 937, 938; 974, 975, 985, 1015; С. Ѳ. Платоновъ. «Очерки изъ исторіи Смутнаго времени», стр. 55, 371, 376, 380, 382, 389— 391, 415, 422, 440; И. Ивановъ,

«Указат. къ боярск. книгамъ»; А. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ».

Н. В—н—въ.

Простоквашинъ, *Евдокимъ Степановичъ*, генералъ-лейтенантъ; происходилъ изъ солдатскихъ дѣтей, родился въ 1734—36 г. г. Вступивъ на службу нижнимъ чиномъ въ Тобольскій драгунскій полкъ (1-го января 1749 г.), онъ черезъ 4 мѣсяца былъ назначенъ полковымъ писаремъ и въ этой должности былъ, въ первый годъ (1757) Семилѣтней войны, въ сраженіи при Гроссъ-Эгерсдорфѣ. Въ началѣ 1758 г. генералъ П. И. Румянцевъ былъ отправленъ въ окрестности Минска для переформированія нашей совершенно разстроенной конницы, въ числѣ которой находился и Тобольскій драгунскій полкъ. Здѣсь онъ обратилъ вниманіе на Простоквашина и, получивъ возможность имѣть при себѣ канцеляриста, взялъ къ себѣ П. (1-го мая); въ этой должности послѣдній сопровождалъ будущаго фельдмаршала во всѣхъ дѣйствіяхъ противъ пруссаковъ, до конца 1760 г., когда русская армія отошла обратно къ Вислѣ, было заключено перемиріе съ пруссаками, и Простоквашинъ былъ назначенъ аудиторомъ въ свой-же полкъ (15-го октября). Когда въ 1761 г. начались военныя дѣйствія, Румянцевъ, назначенный командиромъ отдѣльнаго корпуса, взялъ П. въ свой штабъ на должность секретаря (что равнялось чину капитанъ-поручика), и П. былъ при немъ въ сраженіяхъ при осадѣ Кольберга, въ бою при Трептовѣ (14-го окт.) и взятіи Кольберга (5-го дек.). Вскорѣ по окончаніи войны П. поступилъ капитаномъ въ Сѣвскій пѣхотный полкъ (1-го мая 1764 г.), гдѣ прослужилъ пять лѣтъ. Въ 1769 году открылась война съ Турціей, и Румянцевъ, назначенный главнокомандующимъ 1-ой арміей, перевелъ П., который въ то время служилъ въ Ростовскомъ карабинерномъ полку (съ 1-го января), къ себѣ въ штабъ генеральсъ-адъютантомъ (25-го дек.) съ чиномъ подполковника (1770 г. 1-го сент.). Въ теченіе всей кампаніи П., вмѣстѣ съ Безбородкой и Завадовскимъ, завѣдывалъ одной изъ трехъ экспедицій походной канцеляріи Румянцева и пользовался большимъ расположеніемъ своего начальника, какъ ревностный и способный человѣкъ; въ спальню главнокомандующаго, по словамъ П. И. Рунича, никто не былъ приглашаемъ кромѣ ихъ трехъ; П. былъ въ бояхъ при Ларгѣ, Кагулѣ, Силистріи, три раза за Дунаемъ и способствовалъ заключенію мира съ Портой 10-го іюля 1774 года. Препровождая къ Императрицѣ султанскую ратификацію мира и представляя отличившихся, Румянцевъ особенно рекомендовалъ Безбородко, Завадовскаго и Простоквашина, которые «всегдашнимъ своимъ усердіемъ, трудами съ начала войны и присутствіемъ при немъ въ походахъ заслужили щедроты Ея Величества». Во время Турецкой кампаніи Безбородко сошелся съ П. и впослѣдствіи поддерживалъ съ нимъ дружескія отношенія. Вернувшись въ Россію съ чиномъ полковника, П. былъ вскорѣ назначенъ комендантомъ въ Глуховъ и здѣсь въ новой должности пробылъ до 1785 года, когда Высочайшимъ указомъ былъ опредѣленъ къ управленію Инспекторской Экспедиціей Военной Коллегіи. Въ 1794 году, уже будучи генералъ-маіоромъ (съ 22-го сентября 1786 г.), П. былъ членомъ коммиссіи въ Смоленскѣ по дѣлу о нарушившихъ присягу Императрицѣ и принявшихъ сторону Косцюшки и о русскихъ военачальникахъ, ушедшихъ со своего поста. Имп. Екатерина до своей смерти не оставляла Простоквашина милостями: въ 1795 году дала ему чинъ генералъ лейтенанта (1-го января), а въ слѣдующемъ году пожаловала имѣніемъ въ Малороссіи. Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ и видя вялое теченіе дѣлъ Военной Коллегіи, однажды въ 7 часовъ утра прибылъ туда и не нашелъ никого, кромѣ Простоквашина; съ этого времени онъ оказывалъ ему свое благоволеніе: въ день коронаціи пожаловалъ орденомъ св. Анны 1-й ст., а при увольненіи отъ службы (9-го сентября 1797 г.) наградилъ полнымъ жалованіемъ до его смерти, правомъ ношенія мундира и за долговременную службу прислалъ ему орденъ св. Александра Невскаго и въ 1799 г. пожаловалъ ему деревни. По словамъ Безбородки, «Простоквашинъ считалъ себя пресчастливымъ, уподобляясь прусскому капитану времени Фридриха Вильгельма, у котораго полонъ ротъ хлѣба, но по выбитіи зубовъ нечѣмъ ѣсть. На немъ сбылось писаніе: не

видѣхъ праведника оставленна, ниже наслѣдія его просяща хлѣба». Умеръ П. въ 1821 году.

Московское отдѣленіе Архива Главн. Штаба, дѣла приказной экспедиціи, опись 58, св. 420, кн. 1-я; «Сборникъ Импер. Истор. Общ.», т. XVI, стр. 354, 453, т. XXVI, стр. 25, 29, 237, 239, 242, т. XXIX, стр. 542, 545; «Русскій Архивъ» 1864 г., стр. 765 (А. Т. Болотовъ, «Памятникъ претекшихъ временъ или краткія историч. записки о бывш. происшеств. и носившихся въ народѣ слухахъ», Богородицкъ, 1796); 1874 г. кн. II, стр. 593, 594, 606; 1876 г., кн. III, стр. 388; «Русская Старина» 1870, т. II, 361 («Записки Рунича»); «Русская Армія въ Семилѣтнюю войну», Масловскаго, М. 1886—91 гг., вып. I, Приложенія, таблицы № 40 и 41, вып. II, стр. 138, 150, 184, 247, 252, 418, прил. № 1 и 8, вып. III, 107, 184, 540, 547, прил. XVII; А. Петровъ, «Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами 1769—74 гг.», т. I, С.-Пб. 1866, стр. 262; Леверъ, «Энциклоп. военныхъ и морскихъ наукъ», т. VI, С.-Пб. 1893, стр. 597; «Архивъ военно-походной канцеляріи гр. Румянцева», т. II, стр. 157, 162, 264; «Труды Черниговск. губернск. архивн. коммиссіи», вып. 2, стр. 33; «Сенатскій Архивъ», т. I, С.-Пб. 1888, стр. 29.

Н. Артамоновъ.

Протасій, епископъ Рязанскій и Муромскій, хиротонисанный митр. Симономъ въ епископы 26-го февраля 1497 г., въ недѣлю третью поста. О его восемнадцатилѣтнемъ управленіи Рязанской епископіей не сохранилось свѣдѣній, и имя Протасія упоминается только въ постановленіяхъ тогдашнихъ соборовъ, созывавшихся по различнымъ случаямъ церковной жизни. Такъ, въ 1498 г. Протасій участвовалъ въ вѣнчаніи на царство кн. Димитрія Іоанновича, съ апрѣля 1503 г. по сентябрь 1504 г. присутствовалъ на соборѣ, созванномъ по вопросамъ о невзиманіи съ поставляемыхъ священнослужителей мзды за хиротонію и о запрещеніи священнодѣйствовать вдовымъ попамъ, а въ маѣ 1509 г. былъ на соборѣ, возникшемъ по поводу распри между митр. Новгородскимъ Серапіономъ и Іосифомъ, игуменомъ Волоколамскаго монастыря, на которомъ митрополитъ Серапіонъ былъ низведенъ съ каѳедры и лишенъ архіерейства. Въ августѣ 1511 г. Протасій, вмѣстѣ съ другими епископами, совершалъ обрядъ хиротоніи надъ поставляемымъ въ митрополита Всероссійскаго Варлаамомъ. Въ 1515—1516 г. онъ отказался отъ управленія епархіей и скончался на покоѣ въ апрѣлѣ 1520 г.

«Полное собраніе русск. лѣтописей» (Указат. къ 8-ми томамъ); «Акты Археогр. Экспедиціи», т. I, № 382; «Акты Историческіе», т. I, стр. 530; «Древн. Росс. Вивліоѳика», 2-е изд., т. XIV, стр. 207; Н. М. Карамзинъ, Исторія Госуд. Россійск.; «Исторія Россійской іерархіи», т. I; Н. Д(урново), Іерархи всероссійской церкви; П. Строевъ, Списки іерарховъ; Воздвиженскій, Исторія Рязанской іерархіи, М. 1820 г.; «Рязанск. губ. Вѣд.» 1854 г., № 48, стр. 245; Диттель, Рязанскія достопамятности («Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.» 1859 г., кн. III); «Сборникъ церковно-историко-статист. свѣдѣній о Рязанской епархіи», тамъ-же, 1863 г., кн. II, стр. 105; Филаретъ, Рязанск. іерархи («Христіанск. чтеніе» 1859 г., ч. I, стр. 364—65); А. А. Титовъ, Рязанскіе іерархи («Чтен. въ Общ. Любит. духовн. Просв.» 1890 г., № 1—2, прилож., стр. 17—19); Е. Голубинскій, Исторія русской церкви, т. II, I-я половина, М. 1900 г., стр. 612—620, 636—644, 648—649.

Ал. Ш—въ.

Протасова, графиня *Анна Степановна*, любимая камеръ-фрейлина Екатерины II; дочь сенатора Степана Ѳедоровича Протасова (ум. въ 1767 г.) и второй жены его Анисьи Никитичны (ум. въ 1775 г.), рожд. Орловой (двоюродной сестры князя и графовъ Орловыхъ), род. въ 1745 г. Вскорѣ по восшествіи на престолъ Екатерины II, Протасова, по ходатайству кн. А. Г. Орлова, была пожалована въ статсъ-фрейлины. Пользуясь постояннымъ благоволеніемъ Императрицы, она съ теченіемъ времени пріобрѣтала все большую ея любовь и довѣренность, которая «обратилась для государыни въ привычку и, наконецъ, въ дружескую связь», такъ что П. была въ томъ тѣсномъ кружкѣ лицъ, при которыхъ Екатерина II не стѣснялась высказывать свои сокровеннѣйшія мысли и которыя составляли ея интимное общество. Въ мартѣ 1784 года П. была пожалована званіемъ камеръ-фрейлины и драгоцѣннымъ портретомъ Императрицы. П. неоднократно сопровождала ее въ поѣздкахъ, — между прочимъ въ 1785 г. — во время поѣздки Государыни въ Вышній Волочекъ, а въ 1787 г., во время путешествія въ Крымъ, она безотлучно находилась при Государынѣ, въ ея дорожномъ экипажѣ. Неизмѣнное расположеніе къ П., продолжалось до самой смерти Императрицы, которая дала П-й прозвище «Королевы»; прозвище это объясняется словами графини В. Н. Головиной, которая говоритъ, что П. была «черная, какъ королева острововъ Таити». Павелъ I благоволительно относился къ П., со-

хранившей свое положеніе и при его дворѣ, и въ день своей коронаціи, 5-го апрѣля 1797 г., пожаловалъ ей орденъ св. Екатерины 2 класса (меньшаго креста), а Императоръ Александръ, въ день коронованія своего, возвелъ П. (15-го сентября 1801 г.) въ графское достоинство, которое, по ея просьбѣ, было распространено на четырехъ, ею воспитанныхъ, племянницъ и племянника. Въ званіи камеръ-фрейлины Государынь Императрицъ П. числилась до 1823 г., затѣмъ значилась въ отпуску, что̀ объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что подъ конецъ жизни она ослѣпла. Графиня Протасова скончалась въ Петербургѣ 12-го апрѣля 1826 г. и погребена въ св. Духовской церкви Александро-Невской Лавры.

Державинъ въ 1789 г. написалъ стихи по случаю посѣщенія Протасовой Императрицею Екатериной.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга, т. II; «Русск. Стар.» 1871, т. III, стр. 462—463; Н. Е. Волковъ, Дворъ русскихъ императоровъ, С.-Пб. 1900; Записки гр. В. П. Головиной, С.-Пб. 1900; «Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.», т. XXIII, XVI, XXIX; Записки А. С. Шишкова, Берлинъ. 1870; С. Дягилевъ, Русская живопись въ XVIII вѣкѣ, т. I (портретъ П., работы Левицкаго); его-же, Каталогъ ист.-худож. выставки русск. портретовъ, С.-Пб. 1905; Сочиненія Державина, подъ ред. Грота, т. I, стр. 305—306; «Старина и Новизна», кн. IV, стр. 286; Архивъ кн. Воронцова, passim.

Протасова, *Людмила Семеновна* (по мужу **Ленская**), провинціальная артистка. Родилась въ 1825 году. Мать ея была довольно извѣстная провинціальная актриса, игравшая въ 1810—1840-хъ гг., а потому Л. С. съ дѣтства вращалась въ кругу артистовъ. Еще ребенкомъ она нѣсколько разъ принимала участіе въ спектакляхъ, съ семнадцати лѣтъ посвятила себя артистической карьерѣ и вскорѣ завоевала симпатіи публики и театральной критики. Такъ, уже въ 1843 году въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», въ статьѣ А. Д. о Харьковскомъ театрѣ, говорилось о П., что «ей принадлежало первое мѣсто среди актеровъ Харьковскаго театра. Кто видѣлъ ее въ «Отцѣ и дочери» несчастною причиною безумія отца, въ «Ромео» — Юліей, въ «Еленѣ Глинской» супругой Оболенскаго, въ «Мандаринѣ», въ «Жизни Игрока», тотъ вѣрно согласится, что драматическій характеръ юной артистки выше всякаго сравненія. Кто же видѣлъ ее въ «Москалѣ-Чарывникѣ», въ «Мирандолинѣ», въ «Новичкахъ въ любви» или въ «Узкихъ башмачкахъ», тотъ еще болѣе подивится разнообразію обширнаго ея таланта». Въ 1845 году А. С. Протасова вышла замужъ за провинціальнаго актера Ленскаго. Переѣзжая изъ города въ городъ, она всюду имѣла выдающійся успѣхъ. Пробывъ на сценѣ до конца 1860-хъ годовъ, Л. С. Протасова оставила артистическую дѣятельность и съ этихъ поръ свѣдѣній о ней не сохранилось.

«Репертуаръ Русскаго театра и Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ» 1842 г., кн. XX, ст. «Харьковскій театръ», стр. 24; 1843 г., ч. I, кн. III, ст. А. Д.: «Харьковскій Театръ», стр. 193, 199—200; ч. III, кн. VIII, ст. Беклемишева: «Харьковскій театръ», стр. 152—157; 1845 г., т. 10, кн. IV (апрѣль), ст. Харьковскаго старожила: «Харьковскій театръ», стр. 106; 1859 г., т. 4, кн. VII, ст. Валентина Середина: «Воронежскій театръ», стр. 15.

Протасовъ, *Александръ Павловичъ*, сенаторъ; сынъ д. с. с. и Курскаго губернатора Павла Ивановича П. (род. 1760, ум. 8-го ноября 1828) и Маріи Николаевны, рожд. Новосильцовой (родной сестры Н. Н. Новосильцова, Предсѣдателя Государственнаго Совѣта); род. 19-го апрѣля 1790 года. Съ отцовской стороны П. состоялъ въ родствѣ съ Карамзинымъ, женатымъ первымъ бракомъ на родной теткѣ А. П. П-ва — Елизаветѣ Ивановнѣ Протасовой. Состоя въ службѣ съ 1803 г., П. въ 1822—1827 гг. служилъ по особымъ порученіямъ при Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ, въ 1824 г. произведенъ въ д. с. совѣтники, затѣмъ былъ причисленъ къ Герольдіи, въ 1830 г. (29-го апрѣля) уволенъ въ отставку, а 6-го декабря 1831 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ 2-го отдѣленія 6-го Департамента Сената. Произведенный 31-го декабря 1839 г. въ тайные совѣтники, П. былъ пожалованъ въ званіе сенатора 8-го, Московскаго, Департамента Сената, но въ 1847 г. (1-го мая) вышелъ въ отставку. Въ 1809 году, въ Петербургѣ Протасовъ издалъ книгу: «Обозрѣніе Исторіи Римскаго Права со временъ Ромула до изданія вновь исправленнаго Василикона Императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ». По поводу этой книги Карамзинъ писалъ 27-го марта 1810 г. своему пле-

мяннику, что она «достойна одобренія и хвалы, какъ въ разсужденіи порядка мыслей, такъ и слога». Протасовъ состоялъ членомъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и почетнымъ членомъ Московскаго Общества испытателей природы. У него была большая библіотека произведеній русской и иностранной литературы, а также «избранная коллекція мистическихъ писателей». Послѣднее объясняется тѣмъ, что П. самъ былъ масономъ и мистикомъ. Не выѣзжая изъ дому, П. принималъ у себя своихъ друзей, среди которыхъ были: генералъ-суперинтендентъ Губеръ, отецъ извѣстнаго переводчика Фауста, гебраистъ, съ которымъ Протасовъ бесѣдовалъ о Богословскихъ матеріяхъ; масоны Шуманъ, Чубаровъ, Астафьевъ, Гевличъ и другіе. Протасовъ любилъ вспоминать о своемъ знакомствѣ съ такими масонами, какъ Н. И. Новиковъ, С. И. Гамалея, И. Г. Шварцъ, А. Ѳ. Лабзинъ, И. В. Лапухинъ, о масонскихъ ложахъ, объ извѣстныхъ мистическихъ произведеніяхъ и вообще о масонскихъ ученіяхъ.

П. скончался 21-го февраля 1856 г.

«Русская Старина» 1899 г., апрѣль, стр. 235; «Русскій Архивъ» 1882 г., кн. 3, стр. 263; 1897 г., кн. III, стр. 109—122; 1904 г., кн. I, стр. 304; С. Масловъ, «Историческое Обозрѣніе Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго хозяйства», Москва. 1846 г., приложеніе, стр. 123, 266; «Сѣверная Пчела» 1856 г., № 46; «Русск. Вѣстн.» 1895, № 6, стр. 8; «Моск. Вѣд.» 1830 г., № 46, стр. 2067; Адресъ-календари и Мѣсяцесловы за разные годы.

Протасовъ, *Александръ Яковлевичъ*, дѣйст. тайн. совѣтникъ, сенаторъ; род. 10-го сентября 1742 г., ум. 27-го апрѣля 1799 г.; былъ сыномъ генералъ-поручика Якова Яковлевича П. отъ брака его съ Евдокіею Андреевною Хрущовою. Въ 1753 г. зачисленъ былъ на службу въ л. г. Преображенскій полкъ, въ 1762 г., въ чинѣ подпоручика, былъ отправленъ съ гвардейскимъ отрядомъ въ Москву во время поѣздки Екатерины II для коронованія, а въ 1767 г., уже въ чинѣ поручика того же полка, выбранъ былъ депутатомъ отъ Гороховецкаго уѣзда въ Коммиссію о сочиненіи Новаго Уложенія. Въ засѣданіяхъ коммиссіи въ февралѣ и маѣ 1768 г., при обсужденіи вопроса о судахъ, онъ высказалъ мнѣніе о желательности учрежденія въ Россіи, по образцу Англіи и Голландіи, института мировыхъ судей, на обязанности коихъ лежало-бы примиреніе тяжущихся, чтобы лишь въ случаяхъ неуспѣха спорящія стороны могли бы обращаться къ формальному суду. При обсужденіи крестьянскаго вопроса П. высказался за постепенное освобожденіе, считая отпускъ на волю всѣхъ крестьянъ сразу вредной для Россіи мѣрой. Въ іюнѣ 1768 г. онъ избранъ былъ членомъ особой коммиссіи «Объ установленіяхъ, касающихся до лицъ». Въ Турецкую войну (1769—1774 г.) П. былъ отправленъ въ 1770 г., въ чинѣ капитанъ-поручика Преображенскаго полка и въ званіи волонтера, во вторую армію, состоявшую подъ начальствомъ гр. Петра Ив. Панина. Отряженный въ корпусъ ген.-маіора Каменскаго, П. участвовалъ и отличался храбростью во всѣхъ дѣлахъ съ непріятелемъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и былъ при взятіи штурмомъ крѣпости Бендеръ (14 сентября 1770 г.). 15-го марта 1774 г. П. за болѣзнью отставленъ былъ отъ военной службы съ чиномъ полковника, 10-го февраля 1777 г. былъ опредѣленъ въ Коллегію Экономіи, 9-го ноября 1778 г. перемѣщенъ въ Вотчинную Коллегію, а 15-го февраля 1780 г. назначенъ первымъ предсѣдателемъ Орловскаго верхняго земскаго суда, 7-го же января 1781 г.— переведенъ предсѣдателемъ Орловской палаты уголовнаго суда. 16-го марта 1781 г. П. назначенъ былъ исправляющимъ должность поручика правителя (вице-губернатора) Смоленскаго намѣстничества, а 4-го октября 1782 г. опредѣленъ къ исправленію должности Правителя Новгородскаго Намѣстничества. Въ исходѣ 1783 г., когда воспитаніе великихъ князей Александра и Константина Павловичей было ввѣрено Императрицею Ник. Ив. Салтыкову, П. опредѣленъ былъ къ нему помощникомъ и состоялъ при вел. кн. Александрѣ Павловичѣ въ званіи придворнаго кавалера-воспитателя. Въ 1784 г. П. былъ переименованъ изъ ст. сов. въ бригадиры, а 21-го апрѣля 1785 г. произведенъ въ генералъ-маіоры; 2-го сентября 1793 г., въ день торжества по случаю заключенія мира съ Портою, П. пожалованъ былъ въ генералъ-поручики, а передъ бракосочетаніемъ вел. кн. Александра Павловича, 22-го сентября того же года, награжденъ орденомъ Св. Александра-Невскаго. Оставаясь при великомъ

князѣ и послѣ его женитьбы, во все время бытности при немъ П. велъ отрывочныя дневныя записки съ замѣчаніями изъ жизни и данными о здоровьѣ своего питомца. Оглашенныя въ печати («Древняя и Новая Россія» 1880, т. II, стр. 761—775) записки его обнимаютъ время съ 1789 г. по августъ 1794 г. и, хотя не отличаются ни полнотою, ни послѣдовательностью и не могутъ служить характеристикою эпохи дѣтства и юности великаго князя, но обнаруживаютъ въ авторѣ человѣка крайне добраго, отзывчиваго и чувствительнаго, глубоко огорчавшагося отрицательными проявленіями характера великаго князя и искренно радовавшагося развитію въ немъ хорошихъ качествъ; замѣчаются также попытки его противодѣйствовать вліянію либеральныхъ идей, которыя внушалъ великому князю Лагарпъ. 28-го декабря 1796 г., по вступленіи на престолъ Имп. Павла I, П. повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ въ пятомъ, Московскомъ Департаментѣ. Въ день коронованія Павла I, 5-го апрѣля 1797 г., П. пожаловано было 800 душъ крестьянъ, а 28-го октября 1798 г. онъ произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. За свою доброту и безукоризненную честность П. былъ очень любимъ Екатериною II и Александромъ I. Скончался онъ 27-го апрѣля 1799 г. въ Москвѣ, состоя на службѣ. 15-го сентября 1801 г., въ день коронованія Александра I, вдова П. Варвара Алексѣевна, рожд. Бахметева, была возведена съ дѣтьми въ графское достоинство, каковое, — съ прекращеніемъ (со смертью сына А. Я. П-ва Николая Александровича) рода графовъ Протасовыхъ перешло, по Высочайшему указу 28-го октября 1856 г., вмѣстѣ съ фамиліей къ внучатному его племяннику Николаю Алексѣевичу Бахметеву (Главноуправляющій Собственною Е. И. В. Канцеляріею по Учрежденіямъ Императрицы Маріи).

Высочайшіе указы Сенатскаго Архива, кн. 144, л. 264, кн. 146, л. 185, кн. 148, л. 175, кн. 150, л. 227, кн. 175, л. 65 и 123, кн. 179, л. 87, кн. 186, л. 234 и 241, кн. 191, л. 100, кн. 208, л. 267; Дѣла архива Департ. Герольдіи; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга; «Древняя и Новая Россія» 1880 г., т. II, стр. 761—775; Исторія Императора Александра I, Богдановича, т. I, стр. 17; Д. Ѳ. Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 254; Губернскій служебникъ, кн. Туркестанова, 1869 г., стр. 117; Д. Н. Бантышъ-Каменскій, Списки кавалеровъ 4-хъ россійскихъ орденовъ, Москва. 1814 г., стр. 240 и 329; Я. К. Гротъ, Соч. Державина, изд. 1871 г., т. VI, стр. 435; «Русскій Архивъ» 1864 г., стр. 494—497 и 1877 г., кн. II, стр. 265; «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общ.», т. XIV, стр. 82 и т. XXXII, стр. 70 и 622; Записки Штрандмана — «Русская Старина», т. 34, 1882 г., стр. 312.

П. Клокачевъ.

Протасовъ, *Алексѣй Адріановичъ*, генералъ-маіоръ, дѣятель Отечественной войны; происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, род. 12-го сентября 1780 г. въ имѣніи отца своего, надв. сов. Адр. Павл. Протасова, — селѣ Желчинѣ, Рязанскаго уѣзда, ум. 18-го декабря 1833 г. въ Москвѣ, похороненъ на кладбищѣ Данилова монастыря. Опредѣленный, въ 1795 г., унтеръ-офицеромъ въ Лейбъ-Гвардіи Конный полкъ, П. 14-го марта 1801 г. получилъ чинъ корнета. Первое сраженіе, въ которомъ П. принималъ участіе, было сраженіе Аустерлицкое, за которое онъ получилъ орденъ св. Анны 4-й степ. на шпагу. Въ 1807 г., когда гвардія выступила въ новый походъ — въ Пруссію, П., находясь въ резервѣ съ 1-ою отдѣльною дивизіей подъ командою Цесаревича Константина Павловича, 24-го и 25-го мая находился въ преслѣдованіи французскихъ войскъ отъ Гутштата до р. Пасарги и потомъ въ сраженіяхъ подъ Гейльсбергомъ и Фридландомъ (гдѣ былъ раненъ картечью въ лѣвую руку). За эти дѣла П. получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, по возвращеніи въ Россію произведенъ (28-го нояб. 1808 г.) въ полковники, а 11-го марта 1812 г. переведенъ изъ Коннаго полка командиромъ запасныхъ эскадроновъ полковъ 1-й кирасирской дивизіи, которые составили Сводный Кирасирскій полкъ, ввѣренный Протасову и назначенный въ составъ 2-й кавалерійской дивизіи. Послѣ вторженія Наполеона въ Россію, П. со своимъ полкомъ находился въ отрядѣ князя Репнина-Волконскаго; 20-го іюня Протасову приказано было выступить въ Друю, занять высоты и наблюдать за непріятелемъ. Прибывъ туда 24-го числа, П. 7-го іюля получилъ приказаніе присоединиться къ корпусу Витгенштейна (у селенія Балина), и съ этого времени участвовалъ почти во всѣхъ дѣлахъ съ непріятелемъ, особенно

отличившись при Свальнѣ, Волынцахъ и Полоцкѣ.

11-го августа П. съ своимъ полкомъ и двумя батальонами Своднаго Егерскаго полка прикрывалъ движеніе корпуса графа Витгенштейна къ мѣстечку Волынцамъ. Въ сраженіи при Полоцкѣ 6-го августа П. совершилъ замѣчательный подвигъ. Когда нашъ центръ, подавляемый болѣе многочисленнымъ непріятелемъ, началъ отступать къ Присменницѣ, Французы рѣшились на послѣднія усилія. Выставивъ противъ нашего центра 15 батарейныхъ орудій, они двинули въ правый нашъ флангъ большую часть своей конницы, поддерживая ее нѣсколькими пѣхотными колоннами. П-у приказано было предупредить атаку. Ничто не могло воспротивиться стремительному натиску нашей отборной, образцовой конницы. Эскадроны Кавалергардскаго и Конногвардейскаго полковъ оказали здѣсь чудеса храбрости, опрокинули французскихъ конныхъ егерей, и смяли нѣсколько пѣхотныхъ колоннъ въ то время, когда эскадроны обоихъ Лейбъ-Кирасирскихъ полковъ и эскадронъ Гродненскихъ гусаръ опрокинули остатокъ непріятельской кавалеріи, преслѣдовали ее до самаго Полоцка и отбили громившія нашъ центръ 15 орудій. До 400 рядовыхъ и нѣсколько офицеровъ взято было въ плѣнъ, непріятельская линія совершенно разорвана, сраженіе рѣшено въ нашу пользу, и графъ Витгенштейнъ спокойно отошелъ къ Ропнѣ. Распоряжаясь атаками своего полка, П. подвергался всевозможнымъ опасностямъ, при чемъ во второй атакѣ лошадь П-а была убита подъ нимъ и, падая, придавила ему ногу. Подвигъ П-а былъ достойно вознагражденъ: по окончаніи сраженія графъ Витгенштейнъ послалъ его съ донесеніемъ къ Императору Александру; Государь долго бесѣдовалъ съ П-ымъ, разспрашивалъ его о сраженіи и о состояніи корпуса и пожаловалъ ему орд. св. Георгія 4-й ст. и пожизненную пенсію въ 1500 рублей. Затѣмъ, 6-го октября, при открытіи наступательныхъ дѣйствій графа Витгенштейна, П. съ своимъ полкомъ находился въ резервѣ боевого корпуса генералъ-маіора Берга. Графъ Витгенштейнъ началъ свои дѣйствія ложнымъ нападеніемъ на Полоцкъ. Во время упорнаго боя, завязавшагося по всей линіи, непріятельскіе латники бросились во флангъ русскихъ стрѣлковъ, находившихся въ центрѣ. П. съ полкомъ своимъ опрокинулъ атаковавшихъ, разбилъ ихъ совершенно и преслѣдовалъ остатки до городскихъ укрѣпленій. Поставленный послѣ этого на лѣвомъ флангѣ 1-й линіи съ Своднымъ Кавалерійскимъ полкомъ въ резервѣ, П. быстро атаковалъ непріятельскую кавалерію, врубился въ нее и обратилъ въ бѣгство. Преслѣдуя ее до укрѣпленій, онъ встрѣченъ былъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. На другой день П. находился на приступѣ Полоцка и за участіе свое въ дѣлахъ 6-го и 7-го окт. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. По взятіи Полоцка П. расположился на бивуакахъ позади города и, по наведеніи мостовъ черезъ Двину, преслѣдовалъ непріятеля до Чашниковъ. По соединеніи корпуса графа Витгенштейна съ Финляндскимъ корпусомъ графа Штейнгеля, П. былъ въ сраженіи при Чашникахъ (19-го октября). Тутъ, находясь съ полкомъ въ центрѣ 1-й линіи, онъ атаковалъ непріятельскихъ стрѣлковъ и, не смотря на сильную канонаду, успѣлъ большую часть ихъ истребить. Послѣ полудня, по приказанію главнокомандующаго, П. перешелъ съ бригадою на лѣвый флангъ 1-й линіи, къ рѣчкѣ Улѣ, которую намѣревалась перейти непріятельская кавалерія, но, замѣтивъ наши войска, осталась за рѣкою, продолжая отстрѣливаться изъ орудій, поставленныхъ у Фольварка. Въ сраженіи 25-го октября при Лукомлѣ, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, П. посланъ былъ въ Лукомль съ приказаніемъ вытѣснить находившійся тамъ сильный отрядъ непріятельской конницы. Приказаніе было выполнено съ успѣхомъ. Въ ночь на 26-е П. остановился въ 5-ти верстахъ отъ Лукомля. Узнавъ, что позади мѣстечка, по дорогѣ къ Черей, находится непріятельская пѣхота съ артиллеріей, а въ самомъ мѣстечкѣ — три кавалерійскіе полка съ трехъ-эскадроннымъ авангардомъ, расположеннымъ бивуакомъ въ верстѣ отъ города, онъ послалъ на разсвѣтѣ сотни казаковъ и два эскадрона. Непріятельская кавалерія была имъ опрокинута, вытѣснена изъ мѣстечка и преслѣдована за рѣку Лукомлю до самой пѣхоты, успѣвшей построиться. Вскорѣ послѣ этого пришло къ Французамъ подкрѣпленіе, и они гото-

вились атаковать П-а. Искусно избѣжавъ неравнаго боя, П. отступилъ и безъ потери людей успѣлъ занять выгодную позицію, гдѣ продержался до прибытія подкрѣпленія. Награжденный за послѣднія дѣйствія орденомъ св. Анны съ алмазными украшеніями, П. 1-го ноября былъ командированъ для наблюденія за непріятелемъ по берегу рѣки Улы и здѣсь, произведя нападеніе на непріятеля, отбилъ у него обозъ и взялъ въ плѣнъ значительное число людей. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, за отсутствіемъ начальника дивизіи князя Репнина-Волконскаго, П. вступилъ въ камандованіе 9-ю кавалерійскою дивизіей и былъ съ нею въ сраженіи при Старомъ Борисовѣ (15-го ноября), а на слѣдующій день находился въ сраженіи при Студянкѣ. Ему было приказано атаковать непріятельскій центръ, занимавшій сильную позицію. П. пошелъ въ атаку, которая, не смотря на убійственный картечный и ружейный огонь, произведена была столь стремительно, что прорванный въ центрѣ непріятель въ совершенномъ разстройствѣ бросился къ переправѣ; при этомъ было взято нами множество плѣнныхъ съ артиллеріею и обозомъ. Послѣ перехода Витгенштейна черезъ Березину, во время преслѣдованія корпуса Макдональда, П. находился въ авангардѣ. Командуя отдѣльнымъ отрядомъ, онъ прикрывалъ правый флангъ Витгенштейна, разсылалъ партіи по разнымъ направленіямъ, и съ 19-го ноября по 5-е декабря взялъ до 3000 плѣнныхъ; такъ же удачны были дѣйствія П. при мызѣ Гоцишкахъ, гдѣ ему сдалось взять 11 офицеровъ и 400 солдатъ, и въ другихъ дѣлахъ. 23-го декабря, по изгнаніи неріятеля изъ Россіи, П. былъ отправленъ съ своимъ полкомъ въ главную армію Кутузова. 1-го февраля 1813 г. въ Плоцкѣ полкъ П-а осматривалъ Императоръ Александръ и благодарилъ П-а за усердную службу и сохраненіе людей и лошадей. Вслѣдъ за симъ полкъ былъ распущенъ, и П. съ запаснымъ эскадрономъ присоединился къ лейбъ-гвардіи Конному полку, расположенному въ Гомбинѣ, гдѣ была главная квартира Цесаревича. Командиръ полка генералъ Арсеньевъ командовалъ бригадою, а потому начальство надъ полкомъ ввѣрено было П-у, какъ старшему въ полку штабъ-офицеру. Подъ Дрезденомъ, 15-го августа, и 17-го — подъ Кульмомъ, П. оказалъ новые подвиги личной храбрости, за которые 15-го сентября былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а 28-го назначенъ командиромъ Малороссійскаго кирасирскаго полка, съ которымъ онъ былъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ (4-го октября), гдѣ проявилъ рѣдкое мужество, двумя своими эскадронами остановивъ непріятеля. Посланный съ тремя эскадронами на правый флангъ первой линіи, находившейся подъ командою графа Витгенштейна, для прикрытія артиллеріи, П. атаковалъ нѣсколько непріятельскихъ эскадроновъ, опрокинулъ ихъ и преслѣдовалъ, послѣ чего разбилъ колонну французовъ и выдержалъ нѣсколько непріятельскихъ атакъ; но, раненный пулею въ правый бокъ при седьмой атакѣ, онъ принужденъ былъ оставить поле сраженія. За блистательное участіе въ Лейпцигской битвѣ П. былъ награжденъ золотою шпагою съ алмазами и надписью «за храбрость» и пожалованъ кавалеромъ Прусскаго ордена Краснаго Орла 2-й степени. Выздоровѣвъ отъ раны, П. 7-го марта 1814 г. прибылъ во Францію, къ своему полку, и на другой же день участвовалъ въ сраженіи при Арсисъ-сюръ-Объ и 18-го марта — подъ Парижемъ, послѣ вступленія въ который союзныхъ войскъ былъ отправленъ въ авангардъ, но вскорѣ заболѣлъ и принужденъ былъ возвратиться въ Парижъ. По прекращеніи военныхъ дѣйствій онъ уволенъ былъ въ отпускъ въ Россію. Затѣмъ, когда Высочайшимъ приказомъ 1-го сент. 1814 г. было приказано генераламъ, командовавшимъ полками, сдать ихъ старшимъ по себѣ, П. былъ назначенъ состоять при начальникѣ 3-й кирасирской дивизіи, но болѣзнь его, вслѣдствіе раны, не позволила ему продолжать службу въ кавалеріи, и онъ былъ назначенъ (15-го янв. 1816 г.) во Внутреннюю стражу, а 7-го марта 1817 г. и вовсе уволенъ, за ранами, отъ службы. Вышедъ въ отставку, П. жилъ въ своей деревнѣ и въ Москвѣ, гдѣ и умеръ.

А. И. Михайловскій-Данилевскій, «Императоръ Александръ 1-й и его сподвижники. Военная галлерея Зимняго дворца», т. II, С.-Пб. 1845 г.; «Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества», т. V, стр. 28; т. CIV, стр. 359; «Журналъ военныхъ дѣйствій союзныхъ армій съ дек. 1813 г. до мая 1814 г.», ч. II, С.-Пб. 1837 г., стр. 357.

И. Марченко.

Протасовъ, *Алексѣй Протасьевичъ*, ординарный академикъ Имп. Академіи Наукъ, д-ръ медицины, писатель и переводчикъ; сынъ солдата л.-гв. Семеновскаго полка, П. родился въ 1725 г., учился первоначально въ школѣ при «домѣ» архіепископа Новгородскаго Ѳеофана Прокоповича, затѣмъ — въ Александро-Невской семинаріи, а въ 1741 г. изъ класса риторики, по собственному желанію, назначенъ «быть при Академіи Наукъ», при чемъ проф. Крафту и Штелину поручено было предварительно проэкзаменовать его въ наукахъ; опредѣленный въ томъ же году (19-го августа) въ Академическую гимназію ученикомъ, онъ занимался у проф. Леруа и Рихмана и адъюнктовъ Теплова и Крузіуса, затѣмъ былъ произведенъ (въ августѣ 1743 г.) въ студенты Академическаго университета, по экзамену проф. Крафта и Миллера «въ гуманіорахъ и гисторическихъ наукахъ», ариѳметикѣ, геометріи и логикѣ; затѣмъ слушалъ лекціи «четырехъ наукъ: логической, физической, риторической и исторической» у Геллерта, Крузіуса, Мулы, Ломоносова, съ 1744 — по анатоміи и медицинѣ у Вильде и Вейтбрехта, а съ 1747 — у Абрагама Каау-Бургава; въ концѣ 1748 г. П. былъ аттестованъ акад. Г. Ф. Миллеромъ, какъ самый способный изъ академическихъ студентовъ, за что и былъ награжденъ книгами, въ 1750 г. на экзаменѣ по анатоміи оказалъ хорошіе успѣхи, за что получилъ прибавку къ жалованью. Въ янв. 1751 г. П. представилъ диссертацію «Exercitatio physiologica de transitu sanguinis per pulmones....» (изд. 1751 г.), но она Академіей не была признана удовлетворительной; однако, способности молодого ученаго и его любовь къ наукѣ были признаны Конференціей: 22-го марта 1751 же года онъ былъ избранъ адъюнктомъ Академіи по каѳедрѣ анатоміи (безъ права присутствовать въ засѣданіяхъ Конференціи) и, для усовершенствованія въ медицинѣ, посланъ въ Лейденскій университетъ, къ профессору Альбину, при чемъ былъ снабженъ отъ Академіи подробною инструкціею. За-границей П. провелъ восемь лѣтъ, въ теченіе которыхъ занимался въ Лейденѣ, главнымъ образомъ, изученіемъ различныхъ отраслей медицины и вспомогательныхъ для нея наукъ. «Онъ выслушалъ, и не по одному разу, университетскіе курсы: анатоміи, хирургіи, физіологіи, патологіи, практической медицины, «матеріи медической», химіи теоретической и экспериментальной, ботаники, физики, математики, логики и метафизики». Кромѣ Лейдена, гдѣ онъ работалъ болѣе пяти лѣтъ (съ 24-го сентября 1751 по іюль 1755 и съ 15-го декабря 1757 по конецъ августа 1759 г.), П. два года занимался въ Страсбургскомъ университетѣ (съ 31-го іюля 1755 по 1-е августа 1757 г.), гдѣ, ревностно посѣщая лекціи профессоровъ, анатомическіе театры и госпитали, «всѣ касающіеся до его должности какъ анатомическія, такъ и прочія медическія коллегіи окончилъ»; съ половины августа до 1-го декабря 1757 г. Протасовъ прожилъ, — впрочемъ, безъ особенной для себя пользы, — въ Парижѣ, откуда вернулся въ Лейденъ и здѣсь съ прежнимъ усердіемъ работалъ на избранномъ имъ поприщѣ, во все время пребыванія за-границей присылая въ Академію подробные отчеты о своихъ занятіяхъ. Въ сентябрѣ 1759 г. П. вернулся въ Петербургъ и 4-го октября въ первый разъ присутствовалъ въ засѣданіи академической Конференціи. Въ 1760 г. онъ представилъ докторскую диссертацію и просилъ о признаніи его докторомъ медицины и объ опредѣленіи его на мѣсто профессора анатоміи и физіологіи, открывшееся по смерти его учителя Каау-Бургава; однако, эти просьбы П. не получали никакого рѣшенія въ теченіе двухъ лѣтъ, а въ сентябрѣ 1762 г. онъ былъ снова посланъ за-границу, въ Страсбургъ, чтобы тамъ получить докторскую степень. 10-го іюня 1763 г. онъ защитилъ диссертацію «De actione ventriculi humani in ingesta» и удостоенъ Страсбургскимъ университетомъ степени доктора медицины. По возвращеніи въ Петербургъ представивъ свою работу и возобновивъ просьбу объ опредѣленіи профессоромъ на мѣсто Бургава, П., послѣ интригъ вліятельнаго Тауберта, благодаря участію Ломоносова, добился своего: диссертація была разсмотрѣна и одобрена Конференціею, и П. 1-го сентября 1763 г. назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ анатоміи и докторомъ медицины. Въ 1765 г., въ публичномъ собраніи Академіи Наукъ, П. произнесъ на русскомъ языкѣ рѣчь на тему о физическомъ воспитаніи дѣтей.

Обстоятельства службы въ Академіи были неблагопріятны для научной дѣятельности даровитаго и богатаго познаніями Протасова: ему пришлось много лѣтъ (съ 1769 по 1781 г.) нести обязанности секретаря Академической Коммиссіи (канцеляріи); много времени и труда отнимало отъ ученаго исполненіе работъ по этой должности, къ которой присоединилось еще: завѣдываніе типографіею, гравировальною и живописною палатами, «инструментальнымъ, барометрскимъ, столярнымъ и словолитнымъ художествами»; въ его же вѣдѣніе и непосредственное распоряженіе поступилъ (1790) и существовавшій при Академіи «переводный департаментъ», преобразованный по мысли княгини Дашковой; онъ выбиралъ сочиненія для переводовъ и слѣдилъ за исполненіемъ работъ и печатаніемъ книгъ; кромѣ того, П. нѣкоторое время былъ редакторомъ замѣчательнаго академическаго изданія — журнала «Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія» (въ 1795 и 1796 г.), принималъ участіе въ предпринятомъ Академіею Наукъ изданіи Русскихъ лѣтописей, читалъ лекціи въ Академическихъ университетѣ и гимназіи, экзаменовалъ студентовъ и гимназистовъ и, какъ врачъ, лѣчилъ ихъ. Всѣ эти обязанности отвлекали П. отъ разработки чисто-научныхъ вопросовъ, къ которымъ его всегда влекло и планы которыхъ, постоянно зарождаясь, не осуществлялись на дѣлѣ; вотъ почему число оригинальныхъ работъ П. не велико. Избранный 8-го апрѣля 1771 г. ординарнымъ академикомъ по каѳедрѣ анатоміи, П. 21-го октября 1783 г., при учрежденіи Россійской Академіи, избранъ былъ дѣйствительнымъ ея членомъ и принималъ участіе въ составленіи «Словопроизводнаго Словаря Академіи Россійской», объясняя слова, относящіяся къ анатоміи, къ болѣзнямъ и книгопечатанію, постоянно участвуя въ преніяхъ по связаннымъ съ изданіемъ «Словаря» вопросамъ и будучи однимъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей собраній Россійской Академіи. П. скончался въ Петербургѣ 5-го мая 1796 г., въ чинѣ надв. совѣтника (съ 1779 г.); онъ погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Работы П. слѣдующія: 1) «Ясное показаніе и основательное представленіе о анатоміи живописцевъ, сообщено отъ І. Д. Прейслера, нирнбергской живописнаго художества академіи директора», С.-Пб., при Импер. Акад. Наукъ, 1749; переводъ П. сдѣланъ подъ наблюденіемъ Ломоносова; 2) описаніе сайги (ibex imberbis), на латинскомъ языкѣ, помѣщенное въ «Novi commentarii Academiae Saientiarum Imp. Petropolitanae» 1761, t. VII, p. 40—45; 3) «Exercitatio anatomico-physiologica de actione ventriculi humani in ingesta, quam praeside supremo numine, consentiente gratiosa facultate medica, loco speciminis inauguralis pro licentia gradum doctoris ipsique annexa privilegia rite ac legitime consequendi, solenni eruditorum examini subjecit Alexius Protasow, Petropolitano-Russus, Imp. Acad. Sci. Petropol. adjunctus. Die X junii anno MDCCLXIII. Argentorati», 4°; то-же, С.-Пб. 1763; 4) «Домашній лѣчебникъ, или простой способъ лѣченія, сочиненъ Христіаномъ Пекеномъ..., а по аппробаціи Госуд. Медицинской Коллегіи на Россійскій языкъ переведенъ Ал. Протасовымъ...», С.-Пб. 1765, съ многочисленными и довольно пространными примѣчаніями самого Протасова; изд. 2-е, С.-Пб. 1766; 5) «Способъ, какъ сельскимъ обывателямъ пользовать себя въ воспѣ», соч. Хр. Пекена, перев. въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества» 1766 г., ч. II, стр. 220—266 и отд. изд., съ предъизвѣщеніемъ П-ва, С.-Пб. 1766; 6) переводъ съ франц. яз. 4-й части «Всеобщей и частной естественной исторіи графа де-Бюффона», изданной Академіею Наукъ, С.-Пб. 1792, изд. 2-е, С.-Пб. 1797; 7) подъ смотрѣніемъ П. и акад. Котельникова издана Академіею «Русская лѣтопись съ Воскресенскаго списка....», 2 ч., С.-Пб. 1793—1794.

М. И. Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», вып. III, С.-Пб. 1876; Матеріалы для исторіи Имп. Акад. Наукъ», т. IV—X; «Протоколы Конференціи Имп. Акад. Наукъ», т. I—III и Протоколы Конференціи за 1796 г. (подъ 5-мъ мая); В. М. Рихтеръ, «Исторія медицины въ Россіи», ч. III, М. 1820, стр. 490; Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. II, С.-Пб. 1886; A. Hirsch, «Lexicon der hervorragenden Aerzte», Bd. IV, Wien. 1886.

Протасовъ, *Григорій Григорьевичъ*, сенаторъ; сынъ капитана Преображенскаго полка Григорья Леонтьевича П. (ум. въ 1743 г.), въ службѣ находился съ 1743 г.; будучи въ 1762 г. поручикомъ л.-гв. Преображенскаго полка, П. оказался въ числѣ

первыхъ пособниковъ Императрицы Екатерины II при восшествіи ея на престолъ, хотя въ происшествіи 28-го іюня не игралъ видной роли, въ событія же эти былъ вовлеченъ Орловыми, съ которыми состоялъ въ дальнемъ родствѣ. 3-го августа 1762 г. ему были Высочайше пожалованы 800 душъ въ Брянскомъ уѣздѣ. Императрица и впослѣдствіи не переставала взыскивать его своими милостями, хотя онъ ничѣмъ особеннымъ себя не проявлялъ. Такъ, 22-го сентября того же 1762 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ слѣдующемъ году, 11-го декабря, былъ назначенъ къ присутствованію въ Главномъ Магистратѣ въ Москвѣ, а 11-го мая 1765 г. назначенъ президентомъ этого учрежденія, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Состоя въ этой должности, онъ въ 1771 г. былъ въ числѣ членовъ суда надъ Пугачевымъ. Въ томъ же году, по предложенію П-ва, была во время чумы въ Москвѣ составлена стража изъ купцовъ, въ которой, однако, за прекращеніемъ эпидеміи и связанныхъ съ нею волненій, надобности не оказалось. 29-го сентября 1768 г. пожалованный въ дѣйствительные камергеры, П. 21-го апрѣля 1773 г. назначенъ былъ сенаторомъ; 26-го апрѣля того же года ему повелѣно было присутствовать въ 4-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, 15-го сентября 1774 г. — въ 6-мъ, а 19-го октября 1775 г. — въ 5-мъ. Получивъ въ 1777 г. орденъ св. Анны 1 ст., П. 20-го февраля 1779 г. уволенъ былъ отъ всѣхъ дѣлъ и скончался, въ чинѣ тайнаго совѣтника, въ 1784 году.

Формуляръ; «Русск. Арх.» 1864 г., ст. 402 (изъ «С.-Пб. Вѣд.» 1762 г.); 1867 г., ст. 487; «Осьмнадцатый вѣкъ», кн. 3, стр. 344; «Русск. Стар.» 1876 г., т. 17, стр. 204; «Ист. Вѣстн.» 1884 г., т. 15, стр. 256, 257; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга, т. II; «Сборн. Импер. Русск. Историч. Общ.», т. VII и XLII; Статскій календарь на 1765 г.; Д. Н. Бантышъ-Каменскій, Историч. собраніе списковъ кавалерамъ четырехъ росс. орденовъ, М. 1814, стр. 317.

Протасовъ, *Илья Васильевичъ*, адъюнктъ-профессоръ Московскаго Университета; происходилъ изъ духовнаго званія, умеръ въ концѣ 1850-хъ — началѣ 1860-хъ годовъ; учился до 1820 г. въ Московской Семинаріи, въ 1822 году поступилъ въ Московскій Университетъ своекоштнымъ студентомъ, въ 1824 и 1826 годахъ получилъ двѣ серебряныя медали за лучшія сочиненія на медицинскія темы, въ 1827 году, оканчивая курсъ, выдержалъ экзамены на степень доктора медицины, затѣмъ практиковалъ въ больницѣ для бѣдныхъ Московскаго Воспитательнаго Дома, а 4-го марта 1831 года защитилъ диссертацію и утвержденъ въ степени доктора медицины. Въ январѣ слѣдующаго года П. былъ опредѣленъ помощникомъ профессора при Клиническомъ Институтѣ внутреннихъ болѣзней, 24-го февраля 1834 года ему поручено было преподаваніе анатоміи и физіологіи, 7-го марта онъ утвержденъ адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ сравнительной анатоміи и физіологіи и съ 1834/5 учебнаго года преподавалъ эти предметы студентамъ 2-го курса. Въ 1834 году П. былъ утвержденъ секретаремъ врачебнаго отдѣленія Университета, въ январѣ 1836 года выбылъ изъ Университета «за реформою», какъ оставшійся сверхъ штата, и занимался практикою. П. напечаталъ слѣдующіе научные труды: «De peritonitide», дисс. на степ. д-ра мед., М. 1831; «De cura aegrotum: praelectio», М. 1835 г.; то-же, по-русски; «Объ ученіи клиническомъ», М. 1835 г., «О потребностяхъ, со стороны врача, сціентифическихъ и практическихъ» — «Учен. Зап. Моск. Унив.» 1836 г.; «De natura vim medicandi», М. 1838; то-же по-русски: «О цѣлительномъ дѣйствіи натуры», М. 1838 г., и статья: «Родильная лихорадка» — «Другъ Здравія» 1839 г., № 46.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. II, С.-Пб. 1886 г.; Біогр. словарь профессоровъ и преподавателей Моск. Университета, ч. II, М. 1855 г., стр. 323 (автобіографія); Л. Ѳ. Змѣевъ, Словарь врачей, получившихъ степень доктора мед. (и хир.) въ Моск. Унив., С.-Пб. 1885 г.

Н. Кульбинъ.

Протасовъ, графъ *Николай Александровичъ*, генералъ-адъютантъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, членъ Государственнаго Совѣта и Главнаго Правленія Училищъ; родился въ Москвѣ 27-го декабря 1798 г., умеръ въ С.-Петербургѣ 16-го января 1855 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ; былъ сыномъ д. т. с., сенатора Александра Яковлевича П. и Варвары Алексѣевны, урожденной Бахметевой, послѣ смерти мужа

возведенной въ графское достоинство; воспитаніе получилъ домашнее и 3-го декабря 1817 г. поступилъ въ лейбъ-гв. гусарскій полкъ юнкеромъ, а 17-го апрѣля 1819 г. назначенъ былъ въ должность адъютанта къ ген.-адъют. Васильчикову; въ 1828 г. графъ П. принималъ участіе въ Турецкой войнѣ и былъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ этой кампаніи (у г. Янибазара и др. мѣстъ) съ 8-го іюля по 20-е августа. Въ 1831 году онъ находился въ походахъ въ Царствѣ Польскомъ, откуда по Высочайшему повелѣнію возвратился въ Петербургъ. За отличіе въ разныхъ сраженіяхъ противъ турокъ графъ П. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степ. съ бантомъ. 24-го декабря 1830 г. назначенный адъютантомъ къ ген.-адъют. графу Бенкендорфу, графъ П. 21-го января 1831 г. опредѣленъ былъ адъютантомъ-же къ генер.-фельдмаршалу гр. Дибичу-Забалканскому и за отличіе въ сраженіяхъ во время польскаго мятежа былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. Съ 7-го іюля 1831 г. онъ былъ флигель-адъютантомъ Его Величества и за отличіе при взятіи Варшавы былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й ст. (18-го сентября 1831 года). Затѣмъ карьера гр. Протасова направилась въ другую сторону — онъ перешелъ изъ военной въ гражданскую службу: 28-го февраля 1834 года, въ чинѣ полковника лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, онъ назначенъ былъ членомъ Главнаго Правленія Училищъ и Членомъ Комитета по устройству учебныхъ заведеній, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ. 10-го марта 1834 года ему Высочайше повелѣно было присутствовать въ Главномъ Управленіи Цензуры, а 16-го апрѣля 1835 г. онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія. 22-го іюля того же года назначенный членомъ въ составленный, съ Высочайшаго соизволенія, подъ предсѣдательствомъ Министра Народнаго Просвѣщенія Комитетъ для возвратившихся изъ Германіи русскихъ ученыхъ, графъ П. 9-го октября 1835 г. получилъ въ свое ближайшее наблюденіе Главный Педагогическій Институтъ и Румянцовскій Музей, 4-го ноября того же года ему было поручено обозрѣніе учебныхъ заведеній Бѣлорусскаго Учебнаго Округа, а 11-го декабря того же года ему поручено было завѣдываніе тѣмъ же Учебнымъ Округомъ. Въ званіи Товарища Министра П. объѣхалъ весь Западный Край съ цѣлью ознакомленія съ характеромъ воспитанія юношества и въ особенности — съ положеніемъ духовно-учебныхъ заведеній, а также для ознакомленія на мѣстѣ съ бытомъ молодыхъ людей, предназначавшихся въ духовное званіе. Наиболѣе замѣтными послѣдствіями этого обозрѣнія Западнаго Края было отдѣленіе воспитанниковъ-уніатовъ отъ католиковъ, затѣмъ переводъ Виленской римско-католической Духовной Академіи въ С.-Петербургъ и учрежденіе въ Жировицкомъ монастырѣ (близъ г. Слонима) особой Уніатской Семинаріи. 24-го февраля 1836 г. возложены были на графа обязанности Синодальнаго оберъ-прокурора и Члена Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, съ увольненіемъ отъ должности завѣдывающаго Главнымъ Педагогическимъ Институтомъ и Румянцовскимъ Музеемъ. 25-го іюня того же года онъ былъ утвержденъ оберъ-прокуромъ св. Синода, съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта, и уволенъ отъ исправленія должности Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, хотя впослѣдствіи ему нѣсколько разъ приходилось исполнять обязанности управляющаго этимъ Министерствомъ (съ 18-го іюля по 27-го декабря 1837 г., съ 12-го августа по 29-е сентября 1838 г., съ 12-го октября по 16-е ноября 1839 г. и съ 4-го августа по 14-е ноября 1840 г.). — 14-го апрѣля 1840 г. графъ П. пожалованъ былъ въ генералъ-адъютанты.

Съ 5-го іюня по 12-е іюля 1840 г., по случаю отъѣзда Министра изъ Петербурга, графъ П. предсѣдательствовалъ въ Главномъ Управленіи Цензуры и завѣдывалъ вообще цензурной частію, а съ 20-го іюня по 28-е сентября 1844 г. исполнялъ разныя Высочайше на него возложенныя порученія по Духовному Вѣдомству и посѣщалъ разныя епархіи.

11-го апрѣля 1848 г. произведенный въ генералъ-лейтенанты, графъ П. 25-го февраля 1850 г. уволенъ былъ отъ присутствованія въ Главномъ Управленіи Цензуры, а 13-го марта того же года, по поводу закрытія Комитета устройства учебныхъ заведеній, выбылъ изъ должности Члена этого Комитета.

Получивъ утвержденіе въ должности синодальнаго оберъ-прокурора, графъ Протасовъ сталъ усердно слѣдовать той же политикѣ въ отношеніи къ св. Синоду, какой придерживался и его предшественникъ, С. Д. Нечаевъ. 1-го августа 1836 г. онъ представилъ Государю обширный докладъ, въ которомъ обстоятельно выяснилъ какъ крайнее разнообразіе постепенно осложнявшихся обязанностей синодальнаго оберъ-прокурора, такъ и совершенную недостаточность тѣхъ средствъ, какими онъ могъ располагать для успѣшнаго отправленія службы. Для устраненія всѣхъ неудобствъ, найденныхъ имъ, онъ проектировалъ, упразднивъ не удовлетворявшую своему назначенію прежнюю оберъ-прокурорскую канцелярію, существовавшую при Синодѣ, учредить особую канцелярію при самомъ оберъ-прокурорѣ, составленную согласно выработанному имъ штату.

Гр. Протасовъ нашелъ также нужнымъ ввести преобразованія въ хозяйственную, экономическую отрасль церковнаго управленія, для чего и представилъ Государю докладъ о необходимости образованія при Синодѣ новаго учрежденія — Хозяйственнаго Комитета. Гр. Протасовъ проектировалъ выдѣлить изъ вѣдѣнія Синода всѣ экономическія, хозяйственныя дѣла и сосредоточить ихъ въ новомъ, спеціальномъ учрежденіи, хотя и существующемъ при Синодѣ, но уже непосредственно подчиненномъ оберъ-прокурору. Постепенно расширяя кругъ дѣлъ, подлежавшихъ непосредственному распоряженію Синода, прокуратура, въ лицѣ гр. Протасова, получила возможность еще болѣе усилить свой контроль и надъ самою дѣятельностью высшаго органа церковнаго управленія.

Образованіемъ спеціальной оберъ-прокурорской канцеляріи, учрежденіемъ при Синодѣ Хозяйственнаго комитета, состоявшаго исключительно изъ однихъ чиновниковъ, непосредственно подчиненныхъ оберъ-прокурору, и назначеніемъ въ синодальную канцелярію директора, въ лицѣ новаго чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ, были уже оказаны очень значительныя услуги стремленіямъ прокуратуры подчинить своему вліянію всю систему церковнаго управленія. Но Протасовъ не удовлетворился первыми опытами преобразовательной дѣятельности и въ скоромъ времени успѣлъ окончательно завершить, въ задуманномъ направленіи, процессъ постепеннаго реформированія высшей церковной администраціи, начавъ съ наиболѣе важнаго учрежденія — св. Синода. Результатомъ произведенныхъ преобразованій явилось значительное ускореніе пропзводства всѣхъ дѣлъ по всему духовному вѣдомству. Какъ ни значительны были, по взгляду оберъ-прокурора, результаты произведенныхъ имъ преобразованій, однако они нисколько не затрогивали организаціи управленія учебными заведеніями синодальнаго вѣдомства, находившимися въ вѣдѣніи особой Коммиссіи духовныхъ училищъ, и не вносили въ нее никакихъ улучшеній. Сознавая это, Протасовъ признавалъ необходимымъ упраздненіе этой коммиссіи и передачу всѣхъ ея учебныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе новаго учрежденія, организованнаго при Синодѣ по типу уже ранѣе открытаго Протасовымъ Хозяйственнаго Комитета.

1-го марта 1839 г. были Высочайше утверждены всѣ эти проекты Протасова и посланы указы Синоду объ упраздненіи Коммиссіи духовныхъ училищъ, а также положеніе о Духовно-Учебномъ Управленіи при св. Синодѣ, Положеніе о хозяйственномъ управленіи и указъ Сенату о соединеніи отдѣленій духовныхъ дѣлъ православнаго и греко-уніатскаго исповѣданій съ канцеляріей синодальнаго оберъ-прокурора. Благодаря этому, преобладающее вліяніе на всю систему церковнаго управленія окончательно упрочилось за оберъ-прокуроромъ и поставило его въ положеніе министра духовнаго вѣдомства, такъ какъ реформа 1-го марта 1839 г. сосредоточила дѣйствительное завѣдываніе всѣми дѣлами синодальнаго вѣдомства въ четырехъ организованныхъ или значительно преобразованныхъ центральныхъ учрежденіяхъ, хотя ранѣе и существовавшихъ при св. Синодѣ, но теперь находившихся подъ главнымъ начальствомъ оберъ-прокурора. И самъ Протасовъ приравнивалъ подчиненныя ему главныя центральныя учрежденія къ департаментамъ министерствъ и стремился поставить ихъ директоровъ въ одинаковое положеніе съ управляющими министерскими департаментами. Благодаря своимъ реформамъ, Протасовъ, «облегчившій бремя правленія Си-

нода» распредѣленіемъ разнообразныхъ дѣлъ духовнаго вѣдомства между организованными имъ департаментами, пріобрѣлъ преобладающее вліяніе на весь ходъ церковной жизни и на всю систему духовнаго управленія, а св. Синодъ поставилъ въ такое положеніе, при коемъ онъ принужденъ былъ окончательно примириться съ утратою своего прежняго значенія и съ необходимостью во всемъ подчиняться вліянію представителя государственной власти въ церковномъ управленіи. Однако, надо замѣтить, что, какъ ни велико было значеніе графа Протасова въ сферѣ церковной жизни и какъ ни сильна была фактическая зависимость духовенства отъ прокуратуры, все же и при немъ въ средѣ высшей іерархіи находились отдѣльныя личности, рѣшавшіяся, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не измѣнять своимъ убѣжденіямъ въ угоду взглядамъ и желаніямъ всесильнаго оберъ-прокурора, какъ, напр., Московскій митрополитъ Филаретъ, духовникъ Императора Николая I Музовскій и другіе.

Гр. Протасовъ широко пользовался преимуществами своего положенія и, всегда дѣйствуя отъ имени верховной власти, одобрявшей его многочисленные доклады и тѣмъ самымъ обязывавшей Синодъ руководиться высказанными въ докладахъ взглядами оберъ-прокурора, не только оказывалъ сильное вліяніе на различныя стороны церковной жизни, но и фактически сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ все дѣйствительное управленіе духовнымъ вѣдомствомъ, оставляя на долю высшаго церковнаго учрежденія дѣятельность подчиненнаго административнаго органа, поставленнаго въ необходимость во всемъ сообразоваться съ указаніями оберъ-прокурора. Наиболѣе типичный примѣръ такого положенія, занятаго въ сферѣ церковнаго управленія св. Синодомъ и его оберъ-прокуроромъ, даетъ намъ предпринятое, по иниціативѣ гр. Протасова, преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній и стремленіе правительства утвердить все воспитаніе духовнаго юношества на новыхъ началахъ. И въ данной области, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ церковнаго управленія, св. Синодъ былъ поставленъ въ необходимость проводить въ практическую жизнь не собственные взгляды на цѣли и задачи духовнаго образованія, а идеи оберъ-прокурора, такъ какъ графъ Протасовъ, посредствомъ установленныхъ докладовъ, предварительно знакомилъ съ ними самого Государя и обыкновенно успѣвалъ вызывать сочувствіе его къ своимъ взглядамъ и одобреніе задуманныхъ преобразованій. Благодаря такому положенію графа Протасова, члены Синода, въ случаѣ проявленія личной самостоятельности, часто подвергались непріятнымъ для себя послѣдствіямъ. Такимъ образомъ, постепенно и безъ особенной борьбы, гр. Протасовъ окончательно завершилъ процессъ постепеннаго подчиненія синодальнаго управленія вліянію оберъ-прокурора и, пользуясь неизмѣннымъ расположеніемъ и безусловнымъ довѣріемъ императора Николая I, удержалъ за прокуратурой пріобрѣтенное значеніе до самаго конца своей жизни.

Графъ Н. А. Протасовъ былъ женатъ на княжнѣ Натальѣ Дмитріевнѣ Голицыной (род. въ Москвѣ 28-го іюня 1803 г.), дочери Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицина; съ 23-го апрѣля 1861 г. она была статсъ-дамой, а 25-го февраля 1865 г. пожалована была оберъ-гофмейстериной при Государынѣ Императрицѣ и скончалась въ Петербургѣ 17-го февраля 1880 г. (погребена она съ мужемъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ).

Ѳ. В. Благовидовъ, «Оберъ-прокуроры св. Синода въ XVIII и въ половинѣ XIX ст.», изд. 2-е, стр. 417—442; А. Чистовичъ, «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія», С.-Пб. 1894 г.; Ф. Исмайловъ. Воспоминанія («Странникъ» 1882 г., кн. 9); Переписка Филарета митр. моск. съ С. Д. Нечаевымъ; Собраніе отзывовъ и мнѣній митр. Филарета; Собраніе писемъ митр. Филарета къ Высоч. особ. и др. лицамъ, ч. II; «Письма митр. Филар. къ А. Н. Муравьеву»; Н. И. Барсовъ, Св. Синодъ въ его прошломъ, стр. 351—4; Д. Ростиславовъ, С.-Пбургская Духовная Академія при гр. Протасовѣ; Преображенскій, Отечественная церковь; Записки жандарма съ 1837—1843 г. (А. И. Ломачевскаго)—«Вѣстн. Евр.» 1872; Н. Г. Устряловъ, Отрывки изъ воспоминаній о моей жизни — «Нов. Вр.» 1872, № 35; Письмо А. Н. Муравьева къ Протасову — «Русск. Арх.» 1876, № 10, стр. 170—174; Письмо митр. Филарета къ гр. Протасову—«Рус. Арх. 1876, № 10, стр. 175—177; «Distinguished Persons in Russian Society». Translated from the german, by F. F. Bunnet. London, 1873; Н. Лѣсковъ. Синодальныя персоны — «Ист. Вѣстн.» 1882, кн. XI, стр. 373—409; «Русск. Архивъ» 1878, кн. III, стр. 522—524; «Вѣстн. Европы» 1883, №№ 7, 8, 9; «Москов. Вѣдом.»

1867, № 174; «Чт. въ Общ. Истор. и Др. Рос.» 1868, № 4, стр. 20—51; «Русск. Стар.» 1895, т. LXXXVIII, іюнь, стр. 170; «Русск. Арх.» 1879, кн. II, стр. 270; «Новое Вр.» 1902, отъ 12 іюля, ст. С. Смирновой; «Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ.», т. 113, ч. I—II; «Христ. Чтеніе» 1898, № 7, стр. 91—95; «Мѣсяцесловъ» 1856, стр. 254; Переписка митр. Филарета съ гр. Протасовымъ—«Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.» 1877, I, стр. 121—124; «Русск. Архивъ» 1873, стр. 2348, 2351; формулярный списокъ; Кн. Н. Н. Голицынъ, Словарь русскихъ писательницъ, С.-Пб. 1889, стр. 201—202 (о графинѣ Н. Д. Протасовой).

Н. Редько.

Протасовъ, *Петръ Степановичъ*, генералъ-поручикъ, сенаторъ; род. 1-го іюля 1730 г., ум. 19-го іюля 1794 г. (сынъ слѣдующаго); двоюродный племянникъ князя и графовъ Орловыхъ; записанный въ службу 30-го января 1736 г., онъ въ томъ же году, т. е. шести-лѣтнимъ мальчикомъ, участвовалъ, какъ значится въ его послужномъ спискѣ, въ командахъ и посылкахъ во время похода противъ возставшихъ башкирцевъ, 18-го января 1737 г. произведенъ былъ въ прапорщики и затѣмъ участвовалъ, находясь, вѣроятно, при отцѣ, въ походѣ въ Турецкую войну 1737, 1738 и 1739 гг. и состоялъ въ особой «знатной» командѣ и конвоѣ при посольской персидской свитѣ въ Персію къ русской границѣ. 28-го мая 1739 г. П. былъ произведенъ уже въ капитаны, а 17-го апрѣля 1763 г. получилъ чинъ полковника. Въ 1767 г. П. выбранъ былъ депутатомъ отъ Мценскаго уѣзда въ Екатерининскую Коммиссію о сочиненіи Новаго Уложенія. Участвуя съ 10-го іюля по 9-е сентября 1768 г. въ засѣданіяхъ Коммиссіи по разбору проэкта правъ благородныхъ, онъ присоединился къ мнѣнію о вредѣ для Россіи освобожденія крестьянъ, и когда, при обсужденіи порядка разсмотрѣнія проэкта, мнѣнія депутатовъ рѣзко раздѣлились, присоединился къ мнѣнію депутата кн. Вяземскаго, предлагавшаго, предварительно обсужденія, просить Императрицу объ учиненіи разбора дворянамъ, каковымъ и руководствоваться при разсмотрѣніи проэкта. Въ 1768 г., уже въ чинѣ бригадира, П. командовалъ Московскимъ карабинернымъ полкомъ. Въ 1769 г. онъ находился у прикрытія батареи подъ Хотиномъ (19-го апрѣля) и былъ въ сраженіи тамъ же противъ подступавшаго къ Хотину непріятельскаго подкрѣпленія (21-го апрѣля). 20-го іюня 1769 г. уволенный тѣмъ же чиномъ отъ службы по болѣзни, П. 26-го сентября 1778 г. былъ назначенъ исправлять должность (въ которой затѣмъ былъ утвержденъ) правителя Новгородскаго намѣстничества, гдѣ прослужилъ до 28-го іюня 1782 г., будучи 5-го мая 1779 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Съ 1782 г. по 22-е сентября 1792 г. П. состоялъ правителемъ Калужскаго намѣстничества и въ это время награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 ст. (1785 г.) и произведенъ въ генералъ-поручики (1786 г.), а 22-го сентября 1792 г. назначенъ сенаторомъ для присутствованія въ 6-мъ его департаментѣ; скончался 19-го іюля 1794 г.

«Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», т. XXXII, стр. 234, 260, 289 и 622; Описаніе Архива Морскаго Министерства, т. IV, стр. 797; Губернскій служебникъ кн. Туркестанова, изд. 1869 г., стр. 117, кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга, т. II, С.-Пб. 1895 г., стр 144; Дѣла Сенатскаго Архива; Формулярный списокъ; «Русская Старина», т. IV, стр. 398—399 и т. VII, стр. 175; «Русскій Архивъ» 1873 г., стр. 10.

П. Клокачевъ.

Протасовъ, *Степанъ Федоровичъ*, сенаторъ, сынъ стольника Федора Яковлевича П.; родился 15-го декабря 1703 г. На смотру боярскихъ дѣтей въ 1715 г., по повелѣнію Петра Великаго, П. былъ записанъ въ солдаты въ Ингерманландскій пѣхотный полкъ, въ которомъ прослужилъ около 17 лѣтъ. За этотъ періодъ времени онъ участвовалъ въ войнѣ со Швеціей, состоя подъ командой кн. Голицына; въ 1732 г. перейдя въ Ладожскій полкъ, въ чинѣ поручика, П. въ слѣдующемъ году, находясь съ войсками въ Польшѣ, участвовалъ при взятіи Варшавы, а въ 1736 г. былъ въ Очаковскомъ походѣ, въ должности провіантмейстера при фельдмаршалѣ Минихѣ. По окончаніи Турецкой войны, П. вышелъ въ отставку (1740 г.) и съ чиномъ коллежскаго ассессора назначенъ былъ Новгородскимъ Губернскимъ Прокуроромъ; въ этой должности онъ пробылъ вплоть до назначенія своего прокуроромъ Юстицъ-Коллегіи (1753 г.). Произведенный, 28-го ноября 1762 г., въ д. с. с., П. былъ назначенъ присутствующимъ въ Сенатской конторѣ и Главнымъ Судьей въ Главной Соляной Конторѣ, въ Москвѣ, а 23-го января 1764 г., по раздѣленіи Сената на Департаменты, П. повелѣно

было присутствовать въ 6-мъ, Московскомъ его Департаментѣ. П. скончался въ Москвѣ 16-го мая 1767 г. Онъ былъ лично извѣстенъ Императрицѣ, такъ какъ (вторымъ бракомъ) былъ женатъ на Анисіи Никитичнѣ Орловой (р. 1721 г., ум. 1775 г.), двоюродной сестрѣ князя и графовъ Орловыхъ; въ 1763 г. Императрица поручила ему, вмѣстѣ съ двумя другими лицами, разсмотрѣть дѣло о злоупотребленіяхъ слѣдователя по виннымъ подрядамъ въ Иркутскѣ, П. Крылова, которое ее сильно занимало. Изъ дочерей П.: *Анна*, фрейлина (см. выше), въ 1801 г. получила графскій титулъ, а *Екатерина* была также фрейлиной и умерла въ глубокой старости 20-го марта 1840 г.

Сенатскій Архивъ и Архивъ Минист. Юстиціи; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга, т. II, С.-Пб. 1895, стр. 143; «Русск. Архивъ» 1895, кн. I, стр. 412; «Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества», т. VII и XXVIII; «Статской списокъ 1765 г.»; «Архивъ кн. Воронцова», т. XVI.

Протасовъ, *Яковъ Яковлевичъ*, генералъ-поручикъ, родился 19-го ноября 1713 года въ семьѣ маіора Кіевскаго гарнизона Якова Юдича Протасова, впослѣдствіи бывшаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и совѣтникомъ генералъ-кригсъ-коммиссаріатской конторы. 13-го мая 1732 года П. былъ отданъ въ Шляхетный Кадетскій Корпусъ, черезъ четыре года (въ 1736 году) былъ назначенъ капраломъ, а въ 1737 году получилъ чинъ подпрапорщика. По окончаніи курса наукъ, въ декабрѣ 1739 года П., въ чинѣ подпоручика, опредѣлился въ Воронежскій гарнизонъ и въ іюнѣ 1740 года былъ произведенъ въ поручики; 10-го іюня 1742 года онъ получилъ званіе флигель-адъютанта, 28-го ноября 1749 г. произведенъ былъ въ премьеръ-маіоры, а 11-го сентября 1752 года—въ подполковники. Черезъ два года (24-го февраля 1754 г.) Протасовъ былъ назначенъ генералъ-вагенмейстеромъ, то-есть, начальникомъ обоза.

Въ чинѣ полковника (полученномъ имъ къ Рождеству 1755 года) Воронежскаго пѣхотнаго полка, П. принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ. 19-го августа 1757 года онъ былъ въ сраженіи при Гроссъ-Эгерсдорфѣ, а 14-го августа 1758 года — при Фюрстенфельдѣ, гдѣ получилъ контузію въ спину и рану въ правую руку и вообще такъ расшаталъ во время кампаніи свое здоровье, что въ 1759 году принужденъ былъ подать прошеніе объ отставкѣ, разсмотрѣвъ которое главнокомандующій Арміей, генералъ-аншефъ графъ Ферморъ нашелъ, что вслѣдствіе неизлѣчимыхъ болѣзней и слабости Протасовъ неспособенъ къ несенію полевой и гарнизонной службы, «при штатскихъ же дѣлахъ служить еще можетъ», и отправилъ его, наградивъ при отставкѣ чиномъ генералъ-маіора (16-го апрѣля 1759 г., минуя бригадирскій чинъ), въ Государственную Военную Коллегію, которая назначила его членомъ въ Главномъ Кригсъ-Коммиссаріатѣ, а затѣмъ — присутствующимъ въ Военной Конторѣ въ Москвѣ; 21-го апрѣля 1773 г. П. былъ произведенъ въ генералъ-поручики.

Въ 1774 году Протасовъ, вмѣстѣ съ другими семью генералъ-поручиками, присутствовалъ при судѣ надъ Емельяномъ Пугачевымъ; среди подписавшихъ сентенцію о четвертованіи Пугачева, находится и его имя. Протасовъ скончался 5-го октября 1779 г. въ Москвѣ, гдѣ и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

«Сенатскій Архивъ», т. III, стр. 153 и т. V, стр. 19, 95; 229; П. О. Дубровинъ, Пугачевъ и его сообщники, С.-Пб. 1884 г., т. III, стр. 359; П. П. Глиноецкій, Исторія Русскаго Генеральнаго Штаба (1698—1825), С.-Пб. 1883 г., т. I, стр. 383; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга, т. II, С.-Пб. 1895 г., стр. 143 и 144; «Русскій Архивъ» 1877 г., кн. 2-я, стр. 265; «Историческій Вѣстникъ» 1885 г., т. XX, апрѣль, стр. 22; послужной списокъ въ Моск. Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба; Н. Шильдеръ Исторія Императора Александра I, т. I, стр. 44; Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ, М. 1792. ч. IV, стр. 128; Именной списокъ..... кадетамъ. С.-Пб. 1761, стр. 59; «С.-Петерб. Вѣдом.» 1756 г., № 7; Списокъ Воинскому Департаменту.... на 1776 г., стр. 5.

Протасьевъ, *Александръ Петровичъ*, окольничій, младшій братъ стольника и воеводы въ Верхотурьѣ (1695—1698) *Дмитрія Петровича* Протасьева. Со званіемъ стряпчаго упоминается въ боярскихъ книгахъ еще подъ 1667—68 годомъ. Въ 1674 году, будучи стряпчимъ, находился наго сударевомъ дворѣ, гдѣ, разссорившись съ другимъ стряпчимъ И. М. Хрущовымъ, прошибъ ему кирпичемъ голову. Государь назначилъ разслѣдованіе по этому дѣлу, а

затѣмъ вышелъ приговоръ: «вмѣсто кнута бить батоги безщадно», причемъ государь дозволилъ обиженному Хрущову съ Протасьева «доправить безчестія вчетверо». Въ 1676 году Протасьевъ былъ уже стольникомъ, а въ 1678 году участвовалъ во встрѣчѣ польскаго посла кн. Мих. Чарторижскаго, будучи «головою у жильцовъ». Затѣмъ многократно онъ былъ назначаемъ слѣдовать за государемъ въ его «походахъ на богомолье». Въ 1682 г., будучи стольникомъ, онъ, въ день бракосочетанія царя Ѳеодора Алексѣевича «смотрѣлъ въ кривой столъ». Въ 1686 году, все еще будучи стольникомъ, П. отправленъ былъ на воеводство въ Сибирь, въ «Мангазею, на Туруханѣ», гдѣ пробылъ до 1690 г. По пріѣздѣ въ Москву, онъ вскорѣ, судя по боярскимъ книгамъ, былъ сдѣланъ думнымъ дворяниномъ, затѣмъ, въ 1691 году, 15-го ноября назначенъ въ Владимірскій Судный Приказъ и въ это же время получилъ окольничество. Въ 1694 г., осенью, П. принималъ участіе въ такъ называемомъ «Кожуховскомъ походѣ», устроенномъ «для потѣхи» Петромъ Великимъ; Протасьевъ во время этого «похода» былъ въ арміи «Польскаго короля» боярина Ив. Ив. Бутурлина. Въ 1696 году Протасьевъ получилъ, какъ начальникъ Владимірскаго Суднаго Приказа, высокое порученіе. Желая завести флотъ для Чернаго Моря (передъ Азовскимъ походомъ), Государь рѣшилъ средства, собиравшіяся на кораблестроеніе, изъ Помѣстнаго Приказа перевести въ Владимірскій Судный Приказъ; для увеличенія же средствъ на постройку повелѣлъ образовать особыя товарищества («кумпанства») съ общею между членами складчиной. На средства складчины эти товарищества должны были строить корабли и слѣдить за ихъ постройкою. Какъ корабли кумпанствъ, такъ и корабли, строившіеся на казенныя средства, приказано было строить въ Воронежѣ, на особо устроенныхъ для того верфяхъ. 18-го декабря 1696 г. вышелъ указъ Протасьеву, какъ начальнику Владимірскаго Приказа, сдѣлаться главнымъ распорядителемъ по постройкѣ кораблей кумпанскихъ и казенныхъ, при чемъ ему указано было «быть на Воронежѣ у корабельнаго дѣла»; сообразно съ такимъ важнымъ назначеніемъ, Протасьевъ получилъ особое, новое, впервые данное ему, званіе «адмиралтейца», т. е. завѣдующаго адмиралтействомъ. На обязанность адмиралтейца было возложено: составленіе росписей, отводъ лѣсовъ, нужныхъ, какъ матерьялъ для постройки, и наблюденіе за самой постройкой; 28-го декабря была дана Протасьеву инструкція, состоявшая только изъ 4-хъ пунктовъ, но предусматривавшая все, до самыхъ ничтожныхъ мелочей. Къ постройкѣ кораблей приступлено было весной 1697 г., но дѣло шло очень медленно. Петръ Великій торопилъ съ постройкой и, начиная терять терпѣніе, 25-го августа издалъ указъ, въ которомъ было сказано, что если къ 1-му сентября суда не будутъ заложены, то тѣмъ людямъ будетъ учинено жестокое наказаніе. Строгій указъ, однако, не ускорилъ дѣла, и срокъ окончанія постройки былъ государемъ отдаленъ. Несмотря на то, что лучшее для построекъ время (лѣто) было упущено, П. питалъ надежду на окончаніе хотя бы значительной части кораблей къ веснѣ. Боясь, какъ бы, узнавъ объ отсрочкѣ, кумпанства не запустили совсѣмъ постройку кораблей, Протасьевъ имъ даже не объявлялъ объ отсрочкѣ, и флотъ былъ выстроенъ, хотя, по общему признанію, очень плохо. Такимъ образомъ, Протасьевъ не оправдалъ возложеннаго на него довѣрія; къ тому же, стали открываться темныя стороны дѣятельности П-ва, и слухи о злоупотребленіяхъ его самого и ближайшихъ его подчиненныхъ стали доходить до государя, который рѣшилъ самъ ѣхать въ Воронежъ—поторопить съ сооруженіемъ флота и разслѣдовать дѣло на мѣстѣ. Постепенно ознакомляясь съ дѣятельностью «адмиралтейца», государь раскрылъ разныя злоупотребленія его, которыя были одной изъ главныхъ причинъ неудачи въ постройкѣ судовъ. Такъ, выяснилось, что П. бралъ взятки съ городовъ, приписанныхъ къ Воронежскому адмиралтейству, продавалъ за большія деньги доходныя мѣста и производилъ такія сдѣлки, которыя, несомнѣнно, шли въ ущербъ дѣлу. Если вѣрить иностранному источнику (Плейеру, цесарскому резиденту), П. успѣлъ собрать 37 тысячъ рублей, изъ которыхъ только за продажу должностей получилъ до 18 тысячъ. Желая личнаго признанія, государь призвалъ къ себѣ Протасьева и лично допросилъ его, и Про-

тасьевъ, по словамъ Желябужскаго, «Великому Государю вины принесъ». Государь однако, захотѣлъ и изъ устъ другихъ узнать все въ точности и далъ повелѣніе Преображенскому Приказу «послать въ оные города къ бургомистрамъ указы, дабы они самую истину показали, съ кого что взялъ». Протасьевъ не могъ перенести всего этого и, возвратясь въ Москву, въ концѣ 1699 г. скончался. Не смотря на то, что Протасьева въ 1700 году не было уже въ живыхъ, о смерти его не было объявлено и нѣсколько времени управленіе велось его именемъ; только 18-го февраля 1700 г. назначенъ былъ новый «адмиралтеецъ»—стольникъ Ѳ. М. Апраксинъ, а окольничему А. П. Протасьеву во Владимірскомъ Судномъ Приказѣ велѣно «не быть».

«Доп. къ Акт. Истор.», т. IX, XI и XII; «Собр. Госуд. Грам. и Догов.», т. IV, стр. 655; «Древн. Росс. Вивл.», изд. 2-ое, кн. III, ч. II, стр. 262; кн. VIII, ч. VIII; стр. 179; кн. XV, ч. IV, стр. 425, 435; И. Голиковъ, «Дѣянія Петра Вел.», изд. 2-ое, т. I, стр. 232, 605; т. XIII, стр. 276; т. XIV, стр. 323; «Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ Петра Вел.», т. I, стр. 55, 158, 160, 162, 165; «Памятники Диплом. Сношеній», т. IX, стр. 71; «Письма и бумаги Петра В.», т. I; «Дворцовые разряды», т. III, стр. 1079; т. IV, стр. 5, 9, 17, 22, 97, 101; 246, 619, 623, 753, 754, 789, 814, 888, 904, 906; 930, 1025, 1068, 1077, 1078, 1122; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи»; Н. Н. Оглоблинъ, «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирск. Приказа (1522—1768 г.), ч. I, стр. 365; С. Елагинъ, «Исторія русскаго флота», стр. 55, 63, 120, 145; Ѳ. Веселаго, «Краткая исторія русскаго флота», С.-Пб. 1893 г., стр. 13; П. Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ»; А. П. Барсуковъ, «Списокъ городовыхъ воеводъ».

Н. В-и-въ.

Протасьевъ (онъ же Протасовъ), *Петръ Даниловичъ* (по другимъ памятникамъ *Онуфріевичъ*), дворянинъ московскій. Въ 1627 году, 1-го апрѣля, былъ пожалованъ въ «стольники патріаршіе», а въ 1635 году былъ стольникомъ Государевымъ и въ 1643 году отправленъ воеводою въ Сибирь, въ Красноярскій Острогъ, гдѣ и пробылъ до 1647 г. Правленіе его этимъ острогомъ ознаменовалось принятіемъ въ подданство Россіи нѣкоторой части бурятъ и построеніемъ «Удинскаго острога». Попытки покоренія бурятъ были совершены давно, еще въ 1629 году. Но такъ какъ русскіе въ то время не имѣли здѣсь опорнаго пункта, то попытки оставались безрезультатными. Теперь условія измѣнились: около этого времени былъ построенъ г. Канскъ (Канскій острогъ), а поэтому экспедиція въ землю бурятъ и сама по себѣ была легче и безопаснѣе, да и результаты, добытые ею, можно было обезпечить. Принимая это въ соображеніе, Протасьевъ въ 1645 г. сдѣлалъ попытку проникнуть войною изъ Канска въ землю бурятъ, живущихъ по р. Удѣ. Но надежды его не оправдались, и попытка его потерпѣла неудачу. Однако, чего не удалось ему достигнуть войною, онъ какъ нельзя лучше добился чрезъ переговоры. Онъ отправилъ изъ Канска казака, чтобы завязать съ бурятами переговоры, и далъ ему порученіе, отправившись изъ Канска, прибыть во владѣнія бурятскаго князька Иланко и убѣдить его покориться вмѣстѣ со своими подданными. Иланко поддался увѣщаніямъ казака, въ 1647 году принялъ, прибывъ въ Красноярскъ, присягу на вѣчное подданство и даже просилъ поставить острогъ для защиты его отъ монголовъ. Пользуясь обстоятельствами, Протасьевъ основалъ Удинскій острогъ (или Удинскъ), въ 415 верстахъ отъ Красноярска, по дорогѣ, идущей черезъ Канскъ. Съ этихъ поръ Удинскъ сталъ служить не только оплотомъ для защиты бурятъ отъ монголовъ, но и для упроченія здѣсь русскаго владычества.

Въ Красноярскѣ Протасьевъ былъ до сентября 1647 года. Въ 1649 г., 29-го ноября, указано было боярину и оружничему Григ. Гавр. Пушкину съ товарищами отправиться въ посольство къ новому польскому королю Яну-Казиміру, а Протасьевъ назначенъ былъ быть при посольствѣ «во дворянахъ». 8-го января 1650 года послы со свитой отправились въ Варшаву и, договорившись здѣсь по всѣмъ пунктамъ, стали требовать (какъ имъ было тайно поручено), чтобы король послалъ своего дворянина съ царскимъ дворяниномъ изъ посольства, спеціально для того назначеннымъ, въ Запорожское войско. Тамъ они должны были общими усиліями или поймать, или вытребовать самозванца Т. Анкудинова, который, спасшись ранѣе въ Турцію, теперь отъ султана пробрался въ Малороссію и находился при гетманѣ Б. Хмельницкомъ. Послы добились и этого, и король назначилъ отъ себя дворянина (Ермолича), со стороны же русскихъ былъ назначенъ «дворянинъ»

посольства Протасьевъ. Оба они отправились въ Кіевъ и, взявъ проѣзжія и др. граматы отъ воеводы Киселя и отъ митрополита, двинулись оттуда въ Ямполь, гдѣ находился Хмѣльницкій. 18-го сентября произошло свиданіе съ гетманомъ. Сколько ни хлопоталъ Протасьевъ о выдачѣ Анкудинова, онъ не могъ уговорить гетмана, такъ какъ это противорѣчило основному правилу казачества: не выдавать того, кто ищетъ защиты и безопасности у казаковъ. Не достигнувъ цѣли, Протасьевъ возвратился въ Москву. Во 2-й половинѣ 1652 г. онъ посланъ былъ, съ окольн. кн. Ѳед. Андр. Хилковымъ, вторымъ воеводою въ Путивль, гдѣ былъ еще въ мартѣ 1654 г., а затѣмъ, кажется, отозванъ въ Москву. Въ томъ же (1654) году, 10-го іюля, двор. Протасьевъ былъ отправленъ опять къ гетману Хмѣльницкому и «ко всему Запорожскому войску»,— на этотъ разъ «съ государевымъ жалованьемъ, съ золотыми». Во время войны 1654 г. съ Польшею, послѣ взятія Смоленска, государь, устроивъ въ немъ всѣ дѣла, 5-го октября направился въ Вязьму, оставивъ въ Смоленскѣ воеводами боярина и оружничаго Гр. Гавр. Пушкина, окольн. Степ. Гавр. Пушкина и Петра Данил. Протасьева, гдѣ они были воеводами и въ 1655 году. Въ 1661 году Протасьевъ опять былъ посланъ въ Малороссію. Въ то время происходили раздоры между Самкомъ и Золотаренкой изъ-за гетманства. Хотя въ маѣ и явились посланцы изъ Малороссіи и объявили, что выбранъ Самко, но избраніе это окончательно не прошло ввиду сильной оппозиціи со стороны Золоторенка, и было положено отдать дѣло всецѣло на усмотрѣніе и волю государя; государь же объявилъ, что о гетманскомъ избраніи будетъ указъ. Тѣмъ временемъ бывшій гетманъ Юрій Хмѣльницкій завелъ сношенія съ царскими воеводами и обратился къ царю съ повинною. Чтобы привлечь на свою сторону Хмѣльницкаго, а вмѣстѣ съ нимъ и всю правую половину Украйны и поразвѣдать почву для подобнаго дѣла, былъ посланъ дворянинъ Протасьевъ. Пріѣхавъ въ Нѣжинъ, онъ имѣлъ тамъ свиданіе съ Золотаренкомъ, передалъ ему царскую грамату и подарки (соболя), которыми тотъ сталъ въ свою очередь дарить своихъ сотниковъ и другихъ начальныхъ людей, уговаривая ихъ «служить вѣрою государю». Одаривъ Золотаренку, Протасьевъ 11-го іюля пріѣхалъ къ Самку въ Переяславль и во время свиданія передалъ ему письмо государя, въ которомъ тотъ просилъ его завести сношенія съ Юр. Хмѣльницкимъ и сказать ему, что, если онъ хочетъ, пусть переходитъ на сторону Государя «безъ всякаго для себя опасенія, такъ какъ увидитъ милость нашу, получитъ многое жалованье и честь, а твоя служба забыта никогда не будетъ». Договорившись объ этомъ дѣлѣ съ Самкомъ и вывѣдавъ общее настроеніе, Протасьевъ возвратился въ Москву. Въ 1664 году онъ находился опять въ Малороссіи, будучи посланъ туда послѣ того, какъ гетманъ Брюховецкій просилъ прислать въ помощь противъ Поляковъ Московское войско; П. отправленъ былъ съ малочисленымъ (въ 400 чел.) мало дисциплинированнымъ отрядомъ, который вскорѣ разбѣжался; Протасьевъ послѣ этого продолжалъ находиться при гетманѣ, дѣйствуя какъ бы совмѣстно съ нимъ. Такъ, весною 1665 года Брюховецкій съ Протасьевымъ посылали изъ Канева Лубенскаго полковника Гамалѣю, успѣшно дѣйствовавшаго противъ поляковъ, разбившаго ихъ и приведшаго многихъ плѣнныхъ въ Каневъ. Когда Брюховецкій отправился въ Москву (въ сентябрѣ), Протасьевъ, будучи воеводою въ г. Гадячѣ, не могъ удержать въ повиновеніи войско. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о Протасьевѣ не имѣется.

«Акты Истор.», т. IV; «Доп. къ Акт. Истор.», т. III, IV и VI; «Акты Моск. госуд.», т. II; «Древн. Росс. Вивл.», изд. 2-ое, кн. III, ч. II, стр. 169; «Русск. Истор. Библіот.», т. IX и X; «Дворцовые Разряды», т. II, стр. 436, 464, 875, 938, 945, 967, 974; т. III, стр. 140, 232, 260, 326. 428, 452; Андріевичъ, «Исторія Сибири», т. I; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи»; А. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ»; П. Ивановъ, «Указат. къ боярскимъ книгамъ».

Н. В-н-въ.

Протасьевъ, *Соловой Ивановичъ*, голова стрѣлецкій. Въ маѣ 1613 г. онъ подписался подъ граматой объ избраніи на царство Мих. Ѳеод. Романова, а лѣтомъ того же года отправленъ былъ въ посланникахъ съ дьякомъ Мих. Даниловымъ къ Турецкому султану съ извѣщеніемъ о воцареніи Михаила Ѳеодоровича и съ предложеніемъ «братской дружбы и любви на

вѣки». Въ слѣдующемъ (1614) году Протасьевъ возвратился въ Москву. Въ 1615 году указано было ему опять ѣхать въ Турцію съ дьякомъ Мих. Даниловымъ и съ Ив. Гр. Ододуровымъ. Въ 1617 году П. былъ назначенъ состоять при англійскомъ послѣ Дж. Мерикѣ, а въ концѣ этого же и въ началѣ слѣдующаго (1618) года онъ состоялъ при послахъ Персидскихъ.

«Акты Архивн. Экспедиціи», т. III, стр. 28; «Акты Истор.», т. III, стр. 22, 35; «Собр. Гос. Гр. и Догов.», т. I, стр. 640; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. VII, ч. IV, стр. 225; «Памятн. Дипломат. Сношен. Моск. Руси съ Персіей», т. II, стр. 223, 330; «Русск. Истор. Библіот.», т. IX; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ Отд. Собств. Е. И. В. Канц., т. I, стр. 31; «Временн. Моск. Общ. Истор. и Древн. Россійск.», т. I, стр. 20; «Дворцовые разряды», т. I, стр. 105, 107, 219, 224, 305, 309, 332.

Н. В-и-въ.

Протопоповъ, *Василій Михайловичъ*, протоіерей, проповѣдникъ, писатель и переводчикъ временъ Екатерины II, род. въ 1770 г., ум. въ 1810 г. Образованіе П. получилъ въ Московской Славяно-греко-латинской Академіи, по окончаніи курса которой, съ 1787 г. былъ учителемъ французскаго языка тамъ же, потомъ преподавалъ реторику и поэзію въ Коломенской духовной семинаріи и былъ членомъ Консисторіи, съ 1794 г. состоялъ каѳедральнымъ протопопомъ въ Коломнѣ, затѣмъ священникомъ въ Каширѣ (1796), Серпуховѣ (1796) и въ Тулѣ. П-у принадлежатъ слѣдующія литературныя работы: «Торжествующая добродѣтель, или исторія дѣвицы Рансо», перев. съ франц. («Городская и деревенская Библіотека», ч. IV, стр. 257); «Приключенія Теострика и Ліеброзы», М. 1786 г.; «Лабиринтъ волшебства, или удивительныя приключенія восточныхъ принцевъ», М. 1786 г.; «Разсужденіе о вычищеніи, удобреніи и обогащеніи Россійскаго языка», М. 1786 г. — рѣчь, читанная П-ымъ въ публичномъ засѣданіи въ Академіи 12-го іюля 1786 г.; «Совершенная любовь», М. 1788; «Судьба», драма, М. 1788 г.; «Къ чему можетъ служить досужное время, или собраніе сочиненій и переводовъ въ прозѣ и стихахъ», М. 1789 г.; «Способъ къ познанію Французскаго языка, или новая Французская грамматика», С.-Пб. 1789; «Пѣснь на день прибытія Коломенскаго епископа Аѳанасія въ Коломну», М. 1790 г.; «Ода на день тезоименитства епископа Коломенскаго Аѳанасія», М. 1790 г.; «Ода преосвященнѣйшему Аѳанасію.... въ вожделѣнный день тезоименитства» 1792 г. (Прибавленіе къ «Подльскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ» 1863 г., т. IV, стр. 149—157); «Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и вѣрнымъ подданнымъ», М. 1796 г.; «Новѣйшій письмовникъ, или всеобщій секретарь», М. 1801 г., 2-ое изд., М. 1815 г.; «Абейлардъ и Алоиза, или драгоцѣнное собраніе писемъ сихъ несчастныхъ любовниковъ», перев. съ Французск., М. 1816 г.; Письма П. къ Селивановскому, напечатанныя съ письмами митрополита Евгенія къ тому же — въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г., т. I, № 24, столб. 755—762.

Ф. Толль. Настольный Словарь, т. III, С.-Пб. 1864 г., стр. 224; П. Бартеневъ. 18-й вѣкъ, кн. I, М. 1869 г., стр. 451, 452, 496, 501.

И. Давидовичъ.

Протопоповъ, *Григорій Евпихіевичъ.* Упоминается, какъ дьякъ, въ боярскихъ книгахъ подъ 1628—29 годомъ. Въ 1631 году, когда предъ Государемъ думный дьякъ И. Гавреневъ размѣчалъ, кому изъ дьяковъ и сколько нужно будетъ изъ государева запаса отвезти къ войску подъ Смоленскъ, то на долю Протопопова опредѣлено было 14 четвертей. Въ 1634 году Протопоповъ былъ дьякомъ въ Приказѣ Большого Прихода, а 11-го января 1635 года указано ему было быть 2-мъ дьякомъ въ Тобольскѣ, гдѣ онъ находился до смѣны воеводъ въ 1639 году. Сохранились до насъ «Счетные списки» дьяковъ Пустынникова и Протопопова за время ихъ дьячества. Изъ одной челобитной 1637 г. о повышеніи оклада, въ которой приведена «выписка на примѣръ» (кто изъ дьяковъ и какой имѣлъ окладъ), видно, что въ то время Протопоповъ имѣлъ окладъ въ 600 четвертей помѣстнаго и 70 рублей денежнаго жалованья. Въ 1640 году Протопоповъ сдѣлался дьякомъ Сибирскаго Приказа. Въ 1648 году онъ принималъ участіе въ церемоніи бракосочетанія царя Алексѣя Михайловича съ Маріей Ильиничной Милославской (16-го января), будучи приставленъ при дверяхъ за перегораду съ постельнаго крыльца вмѣстѣ съ двор. Аѳ. Жедринскимъ, а «двери въ палату къ Государю къ патріаршему двору» велѣно было имъ же замкнуть и запечатать. Въ 1660 г. Про-

топоповъ при 2-й встрѣчѣ цесарскихъ пословъ находился «у сѣнныхъ дверей», когда шли послы изъ «отвѣтной палаты у бояръ». Скончался онъ въ 1663 г., продолжая быть дьякомъ Сибирскаго Приказа.

«Акты Истор.», т. III и IV; «Доп. къ Акт. Истор.», т. II, III и IV; «Акты Московск. Госуд.», т. II, стр. 45; «Собр. Госуд. Грам. и Договор.», т. III и IV; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. III, ч. II, стр. 155; кн. XIII, ч. XVIII, стр. 229; кн. XX, ч. III, стр. 287, 395; «Пам. Диплом. Сношѳ.», т. III, стр. 432, 442, 443; т. V, стр. 187; «Русск. Истор. Библіот.», т. IX, стр. 526, 531, 567; т. X, стр. 202, 219, 228, 232, 253, 301, 326, 335, 338, 350, 364, 375; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ Отд. Собств. Е. И. В. Канцел., т. II, стр. 451, 828, 933; «Дворцовые разряды», т. II, стр. 410, 479, 517, 549, 587, 601, 861, 868; т. III, стр. 85; доп. къ III т., стр. 362; Н. И. Оглоблинъ, «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа», т. I; П. Ивановъ, «Указатель къ боярск. книгамъ»; А. П. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ», стр. 237.

Н. В-н-въ.

Протопоповъ, *Дмитрій Ивановичъ*, профессоръ Казанскаго Университета; родился въ 1799 году, умеръ 21-го февраля 1857 года; въ 1816 году поступилъ въ Казанскую гимназію, въ 1821 году перешелъ въ Казанскій Университетъ, въ 1825 году окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря I отдѣленія и опредѣленъ и. д. надзирателя при студентахъ, а въ слѣдующемъ году назначенъ репетиторомъ фармакологіи при профессорѣ Фогелѣ. Въ 1828 году Протопоповъ утвержденъ въ должности помощника инспектора студентовъ, въ слѣдующемъ году уволенъ въ Петербургъ, для усовершенствованія въ медицинѣ, съ прикомандированіемъ къ Медико-Хирургической Академіи и оставался тамъ до 1833 года. Въ 1831 году онъ принималъ участіе въ борьбѣ съ холерой въ Петербургѣ, въ 1832 году защитилъ диссертацію на степень доктора медицины и въ ноябрѣ того же года назначенъ въ Казанскій Университетъ репетиторомъ «матеріи-медики». Въ теченіе двухъ послѣдующихъ годовъ Протопоповъ уже преподавалъ фармацію, а 1-го августа 1837 года, при преобразованіи Университета по уставу 1835 года, утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ общей терапіи, фармакологіи, фармаціи, рецептуры и ученія о минеральныхъ водахъ; въ январѣ 1839 года онъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ, а до этого времени преподавалъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, кромѣ предметовъ своей каѳедры, токсикологію. Съ 31-го октября 1845 по декабрь 1853 года Протопоповъ былъ деканомъ медицинскаго факультета; продолжая читать лекціи, онъ выслужилъ въ 1855 году учебный срокъ и былъ оставленъ еще на пятилѣтіе. Протопоповъ съ большой любовью занимался преподаваніемъ; его лекціи (онъ читалъ сразу 5 предметовъ) отличались полнотой, современностью и демонстративнымъ направленіемъ, что было рѣдкостью въ то время; онѣ охотно посѣщались студентами, которые вообще цѣнили его высоко. Съ своей стороны, Протопоповъ, будучи деканомъ, «старался дѣлать все возможное для студентовъ, чтобы, съ одной стороны, облегчить для нихъ изученіе наукъ, а съ другой, пособить тѣмъ, кто имѣлъ недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ. Въ случаяхъ проступковъ со стороны студентовъ, грозившихъ имъ удаленіемъ изъ Университета, онъ прилагалъ всѣ мѣры, чтобы уладить дѣло въ пользу студентовъ. Оказывая имъ всевозможное покровительство, онъ въ то же время былъ строгъ и требователенъ, но всегда оставался въ границахъ умѣренности, продиктованной ему долгимъ опытомъ.

Протопоповъ напечаталъ слѣдующіе труды: «De aquis mineralibus in genere» — дисс. на степ. д-ра мед., С.-Пб. 1832 г., и «Очерки фармакохиміи» — въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» 1838 г. и отд. изд., Казань, 1838.

П. П. Загоскинъ, Дѣятели Казанскаго Университета 1805—1900 г., Казань. 1900 г., стр. 148; Ильинскій, Воспоминанія о пережитомъ — «Русск. Старина» 1894 г., кн. I, стр. 4; Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, тетр. II, С.-Пб. 1886 г.; А. И. Михайловскій, Преподаватели, учившіеся и служившіе въ Имп. Казанскомъ Универс. (1804—1904), ч. I, вып. 1, Казань. 1901 г.; Біографическій словарь профессор. и преподавателей Импер. Казанскаго Университета, подъ ред. Н. П. Загоскина, т. II, Казань. 1904, стр. 304—305; «С.-Пб. Вѣдом. 1857 г., № 58; «Военно-Медиц. Журналъ» 1857 г., ч. LXIX, № 1; «Казанскія Губ. Вѣд.» 1857, № 9.

Н. Кульбинъ.

Протопоповъ, *Дмитрій Степановичъ*, тайный совѣтникъ, членъ Совѣта Министра государственныхъ имуществъ, писатель. Родился въ Москвѣ 11-го іюля 1808 года и былъ сыномъ протоіерея церкви Симеона Столпника въ Москвѣ. Воспиты-

вался въ Заиконоспасскомъ духовномъ училищѣ и въ Семинаріи при Перервинскомъ монастырѣ, гдѣ окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ учениковъ, а затѣмъ, не желая посвятить себя духовному званію, поступилъ (въ 1828 г.) студентомъ въ Московскій Университетъ, на Юридическій факультетъ; здѣсь среди товарищей П. вскорѣ выдѣлился своею основательностью, здравымъ и зрѣлымъ сужденіемъ и познаніями; на заданную факультетомъ тему по политической экономіи П. написалъ конкурсное сочиненіе о кредитѣ и банкахъ, получивъ за нее золотую медаль. Окончивъ курсъ со степенью кандидата (8-го іюля 1832 г.), П. мечталъ о поступленіи на ученое поприще, но это ему не удалось, и онъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, опредѣлился въ Канцелярію Комитета Министровъ; перейдя оттуда въ Департаментъ Полиціи (1834), онъ занималъ здѣсь должность столоначальника, а затѣмъ опредѣлился (10-го марта 1838 г.) въ 3-й Департаментъ преобразованнаго Министерства Государственныхъ имуществъ — редакторомъ въ Статистическое Отдѣленіе. Здѣсь П. сталъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ по редакціи «Журнала Мин. Госуд. Имуществъ» и «вскорѣ имѣлъ случай блистательно обнаружить свою подготовку къ новымъ занятіямъ обширною статьей о производствѣ хлѣба въ Россіи и торговлѣ имъ («Журн. Мин. Госуд. Имущ.» 1842 г., ч. V, стр. 85—136); этотъ замѣчательный трудъ сдѣлался впослѣдствіи основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ работъ по тому же предмету». Графъ П. Д. Киселевъ въ короткое время оцѣнилъ познанія и способности П., — и съ этихъ поръ возлагалъ на него рядъ отвѣтственныхъ порученій. Такъ, въ 1841 г. П. былъ командированъ въ Московскую губернію для составленія описанія состоянія государственныхъ имуществъ и государственныхъ крестьянъ, послѣ чего былъ назначенъ (1842 г.) старшимъ членомъ Воронежской Коммиссіи для устройства оброчной подати, а затѣмъ — помощникомъ начальника Губернской Коммиссіи для уравненія государственныхъ крестьянъ въ денежныхъ сборахъ сперва въ Тамбовской (1843 г.), а потомъ Воронежской (1844 г.) губерніи, завѣдующимъ дѣлами по переложенію податей въ Воронежской, Тамбовской и Пензенской губ. (1846 г.) и, наконецъ, начальникомъ Коммиссіи для уравненія денежныхъ сборовъ съ Государственныхъ крестьянъ въ Московской губерніи (1848 г., апрѣля 28-го). «Это дѣло», говоритъ въ воспоминаніи о П. акад. Я. К. Гротъ, «какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало его характеру, склонностямъ и неутомимой дѣятельности, въ особенности потому, что оно давало возможность изучить экономическія условія жизни Русскаго народа. Онъ предался ему всей душой и увлекалъ за собой своихъ сотрудниковъ-подчиненныхъ». Служебная дѣятельность П. дала ему возможность стать глубокимъ знатокомъ Русской деревни, быта и потребностей народа, почему въ 1849 г. съ нимъ искалъ знакомства Гоголь, занимавшійся тогда этими вопросами. Въ 1850-хъ гг. П. былъ управляющимъ Палатами государственныхъ имуществъ сперва въ Смоленскѣ, а потомъ (съ 1858 по 1863 г.) въ Самарѣ; «безпрестанно объѣзжая волости и оказывая во всѣхъ случаяхъ самую сердечную заботливость о судьбѣ крестьянъ, а вмѣстѣ и неуклонную справедливость», П. съумѣлъ пріобрѣсти горячую любовь населенія. Въ Смоленскѣ, во время неурожая, П. организовалъ дѣло помощи нуждавшимся крестьянамъ; при Палатѣ въ Смоленскѣ, какъ потомъ и въ Самарѣ, онъ открылъ школу для крестьянскихъ дѣтей и самъ съ любовью и терпѣніемъ давалъ имъ ежедневно уроки. Въ Самарѣ онъ много и съ успѣхомъ потрудился въ дѣлѣ отдачи казенныхъ земель въ аренду и въ устроеніи переселенцевъ; здѣсь же онъ познакомился и сошелся съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, служившимъ тогда въ Губернскомъ Присутствіи.

Назначенный въ 1863 г. директоромъ 2-го Департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ, П., по вызову Н. А. Милютина, ѣздилъ съ нимъ въ Варшаву, для участія въ составленіи Положенія о крестьянахъ Царства Польскаго. Будучи, со второй половины 1860-хъ годовъ, членомъ Совѣта Министра Государственныхъ Имуществъ, П. 31-го марта 1868 г. былъ произведенъ въ тайные совѣтники; въ званіи члена Совѣта П. скончался, въ Павловскѣ, 23-го іюля 1871 г.; погребенъ въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Слѣдя внимательно за всѣми явленіями

Русской литературы, П. находилъ время и для собственныхъ литературныхъ занятій. Первою статьею его былъ разборъ романа Лажечникова «Басурманъ», напечатанный въ «Современникѣ» П. А. Плетнева (1838 г.). Въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ» за разные годы онъ помѣстилъ нѣсколько солидныхъ работъ по вопросамъ народнаго хозяйства; въ журналѣ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» за 1869 г. онъ напечаталъ статью: «Скотоводство въ Европейской Россіи по Статистическому Временнику и Объясненіямъ къ хозяйственному атласу» (отд. изд. С.-Пб. 1870). Въ послѣдніе годы жизни онъ писалъ почти во всѣхъ главныхъ Петербургскихъ и Московскихъ газетахъ, а также въ «Православномъ Обозрѣніи» статьи по поводу современныхъ ему реформъ и общественныхъ вопросовъ (напр. о близко ему знакомомъ духовенствѣ, о положеніи крестьянства и т. под.). Въ «Русскомъ Архивѣ» (1876 г., кн. II) напечатано письмо П. къ Я. К. Гроту, касающееся Сперанскаго и его характера. Большинство статей своихъ П. печаталъ или безъ подписи, или съ одними иниціалами. Послѣ окончательнаго переселенія въ Петербургъ, П., филантропъ въ душѣ и на дѣлѣ, со свойственнымъ ему жаромъ, работалъ на поприщѣ благотворительности: такъ, ему многимъ обязано Попечительство о бѣдныхъ Андреевскаго прихода, бѣдныя училища Гавани, Общество покровительства животнымъ, Городская Санитарная Коммиссія, не говоря уже о тѣхъ многочисленныхъ бѣднякахъ, которымъ онъ постоянно и дѣятельно помогалъ. «Самоотверженная любовь къ ближнему», говоритъ Я. К. Гротъ: «соединялась въ немъ съ глубокимъ благочестіемъ, чуждымъ всякаго ханжества и суевѣрія. Неистощимая доброта, горячее благоволеніе ко всѣмъ людямъ, доступность для всякаго, были господствующей чертой его характера».

«С.-Петерб. Вѣд.» 1871 г., № 278, статья Я. К. Грота и отд. изд., С.-Пб. 1871 г. (перепечатана въ «Трудахъ Я. К. Грота», т. V, С.-Пб. 1903); «Иллюстр. Газета» 1871, № 41; «Русск. Архивъ» 1873, № 8; «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. I—III; «Русск. Стар.», т. 30, стр. 750, т. 34, стр. 398, т. 40, стр. 582; т. 84, ноябрь, стр. 139, 140; «Труды Я. К. Грота», т. III, С.-Пб. 1901 и т. V, С.-Пб. 1903, по указателямъ; формулярный списокъ 1850 г. и Адресъ-календари; В. И. Шенрокъ, Письма Н. В. Гоголя, т. IV, стр. 388; его-же, Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя, т. IV, стр. 821.

Протопоповъ, *Матвѣй Николаевичъ*, профессоръ философіи; родился въ 1795 г., слушалъ лекціи въ Харьковскомъ Университетѣ по словесному и юридическому отдѣленіямъ и въ 1822 г. удостоенъ кандидатскаго диплома по обоимъ факультетамъ (канд. диссертація напечатана: «О религіи въ отношеніи къ государствамъ»). Воспитываясь въ эпоху мистико-религіозныхъ стремленій, П. принялъ въ нихъ горячее участіе: онъ еще въ студенческіе годы состоялъ членомъ и даже директоромъ Харьковскаго Отдѣленія Россійскаго Библейскаго Общества. Студентомъ же въ 1821 г. напечаталъ рѣчь: «О происхожденіи библейскихъ обществъ, какъ торжественномъ знаменіи возрожденія общественной жизни человѣковъ». На службу П. поступилъ въ Харьковскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ въ 1823 г. учителемъ исторіи и географіи и состоялъ таковымъ до половины 1827 г. Одновременно съ тѣмъ онъ читалъ логику въ Университетѣ въ 1823—1825 г. По выходѣ въ отставку, П. совершилъ большое научное путешествіе по Европѣ (оставался особенно долго въ Англіи), а по возвращеніи опредѣленъ въ Харьковскій Университетъ адъюнктомъ философіи — въ 1834 г. (на мѣсто Ѳ. Ѳ. Чанова). Въ 1837 г. П. произведенъ былъ въ экстраординарные профессора по той же каѳедрѣ. Въ 1839 г., по защитѣ диссертаціи «Объ истинномъ предметѣ философіи и соотвѣтственномъ оному составѣ ея», П. получилъ степень доктора философіи и утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Логику П. преподавалъ по Бахману и по Рейффенбергу (курсъ котораго переводилъ на русскій языкъ), этику по Герлаху, исторію философіи по Теннеманну. 30-го августа 1841 г. П. читалъ на университетскомъ актѣ рѣчь: «Какое собственно мѣсто принадлежитъ философіи въ системѣ движеній человѣчества, опредѣляющихъ полную сферу его умственнаго развитія»; рѣчь была напечатана съ присовокупленіемъ краткой записки о состояніи и дѣйствіяхъ Университета. Кромѣ профессуры, П. несъ еще и другія служебныя обязанности, какъ-то: командировался для ревизіи и открытія училищъ, 8 лѣтъ былъ деканомъ (съ 1846—1853 г.), инспекторомъ студентовъ (1839—40 г.) и снова

служилъ въ Институтѣ для благородныхъ дѣвицъ — инспекторомъ классовъ (1850—1856 г.). Сначала П., повидимому, ревностно занимался наукой, философіею, и побуждалъ студентовъ къ занятіямъ: въ 1849 г. была задана студентамъ медальная тема: «О заслугахъ Декарта по философіи». По смерти П. (въ 1858 г.) осталось много рукописей: 24 тетради мемуаровъ философскаго содержанія, переводы Эстетики Бутервека (1827 г.), Курса словесности Блера (1832 г.), курсы логики (1835 г.), психологіи (1836 г.), нравственной философіи (1838 г.), синхронистическія таблицы по исторіи философіи. Все это не было напечатано по недостатку средствъ и сработано въ молодые годы. Позже служебныя занятія и переводъ на совершенно другую каѳедру прекратили научную дѣятельность Протопопова. Въ 1850 г. каѳедры философіи были упразднены въ русскихъ университетахъ, а преподаваніе этого предмета передано въ руки профессоровъ богословія. Протопопова не оставили за штатомъ, но, какъ юриста по образованію, перевели на каѳедру политической экономіи, которую онъ и занималъ до 19 октября 1857 г. Свой новый предметъ П. читалъ и юристамъ, и филологамъ. Не будучи подготовленъ къ каѳедрѣ политической экономіи, П. врядъ ли могъ быть ея хорошимъ представителемъ. Когда въ 1855 г., по выслугѣ пенсіоннаго срока, онъ былъ избранъ совѣтомъ университета еще на 5 лѣтъ, то министръ Авр. Сер. Норовъ при личномъ обзорѣ Университета счелъ это неудобнымъ и оставилъ Протопопова на службѣ всего лишь на $2^1/_2$ г., но П. не дожилъ и до этого срока и скончался въ 1858 г., на 63 году жизни. Несомнѣнно запуганный режимомъ 1850-хъ годовъ, онъ и на новой каѳедрѣ велъ себя очень боязливо, отказываясь, напр., читать студентамъ о трактатѣ Адама Смита. Своей прежней религіозности П. не измѣнялъ до конца дней и съ особенной любовью исполнялъ въ теченіе 20 лѣтъ должность старосты при университетской церкви.

Проф. Е. А. Бобровъ. «Философія въ Россіи», т. IV, стр. 158—161.

Проф. Е. Бобровъ.

Протопоповъ, *Николай Андреевичъ*, врачъ; родился въ 1858 году, умеръ 30-го августа 1891 г. въ Харьковѣ; учился до 1878 г. во Владимірской Духовной Семинаріи, а съ 1878 г. — въ Харьковскомъ Университетѣ. Будучи студентомъ 5 курса, онъ получилъ золотую медаль за работу о мочекровіи, въ 1883 г. окончилъ курсъ, въ послѣдующіе года состоялъ сверхштатнымъ ординаторомъ Александровской больницы въ Харьковѣ и былъ членомъ Общества Харьковскихъ врачей, въ «Протоколахъ» коего напечаталъ свои доклады: «Наблюденія надъ способомъ лѣченія язвъ по Гамильтону», «Случай герніотоміи въ сельской земской практикѣ» (1884 г.) и др. Въ январѣ 1886 г. П. былъ признанъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессурѣ по каѳедрѣ общей патологіи, съ 1887 по 1889 годъ завѣдывалъ Харьковской бактеріологической станціей, а въ 1888 году занялъ должность ассистента при каѳедрѣ общей патологіи, которую занималъ С. Д. Костюринъ. Въ томъ же году онъ защитилъ диссертацію, получилъ степень доктора медицины и въ 1889 году посланъ для научнаго усовершенствованія за-границу. Главнымъ предметомъ его изысканій была бактеріологія; въ послѣднее время жизни онъ работалъ надъ сапомъ въ лабораторіи Pasteur'a, при чемъ заразился этой болѣзнью и погибъ отъ нея. Результатомъ его научной дѣятельности былъ цѣлый рядъ печатныхъ трудовъ, главнымъ образомъ, по бактеріологіи, въ томъ числѣ — диссертація на степень доктора медицины: «Основы предохранительныхъ прививокъ бѣшенства», Харьковъ. 1888 г.

«Харьк. Губ. Вѣд.» 1891, № 223; «День» 1891, № 1165; Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели», тетр. 5, С.-Пб. 1889, стр. 85; «Врачъ» 1891 г., стр. 842; Н. Малицкій, Исторія Владимірской Духовной Семинаріи», вып. III, М. 1902, стр. 214.

Н. Кульбинъ.

Протопоповъ, *Николай Порфирьевичъ*, учитель Одесской 2-й гимназіи; сынъ профессора Ришельевскаго лицея Порф. Никиф. П. (ум. въ 1825 г.), родился въ 1816 году, воспитаніе получилъ въ названномъ Лицеѣ, курсъ коего окончилъ въ 1836 г. на философскомъ отдѣленіи и, какъ отличный студентъ, въ томъ же году былъ отправленъ въ Главный Педагогическій Институтъ для усовершенствованія въ древнихъ языкахъ, а въ слѣдующемъ году, съ разрѣшенія министра Народнаго Просвѣщенія, переведенъ былъ въ С.-Петербургскій

Университетъ «для приготовленія къ профессорскому званію». Вынужденный оставить Петербургъ, П. былъ возвращенъ въ Одессу и, по распоряженію попечителя, былъ назначенъ сначала репетиторомъ при воспитанникахъ лицейскаго пансіона по латинскому языку, но черезъ мѣсяцъ (19-го мая 1839 г.) опредѣленъ младшимъ учителемъ русскаго языка въ лицейскую гимназію; въ слѣдующемъ году назначенъ старшимъ учителемъ латинскаго языка въ той же гимназіи, а въ 1848 г. переведенъ на ту же должность въ Одесскую вторую гимназію, гдѣ оставался до 1860 г., когда вышелъ въ отставку по болѣзни. Скончался 18-го апрѣля 1861 г. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ «Запискахъ Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей» и хотя съ его именемъ здѣсь напечатана всего одна статья: «Исторія г. Херсона, переводъ изъ Константина Порфиророднаго», но онъ дѣлалъ всѣ переводы греческихъ надписей и давалъ къ нимъ объясненія для Н. Н. Мурзакевича, который не зналъ по-гречески. Кромѣ того, П-въ обладалъ и замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ: онъ обратилъ на себя вниманіе критики переводами съ подлинника «Новогреческихъ пѣсенъ», напечатанныхъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и въ «Одесскихъ Альманахахъ» на 1839 и на 1840 г. Объ этихъ переводахъ далъ весьма сочувственный отзывъ Бѣлинскій.

«Одесскій Вѣстникъ» 1866 г., № 49; «Мѣсяцесловъ на 1862 г.», стр. 141—142.

В. А. Яковлевъ.

Протопоповъ, *Семенъ Михайловичъ*, дьякъ. Въ 1655 году онъ находился «на Сытномъ дворѣ», а въ 1663 году былъ подьячимъ въ гор. Ладогѣ. Въ 1666—67 году съ братомъ своимъ Григ. Михайл. (также подьячимъ) отправленъ былъ съ посольствомъ думнаго дворянина Богд. Ив. Ордина-Нащокина въ Польшу. Въ 1672 году, 10-го декабря, онъ посланъ былъ къ Польскому королю съ порученіемъ сообщить объ военныхъ успѣхахъ русскихъ подъ Перекопомъ и Азовомъ. Такъ какъ въ то время Польша находилась, вслѣдствіе неожиданнаго нападенія на нее султана, въ затруднительномъ положеніи, то эта вѣсть доставила королю большую радость; 22-го января 1673 года онъ принялъ Протопопова; вернувшись въ Москву 14-го марта, П. передалъ граматы короля съ выраженіемъ благодарности царю за сообщеніе. Въ 1674 г., 10-го іюня, во время похода на богомолье, Государь, находясь въ селѣ Воробьевѣ, отправилъ оттуда Протопопова съ докторомъ Рингуберомъ въ Саксонію. Выѣхавъ 30-го іюня, они 17-го сентября прибыли въ гор. Готу (въ Саксоніи), а 19-го сентября были приняты курфюрстомъ Эрнестомъ, не смотря на то, что курфюрстъ былъ боленъ. Въ отвѣтѣ, присланномъ государю, курфюрстъ выражалъ благодарность за помощь Польскому королю, его союзнику, и давалъ совѣты, направленные противъ турокъ. Отпущенные курфюрстомъ 29-го сентября, Протопоповъ съ товарищами прибыли 14-го декабря въ Москву и доставили Государю грамату. Въ ноябрѣ слѣдующаго (1675) года Протопоповъ назначенъ былъ гонцомъ къ императору въ Вѣну, чтобы извѣстить о скорой присылкѣ посольства съ окольн. Вас. Сем. Волынскимъ во главѣ. Когда же рѣшено было посольства этого не посылать, то отмѣнена была и отправка гонца. Когда 30-го января 1676 года скончался царь Алексѣй Михайловичъ, Протопоповъ назначенъ былъ гонцомъ въ Данію и Швецію съ извѣстіемъ объ этомъ и о вступленіи на престолъ Ѳеодора Алексѣевича. Отправленный съ такимъ порученіемъ, съ прикомандированнымъ къ нему толмачемъ, Протопоповъ получилъ 150 руб. денегъ, да на 50 рублей соболей; кромѣ того, для найма корабля ему было выдано 100 ефимковъ. Въ томъ же году Протопоповъ сдѣлался дьякомъ, а съ сентября 1677 года былъ въ Разбойномъ Приказѣ. Въ ноябрѣ 1678 года онъ съ ближнимъ бояриномъ Ив. Вас. Бутурлинымъ, окольничимъ Ив. Ив. Чаадаевымъ, да съ думн. дворяниномъ Л. Т. Голосовымъ, назначенъ былъ въ посольство къ Польскому королю съ цѣлью размѣна ратификаціями договора, постановленнаго польскими послами въ Москвѣ и уговора послать пограничныхъ коммиссаровъ. Для отправленія этого посольства велѣно было выдать посламъ жалованіе, при чемъ С. М. Протопоповъ получилъ 400 руб. 21-го января 1679 г. послы были приняты въ г. Гродно (гдѣ былъ созванъ сеймъ). Такъ какъ посламъ по какому-то поводу въ переговорахъ встрѣтилось затрудненіе, а для разрѣ-

шенія его они не имѣли надлежащихъ инструкцій, то 8-го апрѣля они отправили по тому дѣлу къ Государю С. М. Протопопова. Протопоповъ, по выполненіи порученія, не былъ возвращенъ въ посольство: съ инструкціями былъ посланъ подьячій Казанскаго приказа Тим. Протопоповъ, а Семенъ Протопоповъ сдѣлался 19-го мая 1679 года дьякомъ Посольскаго Приказа и, одновременно, дьякомъ Малой Россіи и Устюжской четверти, подчиненныхъ этому Приказу. Въ 1681 году, 7-го января, Протопоповъ вновь посланъ былъ въ посольствѣ къ Польскому королю, — на этотъ разъ съ думнымъ дворяниномъ Ив. Аѳ. Желябужскимъ. Посламъ поручено было требовать рѣшительнаго отвѣта по вопросу о наступательномъ союзѣ противъ Турокъ и Татаръ. 19-го февраля 1681 года послы прибыли въ Варшаву. Посольство это потерпѣло неудачу: оно не только не достигло благопріятныхъ результатовъ, но король велѣлъ отсрочить начало работъ пограничной коммиссіи. 2-го іюня 1681 года послы были отпущены изъ Варшавы, а 11-го іюля прибыли къ Москвѣ. Въ 1681 году, по возвращеніи въ Москву, Протопоповъ сдѣлался дьякомъ Большого Дворца, но вскорѣ опять сталъ дьякомъ Посольскаго Приказа; въ этомъ званіи онъ упоминается въ церемоніалѣ вѣнчанія на царство царей Іоанна и Петра Алексѣевичей (25-го іюня 1682 года).

«Акты Архивн. Экспед.», т. I, стр. 425; т. III, стр. 179; т. IV, стр. 367; «Акты Истор.», т. I, стр. 219; т. IV, стр. 334; т. V, стр. 94, 130, 141; «Доп. къ Акт. Истор.», т. VI, стр. 106; т. IX, стр. 69, 105, 106, 134, 142—144, 159, 348; т. X, стр. 30, 146, 148, 161, 177, 217, 402, 413; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. VII, ч. VIII, стр. 417, 421; кн. XX, ч. III, стр. 371, 388; «Памятн. Диплом. Сношен.», т. III, т. V, т. VI, т. VIII; «Русская Истор. Библіот.», т. XI, стр. 494; т. XII, стр. 558; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляр., т. II, стр. 1247, 1334, 1336; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣшн. сношен.», т. I, стр. 26, 230; т. II, стр. 18; т. III, стр. 145, 151, 153; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи»; П. Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ».

Н. В-и-въ.

Протопоповъ, *Яковъ Егоровичъ*, редакторъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», писатель; род. въ гор. Суздалѣ, Владимір. губ., 16-го октября 1815 г., ум. 5-го августа 1861 г. въ Москвѣ. Сынъ протоіерея, онъ обучался въ Суздальскомъ Духовномъ Училищѣ и (1830—1836 г.) во Владимірской Духовной Семинаріи. Бойкій, даровитый семинаристъ рѣзко выдѣлялся изъ среды товарищей разнообразіемъ своихъ способностей. Онъ, между прочимъ, хорошо игралъ на нѣсколькихъ музыкальныхъ инструментахъ и писалъ недурные стихи (его вдохновляли по преимуществу библейскія сказанія, — распространены были въ письменномъ видѣ поэмы Протопопова «Аендорская волшебница», «Безчестіе Ѳамари», «Смерть Саула» и др.). По окончаніи курса въ Семинаріи, Протопоповъ поступилъ на службу во Владимірское Губернское Правленіе канцеляристомъ, съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію губернатора И. Э. Куруты и по Статистическому Комитету. Служба его началась и закончилась въ мелкихъ чинахъ, — онъ оставилъ ее въ чинѣ коллежскаго регистратора. Съ половины 1839 г. онъ является главнымъ помощникомъ А. И. Герцена въ редактированіи «Прибавленій къ Владимірскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ», а въ 1840 г. становится и оффиціальнымъ редакторомъ ихъ. Только что народившееся изданіе, «Владимірскія Губернскія Вѣдомости» подъ редакціей Протопопова съ первыхъ же годовъ своего существованія заняли одно изъ первыхъ мѣстъ среди подобныхъ изданій. Энергичный редакторъ съ самаго начала своей дѣятельности ясно опредѣлилъ задачу «Вѣдомостей», придалъ имъ тотъ характеръ, благодаря которому «Владимірскія Губернскія Вѣдомости» высоко цѣнились различными учеными обществами и лицами, занимающимися изученіемъ исторіи. Я. Е. Протопоповъ своими трудами по вопросамъ исторіи Владиміро-Суздальскаго края вѣрно намѣтилъ путь, по которому съ такимъ успѣхомъ шли за нимъ В. А. Борисовъ, В. И. Доброхотовъ и особенно К. Н. Тихонравовъ. Изъ многочисленныхъ статей самаго Протопопова во «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (съ № 25 за 1839 г. по № 43—1843 г.) можно отмѣтить: «Историческое обозрѣніе Суздаля» (1839 г.), «Замѣтка о Суздальскихъ древностяхъ», «Историческій очеркъ г. Переславля Залѣсскаго» (1840 г.), «Краткое историческое начертаніе Владиміро-Суздальской іерархіи»; «О нѣкоторыхъ селеніяхъ Владимірской губерніи, бывшихъ

прежде собственностью великихъ князей московскихъ или ихъ семействъ, и упоминаемыхъ въ ихъ древнихъ граматахъ», «Исчисленіе духовныхъ писателей, жившихъ или родившихся во Владимірской губерніи» (1841 г.) и мн. др. — Въ концѣ 1843 г. Протопоповъ перешелъ на службу въ Москву и тамъ опредѣлился въ корректоры типографіи Московскаго Университета. Умеръ онъ, будучи въ отставкѣ, и похороненъ на Ваганьскомъ кладбищѣ.

«Владим. Губерн. Вѣдом.» 1874 г., № 46; 1898 г., № 16; «Ежегодн. Владимір. Губерн. Статистич. Комитета», т. 1, в. 1 (1876 г.), стр. 9; «Уроженцы и дѣятели Влад. губ.», вып. 3, стр. 3—23 (А. В. Смирнова); «Труды Влад. Губ. Ученой Коммиссіи», кн. 2 (1900 г.) и оттуда отд. оттискъ («Портретная галлерея уроженцевъ и дѣятел. Владим. губ.», вып. 1); «Матеріалы для біографіи К. Н. Тихонравова», 1900 г., стр. 2—18.

S—f.

Прохоровъ, *Василій Александровичъ*, рисовальщикъ и археологъ; род. 28-го февраля 1818 г. въ Орлѣ, ум. 28-го іюня 1882 г. въ Старомъ Петергофѣ. Сынъ протоіерея, переведеннаго изъ Орла сперва въ Екатеринославъ, а потомъ въ Херсонъ, онъ остался послѣ смерти отца семи лѣтъ; въ немъ принялъ участіе Херсонскій архіепископъ Гавріилъ и помѣстилъ его въ мѣстную Духовную Семинарію. Окончивъ тамъ курсъ въ 1839 г., Прохоровъ поступилъ преподавателемъ въ приходское училище въ Одессѣ, гдѣ пробылъ два года, а затѣмъ, выйдя въ отставку, подалъ, въ маѣ 1842 г., прошеніе преосвященному Гавріилу объ увольненіи его изъ духовнаго званія, говоря, что, «будучи отпущенъ въ Петербургъ, для свиданія съ родственниками, онъ нашелъ тамъ удобнѣйшія средства въ Академіи Художествъ, для усовершенствованія въ живописи и архитектурѣ, къ которымъ онъ имѣетъ непреодолимую и постоянную склонность съ малыхъ лѣтъ». 9-го іюля того же года состоялся указъ объ увольненіи Прохорова изъ духовнаго званія, и онъ поступилъ въ Академію Художествъ, гдѣ сдѣлался ученикомъ А. Т. Маркова. Но тамъ вскорѣ онъ убѣдился въ отсутствіи настоящаго художественнаго призванія и, дойдя только до натурнаго класса, оставилъ Академію, научившись все же порядочно рисовать, что̀ не мало помогло ему въ дальнѣйшей дѣятельности. Въ 1844 г. онъ поступилъ учителемъ исторіи въ Морской Кадетскій Корпусъ. Иллюстрируя свои уроки картинками и рисунками изъ древняго міра, П. въ 1851 году издалъ, на средства Корпуса, «Исторію древняго міра», а въ 1857 г.—«Исторію Рима», со многими иллюстраціями. Въ Корпусѣ П. прослужилъ до 1857 г., а въ 1854—1857 гг. завѣдывалъ редакціею «Журнала Общеполезныхъ свѣдѣній».

Наконецъ, П. всецѣло предался своему настоящему призванію: «Онъ ревностно занялся тѣмъ, къ чему постоянно имѣлъ всего болѣе склонности и страсти, — собираніемъ предметовъ древне-русскаго искусства и жизни и изученіемъ памятниковъ какъ этого, такъ и византійскаго искусства; онъ сталъ покупать всѣ сколько-нибудь замѣчательные предметы этой категоріи, какіе только появлялись въ Петербургѣ и были ему доступны по средствамъ; но еще болѣе пріобрѣталъ онъ ихъ во время своихъ путешествій по Россіи, преимущественно по Новгородской губерніи, гдѣ у него было много знакомыхъ между старообрядцами. Скоро разнообразныя коллекціи его разрослись до очень большихъ размѣровъ, и наврядъ ли у кого изъ нашихъ любителей и знатоковъ можно было встрѣтить, въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, такое значительное число древнихъ русскихъ вышивокъ, мужскихъ и женскихъ рубашекъ, женскихъ, богатыхъ узорами повязокъ и всяческихъ головныхъ украшеній, сарафановъ, обуви и т. д. Сверхъ того, у Прохорова накопилось, мало-по-малу, огромное число рисунковъ, частію снятыхъ съ натуры, частію скопированныхъ съ безчисленныхъ рукописей и печатныхъ изданій, которыя ему удавалось разсматривать какъ въ большихъ общественныхъ, такъ и въ частныхъ собраніяхъ. Въ рукахъ у Прохорова, такимъ образомъ, накопился, къ концу шестидесятыхъ годовъ, можно сказать, цѣлый иконографическій музей, истинно замѣчательный.

Къ этому времени тогдашній вице-президентъ Академіи Художествъ князь Г. Г. Гагаринъ, извѣстный приверженецъ византіизма, задумалъ устроить при Академіи «Музей православнаго иконописанія», впослѣдствіи переименованный въ «Древнехристіанскій музей». Познакомившись съ

Прохоровымъ, князь Гагаринъ назначилъ его преподавателемъ всеобщей исторіи, съ курсомъ христіанскихъ и русскихъ древностей, въ Академіи, а также и хранителемъ упомянутаго музея (съ 1861 г.). Лучшаго выбора онъ не могъ сдѣлать. Прохоровъ отнесся къ музею съ такою любовью и съ такимъ знаніемъ дѣла, что вскорѣ музей былъ приведенъ въ образцовый порядокъ. Онъ самъ размѣщалъ всѣ вещи, развѣшивалъ ихъ, собственноручно реставрировалъ многія изъ нихъ, а иногда и самъ выполнялъ модели недостававшихъ въ собраніи памятниковъ. Сверхъ того, по его просьбѣ, Академія Художествъ нѣсколько разъ поручала ему дѣлать поѣздки для изысканій по Россіи предметовъ, касающихся исторіи древне-русскаго искусства. Такія поѣздки Прохоровъ совершалъ въ 1863, 1867, 1869 и 1871—1875 гг. Благодаря этимъ изысканіямъ, а также благодаря многочисленнымъ приношеніямъ самаго Прохорова (впослѣдствіи все его собственное собраніе было пріобрѣтено у него Академіею Художествъ), Древне-Христіанскій Музей не остался учрежденіемъ неподвижнымъ и замерзшимъ на одной только первоначальной своей точкѣ отправленія, какъ это часто бываетъ со многими нашими учрежденіями, музеями и коллекціями. Мало того, въ дополненіе къ этому музею, онъ устроилъ еще музей древне-русскій.

Имѣя въ рукахъ такой богатый матеріалъ, Прохоровъ задумалъ, въ мартѣ 1862 г., издавать художественно-археологическій журналъ, подъ заглавіемъ «Христіанскія Древности», пользуясь для снимковъ, помѣщаемыхъ въ немъ, незадолго передъ тѣмъ открытымъ способомъ фотолитографіи и устроилъ у себя въ квартирѣ маленькую литографію и фотографію. При этомъ онъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы достичь возможно большей точности въ передачѣ рисунка, и въ этомъ отношеніи изданіе его и до сихъ поръ не потеряло своего значенія. Онъ издалъ тутъ множество чрезвычайно важныхъ памятниковъ архитектуры, живописи, скульптуры и др. памятниковъ искусства. Изданіе не давало, однако, ничего, кромѣ убытковъ, такъ что въ апрѣлѣ 1865 г. Прохоровъ принужденъ былъ прекратить его. Тѣмъ не менѣе, неудача эта не убила его энергіи, и онъ по прежнему продолжалъ свои работы по собиранію и изслѣдованію матеріала для изученія памятниковъ нашего древняго искусства и быта. Не доставало только средствъ на его изданіе. Тогда великій князь Владиміръ Александровичъ, бывшій въ то время Товарищемъ Президента Академіи Художествъ, выхлопоталъ ему субсидію въ 7000 р., при помощи которой, съ 1871 г., журналъ возобновился, въ видѣ двухъ отдѣловъ: «Христіанскихъ Древностей», выходившихъ въ 1871—1872, 1875 и 1877 гг., и «Русскихъ Древностей», выходившихъ въ 1871 и 1876 гг., послѣ чего изданіе прекратилось совсѣмъ.

За эти годы Прохоровымъ было издано также нѣсколько крупныхъ и цѣнныхъ монографій; таковы: «Описаніе церкви св. Георгія въ Рюриковой Староладожской крѣпости», со множествомъ рисунковъ и, въ томъ числѣ, съ древними фресками XII в., нигдѣ раньше не изданными: «Матеріалы при изслѣдованіи исторіи архитектуры въ Россіи», гдѣ онъ издалъ памятники кіевской, новгородско-псковской, владиміро-суздальской и московской архитектуры, и при изученіи памятниковъ древнѣйшаго періода прибѣгъ къ изображеніямъ на миніатюрахъ и заставкахъ древнихъ рукописей. Для этого изданія были скопированы учениками Строгановскаго Училища изображенія церквей изъ «Изборника Святослава», изъ «Добрилова Евангелія» и изъ другихъ рукописей. Самъ же онъ скопировалъ множество подобныхъ рисунковъ изъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки. Въ «Матеріалахъ для исторіи русскихъ одеждъ» онъ помѣстилъ много рисунковъ изъ древнихъ рукописей, изъ церковныхъ фресокъ, съ разныхъ матерій, найденныхъ при раскопкахъ, и, кромѣ того, пользовался заглавными буквами, сопоставляя весь этотъ матеріалъ съ уцѣлѣвшими до нашихъ временъ народными костюмами. На третьемъ археологическомъ съѣздѣ былъ имъ прочитанъ докладъ: «Очеркъ исторіи византійскаго искусства и обзоръ русской архитектуры». Послѣднею его монографіею была брошюра: «Болгарскія раскопки близъ Эски-Загры».

Кромѣ этихъ работъ, онъ завѣдывалъ, по приглашенію Театральной Дирекціи, костюмёрною частью при постановкѣ оперъ «Жизни за Царя» (1864 г.), «Рог-

нѣды» (1865 г.), «Нижегородцевъ», «Бориса Годунова», «Руслана и Людмилы», «Псковитянки», балета «Царь Кандавлъ» и др.

Въ 1850 г. П. нарисовалъ на камнѣ портретъ курскаго самоучки-астронома Ѳ. А. Семенова, изданный въ «Извѣстіяхъ Географическаго Общества» того же года.

28-го іюня 1882 г. Прохоровъ умеръ въ Старомъ Петергофѣ, не успѣвъ окончить приведенія въ порядокъ упомянутыхъ «Матеріаловъ по исторіи русскаго костюма», изданіе которыхъ заканчивалъ уже сынъ его.

«Сѣверная Пчела» 1862 г., № 260; «Православное Обозрѣніе» 1863 г.; «Московскія Вѣдомости» 1863 г., № 168, 1864, № 57 и 1882 г., № 227; «Русскій Вѣстникъ» 1864 г.; «Духовное Чтеніе» 1864 г.; «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Художествъ», С.-Пб. 1864 г.; «Вѣстникъ Европы» 1866 г.; Н. И. Костомаровъ: «В. А. Прохоровъ и его археологическая дѣятельность» — «Новое Время» 1882 г., № 2144; «Недѣля Строителя» 1882, № 28; В. В. Стасовъ, Собраніе сочиненій, С.-Пб. 1894; «Историческая записка о дѣятельности Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за первыя 25 лѣтъ его существованія», М. 1890; Н. П. Собко, Словарь русскихъ художниковъ, С.-Пб. 1899; Отчетъ Импер. Русск. Геогр. Общества за 1882 г.; А. Н. Пыпинъ, Исторія Русской Этнографіи, т. II; Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ Русскихъ писателей, вып. II; «Знакомые. Альбомъ М. И. Семевскаго», С.-Пб. 1888.

А. П. Новицкій.

Прохоровъ, *Дмитрій Дмитріевичъ*, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 1-й пѣхотной дивизіи; род. 9-го октября 1827 года, происходилъ изъ дворянъ Владимірской губерніи, воспитывался въ Первомъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ; 10-го августа 1845 года поступивъ на службу прапорщикомъ въ л.-гв. Волынскій полкъ, П. 24-го декабря 1852 года назначенъ былъ помощникомъ командира кадрозапаснаго батальона, а затѣмъ переведенъ (1-го апрѣля 1855 г.) снова въ л.-гв. Волынскій полкъ и 6-го декабря того же года былъ произведенъ въ капитаны. Затѣмъ П. служилъ въ л.-гв. Павловскомъ полку (1861—1863 г.), былъ командиромъ 11-го Псковскаго пѣхотнаго (1863—1866), а затѣмъ — л.-гв. Волынскаго (1866—1873 г.) полковъ, командиромъ 2-й бригады 3-й Гвардейской пѣх. дивизіи (1873—1876 г.) и 1-й пѣхотной дивизіи (13-го января 1876 г.). 30-го августа 1876 г. произведенный въ генералъ-лейтенанты, П. съ началомъ Русско-Турецкой кампаніи 1877 года вошелъ со своею дивизіею въ составъ Рущукскаго отряда, который, не взирая на всю трудность положенія, стойко, въ теченіе болѣе полугода, выдерживалъ натискъ арміи четыреугольника турецкихъ крѣпостей и далъ возможность остальнымъ нашимъ войскамъ пережить кризисъ и побѣдоносно дойти до стѣнъ Константинополя. 10-го августа 1877 года ему, какъ начальнику Попкіойской позиціи, поручено было занять Аясларскія высоты, которыя должны были охранять и обезпечивать наши передовыя позиціи. Тогда-то и произошло Аясларское дѣло, такъ художественно описанное участникомъ его В. М. Гаршинымъ; въ этомъ дѣлѣ 7 нашихъ батальоновъ при восемнадцати орудіяхъ и двухъ сотняхъ казаковъ два дня дрались противъ турецкихъ 8 батальоновъ, 6 эскадроновъ, 3 сотенъ съ двадцатью орудіями подъ страшнымъ 40° зноемъ, и только когда къ туркамъ 11-го числа подошло еще семь батальоновъ подкрѣпленія, русскіе принуждены были отступить съ большими потерями, не выполнивъ своей задачи. Затѣмъ 1-й дивизіи пришлось принять участіе въ дѣлѣ только въ концѣ войны, когда 16-го января 1878 г. Прохоровъ послѣ небольшой перестрѣлки занялъ Разградъ. 1-го февраля 1878 года Наслѣдникъ Цесаревичъ, командовавшій восточнымъ отрядомъ, прощаясь съ войсками Рущукскаго отряда, объявилъ въ приказѣ свою искреннюю благодарность въ числѣ другихъ и генералъ-лейтенанту Прохорову. Онъ скончался 15-го декабря 1881 года.

Послужный списокъ; Вороновъ и Бутовскій, «Исторія л.-гв. Павловскаго полка», прил., стр. 94; Геніевъ, «Исторія 11-го пѣхотнаго Псковскаго ген.-фельдм. кн. Кутузова-Смоленскаго полка», стр. 311—314, прил., стр. 41; Луганинъ, «Исторія л.-гв. Волынскаго полка», т. 2-й, стр. 83, 88, 89—91, прил., стр. 24; «Русская Старина» 1888 г., январь, стр. 211, февраль, стр. 349: «Рущукскій отрядъ въ 1877—78 гг.», ст. Степанова; Военный Календарь на 1883 г., стр. 162.

Прохоровъ, *Тимофей Васильевичъ*, мануфактуръ-совѣтникъ; родился 14-го февраля 1797 г. въ Москвѣ, въ купеческой семьѣ, рано научился грамотѣ и ариѳметикѣ и въ 1810 г. былъ отданъ отцомъ, состоятельнымъ Московскимъ купцомъ-фабрикантомъ, на ситценабив-

ную фабрику С. А. Чванова, для ознакомленія съ производствомъ, а въ 1813 г. занялся приведеніемъ въ порядокъ такой же фабрики своего отца, разоренной французами въ 1812 г. Быстро поправивъ дѣла и введя много усовершенствованій въ производствѣ, П. въ 1816 г. при своей фабрикѣ основалъ школу для обученія малолѣтнихъ мастеровыхъ, къ которымъ послѣ холеры 1830 г. присоединилось до ста осиротѣвшихъ дѣтей изъ мѣщанъ; школа Прохорова вскорѣ стала считаться образцовой и вызвала нѣсколько подражаній. Въ 1832 г. Прохоровъ отправился съ образовательными цѣлями въ Германію, гдѣ осматривалъ и изучалъ фабрики, заводы и различныя мануфактурныя заведенія, а также посѣщалъ народныя школы и университеты, гдѣ самъ слушалъ лекціи и наблюдалъ за преподаваніемъ въ народныхъ училищахъ. Возвратясь въ Россію въ 1833 г., П. основалъ, отдѣлившись отъ братьевъ, собственную фабрику и при ней школу для взрослыхъ и малолѣтнихъ; въ школѣ, наряду съ обученіемъ ремесламъ, какъ то: ткацкому, набивному, рѣзьбѣ по дереву и металлу, столярному, кузнечному, составленію красокъ, шло также обученіе чтенію, письму, ариѳметикѣ и Закону Божію. Задача школы заключалась въ подготовкѣ опытныхъ мастеровъ. Вскорѣ П. основалъ также и школу для дѣвочекъ, въ которой обучали грамотѣ и женскимъ ремесламъ. На мануфактурной выставкѣ въ Москвѣ въ 1835 году издѣлія фабрики П. обратили на себя особенное вниманіе Императора Николая. П. награжденъ былъ званіемъ мануфактуръ-совѣтника, а затѣмъ состоялъ членомъ Московскаго Отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта. Будучи дѣятельнымъ членомъ Тюремнаго Комитета, Прохоровъ на Воробьевыхъ горахъ выстроилъ отдѣльное помѣщеніе и школу для арестантскихъ дѣтей, а также церковь. Онъ состоялъ также членомъ Импер. Моск. Общества Сельскаго Хозяйства. Въ 1846 году П. отправился вторично за-границу съ цѣлями осмотра фабрикъ и учебныхъ заведеній, больницъ и тюремъ. Скончался онъ въ Москвѣ 14-го іюня 1854 г.

«Душеполезное Чтеніе» 1860 г., стр. 186—249 и отд. изд.: Т. В. Прохоровъ, М. 1860, 64 стр.; «Сѣв. Пчела» 1854, № 289; «Коммерч. Газета» 1855 г., № 1; С. А. Масловъ, Историч. Обозрѣніе Имп. Моск. Общ. Сельскаго Хозяйства, М. 1846.

Прохоровъ, *Хрисанѳъ Васильевичъ*, инспекторъ кораблестроительныхъ работъ С.-Петербургскаго порта, писатель; ум. 29-го февраля 1884 г., въ Петербургѣ, похороненъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. Образованіе получилъ въ Инженерномъ училищѣ (впослѣдствіи — Техническое), откуда былъ выпущенъ въ 1855 году въ офицеры. Скоро своими способностями обративъ на себя вниманіе, онъ былъ назначенъ строителемъ шхунъ «Алеутъ» и «Самоѣдъ», по постройкѣ которыхъ въ 1863 г. былъ командированъ во Францію, въ Гавръ-де-Грасъ, для наблюденія за постройкой канонерскихъ лодокъ «Моржъ» и «Горностай», заказанныхъ тамъ для Сибирской флотиліи. Затѣмъ, около двухъ лѣтъ П. провелъ въ Англіи, гдѣ, по порученію Морского Министерства, изучалъ судостроеніе и, вернувшись на родину, сразу занялъ видное мѣсто въ корпусѣ корабельныхъ инженеровъ. На него была, между прочимъ, возложена обязанность строителя полубронеоснаго фрегата «Генералъ-Адмиралъ», но вскорѣ онъ долженъ былъ передать работы по устройству этого фрегата другому инженеру и оставилъ службу. Пробывъ около двухъ лѣтъ въ отставкѣ, онъ снова поступилъ на службу — старшимъ строителемъ Петербургскаго порта, гдѣ въ послѣдніе годы службы неоднократно исполнялъ обязанности инспектора кораблестроительныхъ работъ. Въ 1879 г. ему было поручено Морскимъ Министерствомъ разработать правила для опредѣленія количества пошлинъ, взимаемыхъ съ тоннъ водоизмѣщенія иностранныхъ судовъ, приходящихъ въ наши порты. Эту сложную работу онъ выполнилъ очень удачно. Въ 1881 г., за смертію инспектора кораблестроительныхъ работъ при Петербургскомъ портѣ, генералъ-маіора Шведе, онъ былъ назначенъ исправлять должность послѣдняго, а въ 1882 г. произведенъ за отличіе по службѣ въ чинъ подполковника и утвержденъ въ должности, на которой и оставался до самой смерти.— Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: «Спускъ на воду англійской батареи «Vixen» («Морской Сборникъ» 1865 г., № 12); «Изложеніе основныхъ началъ ко-

рабельной архитектуры, съ практическимъ ихъ примѣненіемъ къ кораблестроенію». Соч. Д. Пика, перев. А. Рудыковскаго и Х. П-а, С.-Пб. 1860 г. (Рецензія А. Мещерскаго: «Морск. Сборн.» 1861 г., № 3, библ., 6—14); «Таблица вѣса 9000 разныхъ нумеровъ углового и тавроваго желѣза», С.-Пб. 1869 г.

«Кронштадскій Вѣстникъ» 1884 г., № 29; «Новое Время» 1884 г., №№ 2877 и 2878.

И. Марченко.

Прохоръ, преп. Печерскій, прозванный «Лебедникомъ», скончался 10-го февраля 1107 г. Родомъ Прохоръ былъ изъ Смоленска, въ Кіево-Печерскій монастырь пришелъ во время игуменства Іоанна (1089—1103 г.) и отъ него былъ постриженъ въ иночество. Вмѣсто хлѣба питался онъ лебедою,—отсюда и его прозвище. Во время сильнаго голода Прохоръ этимъ же хлѣбомъ кормилъ голодающихъ. Великій князь Святополкъ Изяславовичъ (1093—1113 г.) весьма уважалъ преподобнаго и даже, по свидѣтельству лѣтописи, похоронилъ его своими руками. Мощи преп. Прохора почиваютъ открыто въ Антоніевой (ближней) пещерѣ; память, кромѣ дня преставленія—10-го февраля,—празднуется еще вмѣстѣ съ другими преподобными, почивающими въ тѣхъ же пещерахъ. Преп. Прохору есть особая служба въ книгѣ службъ Кіево-Печерскимъ святымъ. Житіе его описано довольно кратко во второмъ посланіи Поликарпа черноризца архим. Акиндину. Описаніе его наружности—въ «Сводномъ иконописномъ подлинникѣ» подъ 10-мъ февраля.

В. Яковлевъ, Памятн. русской литер. XII—XIII вв., 1872, стр. 152—157; его же, Древнекіевск. религіозн. сказанія, 1875 г., стр. 147; Н. Барсуковъ, Источники русской агіографіи, 465; Филаретъ, Русскіе святые, 1882 г., т. II, стр. 167—173; Димитрій, Мѣсяцесловъ . . . 1897 г., стр. 113—115, 10-е февр. (приведена мелкая библіографія); «Книга, глаголемая Описаніе о росс. святыхъ», № 89 («Чтенія» 1887 г., кн. 4); Словарь историч. о святыхъ, 1862 г., стр. 203—04; Леонидъ, Св. Русь, № 49; Г. Филимоновъ, Иконописный подлинникъ, стр. 268.

А. Ш.

Прохоръ (въ схимѣ Трифонъ), св., епископъ Ростовскій и Ярославскій, родился въ серединѣ XIII в. Біографическія свѣдѣнія о немъ неизвѣстны до 1310 г.; въ концѣ же 1310 или въ началѣ 1311 годовъ Прохоръ, будучи игуменомъ Ярославскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, присутствовалъ, вмѣстѣ съ своимъ епархіальнымъ Ростовскимъ архіереемъ Симеономъ, на Переяславль-Залѣсскомъ соборѣ, созванномъ по вопросу о правильности взиманія митрополитомъ со священниковъ мзды за поставленіе ихъ въ церковныя степени. Въ мартѣ 1311 года, по смерти еп. Симеона, Прохоръ былъ посвященъ митроп. Петромъ въ Твери во епископы Ростовскіе. Въ началѣ 1315 года Прохоромъ была основана Толгская обитель на рѣчкѣ Толгѣ (въ 8-ми верстахъ отъ Ярославля). Въ 1319 г. онъ ѣздилъ въ Тверь мирить ея князей съ Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ, а въ 1322 г., какъ разсказываютъ лѣтописи, своимъ предстательствомъ спасъ Ростовъ отъ нашествія ханскаго узбека Ахмыла. Въ 1325 г. еп. Прохоръ, вмѣстѣ съ митр. Петромъ и тремя другими епископами, хоронилъ въ Москвѣ убитаго вел. кн. Юрія Даниловича, а въ 1327 г., уже послѣ смерти Петра, освящалъ тамъ же заложенный послѣднимъ Успенскій соборъ. Въ началѣ слѣдующаго года Прохоръ, послѣ 16-ти лѣтняго служенія Ростовской церкви, удалился на покой въ Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь, гдѣ и скончался 7-го сентября 1328 г., принявъ передъ смертію схиму. Похороненъ Прохоръ за алтаремъ Преображенской церкви того же монастыря. Память его, какъ мѣстнаго святого, чтится 7-го сентября, хотя канонизованъ онъ не былъ.

Прохоромъ же было составлено, вѣроятно въ августѣ 1327 г., первое «житіе» св. митрополита Петра. Житіе это, отличаясь безъискуственностью и простотою изложенія и краткостью формы, напоминающей проложные расказы, чрезвычайно важно, какъ написанное современникомъ, лично знавшимъ покойнаго святителя. Сохранилось оно въ немногихъ спискахъ (нѣкоторые изъ нихъ указаны Н. Барсуковымъ въ «Источникахъ Русской Агіографіи», стр. 447—48), такъ какъ было вытѣснено изъ обращенія слѣдующимъ житіемъ, написаннымъ митроп. Кипріяномъ болѣе литературно, для котораго однако послужило главнымъ источникомъ при составленіи. Кромѣ упомянутаго житія св. Петра Прохору приписы-

ваютъ еще составленіе канона и службы въ честь святителя.

«Полное собр. русск. лѣтописей», тт. I, III, V, VII, XV (см. Указатель къ первымъ 8-ми томамъ); Н. М. Карамзинъ, Исторія, т. IV, стр. 133, прим. 257, 328; П. Строевъ, Списки іерарховъ, стр. 330 337; В. О. Звѣринскій, Матеріалы, т. I, № 458; Н. Д(урново), Іерархи россійской церкви, вв. 1—3; Іерархи Ростовско-Ярославской паствы, Яросл. 1864 г., стр. 60—63; Макарій. Истор. русской церкви (1866 г.), т. IV, кн. 1, стр, 308—312; т. V, кн. 2, стр. 176—178; Е. Голубинскій, Исторія русской церкви, М. 1900 г., т. II, втор. пол., стр. 98—99, 108—111; Ап. Крыловъ, Историко-Статистич. обзоръ Ярославской епархіи, Яросл. 1861 г., стр. 15; А. А. Титовъ, Описаніе Ростова Великаго, М. 1891 г., стр. 115; Архим. Нилъ, Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь, что нынѣ архіерейскій домъ, Яросл. 1869 г., стр. 81—82; Н. Барсуковъ, Источники русской агіографіи, стр. 465; В. О. Ключевскій, Древне-русскія житія святыхъ, М. 1871 г., стр. 74—77, 83—85; «Книга, глаголемая «Описаніе о россійск. святыхъ» («Чтенія И. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1887 г., кн. 4, № 224); Димитрій, Мѣсяцесловъ всѣхъ святыхъ, 1893 г., сентябрь, стр. 36—37; М. В. Толстой, Жизнеописаніе угодниковъ Божіихъ, живших въ предѣлахъ Ярославской епархіи, Яросл. 1885 г., стр. 49—50; Г. Дебольскій. Дни богослуженія, изд. 8-е, 1887 г., т. I, стр. 217; Г. Филимоновъ, Иконопис. подлинникъ, стр. 31; Леонидъ, Св. Русь, стр. 160; Сергій, Мѣсяцесловъ, ч. III, стр. 67, прим. 3; Филаретъ, Обзоръ духовной литерат., 3 изд. (1884 г.), стр. 69; П. Строевъ, Библіологическій словарь, стр. 239; Евгеній, Словарь духовн. писателей; Брокгаузъ-Ефронъ, Энциклопедич. Словарь.

А. Шиловъ.

Прохоръ, тринадцатый епископъ Крутицкій, Сарскій и Подонскій. До рукоположенія въ епископы, съ 1456 г. по 1471 г., Прохоръ былъ настоятелемъ Московскаго Богоявленскаго монастыря; 17-го марта 1471 г., въ недѣлю крестопоклонную, былъ хиротонисанъ въ еп. Сарскаго и Подонскаго. Какъ ближайшій помощникъ Московскихъ митрополитовъ по управленію церковью, Прохоръ принималъ дѣятельное участіе въ церковныхъ дѣлахъ на Москвѣ, и имя его, чаще другихъ епископовъ, упоминается въ актахъ того времени: такъ, въ іюнѣ 1472 г. онъ принималъ участіе въ перенесеніи мощей митр. Петра, въ апрѣлѣ 1473 г. — въ погребеніи митр. Филиппа, а въ іюнѣ того же года — въ поставленіи въ митрополита Всероссійскаго — Геронтія; въ августѣ 1479 г. находился, вмѣстѣ съ другими епископами, при освященіи Успенскаго собора, построеннаго Аристотелемъ Фіоравенти. По смерти митр. Геронтія, съ 28-го мая 1489 г., до поставленія митр. Зосимы, 26-го сент. 1490 г., Прохоръ управлялъ дѣлами митрополіи; въ это время къ нему писалъ свое посланіе новгородскій архіепископъ Геннадій съ просьбой обратить вниманіе на все усиливавшуюся ересь жидовствующихъ. Въ октябрѣ 1490 г. Прохоръ былъ на соборѣ по поводу упомянутой выше ереси, а въ сентябрѣ 1492 г. — на другомъ соборѣ, созванномъ для составленія новаго церковнаго круга, окончившагося съ концомъ седьмой тысячи лѣтъ. Въ декабрѣ 1492 г. Прохоръ, оставивъ епископію, сошелъ съ Крутицъ на покой въ Богоявленскій монастырь; за продолжительное свое служеніе онъ получилъ отъ вел. князя на кормленіе Звенигородъ со всѣми пошлинами. По смерти, послѣдовавшей неизвѣстно когда, Прохоръ былъ погребенъ на Москвѣ въ Крутицкой обители, въ Крестовой церкви Крутицкихъ архіереевъ.

«Полное собр. русск. лѣтописей» (Указатель къ 8-ми томамъ); Н. М. Карамзинъ, Исторія (см. Указатель); Исторія Россійской іерархіи, т. I, стр. 235; Н. Д(урново), Іерархи всерос. церкви; П. Строевъ, Списки іерарховъ, стр. 175, 1033—34; Н А. Соловьевъ, Сарайская и Крутицкая епархіи, «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.» 1894 г. кн. III, стр. 41—44 (приведена вся историческая библіографія); Никодимъ, еп. Дмитровскій, Описаніе Московск. Богоявленскаго монастыря, 1876 г., кн. 4, стр. 181—182; Е. Голубинскій, Исторія русской церкви, т. II, пол. 1-я, М. 1900 г., стр. 551—553, 567—572, 608—609; П. Строевъ, Библіологическій словарь, стр. 56.

А. Шиловъ.

Проѣстевъ, *Степанъ Матвѣевичъ*, окольничій. Родоначальникомъ рода Проѣстевыхъ считаютъ упоминаемаго въ лѣтописи подъ 1367 годомъ Дмитрія Минича или Минина, воеводу, посланнаго великимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ противъ Ольгерда, вел. кн. Литовскаго, вмѣстѣ съ Акинѳомъ Ѳедоровичемъ Шубою, воеводою Владиміра Андреевича, удѣльнаго князя Серпуховскаго. Позднѣе, при великомъ князѣ Василіи I Дмитріевичѣ, Дмитрій Миничъ былъ бояриномъ этого князя. Потомкомъ Дмитрія Минича и предкомъ Степана Матвѣевича былъ Давыдъ Григорьевичъ, имѣвшій прозвище «Проесть»: онъ-то и далъ своему потомству фамилію. Давидъ Григорьевичъ былъ ловчимъ великаго князя Василія III Іоанновича, въ 1609—10 году участвовалъ въ походѣ

этого князя къ Новгороду, окончившемся подчиненіемъ Пскова. Умеръ онъ въ 1634 году. Матвѣй Меншого Проѣстевъ, отецъ Степана Матвѣевича, былъ уже простымъ городовымъ дворяниномъ и служилъ по городу Дмитрову. Въ 1613 году Степанъ Матвѣевичъ Проѣстевъ, въ званіи стольника, подписался подъ граматой объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. Въ 1616 году онъ отправленъ былъ съ царской граматой (объ уплатѣ на ратныхъ людей и другіе военные расходы) къ купцамъ Строгановымъ. Въ 1617 году былъ назначенъ воеводою на Осколъ, гдѣ находился и въ 1618 году, но въ 1619 году (приблизительно въ февралѣ) назначенъ былъ въ Земскій Приказъ, гдѣ оставался до 1634 года. Въ 1622 году указано было Проѣстеву со стольникомъ кн. Вас. Петр. Ахамашуковымъ-Черкасскимъ и другими послами отправиться на съѣздъ съ польскими коммиссарами въ г. Вязьму, на литовскую границу «для всякихъ росправныхъ дѣлъ и для межеванія». Съѣздъ этотъ, какъ извѣстно, остался безрезультатнымъ. Въ 1634 году, 11-го января, указано было Проѣстеву, съ титуломъ Намѣстника Шатцкаго, вмѣстѣ съ окольн. кн. А. М. Львовымъ и др. отправиться на польскій пограничный съѣздъ съ польскими коммиссарами «для мирнаго постановленія». 30-го марта послы двинулись на границу, а 12-го апрѣля (22-го апрѣля по новому стилю) составили запись, чтобы съѣздъ состоялся на р. Поляновкѣ, въ сел. Семлевѣ. 4-го (14-го) іюня 1634 года заключенъ былъ и самый «вѣчный миръ», носящій въ исторіи имя «Поляновскаго мира». По условію мира царь Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ признанъ царемъ со стороны Польши, Русскіе за это въ свою очередь должны были уступить нѣсколько своихъ городовъ, и рѣшена была посылка въ 5 пограничныхъ мѣстъ межевыхъ судей для размеженія новыхъ границъ (послѣднее, однако, не удалось выполнить). Кромѣ того, были и другія, менѣе важныя условія. По возвращеніи вскорѣ въ Москву Проѣстевъ, какъ и другіе члены посольства, были приглашены (5-го іюня 1634 года) къ государеву столу, а послѣ стола получили награды за посольскую службу, при чемъ Проѣстеву было пожаловано: «шуба атласъ золотной на соболяхъ въ 130 рублей, кубокъ серебрянъ вызолоченъ... да къ прежнему окладу придачи 60 рублей, да вотчины 600 четвертей». Кромѣ того, Проѣстевъ былъ пожалованъ въ «думные дворяне». Въ августѣ 1634 года Проѣстевъ снова былъ въ Земскомъ Приказѣ. 24-го октября 1634 года вышелъ указъ думному дворянину Проѣстеву быть въ посольствѣ съ другими послами къ литовскому и польскому королю Владиславу для ратификаціи Поляновскаго договора; кромѣ того, послы должны были добиться полученія назадъ граматы договора объ избраніи королевича Владислава на царство, которая была выдана боярами гетману Жолкѣвскому и, такимъ образомъ, находились въ Польшѣ, да еще просить отдать тѣло царя Вас. Ив. Шуйскаго. Послы отправились, однако, только въ январѣ 1635 года. Ратификація была заключена, тѣло царя Шуйскаго выдано, въ выдачѣ же избирательной граматы отказано. 1-го іюня 1635 года на встрѣчу посламъ, возвращавшимся уже съ ратификаціей договора, Государь послалъ въ Можайскъ стольника В. Гр. Ляпунова «съ государевымъ жалованіемъ и о здоровьѣ спросить». Вскорѣ по возвращеніи въ Москву, 19-го іюля того же (1635) года, за посольскую службу Проѣстевъ изъ думныхъ дворянъ пожалованъ въ окольничіе. По обычаю послы были приглашены къ государеву столу, а по окончаніи стола были награждены, при чемъ Проѣстеву была дана «шуба 190 рублей, да кубокъ, да придачи 70 рублей». Въ февралѣ 1638 года Проѣстевъ посланъ былъ опять въ посольство къ королю Владиславу, — на этотъ разъ во главѣ посольства, — съ дьякомъ и дворянами. Посольство было отправлено подъ предлогомъ поздравленія короля со вступленіемъ въ бракъ, но главною цѣлью его было просить «наказать пишущихъ неисправно государевъ титулъ, просить помощи войскомъ противъ татаръ, просить возвращенія взятыхъ въ Москвѣ церковныхъ вещей и жаловаться на межевыхъ судей». Послы повезли съ собою подарокъ для короля и королевы: первому — «братину золотую съ кровлей, яхонтами, лалами, изумрудомъ и жемчугомъ, цѣною въ 2.000 рублей, четыре сорока соболей на 1500 рублей, да два соболя живыхъ»; королевѣ — «золотой окладень съ доро-

гими каменьями, цѣною въ 600 рублей, три сорока соболей на 935 рублей, да два соболя живыхъ». Посольству даны были точныя обо всемъ инструкціи. Не смотря на то, что дары милостиво были приняты, и съ послами обошлись очень хорошо (даже король присылалъ звать пословъ во дворецъ «смотрѣть комедіи»), однако успѣшныхъ результатовъ послы не достигли и возвратились домой. Въ іюлѣ 1638 года Проѣстевъ уже былъ въ Москвѣ. Въ 1639 году, 22-го сентября, окольн. Ст. Матв. Проѣстеву указано было отправиться на Валуйку для размѣна плѣнныхъ. Въ 1640 году (27-го ноября) велѣно было ему быть въ приказѣ Большого Прихода; тамъ онъ былъ и въ 1641 году. Въ 1642 году, 12-го апрѣля, ок. Степ. Матв. Проѣстеву указано было идти въ посольствѣ въ Данію. Послы получили наказъ «большой» объ обновленіи дружбы и объ утвержденіи прежняго мирнаго съ Даніей договора, да кромѣ того еще «тайный» наказъ, въ которомъ велѣно было завести сватовство царевны Ирины Михаиловны съ королевичемъ датскимъ Вольдемаромъ-Христіаномъ, графомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ. Непремѣннымъ условіемъ было поставлено, чтобы король отпустилъ сына въ Россію, и чтобы королевичъ принялъ православіе въ Москвѣ, кромѣ того, велѣно отвезти подарки королевичу. «Въ запасъ» велѣно было отпустить посламъ соболей на 2000 рублей, но запасъ велѣно расходовать съ расчетомъ, не расходуя понапрасно: «искрѣпка, безъ чего нельзя быть, чтобы государское дѣло совершать добромъ». 17-го мая 1642 года послы двинулись изъ Москвы, 18-го іюля прибыли въ Копенгагенъ, а 27-го были приняты королемъ и 2-го августа снова были приняты на отпускѣ. Дѣло по первому, «большому» наказу не состоялось, потому что никакъ не могли договориться, чье имя писать раньше, государя или короля. Обѣ стороны не уступали. «Этому дѣлу по вашей мѣрѣ», сказалъ канцлеръ Даніи, «не быть, государь нашъ во всей Европѣ никакому Государю своей чести не уступитъ, и такою дорогою цѣною ни у котораго государя дружбы купить не хочетъ». Неудача постигла посольство и въ исполненіи второго, «тайнаго» наказа: ближніе королевскіе люди и слушать не хотѣли о сватовствѣ, когда узнали, что однимъ изъ условій было принятіе православія. Король сказалъ при отпускѣ, что онъ благодаритъ Государя за честь, оказанную сыну, но признаетъ заключеніе брака невозможнымъ изъ-за вопроса о вѣрѣ. Королевичъ же, не бывшій во время переговоровъ въ Копенгагенѣ и только что прибывшій, принялъ очень радушно пословъ, благодаря за подарки, но заявилъ, что въ вопросѣ этомъ всецѣло полагается на волю отца. Ничего не достигнувъ по тому и другому наказу, послы 8-го августа сѣли на корабль въ Копенгагенѣ, двинулись на Ригу, 5-го сентября были во Псковѣ, а 27-го сентября въ Москвѣ и подали Государю отвѣтную грамату (отъ 2-го августа, т. е. въ день отпуска). Въ Москвѣ ихъ встрѣтили неблагосклонно: на пословъ была наложена государева опала, такъ какъ Государь сильно желалъ этого брака для своей дочери, и неудача его огорчила. Пословъ обвиняли, что они, вопреки наказу, «услыхавши первый отказъ, сейчасъ же уѣхали», что «имъ велѣно было изъ Копенгагена обсылаться съ Государемъ, они же не обсылались», что они «съ ближними королевскими людьми говорили самыми короткими словами, что къ дѣлу не пристало, многихъ самыхъ надобныхъ дѣлъ не говорили и Государевымъ дѣломъ не промышляли и ближнимъ королевскимъ людемъ во многихъ статьяхъ противъ ихъ рѣчей были безотвѣтны», къ тому же «для государева дѣла послана была съ ними казна, соболи, давать было что, а они соболи раздавали для своей чести, а не для государева дѣла».

Въ 1644 году, въ декабрѣ, Проѣстеву велѣно было отправиться съ дьякомъ Калл. Акинфіевымъ на Валуйку для размѣна плѣнныхъ, какъ въ 1639 году. Кромѣ того, поручено было имъ проводить до Валуйки отъѣзжавшаго изъ Москвы Турецкаго посла. Въ 1645 году, 30-го ноября, были назначены въ Польшу великіе и полномочные послы б. Вас. И. Стрѣшневъ, ок. Проѣстевъ съ прочими членами посольства къ королю Владиславу для поздравленія короля съ новымъ бракомъ на Людовикѣ-Маріи Мантуанской и для окончательной ратификаціи Поляновскаго договора. Отправившись 6-го января 1646 года, они прибыли въ Варшаву и 10-го мая были приняты королемъ, несмотря на

его болѣзнь, заставившую его принять пословъ лежа въ постели. Когда король, лежавшій въ постели, «противъ государева имени» не всталъ, то послы, боясь умаленія государевой чести и думая, не скрывается ли здѣсь какой-нибудь хитрости, выразили протестъ, и много надо было потратить королю усилій, чтобы убѣдить ихъ въ искренности. Послѣ пріема у короля послы были на пріемѣ и у молодой королевы. 16-го апрѣля 1646 года, выполнивъ главное порученіе, они размѣнялись ратификаціями. Кромѣ того, посламъ удалось договориться и по другимъ вопросамъ: о содержаніи подъ стражей самозванца Лубы, о потерѣ договора Жолкѣвскаго, о наказаніи неправильно прописывающихъ государевъ титулъ, о межевыхъ судьяхъ, о путивльскихъ городищахъ, объ обидахъ россіянамъ отъ поляковъ, о перебѣжчикахъ, о выходцахъ и о союзѣ противъ Крыма.

Въ августѣ того же (1646) года Проѣстевъ находился въ Москвѣ, а въ 1648 г. (16-го января) онъ былъ на свадьбѣ царя Алексѣя Михаиловича въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя «предъ государя ходили». Въ томъ же 1648 году, 23-го декабря, указано было ему быть во Владимірскомъ Судномъ приказѣ съ бояр. кн. Бор. Алекс. Репнинымъ. Скончался Проѣстевъ въ 1651 году, въ преклонныхъ годахъ.

Проѣстевъ былъ однимъ изъ извѣстныхъ дѣятелей своего времени и принималъ постоянное участіе въ дипломатической и придворной жизни. Многократно онъ правилъ посольства, засѣдалъ при «отвѣтѣ» пословъ иноземныхъ у бояръ и бывалъ при переговорахъ, «объявлялъ» почти всегда иностранныхъ пословъ при пріемѣ ихъ у Государя. Во время отлучекъ Государя изъ Москвы въ походы на богомолье, онъ былъ неоднократно оставляемъ съ другими сановниками въ Москвѣ для береженія и сопровождалъ также Государя, а во время торжественныхъ царскихъ обѣдовъ почти постоянно бывалъ въ числѣ лицъ, «приглашенныхъ къ столу», — во всякомъ случаѣ наибольшее число разъ сравнительно съ другими, даже болѣе знатными лицами.

Степ. Матв. Проѣстевъ имѣлъ сына, Ив. Степ. Проѣстева, упоминаемаго еще въ 1625 г. въ числѣ стольниковъ, которые во время государева стола, даннаго въ честь посла кизильбашскаго Русамъ-Бека, «пить носили въ кривой столъ», гдѣ сидѣлъ посолъ.

Акты Архивн. Экспед., т. III, стр. 115, 446. Акты Истор., т. III, стр. 91—97, 99, 103. Доп. къ Акт. Истор., т. IV, стр. 430. Собр. Госуд. Грам. и Договор., т. I, стр. 638; т. III, стр. 406, 407. Акты Московск. Госуд., т. I, стр. 141; т. II, стр. 12, 13, 41, 49, 116. Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. IV, стр. 338. «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. VII, ч. VII, стр. 222; кн. XIII, ч. XVIII, стр. 180, 194; кн. XX, ч. I, стр. 97, 102, 107, ч. III, стр. 287, 308. Памятн. Диплом. Сношѳ., т. III, стр. 54, 121, 212; т. V, стр. 87; т. VI, стр. 1606. Русск. Истор. Библіот., т. IX, стр. 396, 402, 427, 432, 440, 445, 454, 463, 469, 470, 472, 475, 486, 489, 501, 509, 514, 526, 531, 548, 556, 561, 564; т. X, стр. 15, 19, 40, 42, 47, 56, 63, 82, 84, 85, 88, 89, 93, 95, 98, 116, 121, 130. 132, 136, 137, 141, 171, 179. 182, 202, 210, 211, 215, 224, 226, 251, 253, 255, 257, 272, 274—276, 284, 295, 297, 321, 324, 330, 448, 472. «Разрядн. книги», изд. 2-мъ отд. Собств. Е. И. В. Канцеляр., т. I, стр. 81, 542, 659, 1051, 1054, 1262, т. II, стр. 304, 370, 450, 519. «Дворцовые Разряды», т. I, стр. 157, 175, 180, 347, 386, 414, 423, 847, 863, 904, 906, 909, 914, 923, 928, 933, 935, 939, 957, 971, 972, 983, 995, 999, 1001, 1002, 1005, 1010, 1011, 1024, 1025, 1028, 1029, 1030; т. II, стр. 6, 15, 18, 20, 22, 23, 24, 39, 41, 45, 52, 55, 58, 59, 66, 69, 78, 81, 82, 83, 85, 164, 210, 238, 289, 356, 373. 380, 381, 393, 404, 460, 470, 471, 473, 475, 482, 486, 487, 488, 489, 502, 507, 509, 511, 512, 513, 516, 518, 521, 524, 526, 527, 529, 530, 535, 536, 538, 539, 541, 542, 543, 546, 547, 552, 559, 561, 562, 583, 584, 589, 592, 593, 594, 603, 608, 609, 612, 618, 619, 620, 626, 636, 636, 637, 643, 644, 646, 649, 652, 653, 660, 667, 674, 681, 687, 694, 678, 736, 743, 746, 755, 758, 760, 761, 828, 830, 831, 832, 841, 846, 854, 856, 863, 869, 870, 877, 878, 880, 883, 934, 935. 942; т. III, стр. 8, 14, 15, 21, 42, 48, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 80, 87, 110, 116; Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», т. XII, стр. 512, 568, 570. С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи, изд. т-ва «Обществ. Польза» кн. II, т. IX, стр. 1226—1229, 1268, 1269, 1270; т. X, стр. 1500—1504. Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣш. сношен.», т. I, стр. 222; т. III, стр. 116, 118, 120, 124. Берхъ Н. «Списки бояръ, окольн., думн. двор. и пр.». Ивановъ «Указатель къ боярск. книгамъ». Барсуковъ «Списки городовыхъ воеводъ». Предки С. М. Проѣстева и сынъ: 1) Дм. Миничъ — С. М. Соловьевъ — «Исторія Россіи», кн. I, т. III, стр. 1005, и примѣч. 2) Дав. Григ. — «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-е, кн. XX, ч. I, стр. 23, 25. Милюковъ «Древнѣйшія разрядн. кн. оффиціальн. редакціи (по 1565 г.), (напеч. въ чтеніи Московск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1902 г.) (200-я). Москва 1902 г. 3) Матв. с. Меньшого: Акты Московск. Госуд. т. I, стр. 44. 4) Ив. Степ. сынъ Проѣстева — «Дворцов. Разряды» т. I, стр. 694; т. II, стр. 5.

Н. В-н-въ.

Пруцкій, *Матвей Евсигнеевичъ*, писатель и переводчикъ; происходилъ изъ дворянъ, род. въ 1778 или 1779 году; на-

чавъ службу въ маѣ 1788 г. копіистомъ въ Бѣлгородскомъ, Курской губерніи, Уѣздномъ Судѣ, онъ съ мая 1790 г. былъ подканцеляристомъ въ Бѣлгородской Палатѣ Гражданскаго Суда, а 29-го апрѣля 1792 г. опредѣлился въ Дворянскую Гимназію Московскаго Университета, 30-го іюня 1799 г. произведенъ былъ въ студенты, въ 1800 г. переведенъ въ Университетъ и, окончивъ здѣсь курсъ, поѣхалъ «для усовершенствованія себя въ наукахъ» за-границу, по возвращеніи откуда поступилъ на службу въ Министерство Юстиціи (8-го ноября 1806 г.). Назначенный въ 1807 году учителемъ и смотрителемъ въ Императорскій Институтъ слѣпыхъ, П. 27-го мая 1811 г. перешелъ въ Главное Управленіе Духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, а 1-го января 1818 г. — въ Департаментъ Духовныхъ дѣлъ Министерства Народнаго Просвѣщенія помощникомъ столоначальника, гдѣ прослужилъ до 24-го іюня 1820 г., будучи, съ ноября 1817 г., старшимъ учителемъ въ Петербургскомъ Пантелеймонскомъ Училищѣ. Съ 3-го іюля 1820 г. П. служилъ переводчикомъ въ Либавской Таможнѣ, будучи въ 1824 г. произведенъ въ надв. совѣтники; дальнѣйшіе факты его біографіи намъ неизвѣстны.

Литературная дѣятельность П. началась въ 1796 г., когда онъ въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (ч. XI, стр. 383) помѣстилъ стихотвореніе свое «Къ Венерѣ»; затѣмъ, уже будучи студентомъ, онъ издалъ (анонимно) переводы съ французскаго языка: «На что не отважится раздраженная любовь», изъ сочиненій г. Мерсье, повѣсть, М. 1802 и «Прекрасная Индіанка, или приключенія внучки Великаго Могола, Англинскій романъ», 2 ч., М. 1803; въ 1814 г. П. издалъ переводъ съ французскаго: «Мнѣніе Француза о совѣщаніи Сената» (С.-Пб.), а въ 1830 г. руководство: «Легчайшій способъ научиться читать и писать по-русски въ самое короткое время» (С.-Пб.).

Формулярный списокъ 1818 г.; Адресъ-календари; В. Н. Рогожинъ, Указатель къ Опыту росс. библ. Сопикова; Сопиковъ, Опытъ, подъ ред. В. Н. Рогожина; Смирдинъ, Роспись росс. книгамъ; «Моск. Телегр.» 1831 г., № 1.

Прядильщиковъ, *Ѳедоръ Аѳанасьевичъ*, инспекторъ Томской гимназіи, писатель; род. въ 1811, умеръ въ 1870 г., былъ сыномъ приказчика Очерскаго завода. Владѣлица послѣдняго, графиня Строганова, дала въ 1819 г. ему и двумъ его братьямъ отпускную, а въ февралѣ 1820 г. П. получилъ отъ конторы Камско-Воткинскаго казеннаго завода, гдѣ онъ былъ маркшейдерскимъ ученикомъ, отпускъ для обученія въ Перми въ гимназіи; тогда же на воспитаніе молодыхъ Прядильщиковыхъ графиня Строганова велѣла выдавать по 500 р. въ годъ. Пройдя курсъ гимназіи, Прядильщиковъ поступилъ въ Казанскій университетъ, окончилъ тамъ курсъ со степенью кандидата и 15-го іюля 1835 г. назначенъ старшимъ учителемъ россійской словесности въ Пермской гимназіи. Въ 1844 г. онъ былъ переведенъ въ Томскъ, инспекторомъ гимназіи, а 10-го іюня 1859 года вышелъ, по болѣзни, въ отставку въ чинѣ коллежскаго совѣтника и поселился на родинѣ, въ Очерскомъ заводѣ. Съ любовью собирая преданія, записывая разсказы старожиловъ и отмѣчая свои личныя наблюденія надъ жизнью края, Прядильщиковъ составилъ множество замѣтокъ, касающихся Исторіи Пермской губ. или рисующихъ черты мѣстнаго быта — преимущественно заводскаго — минувшихъ временъ. Замѣтки эти только послѣ смерти ихъ автора были напечатаны, благодаря И. В. Вологдину, въ «Пермскихъ губернскихъ» (1874, 1878 и 1880 г.) и «Епархіальныхъ» (1881 г.) Вѣдомостяхъ. Наиболѣе любопытнымъ и цѣннымъ изъ трудовъ Прядильщикова считается «Лѣтопись губернскаго города Перми съ 1781 по 1844 г. (въ «Пермск. Губ. Вѣд.» 1874 г.; перепечатана въ Календарѣ Пермской губ. на 1884 г.); кромѣ того, въ «Русской Старинѣ» 1870 г. напечатаны И. В. Вологдинымъ записанные со словъ Прядильщикова разсказы: «Исполненіе указа Петра Великаго о бритіи бородъ въ Соликамскѣ, 1705 г.» и «Обращеніе раскольниковъ въ православіе въ Пермской епархіи, 1788 г.».

Д. Смышляевъ, Матеріалы для Исторіи города Перми. Гл. VI. (Сборникъ статей о Пермской губ. Пермь. 1891 г.; эта статья первоначально была помѣщена въ «Пермск. губ. Вѣд.» 1882 г.); «Труды Пермск. Ученой Архивной Коммиссіи», в. V, стр. 53—54; А. Дмитріевъ, Столѣтіе Пермской гимназіи, Казань. 1886.

С. Кулибинъ.

Прядуновъ, *Ѳедоръ Савельевъ*, рудопромышленникъ XVIII в., посадскій чело-

вѣкъ г. Архангельска. Въ 1732 г. онъ отыскалъ, вмѣстѣ со своими товарищами Егоромъ Собинскимъ и Ѳедоромъ Чирцовымъ, на Медвѣжьемъ островѣ въ Кандалажской губѣ самородное серебро и серебряную руду, изъ которыхъ всего ими было сплавлено 35 ф. чистаго серебра. Въ февралѣ 1733 г. рудоискатели прибыли въ Петербургъ и объявили Кабинету Ея Величества о своей находкѣ, при чемъ, кромѣ слитка серебра, привезли и образцы руды, оказавшейся, по испытаніи, весьма богатою. Серебрянный слитокъ 12-го марта былъ представленъ Государынѣ, которая именнымъ Указомъ 15-го марта повелѣла послать на Медвѣжій же островъ изъ Олонца партію для осмотра и изслѣдованія вновь найденнаго мѣсторожденія. Рудоискателямъ, которые должны были сопровождать эту партію, именнымъ указомъ 15-го мая было дано въ награду 3000 рублей и, кромѣ того, они были обнадежены въ томъ, что «ежели серебрянная руда хотя жилою или гнѣздами найдется, то за принесенное ими серебро заплачены будутъ деньги, и они, и наслѣдники ихъ всегда будутъ считаться въ прибыли». Какъ самъ Прядуновъ съ товарищами, такъ и ихъ семейства были освобождены отъ различныхъ повинностей.

Въ 1734 г. Правительство взяло въ свои руки разработку серебряныхъ рудъ на Медвѣжьемъ островѣ, отправивъ туда, для этой цѣли, гиттенъ-фервальтера Ѳед. Милюкова съ товарищемъ Де-Травесомъ. Послѣдними, съ помощью Прядунова и товарищей его, было до конца 1738 г. добыто и сплавлено 33 п. 29 ф. чистаго серебра. Рудоискателямъ въ 1735 и 1736 годахъ было выдано еще по 1000 руб. Въ 1739 г. всѣ рудные промыслы въ Лапландіи были отданы во владѣніе генералъ-бергъ-директору барону Шембергу, — хищнику, покровительствуемому Бирономъ,—но однако горное дѣло въ Поморьѣ не установилось. Такъ же безплодны были и всѣ попытки въ этомъ направленіи въ настоящемъ столѣтіи. Прядуновъ былъ, повидимому, человѣкомъ энергичнымъ и предпріимчивымъ: не довольствуясь поисками на Медвѣжьемъ островѣ, онъ послалъ въ 1737 г. сына своего Петра на Новую Землю на зиму. Предпріятіе это кончилось печально: Петръ и 6 рабочихъ умерли тамъ отъ цынги, а оставшіеся въ живыхъ 3 рабочихъ привезли хозяину только какое-то «свѣтлое каменіе». Тотъ же Ѳедоръ Прядуновъ, какъ сообщаетъ Лепехинъ, нашелъ на Печорѣ нефть и началъ торговать послѣднею, а затѣмъ, въ Москвѣ, сталъ лѣчить ею народъ отъ различныхъ болѣзней; Главная Медицинская Канцелярія донесла объ этомъ Сенату при чемъ указала, что въ Москвѣ вообще «множественное число изъ подлыхъ мужска и женска пола имѣется, кои явнымъ и тайнымъ образомъ лѣчатъ и тѣмъ немалый вредъ въ народѣ чинятъ». Вслѣдствіе этого 16-го марта 1750 г. послѣдовалъ Сенатскій указъ «о нелѣченіи никого неучившимся медикохирургической практикѣ лѣкарямъ, неосвидѣтельствованнымъ медицинскою канцеляріею, подъ жестокимъ штрафомъ».

Рожковъ, Бергъ-Компанія на магнитной горѣ Благодати въ Сибири и на Медвѣжьихъ островахъ въ Лапландіи — «Горн. Журн.» 1885 г., №№ 5, 6 и 7 (свѣдѣнія о Прядуновѣ въ № 5, стр. 276 и далѣе); И. Лепехинъ, Записки путеш., ч. IV (изд. 1805 г.), стр. 230; «Полн. Собр. Зак.», ст. 6403 и 9717.

С. Кулибинъ.

Прянишниковъ, *Олимпій Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ; род. въ Перми 2-го октября 1789 г. Отецъ его, *Иванъ Даниловичъ* П. (род. въ 1752 г.), начавшій службу въ 1765 г. въ Сенатѣ, былъ тамъ съ 1777 г. секретаремъ, съ 1781 г. состоялъ предсѣдателемъ Пермскаго Верхняго Земскаго Суда, съ 1785 г.—предсѣдателемъ Пермской Гражданской Палаты, затѣмъ служилъ въ Коммиссіи составленія законовъ и въ 1803 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ д. с. совѣтника; послѣдніе годы жизни онъ проводилъ въ подмосковномъ имѣніи своемъ, с. Володиміровѣ, Подольскаго уѣзда, гдѣ собралъ значительную библіотеку, любя чтеніе русскихъ и иностранныхъ писателей и занимаясь, по преимуществу, изученіемъ отечественной исторіи. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ Олимпій былъ вторымъ; воспитывался онъ, вмѣстѣ со старшимъ своимъ братомъ Аполлинаріемъ (род. въ Перми 17-го сентября 1788 г., ум. въ Москвѣ 7-го мая 1844 г., колл. сов.) въ Пажескомъ Корпусѣ, оттуда въ 1804 г. былъ выпущенъ въ гражданскую службу и поступилъ въ канцелярію Госу-

дарственнаго Казначея, затѣмъ (съ декабря 1807 г.) состоялъ при оберъ-прокурорѣ Сената Орловѣ, а 29-го марта 1810 г. поступилъ подпрапорщикомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, гдѣ и прослужилъ до 22-го августа 1827 г.; принявъ участіе въ Отечественной войнѣ, П. былъ въ сраженіяхъ при Бородинѣ, при Люценѣ, Бауценѣ и при Кульмѣ, за отличіе здѣсь получилъ ордена св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и Прусскій—Желѣзнаго Креста и въ 1814 г. участвовалъ во взятіи Парижа. Вернувшись изъ кампаніи, П. въ 1821 г. (13-го марта) произведенъ былъ въ полковники Преображенскаго полка, гдѣ командовалъ батальономъ, а 15-го декабря 1825 г., на другой день послѣ возстанія, во время котораго онъ находился на Сенатской площади, былъ пожалованъ во флигель-адъютанты къ Его Величеству. Назначенный въ августѣ 1827 г. командиромъ Пермскихъ батальоновъ военныхъ кантонистовъ, съ переводомъ въ 1-й учебный карабинерный полкъ, П., однако, не отправлялся къ мѣсту своего назначенія, а вскорѣ принялъ участіе въ Турецкой кампаніи, будучи опредѣленъ, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, командиромъ 3-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи (14-го апрѣля 1829 г.); находясь во многихъ дѣлахъ въ Азіатской Турціи, П. былъ за отличіе награжденъ золотою шпагою съ алмазами и съ надписью «за храбрость» и въ 1830 г. былъ за Кубанью, въ землѣ шапсуговъ. Возвратившись изъ походовъ, онъ, съ началомъ Польской войны, былъ назначенъ начальникомъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса (18-го января 1831 г.); дѣйствуя въ Литвѣ, противъ отрядовъ Гелгуда, П. разбилъ Денбинскаго подъ Малатою, а по окончаніи кампаніи былъ опредѣленъ (20-го декабря 1831 г.) состоять при главнокомандующемъ дѣйствующей арміею, въ Варшавѣ, и въ этой должности находился до своей смерти, будучи 6-го декабря 1840 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Скончался въ Дрезденѣ 20-го октября 1842 года.

Архивъ Департ. Герольдіи; формулярный списокъ; Акты, изд. Кавказскою Археографическою Коммиссіею, т. VII, предисл.; О. фонъ-Фрейманъ, Пажи за 185 лѣтъ, Фридрихсгамнъ. 1897, стр. 136; Исторія л.-гв. Преображенскаго полка, т. IV, прилож., С.-Пб. 1883, стр. 178; Гр. Г. А. Милорадовичъ, Списокъ лицъ Свиты Е. И. Вел., стр. 109; «Русск. Стар.» 1893 г.; «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 гг.», ч. II, С.-Пб. 1836 г., стр. 247; «Русск. Инвал.» 1842 г., № 258; Архивъ Капитула Орденовъ, Кавал. списки по Владиміру 4 ст., кн. 2, стр. 600.

Прянишниковъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, д. тайн. сов., членъ Государственнаго Совѣта (братъ предыдущаго); родился въ Перми 2-го февраля 1793 г. и послѣ пребыванія въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ былъ съ раннихъ лѣтъ опредѣленъ на службу канцеляристомъ въ канцелярію государственнаго казначейста (въ 1804 году), гдѣ прослужилъ до 29-го декабря 1809 г., а въ февралѣ 1810 г. перешелъ въ Экспедицію для ревизіи счетовъ, но уже въ сентябрѣ слѣдующаго года опредѣлился въ Канцелярію Министерства Финансовъ, откуда затѣмъ (въ февралѣ 1814 г.) перешелъ въ Департаментъ податей и сборовъ. Въ маѣ 1819 года Прянишниковъ былъ перемѣщенъ на службу въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія чиновникомъ для особыхъ порученій, но и здѣсь служилъ не долго: 16-го мая 1824 г. онъ былъ назначенъ въ особую Канцелярію при главноначальствующемъ надъ почтовымъ Департаментомъ.

Императоръ Николай I, вступивъ на престолъ, не замедлилъ обратить вниманіе на почтовую часть, которая состояла въ завѣдываніи князя А. Н. Голицына. Эта часть государственнаго управленія требовала многихъ и существенныхъ преобразованій, далеко не соотвѣтсвуя той степени благоустройства, на которой почтовое дѣло находилось въ то время уже во многихъ заграничныхъ государствахъ и въ особенности въ Англіи. Государь приказалъ князю А. Н. Голицину командировать въ Англію способнаго чиновника для ближайшаго ознакомленія съ ея почтовыми учрежденіями. Выборъ Голицына палъ на Прянишникова, знавшаго англійскій языкъ и обратившаго уже на себя вниманіе начальства своею усердною службою. Онъ отправился, въ маѣ 1827 года, въ Англію и по возвращеніи своемъ (въ іюнѣ 1828 г.) представилъ подробныя свѣдѣнія о мѣстныхъ порядкахъ почтоваго дѣлопроизводства и объ общемъ устройствѣ почтовой части. Кромѣ того, на основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній, Прянишниковъ представилъ свои соображенія о преобразованіи почтовой части

въ Россіи. Соображенія эти были разсмотрѣны въ Комитетѣ и представлены Его Величеству. Императоръ Николай остался очень доволенъ трудами Прянишникова и сказалъ кн. А. Н. Голицыну: «Этого человѣка не упускай изъ виду». Вскорѣ Прянишниковъ получилъ орденъ св. Владиміра 3 степени (1829 г.), былъ произведенъ въ статскіе совѣтники (1830 г.) и назначенъ помощникомъ С.-Петербургскаго почтъ директора (1-го января 1831 г.). Въ 1834 году произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, П. 11-го ноября 1835 года назначенъ С.-Петербургскимъ почтъ-директоромъ и за успѣшное осуществленіе реформъ по почтовому вѣдомству былъ награжденъ орденами св. Станислава 1-й степени и св. Анны 1-й степени.

Вскорѣ Императоръ Николай, по собственному усмотрѣнію, назначилъ П. (въ 1841 году, 8-го декабря) директоромъ Почтоваго Департамента съ оставленіемъ въ должности почтъ-директора. Занимая этотъ постъ, П. принесъ много пользы тому дѣлу, которому онъ служилъ. Въ то время состояніе дорогъ въ Россіи было крайне неудовлетворительно, шоссейныхъ дорогъ было до крайности мало, желѣзныхъ дорогъ еще не существовало, телеграфы — отсутствовали, пересылка писемъ совершалась медленно съ различною за это платою, смотря по разстояніямъ, и денежные знаки перевозились по почтѣ изъ одного конца Россіи въ другой. Служащіе по почтовому вѣдомству получали самое жалкое содержаніе. Прянишниковъ, при помощи усердныхъ сотрудниковъ, осуществилъ слѣдующія мѣропріятія по почтовой части: 1) не взирая на значительность разстояній различныхъ мѣстностей нашей Имперіи была введена повсемѣстно одинаковая плата за письма и одинаковый счетъ; 2) для облегченія почтовыхъ сношеній составлены и заключены почтовыя конвенціи съ Австріею и Пруссіею (въ 1843 г.), съ Швеціею (въ 1846 г.), Греціею (1848 г.); 3) для удобства переѣздовъ частныхъ лицъ учреждены въ 1839 году особыя почтовыя кареты, ходившія по разнымъ трактамъ, а также устроено почтовое срочное пароходство между Штетиномъ и Любекомъ (въ 1845 году); 4) въ обѣихъ столицахъ учреждены городскія почты для пересылки корреспонденціи въ предѣлахъ столицъ; 5) учреждена выписка изъ-за границы газетъ и журналовъ за умѣренную цѣну при посредствѣ почтоваго управленія; 6) сооружено не мало новыхъ почтовыхъ зданій и 7) внутреннее устройство почтамтовъ преобразовано на новыхъ началахъ. Нельзя не упомянуть и о томъ, что заботливость Прянишникова о своихъ подчиненныхъ значительно оградила станціонныхъ смотрителей и почтмейстеровъ отъ произвола проѣзжающихъ. Всѣ эти нововведенія были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ и снискали Прянишникову признательность общества. Вскорѣ онъ былъ командированъ въ Варшаву и составилъ проектъ новыхъ основаній устройства почтоваго дѣла въ Царствѣ Польскомъ, въ видахъ предположеннаго тогда присоединенія почтовой части Царства къ общей почтовой администраціи Имперіи. Въ 1854 году Прянишниковъ, по разстроенному здоровью уволенный отъ должности директора Почтоваго Департамента, былъ назначенъ прямо членомъ Государственнаго Совѣта по Департаменту гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ; въ 1856 году Императоръ Александръ II назначилъ его почетнымъ опекуномъ, а въ 1857 году произвелъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника съ назначеніемъ главноначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ. — Прянишниковъ сталъ снова заботиться о возможномъ благоустройствѣ почтовой части въ Россіи и за труды свои удостоился получить золотую табакерку, украшенную брилліантами, съ портретомъ Его Величества, орденъ св. Александра Невскаго, алмазные къ нему знаки и, наконецъ, орденъ св. Владиміра 1-й степени.

Кромѣ занятій по почтовому вѣдомству, Прянишниковъ былъ приглашаемъ въ разные Комитеты, какъ то: Контрольный, бывшій подъ предсѣдательствомъ князя Гагарина и Высочайше учрежденный для пріисканія средствъ къ сокращенію дѣлопроизводства по гражданскому вѣдомству, а также по построенію Исаакіевскаго собора (за труды по сему послѣднему Комитету Прянишниковъ удостоился получить золотую табакерку съ портретомъ Его Величества, украшенную бриллянтами). Кромѣ того, въ послѣдніе годы Прянишниковъ занимался проектомъ объ улучшеніи тюремъ въ особой Коммиссіи,

докладъ которой удостоился слѣдующей Высочайше резолюціи: «Искренно благодарю членовъ Коммиссіи за дѣльный ихъ трудъ».

Помимо этого, Прянишниковъ еще съ 1833 года, по Высочайшему повелѣнію, состоялъ почетнымъ членомъ Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, а затѣмъ былъ дѣйствительнымъ его членомъ. По своей природной наклонности къ благотворительности, онъ принялъ участіе въ занятіяхъ Общества посѣщенія бѣдныхъ, предсѣдателемъ котораго былъ герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, и явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ этого Общества.

Кромѣ того, назначенный почетнымъ опекуномъ С.-Петербурскаго Опекунскаго Совѣта и Членомъ главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, Прянишниковъ управлялъ С.-Петебургскимъ Николаевскимъ Сиротскимъ Институтомъ и Александровскимъ Сиротскимъ домомъ.

Растроенное напряженными трудами здоровье побудило его просить въ 1863 г. увольненія отъ занимаемой имъ должности, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Прянишниковъ сохранилъ званіе члена Государственаго Совѣта и въ теченіе остальныхъ семи лѣтъ жизни медленно угасалъ. Послѣ долгой борьбы со смертью онъ скончался 28-го апрѣля 1867 года; погребенъ онъ на кладбищѣ Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря въ С.-Пб.

Прянишниковъ оказалъ не мало услугъ обществу въ области художества и литературы вообще. Состоя съ 1852 года почетнымъ членомъ Императорской Публичной Библіотеки, онъ много содѣйствовалъ увеличенію сокровищъ этого книгохранилища и передалъ ему не мало драгоцѣнныхъ книгъ и бумагъ, какъ напр. въ 1851 году значительное число басенъ Крылова, писанныхъ и исправленныхъ рукою безсмертнаго баснописца, въ 1867 г.—печатную библію на церковнославянскомъ языкѣ, напечатанную въ 1780 году и принадлежавшую одной изъ масонскихъ ложъ. Онъ также подарилъ Публичной Библіотекѣ прекрасный портретъ извѣстнаго Н. И. Новикова, духовное завѣщаніе короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III, нѣсколько гипсовыхъ барельефовъ, снятыхъ съ барельефовъ Исаакіевскаго собора, и т. д. Независимо отъ этого, Прянишниковъ пожертвовалъ до 2000 томовъ, по преимуществу историческаго содержанія, въ библіотеку Новороссійскаго Университета, много книгъ на русскомъ языкѣ полиграфическаго содержанія, а на иностранныхъ языкахъ—собранія сочиненій, относящихся къ исторіи изящныхъ искуствъ—въ Московскій Румянцовскій Музей, много книгъ въ Карамзинскую библіотеку въ Симбирскѣ, въ библіотеку имени Жуковскаго въ Бѣлевѣ и въ читальню Бѣлградской публичной библіотеки. Всѣ эти книги и сочиненія были постепенно въ продолженіе всей жизни собраны и пріобрѣтены Прянишниковымъ, который не былъ простымъ любителемъ книгъ, но просвѣщеннымъ библіофиломъ, любящимъ и понимающимъ ихъ достоинство и цѣнность.

Нельзя не упомянуть еще объ изданіи, предпринятомъ Прянишниковымъ вмѣстѣ съ Сапожниковымъ: онъ задумалъ составить рядъ картинъ, въ которыхъ главнѣйшія событія изъ Священной Исторіи, будучи изображены въ хронологическомъ порядкѣ, *художественно*, являлись бы вспомогательнымъ учебникомъ священной исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучали-бы дѣтей заблаговременно къ хорошему вкусу и правильной оцѣнкѣ художественныхъ произведеній. Это изданіе подъ заглавіемъ «Ветхій Завѣтъ въ картинахъ» явилось въ 1848 году и было посвящено герцогу Лейхтенбергскому. Оно имѣло также цѣлью занять русскихъ художниковъ трудомъ полезнымъ для изящныхъ искусствъ и для воспитанія юношества.

Будучи большимъ и серьезнымъ любителемъ художествъ, Прянишниковъ много лѣтъ состоялъ членомъ С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ, Московскаго Художественаго Общества и Общества поощренія художествъ. Онъ поощрялъ бѣдныхъ художниковъ, оказывая имъ матеріальную поддержку, что, между прочимъ, выражалось покупкою картинъ у даровитыхъ, но бѣдныхъ художниковъ и, продолжаясь непрерывно, привело къ составленію столь извѣстной картинной галлереи русскихъ художниковъ, которая удивляла и соотечественниковъ, и иностранцевъ произведеніями русской кисти. Эта галлерея въ настоящее время украшаетъ художественное отдѣленіе Московскаго Публичнаго Румянцовскаго Музея: она была пріобрѣтена императоромъ Александромъ

II у самого Прянишникова и подарена Музею. Ѳ. И. Прянишниковъ принадлежалъ также къ числу масоновъ и одно время (въ 1818—1819 г.) исправлялъ должность секретаря въ существовавшей тогда въ Петербургѣ ложѣ «Умирающій Сфинксъ», основанной извѣстнымъ А. Ѳ. Лабзинымъ, съ которымъ его связывали узы тѣсной дружбы.

«Портретная галлерея», Мюнстера, т. I, стр. 104; А. Ивановскій, «Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ и его картинная русская галлерея», С.-Пб. 1870 г.; «Мѣсяцесловъ» на 1868 годъ; «Русскій Архивъ» 1896, т. III, ст. 155; 1895, т. II, ст. 123; 1893, т. I, ст. 425; 1897 г., II, ст. 114; «Русскій Инвалидъ» 1767 года, № 122; «Биржевыя Вѣдомости» 1867 г., № 17; «Иллюстрированная Газета» 1867 г, № 18; «Новое Время» 1870 г., № 35; «Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1867 и слѣдующіе года; «Сѣверная Пчела» 1860 г. (нѣсколько словъ о Картинной галлереѣ дѣйст. т. с. Прянишникова); «Библіотека для чтенія, 1850 г. т. 99: Живопись во Франціи, статья Мацкевича; «Русскій Вѣстникъ» 1844 г. (статья Каменскаго); «Современная лѣтопись» 1867 г. № 48; «Картинныя Галлереи Европы. Собраніе замѣчательныхъ произведеній живописи различныхъ школъ Европы», С.-Петербургъ. 1842 г.; «Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», Варадинова, а также – составленная ко дню столѣтія министерства (т. III.); «Воспоминанія Ан. Ев. Лабзиной», изд. Б. Л. Модзалевскимъ, С.-Пб. 1903; «Русскій Худож. листокъ» Тимма, 1852 г., № 26 (о карт. галлереѣ); Н. В. Сушковъ, Моск. Унив. Благор. Пансіонъ, стр. 33; И. Я. Селезневъ, 50-тилѣтіе IV Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, С.-Пб. 1878, прил., ст.-31 и 40; «Москвитянинъ» 1853 г., кн. 4, стр. 97—114 (описаніе его галлереи); Записки В. А. Инсарскаго, С.-Пб. 1898, стр. 413—446:

П. Майковъ.

Псаро, *Антонъ Константиновичъ*, (Георгій-Антоній), тайный совѣтникъ, дипломатъ. Начавъ службу въ арміи, онъ 1-го мая 1769 г. изъ капитановъ былъ принятъ во флотъ лейтенантомъ, въ 1770 г. находился въ Морeѣ, въ г. Мистро, во время первой Турецкой войны, и первый увѣдомилъ эскадру контръ-адмирала Эльфинстона о нахожденіи турецкой эскадры въ заливѣ Наполи-ди-Романья. Командуя шебекою «Грецiя», П. въ 1771 г. плавалъ въ Архипелагѣ, а въ слѣдующемъ году состоялъ въ отрядѣ генеральсъ-адъютанта Ризо и плавалъ у береговъ Сиріи, при чемъ принялъ участіе въ бомбардировкѣ Бейрута, послѣ же этого вступилъ въ командованіе фрегатомъ «Не тронь меня» и находился въ портѣ Ауза. Произведенный 31-го декабря 1772 г. въ капитанъ-лейтенанты, П. въ февралѣ 1773 г. пожалованъ былъ орденомъ Георгія 4-й степени, который былъ данъ ему еще 9-го іюля 1771 г. графомъ А. Г. Орловымъ за отличіе въ дѣлахъ съ турками. Плавая въ Архипелагѣ до 1776 г., П. 31-го марта 1777 г. вышелъ въ отставку, а въ 1780 г. вновь принятъ былъ въ службу и назначенъ (1783 г.) повѣреннымъ въ дѣлахъ на о. Мальту, «по обществу Мальтійскаго ордена», въ апрѣлѣ 1783 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга (прибылъ на Мальту 4-го мая 1784 г.), а въ сентябрѣ 1787 г.—въ капитаны бригадирскаго ранга. Въ ноябрѣ этого года П. было поручено заботиться заготовленіемъ въ Италіи и Сициліи провизіи для Русскаго флота, посылавшагося въ Средиземное море по случаю начавшейся второй Турецкой войны, въ которой онъ и принялъ участіе, находясь въ 1788 г. въ Средиземно-морской экспедиціи; въ 1789 г. (апрѣля 14-го) П. былъ произведенъ въ капитаны генералъ-маіорскаго ранга и въ 1790 г. командовалъ частью русскихъ морскихъ силъ въ Средиземномъ Морѣ и въ Архипелагѣ, но въ декабрѣ былъ устраненъ отъ командованія кн. Потемкинымъ, который не считалъ его подходящимъ для этого лицомъ. Перечисленный затѣмъ въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, П. продолжалъ состоять повѣреннымъ въ дѣлахъ при мальтійскомъ орденѣ, пользуясь въ это время покровительствомъ Безбородки. Послѣ заключенія мальтійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ гр. Ю. П. Литтою конвенціи съ Россіею (15-го января 1797 г.), императоръ Павелъ пожаловалъ Псаро чинъ тайнаго совѣтника. На Мальтѣ П. пробылъ до занятія этого острова французами и выѣхалъ оттуда въ іюлѣ 1797 г. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна; знаемъ только, что въ 1806 г. онъ былъ еще живъ.

Общій Морской Списокъ, ч. IV, стр. 619—620; Адресъ-Календари; Сенатскій Архивъ, т. I; Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, ч. I; «Сборн. Импер. Русск. Историч. Общества», т. II; Бумаги кн. Г. А. Потемкина, 1790—1793 г. («Сборн. военно-историч. матеріаловъ», вып. VII), С.-Пб. 1895; «Матеріалы для исторіи Русскаго флота; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 г., т. II, С.-Пб. 1896, стр. 226, 266.

Псковской князь *Владиміръ Мстиславичъ*, потомокъ Владиміра Мономаха; матерью его была дочь извѣстнаго Новгородскаго посадника Якуна Мирославича;

отецъ его, Мстиславъ Храбрый, будучи призванъ Смольнянами на княженіе, поручилъ свой наслѣдственный Торопецкій удѣлъ своимъ старшимъ сыновьямъ—Мстиславу Удалому и Давиду, который они сохранили и послѣ смерти отца; Владиміръ же, будучи тогда совсѣмъ малолѣтнимъ, удѣла не имѣлъ. Умирая, отецъ ввѣрилъ воспитаніе малолѣтняго Владиміра и свою дружину, которую нужно было сохранить для сына, своему вѣрному боярину Борису Захарьевичу, а о покровительствѣ и защитѣ сына просилъ двухъ своихъ братьевъ—Рюрика и Давида Ростиславичей, обойдя такимъ образомъ старшаго брата Романа вслѣдствіе размолвки съ нимъ изъ-за предполагавшагося Мстиславомъ похода на Всеслава Полоцкаго, родственника Романа.—Кромѣ того, Мстиславъ обязалъ словомъ младшихъ братьевъ, какъ извѣстно, имѣвшихъ удѣлъ въ Кіевскомъ княжествѣ, дать Владиміру волость подлѣ себя. Братья выполнили свое обѣщаніе и дали Владиміру во владѣніе городъ Треполье (Триполь, или Триполье.) Такъ, существуетъ извѣстіе, что въ томъ же (1180) году Рюрикъ снарядилъ походъ противъ Половцевъ, приведенныхъ на Русь Святославомъ Черниговскимъ, и боринъ Борисъ Захарьевичъ принялъ въ немъ участіе съ дружиной покойнаго Мстислава Храбраго, предводительствуя ею отъ имени Владиміра Мстиславича, какъ князя Трепольскаго. Съ 1180 по 1208 г. о Владимірѣ Мстиславичѣ свѣдѣній не имѣется. Нѣтъ сомнѣнія, что по малолѣтству своему онъ не могъ удержать свой удѣлъ, да оно и понятно, если вспомнимъ, что Треполь находился въ водоворотѣ тогдашней политической жизни, въ Кіевскомъ княжествѣ, въ центрѣ честолюбивыхъ стремленій всего почти княжескаго рода. Такъ или иначе, Владиміръ Мстиславичъ выступилъ на историческую арену безудѣльнымъ княземъ; и такъ какъ удѣла не имѣлъ, то извѣстенъ въ исторіи только подъ именемъ Владиміра, кн. Псковскаго, хотя временами и не сохранялъ Псковскаго стола. Митрополитъ Евгеній въ своей «Исторіи Псковскаго княжества» неправильно считаетъ началомъ княженія Владиміра Мстиславича во Псковѣ 1180 годъ и то, что въ 1186 году кн. Псковской Владиміръ Мстиславичъ далъ позволеніе католическому монаху Мейнгарду проповѣдывать христіанство среди туземцевъ прибрежной полосы Ливоніи, такъ какъ, буто бы, туземцы этой страны платили дань Псковскому князю. Этотъ фактъ сплошь искаженъ. Произошло это искаженіе вслѣдствіе смѣшенія двухъ лицъ съ однимъ и тѣмъ же именемъ. Та часть Ливоніи, куда проникъ монахъ Мейнгардъ съ проповѣдью, находилась на той же рѣкѣ Двинѣ, что и Полоцкъ. Полоцкіе князья заводили въ Ливоніи свои колоніи, и туземцы тогда находились въ зависимости отъ князя ихъ Владиміра Полоцкаго, а не отъ далекаго Пскова. Кромѣ того, нужно принимать въ соображеніе, что тогда Владиміръ Мстиславичъ былъ еще совсѣмъ малолѣтнимъ, а посему не могъ быть княземъ Пскова, которымъ онъ сдѣлался только въ 1208 г. Псковъ, находившійся прежде въ полной зависимости отъ Новгорода, какъ простой, хотя богатый и сильный пригородъ, въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія сталъ проявлять признаки освобожденія изъ-подъ власти Новгорода. Около того времени у Псковичей стали иногда (не постоянно и съ большими перерывами) появляться свои, отдѣльные князья, иногда приглашаемые самими Псковичами, иногда назначаемые отъ Новгорода; правда, Псковичи изгоняли ихъ отъ себя, если имъ не былъ князь любъ, но не смѣли возражать и въ томъ случаѣ, если Новгородцы выводили изъ Пскова даже любимаго ими князя. Примѣръ этого мы потомъ видимъ на Владимірѣ Мстиславичѣ, выбранномъ Псковичами въ 1208 г. Избранію Владиміра Мстиславича, какъ отдѣльнаго отъ Новгорода князя, предшествовали слѣдующія обстоятельства. Суздальскій князь Всеволодъ III вывелъ изъ Новгорода Новгородскаго князя Ярослава Владиміровича котораго поддерживала партія, противная Суздальской. Когда послѣдняя партія восторжествовала и стала тѣснить партію противосуздальскую, то потерпѣвшая партія бѣжала во Псковъ и, пользуясь связями съ псковскими боярами, убѣдила псковичей выбрать для Пскова отдѣльнаго князя; но выборъ князя такимъ путемъ не разрушалъ связи съ Новгородомъ, такъ какъ это было сдѣлано наперекоръ не всему Новгороду, а только суздальской партіи, въ угоду другой — также Новгородской. Сдѣлавшись Псковскимъ княземъ, Владиміръ Мстиславичъ вскорѣ проявилъ много

храбрости, ума и энергіи, и уже въ 1210 году, въ походѣ противъ литовцевъ, мы видимъ его во главѣ не только Псковскихъ, но и Новгородскихъ военныхъ силъ. Въ этомъ походѣ Владиміръ Мстиславичъ не только нанесъ пораженіе Литовцамъ при Ходыницахъ, но и обратилъ ихъ въ бѣгство («угони Литву съ Новгородцы въ Ходыницѣхъ и избиша», говоритъ лѣтописецъ). Въ 1211 году Мстиславъ Удалой сталъ укрѣплять Новгородскія границы отъ Литвы и Суздальцевъ; среди другихъ мѣстъ былъ укрѣпленъ и городъ Великія Луки, имѣвшій очень важное стратегическое значеніе. Укрѣпивъ его, Мстиславъ Удалой, какъ князь Новгородскій, перевелъ туда Владиміра Мстиславича, при чемъ послѣдній, судя по лѣтописи, продолжалъ, однако, называться Псковскимъ. Въ 1212 году Псковичи перевели его опять во Псковъ, и въ томъ же (1212) году Владиміръ Мстиславичъ со Псковичами и Новгородцами, подъ начальствомъ ихъ князя Мстислава Удалого, отправился въ походъ противъ Ливонской Чуди, при чемъ цѣлью нападенія былъ городъ Оденпе (Медвѣжья голова). Но въ слѣдующемъ году Псковичи прогнали его изъ Пскова за тайную дружбу съ Ливонскими рыцарями. Владиміръ Мстиславичъ выдалъ дочь свою (или, вѣрнѣе, сестру) за брата рижскаго епископа Альберта-Дидриха фонъ-Аголдерна. Изгнанный изъ Пскова, онъ удалился къ брату Давиду Мстиславичу Торопецкому въ Торопецъ, а затѣмъ, добиваясь покровительства Полоцкаго князя и не достигнувъ его, удалился въ Ливонію. Принятый радушно епископомъ и рыцарями, Владиміръ Мстиславичъ вскорѣ имѣлъ случай отблагодарить епископа за гостепріимство. Владиміръ, кн. Полоцкій, ранѣе того (1186 г.) дозволившій Нѣмцамъ распространять христіанство среди Ливонской Чуди, понялъ, наконецъ, что орденъ, основанный Мейнгардомъ для утвержденія христіанства среди Чуди—язычниковъ, вслѣдъ за принудительнымъ принятіемъ христіанства, пользуясь мирными отношеніями къ нему Русскихъ, стремится все болѣе и болѣе покорить туземцевъ. Желая получить объясненія, Владиміръ Полоцкій потребовалъ епископа Альберта на съѣздъ, который и былъ назначенъ въ г. Герсикѣ. На съѣздѣ Владиміръ Полоцкій сначала велъ переговоры ласково, но потомъ перешелъ къ угрозамъ. Дѣло клонилось къ полному разрыву. Владиміръ Полоцкій уже приказалъ своему войску выйти изъ стана и готовиться къ бою, и провожатые епископа (рыцари) сдѣлали то же. Въ этотъ моментъ Іоаннъ, пробстъ Рижской Богородицкой Церкви, и Владиміръ Мстиславичъ, находившійся въ свитѣ епископа, выступили на сцену и стали уговаривать обѣ стороны избѣжать кровопролитія между христіанами. Благодаря дипломатическому искусству этихъ двухъ лицъ дано было Владиміромъ Полоцкимъ и Дидрихомъ приказаніе войску возвратиться въ станъ; мало этого, они добились того, что Владиміръ Полоцкій самъ подошелъ къ епископу и назвалъ его «духовнымъ отцомъ», а онъ, въ свою очередь, принялъ его, какъ «сына», и въ результатѣ на возобновившихся мирныхъ переговорахъ епископъ получилъ всю Ливонію безъ всякой дани, обязуясь только быть непремѣннымъ союзникомъ Владиміра противъ Литвы и признавать права свободнаго плаванія по Двинѣ. Въ благодарность за эти услуги Владиміръ Мстиславичъ получилъ въ управленіе, со званіемъ «фогхта», такъ называемую Идумейскую землю (между Ригою и Венденомъ), которая была населена главнымъ образомъ Латышами (1214 г.). Но Владиміръ Мстиславичъ изъ-за своего корыстолюбія не привлекъ любви народа. «Творя судъ и расправу», по словамъ лѣтописца, «онъ много пожиналъ того, чего никогда не сѣялъ». Тяготясь нерасположеніемъ ввѣреннаго ему народа, а также и властей этой мѣстности, Владиміръ Мстиславичъ однажды даже уѣхалъ оттуда, но вскорѣ вновь пріѣхалъ со своимъ семействомъ, вѣроятно, не найдя для себя вѣрнаго убѣжища на родинѣ. Но въ 1216 году онъ окончательно покинулъ Ливонію и сдѣлался снова княземъ во Псковѣ. Въ 1216 году Псковичи подъ начальствомъ его, вмѣстѣ съ Новгородцами подъ начальствомъ Мстислава Удалого, приняли участіе въ борьбѣ Суздальскихъ князей, сыновей Всеволода III Великаго, между собою. Умирая, Всеволодъ далъ великое княженіе своему второму сыну Юрію, обойдя, такимъ образомъ, старшаго сына Константина Ростовскаго. Послѣ смерти Всеволода началось междоусобіе между Константиномъ и Юріемъ. Младшіе сыновья стали на сторону Юрія,

а среди нихъ былъ и кн. Ярославъ Всеволодовичъ. Этотъ князь былъ сначала княземъ въ Переяславлѣ, затѣмъ въ Галичѣ и Рязани, потомъ потерялъ всѣ эти удѣлы и наконецъ въ 1215 году призванъ былъ новгородцами, но за жестокость изгнанъ и оттуда. Желая возвратить себѣ Новгородское княженіе, Ярославъ засѣлъ въ Торжкѣ и прекратилъ подвозъ хлѣба къ Новгороду. Новгородъ пріунылъ, но Мстиславъ, не бывшій въ то время княземъ въ Новгородѣ, прибылъ туда, чтобы принять начальство въ борьбѣ съ Ярославомъ. Юрій, великій князь Владимірскій, принялъ сторону Ярослава. Мстиславъ, вступая въ борьбу съ младшими сыновьями Всеволода III, воспользовался враждою Константина съ младшими братьями и старался привлечь его на свою сторону. На сторонѣ Мстислава былъ и Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій, двоюродный братъ Мстислава Удалого (Рюрикъ Ростиславичъ и отецъ Мстислава Удалого, — Мстиславъ Храбрый, — были родными братьями.) Мстиславъ Удалой, выступивъ въ походъ, прежде всего отвелъ войско въ Торопецкій удѣлъ, чтобы запастись для войска провіантомъ: Новгородъ, какъ извѣстно, отрѣзанный Ярославомъ (засѣвшимъ въ Торжкѣ) отъ хлѣбородныхъ, болѣе южныхъ мѣстностей, страдалъ отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ; пробрался же онъ въ Торопецкую землю мимо озера Селигеръ. Когда Ростиславичи (внуки Мстислава Храбраго) достигли верховьевъ Волги, они узнали, что Святославъ (слѣдующій послѣ Ярослава сынъ Всеволода III), во главѣ 10.000 войска осадилъ городъ Ржевку. Въ этомъ городѣ, принадлежавшемъ Мстиславу, сидѣлъ отъ него посадникъ Ярунъ, который, несмотря на малочисленность своего войска, храбро и долго отстаивалъ городъ. Тогда Владиміръ съ Мстиславомъ, имѣя пока въ распоряженіи своемъ слишкомъ незначительное войско (ок. 500 чел.), двинулись на выручку Ржевки. Святославъ, боясь прибытія большихъ союзныхъ силъ, не дождавшись прихода новгородцевъ ко Ржевкѣ, бѣжалъ; мало того, Владиміръ съ Мстиславомъ даже взялъ городъ Зубцовъ, принадлежавшій Ярославу. Когда братья были уже на Вазузѣ, къ нимъ прибылъ союзникъ Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій съ Смольнянами; силы ихъ тогда значительно увеличились, но Мстиславъ почему-то вздумалъ войти въ переговоры съ Ярославомъ. Мирныя предложенія Мстислава, однако, были дерзко отвергнуты Ярославомъ, послѣ чего Мстиславъ съ Владиміромъ Рюриковичемъ порѣшили не идти на Торжокъ, а идти къ Переяславлю и завести оттуда сношенія съ Константиномъ Всеволодовичемъ. Двинувшись изъ Зубцова къ Твери, Ростиславичи принялись грабить Тверскія мѣста; послѣднія принадлежали Ярославу, но союзники точно не знали, гдѣ тотъ находился въ это время: въ Торжкѣ или въ Твери. Ярославъ, бывшій въ то время въ Торжкѣ, услыхавъ, что Ростиславичи воюютъ Тверскія мѣста, выслалъ противъ нихъ передовой отрядъ, состоявшій изъ передавшихся ему новгородскихъ бояръ. Тѣмъ временемъ союзники Ростиславичи отправили къ кн. Константину Ростовскому смоленскаго боярина Явольда и звали его примкнуть къ ихъ союзу. Провожать же боярина до предѣловъ Ростовской земли отправили Владиміра Псковскаго съ Псковичами и Смольнянами. Тѣмъ временемъ, какъ Мстиславъ и прочіе Ростиславичи жгли села по р. р. Шошѣ и Дубнѣ, Владиміръ отправился по Волгѣ, взялъ и сжегъ гор. Константиновъ (Кенятинъ) при устьѣ р. Большой Мерли, а затѣмъ, какъ говоритъ лѣтопись, пожегъ и все Поволжье. Константинъ Ростовскій охотно примкнулъ къ союзникамъ и 9-го апрѣля (1216), въ свѣтлое Христово Воскресеніе, прибылъ къ нимъ съ войскомъ; но такъ какъ онъ выказывалъ большое опасеніе за оставленный имъ Ростовъ, то для защиты этого города былъ отправленъ Владиміръ Псковской съ дружиною. Когда союзники проникли къ р. Липицѣ и находились уже въ Ростовской землѣ, то къ нимъ изъ Ростова вышелъ и Владиміръ Псковской. Послѣ совѣщанія, союзники стали готовиться къ битвѣ: съ краю сталъ со Смольнянами Владиміръ Рюриковичъ, подлѣ него Мстиславъ Удалой и Всеволодъ Мстиславичъ (сынъ Мстислава Романовича Кіевскаго) съ Новгородцами, далѣе Владиміръ съ Псковичами, а около него, съ краю, Константинъ съ Ростовцами. Противъ же Смольнянъ и Владиміра сталъ Ярославъ съ переяславскими, тверскими и муромскими войсками, а также съ Городчанами и Бродниками. Возлѣ, противъ Мстислава и Новгородцевъ, сталъ Юрій съ войскомъ

всей земли Суздальской; младшіе братья Юрія и Ярослава стали противъ Константина. Битва, какъ извѣстно, окончилась побѣдою Ростиславичей и Константина. Ярославъ бѣжалъ въ Переяславль Залѣсскій, а Юрій—къ гор. Владиміру. Ростиславичи его не преслѣдовали, отправили только Владиміра Псковскаго, который и преслѣдовалъ его до самаго Владиміра. Въ томъ же 1616 году «побѣдивше силніи и вземше свою честь и славу» (какъ говоритъ лѣтописецъ), Владиміръ возвратился во Псковъ. Въ то время, какъ Владиміръ Псковской былъ въ Суздалѣ, Лифляндская Чудь напала на Псковъ и близко подошла къ нему. Въ слѣдующемъ (1217) году Владиміръ Псковской отправился на нихъ въ походъ, чтобы отомстить за это нападеніе. Новгородцы также явились въ Псковъ, чтобы соединиться съ нимъ. Когда Владиміръ съ соединенными силами подошелъ къ Оденпе (Медвѣжьей Головѣ), Чудь хотя и вышла изъ города съ поклономъ и мирными предложеніями, на самомъ дѣлѣ коварно отправила звать нѣмцевъ на помощь. Въ то время, какъ Псковичи съ Новгородцами собрались на вѣчѣ, происходившемъ внѣ стана, для общаго обсужденія предложеній Чуди, явились нѣмцы и ворвались въ палатки. Новгородцы и Псковичи, однако, быстро опомнились, взялись за оружіе и отбили нѣмцевъ, которые бѣжали въ городъ, гдѣ и укрылись за укрѣпленія. Русскіе не долго осаждали Оденпе, т. к. вскорѣ былъ заключенъ мирный договоръ, по которому нѣмцы оставили этотъ городъ. Владиміру, какъ извѣстно, удалось захватить въ этой битвѣ Дидриха, брата епископа, и своего зятя. Съ этого времени идетъ постоянная борьба Русскихъ,—теперь ужъ не столько съ Ливонцами, сколько съ Нѣмцами, пока въ 1224 году не пала опора Русскихъ въ Ливонской землѣ—городъ Юрьевъ, переименованный нѣмцами въ Дерптъ. Русскіе вообще часто производили опустошенія въ Ливоніи; особенно сильное опустошеніе произвели Псковичи въ Ливоніи въ 1122 году, когда, въ союзѣ съ Ярославомъ и Новгородцами, проникли до самаго Ревеля, и хотя города не взяли, возвратились съ богатой добычей, изъ которой однако Ярославъ бо́льшую часть взялъ себѣ, а Псковичамъ досталось изъ нея небольшое количество; Псковичи за это постоянно упрекали Ярослава и своего князя. Въ 1122 году Владиміръ Мстиславичъ пересталъ быть Псковскимъ княземъ. Въ 1125 году, когда Литва напала на Торопецкій уѣздъ, а также на земли Смоленскія и Новгородскія, Ярославъ Новгородскій и Владиміръ Мстиславичъ со своимъ братомъ Давидомъ Торопецкимъ догнали Литовцевъ около гор. Усвята и разбили ихъ. Въ этой битвѣ Владиміръ Мстиславичъ лишился своего брата Давида а вскорѣ послѣ этого и самъ скончался.

«Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.», т. I, стр. 211, 215, 219; т. II, стр. 120, 124—125, 317; т. III, стр. 31—32, 34—35, 412; т, IV, стр. 20—21, 23—24, 26, 28, 117; т. VII, стр. 120—124; Arndt, «Liffänd. Chron.»; Митрополитъ Евгеній, «Исторія Княжества Псковскаго», ч. I, стр. 74—75; ч. II, стр. 6; ч. IV, стр. 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15; Н. И. Костомаровъ, «Историческія монографіи и изслѣдованія», т. VII, Исторія Новгорода, Пскова и Вятки во время удѣльно-вѣчеваго уклада (Сѣверорусскія народоправства), т. I, стр. 258, 332, 334, 337, 338; Карамзинъ, «Исторія Госуд. Россійск.», изд. ж. «Сѣверъ», т. III, стр. 34, 79, 91, 93, 94, 97, 100, 104, 119, прим. 152, 157; И. Д. Бѣляевъ, «Разсказы изъ Русской Исторіи», т. II, стр. 289, 293, 311; т. III, стр. 140, 141, 143, 195, 197, 202; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общественная польза», кн. I, т. II, стр. 572, прим. 1-ое, 579, прим. 1-ое, 587, 588, 591, 593, 616, 617, 618, 619.

Н. В-н-въ.

Псомасъ, *Егоръ Петровичъ*, генералъ-маіоръ, предсѣдатель Комитета по устройству въ Севастополѣ доковъ; происходилъ изъ венеціанскихъ дворянъ, въ 1786 г. опредѣленъ былъ кадетомъ въ Корпусъ чужестранныхъ единовѣрцевъ, въ 1790 г. произведенъ въ гардемарины, въ 1791 г. въ мичманы Черноморскаго флота и участвовалъ, на кораблѣ «Св. Павелъ», въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ у Каліакріи; въ 1795 г. получивъ чинъ лейтенанта, П. плавалъ ежегодно на разныхъ судахъ въ Черномъ морѣ; въ 1798 г., въ эскадрѣ адмирала Ушакова, онъ принималъ участіе во взятіи острововъ Цериго, Занте, Цефалонія и св. Мавра, а въ 1799 г. плавалъ на шебекѣ «Св. Макарій», въ той-же эскадрѣ адм. Ушакова въ Архипелагѣ, у Іоническихъ остр. и въ Средиземномъ морѣ; въ 1801, 1802, 1803 г. П. плавалъ по Черному Морю, въ 1804 г. на кораблѣ «Марія Магдалина» ходилъ съ десантными войсками въ Корфу, въ 1807 г., на кораблѣ «Ратный», былъ флагъ-капитаномъ при адмиралѣ Пустошкинѣ, крейсируя отъ Севастополя до Трапезунда, и участвовалъ

во взятіи крѣпости Апата. Произведенный въ 1809 г. въ капитанъ-лейтенанты, П. съ 1811 по 1816 г. состоялъ и. д. помощника капитана надъ Севастопольскимъ портомъ, въ 1816 г. получилъ чинъ капитана 2-го ранга и опредѣленъ капитаномъ надъ портомъ въ Севастополѣ, въ 1823 г. произведенъ былъ въ капитаны 1-го ранга, а въ 1825 г., по болѣзни, оставилъ командованіе портомъ и въ 1826 г. назначенъ презусомъ въ коммиссіяхъ: призовой и для свидѣтельства лицъ и матеріаловъ, доставляемыхъ въ Севастополь изъ другихъ портовъ. Затѣмъ, въ 1828 г. П. былъ опредѣленъ начальникомъ флотскаго училища въ Севастополѣ, въ 1829 г., по кончинѣ вице-адмирала Мессера, назначенъ и. д. директора Севастопольскаго порта съ оставленіемъ директоромъ училища и презусомъ коммиссій. Пожалованный въ 1832 г. чиномъ генералъ-маіора, П. въ 1833 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ Комитета по устроенію въ Севастополѣ сухихъ доковъ, въ 1836 г. уволенъ отъ должности директора порта и умеръ 20-го іюня 1804 г., 72 лѣтъ.

«Записки Ученаго Комитета Морского Министерства», ч. XVI, 1842 г., стр. 410—413; Общій Морской списокъ, ч. IV, стр. 620—622.

Пуаро, *Августъ, Антоновичъ* (Poiraux, Auguste-Charles-Léopold), академикъ архитектуры. Род. въ Петербургѣ 26-го февраля 1818 г., ум. $^{14}/_{26}$-го іюля 1892 г. въ Валантонѣ. Будучи сыномъ придворнаго танцора и балетмейстера Пуаро, помощника Дидло, онъ получилъ образованіе въ Петропавловскомъ Училищѣ, послѣ чего занимался въ Импер. Академіи Художествъ, подъ руководствомъ професора К. А. Тона, и хотя не окончилъ полнаго курса, тѣмъ не менѣе, получилъ, въ 1839 г., званіе некласснаго художника. Еще раньше этого, съ 8-го марта 1838 г., онъ поступилъ, въ качествѣ чертежника при архитекторѣ В. П. Стасовѣ, въ Высочайше учрежденную Коммиссію для возобновленія Зимняго Дворца послѣ пожара, гдѣ и прослужилъ до 6-го апрѣля 1843 г. Въ 1842 г. онъ получилъ мѣсто помощника архитектора при построеніи Исаакіевскаго собора и такъ расположилъ къ себѣ главнаго архитектора собора А. А. Монферрана, что тотъ въ декабрѣ 1853 г. обратился къ президенту Академіи Художествъ, Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, съ просьбою «объ удостоеніи званіемъ академика архитектуры безъ программы состоящаго принемъ помощникомъ художника Августа Пуаро по примѣру таковаго же удостоенія двухъ его предшественниковъ по службѣ, во уваженіе извѣстныхъ познаній его, Пуаро, въ архитектурѣ и строительномъ искусствѣ, доказанныхъ трудами его по службѣ при возобновленіи Зимняго Дворца и постройкѣ Исаакіевскаго собора». Но Совѣтъ Академіи, на этотъ разъ, отказалъ въ просьбѣ, постановивъ «представить Ея Императорскому Высочеству Президенту объ уваженіяхъ, по которымъ признаны были академиками предшественники г. Пуаро, т.-е. Шебуевъ и Шрейдеръ, которые получили образованіе въ Академіи и были отличными учениками, и что г. Пуаро подъ условія удостоенія ихъ не подходитъ». Тѣмъ не менѣе, Монферранъ вскорѣ добился того, что 12-го февраля 1854 г. великая княгиня предложила Совѣту художника Августа Пуаро, съ пользою занимавшагося при возобновленіи Зимняго дворца шесть лѣтъ и при постройкѣ Исаакіевскаго собора двѣнадцать лѣтъ, основываясь на существующихъ примѣрахъ, во вниманіе къ многолѣтнимъ трудамъ его по части архитектуры, возвести въ званіе академика и о семъ записать въ свое время въ журналъ Общаго Собранія Академіи», что и было исполнено.

Въ качествѣ помощника архитектора Исаакіевскаго собора, Пуаро наблюдалъ за работами по украшенію храма и составлялъ проэкты царскихъ вратъ и церковной утвари, а впослѣдствіи строилъ лѣса вокругъ собора для реставраціи мраморной облицовки. Кромѣ того, онъ состоялъ архитекторомъ при Петропавловскомъ соборѣ въ крѣпости, при Строительной Конторѣ Министерства Императорскаго Двора, по наблюденію за сооруженіемъ памятника Императору Николаю I (съ 1857 г.), гдѣ на него, вмѣстѣ съ инженеръ-полковникомъ Евреиновымъ, было возложено общее исполненіе проэкта, и за постройкою и ремонтомъ зданій Капитула Россійскихъ Императорскихъ орденовъ (съ 1863 г.). Въ Петропавловскомъ соборѣ, кромѣ постоянныхъ ремонтныхъ работъ и исполненія всѣхъ украшеній сводовъ и верхнихъ частей внутри зданія и малаго храма при немъ (1875—1877 гг.), а также

печи, по системѣ Креля (1878 — 1879 гг.), ему было поручаемо убранство храма и могилъ при погребеніи Императора Николая Павловича (1855 г.), Императрицы Александры Ѳеодоровны (1860 г.), устройство траурнаго убранства въ соборѣ и на Императорской яхтѣ Александріи, по случаю перевезенія и погребенія тѣла Государя Наслѣдника Цесаревича великаго князя Николая Александровича (1865 г.), князя Сергія Максимиліановича Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго (1878 г.), и великаго князя Вячеслава Константиновича (1879 г.). Имъ же перестроенъ министерскій домъ, на Фонтанкѣ, близъ Симеоновскаго моста (1872—1873 гг.) и выстроены многіе дома частныхъ лицъ и общественный театръ при Лѣсномъ Институтѣ (1871—1872 гг.). Въ 1871 г. онъ получилъ званіе почетнаго вольнаго общника Академіи, а 22-го апрѣля 1877 г. вышелъ въ отставку.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ, С.-Пб. 1866; — Отчеты Импер. Академіи Художествъ $185^4/_5$; $185^6/_7$; $185^7/_8$; $185^9/_{60}$; $18^{60}/_{61}$; $186^1/_2$; $186^2/_3$; $186^3/_4$; $186^4/_5$; $186^5/_6$; $186^8/_9$; $18^{69}/_{70}$; $187^1/_2$; $187^2/_3$; $187^3/_4$; $187^4/_5$; $187^5/_6$; $187^6/_7$; $187^7/_8$; $187^8/_9$; $187^9/_{80}$.; Исторія и достопримѣчательности Исаакіевскаго собора, С.-Пб. 1858.; «Сѣверное Сіяніе», С.-Пб. 1860 г.; «Новости» 1892 г., № 267.; «Новое Время» 1892 г., № 5957.; «Правительственный Вѣстникъ» 1892 г., № 212.; Н. П. Собко, Словарь русскихъ художниковъ, С.-Пб. 1899; «День» 1892 г., № 1546.

А. Новицкій.

Пугачевъ, *Емельянъ Ивановъ*, самозванецъ; родился въ 1726 году въ Зимовейской станицѣ войска Донского и съ ранней молодости занимался, вмѣстѣ съ отцомъ, хлѣбопашествомъ. По достиженіи 17 лѣтъ онъ былъ зачисленъ, по порядкамъ войска, на военную службу и, еще при жизни родителей, женился на дочери казака Недюжева Софьѣ Дмитріевой. Вскорѣ послѣ брака Пугачевъ съ прочими казаками, въ составѣ команды, былъ посланъ въ Пруссію и поступилъ въ отрядъ войскъ, бывшій подъ начальствомъ графа Чернышева. Пугачевъ принималъ участіе въ различныхъ сраженіяхъ Семилѣтней войны и хотя не былъ раненъ, но обратилъ на себя вниманіе походнаго атамана донскихъ полковъ въ арміи полковника Ильи Денисова, взявшаго Пугачева къ себѣ въ ординарцы. При нападеніи пруссаковъ на передовую казачью партію Пугачевъ упустилъ лошадь Денисова и былъ нещадно наказанъ за это плетьми, знаки которыхъ на его тѣлѣ сохранились на всю его жизнь. Когда, по вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, въ 1762 году, наши войска возвратились изъ-за границы, казаки, въ томъ числѣ и Пугачевъ, были распущены по домамъ. Проживъ полтора года въ Зимовейской станицѣ, Пугачевъ, подъ командою есаула Елисея Яковлева, былъ командированъ въ Польшу для изгнанія бывшихъ тамъ бѣглыхъ раскольниковъ (самъ Пугачевъ къ раскольникамъ никогда не принадлежалъ), а затѣмъ вся команда была снова распущена по домамъ и потребована вновь на службу при первой турецкой войнѣ. Пугачевъ, въ чинѣ хорунжаго, числился въ полку Кутейникова и находился въ составѣ войскъ, осаждавшихъ подъ начальствомъ графа Петра Ив. Панина крѣпость Бендеры. По взятіи этой крѣпости, полкъ Кутейникова былъ отведенъ на зимнія квартиры въ село Голую Каменку близъ Елизаветграда, гдѣ Пугачевъ долго и сильно хворалъ. Эта болѣзнь побудила его, выпросивъ себѣ у станичнаго атамана паспортъ, въ 1771 году отправиться въ Черкассы (жену и дѣтей онъ оставилъ въ станицѣ), чтобы ходатайствовать о полномъ увольненіи отъ военной службы. Оправившись отъ болѣзни различными совѣтами казачки Скоробогатовой, у которой онъ временно проживалъ, Пугачевъ поѣхалъ въ Таганрогъ, желая повидать свою сестру Ѳедосью, которая была замужемъ за донскимъ казакомъ Симономъ Павловымъ, отправленнымъ еще съ начала турецкой войны вмѣстѣ съ другими казаками на вѣчное житье въ Таганрогъ. Эти казаки были недовольны переселеніемъ и многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и Павловъ, рѣшились бѣжать за р. Терекъ, гдѣ уже проживали многіе ихъ семейные товарищи. Павловъ сталъ уговаривать къ побѣгу и Пугачева; чтобы по возможности скрыть побѣгъ, Ѳедосья Павлова вмѣстѣ съ братомъ отправилась, подъ предлогомъ свиданья съ матерью, на Донъ, въ Зимовейскую станицу, куда скоро прибыли и остальные бѣглецы. Ихъ всѣхъ Пугачевъ перевезъ за Донъ, на Ногайскую сторону. Зная, что перевозъ черезъ рѣку запрещенъ подъ страхомъ смертной казни, Пугачевъ бѣжалъ изъ дома, скитался нѣкоторое время по степи, но голодъ принудилъ его явиться

въ станицу, гдѣ онъ узналъ отъ жены своей, что Павловъ пойманъ и приведенъ въ Черкасы. Пугачевъ отправился въ этотъ городъ, былъ также схваченъ и арестованъ, но бѣжалъ къ своей женѣ и, проживъ въ родной станицѣ до декабря, покинулъ ее, сказавъ женѣ, что идетъ на Терекъ. Онъ скоро явился въ Дубовскую станицу и, по своей о томъ просьбѣ, былъ принятъ и зачисленъ въ Терское семейное войско, въ которомъ пробылъ не долго. По его происками и убѣжденіямъ казаки, поселенные въ станицахъ: Галюгаевской, Ищорской, Наурской, избрали Пугачева своимъ атаманомъ и поручили ему хлопотать въ Государственной Военной Коллегіи объ отпускѣ имъ жалованья и провіанта наравнѣ съ казаками Терскаго войска. Пугачевъ отправился съ этимъ порученіемъ, но уже при выѣздѣ изъ Моздока, 9-го февраля 1772 г., былъ схваченъ и прикованъ цѣпью къ стулу. Однако, онъ успѣлъ бѣжать, былъ снова задержанъ и отправленъ въ Черкасы водою, вмѣстѣ съ другими колодниками. Въ Цымлянской станицѣ онъ былъ взятъ на поруки давно знавшимъ его казакомъ Лукьяномъ Худяковымъ, съ обязательствомъ доставить его непремѣнно въ Черкаскъ. Между тѣмъ Пугачевъ на пути бѣжалъ къ рѣкѣ Койсухѣ, гдѣ были поселены выведенные изъ Польши бѣглые раскольники, у которыхъ на хуторѣ Осипа Коровки и нашелъ себѣ пріютъ, впрочемъ непродолжительный, выразивъ желаніе «пожить для Бога ради, да не знаю (говорилъ онъ), гдѣ бы сыскать такихъ богобоязливыхъ людей; на службѣ же никакъ Богу угодить не можно». Пробывъ недолго на хуторѣ, Пугачевъ отправился въ Кременчугъ, Крюковъ, Стародубскія слободки, откуда много бѣглыхъ всякаго рода проходило чрезъ Добрянскій форпостъ или въ Вѣтку въ Польшѣ, или въ Россію. Такъ какъ существовало приказаніе селить польскихъ выходцевъ по ихъ желанію, то на форпостѣ желающимъ выдавались билеты въ тѣ мѣста, куда кто пожелаетъ селиться. Такой билетъ получилъ и Пугачевъ. Не скрывая своего имени, онъ показалъ себя польскимъ уроженцемъ и выразилъ желаніе поселиться на р. Иргизѣ въ Казанской губерніи. Онъ предполагалъ основаться тамъ; если же тамъ жить окажется худо, то направиться на р. Кубань, куда ушли Некрасовцы. Прибывъ на Донъ, Пугачевъ узналъ о безпорядкахъ, бывшихъ въ Царицынѣ, и о казакѣ Богомоловѣ, выдававшемъ себя за умершаго императора Петра III. Затѣмъ, добравшись чрезъ Камышинъ и Саратовъ въ Симбирскую провинцію, Пугачевъ узналъ о происшествіяхъ на р. Яикѣ и о положеніи яицкихъ казаковъ. Мысль воспользоваться неудовольствіемъ казаковъ и, подговоривъ ихъ къ побѣгу на Кубань или Терекъ, сдѣлаться ихъ атаманомъ, овладѣла Пугачевымъ. Онъ отправился въ Мечетную слободу (нынѣ Николаевскъ, Самарской губерніи) и, пробираясь къ Яицкому городку, остановился при р. Тальбой на уметѣ, а затѣмъ, 22-го ноября 1772 г., проникъ въ самый городокъ и остановился въ домѣ казака Пьянова. Въ это время по городу и базару ходилъ слухъ, что въ Царицынѣ появился государь Петръ III. Пугачевъ, въ разговорѣ съ казакомъ Пьяновымъ о средствахъ, необходимыхъ для задуманнаго имъ предпріятія, высказывалъ, что можетъ располагать большими средствами, и на возраженіе Пьянова, что такихъ большихъ денегъ ни у кого не можетъ быть, кромѣ государя, отвѣтилъ ему, что онъ самъ государь Петръ Ѳеодоровичъ, который былъ въ Царицынѣ и сохраненъ добрыми людьми. Пугачевъ какъ бы неожиданно для самого себя принялъ имя царя Петра III и, желая узнать, какое это произведетъ впечатлѣніе на казаковъ, прислушивался къ народному говору; пробывъ въ Яицкомъ городкѣ около недѣли, ничего кромѣ жалобъ казаковъ на ихъ тяжелое положеніе онъ не слыхалъ. Онъ собрался ѣхать далѣе, но былъ задержанъ по доносу о подговорѣ казаковъ бѣжать съ Яика. Пугачева сковали, привезли въ Симбирскъ, а затѣмъ въ Казань, гдѣ 4-го января 1773 года генералъ-поручикъ фонъ-Брандтъ приказалъ держать его подъ крѣпкимъ карауломъ, и по освидѣтельствованіи его, допросить, чѣмъ онъ былъ наказанъ — кнутомъ или плетьми и за что. Пугачевъ содержался вмѣстѣ съ другими арестантами подъ помѣщеніемъ Канцеляріи, въ черныхъ тюрьмахъ, старался казаться набожнымъ, былъ послушенъ и тихъ и, въ разговорахъ съ другими содержащимися, выдавалъ себя за раскольника, говоря, что страдаетъ за крестъ и бороду. Приходившіе въ тюрьму для подаяній раскольники приняли въ немъ участіе, вступили съ нимъ въ близкія сно-

шенія, и Пугачевъ скоро былъ перечисленъ въ разрядъ арестантовъ, которыхъ отпускали за карауломъ для прошенія по улицамъ милостыни и водили также на разныя работы. Пользуясь этимъ, Пугачевъ, вмѣстѣ съ другимъ арестантомъ, Дружининымъ, при содѣйствіи его жены и сына, подговорили караульныхъ солдатъ и бѣжали изъ Казанской тюрьмы 27-го мая 1773 года,—за три дня до полученія Высочайше утвержденной конфирмаціи о томъ, чтобы Пугачева, за подговоръ казаковъ къ бѣгству, наказавъ плетьми, сослать въ Пелымъ, гдѣ назначить его въ казенную работу такую, какая случиться можетъ, давая за то ему въ пропитаніе по три копѣйки въ день. Послѣ тщетныхъ поисковъ Пугачева, генералъ фонъ-Брандтъ донесъ въ Петербургъ о его побѣгѣ князю А. А. Вяземскому письмомъ отъ 27-го іюня, полученнымъ въ Петербургѣ только 8-го августа. Это извѣстіе произвело въ Петербургѣ немалое впечатлѣніе, такъ какъ уже 14-го августа графъ Чернышевъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія о поискѣ Пугачева, который, не теряя времени, быстро составлялъ себѣ мятежническую шайку.

Для уясненія себѣ причинъ, содѣйствовавшихъ быстрому распространенію мятежа, во главѣ котораго находился Пугачевъ, не лишнее припомнить здѣсь общее положеніе того края, въ которомъ проявилъ свою дѣятельность Пугачевъ.

Край этотъ представлялъ всѣ условія для успѣшнаго развитія мятежа и быстраго набора толпы мятежниковъ. Населеніе Казанской губерніи было рѣдкое, а въ Оренбургской, при томъ, крайне разнообразное и состояло по примуществу изъ инородцевъ-кочевниковъ, заводскихъ крестьянъ, бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ, раскольниковъ и казаковъ; всѣ они были до крайности недовольны своимъ положеніемъ по причинамъ, ниже изложеннымъ. Казанская губернія въ то время дѣлилась на шесть провинцій: Казанскую, Свіяжскую, Пензенскую, Симбирскую, Вятскую и Пермскую; Оренбургская же губернія состояла изъ провинцій: Ставропольской, Исетской, Уфимской и еще Оренбургскаго дистрикта, въ который входилъ Яицкій городокъ со всѣмъ Яицкимъ (уральскимъ) казачьимъ войскомъ, крѣпостью Илецкою, Зелаирскою, Сакмарской городьбой и т. д. Пограничная черта Оренбургской губерніи состояла изъ ряда незначительныхъ крѣпостей, раздѣленныхъ на восемь дистанцій, или *линій* (Самарская, Сакмарская, Нижне-Яицкая, Красногорская, Орская, Верхне-Яицкая, Верхне-Уйская, Нижне-Уйская). Эти линіи тянулись отъ г. Самары на Волгѣ степью на Бузулукъ до р. Яика (Уралъ), по этой рѣкѣ внизъ до Разсыпной и вверхъ до г. Орска, Магнитной и такъ далѣе по притоку р. Тобола и самому Тоболу до Звѣриноголовской крѣпости. Для ихъ защиты имѣлось всего семь тысячъ солдатъ, расположенныхъ мелкими отрядами, въ отдѣльныхъ укрѣпленіяхъ, сообщеніе между которыми содержали казаки. Не малая часть Оренбургской губерніи, извѣстная подъ именемъ Башкиріи, была населена кочевниками-башкирами, — народомъ смирнымъ, покорнымъ, платившимъ подать медомъ и лисицами, но въ послѣднее время терпѣвшимъ большія притѣсненія отъ раздачи принадлежавшихъ имъ искони земель русскимъ поселенцамъ различнаго рода. Башкиры не разъ приносили на это жалобы, но безуспѣшно. Къ этому присоединились безпорядки и злоупотребленія по управленію вообще и мѣры распространенія среди башкиръ Православія, чѣмъ были очень недовольны ревностные магометане. Не зная, какъ избавиться отъ всякихъ притѣсненій и какъ довести о нихъ до свѣдѣнія Императрицы, башкиры рѣшили, что только одно возстаніе обратитъ на нихъ вниманіе правительства, такъ какъ отправить особую депутацію въ Петербургъ башкиры считали для себя невозможнымъ: это требовало не только денегъ, но и паспортовъ на проѣздъ, которыхъ башкирамъ не выдавали. Возстаніе проявилось еще въ 1755 году, быстро распространилось по всей Башкиріи почти одновременно и сопровождалось страшными звѣрствами. Во главѣ возстанія стоялъ извѣстный Батырша (онъ былъ схваченъ въ 1757 году, отправленъ въ Петербургъ, заключенъ въ Шлюссельбургскую крѣпость, въ которой и окончилъ жизнь въ 1762 года, 24-го іюня). Оренбургскій губернаторъ И. И. Неплюевъ усмирилъ башкиръ, и тогда они огромными толпами бѣжали за Уралъ къ Киргизамъ и стали опустошать ихъ аулы. Земли башкирскія стали по-прежнему захватывать русскіе поселенцы, все болѣе и болѣе водворявшіеся въ Башкиріи. Туземцы, не будучи

въ силахъ этому противиться, ожидали лучшихъ временъ и удобнаго случая, чтобы избавиться отъ этого. Въ эту пору и получилось извѣстіе, что Петръ III живъ и появился въ казачьемъ войскѣ. Вѣсть эта быстро разнеслась по Башкиріи и вселила увѣренность въ башкирахъ, что теперь будутъ отмѣнены всѣ непорядки и притѣсненія, которыя они столько лѣтъ испытывали. Башкиры всѣ готовы были пристать къ самозванцу. Въ Яицкомъ (т. е. уральскомъ) войскѣ также было много недовольныхъ. Съ давнихъ поръ среди войскового населенія существовали двѣ враждовавшія между собою партіи: такъ называемая старшинская, состоявшая изъ различнаго войсковаго начальства и ихъ приверженцевъ, и войсковая, въ которой принадлежали простые казаки. Ихъ взаимныя несогласія особенно усилились съ 1752 года, когда войско взяло на откупъ рыбные промыслы по всему теченію р. Урала (который назывался тогда Яикъ) и по прибрежью Каспійскаго моря, а также сборъ въ предѣлахъ войсковыхъ земель съ таможенъ, съ продажи вина и соленой рыбы. Атаманы, старшины и прочее войсковое начальство, пользуясь неграмотностью большинства казаковъ, злоупотребляли довѣріемъ войска, не отдавали ему отчета въ собираемыхъ деньгахъ, расходовали ихъ по своему усмотрѣнію и жестоко наказывали напоминавшихъ имъ объ отчетѣ, какъ озорниковъ и людей мятежныхъ. Казаки не разъ жаловались въ Петербургъ и не разъ посылали депутатовъ къ императрицѣ Екатеринѣ II, вслѣдствіе чего являлись указы Военной Коллегіи, запрещавшіе излишніе поборы и неправильное расходованіе войсковыхъ денегъ, предлагавшіе казакамъ и старшинамъ жить другъ съ другомъ мирно, предавъ забвенію всѣ ссоры, а также назначались разныя коммиссіи для разбора на мѣстѣ ихъ взаимныхъ неудовольствій,— но все это не имѣло желаемаго успѣха. Казаки до того были недовольны старшинами, ими же самими избираемыми, что рѣшились въ 1767 году отказаться навсегда отъ права избирать атамановъ, предоставивъ назначеніе послѣднихъ монаршему усмотрѣнію.

Помимо этого, все войско было недовольно введеніемъ очередной службы (вмѣсто прежде отбываемой по найму), а также назначеніемъ казачьихъ командъ въ составъ формировавшагося, по мысли гр. З. Г. Чернышева (вице-президента Военной Коллегіи), легіона. Казаки усмотрѣли въ этомъ намѣреніе обратить ихъ въ солдаты, завести регулярство (т. е. обрить имъ бороды, одѣть однообразно, обучить строю и т. д.), на что они, какъ строгіе раскольники, не могли согласиться. Все населеніе было до того возбуждено подобными слухами, что отказывалось работать и перестало заботиться о собственномъ благосостояніи. Вскорѣ среди войска начались волненія, какъ доносилъ объ этомъ въ Петербургъ Оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ. Императрица Екатерина II, къ которой и казаки отправили депутатовъ, приказала послать на Яикъ новую слѣдственную коммиссію для повѣрки дѣйствій атамановъ и учета войсковой канцеляріи, прибывшую въ Яицкій городокъ 2-го Февраля 1771 года. Въ то же время командиромъ войска былъ назначенъ генералъ-маіоръ Фонъ-Траубенбергъ, человѣкъ рѣшительнаго характера, знакомый со всѣмъ происходившимъ на р. Яикѣ, но недовольный казаками за то, что они не выслали въ его отрядъ (когда онъ былъ Оренбургскимъ губернаторомъ) командъ для преслѣдованія киргизовъ. Онъ принялъ рядъ крутыхъ мѣръ противъ казаковъ, которые въ январѣ 1772 года прибѣгли къ оружію. Скоро произошло побоище, въ которомъ Траубенбергъ былъ убитъ (13-го января); войсковая партія неистовствовала, грабила дома старшинъ и ихъ приверженцевъ и 14-го января постановила предать смерти нѣкоторыхъ изъ почитавшихся главными врагами войска, а затѣмъ, предавъ забвенью все прошлое, жить спокойно и никакихъ просьбъ не подавать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она отправила въ Петербургъ депутатовъ съ объясненіемъ и оправданіемъ себя въ произведенныхъ безпорядкахъ.

Послѣдствіемъ было то, что въ Петербургѣ рѣшено было: 1) управленіе въ Яицкомъ казачьемъ войскѣ перемѣнить и, уничтоживъ чины войсковаго атамана и старшинъ, раздѣлить все войско на полки, которые подчинить вѣдомству Оренбургскаго войсковаго начальства; 2) принять мѣры къ усмиренію войска и наказанію виновныхъ, для чего отправить изъ Москвы генералъ-маіора Фреймана въ

подкрѣпленіе войскамъ, посланнымъ уже изъ Оренбурга. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ въ Яицкомъ войскѣ, казаки,ославъ новую депутацію въ Петербургъ, собрались въ большомъ числѣ у р. Ембулатовки, съ намѣреніемъ просить генерала Фреймана не переходить границъ войсковой земли до возвращенія депутатовъ изъ Петербурга. Фрейманъ на это не согласился: послѣ непродолжительнаго сраженія онъ разсѣялъ казаковъ, въ іюнѣ 1772 г. занялъ Яицкій городокъ и привелъ въ исполненіе данное ему приказаніе. Яицкій городокъ опустѣлъ; часть населенія разсѣялась по степи; часть была арестована и отправлена въ Оренбургъ въ слѣдственную Коммиссію, которая въ сентябрѣ 1772 года постановила суровое рѣшеніе въ отношеніи казаковъ, принимавшихъ участіе въ безпорядкахъ. Все войско пришло въ уныніе; въ это самое время распространился по всему Яику слухъ, что въ московскомъ легіонѣ появился самъ императоръ Петръ III и что онъ обѣщаетъ защиту всѣмъ угнетеннымъ и обиженнымъ. Казаки этому обрадовались въ надеждѣ на лучшую будущность и стали толпами приходить къ самозванцу. Что касается войска Донского, то и въ средѣ его происходили безпорядки по поводу представленнаго атаманомъ войска, Степаномъ Ефремовымъ, проекта коренного преобразованія его внутренняго управленія. По этому проекту власть войскового атамана усиливалась: онъ пріобрѣталъ возможность распоряжаться неограниченно не только военною и гражданскою частью въ войскѣ, но и всѣми войсковыми суммами. Казаки были этимъ недовольны, доносили Военной Коллегіи о злоупотребленіяхъ Ефремова,—какъ-то о его взяточничествѣ, расхищеніи войсковой казны и провіанта, тайныхъ сношеніяхъ его съ пограничными татарами, кабардинскими и горскими князьями и т. д. Военная Коллегія неоднократно вызывала Ефремова въ Петербургъ, но онъ не являлся, а потому генералу Черепову было приказано выслать его силою, объявивъ войсковой канцеляріи не принимать къ исполненію никакихъ распоряженій атамана. Ефремовъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Петербургъ. Вслѣдствіе этого возникли смуты въ Черкасскѣ,—въ то самое время, какъ среди волжскихъ казаковъ появился извѣстный Богомоловъ, слухи о которомъ дошли и до станицъ Донского войска и возбудили немалое волненіе въ населеніи.

Еще въ 1732 году изъ среды Донского войска были вызваны охотники для поселенія и защиты линіи отъ Камышина до Царицына, образовавшіе собою Волжское казачье войско. Позднѣе, въ 1770 г., для укрѣпленія и защиты Моздока были вызваны опять такіе же охотники, составившіе Моздокскій полкъ, расположенный въ пяти станицахъ между Моздокомъ и городкомъ Червленнымъ. Желая облегчить свое положеніе, Волжское казачье войско стало принимать въ свою среду всѣхъ желающихъ и скоро обратилось въ притонъ для бездомныхъ и бѣглыхъ, искавшихъ свободы. Въ числѣ таковыхъ оказался крестьянинъ графа Романа Ларіоновича Воронцова—Ѳеодоръ Богомоловъ, изъ села Спасскаго Саранскаго уѣзда, назвавшійся донскимъ казакомъ Ѳедотомъ Ивановымъ Казинымъ. Въ пьяномъ видѣ онъ объявилъ себя импера торомъ Петромъ III. Слухъ объ этомъ быстро распространился среди казаковъ, приходившихъ во множествѣ смотрѣть на явившагося императора, число приверженцевъ котораго значительно увеличивалось. Однако, Богомоловъ былъ скоро схваченъ, закованъ въ кандалы и, по доставленіи въ Царицынъ, преданъ суду. Въ продолженіе своего заключенія въ тюрьмѣ, Богомоловъ въ разговорахъ съ караульными и арестантами показывалъ имъ на своемъ тѣлѣ изображенный крестъ, объяснялъ имъ постоянно, что онъ императоръ, обѣщалъ даровать всякія льготы и т. д. Все это принималось донцами не безъ сочувствія, въ надеждѣ, что этотъ Петръ III, вступивъ на престолъ, избавитъ ихъ отъ различныхъ угрожавшихъ имъ нововведеній; многіе изъ донцовъ намѣревались освободить Богомолова и увезти изъ Царицына. Но это не осуществилось, а тѣмъ временемъ состоялось рѣшеніе суда, утвержденное Военною Коллегіею, по которому Богомоловъ былъ наказанъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и сосланъ въ вѣчную каторжную работу въ Нерчинскіе заводы.—Богомоловъ, впрочемъ, до Сибири не дошелъ: онъ умеръ дорогою, но слухи о немъ возбудили въ казакахъ всякія надежды, долго бродившія въ Донскомъ войскѣ.

Емельянъ Пугачевъ, какъ выше сказано,

бѣжавъ изъ Казанской тюрьмы, переправился чрезъ р. Вятку у Куровскаго перевоза, а затѣмъ чрезъ Керженцы прибылъ къ Козловкѣ на р. Камѣ и, совершивъ переправу, остановился въ селѣ Сарасы. Проживъ въ этомъ селѣ недѣль пять, онъ затѣмъ двинулся по направленію къ Яицкому городку и прибылъ снова въ Таловой уметъ, куда стало стекаться изъ городка не мало всякаго народа, которому Пугачевъ, показывая на своемъ тѣлѣ знаки царскіе, говорилъ, что онъ не простой казакъ, а государь Петръ Ѳедоровичъ, прибывшій сюда на выручку войсковымъ казакамъ, которыхъ въ то время въ Яицкомъ городкѣ подвергали суровымъ наказаніямъ за убйство Фонъ-Траубенберга. Слухъ о пребываніи въ уметѣ государя Петра Ѳедоровича быстро распространялся; казаки ѣздили сперва поглядѣть на царя, который обходился съ ними ласково и милостиво, а затѣмъ стали разсуждать, гдѣ бы всего лучше собраться войску. Они рѣшили направиться на рѣку Узень. Переговоры казаковъ съ Пугачевымъ велъ нѣкто Зарубинъ, извѣстный позднѣе подъ прозвищемъ *Чика*, а также Шигаевъ, Мясниковъ и др. Переговоры кончились тѣмъ, что Пугачевъ былъ взятъ ими для охраненія, перевезенъ въ хуторъ Кожевникова (на р. Малый Чаганъ, въ 30 верстахъ отъ Яицкаго городка и въ 15 отъ р. Узени), чтобы сдѣлать его властелиномъ и возстановителемъ притѣсненныхъ и упадшихъ обычаевъ и обрядовъ, которые давно старались у нихъ перемѣнить. Послѣ этого казаки разъѣхались по домамъ съ убѣжденіемъ, что Пугачевъ—истинный государь, явившійся для ихъ спасенія, и стали разглашать о немъ по хуторамъ и зимовьямъ. Чика, однако, былъ въ сомнѣніи о личности Пугачева. Самъ Пугачевъ признался Зарубину, что онъ подлинно донской казакъ, былъ на Дону, гдѣ, по всѣмъ тамошнимъ городкамъ, ходитъ молва, что государь Петръ III живъ. «Подъ именемъ его, я могу, говорилъ Пугачевъ, взять Москву, ибо тамъ войска никакого нѣтъ, а я дорогой наберу силу, и людей у меня будетъ много. Если же людей будетъ мало, то я опять скроюсь. Во всей Россіи чернь бѣдная терпитъ великія обиды и разоренія; для нея то хочу я теперь показаться, и она вся ко мнѣ пристанетъ». Кожевниковъ на сомнѣнія Чики говорилъ ему: «Пусть это не государь, а простой казакъ, но онъ вмѣсто государя за насъ заступится; а намъ все равно, лишь бы быть въ добрѣ». Къ слуху о появленіи государя и прочіе казаки относились различно: одни хотѣли принять его въ войско и объявить государемъ, другіе—опасались, чтобы не вышло изъ этого чего худого; одни вѣрили, а другіе не вѣрили, что Пугачевъ—государь Петръ III. Происхожденіе и личность Пугачева для яицкихъ казаковъ, впрочемъ, особеннаго значенія не имѣли: имъ необходимъ былъ только человѣкъ, никому въ войскѣ неизвѣстный, который, воспользовавшись увѣренностью народа, что Имп. Петръ III живъ, провозгласилъ бы себя государемъ и возвратилъ яицкому войску всѣ его прежнія права, привиллегіи и вольность. Казаки долго колебались признать Пугачева, но наконецъ рѣшили никому не выдавать собственнаго его признанія Зарубину, а напротивъ того убѣждать всѣхъ и каждаго, что Пугачевъ—истинный и природный государь. Это убѣжденіе было столь сильно впослѣдствіи, что къ вожакамъ примкнули лица, сторонившіяся сперва Пугачева, и явились самыми дѣятельными его пособниками. Вожаки рѣшили привести Пугачева съ хутора въ городъ, въ которомъ молва о появленіи Петра III настолько уже распространилась, что дошла до казачьихъ старшинъ и самого коменданта Яицкаго городка полковника Симонова. Не зная, въ какомъ мѣстѣ скрывается самозванецъ, Симоновъ, только изъ болтовни пьянаго казака Кочурова заключилъ, что Пугачевъ долженъ быть въ Усихѣ, и послалъ небольшой отрядъ для его поимки на хуторъ Кожевникова. Но Пугачевъ, предупрежденный объ этомъ во-время, успѣлъ скрыться на хуторѣ Толкачевыхъ, верстахъ во ста отъ Яицкаго городка и въ 40—отъ Усихи; на хуторѣ былъ захваченъ Михаилъ Кожевниковъ и доставленъ въ Яицкій городокъ; преслѣдовать же Пугачева и поймать его посланъ былъ другой отрядъ, подъ начальствомъ сержанта Долгополова, который, дойдя до стана Пугачева, остановился за утомленіемъ людей и лошадей и просилъ подкрѣпленія. Тѣмъ временемъ Пугачевъ приказалъ написать, 15-го сентября 1773 года, воззваніе къ народу, а затѣмъ, прибывъ на хуторъ Толкачевыхъ

17-го сентября 1773 г., собралъ жившихъ близъ хутора казаковъ, а также бѣглыхъ русскихъ и калмыковъ, всего человѣкъ 80, и приказалъ прочесть имъ написанное воззваніе и затѣмъ, съ развернутымъ знаменемъ, направляясь къ Яицкому городку, двинулся на Чаганскій форпостъ, близъ котораго встрѣтилъ его съ подарками посланный отъ Киргизъ-Кайсацкаго хана Нура-Али, съ выраженіемъ готовности ему содѣйствовать. Пугачевъ потребовалъ немедленной присылки ему ста вооруженныхъ киргизовъ и, двигаясь далѣе, забиралъ съ форпостовъ, хуторовъ и зимовій всѣхъ находившихся тамъ казаковъ съ оружіемъ, приказывалъ имъ не отставать и угрожалъ смертью всякому, кто отъ него уйдетъ или отстанетъ. Подойдя, 18-го сентября 1773 г., къ Яицкому городку, въ которомъ большинство обывателей сильно ему сочуствовало и готово было при первомъ удобномъ случаѣ ему предаться, Пугачевъ встрѣтилъ впереди городка отрядъ войска, подъ начальствомъ секундъ-маіора Наумова и старшины казаковъ Окутина. Не начиная непріязненныхъ дѣйствій, Пугачевъ вступилъ съ ними въ переговоры, убѣждая ихъ принять его съ честью и присоединиться къ нему. Такого же содержанія указъ онъ послалъ и коменданту Симонову. Хотя немалое число казаковъ перешло на сторону Пугачева, но въ общемъ его переговоры не имѣли успѣха. Симоновъ не открылъ ему воротъ укрѣпленія, а Пугачевъ, не желая терять людей, двинулся вверхъ по р. Яику по линіи форпостовъ. Симоновъ же, не располагая достаточными силами, его не преслѣдовалъ. Такимъ образомъ Пугачевъ, никѣмъ не тревожимый, дошелъ до Илецкаго городка, беря на пути форпосты, казаковъ, пушки и боевые снаряды. Илецкій городокъ, расположенный на лѣвомъ, высокомъ берегу Урала, близъ впаденія въ него р. Илекъ, былъ укрѣпленъ; во главѣ казаковъ находился атаманъ Портновъ, преданный вполнѣ правительству и намѣревавшійся защищаться до послѣдней крайности. Онъ приказалъ разобрать мостъ на Яикѣ. Между тѣмъ, присланое въ городокъ воззваніе Пугачева оченъ поколебало казаковъ, и они рѣшили принять его съ честью. Исправивъ мостъ, казаки 21-го сентября вышли къ Пугачеву съ хлѣбомъ-солью и знаменами. Пугачевъ занялъ Илецкій городокъ, приказалъ сейчасъ же повѣсить Портнова, а все его имущество предалъ на разграбленіе. Полковникомъ и командиромъ надъ городкомъ онъ назначилъ Творогова.

Занявъ одинъ изъ главныхъ населенныхъ пунктовъ той мѣстности, Пугачевъ ободрился и сталъ помышлять о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, а между тѣмъ приводилъ жителей къ присягѣ себѣ на вѣрность, приказалъ на ектеніяхъ упоминать имя государя Петра Ѳедоровича, а имя императрицы Екатерины II исключить, говорилъ, что заплетъ ее скоро въ монастырь, обѣщалъ народу избавить его отъ утѣсненій и бѣдности, отобрать села и деревни у бояръ и жаловать ихъ деньгами и т. д.; затѣмъ онъ двинулся къ крѣпости Разсыпной, на правомъ берегу Яика, построенной на томъ мѣстѣ, гдѣ Киргизъ-Кайсаки обыкновенно переправляются въ бродъ при вторженіяхъ своихъ въ предѣлы Россіи. По малочисленности гарнизона сопротивленіе было невозможно; крѣпость была взята и комендантъ ея маіоръ Веловскій съ женою и другія лица повѣшены. Двигаясь далѣе къ Нижне-Озерной или Столбовой, на Яикѣ же, Пугачевъ уничтожилъ отрядъ войскъ, шедшій изъ этого укрѣпленія на помощь Разсыпной, а затѣмъ овладѣлъ и Нижне-Озерной и направился къ крѣпости Татищевой, которая находилась всего въ 64 верстахъ отъ Оренбурга.

Губернаторъ Оренбургскій Рейнсдорпъ до 21-го сентября и не подозрѣвалъ о пребываніи Пугачева въ губерніи. Получивъ извѣстіе о взятіи имъ Илецкаго городка, онъ счелъ таковое невѣроятнымъ, не принималъ никакихъ мѣръ и, считая находившіяся въ его распоряженіи войска вполнѣ достаточными для уничтоженія Пугачева и его шайки, отклонилъ предложенное ему киргизскимъ ханомъ содѣйствіе и выслалъ, еще 24-го сентября, отрядъ въ крѣпость Татищеву, расположенную при р. Камышъ-Самарѣ, на сообщеніи Оренбурга съ Самарскою линіею и Яикомъ; она считалась опорнымъ пунктомъ всей Яицкой линіи, была обнесена стѣною и рогатками, имѣла довольно значительный гранизонъ и заключала въ себѣ денежную казну, а также склады аммуниціи и всякаго рода военныхъ запасовъ. Подойдя къ крѣпости, Пугачевъ, послѣ не-

продолжительныхъ, но безуспѣшныхъ переговоровъ о сдачѣ, началъ ее штурмовать, овладѣлъ ею 27-го сентября и, забравъ въ плѣнъ жителей, захватилъ складъ аммуниціи и провіанта и нѣсколько пушекъ. Занявъ столь сильный и важный пунктъ, Пугачевъ являлся уже не простымъ разбойникомъ, но грознымъ врагомъ, предъ которымъ не могла устоять ни одна изъ крѣпостей и городковъ, лежавшихъ на пути его. Онъ легко могъ двинуться не только къ Оренбургу, но и къ Казани и далѣе въ центръ Россіи и, по отсутствію войскъ въ этихъ мѣстностяхъ, произвести великія замѣшательства. Но Пугачевъ самъ въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ не руководился опредѣленными заранѣе соображеніями: онъ шелъ, куда направляли его совѣтники его, яицкіе казаки, для которыхъ овладѣть Оренбургомъ являлось главнѣйшею цѣлію. Поэтому, послѣ трехдневнаго пьянства и всякихъ неистовствъ въ Татищевѣ, Пугачевъ двинулся къ Чернорѣченской крѣпости, почти оставленной, овладѣлъ ею и послалъ сержанта Костицына въ Оренбургъ, чтобы подговорить жителей сдать городъ безъ сопротивленія. Укрѣпленія Оренбурга были въ весьма плохомъ состояніи, но Рейнсдорпъ, вѣрно оцѣнивъ значеніе Оренбурга и важность удержанія его, рѣшился защищать городъ до послѣдней крайности. Онъ привелъ его по возможности въ оборонительное состояніе, но не достаточно обезпечилъ провіантомъ. Въ воззваніяхъ своихъ къ обывателямъ Рейнсдорпъ допускалъ не мало отступленій отъ истины, давшихъ поводъ къ разнымъ недоумѣніямъ. Кромѣ того, содержавшагося въ тюрьмѣ ссыльно-каторжника Хлопушу онъ надумалъ послать къ Пугачеву съ тѣмъ, чтобы распространять въ толпѣ его приверженцевъ мнѣніе, что это не императоръ Петръ III, а если возможность представится — схватить и привезти самозванца въ Оренбургъ. Хлопуша, конечно, поѣхалъ, немедленно примкнулъ къ Пугачеву и сдѣлался однимъ изъ самыхъ важныхъ и дѣятельныхъ его пособниковъ. Позднѣе Хлопуша былъ взятъ войсками въ плѣнъ.

Узнавъ, что Оренбургъ не расположенъ сдаваться, Пугачевъ не рѣшился немедленно двинуться къ нему и силою овладѣть имъ; онъ повернулъ на Каргалинскую слободу, чтобы соединиться съ казаками, жившими въ Сакмарскомъ городкѣ, и тѣмъ увеличить свои силы. Этимъ онъ далъ возможность Рейнсдорпу, гарнизону и жителямъ Оренбурга приготовиться къ защитѣ города. Прибывъ къ Каргалу 1-го октября, Пугачевъ отправилъ указъ въ Башкирію, въ которомъ говорилось, чтобы обыватели ея признали его императоромъ Петромъ Ѳедоровичемъ, и что онъ «нынѣ вамъ, даже до послѣдка, землями, водами, лѣсами, жительствами, травами, рѣками, рыбами, хлѣбомъ, пашнями, денежнымъ жалованьемъ, свинцомъ и порохомъ какъ вы желали, пожаловалъ по жизнь вашу и пребывайте такъ, какъ степные звѣри въ благодѣяніяхъ и продерзостяхъ; всѣхъ васъ пребывающихъ на свѣтѣ освобождаю и даю волю дѣтямъ вашимъ и внучатамъ вѣчно». Отправивъ такой указъ, Пугачевъ 2-го октября направился къ Сакмарскому городку. Совсѣмъ не будучи знакомъ съ географическимъ положеніемъ мѣстности, Пугачевъ не оцѣнилъ важнаго стратегическаго значенія при осадѣ Оренбурга этого пункта, который, будучи занятъ Пугачевымъ, отрѣзалъ бы Оренбургу сношенія съ Россіею и лишилъ бы его возможности получать все необходимое по рѣкѣ Сакмарѣ. Пугачевъ не оцѣнилъ всего этого, а потому, занявъ Сакмарскій городокъ, онъ его покинулъ 4-го октября, забравъ съ собою все его населеніе, способное носить оружіе, и оставивъ въ немъ только престарѣлыхъ и дѣтей, и подошелъ къ Оренбургу 5-го того же мѣсяца. Рейнсдорпъ немедленно сообщилъ объ этомъ казанскому губернатору Фонъ-Брандту, который, по собственнымъ его словамъ, располагалъ столь незначительнымъ количествомъ войскъ, «что не только поиска и истребленія сильной злодѣйской шайки, но и обороны противъ ихъ варварскаго нападенія дѣлать было некѣмъ». Брандтъ изъ Казани, сдѣлавъ возможныя для него распоряженія къ охраненію границъ ввѣренной ему губерніи, сообщилъ о всемъ князю М. Н. Волконскому (главнокомандующему въ Москвѣ) и просилъ его прислать въ Казань оружіе и войско. Князь Волконскій оцѣнилъ важность положенія дѣлъ и, опасаясь, чтобы «пламя не вышло», отправилъ на ямскихъ подводахъ въ Казань 300 солдатъ и, въ свою очередь, сообщилъ обо всемъ президенту Военной Коллегіи графу З. Г. Чернышеву, высказывая мнѣніе о необхо-

димости потушить волненіе, какъ можно скорѣе. Это извѣстіе прибыло въ Петербургъ 14-го октября и явилось совершенною неожиданностью; при дворѣ происходили празднества по случаю совершеннолѣтія наслѣдника престола Павла Петровича и его бракосочетанія съ принцессою Гессенъ-Дармштадтскою Натальею Алексѣевною. Опасаясь, чтобы волненія на востокѣ Имперіи не оказали вліянія на внѣшнія дѣла съ Западною Европою, правительство наше признало необходимымъ хранить въ тайнѣ извѣстія, полученныя отъ Брандта и князя Волконскаго, и, не трогая полковъ нашихъ, находившихся въ то время на западныхъ и южныхъ границахъ государства, послать противъ Пугачева отдѣльныя небольшія команды, собирая ихъ, гдѣ удобнѣе, чтобы не давать повода предположеніямъ о серьезномъ значеніи волненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было предписано князю М. Н. Волконскому отправить изъ Калуги въ Казань генералъ-маіора Фреймана и съ нимъ различныя команды на ямскихъ и обывательскихъ подводахъ. Кромѣ того, для учиненія сильнаго поиска надъ Пугачевымъ и прекращенія всѣхъ его злоумышленій, былъ посланъ генералъ-маіоръ Каръ, которому поручалась команда надъ войсками, отправленными изъ Новгорода и Москвы, а также призывъ къ оружію башкиръ и поселенныхъ солдатъ и формированіе изъ нихъ отрядовъ. О всемъ этомъ извѣщалось 16-го октября 1772 года въ напечатанномъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ манифестѣ, посланномъ также и Кару.—Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось: астраханскому губернатору Кречетникову имѣть пребываніе въ Симбирскѣ до усмиренія волненія, а командующему войсками по сибирской линіи генералу де-Колонгу—обратить вниманіе для отвращенія замысловъ Пугачева на государевы рудокопные заводы, состоящіе въ Сибири. Это распоряженіе, впрочемъ, не застало де-Колонга, потому что онъ, при первомъ извѣстіи о появленіе Пугачева, выступилъ къ Оренбургу, о чемъ и сообщилъ Рейнсдорпу, который отвѣтилъ ему, что не имѣетъ нужды въ его полевыхъ командахъ и «надѣется своими войсками вскорѣ атаку надъ злодѣемъ учинить». Поэтому Рейнсдорпъ предлагалъ де-Колонгу находящіяся при немъ войска расположить въ крѣпостяхъ Орской и Троицкой.

Пугачевъ, подойдя къ Оренбургу, увидѣлъ, что не можетъ овладѣть имъ, несмотря на воззванія свои къ обывателямъ и переговоры съ ними. При томъ Рейнсдорпъ дѣлалъ вылазки (не всегда для него удачныя) и приказалъ начальнику верхне-озерной дистанціи Корфу, собравъ всѣ команды съ постовъ, спѣшить къ нему и т. д.,—словомъ военныя дѣйствія подъ Оренбургомъ впродолженіе многихъ недѣль не имѣли желаемаго для Пугачева успѣха и нисколько не измѣняли взаимное положеніе сторонъ. Пугачевъ разсылалъ повсюду свои воззванія и приглашалъ въ свою толпу заводскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ, стекавшихся къ нему въ значительномъ количествѣ, а также киргизовъ, нагайцевъ и т. д. Скоро все населеніе Оренбургской губерніи пришло въ волненіе. Киргизы отгоняли скотъ изъ-подъ крѣпостей и форпостовъ, нападали на крѣпости Верхне-Озерную и Губерлинскую, но были, впрочемъ, отражены. Корфъ не въ состояніи былъ двинуться изъ укрѣпленія и требовалъ самъ подкрѣпленія, которое не могло быть ему доставлено, потому что, по мѣрѣ выхода войскъ изъ форпостовъ и укрѣпленій, прилегающее къ нимъ населеніе принимало сторону Пугачева, и возстаніе распространялось все шире и шире. Въ различныхъ мѣстахъ являлись новыя шайки мятежниковъ подъ предводительствомъ новыхъ начальниковъ. Такъ, одна шайка чрезъ Бугульчанскую пристань проникла на заводы Твердышевыхъ, другая—явилась подъ Сорочинскою Крѣпостью (въ 180 верстахъ отъ Оренбурга) и овладѣла ею. Хлопуша проникъ на горные уральскіе заводы и поднялъ все заводское Авзяно-Петровское населеніе; Зарубинъ (Чика) двинулся къ Уфѣ, занялъ Бузулукъ и почти всю Самарскую линію, которая была безъ защиты и т. д. Начальники эти, дѣйствуя именемъ Петра III, распоряжались по своему усмотрѣнію: обыкновенно они объявляли, чтобы крестьяне не слушали своихъ помѣщиковъ, предлагали первымъ разорять усадьбы послѣднихъ, разбивали кабаки, предавались разгулу и пьянству, дѣлали безчинства, вѣшали и убивали лицъ, пытавшихся оказать имъ сопротивленіе, и т. д.

Пугачевъ тѣмъ временемъ все тѣснѣе блокировалъ Оренбургъ и, не надѣясь овладѣть имъ штурмомъ, рѣшилъ голодомъ

принудить обывателей къ сдачѣ города, которому скоро стала грозить опасность остаться безъ фуража. Пугачевъ при томъ постоянно тревожилъ гарнизонъ—съ 22-го октября по 4-ое ноября—и бомбардировалъ городъ 2-го ноября, но безъ всякаго успѣха. Кромѣ того, онъ посылалъ манифесты отъ себя въ городъ, предлагалъ жителямъ Оренбурга условія сдачи, входилъ въ сношенія съ казаками и т. д. Все это оставалось безуспѣшнымъ, а между тѣмъ разнесся слухъ, что приближается отрядъ Кара; онъ дѣйствительно 2-го ноября и прибылъ въ Бугульминскую слободу, гдѣ долженъ былъ заготовить продовольствіе и затѣмъ двинуться далѣе. Жестокіе морозы и мятели задержали Кара; къ тому же, невѣрность разстояній, означенныхъ на картахъ, сбивала всѣ его разсчеты. Онъ признавалъ, что быстрота дѣйствій является единственнымъ для него средствомъ успѣха, а потому предписалъ занять какъ можно скорѣе Татищеву, желая этимъ отрѣзать Пугачеву путь отступленія; 6-го ноября самъ Каръ находился у деревень Мустафиной и Сарманаевой, а его отряды подходили уже съ разныхъ сторонъ къ Оренбургу. Не имѣя у себя достаточнаго числа кавалеріи, его отряды не подозрѣвали близкаго присутствія Пугачева, который успѣлъ напасть на нѣкоторые изъ нихъ въ отдѣльности и разсѣять ихъ подъ деревнею Юзевою (7-го и 8-го ноября), послѣ чего Каръ отступилъ по направленію Казани. Пугачевъ отпраздновалъ свою побѣду въ слободѣ Бердѣ (въ 7 в. отъ Оренбурга), гдѣ находился главный его станъ. Наступили снова морозы; войска Кара ощущали большой недостатокъ въ одеждѣ и зарядахъ, число больныхъ увеличивалось, и самъ Каръ занемогъ лихорадкою. Все это побудило Кара остановиться (11-го ноября) въ деревнѣ Дюсметевой. Получивъ извѣстіе, что толпа мятежниковъ увеличивается, и не находя возможнымъ съ одною пѣхотою предпринять что-либо съ успѣхомъ противъ мятежниковъ, преимущественно конныхъ, Каръ отступилъ къ Бугульмѣ, прикрывая этимъ Казань. Онъ намѣревался ѣхать въ Петербургъ, чтобы объяснить всѣ особенности возстанія и положеніе заволжскаго края, указать важность послѣдствій отъ дальнѣйшаго распространенія мятежа, просить о скорѣйшемъ отправленіи цѣлаго корпуса войскъ и преимущественно кавалеріи, безъ которой было совершенно невозможно преслѣдовать конныхъ мятежниковъ. Эту поѣздку Кара въ Петербургъ, однако, отклонили, а между тѣмъ Каръ, захворавъ еще болѣе, сдалъ команду генералу Фрейману, уѣхалъ въ Казань, а затѣмъ въ Москву и скоро былъ уволенъ отъ службы. Тѣмъ временемъ двигавшійся къ Оренбургу изъ Чернорѣченской крѣпости отрядъ Чернышева былъ разбитъ Пугачевымъ, а самъ Чернышевъ взятъ въ плѣнъ (13-го ноября). Корфъ съ трудомъ пробирался къ Оренбургу, окруженному со всѣхъ сторонъ мятежниками, которые пытались овладѣть ближайшими къ Оренбургу крѣпостями Верхне-Озерною, Ильинскою и Яицкимъ городкомъ; это послѣднее мѣсто послужило бы имъ опорнымъ пунктомъ для зимовки, если бы они ранѣе овладѣли Оренбургомъ, въ который сдѣлалось совершенно невозможнымъ доставлять фуражъ и продовольствіе. Пугачевъ успѣлъ овладѣть только Ильинскою и затѣмъ вернулся опять въ Берду. Вся Башкирія была въ волненіи; сообщеніе Оренбурга съ Россіею было прервано; мятежники овладѣли (18-го ноября) Бузулукомъ и подходили къ Уфѣ, но идти на штурмъ Оренбурга не отваживались. 9-го декабря явился къ Пугачеву въ Берду изъ Петербурга сотникъ Аѳанасій Перфильевъ, ранѣе посланный войскомъ вмѣстѣ съ другими ходотайствавать о сложеніи съ яицкаго войска наложеннаго на него штрафа. Въ Петербургѣ ему было поручено убѣждать казаковъ не только отстать отъ Пугачева, но и поймать и выдать его, за что было обѣщано удовлетворить ихъ просьбу. Перфильевъ прибылъ въ Берду около 6-го декабря и хотя видѣлъ, что Пугачевъ «совсѣмъ не государь, а какой ни есть простой мужикъ», но остался у него и старался всячески оказывать ему услуги, чтобы чрезъ то быть большимъ человѣкомъ. Въ Бердѣ Пугачевъ занималъ лучшій домъ казака Ситникова, назвалъ его «государевымъ дворцомъ», украсилъ обоями, зеркалами, портретомъ цесаревича Павла, составилъ себѣ особый караулъ изъ 25 наиболѣе преданныхъ ему яицкихъ казаковъ, составлявшихъ какъ бы его гвардію. Войско Пугачева дѣлилось на полки различной численности, по возможности однороднаго племенного состава.

Артиллерія, а также плѣнные составляли особыя каманды. Полки дѣлились на роты въ 100 человѣкъ каждая; командиры выбирались на кругѣ (т. е. сходкѣ). Списковъ людей не имѣлось. Вооруженіе войска было самое разнообразное; многіе мятежники имѣли просто палки, на которыя надѣты были штыки; другіе же—однѣ только дубины или плети. Каждый полкъ имѣлъ свое знамя, стоялъ въ своихъ землянкахъ и ходилъ по очереди на сторожевую службу, которая отправлялась самымъ первобытнымъ способомъ. Продовольствіе добывалось фуражировками и грабежомъ селеній и хуторовъ безъ разбора; скотъ на мясо захватывался у киргизовъ. Пугачевъ самъ не касался управленія войскомъ: всѣ распоряженія дѣлала его Военная Коллегія, вскорѣ послѣ обложенія Оренбурга учрежденная имъ изъ преданныхъ ему лицъ для управленія войскомъ и краемъ; Пугачеву наскучило самому давать указы и разбирать всякія жалобы. Онъ обыкновенно говорилъ: я велю дать указъ о томъ то,—и затѣмъ Военная Коллегія составляла указъ и, выдавъ, заносила въ особый заведенный для этого списокъ. Эта Военная Коллегія завѣдывала всѣми дѣлами хозяйственными, а также стратегическими и тактическими вопросами, формировкою отрядовъ, указаніемъ ихъ дѣйствій и т. д. Всѣ дѣла въ Коллегіи рѣшались на словахъ и затѣмъ, согласно рѣшенію, писались ея указы. Всѣ распоряженія Коллегіи приводились въ исполненіе даже безъ доклада Пугачеву и безъ его утвержденія; онъ полагалъ, что значеніе его, какъ государя, будетъ тѣмъ выше, чѣмъ менѣе онъ будетъ вмѣшиваться въ дѣла и имѣть сношеній съ своими подданными. Въ лагерѣ его въ высшей степени были развиты доносы и шпіонство. Самъ Пугачевъ никакихъ разбирательствъ не производилъ, но вѣшалъ безъ суда и разбора. Онъ не терпѣлъ возраженій и требовалъ безусловнаго исполненія его воли. Никто не дерзалъ давать ему совѣтовъ, а тѣмъ менѣе о чемъ-нибудь выспрашивать. Пугачевъ принималъ, обыкновенно, сидя въ креслахъ, имѣя по сторонамъ двухъ казаковъ, одного—съ булавою, а другого—съ топоромъ. Всѣ приходившіе къ нему должны были кланяться въ землю, цѣловать ему руку, величать «Надежа — Государь», «Ваше Величество», а иногда и просто «Батюшко». Обыкновенно онъ носилъ простое казачье платье, но въ торжественныхъ случаяхъ одѣвалъ бѣлую рубашку съ косымъ воротомъ, малиноваго бархата шаровары, голубого штофа бешметъ, черную мерлушечью шапку съ бархатнымъ малиновымъ дномъ. Онъ носилъ саблю и пару пистолетовъ. Ходилъ онъ, подерживаемый подъ обѣ руки жившими у него дѣвками и татарками, бывшими его наложницами. Отъ излишняго питья онъ воздерживался; кушанье его было изобильное; отовсюду привозили ему разные съѣстные припасы. Подъ пьяную руку онъ высказывалъ различные свои планы и предположенія. Онъ выражалъ, что не желаетъ царствовать самъ, а дѣйствуетъ единственно, чтобы возвести на престолъ вел. князя Павла Петровича; что онъ пойдетъ на Казань и Москву, приметъ въ столицѣ царство, отпуститъ Императрицу съ честью, облагодѣтельствуетъ своихъ подданныхъ, велитъ держать всѣмъ старую вѣру, запретитъ брить бороды и ходить въ нѣмецкомъ платьѣ, поступитъ строго и безпощадно съ приближенными Императрицы, виновниками его скитальческой жизни, будетъ стараться, чтобы народъ не былъ отягощенъ, чтобы въ странѣ все было порядочно и т. д. Онъ заявлялъ, что лучше отнять земли отъ дворянъ, опредѣливъ имъ денежное жалованье, хотя бы и большое, а земли дать крестьянамъ; яицкихъ казаковъ хотѣлъ жаловать деньгами и всякою вольностью. Учредивъ порядокъ въ своей родинѣ, Пугачевъ намѣревался идти воевать въ другія государства и т. д.

Въ Бердѣ, этомъ вертепѣ разврата, происходило непрерывное буйство и пьянство. Ежедневныя казни составляли общественное зрѣлище; трупы казненныхъ валялись по слободѣ, въ которой устраивались очень часто скачки, стрѣльба въ цѣль, пляска медвѣдей и т. д. Пугачевъ былъ самъ отличный стрѣлокъ, постоянно выбиралъ себѣ лучшихъ коней и держалъ ихъ у себя на конюшняхъ въ запасѣ на случай бѣгства, мысль о которомъ его не покидала. Воспользовавшись пріѣздомъ Перфильева, Пугачевъ сталъ распускать слухъ, что самъ цесаревичъ Павелъ съ большимъ войскомъ идетъ навстрѣчу къ своему отцу, и приблизился къ Оренбургу, положеніе котораго становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Къ концу ноября 1773

года вся сѣверозападная часть Оренбургской губерніи была во власти Пугачева, а южная — подвергалась грабежамъ киргизъ-кайсаковъ. Бузулукъ былъ занятъ Пугачевымъ, издавшимъ 2-го декабря 1773 года новый манифестъ. Волненіе охватило весь Ставропольскій уѣздъ, на лѣвомъ берегу Волги. Самара была отрѣзана отъ Казани и занята есауломъ Пугачева. Казань была въ опасности: крѣпость ея была въ развалинахъ, войска для ея защиты не было и немалая часть обывателей покинула городъ; отчаяніе и страхъ оставшихся были до того велики, что самый незначительный отрядъ мятежниковъ могъ легко овладѣть Казанью. Шайки ихъ бродили по дорогамъ изъ Кунгура и Заинска въ Казань, а также у Бугуруслана, Бугульмы, Бирска, Елабуги; они грозили зайти въ тылъ отряда Фреймана и отрѣзать отъ Казани. Мятежники обложили Уфу, проникли въ Исетскую провинцію и на Пермскіе горные заводы, населеніе которыхъ, въ надеждѣ избавиться отъ непосильныхъ работъ и тяжкаго своего положенія вообще, встрѣчало мятежниковъ съ сочувствіемъ, быстро вооружалось и приставало къ нимъ. Зарубинъ (Чика), которому Пугачевъ поручилъ управленіе всею Башкиріею, послалъ одинъ отрядъ въ Сарапулъ и Ижевскій заводъ, а другіе—къ Кунгуру и Челябинску, которыми, однако, ему овладѣть не удалось. Толпы башкиръ подошли къ Красноуфимску и заняли его безъ сопротивленія. Необходимо припомнить, что пока Пугачевъ находился подъ Оренбургомъ, въ Петербургѣ было сдѣлано распоряженіе объ отправкѣ войскъ въ Казань, которыя, по отдаленности разстояній, никакъ не могли прибыть на мѣсто ранѣе первыхъ чиселъ января 1774 года. Поэтому назначенный 23-го ноября 1773 г. главнокомандующимъ надъ всѣми войсками, направленными противъ мятежниковъ, генералъ-аншефъ Александръ Ильичъ Бибиковъ не очень торопился отъѣздомъ изъ Петербурга и только 26-го декабря прибылъ въ Казань. Онъ обратился къ дворянству съ предложеніемъ вооружиться, вслѣдствіе чего дворянство положило составить на свой счетъ вооруженный конный корпусъ, а магистратъ города сформировалъ на свой счетъ также конный эскадронъ. Въ Петербургѣ былъ изданъ 23-го декабря 1773 года манифестъ, возвѣщавшій о появленіи Пугачева подъ именемъ Петра III, близъ Оренбурга; въ этомъ манифестѣ убѣждали народъ не поддаваться такому обману, не приставать къ Пугачеву, а содѣйствовать правительству къ возстановленію тишины и покоя. Этотъ манифестъ былъ переведенъ на татарскій языкъ и распространенъ въ Башкиріи.

Генералъ Бибиковъ по прибытіи своемъ въ Казань, узнавъ о поголовномъ возстаніи башкиръ, рѣшилъ прежде всего очистить отъ мятежниковъ всю Самарскую линію, и уже 7-го января 1774 года они были разбиты подъ Алексѣевскомъ, послѣ чего войска двинулись къ Красному Яру. Понимая, что важенъ не Пугачевъ, а всеобщее негодованіе, что Пугачевъ, по словамъ Бибикова же, чучело, которымъ воры, яицкіе казаки, играютъ, Бибиковъ рѣшилъ дѣйствовать наступательно, къ чему прибытіе значительныхъ силъ давало ему полную возможность, и положилъ постепенно, хотя медленно, но вѣрно очистить отъ мятежниковъ все пространство между Самарою и Бугульмою и двигаться къ Оренбургу. Скоро полковникъ Юрій Бибиковъ, разбивъ мятежниковъ у Сухарева, Заинска и Пьянаго Бора (31-го января 1774 года), очистилъ отъ нихъ весь Мензелинскій уѣздъ и двинулся къ Бугульмѣ (гдѣ стоялъ Фрейманъ) и Бугуруслану, въ которомъ мятежники устроили себѣ большіе склады продовольствія. Глубокіе снѣга затрудняли до крайности движенія нашихъ войскъ, которыя прибыли къ Бугуруслану не ранѣе конца февраля и затѣмъ двинулись къ Оренбургу. Этотъ городъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ окруженный мятежниками, терпѣлъ страшную нужду въ продовольствіи, но не сдавался. Пугачевъ дѣлалъ подкопы, но не могъ овладѣть городомъ; не снимая блокады Оренбурга, онъ отправился съ небольшимъ отрядомъ къ Яицкому городку, желая овладѣть имъ, чтобы добыть пороха для дальнѣйшихъ осадныхъ работъ. Тѣмъ временемъ, по совѣту лицъ, пользовавшихся у него вліяніемъ, Пугачевъ снова женился на дочери казака Петра Кузнецова Устиньи Петровой, 16 лѣтъ. Эта женитьба навела на многихъ казаковъ сомнѣніе въ личности Пугачева: они стали подозрѣвать его въ самозванствѣ, говоря, что государи на простыхъ никогда не женятся. Но казаки до времени молчали, опасаясь висѣлицы. Вскорѣ послѣ женитьбы Пугачевъ опять уѣхалъ

въ Берду (19-го Февраля), гдѣ вскорѣ было получено извѣстіе о приближеніи отрядовъ генерала Голицына къ Бузулуку,—одного со стороны Самары, а другого—со стороны Бугуруслана. Это побудило Пугачева принять мѣры къ охраненію Бузулука, въ которомъ находились его запасы продовольствія, и онъ намѣревался самымъ рѣшительнымъ образомъ его защищать. Однако 14-го Февраля мятежники были сильно разбиты, потеряли много убитыхъ и должны были отступить. Зная, что къ нимъ подходитъ подкрѣпленіе изъ Берды, князь Голицынъ намѣревался аттаковать мятежниковъ въ Сорочинскѣ и потому приказалъ Мансурову занять крѣпость Тоцкую. Мятежники очистили эти два пункта и, отступая къ Новосергіевску, забирали на пути обывателей, истребляли хлѣбъ и скотъ и двигались къ Татищевой крѣпости, на рѣкѣ Камышъ. Сара, при впаденіи ея въ р. Яикъ. Пугачевъ, собравъ въ Бердѣ всѣ свободныя скопища, двинулся къ Татищевой, приказавъ идти туда же Овчинникову изъ Илецкой крѣпости. Войска князя Голицына заняли Переволоцкую крѣпость и за тѣмъ 22-го марта 1774 г. нанесли подъ Татищевою полное пораженіе Пугачеву: онъ всего съ 4 казаками успѣлъ ускакать съ поля сраженія; наши гнались за нимъ версты три, но не могли догнать. «Точно жерновъ съ сердца свалился», писалъ А. И. Бибиковъ своей женѣ, сообщая объ этой побѣдѣ, участники которой были щедро награждены Императрицею.

Почти одновременно (23-го и 24-го марта) подполковникъ Михельсонъ разбилъ и уничтожилъ отрядъ сообщника Пугачева—Зарубина при Чесноковкѣ, подъ Уфою, и освободилъ этотъ городъ отъ обложенія, начатаго еще 1-го октября 1773 г. Самъ Зарубинъ успѣлъ бѣжать въ Табынскъ, но былъ схваченъ и скованъ вмѣстѣ съ другими товарищами. Михельсонъ освободилъ послѣ этого Кунгуръ и Екатеринбургъ. Мятежники, видя невозможность борьбы съ правительственными войсками, стали частію возвращаться по домамъ, стараясь скрывать свое участіе въ мятежѣ, частію, укрываясь въ лѣсахъ, пробирались въ шайку, собравшуюся у Екатеринбурга, подъ командою Бѣлобородова, который грабилъ горные заводы, приводилъ населеніе къ присягѣ на вѣрность Петру III и постепенно окружалъ Екатеринбургъ. Въ этомъ городѣ не было никакого порядка. Полковникъ Василій Бибиковъ, вѣдавшій Екатеринбургскіе горные заводы, не отличался ни энергіею, ни твердостію характера; команда его была распущена и не знала своихъ обязанностей. Жители Екатеринбурга стали выселяться изъ города, и Бѣлобородовъ, конечно, овладѣлъ бы имъ, если бы самъ не былъ разбитъ Гагринымъ, вступившимъ въ Екатеринбургъ. Такимъ образомъ, большая часть заводовъ приведена была въ покорность, а Бѣлобородовъ ушелъ на присоединеніе къ Пугачеву, бывшая же при немъ шайка раздѣлилась на нѣсколько мелкихъ, дѣйствовавшихъ подъ Челябинскомъ и Шадринымъ, пока они не были истреблены отрядомъ Де-Колонга.

Хотя лучшіе отряды Пугачева и были истреблены подъ Татищевою, но одно это сраженіе не могло подавить возстанія. Сила Пугачева заключалась въ сочувствіи къ нему большинства населенія, готоваго стать подъ его знамена. Въ Бердѣ собралась скоро толпа мятежниковъ, многочисленнѣе разбитой подъ Татищевою и при томъ подъ командою способнаго и энергичнаго Шигаева, упорно державшаго Оренбургъ въ строгой блокадѣ. Послѣ погрома подъ Татищевою, въ Берду прискакалъ Пугачевъ и сообщилъ своимъ приближеннымъ о случившемся и о намѣреніи своемъ двинуться на Яикъ къ Гурьеву городку. Нѣкоторые изъ главныхъ мятежниковъ (Шигаевъ, Чумаковъ, Бородинъ и др.), видя, что затѣянное дѣло проиграно, имѣли уже тогда мысль связать Пугачева, выдать его правительству и явиться съ повинною. Но Пугачевъ объ этомъ узналъ заранѣе и приказалъ всѣмъ выступать изъ Берды, которая 23-го марта была занята отрядомъ генерала Рейнсдорпа, нашедшаго здѣсь большіе продовольственные запасы, обезпечивавшіе на долго продовольствіе Оренбурга. Этотъ городъ энергіею и распорядительностію Рейнсдорпа былъ послѣ шестимѣсячной осады избавленъ отъ взятія его мятежниками. Пугачевъ двинулся къ Переволоцкой крѣпости и Яику, но 24-го марта, дойдя до хутора Репина, увидѣлъ разъѣзды, высланные княземъ Голицынымъ для развѣдыванія о немъ. Послѣ долгихъ совѣщаній Пугачевъ рѣшилъ двинуться на Каргалу и Сакмару и, не смотря на то, что князь Голицынъ,

узнавъ объ его движеніи, направилъ по его слѣдамъ полковника Хорвата, Пугачеву удалось прибыть въ Каргалу. Преслѣдуемый, однако, неутомимымъ Хорватомъ, онъ долженъ былъ быстро покинуть Каргалу и бѣжать до Тимашевой слободы, а затѣмъ въ Ташлу, такъ какъ Яицкій городокъ былъ уже занятъ Мансуровымъ. Донесеніе объ этомъ не застало уже въ живыхъ генералъ-аншефа А. И. Бибикова, скончавшагося послѣ непродолжительной болѣзни въ Бугульмѣ 9-го апрѣля 1774 года. На его мѣсто былъ назначенъ старшій изъ генералъ-поручиковъ—князь Щербатовъ, который, однако, былъ устраненъ отъ всякаго вмѣшательства въ гражданскія дѣла и административныя распоряженія: послѣднія были возложены на губернаторовъ Казанскаго и Оренбургскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, взамѣнъ одной существовавшей уже секретной коммиссіи для разслѣдованія дѣла о мятежѣ, были образованы двѣ (въ Казани и Оренбургѣ) и обѣимъ рекомендовалось сколь возможно воздерживаться при слѣдствіяхъ отъ допросовъ съ пристрастіемъ. Въ Башкирію было послано воззваніе, чтобы башкиры не присоединялись къ Пугачеву, а напротивъ того, старались бы его поймать и выдать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, были назначены и особые отряды для преслѣдованія Пугачева, который изъ Ташлы направился въ Башкирію, собралъ новыя толпы и двинулся на Вознесенскій заводъ. При Пугачевѣ въ то время уже Военной Коллегіи не было; онъ имѣлъ только секретаря и повытчика, которые именемъ его сочиняли указы башкирскимъ старшинамъ и заводскому населенію о наборѣ вооруженныхъ людей и присылкѣ ихъ къ нему въ станъ, а также о заготовкѣ фуража, печенаго хлѣба и т. д. Изъ Вознесенскаго завода Пугачевъ перешелъ скоро въ Авзяно-Петровскій, а затѣмъ въ Бѣлорѣцкій заводы и, предавъ огню этотъ послѣдній, двинулся на крѣпость Магнитную.

Не имѣя артиллеріи, онъ долго не могъ овладѣть ею и при одномъ изъ нападеній былъ самъ легко раненъ въ руку. 6-го мая 1774 года Пугачевъ наконецъ взялъ Магнитную, пробылъ тамъ два дня и, соединившись съ Бѣлобородовымъ, шедшимъ изъ-подъ Екатеринбурга, и яицкими казаками, подъ начальствомъ Овчинникова, бѣжавшими послѣ пораженія ихъ Мансуровымъ, направился къ Верхне-Яицкой крѣпости, избѣгая всякой встрѣчи съ войсками правительства и уничтожая за собою мосты и переправы.

Всѣ крѣпости Верхне-Яицкой дистанціи были въ самомъ плачевномъ состояніи; всѣ гарнизоны ихъ къ тому же были выведены въ Верхне-Яицкую, а потому Пугачеву было бы не трудно овладѣть ими всѣми. Дѣйствительно, 19-го мая онъ взялъ Троицкую крѣпость; мятежники въ ней злодѣйствовали. Пугачевъ не рѣшился долго пребывать въ этой крѣпости, а предпочелъ остановиться въ $1^1/_2$ верстахъ отъ нея, имѣя при себѣ толпу въ десять тысячъ человѣкъ. Но 21-го мая, въ 7 часовъ утра, подошелъ де-Колонгъ и нанесъ Пугачеву жестокое пораженіе; кромѣ того, онъ захватилъ весь обозъ съ награбленными вещами. Пугачевъ самъ неизвѣстно куда скрылся. Повсюду были разосланы гонцы съ приказаніями комендантамъ крѣпостей Верхне-Яицкой дистанціи готовиться къ оборонѣ. Черезъ нѣсколько дней было получено извѣстіе, что Пугачевъ съ толпою ушелъ по Челябинской дорогѣ, преслѣдуемый маіоромъ Гагринымъ, и направляется къ Коельской крѣпости. Тутъ онъ наткнулся на подполковника Михельсона, шедшаго съ Саткинскаго завода. Послѣ упорнаго сраженія близъ деревни Лягушиной, Михельсонъ разбилъ Пугачева (17-го мая) и преслѣдовалъ его болѣе 15 верстъ. Пугачевъ потерялъ убитыми—600 человѣкъ, взятыми въ плѣнъ—400 человѣкъ и свою единственную пушку и направился на заводы, чтобы собрать ополченіе и соединиться съ Башкирами. Михельсонъ сдѣлалъ распоряженія, чтобы окружить Пугачева со всѣхъ сторонъ, и самъ двинулся на Саткинскій заводъ, гдѣ узналъ, что о мѣстѣ нахожденія Пугачева никакихъ свѣдѣній не имѣется. Между тѣмъ, Пугачевъ былъ на р. Міасѣ, усилилъ свое сборище и самъ аттаковалъ Михельсона, но послѣ горячей схватки былъ разбитъ на-голову и, преслѣдуемый, скрылся въ горахъ, на верховьяхъ р. Ай. Михельсонъ, узнавъ, что Пугачевъ переправляется чрезъ р. Міасъ, настигъ его, разбилъ и преслѣдовалъ, «елико мѣсто и утомленные его кони позволяли». Михельсонъ, имѣя при семъ обозъ, артиллерію, не мало больныхъ и раненыхъ, не могъ угнаться за мятежниками, не смотря на все свое стараніе. Пу-

гачевъ, повидимому, шелъ по великимъ лѣсамъ къ Хлынову. Михельсонъ надѣялся перерѣзать ему дорогу и не допустить въ приволжскія губерніи, въ которыхъ также проявлялись волненія крестьянъ, вызываемыя всякаго рода притѣсненіями. Но Пугачевъ укрылся въ горахъ и лѣсахъ дней на восемь отъ преслѣдованій Михельсона, собирая въ это время новую толпу, разсылая опять указы о наборѣ ополченія, обѣщая всѣмъ вольность, свободу отъ платежа въ казну подушныхъ и всякихъ другихъ податей, отъ рекрутства, а также и то, что дворяне не станутъ болѣе отягощать своихъ крестьянъ тяжелыми работами и поборами. Пугачевъ устраивался, намѣреваясь двинуться на Уфу для встрѣчи, какъ онъ говорилъ, своего сына Павла Петровича, шедшаго къ нему съ большимъ войскомъ. Башкиры и все заводское населеніе снова поднялось, какъ одинъ человѣкъ, и уже 22-го мая 1774 г. мятежники сожгли Уртазымскую крѣпость и Соамскій заводъ, а въ іюнѣ мѣсяцѣ и прочіе заводы Уфимскаго уѣзда. Одна шайка ихъ снова окружила со всѣхъ сторонъ Кунгуръ, другія же то соединялись въ значительные отряды, то разбивались на мелкія партіи, но вездѣ уговаривали населеніе возстать въ защиту истиннаго государя и его правъ на россійскій престолъ. Возстаніе быстро распространялось. Мятежники захватили Бирскъ. Казанскій губернаторъ Брандтъ предвидѣлъ, что они вторгнутся въ необороненное пространство между Уфою и Кунгуромъ до Казани и сообщилъ князю Щербатову, что если Пугачевъ переправится чрезъ Каму, то защищать Казанскую губернію будетъ невозможно, за неимѣніемъ войскъ и артиллеріи. Пугачевъ, избѣгая встрѣчи съ правительственными войсками, направлялся въ ту сторону, въ которой могъ всего менѣе ожидать встрѣчи съ ними, а потому, узнавъ, что Михельсонъ повернулъ къ Уфѣ, двинулся самъ чрезъ Иргизскій заводъ на г. Оссу, чтобы идти на Казань.

Пригородъ Осса, на берегу р. Камы, находился на главномъ Казанскомъ трактѣ; овладѣть имъ было чрезвычайно важно для мятежниковъ, такъ какъ этимъ открывался имъ свободный путь въ Казанскую губернію. Оссу съ 2-го іюня блокировали башкиры, а 18-го числа подошелъ Пугачевъ и потребовалъ безусловной сдачи. Получивъ въ этомъ отказъ, онъ штурмовалъ пригородъ, но безъ успѣха. Секундъ-маіоръ Скрипицынъ храбро оборонялся въ небольшой деревянной крѣпостцѣ. Но скоро въ Оссѣ образовались двѣ партіи, изъ коихъ одна хотѣла сдаться истинному государю. Она одержала верхъ, когда Пугачевъ сталъ привозить къ стѣнамъ крѣпостцы сѣно и солому, съ намѣреніемъ ее сжечь. Утромъ 21-го іюня Пугачевъ вступилъ въ Оссу, привелъ къ присягѣ всю команду, забралъ всѣ пушки и ружья, сжегъ весь городокъ и 22-го іюня двинулся къ Рождественскому заводу на р. Камѣ, а на другой день, совершивъ переправу чрезъ эту рѣку, занялъ 27-го іюня Ижевскій заводъ на р. Вяткѣ. Послѣ этого онъ двинулся по открытой дорогѣ въ Казань, въ которой, за отправкою гарнизонныхъ баталіоновъ въ разные отряды, не оставалось ни одной правильно организованной части и которая, такимъ образомъ, была лишена средствъ защиты. Губернаторъ Брандтъ принялъ, однако, всѣ мѣры, бывшія въ его распоряженіи, и сдѣлалъ все возможное въ его положеніи къ спасенію Казани отъ бѣдствія, ее ожидавшаго. Узнавъ о приближеніи Пугачева, Брандтъ немедленно отправилъ нарочныхъ въ отряды Михельсона, князя Голицына и другіе съ просьбою спѣшить на спасеніе Казанской губерніи. Михельсонъ, находившійся ближе другихъ командировъ отъ Казани, на пути отъ Уфы къ Бирску, быстро двинулся къ этому городу по кратчайшей (Зюренской) дорогѣ и располагалъ прибыть къ Казани 8-го или 9-го іюля. Переправившись съ большими затрудненіями съ 2-го на 3-е іюля чрезъ Каму, онъ дошелъ, 3-го числа, до Пьянаго Бора и ранѣе 8-го числа не могъ быть на р. Вяткѣ. Между тѣмъ, Пугачевъ былъ 4-го іюля въ Мамадышѣ, а 11-го у Троицкой мельницы, верстахъ въ семи отъ Казани, и немедленно отправилъ въ городъ своего атамана Овчинникова съ воззваніемъ къ обывателямъ добровольно ему подчиниться. Это посланіе осталось безъ успѣха, и Пугачевъ, уже 12-го числа, штурмомъ овладѣлъ городомъ за исключеніемъ крѣпости, въ которой столпилось множество обывателей. Пугачевъ сталъ обстрѣливать крѣпость, а между тѣмъ въ городѣ произошелъ пожаръ. При сильномъ вѣтрѣ пламя быстро распространялось и дошло до самой крѣпости.

Весь городъ почти сгорѣлъ. Въ это время Михельсонъ (11-го іюля) былъ въ верстахъ 65 отъ Казани, а рано утромъ 12-го числа, узнавъ, что Пугачевъ подъ Казанью, быстро двигался впередъ и въ 14-ти верстахъ отъ Казани получилъ извѣстіе, что толпа мятежниковъ, въ числѣ не менѣе 12000 человѣкъ, построилась къ бою. Имѣя при себѣ не болѣе 800 солдатъ, Михельсонъ рѣшился ихъ аттаковать и, послѣ пятичасового непрерывнаго боя, 12-го числа разбилъ мятежниковъ совершенно. Они бѣжали во всѣ стороны; преслѣдовать ихъ было невозможно за сильнымъ утомленіемъ отряда Михельсона. На другой день, утромъ, онъ двинулся къ Казани; между тѣмъ, Пугачевъ намѣревался задавить слабый его отрядъ. Но совмѣстное дѣйствіе войскъ Михельсона и находившихся въ Казанской крѣпости доставило опять побѣду Михельсону. Пугачевъ бѣжалъ въ сторону Алатской дороги, сформировалъ, при громадномъ сочувствіи къ нему крестьянскаго населенія, быстро новую толпу и 15-го іюля вновь явился къ Казани, во главѣ 15 тысячъ человѣкъ. Произошло новое сраженіе, на томъ же мѣстѣ, гдѣ и предшествовавшее, но еще болѣе невыгодное для Пугачева: онъ былъ совершенно разбитъ, потерялъ всю свою артиллерію, двѣ тысячи людей убитыми и пять тысячъ взятыми въ плѣнъ... Онъ самъ едва не былъ взятъ: за нимъ гнались болѣе 30 верстъ, но ему удалось скрыться въ лѣсу.

Такое упорное нападеніе Пугачева на Михельсона можетъ служить доказательствомъ его намѣренія двинуться къ Москвѣ, по направленію къ которой никакихъ войскъ не было. Это ему не удалось. Шайки его, разсѣявшись по Нижегородской и Казанской губерніямъ, встрѣчали большое сочувствіе среди крестьянскаго населенія и потому быстро увеличивались и начали убивать и грабить помѣщиковъ. Для истребленія этихъ шаекъ были высланы различные отряды войскъ, которымъ удалось захватить нѣсколько наиболѣе важныхъ сообщниковъ Пугачева, въ томъ числѣ Бѣлобородова, показавшихъ единогласно, что самъ Пугачевъ съ шайкою въ сто человѣкъ переправился 17-го іюля чрезъ Волгу въ разныхъ мѣстахъ около селенія Сундыря (нынѣ Маріинскій посадъ) на Кокшайскомъ перевозѣ и двинулся на Московскую дорогу по направленію къ Чебоксарамъ, а часть его шайки двинулась въ чувашскія селенія. При этомъ многіе утверждали, что Пугачевъ по неотступнымъ просьбамъ яицкихъ казаковъ намѣренъ идти на Нижній Новгородъ. Согласно этимъ показаніямъ, были сдѣланы распоряженія для захвата Пугачева, который, узнавъ отъ чувашей, что Нижній Новгородъ сильно укрѣпленъ, и что близъ него собирается не мало войска, двинулся къ Дону, ложно увѣряя своихъ сообщниковъ, что его тамъ примутъ съ радостью. Если бы князь Щербатовъ лично находился у Казани и имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи достаточно войска, то въ это время не трудно было бы уничтожить Пугачева; но войска наши находились еще вдалекѣ отъ Казани, за исключеніемъ отряда Михельсона, имѣвшаго на рукахъ до семи тысячъ плѣнныхъ бунтовщиковъ. Князь Щербатовъ, прибывъ въ Казань 20-го іюля, озаботился прежде всего прикрыть столицу отъ какихъ-либо покушеній на нее со стороны мятежниковъ, а за тѣмъ уже свободные отряды направилъ противъ Пугачева, который въ теченіе трехъ недѣль не встрѣчалъ ни войскъ, ни сопротивленій со стороны мѣстныхъ властей приволжскихъ губерній и дѣйствовалъ вполнѣ свободно. Послѣ переправы чрезъ Волгу, остановившись близъ деревни Нерадовой, Пугачевъ издалъ обычный манифестъ, принятый крестьянами съ большимъ сочувствіемъ: они собирались къ нему толпами, при чемъ грабили помѣщичьи усадьбы, убивали землевладѣльцевъ и священниковъ и т. д.

Пугачевъ направился на Цивильскъ и послѣ неудачи подъ Ядринымъ, жители котораго не впустили его въ городъ, подошелъ 20-го іюля къ Курмышу (на Сурѣ), населеніе коего, съ духовенствомъ во главѣ, вышло къ нему навстрѣчу и поднесло хлѣбъ-соль. Пугачевъ привелъ обывателей къ присягѣ, между тѣмъ какъ его скопища грабили церкви и обывательскіе дома. Затѣмъ онъ двинулся къ Алатырю, жители котораго 23-го іюля встрѣтили мятежниковъ съ честью. Здѣсь Пугачевъ, въ первый разъ послѣ пораженія подъ Казанью, простоялъ два дня. Къ нему со всѣхъ сторонъ стекались крестьяне и приводили съ собою помѣщиковъ, которыхъ, бо́льшею частью, немедленно вѣшали.

Продолжая свое опустошительное шествіе внизъ по Волгѣ, Пугачевъ, подходя (26-го іюля) къ Саранску, послалъ въ городъ указъ, съ требованіемъ покорности себѣ, какъ государю, и доставки 12 паръ лучшихъ лошадей для артиллеріи, а также хлѣбныхъ и съѣстныхъ припасовъ для людей и фуража для лошадей. Утромъ 27-го числа Пугачевъ послалъ новое требованіе,—чтобы все населеніе вышло ему навстрѣчу, какъ государю; въ противномъ случаѣ онъ грозилъ смертію обывателямъ и пожаромъ городу. Въ Саранскѣ никто и не помышлялъ объ оборонѣ, всѣ дворяне разбѣжались; архимандритъ Петровскаго монастыря съ духовенствомъ встрѣтилъ Пугачева съ крестомъ, къ которому самозванецъ приложился, а затѣмъ отправился въ соборъ. Послѣ этого онъ обѣдалъ у вдовы бывшаго воеводы, Каменской, которую, однако, повѣсилъ. Тѣмъ временемъ его толпа грабила городъ и пьянствовала.

Опасаясь встрѣчи съ правительственными войсками, начинавшими его настигать, Пугачевъ быстро двинулся къ Пензѣ.

Михельсонъ, еще въ Казани узнавъ, что Пугачевъ направился къ Алатырю, 19-го іюля двинулся чрезъ Чебоксары на Сундырь и, послѣ болѣе или менѣе значительныхъ стычекъ съ шайками мятежниковъ, дошелъ до села Починки, гдѣ намѣревался повернуть на Саранскъ, чтобы слѣдовать по пятамъ Пугачева. Но 30-го іюля Михельсонъ получилъ извѣстіе отъ Арзамасской провинціальной Канцеляріи, что Пугачевъ идетъ на Арзамасъ. Хотя это свѣдѣніе и показалось Михельсону страннымъ, но, не желая доставить Пугачеву возможность очутиться у него въ тылу, Михельсонъ свернулъ на Арзамасъ и только подойдя къ городку, узналъ, что полученное имъ свѣдѣніе ложно. Потерявъ напрасно время, Михельсонъ вернулся опять въ Починки, чтобы идти на Саранскъ; но быстро двигаться по пятамъ Пугачева онъ не могъ, потому что едва ли не на каждомъ шагу его останавливали шайки мятежниковъ, ибо вся окрестность была, какъ доносилъ Михельсонъ, «генерально въ возмущеніи».

Въ то же время князь Щербатовъ направилъ генералъ-маіора Мансурова на Сызрань, а полковника Муфеля чрезъ Карсунь на Пензу и доносилъ въ Петербургъ, что «начальники отрядовъ употребятъ всѣ способы, чтобы скорѣе настигнуть самозванца, которому къ прискорбію нѣтъ нигдѣ сопротивленія и ни малѣйшаго препятствія». Вторженіе Пугачева въ Казанскую губернію было приписано въ Петербургѣ оплошности и бездѣятельности главнокомандующаго князя Щербатова: онъ былъ вызванъ для объясненія въ Петербургъ, а на его мѣсто назначенъ былъ, 8-го іюля 1774 г., князь Петръ Михайловичъ Голицынъ. Вступивъ въ командованіе лишь 1-го августа, Голицынъ прежде всего озаботился объ увеличеніи числа войскъ за Волгою и о сформированіи отрядовъ для уничтоженія мятежныхъ шаекъ, бродившихъ въ Казанской губерніи; начальство надъ этими отрядами было ввѣрено генералъ-маіору Павлу Сергѣевичу Потемкину. Между тѣмъ, полученное въ Петербургѣ 21-го іюля извѣстіе о разореніи Казани произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе; стали опасаться за Москву и за внутреннія губерніи. Императрица намѣревалась ѣхать въ Москву и принять на себя всѣ распоряженія по усмиренію возстанія. Но это намѣреніе было оставлено вслѣдствіе объясненій графа Н. И. Панина и постановлено: послать въ Москву еще нѣсколько полковъ, а въ Казань «отправить знаменитую особу съ такою полною мочью, какую имѣлъ покойный генералъ Бибиковъ». Такою особою явился покоритель Бендеръ, проживавшій безъ дѣлъ въ Москвѣ—графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Полученное 23-го іюля донесеніе фельдмаршала графа П. А. Румянцова о заключеніи мира съ Турціею дало возможность отправить изъ обоихъ дѣйствующихъ армій не только войска для усмиренія мятежа, но также генераловъ тѣхъ дивизій, которыя имѣли постоянныя квартиры въ губерніяхъ Казанской, Нижегородской и Московской. Въ распоряженіе главнокомандующаго должны были поступить громадныя силы. Графу П. И. Панину хотѣлось какъ можно скорѣе поймать Пугачева; онъ умолялъ своихъ подчиненныхъ содѣйствовать ему и возлагалъ главнѣйшую свою надежду на Михельсона. Въ это время, 8-го августа, въ Петербургъ явился къ князю Г. Г. Орлову одинъ изъ мятежниковъ — Долгополовъ — съ предложеніемъ отъ себя и нѣкоторыхъ другихъ вожаковъ (какъ-то: Перфильева, Афанасье-

ва, Леонова, Никиты Иванова, Ивана Власова и др.), а также и простыхъ козаковъ, числомъ до 324 человѣкъ, выдать Пугачева, получивъ за это «на всякаго человѣка по сту рублей; изъ нихъ половину, по 50 руб., прислать золотыми имперіалами теперь же на 124 человѣка, которые не поѣдутъ въ Петербургъ съ Пугачевымъ; остальные же 200 человѣкъ, которые будутъ его сопровождать въ Петербургъ, теперь ничего напередъ не требуютъ». Князь Орловъ представилъ самого Долгополова Императрицѣ, и она согласилась на представленное имъ предложеніе, находя, что «цѣна сія умѣренна, чтобъ купить народный покой», и приказала сдѣлать соотвѣтствующія объ этомъ распоряженія, при чемъ для пріема Пугачева отъ казаковъ былъ посланъ къ графу П. И. Панину капитанъ л.-гв. Преображенскаго полка Галаховъ.

Во время этихъ распоряженій Пугачевъ подходилъ, какъ выше сказано, къ г. Пензѣ, въ которой сек.-маіоръ Герасимовъ могъ собрать всего 12 человѣкъ инвалидной команды; оружія же не оказалось никакого. Поэтому, когда 1-го августа подошли мятежники съ угрозою истребить всѣхъ жителей и сжечь городъ, если граждане не встрѣтятъ его съ хлѣбомъ-солью, обыватели, въ сопровожденіи духовенства, вышли навстрѣчу Пугачеву. Онъ произвелъ Герасимова въ полковники, приказалъ изъ обывателей набрать 500 человѣкъ въ его армію, забралъ 13,233 руб. денегъ и выступилъ изъ Пензы 4-го августа по направленію къ Царицыну; 5-го же числа вступилъ въ Пензу отрядъ Муфеля и очутился среди страшнаго разрушенія и поголовнаго возстанія. Всѣ крестьяне Саранскаго и Пензенскаго уѣздовъ, по преимуществу крѣпостные, присоединялись къ толпѣ Пугачева, предавались грабежу, насилію и убійствамъ помѣщиковъ и быстро увеличивали силы самозванца. Разныя отдѣльныя шайки ограбили гг. Инсаръ, Троицкъ, Керенскъ, Нижній Ломовъ, доходили до Тамбова и врывались въ Воронежскую губернію; словомъ, мятежъ разливался по всѣмъ направленіямъ. Самъ же Пугачевъ достигъ 4-го августа Петровска и былъ встрѣченъ съ почестями; въ то же время съ противоположной стороны подходила небольшая донская казачья команда, высланная изъ Саратова, чтобы забрать пушки, порохъ и деньги и разузнать о Пугачевѣ и его силахъ. Эти казаки также перешли на сторону Пугачева, кромѣ есаула и двухъ офицеровъ, ускакавшихъ обратно въ Саратовъ, къ которому 5-го августа направился изъ Петровска и самъ Пугачевъ.

Этотъ, одинъ изъ наиболѣе населенныхъ городовъ на Волгѣ, только что начиналъ отстраиваться послѣ страшнаго пожара, бывшаго въ началѣ 1774 года.

Астраханскій генералъ-губернаторъ Кречетниковъ поручилъ все правленіе воинскихъ дѣлъ по городу коменданту, полковнику Бошняку, извѣстному ему усердіемъ и исправностью, противъ котораго, однако, велись интриги, бывшія причиною печальныхъ событій, совершившихся въ Саратовѣ, когда, 6-го августа, Пугачевъ подошелъ къ городу. Появленіе мятежниковъ вызвало всеобщую панику; укрѣпленія города были далеко не закончены; стоявшіе за укрѣпленіями солдаты и разночинцы разбѣжались; часть нижнихъ чиновъ перешла на сторону мятежниковъ. Бошнякъ, видя измѣну, съ небольшимъ отрядомъ пробился сквозь толпу и отступилъ къ Царицыну, а Пугачевъ овладѣлъ городомъ, захватилъ 5 пушекъ, 25.789 р. монетою и много муки. Мятежники предавались здѣсь полнѣйшему неистовству. 9-го августа Пугачевъ оставилъ Саратовъ и пошелъ внизъ по Волгѣ; 11-го числа прибыли въ городъ отряды Муфеля и Мелина, а 14-го—Михельсонъ; за ними слѣдовалъ Мансуровъ.

Пугачевъ намѣревался пробраться къ родному Дону, поднять казаковъ и уйти съ ними на Кубань. Онъ поручилъ своему секретарю Ивану Творогову (онъ же Дубровскій) написать воззваніе къ донцамъ, въ которомъ выражалъ надежду, «что донцы раскаются, придутъ въ чувство покаянія и примкнутъ къ нему, за что и получатъ монаршее прощеніе». Отказъ Пугачева, по причинѣ его неграмотности, подписать этотъ манифестъ, вселилъ въ Твороговѣ увѣренность, что «Пугачевъ не государь, а самозванецъ, и что ихъ дѣло худо». Поэтому въ разговорѣ съ Чумаковымъ они оба стали обсуждать, какъ бы арестовать Пугачева, и положили ждать удобнаго для этого случая. Воззваніе Пугачева къ донцамъ не принесло ему пользы вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ правитель-

ствомъ: атаманъ Сулинъ объявилъ по войску, что поймавшему злодѣя будетъ выдано 25,000 руб. и золотая медаль. Донское войско выставило три полка на границахъ войска Донского. — Пугачевъ 11-го августа подошелъ къ Камышину (Дмитріевску), занялъ его и разослалъ по станицамъ Волжскаго войска гонцовъ съ требованіямъ, чтобы казаки подчинились ему, угрожая въ противномъ случаѣ сжечь всѣ строенія, а людей перебить. Изъ Камышина три партіи мятежниковъ разными путями ворвались въ предѣлы войска Донского, но скоро были перебиты донцами; Пугачевъ же съ главнѣйшею частью своихъ сообщниковъ потянулся по направленію къ станицамъ Караваинской и Балыклеевской, направляясь чрезъ Дубовку и Царицынъ на Донъ. Встрѣчавшіяся на пути станицы Волжскаго войска переходили на сторону Пугачева, но въ станицѣ Караваинской атаманъ Манковъ арестовалъ присланныхъ къ нему отъ Пугачева съ указомъ и, сообщивъ объ этомъ Царицынскому коменданту Цыплетеву, выступилъ самъ ему на встрѣчу. Цыплетевъ выслалъ имѣвшіяся у него войска, предписавъ не пропускать Пугачева къ Дону. Войска эти спѣшили занять Балыклеевскую станицу, но Пугачевъ ихъ предупредилъ и оттѣснилъ въ степь, а затѣмъ занялъ (17-го августа) Дубовку,— главный пунктъ Волжскаго войска. Узнавъ изъ разспросовъ, что Царицынъ укрѣпленъ, Пугачевъ рѣшилъ его миновать и проникнуть на Донъ. Но донскіе казаки не выказывали желанія принять сторону мятежниковъ; напротивъ того, атаманъ Манковъ окружилъ пикетами своими всю шайку Пугачева. Въ Дубовкѣ прибылъ къ Пугачеву калмыцкій владѣтель Цендена съ 3000 калмыковъ и заявилъ, что желаетъ состоять въ его службѣ. Съ этимъ подкрѣпленіемъ Пугачевъ надѣялся овладѣть Царицыномъ. Комендантомъ этого города былъ энергичный полковникъ Цыплетевъ, который, въ виду того, что окрестное населеніе было въ полномъ возстаніи, просилъ помощи у донцовъ; они поспѣшно двинулись къ Царыцину, куда уже подходилъ отрядъ кн. Багратіона (изъ второй дѣйствующей арміи) и нѣсколько казачьихъ полковъ, возвратившихся съ Кубани на льготу. 16-го августа казаки Кутейникова имѣли дѣло съ мятежниками на р. Мечетной и отступили къ Царицыну, къ которому 17-го числа подошелъ и Пугачевъ. Онъ обстрѣливалъ весь день городъ, но безъ успѣха. Ночью ожидали нападенія съ его стороны, но оно не послѣдовало, потому что Пугачевъ въ это время узналъ о приближеніи къ его тылу воинскихъ командъ и рѣшился, оставивъ Царицынъ, идти къ Черному Яру и Яицкому городку и тамъ зимовать. Однако, идти на Яикъ оказалось мало охотниковъ; бывшіе у Пугачева донцы убѣждали сподвижниковъ его, что онъ не государь, а простой казакъ, ходившій съ ними въ Прусскій походъ; притомъ донцы все болѣе и болѣе его покидали. Сознавая свою слабость, Пугачевъ торопился уходить далѣе отъ собиравшихся къ Царицыну правительственныхъ войскъ и, двигаясь по берегу Волги, дошелъ до Саратова, разграбилъ его и пошелъ далѣе; 24-го августа онъ находился у Сальникова завода въ 100 верстахъ отъ Царицына, гдѣ настигъ его Михельсонъ и разбилъ совершенно: Пугачевъ потерялъ 24 орудія, 6000 плѣнными и 2000 убитыми (въ числѣ пропавшихъ былъ и близкій ему атаманъ Овчинниковъ) и одинъ изъ первыхъ ускакалъ съ поля сраженія. Его преслѣдовали до береговъ Волги, чрезъ которую ему, однако, удалось переправиться съ главными своими сообщниками.

Для преслѣдованія Пугачева Михельсонъ сформировалъ два отряда изъ донскихъ и яицкихъ казаковъ. Съ цѣлью преградить Пугачеву вторичный переходъ на нагорный берегъ Волги, былъ поставленъ особый отрядъ между Саратовомъ и Камышиномъ. Въ это время, 2-го сентября, прибылъ въ Царицынъ генералъ А. В. Суворовъ, принявшій, по приказанію графа Панина, общее начальство надъ всѣми отрядами, преслѣдовавшими Пугачева. Суворовъ приказалъ и Михельсону переправиться чрезъ Волгу и настигать самозванца по слѣдамъ. Скоро и самъ Суворовъ въ Ахтубѣ переправился черезъ Волгу и двинулся съ отрядомъ Меллина. Въ короткое время было получено извѣстіе, что Пугачевъ намѣренъ скрыться на Узеняхъ, и что нѣкоторые яицкіе казаки намѣрены его связать и выдать.

Положеніе Пугачева становилось безвыходно: онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, шайки же его были очень незна-

чительны. Онъ бѣжалъ къ Черному Яру и намѣревался идти въ Моздокъ, но яицкіе казаки предпочли перейти съ Волги на Ахтубу и направиться къ Селитренному городку и къ Яику. Пугачевъ на это согласился. Поворотивъ къ Волгѣ, онъ сталъ переправляться, но скоро показался авангардъ преслѣдовавшихъ его войскъ; Пугачевъ палъ духомъ, а окружавшіе его казаки, видя ясно, что нельзя ожидать ничего хорошаго, стали уговариваться между собою о его выдачѣ. На вопросъ Пугачева, куда слѣдуетъ идти, Твороговъ и Чумаковъ отвѣтили: «Пойдемъ вверхъ по Волгѣ къ Узенямъ, а тамъ придумаемъ, что дѣлать». Направились къ Узенямъ, съ намѣреніемъ пробраться въ Яицкій городокъ. Достигнувъ Узеней, казаки поѣхали въ числѣ 20 человѣкъ, вмѣстѣ съ Пугачевымъ (8-го сентября 1774 г.) за пропитаніемъ къ двумъ старцамъ-отшельникамъ и тутъ, переправившись въ бударѣ черезъ Узень, Твороговъ вмѣстѣ съ Федульевымъ и Бурновымъ схватили Пугачева, отобрали у него оружіе и заявили, что не хотятъ болѣе ему служить, не хотятъ болѣе злодѣйствовать, а повезутъ его прямо въ Яицкій городокъ. Они посадили его на лошадь и повезли въ станъ. Пугачевъ пытался бѣжать, но былъ настигнутъ и задержанъ. Переночевавъ на р. Балыклеѣ, казаки, отъѣхавъ отъ нея верстъ 15, расположились группами покормить лошадей. Пугачевъ схватилъ чужую шашку и пистолетъ и бросился на Творогова и Чумакова, но другіе казаки окружили его и обезоружили. Послѣ этого Пугачевъ былъ связанъ и посаженъ на телѣгу, въ которой ѣхали также его жена и сынъ. Твороговъ и Чумаковъ оповѣстили объ арестованіи Пугачева, но на форпостахъ этому не хотѣли вѣрить. Съ извѣстіями поѣхалъ въ Яицкій городокъ самъ Твороговъ,—и оттуда была выслана команда, которой Пугачевъ былъ сданъ, а затѣмъ доставленъ, съ 14-го на 15-го сентября, въ Яицкій городокъ, капитану Маврину. Наканунѣ былъ доставленъ туда же ближайшій его пособникъ—казакъ Аѳанасій Перфильевъ съ 37 казаками.

Мавринъ приказалъ заковать Пугачева въ ручные и ножные кандалы. 16-го сентября прибыли въ Яицкій городокъ Суворовъ и князь Голицынъ, желавшіе лично убѣдиться въ томъ, что Пугачевъ пойманъ. Потемкинъ требовалъ, чтобы Пугачевъ былъ доставленъ ему немедленно въ Казань, но графъ Панинъ приказалъ Суворову доставить Пугачева въ Симбирскъ. Во исполненіе приказаній главнокомандующаго, Суворовъ взялъ Пугачева подъ свою охрану. Панинъ немедленно, 18-го сентября, отправилъ въ Петербургъ, съ извѣстіемъ о поимкѣ Пугачева, своего внука кн. Лобанова-Ростовскаго, а черезъ четыре дня, со вторичнымъ донесеніемъ, былъ посланъ поручикъ Ермолаевъ. Это извѣстіе, полученное въ столицѣ 1-го октября, произвело радостное впечатлѣніе. Императрица приказала доставить Пугачева въ Москву подъ самымъ строгимъ карауломъ; Суворовъ посадилъ его въ особую клѣтку, поставленную на телѣгу, и, подъ конвоемъ двухъ ротъ пѣхоты, 200 казаковъ и двухъ орудій, вывезъ его изъ Яицкаго городка. Суворовъ слѣдовалъ съ самозванцемъ неотлучно; по ночамъ путь освѣщался факелами. Пугачевъ не хотѣлъ сидѣть покойно въ клѣткѣ и потому его помѣстили скованнымъ въ обыкновенную телѣгу. По пріѣздѣ въ Симбирскъ онъ сознался публично, что онъ бѣглый съ Дона казакъ и виноватъ предъ Богомъ и государыней. Пугачевъ былъ переданъ подъ наблюденіе и охрану капитана Галахова, скованъ по рукамъ и ногамъ и прикованъ еще къ стѣнѣ желѣзнымъ обручемъ, наложеннымъ вокругъ поясницы. При немъ въ комнатѣ находились безвыходно оберъ-офицеръ, унтеръ-офицеръ и часовой безъ ружья и съ необнаженною шпагою. Въ Симбирскѣ онъ оставался не долго, но тутъ съ него, по приказанію Панина, списали портретъ. Отправка его въ Москву замедлялась приготовленіемъ на станціяхъ по сту подводъ и принятіемъ мѣръ къ охраненію пути. Всѣ ночлежныя селенія отъ Симбирска чрезъ Муромъ въ Москву должно было занять каждое одною ротою пѣхоты. По отправленіи Пугачева въ Москву, въ Симбирскѣ (6-го ноября) соучастники Пугачева и вторая жена его Устинья были выведены на площадь, гдѣ отъ Секретной Коммиссіи былъ прочитанъ указъ о томъ, что Коммиссія опредѣлила изображеніе Пугачева («сію мерзкую харю»), во изобличеніе злыхъ, подъ висѣлицей сжечь на площади и объявить, что самъ злодѣй приметъ мучительную казнь въ царственномъ градѣ Москвѣ». По окончаніи

чтенія портретъ Пугачева былъ сожженъ подъ висѣлицею на эшафотѣ. Самъ же Пугачевъ съ женою Софьею и сыномъ Трофимомъ былъ отправленъ въ Москву гораздо ранѣе—именно 25-го октября и привезенъ туда 4-го ноября, въ 9 час. утра, прямо на Монетный Дворъ, при огромномъ стеченіи народа. Пугачевъ каялся во всемъ, но князь Волконскій приказалъ извѣстному Шешковскому, нарочно для этого прибывшему въ Москву, немедленно приступить къ допросу, съ цѣлью выяснить различныя недоразумѣнія, возникшія вслѣдствіе ложныхъ и разнорѣчивыхъ показаній его сообщниковъ. Императрица просила князя Волконскаго, главнокомандующаго въ Москвѣ, не прибѣгать къ пыткамъ и удержаться отъ всякаго рода пристрастныхъ вопросовъ, всегда затемняющихъ истину. Пугачевъ не запирался; онъ каялся въ своихъ злодѣяніяхъ и своими объясненіями не замедлялъ слѣдствія, которое было закончено въ началѣ декабря и послано въ Петербургъ. 20-го числа того же мѣсяца въ столицѣ опубликованъ былъ подписанный наканунѣ манифестъ о преданіи Пугачева и всѣхъ его сообщниковъ суду соединеннаго присутствія Сената, членовъ Синода, президентовъ всѣхъ Коллегій и особъ первыхъ 3-хъ классовъ, въ Москвѣ находившихся. Веденіе этого дѣла возложено было на генералъ-прокурора кн. А. А. Вяземскаго. Засѣданія суда происходили въ помѣщеніи Кремлевскаго Дворца, такъ какъ въ залахъ Сената было невозможно помѣстить всѣхъ членовъ. Первое засѣданіе было 29-го декабря 1774 г. Пугачевъ на всѣ вопросы отвѣчалъ утвердительно, сказалъ, что сверхъ показаннаго въ допросахъ ничего объяснить не можетъ; во всѣхъ содѣянныхъ имъ преступленіяхъ онъ каялся Богу, всемилостивѣйшей Государынѣ и всему роду Христіанскому. Приговоръ суда былъ представленъ на конфирмацію Императрицы и уже 8-го января 1775 г. кн. Вяземскій получилъ отъ Императрицы рескриптъ о приведеніи въ исполненіе, 10-го января, приговора суда, по которому было положено Емельяна Пугачева четвертовать, голову воткнуть на колъ, части тѣла разнести по четыремъ частямъ города и положить на колеса, а послѣ на тѣхъ мѣстахъ сжечь; обѣихъ женъ Пугачева—удалить по распоряженію Сената; прочимъ сообщникамъ Пугачева были назначены различныя казни и наказанія. Далѣе въ рескриптѣ говорилось, что не только бунтовщикъ и самозванецъ Емелько Пугачевъ, но и всѣ его злодѣйскіе сообщники преданы, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, вѣчному проклятію, а потому, чтобы не лишить ихъ при послѣднемъ концѣ своемъ законнаго покаянія во всѣхъ содѣянныхъ ими злодѣяніяхъ, судъ положилъ предоставить преосвященному Самуилу, епископу Крутицкому, поступить по данному на сей случай наставленію отъ Св. Синода. Синодъ на сдѣланное сношеніе предписалъ преосвященному, избравъ искуснѣйшаго изъ протопоповъ или священниковъ, поручить ему, при исповѣди помянутыхъ злодѣевъ, испытать совѣсть каждаго, и которыхъ увидитъ прямо раскаивающихся въ своихъ преступленіяхъ, о тѣхъ, не разрѣшая еще, представить преосвященному, который и объявитъ имъ, что Святѣйшій Синодъ, по данной отъ Бога власти, освобождаетъ ихъ отъ проклятія и разрѣшаетъ сподобить ихъ причастія Святыхъ Таинъ. По докладу протоіерея Московско-Архангельского Собора Петра Алексѣева, избраннаго для увѣщанія мятежниковъ, всѣ осужденные на смерть, кромѣ Аѳанасія Перфильева, высказали полное раскаяніе въ преступленіяхъ своихъ и получили разрѣшеніе и причастіе; Перфильевъ же былъ оставленъ связаннымъ вѣчною анаѳемой.

Казнь совершена была 11-го января, въ $11^1/_2$ час. дня, въ Москвѣ, на «Болотѣ». Вся площадь и дорога отъ Каменнаго моста были усыпаны народомъ. Въ назначенное время появились сани съ высокимъ помостомъ, на которомъ сидѣли Пугачевъ и Перфильевъ, а противъ нихъ—священникъ. Пугачевъ держалъ въ рукахъ двѣ толстыя свѣчи изъ желтаго воска, который, оплывая, залѣплялъ ему руки. Онъ все время кланялся народу. Посреди площади стоялъ эшафотъ, аршина въ четыре высотой, а на немъ—помостъ, посреди котораго стоялъ столбъ съ вздѣтымъ на него колесомъ, и на концѣ столба—желѣзная острая спица. Пугачева и Перфильева взвели на эшафотъ, и они должны были прослушать пространный приговоръ суда. Пугачевъ въ длинномъ нагольномъ овчинномъ тулупѣ стоялъ почти въ онѣмѣніи и только крестился и молился. Перфильевъ

стоялъ молча и неподвижно. По окончаніи чтенія Пугачевъ съ крестнымъ знаменіемъ, сдѣлавъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, сталъ прощаться съ народомъ и кланялся во всѣ стороны, говоря: «прости, православный народъ, отпусти мнѣ, въ чемъ я согрубилъ передъ тобою». Послѣ этого была совершена казнь согласно приговору, при чемъ среди зрителей раздался глухой шумъ и слышались отдѣльные голоса: «Вотъ тебѣ корона, вотъ и престолъ!»

12-го января колеса вмѣстѣ съ тѣлами казненныхъ, сани на которыхъ везли преступниковъ и самый эшафотъ были сожжены.

Нельзя не замѣтить, что еще ранѣе казни Пугачева было повелѣно домъ его на Дону въ Зимовейской станицѣ сжечь при всѣхъ, пепелъ разсѣять рукою палача, а самое мѣсто огородить надолбами или рвомъ окопать, оставя на вѣчныя времена безъ поселенія. Это все было исполнено 6-го февраля 1774 г. Затѣмъ было уничтожено названіе мѣста его рожденія. По просьбѣ донскихъ казаковъ, Высочайшимъ указомъ 13-го октября 1774 г. повелѣно было Зимовейскую станицу перенести на другое мѣсто—на противоположный берегъ Дона и именовать впредь Потемкинскою станицею.

Позднѣе, по докладу князя Потемкина отъ 10-го января 1775 г., послѣдовалъ указъ Сенату (15-го января), что Императрица повелѣла Яицкое войско именовать Уральскимъ и впредь Яицкимъ не называть, равно Яицкому городку называться отнынѣ Уральскомъ.

Всѣ, не только главные, но и второстепенные источники и матеріалы, относящіеся къ біографіи Емельяна Пугачева, подробно указаны въ трудѣ академика Н. Ѳ. Дубровина: «Пугачевъ и его сообщники» С.-Пб. 1884 г., въ 3-хъ томахъ. Въ концѣ 3-го тома приложенъ обширный библіографическій указатель статей и сочиненій, относящихся до Пугачевскаго бунта, занимающій болѣе двадцати печатныхъ страницъ. Не перепечатывая этотъ указатель, укажемъ важнѣйшіе изъ нихъ: Д. Анучинъ, «Путешествіе на Яикъ въ 1772 г.» («Современникъ» 1862 г., т. 92), а также его же «Первые успѣхи Пугачева и Экспедиція Кара» («Военн. Сборникъ» 1869 г., № 5 и 6); «Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину» («Русскій Вѣстникъ» 1872 г., т. XCIX); «Второе появленіе Пугачева и разореніе Казани»—«Военный Сборникъ» 1871 г., № 4»; «Графъ Панинъ—усмиритель Пугачевщины» («Русск. Вѣстникъ» 1869 г., т. 80) и «Участіе Суворова въ усмиреніи Пугачевщины» («Русск. Вѣстникъ» 1868 г., № 11); Витевскій, «Яицкое войско до появленія Пугачева»—«Русскій Архивъ» 1879 г.; Князь Голицынъ М.—«Матеріалы дли исторіи Пугачевскаго бунта» — «Москвитянинъ» 1845 г., № 9; Я. К. Гротъ—«Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта»—въ «Запискахъ Академіи Наукъ», т. I, III, XXV, а также сочиненія Державина съ примѣчаніями; Бумаги гр. П. И. Панина—«Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества, т. VI; «Пособники Пугачева»—«Русская Старина» 1876 г., т. XVI; Допросы Пугачева въ «Чтеніяхъ Москов. Общества исторіи и древностей» 1858, кн. II; «Записки Д. Б. Мертваго—«Русск. Архивъ» 1867 г., № 8, 9; «Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта»—«Пермскій Сборникъ» 1859, кн. II, 1860 г., кн. II. Нашъ геніальный поэтъ А. С. Пушкинъ написалъ «Исторію Пугачевскаго бунта»; нѣсколько позднѣйшихъ замѣтокъ объ этомъ бунтѣ помѣщены въ «Библіографическихъ Записках» 1859 г., №№ 5 и 6 и въ «Матеріалахъ для новой русской исторіи», изд. Кашпирева. Изъ статей, появившихся въ журналахъ послѣ изданія названнаго сочиненія Н. Ѳ. Дубровина и болѣе или менѣе относящихся до Пугачева, упомянемъ слѣдующія: въ «Русской Старинѣ» 1889 г., т. 63, стр. 696, за 1890 г., т. 65 и 66 имѣются статьи: къ «Исторіи Пугачевскаго бунта» Снѣжковскаго; за 1891, т. 72, стр. 2—4— изъ записокъ Чемесова; за 1897 г., т. 89, стр. 535 и слѣд.—«Изъ прошлаго Саратовской губерніи»; Въ «Русскомъ Архивѣ»—за 1896 г., т. II: «Къ Исторіи Пугачевщины», Юдина; во многихъ томахъ «Кавказскаго Сборника» есть свѣдѣнія, относящіяся до Пугачевскаго бунта. Въ помѣщенныхъ въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ», а затѣмъ изданныхъ отдѣльно Запискахъ А. О. Смирновой (т. I, стр. 293) приведена высказанная Императоромъ Николаемъ I мысль, что бунтъ Пугачева служитъ доказательствомъ, что наша провинція находилась еще въ средневѣковыхъ потемкахъ; что было нѣчто нелѣпое въ самомъ успѣхѣ Пугачева, въ этой баснѣ, которой всѣ повѣрили, въ томъ, что онъ убивалъ, грабилъ, совершалъ безчисленные ужасы, а народъ могъ думать, что онъ царь. См. также «Лекціи по Русской Исторіи» С. Ѳ. Платонова, изд. 1900, стр. 593 и сл.).

П. М. Майковъ.

Пуговишниковъ, *Иванъ Осиповичъ*, тайный совѣтникъ, членъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; род. 4-го декабря 1710 г., на двѣнадцатомъ году былъ отданъ въ гражданскую службу и въ серединѣ 1730-хъ годовъ служилъ канцеляристомъ въ Кабинетѣ Ея Величества, гдѣ въ 1741 г. былъ секретаремъ; затѣмъ, 8-го февраля 1742 г., П. перешелъ на службу, секретаремъ же, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и въ 1744 г. (3-го апрѣля) былъ назначенъ здѣсь оберъ-секретаремъ. Сдѣлавшись однимъ изъ ближайшихъ людей къ канцлеру графу А. П. Бестужеву-Рюмину, П. принималъ ближайшее участіе въ разрѣшеніи вопросовъ иностранной политики и пользовался рас-

положеніемъ Императрицы Елизаветы Петровны, которая 18-го января 1751 г. пожаловала ему чинъ статскаго совѣтника. Въ 1758 г. П. принималъ участіе въ проектѣ о престолонаслѣдіи, задуманномъ Бестужевымъ съ цѣлью дать возможность В. Кн. Екатеринѣ Алексѣевнѣ принять въ будущемъ участіе въ управленіи ея супруга; Великая Княгиня лично знала Пуговишникова, такъ какъ въ началѣ 1750-хъ гг. при ней состояла камеръ-фрау П. Н. Владиславлева—тёща П-ва, которую она полюбила за ея преданность ея интересамъ. Опала, постигшая Бестужева, не коснулась Пуговишникова; въ 1761 г., уже въ чинѣ д. с. с. (съ 16-го августа 1760 г.) и въ званіи члена Секретной Экспедиціи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, онъ отъ Императора Петра III получилъ 800 душъ при Клопинской мызѣ, Копорскаго уѣзда, вслѣдствіе доклада графа М. Л. Воронцова, который писалъ о немъ императору 11-го октября 1761 г.: П. «служитъ Вашему Имп. Величеству близъ сорока лѣтъ и трудится въ Коллегіи ежедневно со многою исправностію и отличнымъ усердіемъ, а приходя въ старость приходитъ и въ крайнее уныніе о будущемъ жребіи многочисленной своей фамиліи. По должности отдавая ему предъ В. И. В. справедливую похвалу, всенижайше представляю, не соизволите ли В. И. В. показать сему старому и достойному слугѣ, изъ Высочайшей щедроты, отличную милость награжденіемъ изъ деревень». Императрица Екатерина 11-го января 1765 г. произвела П. въ тайные совѣтники. Состоя все это время въ званіи члена Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, П. 5-го мая 1779 г. награжденъ былъ орденомъ Анны 1-й ст.; скончался онъ въ Петербургѣ 17-го іюля 1780 г. и погребенъ въ Невской Лаврѣ. За время своей долголѣтней службы П. игралъ видную роль во внѣшней политикѣ Русскаго правительства и пользовался авторитетомъ въ глазахъ императрицъ Елизаветы и Екатерины II и благоволеніемъ канцлеровъ Бестужева-Рюмина и Воронцова.

Списки чиновъ за разные годы; В. Саитовъ, Петерб. некрополь; Соловьевъ, Исторія Россіи; Сборн. Историч. Общ., т. XXVII и CII; Бильбасовъ, Имп. Екатерина II; Архивъ Воронцова; Сенатск. Архивъ; Бантышъ-Каменскій, Истор. собр. списковъ кавалерамъ четырехъ росс. орденовъ, М. 1814, стр. 320; Опись Высоч. указамъ, хранящ. въ Сенатск. Архивѣ, т. III.

Пузино, *Орестъ Поликарповичъ*, вице-адмиралъ; родился 24-го февраля 1819 г.; по окончаніи курса Морского Кадетскаго Корпуса (23-го декабря 1836 г.) изъ гардемариновъ произведенъ былъ въ мичманы съ назначеніемъ въ Черноморскій флотъ и въ 1842 г. (19-го апрѣля) произведенъ былъ въ лейтенанты. Въ 1852 и 1853 г., на параходо-фрегатѣ «Крымъ», П. ходилъ между Одессою и Константинополемъ и участвовалъ въ Синопскомъ сраженіи, за что̀ награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени съ бантомъ. Въ 1854 и 1855 годахъ П. командовалъ пароходомъ «Петръ Великій» и въ 1855 г., 30 марта, съ производствомъ въ капитанъ-лейтенанты, за 18 морскихъ кампаній награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Съ 1856 по 1858 г. П. командовалъ бригомъ «Филоктетъ», а въ 1859 и 1860 годахъ—фрегатомъ «Свѣтлана» подъ брейдъ-вымпеломъ Его Высочества генералъ-адмирала, въ Средиземномъ морѣ, и 17-го октября 1860 г. за отличіе произведенъ былъ въ капитаны 2-го ранга. Въ 1861 году П. въ Средиземномъ морѣ командовалъ фрегатомъ «Илья Муромецъ», въ 1863 г. (1-го января), за особое отличіе, произведенъ былъ въ капитаны 1-го ранга. Состоя начальникомъ сѣверной оборонительной линіи въ Кронштадтѣ, П., одновременно съ этимъ, командовалъ броненосною батареею «Первенецъ» въ Кронштадтскомъ портѣ. Въ 1864 и 1865 годахъ П. командовалъ тою же батареею въ Балтійскомъ морѣ, въ 1866 году (14-го ноября) назначенъ былъ командиромъ 5-го флотскаго экипажа и въ 1872 г. (1-го января) произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ младшимъ флагманомъ Балтійскаго флота. За командованіе въ 1873 году 2-мъ отрядомъ броненосной эскадры въ Финскомъ заливѣ, П. 31-го декабря награжденъ былъ орденомъ св. Станислава 1-ой степени; съ 1875 по 1877 годы онъ командовалъ отрядомъ судовъ Тихаго океана, а съ 1879 по 1881 г. состоялъ начальникомъ 1-го отряда миноносокъ въ плаваніи по Финляндскимъ шхерамъ. Въ 1880 году (6-го ноября) П. назначенъ былъ временно исправлять должность командира Петербургскаго порта и въ 1882 году (30-го августа) произведенъ былъ въ вице-адмиралы. Будучи зачисленъ по флоту, П. съ

3-го іюня 1885 года назначенъ былъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ генералъ адмиралѣ Великомъ Князѣ Алексѣѣ Александровичѣ. Умеръ П. 30-го іюня 1891 года въ г. Новгородѣ.

Общій Морской списокъ, часть XI-ая, 1900 г., стр. 289; «Новое Время», 30-го іюля 1891 года, № 5510; «Морской Сборникъ» 1891 г., августъ, № 8, стр. 2; «День» 1891 г., № 1101; «Новости» 1891, № 182.

Пузино, *Поликарпъ Ивановичъ*, врачъ, писатель; происходилъ изъ дворянъ, род. въ 1781 г., учился въ Петербургской Медико-Хирургической Академіи, куда перешелъ изъ Кіевской Духовной Академіи въ 1803 г.; будучи студентомъ, онъ отличался успѣхами въ наукахъ и былъ хорошимъ рисовальщикомъ. Въ 1807 году (марта 14-го) Пузино окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря I отдѣленія. Конференція Академіи ходатайствовала о назначеній его и кандидата Рейнгольда помощниками профессоровъ, но въ войскахъ былъ такой недостатокъ врачей, что министръ внутреннихъ дѣлъ отказалъ Академіи «по настоящей надобности въ медицинскихъ чинахъ по арміи»,—и П. былъ опредѣленъ врачемъ въ л.-гв. Егерскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ походѣ въ Пруссію и былъ въ сраженіяхъ, подъ Гутштадтомъ, Гейльсбергомъ и Фридландомъ; въ 1809—1810 г. онъ, съ полкомъ, былъ въ Финляндскомъ походѣ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Куопіо, Иденсальми и при занятіи Аландскихъ острововъ и въ декабрѣ 1809 года получилъ брилліантовый перстень «за отличные труды и успѣхи въ пользованіи больныхъ и раненыхъ воинскихъ чиновъ»; въ 1810 году онъ произведенъ въ штабъ-лѣкари 2-го класса, въ 1811 году—1-го класса и перемѣщенъ въ Курляндскій драгунскій полкъ, будучи, «за отличныя познанія и искусство», произведенъ въ коллежскіе ассесоры. Съ наступленіемъ Отечественной войны, П. съ полкомъ, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ въ Россіи (между прочимъ, подъ Вязьмою, Бородинымъ, Можайскомъ) и заграницей (въ Польшѣ, Пруссіи, Силезіи, Саксоніи, Вестфаліи), въ 1814 г. по взятіи Парижа, былъ назначенъ окружнымъ начальникомъ нашихъ госпиталей. Награжденный въ 1814 г. орденомъ Владиміра 4-й ст. за отличіе въ сраженіяхъ, П. въ 1814 г. былъ переведенъ въ л.-гв. Конно-Егерскій полкъ и въ томъ же году произведенъ въ надворные совѣтники. Выйдя въ оставку 1-го января 1817 г., П. въ 1821—1827 г. служилъ по выборамъ дворянства Новгородской губерніи: былъ уѣзднымъ судьею (1821—1824), засѣдателемъ въ Совѣстномъ Судѣ и Приказѣ Общественнаго Призрѣнія (1824—1846), уѣзднымъ предводителемъ дворянства, и. д. губернскаго предводителя (1825 и 1826); съ 10-го мая 1827 по 6-е сентября 1828 г. П. былъ членомъ Радзивиловской Таможни, въ 1832 г. (7-го февраля) опредѣлился Коммиссіонеромъ въ Коммиссаріатскій Департаментъ Военнаго Министерства и прослужилъ здѣсь до 4-го апрѣля 1839 г., будучи 24-го ноября того же года произведенъ въ д. с. совѣтники. Служа съ тѣхъ поръ по выборамъ дворянства, П. въ 1843 г. награжденъ былъ орд. Станислава 2-й ст. съ Импер. короной «въ воздаяніе полезной предпріимчимости и особеннаго усердія, оказанныхъ по части сельскаго хозяйства», а 8-го іюня 1845 г. назначенъ былъ Предсѣдателемъ Новгородской Палаты Гражданскаго Суда, неоднократно бывалъ совѣстнымъ судьею (1845—1849). 16-го августа 1851 г. былъ совсѣмъ уволенъ отъ службы и, живя съ тѣхъ поръ въ своемъ имѣніи, въ Новгородскомъ уѣздѣ, П. умеръ около 1866 года. Онъ былъ авторомъ слѣдующихъ работъ: перевелъ съ нѣм. соч. Галла и Шпурцгейма: «Изслѣдованіе о нервной системѣ вообще и мозговой въ особенности», С.-Пб. 1816.; «Краткое начертаніе Галловой системы мозговыхъ отправленій», С.-Пб. 1817; «Взглядъ на суевѣріе и предразсудки», С.-Пб. 1834 (рецензія—въ «Библ. для Чтенія» 1834 г., т. VI, отд. V, стр. 14—32); кромѣ того, его Beobachtungen (о сибирской язвѣ въ Саблинскомъ приходѣ, Новгородской губ.) напечатаны въ «Med. Zeit. Russlands» 1853 г., № 52, стр. 411. Въ бытность свою студентомъ, П. перевелъ книгу: «Подробное описаніе епидемической лихорадки, недавно въ Малагѣ свирѣпствовавшей», соч. И. Е. Арсюля, перев. съ латинскаго, 1807 г.; рукопись этого перевода хранится въ Библіотекѣ Казанскаго Университета.

Архивъ Имп. Военно-Медиц. Академіи, протоколы засѣд. Конференціи за 1807 годъ; Моск. Отд. Общ. Архива Главн. Штаба, опись дѣлъ нач-ка Гл. Штаба, медиц. дѣло № 46, 1816 года; формулярный списокъ 1849 г.; Архивъ Капитула Орденовъ; Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. II и 2 до-

полненіе, С.-Пб. 1886—1892 г.; Исторія Имп. Военно-Медиц. Академіи, С.-Пб. 1898 г., стр. 108, 137, 138 и въ Приложеніяхъ, стр. 215; И. И. Артемьевъ, Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Импер. Казанскаго Университета, С.-Пб. 1882, стр. 76—77.

Н. Кульбинъ и *Б. М.*

Пузыревскій, *Платонъ Алексѣевичъ*, геологъ, профессоръ С.-Петербургскаго Университета; родился 5-го сентября 1830 г. въ небогатой дворянской семьѣ Виленской губ.; его мать была сестрою извѣстнаго писателя Кукольника. Начальное образованіе П. получилъ въ частномъ пансіонѣ Германа, затѣмъ—въ Виленскомъ дворянскомъ Институтѣ (1842—1845) и въ Петербургскомъ пансіонѣ Эмме. Въ 1848 г. онъ поступилъ въ С.-Петербургскій Университетъ, на II-ое Отдѣленіе Философскаго Факультета, по разряду естественныхъ наукъ, откуда вышелъ въ 1852 г. со степенью кандидата. Поступивъ преподавателемъ естественныхъ наукъ въ Лѣсной Институтъ, П., послѣ тяжкой болѣзни, осенью 1854 г. вынужденъ былъ отправиться для лѣченія въ Италію, въ Неаполь, и эта поѣздка опредѣлила начало его будущей дѣятельности: вулканическая почва окрестностей Неаполя возбудила въ Пузыревскомъ живѣйшій интересъ къ геологіи, которою онъ усердно занимался еще въ Университетѣ, состоя консерваторомъ Палеонтологическаго кабинета. Изъ Неаполя молодой естествоиспытатель поѣхалъ въ Германію, въ Фрейбергъ, гдѣ слушалъ курсы лучшихъ профессоровъ того времени, какъ-то: Брейтгаупта, Котты, Шерера и др. Лѣтомъ Пузыревскій путешествовалъ по Германіи, выбирая мѣста, представлявшія интересъ въ геологическомъ отношеніи.

Возвратясь въ Россію въ октябрѣ 1855 г., послѣ двухлѣтняго пребыванія за-границей, Пузыревскій отправился въ южныя губерніи, для ознакомленія съ геологическимъ строеніемъ каменноугольной и третичной формацій.

Въ 1857 г. онъ получилъ степень магистра, защитивъ диссертацію, подъ названіемъ «О составѣ Канкринита», и былъ назначенъ (1858 г.) при С.-Пб. Университетѣ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ минералогіи и геогнозіи, послѣ того какъ написалъ въ 1858 г. сочиненіе «Изслѣдованіе нѣкоторыхъ апатитовъ». Въ 1866 г. Пузыревскій былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ, защитивъ диссертацію на степень доктора и, въ періодъ 1857—1864 гг., совершивъ рядъ поѣздокъ по Финляндіи съ научною цѣлью, результатомъ которыхъ явился солидный трудъ, подъ названіемъ «Очеркъ Геогностическихъ отложеній Лаврентьевской Системы Выборгской губ.», за который получилъ степень доктора минералогіи и геогнозіи.

Кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ сочиненій, Пузыревскимъ написаны были слѣдующія статьи, напечатанныя частью въ «Запискахъ Императорскаго С.-Петербургскаго Минералогическаго Общества», котораго онъ былъ сотрудникомъ и секретаремъ (съ 1861 по 1864 г.), частью въ «Bulletin» Императорской Академіи Наукъ. Вотъ перечень этихъ статей: «Изслѣдованія нѣкоторыхъ русскихъ апатитовъ» («Записки Имп. С.-Пб. Минералог. Общества», 1860 г.); «Neue Fundorte der Morpholithen in Finnland» (тамъ-же, 1860 г.); «Результаты изслѣдованій объ умбрѣ въ Селенгинской степи» (тамъ-же, 1866); «Краткій очеркъ жизни и трудовъ профессора Сем. Сем. Куторги, бывшаго директора Императорскаго С.-Пб. Минералогическаго Общества» (тамъ-же, 1867 г.); «О пертитовомъ строеніи ортоклаза» («Труды С.-Пб. Общ. Естествоиспыт.», отд. минер., т. I, стр. 160 и т. II, стр. LXXXI); «О Нефедьевитѣ» («Зап. Имп. Минералог. Общ.», т. VII); «Замѣтка объ Онежской формаціи» (прот. 4-го засѣд. отд. Минер. и Геол. I съѣзда русск. естествоисп. и врачей, 1868 г.); «Замѣтка о мѣсторожденіи графита въ В. Финляндіи и о діоритѣ Тункинскихъ горъ» («Зап. С.-Пб. Минер. Общ.», ч. I, II серія, въ протоколахъ). «Uber Eisenerz aus dem Bohrloche zu St. Petersburg» (въ «Бюллетенѣ» Императорской Академіи Наукъ, т. VII, 1864 г.); «Eozon Kanadense въ Гоупворскомъ известнякѣ въ Финляндіи» («Зап. Имп. Акад. Наукъ», т. VIII); «Eozon Canadense im Kalkstein fon Hopunvara in Finnland» (тамъ-же, т. X, 1866 г.). Желая познакомить русскую публику съ выдающимися сочиненіями заграничныхъ ученыхъ, Пузыревскій перевелъ (отчасти самъ, отчасти редактируя только) и издалъ слѣдующіе труды: «Геологическія Картины» Б. Котты, «Исторія Земной Коры» Росмесслера, «Минералогія» Канштедта,

«Практическая Геогнозія» Б. Котты», «Таблицы для опредѣленія минераловъ помощью химическихъ изслѣдованій мокрыми и сухими путями» Кобеля.

Необходимо упомянуть также о «Каталогѣ библіотеки Имп. С.-Пб. Минералогическаго Общества» (С.-Пб., 1867 г.), составленномъ Пузыревскимъ, и о статьѣ его «Результаты изслѣдованій надъ составомъ русскихъ графитовъ въ Тункинскихъ горахъ», помѣщенной въ «Матеріалахъ для Минералогіи Россіи» Кокшарова.

Ученая дѣятельность Пузыревскаго продолжалась недолго: онъ умеръ въ ночь съ 6-го на 7-е іюня 1871 г.; погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

В. В. Григорьевъ, Императорскій С.-Пб. Университетъ за первыя 50 лѣтъ его существованія, стр. 202 и 400; «Словарь профессоровъ С.-Пб. Университета», т. II, С.-Пб., 1898 г.; «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 155, 1871 г.; «Иллюстрированная Газета» 1871 г., № 23; «Русскій Архивъ» 1873 г., № 8.

Пукиревъ, *Василій Владиміровичъ*, живописецъ; род. въ 1832 г., ум. въ Москвѣ 1-го іюня 1890 г. Былъ крѣпостнымъ вдовы поручика Александры Васильевны Грековой, по имѣнію ея въ Рязанской губ., въ Данковскомъ уѣздѣ; въ 1837 г. получилъ отъ нея отпускную, а впослѣдствіи былъ приписанъ къ Московскому мѣщанскому обществу. Сперва П. рисовалъ самоучкою; затѣмъ (1-го апрѣля 1847 г.) поступилъ въ Училище Живописи и Ваянія, добывая себѣ средства къ жизни уроками и продажею своихъ работъ. Въ 1850 г. онъ удостоенъ былъ отъ Академіи Художествъ званія «учителя рисованія въ гимназіяхъ» и одобренія за рисунокъ съ натуры; въ 1853 г.—вторично удостоился одобренія за подобный рисунокъ, а въ 1855 г. за два портрета съ натуры, писанные имъ масляными красками, получилъ званіе неклассnаго художника. Въ 1858 г. бывшій преподавателемъ въ Училищѣ Е. А. Васильевъ предложилъ Совѣту Московскаго Художественнаго Общества назначить ему въ товарищи по преподаванію В. В. Пукирева, предлагая раздѣлить съ нимъ жалованье пополамъ; но, повидимому, это не состоялось, и В. В. Пукиревъ только черезъ три года (27-го сентября 1861 г.), по смерти Е. А. Васильева, поступилъ на его мѣсто младшимъ преподавателемъ, получивъ за годъ передъ тѣмъ званіе «академика по живописи исторической и портретной», за картину «Татьяна». Въ 1863 г. П. написалъ лучшее свое произведеніе—«Неравный бракъ», за которое Академія, 27-го августа того же года, единогласно присудила ему званіе «профессора живописи народныхъ сценъ». При матеріальномъ содѣйствіи г. Борисовскаго, Пукиревъ два раза побывалъ за-границею: въ первый разъ—съ 19-го октября 1862 г. по 19-е января 1863 г., а второй разъ—съ 1-го мая по 1-е августа 1864 г. Сильные приливы крови къ головѣ заставили П-ва прекратить преподавательскую дѣятельность, и 31-го марта 1873 г. онъ вышелъ въ отставку. Хотя послѣ того онъ продолжалъ заниматься живописью, но работы его шли слабо и никакого успѣха не имѣли, такъ что матеріальное положеніе художника дошло до крайности, и 3-го февраля 1884 г. онъ обратился съ прошеніемъ на имя Московскаго Генералъ-Губернатора и предсѣдателя Совѣта Московскаго Художественнаго Общества, князя В. А. Долгорукова, въ которомъ говорилъ: «Состоя на службѣ въ Училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества преподавателемъ двѣнадцать лѣтъ, я захворалъ.... и вышелъ въ отставку. Не взирая на мой страшный недугъ, вышедши изъ Училища, я продолжалъ работать; теперь же силы мнѣ положительно измѣняютъ, по нездоровью не могу заниматься искусствомъ, почему средствъ къ существованію не имѣю. Я обращаюсь къ вашему сіятельству, какъ къ предсѣдателю Училища, гуманному покровителю искусства, прося ходатайствовать мнѣ о пенсіонѣ». Но Совѣтъ Общества, куда князь В. А. Долгоруковъ направилъ это прошеніе, въ засѣданіи 16-го мая того же года, отказалъ художнику, который принужденъ былъ, послѣ этого, существовать лишь на маленькую субсидію, выдававшуюся ему Обществомъ Любителей Художествъ, въ 1886—1889 г., въ размѣрѣ отъ 300 р. до 420 р. Умеръ онъ въ крайней бѣдности 1-го іюня 1890 г.

Кромѣ упомянутыхъ работъ, намъ извѣстны еще слѣдующія произведенія П-ва: «Мальчикъ съ собакой».—«Мадонна», копія съ Батони (1850 г.).—«Прометей» (1852 г.).—«Кіевлянинъ»,—этюдъ съ натуры (1854 г.).—«Мальчикъ—разоритель гнѣздъ» (1858 г.).—«Дѣвушка»,—этюдъ съ натуры (1860 г.). — Девять

образовъ для церкви Св. Троицы, что̀ въ Грязяхъ, въ Москвѣ, исполненныхъ по заказу Е. В. Молчанова. — Два образа для церкви въ имѣніи г. Нарышкиной (1860—1861 гг.).—«Соборъ Недоимокъ», пріобрѣтенъ К. Т. Солдатенковымъ.—«Мастерская художника» (1863—1864 гг.), находится въ галлереѣ П. М. Третьякова.—«Крещеніе еврея» (1869—1870 гг.), у Г. И. Хлудова.—«Строеніе желѣзной дороги» (1870—1871 гг.), исполнено по заказу г. Мейенъ.—«Пріемъ приданаго по росписи» (1870—1871 гг.), пріобрѣтено г. Щербаковымъ, а повтореніе находится въ галлереѣ П. М. Третьякова.—«Филиппъ Митрополитъ и Иванъ Грозный въ Успенскомъ соборѣ», пріобрѣтено С. И. Костаревымъ.—«Свиданіе», или «Размолвка», тоже.—»Давыдкова», тоже.—«Потрава» (1870 г.), пріобрѣтено г. Щаповымъ.—«Дьячекъ, объясняющій Страшный судъ», тоже.—«Ревность женщины» (1875—1876 гг.), пріобрѣтено С. И. Карзинкинымъ.—«Прерванный, или Несостоявшійся бракъ», тоже.—«Пріемная концессіонера», тоже.—«Сиротка». — «Въ день Благовѣщенія» (1882—1883 гг.).—«Иванъ Грозный въ Молельнѣ» (1884—1885 гг.).—«Свѣтъ Тихій» (1886 г.).

Кромѣ того, имъ исполнены портреты: Предводителя Тверскаго дворянства г. Полторацкаго, для мѣстной гимназіи (1860—1861 гг.).—Калужскаго предводителя дворянства Ѳ. С. Щукина, по заказу дворянства, для Дворянскаго Собранія (1862—1863).—Греческаго монаха(1862—1863).—Женскій портретъ.—Портретъ г. Борисовскаго. — Г-жи Борисовской. — Г. Креймеръ.—Г. Протопопова.—Портретъ дѣвушки, по заказу г. Варенцова (1863—1864).—Г. .Попандопуло (1869).—Купца Строганова (1869—1870).—Г-жи Гетлихъ.—Императора Александра II, по заказу г. Мейенъ, для Коммиссаровскаго Училища (1870—1871).—Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, туда же.—Полковника Ильина.—Генерала Казакова.—Г. Полякова (1870—1873) и карандашный портретъ П. М. Шмелькова, находящійся въ Третьяковской галлереѣ. Наконецъ, онъ нарисовалъ съ натуры на камнѣ портретъ М. С. Щепкина, напечатанный въ Литографіи Каткова въ 1857 г.

Дѣла Московскаго Художественнаго Общества: №№ 2; 41; 47; 110; 128; 140; 176 и 209; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ, Спб., 1868; Отчеты Импер. Академіи Художествъ за 1860/61; 1861/2; 1862/3; 1863/4; 1866/7; 1869/70; 1870/71; 1872/3; 1875/6; Указатель художественной выставки Училища Живописи и Ваянія въ 1858 г., М. 1858; Указатель художественныхъ произведеній, выставленныхъ въ залахъ Импер. Академіи Художествъ, Спб., 1860; Каталогъ портретовъ и картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ на постоянной выставкѣ въ Обществѣ Любителей Художествъ, М. 1869; Каталогъ выставки художественныхъ произведеній въ Училищѣ Живописи и Ваянія, М. 1872; «Древняя и Новая Россія» 1877 г.; Каталогъ періодической выставки Общества Любителей Художествъ, М. 1882 г.; Idem, 1885 г.; Каталогъ художественнаго отдѣла Всероссійской выставки въ Москвѣ 1882 г., М. 1882; Отчеты Комитета Общества Любителей Художествъ за 1885; 1886; 1887; 1888 и 1889 гг.; Опись художественныхъ произведеній городской галлереи П. и С. Третьяковыхъ; «Художественныя Новости» 1890 г; «Артистъ» 1891 г., № 13, февраль, стр. 201; Н. П. Собко, Словарь русскихъ художниковъ, Спб., 1899 г.

А. Новицкій.

Пулло, *Ипполитъ Михайловичъ*, врачъ, приватъ-доцентъ Казанскаго Университета по каѳедрѣ акушерства и дѣтскихъ болѣзней, родился въ 1846 году, умеръ 7-го мая 1890 года въ Москвѣ; окончивъ курсъ медицинскаго факультета въ Московскомъ Университетѣ, онъ сначала служилъ въ Москвѣ, а затѣмъ былъ старшимъ врачемъ Костромской губернской земской больницы и пріобрѣлъ степень доктора медицины. Съ осени 1879 года Пулло читалъ въ Казани курсы акушерства и дѣтскихъ болѣзней, въ званіи приватъ-доцента (утвержденъ 7-го ноября 1880 г.), а въ 1882—83 учебномъ году завѣдывалъ, по порученію факультета, акушерской клиникой и преподавалъ акушерство студентамъ 5-го курса. Въ 1884 году онъ переѣхалъ въ Самару, гдѣ былъ назначенъ (10-го августа) исполняющимъ должность врачебнаго инспектора; кромѣ того, онъ занялъ должность старшаго врача Оренбургской желѣзной дороги. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ въ свое время акушеровъ-практиковъ. Пулло напечаталъ слѣдующія сочиненія: «Вліяніе хлороформа на нормальные роды» (съ 2 табл.); М. 1875 г.; «Сущность, этіологія и профилактика послѣродовыхъ горячекъ», Кострома. 1880 г.

«Врачъ» 1890 г., стр. 532; Карточный каталогъ Публ. Библіотеки; Н. Загоскинъ. Дѣятели Императорскаго Казанскаго Университета. 1805—1900, Казань. 1900 г., стр. 149; «Самарскія Губернскія

Вѣдомости» 1890 г., № 34; «Всемірная Иллюстрація» 1890 г.. т LXIII, № 22, стр. 371; «Новое Время» 1890 г., № 5106; «Историческій Вѣстникъ» 1890 г., т. XLI, августъ, стр. 478.

Н. Кульбинъ.

Пульхеровъ *Иванъ Михайловичъ*, протоіерей, писатель; род. въ погостѣ Михайловомъ, Великолуцкаго уѣзда Псковской губ., 11-го октября 1826 года, воспитывался въ Псковской Духовной Семинаріи; окончивъ здѣсь курсъ въ 1848 г., онъ поступилъ священникомъ въ Успенскую церковь г. Великихъ Лукъ, въ которой и былъ настоятелемъ въ теченіе 37 лѣтъ, до самой своей смерти. Въ 1860 г. онъ открылъ въ Великихъ Лукахъ школу для крестьянскихъ дѣвочекъ, впослѣдствіи преобразованную въ городскую; въ ней весьма раціонально было поставлено обученіе подъ наблюденіемъ о. Пульхерова, въ 1862 г. открывшаго при школѣ весьма недурную библіотеку и продажу книгъ; кромѣ того, онъ устраивалъ по деревнямъ духовныя бесѣды и вообще всѣми мѣрами заботился о просвѣщеніи народа въ своемъ уѣздѣ.

Въ 1865 г. о. Пульхеровъ былъ избранъ уѣзднымъ благочиннымъ; затѣмъ онъ состоялъ законоучителемъ въ городскомъ 3-хъ классномъ училищѣ (1874—1880) и въ Реальномъ училищѣ (1877—1880), былъ гласнымъ отъ земства, благочиннымъ надъ монастырями, членомъ Псковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета и Училищнаго Совѣта. О. Пульхеровъ пользовался большой извѣстностью въ своемъ уѣздѣ и уваженіемъ всѣхъ, даже иновѣрцевъ. Онъ умеръ 23-го ноября 1885 года.

О. Пульхеровъ издалъ книги: «Великолуцкая Успенская церковь», Псковъ. 1879 и «Описаніе Великолуцкаго Троице-Сергіева монастыря».

«Псковскій городской листокъ» 1883, № 14 и 1885, декабрь; А. И. Пульхеровъ, «Образованіе и образовательныя средства въ г. Великихъ Лукахъ и его уѣздѣ», Псковъ. 1893, стр. 31—33 (съ портретомъ) и прилож., стр. 7—12.

Пуньи, *Цезарь*, даровитый композиторъ балетной и бальной музыки. Родился въ Генуѣ 19-го мая 1802 года и съ ранняго возраста обнаружилъ страсть къ музыкѣ и большія музыкальныя способности. Лѣтъ пяти его отдали въ Миланскую консерваторію, гдѣ онъ и получилъ свое первоначальное музыкальное образованіе, поражая своими успѣхами: уже семи лѣтъ отъ роду онъ исполнялъ трудныя вещи. Однажды извѣстный Винтеръ услышалъ, какъ семилѣтній Пуньи исполнялъ одну изъ его симфоній. Исполненіе было таково, что привело композитора въ полное восхищеніе, и съ этихъ поръ онъ началъ принимать въ мальчикѣ живѣйшее участіе. Подъ руководствомъ Винтера, а также пользуясь совѣтами композитора Азеліо и музыканта, впослѣдствіи учителя музыки Петербургскаго театральнаго училища Соливье, Пуньи ревностно продолжалъ изучать законы музыкальнаго творчества. Вскорѣ извѣстность молодого талантливаго музыканта, начала быстро распространяться по Италіи. Въ Моденѣ онъ постоянно исполнялъ лучшія духовныя композиціи при дворѣ Великаго Герцога и началъ выступать, какъ композиторъ. Написанныя имъ нѣсколько мессъ имѣли громадный успѣхъ и вполнѣ оправдали тѣ смѣлыя надежды, которыя возлагались учителями на ихъ молодого ученика. Около этого времени въ Караваджіо былъ объявленъ конкурсъ для сочиненія большой мессы. Судьею этого конкурса выбранъ былъ Бергамскій капельмейстеръ, глава всѣхъ духовныхъ композиторовъ Италіи, знаменитый Симонъ Майеръ, тогда уже старикъ. Въ числѣ соискателей на конкурсѣ были Меркаданте, Доницетти и Ц. Пуньи, месса котораго была признана лучшею; она вскорѣ была исполнена, причемъ самъ Майеръ дирижировалъ сопрано. Эта месса окончательно утвердила за Пуньи широкую извѣстность не только хорошаго музыканта, но и выдающагося композитора. Написавъ еще нѣсколько мессъ, онъ сталъ писать оперы преимущественно для Миланскаго театра «Каннабіана», а потомъ для театра «La Scala», гдѣ онъ поставилъ свою оперу «Мщеніе». Опера эта имѣла огромный успѣхъ и долго не сходила съ репертуара.

Въ это же время на Тріестскомъ театрѣ была поставлена другая его опера—«Ричардъ Эдинбургскій», имѣвшая также выдающійся успѣхъ. Вскорѣ послѣ этого, не смотря на свой слишкомъ молодой возрастъ (ему было немного больше двадцати лѣтъ), П. былъ назначенъ директоромъ музыки Миланскаго театра. Здѣсь, начиная съ 1825 года, онъ написалъ цѣлый рядъ большихъ и малыхъ балетовъ, которые

вскорѣ пріобрѣли ихъ автору всемірную извѣстность и сдѣлались достояніемъ репертуаровъ всѣхъ европейскихъ сценъ. Изъ довольно большого числа первыхъ балетовъ наибольшею извѣстностью пользовались «Макбетъ», «Осада Кале», «Замокъ Кемпльвортъ», «Аделаида Французская» и другіе. Въ то же время П. не бросалъ и симфонической музыки; изъ нѣсколькихъ симфоній, написанныхъ имъ въ этотъ періодъ, особенный успѣхъ имѣла симфонія «Канакъ»; въ первый разъ она была исполнена въ Миланѣ въ театрѣ La Scala въ концертѣ, даннымъ знаменитою Пастою въ пользу Миланскихъ богоугодныхъ заведеній. Симфонія эта, написанная для двухъ оркестровъ и исполненная при участіи лучшихъ музыкальныхъ силъ Италіи, имѣла рѣдкій, но вполнѣ заслуженный успѣхъ, такъ какъ она является однимъ изъ наиболѣе выдающихся музыкальныхъ произведеній этого рода. Пробывъ въ качествѣ директора Миланскаго театра около десяти лѣтъ, Пуньи въ 1834 году былъ приглашенъ въ Парижъ занять мѣсто директора вновь открывавшагося музыкальнаго института, посвященнаго памяти Паганини и носившаго его имя (Casino Paganini). Пробывъ въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ, П. въ началѣ 1840-хъ годовъ былъ приглашенъ въ Лондонъ въ качествѣ композитора балетной музыки при Лондонскомъ королевскомъ театрѣ и здѣсь написалъ большую часть своихъ балетовъ: «Эсмеральда», «Катарина», «Наяда и Рыбакъ» и другіе. Еще въ Миланѣ, вскорѣ послѣ симфоніи «Канакъ», имъ была написана рѣдкая по красотѣ музыка для балета «Послѣдній часъ осужденнаго», составленнаго балетмейстеромъ Ганри. Затѣмъ уже въ Лондонѣ, кромѣ «Эсмеральды», «Катарины» и «Наяды и Рыбака», имъ были написаны балеты: «Ундина», «Лалла Рукъ», «Сиракузскіе Рудокопы», «Превращеніе», «Первая танцовщица» и многіе другіе. Всѣ они имѣли выдающійся успѣхъ. Многіе балеты спеціально были написаны Цезаремъ Пуньи для Маріи Тальони, Фанни Эльслеръ, Карлотты Гризи и другихъ знаменитостей хореографическаго искусства. Въ концѣ 1840-хъ годовъ П. снова вернулся въ Парижъ и здѣсь написалъ музыку для балетовъ «Чертова скрипка», «Маркитантка», «Мраморная дочь» и «Стелла». Однако на этотъ разъ въ Парижѣ онъ пробылъ не долго: начавшаяся революція заставила его снова вернуться въ Лондонъ.

Въ 1851 году Дирекція Императорскихъ Петербургскихъ театровъ предложила П. пріѣхать въ Россію и занять мѣсто балетнаго композитора. Условія были предложены очень хорошія,—и Ц. Пуньи, слышавшій много о Россіи еще отъ М. И. Глинки, бравшаго у него въ Италіи уроки музыки, отправился въ Петербургъ. Съ этихъ поръ онъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ оставался въ Россіи.

Въ силу заключеннаго съ Дирекціей Императорскихъ Театровъ контракта, онъ обязанъ былъ писать музыку, когда бы она ни потребовалась для балета. Будучи замѣчательно плодовитымъ, талантливымъ и гибкимъ композиторомъ, онъ отличался необыкновенной быстротой, съ которой писалъ свои партитуры; такъ, вся музыка къ балету «Дочь Фараона» съ оркестровкой была написана имъ въ шесть недѣль. Другой балетъ, «Эсмеральду», тоже большой, онъ написалъ въ двѣ недѣли, «Катарина» была имъ написана въ двѣнадцать дней, а небольшой балетъ «Мечта Художника» — въ одинъ день. О рѣдкомъ и огромномъ дарованіи Пуньи можно судить по тому количеству музыкальныхъ произведеній, которое онъ оставилъ послѣ себя: за свою пятидесятилѣтнюю композиторскую дѣятельность Пуньи написалъ 312 большихъ и малыхъ балетовъ, 10 оперъ, сорокъ мессъ, нѣсколько десятковъ кантатъ и симфоній и болѣе 200 отдѣльныхъ танцевъ. Шутя онъ какъ-то говорилъ, что можетъ написать до двадцати балетовъ въ сезонъ. За свое пребываніе въ Россіи, онъ такъ сроднился съ ней, что считалъ ее своимъ вторымъ отечествомъ. Здѣсь онъ написалъ музыку къ 35-ти балетамъ, въ томъ числѣ къ балету «Конекъ-Горбунокъ», «Теолинда» и ко многимъ другимъ. Кромѣ того, въ Петербургѣ была написана большая часть его отдѣльныхъ танцевъ. Явившись къ намъ, когда извѣстность его достигла своего апогея, когда на всѣхъ сценахъ ставили почти только его балеты, онъ, естественно, сразу привлекъ къ себѣ вниманіе публики и затѣмъ до самой своей смерти пользовался самыми живѣйшими ея симпатіями. Послѣднимъ балетомъ, написаннымъ Пуньи въ Петербургѣ въ 1869 году, уже не задолго до смерти, былъ балетъ «Царь Кандавлъ», имѣвшій,

какъ и предыдущіе его балеты, выдающійся успѣхъ.

Пуньи скончался 14-го января 1870 года. Тѣло его погребено въ Петербургѣ, на Католическомъ кладбищѣ, что̀ на Выборгской сторонѣ.

«Репертуаръ русскаго театра и Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ» 1850 г., т. 5, № 10: «Цезарь Пуньи» (біографическій очеркъ), стр. 46—48; А. А. Нильскій, «Закулисная Хроника 1856—1894 гг.», С.-Пб., 1897 г.; «Иллюстрированная Газета» 1870 г., 29-го января, № 5, некрологъ, стр. 79; «Иллюстрированный календарь» на 1872 г., отд. II, некрологъ, стр. 69.

Пупаревъ, *Константинъ Васильевичъ*, врачъ; сынъ купца, родился въ 1803 году, умеръ въ Твери 24-го декабря 1873 года; онъ учился въ Вятской гимназіи, а съ 1825 года—въ Казанскомъ Университетѣ, въ 1829 году былъ награжденъ серебряной и золотой медалями и окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря I отдѣленія. Въ томъ-же году П. былъ посланъ на борьбу съ холерной эпидеміей въ Оренбургъ, а потомъ—въ Казань, съ 1831 года былъ врачемъ Чистопольскаго уѣзда Казанской губерніи, съ 1841 года—городовымъ врачемъ въ Казани, съ 1844 года—уѣзднымъ врачемъ въ Царевококшайскѣ и затѣмъ—врачемъ въ имѣніи Бахметева въ Чистопольскомъ уѣздѣ. Въ 1845 году Пупаревъ получилъ въ Казанскомъ Университетѣ званіе инспектора врачебной управы, а въ слѣдующемъ году—званіе акушера въ Медико-Хирургической Академіи въ Петербургѣ. Съ 1846 года онъ былъ акушеромъ Ярославскаго врачебнаго управленія, съ 1847 года—инспекторомъ Вятскаго врачебнаго управленія, а съ 1851 года занималъ такую-же должность въ Твери; уволенъ въ 1866 году и прожилъ въ Твери до смерти; напечаталъ слѣдующіе научные труды: «Описаніе хода повальной болѣзни, называемой холерою, открывшейся въ 1829 году съ наступленіемъ осени въ Оренбургѣ и его уѣздѣ, съ изложеніемъ способа лѣченія», С.-Пб. 1829 г. Эта книга выдержала въ августѣ и сентябрѣ 1830 года 4 изданія въ разныхъ московскихъ типографіяхъ; то-же напечатано въ прибавленіи № 1 къ «Журн. М-ства Вн. Дѣлъ» 1830 г. (стр. 87—112); «Вопросъ о медаляхъ, данныхъ Маркусу и Янишу за холеру»—«Другъ Здравія» 1834 г., № 7; «Опухоль суставовъ, послѣ инфлуэнцы, отчасти излѣченная ваннами изъ барды»—тамъ-же, № 8; «Ракъ желудка и продыравленіе его оболочекъ»—тамъ-же, № 10; «Свободныя мозговыя косточки»—тамъ-же, 1839 г., № 46; «Втянутіе яичекъ къ брюшному кольцу, какъ признакъ смерти отъ замерзанія»—тамъ-же, 1847 г., № 43; «Зерна Рагульника, какъ вспомогательное средство въ холерѣ»—тамъ-же, 1853 г., № 5; «Уродливость съ трещиной брюшныхъ покрововъ»—«Военно-Мед. Журн.», 1853 г., ч. 61, кн. 2; «Кашинскіе минеральные источники, Тверской губерніи, въ г. Кашинѣ», опис. 1859 г. и пр.; Тверь. 1863 г.; «Свѣдѣнія о промышленности пьявками въ Погорѣломъ Городищѣ, Тверской губ.»—«Тверскія Губ. Вѣдом.» 1863 г.; «Свѣдѣнія о погодѣ въ г. Твери»—тамъ-же, 1869 г.; «Простонародныя названія растеній въ Тверской губ.»—тамъ-же, №№ 33, 34, 41, 44 и 47; «Народное наставленіе о мѣрахъ къ лѣченію сибирской язвы, или огневика»—тамъ-же; отдѣльн. оттиски. Тверь.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. II и III и 2 дополн., С.-Пб., 1886, 1887 и 1892 гг.; А. И. Михайловскій, «Преподаватели, учившіеся и служившіе въ Имп. Казан. Унив.» (1804—1904), ч. I, вып. I. Казань. 1901 г.; «Дневникъ Общ. врачей г. Казани», 1874 г., № 2, стр. 17; A. Hirsch, «Biogr. Lexikon der hervorragenden Aerzte», Bd. IV, Wien и Leipzig, 1886 г.

Н. Кульбинъ.

Пурпуръ, *Андрей Яковлевичъ*, генералъ-поручикъ, директоръ Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса; грекъ по происхожденію, Пурпуръ въ службѣ находился съ 1737 г., въ 1766 г. былъ, въ чинѣ инженеръ-полковника, членомъ Канцеляріи Главной Артиллеріи и Фортификаціи, въ 1772 г. состоялъ тамъ-же въ чинѣ инженеръ-генералъ-маіора, 20-го февраля 1773 г. былъ назначенъ, на мѣсто Бранта, генералъ-директоромъ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса (нынѣ 1-й Кадетскій), только что получившаго тогда новый уставъ. Произведенный въ генералъ-поручики 17-го марта 1774 г., П. 28-го іюня 1778 г. награжденъ былъ орденомъ св. Анны 1-й ст.; онъ состоялъ членомъ Совѣта при Корпусѣ и вышелъ въ отставку въ 1784 г., будучи уволенъ по прошенію и замѣненъ генер.-поруч. А. Б. де-Бальменомъ; умеръ въ 1804 г. Сынъ его, *Карлъ-*

Фридрихъ (р. 8-го іюня 1771 г., ум. 3-го мая 1806 г.), былъ генералъ-маіоромъ.

Списокъ Воинскаго Департамента 1776 г.; Адресъ-календари; Д. Н. Бантышъ-Каменскій, Собраніе списковъ кавалерамъ четырехъ росс. орденовъ, М. 1814, стр. 319; Сборн. Историч. Общ., т. XXVII; Опис. дѣлъ архива Морск. Министерства, т. IV, С.-Пб., 1884, стр. 562 и т. VII, С.-Пб., 1895, стр. 577; А. В. Висковатовъ, Исторія 1-го Кадетскаго Корпуса; М. Лалаевъ. Ист. очеркъ Военно-Учеб. заведеній, С.-Пб., 1880, стр. 63.

Пустошкинъ, *Павелъ Васильевичъ,* вице-адмиралъ, одинъ изъ извѣстныхъ боевыхъ моряковъ; происходилъ изъ бѣдной дворянской семьи, родился въ 1749 г. въ деревнѣ Понихинѣ, Ново-ладожскаго уѣзда Петербургской губ., въ 1760 г. поступилъ въ Морской кадетскій корпусъ, въ іюлѣ 1762 г. былъ произведенъ въ гардемарины и въ этомъ же году совершилъ первое плаваніе отъ Кронштадта до Кольберга и обратно. Въ 1766 г. онъ былъ произведенъ въ мичманы и опредѣленъ въ Балтійскій флотъ, а въ 1769 г. былъ переведенъ въ Таганрогъ, въ маѣ 1772 г. получилъ чинъ лейтенанта и во время первой Турецкой войны былъ ежегодно въ крейсерствѣ на Черномъ морѣ, при чемъ въ 1774 г. командовалъ отдѣльною флотиліею въ Еникале. Въ 1775 г., по заключеніи Кайнарджійскаго мира, П., въ качествѣ командира галіота «Буйволъ», былъ посланъ съ порученіемъ высшаго начальства въ Константинополь, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ командиромъ фрегата «Почталіонъ». Въ маѣ 1777 г. произведенный въ капитанъ-лейтенанты, П. 21-го апрѣля 1783 г. получилъ чинъ капитана 2 ранга. Въ этомъ году онъ, въ качествѣ флагъ-капитана у вице-адмирала Клокачева, былъ въ плаваніи отъ Таганрога до Севастополя, а затѣмъ командовалъ кораблемъ «Моджа». 1-го января 1787 г. П. былъ произведенъ въ капитаны 1 ранга, а вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ командиромъ Таганрогскаго порта. Въ силу начавшейся войны, на него была возложена обязанность построить въ Таганрогѣ два 40-пушечныхъ фрегата и приготовить къ походу 23 вооруженныхъ судна. За успѣшное выполненіе этого порученія онъ былъ награжденъ, 2-го февраля 1789 г., орденомъ св. Владиміра 4-й степени, а 14-го апрѣля того же года, за отличіе по службѣ, произведенъ въ капитаны бригадирскаго ранга. Въ томъ же году, командуя отдѣльной эскадрой, П. крейсировалъ около Крымскаго полуострова, а въ слѣдующемъ году—у устья Дуная. Въ томъ же году онъ получилъ отъ князя Потемкина орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ слѣдующемъ, 1791 г. онъ командовалъ арріергардомъ эскадры, бывшей подъ начальствомъ контръ-адмирала Ушакова, и участвовалъ въ сраженіи при Каліаріо. За выказанную имъ въ этомъ сраженіи храбрость онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса, который былъ препровожденъ къ нему 11-го сентября 1792 г. при особой Высочайшей граматѣ. Въ упомянутомъ году Пустошкинъ командовалъ Черноморскимъ гребнымъ флотомъ и флотиліей черноморскихъ казаковъ, а въ 1793 году былъ произведенъ въ контръ-адмиралы. Снова выступить на военномъ поприщѣ ему пришлось въ русско-французскую войну. Въ октябрѣ 1798 г. контръ-адмиралу Пустошкину было Высочайше повелѣно, принявъ начальство надъ двумя вновь построенными линейными кораблями, итти съ ними на соединеніе съ флотомъ, подъ начальствомъ адмирала Ушакова безуспѣшно блокировавшимъ Корфу. Уладивъ возникшее было недоразумѣніе съ новыми нашими союзниками, турками, Пустошкинъ 30-го декабря соединился съ эскадрой союзнаго флота. 21-го февраля 1799 г. Корфу былъ взятъ, и Пустошкинъ, за участіе въ этомъ дѣлѣ, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, который былъ препровожденъ къ нему при особомъ рескриптѣ, посланномъ черезъ два мѣсяца, при производствѣ его въ вице-адмиралы. По взятіи Корфу Пустошкинъ былъ посланъ (1-го мая 1799 г.) съ отдѣльною эскадрою для блокады Анконы. Оставивъ нѣсколько судовъ крейсировать въ Венеціанскомъ заливѣ, Пустошкинъ съ остальною частью эскадры прибылъ 5-го мая къ Анконѣ. Послѣ подготовительныхъ работъ, взявъ съ бою укрѣпленныя города Пезаро, Фано и Сенигаліо, Пустошкинъ намѣревался приступить къ блокадѣ самой Анконы, какъ былъ отозванъ адмираломъ Ушаковымъ къ главной эскатрѣ, вслѣдствіе ложнаго слуха объ опасности, грозившей флоту союзниковъ со стороны появившейся французско-испанской эскадры. Вскорѣ по возвращеніи въ Корфу Пустошкинъ, получившій за дѣйствія въ Адріатическомъ морѣ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, былъ посланъ

съ двумя крейсерами въ Генуэзскій заливъ, гдѣ и крейсировалъ до февраля мѣсяца 1800 г., при чемъ его отряду пришлось принять участіе въ неудачномъ штурмѣ союзниками города Генуи. Въ упомянутомъ мѣсяцѣ 1800 г. онъ отправился въ Неаполь и, соединясь тамъ съ эскадрой Ушакова, возвратился съ нимъ въ декабрѣ того же года въ Севастополь. Затѣмъ, до 1807 г. Пустошкинъ продолжалъ служить въ Черноморскомъ флотѣ; въ этомъ году онъ, въ силу разстроеннаго здоровья, принужденъ былъ оставить службу. Умеръ онъ въ Лубнахъ 14-го октября 1828 г.

«Сѣверная Пчела» 1829 г., № 13, 14, 15, некрологъ А. Висковатова; «Военно-энциклопедическій лексиконъ», изд. 1856 г., т. XI, стр. 30—31; Лееръ, «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», т. VI, стр. 229—230; Общій морской списокъ, т. IV; «Матеріалы для исторіи русскаго флота», чч. VI, XII, IV, XV; Россійскій адмиралъ Главнокомандующій надъ Турецкою эскадрою—въ «Запискахъ учен. комитета Главн. Морск. Штаба», V, VII; «Морскія кампаніи 1798 и 1799 г.» — «Записки Гидрогр. Деп-та», VIII, стр. 292—322; Д. А. Милютинъ, «Исторія войны Россіи съ Франціей въ 1799 г.», V, стр. 112—114; «Достопамятныя происшествія», etc.—«Зап. Госуд. Адмиралт. Деп-та», XIII, стр. 263—264; Справ. Энцикл. Словарь Старчевскаго, т. IX, ч. I, стр. 349—350; Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей, ч. IV, М. 1836 г., стр. 253—258.

Ин. Соколовъ.

Пустошкинъ, *Семенъ Аванасьевичъ*, адмиралъ и сенаторъ, родился, 21-го іюля 1759 года въ сельцѣ Чернецовѣ, Боровичскаго уѣзда Новгородской губерніи. П. происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, не отличавшагося, однако, богатствомъ и знатностью; трое предковъ его были въ 1606 году пожалованы за службу помѣстьями и грамотами; отецъ его въ молодости служилъ ученикомъ корабельной архитектуры и былъ лично извѣстенъ Петру I, женился въ 1720 году на дочери новгородскаго помѣщика Евдокіи Лупандиной и отъ этого брака имѣлъ четырехъ сыновей,—изъ нихъ Семенъ былъ младшимъ. Первое воспитаніе П. получилъ дома, а 20-го іюня 1773 года былъ помѣщенъ въ Морской Шляхетскій Кадетскій Корпусъ въ Кронштадтѣ, въ 1776 году произведенъ въ гардемарины и совершилъ первое плаваніе по Финскому заливу на кораблѣ «Ростиславъ»; затѣмъ онъ совершилъ еще два ежегодныя плаванія въ Балтійскомъ морѣ и въ 1778 году по экзамену произведенъ въ мичманы. Въ слѣдующемъ году П. отправился на пинкѣ «Кола», подъ командою капитанъ-лейтенанта Тимашева, въ Архангельскъ, при чемъ въ дорогѣ заболѣлъ цынгою; обратный путь въ 1780 году онъ совершалъ на томъ же пинкѣ въ эскадрѣ подъ командою капитана Фондезина. Суда выдержали сильную бурю, и пинка «Кола» принуждена была зимовать въ Копенгагенѣ. Возвратившись лѣтомъ 1781 года въ Кронштадтъ, П. вскорѣ былъ отправленъ въ плаваніе на фрегатѣ «Воинъ» въ эскадрѣ контръ-адмирала Сухотина въ Ливорно и Кадиксъ и въ 1782 году по экзамену произведенъ въ чинъ лейтенанта. Въ слѣдующемъ году, съ перечисленіемъ изъ Балтійскаго въ Черноморскій флотъ, ему было поручено доставить въ Херсонъ команду изъ 200 матросовъ. Въ Херсонѣ П. принялъ участіе въ борьбѣ съ чумою въ качествѣ члена коммиссіи «по истребленію заразительной въ городѣ болѣзни». Придя въ Севастополь на кораблѣ «Слава Екатерины», П. совершалъ кампаніи въ водахъ Чернаго моря, самостоятельно командуя однимъ изъ пинковъ, а въ 1786 году былъ назначенъ командиромъ небольшого военнаго фрегата «Пчела», снаряженнаго подъ видомъ купеческаго корабля съ 12 пушками, при чемъ въ трюмѣ было скрыто еще 8, и получилъ распоряженіе изслѣдовать степень безопасности свободнаго плаванія русскихъ купеческихъ судовъ въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ, въ виду слуховъ о нападеніяхъ пиратовъ; выйдя изъ Николаева, П. явился въ Константинополѣ русскому посланнику, который далъ секретное предписаніе—по выходѣ изъ Дарданеллъ поставить всѣ пушки, удвоить команду наемными матросами и собрать во время путешествія свѣдѣнія о турецкихъ силахъ и военныхъ приготовленіяхъ, для чего, подъ предлогомъ коммерческихъ, надобностей, заходить во всѣ архипелагскіе порты. Порученіе было исполнено вступивъ въ гавань Марсели для карантина, П. узналъ здѣсь о враждебныхъ замыслахъ алжирцевъ; отсюда, согласно своей задачѣ, онъ, подъ видомъ частнаго путешественника, отправился сухимъ путемъ въ Тулонъ для осмотра его гавани, доковъ, крѣпости и т. п.; тамъ ему случилось познакомиться съ французскимъ артилерійскимъ поручикомъ Наполеономъ Бо-

напарте, будущимъ императоромъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ и осмотрѣлъ всѣ Тулонскія укрѣпленія. На обратномъ пути въ Константинополь русскій фрегатъ едва не подвергся нападенію алжирскихъ пиратовъ. Возвратясь изъ своей экспедиціи, П. донесъ Потемкину о добытыхъ свѣдѣніяхъ и о замѣченныхъ приготовленіяхъ турокъ къ войнѣ: въ это время все клонилось къ разрыву между Россіей и Турціей; въ виду близкой войны, П. исполнялъ разныя порученія по флоту, который посѣтила и Екатерина II; произведенный въ капитанъ-лейтенанты, онъ вернулся въ Херсонъ. 19-го августа 1787 года подъ Очаковомъ явился турецкій флотъ; во время боя П. командовалъ плавучею баржею; по уходѣ турецкаго флота въ Константинополь, а русскаго на зимовку въ Бугъ и Днѣпръ, онъ былъ командированъ въ мѣстечко Кричево, Могилевской губерніи, на канатную фабрику помѣщика Голынскаго для ея переустройства и изученія дѣла, гдѣ пробылъ $6^1/_2$ лѣтъ, и въ 1791 году былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга. Согласно предписанію, П. явился (въ 1794 году) въ Херсонъ, завелъ канатную фабрику по образцу Кричевской и былъ назначенъ начальникомъ флотской команды. 1-го января 1796 года произведенный въ капитаны, П. вскорѣ командированъ былъ въ Вятскую губернію, на Камскіе заводы, для изслѣдованія качества и выдѣлки желѣза, на Ижевскомъ и Воткинскомъ заводахъ завѣдывалъ производствомъ якорей и желѣзныхъ частей для Черноморскаго флота, а въ 1797 году назначенъ капитаномъ надъ Севастопольскимъ портомъ и въ слѣдующемъ году—флотскимъ начальникомъ въ Севастополѣ. Въ 1799 году онъ принялъ въ Николаевѣ начальство надъ эскадрою изъ 13 военныхъ судовъ, на которыхъ доставилъ, по договору Имп. Павла I съ Неаполитанскимъ королемъ, дессантныя войска и въ 1800 году на фрегатѣ Св. Александръ Невскій вернулся чрезъ Корфу въ Николаевъ, при чемъ получилъ благодарность адмирала Ушакова и Монаршее благоволеніе. Въ 1805 году произведенный въ контръ-адмиралы, П. былъ назначенъ начальникомъ гребного флота въ Николаевѣ, командовалъ Черноморскими эскадрами, исполнялъ различныя служебныя порученія.

Въ концѣ 1806 года началась война съ Турціей, доставившая Пустошкину возможность главныхъ отличій на службѣ. Въ ноябрѣ этого года, быстро прорубившись во льду Днѣстровскаго лимана, онъ явился съ гребнымъ флотомъ въ помощь сухопутнымъ войскамъ, къ турецкой крѣпости Аккерману, которая и сдалась; П. былъ награжденъ за это первымъ орденомъ—Анны 1 степени; затѣмъ, въ мартѣ 1807 года, онъ содѣйствовалъ взятію и занятію крѣпости Килія въ устьѣ Дуная. Послѣ этого министръ морскихъ силъ Чичаговъ предписалъ-было Пустошкину взять подъ свою команду Черноморскій флотъ съ 17.000 сухопутнаго войска и атаковать турецкій флотъ у Константинополя, по которому приказано было стрѣлять съ моря и суши, высадивъ десантъ на берегъ; однако, походъ на Царьградъ былъ отмѣненъ, а вмѣсто того Пустошкину велѣно было посадить на эскадру войска и взять городъ Анапу. Послѣ бурь и задержекъ въ дорогѣ, эскадра въ числѣ около 15 судовъ—линейныхъ кораблей, фрегатовъ, бриговъ и брандеровъ—неожиданно явилась подъ Анапой и, такъ какъ приглашеніе къ сдачѣ не имѣло успѣха, началась канонада съ судовъ и атака крѣпости; вскорѣ крѣпость горѣла, и изъ нея бросились бѣжать турецкіе артиллеристы, паша, янычаръ-ага и жители; прискакавшіе черкесы тоже были отбиты; побѣдителямъ досталось около ста пушекъ, два купеческихъ судна и много военной добычи; вновь подходившія къ городу толпы конныхъ черкесовъ были разгоняемы пушечными выстрѣлами; 5-го мая Анапа была взорвана русскими и, такимъ образомъ, разрубленъ главный узелъ, связывавшій Константинополь съ кавказскими племенами. Въ томъ же маѣ Пустошкину было поручено занять Трапезондъ и Платану; эскадра его состояла изъ 30 слишкомъ судовъ, съ войскомъ на нихъ; но Трапезондъ сдаться не пожелалъ, бомбардировка его видимо не достигала цѣли, высадка же десанта была невозможна при значительномъ перевѣсѣ непріятельскихъ силъ; поэтому на военномъ совѣтѣ рѣшено было вернуться; въ іюлѣ Пустошкинъ уже былъ въ Севастополѣ вмѣстѣ съ захваченными по дорогѣ въ плѣнъ непріятельскими судами; миръ, заключенный въ Тильзитѣ, прекратилъ войну. Въ декабрѣ 1807 года Пустошкинъ произведенъ былъ въ вице-ад-

миралы и до 1811 года былъ флотскимъ начальникомъ въ Николаевѣ и Херсонѣ и директоромъ Черноморскаго штурманскаго училища. Въ 1811 году онъ былъ переведенъ изъ Черноморскаго флота въ Балтійскій, въ Петербургъ, и назначенъ для присутствованія въ Государственной Адмиралтейской Коллегіи. Въ 1820 году П. былъ назначенъ членомъ Адмиралтейской Коллегіи, производилъ смотры эскадрамъ, былъ избранъ въ члены Вольнаго Экономическаго Общества за распорядительное хозяйство въ его имѣніи, а въ 1825 и 1826 годахъ назначенъ предсѣдателемъ особой Коммиссіи для приведенія въ порядокъ дѣлъ и книгъ по казначейской экспедиціи, членомъ Комитета для образованія флотовъ и членомъ особой Коммиссіи по осмотру всѣхъ командъ въ Кронштадтѣ и награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст. Въ 1827 году П-у повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ 1829 году онъ опредѣленъ членомъ Комитета для составленія разсчетовъ по взысканіямъ за упущенія казны по Кронштадтскому канатному заводу, а въ 1831 году произведенъ въ адмиралы; въ 1832 году онъ былъ назначенъ присутствовать въ Адмиралтейскомъ Совѣтѣ, а въ 1840 г. получилъ орденъ Бѣлаго Орла. Скончался 19-го апрѣля 1846 года и погребенъ въ главной церкви Волкова кладбища въ Петербургѣ.

«Біографія Пустошкина», П. И. Савваитова, С.-Пб. 1853 г.; «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ Русскомъ флотѣ», Кроткова, изд. 1894 г.; «Общій морской списокъ», т. IV; «Матеріалы для исторіи Русскаго флота», Веселаго; «Взятіе Анапы эскадрою Черноморскаго флота въ 1807 г.»—изъ «Журнала военно-учебныхъ заведеній», изд. 1851 г.; «Военная и морская Энциклопедія», Леера.

В. Аз-скій.

Пустошкинъ, *Степанъ Леонтьевичъ*, дьякъ. Составляя, такъ называемое, Первое, или Рязанское ополченіе для освобожденія Москвы отъ Поляковъ, Прокопій Ляпуновъ, съ благословенія патріарха Гермогена, сталъ разсылать граматы по городамъ: съ одной изъ такихъ граматъ онъ отправилъ, въ январѣ 1611 г., «для договору» въ Нижній-Новгородъ стряпчаго Ив. Ив. Биркина да дьяка С. Л. Пустошкина. По окончаніи смутнаго времени, въ 1613 году (въ октябрѣ) Пустошкинъ былъ отправленъ дьякомъ при воеводѣ въ гор. Каргополь (гдѣ пробылъ до 1615 года), а въ январѣ 1616 году—въ Пермь. Въ 1617 году (въ апр.) П. былъ уже на Москвѣ, назначенный «объѣзжимъ головой», съ кн. Н. С. Путятинымъ, въ раіонѣ отъ Неглинной до Покровской улицъ.

«Акты Архивн. Экспед.», т. II, стр. 298, т. III, стр. 99, 111, 112, 116; «Акты Истор.», т. III, стр. 42, 63, 457; «Доп. къ Акт. Истор.», т. II, стр. 20, 21; «Собраніе Госуд. Грам. и Договор.», т. II, стр. 498, 500; «Акты Московск. Госуд.», т. I, стр. 106. «Разрядн. книги», изд. 2-мъ отд. Собств. Е. И. В. Канцеляр., т. I, стр. 195, 519; «Дворцовые разряды», т. I, стр. 245, 340; Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки въ XVI стол.»; С. Ѳ. Платоновъ, «Очерки Смутнаго времени», стр. 382; А. П. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ».

Н. В-н-въ.

Пустынниковъ, *Дороѳей*, дьякъ. Въ половинѣ 1628 г. былъ посланъ дьякомъ во Псковъ и находился тамъ до 1633 г. Въ 1634 году онъ былъ въ Москвѣ: въ этомъ году мы встрѣчаемъ его въ спискѣ лицъ, которыхъ Государь пожаловалъ «видѣть очи свои Государевы» на праздникъ Св. Христова Воскресенія (6 апр.). Въ 1635 году, 11 января, Дороѳею Пустынникову велѣно было быть первымъ дьякомъ въ Тобольскѣ, гдѣ онъ пробылъ до февраля 1639 г., до общей обычной смѣны всѣхъ воеводъ и дьяковъ Сибирскихъ городовъ.

«Акты Архивн. Эспед.», т. III стр. 281—282, 285, 286; «Акты Московск. Госуд.», т. I; «Доп. къ Акт. Истор.», т. II, стр. 164, 234; «Русск. Историч. Библіот.», т. IX, стр. 458, 567; «Древн. Россійск. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. III, ч. II, стр. 155; «Временникъ Имп. общ. ист. и древн. рос.» 1849 года, кн. IV, стр. 34; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ отд. Собст. Е. И. В. Канцеляр., т. III, стр. 79, 185, 281, 347, 683, 736, 828, 933; «Дворцовые разряды», т. II, стр. 88, 165, 168, 236, 290; Н. Оглоблинъ, «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирск. приказа», (1599 — 1768), т. I, стр. 29, 30; П. И. Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ»; А. П. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ».

Н. В-н-въ.

Пустынниковъ, *Осипъ Семеновичъ*, дьякъ. Въ 1636 году былъ дьякомъ при воеводѣ Вас. Петр. Шереметевѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ принималъ отправленное въ Персію голштинскимъ герцогомъ Фридрихомъ III посольство Крузіуса Бругмана и Олеарія, который въ описаніи своего путешествія съ удовольствіемъ вспоминаетъ о радушіи, оказанномъ ему при пріе-

мѣ въ Нижнемъ. Шереметевъ поручилъ О. С. Пустынникову проводить посольство нѣсколько верстъ по Волгѣ—для безопасности, да къ тому же, чтобы присмотрѣть за исправностью снаряженнаго въ Нижнемъ для посольства корабля. Въ 1637 г. Пустынниковъ сталъ дьякомъ Пушкарскаго Приказа, гдѣ и находился до января 1647 года, когда былъ отправленъ въ Данію, въ посольствѣ съ цѣлью увѣрить датскаго короля въ дружбѣ и любви и возобновить заключенный въ 1562 году договоръ, по которому въ граматахъ той и другой стороны царское имя стояло первымъ. 14-го іюня посольство было «у руки государевой», 6-го августа отпущено изъ Москвы, а 9-го октября было въ Копенгагенѣ. Получивъ двѣ аудіенціи (22-го октября и 2-го ноября), посольство, однако, не достигло успѣха, получивъ категорическій отказъ въ возобновленіи договора, и чрезъ Курляндію и Ригу прибыло (17-го января 1648 года), въ Москву. Въ бытность свою въ Пушкарскомъ Приказѣ, Пустынниковъ многократно былъ назначаемъ участвовать при торжественныхъ встрѣчахъ пословъ во время пріема на аудіенціи. Въ 1639 г., 30-го янв., онъ «дневалъ и ночевалъ» у гроба царевича Ивана Михаиловича, а съ 1-го мая того же года — у гроба царевича Василія Михаиловича. Въ 1643 году, 23-го апр., онъ былъ назначенъ «объѣзжимъ головой» въ Кремлѣ съ Лукьяномъ Ив. Плещеевымъ.

«Акты Архивн. Экспед.», т. III, стр. 434, 450; 451, 460, 472, 475; «Акты Историч.», т. III стр. 383; «Акты Московск. Госуд.», т. II, стр. 120; «Русская Истор. Библіот.», т. X, стр. 3, 105, 119, 125, 140, 174, 202, 215, 219, 228, 232, 255, 258, 292; «Памятн. Диплом. Сношен.», т. VIII, стр. 519, 531; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ отд. Собст. Е. И. Вел. Канцел., т. II, стр. 794, 889; «Дворцовые Разряды», т. II, стр. 363, 595, 651, 678, 699, 742, 747, 755, 940, 975; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣшн. сношеній», т. I, стр. 227, т. III стр. 2; А. П. Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ» т. III, стр. 187, 189; А. П. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ»; П. Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ».

Н. В-н-въ.

Путиловъ, *Артемонъ Васильевичъ,* генералъ-лейтенантъ, членъ Военной Коллегіи, родился 5-го апрѣля 1759 года и происходилъ изъ дворянъ Новгородской губерніи. Поступивъ на службу рядовымъ 30-го апрѣля 1771 года, онъ только черезъ 14 лѣтъ получилъ первый офицерскій чинъ прапорщика (1-го января 1785 года), а въ чинѣ подпоручика былъ въ Финляндскомъ походѣ 1788 года. Будучи небогатымъ человѣкомъ, Путиловъ велъ продолжительный процессъ съ казной, оспаривая у нея землю, заселенную казенными крестьянами, и не мыслилъ объ удачномъ окончаніи его. Императоръ Павелъ, по восшествіи на престолъ, занялся разбирательствомъ этого процесса и оправдалъ Путилова, бывшаго въ то время капитаномъ (съ 1-го января 1795 г.) въ л.-гв. Семеновскомъ полку и адъютантомъ при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ; на другой день, призвавъ его къ себѣ, императоръ объявилъ, что спорную землю возвращаетъ ему по праву закона, а 300 душъ поселенныхъ на ней крестьянъ жалуетъ ему за понесенные убытки. 19-го февраля 1797 г. ему еще пожаловано было имѣніе въ Калужской губерніи; вмѣстѣ съ тѣмъ П. былъ произведенъ въ полковники (10-го апрѣля 1797 года), равно черезъ годъ—въ генералъ маіоры, а въ 1800 году, 16-го февраля, въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ членомъ Военной Коллегіи. Путиловъ умеръ 10-го сентября 1804 года; погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

Москов. Отдѣленіе Архива Гл. Штаба, дѣла приказнаго повытья, опись 58, св. 420, книга № 5, Формулярный списокъ г.-лейт. Путилова; «Сенатскій Архивъ», т. I; «Русская Старина» 1872 г. т. VI, стр. 90.

Путиловъ, *Николай Ивановичъ,* заводчикъ и предприниматель, піонеръ рельсопрокатнаго дѣла въ Россіи, металлургъ, строитель, изобрѣтатель и знатокъ военно-орудійнаго производства; происходилъ изъ старинной Новгородской дворянской фамиліи; воспитывался (съ 1830 г.) въ морской ротѣ Александровскаго Кадетскаго Корпуса, въ 1832 г. переведенъ въ Морской Корпусъ, откуда былъ выпущенъ (23-го декабря 1837) мичманомъ и оставленъ въ офицерскихъ классахъ Морского Кадетскаго Корпуса (затѣмъ—Николаевская Морская Академія). Кончая въ 1840 году курсъ, онъ обратилъ на себя вниманіе статьею, напечатанной въ журналѣ «Маякъ» (1840 г., № 3), объ ошибкѣ знаменитаго французскаго математика Коши въ его курсѣ интегральнаго исчисленія; статья молодого мичмана возбудила интересъ знаменитаго русскаго математика академика

М. В. Остроградскаго, пригласившаго Путилова къ себѣ въ помощники по изслѣдованію нѣкоторыхъ вопросовъ внѣшней баллистики; результаты совмѣстнаго ихъ труда были позднѣе напечатаны въ «Запискахъ Императорской Академіи Наукъ». По окончаніи курса въ офицерскихъ классахъ, Путиловъ былъ произведенъ въ лейтенанты и оставленъ при Корпусѣ, гдѣ съ 1841 по 1843 годъ преподавалъ гардемаринамъ математику, астрономію и навигацію; кромѣ того, онъ читалъ курсы математики и для поступающихъ въ высшія учебныя заведенія. Въ 1843 году, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, П. долженъ былъ уѣхать въ болѣе теплый климатъ, для чего поступилъ на службу въ Южный (VI) округъ корпуса инженеровъ военныхъ поселеній, завѣдывавшій тогда всею строительною частью на югѣ Россіи, и на практикѣ изучилъ строительное дѣло. Выйдя въ отставку въ 1844 г., П. въ 1848 году вернулся въ Петербургъ и здѣсь, въ должности чиновника особыхъ порученій при директорѣ Кораблестроительнаго Департамента, ознакомился съ морскимъ инженернымъ искусствомъ. Въ 1854 году, во время восточной войны, когда соединенные флоты Англіи и Франціи блокировали Кронштадтъ, П. былъ, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ уполномоченнымъ Генералъ-Адмирала Вел. Кн. Константина Николаевича по сооруженію канонерской флотиліи и корветовъ; благодаря дѣятельности Путилова, въ теченіе года было построено 67 канонерскихъ лодокъ, приблизительно по 100 паровыхъ силъ, и 14 корветовъ по 250 паровыхъ силъ, вооруженныхъ 397 большого калибра пушками, для ремонта же флотиліи были построены 3 плавучихъ дока и мастерская; кромѣ того, имъ же была оказываема помощь въ сооруженіи 14 плавучихъ батарей и выстроено имъ въ Ригѣ 6 канонерскихъ лодокъ. Тогда же, съ Высочайшаго разрѣшенія, были изданы Путиловымъ (въ 1854—1859 годахъ) 37 томовъ «Сборника извѣстій, относящихся до войны 1853—1856 годовъ». Назначенный въ 1855 г. старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій Кораблестроительнаго Департамента, а въ 1857 г. уволенный въ отставку съ чиномъ колл. совѣтника, П. обратился къ предпріятіямъ горнозаводской промышленности на сѣверѣ Россіи и, поддерживаемый Вел. Кн. Константиномъ Николаевичемъ и управляющимъ Морскимъ министерствомъ Краббе, впервые организовалъ въ Финляндіи производство желѣза изъ чугуна, выплавляемаго изъ озерныхъ рудъ, и для этой цѣли построилъ тамъ, въ районѣ Саймінской водной системы, въ періодъ 1857—1868 годовъ, 3 завода, выплавлявшихъ ежегодно до 400.000 пудовъ чугуна и до 200.000 пудовъ желѣза и стали. Въ 1864 году, въ товариществѣ съ Обуховымъ и Кудрявцевымъ, Путиловъ началъ строить на Невѣ, близъ Петербурга, сталелитейный заводъ, названный Обуховскимъ; на этомъ заводѣ впервые въ Россіи стали выдѣлываться бронепробивающіе снаряды и приготовляться, какъ для сухопутнаго, такъ и для морского военныхъ вѣдомствъ, орудія самыхъ большихъ калибровъ. 12-го января 1868 года Путиловымъ былъ купленъ желѣзодѣлательный и сталелитейный заводъ (Путиловскій), первоначальное основаніе котораго относится къ 1801 году, и который, перебывавъ въ рукахъ казны, въ частномъ единоличномъ и товарищескомъ владѣніи, съ 1864 года находился въ управленіи администраціи. Покупка эта могла осуществиться лишь потому, что Путиловъ заручился заказомъ казны на 2.800.000 пудовъ рельсъ, по цѣнѣ 1 р. 88 к. за пудъ. Съ 20-го января 1868 года началась на новомъ заводѣ прокатка рельсъ, обходившихся дешевле заграничныхъ; въ дѣло шли скупаемыя Путиловымъ у желѣзныхъ дорогъ изношенныя, старыя рельсы; съ помощью этого матеріала производились по изобрѣтенному Путиловымъ способу знаменитыя въ свое время рельсы съ стальными головками; производились тутъ же пудлинговое желѣзо и сталь; дѣятельность завода быстро расширялась, производительность его вскорѣ достигла 2 милліоновъ пудовъ въ годъ, число рабочихъ возрасло до 2000 человѣкъ, и валовое производство рельсъ въ Россіи было обезпечено. Въ 1869 году былъ принятъ заказъ казны на передѣлку 10.000 ружей стараго образца на новый. Въ этомъ же году Путиловъ сталъ приводить въ осуществленіе мечту своей молодости, проектъ, которому онъ никогда не измѣнялъ, а именно—сооруженіе въ Петербургѣ, на возморьѣ у Екатерингофа, коммерческаго порта, гдѣ должны были соединяться три торговыхъ пути—морской, рѣчной и желѣзнодорож-

ный. Грандіозный проектъ, однако, только въ незначительной части достигъ выполненія: начаты были работы по прорытію морского канала отъ Кронштадта до Петербурга, сооружались бассейны и склады, строилась Путиловская ж. дорога для соединенія будущаго порта со всѣми русскими желѣзнодорожными линіями (въ настоящее время это—портовая вѣтвь Николаевской ж. д.); для осуществленія всѣхъ этихъ предпріятій образовано было акціонерное общество съ Путиловымъ во главѣ. Но работы были прерваны смертью Путилова, послѣдовавшей 18-го апрѣля 1880 года. Что касается заводовъ, то съ 1870 года на нихъ производилась литая сталь и изготовлялись конкуррировавшіе съ крупповскими артиллерійскіе снаряды, выдѣлывались различные инструменты, части паровозовъ и вагоновъ.

Послѣ утвержденія, 24-го октября 1872 года, устава и образованія, въ 1873 году, вышеупомянутаго акціонернаго общества (которое многіе считали фиктивнымъ, такъ какъ владѣльцемъ всѣхъ акцій являлся въ сущности самъ Путиловъ), подлѣ стараго былъ выстроенъ новый заводъ, съ механическими мастерскими, съ печами Сименса и Перно, съ бессемеровскими аппаратами, для приготовленія ежегодно 1.000 желѣзнодорожныхъ вагоновъ. Въ слѣдующемъ же году заводы Путилова получили заказъ на изготовленіе 4 милліоновъ пудовъ стальныхъ рельсъ, и началось производство паровозовъ и сложныхъ машинъ. Но въ дѣйствительности, скрытой отъ большинства, заводы фактической продуктивностью своей не оправдывали ожиданій, и много неяснаго было въ ихъ дѣятельности, въ отчетностяхъ и распоряженіи средствами. Съ 1876 года Государственный Банкъ, ссудившій обществу на оборотныя средства до 5 милліоновъ рублей, владѣлъ уже приблизительно $^4/_5$ всего акціонернаго капитала Общества Путиловскихъ заводовъ. Сравнительно съ настоящею стоимостью всего дѣла, долги Общества были не такъ велики, тѣмъ не менѣе, съ 1877 года дѣйствительнымъ владѣльцемъ заводовъ сталъ уже Государственный Банкъ,—и какъ распоряженіе дѣломъ, такъ и заводы со всѣми постройками и землею,—все ушло отъ Путилова. Между тѣмъ, къ 1880 году изготовленіе однѣхъ стальныхъ рельсъ стало превосходить уже на заводѣ 3 милліона пудовъ, въ 1880-же году достигло 12 милл. пудовъ, а къ столѣтнему юбилею завода (въ 1901 году) годовой оборотъ его составлялъ болѣе $20^1/_2$ милл. рублей и число рабочихъ на немъ простиралось до $12^1/_2$ тысячъ человѣкъ. Какъ бы ни было, починъ въ дѣлѣ, достигшемъ такого громаднаго развитія, принадлежалъ Путилову, хотя и не смогшему съ нимъ справиться. Безпримѣрное до того времени въ Россіи дѣло было поставлено и пущено въ ходъ благодаря энергіи, настойчивости, трудолюбію, предпріимчивости и способности П-ва, отличавшагося смѣлостью и широтою своихъ коммерческихъ взглядовъ и плановъ и большимъ организаторскимъ талантомъ.

Путиловъ былъ человѣкъ съ чрезвычайно выразительнымъ лицомъ, характеръ имѣлъ живой, воспріимчивый, умъ дѣятельный, увлекающійся и разносторонній. Умеръ онъ въ чинѣ дѣйств. ст. совѣт. До самого взморья, гдѣ было назначено имъ мѣсто погребенія, тѣло Путилова несли на носилкахъ заводскіе рабочіе, которыхъ собралось нѣсколько тысячъ; надгробное слово произнесъ ректоръ Духовной Академіи Янышевъ; большое впечатлѣніе произвела на публику рѣчь на могилѣ В. А. Полетики, друга Путилова; рѣчь эта вызвала полемику въ газетахъ, весьма разнородно освѣтившую личность и дѣятельность Путилова.

Въ техническомъ производствѣ Путиловъ сдѣлалъ нѣсколько достопримѣчательныхъ изобрѣтеній по рафинированію и обезуглероживанію металловъ, по ихъ сращиванію и по штамповкѣ артиллерійскихъ снарядовъ; ему же принадлежитъ способъ постройки зданій изъ старыхъ рельсъ.

Русскій энциклопедическій словарь, изд. проф. Березина, томъ IV; «Къ 100-лѣтію Путиловскаго завода», С.-Пб. 1902 г.; «Русскій Архивъ» 1895 г.; «Всемірная Иллюстрація», т. XXIII; «Путиловскій сталелитейный, желѣзодѣлательный и механическій заводъ», очеркъ полковн. М. Левицкаго, Кронштадтъ. 1898 г.; «Новое Время», апрѣль-май 1880 г.; Морской списокъ, ч. XI, стр. 294—297.

В. Аз—й.

Путша,—убійца св. Благовѣрнаго кн. Бориса Ростовскаго. Ему и тремъ «боярцамъ» вышгородскимъ (Тольщу, Еловиту и Лешькѣ) Святополкъ I Окаянный поручилъ убить своего брата Бориса Владиміро-

ный. Грандіозный проектъ, однако, только въ незначительной части достигъ выполненія: начаты были работы по прорытію морского канала отъ Кронштадта до Петербурга, сооружались бассейны и склады, строилась Путиловская ж. дорога для соединенія будущаго порта со всѣми русскими желѣзнодорожными линіями (въ настоящее время это—портовая вѣтвь Николаевской ж. д.); для осуществленія всѣхъ этихъ предпріятій образовано было акціонерное общество съ Путиловымъ во главѣ. Но работы были прерваны смертью Путилова, послѣдовавшей 18-го апрѣля 1880 года. Что касается заводовъ, то съ 1870 года на нихъ производилась литая сталь и изготовлялись конкуррировавшіе съ крупповскими артиллерійскіе снаряды, выдѣлывались различные инструменты, части паровозовъ и вагоновъ.

Послѣ утвержденія, 24-го октября 1872 года, устава и образованія, въ 1873 году, вышеупомянутаго акціонернаго общества (которое многіе считали фиктивнымъ, такъ какъ владѣльцемъ всѣхъ акцій являлся въ сущности самъ Путиловъ), подлѣ стараго былъ выстроенъ новый заводъ, съ механическими мастерскими, съ печами Сименса и Перно, съ бессемеровскими аппаратами, для приготовленія ежегодно 1.000 желѣзнодорожныхъ вагоновъ. Въ слѣдующемъ же году заводы Путилова получили заказъ на изготовленіе 4 милліоновъ пудовъ стальныхъ рельсъ, и началось производство паровозовъ и сложныхъ машинъ. Но въ дѣйствительности, скрытой отъ большинства, заводы фактической продуктивностью своей не оправдывали ожиданій, и много неяснаго было въ ихъ дѣятельности, въ отчетностяхъ и распоряженіи средствами. Съ 1876 года Государственный Банкъ, ссудившій обществу на оборотныя средства до 5 милліоновъ рублей, владѣлъ уже приблизительно $^4/_5$ всего акціонернаго капитала Общества Путиловскихъ заводовъ. Сравнительно съ настоящею стоимостью всего дѣла, долги Общества были не такъ велики, тѣмъ не менѣе, съ 1877 года дѣйствительнымъ владѣльцемъ заводовъ сталъ уже Государственный Банкъ,—и какъ распоряженіе дѣломъ, такъ и заводы со всѣми постройками и землею,—все ушло отъ Путилова. Между тѣмъ, къ 1880 году изготовленіе однѣхъ стальныхъ рельсъ стало превосходить уже на заводѣ 3 милліона пудовъ, въ 1880-же году достигло 12 милл. пудовъ, а къ столѣтнему юбилею завода (въ 1901 году) годовой оборотъ его составлялъ болѣе $20^1/_2$ милл. рублей и число рабочихъ на немъ простиралось до $12^1/_2$ тысячъ человѣкъ. Какъ бы ни было, починъ въ дѣлѣ, достигшемъ такого громаднаго развитія, принадлежалъ Путилову, хотя и не смогшему съ нимъ справиться. Безпримѣрное до того времени въ Россіи дѣло было поставлено и пущено въ ходъ благодаря энергіи, настойчивости, трудолюбію, предпріимчивости и способности П-ва, отличавшагося смѣлостью и широтою своихъ коммерческихъ взглядовъ и плановъ и большимъ организаторскимъ талантомъ.

Путиловъ былъ человѣкъ съ чрезвычайно выразительнымъ лицомъ, характеръ имѣлъ живой, воспріимчивый, умъ дѣятельный, увлекающійся и разносторонній. Умеръ онъ въ чинѣ дѣйств. ст. совѣт. До самого взморья, гдѣ было назначено имъ мѣсто погребенія, тѣло Путилова несли на носилкахъ заводскіе рабочіе, которыхъ собралось нѣсколько тысячъ; надгробное слово произнесъ ректоръ Духовной Академіи Янышевъ; большое впечатлѣніе произвела на публику рѣчь на могилѣ В. А. Полетики, друга Путилова; рѣчь эта вызвала полемику въ газетахъ, весьма разнородно освѣтившую личность и дѣятельность Путилова.

Въ техническомъ производствѣ Путиловъ сдѣлалъ нѣсколько достопримѣчательныхъ изобрѣтеній по рафинированію и обезуглероживанію металловъ, по ихъ сращиванію и по штамповкѣ артиллерійскихъ снарядовъ; ему же принадлежитъ способъ постройки зданій изъ старыхъ рельсъ.

Русскій энциклопедическій словарь, изд. проф. Березина, томъ IV; «Къ 100-лѣтію Путиловскаго завода», С.-Пб. 1902 г.; «Русскій Архивъ» 1895 г.; «Всемірная Иллюстрація», т. XXIII; «Путиловскій сталелитейный, желѣзодѣлательный и механическій заводъ», очеркъ полковн. М. Левицкаго, Кронштадтъ. 1898 г.; «Новое Время», апрѣль-май 1880 г.; Морской списокъ, ч. XI, стр. 294—297.

В. Аз—й.

Путша,—убійца св. Благовѣрнаго кн. Бориса Ростовскаго. Ему и тремъ «боярцамъ» вышгородскимъ (Тольщу, Еловиту и Лешькѣ) Святополкъ I Окаянный поручилъ убить своего брата Бориса Владиміро-

Добрынѣ и Путятѣ удалось сломить сопротивленіе Новгородцевъ. Память объ этой ожесточенной сѣчѣ во имя распространенія христіанства сохранилось въ памяти народа, выразившись въ извѣстной пословицѣ: «Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ».

С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т-ва «Общ. Польза», кн. I, т. I, стр. 171, 172 и примѣч.; «Никон. Лѣтоп.», т. I, стр. 103, 105.

Н. В-н-въ.

Путята Вышатичъ, воевода Кіевскаго вел. кн. Святополка II Изяславича, сынъ Вышаты Добрынича, внукъ Добрыни Никитыча, братъ воев. Яна Вышатича. Когда, въ 1099 году, Давидъ Игоревичъ осадилъ Владиміръ и Владимірцы послали къ Святополку просить помощи («Сынъ твой убитъ, а мы изнемогаемъ отъ голода, если ты не придешь, то народъ хочетъ передаться»), Святополкъ въ помощь осажденнымъ послалъ войско подъ начальствомъ Путяты Вышатича. Сначала Путята привелъ войско въ Луцкъ къ князю Святошѣ (т. е. Святославу, сыну Давида Святославича, правнуку Ярослава Мудраго). Святоша, хотя и былъ на сторонѣ Святополка, но къ нему явились послы Давидовы, чтобы склонить его дѣйствовать въ пользу Давида. Они настолько успѣшно дѣйствовали, что Святоша далъ даже клятву предупредить о приходѣ Святополка, но теперь поступилъ иначе: подъ вліяніемъ страха вслѣдствіе неожиданнаго прихода Путяты Вышатича, Святоша приказалъ схватить пословъ Давида, а самъ соединился съ Путятою. Они оба пришли съ войскомъ къ Владиміру, откуда Давидъ убѣжалъ, а Святоша и Путята Вышатичъ заняли городъ (25-го авг. 1099 г.), а затѣмъ, посадивъ въ немъ посадника отъ вел. князя Святополка (Василя), ушли отъ города, при чемъ Путята возвратился въ Кіевъ. Какъ извѣстно, бѣжавшему тогда къ Половцамъ Давиду, при помощи хана Боняка, опять удалось отвоевать Владиміръ-Волынскій. На состоявшемся въ слѣдующемъ, 1100 году съѣздѣ въ Витечевѣ (или въ Увѣтчахъ) собрались князья переговорить о положеніи дѣлъ; на этотъ съѣздъ приглашенъ былъ и Давидъ Игоревичъ. Но между князьями и Давидомъ Игоревичемъ тотчасъ же произошла размолвка, и князья, отъѣхавъ отъ него, имѣли о немъ особое совѣщаніе. Подумавъ и придя къ одному рѣшенію, князья послали къ нему съ резолюціей совѣщанія своихъ довѣренныхъ мужей, воеводъ, каждый князь отдѣльно, при чемъ отъ великаго князя Святополка былъ посланъ Путята Вышатичъ.

Въ 1104 году князья прочей Руси (потомки Ярослава Мудраго) вмѣшиваются въ распри, возникшія между членами рода Изяслава Полоцкаго, точнѣе въ семьѣ Всеслава Брячиславовича Полоцкаго. Давидъ Всеславичъ Полоцкій, вѣроятно, лишенный своего удѣла братомъ своимъ Глѣбомъ, сталъ искать защиты и покровительства у князей прочей Руси. Право искать у нихъ защиты дало ему участіе Давида Полоцкаго въ общемъ несчастномъ походѣ князей русскихъ противъ Половцевъ (въ 1103 году); къ тому же Давидъ и удѣла, можетъ быть, лишенъ былъ братомъ въ то время, когда онъ отлучался изъ Полоцкаго княжества для похода. Такъ или иначе, но Святополкъ и Владиміръ Мономахъ приняли участіе въ походѣ Давида Всеславовича въ Минскъ, на Минскаго князя Глѣба; Святополкъ послалъ воеводу своего Путяту Вышатича, а Владиміръ Монамахъ—сына Ярополка. Походъ, однако, былъ безрезультатенъ. Въ 1106 г. братъ Путяты Вышатича, Янъ Вышатичъ и Ив. Захарьевичъ предприняли походъ на Половцевъ, прогнали ихъ и отняли полонъ; Путята Вышатичъ также принималъ участіе въ этомъ походѣ. По смерти князя Святополка (1113 г.) старшинство принадлежало Святославичамъ; Мономахъ, какъ сынъ Всеволода, приходившагося младшимъ братомъ Святославу, отцу Святославичей, не хотѣлъ нарушать старшинства, а Кіевляне желали на Кіевскомъ столѣ видѣть непремѣнно Владиміра Мономаха. Путята Вышатичъ, согласно съ обычаемъ «старшинства», держался кандидатуры Святославичей. Тогда Кіевляне разграбили домъ Путяты Вышатича, тысяцкаго и воеводы Кіевскаго, а также разграбили дома евреевъ, которые были имъ ненавистны, такъ какъ Святополкъ изъ корыстолюбія покровительствовалъ имъ въ ущербъ народу. Учинивъ погромъ, Кіевляне послали сказать Владиміру Мономаху, что, если онъ не явится къ нимъ, то они не ограничатся разграбленіемъ дома Путяты и его единомышленниковъ, но разграбятъ домъ княгини и монастыри. Желая остановить мятежъ и погромъ, Вла-

диміръ Мономахъ принялъ столъ Кіевскій. Дальнѣйшихъ извѣстій о Путятѣ Вышатичѣ не сохранилось.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VII, стр. 17; т. IX, стр. 136, 140; т. XV, стр. 188; Н. М. Карамзинъ, «Исторія Госуд. Росс.», изд. ж. «Сѣверъ», т. II, стр. 87, 92, примѣч. 195, 202; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. Т-ва «Общ. Польза», кн. I, т. II, стр. 337, 341, 349, 350, 358.

Н. В-н-въ.

Путята, *Дмитрій Васильевичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, членъ Александровскаго Комитета о раненыхъ и главный попечитель Инвалиднаго дома. Родился 26-го октября 1806 года; воспитывался сначала дома, подъ руководствомъ гувернеровъ, а потомъ отданъ былъ въ Царскосельскій Благородный Пансіонъ, по окончаніи курса котораго поступилъ въ военную службу прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ (въ апрѣлѣ 1824 года); 14-го декабря 1825 года П. принималъ участіе въ усмиреніи мятежниковъ, а во время Турецкой войны 1828—1829 г.г. находясь, въ составѣ Преображенскаго полка, участвовалъ въ блокадѣ и взятіи крѣпости Варны и въ декабрѣ 1829 г., за боевыя отличія, произведенъ въ поручики. Назначенный затѣмъ, въ январѣ 1831 года, адъютантомъ къ генералъ-адъютанту князю Щербатову, онъ принималъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа. Такъ, когда 10-го марта отдѣльный гвардейскій корпусъ, переправившись черезъ рѣки Бугъ и Наревъ, узналъ, что поляки подъ начальствомъ Скрижинецкаго, перейдя въ разныхъ мѣстахъ р. Бугъ, выказали рѣшительное намѣреніе, обойдя фланги гвардейскаго корпуса и занявъ переправы на р. Наревѣ, отрѣзать его отъ главныхъ силъ дѣйствующей арміи, корпусъ началъ отступать къ Бѣлостоку. Во время этого отступленія и отличился Путята, особенно выдвинувшись въ битвѣ при Старомъ-Акацѣ и при защитѣ Желтиховской переправы на рѣкѣ Наревѣ, за что получилъ орденъ св. Анны 3-ей степени съ бантомъ. Въ эту же кампанію онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-ой степени съ бантомъ за отличіе, оказанное при штурмѣ передовыхъ укрѣпленій и городского вала Варшавы. По окончаніи кампаніи Путята былъ назначенъ (въ апрѣлѣ 1832 года) адъютантомъ къ генералъ-адъютанту Бистрому, а въ концѣ этого года произведенъ въ штабсъ-капитаны. Въ августѣ 1838 года назначенный адъютантомъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу, П. въ 1841 году былъ произведенъ въ полковники, а черезъ восемь лѣтъ—въ генералъ-маіоры. Вскорѣ онъ получилъ новое назначеніе—на должность директора 2-го кадетскаго корпуса и вслѣдъ за этимъ былъ зачисленъ въ свиту Его Императорскаго Величества. Директоромъ корпуса Путята пробылъ около шести лѣтъ, а въ маѣ 1855 года былъ назначенъ на должность помощника начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ. Произведенный за отличіе въ генералъ-лейтенанты (въ 1857 году), П. въ декабрѣ 1858 года былъ назначенъ членомъ Александровскаго Комитета о раненыхъ, съ оставленіемъ и въ ранѣе занимаемой имъ должности. Черезъ полтора года Путята былъ опредѣленъ начальникомъ Штаба Его Императорскаго Высочества, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній (гдѣ пробылъ до 1862 г.), а кромѣ того и главнымъ попечителемъ Инвалиднаго дома. Въ 1869 г. онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ и съ оставленіемъ членомъ Александровскаго Комитета о раненыхъ и главнымъ попечителемъ Овсянниковскаго Инвалиднаго дома. Кромѣ того, Путята состоялъ членомъ Совѣтовъ Императорской Военной Академіи и военно-учебныхъ заведеній. Скончался въ С.-Петербургѣ 20-го марта 1889 года, на 83 году отъ роду. Въ «Военномъ Сборникѣ» въ 1886 году была помѣщена статья Путяты, подъ заглавіемъ: «Укрѣпленный лагерь англичанъ подъ Кабуломъ въ 1841 г.».

«Русскій Инвалидъ» 1889 г., 25-го марта, некрологъ; «Новости» 1889 г., 22-го марта, № 80; «Новое Время» 1889 г., 22-го марта, № 4692; «Правительственный Вѣстникъ» 1889 г., 23-го марта, № 65 и 25-го марта, № 67; «Русская Старина» 1891 г., т. LXX, стр. 265; и т. 70, стр. 265; «Педагогическій Сборникъ» 1889 г., стр. 731.

Путята, *Николай Васильевичъ*, писатель, д. с. с. Происходилъ изъ рода Смоленскихъ дворянъ, восходящаго къ началу XVII в. и былъ сыномъ д. с. с. Василія Ивановича П., генералъ-кригсъ-комиссара, отъ брака его съ Екатериной Ивановой Яфимовичъ; родился онъ 22-го іюля

1802 г. и первоначальное воспитаніе получилъ въ домѣ извѣстнаго въ свое время въ Москвѣ Ив. Александр. Пашкова (ум. въ 1828 г.), женатаго на Е. Н. Яфимовичъ, родственницѣ Н. В. Путяты по матери. Поступивъ затѣмъ, 24-го марта 1819 г., въ основанную Н. Н. Муравьевымъ образцовую школу для колонновожатыхъ, П. выпущенъ былъ (12-го марта 1820 г.) прапорщикомъ въ Свиту Его Импер. Величества по квартирмейстерской части (нынѣ Генеральный Штабъ) и здѣсь прослужилъ три съ половиною года, будучи переведенъ, 24-го ноября 1823 г., въ л.-гв. Конно-Егерьскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ командиру Отдѣльнаго Финляндскаго корпуса генер.-адъют. А. А. Закревскому; 26-го февраля 1826 г. П. переведенъ былъ въ л.-гв. Уланскій полкъ, съ оставленіемъ адъютантомъ Закревскаго, и 8-го ноября 1828 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры. Во время Турецкой войны 1828 — 1829 г. П. принялъ участіе въ походѣ, будучи прикомандированъ, 24-го апрѣля 1829 г., къ генералъ-квартирмейстеру Главнаго Штаба 2-й арміи г.-м. Бутурлину, и находился въ Главной квартирѣ арміи подъ Шумлою, совершилъ переходъ черезъ Балканы до занятія г. Айдоса, 17-го іюля былъ въ отрядѣ г.-м. Монтрезора при занятіи мѣст. Руссо-Кастро, а потомъ былъ прикомандированъ къ начальнику 2-го пѣхотнаго корпуса генер.-адъют. графу Палену, совершилъ съ его штабомъ переходы отъ Карабунара въ Сливно, Адріанополь, Кирилисъ и Визу; за участіе въ походахъ П. награжденъ былъ орденами св. Анны 3 ст. съ бантомъ и Станислава 4 ст. Въ 1830 г. онъ состоялъ по особымъ порученіямъ при гр. А. А. Закревскомъ во время поѣздки его по Россіи для принятія мѣръ противъ холеры (за что получилъ орденъ Владиміра 4 ст.), а затѣмъ сопровождалъ Закревскаго въ поѣздкѣ его въ Финляндію. Выйдя въ отставку 11-го декабря 1831 г., П. 31-го декабря того-же года, какъ человѣкъ, близко и основательно знавшій Финляндію, былъ назначенъ помощникомъ начальника Финляндской Паспортной Экспедиціи, 28-го марта 1833 г. — вторымъ Экспедиціоннымъ Секретаремъ Финляндской Е. И. В. Канцеляріи, 10-го іюля 1839 г. — старшимъ Экспедиціоннымъ Секретаремъ Статсъ-Секретаріата Вел. Княжества Финляндскаго и 15-го апрѣля 1845 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Выйдя въ отставку въ ноябрѣ 1851 года, П. затѣмъ переселился изъ Петербурга въ Москву, гдѣ и скончался 29-го октября 1877 года; погребенъ онъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Человѣкъ большого ума и основательнаго образованія, пріобрѣтеннаго, преимущественно, благодаря личной любознательности и стараніямъ, П. въ первой половинѣ 1820-хъ годовъ принималъ дѣятельное участіе въ извѣстномъ Московскомъ литературномъ кружкѣ С. Е. Раича, куда входили: Погодинъ, Н. Языковъ, Максимовичъ, Д. Веневитиновъ, бр. Кирѣевскіе, Шевыревъ, Тютчевъ, кн. Одоевскій, А. Н. Муравьевъ, кн. П. А. Вяземскій, Н. Ф. Павловъ и другіе писатели и ученые, связь съ которыми у Путяты сохранилась навсегда; но особенно сблизился и подружился П. съ Е. А. Боратынскимъ, съ которымъ познакомился весною 1824 года, въ окрестностяхъ Вильманстранда, и съ которымъ у него было много общаго въ характерѣ и въ образѣ мыслей; въ свою очередь, черезъ Баратынскаго П. познакомился въ 1826 г. съ Пушкинымъ (съ нимъ онъ встрѣчался и въ домѣ Закревскаго); о знакомствѣ своемъ съ великимъ поэтомъ П. оставилъ любопытную записку, напечатанную въ «Русскомъ Архивѣ» 1899 г. (№ 6, стр. 350 — 351). Дружескія связи съ Боратынскимъ закрѣпились еще болѣе въ 1837 г., когда П. женился на Софьѣ Львовнѣ Энгельгардтъ (р. 1811, ум. 1884), свояченицѣ Боратынскаго и дочери извѣстнаго генерала Л. Н. Энгельгардтъ (ум. 1836), оставившаго цѣнныя «Записки» о Екатерининскомъ времени, изданныя Путятою въ 1859 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (т. XIX, № 1, 2, 4, т. XXII, № 14 и т. XXIV, № 23; отд. изд., М. 1859). Не будучи собственно литераторомъ или ученымъ, П. всегда имѣлъ склонность къ занятіямъ словесностью и исторіей. Во время службы своей въ Петербургѣ, въ 1840-хъ г.г., П. вращался въ литературныхъ кружкахъ и былъ близко знакомъ съ кн. П. А. Вяземскимъ, П. А. Плетневымъ, Жуковскимъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, гр. В. А. Соллогубомъ, Я. К. Гротомъ; послѣднему онъ помогъ въ опредѣленіи его профессоромъ Александровскаго Гельсингфорскаго Университета. Занятіямъ исторіей П. съ особою любовью предался по-

слѣ переселенія своего въ Москву; такъ, имъ написаны были обширныя обозрѣнія царствованій Екатерины II и Александра I, произведенія, по свидѣтельству П. И. Бартенева, «въ своемъ родѣ образцовыя: въ сжатомъ видѣ умѣлъ онъ соединить, на основаніи многосторонняго чтенія и строгихъ соображеній, существенныя черты этихъ двухъ эпохъ русской исторіи». «Обозрѣніе жизни и царствованія Импер. Александра I» напечатано г. Бартеневымъ въ сборникѣ «Девятнадцатый вѣкъ», кн. I, стр. 426 и слл., а статья объ Импер. Екатеринѣ II вошла въ «Энциклопедическій Словарь, составленный русскими учеными и литераторами» (отд. 2, т. I, С.-Пб. 1863 г.). Кромѣ того, онъ писалъ о Финляндіи, и одна статья его — «Сеймъ въ г. Борго въ 1809 г. Отрывокъ изъ историческаго очерка Финляндіи»—напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1860 г. (т. XXV, № 1 и 2, янв., кн. 1 и 2, стр. 279 — 296); въ 1852 г., въ майскомъ нумерѣ «Современника» П. напечаталъ статью: «Генералъ-маіоръ Ник. Ник. Муравьевъ, основатель Московскаго Учебнаго заведенія для колонновожатыхъ»; цѣнная статья эта, съ приложеніемъ литографированнаго портрета Муравьева, была издана и отдѣльными оттисками (С.-Пб. 1852, 39 стр.); главнѣйшимъ же образомъ онъ сотрудничалъ въ «Русскомъ Архивѣ», съ самаго его основанія; здѣсь помѣщены слѣдующія его статьи, воспоминанія и замѣтки: «Изъ тетради выписокъ, замѣтокъ и воспоминаній» (о В. и Ѳ. Туманскихъ)— 1863 г., ст. 983 — 984; «О стихотвореніи Боратынскаго „Леда“» — 1864 г., стр. 675; «О графинѣ Е. П. Ростопчиной. Изъ записной книжки Н. В. Путяты»—1865 г., стр. 815 и слл.; «Краткое біографическое воспоминаніе о графѣ А. А. Закренскомъ»— 1865, стр. 371 и слл.; «Письма Е. А. Боратынскаго къ свояку и другу, Н. В. Путятѣ (1824—1844)»—1867, ст. 263—299; «Замѣтки на воспоминанія В. И. Панаева»—1868, стр. 141—147; «Черта изъ характера кн. В. Ѳ. Одоевскаго»—1870, № 4—5, стр. 927—931; «Замѣтка о кончинѣ А. С. Грибоѣдова» — 1871 г., стр. 1299 и слл.; «Еще нѣсколько словъ о военныхъ поселеніяхъ. Отвѣтъ Г. А. Александрову»—1874, кн. I, стр. 1042 и слл.; «Князь В. Ѳ. Одоевскій. Общій очеркъ его жизни и дѣятельности. Воспоминанія объ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ просителей въ Петербургѣ»—1874, кн. I. стр. 257 и слл.; часть статьи объ Одоевскомъ и Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ была ранѣе напечатана въ книгѣ «Въ память о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ. Засѣд. Общ. Люб. Росс. Слов.», М. 1869 (стр. 11—32); «Андрей Никол. Муравьевъ», замѣтка объ немъ—1876 г., кн. II, стр. 357—358; «Разсказъ о казни декабристовъ», которой онъ былъ свидѣтелемъ— 1881 г., кн. II. Кромѣ того, ему принадлежатъ статьи: «Нѣсколько словъ о литературной дѣятельности Ѳ. Н. Глинки» — въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей Росс. словесности», вып. I, М. 1867, стр. 33—38 (и отд. отт., М. 1867); «Карамзинъ, первый русскій литераторъ» — тамъ-же, стр. 53—55; «Случай изъ цензурной практики»—тамъ-же, вып. III, стр. 47—50 (по поводу печатанія въ 1852 г. его статьи о Н. Н. Муравьевѣ); его письмо къ Боратынскому изъ Адріанополя, отъ 30-го августа 1829 г., напечатано было въ «Литературной Газетѣ» 1831 г., № 16, стр. 127—129; оно перепечатано въ «Русскомъ Архивѣ« 1878 г., кн. I, стр. 215—222, и обнаруживаетъ познанія и наблюдательность Путяты. Въ «Щукинскомъ Сборникѣ», ч. I (стр. 377—378) напечатано письмо П. къ одному изъ его ближайшихъ друзей А. А. Муханову (ум. въ 1835 г.), относящееся къ 1834 году; письмо его къ П. А. Плетневу (1848 г.) помѣщено въ книгѣ «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. III, стр. 735—736; кромѣ того, въ «Русскомъ Архивѣ» 1905 г., кн. I, стр. 524—530 помѣщены перепечатанныя изъ «Щукинскаго Сборника» письма Путяты къ А. А. Муханову (1825 г.) и одно письмо къ Е. А. Боратынскому (1827 г., стр. 531—532).

Съ образованіемъ, въ 1847 г., по мысли друга Путяты, князя В. Ѳ. Одоевскаго, Общества посѣщенія бѣдныхъ въ Петербургѣ, Н. В. Путята сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ его членовъ; такъ, въ 1852 г. онъ занималъ здѣсь должности: члена-распорядителя Правленія, члена комитета состоявшаго при Обществѣ Кузнецовскаго Женскаго Училища, распорядителемъ лечебницы для приходящихъ, для которой составилъ уставъ (1849—1854 г.; нынѣ — Максимиліановская Лечебница) и члена Управленія по обозрѣнію заведеній Общества. Полезная дѣятельность его прервалась съ переѣздомъ въ Москву, гдѣ онъ,

21-го апрѣля 1862 года, былъ избранъ членомъ Общества любителей Россійской словесности при Московскомъ Университетѣ и былъ въ 1867 г. членомъ редакціонныхъ Комитетовъ; позднѣе Общество это выбрало его своимъ предсѣдателемъ, «цѣня въ немъ разумную общительность и умѣнье согласовать противорѣчивыя мнѣнія». По словамъ хорошо его знавшаго П. И. Бартенева, П. не принадлежалъ ни къ одному изъ направленій, на которыя дробилась Русская умственная жизнь. «Онъ всегда становился выше ихъ, чуждаясь односторонности, но сочувственно оцѣнивалъ въ людяхъ всякую искренность, всякій трудъ и честное намѣреніе. Обширная начитанность, при близкомъ знакомствѣ съ Французскою и Англійскою словесностью, многообразныя сношенія и пріобрѣтенная чрезъ нихъ житейская опытность, трезвый и въ то же время согрѣтый благожелательствомъ взглядъ на жизнь дѣлали его бесѣду привлекательною и въ то же время поучительною. Не было политическаго и общественнаго явленія, которое бы его не занимало».

Формулярный списокъ 1848 г.; статья П. И. Бартенева—«Русск. Арх.» 1878 г., кн. I, стр. 125—127; П. О. Бобровскій, Исторія л.-гв. Уланскаго полка, т. II, прилож., стр. 326; Н. А. Вельяминовъ, Максимиліановская Лечебница 1850—1900, С.-Пб. 1900, стр. 7, 9, 17, 158; «Русск. Арх.» 1869, стр. 1030—1041; 1873 г., стр. 1716; 1874, кн. II, стр. 636; В. В. Руммель, Родосл. Сборникъ, т. II, стр. 302; «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. I—III; А. И. Кошелевъ, Записки, Берлинъ. 1884, стр. 11—12; «Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ.», т. 73 (бумаги Закревскаго); «Русск. Обозр.» 1895 г., № 5, стр. 84 (въ Воспоминаніяхъ А. Н. Муравьева).

Б. Модзалевскій.

Путятины, графы и дворяне. По сказаніямъ польскихъ генеалоговъ, родъ этотъ происходитъ отъ князя Дм. Юрьев. Путятина, жившаго въ началѣ XVI столѣтія, но изъ русскихъ лѣтописей видно, что родъ Путятиныхъ существовалъ ранѣе, такъ какъ въ 1489 г. *Григорій Аѳанасьевичъ* Путятинъ ѣздилъ посломъ отъ великаго князя Іоанна III къ польскому королю Казиміру. Ему велѣно было довести до свѣдѣнія польскаго короля о переходѣ на службу въ Москву князя Дм. Ѳеод. Воротынскаго, а человѣкъ кн. Воротынскаго, отправленный въ Польшу вмѣстѣ съ Путятинымъ, долженъ былъ отказаться за своего господина отъ присяги польскому королю. Посольство это оказалось, однако, безуспѣшнымъ. Польскій король сказалъ Путятину, что онъ черезъ своего посла увѣдомитъ вел. кн. Ивана Васильевича, что онъ «не выпускаетъ съ присяги» кн. Воротынскаго, такъ какъ онъ присягнулъ и «докончаніе вчинилъ» королю и великому княжеству Литовскому. — Н. П. Лихачевъ въ своей книгѣ «Разрядные дьяки въ XVI в.» высказываетъ мнѣніе, что Григорій Аѳанасьевичъ Путятинъ одно лицо съ дьякомъ Суморокомъ Путятинымъ. Въ родословной Руммеля *Суморокъ* названъ Никитой и показанъ отцомъ Григ. Никит. Меншого Путятина. Такъ какъ въ документахъ, въ которыхъ встрѣчается Суморокъ Путятинъ, намъ не случалось найти его имени, то трудно рѣшить, чье мнѣніе правильно.

«Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. XXXV, стр. 39, 40; Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., т. VI, прим. 377; Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки XVI в., С.-Пб. 1888 г., стр. 175; В. В. Руммель, Родосл. сборникъ, т. II, стр. 289; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. V, изд. 3-е, стр. 134.

В. Корсакова.

Путятинъ, князь *Абрамъ Артемьевичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, сынъ Ржевскаго помѣщика князя Артемія Васильевича П., въ 1723 г. былъ въ Морской Школѣ, въ 1725—1727 г.г. былъ титулярнымъ юнкеромъ Военной Коллегіи, затѣмъ опредѣленъ солдатомъ въ Суздальскій пѣхотный полкъ, въ 1730 г. былъ каптенармусомъ л.-гв. Измайловскаго полка, гдѣ въ 1731 г. произведенъ сержантомъ; выйдя капитаномъ ландмиліціи (1732 г.), князь П. въ 1736 г. произведенъ былъ въ секундъ-маіоры, въ 1737—въ премьръ-маіоры, въ 1738—въ подполковники; въ 1748 г. произведенный въ полковники Новгородскаго драгунскаго полка, П. находился въ Царицынѣ, а 25-го декабря 1755 г. пожалованъ чиномъ бригадира съ опредѣленіемъ къ арміи; въ 1758 г. онъ находился въ Оренбургѣ, при чемъ въ его вѣдѣніи находилась Орская дистанція Оренбургской пограничной линіи; въ 1759 г. онъ учредилъ форпосты и маяки по Яику для предупрежденія воровскихъ набѣговъ башкиръ и киргизовъ; 5-го марта 1761 г. онъ былъ назначенъ къ Провіантскому Правленію при Русской арміи въ Пруссіи, 2-го апрѣля 1762 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и былъ шефомъ драгунскаго полка;

въ началѣ царствованія Имп. Екатерины состоялъ по арміи, а 24-го августа 1764 г. былъ назначенъ Оренбургскимъ губернаторомъ съ пожалованіемъ въ тайные совѣтники. П. проявилъ много энергіи въ управленіи ввѣреннымъ ему краемъ, заботясь объ исправленіи пограничныхъ крѣпостей, расположеніи войскъ и прикрытіи границъ нашихъ отъ набѣговъ киргизъ-кайсаковъ. 9-го іюля 1768 г. пожалованный въ званіе сенатора, князь П. 20-го мая 1769 г. былъ уволенъ отъ дѣлъ до излѣченія болѣзни и въ томъ-же году скончался.

Его сынъ, *князь Николай Абрамовичъ П.* (р. въ 1744 г.), былъ камергеромъ (съ 12-го февраля 1786 г.), тайнымъ совѣтникомъ (съ 1-го января 1795 г.) и членомъ Конторы строенія Ея Величества домовъ и садовъ (потомъ—Гофъ-Интендантская Контора); уволенный отъ службы въ 1801 г., онъ скончался въ Дрезденѣ 8-го декабря н. с. 1818 года.

В. В. Руммель, Родосл. сборникъ, т. II; «Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.», т. 12, 26, 57; Ильенко и Масловскій, Опись дѣлъ секретнаго повытья Моск. Отдѣл. Архива Главн. Штаба; «Списокъ военн. генераловъ со времени Петра Вел. до Екатерины II», С.-Пб. 1809, стр. 103, 121; «С.-Петерб. Вѣд.» 1756, № 7; о кн. Н. А. Путятинѣ: В. В. Руммель, Родосл. сборн., т. II; Списки чинамъ; «Сѣверная Почта» 1819 г., № 1, стр. 4.

Путятинъ, князь *Григорій Васильевичъ*, воевода, сынъ кн. *Василія Никитича*; 2-го октября 1550 г. онъ пожалованъ помѣстьемъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ 1553 г. былъ воеводой «у наряду» подъ Выборгомъ, а въ 1561 г.—воеводой въ Юрьевѣ Ливонскомъ. Въ 1566 г. въ Ливонскомъ походѣ П. былъ «у наряду», въ 1565 и 1567 г.г. былъ воеводой въ Ругодивѣ, въ 1570 г.—намѣстникомъ въ Порховѣ. Въ этомъ году Іоаннъ IV отправилъ въ Польшу посольство, состоявшее изъ кн. Григ. Ѳеод. Мещерскаго, кн. Ивана Магметовича Канбарова и кн. Григ. Вас. Путятина. Они должны были заключить перемиріе на три года и склонить польскихъ и литовскихъ вельможъ, въ случаѣ смерти короля Сигизмунда, избрать на польскій престолъ самого царя Ивана Васильевича или сына его Ивана Ивановича. Интересны подробности наказа, даннаго посламъ, относительно королевскаго крестоцѣлованія: «беречь на-крѣпко, чтобы король на обѣихъ граматахъ крестъцѣловалъ въ самый крестъ прямо губами, а не въ подножіе, и не мимо креста, да и не носомъ». Посламъ удалось заключить перемиріе на три года, утвержденное Сигизмундомъ въ ихъ присутствіи въ Варшавѣ. Они донесли объ этомъ царю Ивану Васильевичу и сообщили, что литовскіе вельможи желаютъ выдать за него замужъ сестру Сигизмунда Софію, а въ случаѣ смерти Сигизмунда выберутъ его въ цари, какъ надежнѣйшаго покровителя. Въ 1572 г. кн. П. былъ намѣстникомъ въ Орѣшкѣ, а въ 1576 г.—въ Орлѣ; въ 1577 г. онъ значился въ числѣ Новгородскихъ помѣщиковъ, служившихъ по выбору.

«Др. Росс. Вивл.», XIII, 387, 429; «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1902 г., I, 179; «Акты Моск. Госуд.», I, стр. 47; кн. Долгоруковъ, Рос. Родосл., кн. I, 137; В. Руммель, Родосл. сборн., II, стр. 280; Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., VIII, пр. 453; IX, с. 99 и примѣч. 398.

В. Корсакова.

Путятинъ, *Григорій Никитичъ Меншой* или *Меншикъ*, прозванный такъ въ отличіе отъ дьяка Суморока Путятина, ранѣе его выступившаго на служебномъ поприщѣ при Московскомъ дворѣ; дьякъ. Въ 1510 году П. былъ посланъ къ польскому королю Сигизмунду съ граматою о «порубежныхъ обидахъ» и привезъ отъ него отвѣтную грамату о томъ, что будетъ сдѣлано разслѣдованіе и учинена управа. Въ томъ же году онъ былъ приставомъ у польскаго дворянина Довгирдова, пріѣзжавшаго съ граматою отъ польскаго короля. Въ 1512 г. отправленъ къ польскому королю Сигизмунду разузнать о притѣсненіяхъ, которыя терпитъ великая княгиня Елена, сестра московскаго великаго князя Василія Ивановича, бывшая замужемъ за литовскимъ великимъ княземъ Александромъ. Въ апрѣлѣ 1517 г. къ великому князю Василію Ивановичу пріѣхалъ посолъ нѣмецкаго императора Максимильяна, баронъ Герберштейнъ, для посредничества при заключеніи мира между Польшей и Московскимъ государствомъ. Въ теченіе семи мѣсяцевъ, которые Герберштейнъ прожилъ въ Московскомъ государствѣ, онъ нѣсколько разъ былъ на пріемѣ у великаго князя, который для веденія переговоровъ съ нимъ назначалъ разныхъ лицъ, напр. Тверского дворецкаго Ив. Юрьев. Шигону-Поджогина, боярина Григ. Ѳеод.

Давыдова, Юрія Малаго, и неизмѣнно каждый разъ—дьяковъ Меншого Путятина и Труфана Ильина.

Въ 1517—20 годахъ П. пришлось участвовать въ переговорахъ съ послами великаго магистра Прусскаго Альбрехта—Шонбергомъ, Рабенштейномъ и Клингенбекомъ, пріѣзжавшими къ великому князю Василію Ивановичу съ просьбою о союзѣ и о защитѣ противъ польскаго короля Сигизмунда. Въ 1520—22, 1525—29 и 1531—32 годахъ продолжались оживленныя сношенія между Московскимъ государствомъ и Польшей; не только Московскій великій князь Василій Ивановичъ и Польскій король Сигизмундъ отправляли другъ къ другу пословъ съ безконечными переговорами то о мирѣ, то о перемиріи, но и высшіе сановники обоихъ государствъ—бояринъ Григорій Ѳеодоровичъ Давыдовъ и Виленскій воевода князь Николай Радзивилъ пересылались граматами по тѣмъ же важнымъ вопросамъ. По приказанію великаго князя, П. встрѣчалъ пословъ, говорилъ съ ними «по наказу», читалъ имъ списки, «каковымъ граматамъ пригоже быть», слѣдилъ за тѣми лицами, которымъ поручалось переписывать граматы, а въ 1532 г., вмѣстѣ съ Ив. Юрьев. Шигоной-Поджогинымъ и дьякомъ Елизаромъ Цыплетевымъ, цѣловалъ крестъ на записи и на граматѣ великаго князя, отправляемыхъ польскому королю Сигизмунду, при чемъ онъ и Цыплетевъ названы дьяками «великими».

Незадолго передъ 1531 г., услыхавъ, будто-бы московскія войска готовятся выступить къ Казани, Казанскій царь Сафагирей нарушилъ предписанныя ему великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ условія и тѣмъ возбудилъ противъ себя его гнѣвъ и сильное неудовольствіе казанцевъ. Въ 1531 г. въ Москву явились послы отъ Сафагирея съ просьбой отпустить прежнихъ пословъ и присоединить къ нимъ московскаго «большого» посла. Переговоры съ казанскими послами было велѣно вести Ѳеод. Ив. Карпову и П-ну; порученіе это доказываетъ, насколько великій князь цѣнилъ дипломатическія способности П.

Принимая дѣятельное участіе въ сношеніяхъ Московскаго государства съ сосѣдними державами, П. былъ въ то же время лично близокъ къ великому князю. Въ 1526 г., на свадьбѣ Василія Ивановича съ Еленой Васильевной Глинской, П. былъ «у постели», за тѣмъ часто сопровождалъ великаго князя въ его загородныхъ поѣздкахъ и въ 1532 и 1533 г.г. писалъ подъ его диктовку письма къ Еленѣ Васильевнѣ, которыя заканчивались такъ: «А писалъ у меня сію грамоту діакъ мой Меншыкъ Путятинъ, а запечаталъ есми ее своимъ перстнемъ»; на оборотѣ надпись: «Женѣ моей Оленѣ». Въ 1533 г., когда Василій Ивановичъ тяжко занемогъ во время охоты близъ Волоколамска, онъ тайно послалъ въ Москву стряпчаго Мансурова и П. за духовными граматами своего отца и дѣда и за своею, которую написалъ передъ отъѣздомъ въ Новгородъ и Псковъ въ 1510 г. Когда граматы были привезены и прочитаны тайно отъ братьевъ великаго князя, бояръ и князя Михаила Львовича Глинскаго, великій князь велѣлъ сжечь свою духовную и совѣтовался съ близкими людьми: Ив. Юрьев. Шигоной-Поджогинымъ и П., кого изъ бояръ допустить въ думу о духовной и «кому приказать свой государевъ приказъ». На пути изъ Волоколамска онъ говорилъ Шигонѣ и П—ну, чтобы его «положили не въ бѣломъ платьѣ», т. е. выражалъ желаніе принять передъ смертію иноческій санъ. Возвратившись въ Москву, великій князь призвалъ къ себѣ бояръ—кн. Вас. Вас. Шуйскаго, Мих. Юр. Захарьина, Мих. Сем. Воронцова, казначея П. И. Головина, дворецкаго Ив. Юрьев. Шигону и велѣлъ при нихъ писать духовную грамату дьякамъ своимъ—П-ну и Мишурину.

Послѣ кончины великаго князя Василія Ивановича, П., какъ видно, пользовался довѣріемъ правительницы Елены, потому что она послала его вмѣстѣ съ кн. Ив. Вас. Шуйскимъ въ Старицу, къ деверю своему князю Старицкому, Андрею Ивановичу, съ увѣреніями въ ложности дошедшаго до него слуха, будто бы она намѣрена заключить его въ тюрьму. Въ концѣ 1535 г. въ Москву прибыли послы отъ Крымскаго хана Исламъ-Гирея съ граматой. Когда эта грамата была переведена съ татарскаго на русскій языкъ, оказалось, что въ ней сдѣланы отступленія отъ той граматы, которая была послана Крымскому хану при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ. Когда главный посолъ, князь Темешь, былъ призванъ въ великокняжескія хоромы, къ нему были посланы Ѳ. И. Карповъ и дьяки П. и

Мишуринъ, съ объявленіемъ, что великій князь Иванъ Васильевичъ требуетъ, «чтобы клятвенная грамата была написана слово въ слово съ того списка, который былъ посланъ».

Въ 1535—37 годахъ П. снова принималъ участіе въ переговорахъ съ польскими посланниками. Послѣдними данными о дѣятельности П-на являются «подтвердительныя» подписи его съ 1539 по 1541 г.г. на нѣсколькихъ граматахъ относящихся къ началу XVI в. (1506—1514 г.г.).

«Собр. Гос. Гр. и Догов.», I, 417, 430, 438; II, 39; «Акты ист.», I, 178, 182, 190; Акты Арх. Эксп., I, 115; «Ник. Лѣт.», кн. VI, стр. 238—241; VII, стр. 45; «Древ. Росс. Вивл.», III, стр. 99—103; XIII, 17; «Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными», С-Пб. 1851 г.; «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. XXXV, стр. 491—858; т. LIII, стр.—239; т. LIX, стр. 2—107; Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки, стр. 45, 58—59, 166, 174—176, 333; В. В. Руммель, Родосл. Сборникъ, т. II, стр. 289; Соловьевъ, Исторія Россіи, V, стр. 414—416, 433; VI, 9; кн. М. М. Щербатовъ, Исторія, кн. VII, стр. 45.

В. Корсакова.

Путятинъ, графъ *Евѳимій Васильевичъ*, адмиралъ, генералъ-адъютантъ, министръ народнаго просвѣщенія; родился 8-го ноября 1803 года; образованіе получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго вышелъ въ 1822 году съ чиномъ мичмана. Въ томъ же году П. былъ назначенъ въ кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ «Крейсеръ» подъ командой извѣстнаго адмирала Лазарева. Такимъ образомъ П. принадлежалъ къ числу немногихъ моряковъ «Лазаревской школы», отличавшихся всегда знаніемъ морского дѣла, рѣшительностью въ дѣйствіяхъ и умѣньемъ найтись въ минуту опасности. Кругосвѣтное плаваніе къ сѣверо-западнымъ берегамъ Америки продолжалось около 5 лѣтъ. Возвратившись изъ плаванія, П. участвовалъ въ Наваринской битвѣ (1827 г.), за что получилъ орденъ Владиміра 4 степени. Послѣ этого онъ совершилъ нѣсколько кампаній изъ Архипелага въ Кронштадтъ и обратно; въ 1830 году, за совершенныя 18 кампаній, пожалованъ орденомъ св. Георгія 4 ст. и, произведенный въ капитанъ-лейтенанты, назначенъ командиромъ корвета «Ифигенія» — для плаванія по Средиземному и Черному морямъ. Въ 1841 г., оставивъ службу на морѣ, П. отправился въ Англію для заказа пароходовъ въ Черноморскій флотъ. Въ слѣдующемъ году, по возвращеніи П. въ Россію, на него возложено было дипломатическое порученіе къ персидскому шаху. Цѣлью этого порученія было упрочить русскую торговлю и рыбные промыслы на Каспійскомъ морѣ, въ виду того, что жившее на юго-восточномъ берегу этого моря племя туркменъ постояннымъ разбоями на морѣ дѣлало небезопаснымъ всякій промыселъ, всякую торговлю. Объ этомъ уже давно было извѣстно, но никакія мѣры не достигали цѣли. Персидское правительство было безсильно противъ набѣговъ и разбоевъ туркменъ, а русское, имѣвшее право, по трактату 1828 г., содержать флотъ въ Каспійскомъ морѣ, тоже ничего не могло сдѣлать. Въ 1842 г. положеніе дѣлъ настолько обострилось, что русское правительство признало необходимымъ принять рѣшительныя мѣры. Съ этой цѣлью и былъ отправленъ П. (въ августѣ 1842 г. онъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы). Благодаря своей распорядительности и дипломатическому такту, П. съ большимъ успѣхомъ выполнилъ свою задачу. Прежде всего онъ постарался подѣйствовать на туркменъ: сдѣлалъ вылазку, освободилъ плѣнниковъ и потребовалъ выдачи зачинщиковъ грабежа; кромѣ того онъ заявилъ, что за всякія безпорядки на берегу моря потребуетъ къ отвѣту старшинъ. Желая предупредить всякую возможность безпорядковъ со стороны туркменъ, П. на берегу моря — въ Астрабадскомъ заливѣ—устроилъ постоянную военную станцію. Персидское правительство онъ заставилъ отказаться отъ стѣсненій, направленныхъ противъ русской торговли. Наконецъ онъ установилъ правильное пароходное движеніе по Каспійскому морю и тѣмъ положилъ здѣсь прочное основаніе русскому вліянію. Въ то время какъ П. столь успѣшно дѣйствовалъ на Каспійскомъ морѣ, на крайнемъ Востокѣ вспыхнула 1-ая Англо-Китайская война; въ 1843 г., ко времени возвращенія П. въ Россію, она уже закончилась миромъ въ Нанкинѣ, по которому Англія получила въ Китаѣ новые рынки. П., теперь внимательно слѣдившій за всѣмъ, что касалось русскихъ интересовъ на Востокѣ, предлагалъ снарядить экспедицію, дабы попытаться завязать торговлю къ Китаемъ и съ моря; та же экспедиція, по мнѣнію П., дала бы воз-

можность изслѣдовать русскую границу на Востокѣ и отыскать новые порты. Комитетъ для изысканія мѣръ къ упорядоченію нашей кяхтинской торговли, которому П. предложилъ свой проектъ, согласился съ нимъ, и экспедиція была уже снаряжена, но совершенно неожиданно отложена по желанію министра финансовъ гр. Канкрина, который находилъ, что экспедиція можетъ повредить нашей кяхтинской торговлѣ, этой «государственной необходимости», какъ онъ выражался. Во всякомъ случаѣ, въ 1852 году П. (3-го апрѣля 1849 г. пожалованный въ званіе генералъ-адъютанта, а 8-го апрѣля 1851 г.—въ вице-адмиралы) отправился на Востокъ—въ Японію. Экспедиція, продолжавшаяся почти три года, во многихъ отношеніяхъ имѣла громадное значеніе. П., уже заявившій себя опытнымъ дипломатомъ, и на этотъ разъ дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ. Благодаря своей твердой и спокойной настойчивости, какъ онъ самъ говорилъ, благодаря кроткому и дружественному отношенію къ японскому правительству и снисходительному исполненію законовъ и обычаевъ страны, П. удалось заключить очень выгодный для Россіи договоръ (въ Симодѣ 26-го января 1855 г.). По этому договору для Россіи открыты были три порта съ правомъ имѣть въ одномъ изъ нихъ консула — это было первымъ шагомъ къ правильнымъ сношеніямъ Россіи и Японіи. Значеніе этого соглашенія можно оцѣнить по достоинству, принявъ во вниманіе, что оно состоялось едва не подъ непріятельскими выстрѣлами и во всякомъ случаѣ при очень тяжелыхъ условіяхъ, въ которыя былъ поставленъ П. послѣ гибели фрегата «Діана» во время землетрясенія въ Симодскомъ фортѣ (7-го января 1855 г.). Только неустрашимость и энергія помогли П. выйти побѣдителемъ изъ этого положенія. Названная экспедиція имѣла большое значеніе и для науки—участниками ея сдѣлано было описаніе восточныхъ береговъ Кореи и южныхъ острововъ группы Бонимъ-Сима. Она же наконецъ, послужила матеріаломъ для «Фрегата Паллады» Гончарова. Въ 1855 г. П. возвратился въ Петербургъ, при чемъ ему пожалованъ былъ графскій титулъ и онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Кронштадтскаго военнаго губернатора. Въ слѣдующемъ году графъ П. былъ прикомандированъ къ русскимъ посольствамъ въ Лондонѣ и Парижѣ для доставленія Морскому Министерству подробныхъ свѣдѣній о новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ по морскому дѣлу. — Въ это время новыя осложненія на Востокѣ вызвали вторую Англо-Китайскую войну. Европейцы, повидимому, рѣшили исправить недочеты, допущенные во время переговоровъ въ 1840-хъ годахъ, и во что бы то ни стало добиться права свободнаго въѣзда иностранцевъ въ Китай. При такихъ обстоятельствахъ, русское правительство не могло оставаться равнодушнымъ зрителемъ: оно признало своевременнымъ уладить мирнымъ путемъ свои дѣла съ Китаемъ. Исполнить подобную миссію могъ только П. И вотъ, подъ предлогомъ осмотра береговъ Восточной Сибири для избранія мѣста для новаго порта, П., въ 1857 г., отправился въ Китай. Однако, не сразу удалось ему перейти китайскую границу. Послѣ безуспѣшныхъ ожиданій на сухопутной границѣ, П. рѣшилъ попасть въ Китай съ моря, но и тутъ, въ устьѣ р. Пейхо, его снова задержали. И только, завязавъ сношенія съ представителями Англіи и Франціи — для совмѣстныхъ переговоровъ съ Китаемъ, П., наконецъ, явился въ Пекинъ и первый изъ собравшихся здѣсь представителей европейскихъ державъ заключилъ договоръ съ китайскимъ правительствомъ (подписанный въ Тянь-Цзинѣ 1-го іюня 1858 г.), по которому, между прочимъ, русскіе миссіонеры получили свободный доступъ во внутреннія провинціи Китая. Въ то же время П., воспользовавшись склонностью японскаго правительства расширить права иностранцевъ, по двумъ трактатамъ (въ Іеддо и Нагасаки) выговорилъ значительныя права для русской дипломатіи и торговли. Въ декабрѣ 1857 г. П., въ званіи императорскаго коммиссара, назначенъ былъ начальникомъ эскадры Восточнаго Океана. Покончивъ съ дипломатическими переговорами, П. вернулся въ Россію и былъ 26-го августа 1858 года произведенъ въ адмиралы; вскорѣ онъ получилъ назначеніе на должность военно-морского агента въ Лондонѣ, а 20-го іюня 1861 года былъ призванъ на постъ министра народнаго просвѣщенія. Успѣхи дипломатической дѣятельности П., его несомнѣнныя достоинства, какъ моряка, доставили ему вполнѣ заслуженную извѣстность,

но едва-ли они свидѣтельствовали о его способности вѣдать и дѣло народнаго просвѣщенія. Студенческія волненія были пробнымъ камнемъ для новаго министра. Получивъ отъ попечителей округовъ извѣстія о волненіяхъ во многихъ русскихъ университетахъ, П. рѣшительно не зналъ, что дѣлать; онъ разсылалъ циркуляры, прося ректоровъ и деканов позаботиться о возстановленіи порядка и спокойствія, много разъ приглашалъ петербугскихъ профессоровъ къ себѣ на совѣщанія; проэктировалъ даже устроить съѣздъ всѣхъ русскихъ профессоровъ для выработки мѣръ къ преобразованію университетовъ... Къ вопросу о начальномъ образованіи П. относился вполнѣ опредѣленно; какъ человѣкъ религіозный, онъ полагалъ, что начальное образованіе должно находиться въ рукахъ духовенства; поэтому онъ считалъ необходимымъ передать всѣ народныя школы духовенству, а для приготовленія учителей въ эти школы — учредить особыя учебныя заведенія съ 2-хъ годичнымъ курсомъ, куда могли бы поступать только студенты духовныхъ семинарій. Заботясь о воспитаніи юношества въ духѣ православной церкви, П. старался привлечь въ университеты на каѳедру богословія людей краснорѣчивыхъ, полагая этимъ способомъ развить въ студентахъ религіозное и нравственное чувство. Дѣятельность гр. П. въ роли министра народнаго просвѣщенія была непродолжительна: 25-го декабря 1861 г., по его просьбѣ онъ былъ уволенъ отъ должности министра и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ этомъ званіи онъ и умеръ 16-го октября 1883 г., въ Парижѣ; погребенъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Печатные труды П. слѣдующіе: «Всеподданнѣйшій отчетъ о плаваніи отряда военныхъ нашихъ судовъ въ Японіи и Китаѣ за 1852—55 г.г.»—«Морск. Сборн.» 1856 г., т. XXIV, кн. 10, и отдѣльное изд.—С.-Пб. 1857 г.; «Соображенія объ устройствѣ морского воспитанія въ Россіи на новыхъ началахъ»—«Морск. Сборн.» 1859 г., т. XLIV, кн. 11, 12; 1860 г., т. XLV, кн. 2; «Проэктъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній съ учрежденіемъ новой гимназіи»—С.-Пб. 1860 г. т. XXIII, кн 8; «Замѣчанія о штормѣ, выдержанномъ фрег. «Паллада» въ 1853 г.» — «Морск. Сборн.» 1859 г., т. XXXIX, кн. 1; «Рапортъ Ген.-Адъют. Путятина Его Имп. Высоч. Управл. Морск. Министерствомъ» — тамъ-же 1855 г., т. XVII; Штормъ въ Восточномъ океанѣ, выдержанный фрегатомъ «Паллада» — тамъ же 1855 г., т. XVII; Отчетъ о плаваніи фрегата «Паллада», шкуны «Востокъ», корвета «Оливуца» и транспорта «Кн. Меньшиковъ» подъ командой ген.-адъют. Путятина въ 1852, 1853 и 1854 г.г. (составлено изъ оффиціальныхъ донесеній) — тамъ-же 1856 г., т. XX; «Къ исторіи пріобрѣтенія Амура. Наши сношенія съ Китаемъ 1848—1860», ст. П. В. Шумахера—«Русск. Арх.» 1878; «Памяти гр. Е. В. Путятина», бар. Ѳ. Р. Остенъ-Сакена — «Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.» 1883 г., т. XIX; Отчетъ Геогр. Общ. за 1883 г.; «Адмиралъ гр. Е. В. Путятинъ», ст. Д. И. Завалишина»—«Моск. Вѣд.» 1883 г., №№ 300—301; Студенческія исторіи въ Казанскомъ Унив. 1861 г.—«Русск. Стар.» 1889 г., іюль, и Дневникъ А. В. Никитенко — «Русск. Стар.» 1891; «Московскій Университетъ въ 1861 г.» — С. В. Ешевскаго — «Русск. Стар.» 1898; письма гр. Путятина къ Митр. Филарету 1860 — 1862 г.г. — «Христ. Чтеніе» 1899, XI; «Русск. Худож. Листокъ» 1859 г., № 4, 5 и 9 (съ портретомъ); Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. III; Некрологи: «Истор. Вѣстн.» 1883 г., XII; «Моск. Вѣд.» 1883 г., № 294; «Новое Вр.» 1883 г., № 2746; «Кронштт. Вѣстн.» 1883 г., № 124; «Русск. Инвалидъ» 1883 г., № 226.

Н. Кувшинскій.

Формуляръ о службѣ П.; «Общій Морской Списокъ», т. VIII; «Отчетъ по Государственному Совѣту 1883 г.», прилож.; «Построеніе шкуны «Хеда» въ Японіи», А. К.—«Морск. Сборн. 1856 г.,

Путятинъ, князь *Иванъ Семеновичъ*, сынъ князя Семена Петровича. Въ родословной, помѣщенной у Руммеля, онъ носитъ прозваніе *Люль*. Служебная дѣятельность его неизвѣстна, и имя его встрѣчается лишь въ 1613—14 г.г. въ «записяхъ»; но эти записи, въ которыхъ онъ принималъ живое участіе, будучи сторонникомъ Шведскаго королевича Карла-Филиппа, наглядно показываютъ настроеніе Новгорода Великаго уже послѣ избранія на Московскій престолъ Мих. Ѳеод. Романова. Большинство новгородцевъ продолжало считать Шведскаго королевича своимъ законнымъ государемъ и относилось къ людямъ, отъѣзжавшимъ изъ Новгорода въ Москву или иныя земли, какъ къ измѣнникамъ. 20-го ноября 1613 г. была составлена поручная запись по новгородскимъ помѣщикамъ и помѣщицамъ о неотъѣздѣ ихъ изъ своихъ помѣстій за Новгородскій рубежъ; во главѣ поручителей находился кн. П., а заканчивалась запись такъ: «И будучи въ Новѣгородѣ учнутъ съ кимъ какіе въ мірѣ смутные рѣчи говорити или вмѣщати, или изъ Новагорода безъ государева указу куды отъѣдутъ или из-

мѣнятъ: и на насъ на порутчикахъ пеня пресвѣтлѣйшаго и высокороженнаго государя королевича и великаго князя Карлуса Филиппа Карлусовича, и наши порутчиковы головы въ ихъ голову мѣсто; а который насъ порутчиковъ въ лицѣхъ, на томъ государева пеня и порука». 17-го января 1614 г. была выдана поручная запись по кн. Ефимѣ Ѳедоровичѣ Мышецкомъ, котораго поручители (въ томъ числѣ и кн. П.) *выручили* у подъячаго Башмака Кондратьева; изъ этого видно, что кн. Мышецкій сдѣлалъ попытку отъѣхать изъ Новгорода. Въ томъ же 1614 г., послѣ августа, была отправлена Шведскому королю Густаву Адольфу челобитная Новгородскаго митрополита Исидора, новгородскаго воеводы кн. Ивана Одоевскаго, духовныхъ властей и земскихъ чиновъ, (между прочимъ и кн. П.), чтобы шведскій король Густавъ-Адольфъ не принуждалъ ихъ, вопреки присягѣ, данной ими его брату Карлу-Филиппу, присягать на вѣрность и ему, королю. Новгородцы благодарятъ Густава за его обѣщаніе оберегать Новгородское государство отъ недруговъ, въ случаѣ, если они будутъ цѣловать ему крестъ, но прибавляютъ, что имъ, «подданнымъ холопемъ его пресвѣтлѣйшества, о такомъ великомъ дѣлѣ (оберегать государство) мимо великаго государя своего королевича, пресвѣтлѣйшаго и высокороженного вел. кн. Карлуса Филиппа Карлусовича, договаривать и укрѣпляться не мочно». Относительно избранія на Московское царство Мих. Ѳеод. Романова помимо Карла Филиппа новгородцы отзываются такъ: «А Владимерскаго, государь, и Московскаго государства всякихъ чиновъ люди потому же учинили такъ не съ нашего совѣту, мы съ ними о такомъ непостоятельствѣ не ссыливались и впередъ ни о какомъ непріятелственномъ дѣлѣ ссылатися не учнемъ же, держимся во всемъ вѣрно государя своего королевича, пресвѣтлѣйшаго и высокороженного *великого князя* Карлуса Филиппа Карлусовича». Въ родословной кн. Путятиныхъ, составленной Руммелемъ, сказано, что «великій князь» пожаловалъ кн. Ив. Семеновича Путятина городомъ Орѣшкомъ. Такъ какъ въ титулѣ Шведскаго королевича, употреблявшемся новгородцами, встрѣчаемъ наименованіе его «великимъ княземъ», то является предположеніе, что Орѣшекъ (теперешній Шлиссельбургъ) былъ пожалованъ Карломъ-Филиппомъ кн. Путятину за его особенную преданность и какія-нибудь, неизвѣстныя намъ, заслуги.

В. В. Руммель, Родословный сборникъ, т. II, стр. 281; «Доп. къ актамъ ист.», II, стр. 18—19, 47.

В. Корсакова.

Путятинъ, князь *Иванъ Семеновичъ*, сынъ князя Семена Ивановича. Въ мартѣ 1611 г., въ самый разгаръ смуты, жители Владиміра послали его въ Казань съ грамотой, въ которой призывали казанцевъ къ освобожденію Москвы отъ поляковъ. Въ 1613 г. онъ подписался, въ числѣ выборныхъ дворянъ отъ Арзамаса, подъ грамотой объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, а въ 1614 г. былъ воеводой въ Уржумѣ. Въ 1615 г. онъ собиралъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ Арзамасѣ, передъ походомъ на казанскихъ татаръ и на луговую черемису. Въ 1618 г. былъ объѣзжимъ головой для береженья отъ огня въ Москвѣ отъ Неглинной до Покровской улицы. Въ 1619 г. упоминается какъ дворянинъ московскій, и былъ посланъ изъ Москвы, во время осады ея польскимъ королевичемъ Владиславомъ, для сбора ратныхъ людей въ Ярославлѣ. Въ 1621 г. былъ воеводой на Опочкѣ, а въ 1622—24 г.г.—въ Коломнѣ, гдѣ и умеръ въ маѣ 1624 г.

«Разр. кн.», I; «Акты ист.», II, стр. 396; «Акты Арх. Эксп.», II, стр. 318; «Собр. Гос. Гр. и Дог.», I, 642; II, 523, 541, 542, 546; «Акты Моск. Госуд.», I, стр. 204; II, стр. 41; В. Руммель, Родосл. сборн., II, стр. 281.

В. Корсакова.

Путятинъ, *Постникъ Григорьевичъ*, сынъ Григорія Никитича Меншого. Въ 1548 г., во время Казанскаго похода, былъ во Владимірѣ съ кн. Юріемъ Васильевичемъ, братомъ царя. Въ 1550 г., на свадьбѣ кн. Влад. Андр. Старицкаго съ Евдокіей Александровной Нагой, былъ на постельномъ дворцѣ для береженья въ теченіе трехъ дней. Въ 1554 г. былъ годовымъ дьякомъ въ Казани при воеводахъ: бояринѣ кн. Мих. Вас. Глинскомъ и бояринѣ Ѳеод. Гр. Адашевѣ. Въ 1557 г. оставался на Москвѣ съ кн. Юріемъ Васильевичемъ.

«Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древ. Росс.» 1902 г., I, стр. 129, 166, 189; «Др. Росс. Вивл.», XIII, стр. 55, 255; В. Руммель, Родосл. сбрн., II, 289.

В. Корсакова.

Путятинъ, *Родіонъ Тимофѣевичъ*, протоіерей, извѣстный духовный проповѣдникъ; родился въ 1807 г. въ селѣ Путятинѣ, Сапожковскаго уѣзда Рязанской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ; въ 1830 году онъ окончилъ курсъ Рязанской Духовной Семинаріи, а въ 1834 г.—Московской Духовной Академіи (со степенью магистра богословскихъ наукъ) и былъ назначенъ профессоромъ словесности въ Ярославскую Духовную Семинарію; 25-го января 1835 г. П. рукоположенъ былъ во священника къ Тихановской церкви, въ 1837 г. занялъ мѣсто помощника инспектора Семинаріи, въ 1840 г. переведенъ въ Ярославскій Каѳедральный соборъ, а въ 1844 г.—къ церкви Сошествія св. Духа. Въ 1845 г. (22-го Февраля), по прошенію, П. былъ уволенъ отъ службы въ Семинаріи и въ томъ же году (12-го марта) опредѣленъ увѣщателемъ во всѣхъ Ярославскихъ присутственныхъ мѣстахъ, а 8-го сентября перемѣщенъ въ Рыбинскій Спасо-Преображенскій соборъ протоіереемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благочиннымъ всѣхъ церквей г. Рыбинска. Въ 1866 г. (28-го ноября), согласно прошенію, П. по слабости здоровья былъ уволенъ отъ должности благочиннаго, а 4-го ноября 1869 г. скончался въ г. Рыбинскѣ, 62 лѣтъ отъ роду.

Путятинъ священствовалъ почти 35 лѣтъ, сначала въ Ярославлѣ, а затѣмъ 24 года въ Рыбинскѣ. Съ 1846 г. онъ былъ сотрудникомъ Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія и съ большой заботливостью и любовью относился къ дѣлу помощи больнымъ, бѣднымъ, скорбящимъ и угнетеннымъ, отдавая имъ свои силы и средства. Особенно энергичную дѣятельность на пользу ближняго П. проявилъ во время холеры 1848 г.: съ утра до вечера ходилъ онъ по улицамъ Рыбинска со Святыми Дарами, напутствовалъ внезапно заболѣвшихъ и отправлялъ ихъ въ больницы. Послѣдніе два года жизни, по болѣзви, П. рѣдко принималъ участіе въ богослуженіи, но у себя дома неутомимо трудился надъ своими поученіями. Какъ проповѣдникъ, П. всегда пользовался постояннымъ и большимъ вниманіемъ своихъ слушателей. Густой толпой тѣснились они у его каѳедры и расходились только по окончаніи проповѣди. Правда, что опытный и предусмотрительный проповѣдникъ, П. никогда не злоупотреблялъ вниманіемъ своихъ слушателей, не вдавался въ излишнія разсужденія, не говорилъ болѣе того, что слушатели могли понять безъ большихъ для себя усилій. Онъ умѣлъ быть близкимъ ко всѣмъ, для всѣхъ быть понятнымъ и, обращая свое слово къ народу, предлагалъ всегда «краткія поученія», безъ утомляющаго разнообразія и обилія мыслей. По содержанію своему поученія П.—преимущественно нравственнаго характера, догматическихъ мало. Высоко цѣня свѣтъ ученія, считая, что просвѣщеніе необходимо для народа, П. призывалъ слушателей отдавать свои силы и средства на дѣло просвѣщенія. Онъ зналъ жизнь, зналъ нужды окружающей его среды, и это знаніе давало слову его характеръ народной проповѣди, близкой и понятной простому, мало образованному человѣку. Но проповѣди его тѣмъ особенно цѣнны, что при своей необыкновенной простотѣ онѣ вполнѣ выдерживаютъ достоинство церковной поучительной рѣчи; въ простыхъ, задушевныхъ словахъ всегда высказывается высокая нравственная истина. Прот. Путятинъ проповѣдывалъ въ Рыбинскѣ, но его дѣятельность стала извѣстна всей Россіи, слово его слышалось въ самыхъ отдаленныхъ епархіяхъ, гдѣ мѣстные священники поучали народъ чтеніемъ печатныхъ поученій знаменитаго народнаго проповѣдника. Въ печати «Краткія Поученія» прот. П. появились въ 1842 г., а въ 1869 г. вышло уже 16-е ихъ изданіе, которое хотя и называлось «Полнымъ Собраніемъ Поученій прот. Р. Путятина», но заключало въ себѣ только 147 словъ его, а ихъ было въ то время болѣе 300. Многія изъ нихъ печатались въ духовныхъ журналахъ, напр.: въ «Душеполезномъ Чтеніи», въ «Странникѣ», въ «Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Нѣкоторыя изъ поученій, напр. «Поученіе передъ св. Причастіемъ» и «Поученіе въ день Покрова Богородицы», помѣщены въ «Русской Христоматіи» Галахова (ч. I, изд. 1876 г.).

Въ отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1865 г. (стр. 29) указанъ болгарскій переводъ краткихъ поученій пр. Р. Путятина, подъ заглавіемъ: «Слова говорены отъ архимандрита Филларета, настоятеля въ церкви святителя Николая въ Варна. Цари градъ. Въ печатница-та на Ц. Вѣстникъ и съдружіе», 1861.

Собранія проповѣдей пр. Р. Путятина печатались подъ различными названіями:

«Краткія Поученія» (вышло 12 изданій: 1842—1845, 1847, 1849, 1851, 1851, 1853, 1860. Москва); къ нимъ четыре дополнительныхъ: 1844, 1859, 1861 и 1863; «Новыя Поученія». М. 1854 и С.-Пб. 1870; «Катихизическія бесѣды», Рыбинскъ. 1862 г.; «Поученія», Рыбинскъ. 1868 и 1870; «Полныя Собранія» изданы въ 1864, 1865, 1868, 1869 г.г. въ Рыбинскѣ, Москвѣ, Ярославлѣ; «Полныя Собранія» издаются и послѣ смерти проповѣдника; 18-е изданіе (С.-Пб. 1874 г.) и послѣдующія значительно дополнены и снабжены портретомъ автора. До 1906 г. вышло 25 изданій, послѣднее въ 1901 году.

А. А. Титовъ, «Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости, неоффиціальная часть. Списокъ и указатель статей... 1860—1892 г.», Сергіевъ Посадъ. 1893 г., стр. 188; «Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости» 1869 г., №№ 44, 47, стр. 381, 383, 386; 1872 г., стр. 121 (неоффиціальная часть); «Нижегородскія Епархіальныя Вѣдомости» 1869 г., № 22; «Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости» 1869 г., № 23; «Московскія Епархіальныя Вѣдомости» 1869 г., № 47 («Памяти П.» свящ. Г. В—ъ.); «Подольскія Епархіальныя Вѣдомости» 1870 г., № 1 (неоффиц. ч.); «Иллюстрированная Газета» 1869 г., № 46, стр. 335; «Православное Обозрѣніе» 1869 г., № 11, стр. 448; «Народная Школа» 1869 г., № 12, стр. 37; «Воскресное Чтеніе» 1869 г., № 13, стр. 312; «Церковныя Вѣдомости» 1894 г., № 48, стр. 1726, прибавленіе; «Русскій Архивъ» 1871 г., № 3, стр. 484—510; «Странникъ» 1860 г., т. I, № 3 отд. III, стр. 102—103 (Свящ. М. Архангельскій); «Отечественныя Записки» 1854 г., № 8, Отд. IV, стр. 75; «Современникъ» 1854 г., № 7, стр. 19; «Биржевыя Вѣдомости» 1869 г., № 309; Предисловіе къ 18-му изданію Полнаго Собранія Поученій пр. Р. Путятина, С.-Пб. 1874 г.

Н. Гайворонская.

Путятинъ, *Суморокъ (Никита)*, дьякъ. Въ 1501 году, когда вел. кн. Іоаннъ III Васильевичъ узналъ, что къ нему ѣдетъ изъ Литвы посолъ, онъ велѣлъ своему дьяку Суморoку Путятину встрѣтить его въ Дорогомиловѣ. Съ этихъ поръ Суморокъ Путятинъ, не называвшійся еще тогда въ актахъ дьякомъ, былъ неоднократно посылаемъ то «со столомъ» къ какому-нибудь послу послѣ пріема на аудіенціи, то участвовалъ при встрѣчѣ пословъ, то посылался проводить посла до одного изъ ближайшихъ городовъ, для почета (напр. въ сентябрѣ 1503 г.). Съ 1507 года онъ писался уже дьякомъ.

Въ 1510 году, въ годъ уничтоженія самостоятельности Пскова, Суморокъ Путятинъ находился при Государѣ въ Новгородѣ. Когда (13-го января 1510 года) въ Новгородъ пріѣхалъ посадникъ отъ Пскова съ изъявленіемъ полной покорности великому князю, а Государь въ покорившійся Псковъ напередъ себя выслалъ Московскія войска подъ начальствомъ боярина кн. Александра Влад. Ростовскаго и др., то среди дьяковъ при войскѣ былъ и Суморокъ Путятинъ. Въ 1512 году онъ принималъ участіе въ походѣ вел. кн. подъ Смоленскъ, а въ 1515 г. сопровождалъ пословъ нѣмецкаго императора Максимиліана изъ Москвы въ Новгородъ и долженъ былъ, по записи великаго князя, посланной Новгородскому намѣстнику Ив. Гр. Морозову, обѣдать у намѣстника вмѣстѣ съ послами и сидѣть за столомъ противъ нихъ. Въ 1518 году, когда къ великому князю прибылъ въ Москву посланецъ отъ магистра русскаго ордена, самъ же великій князь былъ въ отлучкѣ изъ Москвы и находился на Волокѣ, то посланцу приказано было явиться на «казенный дворъ», а принять и выслушать его приказано Ѳедору Карпову, дьяку Суморoку Путятину и двумъ другимъ. Кромѣ того, Суморокъ Путятинъ производилъ перепись по «Гороховской волости».

«Памятн. Диплом. Сношен.», т. I, стр. 174, 196, 216, 223, 233, 259, 268, 360, 415, 427 — 429, 433, 434. П. Н. Милюковъ, «Древнѣйшая разр. книга» оффиц. ред. («Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1902 кн. I, 200-я); Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. XXXV, стр. 327, 362, 435, 439, 472, 473, 478, 482, 495, 564, 571, 575, т. LIII, стр. 79; т. CXV стр. 96; Митроп. Евгеній, «Исторія Псковск. княжества», т. I, стр. 165—166; Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки, стр. 58, 166, 174, 175; В. В. Румель, Родосл. Сборн., т. II, стр. 289.

Н. В—и—въ и *В. Корсакова.*

Пухлянко, *Александръ Васильевичъ*, старшій врачъ 4-го флотскаго экипажа, писатель, ум. 23-го января 1888 г. По окончаніи курса въ Московскомъ Университетѣ, со званіемъ лѣкаря, поступилъ въ 1856 г. на службу въ 22-й флотскій экипажъ, затѣмъ служилъ въ 18-мъ (1857), 11-мъ (1865), 7-мъ (1871), старшимъ судовымъ врачемъ 3-го (1872) и 4-го (1881) флотскихъ экипажей. Въ медицинскихъ прибавленіяхъ къ «Морскому Сборнику» имъ помѣщены слѣдующія статьи: «О машинномъ отдѣленіи и судовомъ лазаретѣ» (выпускъ IV, 1864 г., стр. 352); «Объ Аландскихъ шхерахъ» (в. V, 1865, стр. 532); «О нагрузкѣ угля» (в. V, стр. 556), «О консервахъ»

(в. V, стр. 559); «Случай раны головы» (в. V, стр. 601); «Обзоръ состоянія здоровья людей на коммерческихъ и каботажныхъ судахъ, приходившихъ къ Кронштадскому порту въ 1866 — 1870 г. г.» (в. XIII, 1873, стр. 116); «Занятіе и продовольствіе команды на внутренней брантвахтѣ» (в. XIV, 1874, стр. 504).

«Кронштадскій Вѣстникъ» 1888 г., № 22; Л. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, тетрадь V, С.-Пб. 1889 г., стр. 87—88.

Пучиновъ, *Матвѣй Ивановичъ*, живописецъ. Род. въ 1716 г., ум. въ Петербургѣ въ 1797 г. Объ его художественномъ образованіи мы не знаемъ ничего до пребыванія его въ Италіи, гдѣ онъ занимался подъ руководствомъ Тіеполо (Giovanni Batista Tiepolo) и написалъ картину «Бесѣда Діогена съ Александромъ Македонскимъ», за которую, въ 1762 г., Имп. Академія Художествъ удостоила его званія академика; званія этого, впрочемъ, онъ вскорѣ лишился, такъ какъ не представилъ картины по заданной программѣ; тѣмъ не менѣе, мы видимъ его въ 1763 г. въ числѣ преподавателей Академіи. Позднѣе онъ состоялъ «живописнымъ мастеромъ при Шпалерной Мануфактурѣ», а умеръ въ отставкѣ, получая пенсію. Изъ работъ его, кромѣ упомянутой выше, извѣстны еще: «Воскресеніе Христово», писанное тоже заграницею, «Молящаяся Богоматерь», копія, по мнѣнію А. И. Сомова—съ Гвидо Рени, а по мнѣнію Н. П. Собко—съ Тревизани, и шесть рисунковъ, находящихся въ Академической коллекціи.

Акимовъ, Краткое историческое извѣстіе о нѣкоторыхъ россійскихъ художникахъ—«Сѣверный Вѣстникъ» 1804 г.; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ, С.-Пб. 1866; А. И. Сомовъ, Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи. Картинная Галлерея Императорской Академіи Художествъ, С.-Пб. 1872; Его-же. Тоже. Иностранная живопись, С.-Пб. 1874; Н. П. Собко, Словарь русскихъ художниковъ, С.-Пб. 1899.

А. Новицкій.

Пушечниковъ, *Василій Лаврентьевичъ*—думный дворянинъ. Еще въ 1649 году упоминается, какъ стряпчій. Въ 1649 году онъ былъ дважды назначаемъ «дневать и ночевать на государевомъ дворѣ», а съ 1650 года неоднократно упоминается въ числѣ лицъ, назначавшихся слѣдовать за Государемъ въ его походахъ на богомолье. Во время 2-ой русско-польской войны (продолжавшейся съ перерывами съ 1658 до 1666 г.) онъ принималъ въ ней участіе, состоя «головою Московскихъ стрѣльцовъ» и сохраняя свое придворное званіе стряпчаго. Въ декабрѣ 1658 года В. Л. Пушечниковъ изъ Смоленска, гдѣ были сосредоточены главныя силы, посланъ былъ вмѣстѣ съ войскомъ, съ воеводою Ос. Ив. Сукинымъ и со своимъ полкомъ московскихъ стрѣльцовъ, въ Полоцкъ, черезъ Витебскъ. 14-го декабря они были въ Витебскѣ, а 21-го декабря выступили оттуда къ Полоцку, но у села Бѣшенковичъ имъ пришлось выдержать бой съ польскими военачальниками — Лукомскимъ, Кмитичемъ и Лисовскимъ. Будучи осаждены, они были затѣмъ освобождены полоцкимъ воеводою Лукою Владиміровичемъ Ляпуновымъ, двинувшимся для этого изъ Полоцка. Въ мартѣ 1660 г. «голова Московскихъ стрѣльцовъ» В. Лавр. Пушечниковъ былъ отправленъ со своимъ полкомъ (кромѣ него было еще двое головъ съ полками) въ Вильну къ кн. Д. Еф. Мышецкому, а затѣмъ, въ маѣ 1660 г., былъ отправленъ съ полкомъ къ бояр. кн. Ив. Андр. Хованскому (по прозв. Тарарую) подъ Ляховичи. Какъ извѣстно, Хованскій въ сраженіи подъ Ляховичами и Волоной (Полонкою) понесъ столь тяжелое пораженіе отъ Павла Сапѣги, Чарнецкаго, Полубенскаго и Кмитича (17-го и 18-го іюня), что только черезъ мѣсяцъ (12-го іюля) можно было собрать остатки войска, опредѣлить потери и сдѣлать смотръ оставшимся частямъ. На смотру войска въ Полоцкѣ В. Л. Пушечниковъ оказался на лицо («въ естѣхъ»); послѣ смотра онъ остался въ Полоцкѣ. Кромѣ Хованскаго, дѣйствовавшаго около Полоцка, въ Бѣлоруссіи находились еще силы, дѣйствовавшія подъ начальствомъ боярина кн. Юр. Ал. Долгорукова. Войска польскія находились какъ разъ между двумя нашими воеводами, всячески препятствуя ихъ соединенію. Расправившись съ Хованскимъ подъ Ляховичами, П. Сапѣга, Чарнецкій, Пацъ и Полубенскій устремились накн. Долгорукаго, но послѣдній разбилъ ихъ въ трехдневномъ бою при Губаревѣ (подъ Могилевомъ). Не смотря на побѣду, положеніе Долгорукова было затруднительное, такъ какъ поляки перехватывали провіантъ, а также и людей, посылаемыхъ въ Смоленскъ. По-

бѣда Долгорукова ободрила Хованскаго, уже оправившагося отъ пораженія подъ Ляховичами и приведшаго войска въ порядокъ. Непріятель (Чарнецкій и Сапѣга) стоялъ недалеко отъ Полоцка; Хованскій, имѣя 12 тыс. войска, собралъ военный совѣтъ («помысляя съ енераломъ и съ головами Московскихъ стрѣльцовъ», а въ числѣ головъ и съ В. Л. Пушечниковымъ) и въ ноябрѣ 1660 года далъ бой въ 25 верстахъ отъ Полоцка, наступая такимъ образомъ въ тылъ непріятелю; но Хр. Сапѣга, Чарнецкій и др. стремительно обратились на него и принудили бѣжать. Въ мартѣ 1661 года велѣно было князю И. А. Хованскому, какъ придутъ въ Полоцкъ на смѣну новые пѣхотные полки изъ Смоленска и Москвы, московскихъ стрѣльцовъ съ ихъ «головами» отпустить къ Москвѣ. 1-го сентября 1662 года В. Л. Пушечниковъ былъ уже въ Москвѣ и продолжалъ состоять головою московскихъ стрѣльцовъ. Въ 1667 году, въ качествѣ такового, онъ отправленъ былъ со своимъ полкомъ стрѣльцовъ въ Астрахань, а въ 1671 году, послѣ усмиренія Астрахани и послѣ того, какъ посланъ былъ въ Астрахань первымъ воеводою (на мѣсто, освободившееся за смертію кн. Ив. Сем. Прозоровскаго) бояр. кн. Як. Ник. Одоевскій съ товарищемъ Ив. М. Коркодиновымъ, В. Л. Пушечниковъ «приданъ былъ» имъ въ товарищи и сдѣланъ третьимъ воеводою—вѣроятно потому, что находился во все время Разинскаго бунта въ Астрахани, перенесъ всѣ его ужасы и поэтому былъ прекрасно знакомъ съ положеніемъ дѣлъ. Въ 1674 году (2-го февр.) на смѣну кн. Як. Ник. Одоевскаго посланъ былъ окольн. Ив. Мих. Милославскій, товарищи же воеводы остались старые: стольникъ Ив. Мих. Коркодиновъ и Вас. Лавр. Пушечниковъ, а 3-го марта 1675 года смѣнены были и товарищи воеводы.

Въ 1675 году В. Л. Пушечниковъ, болѣе извѣстный по памятникамъ, какъ «голова стрѣлецкій», чѣмъ «стряпчій», изъ стряпчихъ былъ пожалованъ въ стольники, а въ 1677 году назначенъ былъ товарищемъ воеводы въ Казань, при воев. М. Л. Плещеевѣ. До какихъ поръ онъ былъ въ Казани, неизвѣстно. Позднѣе онъ получилъ званіе «полковника стрѣлецкаго». Въ январѣ 1682 года, какъ выборный человѣкъ, онъ участвовалъ въ земскомъ соборѣ того года и подписался подъ «соборнымъ дѣяніемъ по уничтоженію мѣстничества». Въ томъ же 1682 году, послѣ стрѣлецкаго бунта, по случаю вѣнчанія на царство царей Іоанна и Петра Алексѣевичей (25-го іюня 1682 г.) П. изъ полковниковъ стрѣлецкихъ и стольниковъ былъ пожалованъ въ думные дворяне; думнымъ дворяниномъ мы видимъ его и въ 1692 году. Когда скончался Пушечниковъ, неизвѣстно.

«Акты Истор.», т. IV, стр. 397, 400, 408, 424, 426, 482, 493, 499, 504, 510, 516; «Доп. къ Акт. Истор.», т. VI, стр. 19, 21, 256, 257, 260, 268, 272—275, 282, 285—289, 301, 339, 340; т. VII, стр. 232, 275; т. VIII, стр. 38; «Акты Московск. Госуд.», т. II, стр. 639; т. III, стр. 47, 66, 84, 118, 149, 205, 395, 507; «Собр. Госуд. Грам. и Догов.», т. IV, стр. 410; «Русск. Истор. Библіот.», т. X, стр. 450, 452; «Древн. Росс. Вивліое.», изд. 2-ое, кн. VII, ч. VIII, стр. 416, 481; кн. XVII, ч. XV, стр. 454; Голиковъ, «Дѣянія Петра Вел.», изд. 2-ое, стр. 193; «Дворцовые Разряды», т. III, стр. 172, 186, 188, 193, 199, 207, 214, 217, 257, 309, 620, 884, 920, 926, 1010, 1172, 1264, 1265, 1339, 1428, т. IV, стр. 193, 423; С. М. Соловьевъ «Исторія Россіи», изд. Т-ва «Обществ. Польза», кн. III, т. XI, стр. 81; П. Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ».

Н. В—н—въ.

Пушечниковъ, *Дмитрій Юрьевичъ*, воевода. Въ 1598 году (августа 1-го) подписался подъ утвержденной граматой объ избраніи царемъ Б. Ѳ. Годунова, какъ «ключникъ дворцовый» (Житнаго Дворца). Въ 1604 г. съ подъячимъ Воиномъ Трескинымъ былъ воеводою въ гор. Торжкѣ. Во время борьбы царя Вас. Ив. Шуйскаго съ Лжедимитріемъ II стоялъ на сторонѣ самозванца, но въ 1609 году (28-го мая) перешелъ на сторону Шуйскаго, принеся съ нѣсколькими другими лицами раскаяніе. Съ августа 1610 года Дм. Юр. Пушечниковъ сдѣлался воеводою въ Вяткѣ, тамъ былъ и въ 1611 году. Въ 1614 г. царь послалъ П., со старцемъ Мисаиломъ, усовѣщевать казаковъ и уговорить ихъ итти «на государеву службу» подъ Нижній Новгородъ. Въ 1616 году П. упоминается въ окладной книгѣ; въ 1616—1617 году онъ былъ воеводою въ Путивлѣ; упоминается въ боярскихъ книгахъ подъ 1627 и 1629 г.г., въ 1631 году—въ спискѣ лицъ, которыхъ Государь пожаловалъ на праздникъ св. Христова Воскресенія (10-го апр.) «видѣть очи свои государевы», а въ 1632 году (въ ноябрѣ) — въ спискѣ лицъ, которымъ было велѣно запасы везти подъ Смоленскъ.

«Акты Архивн. Экспед.», т. II, стр. 45; «Акты Истор.», т. II, стр. 353; «Акты Москов. Госуд.», т. I, стр. 145; «Времен. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.», т. I. (Разр. кн. 7123 г.), стр. 3; «Русск. Истор. Библіот.», т. IX, стр. 506, 507; «Пам. Диплом. Сношн.», т. II, стр. 893, 894, 918; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ Отд. Собств. Е. И. В. Канцел., т. I, стр. 5, 412; «Дворцовые Разряды», т. I, стр. 224, 848, 858; Карамзинъ, «Исторія Госуд. Россійск.», изд. ж. «Сѣверъ», т. XII, прим. 391; «Вятскія Губерн. Вѣдомости», 1854 г., № 8 (неоффиц. часть); П. Ивановъ, «Указатель къ боярск. книгамъ».

Н. В—н—въ.

Пушкаревъ, *Алексѣй Назаровичъ*, врачъ, членъ и секретарь Общества Русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, происходилъ изъ духовнаго званія, воспитывался въ Медико-Хирургической Академіи (съ 1830 года), въ 1834 году вышелъ изъ нея лѣкаремъ въ Астраханскій Карабинерный полкъ, затѣмъ служилъ въ л.-гв. Егерскомъ полку, въ 1836 году получилъ званіе медико-хирурга, а въ 1841 г. уволенъ; служилъ затѣмъ въ дѣтской больницѣ, въ 1865 году былъ назначенъ и. д. инспектора Петербургскаго Физиката, но въ томъ же году былъ уволенъ. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды, имѣющіе несомнѣнное научное значеніе: «Описаніе сибирской язвы въ Ново-Ладожскомъ уѣздѣ въ 1841 г.» — «Другъ здравія» 1841 г., № 49; «О рыбѣ въ медико-полицейскомъ отношеніи» — «Другъ Здравія» 1841 г., № 49; «О занозѣ» — «Труды Общ. русскихъ врачей», III, 225; «О душевныхъ болѣзняхъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи», С.-Пб. 1848 г. (за это сочиненіе П. получилъ почетный отзывъ отъ Академіи Наукъ по Демидовскимъ преміямъ: см. 18-ое присужденіе Демидовскихъ наградъ, разборъ Заблоцкаго, 1849 г., 225—47; критика—въ «Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщ.» ч., 58, отд. VI, стр. 27, А. Лакіера, и «Отечественныя Записки», ч. 58, отд. VI, 32, 60, VI, 21. Отвѣтъ — тамъ же, ч. 61, VIII, 75); «Изъ протоколовъ Общ. Русск. врачей» — «Med. Zeit. Russl.» 1853 г., 147, 150; «Воспоминаніе о Виллié», «Прот. Общ. Русскихъ врачей» 1854 г.; то же — «Med. Zeit. Russl.» 1854 г., 86; то же — «Сѣверная Пчела» 1854 г.; то же — «Военно-Медицинскій Журналъ» 1855 г., ч. 65, 1; «Дѣйствіе сулемы съ опіемъ въ острыхъ ревматизмахъ» — «Труды Общ. Русск. врачей въ С.-Пб.», 1854 г., 216; «Xantium spinosum въ перемежающихся лихорадкахъ»,—тамъ же, 219; «Маточное кровотеченіе при родахъ послѣдомъ впередъ» — тамъ-же, 224; «Случай отравленія гашишемъ» — тамъ-же, 262; «Венерическая болѣзнь въ С.-Петербургѣ и полицейскія мѣры противъ ея распространенія» (совмѣстно съ Ф. О. Журавскимъ) — «Прот. Общ. Русск. врачей въ С.-Пб.» 1862—63, 341; Судебно-медицинская замѣтка: «Убійство мѣщаниномъ Кулешевымъ четырехъ человѣкъ и въ томъ числѣ своей родной матери» — тамъ же, 1864 — 65 г. и то-же въ «Архивѣ Судебной Мед.» 1865 г., 2, V, 26—27.

Л. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. II, С.-Пб. 1886 г., и тетр. III, 1887 г.; «Протоколы засѣданій Общ. Русскихъ врачей въ С.-Пб.» за разные годы.

Н. К—нъ.

Пушкаревъ, *Андрей Алексѣевичъ*, писатель. Родился въ 1842 г. и, окончивъ курсъ въ одной изъ Петербурскихъ гимназій, поступилъ на математическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета (по естественному разряду), курсъ котораго окончилъ въ 1863 г. со званіемъ дѣйствительнаго студента. Вскорѣ же П. поступилъ на службу въ Сѣверо-Западный край мировымъ посредникомъ, обязанности коего несъ съ большою любовью (вплоть до назначенія начальникомъ края А. Н. Потапова), что доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что крестьяне покидаемаго имъ участка поднесли ему образъ въ благодарность за его труды. Перейдя на службу въ Министерство Финансовъ, П., съ началомъ русско-турецкой войны, поступилъ полевымъ казначеемъ въ 12-й армейскій корпусъ, съ которымъ и переносилъ всѣ лишенія и труды кампаніи до самаго ея конца. Вернувшись затѣмъ въ Петербургъ, П. уже въ началѣ 1880 г. отправился, въ той же должности полевого казначея, въ Закаспійскій край съ отрядомъ М. Д. Скобелева и находился при немъ при взятіи Геокъ-Тепе. Вскорѣ за тѣмъ П. былъ назначенъ управляющимъ Бакинскою Казенною Палатою. Здѣсь онъ отмѣтилъ свою дѣтельность проектомъ учрежденія въ Баку ярмарки.

Помимо своей служебной дѣятельности, П. занимался и литературой, помѣщая свои статьи, главнымъ образомъ, по крестьянскому вопросу, въ разныхъ повременныхъ

изданіяхъ. Кромѣ того, онъ напечаталъ «Отрывокъ изъ воспоминаній: сраженіе 30-го ноября 1877 года въ Рущукскомъ отрядѣ подъ Тростеникомъ и Мечной», С.-Пб. 1880 г. Скончался въ Баку, 13-го января 1885 года.

«Новое Время» 1885 г., № 3192; «Новь» 1885 г., № 7, стр. 435; «Библіографъ» 1886, № 12, стр. 183; «Виленскій календарь» на 1886 г., стр. 238—239.

Б. Львовъ.

Пушкаревъ, *Иванъ Ильичъ*, писатель-историкъ и статистикъ; происходилъ изъ дворянъ Симбирской губерніи, родился въ Симбирскѣ въ 1803 году, воспитывался въ мѣстной гимназіи и въ 1823 году поступилъ на службу въ Симбирскій Совѣстный Судъ, откуда вскорѣ перешелъ въ канцелярію гражданскаго губернатора, а въ 1831 г.—въ Симбирскую Казенную Палату, гдѣ былъ столоначальникомъ до 1834 года, когда (въ мартѣ мѣсяцѣ) вышелъ въ отставку и отправился въ Петербургъ, надѣясь здѣсь найти болѣе подходящія условія для удовлетворенія своихъ склонностей къ литературнымъ занятіямъ, которыя въ Симбирскѣ ни въ комъ не встрѣчали себѣ сочувствія. Поступивъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, письмоводителемъ въ Главное Инженерное Училище, находившееся въ вѣдѣніи В. К. Михаила Павловича, П. въ 1836 г. перешелъ на службу въ Государственный Контроль. Къ 1837 году относится появленіе въ печати первой работы П.: «Историко-географическое описаніе городовъ Симбирской губерніи», изданное авторомъ (С.-Пб. 1837 г.) въ пользу погорѣвшихъ жителей г. Пензы; вскорѣ П. былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Статистическаго Отдѣленія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и назначенъ членомъ Комитета С.-Петербургской Дѣтской Больницы, въ пользу которой постоянно дѣлалъ пожертвованія изъ своихъ скромныхъ средствъ. Затѣмъ П. въ 1843 г. изъ Контроля перешелъ на службу въ Статистическое отдѣленіе Минист. Внутр. Дѣлъ производителемъ статистическихъ работъ и получилъ чинъ колл. ассесора и въ томъ-же году утвержденъ въ званіи почетнаго попечителя Царскосельскаго уѣзднаго училища и избранъ членомъ-благотворителемъ Импер. Человѣколюбиваго Общества. Въ 1845 г. онъ вышелъ изъ Статистическаго Отдѣленія и причислился къ Министерству Внутр. Дѣлъ, оставаясь членомъ Комитета Дѣтской Больницы. Кромѣ указаннаго выше, П-ву принадлежатъ слѣдующіе историко-статистическіе труды: «Описаніе С.-Петербурга и уѣздныхъ городовъ С.-Петербургской губерніи», съ виньеткою и планомъ С.-Петербурга, 4 ч., С.-Пб. 1839 — 1842; «Сводъ постановленій о общественномъ воспитаніи дѣтей мужскаго и женскаго пола въ учебныхъ заведеніяхъ Россійской Имперіи», С.-Пб. 1840 (въ 1845 году вышло 3-е изданіе этой книги, подъ заглавіемъ: «Сводъ постановленій о воспитаніи дѣтей обоего пола въ учебныхъ заведеніяхъ Россійской Имперіи...., исправленный и дополненный вновь собранными свѣдѣніями, по 1-ое іюня 1845 г.»); «Описаніе Россійской Имперіи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ», т. I, тетр. 1—4, С.-Пб. 1844—1846 (далѣе не выходило; тетр. I—Новгородская губернія, съ картою и 8 рис.; тетр. II—Архангельская губернія, съ картою, планами городовъ и 3 рис.; тетр. III—Олонецкая губернія, съ картою и 5 рис.; тетр. IV—Вологодская губ., съ картою и 5 рис.. Пушкареву сотрудничалъ въ этой работѣ Гедеоновъ); «Исторія Россійской гвардіи» (С.-Пб. 1844—1845 г.), на изданіе которой Пушкаревъ получилъ пособіе изъ казны. Сочиненіе это съ рисунками; вышелъ т. I (1844 г.) и вып. 1-й тома II, 1845 г. (царствованіе Имп. Павла), дальнѣйшія главы остались въ рукописи; «Путеводитель по Санктпетербургу и окрестностямъ его», съ 1 планомъ, С.-Пб. 1843; «Историческій указатель достопамятностей Санктпетербурга. Съ прилож. медалей и 31 раскрашенныхъ рисунковъ достопримѣчательнѣйшихъ памятниковъ и зданій въ С.-Петербургѣ», С.-Пб. 1846. Кромѣ того, П. издалъ книжки: «Разсказы моего отца. Тетрадь для юношества», С.-Пб. 1836, изд. 2-е, С.-Пб. 1837; «Краткое историко-статистическое описаніе С.-Петербургской губерніи», «Описаніе С.-Петербургской Дѣтской больницы» (С.-Пб. 1838) и др. брошюры; издалъ онъ также портреты всѣхъ членовъ Импер. Фамиліи и вырученныя отъ продажи ихъ деньги (до 5000 р. с.) пожертвовалъ Дѣтской Больницѣ. За свои труды П. неоднократно получалъ Высочайшія награды отъ Императора Николая, Наслѣдника Александра Николаевича и другихъ чле-

новъ Императорскаго Дома. И. И. Пушкаревъ скончался въ С.-Петербургѣ 25-го марта 1848 года.

Карточный каталогъ Импер. Публ. Библіотеки; «Сборникъ историч. и статистич. матеріаловъ о Симбирской губерніи», Симб. 1868, стр. 248—250, ст. князя В. Баюшева; «Московскія Вѣдомости» 1848 г., № 40; «Вѣдом. С.-Петерб. Городской Полиціи» 1848 г., № 69.

Пушкарь (Пушкаренко), *Мартынъ*, полковникъ Полтавскій, противникъ гетмана Ивана Выговскаго. Имя его впервые встрѣчается въ казачьихъ реестрахъ 1649 года, составленныхъ послѣ Зборовскаго договора; здѣсь онъ уже значится полковникомъ Полтавскимъ. Во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Богданомъ Хмельницкимъ за освобожденіе Малороссіи отъ польскаго ига, мы видимъ Пушкаря вѣрнымъ и храбрымъ сподвижникомъ гетмана. Такъ, въ 1649 году онъ, вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ Хмельницкимъ (сыномъ гетмана), Прилуцкимъ полковникомъ Носомъ и Дорошенкомъ, водилъ въ Молдавію 16 тысячъ казаковъ, посланныхъ туда гетманомъ съ цѣлью вынудить отъ тамошняго господаря Лупула согласіе на бракъ его дочери съ сыномъ гетмана. Затѣмъ, Пушкарь участвовалъ въ злополучномъ для казаковъ сраженіи подъ Берестечкомъ (1651) и выдержалъ осаду поляковъ въ Охматовѣ (1655). Хмельницкій указывалъ между прочимъ на Пушкаря, какъ на одного изъ возможныхъ своихъ преемниковъ. Вскорѣ, однако, послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, Пушкарь, состоявшій совѣтникомъ молодого Юрія Хмельницкаго, избраннаго гетманомъ на совѣщаніи старшинъ и полковниковъ, сталъ во главѣ политическаго движенія, въ продолженіе слишкомъ года волновавшаго Малороссію.

27-го іюля 1657 года Хмельницкій умеръ, а 30-го сентября на Корсунской радѣ былъ избранъ гетманомъ Иванъ Выговскій. Послѣ кончины Хмельницкаго на Украйнѣ образовалось двѣ партіи: партія «значныхъ», старшины, желавшей слиться съ Польшею на федеративныхъ началахъ, выразителемъ шляхетскихъ стремленій которой являлся Выговскій, и партія народная, тянувшая, въ противоположность первой, — къ Москвѣ. Представителемъ послѣдней былъ Пушкарь. Простой народъ не могъ сочувствовать старшинѣ, ибо онъ зналъ, что, съ присоединеніемъ Малороссіи къ Польшѣ, старшины сдѣлаются тѣми же панами, отъ которыхъ ему пришлось столько вытерпѣть, а съ Москвой его связывало единство вѣры и племени; если москаля народъ не любилъ, то поляка—ненавидѣлъ. Къ тому же, самодержавная власть представлялась для простого народа средствомъ и возможностью защиты отъ старшины.

Поднимая открытую борьбу противъ Выговскаго, Пушкарь выставилъ два принципа: принципъ вѣрности Москвѣ, соединенный съ желаніемъ слиться съ нею на еще болѣе тѣсныхъ основаніяхъ, чѣмъ при Хмѣльницкомъ, и принципъ борьбы за права народа, котораго старшина постоянно стремилась отстранить отъ участія въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ, желая ограничить козачество опредѣленнымъ числомъ, выключивъ изъ него все поспольство. Послѣдній принципъ былъ особенно пріятенъ мѣщанамъ, платившимъ подати, но которымъ старшина не дозволяла перехода въ козачество. Оба эти принципа были совершенно противоположны желаніямъ значныхъ.

Начало борьбы Пушкаря съ Выговскимъ возникло изъ за самаго гетманскаго избранія, совершившагося безъ согласія на это Запорожья. Послѣднее по этому поводу волновалось и отправило своихъ депутатовъ въ Москву, указывая на то, что гетманы избирались всегда въ Сѣчи, и что старшина городовая отстраняетъ Сѣчь отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Пушкарь принялъ сторону Запорожья и отправилъ въ Москву, вмѣстѣ съ депутатами отъ Сѣчи, и своихъ посланцовъ: Стринджу и Ивана Донца съ жалобой на гетмана. Черезъ своихъ пословъ Пушкарь просилъ московское правительство учинить новую раду, ибо «Иванъ Выговскій всему войску запорожскому и всей черни Днѣпровской не любъ».

Московское правительство, въ видахъ успокоенія Малороссіи, согласилось на эту просьбу и выдало запорожцамъ и посламъ Пушкаря грамату, въ которой разрѣшало избрать гетмана на полной радѣ. Рѣшивъ въ то же время дѣйствовать оружіемъ, Пушкарь послалъ къ запорожцамъ просьбу помогать ему противъ Выговскаго, и когда послѣднему удалось смирить Сѣчь, то часть запорожцевъ, въ числѣ шестисотъ человѣкъ, особенно недовольная гет-

маномъ, оставила ее и явилась къ Пушкарю съ атаманомъ Яковомъ Барабашемъ.

Но главная сила Пушкаря была въ простомъ народѣ. Пользуясь ненавистью черни къ значнымъ, онъ разсылалъ повсюду универсалы, въ которыхъ объявлялъ, что царь позволилъ ему идти противъ царскихъ измѣнниковъ—гетмана и старшины и побивать ихъ, а другихъ отсылать въ Москву; что для этой цѣли пожалованы ему отъ царя пушки и знамена и обѣщана присылка на помощь сорока тысячъ московскихъ ратныхъ людей. Кромѣ того, онъ приглашалъ въ своихъ «листахъ» козаковать посполитыхъ. Къ нему со всѣхъ сторонъ стали стекаться пастухи, наймиты и многочисленная голота (голь), оставшаяся безъ крова и пищи вслѣдствіе непрерывныхъ предшествовавшихъ войнъ. Люди эти, не имѣя ни лошадей, ни вооруженія, шли къ Пушкарю съ дубинами, косами, рогатинами и, по выраженію лѣтописца, «зъ сердцами до убійства и разгробленія имѣній людскихъ готовыми». Ненависть черни противъ старшины была особенно сильна въ это время, такъ какъ незадолго передъ симъ гетманъ и старшина предлагали пріѣхать царскому чиновнику для составленія реестра козакамъ, «чтобъ впредь гультяемъ въ козаки писаться было невольно», и чтобы мѣщане были обложены податями, какія они платили при польскомъ господствѣ, дабы гетманъ, какъ говорилось въ основаніи этой просьбы, имѣлъ возможность платить козакамъ жалованье. Такимъ образомъ, универсалы Пушкаря встрѣтили у народа полное сочувствіе,—и въ короткое время у полтавскаго полковника было до 20 тысячъ людей, называвшихся «дейнеками».

Вскорѣ возстаніе изъ Полтавы распространилось на окрестности Гадяча, Зѣнькова, Ромна, Миргорода. Донецъ возмутилъ окрестности Лохвицы, собралъ тамъ толпу «гультяевъ» и принялся грабить имѣнія значныхъ. Въ народѣ проснулась старая вражда противъ пановъ, каторыми являлись въ данное время гетманъ и старшина. Начался рядъ убійствъ и грабежей, жертвами которыхъ являлись по преимуществу люди состоятельные, друзья партіи значныхъ, «совѣтники» гетмана и старшины и ихъ арендари. Такимъ образомъ, возстаніе Пушкаря, изъ усобицы между нимъ и гетманомъ, превратилось въ соціальную войну неимущихъ классовъ противъ богатыхъ, безправныхъ — противъ значныхъ. Узнавъ о враждебныхъ дѣйствіяхъ Пушкаря, Выговскій изъ Чигирина прибѣжалъ въ Гадячъ и здѣсь казнилъ нѣсколько возмутителей народа, а затѣмъ отправилъ въ Полтаву своего намѣстника (т. е. управителя имѣніями, принадлежавшими гетману въ Гадячскомъ полку) Тимоша съ просьбой оставить вражду и принять миръ. Но Пушкарь, зная о томъ, что Выговскій казнилъ нѣсколькихъ приверженцевъ его въ Гадячѣ и опасаясь, что гетманъ хочетъ убить и его, на миръ не согласился и велѣлъ заковать Тимоша и отправить его въ Каменное, къ московскому воеводѣ Колонтаеву, съ которымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Тогда Выговскій рѣшилъ смирить Пушкаря оружіемъ и выслалъ противъ него полки Нѣжинскій и Черниговскій; но этотъ походъ ничѣмъ не кончился: простые казаки отказались поднимать оружіе противъ своихъ братьевъ и разошлись. Тогда 25-го января 1658 года Выговскій послалъ противъ возставшихъ отрядъ изъ наемныхъ волоховъ, сербовъ, нѣмцевъ и поляковъ подъ начальствомъ Ивана Сербина, которому было поручено напасть на Полтаву врасплохъ. Отрядъ этотъ, не дойдя до Полтавы, сбился съ зимней дороги и вслѣдствіе этого промедлилъ цѣлый день. Тѣмъ временемъ, Пушкарь узналъ объ опасности, и 27-го января въ урочищѣ Жуковомъ Байракѣ, близъ Диканьки, на отрядъ Выговскаго напалъ врасплохъ Барабашъ съ запорожцами и городовыми козаками и разбилъ его на голову. Безуспѣшными оказались и дѣйствія Миргородскаго полковника Лѣсницкаго противъ Пушкаря. Къ этому времени въ Малороссію прибылъ бояринъ Богданъ Хитрово, посланный на Украйну для переизбранія гетмана и вообще для умиротворенія края. Выговскій, объявивъ, что рада будетъ въ Переяславлѣ, распустилъ слухъ, что отказывается отъ гетманства. Услыхавъ о новой радѣ, Пушкарь выступилъ изъ Полтавы, «чтобы тую раду разорвати»; но, узнавъ, что тамъ Хитрово, отказался отъ своего намѣренія, боясь какъ бы его походъ туда, гдѣ находился царскій бояринъ, не показался бунтомъ противъ царской власти. Поэтому, пока въ Переяславѣ находился Хитрово, Пушкарь стоялъ въ Гадячѣ. Подождавъ немного, Хитрово

устроилъ раду безъ участія Пушкаря,—и на ней, благодаря искуснымъ интригамъ, избранъ былъ гетманомъ Выговскій. Едва рада окончилась, какъ Хитрово получилъ отъ Пушкаря письмо, въ которомъ тотъ просилъ его пріѣхать въ Лубны, чтобы устроить новую раду, ибо «Переяславская рада—не въ раду», такъ какъ на ней не было ни Пушкаря со всей его партіей, ни запорожцевъ, ни «черни». Новоизбранный митрополитъ Діонисій Балабанъ (сторонникъ Выговскаго) грозилъ Пушкарю церковнымъ проклятіемъ, если онъ не прекратитъ своихъ враждебныхъ дѣйствій. Пушкарь отвѣтилъ ему, что только тогда признаетъ Выговскаго гетманомъ, когда «вся чернь украинская, единомысленно съ чернью войска запорожскаго», изберутъ его. Пушкарь вновь послалъ на Запорожье пословъ своихъ: Стринджу, Донца и сына своего *Кирилла Пушкаренка*, которые привезли туда съ собой царскую грамату о дозволеніи переизбирать гетмана. Запорожцы, у которыхъ вновь пробудилась надежда возвратить себѣ прежнее значеніе въ дѣлѣ рѣшенія судебъ Украйны, заволновались. Чернь порывалась идти на Чигиринъ, другіе спѣшили соединиться съ дейнеками Пушкаря. Находясь вблизи Полтавы, Пушкарь просилъ Хитрово собрать войско и идти подъ Лубны, увѣряя его, что Выговскій хочетъ напасть врасплохъ на великороссіянъ. Въ это-же время Пушкарь отправилъ въ Москву первый свой доносъ на Выговскаго, въ которомъ писалъ, что Выговскій измѣнникъ. На обратномъ пути своемъ изъ Переяслава бояринъ Хитрово видѣлся 5-го марта, въ Лубнахъ, съ Пушкаремъ. Хитрово убѣждалъ его оставить свои враждебныя дѣйствія, одарилъ его подарками и деньгами и увѣрялъ въ царской милости; но Пушкарь не соглашался признать Выговскаго гетманомъ и положить оружіе. Онъ продолжалъ писать въ Москву доносы. Московское правительство хотя и хвалило его, но не давало ему перевѣса надъ гетманомъ. Наконецъ, прибыли къ Пушкарю царскіе посланники—стольникъ Иванъ Олфимовъ и дворянинъ Никифоръ Волковъ съ приказомъ не нападать на гетмана; Пушкарь отвѣчалъ, что Выговскій хочетъ принудить его не мѣшать своимъ замысламъ и просилъ у царя заступленія и покровительства. Выговскій поставленъ былъ въ неловкое положеніе. Онъ видѣлъ, что Пушкарь и запорожцы болѣе, чѣмъ онъ, нравятся въ Москвѣ. Не желая ѣхать въ Москву, куда его звали, Выговскій послалъ туда вмѣсто себя Миргородскаго полковника Григорія Лѣсницкаго. Не надѣясь на удачу въ Москвѣ, Выговскій одновременно сталъ искать помощи у татаръ; къ нему пришелъ знаменитый Карабей съ ордою. Приходъ послѣднихъ сильно не понравился народу, опасавшемуся грабежа со стороны татаръ. Воевода Кіевскій Бутурлинъ доносилъ царю, что нѣкоторые изъ недовольныхъ письменно выражали ему желаніе, чтобы царь прислалъ войско свое и оборонилъ бы Украйну отъ татаръ и ляховъ. Изъ находившихся въ это время въ Москвѣ Лѣсницкаго и посланца Пушкаря Искры каждый оправдывалъ своего вождя и чернилъ противника, но доносамъ Пушкаря (11-го марта и 26-го апрѣля) и свидѣтельству Искры объ измѣнѣ гетмана и сношеніяхъ его съ Ордою и поляками мало вѣрили до тѣхъ поръ, пока не пришло извѣстіе отъ Бутурлина.

Впрочемъ, о приходѣ въ Малороссію татаръ въ Москвѣ знали уже и раньше, и въ Украйну былъ немедленно посланъ Иванъ Опухтинъ съ приказомъ Выговскому, чтобы онъ съ Пушкаремъ не смѣлъ самовольно распоряжаться и приводить татаръ въ Малороссію, а ждалъ бы царскихъ войскъ. Въ это время вернулся изъ Москвы Лѣсницкій и привезъ извѣстіе, что царь принялъ его отлично, а посла Пушкаря—Искру велѣлъ задержать. Ободренный этимъ Выговскій вновь послалъ увѣщаніе полтавцамъ, а затѣмъ и самъ, вопреки уговорамъ и запрещеніямъ московскихъ пословъ Опухтина и Петра Скуратова, выступилъ 4-го мая на Полтаву. Лубны заперлись отъ полковъ Выговскаго, который долженъ былъ силою пробиться черезъ городъ; миргородцы же свергли своего полковника Довгаля и посадили его подъ стражу за преданность Пушкарю. Жители Голтвы не хотѣли сперва идти съ Выговскимъ, но, убоявшись его угрозъ, пошли съ нимъ. Испуганные ордою, Пушкарь и Барабашъ написали 14-го мая письмо къ Выговскому, прося его простить ихъ «неисправленіе» передъ нимъ, но требуя отправки обратно орды. Выговскій не обратилъ вниманія на это письмо и 17-го мая выступилъ изъ Голтвы, а на слѣдующій день произошла первая стычка между

ними и пушкаревцами съ неблагопріятнымъ для послѣднихъ исходомъ.

Въ это же время подъ Глуховомъ нѣсколько сотъ пушкаревцевъ были «выстинаты» (убиты) войсками Выговскаго. Пушкарь и Барабашъ заперлись въ Полтавѣ, къ которой подошелъ Выговскій. Новый посолъ царскій Василій Кикинъ уговорилъ Выговскаго и Пушкаря помириться между собой, но полтавскіе козаки и запорожцы запретили Пушкарю мириться съ гетманомъ и не пустили его изъ города. Пушкарь, укоряемый своими приверженцами за нерѣшительность, выступилъ 1-го іюня изъ Полтавы и напалъ на обозъ Выговскаго. Голота перепилась находившеюся на возахъ горилкою и была перебита подоспѣвшею ордою. Самъ Пушкарь погибъ въ этой битвѣ. Барабашъ съ немногими людьми ушелъ въ Полтаву, а на другой день мѣщане отворили гетману ворота города, при чемъ Выговскій поклялся никому не мстить. Но какъ только доступъ въ Полтаву былъ открытъ, туда ворвались козаки и татары, и начался четырехдневный грабежъ города. Вскорѣ покорились Выговскому Лубны, Миргородъ, Гадячъ, и голота разбѣжалась, лишенная своего предводителя, но долго еще бродила толпами, смущая народъ. Когда, затѣмъ, гадячскій договоръ (16-го сентября 1658 года) сталъ извѣстенъ въ Москвѣ, то правительство само обратилось къ народу, приглашая его содѣйствовать войскамъ кн. Ромодановскаго, который долженъ былъ придти въ Малороссію. Партія Пушкаря мгновенно ожила. Полтавцы низложили полковника Горкушу, поставленнаго Выговскимъ, и избрали полковникомъ *Кирика Пушкаренка*, сына стараго Пушкаря; Искра, отпущенный изъ Москвы, сталъ разсылать универсалы противъ Выговскаго, Иванъ Донецъ и Стефанъ Довгаль снова появились и стали набирать полки въ помощь Ромодановскому. Еще до прихода своего въ Малороссію, Ромодановскій послалъ, на помощь Кирику Пушкаренку, осажденному татарами въ Полтавѣ, Григорія Косагова съ отрядомъ, который впервые столкнулся съ татарами подъ Голтвою и послѣ непродолжительнаго боя взялъ ее (въ концѣ 1658 года). Дейники быстро стекались къ Ромодановскому и жестоко мстили приверженцамъ Выговскаго: Миргородъ, Пирятинъ, Лубны и другіе города подверглись разоренію, Мгарскій монастырь былъ разграбленъ, народъ сталъ избивать жолнеровъ, — и Малороссія временно успокоилась только послѣ того, какъ гетманъ бѣжалъ изъ Чигирина.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о *Кирикѣ* Пушкаренкѣ отрывочны. Въ апрѣлѣ 1659 года, будучи полковникомъ Полтавскимъ, онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Маркомъ-Коломакомъ Пушкаренкомъ* писалъ царю письмо, въ которомъ, отъ лица полчанъ, просилъ царя о милости въ виду разоренія Полтавскаго полка и о защитѣ отъ Выговскаго, обѣщая ему вѣрную службу. Въ числѣ 14 человѣкъ, отправленныхъ съ этой челобитной, былъ и Маркъ Пушкаренко. Извѣстно также, что въ іюлѣ 1659 года полковникомъ Полтавскимъ былъ Ѳедоръ Жученко. Изъ письма (19-го іюля 1659 года) послѣдняго къ наказному гетману Ивану Безпалому видно, что въ это время въ Полтавѣ былъ бунтъ, при чемъ былъ пойманъ чернецъ Епифаніевскаго Полтавскаго монастыря съ писанными листами отъ имени Пушкаренка къ Филону Горкушѣ (бывшему полковнику Полтавскому) и къ Герасиму Каплонскому, полковнику Чигиринскому. Узнавъ объ этомъ, Пушкаренко бѣжалъ, но былъ пойманъ и вмѣстѣ съ чернецомъ держанъ «въ везеню». Послѣднее, если не ошибаемся, свѣдѣніе о Кирикѣ Пушкаренкѣ относится къ 1666 году, когда онъ, будучи товарищемъ Полтавскаго полка, подавалъ вмѣстѣ съ другими жалобу царю на притѣсненія и жестокости воеводы Якова Хитрово. Память о Мартынѣ Пушкарѣ сохранилась у народа, сложившаго трогательную думу о его кончинѣ.

Н. Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. II, С.-Пб. 1859; Гетманство Выговскаго, С.-Пб. 1862; Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, изданіе 2-ое, т. I и III; Акты, относящіеся до исторіи южной и западной Россіи, т. т. IV, V, VI, VII, XV; О. Бодянскій, Реестра всего войска запорожскаго, послѣ Зборовскаго договора, М. 1875; В. Эйнгорнъ, Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в. I. Сношенія Малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, М. 1899; О. Левицкій, Очеркъ внутренней исторіи Малороссіи въ XVII вѣкѣ; С. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, кн. III; Лѣтопись Самовидца, К. 1878; С. Величко, Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII вѣкѣ, К. 1848; Гр. Грабянка, Дѣйствія презѣльной брани и т. д., К. 1854; И. Срезневскій, Выговскій и Пушкарь, «Сынъ Отечества» 1834 г., № 47,

стр. 258—74; его-же, Мартинъ Пушкарь, «Очерки Россіи» В. Пассека, 1838 г., кн. I, стр. 201—18; А. Савельевъ-Ростиславичъ, Мартынъ Пушкарь, «С-Пб. Вѣдомости» 1848 г., № 14; Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1765 года, въ «Чтеніяхъ Москов. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1848 г., т. VI; В. В. Волкъ-Карачевскій, Борьба Польши съ козачествомъ во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, К. 1899.

В. Модзалевскій

Пушкинъ, *Александръ Сергѣевичъ*, родился 26 мая 1799 г. въ Москвѣ, на Нѣмецкой улицѣ въ домѣ Скворцова; умеръ 29 января 1837 г. въ Петербургѣ. Со стороны отца Пушкинъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, происходившему, по сказанію родословныхъ, отъ выходца «изъ нѣмецъ» Ратши. Лишь представитель шестого поколѣнія послѣ Ратши, Григорій Александровичъ, носилъ прозваніе Пушки, откуда пошла и фамилія Пушкиныхъ. Дальнѣйшая исторія этого рода не блистала крупными именами, хотя имя Пушкиныхъ нерѣдко попадается въ разныхъ актахъ: Пушкины были служилыми дворянами, исполняли иногда отвѣтственныя порученія и обязанности, но никогда не возвышались до первыхъ мѣстъ въ государствѣ. Такимъ образомъ, по знатности Пушкины принадлежали ко второразрядной аристократіи, имѣвшей въ XVI в. право на полученіе чина окольничаго; такихъ родовъ было 15. Между предками поэта, впрочемъ, были и намѣстники (Василій Тимофеевичъ Слѣпецъ, въ 1527—намѣстникъ Гомейскій) и послы (Василій Алексѣевичъ, въ 1532 г. посолъ въ Казани), были и «думные дворяне», «ловчіе», «воеводы», «стольники», «сокольничіе». Особенно живое участіе въ дѣлахъ государства обнаружилъ родъ Пушкиныхъ въ Смутное Время. Въ избраніи на царство Романовыхъ принимали участіе многіе представители этого рода. При Петрѣ родъ Пушкиныхъ теряетъ значеніе вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ Пушкиныхъ были противниками Петровскихъ реформъ. Такъ, одинъ изъ видныхъ представителей этого рода, Матвѣй Степановичъ, бывшій съ 1668 г. окольничимъ, подвергся гнѣву Петра за упорное нежеланіе посылать дѣтей своихъ заграницу; въ 1697 году этотъ же бояринъ принималъ участіе въ стрѣлецкомъ заговорѣ Циклера и Соковнина, за что лишенъ былъ боярства и съ внукомъ своимъ Ѳеодоромъ сосланъ въ Енисейскъ, гдѣ и умеръ въ 1706 г.; сынъ его Ѳеодоръ, зять Соковнина, за это же былъ казненъ 4 Марта 1697 г.; М. Ст. Пушкинъ вообще былъ интересною личностью. Еще при Алексѣѣ Михаиловичѣ онъ слылъ за упорнаго сторонника «послѣдней Руси». Такъ, онъ не пожелалъ быть подъ началомъ Аѳанасія Ордина-Нащокина, которому поручена была встрѣча польскихъ пословъ. Царь посадилъ Пушкина въ тюрьму, но не сломилъ его упорства, не смотря на угрозу лишить его всѣхъ вотчинъ и помѣстій.

Еще разъ высочайшей опалѣ подвергается эта фамилія при вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины: дѣдъ поэта, Левъ Александровичъ (р. 17 февр. 1723 г., умеръ 25 окт. 1790 г.), артиллеріи подполковникъ, за вѣрность Петру III-му былъ въ 1762 г. посаженъ Екатериною въ крѣпость, гдѣ сидѣлъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Женатъ онъ былъ два раза: отъ перваго брака (съ Мар. Матвѣевной Воейковой) имѣлъ 3 сыновей; отъ второго брака (съ Ольгой Вас. Чичериной)—2 сыновей и 2-хъ дочерей. Изъ нихъ отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ, началъ службу въ Измайловскомъ полку, затѣмъ служилъ въ гражданской службѣ и дослужился до чина статскаго совѣтника; былъ масономъ; владѣлъ сел. Болдинымъ, Лукояновскаго уѣзда, и Захарьинымъ, Бронницкаго уѣзда. Женатъ былъ на Надеждѣ Осиповнѣ Ганнибалъ (ум. 1836), которая принесла съ собой въ приданое с. Михайловское (Зуево), Опочецкаго уѣзда. Отъ этого брака произошли: Ольга Сергѣевна (р. 20 дек. 1797 г.), впослѣдствіи замужемъ за т. с. Ник. Ив. Павлищевымъ, Александръ Сергѣевичъ, Николай Сергѣевичъ (р. 1802 г. у 1807), Левъ Сергѣевичъ (р. 1805 у. 1852 г.) и еще нѣсколько дѣтей, умершихъ въ младенчествѣ.

Родословная матери поэта не такъ велика. Родоначальникомъ фамиліи Ганнибаловъ былъ Абрамъ Петровичъ, арапъ и крестникъ Петра Великаго. Онъ началъ службу въ гвардіи, въ 1742 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ Ревельскимъ оберъ-комендантомъ; въ 1762 г., за старостью, былъ уволенъ отъ службы въ чинѣ генералъ-аншефа. Изъ пяти сыновей его (Иванъ, Петръ, Исаакъ, Яковъ и Іосифъ) младшій, Іосифъ, былъ родной дѣдъ поэта по матери: «Африканскій характеръ его», «пылкія страсти, соеди-

ненныя съ ужаснымъ легкомыслiемъ», по словамъ поэта, предали его всякаго рода дикимъ увлеченiямъ и излишествамъ и сдѣлали ужасомъ семьи. Онъ былъ женатъ на Марiи Алексѣевнѣ Пушкиной и при живой женѣ, сказавшись вдовцомъ, обвѣнчался со вдовой капитана У. Е. Толстой. Это двоеженство кончилось уголовнымъ процессомъ, при чемъ Ганнибалъ былъ разведенъ со второю женой и сосланъ — сначала на службу въ Средиземное море, а затѣмъ въ его село Михайловское. Мать поэта, Надежда Осиповна, была дочь Ганнибала отъ первой жены. Тяжелое семейное положенiе, конечно, объясняетъ и многiе недостатки характера Надежды Осиповны. Въ отрывкахъ изъ лицейскихъ записокъ, въ словахъ: «бабушка и мать — ихъ бѣдность» — поэтъ ясно указалъ на тяжелое положенiе своей матери въ молодости.

Своей родословной А. С. Пушкинъ очень дорожилъ и гордился: «Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, говорилъ онъ, но и должно; не уважать оной есть постыдное равнодушiе». Предкамъ поэтъ посвятилъ небольшую статью: «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ», стихотвореniе: «Моя родословная, или русскiй мѣщанинъ» (1830) и, отчасти, стихотворный отрывокъ: «Родословная моего героя».

Пушкинъ до Лицея (1799—1811). Родители поэта были люди свѣтскiе прежде всего. Въ расцвѣтѣ силъ и здоровья, отецъ поэта вышелъ въ отставку, поселился въ Москвѣ и зажилъ тамъ беззаботной жизнью русскаго барина. Онъ былъ созданъ для гостиной, блистать въ обществѣ было его главной заботой. Въ декламацiи французскихъ стиховъ у него не было въ тогдашней Москвѣ соперниковъ; никто удачнѣе его не умѣлъ устроить любительскаго спектакля и никто не исполнялъ своей роли съ такимъ успѣхомъ, какъ онъ; его каламбуры и экспромпты бывали такъ удачны, что запоминались и переходили изъ устъ въ уста. Онъ былъ веселымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ, но, при всемъ своемъ остроумiи и начитанности, былъ въ своей бесѣдѣ человѣкомъ очень поверхностнымъ.

Стоитъ припомнить ту Москву, которая изображена Грибоѣдовымъ въ его безсмертной комедiи, и мы возстановимъ кругъ интересовъ, въ которыхъ вращался отецъ поэта, одинъ изъ лучшихъ представителей ея. Онъ былъ душою «общества», публика была ему необходима, какъ для актера, воспитаннаго на подмосткахъ. Одиночества Сергѣй Львовичъ не выносилъ, къ деревенской жизни питалъ отвращенiе. Когда не было настоящихъ цѣнителей его талантовъ, онъ собиралъ вокругъ себя дѣтей и развлекалъ себя своей декламацiей и своимъ остроумiемъ. При этомъ сами дѣти были для него совершенно безразличны. Въ ихъ присутствiи онъ разсказывалъ иногда самыя двусмысленныя исторiи и читалъ совсѣмъ не педагогичные стихи. Зудъ къ стихотворству былъ тоже одной изъ его многочисленныхъ слабостей: особенно писанiе французскихъ стиховъ было любимымъ его развлеченiемъ. Говорятъ, что многочисленныя его произведенiя, цѣлыя повѣсти на французскомъ языкѣ, долго сохранялись въ Москвѣ. Впрочемъ, увлеченiе стихотворствомъ было тогда модой вообще, а въ семьѣ Пушкиныхъ въ частности. Одинъ изъ отдаленныхъ родственниковъ его, Алексѣй Михайловичъ (ум. 25 мая 1825), былъ писателемъ и переводчикомъ; братъ С. Л., Василiй Львовичъ, былъ въ свое время очень извѣстнымъ поэтомъ. Эта страсть распространилась даже на прислугу: въ передней Пушкиныхъ водились доморощенные стихотворцы; такъ, камердинеръ Никита Тимофеевичъ сочинилъ даже балладу изъ сказокъ о Соловьѣ-Разбойникѣ, богатырѣ Еруслановѣ Лазаревичѣ и царевнѣ Милитрисѣ Кирибитьевнѣ. Немудрено, что и въ дѣтскую Пушкиныхъ забралось это увлеченiе стихотворствомъ и декламацiей. Безмятежное довольство собой, полная безпечность, уходящая въ безпросвѣтный эгоизмъ, нравственная индеффферентность — вотъ та оборотная сторона характера С. Л—ча, который прикрывался снаружи блескомъ и лоскомъ свѣтскаго, любезнаго и остроумнаго человѣка, но очень больно чувствовался домашними, особенно дѣтьми. Мать поэта была подстать своему супругу. «Красавица-креолка», прошедшая тяжелую школу семейныхъ невзгодъ, отличалась вспыльчивостью, эксцентричностью. По натурѣ своей не будучи доброй, она порою могла быть злой и жестокой, взбалмошной и мстительной даже по отношенiю къ дѣтямъ. Ровнаго отношенiя къ дѣтямъ у нея не было: къ младшимъ (особенно Льву) относилась она со страстностью, къ старшему (Александ-

ру)—съ холодностью, которая порой смѣнялась вспышками раздраженія. Однажды на балу она ударила по лицу свою взрослую дочь; цѣлый годъ не разговаривала съ А. С., когда онъ былъ еще ребенкомъ; для него спеціально изобрѣтала особыя наказанія, недовольная его разсѣянностью, неуклюжестью и неизящною внѣшностью. Холодному равнодушію супруга она противопоставляла свой необузданный, порывистый духъ, унаслѣдованный отъ отца. Но они уживались съ мужемъ, такъ какъ оба одинаково любили свѣтъ и одинаково равнодушны были къ хозяйству и семьѣ. Вотъ почему въ домѣ ихъ царилъ полный безпорядокъ. «Домъ Пушкиныхъ, говоритъ бар. М. А. Корфъ, представлялъ какой-то хаосъ и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана. Когда у нихъ обѣдывало человѣка два-три лишнихъ, то всегда посылали къ сосѣдямъ за приборами». Все это очень характерно для пониманія души поэта: въ семьѣ онъ не встрѣтилъ ни материнской любви, ни отцовской заботливости. Значительно позднѣе люди, знавшіе поэта и его семью, недостатками домашняго воспитанія объясняли многіе недостатки Пушкинскаго характера. Въ безалаберномъ отцовскомъ домѣ не было не только любви, но и того воспитывающаго благочинія, которое и подрастающаго ребенка съ дѣтскихъ лѣтъ пріучаетъ къ опредѣленному укладу жизни, къ привычкамъ, которыя, въ худшемъ случаѣ, могутъ замѣнить принципы.

На этомъ фонѣ безотраднаго дѣтства поэта свѣтлыми образами встаютъ образы его бабушки, Маріи Алексѣевны Ганнибалъ, и старухи-няни, Арины Родіоновны. Бабушка, много страдавшая на своемъ вѣку, вынесла изъ этихъ страданій мягкость души, которая сказалась въ забытой дѣтской Пушкиныхъ. Ея разсказы о старинѣ увлекали будущаго поэта и, быть можетъ, еще изъ этихъ разсказовъ вынесъ онъ любовь къ Петру и интересъ къ своему предку, «арапу» великаго государя. Старуха-няня представляла собой типичный образецъ русской женщины, надѣленной не только здравымъ смысломъ, но и поэтическимъ чутьемъ. Она знала безконечное число пѣсенъ и сказокъ, пословицами и поговорками пересыпала свою умную, образную рѣчь. Она была добрымъ геніемъ маленькихъ Пушкиныхъ, особенно Александра, къ которому чувствовала особенную привязанность, быть можетъ за то, что онъ былъ нелюбимымъ ребенкомъ въ семьѣ. Быть можетъ, сердечность этой простой русской женщины и спасла нѣжное, любящее сердце поэта отъ ранняго озлобленія, отъ тягостнаго сознанія несправедливости человѣческой. Поэтъ отплатилъ своей нянѣ теплой привязанностью, которую онъ сохранилъ въ теченіе всей своей жизни; образъ няни не разъ мелькалъ и въ его произведеніяхъ, всегда окруженный самой нѣжной привязанностью: «Зимній вечеръ», «Нянѣ» —стихотворенія, посвященныя ей; о ней вспоминаетъ поэтъ въ стихотвореніи «Опять на родинѣ»; быть можетъ, ея образъ косвенно отразился и на нянѣ Татьяны Лариной. Большое значеніе имѣла няня и на раннее развитіе поэтическихъ дарованій поэта. Муза, по его признанію, впервые посѣтила его еще «на слабомъ утрѣ дней златыхъ», «во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ»....

Тѣ вечера, когда ребенокъ-поэтъ оставался одинъ со своей любимицей и ожидалъ отъ нея сказки, запечатлѣлись навсегда въ его памяти. Въ одномъ стихотвореніи онъ называетъ ихъ «золотымъ временемъ». «Притаясь» въ углу, онъ сидѣлъ и ждалъ свою «мамушку»,

Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.

Поэтъ живо вспоминалъ потомъ, въ теченіе всей жизни, «прелесть этихъ таинственныхъ ночей»:

Отъ ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло.

Когда же засыпалъ, наконецъ, весь трепещущій отъ страха, просыпалось его дѣтское творчество:

Толпой съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали,
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустынь,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней
И въ вымыслахъ носился юный умъ....

Эти дѣтскіе «вымыслы» сквозь сонъ и были первыми созданіями поэта. Еще тогда «богини пѣснопѣнья» въ «младенческую

грудь» влили «искру вдохновенья»; «младенцемъ» онъ уже научился чувствовать прелесть «мирныхъ звуковъ наслажденья». Вотъ почему можно утверждать, что любовь къ народной поэзіи, къ причудливымъ образамъ народной фантазіи зародилась у Пушкина подъ вліяніемъ разсказовъ его старой няни; въ прологѣ къ «Руслану и Людмилѣ» онъ удивительно удачно соединилъ сказочные мотивы въ длинную цѣпь пестрыхъ, прихотливыхъ образовъ, прекрасно рисующихъ тотъ чудесный міръ, въ которомъ онъ жилъ въ своемъ раннемъ дѣтствѣ.

Когда М. А. Ганнибалъ пріобрѣла подмосковное сельцо Захарово, Пушкины стали ѣздить туда каждое лѣто. Здѣсь будущій поэтъ впервые узналъ русскую деревню, русскую природу. Это знакомство принесло много счастья ребенку, и лѣтнія пребыванія въ с. Захаровѣ сдѣлались для него на всю жизнь золотымъ воспоминаніемъ дѣтства. Въ 1815 году онъ все еще жилъ воспоминаніями жизни въ этомъ селѣ («Посланіе къ Юдину»).

Говорятъ, что жизнь въ деревнѣ, на свободѣ полей и лѣсовъ, очень своеобразно отразилась на будущемъ поэтѣ: «прежняя сонливость смѣнилась вдругъ рѣзвостью и шалостями, переходящими всякія границы». «Ни строгостью, ни лаской нельзя было унять упрямаго мальчика, почуявшаго свободу». Родители, еще недавно приходившіе въ ужасъ отъ неподвижности, неповоротливости мальчика, теперь пришли въ негодованіе отъ его рѣзвости и шаловливости, но подѣлать съ нимъ ничего не могли—и дружно отвернулись навсегда отъ страннаго, «несимпатичнаго» ребенка съ такимъ взбалмошнымъ характеромъ. Они предоставили его цѣликомъ бабушкѣ и старой нянѣ, дворовымъ людямъ и русской природѣ; всю свою любовь они перенесли на старшую дочь Ольгу и младшаго сына Льва. Конечно, несправедливость такого дѣлежа родительскихъ симпатій чуткимъ ребенкомъ сознавалась, но у него былъ уже собственный міръ, который утѣшалъ его вспыльчивое, но незлобивое сердце. Немудрено, что съ воспоминаніемъ ранняго дѣтства у него въ общемъ соединилось представленіе времени счастливаго и безоблачнаго: въ 1815 году, вспоминая Москву, онъ ей посвятилъ прочувствованныя строки: «Края Москвы, края родные, гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ часы безпечности я тратилъ золотые, не зная горестей и бѣдъ». Темнымъ пятномъ, которое туманило эти дѣтскія воспоминанія, были гувернантки и гувернеры, смѣнившіе Арину Родіоновну. Въ «Отрывкахъ Лицейскихъ Записокъ» Пушкинъ перечисляетъ тѣ факты изъ своей дѣтской жизни, которые особенно чувствительно врѣзались въ его памяти. Рядомъ съ совершенно случайными замѣтками, мы встрѣчаемъ и многозначительное «няня», потомъ «отъѣздъ матери въ деревню» и «*Первыя непріятности—гувернантки*». Затѣмъ идетъ перечень гувернеровъ: «Монфоръ, Русло, Кат. П. и Анна Ивановна» и краснорѣчивое: «нестерпимое состояніе». Очевидно, родители, не желая безпокоить себя излишними хлопотами, поручили обуздать сына наемникамъ. Вотъ почему едва-ли не автобіографическое значеніе имѣетъ слѣдующее мѣсто изъ начатаго Пушкинымъ романа «Русскій Пеламъ»: «Отецъ, конечно, меня любилъ, но вовсе обо мнѣ не безпокоился и оставилъ меня на попеченіе французовъ, которыхъ безпрестанно принимали и отпускали. Первый мой гувернеръ оказался пьяницей; второй, человѣкъ не глупый и не безъ свѣдѣній, имѣлъ такой бѣшеный нравъ, что однажды чуть не убилъ меня полѣномъ... Впрочемъ, и то правда, что не было у насъ ни одного, котораго бы въ двѣ недѣли по его вступленіи въ должность не обратилъ я въ домашняго шута». «Я былъ рѣзвъ, лѣнивъ и вспыльчивъ, но чувствителенъ и честолюбивъ, и лаской у меня можно было добиться всего»... Гувернеръ молодого Гринева («Капитанская дочь») — тоже образъ, быть можетъ, до нѣкоторой степени списанный съ жизни.

Впослѣдствіи, въ запискѣ «О народномъ воспитаніи», Пушкинъ высказалъ очень рѣзкое сужденіе по этому вопросу: «Въ Россіи, говоритъ онъ, домашнее воспитаніе самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопями, видитъ гнусные примѣры.... Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и первоначальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ». Конечно, въ этой характеристикѣ русскаго домашняго воспитанія слышится воспоминаніе о своемъ собственномъ дѣтствѣ: надо однако думать, что не отсутствовали и

положительныя стороны вліянія домашней жизни на ребенка-Пушкина.

Въ «Отрывкахъ лицейскихъ записокъ» встрѣчаемъ мы указанія на «*литературныя знакомства отца и дяди*»; очевидно, въ глазахъ поэта эти «знакомства» имѣли не мало значенія для его развитія. «Живя чисто по-Московски, гостепріимно открывая дверь своего дома всѣмъ безъ разбора, — будь то честный человѣкъ, хоть нѣтъ», — Пушкины знакомы были со всею Москвой... Дверь ихъ дома была открыта «для званыхъ и незваныхъ, особенно изъ иностранныхъ». Но въ этой пестрой толпѣ, въ которой перебывали и эмигранты съ громкими титулами и безъ титуловъ, и русскіе московскіе баре, бывали и московскіе литераторы. Они въ домѣ Пушкиныхъ пользовались особымъ почетомъ и встрѣчались особенно радушно. Эта слабость въ дѣятелямъ литературной жизни, несомнѣнно, была одной изъ самыхъ свѣтлыхъ чертъ въ характерѣ отца поэта. Вѣроятно, посредникомъ между нимъ и русскими литераторами былъ братъ его Василій Львовичъ. Общій любимецъ московскаго и петербургскаго общества, неизмѣнно добродушный и всегда веселый, онъ вездѣ былъ желаннымъ гостемъ. И. И. Дмитріевъ, Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій, К. Н. Батюшковъ были его друзьями.

Василій Львовичъ подкупалъ всѣхъ своей простотой и сердечной наивностью: надъ нимъ посмѣивались, но его вездѣ и всѣ любили. «По характеру своему онъ имѣлъ много общаго съ братомъ и принадлежалъ, какъ и Сергѣй Львовичъ, къ тому типу интеллигентныхъ бонвивановъ, которыми такъ изобилуетъ конецъ прошлаго и начало нынѣшняго вѣка»... Но въ немъ не было холодности и нѣкоторой жесткости Сергѣя Львовича; немудрено, что ему были рады и въ дѣтской Пушкиныхъ: туда онъ первый внесъ живую литературную струю, первое знакомство съ тогдашними корифеями русской литературы. Его живые разсказы о заграничной жизни и личныхъ знакомствахъ съ заграничными, главнымъ образомъ французскими, знаменитостями увлекали ребенка-Пушкина и, мало по малу, втягивали въ кругъ литературныхъ интересовъ. Поэтому понятенъ тотъ восторгъ, съ которымъ будущій поэтъ всматривался въ гостиной своего отца въ лица писателей, которые, благодаря словоохотливому дядюшкѣ, были ему знакомы не съ одной только литературной стороны. Въ его стихотвореніяхъ есть указаніе на тѣ чувства, которыя волновали его, когда онъ увидѣлъ въ первый разъ Жуковскаго:

> Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
> Безмолвный я стоялъ, и молнійной струею
> Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла.

Богатая библіотека отца, составленная почти исключительно изъ французскихъ писателей, была въ полномъ распоряженіи ребенка. Страстный любитель чтенія, онъ съ головой окунулся въ удушливую атмосферу французской сенсуалистической и скептической литературы, вліяніе которой было настолько могуче, что опредѣлило настроеніе его первыхъ поэтическихъ опытовъ. Парни и Вольтеръ — вотъ имена, которыя дома не сходили съ языка молодого поэта. За ними встрѣчаемъ имена Вержье, Грекура, Виланда, Шапеля, Грессе, Лафора, Шолье и, рядомъ съ этимъ, но рѣже упоминаемыя имена Мольера, Виргилія, Тассо, Камоэнса, Оссіана, Расина, Руссо, Ювенала и др. Подругой поэта въ его чтеніи была его любимица-сестра Ольга. Впослѣдствіи, въ Лицеѣ, въ стихотвореніи «Къ сестрѣ» онъ спрашиваетъ ее: »Жанъ-Жака-ли читаешь? Жанлисъ-ли предъ тобой? Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ смѣешься всей душой? Иль съ Греемъ и Томсономъ ты пронеслась мечтой въ поля, гдѣ отъ дубравы вдоль вѣетъ вѣтерокъ»? Въ стихотвореніи «Городокъ» онъ впервые произвелъ смотръ всѣмъ своимъ любимцамъ: съ ними «онъ съ восторгомъ забываетъ цѣлый свѣтъ»: эти «мертвецы», «парнасскіе жрецы»—его друзья. На первомъ мѣстѣ поставленъ Вольтеръ, «сынъ Мома и Минервы», «Фернейскій злой крикунъ». Это, по признанію Пушкина, «поэтъ въ поэтахъ первый»; онъ былъ имъ «всѣхъ больше перечитанъ» и всѣхъ менѣе его томилъ... Такія же восторженныя строки посвящены «Ванюшѣ Лафонтену», «безпечному лѣнтяю», который своей «поэзіей прелестной», по признанію юноши, завлекъ его юное сердце «въ плѣнъ». Такъ же сочувственно звучитъ отзывъ о Богдановичѣ,—этомъ «наперсникѣ миломъ Психеи златокрылой», счастливомъ соперникѣ Лафонтена; Вержье, Парни и Грекуръ тоже отмѣчены имъ, какъ любимцы. Изъ русскихъ писателей нашли мѣсто въ этомъ любопытномъ каталогѣ

Державинъ, Дмитріевъ, Озеровъ, Карамзинъ, Фонвизинъ и Княжнинъ. Но, надо сознаться, эти русскія имена встрѣтили здѣсь довольно холодную оцѣнку: только Богдановичъ да Батюшковъ, В. Л. Пушкинъ, Крыловъ и Барковъ удостоились той живой похвалы, которая свидѣтельствуетъ, что ихъ творенія дѣйствительно затронули воображеніе поэта. Любопытно, что какъ разъ тѣ произведенія этихъ писателей удостоились хвалы, которыя, въ большей или меньшей мѣрѣ, отвѣчали своимъ настроеніемъ любимымъ поэтамъ французскимъ. Легкомысленное пониманіе жизни, какъ неизсякаемаго источника радостей и наслажденій—вотъ господствующій мотивъ этой поэзіи. Фривольное отношеніе къ основнымъ вопросамъ бытія, эротизмъ, не переходящій за предѣлы изящнаго, и легкій скептицизмъ, далекій отъ мрачнаго разочарованія и пессимизма, пронизывали легкіе, жизнерадостные образы этой своеобразной поэзіи; живой, веселый стиль, беззаботный смѣхъ, полная безоблачность настроеній,—вотъ что въ этой поэзіи чаровало нашего Пушкина.

Еще дома встрѣтился поэтъ съ творчествомъ, которое освѣщалось этими настроеніями: таковы были произведенія его отца и дяди Василія Львовича. Юноша настолько поддался имъ, что даже въ Вольтерѣ не усмотрѣлъ серьезнаго содержанія, признавъ, что чтеніе Вольтера его «не томило». Оттого серьезная поэзія въ эти счастливые годы претила ему, хотя онъ и «разбиралъ нѣмца Клопштока», но «не могъ понять премудраго»; вотъ почему онъ боялся «безъ крылъ парить за Мильтономъ и Камоэнсомъ», не пытался подражать Виргилію, но за то остался въ полномъ восторгѣ отъ поэмы Вольтера «La Pucelle», назвавъ ее «книжкой славною, золотой и незабвенной», и охотно взялся писать ей подражаніе, чувствуя въ себѣ и достаточно силъ, и соотвѣтственное настроеніе. Если всѣ эти отзывы о западной литературѣ относятся ко времени пребыванія поэта въ Лицеѣ, тѣмъ не менѣе изъ самаго стихотворенія «Городокъ» явствуетъ, что знакомство съ этими авторами началось еще дома.

Само собой разумѣется, что примѣръ старшихъ, литературная атмосфера домашней жизни, увлеченіе поэзіей привели поэта къ первымъ опытамъ литературнаго творчества еще дома. Всѣ его первые литературные опыты писались на французскомъ языкѣ и были подражаніями излюбленнымъ произведеніямъ. Первымъ и единственнымъ критикомъ ихъ была сестра поэта. Отъ этихъ раннихъ его произведеній уцѣлѣло лишь названіе одной поэмы «La Tolyade», написанной въ подражаніе «Генріадѣ»; кромѣ того, извѣстно, что, подражая Мольеру, онъ писалъ и комедію «L'Escamoteur». Извѣстно также, что въ концѣ 1811 или въ началѣ 1812 года Пушкинъ сочинилъ рыцарскую балладу, въ подражаніе произведеніямъ Жуковскаго; но ничто изъ этого не сохранилось, оставшись лишь въ воспоминаніяхъ дѣтства. Вѣроятно, въ этой французоманіи поэта сказалось, хотя и косвенно, вліяніе гувернеровъ-французовъ. Между ними былъ напримѣръ Русло, который «имѣлъ претензію писать французскіе стихи не хуже Расина и Корнеля». Въ ребенкѣ-поэтѣ этотъ «несносный, капризный самодуръ» едва ли не видѣлъ счастливаго соперника и злобился на него, вышучивая его произведенія и жалуясь родителямъ на стихотворство ученика. Какъ ни было обидно самолюбивому ребенку такое отношеніе непріязненнаго поэта-гувернера, но примѣръ могъ быть заразителенъ, а этихъ примѣровъ для мальчика было больше, чѣмъ достаточно, и онъ продолжалъ увлекаться французскими стихами.... Французоманія московскаго общества, высмѣянная Грибоѣдовымъ, царила, какъ мы видѣли, и въ домѣ Пушкиныхъ. Поэтъ самъ признавался, уже взрослымъ, что французскій языкъ всегда зналъ лучше роднаго, русскаго. Вотъ почему особенно благотворно было вліяніе старухи-няни и бабушки: только съ ними, съ прислугой, да со священникомъ дѣти говорили по-русски. Бабушка Марья Алексѣевна, принимавшая участіе въ занятіяхъ внуковъ, обучала ихъ русскому языку; священникъ Александръ Ивановичъ Бѣликовъ преподавалъ имъ Законъ Божій.

Такъ пестро и безпорядочно шло воспитаніе мальчика дома. Съ одной стороны полное равнодушіе родителей, изрѣдка переходившее въ недоброе высмѣиваніе нелюбимаго ребенка; съ другой—полная свобода саморазвитія безъ системы и контроля, нарушаемая лишь безтолковыми вторженіями разныхъ гувернеровъ въ завѣтный

міръ, созданный самимъ ребенкомъ... Случайныя знанія и случайныя впечатлѣнія громоздились безъ системы въ его юномъ умѣ и сердцѣ; добрыя и злыя чувства переплетались въ его душѣ. Его воображеніе, развитое не по лѣтамъ, уже создало ему свой, особый міръ поэтическихъ грезъ, куда пестрой чередой собрались и граціозныя, чувственно-прекрасныя видѣнія «легкой поэзіи французовъ» и эпически-спокойные образы народной русской сказки... Мысль дремала, но чувства уже кипѣли въ душѣ этого страннаго ребенка. «Я былъ рѣзвъ, лѣнивъ и вспыльчивъ, но чувствителенъ и честолюбивъ, и ласкою у меня можно было добиться всего», говоритъ одинъ изъ героевъ Пушкина: едва-ли это не автобіографическое признаніе. Именно «ласкъ» было мало для правильнаго воспитанія сердца поэта. Это замѣчено было многими, знавшими его семейную обстановку.

Графъ И. А. Каподистрія про него писалъ, что, исполненный горестей впродолженіи всего своего дѣтства, П. «оставилъ родительскій домъ, не испытывая сожалѣнія. Если поэтъ и склоненъ былъ позднѣе вспоминать золотые дни своего дѣтства, то это объяснимо и его незлопамятливостью, и тѣмъ, что, благодаря равнодушію родителей, онъ создалъ свой, особый міръ, въ которомъ былъ по-своему счастливъ». «Лишенный сыновней привязанности, онъ могъ имѣть лишь одно чувство—страстное желаніе независимости». Въ этомъ отзывѣ много справедливаго. Для родителей онъ былъ чужимъ, и они для него тоже,— слѣдовательно въ раннемъ его дѣтствѣ не хватало одного изъ самыхъ существенныхъ воздѣйствій — любви и близкихъ людей. Немудрено, что онъ стремился только къ тому, чтобы родители и ихъ наемники не вторгались въ его завѣтный міръ, а они не прочь были отдѣлаться отъ ребенка, своими странностями, «неуимчивостью» (слова няни) не подходившаго къ ихъ образу жизни. Вотъ почему они готовы были отдѣлаться отъ него, сдавъ его на руки хотя-бы даже отцовъ-іезуитовъ. Къ счастію поэта, онъ избѣгъ этой школы, попавъ на 12-омъ году въ Царскосельскій Лицей.

Онъ вступилъ туда ребенкомъ, развившимся не по лѣтамъ, но знавшимъ мало; да и это малое было несистематично. Его душа была полна противорѣчій и порывовъ: съ трогательной любовью къ старой нянѣ и бабушкѣ онъ соединялъ равнодушіе къ родителямъ и злобу къ гувернерамъ и гувернанткамъ. Онъ способенъ былъ восторгаться спокойными образами народной поэзіи, и въ то-же время въ его душѣ жили «нѣжныя и юношескія чувства», которыя такъ взволновали его при первомъ свиданіи съ пѣвцомъ «Свѣтланы». Вопреки мнѣнію Энгельгардта, эти чувства не были въ немъ «унижены воображеніемъ, оскверненнымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы»: они уживались рядомъ въ его дѣтской душѣ, уже тогда многосторонней и богатой; конечно, въ глаза бросалось прежде всего то, что было неожиданнымъ въ ребенкѣ, и потому всякаго воспитателя должно было поразить то обстоятельство, что французскую эротическую поэзію при поступленіи въ Лицей онъ зналъ «почти наизусть, какъ бы достойное пріобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія».

Пушкинъ въ Лицеѣ.

Лицей въ Царскомъ Селѣ былъ основанъ 12-го августа 1810 года; 11-го января 1811 г. было опубликовано во всеобщее свѣдѣніе о его основаніи, а 1-го марта 1811 г. С. Л. Пушкинъ подалъ прошеніе о допущеніи сына къ вступительному экзамену. Экзаменъ былъ сданъ 12-го августа и обнаружилъ полную случайность и несистематичьность знаній Пушкина: онъ получилъ отмѣтки: «въ грамматическомъ познаніи Россійскаго языка — очень хорошо, въ грамматическомъ познаніи французскаго языка — хорошо, въ грамматическомъ познаніи нѣмецкаго языка — не учился, въ ариѳметикѣ — до тройного правила, въ познаніи общихъ тѣлъ — хорошо, въ начальныхъ основаніяхъ географіи и въ начальныхъ основаніяхъ исторіи — имѣетъ свѣдѣнія». Тѣмъ не менѣе, № 14-мъ Пушкинъ вошелъ въ списокъ принятыхъ. 19-го октября 1811 г. послѣдовало открытіе новаго заведенія, 23-го начались уже занятія. Лицей, основанный по плану, выработанному Сперанскимъ, былъ учебнымъ заведеніемъ, на которое возлагали особыя надежды: — онъ долженъ былъ готовить «государственныхъ людей». Сообразно такимъ разсчетамъ, учебные планы въ Лицеѣ преслѣдовали по преимуществу

общеобразовательныя цѣли, исключавшія возможность всякой спеціализаціи. Лицей долженъ былъ замѣнить университетъ для дѣтей привиллегированнаго сословія. Государь сначала очень увлекался новымъ заведеніемъ, хотѣлъ даже воспитывать въ немъ своихъ братьевъ, великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, но война 1812 г., а затѣмъ и перемѣна его міросозерцанія измѣнили это отношеніе къ Лицею. Оттого новое заведеніе, на первыхъ порахъ обставленное роскошно, очень скоро спустилось въ ряды заурядныхъ казенныхъ заведеній. «Вначалѣ намъ сдѣлали прекрасные синіе мундиры изъ тонкаго сукна, съ теперешнимъ воротникомъ, и при нихъ бѣлые панталоны въ обтяжку съ ботфортами и трехугольными шляпами и, сверхъ того, для будней,—синіе форменные сюртуки съ красными воротниками»; но послѣ 1812-года «все это стало отпадать: сперва, вмѣсто бѣлыхъ панталонъ съ ботфортами, явились сѣрые брюки; потомъ, вмѣсто трехугольныхъ шляпъ, — фуражки; наконецъ, вмѣсто форменныхъ синихъ сюртуковъ,—сѣрые статскаго покроя, чѣмъ особенно мы обижались, потому что такая же форма была тогда у малолѣтнихъ придворныхъ пѣвчихъ внѣ службы».

Еще болѣе ощутительными для первыхъ учениковъ Лицея были неустройства въ учебныхъ планахъ заведенія. Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ воспоминаніяхъ такъ характеризуетъ Лицей въ первые годы его существованія. «Лицей былъ устроенъ на ногу высшаго, окончательнаго училища, а принимали туда, по уставу, мальчиковъ отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ, съ самыми ничтожными предварительными свѣдѣніями. Намъ нужны были сперва *начальные* учители, а дали тотчасъ *профессоровъ*, которые, при томъ, сами никогда нигдѣ еще не преподавали. Насъ надобно было раздѣлить по лѣтамъ и по знаніямъ на классы, а посадили всѣхъ вмѣстѣ и читали, напримѣръ, нѣмецкую литературу тому, кто едва зналъ нѣмецкую азбуку. Насъ—по крайней мѣрѣ въ послѣдніе три года — надлежало спеціально приготовить къ будущему нашему познанію, а вмѣсто того, до самаго конца, для всѣхъ продолжался какой то *общій* курсъ, полугимназическій и полууниверситетскій, *обо всемъ на свѣтѣ*: математика съ дифференціалами и интегралами, астрономія въ широкомъ размѣрѣ, церковная исторія, даже высшее богословіе—все это занимало у насъ столько же, иногда и болѣе времени, нежели правовѣдѣніе и другія науки политическія. Лицей былъ въ то время не университетомъ, не гимназіею, не начальнымъ училищемъ, а какою то безобразною смѣсью *всего этого вмѣстѣ* и, вопреки мнѣнію Сперанскаго, смѣю думать, онъ былъ заведеніемъ, не соотвѣтствовавшимъ ни своей *особенной*, ни вообще *какой-нибудь* цѣли».

Недостатки общаго учебнаго плана не искупались хорошимъ подборомъ руководителей-наставниковъ. Директоръ (Малиновскій), на долю котораго выпала тяжелая обязанность «открывать» новое заведеніе, не былъ на высотѣ своего призванія. Это былъ «человѣкъ добрый и съ образованіемъ, хотя нѣсколько семинарскимъ, но слишкомъ простодушный, безъ всякой людскости, слабый и вообще не созданный для управленія какою-нибудь частію, тѣмъ болѣе высшимъ учебнымъ заведеніемъ». «Профессора» этого Лицея тоже оказались неудовлетворительными руководителями лицейской молодежи. Даже лучшіе изъ нихъ—Куницынъ, Кайдановъ и Карцевъ—остались въ памяти лицеистовъ скорѣе съ чертами комическими. Если они и были лучшими воспитанниками Педагогическаго Института и по окончаніи курса были даже за-границей для усовершенствованія въ наукахъ, если они и были «молоды, полны силъ и любви къ своему дѣлу»,—то, встрѣтившись съ этимъ дѣломъ лицомъ къ лицу, они скоро опустились, перестали работать и повернулись къ своимъ питомцамъ своей отрицательной, смѣшной стороной. Быть можетъ, разгадка этого кроется въ полной неподготовленности аудиторіи и въ неумѣніи молодыхъ профессоровъ стать на уровень пониманія своихъ слушателей. Что такой разладъ могъ быть, видно изъ той рѣчи, съ которой обратился Куницынъ на актѣ, въ день открытія Лицея, къ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикамъ, будущимъ своимъ слушателямъ. Онъ наставлялъ ихъ на путь истинной добродѣтели, убѣждалъ ихъ быть достойными своихъ знаменитыхъ предковъ и позаботиться о славѣ своего имени. «Вы-ли хотите, говорилъ онъ мальчикамъ, смѣшаться съ толпой людей обыкновенныхъ, пресмыкающихся въ неизвѣстности и каждый день поглащаемыхъ волнами забвенія?»

Быть можетъ, впрочемъ, этотъ пафосъ былъ искреннимъ у Куницына и приподымалъ настроеніе учениковъ, слушавшихъ его уроки логики и нравственныхъ наукъ,— по крайней мѣрѣ одному Куницыну выразилъ признательность поэтъ въ стихахъ «19-е октября 1825».

Куницыну даръ сердца и вина:
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень;
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена.

Но эта похвала страдаетъ такою-же неопредѣленностью, она такъ же обща, какъ и тотъ пафосъ, которымъ воодушевлялъ учитель своихъ учениковъ.

Болѣе реальное воспитательное значеніе имѣлъ на лицеистовъ преподаватель французскаго языка Де-Будри, родной братъ Марата. Строгій ко всѣмъ, баронъ Корфъ этого старика особенно выгодно выдѣляетъ изъ ряда его товарищей. По его словамъ, онъ «одинъ изъ всѣхъ данныхъ намъ наставниковъ вполнѣ понималъ свое призваніе и, какъ человѣкъ въ высшей степени практическій, наиболѣе способствовалъ нашему развитію, отнюдь не въ одномъ познаніи французскаго языка. Пока Куницынъ заставлялъ насъ долбить теорію логики со всѣми ея схоластическими формулами, Де-Будри училъ насъ ей на самомъ дѣлѣ: онъ дѣйствовалъ непосредственно и постоянно на высшую и важнѣйшую способность — способность правильнаго мышленія, а черезъ нее и на другую способность—логическаго, складнаго и отчетливаго выраженія мыслей словомъ». Изъ всѣхъ педагоговъ Лицея, кажется, одинъ Де-Будри сумѣлъ заставить учениковъ заниматься, и если лицеисты позволяли себѣ шалости съ нимъ, то позднѣе оцѣнили его, «отдавъ полную справедливость благотворному вліянію, которое имѣлъ онъ и на ихъ образованіе... Для Пушкина самымъ пріятнымъ наставникомъ былъ проф. Галичъ, временный замѣститель Кошанскаго, особенно пріятный, быть можетъ, потому, что менѣе всего былъ «наставникомъ», проще держался со своими учениками, повидимому нерѣдко становился съ ними на дружескую, товарищескую ногу. Быть можетъ, это вредило дѣлу обученія, но вносило ту «человѣчность» въ отношенія, то признаніе равноправности, при которомъ юный поэтъ чувствовалъ міръ своей души въ безопасности отъ чуждыхъ, нежелательныхъ вторженій. Вотъ почему онъ почтилъ Галича не холодной, почти оффиціальной похвалой, а теплымъ привѣтомъ: «мой добрый Галичъ, vale!»

Успѣхи лицеистовъ были очень скромны: ни директоръ, ни инспекторъ не сумѣли поставить преподованіе съ надлежащей серьезностью, и въ результатѣ воспитанники завоевали полную свободу: «кто не хотѣлъ учиться, говоритъ бар. Корфъ, тотъ могъ предаваться самой изысканной лѣни; но кто и хотѣлъ, тому не много открывалось способовъ, при неопытности, неспособности или равнодушіи большей части преподавателей, которые столь же далеки были отъ исполненія устава, сколько и вообще отъ всякой раціональной системы преподаванія». «Кто хочетъ—учится, кто хочетъ—гуляетъ», пишетъ въ 1812 году Илличевскій. Само собою разумѣется, что такая постановка преподаванія была вѣрнымъ залогомъ того, что нестройныя и неровныя познанія Пушкина, вынесенныя изъ домашняго чтенія, не только не улеглись въ стройную систему, но едва ли особенно обогатились чѣмъ-нибудь подъ вліяніемъ лицейскихъ руководителей: по прежнему чтеніе, случайное и несистематическое, воспитывало вкривь и вкось душу юнаго поэта. Изъ наставниковъ одинъ Кошанскій, профессоръ русской словесности, чувствуя въ юношѣ будущаго писателя, пытался «воспитывать» его геній; но юный поэтъ, не терпѣвшій никакихъ притязаній на свою свободу, недобрымъ смѣхомъ отозвался на добросовѣстныя, но жалкія потуги педанта-Аристарха направить молодой, своенравный геній на колею изношенныхъ «піитическихъ правилъ» добраго стараго времени. Такимъ образомъ, развитіе Пушкина ускользало отъ лицейскихъ педагоговъ и шло своимъ путемъ, быть можетъ кривымъ, но свободнымъ. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи характеристики его успѣховъ, сдѣланыя разными его наставниками въ разное время пребыванія его въ Лицеѣ— съ первой дошедшей до насъ отъ 15-го марта 1812 г. до послѣдней, за октябрь и декабрь 1816 г. Изъ этихъ характеристикъ мы видимъ, что и для педагоговъ Лицея Пушкинъ остался все тѣмъ же неразгаданнымъ, не поддающимся никакому вліянію, какимъ онъ покинулъ отчій домъ. 15-го марта 1812 года Кошанскій писалъ о немъ:

«Александръ Пушкинъ имѣетъ больше понятливости, чѣмъ памяти, болѣе имѣетъ вкуса, нежели прилежанія; почему малое затрудненіе можетъ остановить его, но не удержитъ: ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравниться съ первыми питомцами. Успѣхи его въ Латинскомъ хороши; въ Русскомъ не столько тверды, сколько блистательны». Преподаватель нѣмецкаго языка сообщилъ начальству 31-го марта 1812 года.: «Il paraît qu'il ne s'est jamais occupé de l'allemand avant d'entrer au Lycée et ne paraît guère vouloir le faire maintenant». Профессоръ Куницынъ призналъ, «понятливость», «замысловатость» и «остроуміе» юноши, но убѣдился въ томъ, что онъ «способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, а потому успѣхи его очень не велики, особливо по части логики». Въ октябрѣ-ноябрѣ 1816 г. успѣхи его были таковы: «въ Энциклопедіи права 4 (высшій баллъ — 1; О обозначаетъ отсутствіе отвѣта), Политической Экономіи—4, Военныхъ наукахъ—О, Прикладной Математикѣ — 4, Всеобщей Политической Исторіи — 4, Статистикѣ — 4, Лат. яз.—О, Россійской поэзіи — 1, Эстетикѣ — 4, Нѣмецкой риторикѣ — 4, Французской риторикѣ—1; Прилежаніе—4, Поведеніе—4. Въ выпускномъ свидѣтельствѣ, рядомъ съ отмѣтками, показывающими успѣхи хорошіе, весьма хорошіе и даже превосходные («въ россійской и французской словесности, а также въ фехтованьѣ), объ Исторіи, Географіи, Статистикѣ, Математикѣ и Нѣмецкомъ языкѣ глухо, но краснорѣчиво сказано: «занимался». Если сравнить эту аттестацію съ той, по которой онъ былъ принятъ въ Лицей, не трудно убѣдиться, что за всѣ пять лѣтъ пребыванія въ Лицеѣ Пушкинъ успѣшно отстаивалъ свою личность отъ всякихъ на нее посягательствъ, учился лишь тому, чему хотѣлъ, и такъ, какъ хотѣлъ. «Неуимчивый», по удачному выраженію няни Арины Родіоновны, въ дѣтствѣ, онъ такимъ же «неуимчивымъ» оказался и въ юности.

Само собою разумѣется, что и поведеніе его въ такой же мѣрѣ ускользало отъ воздѣйствія воспитателей, которые по своему положенію, развитію и образованію еще менѣе профессоровъ-преподавателей имѣли шансовъ завоевать чье бы то ви было сердце, а пушкинское въ особенности. Въ воспоминаніяхъ барона Корфа зло и рѣзко нарисовано «пошлое сборище менторовъ», которымъ ввѣренъ былъ надзоръ за сердцами юношескими. Изъ нихъ одинъ Чириковъ, «человѣкъ довольно ограниченный», «очень посредственный гувернеръ», сумѣлъ болѣе или менѣе прилично поставить себя съ лицеистами. Другой, А. Н. Иконниковъ, который характеризуется добрымъ, благороднымъ, умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, страдалъ «неодолимою страстью къ вину, доходившею до того, что, когда водка переставала уже казаться ему средствомъ довольно возбудительнымъ, онъ выпивалъ залпомъ по цѣлымъ стклянкамъ Гофманскихъ капель». Но если эти два образа окружены нѣкоторой долей уваженія, быть можетъ, даже любви, то всѣ другіе менторы заклеймлены печатью безнадежнаго презрѣнія. Ф. П. Калиничъ попалъ въ воспитатели «изъ придворныхъ пѣвчихъ: трудно вообразить себѣ высокопарнѣйшаго, болѣе отвлеченнаго въ своихъ фразахъ глупца и невѣжду»—пишетъ баронъ Корфъ: «всякій вздоръ, выходившій изъ его устъ—другого изъ нихъ ничего и не выходило—облекалъ онъ въ громкія и величественныя слова»... М. Ст. Пилецкій-Урбановичъ, первый инспекторъ Лицея, человѣкъ «съ достаточнымъ образованіемъ, съ большимъ даромъ слова и убѣжденія», отталкивалъ всѣхъ отъ себя святошествомъ и ханжествомъ; Ст. Ст. Фроловъ, отставной артиллерійскій подполковникъ, ставленникъ гр. Аракчеева, былъ въ Лицеѣ «инспекторомъ классовъ и нравственности»; но, необразованный и неумный, онъ былъ лицеистами обращенъ «въ совершенное посмѣшище»: «надъ нимъ издѣвались открыто, ему самому въ лицо». Наконецъ, помощниками гувернеровъ были Зерновъ и Селецкій-Дзюрдзь, ничтожные люди, «съ такими ужасными рожами и манерами, что, по словамъ бар. Корфа, никакой порядочный трактирщикъ не взялъ бы ихъ къ себѣ въ половые».

На какую боевую ногу поставилъ себя Пушкинъ со всѣми этими «воспитателями» и «инспекторами нравственности», лучше всего явствуетъ изъ нѣсколькихъ записей о немъ въ «Журналѣ о поведеніи воспитанниковъ». Особенна любопытна по безграмотности и безтолковости запись Пилецкаго, человѣка, который даже строгому

Корфу казался «съ достаточнымъ образованіемъ». «Пушкинъ 6-го числа (ноября 1812 г.) въ сужденій своемъ объ урокахъ сказалъ: признаюсь, что логики я право не понимаю, да и многіе, даже лучшіе меня, оной не знаютъ, потому что логическія селогизмъ (sic) весьма для него невнятны. 18-го числа весьма оскорбительно шутилъ съ Мясоѣдомъ (sic) на щотъ 4 Департамента, зная, что его отецъ тамъ служитъ, произнося какія-то стихи, коихъ мнѣ повторить не хотѣлъ, при увѣщеваніи же, здѣлалъ слабое признанія, а раскаянья не видно было. 18-го толкалъ Пущина и Мясоѣдова, повторяя имъ слова: что если они будутъ жаловаться, то сами останутся виноватыми (sic), ибо я, говоритъ, вывертѣтся умѣю». 20. Въ классѣ Рисовальномъ называлъ Г. Горчакова вольной польской дамой. 21. За обѣдомъ вдругъ началъ громко говорить, что Вольховскій Г. Инспектора боится и видно оттого, что боится потеряетъ доброе свое имя: а мы говоритъ, шалуны, его увѣщеваніемъ смѣемся. Послѣ началъ исчислять съ присовокупившемся (sic) къ сему Г. Корсаковымъ здѣланныя Г. Инспектор. родителямъ нѣкоторыхъ товарищей обиды, а послѣ обѣда и другихъ къ составленію клеветы на Г. Инспектора подстрекнулъ. Вообще Г. Пушкинъ велъ себя всѣ слѣдующіе дни весьма смѣло и вѣтренно. 23-го. Когда я у Г. Дельвига въ классѣ Г. Профессора Гауеншильда отнималъ бранное на Г. Инспектора сочиненіе, въ то время Г. Пущкинъ (sic) съ непристойною вспыльчивостью, говоритъ мнѣ громко: «какъ вы смѣете брать наши бумаги,—стало быть и письма наши изъ ящика будете брать». Присутствіе Г. профессора вѣроятно удержало его отъ худшаго еще поступка, ибо примѣтенъ былъ гневъ его. 30-го числа къ вечеру Г. Кошанскому изъяснялъ какіе-то дѣла С.-Петербургскихъ модныхъ французскихъ лавокъ, кои называются Маршандъ дю-Модъ, я не слыхалъ самъ сего разговора, а только пришелъ въ то время когда Г. Кошанскій сказалъ ему: я повыше васъ, и право не выдумаю такого вздора да и врядли кому оной придетъ въ голову. Спрашивалъ я другихъ воспитанниковъ, но никто не могъ мнѣ его разговоръ повторить по скромности видно». Въ этой записи все характерно отъ начала до конца: и полная безпомощность по отношенію къ юношѣ-поэту одного изъ «лучшихъ» воспитателей, который даже по признанію бар. Корфа отличался «большимъ даромъ слова и убѣжденія», и необузданность 13-ти лѣтнаго мальчика, вспыльчиваго и заносчиваго, готоваго вслухъ задирать нелюбимое начальство и, въ порывѣ смѣшливаго настроенія, зло и обидно шутить не только надъ товарищами, но и надъ ихъ родителями. До какой степени различно было отношеніе воспитателей къ проступкамъ лицеистовъ, видно изъ сопоставленія этой записи съ записью надзирателя Фролова. Онъ поймалъ (5-го сентября 1814 г.) Малиновскаго, Пущина и Пушкина, когда они, запасшись кипяткомъ, мелкимъ сахаромъ, сырыми яйцами и ромомъ, «изъ рѣзвости и дѣтскаго любопытства составляли напитокъ подъ названіемъ гогель-могель, который уже начинали пробовать». За эту «рѣзвость и дѣтское любопытство» юные преступники занесены были въ особую книгу, сдѣлались извѣстны министру, вызвали его неодобреніе и приказаніе наказать виновныхъ (22-го сеентября); надзирателемъ Фроловымъ они были наказаны «въ теченіе двухъ дней во время молитвъ стояніемъ на колѣняхъ». Послѣднее наказаніе, вѣроятно, только значилось въ штрафномъ журналѣ, такъ какъ трудно представить себѣ, чтобы 15-ти лѣтняго Пушкина можно было подвергнуть такому наказанію (ср. стихотвореніе «Воспоминаніе» и стихи «Мы недавно отъ печали» 1815 г.). Какъ бы тамъ ни было, но и эта запись характерна въ высокой степени, такъ какъ она указываетъ на полное отсутствіе согласія между воспитателями въ оцѣнкѣ проступковъ, въ полной неспособности ихъ установить надлежащія отношенія въ назиданіяхъ: и выспрашиванія Пилецкаго, и кара, придуманная Фроловымъ, были одинаково неумѣстны вообще, а въ примѣненіи къ Пушкину въ особенности.

Немудрено, что такіе жалкіе педагоги не могли воспитать юношу-поэта: они могли только неловко, даже грубо посягать на его самостоятельность; понятно, что и онъ вооружился противъ нихъ со всею страстностью своей натуры. Быть можетъ, это главнымъ образомъ и помѣшало поэту стать въ хорошія отношенія къ директору Лицея Ег. Ант. Энгельгардту (былъ назначенъ 27-го января 1816 г., вступилъ въ от-

правленіе обязанностей 4-го марта 1816 г.), котораго всѣ современники и лицеисты, товарищи поэта, считали хорошимъ человѣкомъ и вліянію котораго поддались въ Лицеѣ всѣ, кромѣ Пушкина. Первый директоръ, Малиновскій, былъ добродушнымъ, но слабымъ человѣкомъ и слишкомъ много предоставлялъ свободы ученикамъ. Послѣ его смерти (23-го марта 1814 г.) на нѣкоторое время наступило междуцарствіе, когда обязанности директора по очереди исправлялись членами Конференціи. Отсутствіе солидарности, неодинаковость отношенія къ ученикамъ и ихъ проступкамъ только ухудшали положеніе дѣлъ. Новый директоръ Энгельгардтъ получилъ въ управленіе совершенно разнузданное заведеніе съ излѣнившимися профессорами, съ непригодными воспитателями и юношами, которые вкусили уже сладостей свободной жизни. Желая облагородить своихъ питомцевъ, директоръ ввелъ ихъ въ кругъ своей семьи, перезнакомилъ ихъ съ нѣкоторыми изъ лучшихъ семейныхъ домовъ въ Царскомъ-Селѣ, предоставилъ имъ возможность заниматься развлеченіями болѣе чистыми и возвышенными, чѣмъ тѣ, къ которымъ пріучилъ ихъ Лицей. Пушкинъ не поддался этой умной политикѣ новаго директора: онъ упорно замкнулся въ себѣ, къ директору на домъ не ходилъ и вообще въ обращеніи съ нимъ обнаруживалъ наиболѣе несимпатичныя стороны своего характера. Въ результатѣ, Энгельгардтъ, этотъ, по общему отзыву современниковъ, хорошій педагогъ, не понялъ сердца юноши и несправедливо осудилъ его въ извѣстной своей характеристикѣ: «его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце».

Если люди зрѣлые, опытные, люди «устоявшіеся» могли такъ грубо ошибаться въ своихъ сужденіяхъ о юношѣ, то тѣмъ понятнѣе недоразумѣнія въ отношеніяхъ Пушкина съ товарищами, недоразумѣнія, начавшіяся съ перваго года его вступленія въ Лицей и продолжавшіяся не только въ теченіе всей его жизни, но перешедшія даже на его память. Пущинъ въ своихъ Запискахъ далъ любопытную характеристику отношенія Пушкина къ товарищамъ: «Пушкинъ съ самаго начала былъ раздражительнѣе многихъ и потому не возбуждалъ общей симпатіи: это удѣлъ эксцентрическаго (sic) существа среди людей. Не то, чтобы онъ разыгрывалъ какую-нибудь роль между нами или поражалъ какими нибудь особенными странностями, какъ это было въ иныхъ; но иногда неумѣстными шутками, неловкими колкостями ставилъ себя въ неловкое, затруднительное положеніе, не умѣлъ потомъ изъ него выйти. Это вело его къ новымъ промахамъ, которые никогда не ускользаютъ въ школьныхъ сношеніяхъ. Всѣ мы, какъ умѣли, сглаживали нѣкоторыя шероховатости, хотя не всегда это удавалось. Въ немъ была смѣсь излишней смѣлости съ застѣнчивостью,—и то и другое не впопадъ, это тѣмъ самымъ ему вредило. Бывало, вмѣстѣ промахнемся, самъ вывернешься, а онъ никакъ не сумѣетъ этого уладить. Главное ему не доставало того, что называется тактомъ; это капиталъ, необходимый въ товарищескомъ быту, гдѣ мудрено, почти невозможно, при совершенно безцеремонномъ обращеніи, уберечься отъ нѣкоторыхъ непріятныхъ столкновеній вседневной жизни. Все это вмѣстѣ было причиной, что вообще не вдругъ отозвались ему на его привязанность къ лицейскому кружку, которая съ первой поры зародилась въ немъ, не проявляяся впрочемъ свойственной ей иногда пошлостью». Едва-ли конецъ этой прекрасной характеристики справедливъ: Пушкинъ никогда не могъ равно относиться ко всѣмъ, — за то всецѣло раскрывалъ свое сердце избранникамъ. Въ прекрасномъ стихотвореніи «19 октября 1825 г.», стихотвореніи, дышащемъ любовью къ Лицею, мы встрѣчаемъ однако восхваленія лишь отдѣльныхъ товарищей-избранниковъ. Такимъ избранникомъ никогда не былъ, напримѣръ, другой его товарищъ Корфъ — и онъ въ теченіе всей жизни чувствовалъ на себѣ всю тяжесть пушкинскаго недоброжелательства. Вотъ почему и къ нему Пушкинъ всегда поворачивался несимпатичными сторонами своей души. Въ этомъ былъ своего рода вызовъ, которымъ поэтъ любилъ дразнить несимпатичныхъ ему людей. «Между товарищами, кромѣ тѣхъ, которые, писавъ сами стихи, искали его одобренія и протекціи, онъ не пользовался особенною пріязнью. Вспыльчивый до бѣшенства, вѣчно разсѣянный, вѣчно погруженный въ поэтическія свои мечтанія, съ

необузданными страстями, Пушкинъ ни на школьной скамьѣ, ни послѣ, въ свѣтѣ, не имѣлъ ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи. Бесѣды ровной, систематической, сколько-нибудь связной, у него совсѣмъ не было, какъ не было и дара слова, были только вспышки: рѣзкая острота, злая насмѣшка, какая-нибудь внезапная поэтическая мысль; но все это лишь урывками, иногда, въ добрую минуту,-большею-же частью или тривіальныя общія мѣста, или разсѣянное молчаніе». Вопреки мнѣнію защитниковъ Пушкина, мы думаемъ, что эта характеристика, несомнѣнно недоброжелательная, не грѣшитъ неправдой: она односторонняя, какъ слова Энгельгардта, но она вѣрна: вѣдь, въ сущности, то-же было и въ дѣтствѣ поэта, когда къ нему относились такъ же двойственно даже близкіе его. «Чтобы полюбить его, настоящимъ образомъ, пишетъ Пущинъ, нужно было взглянуть на него съ тѣмъ полнымъ благорасположеніемъ, которое знаетъ и видитъ всѣ неровности характера и другіе недостатки, мирится съ ними и кончаетъ тѣмъ, что полюбитъ даже и ихъ въ другѣ-товарищѣ». Но за такую любовь и юноша платилъ соотвѣтствующею любовью... Впрочемъ, не много такихъ доброжелательныхъ людей встрѣтилъ Пушкинъ на своемъ жизненномъ пути, а тѣмъ менѣе въ Лицеѣ, въ обществѣ молодежи, всегда слишкомъ эгоистической, впечатлительной, слишкомъ чувствительной и поверхностной. Вотъ почему такъ часты и рѣзки были столкновенія его съ людьми вообще, а съ товарищами въ частности; оттого такъ много нравственныхъ мукъ выносилъ юноша еще въ стѣнахъ Лицея отъ всякихъ мелочныхъ дрязгъ и непріятностей. Самолюбивый, задорный, легко воспламенявшійся, но скоро остывавшій, всегда готовый судить себя такъ же строго, какъ и другого, Пушкинъ, исковерканный домашнимъ воспитаніемъ, а быть можетъ и задатками наслѣдственности, былъ, конечно, тяжелымъ человѣкомъ и для другихъ, и для себя. Иногда до поздней ночи, когда весь Лицей уже покоился сномъ, юноша мучилъ себя воспоминаніями неудачи прожитого дня, повѣрялъ свои муки сосѣду по комнатѣ, Пущину: тогда въ эти тяжелые часы «покаянія», «самосуда» онъ и словамъ друга, и вздорному случаю способенъ былъ придавать огромное значеніе — и это его волновало». Впрочемъ, если такія «волненія» были у Пушкина довольно часты, то ихъ интенсивная горечь смѣнялась часто необузданными порывами безпечной радости, «и тогда его веселый, прихотливый нравъ въ свободѣ лицейской жизни находилъ себѣ полное удовлетвореніе. Всевозможныя шалости на урокахъ и въ свободное время, продѣлки надъ учителями и воспитателями, иногда довольно рискованныя предпріятія вродѣ кражи яблокъ изъ царскаго сада,—все это по душѣ было юному поэту, неугомонному, свободолюбивому и вѣтреному безъ границъ. Но кромѣ такихъ развлеченій довольно опаснаго свойства, онъ всей душой отдавался физическимъ упражненіямъ: бѣготнѣ и играмъ. Конечно, и здѣсь соперничество въ ловкости и проворствѣ часто приводило къ спорамъ и недоразумѣніямъ, и нерѣдко юная радость, прорвавшаяся за предѣлы приличій, смѣнялась тоской и раскаяньемъ. Эти игры лицеистовъ происходили на Розовомъ полѣ, въ большомъ царскосельскомъ саду и навсегда врѣзались въ памяти поэта, какъ одно изъ его лучшихъ лицейскихъ воспоминаній. Позднѣе, живя въ Кишиневѣ, онъ съ увлеченіемъ вспоминалъ эти юношескія забавы:

Вы помните-ль то Розовое поле,
Друзья мои, гдѣ красною весной
Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Графъ Брогльо былъ отважнѣе, сильнѣе,
Комовскій же проворнѣе, хитрѣе,—
Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой.
Гдѣ вы, лѣта забавы молодой?

Вообще, царскосельскій паркъ игралъ большую роль въ жизни поэта: онъ былъ свидѣтелемъ тоскливыхъ часовъ его раздумья послѣ какихъ-либо непріятныхъ столкновеній; онъ былъ свидѣтелемъ и первыхъ его любовныхъ радостей, когда молодая кровь воспламенялась при встрѣчѣ съ излюбленными личиками жительницъ Царскаго Села... Въ то же время царскосельскій паркъ, весь полный еще памятью великой Екатерины, будилъ въ юной душѣ поэта величавые образы еще недавней старины.... Наконецъ, тотъ же паркъ, съ его уединенными, тѣнистыми аллеями, съ его темными гротами и бесѣдками, давалъ поэту уединеніе на лонѣ благоухающей природы, когда онъ всей своей умиротворенной душой уносился въ свѣтлый міръ

поэтическихъ видѣній. Тогда къ нему стала безбоязненно прилетать юная Муза и любовно учила его юные персты обращаться съ «цѣвницей».

Если науки не процвѣтали въ Лицеѣ, за то чтеніе было однимъ изъ любимыхъ времяпровожденій лицеистовъ вообще, а Пушкина въ частности. Свобода жизни только содѣйствовала этому занятію, хотя, конечно, не выносила и никакого контроля, вслѣдствіе чего, рядомъ съ лучшими произведеніями русской и всемірной литературы, въ рукахъ лицеистовъ оказывались книги самыя нежелательныя въ нравственномъ или политическомъ отношеніи. Но, несомнѣнно, въ литературномъ отношеніи наиболѣе глубокое вліяніе принадлежало книгамъ перваго сорта; среда лицеистовъ была въ достаточной степени культурна и могла уже, до нѣкоторой степени, разобрался въ чтеніи, объ этомъ свидѣтельствуетъ болѣе или менѣе характеръ того литературнаго творчества, которое развилось въ стѣнахъ Лицея. «Мы стараемся имѣть всѣ журналы, пишетъ Илличевскій, и впрямь получаемъ: «Пантеонъ», «Вѣстникъ Европы», Русскій Вѣстникъ» и пр. Далѣе въ своемъ письмѣ онъ перечисляетъ любимыхъ въ Лицеѣ писателей: Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Гнѣдича. «Чтеніе — вотъ лучшее ученіе», писалъ Пушкинъ брату въ 1822 г.,—фраза, указующая на ясно сознанное поэтомъ значеніе книгъ. Эта любовь и уваженіе къ чтенію, любовь вынесенная еще изъ родительскаго дома, несомнѣнно развернулась въ Лицеѣ, широко и свободно восполняя пробѣлы классныхъ и домашнихъ занятій. Часто даже на урокахъ, кромѣ уроковъ де-Будри, лицеисты занимались чтеніемъ. Конечно, каждый выбиралъ себѣ книги по вкусу, но нѣтъ основаній сомнѣваться, что въ рукахъ Пушкина перебывали книги самого разнообразнаго содержанія: слишкомъ пестры и сложны были его настроенія въ это время его жизни. Это и понятно: мы видѣли, что въ сердцѣ поэта и въ это время уживались рядомъ самыя противорѣчивыя стремленія, разнообразіе которыхъ опредѣляло и позднѣе всю неразгаданность его сложной натуры; легкомысленное, фривольное сливалось съ серьезнымъ и даже тоскливымъ, безоблачный смѣхъ—съ первыми думами о жизни, интересъ къ однимъ вопросамъ уживался съ полнымъ пренебреженіемъ къ другимъ, страсть къ толпѣ — съ влеченіемъ къ уединенію, рыцарская чистота отношеній къ однимъ—съ невыносимою несправедливостью къ другимъ... Поэтъ въ стѣнахъ Лицея впервые постигъ любовь. Какъ все въ Пушкинѣ, такъ и это чувство отличалось широкимъ діапазономъ: отъ мимолетнаго увлеченія случайно попавшейся на пути красавицей,—до шашней низкаго сорта съ царскосельскими горничными и крѣпостными актрисами («Къ Наташѣ» и «Къ Натальѣ», «Къ молодой актрисѣ»); юноша возвысился и до платонически-чистой, возвышенно-грустной любви къ сестрѣ товарища Бакунина («Къ Живописцу», «Осеннее утро», «Разлука», «Элегія», «Элегія», «Наслажденіе», «Окно», «Мѣсяцъ», «Къ ней», «Слеза», «Пробужденіе», «Къ ней»)— возвысился для того, чтобы на время опять отдаться болѣе земной страсти къ молодой вдовѣ («Къ молодой вдовѣ»). Его друзья въ Лицеѣ такъ же различны, какъ и предметы его любовныхъ увлеченій. Изъ товарищей на первомъ мѣстѣ стоялъ Пущинъ, юноша, покорившій поэта кристальностью своего сердца и въ то же время подкупившій его отсутствіемъ фарисейскаго педантизма «добродѣтельныхъ» юношей. Пущинъ не замыкался въ созерцаніи своей назапятнанной души, дружно сливался съ шумной жизнью Лицея; тѣмъ благотворнѣе было воздѣйствіе его благородной личности на товарищей вообще и на Пушкина въ частности. По словамъ Корфа, это былъ юноша «со свѣтлымъ умомъ, съ чистою душою», любимецъ всѣхъ товарищей. Для мятежной души юноши-поэта дружба съ нимъ была тѣмъ чистительнымъ огнемъ, который облагораживаетъ золото. Съ трогательною нѣжностью отзывался всегда о немъ Пушкинъ («Въ альбомъ», «Любезный именинникъ», «Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный», «Помнишь-ли, мой братъ по чашѣ»). Пушкину онъ былъ дорогъ, какъ «человѣкъ», съ нимъ онъ дѣлилъ свои человѣческія «чувства»: «неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья, печали, радости, мечты души». Правда, поэтъ и съ нимъ зналъ «размолвки дружества», но никто никогда не дарилъ въ такой мѣрѣ и сладость примиренья, какъ Пущинъ. Для Пушкина онъ былъ первый другъ «и безцѣнный»; къ нему поэтъ шелъ всег-

да съ открытой душой, дружескій союзъ съ нимъ заключенъ былъ «не рѣзвою мечтой»; оттого этотъ союзъ и предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами «былъ союзомъ вѣчнымъ».

Другія чувства связывали Пушкина съ Дельвигомъ. Въ его душѣ Пушкинъ нашелъ отзвукъ не столько своимъ «человѣческимъ», сколько «поэтическимъ» стремленіямъ. Лѣнивый, малоподвижный и флегматичный баронъ Дельвигъ жилъ своею собственною жизнью, лучшимъ украшеніемъ которой была любовь къ поэзіи. Она не выразилась такъ шумно и бурно, какъ у его друга Пушкина: молчаливый Дельвигъ былъ больше поэтъ про себя; быть можетъ, только Пушкинъ заставилъ его проявить свое блѣдное, худосочное творчество передъ всѣми. Если Пушкинъ всегда и преувеличивалъ значеніе Дельвига, какъ поэта, то, несомнѣнно, онъ былъ первымъ, а въ Лицеѣ, быть можетъ, и единственнымъ цѣнителемъ поэтическихъ грезъ Пушкина. Конечно, и Дельвигъ отплачивалъ поэту-товарищу такою же довѣренностью и отдавалъ на его судъ свои пѣсни, пѣтыя только «для Музы и для души». Такое единство главныхъ интересовъ жизни связало обоихъ на всю жизнь трогательнымъ «братствомъ» («Блаженъ кто съ юныхъ лѣтъ...», «Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ», «Загадка», «Любовью, дружествомъ и лѣнью», «Мы рождены, мой братъ названный», «Послушай, Музъ невинныхъ...»).

Неизмѣнной любовью окружилъ поэтъ и другого своего товарища, тоже «брата по Музамъ» — Кюхельбекера; этотъ безкорыстный диллетантъ на поэтическомъ поприщѣ, благодаря своему безграничному добродушію, прошелъ невредимымъ сквозь строй пушкинскихъ остротъ и издѣвательствъ, не всегда и тонкихъ. Онъ могъ противопоставить имъ лишь безсильную, беззлобную вспыльчивость, горячую, но, увы, безнадежную любовь къ Музамъ и искреннее благоговѣніе передъ расцвѣтающимъ талантомъ своего неумолимаго обидчика. Всего этого было достаточно, чтобы обезоружить навсегда Пушкина, мало-по-малу уничтожить всякую тѣнь злости въ его остротахъ. Потѣшный «Кюхля», безтолковый, бездарный, но усердный работникъ на Парнассѣ, въ концѣ концовъ, завоевалъ и любовь поэта, и уваженіе.

Въ послѣдніе годы пребыванія въ Лицеѣ Пушкинъ очень расширилъ кругъ своихъ друзей. «Во всѣ шесть лѣтъ лицеистовъ не пускали изъ Царскаго-Села не только въ Москву, но и въ близкій Петербургъ, и изъятіе было сдѣлано для двухъ или трехъ, только по случаю и во время тяжкой болѣзни ихъ родителей». «И въ самомъ Царскомъ-Селѣ, въ первые три или четыре года», лицеистовъ «не пускали порознь даже изъ стѣнъ Лицея... Послѣ все перемѣнилось,—и въ свободное время мы ходили не только къ Тейнеру и въ другіе почтенные дома, но и въ кондитерскую Амбіеля, а также къ гусарамъ, сперва въ одни праздники и по билетамъ, а потомъ и въ будни безъ вѣдома нашихъ приставниковъ, возвращаясь иногда въ глухую ночь»... Къ этимъ словамъ Корфъ многозначительно прибавляетъ: «думаю, что иные пропадали даже и на цѣлую ночь»; «надзоръ былъ до такой степени слабъ и распущенъ», что возможны были даже повидимому бѣгства на цѣлую ночь въ Петербургъ. Вотъ эта свобода послѣднихъ лѣтъ пребыванія въ Лицеѣ дала Пушкину возможность завести друзей по нраву среди «золотой молодежи» гусарскаго полка. «Вечеромъ, разсказываетъ Корфъ, когда прочіе бывали или у директора, или въ другихъ семейныхъ домахъ, Пушкинъ, ненавидѣвшій всякое стѣсненіе, пировалъ съ этими господами нараспашку. Любимымъ его собесѣдникомъ былъ гусаръ Петръ Павловичъ Каверинъ, одинъ изъ самыхъ лихихъ повѣсъ въ полку». Живой, остроумный, умѣвшій даже вспышки цинизма облекать въ дивные образы, Пушкинъ былъ желаннымъ гостемъ этихъ шумныхъ вечеринокъ: онъ чувствовалъ себя хорошо тамъ, гдѣ не третировали его свысока, «не докучали моралью строгой» и, не взирая на разность лѣтъ, становились съ нимъ на товарищескую ногу. Каверинъ, воспѣтый имъ и въ «Евгеніи Онѣгинѣ» нравился юношѣ своимъ размашистымъ, открытымъ нравомъ, цѣльностью своей натуры: «на марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воитель, друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель, и всюду онъ гусаръ». Изъ гусаровъ особенно онъ привязался къ Павлу Воиновичу Нащокину, добродушному, безтолковому прожигателю

жизни, беззаботно глядѣвшему впередъ. Онъ вполнѣ подходилъ по своимъ настроеніямъ къ тѣмъ молодымъ порывамъ безшабашной удали, которая кружила тогда голову нашего поэта. Впослѣдствіи Пушкинъ трогательно заботился о судьбѣ своего царскосельскаго друга и даже устраивалъ его семейное счастіе на зыбкихъ основахъ его небезупречнаго прошлаго. Но въ этомъ гусарскомъ кругу Пушкинъ встрѣтилъ не одно только опьяненіе молодымъ разгуломъ, — здѣсь впервые глубоко и сильно затронута была его серьезная мысль и честное гражданское чувство. Этимъ онъ былъ обязанъ извѣстному П. Я. Чаадаеву (ср. «Всевышней волею небесъ», «Въ странѣ, гдѣ я забылъ..», «Къ чему холодныя сомнѣнья», «Любви, надежды, гордой славы»). Въ беззаботномъ кругу молодыхъ повѣсъ этотъ трезвенникъ, «вѣтренной толпы безстрастный наблюдатель», былъ въ свое время загадкой и даже «курьезомъ». Въ извѣстной шуткѣ «Къ портрету П. Я. Чаадаева» Пушкинъ выразилъ свое недоумѣніе передъ непостижимой прихотью небесъ, забросившихъ въ гусарское общество человѣка, который «въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ». Въ своемъ уединенномъ кабинетѣ этотъ странный гусаръ, «всегда мудрецъ, а иногда мечтатель», глазъ на глазъ съ Пушкинымъ раскрывалъ передъ нимъ святое святыхъ своей туманной, вольнолюбивой души,— и въ отзывчивомъ сердцѣ поэта впервые разгорались желанія «отчизнѣ посвятить души высокіе порывы». Подъ впечатлѣніемъ горячихъ рѣчей Чаадаева «зарей плѣнительнаго счастья» разгоралась въ воображеніи юноши та пора, когда на родинѣ воцарится «святая вольность» и «Россія вспрянетъ ото сна».. Эти «бесѣды», «младые вечера, пророческіе споры», «вольнолюбивыя надежды», «знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры» остались навсегда въ памяти юноши..... Они были солнечнымъ свѣтомъ, который пронизалъ своими лучами туманъ той молодой жизни, которая увлекала именно своей безсознательностью.... Чаадаевъ первый указалъ поэту «новые пути» въ жизни. За это Пушкинъ посвятилъ ему прочувствованные стихи: «Чаадаеву», въ которыхъ призналъ его «цѣлителемъ своихъ душевныхъ силъ», призналъ, что лучшія стороны его души, можетъ быть, спасены именно Чаадаевымъ, этимъ царскосельскимъ гусаромъ, который узналъ его юное сердце «во цвѣтѣ юныхъ дней»; онъ-же потомъ, послѣ окончанія Лицея, нѣсколько лѣтъ стоялъ туманной тѣнью на стражѣ юной пушкинской души.

Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;

и въ минуту гибели надъ бездной потаенной

Поддержалъ его недремлющей рукой.

Поддержалъ тѣмъ, что

Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ

и своимъ жаромъ, своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ «воспламенялъ въ юношескомъ сердцѣ поэта къ высокому любовь». Впрочемъ, все это великое значеніе дружескихъ бесѣдъ съ Чаадаевымъ оцѣнено было впослѣдствіи, когда, оторванный отъ всей прошлой жизни, поэтъ подвелъ итоги всѣмъ впечатлѣніямъ своей юности. Тогда образъ Чаадаева прояснился и выросъ въ его сознаніи.

Рядомъ съ нимъ долженъ быть поставленъ В. А. Жуковскій. Въ то время уже прославленный пѣвецъ «Свѣтланы» нашелъ въ своемъ любящемъ, мягкомъ сердцѣ мѣсто для страннаго генія-подростка и, несмотря на разницу лѣтъ и положеній, сталъ съ нимъ на ту равную, товарищескую ногу: только такъ можно было сблизиться съ Пушкинымъ. Онъ не навязывалъ юношѣ своего «прекраснодушія», въ немъ Пушкинъ не чувствовалъ того приличнаго самодовольства, которое стремится всѣхъ передѣлать на свой ладъ. Милымъ, доброжелательнымъ, спокойно-добродушнымъ, даже веселымъ предсталъ передъ юношей Жуковскій,— онъ увлекалъ его разсказами о русскихъ литераторахъ той поры, онъ добродушно осмѣивалъ старовѣровъ русскаго Парнаса и незамѣтно втягивалъ юношу въ молодые, свѣжіе интересы своихъ арзамасскихъ друзей. Такъ мало-по-малу онъ ввелъ юношу въ кругъ своей молодой литературной партіи и незамѣтно, но навсегда покорилъ себѣ непокорное, «неуимчивое» сердце Пушкина. Какое значеніе придавалъ юноша дружбѣ Жуковскаго, видно хотя бы изъ того, что въ своихъ «Запискахъ» онъ отмѣчаетъ въ 1815 г.: «Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія». Вотъ почему, какъ только перекипѣли въ душѣ и поэзіи Пушкина первыя страсти, онъ всей душой

потянулся къ тому, чей нѣжный голосъ обладалъ способностью утѣшать его «безмолвную печаль» или его шумную, «рѣзвую радость» смѣнять первой, неясной думой. Вотъ почему, вступая въ новый, болѣе серьезный періодъ творчества, Пушкинъ изъ всѣхъ современныхъ поэтовъ остановился на Жуковскомъ и, «съ трепетомъ склонивъ предъ музами колѣни», обратился къ нему съ скромной мольбой: «Благослови, поэтъ!» Менѣе значенія имѣлъ для Пушкина князь П. А. Вяземскій, съ которымъ въ 1816 г. Пушкинъ, судя по его письму, сошелся уже близко и обращался за-панибрата, именуя его въ шутку: «ваше піитическое сіятельство». Кн. Вяземскій, «любезный арзамасецъ», въ то время увлекался всѣми перипетіями литературной жизни, борьбой старой школы съ новой, которая сплотилась около Карамзина; его живой умъ и рѣзкая, остроумная рѣчь дѣлали его однимъ изъ передовыхъ бойцовъ Арзамаса. Это нравилось въ немъ Пушкину, который рвался на бой, жалуясь «на свою судьбу»: «Безбожно держать молодого человѣка въ заперти»,—восклицалъ онъ съ негодованіемъ, «и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію». Къ началу 1815 года относится его личное знакомство съ К. Н. Батюшковымъ, но, кажется, оно ничего не прибавило къ тому увлеченію его эпикурейскими произведеніями, которое сказалось такъ ясно въ лицейскомъ творчествѣ поэта.

Хорошъ былъ Пушкинъ и съ дядюшкой своимъ Василіемъ Львовичемъ (ср. «Желаніе», «Скажи, парнасскій мой отецъ», «Тебѣ, о Несторъ Арзамаса»). Этотъ добродушный старикъ былъ общимъ любимцемъ и всюду вносилъ за собой атмосферу веселаго сочувствія. Рѣзвый племянникъ, искренне привязанный къ дядюшкѣ, очень скоро сталъ покровительственно относиться къ нему, добродушно надъ нимъ подшучивая въ глаза и за глаза. Но это не портило ихъ отношеній.

Такъ инстиктивно искалъ себѣ подходящей среды его свободный духъ, не поддавшійся воздѣйствію Энгельгардта. Посѣщеніе дома Карамзиныхъ едва-ли когда-нибудь было пріятнымъ юношѣ: въ этомъ домѣ, какъ и у Энгельгардта, царила та нравственная уравновѣшенность, то нѣсколько чопорное спокойствіе моральной и умственной комильфотности, которыя органически претили «неуимчивому» Пушкину. «Рѣзвая радость», которая овладѣвала юношей въ кругу товарищей или въ обществѣ друзей-гусаровъ, смѣнялась тихой думой не только подъ вліяніемъ поэзіи. Во всякомъ случаѣ, послѣдніе годы пребыванія въ Лицеѣ дали поэту много впечатлѣній серьезныхъ и глубокихъ; онъ узналъ людей съ серьезными думами и страданіями, узналъ людей съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ нравственнымъ и политическимъ, быть можетъ, онъ сталъ грезить и о высокой чистой любви, узналъ первыя разочарованія, — онъ заглянулъ въ себя, въ свое сердце,—и безмятежныя радости легкой жизни стали омрачаться тучками раздумья и «меланхоліи». Теперь юноша узналъ приступы тоски послѣ самой шумной, бѣшеной веселости, — эти переходы отъ одного настроенія къ другому были у него рѣзки и неожиданны. Общительный со всѣми, онъ иногда вдругъ дѣлался чужимъ для всѣхъ, и если подчасъ тяжела была для окружающихъ его рѣзвость, то такъ же непріятны были и противоположныя настроенія: для уравновѣшенной толпы онъ, только что равноправный членъ ея, дѣлался вдругъ чужимъ и далекимъ. И не только приступы тоски, но и приливы творчества также вырывали Пушкина изъ среды его товарищей: «не только въ часы отдыха отъ ученія въ рекреаціонной залѣ, на прогулкахъ, но нерѣдко въ классахъ и даже въ церкви ему приходили въ голову разные поэтическіе вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось необыкновенно, то прояснялось отъ улыбки, смотря по роду думъ, его занимавшихъ. Набрасывая же мысли свои на бумагу, онъ удалялся всегда въ самый уединенный уголъ комнаты, отъ нетерпѣнія грызъ обыкновенно перо и, насупя брови, надувши губы, съ огненнымъ взоромъ читалъ про себя написанное» (Комовскій). Въ такія минуты, конечно, онъ былъ несообщителенъ и «на вопросы товарищей отвѣчалъ обыкновенно лаконически».

Къ пріятнымъ воспоминаніямъ лицейской жизни относится экзаменъ 8-го января 1815 г., когда, въ присутствіи Державина, Пушкинъ прочиталъ свое произведеніе «Воспоминаніе въ Царскомъ-Селѣ»... Одобреніе Державина наполнило его такимъ восторгомъ, что, много лѣтъ спустя, вспоминалъ онъ,

какъ его «замѣтилъ старикъ Державинъ» и «благословилъ», «сходя въ гробъ». Это произведеніе Пушкина было первымъ, подъ которымъ онъ рѣшился выставить свою полную подпись — «Александръ Пушкинъ» (№ 4 «Россійскаго Музеума» 1815 г.).

Чѣмъ долѣе жилъ Пушкинъ въ Лицеѣ, тѣмъ болѣе онъ тяготился этой жизнью. На первыхъ порахъ появленія своего въ стѣнахъ этого учебнаго заведенія онъ конечно почувствовалъ, что та свобода, которою онъ пользовался дома, у него отнята размѣреннымъ укладомъ жизни казеннаго заведенія. Вотъ почему онъ воспоминаніями своими потянулся къ родному дому, гдѣ для него оставалось нѣсколько симпатичныхъ образовъ. Въ стихотвореніи 1814 г. «Къ сестрѣ» онъ изображаетъ себя отшельникомъ «въ мрачной кельѣ». Вѣроятно, стихи писались въ минуты уединенья, когда «на часахъ» мрачной кельи поэта стояли, въ качествѣ стражи, «молчанье—врагъ веселья, и скука». Одна «фантазія» въ такія минуты утѣшала поэта и рисовала ему въ обольстительныхъ краскахъ,—что очень характерно—не теплоту уютнаго гнѣзда, а свободу родного дома. Единственно о подругѣ дѣтства—сестрѣ—вспоминаетъ поэтъ и рисуетъ ее себѣ окруженною любимыми книгами — сочиненіями Ж. Ж. Руссо, Жанлисъ, «рѣзваго» Гамильтона, Грея и Томсона. Уже 15-ти-лѣтнимъ юношей мечталъ поэтъ о томъ, что желанная свобода проглянетъ сквозь «узкое окно» лицейской келіи, протечетъ время,—«и съ каменныхъ воротъ падутъ, падутъ запоры».—Тогда, мечталъ юноша, онъ броситъ подъ столъ «клобукъ съ веригой» и прилетитъ «разстригой» къ сестрѣ въ Москву. Чѣмъ ближе подходилъ срокъ разлуки съ Лицеемъ, тѣмъ неудержимѣе рвался Пушкинъ изъ него. Въ 1816 г. онъ писалъ князю П. А. Вяземскому: «Никогда Лицей (или Ликей, только, ради Бога, не Лицея) не казался мнѣ такъ несноснымъ, какъ въ нынѣшнее время. Увѣряю васъ, что уединеніе въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются, будто бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину». «Правда, время нашего выпуска приближается, продолжаетъ несчастный царскосельскій «пустынникъ»: но «остался годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!... Цѣлый годъ еще дремать передъ каѳедрой. Это ужасно».

Наконецъ, вожделѣнный часъ насталъ: 9-го іюня 1817 года, послѣ публичнаго экзамена и торжественнаго акта, лицеисты были выпущены на волю. Мечтамъ юноши-Пушкина о гусарской службѣ не суждено было исполниться, такъ какъ отецъ рѣшительно заявилъ ему, что ихъ разстроенныя средства не позволяютъ ему этой роскоши; вмѣсто того, чтобы одѣть блестящій гусарскій ментикъ, юноша-поэтъ долженъ былъ причислиться къ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Но, конечно, для его души, не терпѣвшей зависимости, его «служба» не была тяжелымъ ярмомъ: какъ въ семьѣ онъ не считался съ «принципами» родителей, какъ въ Лицеѣ «этика» заведенія съ печатными правилами не связяла его,—такъ и на службѣ онъ не умѣстился въ рамкахъ жизни, застегнутой на всѣ пуговицы. Это бы совершенно и не вязалось съ неукротимымъ, «неуимчивымъ» Пушкинымъ....

Жизнь свободная и широкая, съ новой массой пестрыхъ и шумныхъ впечатлѣній ждала его у порога Лицея. Онъ рвался къ ней давно и съ жадностью ринулся въ круговоротъ тогдашней столичной жизни, жизни странной и очень сложной. Это была та смутная пора, когда реакція темной тѣнью быстро и безшумно надвигалась на ликующую жизнь русскаго общества, только что пробужденнаго тогда великимъ подъемомъ 1812 года; оно было еще встревожено и свободно двигало живыми идеями и впечатлѣніями, принесенными изъ Западной Европы... И это броженіе, могучее и яркое, окрыленное мечтами о конституціи, объ освобожденіи крестьянъ, и эта реакція съ ея тупымъ мистицизмомъ и солдатчиной, съ затхлыми настроеніями Священнаго Союза — уживались рядомъ, не сливаясь еще въ ту безпросвѣтную, сѣрую однообразность, въ которой нѣтъ жизни, а чувствуется безнадежная придавленность или апатія. Этого не было въ тогдашнемъ обществѣ: оно кипѣло жизнью, возмущалось и боролось, проповѣдывало вкривь и вкось и пропагандировало направо и налѣво. Сама реакція была полна жизни и этимъ возбуждала жизнь. Борьба кипѣла и въ литературныхъ кругахъ, гдѣ разгорался около имени Карам-

зина горячій, непримиримый и безтолковый бой шишковистовъ и карамзинистовъ, Бесѣды и Арзамаса, непроясненнаго классицизма и смутно понимаемаго романтизма. И при всемъ томъ значительная часть Петербурга жила беззаботной, веселой жизнью, развлекаясь театрами и балами, виномъ и любовью, не обращая вниманія на туманъ мракобѣсія, повисшій надъ головами... Въ такой круговоротъ жизни рванулся Пушкинъ послѣ нѣсколькихъ томительныхъ лѣтъ «заточенія» въ Лицеѣ; онъ бросился въ эту жизнь съ неизрасходованнымъ запасомъ жизненныхъ силъ, окрыленный безумной жаждой жизни, несмотря на заточеніе успѣвшій еще въ Лицеѣ отвѣдать опьяняющей прелести этой сутолоки. Чаадаевъ ознакомилъ его съ политическими настроеніями эпохи; еще на лицейской скамейкѣ онъ весь жилъ интересами литературной борьбы Арзамаса; наконецъ, и безшабашное прожиганіе жизни, которое было такъ характерно для эпохи, было имъ тогда-же извѣдано.

Мѣ видѣли уже, что Лицей ничѣмъ не вооружилъ юношу для житейской борьбы: онъ не далъ ему знаній, не далъ и воспитанія..... За все, чѣмъ обогатился Пушкинъ въ теченіе этихъ нѣсколькихъ лѣтъ, онъ долженъ былъ быть благодаренъ себѣ, исключительно своему духу, который неудержимо и инстинктивно искалъ себѣ такой пищи, которая была ему нужна, и тамъ ее искалъ, гдѣ она была. Директоръ Энгельгардтъ называлъ его сердце «холоднымъ и пустымъ», въ этомъ сердцѣ онъ не видѣлъ «ни любви, ни религіи»... Баронъ Корфъ не далеко отсталъ отъ своего директора: «Пушкинъ, говоритъ онъ, не былъ созданъ ни для свѣта, ни для общественныхъ обязанностей, ни даже, думаю, для высшей любви или почтенной дружбы. У него господствовали только двѣ стихіи: удовлетвореніе плотскимъ страстямъ и поэзія, и въ обѣихъ онъ ушелъ далеко. Въ немъ не было ни внѣшней, ни внутренней религіи, ни высшихъ нравственныхъ чувствъ, и онъ полагалъ даже какое-то хвастовство въ отъявленномъ цинизмѣ по этой части: злыя насмѣшки—часто въ самыхъ отвратительныхъ картинахъ—надъ всѣми религіозными вѣрованьями и обрядами, надъ уваженіемъ къ родителямъ, надъ родственными привязанностями, надъ всѣми отношеніями — общественными и семейными — это было ему нипочемъ, и я не сомнѣваюсь, что для ѣдкаго слова онъ иногда говорилъ даже болѣе и хуже, нежели въ самомъ дѣлѣ думалъ и чувствовалъ». Эти заключительныя слова доказываютъ, что при всей недоброжелательности къ Пушкину, баронъ Корфъ отнесся къ нему честнѣе и внимательнѣе, чѣмъ прославленный педагогъ Энгельгардтъ съ его безапелляціоннымъ приговоромъ. Да, Пушкинъ былъ лучше, чище, чѣмъ выставлялъ себя въ обществѣ людей, противныхъ ему своимъ добродѣтельнымъ «застегнутымъ на всѣ пуговицы» благочиніемъ; имъ задорный «Сверчекъ», «Искра» бросалъ злой вызовъ, не щадя себя, поражая ихъ въ самыя чувствительныя, больныя мѣста — ихъ ограниченное, самодовольное пониманіе чувствъ «высшей любви и истинной дружбы». Такъ въ дѣтствѣ онъ протестовалъ противъ тѣхъ требованій условной свѣтской благопристойности, съ которыми шли къ нему родители и гувернантки съ гувернерами,—и они отвернулись отъ него, какъ отъ «несимпатичнаго», неисправимаго ребенка; за то въ сердцѣ старой няни ребенокъ нашелъ то, что ему было надо—вѣчный, неизсякаемый источникъ простой, искренней любви. Такъ позднѣе, въ Лицеѣ, Пущинъ и Дельвигъ, Жуковскій и Чаадаевъ встрѣтили его неугомонное сердце той сердечной пріязнью, на которую «пустое и холодное» для многихъ сердце юноши отозвалось горячимъ отвѣтомъ..... Теперь, 9-го іюня, съ чиномъ коллежскаго секретаря, онъ вступалъ въ свѣтъ, въ ту толпу, гдѣ царятъ эти «многіе», гдѣ «условность», «приличья», «принципы» толпы сковываютъ всякую свободную личность и или давятъ и подчиняютъ ее, или, не справившись, выбрасываютъ за бортъ. Заранѣе можно было сказать, что здѣсь будутъ ожидать поэта различныя столкновенія, быть можетъ и очень крупныя.

Мы видѣли уже, что въ стѣны Лицея Пушкинъ перенесъ свою страсть къ творчеству, уже въ дѣтствѣ прояснившуюся. Быть можетъ, этой страстью онъ заразилъ и своихъ товарищей и, благодаря этому, въ своемъ заточеніи «сумѣлъ, незамѣтно для себя и другихъ, окружить себя симпатичной атмосферой сочинительства.» Около него образовался тѣсный кругъ молодыхъ поэтовъ, состоявшій изъ А. А. Дельвига, В. К. Кюхельбекера, Н. А. Корсакова и М. Л. Яков-

лева. А. Д. Илличевскій, авторъ безчисленныхъ эпиграммъ, пародій и басенъ, держался нѣсколько въ сторонѣ отъ этого кружка: его легкій даръ весь ушелъ на высиживанье разныхъ случайностей лицейской жизни и никогда не поднимался до серьезнаго «служенія Музамъ». Естественно, что въ кругу своихъ товарищей-поэтовъ Пушкинъ занималъ первое мѣсто. Но общепризнаннымъ поэтомъ, гордостью Лицея сдѣлался Пушкинъ послѣ публичнаго экзамена въ 1815 г., когда его «благословилъ» сходившій уже въ гробъ пѣвецъ Фелицы. Неизгладимое впечатлѣніе оставила эта сцена и на Пушкина, и на всѣхъ окружающихъ. Пушкинъ впослѣдствіи такъ передавалъ свои ощущенія: «Я прочелъ мои «Воспоминанія въ Царскомъ-Селѣ», стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состояніе души моей; когда я дошелъ до стиха, гдѣ упоминалъ имя Державина, голосъ мой отрочески зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять.... Меня искали, но не нашли». Пущинъ вспоминаетъ такъ объ этой сценѣ: «Читалъ Пушкинъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Пока я слушалъ знакомые стихи, морозъ по кожѣ пробѣгалъ у меня; когда же патріархъ нашихъ пѣвцовъ, въ восторгѣ, со слезами на глазахъ, бросился цѣловать поэта и осѣнилъ кудрявую его голову, мы всѣ подъ какимъ-то невѣдомымъ вліяніемъ благоговѣйно молчали. Хотѣли сами обнять нашего поэта—его уже не было: онъ убѣжалъ». Карамзинъ, Жуковскій, А. И. Тургеневъ, В. Л. Пушкинъ признали въ этомъ ученикѣ Лицея равноправнаго товарища по перу. Такая ранняя удача кружила юношѣ голову, пріучала его «рано любить рукоплесканья» и тратить ради этихъ рукоплесканій свой божественный даръ «безъ вниманья»... Его стихи за этотъ періодъ времени пестры и разнообразны по настроенію и содержанію: между ними много такихъ, которые должны были вызвать рукоплесканія товарищей-лицеистовъ и лихихъ царскосельскихъ гусаровъ, и серьезныхъ поэтовъ, вродѣ Жуковскаго. Не то, чтобы Пушкинъ поддѣлывался подъ вкусы своихъ разнообразныхъ друзей — нѣтъ, онъ жилъ уже тогда, въ бытность свою въ Лицеѣ, самыми разнообразными интересами и настроеніями: это и сказалось на пестротѣ его творчества.

Пушкинъ въ Лицеѣ писалъ и комедіи, но изъ этого періода своей дѣятельности онъ сохранилъ только лирическіе стихи, очевидно потому, что ими больше дорожилъ. Въ нихъ уже ясно намѣчена основная черта пушкинской поэзіи: чуткая отзывчивость къ впечатлѣніямъ дѣйствительной жизни, заставлявшая поэта откликаться, подобно эхо, на мирныя пѣсни сельскихъ дѣвъ, на крики пастуховъ и на грозный грохотъ громовъ.

Изъ отчаго дома, изъ библіотеки родителей, изъ первыхъ подражаній творчеству дяди и вкусамъ отца вынесъ Пушкинъ, еще ребенкомъ, любовь къ «легкой лирикѣ» французовъ: Парни, Грекуръ, Шолье и др.,—его любимцы съ отроческихъ лѣтъ; ихъ, по свидѣтельству многихъ современниковъ, зналъ онъ наизусть, вступая еще въ Лицей, ихъ «тлетворному» вліянію способны были многіе придавать большое значеніе въ образованіи характера юноши. Конечно, такой отзывъ грѣшитъ односторонностью, но съ этой одной стороны онъ совершенно вѣренъ, — творчество въ Лицеѣ и даже позднѣе доказало, насколько подчиненъ былъ юноша игривымъ и граціознымъ образамъ, отъ которыхъ вѣяло сладострастіемъ и нѣгою, которые закутаны были легкимъ покровомъ цинизма и манили къ себѣ воображеніе преднамѣренно-наивной прелестью безстыдства... Подъ живымъ впечатлѣніемъ такихъ настроеній создана Пушкинымъ большая группа произведеній, въ которыхъ устанавливается и соотвѣтствующій взглядъ на поэзію и поэта, и на смыслъ всей жизни. Вотъ почему юношеская поэзія отразила ясно мечты страстнаго юноши, который въ роскошныхъ утѣхахъ наслажденья готовъ былъ видѣть единственную цѣль и смыслъ жизни.... Она казалась ему тогда роскошнымъ садомъ, гдѣ не переводятся цвѣты: увядаетъ одинъ,—расцвѣтаетъ другой. Хлои смѣняются Доридами, любовь—виномъ... Конечно, эта жизнь «въ поэзіи» предупредила дѣйствительность: богиня Фантазія украсила ему міръ,—и тѣ развлеченія, въ сущности, довольно прозаическія, которыми подарила его жизнь въ Лицеѣ, приподнялись до поэтическихъ высотъ, удостоились такой идеализаціи, изъ

за которой трудно разсмотрѣть дѣйствительность. Юноша очутился въ роскошномъ хороводѣ Хлой и Доридъ, въ кругу друзей, гдѣ царятъ тонкія анакреонтическія настроенія, и, отуманенный этой атмосферой, оранжерейной и не вяжущейся съ дѣйствительностью, онъ пѣлъ восторженную пѣснь безмятежному эпикуреизму..... Въ этомъ искусственномъ настроеніи готовъ былъ онъ увидѣть особую «мудрость», которую онъ усмотрѣлъ и въ своихъ друзьяхъ (Посланіе къ Галичу, Посланіе къ Ив. Ив. Пущину). «Юноша-мудрецъ, питомецъ нѣгъ и Аполлона», какъ онъ себя именуетъ, расточалъ охотно наставленія въ родѣ слѣдующихъ: «Наслаждайся, наслаждайся, чаще кубокъ наливай, страстью пылкой утомляйся и за чашей отдыхай»; «Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья, нѣтъ и счастья безъ любви»; «Ловить рѣзвое счастье», «расточать безъ боязни жизни дни златые», «играть», забывая мірскія печали,—искать истины «на днѣ бокала»,— вотъ что проповѣдывалъ юный «парнасскій волокита», «счасливый лѣнивецъ», изнѣженный любимецъ Харитъ», «рѣзвый поэтъ», «невольникъ мечты молодой»... Этотъ безпечный «Пинда посѣтитель» легко смотрѣлъ на свою поэзію, «безпечно творилъ для себя»; Муза его—вакханочка; его цѣвница — мечтаній сладостныхъ пѣвица: его посланія—«летучія», «стихи его вѣтренны, онъ только «съ Музой нѣжится младой». Своимъ произведеніямъ онъ не придавалъ особаго значенія: это «плодъ веселаго досуга; «они не для безсмертья рождены,—для самого себя для друга»; они создавались «среди пріятныхъ забвеній». Онъ самъ охотно указалъ намъ, откуда шли эти настроенія: онъ себя въ одномъ стихотвореніи прямо назвалъ «небрежнымъ наслѣдникомъ» поэзіи Лафора, Шолье и Парни: эти «враги труда, заботъ, печали», «сыны безпечности лѣнивой», были ему «любезны»; «Муза праздности счастливой» вѣнчала ихъ; «веселья, граціи перстъ игривый» «оживлялъ» ихъ «младыя лиры» — и нашъ молодой поэтъ, увлекаемый ими, «крался во слѣдъ» за ними, за ихъ славой. Въ стихотвореніи «Моему Аристарху» онъ протестовалъ противъ поползновенія Кошанскаго привлечь его къ серьезному творчеству; въ стихотвореніи «Къ Батюшкову» онъ такъ же энергично настаивалъ, что его назначеніе— «дудить» на дудкѣ веселаго Эрмія, что «пѣть при звукахъ лиры войны кровавый пиръ», слѣдуя Марону,—не его удѣлъ, что онъ крестникъ Тибулла, поклонникъ Анакреона.

Но, конечно, это былъ самообманъ. Уже въ Лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкинъ доказалъ, что не только «пѣсни пастуховъ», но и «грохоты громовъ» находили могучій отзвукъ на его лирѣ. Эпоха 1812 года даже съ лиры Жуковскаго сорвала нѣсколько сильныхъ, воинственныхъ аккордовъ; тѣмъ понятнѣе, что общее возбужденіе должно было сильно отразиться на впечатлительномъ и разностороннемъ сердцѣ Пушкина,—и легкомысленный пѣвецъ любви и вина охваченъ былъ сильными настроеніями, которыя облеклись на этотъ разъ въ величавые, державинскіе языкъ, стихъ и образы. Эпопея 1812 г. вся прошла передъ глазами лицеистовъ: они провожали полки, уходившіе на брань, они слѣдили за каждымъ извѣстіемъ, переживали въ своихъ юныхъ сердцахъ такія великія событія, какъ Бородинскій бой, пожаръ Москвы, взятіе Парижа; они, наконецъ, встрѣчали побѣдоносную русскую армію и «спасителя» Европы Александра. «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», «Наполеонъ на Эльбѣ», «На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году»,— вотъ тѣ величественные гимны, которыми отозвался Пушкинъ на патріотическія настроенія эпохи: «душой восторженной» юноша летѣлъ къ «сынамъ Бородина», къ «Кульмскимъ героямъ»... Императоръ Александръ стоялъ передъ нимъ въ ореолѣ славы и счастья: «Божество Россіи», «величественный, безсмертный», царь-спаситель— и передъ нимъ благодарная колѣнопреклоненная Европа и счастливый русскій поселянинъ, въ слезахъ «благословляющій добраго царя» — вотъ какимъ, въ 1815 г., рисовался поэту Имп. Александръ. Образъ Наполеона, напротивъ того, рисовался въ мрачныхъ краскахъ «губителя», «свирѣпаго мятежника», «хищника»... Борьба двухъ колоссовъ – свѣтозарнаго и мрачнаго – вотъ въ какихъ грандіозныхъ образахъ воплотилась борьба Александра съ Наполеономъ. Не менѣе возвышенны были настроенія Пушкина, когда воспоминанія, связанныя съ «прекраснымъ царскосельскимъ садомъ», — этимъ «полнощнымъ Элизіумомъ»,—витали надъ головой поэта. «Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ воспо-

минанья прежнихъ лѣтъ»—говоритъ онъ; «Времена златыя» изъ славной эпохи «великой жены» мелькали передъ его очами и въ «тихое восхищенье» погружали встревоженный, ясновидящій духъ. То былъ «громкій вѣкъ военныхъ споровъ, свидѣтель славы россіянъ», связанный съ именами Орлова, Румянцева, Суворова, прославленный «громозвучными лирами» Державина и Петрова. Если, такимъ образомъ, и на лирѣ Пушкина нашлись струны для величественныхъ гимновъ, то, все таки, онъ былъ правъ, утверждая, что играть на нихъ по преимуществу онъ не былъ въ силахъ... Какъ поэзія эпикуреизма, значеніе которой онъ, напротивъ того, склоненъ былъ преувеличивать, такъ и эта, «бардическая», были наносными, чужими для души поэта: она подымалась до нихъ, но могла жить ими только въ періодъ незрѣлости, въ періодъ «формаціи»,—оттого онъ скоро отказывается отъ нея навсегда: «Пускай пѣвцы гремящими хвалами полубогамъ безсмертіе даютъ: Мой голосъ тихъ, и звучными струнами не оглашу безмолвія пріютъ.» Совершенно иные мотивы раздались въ поэзіи Пушкина, когда его сердца коснулась своимъ крыломъ чистая любовь. Эта первая, «чистая» любовь юноши внесла совершенно новую, облагораживающую струю въ его настроенія: она отозвалась первой «элегіей»—«Посланіе къ князю Горчакову»: «Я зналъ любовь», восклицаетъ поэтъ, но «Я не зналъ надежды; страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ». Эта первая сердечная неудача внесла грусть въ жизнерадостныя, безмятежныя настроенія поэта: ему стало сдаваться, что «на жизненномъ пиру» онъ будетъ гость угрюмый; эта любовь, быть можетъ, и искуственно приподнятая и вздутая, освѣтила, однако, новымъ свѣтомъ тѣ образы, которые еще недавно шептали поэту, что онъ—мудрецъ, что наслажденье—единственное счастье..... Теперь все это показалось ему «обманомъ»: онъ счастливъ былъ, не понимая счастья, тогда онъ «мало и любовь, и сердце зналъ».

Когда же судьба заставила его познать эти новыя чувства,—передъ нимъ раскрылась та пропасть, которая была между его первоначальной вѣрой въ безоблачный эпикуреизмъ и новымъ, чистымъ чувствомъ. Немудрено, что пріунылъ и онъ самъ, пріуныла и лира, наперсница его «больной души». Эта несчастная любовь отравила его радость, и когда онъ, «веселъемъ позванный въ толпу друзей», хотѣлъ «на прежній ладъ настроить лиру», хотѣлъ «воспѣть прелестницъ молодыхъ, веселье Вакха и Дельфиру»—рука не послушалась его—и прежнихъ, безпечныхъ пѣсенъ не нашлось у него. Прежнія радости казались ему теперь ничтожны. Новая любовь поманила его, и, «златыя крылья развивая, волшебной, нѣжной красотой явилась» и улетѣла,—онъ «цѣли милой не достигъ».... Отсюда это уныніе, которое и отозвалось длиннымъ рядомъ элегій; прежнее веселье въ обществѣ друзей было нарушено, оказалось «одной слезы довольно, чтобъ отравить бокалъ».

Къ друзьямъ своимъ по чашѣ поэтъ взывалъ:

Все тѣ же вы, но время ужъ не то же,
Уже не вы душѣ всего дороже,
Ужъ я не тотъ....

Вотъ почему открещивается онъ и отъ Тибулла, и отъ Парни. Его «душѣ наскучили парнасскія забавы».... «Уснувъ лишь разъ, на тернахъ онъ проснулся» и на всей своей лицейской поэзіи поставилъ крестъ: онъ призналъ въ твореніяхъ этой эпохи фальшь и неправду,—онъ замѣтилъ, что тогда

Игрушкою себя невинной веселилъ.
Угодникъ Бахуса, я, трезвый межъ друзьями,
Бывало пѣлъ вино водяными стихами,
Мечтательныхъ Доридъ и славилъ, и бранилъ,
Ильдружбѣ плелъ вѣнокъ—идружество зѣвало
И сонные стихи въ просонкахъ величало.

Это «открытіе» было для юнаго поэта такъ значительно, что онъ готовъ былъ отказаться отъ пѣсенъ; ему стала мерещиться смерть, какъ единственный исходъ его сердечной тоскѣ,—и вотъ сентиментально-романтическіе мотивы Жуковскаго зазвучали теперь на лирѣ поэта («Желаніе», «Осеннее Утро», «Разлука», «Элегія» (Счастливъ, кто въ страсти), «Наслажденіе», «Къ ней», «Элегія» (Опять я вашъ), «Любовь одна веселье жизни хладной».... «Подражаніе», «Пробужденіе», «Пѣвецъ»). Но какъ ни глубоки были эти новыя ощущенія, нашъ юноша-поэтъ не могъ долго жить ими одними..... Это было не въ его непостоянномъ характерѣ, не отвѣчало его богатой и разносторонней душѣ. И вотъ, въ перемежку между этими тоскливыми

пѣснями, онъ, улыбаясь «сквозь слезы», обмолвился посланіемъ къ горничной Наташѣ и нѣсколькими эпиграммами и, подъ конецъ, страстнымъ посланіемъ къ «Молодой вдовѣ».

Въ этомъ непостоянствѣ его—правда и богатство его души и творчества: уже тогда онъ не лицемѣрилъ передъ собой и другими,—оттого еще на лицейской скамьѣ поэзія его уже была «эхомъ» его сердца. Пусть это сердце еще не находило своей настоящей жизни, пусть эта тоска лучезарная была въ значительной степени навѣянной, какъ и недавній эпикуреизмъ, она все таки была правдивой, такъ какъ юноша въ то время дѣйствительно жилъ приподнятой духовной жизнью.

Но и этимъ еще не исчерпывается сумма тѣхъ настроеній, которыя были знакомы его Музѣ. Уже въ лицейскій періодъ его жизни ясно намѣчается еще одно направленіе,—то, которому суждено было сдѣлаться основнымъ и характернымъ уже для всей послѣдующей его поэзіи—это удивительно тонкое пониманіе поэзіи въ будничной, повидимому, сѣрой житейской прозѣ,—это та «поэзія дѣйствительности», за которую справедливо Пушкина называютъ «поэтомъ земли». Еще юношей онъ почувствовалъ неясное влеченіе къ этой землѣ, сумѣвъ любовными глазами посмотрѣть на нее и найти въ ней тонкую и своеобразную прелесть, которая ускользнула отъ взора его предшественниковъ. Правда, и Державинъ, и Батюшковъ пытались слить эпикуреизмъ и гораціанское наслажденіе жизнью съ мирной обстановкой русской деревни, но у нихъ это слiяніе не было органическимъ: они были только «гостями», иностранцами, принесшими въ деревню съ собою свой духовный міръ, но никогда не вникавшими въ настроенія деревни. Пушкинъ же еще въ одномъ изъ раннихъ своихъ произведеній («Городокъ») сумѣлъ слить себя съ «святой тишиной» русскаго захолустья. «Веселый садъ» съ старыми липами, съ цвѣтущей черемухой и березовыми аллеями, маленькій домикъ въ три комнаты, полная тишина, прерываемая лишь скрипомъ телѣги,—вотъ тихій пейзажъ русской дѣйствительности. Таковы же и люди, живущіе въ этой обстановкѣ, таковъ и нашъ поэтъ, который легко и свободно сливается съ этой жизнью:

Оставя книгъ ученье,
Въ досужный мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чаекъ.
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней,
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ же вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаетъ.

Старушка знаетъ все про сосѣдей:

Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала.

Она все это разсказываетъ охотно собесѣднику, сообщаетъ ему и о томъ, что

Капуста цвѣтъ дала,
Ѳома свою хозяйку
Ни-за-что наказалъ,
Антошка балалайку
Играя разломалъ....

Подстать этой старушкѣ и добродушный сосѣдъ инвалидъ, охотно разсказывающій о славныхъ дняхъ своей юности. Въ «Посланіи къ Юдину» опять мы встрѣчаемъ ту же теплую обрисовку русской жизни. Въ угарѣ житейской суеты свѣтлымъ и мирнымъ миражемъ рисовалась передъ Пушкинымъ его Захарово: оно

Съ заборами—въ рѣкѣ волнистой
Съ мостомъ и рощею тѣнистой
Зерцаломъ водъ отражено;
На холмѣ домикъ мой...

Кругомъ—садъ изъ старыхъ кленовъ и тополей.... Миръ и тишина кругомъ.

Но вотъ ужъ полдень—въ свѣтлой залѣ
Веселымъ круглый столъ накрытъ
Хлѣбъ—соль на чистомъ покрывалѣ,
Дымятся щи; вино въ бокалѣ
И щука въ скатерти лежитъ.

Въ стихотвореніи «Сонъ» опять передъ нами деревенскій пейзажъ:

Друзья мои! Какъ утро здѣсь прекрасно!
Въ тиши полей, сквозь тайну сѣнь дубравъ,
Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
Свѣтлѣетъ все; другъ друга перегнавъ,
Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны;
Еще роса надъ свѣжей муравой;
Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны.

Когда же «ненастной порой, при позднемъ тихомъ свѣтѣ» зимняго дня поэту приходилось сидѣть «безъ свѣчки въ кабинетѣ», и, часъ отъ часу, темнѣлъ свѣтъ оконъ,—тогда неясное, тревожное настроеніе овладѣвало имъ, и чудилось ему, что на сумрачномъ потолкѣ «какой-то призракъ

бродитъ», и онъ вспоминалъ о такихъ же неясныхъ, тревожныхъ настроеніяхъ, которыя знакомы были ему еще съ дѣтскихъ лѣтъ, когда старая «мамушка», «въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ», прогнавъ «духовъ» молитвой и перекрестивъ его, шопотомъ разсказывала о мертвецахъ, о подвигахъ Бовы...

И эта мирная русская природа, и добродушная старушка, и друзья-сосѣди, и старая мамушка — все это, вмѣстѣ взятое, цѣлая симфонія новыхъ настроеній, еще невѣдомыхъ русской поэзіи. Это—первые намеки на тотъ путь, къ которому инстинктивно влекло Пушкина еще юношей, и на который онъ вступилъ вскорѣ рѣшительно и сознательно....

Это и было первымъ проявленіемъ авторской самостоятельности, которая пробилась слабой струей сквозь длинный рядъ подражаній самымъ разнообразнымъ писателямъ иностраннымъ и русскимъ.

Впервые въ печати выступилъ Пушкинъ нечаянно для самого себя. Еще будучи лицеистомъ, онъ уже примкнулъ къ Арзамасу.

Взгляды «на поэзію» еще не выработались у Пушкина въ эту пору: онъ то повторяетъ кантемировскую точку зрѣнія на невыгоду занятій поэзіей: поэтъ — бѣднякъ, которому судьбой «не даны ни мраморны палаты, ни чистымъ золотомъ набиты сундуки»; «его жизнь—рядъ горестей, гремящей славы—сонъ». Повторяя Карамзина, онъ воспѣваетъ фантазію, эту богиню поэтовъ, которая замѣняетъ имъ все богатство; буквально перефразируетъ онъ того же писателя, говоря о всемогуществѣ поэта, въ словахъ: «Поэтъ! въ твоей предметы волѣ»! Вслѣдъ за Карамзинымъ онъ не прочь былъ признать «обманъ», какъ существо поэзіи. И въ то же время поэзія «отъ боговъ», и счастливъ тотъ, кто получилъ въ даръ отъ Феба лиру. Но рядомъ съ этими, заимствованными взглядами на поэзію, Пушкинъ приближался къ самостоятельному опредѣленію содержанія и характера своей поэзіи. Прежде всего, въ ней онъ слуга и другъ Фебу и Эроту,—вотъ содержаніе его творчества. Онъ — добрый человѣкъ; онъ — «добрый пѣвецъ»,— вотъ характеристика его, какъ поэта. Въ этихъ словахъ опредѣляется сущность наиболѣе типичныхъ чертъ его лицейскаго творчества. Струнки реализма, столь замѣтныя въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ этой поры, пока не нашли еще себѣ опредѣленія, принципіальнаго оправданія. Согласно свидѣтельствамъ современниковъ, Пушкинъ въ Лицеѣ написалъ «романъ въ прозѣ» — «Цыганъ», сочинилъ повѣсть, впослѣдствіи развитую имъ въ повѣсть «Выстрѣлъ», и сочинилъ комедію начата 10 декабря 1815 г.) въ сотрудничествѣ съ М. Л. Яковлевымъ: «Такъ водится на свѣтѣ»; писалъ какое-то несохранившееся сочиненія «Фатамъ, или разумъ человѣческій» (9 декабря 1815 г. написано было уже 3 главы), 5-актную комедію въ стихахъ «Философъ» (написано было 1-ое дѣйствіе къ 16 января 1816 г.), а въ декабрѣ 1815 г. мечталъ о сочиненіи героической поэмы «Игорь и Ольга». Въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Лицеѣ (1817 г.) Пушкинъ началъ поэму «Русланъ и Людмила». Первое стихотвореніе Пушкина, появившееся въ печати (1814 г.) было: «Къ другу стихотворцу» (№ 13 «Вѣстника Европы»).

Извѣстность его, какъ будущаго знаменитаго поэта, стала складываться еще во время пребыванія его въ стѣнахъ Лицея. Этому способствовали, главнымъ образомъ, его друзья-лицеисты, друзья-гусары и друзья-писатели. В. Л. Пушкинъ 24 февраля 1817 г. въ засѣданіи общества Любителей россійской словесности при Московскомъ Университетѣ читалъ его стихи: «Анакреонова гробница»; тамъ же 28 апрѣля читалъ онъ его стихотвореніе «На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 г.»; на празднествѣ въ Павловскѣ пѣлись 6 іюня 1816 г. его стихи «Къ принцу Оранскому», за что поэтъ получилъ отъ Императрицы золотые часы. Объ литературныхъ занятіяхъ Пушкина его товарищи пишутъ своимъ знакомымъ, а иногда сообщаютъ его стихи (см. письма Илличевскаго къ Фуссу).

Пушкинъ въ Петербургѣ (1817—1820 г.). 9-го Іюня 1817 года Пушкинъ былъ выпущенъ изъ Лицея съ чиномъ коллежскаго секретаря. Жизнь, разскрывшаяся передъ нимъ, въ сущности, дала ему мало новаго сравнительно съ тѣмъ, что онъ узналъ въ послѣдніи годы лицейской жизни; эта жизнь только шире развернулась передъ нимъ,— къ прежнимъ друзьямъ, не смѣнивъ старыхъ, даже не оттѣснивъ ихъ, прибавились новые, мысли и чувства, проснувшіяся

уже въ юношѣ, тоже не смѣнились новыми,—лишь прояснились и углубились. Оффиціальное положеніе Пушкина было не изъ блестящихъ, но оно, повидимому, никакой роли въ его жизни и не играло. Намъ извѣстно лишь, что 13-го іюня 1817 года коллежскій секретарь А. Пушкинъ былъ опредѣленъ въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ содержаніемъ въ 700 р., 3-го іюля 1817 г. подавалъ прошеніе объ отпускѣ въ деревню по 15 сентября (вернулся въ концѣ августа) «для приведенія дѣлъ въ порядокъ»; 9-го іюля 1819 года подавалъ такое же прошеніе объ отпускѣ въ деревню на 28 дней и, наконецъ, 4-мъ мая 1820 г. помѣчены: письмо графа Каподастріи, за подписью гр. Нессельроде, къ Инзову въ Одессу объ отпускѣ (un semestre) Пушкина и о прикомандированіи его къ канцеляріи Инзова сверхъ штата, и приказъ гр. Нессельраде о выдачѣ Пушкину 1000 р. на проѣздъ въ Екатеринославъ. Эта блѣдная лѣтопись службы Пушкина перебивается частными свидѣтельствами кн. П. А. Вяземскаго, К. Н. Батюшкова, А. И. Тургенева и др. о желаніи поэта поступить въ началѣ 1819 года въ военную службу. Изъ письма А. И. Тургенева Вяземскому отъ 11-го марта видно, что Пушкинъ «бредилъ войною». Въ концѣ марта для друзей поэта это его рѣшеніе казалось окончательнымъ, и въ маѣ того же года Батюшковъ въ письмѣ къ Гнѣдичу (изъ Неаполя) высказывалъ сожалѣніе по поводу рѣшенія Пушкина идти въ военную службу. Очевидно, канцелярская работа была не по душѣ поэту. Его мечты еще рисовали передъ нимъ плѣнительную картину свободной походной жизни, пылъ сраженій, беззаботной жизнерадостности. За то скуку этой работы онъ возмѣщалъ широкимъ разгуломъ жизни въ кругу тогдашней золотой молодежи. Сентиментально-мечтательныя настроенія были забыты, отвлеченное сладострастіе воображенія, встревоженнаго нескромнымъ чтеніемъ и юношеской мечтой, смѣнилось теперь полной разнузданностью страстей. Темпераментъ, унаслѣдованный отъ предка-африканца, взялъ свое. Еще «въ Лицеѣ, по словамъ барона Корфа, Пушкинъ превосходилъ всѣхъ въ чувственности, а послѣ, въ свѣтѣ, предался распутствамъ всѣхъ родовъ, проводя дни и ночи въ непрерывной цѣпи вакханалій и оргій». Конечно, это преувеличеніе,—«дней и ночей» Пушкинъ въ оргіяхъ не проводилъ, но, несомнѣнно, налетали на него порывы,—иногда довольно продолжительные,—когда онъ былъ во власти своей горячей, возмущенной плоти. Вотъ почему теперь Пушкинъ называетъ себя «страдальцемъ чувственной любви»; онъ говоритъ намъ о «безстыдномъ бѣшенствѣ желаній», онъ признается, какъ страдалъ отъ неудовлетворенной страсти, когда онъ

Покровы жаркіе, рыдая, обнималъ
И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья.

Онъ признавалъ, что въ это время, «любви не вѣдая страданій», онъ, «безобразный потомокъ негровъ», нравился «юной красотѣ» «безстыднымъ бѣшенствомъ своихъ желаній». Наденька, Лида, Лаиса, Дорида, Ольга Масонъ,—имена, мелькающія въ его лирическихъ произведеніяхъ этого періода,—свидѣтельствуютъ о разнообразіи и кратковременности его увлеченій. 12-го ноября 1819 г. А. И. Тургеневъ пишетъ князю П. А. Вяземскому письмо, въ которомъ называетъ Пушкина «бѣснующимся» и разсказываетъ, что встрѣчаетъ его рѣдко въ театрѣ, «куда онъ заглядываетъ въ свободное отъ звѣрей время»; оказывается, что «жизнь его проходитъ у пріема билетовъ, по которымъ пускаютъ смотрѣть привезенныхъ сюда звѣрей. Онъ влюбился въ продавщицу билетовъ и сдѣлался ея cavalier servant». Кружокъ гусаровъ, съ которымъ онъ сошелся еще въ Царскомъ Селѣ, былъ очагомъ, на которомъ безпощадно сжигались молодыя силы поэта. П. В. Нащокинъ держалъ для друзей цѣлую квартиру, куда они могли пріѣзжать когда угодно и съ кѣмъ угодно.

Новый пріятель Пушкина Н. В. Всеволожскій придалъ этому разврату даже нѣкоторую организацію, объединивъ избранную молодежь въ «оргіаческомъ» обществѣ «Зеленой Лампы». Здѣсь, въ перемежку между пирами и вакханаліями, развлекались нецензурными представленіями на самыя рискованныя темы, въ родѣ «Изгнанія Адама и Евы», «Погибели Садома и Гоморры». Эта распущенность «религіознаго» характера, вѣроятно, и привела Пушкина къ сочиненію «Гавріліады»; что въ кругу этихъ друзей поэта были популярны подобныя темы для шутокъ, видно хотя бы изъ жалобы А. И. Тургенева, что «Кривцовъ не

перестаетъ развращать Пушкина», присылая ему «безбожные стихи изъ благочестивой Англіи». Иногда, смѣха ради, собранія происходили съ соблюденіемъ формъ парламентскихъ или масонскихъ и посвящались обсужденію плановъ волокитства и закулисныхъ проказъ. Пушкинъ отдавался всѣмъ этимъ развлеченіямъ со всѣмъ пыломъ молодости. Почти всѣмъ своимъ новымъ друзьямъ онъ оставилъ посланія («Къ Щербинину», Н. И. Кривцову (2 стих.) Ѳ. Ф. Юрьеву, (2 стих.) В. В. Энгельгардту, «Стансы Я. Н. Толстому», «Н. В. Всеволожскому»), которыя тянутся отъ 1818 вплоть до 1820 года.

Какъ ни велико было богатство физическихъ силъ у Пушкина, онъ все таки три раза—въ январѣ—февралѣ 1818 г. и въ февралѣ и іюнѣ 1819 г.—былъ серьезно боленъ, — отчасти именно вслѣдствіе постоянныхъ возбужденій организма, не выдержавшаго всей удали этого богатырскаго кутежа.

Весь день веселью посвященъ,
А ночью царствуетъ Каприда—

вотъ, какое времяпрепровожденіе манило къ себѣ воображеніе поэта; онъ восклицалъ:

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
Зови же сладкое бездѣлье
И легкокрылую любовь
И легкокрылое похмѣлье!
До капли наслажденье пей,
Живи безпеченъ, равнодушенъ!
Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей!

Эта беззавѣтная трата силъ и здоровья связывалась съ циничнымъ отношеніемъ къ смерти, что̀ въ лучшемъ случаѣ вело къ сознательному прожиганію жизни. Это «прожиганіе» жизни прекрасно выразилось въ одномъ пушкинскомъ призывѣ:

Пусть остылой жизни чашу
Тянетъ медленно другой,—
Мы-жъ утратимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой.....

Юноша былъ «увѣренъ», что ихъ «смертный мигъ» будетъ тогда «свѣтелъ» и не омрачитъ веселья «подругъ». Здоровье для него лишь «легкій другъ Пріапа». Въ худшемъ случаѣ это бравированье жизнью грозило кровавой развязкой отъ собственной или чужой пули. Пушкинъ и въ этомъ старался не отставать отъ друзей.... Извѣстный «бреттёръ» Якубовичъ былъ тогда образцомъ, которому онъ старался подражать. Къ этой эпохѣ относится рисунокъ въ одной изъ тетрадей Пушкина: мужчина сидитъ за столомъ съ бутылками; около—женщина, «въ послѣдней степени виннаго экстаза», сбиваетъ балетнымъ движеніемъ ноги одну изъ бутылокъ. Другой мужчина, совершенно пьяный, закуриваетъ трубку. Имъ всѣмъ прислуживаетъ «смерть». Анненковъ припоминаетъ по этому поводу происшедшую въ тѣ годы дуэль Шереметева съ Завадовскимъ изъ-за танцовщицы Истоминой кончившуюся смертью Шереметева. «Смерть, прибавляетъ Анненковъ, въ самомъ дѣлѣ, часто прислуживала на пирахъ, кончавшихся дуэлями. Дуэли были тогда въ большой модѣ и вполнѣ отвѣчали бравурному отношенію тогдашняго общества къ жизни... Напрашиваться на исторіи считалось даже признакомъ хорошей породы и чистокровнаго происхожденія». Такъ, извѣстно, что около 1818 г. произошла дуэль Пушкина съ В. К. Кюхельбекеромъ, который обидѣлся на эпиграмму поэта: «За ужиномъ объѣлся я». Не задолго до высылки Пушкина изъ Петербурга произошло столкновеніе его въ театрѣ съ маіоромъ Денисевичемъ, вызвавшимъ поэта на дуэль; но дуэль не состоялось. 23-го марта 1820 года Е. А. Карамзина писала Вяземскому, что «у Пушкина всякій день дуэли». Конечно, это шутка, но она, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о задорномъ, вызывающемъ поведеніи поэта. Понятно, что для этой молодежи, въ кругѣ которой вращался Пушкинъ, мало было святого въ жизни. Немудрено, что и увлекавшійся юноша готовъ былъ на первыхъ порахъ въ этой распущенности духа усмотрѣть ту вождѣленную свободу, къ которой стремился съ дѣтства. Возможно, что подъ вліяніемъ настроеній «Зеленой Лампы» у него явились позывы бравировать тѣмъ, что для другихъ было священно; для ѣдкаго слова онъ иногда говорилъ даже болѣе и хуже, нежели въ самомъ дѣлѣ думалъ и чувствовалъ. Замѣчаніе Е. А. Энгельгардта, смягчающее образъ Пушкина, глубоко справедливо: «невѣріе» не было для него плодомъ долгой внутренней борьбы, а далось легко, приправленное «краснымъ словомъ» вольнодумства и скептицизма; оно не шло глубоко въ его сердце, оставаясь на поверхности, выражаясь въ

свободоязычіи и остротахъ и прикрывая собою не только вѣру, но даже и суевѣріе». Объ этомъ суевѣріи Пушкина сохранилось не мало анекдотовъ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ неглубокихъ и фривольныхъ настроеній написаны были Пушкинымъ многочисленныя «возмутительныя» стихотворенія, которыя, по словамъ современниковъ, «наводнили Петербургъ»; пресловутая «Гавриліада» вышла цѣликовъ изъ тѣхъ веселыхъ представленій на библейскія темы, которыми потѣшали себя его друзья во время засѣданій «Зеленой Лампы». Въ сущности говоря, и либерализмъ Пушкина былъ того же порядка, — это было такое же бравированье опасной игрой съ извѣстными, «установившими» традиціями, съ именами и событіями, которыя жили и создавались въ связи съ этими традиціями. Тогдашнее положеніе Россіи для подобнаго высмѣиванья давало не мало пищи. Вотъ почему болѣе или менѣе серьезные уроки Чаадаева, преподанные имъ въ Царскомъ Селѣ лицеисту-Пушкину и носившіе отвлеченный, теоретическій характеръ, теперь были забыты подъ живымъ впечатлѣніемъ случайныхъ, будничныхъ явленій общественной и политической жизни, явленій, которыя слишкомъ били въ глаза. Жизнь русская была тогда полна курьезовъ и противорѣчій: Аракчеевъ и Чаадаевъ носили одинъ и тотъ же мундиръ; реакція въ правящихъ кругахъ была въ полномъ разгарѣ въ то время, когда на окраинахъ говорились конституціонныя рѣчи; «республиканецъ» былъ на россійскомъ тронѣ, а около него стояли Аракчеевъ, Фотій, Руничъ, Магницкій.. Западная Европа волновалась политическими тревогами: такъ, потрясающее впечатлѣніе произвели на всѣхъ политическія убійства, совершившіяся — одно 23 марта 1819 г., когда студентъ Карлъ Зандъ закололъ Августа Коцебу (26 мая 1820 г. Зандъ былъ казненъ); другое — 1 (13) февраля 1820 г., когда Лувелемъ былъ убитъ въ Парижѣ герцогъ Беррійскій, наслѣдникъ французскаго престола. И въ то же время, помимо этихъ противорѣчивыхъ теченій, шедшихъ свыше, общество жило своей жизнью, взбудораженной и своеобразной. По удачному опредѣленію Анненкова, это время было «царствамъ блестящаго диллетантизма по всѣмъ предметамъ и вопросамъ, выдвинутымъ впередъ европейскою жизнью». Этотъ диллетантизмъ выразился въ «необычайной влюбчивости» въ идеи, въ обиліи занесенныя къ намъ послѣ заграничныхъ войнъ. «Идеи являлись тогда, какъ кумиры, съ затерянной генеалогіей, но требовавшія безусловного поклоненія; съ этими идеями носились, преклоненіемъ передъ ними покрывали отсутствіе образованія. Такимъ диллентатизмомъ отличались и политическія увлеченія эпохи: они не коренились на знаніи прошлаго Русской исторіи у массы, они не имѣли даже никакой ясной программы. Если между вожаками было нѣсколько энергичныхъ и сознательно дѣйствовавшихъ лицъ, то масса могла вызывать только ироническіе отзывы. Эта легковѣсность настроеній повела къ тому, что сами вожаки принуждены были закрыть въ 1821 г. «Союзъ благоденствія». Возникшее на смѣну Союзу «Сѣверное общество» такъ же быстро опошлилось съ приливомъ массы. Н. И. Тургеневъ утверждалъ, что «подъ конецъ братство занималось шутовскими церемоніями пріема новыхъ членовъ, и что вообще засѣданія его возбуждали осужденіе и нескрываемыя улыбки презрѣнія со стороны наиболѣе развитыхъ членовъ братства». «Многіе, говоритъ онъ, вступали въ общество, но, вступая въ него въ одну дверь, выходили въ другую». Если уроки Чаадаева отличались нѣкоторымъ доктринерствомъ и утопичностью, то атмосфера политическихъ настроеній массы русскаго «передового» общества оглушила Пушкина звономъ громкихъ фразъ, легковѣсныхъ остротъ, банальныхъ повтореній того, что смутно доносилось съ запада. Какъ извѣстно, Пушкинъ увлекся этимъ кипучимъ общественнымъ настроеніемъ и принялъ дѣятельное участіе въ тогдашнихъ увлеченіяхъ. Къ одному изъ своихъ сотоварищей по «Зеленой Лампѣ», В. В. Энгельгардту, онъ въ 1819 г. написалъ посланіе, конецъ котораго очень характеренъ:

Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря
Насчетъ глупца, вельможи злова,
Насчетъ холопа записнова,
Насчетъ небеснаго царя,
А иногда—насчетъ земнова.

Изъ этихъ застольныхъ бесѣдъ за бокаломъ вина, когда развязывался языкъ, вышли многочисленныя эпиграммы на главныхъ дѣйствующихъ лицъ тогдашней

русской «трагикомедіи»: кн. Голицына, Фотія, Аракчеева и др. Серьезное негодованіе не вылилось бы въ такихъ «шалостяхъ пера»; выстраданныя убѣжденія не допустили бы такой шутки, какой проникнуто, напримѣръ, одно стихотвореніе («Княгинѣ Е. И. Голицыной»), начинающееся очень характернымъ признаніемъ, что Пушкинъ тогда былъ русскаго «всегдашній обвинитель» и «краевъ чужихъ неопытный любитель», не находилъ въ отечествѣ ни «вѣрнаго ума», ни «генія», ни гражданина съ душой благородной: это стихотвореніе заканчивается заявленіемъ, что поэтъ примирился съ отечествомъ лишь тогда, когда увидѣлъ красавицу княгиню Евд. Ив. Голицыну! На фонѣ этихъ стихотворныхъ проказъ съ «серьезными мыслями и чувствами», среди многочисленныхъ стиховъ въ честь красавицъ, любви и вина, печальными оазисами стоятъ серьезныя политическія стихотворенія («Къ Чаадаеву», «Деревня», «Вольность»). Они написаны съ одушевленіемъ, несомнѣнно, правдивы, но эта «правда» какая-то минутная,—очевидный результатъ впечатлѣнія отъ чьихъ-то горячихъ, искреннихъ, серьезныхъ рѣчей, случайнымъ слушателемъ которыхъ довелось быть Пушкину.... Отзывчивый, какъ всегда, онъ въ такія рѣдкія минуты настраивалъ свою «изнѣженную», капризную, шаловливую лиру на возвышенный ладъ, и тогда звучали призывы:

Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы!
Товарищъ, вѣрь, взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Но и здѣсь проскальзывали характерныя сравненія, бросающія особый свѣтъ на пушкинскій либерализмъ: «минуты вольности святой» онъ ждетъ съ тѣмъ «томленьемъ упованья», съ которымъ «любовникъ молодой—минуты сладкаго свиданья». Эта «влюбленность» въ модныя идеи очень характерна для духа времени. Въ этомъ отношеніи любопытно стихотвореніе «Деревня». Начало его проникнуто эпикуреизмомъ: воспѣваются сладости сельской жизни, она именуется «лономъ счастья и забвенья»; но тутъ же, совершенно неожиданно, послѣ такого умилительно-радужнаго приступа, вплетаются модные гражданскіе мотивы: изъ молодого эпикурейца авторъ обращается въ «друга человѣчества», стоящаго лицомъ къ лицу передъ «губительнымъ позоромъ невѣжества», предъ «барствомъ дикимъ» и «тощимъ рабствомъ».. И, настраивая себя на этотъ ладъ, поэтъ отъ вымученнаго, холоднаго и искусственнаго паѳоса доводитъ себя до искренняго воодушевленія, которое разряжается въ прекрасныхъ словахъ:

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Стихотвореніе «Ода Вольность», написанное въ началѣ іюля 1819 г. (самъ поэтъ относилъ ее къ 1817 г.), очевидно, такого-же происхожденія: оно совершенно не вяжется съ обычными пушкинскими настроеніями и есть слѣдствіе «случайнаго» вдохновенія. Хотя за эту «оду» Пушкинъ былъ высланъ изъ Петербурга, но всѣми, близко знавшими поэта, его политическія убѣжденія цѣнились невысоко. Самая возможность удачно пустить слухъ о томъ, что Пушкина высѣкли въ полиціи за его стихи, — указываетъ на то несерьезное отношеніе, которое сквозило въ обществѣ къ «политиканствующему юношѣ-поэту». И какъ же онъ пытался разсѣять этотъ слухъ, возмутившій его?—Еще болѣе дерзкими выходками. Вотъ почему его друзья-декабристы не довѣряли серьезности его убѣжденій и не включили его въ свой кругъ. Вотъ почему, когда наступило время расплаты за эпиграммы, поэтъ растерялся и.... испугался, что́ дало случай Карамзину не безъ оттѣнка легкаго презрѣнія говорить о дешевомъ либерализмѣ тогдашней молодежи. Вотъ почему, значительно позднѣе, въ 1825 году, когда Пушкинъ не безъ колебанія рѣшался самовольно ѣхать въ столицу, чтобы стать въ ряды мятежниковъ, достаточнымъ оказалось, при выѣздѣ изъ деревни, встрѣтить неблагопріятныя примѣты, чтобы вернуться обратно. Если разсказъ объ этихъ прамѣтахъ, удержавшихъ поэта въ деревнѣ, — только ходячій анекдотъ, то и онъ характеренъ для опредѣленія отношеній къ нему общества. Тѣмъ не менѣе, всѣ его либеральныя эпиграммы, эти вольнолюбивые стихи были въ свое время очень популярны,—ихъ переписывали, заучивали наизусть, имъ подражали, ихъ поддѣлывали,—все это указы-

ваемъ, что поэтъ свое дѣло сдѣлалъ: «неподкупный голосъ его былъ чуткимъ «эхомъ» тогдашнихъ настроеній русскаго общества; онъ уловилъ и удачно передалъ въ своихъ летучихъ стихахъ тогдашнія политическія настроенія русскаго общества—пестрыя, неустойчивыя, отъ глубокаго негодованія легко переходившія къ поверхностному вышучиванію.. Какъ въ старину пѣвецъ не обязанъ былъ драться въ рядахъ дружинниковъ, но въ своей пѣснѣ отражалъ лишь настроенія дружины, печальныя, радостныя, возвышенныя, — такъ и нашъ юный поэтъ отозвался чуткой душой на своеобразныя вѣянія эпохи... Съ такой точки зрѣнія, всѣ его стихотворныя шутки, даже его кощунственная «Гавриліада», пріобрѣтаютъ высокую историческую цѣнность. Это — пережитки того стараго вольтерьянства, которымъ жилъ XVIII вѣкъ и который завершился у насъ Пушкинымъ. Впрочемъ, нетрудно замѣтить, что его шумный разгулъ и крикливое либеральничанье были вызваны не только способностью увлекаться настроеніями, но въ такой же мѣрѣ и желаніемъ выдвинуться, обратить на себя общее вниманіе: онъ, по собственному признанію, слишкомъ рано «полюбилъ рукоплесканія»; однажды, на упреки родителей въ излишней распущенности, онъ просто отвѣтилъ: «Безъ шума никто не выходилъ изъ толпы». Итакъ, съ одной стороны самовозвеличиванье и презрѣніе къ толпѣ, съ другой—исканіе популярности все у этой же толпы — черты характерныя, объясняющія многое во внѣшней жизни поэта.

Еще въ Лицеѣ общество товарищей дѣлилось для него на «толпу» и на избранниковъ. Теперь это дѣленіе сдѣлалось сознательнѣе и ярче. «Черни призирай ревнивое роптанье»—поучаетъ онъ Каверина, понимая подъ «чернью» «благоразумныхъ» людей, которые неспособны были понять эпикуреизма ихъ міросозерцанія. Друзьямъ онъ подавалъ совѣтъ: «давайте пить и веселиться, давайте жизнію играть, пусть чернь слѣпая суетится».—Но этой «чернью» были въ его глазахъ не только люди, вооруженные «благоразуміемъ»: высшій свѣтъ, закованный въ скучныя приличія, тоже былъ для него «чернью». Онъ иронизируетъ надъ кн. А. М. Горчаковымъ за то, что тотъ былъ «питомцемъ модъ, большого свѣта другомъ, обычаевъ блестящихъ наблюдателемъ». Въ «чаду большого свѣта» онъ «скоро угорѣлъ», хотя его и тянула туда присущая ему слабость къ своему аристократическому происхожденію. Здѣсь, въ этой средѣ, не было мѣста для живой души; здѣсь, подчиняясь приличіямъ, «умъ хранилъ невольное молчанье», здѣсь, не зная свободы, «холодомъ сердца поражены», здѣсь «глупостью единой всѣ равны». Вспоминая о своемъ пребываніи въ непріятной средѣ, которая, очевидно, и сама негостепріимно приняла поэта, онъ восклицалъ:

Я помню ихъ, дѣтей честолюбивыхъ,
Злыхъ, безъ ума, безъ гордости спѣсивыхъ,
И, разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ!

Гдѣ хорошо себя чувствовали кн. Горчаковъ, бар. Корфъ,—тамъ Пушкинъ увидѣлъ лишь «украшенныхъ глупцовъ, святыхъ невѣждъ, начестныхъ подлецовъ».... Немудрено, что его тянуло въ «счастливую семью» «младыхъ повѣсъ», гдѣ умъ его «кипѣлъ, гдѣ въ мысляхъ онъ былъ воленъ», могъ «спорить вслухъ» и «чувствовать сильнѣе», гдѣ, наконецъ, онъ видѣлъ себя въ средѣ «прекраснаго друзей». Что такое было это «прекрасное», мы уже видѣли: это — независимость чувства и мысли, это — міръ, украшенный наслажденіями жизни чувственной и идейной... Такимъ образомъ, «чернь» — это та среда, которая накладывала свое veto на свободное пользованье благами жизни. Приложимъ эту мѣрку къ той литературной жизни, въ которую окунулся Пушкинъ, — и мы поймемъ, что онъ долженъ былъ примкнуть къ «Арзамасу», къ тому лагерю, который требовалъ свободы, творчества, который шелъ противъ «Бесѣды любителей русскаго слова» и всѣхъ другихъ старовѣровъ-классиковъ. Пусть этотъ протестъ былъ неглубокъ и несерьезенъ, пусть онъ не носилъ характера борьбы принципіальной и продуманной и сводился къ вышучиванью отдѣльныхъ членовъ оппозиціоннаго лагеря—Пушкинъ жадно, еще съ лицейской скамьи, упивался свѣжимъ настроеніемъ друзей-арзамасцевъ. Когда, по окончаніи Лицея, въ первой половинѣ 1817 года, онъ полноправнымъ членомъ вступилъ въ Арзамасъ, онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ застрѣльщиковъ этого кружка, существовавшаго, впрочемъ, только до сентября этого года. Онъ служилъ ему

своими эпиграммами на враговъ Карамзина, на Каченовскаго... Его друзья по Арзамасу поощряли его юношеское остроуміе, восхищались имъ. 31-го августа 1818 г. кн. П. А. Вяземскій въ письмѣ изъ Варшавы къ А. И. Тургеневу проситъ подѣйствовать на Пушкина, чтобы онъ высѣкъ мстительными стихами «мерзавца» Каченовскаго. Въ отвѣтъ на это А. И. Тургеневъ сообщаетъ, что «маленькій Пушкинъ, давно уже плюнулъ на Каченовскаго эпиграммой». Въ другомъ письмѣ тотъ же Вяземскій приглашаетъ Пушкина, «Сверчка, полуночнаго бутошника», «крикнуть эпиграмму на Свиньина»..

Итакъ, и въ литературной сферѣ Пушкинъ остался тѣмъ же привередникомъ, который съ лицейской скамейки привыкъ жить въ тѣсномъ кругу друзей, а къ остальному пестрому міру относиться не всегда справедливо, чаще съ предубѣжденіемъ, иногда даже съ презрѣніемъ. Его ближайшими друзьями — «арзамасцами» были все тѣ же Жуковскій, Вяземскій, А. И. Тургеневъ; нѣсколько въ сторонѣ стоялъ Карамзинъ: идолъ «Арзамаса», онъ по этому самому былъ близокъ къ Пушкину, но, какъ столпъ консерватизма въ ту смутную пору, онъ вызывалъ негодованіе со стороны либераловъ. Отсюда двойственное отношеніе къ нему поэта, обострявшееся стараніями Карамзина «исправить» Пушкина. Въ чинную, строгую атмосферу семейной жизни Карамзина Пушкинъ вносилъ съ собою свой задоръ и шумливость. Исторіографъ, по собственному его признанію, нерѣдко, «истощивъ всѣ способы образумить эту безпутную голову», начиналъ спорить, даже сердиться. Пушкинъ запомнилъ слѣдующую сцену: «Однажды началъ онъ при мнѣ излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказалъ: «Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ»? Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Потомъ, по словамъ Пушкина, Карамзину стало совѣстно и, прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности: «Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили». Впрочемъ, иногда почтенный исторіографъ самъ заражался пушкинскими настроеніями. Пушкинъ передаетъ слѣдующій характерный эпизодъ: «Однажды, отправляясь въ Павловскъ и надѣвая свою ленту, онъ посмотрѣлъ на меня наискось.. Я прыснулъ, и мы оба расхохотались». Но не всегда такъ мило разставались два писателя: между ними происходили и серьезные разрывы. Такъ, однажды между ними произошло столкновеніе, и тогда «Карамзинъ отстранилъ отъ себя» его, глубоко оскорбивъ и «честолюбіе, и сердечную къ нему привязанность» (слова Пушкина). Любопытно, что, подъ живымъ впечатлѣніемъ обиды, Пушкинъ круто сталъ во враждебныя отношенія къ недавно почитаемому человѣку и сочинилъ двѣ злыя эпиграммы на него, какъ автора «Исторіи Государства Россійскаго». Самъ Пушкинъ утверждалъ, что имъ написана одна, менѣе обидная («Послушайте, я вамъ скажу»). Одна изъ нихъ —

> Въ его исторіи изящность, простота
> Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья,
> Необходимость самовластья
> И прелести кнута.

Между тѣмъ, въ томъ же 1818 году онъ былъ въ восхищеніи отъ этой «Исторіи». «Это было, вспоминаетъ онъ, въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ Русской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постелѣ съ жадностью и со вниманіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ». Тогда же онъ возмущался, вмѣстѣ со своими друзьями, легкомысліемъ критики на «Исторію», даже преувеличивая недостатки тѣхъ, кто дерзалъ возстать на божество «Арзамаса». Но если пушкинскія эпиграммы и были злы, такъ какъ онѣ были написаны въ злую минуту, — пролетала она, — и Пушкинымъ овладѣвало раскаянье, и сердце его цѣликомъ обращалось къ тѣмъ добрымъ чувствамъ, которыя, въ сущности, были обычными въ его отношеніяхъ къ друзьямъ. Какъ бы тамъ ни было, но кто испыталъ неустойчивость этого сердца, тѣ навсегда оставались насторожѣ въ отношеніяхъ къ поэту. Такъ Карамзинъ, хлопотавшій за Пушкина, когда надъ нимъ разразилась гроза, и заботившійся вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими друзьями поэта о замѣнѣ ссылки на Соловки ссылкой на югъ, говорилъ по этому поводу: «Изъ жалости къ таланту замолвилъ слово, взявъ съ него обѣщаніе уняться. *Не знаю, что будетъ.* Мнѣ уже поздно учиться сердцу человѣческому — иначе я могъ бы похвалиться новымъ удо-

стовѣреніемъ, что либерализмъ нашихъ молодыхъ людей совсѣмъ не есть геройство и великодушіе».

Конечно, кромѣ различія убѣжденій и темпераментовъ, также и разница лѣтъ и положеній помѣшала Пушкину сблизиться съ Карамзинымъ. Этого различія почти не было у поэта въ отношеніяхъ съ Жуковскимъ. Всякое соприкосновеніе съ этой «кристальной душой» подымало и очищало поэта. Мы видѣли, что еще у ребенка-Пушкина, по его собственному признанію, душа «летѣла къ возвышенной душѣ Жуковскаго и пламенѣла въ восторгахъ»: первые проблески новыхъ, болѣе чистыхъ и глубокихъ настроеній сейчасъ-же заставили Пушкина обратиться къ свѣтлому образу Жуковскаго за «благословеніемъ». «Благослови поэтъ», начинается его извѣстное посланіе къ другу. Когда, въ упоеніи молодой жизнью, поэтъ, полный борьбы, радостей и горестей, встрѣчался съ Жуковскимъ, онъ подчинялся той «плѣнительной сладости», которой вѣяло отъ пѣвца Свѣтланы и его стиховъ, — и тогда его «вѣтренная младость» вздыхала объ «истинной славѣ», печаль, озаренная свѣтомъ безоблачнаго идеализма, разсѣивалась, а «рѣзвая радость задумывалась». «Ты правъ, писалъ Пушкинъ въ другомъ посланіи, творишь ты для немногихъ, не для толпы, а для друзей таланта строгихъ», для тѣхъ, кто «восторгомъ пламеннымъ и яснымъ» могъ уразумѣть его настроенія... Очевидно, къ такимъ «немногимъ» Пушкинъ причислялъ и себя, признавая себя способнымъ подниматься до пониманія «высокихъ мыслей и стиховъ». Эти «подъемы» были спасеньемъ для Музы Пушкина, порою слишкомъ уже низко летавшей надъ землей. Вотъ почему, когда поэтъ почувствовалъ первые приступы пресыщенія жизнью, усталости, унынія,—въ немъ проснулась жажда къ чему-то болѣе высокому и чистому, Sehnsucht къ Жуковскому и его музѣ,—и въ поэзіи Пушкина зазвучали новые мотивы (1818 г.: «Позволь душѣ моей открыться предъ тобою»...; 1819: «Уныніе», «Кн. А. М. Горчакову», «Возрожденіе»). «Ужъ я не тотъ!» восклицалъ Пушкинъ: «легкой мечтой» пролетѣли «златые годы», «безумства жаръ, веселость, острота» — теперь тоска посѣщаетъ его «за чашей ликованья» и задумчивость—незваная подруга пировъ. Среди забавъ «унылой думой» онъ омраченъ; «не милъ ему сладкой жизни сонъ»; «отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья осталось одно уныніе». Но на смѣну этому унынію, очищающему душу отъ «заблужденій», въ измученной душѣ поэта возникали свѣтлыя видѣнія «первоначальныхъ, чистыхъ дней». И тогда, рука объ руку съ этими «видѣніями», выдвигался образъ Жуковскаго съ его сердечнымъ идеализмомъ.

Еще въ другомъ отношеніи важно было воздѣйствіе Жуковскаго: онъ ввелъ юношу въ «Арзамасъ», въ этотъ кругъ литературной молодежи. Объединенной враждой ко всему старому въ поэзіи Пушкинъ весь вышелъ изъ старой французской поэтической школы XVIII вѣка. Арзамасъ жилъ неяснымъ протестомъ противъ ложныхъ классиковъ, смутнымъ предчувствіемъ поэзіи свободнаго чувства. Изъ воспитанниковъ французской школы попавъ въ ея обличители, Пушкинъ хотя и не отказался отъ своихъ французскихъ симпатій, но окунулся въ новыя направленія, отозвался на нихъ и сдѣлался эклектикомъ, который въ Арзамасѣ нашелъ поддержку своимъ стремленіямъ къ независимости. Пусть «арзамассцы» не сумѣли, или не успѣли связать себя одинаковымъ пониманіемъ цѣлей поэзіи, пусть они такъ и не поняли, что́ такое романтизмъ, за который они стояли,—ихъ соединило сознаніе, что необходима борьба съ литературной «чернью», старовѣрами, «дерзостными друзьями непросвѣщенья». «Пушкинъ въ своихъ друзьяхъ оцѣнилъ, главнымъ образомъ, увлеченье «счастливой ересью и вскуса и ученья». Личныя отношенія Жуковскаго къ нему были всегда сердечны и равны. Такъ же относился къ нему и Пушкинъ; этому не помѣшало даже то обстоятельство, что нѣкоторое время по выходѣ Пушкина изъ Лицея Жуковскій относился къ нему, какъ учитель къ ученику, какъ старшій товарищъ къ младшему, говорилъ ему «ты» тогда, какъ Пушкинъ былъ съ нимъ довольно долго на «вы».. Но, несомнѣнно, сближеніе между ними было скорое и прочное. Оба поняли и оцѣнили другъ друга. Подобно Пущину, и Жуковскій сумѣлъ разглядѣть подъ несимпатичною оболочкою Пушкина его сердце, доброе, отзывчивое, ищущее привѣта и ласки. Сблизило ихъ и то обстоятельство, что въ тѣсномъ кругу арзамасцевъ и Жуковскій, и его друзья непрочь были похохотать и подурачиться.

Эта атмосфера шумнаго смѣха, равнявшаго всѣхъ, особенно была по душѣ Пушкину, который, въ значительной степени, оставался еще ребенкомъ, несмотря на опыты жизни. «Угрюмый и молчаливый въ многочисленномъ обществѣ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. М. Каратыгина, Саша Пушкинъ, бывая у насъ, смѣшилъ своею рѣзвостью и ребяческою шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидитъ спокойно на мѣстѣ: вертится, прыгаетъ, пересаживается, перероетъ рабочій ящикъ матушки, спутаетъ клубокъ гаруса въ моемъ вышиваньѣ, разбросаетъ карты въ гран-пасьянсѣ, раскладываемомъ матушкою. «Да уймешься-ли, стреказа!» крикнетъ, бывало, моя Евгенія Ивановна, «перестань наконецъ!» Саша минуты на двѣ пріутихнетъ, а тамъ опять начнетъ проказничать. Какъ-то матушка пригрозилась наказать неугомоннаго Сашу: остричь ему когти — такъ называла она его огромные, отпущенные на рукахъ ногти. «Держи его за руку», сказала она мнѣ, взявъ ножницы, «а я остригу!» Я взяла Пушкина за руку, — но онъ поднялъ крикъ на весь домъ, началъ притворно всхлипывать, стонать, жаловаться, что его обижаютъ и, до слезъ разсмѣшилъ насъ... Однимъ словомъ, это былъ ребенокъ!» И въ тоже время этотъ «ребенокъ», такой симпатичный въ атмосферѣ любви, дѣлался невыносимымъ своею рѣзкостью и запальчивостью тамъ, гдѣ онъ встрѣчалъ вражду. Надо сознаться, что такимъ мѣстомъ въ Петербургѣ была квартира его родителей. Сбросивши съ себя тяжелую обузу воспитанія сына, они встрѣтились теперь совсѣмъ съ чужимъ человѣкомъ, который чувствовалъ себя связаннымъ родственными связями, но не находилъ у нихъ поддержки ни этимъ чувствамъ, которыя все-таки жили въ его сердцѣ, ни его міросозерцанію, его стремленіямъ. Прежде всего столкнулись они на почвѣ денегъ. Для широкой жизни поэта требовались средства, — ихъ не хватало родителямъ даже на свои прихоти, а своимъ прихотямъ они, конечно, всегда отдавали предпочтеніе. Поэтому, если случайно перепадали лишнія деньги, то онѣ шли на любимыхъ дѣтей — Льва и Ольгу, а Александръ, съ его гусарскими замашками, встрѣчалъ не только отказъ, но еще насмѣшки. Однажды Пушкинъ упрашивалъ отца купить ему модные бальные башмаки съ пряжками, а отецъ, знатокъ модъ и приличій, предлагалъ ему свои старые, временъ Павловскихъ. Неразсчетливый и даже расточительный, Сергѣй Львовичъ дѣлался скупцомъ по отношенію къ старшему сыну и этимъ вызывалъ рѣзкое раздраженіе, переходившее или въ открытое столкновеніе, или въ ту затаенную злобу, которая такъ ясно сквозитъ въ одной продѣлкѣ поэта: разсказываютъ, что, раздобывъ гдѣ-то запасъ золотыхъ, червонцевъ, онъ въ присутствіи отца съ лодки швырялъ ихъ въ воду, любуясь ихъ блескомъ, потухающимъ въ прозрачной рѣчной глубинѣ. Баронъ Корфъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ поселился отецъ поэта, вновь поступившій на службу и ради этого оставившій Москву. «Домъ ихъ», говоритъ баронъ Корфъ, представлялъ всегда какой-то хаосъ; въ одной комнатѣ богатыя, старинныя мебели, въ другой — пустыя стѣны, даже безъ стульевъ; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня, ветхіе рыдваны съ тощими клячами, пышные дамскіе наряды и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана. Когда у нихъ обѣдывало человѣка два-три лишнихъ, то всегда присылали къ намъ за приборами...». Очевидно, мы застаемъ экономическія обстоятельства въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ Москвѣ. Отъ такого положенія особенно страдалъ нелюбимый членъ семьи. Увлекаясь карточной игрой, водя знакомство съ «золотой молодежью», онъ долженъ на-право и на-лѣво, а родители дѣлали ему сцены даже за то, что онъ «больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, бралъ извощика» (слова Пушкина). Съ матерью отношенія были холодно-враждебныя. Какъ въ дѣтствѣ, такъ и теперь, уже прославленный поэтъ, — онъ былъ чужимъ и непонятымъ въ родной семьѣ.

Посторонніе относились къ нему сердечнѣе: Жуковскій слѣдилъ за каждымъ его шагомъ, А. И. Тургеневъ, уже видный въ то время чиновникъ, «носился» съ нимъ, «считалъ его какъ бы на своей отвѣтственности» и, по словамъ кн. Вяземскаго, говорилъ: «не знаю, что съ нимъ дѣлать, точно курица, высидѣвшая утятъ». Онъ же торопился ввести своего опекаемаго въ серьезную литературную работу, надѣясь на то, что она подыметъ его въ собствен-

ныхъ его глазахъ. По поводу «Руслана и Людмилы» онъ писалъ Вяземскому: «Племянникъ почти кончилъ свою поэму, и я надняхъ два раза слушалъ ее—пора въ печать. Я надѣюсь отъ печати и другой пользы, лично для него: увидѣвъ себя въ числѣ напечатанныхъ и, слѣдовательно, уважаемыхъ авторовъ, онъ и самъ станетъ уважать себя и нѣсколько остепенится. Теперь его знаютъ только по мелкимъ стихамъ и крупнымъ шалостямъ». Между тѣмъ, поэтъ и самъ втягивался въ литературные интересы эпохи; но если съ арзамасцами Пушкинъ былъ соединенъ тѣсными дружескими узами, то онъ охотно завязывалъ сношенія, заводилъ знакомства съ уважаемыми людьми другихъ убѣжденій. Такъ, очень оригинально познакомился онъ съ П. А. Катенинымъ, за которымъ упрочилась слава критика, вооруженнаго тонкимъ знаніемъ теоріи словесности. «Пушкинъ просто пришелъ въ 1818 г. къ Катенину, разсказываетъ г. Анненковъ, «и, подавая ему трость свою, сказалъ: «Я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисѳену: побей — но выучи!» — «Ученаго учить, портить!» отвѣчалъ Катенинъ. Ихъ пріятельскія отношенія, по словамъ Пушкина, основывались «не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ». Это инстинктивное влеченіе къ тѣмъ людямъ, которые съ любовью и сознаніемъ относились къ поэзіи и другимъ искусствамъ, сблизило Пушкина съ Крыловымъ, Грибоѣдовымъ (въ 1817 г.), Оленинымъ, Ѳ. Глинкою (1817 г.) и др. Конечно, «общество этихъ почтенныхъ людей имѣло сильное и благотворное вліяніе на Пушкина»: съ одной стороны, оно отвлекало его отъ бурной жизни, давало серьезное направленіе его мыслямъ, а съ другой стороны, въ бесѣдѣ этихъ людей Пушкинъ имѣлъ возможность пополнять пробѣлы своего первоначальнаго образованія, недостаточность котораго не замедлила обнаружиться. Кромѣ того, столкновеніе съ людьми другихъ поэтическихъ вѣрованій, чѣмъ арзамасцы, было также очень благотворнымъ для Пушкина: оно поддерживало независимость его теоретическихъ убѣжденій. И раньше Пушкинъ никогда не примыкалъ къ одной какой-нибудь литературной партіи; даже въ лицейскихъ стихотвореніяхъ онъ создалъ стихи различнаго направленія; теперь, благодаря знакомству съ людьми разнообразныхъ литературныхъ толковъ, прирожденная его духу независимость вкуса подкрѣплена была этой разносторонностью убѣжденій. Популярность Пушкина росла: такъ, 25-го іюля 1818 г. 19-ти-лѣтній юноша выбранъ былъ въ члены Вольнаго Общества любителей словесности. Несомнѣнно, къ этому времени относятся первыя мысли Пушкина о классицизмѣ и романтизмѣ, о значеніи поэзіи и вообще литературы. Вѣроятно, эти вопросы его интересовали, если онъ, не удовольствовавшись своими «арзамасцами», пошелъ «учиться» къ Катенину.

О своихъ серьезныхъ занятіяхъ самъ Пушкинъ говоритъ неразъ; любопытно, что почти всегда эти занятія въ его представленіи связывались съ «деревней». Тамъ онъ спасался «отъ суеты столицы праздной, отъ вредной сплетницы-молвы, отъ скуки, столь разнообразной»... Деревня его дарила досугомъ, давала возможность сосредоточиться, — онъ съ радостью мѣнялъ «резиденцію царей на мирный шумъ дубравъ, на тишину полей, на праздность вольную, подругу размышленья». Здѣсь онъ, «отъ суетныхъ оковъ освобожденный», учился «въ истинѣ блаженство находить»; здѣсь онъ занимался самообразованіемъ, вопрошая «оракуловъ вѣковъ». Въ «уединеньи величавомъ» слышнѣе былъ ему ихъ «отрадный гласъ»: въ немъ рождался «жаръ» къ трудамъ, творческія думы зрѣли въ его «душевной глубинѣ». И не только въ этомъ стихотвореніи говорилъ онъ о деревнѣ и ея значеніи... «Вышедъ изъ Лицея, я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и пр.. Но все это нравилось мнѣ недолго. Я любилъ и до нынѣ люблю шумъ и толпу». Характерно, что затѣмъ, послѣ шума и городской суеты, его всегда тянуло въ деревню; тогда онъ самъ говорилъ себѣ, что «рожденъ для жизни мирной, для деревенской тишины» — и, дѣйствительно, счастливѣйшіе дни его жизни были тѣ, что проведены въ деревнѣ.

Для пониманія Пушкина очень важно уяснить его отношенія къ женщинамъ, которыя, судя по его словамъ, играли видную роль въ его жизни, особенно въ этотъ періодъ. Онъ самъ признавался, что «въ

началѣ жизни» имъ «правилъ прелестный, хитрый, слабый полъ». «Когда являлась передъ нимъ «женщина», «душа его разгоралась». Женщина являлась то «чистымъ божествомъ», — и тогда поэтъ «таялъ въ тишинѣ», мечталъ о томъ, чтобы «жить, умереть у милыхъ ногъ»; то онъ ее «ненавидѣлъ и трепеталъ, и слезы лилъ» — она казалась ему «созданьемъ злобныхъ, тайныхъ силъ». Изъ пестрой толпы Темиръ, Дафнъ и Лилетъ поэтъ въ своемъ признаніи выдѣлилъ одну, которую онъ любилъ—«когда, и гдѣ, и долго ли»—объ этомъ поэтъ намъ ничего не сказалъ.. Эта исповѣдь сердца оправдывается стихами петербургскаго періода. Въ нихъ то звучитъ сильное и могучее чувство, воскресившее поэта: его

Душа проснулась, ожила
Узнала вновь любви, надежды скорбь и радость,
Все снова расцвѣло. Я жизнью трепеталъ,
Природы вновь восторженный свидѣтель,
Живѣе чувствовалъ, свободнѣе дышалъ.—

Покоренный «добродѣтелью», — онъ переходилъ къ пѣснямъ въ честь какой-то Наденьки, восклицая не безъ удали: «житье тому, кто страстью *глупою* не боленъ». Затѣмъ эта «глупая страсть» опять имъ овладѣвала и отравляла его «веселую любовь»: тогда «не милъ» дѣлался ему «сладкій жизни сонъ». Такимъ образомъ, легкія наслажденія не вытѣсняли этой страсти и давали возможность увидѣть несоизмѣримость ихъ. «Кто разъ любилъ, говоритъ Пушкинъ, ужъ не полюбитъ вновь; кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья». Какая-то Дорида подарила поэта восторгами, но онъ «среди невѣрной темноты» видѣлъ «другія черты» и полонъ былъ «таинственной печали», и уста его шептали «чуждое имя». Когда чистыя настроенія налетали на поэта — съ «измученной души» его исчезали «заблужденья» и въ ней, очищенной, воскресала чистая любовь, «видѣнья первоначальныхъ, чистыхъ дней». Но, покорный «минутѣ», поэтъ скоро опять обращался къ Доридамъ, Оленькѣ Масонъ, Лиденькѣ и др. Впрочемъ, чѣмъ болѣе онъ жилъ, тѣмъ болѣе пресыщался этой жизнью: «измѣны утомить успѣли, друзья и дружба надоѣли»,—и, хоть онъ былъ «повѣса пылкій», — но разлюбилъ онъ наконецъ «и брань, и саблю, и свинецъ». Поэтъ разочаровался въ женщинахъ,—онѣ оказались недостойными его пѣсенъ: ихъ души—«легкія и вѣтреныя», воображеніе ихъ нечисто, и «признакъ Бога—вдохновенье—для нихъ и чуждо и смѣшно». Кто была та «одна», которая подарила поэта чистыми, возвышенными настроеніями, сказать трудно; возможно, что это была все та же Бакунина, юношеская богиня поэта-лицеиста, быть можетъ княгиня Е. И. Голицына.

Какъ бы тамъ ни было, но одно несомнѣнно: подъ конецъ петербургскаго періода и «красотки молодыя», и друзья-кутилы, и безтолочь столичной жизни надоѣли Пушкину: подобно своему герою Онѣгину, онъ узналъ «хандру» и даже озлобленіе. Къ этому времени его начинаетъ тянуть изъ Петербурга то въ деревню, то въ Москву, то за-границу—путешествовать съ Чаадаевымъ. Такимъ образомъ, ссылка подошла кстати.

Онъ былъ сосланъ за «Оду Вольность» и за то, что на масляницѣ 1820 г. въ театрѣ онъ показывалъ знакомымъ портретъ Лувеля, убившаго герцога Беррійскаго. На портретѣ была надпись: «Урокъ царямъ». Въ глазахъ правительства эта выходка поэта была послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія. У него былъ сдѣланъ обыскъ, но всѣ его бумаги оказались во время сожженными. Пушкинъ былъ вызванъ къ генералъ-губернатору Милорадовичу и, на вопросъ о судьбѣ его бумагъ, отвѣтилъ: «Графъ, всѣ мои стихи сожжены, у меня ничего не найдется въ квартирѣ! Но если вамъ угодно, все найдется здѣсь (онъ указалъ пальцемъ на голову). Прикажите подать бумаги: я напишу все, что когда-либо написано мною (разумѣется, кромѣ печатнаго), съ отмѣткой, что мое, что разошлось подъ моимъ именемъ». Бумага была подана, и Пушкинъ наполнилъ «возмутительными стишками» цѣлую тетрадь. Конечно, не «все» попало въ эту тетрадь, иначе нечего было и жечь свои бумаги. Друзья усиленно хлопотали за Пушкина. П. Я. Чаадаевъ просилъ о помощи князя Васильчикова, Карамзинъ ходатайствовалъ у Каподистріи, Гнѣдичъ—у Оленина; Жуковскій и Е. А. Энгельгардтъ, бывшій директоръ Лицея—у Государя. Карамзинъ писалъ Вяземскому, что «Пушкинъ былъ нѣсколько дней совсѣмъ не въ піитическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на свободу и нѣкоторыхъ эпиграммъ». А. И. Тургеневъ тоже писалъ Вяземскому: Пушкинъ «сталъ тише

и даже скромнѣе». Самъ Пушкинъ терялся и давалъ обѣщанія исправиться, обѣщанія, которымъ едва-ли кто вѣрилъ; такъ, Карамзину онъ далъ обѣщаніе по крайней мѣрѣ «на два года» быть сдержаннѣе. Въ результатѣ всѣхъ этихъ хлопотъ ссылка въ Сибирь или Соловки была замѣнена удаленіемъ на югъ Россіи: поэтъ былъ перечисленъ на службу въ Екатеринославъ, въ Канцелярію главнаго попечителя колонистовъ южнаго края генерала И. Н. Инзова. Судя по письму Карамзина, его отправили туда «мѣсяцевъ на пять»; но оказалось, что 6-го мая 1820 г. Пушкинъ на шесть лѣтъ покидалъ Петербургъ и отправлялся на встрѣчу новой жизни и новымъ впечатлѣніямъ. Ему сопутствовала любопытная бумага — «рекомендація», выданная ему гр. Каподистріей къ свѣдѣнію Инзова: «Исполненный горестей въ продолженіе всего своего дѣтства, молодой Пушкинъ оставилъ родительскій домъ, не испытывая сожалѣнія. Лишенный сыновней привязанности, онъ могъ имѣть одно чувство — страстное желаніе независимости. Этотъ ученикъ уже рано проявилъ геніальность необыкновенную. Успѣхи его въ Лицеѣ были быстры. Его умъ вызывалъ удивленіе, но характеръ его, кажется, ускользнулъ отъ взора наставниковъ. Онъ вступилъ въ свѣтъ, сильный пламеннымъ воображеніемъ, но слабый полнымъ отсутствіемъ тѣхъ внутреннихъ чувствъ, которыя служатъ замѣною принциповъ, пока опытъ не умѣетъ дать намъ истиннаго воспитанія. Нѣтъ той крайности, въ которую бы не впадалъ этотъ несчастный молодой человѣкъ, какъ нѣтъ и того совершенства, котораго не могъ бы онъ достигнуть высокимъ превосходствомъ своихъ дарованій. Г. Пушкинъ кажется исправившимся, если вѣрить его слезамъ и обѣщаніемъ. Однако, его покровители полагаютъ, что его раскаянье искренне, и что, удаливъ его на нѣкоторое время изъ Петербурга, доставивъ ему занятіе и окруживъ его добрыми примѣрами, можно сдѣлать изъ него прекраснаго слугу государству или, по крайней мѣрѣ, писателя первой величины».

Въ этой характеристикѣ, подсказанной Каподистріи, вѣроятно, Карамзинымъ, удивительно тонко уловлены многія существенныя черты пушкинской души. Крупной ошибкой ея было отрицаніе «внутреннихъ чувствъ, замѣняющихъ принципы», характернымъ въ ней было то недовѣріе къ поэту, которое сквозитъ въ этихъ «кажется» или «по крайней мѣрѣ» и пр. Карамзинъ не въ силахъ былъ постигнуть ширину души поэта, все разнообразіе ея, многогранность. Отъ низьменныхъ развлеченій, отзывающихся простымъ развратомъ, до жгучихъ политическихъ настроеній и вожделѣній, а отъ нихъ — къ чисто литературной перепалкѣ арзамасцевъ съ Бесѣдой и, наконецъ, къ спокойнымъ, возвышеннымъ интересамъ глубокой мысли и чистаго чувства, — вотъ необъятные предѣлы, въ которыхъ кипѣла его жизнь, бросавшая его постоянно отъ одного впечатлѣнія къ другому. На всѣ эти впечатлѣнія поэтъ реагировалъ въ своей отзывчивой душѣ соотвѣтствующими настроеніями. Для писателя, которому суждено было сдѣлаться первымъ художникомъ русской дѣйствительности, эта широта и разнообразіе впечатлѣній съ вѣчной тревогой души были той богатой школой, въ которой онъ изучалъ «правду» тогдашней русской жизни; можетъ, въ этой неразборчивости выбора друзей, въ этомъ своеобразномъ тяготѣніи ко всѣмъ проявленіямъ тогдашней жизни, дѣйствительно, было инстинктивное стремленіе узнать, перечувствовать, пережить жизнь эпохи всю цѣликомъ.

Онъ «переживалъ» эту жизнь своимъ чуткимъ, воспріимчивымъ сердцемъ; оно отзывалось сильными и яркими настроеніями, которыя закрѣплялись стихомъ. Вотъ почему въ этотъ періодъ жизни поэтъ былъ, по преимуществу, эхомъ окружающей его жизни, такъ какъ еще не успѣлъ, подъ наплывомъ пестрыхъ впечатлѣній, разобраться и создать свой собственный міръ. Между тѣмъ, къ такому созданію онъ шелъ, приближался... Литературная дѣятельность его за этотъ періодъ лучше всего докажетъ это.

Прежде всего, въ поэзіи этого періода сказывается старая пушкинская черта — разнообразіе мотивовъ: всѣ пестрыя настроенія его находятъ отраженіе въ творчествѣ, — сдѣланный выше обзоръ жизни поэта иллюстрированъ соотвѣтствующими выдержками изъ его стихотвореній. Новымъ въ поэзіи было пониманіе поэзіи. Если въ первомъ, лицейскомъ періодѣ его творчества онъ соединялъ «любовь» съ «поэзіей», воспѣвалъ вмѣстѣ Эрота и Феба, то теперь съ поэзіей онъ соединяетъ «сво-

боду». Ни разу нигдѣ не называетъ онъ себя пѣвцомъ «любви», — очевидно, содержаніе поэзіи въ его глазахъ измѣнилось. Уже въ первыхъ стихахъ, написанныхъ въ альбомы товарищей, онъ говоритъ о свободѣ, о независимости, какъ главной цѣли своей жизни; ради нея онъ готовъ даже отказаться отъ гусарства («Къ товарищамъ», «Посланіе къ В. Л. Пушкину»). Для него важны «уединенье и свобода». Другу своему Кюхельбекеру онъ даетъ завѣтъ «не разлучаться съ свободою и Фебомъ». Называя себя «нѣги сыномъ», онъ, очевидно, понималъ подъ этимъ словомъ наслажденіе свободой: съ цѣвницей, нѣгой и природой, въ сельской тиши, онъ счастливъ. Онъ въ уединеніи наслаждается своимъ одиночествомъ; вдали отъ «толпы непросвѣщенной», отъ презрѣнной черни, онъ постигаетъ лучше творчество «для немногихъ», узнаетъ «сладострастіе высокихъ мыслей, стиховъ», наслаждается прекраснымъ. Все это очень характерно. Очевидно, въ этотъ періодъ безтолковой, суетливой жизни, когда поэтъ, повидимому, былъ вѣчно во власти другихъ, его «своенравная» муза показываетъ намъ, какъ онъ стремился уединиться съ самимъ собою въ цѣляхъ самосознанія, какъ проявлялась его поэтическая личность, выдвигавшаяся изъ «толпы».. Къ этому періоду творчества относится созданіе Пушкинымъ бо̀льшей части его перваго крупнаго произведенія—«Руслана и Людмилы». Поэма была начата еще въ Лицеѣ въ 1817 году, къ августу 1819 года окончены были пять пѣсенъ и набросана шестая, послѣдняя (окончательно приготовлена къ печати поэма была 26-го марта 1820 г.). Поэма писалась на глазахъ у друзей арзамасцевъ, читалась частями и, повидимому, возбуждала у всѣхъ истинный восторгъ, сквозящій въ ихъ письмахъ къ другимъ. Такъ, 9-го мая 1818 г. Батюшковъ писалъ Вяземскому, что Пушкинъ «пишетъ прелестную поэму и зрѣетъ»; А. И. Тургеневъ 18-го декабря 1818 г. сообщаетъ тому же Вяземскому, что Пушкинъ оканчиваетъ четвертую пѣснь «Руслана»; 12-го февраля 1819 г. Тургеневъ сообщаетъ Вяземскому, что Пушкинъ слегъ въ постель и снова принялся за свою поэму; 24-го марта 1819 г. Батюшковъ проситъ переслать ему въ Неаполь поэму Пушкина; 19-го августа Тургеневъ сообщаетъ Вяземскому, что Пушкинъ вернулся изъ деревни съ шестою пѣснью «Руслана»; наконецъ 25-го февраля 1820 г. Тургеневъ пишетъ Вяземскому, что уже два раза слушалъ всю поэму, которая почти окончена. Весною того-же года (26-го марта), послѣ чтенія «Руслана», Жуковскій подарилъ Пушкину портретъ съ надписью: «Побѣдителю-ученику отъ побѣжденнаго учителя въ тотъ высокоторжественный день, въ который онъ окончилъ свою поэму Русланъ и Людмилу, 1820, марта 26, великая пятница». Изъ всѣхъ этихъ фактовъ видно, какъ друзья Пушкина носились съ его поэмою, первымъ крупнымъ произведеніемъ, которое должно было ихъ общаго баловня и любимца выдвинуть въ ряды крупныхъ писателей.

Въ «эпилогѣ» къ поэмѣ Пушкинъ вспоминалъ, сколько наслажденія доставляло ему его творчество: тогда, въ минуты вдохновенья, онъ былъ одинокъ со своей Музой—для міра онъ былъ «житель равнодушный», онъ «забывалъ обиды слѣпого счастья и враговъ, измѣны вѣтренной Дориды и сплетни шумныя глупцовъ». «На крыльяхъ вымысла носимый», онъ «улеталъ за край земной», совсѣмъ забывая о своихъ одахъ, эпиграммахъ и веселыхъ продѣлкахъ... Далѣе поэтъ благодаритъ друзей, которые спасли его отъ грозы, сохранивъ ему «свободу», этотъ «кумиръ» «кипящей младости». Пушкинъ называлъ свою поэму «преданьями темной старины», «старины глубокой», «дѣлами давно минувшихъ дней», но содержаніе поэмы отнюдь не оправдываетъ такой точки зрѣнія. Даже если допустить невѣрную, но тогда общепринятую точку зрѣнія на былины, какъ на воспоминанія о далекой старинѣ, то и такая точка зрѣнія, въ отношеніи къ поэмѣ Пушкина, непримѣнима, такъ какъ въ ней поэтъ примкнулъ не къ народной поэзіи, а къ той литературной поддѣлкѣ ея, которая у насъ въ XVIII вѣкѣ сходила за народную. Поэма Пушкина вся вышла изъ волшебно-рыцарскихъ романовъ Чулкова («Пересмѣшникъ» и «Русскія Сказки») и Попова («Славянскія древности, или похожденія русскихъ князей»). Оба они тѣсно примыкаютъ къ поэмамъ Аріоста, Баярда, къ романамъ-пародіямъ Виланда и пр., съ тѣмъ только отличіемъ, что Чулковъ привлекъ къ своимъ романамъ имена русскихъ богатырей и въ предисловіи увѣренно высказалъ убѣжденіе, что его про-

изведенія основаны на преданьяхъ русской старины. Какъ всѣ волшебно-рыцарскія романы и поэмы (Амадисы, Пальмерины, «Влюбленный Роландъ», «Рихардетъ», «Неистовый Роландъ» и мн. др.), такъ и романы Чулкова и Попова построены на шаблонныхъ схемахъ: рыцари разыскиваютъ красавицъ, похищенныхъ чародѣемъ или вообще какимъ-нибудь насильникомъ. Для освобожденія красавицы нужно преодолѣть рядъ трудностей, испытаній, надо вооружиться особыми талисманами, волшебными мечами и пр. Подвигъ, конечно, удается, чародѣй побѣжденъ,—и красавица въ рукахъ рыцаря. Совершенно такъ же построена поэма Пушкина, — въ ней нѣтъ ни однаго новаго мотива,—но за то она граціозна, удивительно свѣжа, вся пропитана тонкимъ остроуміемъ, блещетъ яркостію красокъ и благоухаетъ тѣмъ красивымъ, изящнымъ сладострастіемъ, которое такъ характерно для лицейской поэзіи Пушкина. Эта своеобразная окраска тѣхъ мотивовъ, которые у другихъ писателей разрабатывались серьезно, приближаетъ поэму Пушкина къ тѣмъ пародіямъ на волшебно-рыцарскіе романы, къ которымъ относятся произведенія Виланда и «рѣзваго» Гамильтона, Вольтера, отчасти Лафонтена, съ его популярнымъ у насъ романомъ объ Амурѣ и Психеѣ. Можно думать, что идея о такомъ произведеніи давно назрѣвала въ головѣ поэта; еще ребенкомъ онъ слушалъ сказки няни, которая, вѣроятно, разсказывала ему не однѣ чисто-народныя сказки, но и такія заносныя, какъ сказка объ Еруслапѣ и Бовѣ.

Еще въ домѣ родительскомъ онъ былъ свидѣтелемъ стихотворныхъ упражненій камердинера Никиты, который пытался переложить стихами «лубочный романъ Вову Королевича». Въ Лицеѣ самъ Пушкинъ занялся этимъ Вовой и оставилъ намъ начало поэмы. Въ изящной литературѣ были тоже сдѣланы подобныя попытки. Таковы поэмы Карамзина, Радищевыхъ (отца и сына), Львова и др. По настроенію, поэма принадлежитъ еще къ лицейскому періоду пушкинскаго творчества, — ясное доказательство того, что не только идея произведенія, но и содержаніе и освѣщеніе ея готовы были до 1817 г. Въ свѣтъ «Русланъ» появился въ концѣ мая 1820 г. и встрѣченъ былъ такимъ восторгомъ, какого не удостоилось ни одно изъ послѣдующихъ твореній Пушкина. Этотъ фактъ, очевидно, свидѣтельствуетъ о томъ, что поэма Пушкина была по плечу толпѣ, что она не выходила изъ ряда произведеній, встрѣчаемыхъ шумнымъ восторгомъ потому, что поэтъ не превышаетъ вкусовъ массы. Въ «Русланѣ» все было знакомо тогдашней русской публикѣ, но это «знакомое» трактовалось на новый ладъ: избитыя, старыя формы заполнились новою жизнью, знакомые сюжеты и герои обновились, рѣзвая иронія и легкій ароматъ тонкаго, граціознаго цинизма пронизалъ все произведеніе,—и старинные аляповатые образы затрепетали въ поэмѣ Пушкина живыми красками,—реставрація старой, потускнѣвшей картины оказалась ея пересозданіемъ. Это удивило и поразило всѣхъ.

Лирическія произведенія Пушкина за этотъ періодъ времени очень разнообразны, даже противорѣчивы по содержанію и настроенію. Посланія къ Жуковскому («Благослови поэтъ!» — 1817 г. и «Когда къ мечтательному міру»—1818 г.), къ Дельвигу («Любовью, дружествомъ и лѣнью»— 1817), къ А. И. Тургеневу («Тургеневъ, вѣрный покровитель» — 1817 г.), къ Чаадаеву («Любви, надежды, гордой славы»— 1818 г.), къ «Кюхельбекеру», стихотворенія, принадлежащія къ группѣ произведеній, рисующихъ поэта въ миломъ кругу его лучшихъ друзей. Его стихотворенія политическія, къ которымъ относятся и эпиграммы, составляютъ другую группу его произведеній. Легкомысленныя пѣсенки въ честь Лаисъ, Доридъ, Лиды, Наденьки, Ольги Массонъ, посланія къ «новымъ» друзьямъ—Кривцову, Каверину, Всеволожскому, Мансурову, Я. Толстому, пресловутая «Гавриліада» и поэма «Монахъ», сожженная рукою кн. А. М. Горчакова, какъ «произведеніе, недостойное имени Пушкина» — представляютъ третью группу, совершенно не схожую съ двумя предшествовавшими группами. Среди этихъ противорѣчивыхъ произведеній особнякомъ стоятъ такія стихотворенія, какъ, напримѣръ, «Возрожденіе», свидѣтельствующее о глубокой внутренней борьбѣ въ душѣ поэта,—борьбѣ, которая уединяла его отъ всѣхъ обычныхъ его настроеній въ созерцаніе его собственной великой души.

Пушкинъ на югѣ (1820 — 1824 гг.). Въ серединѣ мая 1820 г. Пушкинъ пріѣхалъ

на мѣсто новаго назначенія въ г. Екатеринославъ. Съ сердечной добротой и участіемъ встрѣтилъ поэта генералъ Инзовъ, его теперешній начальникъ. Но Пушкину не пришлось вступить въ исправленіе своихъ обязанностей. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда, выкупавшись въ Днѣпрѣ, онъ сильно простудился и слегъ въ постель и тутъ-то впервые ощутилъ ужасъ полнаго одиночества. Случайно черезъ Екатеринославъ проѣзжалъ генералъ Раевскій, ѣхавшій съ семействомъ на кавказскія минеральныя воды; сынъ его, молодой Раевскій, знавшій Пушкина лицеистомъ и познакомившійся съ нимъ въ обществѣ царскосельскихъ гусаровъ, узнавъ о болѣзни поэта, навѣстилъ его и засталъ, какъ разсказываютъ, въ бреду, въ грязной жидовской хатѣ, въ обществѣ одного крѣпостного Никиты; повидимому это была малярія, нѣсколько разъ возвращавшаяся къ Пушкину (лѣтомъ 1820 г., на Кавказѣ, въ началѣ ноября 1820 г., быть можетъ, въ началѣ декабря того же 1820 г.). Старикъ Раевскій, извѣстный герой Отечественной войны, былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ людей эпохи; высоко цѣнилъ онъ и родныхъ писателей, поддерживая съ нѣкоторыми изъ нихъ знакомства, зналъ Пушкина по его первымъ произведеніямъ, а еще болѣе, конечно, по слухамъ. Молодые Раевскіе съ высокими нравственными качествами своего отца соединяли рѣдкое по тому времени образованіе: они интересовались поэзіей, знакомы были съ иностранной литературой, читали Вальтеръ-Скотта и Байрона въ оригиналѣ въ то время, когда ихъ, особливо послѣдняго, почти не знали наши даже записные литераторы. Младшій сынъ генерала Раевскаго, тоже Николай Николаевичъ, страстно любилъ литературу, музыку, живопись и самъ писалъ стихи; онъ довольно долго оставался однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Пушкина въ дѣлахъ литературы, и его взгляды, насколько о нихъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, отличались глубиной, оригинальностью и вѣрностью. Объ Александрѣ Николаевичѣ Раевскомъ сложилось мнѣніе, какъ объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени; его склонны были видѣть въ демонѣ Пушкинскаго стихотворенія 1823 г. Съ старшей изъ дочерей Раевскаго, Екатериной Николаевной, за которою позднѣе утвердилось названіе «Марѳы-Посадницы», Пушкинъ часто разговаривалъ и спорилъ также и о литературѣ. Сестра ея, замкнутая, серьезная и скромная Елена Николаевна, хорошо знавшая англійскій языкъ, переводила Байрона и Вальтеръ-Скотта на французскій языкъ; съ ней также сблизился поэтъ; говорятъ, подъ ея руководствомъ онъ свелъ первое знакомство съ сочиненіями Байрона.

Просьба Раевскаго-сына о разрѣшеніи Пушкину ѣхать съ нимъ на Кавказъ отцомъ была уважена, Инзовъ ничего противъ этого не имѣлъ, далъ отпускъ своему подчиненному, и въ послѣднихъ числахъ мая 1820 г. поэтъ, пробывъ въ Екатеринославѣ менѣе двухъ недѣль, неожиданно для себя отправился на Кавказъ. Въ первыхъ числахъ іюня Пушкинъ съ Раевскимъ добрался до «Минеральныхъ водъ». Счастье улыбнулось ему: въ семьѣ Раевскихъ онъ нашелъ сердечныхъ и просвѣщенныхъ людей, сумѣвшихъ создать вокругъ него благородную атмосферу, которая подѣйствовала очищающимъ и успокаивающимъ образомъ на встревоженное и усталое сердце поэта. Если прибавить къ этому сильныя впечатлѣнія отъ путешествія, отъ наслажденія Кавказомъ, Крымомъ, то понятной сдѣлается та удивительная перемѣна, которая произошла въ настроеніи Пушкина: его стихи, его письма говорятъ намъ о необыкновенномъ спокойствіи, спустившемся на его душу, о безоблачномъ счастьѣ, которымъ онъ наслаждался въ теченіе этихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ (съ мая 1820 г. до 21-го сентября). «Мой другъ, писалъ Пушкинъ брату 24-го сентября, вернувшись изъ поѣздки»: «счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посереди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска: я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душой, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть; старшая — женщина необыкновенная. Суди,

былъ-ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо, прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море»... Однимъ словомъ,—все въ этой новой жизни было Пушкину пріятно,—и люди, которыхъ онъ, очевидно, уважалъ, какъ немногихъ въ своей жизни, и та милая, «семейная» обстановка, которая ласкала его сердце, неизбалованное, лаской, но искавшее ея жадно, и природа съ новыми нахлынувшими настроеніями. По существу своему «искатель новыхъ впечатлѣній», Пушкинъ былъ глубоко благодаренъ Н. Н. Раевскому за то, что тотъ вытащилъ его изъ Екатеринослава и подарилъ его этими впечатлѣніями.. Онъ засталъ поэта въ самомъ угнетенномъ настроеніи, воображеніе еще болѣе взвинчивало это настроеніе— и поэтъ представлялъ себя жертвой общества; онъ «погибалъ безвинный, безотрадный», ему чудился «шопотъ клеветы», «кинжалъ измѣны хладной» и «любви тяжелой сонъ» его и терзали, и мертвили, онъ «рано скорбь узналъ», испыталъ гоненья, сдѣлался «жертвой мстительныхъ невѣждъ»; онъ готовъ былъ увѣрить себя и другихъ, что «пережилъ свои желанья», разлюбилъ мечты, что одни страданья остались въ его пустомъ сердцѣ; нѣжное участіе Раевскаго принесло ему отраду душевной тишины, — и впечатлительный поэтъ сразу успокоился, мирно «отдыхалъ сердцемъ», «въ мирной пристани боговъ благословилъ» забытыя недавнія тревоги,—и въ сердце, «бурями смиренное», вселилось «и лѣнь, и тишина»; «волненья жизни бурной» утихли подъ небесами юга, и поэтъ «душой заснулъ на лонѣ мирной лѣни»: теперь—онъ «безпечный сынъ природы». Впечатлѣнія отъ природы Кавказа, отъ его полубоевой, полукультурной жизни отразились и въ письмахъ, и въ произведеніяхъ его. Эти впечатлѣнія приподымали Пушкина, настраивали на «романтическій ладъ» въ духѣ Марлинскаго: онъ самъ признавался, что на Кавказѣ «тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію». Его Муза въ «сказкахъ Кавказа» приняла видъ Леноры и «при лунѣ скакала на конѣ».... Здѣсь, на Кавказѣ началъ онъ свою поэму «Кавказскій Плѣнникъ»,—по крайней мѣрѣ записная книжка поэта свидѣтельствуетъ о томъ, что планъ поэмы, ея содержаніе, герой интересовали его лѣтомъ и осенью 1820 г. (поэма окончательно отдѣлана была лишь въ февралѣ или мартѣ 1820 г). 5-го августа 1820 г., послѣ двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ вмѣстѣ на Минеральныхъ водахъ, Пушкинъ съ Раевскими отправился въ Крымъ; во время переѣзда изъ Ѳеодосіи въ Гурзуфъ, ночью, на кораблѣ, написана была имъ элегія «Погасло дневное свѣтило».. Три недѣли, до половины сентября, провелъ онъ въ Крыму, въ Гурзуфѣ. Это время, проведенное въ Гурзуфѣ, на лонѣ успокаивающей природы Крыма, особенно благотворно отразились на его душѣ. Онъ наслаждался Крымомъ съ моря,—съ корабля, наслаждался во время экскурсій, поѣздокъ; онъ наблюдалъ жизнь татаръ, мечталъ надъ моремъ, къ которому привязался всей душой. «Покойны чувства, ясенъ умъ», душа, свободная отъ «мрачныхъ думъ», «неизвѣстная» доселѣ «нѣга» и грусть, «тайный голосъ» о «давно затерянномъ счастьѣ»,—гласъ, какъ будто говорящій о возможномъ возвращеніи этого счастья,— вотъ тѣ ощущенія, которыя узналъ теперь Пушкинъ. «Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, писалъ онъ Дельвигу въ декабрѣ 1824 г. изъ Михайловскаго: «купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество». Много передумалъ Пушкинъ за это время. Прошлая жизнь пронеслась передъ нимъ, окрашенная чувствомъ сожалѣнія и грусти. Онъ старался забыть «слѣды минувшихъ лѣтъ» и «младости мятежное теченье», своихъ «минутныхъ друзей» и наперсницъ порочныхъ заблужденій: та, прошлая жизнь казалась теперь «незанимательною повѣстью безумства и страстей».... Онъ жалѣлъ, что «рано въ буряхъ отцвѣла» его «потерянная младость». Но забывались всѣ налетныя впечатлѣнія, даже политическія мечтанія, только рѣзвыя радости живы были, не закрывались «глубокія раны» какой то любви.. Поэтъ прощался съ прошлой

жизнью, восклицая: «прошелъ веселый жизни праздникъ». Разоблачивъ «плѣнительный кумиръ», онъ увидалъ въ этомъ прошломъ лишь «призракъ безобразный» и лицемѣріе, самообманъ, любовь безъ любви, наслажденіе безъ истинной радости. Въ тихой обстановкѣ Раевскихъ, въ бесѣдахъ этихъ просвѣщенныхъ людей, въ занятіяхъ литературой и англійскимъ языкомъ съ младшей Раевской Пушкинъ постигъ всю «прелесть тихаго труда» и «жажды размышленій».... Немудрено, что онъ въ такія свѣтлыя минуты, весь охваченный новой жизнью, не жалѣлъ о томъ, что покунулъ «шумный кругъ безумцевъ молодыхъ», «минутной младости минутныхъ друзей» и «наперсницъ порочныхъ заблужденій», но въ то же время въ нѣкоторыхъ его стихахъ звучитъ что-то въ родѣ разочарованія, тоски.... Этотъ странный перебой настроеній у Пушкина объясняется знакомствомъ съ поэзіей «міровой скорби»: еще въ Петербургѣ Шатобріанъ, съ его Ренэ, былъ знакомъ Пушкину и, быть можетъ, въ минуты утомленія, уже тогда отражался въ его жизнерадостномъ творчествѣ сѣрыми тонами. Теперь, когда поэтъ былъ оторванъ отъ прежней жизни, онъ сталъ воображать себя добровольнымъ изгнанникомъ, по своей волѣ покинувшимъ прежнюю жизнь. Подошло знакомство и увлеченье Байрономъ, этимъ геніальнымъ ученикомъ Шатобріана. Первая муза англійскаго скорбника, полная презрѣнія къ человѣчеству, нашла отзвукъ въ душѣ нашего поэта: онъ зналъ уже раньше первые приступы этого презрѣнія къ толпѣ, даже тогда, когда терялся въ ней, — теперь судьба оторвала его отъ толпы, — и онъ позналъ всю цѣну «минутной дружбы» и минутной любви»—для разочарованія, для «міровой скорби», слѣдовательно, была почва. Но обстоятельства жизни, семья Раевскихъ, жизнь въ Крыму смягчили эти настроенія, не дали имъ возможности развиться до Байроновскаго озлобленія, до его безпощадной жестокости.. Быть можетъ, противъ сознанія самого Пушкина, образъ Ренэ, мягкаго, любящаго, тоскующаго юноши вытѣснилъ героевъ Байрона: даже подражаніе Байрону: «Погасло дневное свѣтило» (написано въ концѣ августа 1820 г.) звучитъ по-шатобріановски, герой «Кавказскаго Плѣнника»—полное повтореніе Ренэ... Такимъ образомъ, не байронизмъ постигъ Пушкинъ, а ту грусть, которая у него искусственно взвинчивалась до разочарованія съ тѣмъ, чтобы порою смѣняться живымъ, радостнымъ сознаніемъ, что тосковать о прошломъ не приходится, что тамъ нѣтъ ни истинной дружбы, ни любви, что тамъ одинъ «кошмаръ, а что теперь начинается «новая жизнь»... Вотъ почему о байронизмѣ Пушкина говорить вовсе не приходится.

Разставшись съ Раевскими, лелѣя надежду увидѣтъ опять ихъ милое семейство и полуденный берегъ, Пушкинъ, проводивъ ихъ до Симферополя или Перекопа, поѣхалъ въ Кишиневъ, куда 15-го іюня временно переведенъ былъ Инзовъ намѣстникомъ Бессарабской области. 21-го сентября Пушкинъ былъ уже въ Кишеневѣ, но въ ноябрѣ мѣсяцѣ (до 24-го) того же года, вѣроятно, пользуясь благодушіемъ Инзова, онъ покидаетъ Кишиневъ и пріѣзжаетъ гостить въ имѣніе «Каменку», Кіевской губерніи, принадлежавшее матери генерала Раевскаго, Е. Н. Давыдовой (по второму мужу). Тамъ онъ встрѣтился съ «милымъ семействомъ» Раевскихъ, съ Александромъ и Василіемъ Львовичами Давыдовыми, сводными братьями генерала Н. Н. Раевскаго. Жизнь въ Каменкѣ была широкая и шумная. Е. Н. Давыдова, племянница князя Потемкина-Таврическаго, была женщиной съ большимъ характеромъ, умомъ и вліяніемъ: въ ея домѣ умѣли весело и пышно жить, но умѣли интересоваться и книгой, и жгучими вопросами современности. Такъ, В. Л. Давыдовъ былъ однимъ изъ ревностныхъ членовъ Тайнаго общества и умеръ въ Красноярскѣ, сохранивъ до конца дней ясность ума, прямоту души и чистоту сердца. М. Ѳ. Орловъ, съ 1821 г. мужъ старшей дочери Раевскаго— Екатерины Николаевны, — занимался въ Кіевѣ дѣлами Библейскаго Общества, былъ въ свое время сочленомъ Пушкина по Арзамасу, гдѣ носилъ прозвище «Рейна», былъ впослѣдствіи основателемъ Московской школы живописи и ваянія. Такимъ образомъ, для интересовъ политическихъ, литературныхъ и художественныхъ Пушкинъ нашелъ въ Каменкѣ много живого и разнообразного матеріала. «Я теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевскаго» — писалъ Пушкинъ

4-го декабря изъ Каменки Н. И. Гнѣдичу. «Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно—разнообразная смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ. Вы повѣрите легко, что, преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ петербургскихъ». Поэтъ подчеркиваетъ свою «преданность мгновенію» — черту, которая для него, дѣйствительно, характерна и замѣчалась имъ самимъ неоднократно. Здѣсь, въ Каменкѣ, поэтъ попалъ въ круговоротъ культурной жизни, — и послѣ сладостнаго крымскаго отдыха опять заволновался обострявшимися тогда политическими интересами, къ которымъ близки были обитатели Каменки. Декабристъ И. Д. Якушкинъ, посѣтившій Каменку какъ разъ въ то время, когда тамъ гостилъ Пушкинъ, разсказываетъ о слѣдующемъ любопытномъ эпизодѣ, рисующемъ и общество Каменки, и настроенія Пушкина. Н. Н. Раевскій подозрѣвалъ о существованіи тайнаго союза и имѣлъ основанія думать, что Якушкинъ и Давыдовы—участники его. Въ присутствіи Пушкина организовалось совѣщаніе по вопросу о томъ, нужно-ли или нѣтъ тайное общество въ Россіи. Со стороны настоящихъ участниковъ союза, вѣроятно, это было лишь зондированьемъ настроенія двухъ непосвященныхъ: Раевскаго и Пушкина. Когда, послѣ горячихъ дебатовъ, всѣ, повидимому, согласились въ необходимости такого общества, иниціаторы совѣщанья со смѣхомъ заявили, что всѣ эти разговоры — мистификація. Пушкинъ, горячившійся болѣе другихъ, былъ очень взволнованъ и, вѣроятно, оскорбленъ такимъ оборотомъ дѣла; «онъ всталъ раскраснѣвшись и сказалъ со слезами на глазахъ: я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою облагороженную и высокую цѣль передъ собою, и все это было только злая шутка!» Въ эту минуту онъ былъ точно прекрасенъ. Такъ легко забывались обѣщанія, недавно еще данныя поэтомъ Карамзину: «преданный минутѣ», увлекаемый всегда теченіемъ окружающей жизни, поэтъ всей душой отдавался своимъ впечатлѣніямъ; онъ, быть можетъ, даже самъ провозглашалъ тосты здѣсь, въ Каменкѣ «за здоровье тѣхъ и той»: «тѣхъ» — это итальянскихъ карбонаріевъ; «той»—революціонной Франціи, скованной реставраціей. Вотъ почему и смерть Августа Коцебу отъ кинжала Занда, въ свое время (1819 г.) прошедшая безслѣдно, теперь, раскрашенная красками радикализма, отозвалась въ творчествѣ Пушкина великолѣпнымъ гимномъ въ честь кинжала («Кинжалъ»). Настроеніе приподымалось разговорами и слухами о политическомъ броженіи русскаго общества, — броженіи, которое принимало уже видъ военныхъ мятежей (17—21 октября 1820 г. возмущеніе Семеновскаго полка). Но кромѣ такихъ жгучихъ интересовъ, Пушкинъ, подъ вліяніемъ старика Раевскаго и его друзей, заинтересовался русской исторіей; результатомъ этихъ интересовъ были его «нѣкоторыя историческія замѣчанія», въ которыхъ трудно выдѣлить, что было своимъ, что чужимъ, навѣяннымъ бесѣдами и спорами о прошломъ и будущемъ Россіи. По словамъ И. П. Липранди, Пушкинъ искуственно поднималъ споры и разговоры о такихъ предметахъ, о которыхъ онъ мало зналъ, но которые его интересовали; замѣчанія и соображенія, высказанныя людьми компетентными, никогда не пропадали для него даромъ. Конечно, общество Раевскихъ и ихъ друзей и родственниковъ въ этомъ отношеніи было для поэта драгоцѣннымъ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ этой серьезной и въ то же время кипучей жизни Пушкинъ естественно вспомнилъ Чаадаева, его уютный кабинетъ, его бесѣды, «младые вечера, съ ними проведенные, его «пророческіе сны» и «вольнолюбивыя надежды». Только теперь, подъ вліяніемъ Раевскихъ и ихъ друзей, онъ постигъ, какъ слѣдуетъ, Чаадаева и серьезно сталъ мечтать о томъ, чтобы пополнить пробѣлы въ своемъ образованіи «и въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ»; теперь позналъ онъ «тихій трудъ и жажду размышленій». Во время пребыванія въ Каменкѣ написано (вѣрнѣе отдѣлано) нѣсколько стихотвореній, отражавшихъ еще крымскія настроенія, закончена поэма «Кавказскій Плѣнникъ» (совершенно приготовлена къ печати она была въ февралѣ — мартѣ 1821 г.), — поэма, пропитанная давно уже пережитыми настро-

еніями, владѣвшими Пушкинымъ еще до поѣздки съ Раевскими. Образъ героя былъ готовъ давно. Кавказъ подсказалъ лишь фонъ; теперь же, когда поэма была окончена, поэтъ уже далеко отошелъ отъ нея по своимъ настроеніямъ—потому и былъ недоволенъ ею. Можно думать, что въ обществѣ Раевскихъ онъ провелъ около двухъ мѣсяцевъ: 15-го декабря 1820 г. А. Л. Давыдовъ извѣщалъ Инзова о болѣзни Пушкина, не позволяющей ему вернуться къ сроку; судя по письму Инзова отъ 29-го декабря, въ это время Пушкинъ не возвращался въ Кишиневъ, а въ началѣ 1821 г. онъ съ Раевскими былъ въ Кіевѣ на свадьбѣ М. Ѳ. Орлова съ Ек. Ник. Раевской Изъ Кіева Пушкинъ вернулся опять въ Каменку и лишь въ мартѣ 1821 г. возвратился въ Кишиневъ. Такое свободное отношеніе къ срокамъ отпуска, службѣ и распоряженіямъ правительства вызвало безпокойство кишиневской полиціи, которая сочла долгомъ объ исчезновеніи Пушкина донести Бессарабскому областному правительству, предполагая, что «Пушкинъ выѣхалъ въ Москву» еще до полученія указа. Вѣроятно, заступникомъ поэта былъ самъ Инзовъ, который и въ другомъ случаѣ его прикрылъ: изъ Кишинева донесли въ Петербургъ, что Пушкинъ «публично ругаетъ даже въ кофейняхъ военное начальство и правительство». По приказанію Государя графъ Канодистрія запросилъ, 13 апрѣля 1821 г., объ этомъ Инзова, но тотъ 28 апрѣля отвѣчалъ одобреньемъ поведенія поэта и просилъ о высылкѣ ему 700 р. въ годъ содержанія. 1-го декабря 1821 г. Инзовъ писалъ второе защитительное письмо, на этотъ разъ кн. П. М. Волконскому, на запросъ, не масонъ-ли Пушкинъ. Инзовъ, самъ масонъ, очевидно, зная о масонствѣ поэта, отвѣтилъ что масонскихъ ложъ въ Молдавіи не существуетъ. 4-го декабря, вѣроятно подъ его давленіемъ, закрыта послѣдняя масонская ложа «Авидей № 25».

Въ обществѣ Раевскихъ его берегли, окружали разными удобствами, быть можетъ даже, спасая его талантъ, не взяли въ тайный союзъ. Не такъ благополучно обстояло дѣло въ Кишиневѣ, куда, всетаки, послѣ всевозможныхъ проволочекъ, въ родѣ удостовѣренія о болѣзни, въ первыхъ числахъ марта долженъ былъ вернуться Пушкинъ. Здѣсь на первыхъ порахъ онъ жилъ еще жизнью Каменки, — лучшія стихотворенія 1821 г. (напр. «Желаніе», «Чаадаеву», «Къ моей чернильницѣ», «Наперсница волшебной старины», «Элегія», «Къ ***», «Къ Овидію») всѣ написаны въ началѣ Кишиневской жизни; но время шло, и Пушкинъ поддался пошлой полуазіатской, полуевропейской жизни молдаванскаго Кишинева. Цѣлый рядъ анекдотовъ самого разнообразнаго свойства, отъ смѣшныхъ до циничныхъ,— остался краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ отношеній Пушкина къ малокультурнымъ туземцамъ и чиновникамъ г. Кишинева. Здѣсь, въ пестрой обстановкѣ захолустнаго города, поэтъ нашелъ много мишеней для своего остроумія и щедрою рукой разсыпалъ остроты и эпиграммы, экспромты и сатиры, добродушныя и злобныя... Власть «среды» и «момента» еще разъ показали свою власть надъ поэтомъ. «Обиліе красивыхъ женщинъ, вольныхъ въ обращеніи, легкость нравовъ, вошедшая въ обычай, сладострастная атмосфера волокитствъ и любовныхъ интригъ — все это производило на Пушкина опьяняющее дѣйствіе и раздражало его горячее воображеніе. Онъ съ наслажденіемъ окунулся въ этотъ заманчивый міръ минутныхъ связей и легкихъ увлеченій».

Вмѣстѣ съ этой головокружительной жизнью дѣйствовали и старыя настроенія: въ стихахъ зазвучали мотивы сладострастія, перебивавшіеся прежними тоскливыми настроенія, въ которыхъ слышалось пресыщеніе жизнью, презрѣніе къ людямъ.. Началось прежнее бравированье жизнью, выразившееся въ дуэляхъ, началась прежняя игра съ понятіями, священными для другихъ.—Споры Пушкина съ М. Ѳ. Орловымъ и А. П. Алексѣевымъ, людьми интеллигентными (конецъ октября 1820 г.), дуэль съ Зубовымъ изъ-за картъ (въ концѣ 1821 г.), дуэль съ полковникомъ С. Н. Старовымъ (въ январѣ 1822 г.), избіеніе молдавскаго боярина Тодора Балша, — все это факты, свидѣтельствующіе о задорности поэта, о томъ нервномъ раздраженіи, въ которое приводила ее «толпа»; до его петербургскихъ друзей свѣдѣнія о его жизни доходили поздніе и случайныя: 30 мая 1822 г. кн. Вяземскій сообщалъ А. И. Тургеневу, что «кишиневскій Пушкинъ ударилъ въ рожу одного боярина и дрался на пистолетахъ съ однимъ полковникомъ..

Онъ, сказываютъ пропадаетъ отъ тоски, скуки и нищеты».

Къ службѣ своей Пушкинъ относился съ полнымъ пренебреженіемъ: очевидно, только для очистки совѣсти старикъ Инзовъ пользовался своимъ своенравнымъ чиновникомъ для посылокъ его то въ Аккерманъ и Измаилъ, то въ другія мѣста подвѣдомственной ему области. Все остальное время Пушкинъ былъ свободенъ, лицомъ къ лицу съ пестрой кишиневской «толпой».

И въ то же время, чѣмъ глубже уходилъ поэтъ въ толпу, тѣмъ болѣзненнѣе чувствовалъ онъ свою пробудившуюся «личность», свое одинокое положеніе въ этой толпѣ. Подъ вліяніемъ такихъ настроеній Байронъ—поэтъ «личности», Наполеонъ—могучее воплощеніе «личности» стали казаться ему и близкими, и понятными... Если въ первый періодъ увлеченія мотивами «міровой скорби» поэтъ понялъ ее одностороннее, со стороны разочарованія, уныніе, и въ результатѣ получился герой «Кавказскаго Плѣнника» и нѣсколько аналогичныхъ по настроенію стихотвореній, то теперь эта поэзія «міровой скорби» повернулась къ Пушкину другой своей стороной—10 мотивами «презрѣнія къ людямъ, стремленія въ свободѣ личности..... Все это старыя, давно знакомыя Пушкину настроенія, отразившіяся даже въ его раннихъ стихахъ, но теперь они нашли себѣ поддержку въ герояхъ Байрона, въ образѣ Наполеона, въ проясняющемся сомосознаніи, въ низкой оцѣнкѣ русскаго «общества». Въ результатѣ—рядъ восторженныхъ отзывовъ о французскомъ императорѣ, который еще недавно казался поэту только преступникомъ; въ результатѣ—первыя, быть можетъ, еще неясныя очертанія образа Алеко, конечно по духу своему ближе подходящаго къ героямъ Байрона, чѣмъ герой «Кавказскаго Плѣнника»; отсюда, наконецъ, рядъ стихотвореній, въ которыхъ поэтъ—жрецъ, полубогъ защищаетъ святыя права своей «личности» отъ посягательства толпы. Но нетрудно замѣтить, что, отказавшись отъ разочарованія и скорби и оставя въ себѣ въ замѣнъ ихъ презрѣніе къ людямъ, Пушкинъ попрежнему стоялъ такъ же далеко отъ Байрона, какъ и раньше. Произошло это, конечно, потому, что Пушкинъ—«обыватель г. Кишинева», живущій его мелкими интересами, и въ то же время корчащій изъ себя Байрона, Пушкинъ — поэтъ, гордо отстаивающій свою «личность», еще не исчерпывали всего поэта: въ душѣ его, въ его сердцѣ не умиралъ, но зрѣлъ еще третій Пушкинъ — «человѣкъ»,—тотъ, котораго въ немъ, еще ребенкѣ, полюбила старая няня, въ Лицеѣ Пущинъ, въ Крыму—семья Раевскихъ, а здѣсь, въ Кишиневѣ, старикъ Инзовъ. Будучи масономъ, старый генералъ, подъ опеку котораго попалъ Пушкинъ, исповѣдывалъ—какъ и вся его партія—извѣстное ученіе о благодати, способной просвѣтить всякаго человѣка, какимъ бы слоемъ пороковъ и заблужденій онъ ни былъ прикрытъ, лишь бы нравственная его природа не была окончательно извращена. Вотъ почему, напримѣръ, въ распущенномъ, подъ часъ даже безумномъ, но всегда искренно каявшемся Пушкинѣ Инзовъ видѣлъ болѣе задатковъ будущности и моральнаго развитія, «чѣмъ въ иномъ господинѣ съ приличными манерами, серьезномъ по наружности, но глубоко испорченномъ въ душѣ». По свидѣтельству Н. А. Алексѣева, Инзовъ «былъ очень искусенъ въ такомъ распознаваніи натуръ, несмотря на кажущуюся свою простоту». Почти всегда Пушкинъ начиналъ свои отношенія съ людьми съ того, что показывалъ имъ свои самыя невыгодныя стороны. Что то злобное и разсчитанное было въ тѣхъ проказахъ, которыя онъ позволялъ себѣ по адресу стараго генерала. Такъ, напримѣръ, обѣдая у него, онъ нарочно заводилъ вольнодумный разговоръ и, зная строго-религіозныя убѣжденія хозяина, старался развивать наиболѣе противоположныя имъ теоріи. «Замѣчательно, прибавляетъ Анненковъ, что онъ никогда не могъ «окончательно разсердить Инзова».. Въ результатѣ такихъ «пробъ» поэтъ призналъ въ Инзовѣ права на уваженіе и любовь: «Инзовъ, писалъ онъ, меня очень любилъ и за всякую ссору съ молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ—скуки ради—французскіе журналы... Генералъ Инзовъ — добрый, почтенный... Онъ русскій въ душѣ... Онъ довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ ихъ; не боится насмѣшекъ, потому что выше ихъ»... Остается пожалѣть, что различія возрастовъ, обиліе дѣлъ помѣшали Инзову сблизиться съ поэтомъ до такой степени, чтобы завоеванное имъ у поэта уваженіе

сдѣлалось источникомъ постояннаго благотворнаго воздѣйствія на него. Такого воздѣйствія со стороны Инзова не было даже и тогда, когда поэтъ его оцѣнилъ. Жизнь поэта по прежнему текла пестро и по прежнему была полна противорѣчій: отъ распутства онъ легко переходилъ къ вышучиванью мѣстныхъ красавицъ, ихъ мужей; его забавляли скандалы, мальчишескія шалости, сердившія евреевъ, переодѣванья въ пестрые костюмы грековъ, молдаванъ и сербовъ; наряду съ этимъ онъ могъ увлекаться серьезной книгой, попадавшейся ему подъ руку. Одно время онъ весь былъ поглощенъ начавшейся борьбой грековъ за освобожденіе, — объ этомъ увлеченіи свидѣтельствуютъ и стихотворенія его и письма и разныя замѣтки. И, какъ во всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, поэтъ разочаровался и въ этой вѣрѣ. «Константинопольскіе нищіе, карманные воришки (coupeurs de bourses), бродяги безъ смѣлости, которые не могли выдержать перваго огня даже плохихъ турецкихъ стрѣлковъ, — вотъ, что они... Мы видѣли этихъ новыхъ Леонидовъ на улицахъ Одессы и Кишинева, со многими изъ нихъ были лично знакомы и свидѣтельствуемъ теперь о ихъ полномъ ничтожествѣ: ни малѣйшей идеи въ военномъ искуствѣ, никакого понятія о чести. Они отыскали средство быть пошлыми въ то самое время, когда разсказы ихъ должны были бы интересовать каждаго европейца».

Изъ вліяній, наиболѣе серьезныхъ и длительныхъ, дѣйствовавшихъ въ эту пору на поэта, надо отмѣтить тѣ, что шли отъ общества военныхъ. Связи Пушкина съ этимъ кругомъ начались благодаря Раевскимъ и поддерживались тѣмъ политическимъ единомыслiемъ, которое тогда соединяло почти всѣхъ интеллигентныхъ людей Россіи наканунѣ вспышки 14 декабря 1825 г. Изъ Кишиневскихъ военныхъ, знакомыхъ Пушкина, слѣдуетъ назвать начальника 16-ой дивизіи М. Ѳ. Орлова, бригаднаго командира П. С. Пущина, генерала Д. Н. Бологовского, начальника дивизіонной ланкастерской школы В. Ѳ. Раевскаго и офицеровъ: К. А. Охотникова, В. П. Горчакова, И. П. Липранди, А. Ѳ. Вельтмана, князей Ипсиланти и др. Наѣздомъ въ Кишиневѣ живали братья Полторацкіе—М. А. и А. П., извѣстный Пестель, Раевскіе и Давыдовы, пріѣзжавшіе къ М. Ѳ. Орлову, женатому на Е. Н. Раевской. Въ этой серьезной средѣ, настроенной на оппозиціонный ладъ, неумѣстна была шаловливость и рѣзвость поэта, — здѣсь онъ пріучался серьезно относиться къ русской дѣйствительности, здѣсь онъ яснѣе всего сознавалъ недостатки своего образованія. Книги онъ бралъ у Инзова, Орлова, Липранди и на этой почвѣ самообразованія ближе всего сошелся съ А. Ѳ Вельтманомъ и В. Ѳ. Раевскимъ. Кромѣ того, онъ собиралъ и записывалъ пѣсни, преданья, разсказы туземцевъ, изучалъ чуждые ему нравы, присматривался къ чуждымъ лицамъ разныхъ сербовъ и грековъ, цыганъ и молдаванъ. Многія произведенія, въ родѣ стихотворенія: «Черная Шаль», пѣсня «Рѣжь меня, жги меня», поэмы: «Цыгане», отчасти «Кирджали»,—всѣ были результатомъ этихъ наблюденій. Несмотря на такую полноту и ширину интересовъ, поэтъ былъ недоволенъ своей жизнью: 23-го марта 1821 г. онъ писалъ Дельвигу, что рѣшился разстаться съ Кишиневомъ: «праздный миръ, говоритъ онъ, не самое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо кажется не правъ,— самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души». О тяжелыхъ минутахъ его душевнаго состоянія лучше всего свидѣтельствуютъ нѣкоторыя его письма, особенно одно, къ брату,—это письмо все дышетъ сознаніемъ цѣлаго ряда сдѣланныхъ ошибокъ; отъ нихъ-то и старается поэтъ удержать брата. Прежде всего онъ даетъ совѣтъ думать обо всѣхъ людяхъ, какъ можно хуже, не судить, руководясь своимъ «благороднымъ и хорошимъ» сердцемъ; людей надо презирать, говоритъ онъ, «le plus poliment, qu'il vous sera possible». Со всѣми надо быть холодну, остерегаться фамильярности, воздерживаться отъ всего, въ чемъ, по своей низости, постараются увидѣть искательство. Даже друзьямъ вѣрить не рекомендуется, — и рядомъ съ этимъ практическій совѣтъ меньше любить женщинъ, чтобы больше у нихъ имѣть удачи. Характерно заключеніе письма «n'empruntez jamais, souffrez plutôt la misère, croyez qu'elle n'est pas aussi terrible, qu'on se la peint et surtout que la certitude où l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel. Ces principes que je vous propose, je les dois à une

douloureuse experience» (1822 г.). Конечно, все это, какъ сознается самъ авторъ письма, подсказано опытами жизни. Еще ранѣе, въ письмѣ къ Дельвигу отъ 23-го марта 1821 г., поэтъ говорилъ, что «для существа, одареннаго душой», нѣтъ другого воспитанія, кромѣ того, которое дается ему «обстоятельствами жизни и имъ самимъ». Изъ пересказаннаго письма къ брату нетрудно усмотрѣть, что пока «воспитаніе» не отличалось стройностью и даже равноцѣнностью выводовъ,—здѣсь все случайно, все смѣшано; и благородное, и пошлое, все еще полно минутныхъ впечатлѣній, отчасти даже той поэтической неправды, которая всего ярче по напыщенности въ одномъ отрывкѣ къ какому-то неизвѣстному лицу: «Vous êtes mon digne maître, brave, mordant, méchant,—cela n'est point assez, il faut être féroce, tyran, vindicatif, c'est où je vous prie de me conduire. Les hommes ne vaillent pas qu'on les évalue par ces étincelles du génie et de sentiment, par les quelles je me suis avisé de les évaluer. Jusqu'à présent c'est par berquovetz du'il faut les éstimer. Il faut se rendre aussi égoiste qu'ils le sont en général pour en venir á bout. C'est alors seulement que l'on peut assigner le plan qu'il convient à chacun d'occuper». Конечно, въ этихъ красивыхъ, но напыщенныхъ словахъ много неправды; но она нравилась Пушкину въ извѣстные моменты его настроеній: эта неправда принесена была преклоненіемъ предъ поэзіей Байрона, предъ личностью Наполеона. Но какъ мудрымъ наставленіямъ, преподаннымъ брату, поэтъ не слѣдовалъ въ жизни, такъ и эту неправду онъ позднѣе распялъ въ лицѣ Алеко. Если поэма написана и позднѣе, то несомнѣнно образъ героя и концепція всего произведенія сложились раньше, и она доказываетъ это. Да по самой сущности своей, еще не устоявшейся души, въ это время Пушкинъ не могъ еще остановиться на чемъ-нибудь одномъ: стоитъ перелистать его лирическія стихотворенія за этотъ періодъ,— и разнообразіе настроеній бросится въ глаза. Вотъ застольная пѣсенка въ честь вина и любви, вотъ—мѣткая эпиграмма, невольно вызывающая улыбку, вотъ задушевная, теплая элегія, вся дышащая любовью къ лядямъ; сейчасъ же затѣмъ осколокъ злой сатиры, за нею возвышенная молитва, страстный вопль, какая то скабрезность, ласковая шутка, обломокъ какой-то поэмы на религіозныя темы, — поэмы, обильно изуродованной цензурой, — смѣхъ и слезы, радость и горе, вѣра и невѣріе— все это причудливо мѣшается въ этомъ калейдоскопѣ настроеній. И среди этой пестроты все замѣтнѣе и опредѣленнѣе вырисовывается тотъ простой, сердечный, доброжелательный, всепрощающій Пушкинъ, котораго мало кто подозрѣвалъ въ юношѣ заносчивомъ, не всегда приличномъ, распустившемся въ Кишиневѣ. Письма выдаютъ его головой.

Впервые оторванный отъ близкихъ друзей, поэтъ, несомнѣнно, болѣзненно ощутилъ пустоту въ сердцѣ и его тянуло къ тѣмъ лицамъ, дружба которыхъ теперь, во время его «сердечнаго сиротства», была особенно потребна,—быть можетъ потому въ письмахъ его звучатъ необычайно нѣжныя ноты, часто малодушныя, иногда шутливыя, рѣдко заносчивыя и дерзкія. Письма послѣдняго сорта — французскіе черновики, найденные между бумагами поэта, и, быть можетъ, это даже не письма, а какія - нибудь замѣтки: по крайней мѣрѣ, слишкомъ рѣзкимъ диссонансомъ выдѣляются они на свѣтломъ фонѣ тѣхъ многочисленныхъ писемъ, въ которыхъ сказалось необыкновенная грація пушкинской души. Въ отношеніяхъ къ многимъ изъ корреспондентовъ своихъ онъ порою нѣженъ и деликатенъ, иногда умѣетъ добродушнымъ словомъ успокоить наростающее неудовольствіе. Его злословіе въ свободной болтовнѣ здѣсь никогда не переходитъ за предѣлы добродушія. Во многихъ письмахъ онъ благодаритъ друзей за доброе къ нему отношеніе, жалуется на то, что они его забываютъ. «Дельвигу и Гнѣдичу продолжалъ я писать, жалуется онъ Гречу, — да они и въ усъ не дуютъ. Что-бъ это значило? Если просто забвеніе— то я имъ не пеняю; забвенье — естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго». Брата онъ упрекаетъ за краткость его писемъ: «болтливость братской дружбы, говоритъ онъ, была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружескій голосъ, — что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать мою мизантропію—и это состояніе несносно». Получивъ давно жданное письмо отъ Гнѣдича, онъ пишетъ ему прямо трогательныя строчки: «Благодарю васъ,

любезный и почтенный за то, что вспомнили вы бессарабскаго пустынника. Онъ молчитъ, боясь надоѣдать тѣмъ, которыхъ любитъ»... Тому же Гнѣдичу онъ писалъ, что полученное письмо тронуло его до глубины души: «благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма, — все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ, что касается до меня». Въ этихъ поспѣшныхъ и прочувствованныхъ благодарностяхъ, въ шуткахъ въ родѣ: «пожалѣйте меня: живу между гетовъ и сарматовъ; никто не понимаетъ меня»—звучатъ ясно глубокія муки одиночества... Искалъ поэтъ сердечнаго отвѣта себѣ и въ сердцѣ брата,—онъ шлетъ ему теплыя, дружескія, задушевныя посланья, словно опасаясь того, что родители воспитаютъ брата Льва въ ненависти къ нему; онъ безпокоится о братѣ, справляется о немъ у другихъ, преподаетъ ему серьезные и шутливые совѣты, порой журитъ, но до того добродушно, что иногда самъ кончаетъ извиненіемъ. Къ концу 1822 г. Пушкинъ такъ стосковался въ Кишиневѣ, несмотря на свои неоднократныя отлучки, что 13-го января 1823 г. обратился къ гр. Нессельроде съ письмомъ, въ которомъ проситъ себѣ прощенія. Въ концѣ марта (27-го) Нессельроде увѣдомилъ его, что государь отклонилъ его просьбу. Тогда Пушкинъ сталъ мечтать о переводѣ въ Одессу, — городъ этотъ онъ зналъ во время своихъ неоднократныхъ отлучекъ изъ Кишинева: такъ въ концѣ апрѣля 1821 г. онъ жилъ около мѣсяца въ Одессѣ съ согласія Инзова; бытьможетъ — онъ сумѣлъ тамъ найти себѣ друзей; туда влекла его и жажда пожить культурной жизнью европейскаго города. Къ тому же и первое свиданіе съ гр. М. С. Воронцовымъ, назначеннымъ 7-го мая на должность Новороссійскаго генералъ-губернатора и Намѣстника Бессарабской области, произвела на Пушкина благопріятное впечатлѣніе, и онъ рѣшился перемѣнить свою службу при Инзовѣ на службу при Воронцовѣ. Несомнѣнно, новый намѣстникъ на первыхъ порахъ былъ заинтересованъ тѣмъ, чтобы знаменитый поэтъ находился въ его свитѣ, — по крайней мѣрѣ обѣщаніе его взять Пушкина у Инзова, «чтобы спасти его нравственность» и дать таланту досугъ и силу развиться, какъ будто говоритъ намъ о томъ участіи, которое было проявлено по отношенію къ поэту его новымъ начальствомъ. 4-го іюля Пушкинъ перебрался уже въ Одессу, къ великому огорченію добродушнаго Инзова, который чувствовалъ себя обиженнымъ такимъ непостоянствомъ и даже неблагодарностію поэта.

На первыхъ порахъ Пушкинъ съ безмятежной радостью пользовался удобствами шумной жизни богатаго приморскаго города. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» есть удивительно живыя, яркія стороны, посвященныя Одессѣ. Поэта увлекало то, что въ этомъ городѣ «все Европой дышетъ, вѣетъ», все блещетъ югомъ и разнообразностью живой. Пестрота костюмовъ, нарѣчій и нравовъ тоже интересовали поэта. Шумная уличная жизнь, casino и рестораны, опера, балетъ, закулисныя свиданія и волокитство за дамами болѣе высокого, чѣмъ въ Кишиневѣ, круга — все это кружило голову увлекающемуся поэту; немудрено, что въ такіе безоблачные моменты онъ готовъ былъ себя причислить къ «обжорливымъ» ребятамъ, которые не знаютъ печали... Но, конечно, эта радость была такъ интенсивна лишь послѣ долгаго Кишиневскаго поста. Разочарованія начались съ того момента, какъ Пушкинъ ближе сошелся съ одесскимъ обществомъ. Прежде всего онъ столкнулся съ самимъ Воронцовымъ.

«Новый начальникъ съ блестящей свитой чиновниковъ и адъютантовъ, въ числѣ которыхъ былъ и Александръ Николаевичъ Раевскій, съ перваго раза поставилъ себя центромъ окружающаго его міра и самой страны. Образъ его сношеній съ подчиненными одинаково удалялъ какъ поползновенія ихъ къ служебной низости, такъ и претензіи на короткость съ нимъ. Край впервые увидѣлъ власть со всѣми аттрибутами блеска, могущества, спокойствія и стойкости. Прежде всего требовались теперь порядочность въ образѣ мыслей, наружное приличіе въ формахъ жизни и преданность къ службѣ, олицетворяемой главой управленія» (Анненковъ); словомъ, неуимчивый поэтъ, порядкомъ распустившійся въ Кишиневѣ, утративший благоприличіе манеръ и костюма, привыкшій давать волю языку, сталъ теперь лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, быть можетъ и не дурнымъ, но того

сорта людей благовоспитанныхъ до педантизма, къ которымъ принадлежали и директоръ Лицея Энгельгардтъ, и баронъ Корфъ: съ такими людьми никогда не уживался поэтъ. Быть можетъ, въ первый разъ приласкавъ поэта, Воронцовъ, дѣйствительно, ожидалъ, что и русскій поэтъ «явится въ его передней съ посвященіемъ или одою», сочиненною въ честь его въ свободное отъ службы время; но Пушкинъ совсѣмъ иначе смотрѣлъ на себя; по своей привычкѣ онъ не воздержался отъ остротъ и эпиграммъ насчетъ «милорда»,— и скоро отношенія ихъ были испорчены непоправимо. Не сошелся поэтъ и съ одесскимъ обществомъ, которому тонъ задавалъ самъ Воронцовъ. Здѣсь «узлы всѣхъ событій распутывались уже гораздо труднѣе, чѣмъ въ Кишиневѣ. Тамъ легко и скоро сходили съ рукъ Пушкину и такія продѣлки, которыя могли разрѣшиться въ настоящую жизненную бѣду; здѣсь онъ могъ вызвать ее и ничего не дѣлая, а оставаясь лишь только Пушкинымъ»... «Враговъ у него совсѣмъ не было на новомъ мѣстѣ служенія, а были только хладнокровные счетчики и помѣчатели всѣхъ проявленій его ума и юмора, употреблявшіе собранный ими матеріалъ для презрительныхъ толковъ втихомолку. Пушкинъ просто терялся въ этомъ мірѣ приличія, вѣжливости, дружелюбнаго коварства и холоднаго презрѣнія ко всѣмъ вспышкамъ, даже и подсказаннымъ благородными движеніями сердца. Онъ только чувствовалъ, что живетъ въ средѣ общества, усвоившаго себѣ молчаливое отвращеніе ко всякаго рода самостоятельности и оригинальности» (Анненковъ).

Вотъ почему съ одесской аристократіей поэтъ не сошелся; его тяготило это общество еще въ Кишиневѣ, въ домѣ Канта-кузиныхъ; онъ и въ Одессѣ не могъ себя чувствовать свободно. Не сошелся онъ и съ мѣстнымъ литераторскимъ кругомъ, наиболѣе крупными представителями котораго были Туманскій и писательница Зонтагъ; ихъ поэтъ чуждался въ такой же мѣрѣ, быть можетъ, потому, что именно теперь, въ Одессѣ, окончательно раздѣлывался съ послѣдними узами старой поэзіи XVIII вѣка и вступалъ на новый путь. Съ іюля 1823 г. по декабрь были имъ написаны двѣ первыя главы «Онѣгина»; въ февралѣ 1824 г. начата третья; между декабремъ 1823 года и январемъ 1824 г. написана поэма «Цыгане»; первыя главы «Евгенія Онѣгина» и вся поэма «Цыгане» пропитаны критицизмомъ: поэтъ разоблачаетъ русскаго байрониста — Чайльдъ Гарольда и въ обстановкѣ столичной жизни, и въ дикихъ степяхъ Бессарабіи. Того, даже блѣднаго ореола мученичества, которымъ окружено чело Кавказскаго Плѣнника, здѣсь нѣтъ: правда художественная и правда жизни вступала въ свои права.

Къ этому же одесскому періоду жизни относятся тѣ знаменательныя письма къ Бестужеву, Рылѣеву, Дельвигу и кн. Вяземскому, въ которыхъ ясно сказывается желаніе начать критику въ нашей литературѣ,—критику новую, которая переоцѣнила-бы старыя цѣнности, провѣрила старые авторитеты. Еще ранѣе, живя въ Петербургѣ, онъ, желая «поучиться», собиралъ мнѣнія лицъ, принадлежавшихъ къ различнымъ литературнымъ толкамъ (отсюда сближеніе съ Катенинымъ и Олениннымъ); теперь еще сильнѣе чувствовалась имъ потребность услышать свѣжее, ободряющее слово.—Отсюда вызовы на принципіальный споръ, съ котрыми онъ обращался къ друзьямъ-литераторамъ; отсюда просьбы написать теоретическія разсужденія въ видѣ предисловія къ его новымъ твореніямъ. Въ своихъ письмахъ къ друзьямъ-критикамъ онъ, несомнѣнно, является мыслителемъ-новаторомъ, который не въ силахъ создать, формулировать теоріи, но который «имѣетъ свое умное, никѣмъ еще не сказанное и часто очень мѣткое слово относительно людей и явленій въ русской литературѣ». Безъ преувеличенія можно сказать, что въ своихъ частыхъ письмахъ, въ своихъ черновыхъ замѣткахъ онъ былъ ближайшимъ предшественникомъ Бѣлинскаго, главная заслуга котораго и состояла именно въ «ревизіи» русскаго Парнасса, въ переоцѣнкѣ старыхъ цѣнностей. Но никто изъ друзей Пушкина не былъ вооруженъ проницательностью и смѣлостью поэта, и его замѣчательныя мысли, которыми онъ подзадаривалъ друзей и критиковъ, оставались безплодными. «О Дмитріевѣ», писалъ поэтъ кн. Вяземскому, «спорить съ тобою не стану, хотя всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее — перваго стихотворенія Жуковскаго. По мнѣ Дмитріевъ ниже Неледин-

скаго и стократъ ниже стихотворца-Карамзина; сказки его написаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты, а Ермакъ такая дрянь, что нѣтъ мочи...». «Грустно мнѣ видѣть, что все у насъ клонится Богъ знаетъ куда? Ты одинъ могъ бы прикрикнуть налѣво и направо, порастрясти старыя репутаціи, приструнить новыя и показать истину,—ты покровительствуешь старому вралю». Пушкинъ отважно подымалъ руку на Ломоносова, Державина, Хераскова, Сумарокова, Озерова, Богдановича, даже на Жуковскаго, словно ему хотѣлось расчистить дорогу самому себѣ: «со своимъ скептическимъ и ироническимъ отливомъ онъ показывалъ такую свободу отношеній къ именамъ, лицамъ и умственному состоянію общества, какая была рѣдкостна въ то время» (Анненковъ).

«У насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ»—этотъ смѣлый выводъ былъ сдѣланъ имъ задолго до Бѣлинскаго. Къ этому же времени относятся и первыя усилія Пушкина выяснить себѣ и другимъ сущность новаго литературнаго направленія—«романтизма». Въ этомъ модномъ словѣ хотѣлось ему раскрыть тѣ новые пути, которые онъ прозрѣвалъ передъ собой. Романтизмъ соединялся въ его представленіи съ отрицаніемъ старой литературной школы, «правилъ», связывался съ свободой творчества, съ апоѳеозомъ личности... Но такое опредѣленіе не удовлетворяло его, когда онъ, въ цѣляхъ изученія вопроса, погружался въ исторію всеобщей литературы. Онъ прислушивался къ тѣмъ противорѣчивымъ и неяснымъ опредѣленіямъ, которыя доносились до него и изъ русской критики, и изъ иностранной, — и ни одно опредѣленіе не удовлетворяло его, быть можетъ потому, что онъ хотѣлъ этимъ терминомъ опредѣлить свое собственное творчество тогда, когда оно уже переросло эпоху романтизма и развивалось въ свободной и широкой области художественнаго реализма.

Вотъ почему онъ былъ противъ того узкаго пониманія романтизма, которое считало «романтическими» только произведенія Жуковскаго. Оттого, создавъ, въ предсмертномъ произведеніи Ленскаго, удивительно тонкую и трогательную пародію на стихи Жуковскаго, онъ не согласился ихъ назвать «романтическими». О первыхъ главахъ «Онѣгина» Пушкнъ писалъ къ брату изъ Одессы: «Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его (Онѣгина). Онъ ожидалъ отъ меня романтизма, нашелъ сатиру и цинизмъ и порядочно не расчухалъ». Эта «сатира и цинизмъ»—и была тѣмъ реализмомъ, для котораго у Пушкина подъ руками еще не было термина.

Такъ быстро выросталъ въ Пушкинѣ художникъ. Не менѣе быстро зрѣлъ въ немъ и человѣкъ, правдиво и честно относящійся къ жизни. Это всего лучше сказалось въ томъ «самосудѣ», который былъ произведенъ поэтомъ надъ собой въ образахъ Онѣгина и Алеко. Наряду съ этимъ осужденіемъ неправды въ лицѣ стараго Цыгана впервые окружается ореоломъ та безхитростная правда, которой суждено было въ дальнѣйшей литературной жизни поэта воплотиться въ длинномъ рядѣ образовъ. Очевидно, теперь въ глазахъ Пушкина выростали такія личности, какъ старая няня, старикъ Инзовъ, Пущинъ,—выростализа счетъ тѣхъ баловней культуры, которые умѣютъ пускать пыль въ глаза, но которые проникнуты ложью (Воронцовъ и др.). Но если внутренняя работа мысли и чувства вела поэта къ такому явному самосознанію, то съ внѣшней стороны жизнь его текла такъ же неспокойно, какъ и прежде. Съ первыхъ мѣсяцевъ жизни Пушкина въ Одессѣ онъ сталъ чувствовать раздраженіе и припадки «сосредоточеннаго гнѣва». «Пушкинъ видимо страдалъ и при томъ дурнымъ, глухимъ страданіемъ, не находящимъ себѣ выхода» (Анненковъ). Единственно, что скрашивало въ это время жизнь поэта,-это приливы глубокой и нѣжной любви, которая, несомнѣнно, не разъ мѣняла свои объекты... Въ Крыму, повидимому, поэтъ увлекся одной изъ Раевскихъ; біографы поэта, желая разгадать, которая изъ трехъ сестеръ была этимъ объектомъ, перебрали всѣхъ трехъ, но поэтъ схоронилъ имя дорогой ему женщины. Поэма «Бахчисарайскій Фонтанъ», повидимому, въ первоначальной своей редакціи сохраняла много слѣдовъ этого увлеченія. По его собственному признанію, изъ-за этого онъ не хотѣлъ даже печатать поэмы: «Я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ»; но потомъ, выбросивъ изъ поэмы то, что «не хотѣлъ выставить передъ публикою», онъ пустилъ ее въ печать. Этому увлеченію

посвящены стихотворенія 1820 г. «Элегія», «О дѣва — роза, я въ оковахъ»; «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда», 1821 г.— «Дѣва», «Элегія» «Къ ***». Послѣднія два стихотворенія, впрочемъ, относятъ и къ кн. М. А. Голицыной, вмѣстѣ съ стихотвореніемъ 1823 г. «Княгинѣ М. А. Голицыной», въ которомъ поэтъ признается, что «минутное вниманіе этой женщины надолго сдѣлалось дорогимъ воспоминаніемъ особенно потому, что она чуткой душой коснулась его творчества, пробудивъ его вдохновеніе. «Я славой былъ обязанъ ей», восклицаетъ поэтъ, «а можетъ быть и вдохновеньемъ». Одесса подарила поэта глубокой страстью къ красавицѣ Амаліи Ризничъ. Это было мятежное увлеченіе, полное муки и тревоги и полное прелести и красоты. Нѣсколько стихотвореній, оставшихся памятникомъ этой страсти, говорятъ намъ о той душевной музыкѣ, которая раздалась въ сердцѣ, очарованномъ красавицей.... Къ этимъ произведеніямъ относятъ: «Элегію», «Ночь», «Къ морю» и позднѣйшія «Иностранкѣ», «Ненастный день потухъ», «Все въ жертву памяти твоей», «Заклинаніе», «Для береговъ отчизны дальней», «Подъ небомъ голубымъ». Въ первыхъ стихахъ тревожная мольба о любви, ревность, жаръ страсти, мука и радость, невѣріе и вѣра удивительно сливаются въ одно цѣльное, удивительно - красивое сочетаніе чувствъ и звуковъ. Очаровательно по настроенію и стихотвореніе «Ночь», выражающее чувства поэта этой поры:

Мой голосъ для тебя и ласковый, и томный
Тревожитъ позднее молчанье ночи темной;
Близь ложа моего печальная свѣча
Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча
Текутъ; ручьи любви текутъ, полны тобою,
Во тьмѣ твои глаза блистаютъ предо мною,
Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю...
твоя... твоя.—

Эта любовь цѣликомъ захватила поэта; она наполнила его «томительной тоской», принесла ему «безумство и мученья», «тяжелое напряженіе» всѣхъ его духовныхъ силъ, «тяжелое» потому, что она принесла поэту много острой радости и остраго горя.

Амалія Ризничъ, дочь вѣнскаго банкира Ритта, полунѣмка, полуитальянка съ примѣсью еврейской крови, отличалась, по общему признанію, необыкновенной красотой: высокаго роста, стройная, съ пламенными очами, съ шеей удивительной формы, съ косой до колѣнъ. Она ходила въ амазонкѣ, чтобы скрыть большія ступни ногъ, и носила мужскую шляпу. Въ аристократическихъ кругахъ ее не принимали за эксцентричность ея поведенія. Въ Вѣнѣ она вышла замужъ за Ивана Ризнича, богатого серба, торговавшаго въ Одессѣ. Она любила быть окруженной поклонниками, приковывая всѣхъ властью своей красоты и чувственнаго влеченія. «Она умѣла возбуждать чувство ревности, могла измучить человѣка и хотѣла овладѣть всѣми». Повидимому, она умѣла хоронить концы въ воду, и ея многочисленные поклонники знали ревность только въ предѣлахъ благопристойности. По крайней мѣрѣ, это характерно для Пушкина, который, очевидно, при всей своей ревнивости и страстности, вѣрилъ ей настолько, что допускалъ въ ея общество другихъ ухаживателей, изъ которыхъ полякъ Собанскій былъ самый настойчивый и, быть можетъ, самый счастливый. Но ловкость Ризничъ не спасла ее отъ разрыва съ мужемъ, и въ первыхъ числахъ мая 1824 года она, съ дочкой, оставила мужа и уѣхала во Флоренцію къ матери, гдѣ и умерла въ первой половинѣ 1825 г., какъ говорятъ,—въ бѣдности. Рядомъ съ чувствомъ къ Ризничъ разросталось преклоненіе поэта передъ женою своего начальника, графиней Е. К. Воронцовой. Истинный характеръ этихъ отношеній ревниво скрытъ поэтомъ отъ толпы, которая не сумѣла ничего узнать, кромѣ неясныхъ сплетенъ и городскихъ толковъ. «Преданія эпохи, говоритъ Анненковъ, упоминаютъ о женщинѣ, превосходившей всѣхъ другихъ по власти, съ которой управляла она мыслью и существованіемъ поэта. Пушкинъ нигдѣ о ней не упоминаетъ, какъ бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него многочисленными профилями прекрасной женской головки, спокойнаго, благороднаго, величаваго типа, которые идутъ почти по всѣмъ его бумагамъ изъ одесскаго періода жизни. Впослѣдствіи, живя въ Михайловскомъ, Пушкинъ получалъ еще таинственныя письма изъ Одессы, повидимому, отъ гр. Воронцовой. Сестра поэта, О. С. Павлищева, говорила, что «когда приходило письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, ка-

кіе находились и на перстнѣ ея брата (извѣстный «талисманъ»),—поэтъ «запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ». Графиня Воронцова, умершая въ 1880 году, до конца своей долгой жизни сохранила о Пушкинѣ теплое воспоминаніе и, говорятъ, «ежедневно читала его сочиненія. Когда зрѣніе совсѣмъ ей измѣнило, она приказывала читать ихъ себѣ вслухъ и при томъ подъ-рядъ, такъ что когда кончались всѣ томы, чтеніе возобновлялось съ перваго» (Бартеневъ).

Судя по стихотвореніямъ, которыя связываются съ именемъ графини («Желаніе славы», «Сожженное письмо», «Ангелъ», «Талисманъ»), чувство поэта было глубокимъ благоговѣніемъ передъ чистымъ и, кажется, несчастнымъ существомъ, которое въ холодной, величавой обстановкѣ томилось безъ ласки и любви. Совмѣстительство двухъ увлеченій не можетъ вызывать сомнѣнія: одно было исключительно чувственнаго характера, другое было безукоризненно чисто и возвышенно, — поэтъ съ многогранной душой обладалъ и многограннымъ сердцемъ, въ которомъ одновременно находили отраженіе увлеченія разнаго рода. Повидимому, отношенія къ графинѣ Воронцовой не укрылись отъ холоднаго взгляда ея супруга, — по крайней мѣрѣ безоблачное счастье ихъ было кѣмъ-то рѣзко нарушено («Желаніе славы»). Трудно сказать, о какихъ «измѣнахъ» идетъ рѣчь въ этомъ стихотвореніи, но, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что отношенія съ графомъ Воронцовымъ въ то время, къ которому относится названное стихотвореніе, вдругъ рѣзко перемѣнились. Къ іюню этого года относится извѣстная эпиграмма на графа:

Полумилордъ, полукупецъ,
Полумудрецъ, полуневѣжда....

Несомнѣнно, здѣсь были личные счеты съ вельможей, который изъ «благожелательнаго» начальника обратился во врага. Впрочемъ, по свидѣтельству многихъ, знавшихъ графа, онъ настолько основательно былъ вооруженъ своею «порядочностью», что не измѣнилъ своего холоднаго и ровнаго отношенія къ поэту: по прежнему приглашалъ его съ другими къ себѣ въ домъ и, въ то же время, спокойно и систематично досаждалъ ему разными порученіями вродѣ пресловутаго зачисленія въ экспедицію для изслѣдованія поврежденій отъ саранчи на мѣстахъ ея появленія. Во всемъ этомъ Пушкинъ видѣлъ месть себѣ, оскорбленіе, — и сердце его наполнялось яростью. Это чувство сказалось и въ ругательной эпиграммѣ, и въ экспромптѣ о саранчѣ на оффиціальномъ донесеніи, и въ тѣхъ отзывахъ о графѣ, которые поэтъ разсыпалъ охотно въ письмахъ, и въ бесѣдахъ. Нѣсколько писемъ поэта къ А. И. Казначееву, правителю канцеляріи намѣстника, прекрасно рисуютъ взрывъ той сердечной тревоги, которая долго копилась и ждала выхода. Въ этихъ нервныхъ письмахъ неразъ говорится о желаніи выйти въ отставку, порвать съ чиновничествомъ, а особенно съ принципаломъ. Изъ этихъ писемъ одно носитъ совершенно частный характеръ: съ Казначеевымъ поэтъ былъ хорошъ, въ домѣ его бывалъ, такъ-какъ въ салонѣ его жены, рожденной княжны Волконской, собирались одесскіе литераторы. Въ этомъ письмѣ поэтъ писалъ: «Весьма сожалѣю, что увольненіе мое причиняетъ вамъ столько заботъ, и искренно тронутъ вашимъ участіемъ. Что касается до опасеній за послѣдствія, какія могутъ возникнуть изъ этого увольненія, я не могу считать ихъ основательными. О чемъ мнѣ сожалѣть? Не о моей-ли потерянной карьерѣ? Но у меня было довольно времени, чтобы свыкнуться съ этой идеей. Не о моемъ-ли жалованьѣ? Но мои литературныя занятія доставятъ мнѣ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ занятія служебныя. Вы мнѣ говорите о покровительствѣ и дружбѣ— двухъ вещахъ, по моему мнѣнію, несоединимыхъ. Я не могу, да и не хочу напрашиваться на дружбу съ графомъ Воронцовымъ, а еще менѣе—на его покровительство... Ничто такъ не позоритъ человѣка, какъ протекція. Я имѣю своего рода демократическіе предразсудки, которые, думаю, стоятъ предразсудковъ аристократическихъ. Я жажду одного — независимости (простите мнѣ это слово, ради самого понятія). Не понимаю ужаса моихъ друзей (мнѣ вообще не совсѣмъ ясно, что такое мои друзья); мнѣ только становится не въ мочь зависѣть отъ хорошаго или дурного пищеваренья того или другого начальника, мнѣ надоѣло видѣть, что меня, въ моемъ отечествѣ, принимаютъ хуже, чѣмъ перва-

го пришлаго пошляка изъ англичанъ, который пріѣзжаетъ къ намъ безпечно разматывать свое ничтожество и свое бормотанье. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гр. Воронцовъ, будучи умнымъ человѣкомъ, сумѣетъ повредить мнѣ во мнѣніи публики, но я оставляю его въ покоѣ наслаждаться тріумфомъ, потому что такъ же мало цѣню общественное мнѣніе, какъ и восторги нашихъ журналистовъ». Если поэтъ довольно сдержанно отзывается о Воронцовѣ въ письмѣ къ его ближайшему подчиненному, то онъ не щадитъ красокъ въ письмахъ къ друзьямъ, въ черновыхъ замѣткахъ. Любопытно, что рядомъ съ надменной фигурой Воронцова всегда обрисовывается старикъ-Инзовъ, и поэтъ всѣ свои симпатіи отдаетъ послѣднему. Такъ, въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 14-го іюля 1824 года онъ пишетъ: «не странно ли, что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ? Дѣло въ томъ, что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойный неуваженіемъ; я могъ дождаться большихъ непріятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ — вандалъ, придворный хамъ и мелкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что-то другое. Старичекъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякій разъ, какъ мнѣ случалось побить молдаванскаго боярина,—правда, но за то добрый мистикъ въ то же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ гишпанской революціи. Не знаю, Воронцовъ посадилъ ли бы меня подъ арестъ, но ужъ вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о конституціи Кортесовъ»....

Воронцову Пушкинъ былъ непріятенъ въ такой же мѣрѣ. Еще въ концѣ марта (23-го числа) 1824 года гр. Воронцовъ обратился къ управляющему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ гр. Нессельроде съ просьбой о томъ, чтобы Пушкина отозвали изъ Одессы. Письмо написано осторожно: главный мотивъ—забота о Пушкинѣ, которому, по словамъ графа, дальнѣйшее пребываніе въ шумномъ городѣ, среди многочисленныхъ поклонниковъ и почитателей, могло быть опаснымъ, такъ-какъ давало пищу его неумѣренному честолюбію. Письмо начинается удостовѣреніемъ, что жаловаться на поведеніе поэта онъ, Воронцовъ, не можетъ, — напротивъ, обязанъ сказать, что замѣчаетъ въ немъ старанье показать скромность и воздержанность, какихъ въ немъ, говорятъ, никогда не было прежде. Графъ предупреждаетъ возможность обратнаго перевода въ Кишиневъ къ Инзову указаніемъ, что тамъ атмосфера для Пушкина губительна: между молодыми греками и болгарами онъ могъ увидѣть довольно много дурныхъ примѣровъ; «только въ какой-либо другой губерніи онъ могъ бы найти менѣе опасное общество и болѣе времени для усовершенствованія своего возникающаго таланта и избавиться отъ вредныхъ вліяній лести и отъ заразительныхъ, крайнихъ и опасныхъ идей». Въ концѣ письма Воронцовъ просилъ не принимать его письма въ смыслѣ осужденія, или порицанія Пушкина. Подъ «идеями крайними» графъ подразумѣвалъ, конечно, политическія, оппозиціонныя настроенія, которыя насыщали воздухъ, особенно на югѣ; Воронцовъ зналъ, что Пушкинъ былъ близокъ со многими передовыми офицерами южной арміи; поляки, высланные изъ западнаго края, смотрѣли на него, какъ на жертву правительства; самъ Пушкинъ, несомнѣнно, поддерживалъ такое толкованіе причинъ своего пребыванія на югѣ. Наконецъ, по старой привычкѣ, поэтъ непрочь былъ сочинить хлесткое произведеніе и распространить его въ спискахъ по городу. О такомъ способѣ распространять свои стихи поэтъ говоритъ самъ позднѣе въ «Посланіи къ цензору»: онъ признается, что эти стишки, задорные и дерзкіе, были для него «забавой»; осмѣивая «законъ, правительство и нравы», онъ только «забавлялся». Къ такимъ произведеніямъ относятся: «Отрывокъ», «Сказали разъ царю», «Свободы сѣятель пустынный» и, вѣроятно, многіе другіе, не попавшіе въ печать. Слухи о либеральничаньѣ поэта доходили до его друзей, и еще въ декабрѣ 1823 г. князь Вяземскій секретнымъ письмомъ увѣщевалъ Пушкина быть осторожнѣе «на мысли и на перо», не играть болѣе «пажескихъ шутокъ съ правительствомъ». Но удержать поэта было мудрено, и онъ скоро попалъ въ новую опалу, помимо воздѣйствія Воронцова. Въ Москвѣ кѣмъ-то изъ пріятелей Пушкина распространено было въ спискахъ его письмо, которое оканчивалось словами: «Ты хочешь знать, что я дѣлаю— пишу пестрыя строфы романтической поэ-

мы и беру уроки чистаго Аѳеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный Аѳей, котораго я еще встрѣтилъ»..... Собственно объ атеизмѣ было брошено замѣчаніе: «система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная». Письмо въ спискѣ попало въ руки московской полиціи, вызвало слѣдствіе,— и, въ результатѣ, Пушкинъ подвергся новому гнѣву властей и былъ исключенъ изъ службы. По словамъ гр. Нессельроде, мѣра эта была вызвана его «непорядочностью» (par son inconduite); «чтобъ не оставить молодого человѣка вовсе безъ всякаго присмотра и тѣмъ не подать ему средства свободно распространять свои губительныя начала, которыя подъ конецъ вызвали бы на него стражайшую кару закона, правительство повелѣваетъ, не ограничиваясь отставкой, выслать Пушкина въ имѣніе его родныхъ, въ Псковскую губернію, подчинить его тамъ надзору мѣстныхъ властей и приступить къ исполненію этого рѣшенія немедленно, принявъ на счетъ казны издержки его путешествія до Пскова»; такъ писалъ гр. Нессельроде гр. Воронцову, въ отвѣтъ на его письмо, 30-го іюля 1824 г. Простившись съ Чернымъ моремъ и благодатнымъ югомъ, Пушкинъ выѣхалъ изъ Одессы по опредѣленному маршруту, давъ подписку нигдѣ не останавливаться на пути. 9-го августа онъ былъ уже въ своемъ Михайловскомъ, въ обществѣ родителей, брата и сестры. Скоро послѣ выѣзда поэта изъ Одессы тамъ поселился кн. С. Г. Волконскій, женившійся на Раевской. Его домъ сдѣлался центромъ подготовлявшагося на югѣ мятежа; многіе выдающіеся декабристы были своими людьми въ его домѣ. Поэтому удаленіе поэта изъ Одессы оказалось случайностью, счастливой для него и для русской литературы.

Годы пребыванія поэта на югѣ имѣютъ громадное значеніе въ его жизни. Еще по выходѣ изъ Лицея онъ жадно ринулся въ жизнь, желая ее узнать со всѣхъ ея сторонъ. Перенесенный волею судебъ на югъ, онъ продолжалъ слѣдовать тѣмъ же побужденіямъ. Для его сильной натуры тѣсны были рамки мѣщанскаго благочинія,— и онъ, дѣйствительно, не зналъ рамокъ: не щадя здоровья, даже жизни, цѣною слезъ, тоски и самобичеванія, онъ продолжалъ свое бурное существованіе, углубляя его во всѣ стороны, жадно запасаясь самыми пестрыми впечатлѣніями. Въ нихъ онъ сталъ разбираться уже тамъ, на югѣ; въ немъ ясно созрѣваетъ художникъ, выступающій на новый путь, созрѣваетъ и человѣкъ, трезво и правдиво смотрящій на жизнь. Какъ критикъ, какъ писатель, онъ въ это время переросъ головою не только русскую публику, но и своихъ ближайшихъ друзей, вродѣ кн. Вяземскаго, Бестужева и др. Характерное стихотвореніе его «Телѣга жизни», написанное въ 1823 г., даетъ намъ ясный намекъ на то, что тревога, суета переходнаго времени смѣняется въ душѣ поэта успокоеніемъ,—онъ шелъ къ примиренію съ жизнью... Но пока вся эта метаморфоза была гдѣ-то въ глубинѣ души: снаружи поэтъ оставался все такимъ же «неуимчивымъ» и безпокойнымъ, хотя, конечно, Одесская жизнь все-таки значительно отрезвила его.

Пушкинъ въ Михайловскомъ (1824—1826). Встревоженный и раздраженный пріѣхалъ Пушкинъ въ деревню; о его состояніи лучше всего говоритъ его жалоба въ стихотвореніи къ Языкову.

...Злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье;
Уснувъ, не знаю гдѣ проснусь.

Въ людяхъ онъ тоже былъ сильно разочарованъ: «какое дѣло свѣту» до него? «я всѣмъ чужой!» восклицалъ онъ. «Чернь — лицемѣрная», «чернь презрѣнная» — вотъ обычное отношеніе поэта къ русскому обществу въ эту пору его жизни. Это отрицательное отношеніе къ людямъ захватило даже образы женщинъ, что когда-то волновали его, а теперь мучили его сердце раскаяньемъ. Вспоминая стихи, ими внушенные, онъ восклицамъ:

Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?

Изъ этихъ женскихъ образовъ, только одинъ сіялъ, неизмѣнно окруженный ореоломъ чистаго и сильнаго чувства:

Одна была—предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ,
Любви поэзіи святой.

Этотъ свѣтлый образъ являлся поэту всегда на фонѣ Крымской природы. Онъ

не былъ радостнымъ видѣніемъ: самъ поэтъ называетъ «завялой» душу этой женщины; она не принесла ему счастья:

Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, не нужны ей.

Съ душой, переполненной впечатлѣніями юга, съ сердцемъ, взволнованнымъ и несчастной любовью, и тревогами послѣднихъ дней, Пушкинъ пріѣхалъ въ тихую русскую деревню. Но она на первыхъ же порахъ встрѣтила его крупными непріятностями. Его отецъ, Сергѣй Львовичъ, имѣлъ бестактность согласиться на предложеніе губернатора наблюдать за поведеніемъ сына. Эту незавидную роль старикъ исполнялъ очень неудачно, дойдя до распечатыванія писемъ, получаемыхъ сыномъ. Его обычный эгоизмъ сказался ярко въ боязни за то, что ему придется отвѣчать за сына. На этой почвѣ разыгралось крупное столкновеніе. Никогда между сыномъ и отцомъ не было никакихъ связей, но до этого времени они не переходили за предѣлы холоднаго равнодушія: теперь они столкнулись впервые.

31-го октября 1824 г. Пушкинъ писалъ Жуковскому, ища у него покровительства и помощи: «Пріѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ, какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моей ссылкою, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь... Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе; я все молчалъ; получаютъ бумагу, до меня касающуюся... Желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé... Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Ѣду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ... Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и по всему дому объявляетъ, что я его билъ... потомъ, что хотѣлъ бить! Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ отъ меня съ уголовнымъ обвиненіемъ? Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ! Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра!» Правда, тяжелый инцидентъ уладился: самъ отецъ сталъ увѣрять всѣхъ, что сынъ вовсе не покушался на его особу; онъ даже самъ, неожиданно для сына, отыскалъ на его самооправданья: «Дуракъ! въ чемъ оправдываешься! Да я бы связать его велѣлъ! Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками?... Да онъ убилъ отца словами!»... Такъ неловко выпутывался старикъ изъ той лжи, которой опуталъ себя и сына. Такимъ образомъ, столкновеніе кончилось «каламбуромъ», но поэту принесло не мало горя, такъ-какъ и мать его приняла сторону отца, защищая своихъ любимцевъ отъ «тлетворнаго» вліянія старшаго сына. Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ разыгравшейся сцены, опасаясь самого строгаго наказанія, поэтъ потерялъ голову и написалъ Псковскому губернатору Б. А. фонъ-Адеркасу оффиціальное прошеніе о переводѣ его изъ отчаго дома въ «одну изъ крѣпостей»... Въ ноябрѣ 1824 г. отецъ Пушкина съ семействомъ уѣхалъ въ Петербургъ, откуда прислалъ отказъ отъ надзора за сыномъ; поэтъ остался одинъ въ деревнѣ.

Отъ муки деревенскаго одиночества Пушкина спасали сосѣди. Особенно былъ близокъ поэтъ съ обитательницами села Тригорскаго, въ трехъ верстахъ отъ Михайловскаго. Оно принадлежало Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, которая отъ перваго брака съ Н. И. Вульфомъ имѣла сына Алексѣя Николаевича и дочерей Анну и Евпраксію, а отъ второго брака съ Осиповымъ — трехъ дочерей: Александру, Екатерину и Марію Ивановну.

Александрѣ Ивановнѣ Осиповой (впослѣдствіи Беклешовой) посвящено страстное посланіе «Признаніе». Здѣсь же, въ этомъ гостепріимномъ домѣ, встрѣтилъ Пушкинъ Анну Петровну Кернъ, также сыгравшую въ жизни поэта эпизодическую, но замѣтную роль. «Семья Осиповыхъ была типичная для того времени достаточная помѣщичья семья, дружная и веселая семья, вполнѣ интеллигентная, умѣвшая цѣнить образованіе, любившая литературу» (Е. Пѣтуховъ). Со всѣми членами этой семьи

Пушкинъ былъ уже знакомъ ранѣе, во время своихъ наѣздовъ въ Михайловское изъ Петербурга; но, повидимому, сошелся близко только съ сыномъ Осиповой, Вульфомъ. О такой близости говоритъ посланіе къ Вульфу, отправленное изъ Михайловскаго; отъ посланія вѣетъ дерптскимъ буршествомъ, а отъ чувствъ Пушкина къ Вульфу—давнишней пріязнью. Поэтъ приглашалъ Вульфа пріѣхать въ деревню зимой и захватить съ собой поэта Языкова; въ перспективѣ онъ дастъ длинный рядъ соблазнительныхъ обѣщаній:

Запируемъ—ужъ молчи!
Чудо—жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта!
Дни—любви посвящены
Ночью царствуютъ стаканы;
Мы-же—то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Отзывчивый, какъ всегда, поэтъ, думая о Вульфѣ и Языковѣ, очевидно подпадалъ вліянію ихъ молодыхъ, бурныхъ студенческихъ настроеній,— отсюда эти бравурные звуки, отъ которыхъ давно отвыкла Муза Пушкина. Тѣмъ болѣе это посланіе было необычнымъ для «тогдашняго» Пушкина и шло въ разрѣзъ съ его настроеніемъ той поры. Первое время онъ скучалъ въ деревнѣ отчаянно; въ сентябрѣ тогоже года онъ писалъ кн. В. Ѳ. Вяземской о «бѣшенствѣ скуки, которая пожираетъ его глупое существованіе». Въ декабрѣ онъ жаловался сестрѣ на ту же скуку: «твои Тригорскія пріятельницы — несносныя...., кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы». Вѣроятно, скука Онѣгина въ деревнѣ, его покровительственно-презрительное отношеніе къ сосѣдямъ отразили его собственныя настроенія и чувства. Но поэтъ не долго выдержалъ характеръ: жажда общества заставила его сблизиться съ семьей Осиповыхъ, и онъ не пожалѣлъ. Скоро онъ сроднился съ Тригорскимъ, сдѣлался тамъ «любимымъ и желаннымъ гостемъ» «и самъ охотно проводилъ тамъ нерѣдко цѣлые дни то въ забавахъ и шуткахъ, то просиживая за книгами въ библіотекѣ покойнаго отца П. А. Осиповой, Вындомскаго; видную роль въ этихъ развлеченіяхъ играли, конечно, и литературныя шалости, большею частью любовнаго характера, на которыя былъ такъ неистощимо щедръ Пушкинъ» (Е. Пѣтуховъ). Воспоминаніе о Тригорскомъ сдѣлалось драгоцѣннымъ для поэта, а привѣтливый образъ хозяйки дома, сердечной П. А. Осиповой, украсилъ собою небольшую галлерею тѣхъ лицъ, неизмѣнно-доброе отношеніе которыхъ къ поэту скрашивало его жизнь. Въ октябрѣ 1835 г. онъ писалъ Осиповой: «повѣрьте мнѣ: жизнь при всемъ томъ, что она сладкая привычка, содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой она, наконецъ, дѣлается противною. Свѣтъ-же — гнусная, грязная лужа. Мнѣ милѣе Тригорское». Спустя два мѣсяца онъ писалъ къ ней же: «Какъ подумаю, что уже 10 лѣтъ прошло со времени этого несчастнаго возмущенія (1825 г.), то мнѣ кажется, что я видѣлъ сонъ: сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ моихъ собственныхъ взглядовъ, моего положенія и проч. По правдѣ сказать, только дружбу мою къ вамъ и вашему семейству нахожу я въ душѣ моей все тою-же, всегда полною и ненарушимою». Семья Осиповой должна была оказать на Пушкина то-же успокаивающее и облагораживающее вліяніе, что раньше семья Раевскихъ. Послѣ шумной, разгульной жизни въ Кишиневѣ и Одессѣ, поэтъ попалъ въ общество исключительно-женское, быть можетъ наивное и, на первый взглядъ, патріархально-смѣшное, — но чистое и благородное; въ немъ онъ принужденъ былъ сдерживать свои порывистыя страсти, свой языкъ и даже мысли. Судя по письмамъ, посланнымъ изъ деревни, можно видѣть, что дальше шалостей чисто-мальчишескихъ поэтъ не шелъ, хотя отъ любовныхъ увлеченій, конечно, не удержался: въ концѣ октября 1824 г. онъ со смѣхомъ разсказываетъ въ письмѣ къ брату, какъ дразнилъ прелестныхъ обитательницъ Тригорскаго: «Кстати о таліи: на дняхъ я мѣрился поясомъ съ Евпраксіей (Вульфъ), и тальи наши нашлись одинаковы. Слѣдственно, изъ двухъ одно: или я имѣю талью 15-лѣтней дѣвушки, или она — талью 25-ти лѣтняго мужчины. Евпраксія дуется и очень мила, съ Анеткою бранюсь; надоѣла!». Въ половинѣ ноября онъ сообщаетъ брату, что «Евпраксія уморительно смѣшна; я, говоритъ Пушкинъ, предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма». Эти безобидные интересы поэта опять-таки подтверждаютъ не разъ отмѣченную

выше его способность подчиняться той атмосферѣ, въ которую его толкала судьба. Впрочемъ, какъ всегда, поэтъ не отдавался цѣликомъ новымъ настроеніямъ. Въ ноябрѣ или декабрѣ того же 1824 г. онъ, въ письмѣ Д. М. Княжевичу, жалуется на скуку: «Здѣсь, пишетъ онъ, нѣтъ ни моря, ни голубого неба полудня, ни васъ, друзья мои. Но за то нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Уоронцовыхъ. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна. Сосѣдей около меня мало, — я знакомъ только съ однимъ семействомъ, и то вижу его довольно рѣдко, совершенный Онѣгинъ: цѣлый день верхомъ, вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, разъ ее видѣли; она единственная моя подруга, и съ нею только мнѣ не скучно».

Трогательное стихотвореніе 1825 г.: «Зимній вечеръ», посвященное старой нянѣ, «доброй подружкѣ бѣдной юности» поэта— прекрасно рисуетъ его одиночество и нѣжный союзъ между нимъ и его няней, неожиданно обновившійся по капризу судьбы. «Знаешь ли мои занятія?» писалъ онъ въ октябрѣ 1824 г. брату: «До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма»... Въ февралѣ 1825 г. онъ писалъ кн. Вяземскому: «Покамѣсть я одинъ одинешенекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ и слушаю старыя сказки да пѣсни». Итакъ няня, съ ея сказками и пѣснями, сблизила его съ народнымъ творчествомъ: къ 1825 году относятся его записи нѣсколькихъ пѣсенъ: «Какъ за церковью, за нѣмецкою», «Во лѣсахъ дремучихъ», «Во городѣ то было во Астрахани», «Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ», «Во славномъ городѣ во Кіевѣ»... Къ этому же 1825 году относится и первыя подражанія народной поэзіи: «Только что на проталинахъ весеннихъ», «Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку». Кромѣ посѣщенія Тригорскаго и «занятій» народной поэзіей, подъ руководствомъ старой няни, Пушкинъ пользовался тишиной деревенской жизни для чтенія: рѣдкое письмо къ брату не заключаетъ просьбы выслать книгъ. «Книгъ, ради Бога книгъ!» взываетъ онъ къ брату въ октябрѣ 1824 г. Недостатокъ книгъ угнеталъ его, — и онъ, теперь ясно сознавши всѣ недостатки своего образованія, жаловался: «Не имѣю способа учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ!». Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву онъ тоже указываетъ на необходимость для писателей учиться: «ты, пишетъ онъ, да кажется Вяземскій одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучиваются. Жаль, высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить». Но ни эти занятія, ни интенсивное творчество не заполняли всей жизни поэта: ему было тѣсно и «душно» въ деревнѣ. Едва онъ попалъ сюда, онъ сталъ уже думать о томъ, какъ бы отсюда вырваться. Еще въ октябрѣ 1824 г., въ разгаръ обостренныхъ отношеній съ родителями, но еще до конфликта, Пушкинъ просилъ брата похлопотать у Жуковскаго и Карамзина о перемѣнѣ его участи. Поэтъ боялся, что отецъ и мать «выгонятъ» его: онъ тогда отъ нихъ ожидалъ «всего». Впослѣдствіи эта непосѣдливость, «неуимчивость» внушала поэту фантастическій планъ бѣгства заграницу. Мысль о заграничномъ путешествіи давно зрѣла въ головѣ поэта: еще въ бытность свою въ Петербургѣ онъ мечталъ о такомъ путешествіи съ Чаадаевымъ; живя на югѣ онъ не разъ поговаривалъ о поѣздкѣ въ чужіе края и такъ какъ онъ видѣлъ, что власти не отпустятъ его, онъ уже тогда сталъ думать о побѣгѣ. Въ январѣ 1824 г. онъ писалъ брату, что не прочь «взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь». Теперь, живя въ своемъ деревенскомъ заточеніи, онъ томился еще болѣе, и мечта о побѣгѣ заграницу стала все настойчивѣе преслѣдовать его: она даже оформилась въ цѣлый проэктъ съ обдуманными подробностями. Сперва, впрочемъ, онъ попытался дѣйствовать законнымъ порядкомъ: весной 1825 г. онъ просилъ Жуковскаго устроить ему поѣздку въ чужіе края для леченія отъ аневризма, которымъ онъ будто бы страдалъ. Его мать вмѣшалась въ это дѣло,—и, въ результатѣ, оно пряняло для поэта самый нежелательный оборотъ: Пушкину дозволено было лѣчиться и жить во Псковѣ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы губернаторъ Псковскій наблюдалъ за его разговорами. Горечью и обидой звучитъ письмо поэта, писанное къ Жуковскому: «Я справлялся о псковскихъ операторахъ;

мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по своей книгѣ о леченіи лошадей. Несмотря на это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе, чувствую отеческую снисходительность Его Величества». Послѣ этой неудачи Пушкинъ и сталъ обдумывать планы бѣгства. Такъ какъ въ эти планы онъ посвятилъ очень многихъ, вѣроятно, и своего пустого и болтливаго брата, то слухъ о предстоящемъ побѣгѣ поэта сталъ настойчиво распространяться въ Петербургѣ, что сердило и безпокоило Пушкина. Въ сентябрѣ и октябрѣ 1825 г. Пушкинъ переписывается о предстоящемъ бѣгствѣ съ А. Н. Вульфомъ, который долженъ былъ помочь поэту перебраться черезъ Дерптъ въ Ревель. Въ тайну поэта, говорятъ, посвящена была и П. А. Осипова. Такъ какъ за письмами поэта слѣдила полиція, то, во избѣжаніе раскрытія тайны, сторонами придуманы были условные термины; именно, темой переписки повидимому служила «коляска», будто бы взятая Вульфомъ для переѣзда въ Дерптъ; судьба ея, т. е. или возвращеніе обратно въ Михайловское, или удержаніе въ Дерптѣ, должна была означать судьбу подготовительныхъ хлопотъ о дѣлѣ въ Дерптѣ; другой системой условныхъ терминовъ было будто бы предпринятое Пушкинымъ печатаніе своихъ сочиненій въ Дерптѣ, при чемъ подъ словами главный «цензоръ» должно быть разумѣться настроеніе высшей правительственной власти относительно Пушкина; подъ замѣтками «наборщиковъ» — мнѣнія того или другого изъ ея агентовъ (Пѣтуховъ). Въ Дерптъ Пушкинъ хотѣлъ пробраться якобы затѣмъ, чтобы заручиться мнѣніемъ извѣстнаго хирурга И. Ф. Мойера о необходимости ему лечиться за-границей. Жуковскій, не посвященный въ замыслы поэта, вѣрилъ въ «аневризмъ», и желая услужить другу, убѣдилъ Мойера, женатаго на родственницѣ Жуковскаго, Маріи Андреевнѣ Протасовой, въ необходимости съѣздить въ Михайловское и полечить поэта. Узнавъ о томъ, что знаменитый хирургъ собирается навѣстить его въ деревнѣ и видя, что это посѣщеніе разстраиваетъ всѣ планы бѣгства, Пушкинъ писалъ Вульфу: «Друзья мои и родители со мной проказятъ: теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобы онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ. Вразумите его: дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться». Жуковскому поэтъ писалъ совсѣмъ отчаянное письмо: храбрость, очевидно, совсѣмъ его покинула; отказываясь отъ помощи Мойера, онъ прибавлялъ: «Все равно умереть со скуки или съ аневризма, но первая смерть вѣрнѣе другой... Посидимъ, — авось-либо царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу! Посидимъ у моря, подождемъ погоды». Поэтъ смирился и сталъ ждать перемѣны своей участи. Событіями въ его отшельнической жизни были тѣ посѣщенія, которыми въ разное время подарили его Н. М. Языковъ, Пущинъ, Горчаковъ и Дельвигъ.

Съ Языковымъ у него знакомство было сперва заочное. Пушкинъ зналъ Языкова по его произведеніямъ, которыя стали появляться въ печати съ 1822 г. Любопытно, что поэтъ приходилъ въ восторгъ отъ Музы Языкова, а послѣдній долго относился и къ Пушкину, и къ его творчеству очень сурово. Вѣроятно, этимъ надо объяснить, что неоднократныя приглашенія Пушкина, направленныя къ нему съ просьбой пріѣхать изъ Дерпта въ деревню познакомиться, долго не встрѣчали у Языкова желанія воспользоваться ими. Лишь въ іюнѣ 1826 г. Языковъ пріѣхалъ въ Тригорское и тамъ познакомился съ поэтомъ. Пушкинъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе, и мѣсяцъ, проведенный Языковымъ въ Тригорскомъ, былъ, по его признанію, однимъ изъ счастливѣйшихъ въ его жизни. Старушка Арина Родіоновна очаровала его и вдохновила на нѣсколько прочувствованныхъ строкъ. И для Пушкина эти дни остались памятны: черезъ 5 лѣтъ онъ еще вспоминалъ ихъ въ письмѣ къ Языкову отъ 14-го апрѣля 1831 г.

И. И. Пущинъ, гостившій въ теченіе нѣсколькихъ дней у своей сестры во Псковѣ, заѣхалъ 11-го января 1825 г. на одинъ день къ своему другу. Свиданіе было для Пушкина неожиданное до такой степени, что отъ радости, узнавъ о его пріѣздѣ, онъ встрѣтилъ своего друга, выбѣжавъ къ нему на дворъ босикомъ и въ одной рубашкѣ, несмотря на снѣгъ и морозъ. Пушкинъ показался Пущину нѣсколько серьезнѣе, хотя сохранилъ прежнюю веселость;

истинной «причины своего удаленія въ деревню», говоритъ Пущинъ, онъ не зналъ, приписывая свое удаленіе изъ Одессы кознямъ графа Воронцова изъ ревности, а также думая даже, что тутъ могли дѣйствовать нѣкоторыя смѣлыя его бумаги по службѣ, эпиграммы на управленіе и неосторожные и частые его разговоры о религіи.

Пущинъ замѣтилъ, что его вѣтреному другу замѣтно «наскучила прежняя шумная жизнь, въ которой онъ частенько терялся». Тѣмъ не менѣе, при всемъ своемъ презрѣніи къ «черни», онъ очень интересовался тѣми слухами, что ходили о немъ въ столицѣ, и преувеличивалъ ихъ значеніе. О деревенской жизни поэтъ сказалъ, что съ нею нѣсколько примирился въ эти четыре мѣсяца, что тутъ, хотя невольно, онъ отдыхаетъ отъ прежняго шума и волненія, что съ Музой живетъ въ ладу и трудится охотно и усердно. Характерно, что, узнавъ объ участіи Пущина въ тайномъ обществѣ, поэтъ сказалъ: «Впрочемъ, я не заставляю тебя, любезный Пущинъ, говоритъ. Можетъ быть, ты и правъ, что мнѣ не довѣряешь! вѣрно, я этого довѣрія не стóю по многимъ моимъ глупостямъ». Встрѣча двухъ друзей была радостна; особенно Пушкинъ былъ тронутъ вниманіемъ друга и его смѣлостью, такъ какъ даже близкіе къ поэту люди, вродѣ В. Л. Пушкина и А. И. Тургенева, боялись его навѣстить, чтобы не навлечь на себя непріятностей, въ виду того, что поэтъ былъ подъ двойнымъ надзоромъ—полицейскимъ и духовнымъ. Насколько бдительны были стражи Пушкина, видно изъ того, что кратковременный пріѣздъ Пущина сдѣлался немедленно извѣстенъ въ сосѣднемъ Святогорскомъ монастырѣ, откуда явился къ Пушкину настоятель, нарушившій своимъ прибытіемъ и дружескую бесѣду, и чтеніе «Горя отъ ума» — тогдашней литературной новинки, ходившей по рукамъ въ публикѣ и привезенной Пущинымъ. Пріѣздъ Пущина отмѣченъ Пушкинымъ въ его прекрасномъ стихотвореніи «19-е октября 1825 г.», въ которомъ прекрасно передана тоска, щемившая сердце поэта, не любившаго одиночества, и тотъ взрывъ радости и умиленія, когда онъ получилъ возможность обнять Пущина и другихъ двухъ лицеистовъ—Горчакова и Дельвига. Пущину онъ отплатилъ еще прочувствованнымъ посланіемъ въ Сибирь:

Мой первый другъ; мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

Меньше радости доставилъ поэту также совсѣмъ неожиданный пріѣздъ кн. Горчакова; поэтъ нашелъ своего товарища «во многомъ» не перемѣнившимся, хотя онъ, добавляетъ поэтъ, «и созрѣлъ и, слѣдственно, подсохъ». Впрочемъ, поэтъ былъ тронутъ вниманіемъ или любопытствомъ товарища и посвятилъ ему въ своей элегіи «19-е октября 1825 г.» извѣстныя трогательныя строки:

...невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись!

Встрѣча съ Дельвигомъ подготовлялась долговременными просьбами Пушкина посѣтить его. Въ письмахъ къ кн. Вяземскому и къ брату писалъ онъ о своемъ страстномъ желаніи увидѣть друга, «брата по Музѣ»: «Мочи нѣтъ, хочется Дельвига», восклицаетъ онъ въ письмѣ къ брату отъ 12-го марта 1825 г. Въ апрѣлѣ 1825 года Дельвигъ, наконецъ, собрался къ опальному другу. Къ молодымъ обитательницамъ Тригорскаго другъ Пушкина остался холодно-равнодушенъ, что причинило, повидимому, нѣкоторую досаду поэту. Дельвигъ, лѣнивый отъ природы и малоподвижный, залегъ у друга на диванѣ, декламировалъ стихи и бесѣдовалъ о литературѣ.

Пріятное разнообразіе въ уединенную жизнь Пушкина внесли обычныя для него сердечныя увлеченія: сперва легкій флиртъ съ Евпраксіей Вульфъ, съ которой, какъ говорятъ, онъ списалъ Татьяну Ларину; затѣмъ страстное увлеченіе дочерью П. А. Осиповой. Александрой Ивановной Осиповой (впослѣдствіи Беклешовой); памятникомъ этой вспышки чувства осталось стихотвореніе «Признаніе», не говорящее намъ ни о силѣ, ни о возвышенности этого увлеченія. Гораздо глубже задѣто было творчество поэта образомъ А. П. Керпъ. Ей посвящены стихотворенія 1825 г.: «Желаніе славы» и «Къ А. П. Керпъ» и 1829 г. «Къ А. П. Керпъ». Отрывки изъ ея альбома (1828 г.), письма къ ней за 1825 г. (съ 21-го іюля по 8-ое декабря, всего

7 писемъ) рисуютъ намъ эту своеобразную любовь, отливающую самыми прихотливыми переливами — отъ головокружительной земной страсти до благоговѣйнаго преклоненія передъ неземной красотой.. Муки ревности, радости кратковременной, мимолетней ласки, остроты и двусмысленности, — все сверкаетъ разноцвѣтными искрами въ этихъ семи письмахъ. Потомъ эти письма обрываются, чувство погасаетъ, — легкомысленная красавица попала навстрѣчу другимъ ласкамъ, увлекающійся поэтъ тоже отошелъ въ сторону, сохранивъ, впрочемъ, въ сердцѣ своемъ благодарную пріязнь къ своей красавицѣ: въ 1829 году онъ, въ своемъ стихотвореніи «Къ А. П. Керпъ», ласковымъ привѣтомъ попытался утѣшить ее, видя, какъ она страдала отъ тѣхъ укоровъ, которыми осыпало ее «общественное мнѣніе» за ея поведеніе.

Письма поэта за время пребыванія его въ Михайловскомъ представляютъ особый интересъ теперь, когда его лирическое творчество, ранѣе отражавшее его настроенія, начинаетъ изсякать и смѣняться творчествомъ другого, болѣе объективнаго характера. Письма 1824 г. не особенно значительны своимъ содержаніемъ; тѣмъ не менѣе, въ нихъ личность поэта получаетъ освѣщеніе довольно своеобразное и характерное. Столкновеніе съ отцомъ обнаружило его вспыльчивость и горячность, но въ то же время и способность быстро мѣнять настроенія — падать духомъ вслѣдъ за быстрымъ подъемомъ энергіи. Враговъ Пушкинъ прощаетъ легко и безслѣдно: «плюнемъ на него, — и квитъ!» — такими словами кончаетъ онъ свои недоразумѣнія съ нѣкіимъ Ольдекономъ, издавшимъ одно его сочиненіе безъ разрѣшенія. Поэтъ снисходителенъ къ друзьямъ, которые забывали или опасались его. Къ брату, «милой пустельгѣ» Левушкѣ, онъ относится съ безконечною нѣжностью, которая выдерживала всѣ испытанія. Любопытно также письмо, въ которомъ самъ поэтъ жалуется на одну непріятную свою слабость—неумѣніе владѣть своимъ языкомъ: «по глупости» онъ «болталъ» въ своей жизни слишкомъ много лишняго и даже опаснаго. Характеренъ одинъ эпизодъ, проскользнувшій въ его письмахъ: узнавъ о наводненіи 1824 г., поэтъ безпечно и легкомысленно восклицаетъ въ письмѣ къ брату: «Что это у васъ? Потопъ? ништо проклятому Петербургу!» Въ томъ же письмѣ онъ какъ будто извиняетъ свои жесткія слова, объясняя брату, что радъ этому «потому, что золъ». Но пролетѣло злобное настроеніе, и отношеніе поэта къ наводненію мѣняется: «Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ,—пишетъ онъ брату 4-го декабря 1824 г.: онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помоги ему изъ Онѣгинскихъ денегъ, Но прошу—безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго». Эти слова очень характерны для пониманія души поэта: подъ вліяніемъ минутнаго настроенія онъ готовъ былъ выказать злобное и легкомысленное отношеніе къ факту, того не заслуживавшему, но очень скоро доброе сердце торжествовало надъ тѣмъ «краснымъ словцомъ», ради котораго онъ иногда готовъ былъ «не пожалѣть отца».

Гораздо разнообразнѣе и богаче письма 1825-26 г.: въ нихъ значительно расширился кругъ корреспондентовъ, и разнообразные интересы Пушкина въ письмахъ теперь развертываются свободнѣе. Характерны тѣ опредѣленія, которыя онъ въ нихъ даетъ себѣ, своей жизни, своей литературной дѣятельности. Удивительно вѣрно сказалъ онъ въ письмѣ къ Жуковскому (отъ 17-го августа), что жизнь его «сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей». Въ этомъ опредѣленіи удачно схвачено и выражена та двойственность души поэта, о которой приходилось говорить выше.

Пушкинъ оцѣнилъ себя и какъ писателя: «Грѣхъ гонителямъ моимъ!» восклицаетъ онъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому; и я, какъ А. Шенье, могу ударить себя въ голову и сказать: il y avait quelque chose là»... Онъ чувствовалъ самъ, какъ быстро выростаетъ его геній: «Я написалъ трагедію», пишетъ онъ Бестужеву 30-го ноября, «и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма»... Это удивительное соединеніе презрѣнія къ суду общества и страхъ передъ этимъ судомъ — также характерная черта Пушкина, не разъ отмѣченная выше. Онъ, умѣвшій такъ глубоко и искренно презирать всякую «чернь», блистающую въ аристократическихъ салонахъ, могъ унизиться до

того, что вывѣдываетъ у своего брата, что разсказываетъ о немъ въ Петербургѣ гр. Воронцовъ. Очень цѣнны въ письмахъ и отзывы его о современной русской литературѣ: онъ сумѣлъ стать на историческую точку зрѣнія, указавъ рьяному критику Бестужеву на несправедливое отношеніе къ Жуковскому, который совершенно основательно названъ имъ «учителемъ» всей тогдашней литературной молодежи; онъ сумѣлъ оцѣнить и себя, отмѣтивъ, что для нѣкоторыхъ современниковъ (Рылѣева) онъ самъ—«учитель». Вообще многочисленные отзывы его о русской и иностранной поэзіи блещутъ оригинальностью точки зрѣнія, справедливостью сужденія и знаніемъ. Сидя въ своемъ уединеніи, онъ живо интересуется всѣми новинками, вѣчно проситъ брата и друзей о присылкѣ книгъ и, по прочтеніи, охотно дѣлится своими остроумными, свѣжими идеями; особенно въ этомъ отношеніи любопытны его письма къ Бестужеву и Рылѣеву; въ одномъ изъ нихъ (послѣ 25-го января), къ Бестужеву, находится, между прочимъ, оцѣнка «Горя отъ ума»—лучшая изъ всѣхъ, которыя давались безсмертной комедіи вплоть до нашихъ дней. Для пониманія поэта очень важны и письма его, имѣющія частный, интимный характеръ. Первое, что бросается въ глаза при чтеніи этихъ писемъ, — опять таки то-же разнообразіе. Оно сказалось и въ выборѣ друзей-корреспондентовъ, и въ характерѣ писемъ, къ нимъ отправленныхъ: если сравнить между собою нѣкоторыя изъ нихъ, одно съ другимъ, — положительно нельзя повѣрить, что они писаны однимъ лицомъ; стоитъ вчитаться въ нихъ,—и по нимъ легко написать характеристики тѣхъ, кому они писаны. Какой, напримѣръ, прекрасной, серьезной и доброжелательной женщиной рисуется Осипова, окруженная неизмѣннымъ уваженіемъ поэта; какимъ легкомысленнымъ эгоистомъ представляется братъ поэта, «милая пустельга» Левушка, къ которому въ 1825 г. поэтъ охладѣлъ вслѣдствіе прямо-недобросовѣстнаго отношенія къ нему, его произведеніямъ и деньгамъ.... Мелькаетъ тревожный, страстный образъ красавицы Кернъ; въ нѣсколькихъ короткихъ записочкахъ очерчивается свѣтлая душа Жуковскаго, вѣчнаго заступника поэта: «Что за прелесть чертовская его небесная душа!», — вырывается у Пушкина восклицанье: «онъ святой, хотя родился романтикомъ, а не грекомъ, и человѣкомъ, да еще какимъ!» Особенность этихъ писемъ заключается въ томъ, что образъ поэта мѣняется въ зависимости отъ того, къ кому онъ пишетъ, мѣняется до неузнаваемости, до сліянія съ чуждымъ образомъ: съ литераторомъ—онъ только литераторъ, съ политикомъ—онъ политикъ, съ сплетникомъ онъ—сплетникъ, съ гулякой—только гуляка, и ничего болѣе. «Первый признакъ умнаго человѣка — съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому подобными»—пишетъ Пушкинъ, критикуя Чацкаго. Надо сознаться, что онъ не былъ Чацкимъ, потому что, будучи человѣкомъ умнымъ, онъ не былъ узкимъ ни въ какомъ смыслѣ; онъ обладалъ способностью заразъ жить интересами и Репетилова, и Чацкаго, искренне ихъ любя сегодня, такъ же искренне презирая завтра. У него былъ тѣсный кругъ друзей, съ которыми онъ всегда былъ неизмѣненъ и ровенъ. Дельвигъ, кн. Вяземскій, Жуковскій, Осипова,—вотъ эти лица, судя по его письмамъ; къ остальному же пестрому міру людей онъ относился такъ же пестро.

Когда его упрекали за то, что онъ вступаетъ въ сношенія съ Булгаринымъ, котораго завѣдомо презираетъ, онъ отвѣчалъ, что Булгаринъ ему «другъ». Есть у меня, прибавляетъ онъ, еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и прочіе. Эти не въ примѣръ хуже Булгарина. Они на дняхъ меня зарѣжутъ!». Если такъ нравственно неразборчивъ былъ Пушкинъ въ людяхъ, то такъ же неустойчивы были его убѣжденія; не даромъ имъ не довѣряли друзья — декабристы. Озлобленный гоненіями, онъ готовъ съ легкимъ сердцемъ воскликнуть: «Чортъ возьми это отечество!» или заявляетъ, что «вся Русь» не стоитъ 75 р., или увѣряетъ, что «презираетъ отечество съ головы до ногъ», или восклицаетъ: «Что мнѣ дѣлать въ Россіи», «какъ можешь ты оставаться въ Россіи?» И рядомъ съ этимъ, послѣ попытокъ испросить отпускъ за-границу, послѣ плановъ о бѣгствѣ, послѣ попытки получить разрѣшеніе,—онъ успокаивается и заявляетъ, что готовъ мириться съ правительствомъ, «условливаться—буде условія необходимы съ правительствомъ», при чемъ за собою оставляетъ свободу поведенія, которое будетъ «зависѣть

отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства». Нельзя лучше опредѣлить неустойчивость настроеній, которыя управляются не стойкими убѣжденіями, а впечатлѣніями, минутной вспышкой чувства. Эта впечатлительность, жизнь во власти минуты—характерная его черта, которая мѣшала ему устойчиво относиться къ людямъ, примкнуть къ какому-нибудь одному лагерю. Говорить здѣсь о неискренности, о фальшивости поэта нельзя; напротивъ, онъ всегда черезчуръ искрененъ: стоило сказать ему теплое слово, какъ онъ сейчасъ же отвѣчалъ такимъ же теплымъ словомъ; пролетало это настроеніе,—вся картина освѣщалась другимъ свѣтомъ и отношеніе мѣнялось. Уважая, напримѣръ, Плетнева, онъ не въ силахъ удержаться отъ насмѣшки надъ нимъ въ письмѣ къ Вяземскому; искренне любя своего дядюшку, добродушнѣйшаго Василія Львовича, онъ за-глаза надъ нимъ потѣшается, а за одно и надъ только что скончавшейся тетушкой. По его собственному признанію, онъ отличался «веселымъ лукавствомъ ума», былъ любителемъ «поповѣсничать и въ язычки постучать». Почти всѣ его лирическія стихотворенія—отзвукъ такого минутнаго расположенія духа; оттого въ нихъ столько разнообразія, порой граничащаго съ противорѣчіемъ. Какъ иначе помирить, напримѣръ, представленіе о поэтѣ, какъ священнослужителѣ, жрецѣ, съ тѣми стихами, которые написаны на злобу дня или посвящены «выметанію сора» путемъ эпиграммъ и сатиръ. Онъ искренно воспѣваетъ декабристовъ и такъ же искренно воспѣваетъ императора Николая Павловича.

Поэтическая дѣятельность Пушкина въ этотъ, «Михайловскій» періодъ его жизни, вступила въ новый фазисъ развитія.

Періодъ его лирическаго творчества, когда каждое мимолетное настроеніе искало воплощенія въ стихахъ, кончился. Кончился и періодъ его субъективныхъ поэмъ: очевидно поэтъ—«человѣкъ» сложился... Вниманіе его теперь ушло въ ширь современной русской жизни, иностранной литературы и въ глубь русскаго прошлаго. Конечно, не могъ поэтъ воздерживаться и отъ лирической исповѣди своихъ минутныхъ настроеній,—но теперь эта стихотворческая откровенность принимаетъ случайный, отрывочный характеръ; такъ, автобіографическое значеніе имѣютъ стихотворенія 1824—1825 г. «Коварность», «Сожженное письмо», «Къ А. П. Кернъ», «Желаніе славы», «19-е октября 1825 г.», «Зимній вечеръ» и другія, или разсужденія въ стихахъ, вродѣ стихотворенія «Аквилонъ», «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» и два «Посланія къ цензору»; или записи народныхъ пѣсенъ и попытки творить въ ихъ духѣ, или подражанія творчеству другихъ народовъ («Испанскій романсъ», «Подражанія Корану»), или подражанія и переводы (изъ Шенье, Аріосто, Парни, Вольтера и др.), или, наконецъ, незначительные отрывки, наброски, эпиграммы, памфлеты...

За то широко и свободно развернулся за это время геній Пушкина въ творчествѣ эпическомъ и драматическомъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить созданіе драмы «Борисъ Годуновъ». 13-го іюля 1825 года онъ писалъ кн. Вяземскому: «Предо мною моя трагедія. Не могу вытерпѣть, чтобы не выписать ея заглавія: «Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333 на городищѣ Вороничѣ». Такое фигурное названіе, отзывающее XVII-мъ вѣкомъ, носила сначала піеса Пушкина. Онъ самъ былъ ею доволенъ и съ чисто-дѣтской радостью сообщалъ объ этомъ Вяземскому: «Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши и кричалъ: ай, да Пушкинъ!» Произведеніе свое онъ именуетъ то «комедіею», то «трагедіею», то «драмою»,—ясный признакъ того, что новое произведеніе не умѣщалось въ рамкахъ тѣхъ опредѣленій, котрыя поэтъ находилъ въ псевдоклассическихъ кодексахъ и на которыхъ былъ воспитанъ.

«Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей, говоритъ онъ, дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени».

Ко всѣмъ этимъ источникамъ поэтъ отнесся самостоятельно: его творческій геній живымъ свѣтомъ освѣтилъ старые образы, лишивъ ихъ нѣкоторой мелодраматичности, которою они отличаются у Карамзина. Труда на созданіе этой піесы положено было не мало. «Какъ Монтань, я могу сказать о моемъ сочиненіи: c'est une oeuvre de bonne foi. Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда,—трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе, вдохновеніе, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ, одобреніе малаго числа избранныхъ». Онъ былъ увѣренъ, что его произведеніе останется непонятымъ, не оцѣненнымъ ни публикой, ни критикой, и сердце его болѣло, когда онъ отдавалъ это самое зрѣлое созданіе своего генія на судъ публикѣ.

Рядомъ съ «Борисомъ Годуновымъ» продолжалъ Пушкинъ и своего «Евгенія Онѣгина»: въ Михайловскомъ написаны 3-я, 4-я, 5-я и 6-я главы,—т. е. тѣ части романа, въ которыхъ изображена русская деревня въ разныя времена года, русское деревенское общество, его интересы, радости и печали. Несомнѣнно, живая дѣйствительность служила оригиналомъ для этихъ главъ. А. Н. Вульфъ въ Ленскомъ узналъ себя, въ Евпраксіи Вульфъ современники усмотрѣли прототипъ Татьяны; самъ поэтъ, конечно передалъ свои черты Онѣгину. Но, разумѣется, между романомъ и дѣйствительностью было больше разстояній: Wahrheit жизни была переработана благодаря мощи и свободѣ пушкинскаго Dichtung'a, названныя лица были лишь «натурщиками» въ той картинѣ русской жизни, художественное воплощеніе которой находилось въ романѣ. Изъ менѣе значительныхъ произведеній, относящихся къ этому времени, относится стихотворная повѣсть «Графъ Нулинъ» (1825), баллада въ народномъ русскомъ духѣ «Женихъ» (1821), «Сцена изъ Фауста» (1826), первые отрывки недоконченной повѣсти «Египетскія ночи» (стихотвореніе «Клеопатра» 1825 г.). Изъ произведеній этого періода, которымъ также принято придавать большое значеніе, слѣдуетъ назвать: «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» (1824), «Пророкъ» (1826). Оба эти произведенія разсматриваются, какъ выраженіе взглядовъ Пушкина на поэзію. Едва ли это сколько-нибудь вѣрно. Первое, по формѣ, есть очевидное подражаніе гётевскому прологу къ «Фаусту», по содержанію же—ничего новаго не заключаетъ сравнительно съ тѣмъ, что высказывалось Пушкинымъ не разъ: свободный поэтъ не понятъ чернью, которая свободъ не знаетъ,—поэтому онъ выше ея, его внутренній міръ для толпы—святая святыхъ; поэтъ свободенъ въ своемъ творчествѣ, свободенъ и въ жизни. Но какое нравственное право у него «продавать плоды своего вдохновенія?» Этотъ, судя по письмамъ Пушкина, долго мучившій его вопросъ, разрѣшается въ «Разговорѣ» довольно неловко: вдохновенье неподкупно и непродажно, — но можно продать рукопись. Что касается взглядовъ поэта на «чернь», то едва ли ихъ можно возводить въ какую бы то ни было теорію; по сущности своей души, поэтъ былъ неспособенъ къ построенію системъ, теорій: онъ творилъ подъ вліяніемъ минутнаго настроенія, свободно и всегда искренно. Мы знаемъ, что и жизнь, и общество, и литературная критика не разъ становилась ему поперекъ пути, и когда онъ замѣчалъ посягательства на свободу своей личности, своего дара,—онъ замыкался въ себѣ, онъ чувствовалъ особенно сильно свое одинокое величіе, чувствовалъ приливъ вражды къ «черни». Коренная ошибка нашей критики и заключается въ томъ, что его оправдывали и обвиняли за аристократическій взглядъ на искусство: въ немъ видѣли теоретика, бросающаго вызовъ «черни», тогда какъ онъ спасалъ свою свободу, себя и свой талантъ отъ посягательства черни въ тяжелыя минуты оскорбленій. Проходило это настроеніе,—и поэтъ любовно спускался къ этой «черни» и смѣшивался съ нею впредь до новыхъ столкновеній. Произведеніе «Пророкъ» не имѣетъ совсѣмъ никакого отношенія къ пушкинскимъ взглядамъ на поэзію. Это только удивительно яркое, художественное воспроизведеніе библейской картины и больше ничего. Библіей поэтъ зачитывался въ Михайловскомъ, и кромѣ «Пророка» писалъ подражанія «Пѣсни пѣсней», писалъ также «Подражанія Корану», народнымъ пѣснямъ, переводы и подражанія испанской и португальской поэзіи, переводы изъ Аріоста,—все это явленія одного порядка, указывающія лишь на

разростающуюся широту и глубину пушкинскихъ интересовъ, на окончательное отреченіе его отъ исключительнаго субъективизма юношескихъ лѣтъ, когда онъ творилъ только «изъ себя» и «про себя».

«Михайловскій» періодъ очень важенъ въ жизни поэта. Деревенское уединеніе помогло ему окончательно разобраться въ тѣхъ вліяніяхъ и впечатлѣніяхъ, которыя онъ копилъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ. Въ своемъ творчествѣ онъ разсчитался со всѣми главными воздѣйствіями своей жизни, онъ многое передумалъ и самъ понялъ себя, свои достоинства и недостатки. Онъ оцѣнилъ себя, какъ великаго писателя, признавъ, что онъ «учитель» для многихъ современниковъ, онъ разобрался въ текущей и прошлой литературѣ и разъ навсегда опредѣлилъ свое одинокое положеніе писателя, переросшаго русское общество. Но онъ оцѣнилъ и свои слабости, прося друзей, чтобы они не «ручались» за него; онъ признаетъ за Пущинымъ и его друзьями-декабристами право не довѣрять ему.

Половина жизни была прожита,—«насталъ полдень». Поэтъ простился со своей «легкой юностью», любовными глазами окинулъ прошлое, начиная съ лицейской скамьи («19-е октября 1825 г.»)... Онъ угомонился, успокоился и потому уже не мучился ни раскаяньемъ, ни сожалѣніемъ: въ прошломъ видѣлъ онъ много хорошаго, свѣтлаго и потому бросилъ этому прошлому сердечный привѣтъ:

Благодарю за наслажденья
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бурю, за пиры
За всѣ, за всѣ твои дары....

Это же «примиренье» съ прошлымъ звучитъ въ его стихотвореніи «19-е октября 1825 г.», когда онъ, «къ устамъ подъявъ признательную чашу, не помня зла», воздавалъ ему «за благо». Поэтъ признается, что «насладился» юностью и — «вполнѣ».

Теперь онъ призналъ, что «довольно» этихъ тревогъ, и «съ ясною душой» готовъ былъ пуститься «въ новый путь», вооруженный самопознаніемъ и горькими опытами жизни. Эта «ясность души», несомнѣнно,—новая черта пушкинской психики, вполнѣ проявившаяся тогда, когда ветхой чешуей спали послѣднія заблужденія съ его измученной души, когда онъ отказался отъ призраковъ и преклонился «предъ солнцемъ безсмертнымъ ума», знанія, труда, сознательной жизни, когда онъ искренно могъ воскликнуть «Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!» Онъ увѣровалъ въ жизнь и въ свое значеніе: поэтому, извѣстіе о декабрьскомъ мятежѣ, хотя и сильно взволновало его, но не заставило покинуть деревни и явиться въ столицу,—онъ только сжегъ свои записки, продолжалъ оканчивать «Графа Нулина», занимался «народными пѣснями» и «Евгеніемъ Онѣгинымъ». 11-го мая 1826 г. онъ подалъ всеподданѣйшее прошеніе о позволеніи ему ѣхать въ одну изъ столицъ или заграницу; при прошеніи было имъ приложено медицинское свидѣтельство о болѣзни и подписка о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ, 30-го іюля прошеніе Пушкина отправлено было Псковскимъ генералъ-губернаторомъ къ гр. Нессельроде, 28-го августа послѣдовало Высочайшее повелѣніе о вызовѣ Пушкина въ Москву, и въ ночь съ 3-го на 4-е сентября Пушкинъ съ фельдъегеремъ Вальшемъ выѣхалъ изъ Михайловскаго во Псковъ, а оттуда 4-го вечеромъ—въ Москву. Примиреніе состоялось по иниціативѣ самого поэта и при томъ въ такіе дни, когда свѣжи были еще впечатлѣнія отъ декабрьскихъ событій: ясное доказательство, что Пушкинъ сознательно ставилъ крестъ на юношескихъ «заблужденіяхъ» и рѣшался испытать не на окольныхъ, а на прямыхъ, широкихъ и свободныхъ путяхъ свои созрѣвшія способности, которыя теперь выбились изъ-подъ вліяній временныхъ и субъективныхъ на просторъ общечеловѣческихъ интересовъ. Знакомство съ дѣятельностью міровыхъ геніевъ, вродѣ Шекспира и Гёте, изученіе прошлаго русской жизни, проникновеніе въ мотивы и образы народной поэзіи—все это отрезвило поэта отъ «увлеченій» и заставило, оберегая свой геній, искать себѣ modus vivendi болѣе свободный и почетный, чѣмъ жизнь поднадзорнаго, опальнаго изгнанника.

Пушкинъ передъ женитьбой (1826—1831). Пушкинъ ошибался, когда полагалъ, что онъ можетъ «условливаться» съ властями, можетъ вступать въ какіе то «договоры», обезпечивающіе съ его стороны воздержанность, а съ стороны «правительства»—терпимость. Уже первое свиданіе съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ могло человѣку болѣе недовѣрчи-

вому, чѣмъ былъ Пушкинъ, внушить сомнѣніе въ правильности пониманія своего положенія.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно: на Пушкина смотрѣли, какъ на «силу», которую выгоднѣе приручить, чѣмъ раздражать. Послѣ ряда крутыхъ мѣръ, заставившихъ русское общество содрогнуться, помилованіе великаго поэта было до нѣкоторй степени уступкой общественному мнѣнію. Императоръ всѣ усилія приложилъ къ тому, чтобы быть милостивымъ, хотя не удержался отъ нѣкоторыхъ вопросовъ, довольно щекотливыхъ, вродѣ напримѣръ, вопроса о томъ, принялъ-ли бы Пушкинъ участіе въ декабрьской смутѣ, если бы находился въ Петербургѣ. Откровенный отвѣтъ поэта въ утвердительномъ смыслѣ, конечно, доказываетъ благородство Пушкина, но въ то же время обличаетъ и полное непониманіе своего новаго положенія. Стоя на своей точкѣ зрѣнія, императоръ совершенно послѣдовательно на откровенность поэта отвѣтилъ замѣчаніемъ: «Ты надѣлалъ довольно глупостей, надѣюсь, что теперь ты будешь благоразуменъ, и мы больше ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь. Съ этихъ поръ я самъ буду твоимъ цензоромъ». Преданіе сохраняетъ слѣдующую подробность этой оригинальной бесѣды: увлеченный разговоромъ, поэтъ сперва прислонился къ столу, а потомъ почти сѣлъ на этотъ столъ. Государь замѣтилъ это и потомъ кое-кому съ неудовольствіемъ говорилъ: «Съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ»; но въ тотъ же день на балу заявилъ, что бесѣдовалъ «съ умнѣйшимъ человѣкомъ во всей Россіи».

Немудрено, что это «второе» замѣчаніе, сказанное, конечно, не безъ цѣли въ присутствіи многихъ лицъ, распространилось въ Московскомъ обществѣ,—и впечатлѣніе получилось сильное и «для всѣхъ» выгодное. Если сопоставить оба замѣчанія, то станетъ яснымъ, что на Пушкина смотрѣли, какъ на провинившагося школьника, который, однако, опасенъ и силенъ своимъ вліяніемъ, а потому его нужно было или «исключить», или съ нимъ «поладить». Правительство попробовало послѣднее средство. Конечно, совсѣмъ не такъ смотрѣлъ на себя поэтъ: онъ имѣлъ наивность полагать, что онъ въ борьбѣ съ правительствомъ равноправный боецъ. На это указываютъ и слова его о томъ, что поведеніе его будетъ зависѣть отъ обхожденія съ нимъ правительства, и тѣ стихи, которые, говорятъ, были у него въ карманѣ, когда онъ представлялся Императору («Пророкъ»).

Говорятъ, что, готовясь явиться къ императору, еще не зная, за чѣмъ его вытребовали—для прощенія или для наказанія, Пушкинъ имѣлъ твердую рѣшимость, въ случаѣ неблагопріятнаго исхода его объясненій съ государемъ, вручить ему на прощаніе эти стихи, т. е., другими словами, прервать «договоры» и «перемиріе». Но поэтъ, впечатлительный и довѣрчивый, какъ всегда, увѣровалъ въ то, что вѣчный миръ заключенъ, и «условія» его приняты. Онъ почувствовалъ себя самостоятельнымъ человѣкомъ, съ котораго сняты оковы.

Оказалось, однако, что императоръ поставилъ поэта въ непосредственную зависимость отъ шефа жандармовъ, начальника III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи ген.-ад. А. Х. Бенкендорфа. Едва-ли правильно выгораживать во что бы то ни стало императора Николая и все сваливать на гр. Бенкендорфа. «Бенкендорфъ сталъ между двумя царями—царемъ русской земли и царемъ русской поэзіи, ограничивая великодушіе перваго и стѣсняя великій талантъ второго». Бенкендорфъ былъ только «исполнитель». Это былъ человѣкъ дѣловой, но въ то-же время сухой, даже жестокій, а къ литературѣ вообще недоброжелательный. Истинный представитель «желѣзнаго вѣка», полагавшій, что усердіе и безусловная покорность несравненно выше всѣхъ добродѣтелей и талантовъ, Бенкендорфъ питалъ инстиктивное отвращеніе ко всякаго рода свободѣ и всего пуще—къ свободѣ мысли и слова» (Сухомлиновъ). Для него Пушкинъ былъ только человѣкъ политически-неблагонадежный, надзоръ за которымъ почему то порученъ непосредственно ему, начальнику III Отдѣленія. Бенкендорфъ въ вѣжливомъ, но холодно-оффиціальномъ письмѣ отъ 30-го сентября 1826 г. сообщилъ поэту о предоставленіи ему свободы въѣзда въ столицу, но всякій разъ послѣ предварительной просьбы о разрѣшеніи; затѣмъ поэту передавалась Высочайшая воля, чтобы онъ занялся «предметами о воспитаніи юношества»: «Вамъ, писалъ Бенкендорфъ, предоставляется совершенная и полная свобода—

когда и какъ представить Ваши мысли и соображенія, и предметъ сей долженъ представить Вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія». Далѣе подтверждаются слова Государя, что произведенія Пушкина будутъ освобождены отъ общей цензуры,—самъ государь желаетъ быть «первымъ цѣнителемъ произведеній» Пушкина и «цензоромъ». Честь поэту была предоставлена великая: самъ шефъ жандармовъ отвѣчалъ за его поведеніе, самъ Государь отвѣчалъ передъ судомъ литературы за его творчество.

Но Пушкинъ все еще не могъ понять, въ какую драгоцѣнную клѣтку онъ попалъ: беззаботно онъ пользовался радостями свободы, Бенкендорфу на его письмо даже не отвѣтилъ, къ запискѣ о воспитаніи юношества отнесся, вѣроятно, съ веселымъ юморомъ, не подозрѣвая глубокаго смысла этого предложенія,—между тѣмъ какъ записка эта должна была играть роль маскированнаго отреченія отъ юношескихъ идеаловъ: поэтъ долженъ былъ признать «пагубнымъ» все то, что еще недавно было для него «святымъ». Тонкое указаніе на то, что жизнь поэта изобилуетъ результатами дурного воспитанія, прекрасно намѣчаетъ все содержаніе этой записки: поэтъ долженъ былъ пересмотрѣть свою жизнь и переоцѣнить старыя цѣнности. Послѣ такихъ вѣжливыхъ намековъ Пушкину оставалось только вдуматься въ истинный смыслъ царской «милости». Когда, наконецъ, онъ понялъ свое положеніе, онъ поторопился извиниться (29-го ноября 1826) и сочинилъ свою «Записку» — печальный памятникъ пережитыхъ униженій; онъ долженъ былъ осуждать все то, что еще недавно доставляло ему и его друзьямъ живую радость: онъ выражалъ надежду, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились, такъ-какъ увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ, а съ другой—необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей; онъ требовалъ задавить домашнее воспитаніе и покровительствовать правительственному, заграничное—«опутать» «невыгодами»; онъ предлагалъ обращать строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками учебныхъ заведеній. За найденную «похабную» рукопись предлагалъ налагать тягчайшее наказаніе, за возмутительную—«исключеніе изъ училища». Но рядомъ съ этими стѣснительными мѣрами онъ проектировалъ широкое распространеніе просвѣщенія, отмѣну тѣлесныхъ наказаній; онъ требовалъ отъ учителя правды и откровенности: «не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убійства Кесаря, превознесеннаго 2000-ми лѣтъ; но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ». Онъ проговаривался неосторожными фразами, въ родѣ слѣдующей: «въ Россіи все продажно». Эти обмолвки такъ же характерны для Пушкина, какъ и указанныя выше подробности его первой бесѣды съ императоромъ: поэтъ никакъ не умѣщался въ приготовленныхъ для него рамкахъ благонамѣренности. Такъ неровно и недружно шло съ первыхъ же шаговъ примиреніе поэта съ правительствомъ.

Скоро онъ навлекъ на себя и выговоры. Дѣло въ томъ, что, вернувшись въ Москву, гдѣ онъ встрѣтился съ прежними друзьями и новыми почитателями, онъ, «обласканный» всѣми, чувствовалъ себя тріумфаторомъ; вездѣ встрѣчаемый съ восторгомъ и уваженіемъ, онъ охотно всюду бывалъ, вездѣ читалъ свои новыя произведенія, охотно говорилъ о тѣхъ, которыя предполагалъ написать, щедро разбрасывалъ вѣрныя замѣчанія, остроты. Между прочимъ, на вечерѣ у С. А. Соболевскаго, въ присутствіи Д. В. Веневитнова, гр. М. Ю. Віельгорскаго, И. В. Кирѣевскаго и П. Я. Чаадаева, онъ читалъ своего «Бориса Годунова»; это чтеніе онъ повторилъ у Шевырева и Веневитинова. Погодинъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» разсказалъ о томъ потрясающемъ впечатлѣніи, которое произвела трагедія Пушкина на него и другихъ слушателей. «Октября 12-го», говоритъ Погодинъ, «спозаранку мы собрались всѣ къ Веневитинову и съ трепещущимъ сердцемъ ожидали Пушкина. Въ 12 часовъ онъ явился. Какое дѣйствіе произвело на насъ это чтеніе, передать невозможно. До сихъ поръ еще, а этому прошло почти 40 лѣтъ,—кровь приходитъ въ движеніе при одномъ воспоминаніи. Надо припомнить, мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ, Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, го-

сподствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французскою декламаціею, которой мастеромъ считался Кокошкинъ. Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ, мы услышали простую, ясную, обыкновенную и между тѣмъ поэтическую рѣчь! Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно или, лучше сказать, въ какомъ то недоумѣніи. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена, мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ, «да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной», мы какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы становились дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться: кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто вскрикнетъ, — то молчаніе, то взрывъ рукоплесканій.... Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія. Эванъ, эвое, дайте чашу! Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему пріятно было наше волненье. Онъ началъ намъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ плавалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ, предисловіе къ «Руслану и Людмилѣ».... Началъ разсказывать о планѣ для Дмитрія Самозванца, о палачѣ, который шутитъ съ чернью, стоя у плахи на Красной площади, въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекъ съ Самозванцемъ... О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь. Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едвали кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ».

Стоитъ припомнить впечатлительность, отзывчивость Пушкина, стоитъ вспомнить его славолюбіе, чтобы понять, какое ликованіе было въ его душѣ, Особенно, если онъ въ Москвѣ неоднократно, въ разныхъ кругахъ, встрѣчалъ такіе пріемы. Вѣроятно, даже сочиненіе записки о народномъ воспитаніи забывалось подъ живымъ впечатлѣніемъ шумныхъ успѣховъ.

Въ ноябрѣ поэтъ поѣхалъ въ Михайловское и тамъ получилъ письмо отъ Бенкендорфа (отъ 22-го ноября 1826 г.). Въ письмѣ было указано, что поэтъ не имѣлъ права читать свою трагедію, которая не была еще въ рукахъ императора. Язвительно-холодный тонъ письма и въ то же время безукоризненно вѣжливый тонъ его рисуютъ во весь ростъ человѣка, въ чьи руки попала судьба Пушкина: «Не имѣя отъ Васъ извѣщенія о полученіи моего отзыва (о томъ, что поэтъ долженъ всѣ произведенія представлять на разсмотрѣніе государя), писалъ Бенкендорфъ, я долженъ, однако же, заключить, что оный къ Вамъ дошелъ, ибо Вы сообщили о содержаніи онаго нѣкоторымъ особамъ». Въ этомъ же письмѣ Бенкендорфъ спрашивалъ, вѣрны-ли дошедшіе слухи, будто Пушкинъ читалъ въ обществѣ свою новую трагедію, не показавъ ее предварительно государю. Такимъ образомъ, Пушкинъ могъ понять, что даже за его разговорами былъ установленъ негласный надзоръ. Теперь онъ долженъ былъ сознать свое положеніе, — ему оставалось только смириться, и онъ пишетъ извинительное письмо, посылаетъ свою трагедію и оговаривается, что роздалъ для печати нѣсколько мелкихъ сочиненій въ разные журналы, также не представивъ ихъ на разсмотрѣніе Его Ввеличества, чтобы не безпокоить пустяками (29-го ноября 1826 г.). Въ отвѣтъ получилось письмо (отъ 9-го декабря 1826 г.), въ которомъ выражено было желаніе, чтобы присланы были и упомянутые «мелкіе труды» его «блистательнаго пера». Такимъ образомъ, «почетныя» цѣпи, наложенныя на поэта, опутали его со всѣхъ сторонъ по рукамъ и по ногамъ. Уже въ началѣ декабря 1826 года трагедія была «разсмотрѣна» Государемъ. Это «разсмотрѣніе» свелось къ тому, что онъ согласился съ «замѣчаніемъ на комедію о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ»,—принадлежащимъ перу неизвѣстнаго лица и сохранившимся въ дѣлахъ III Отдѣленія среди пушкинскихъ бумагъ. Уже 14-го декабря 1826 г. Бенкендорфъ сообщилъ Пушкину, что Государь прочелъ комедію «съ большимъ удовольствіемъ» и собственноручно написалъ слѣдующее: «щитаю (sic), что цѣль Г. Пушкина была бы выполнена еслибъ съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую по-

вѣсть или романъ на подобіе Вальтера Скотта». Пушкину пришлось признать справедливость этого указанія, подсказаннаго Государю «замѣчаніемъ», благодарить за вниманіе и прибавить: «жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное» (3-го января 1827 г.).

Къ концу 1826 года относится увлеченіе поэта Софіей Ѳедоровной Пушкиной, золовкой его пріятеля Вас. Петр. Зубкова. Это увлеченіе, мимолетное и неожиданное, привело поэта къ сватовству, впрочемъ, неудачному. Недавно найденное письмо Пушкина прекрасно рисуетъ легко увлекающагося поэта и назрѣвшую въ его душѣ мечту о женитьбѣ· «Дорогой Зубковъ, писалъ Пушкинъ 1-го декабря 1826 г.: вы не получили письма отъ меня, и вотъ этому объясненію: я самъ хотѣлъ 1 декабря, т. е. сегодня, прилетѣть къ вамъ какъ бомба, такъ что выѣхалъ, тому пять-шесть дней, изъ моей проклятой деревни на перекладной, въ виду отвратительныхъ дорогъ. Псковскіе ямщики не нашли ничего лучшаго, какъ опрокинуть меня. У меня помятъ бокъ, болитъ грудь, и я не могу дышать. Взбѣшенный—я играю и проигрываю. Но довольно: какъ только мнѣ немного станетъ лучше, буду продолжать мой путь почтой. Ваши два письма прелестны. Мой пріѣздъ былъ бы лучшимъ отвѣтомъ на размышленія, возраженія и т. д. Но такъ какъ я, вмѣсто того, чтобы быть у ногъ Софи, нахожусь на постояломъ дворѣ во Псковѣ, то поболтаемъ, т. е. станемъ разсуждать. Мнѣ 27 лѣтъ, дорогой другъ. Пора жить, т. е. познать счастье. Вы мнѣ говорите, что оно не можетъ быть вѣчнымъ: прекрасная новость! Не мое личное счастье меня тревожитъ, — могу ли я не быть самымъ счастливымъ человѣкомъ съ нею,— я трепещу лишь, думая о судьбѣ, быть можетъ, ее ожидающей,—я трепещу передъ невозможностью сдѣлать ее столь счастливою, какъ это мнѣ желательно. Моя жизнь, такая доселѣ кочующая, такая бурная, мой нравъ—неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабый — вотъ что внушаетъ мнѣ тягостное раздумье. Слѣдуетъ ли мнѣ связать судьбу столь нѣжнаго, столь прекраснаго существа съ судьбою, до такой степени печальною, съ характеромъ, до такой степени несчастнымъ?—Боже мой, до чего она хороша! и какъ смѣшно было мое поведеніе по отношенію къ ней. Дорогой другъ, постарайтесь изгладить дурное впечатлѣніе, которое оно могло на нее произвести. Скажите ей, что я разумнѣе, чѣмъ имѣю видъ, и доказательство тому — что тебѣ въ голову придетъ. Мерзкій этотъ Панинъ: два года влюбленъ, а свататься собирается на Фоминой недѣлѣ,—а я вижу ее разъ въ ложѣ, въ другой на балѣ, а въ третій сватаюсь! Если она полагаетъ, что Панинъ правъ, она должна думать, что я сошелъ съ ума, не правда-ли? Объясните же ей, что правъ я, что, увидѣвъ ее, — нельзя колебаться, что, не претендуя увлечь ее собою, я прекрасно сдѣлалъ, прямо придя къ развязкѣ,—что, полюбивъ ее, нѣтъ возможности полюбить ее сильнѣе (моего), какъ невозможно впослѣдствіи найти ее еще прекраснѣе, ибо прекраснѣе быть невозможно... Ангелъ мой, уговори ее, упроси ее, настрадай ее Панинымъ скверным и жени меня!»

Въ этомъ оригинальномъ соперничествѣ съ Панинымъ поэтъ оказался побѣжденнымъ: въ 1827-мъ году Софья Ѳедоровна вышла замужъ за Вал. Алекс. Панина.

Въ началѣ декабря Пушкинъ вернулся въ Москву и прожилъ здѣсь до весны 1827 г. Москвичи опять съ распростертыми объятіями приняли поэта. Въ Москвѣ въ это время жили Вяземскій съ женой, С. А. Соболевскій, извѣстный библіофилъ и библіографъ, принимавшій участіе въ хлопотахъ по изданіи сочиненій Пушкина («Русланъ и Людмила», «Братья Разбойники» и др.), П. В. Нащокинъ, отставной гусаръ и пріятель Пушкина еще съ Царскаго Села, наконецъ П. Я. Чаадаевъ, вышедшій въ отставку и безвыѣздно жившій въ Москвѣ. Различные салоны, литературные кружки и вообще интеллегентныя московскія семейства гордились посѣщеніями поэта. Въ Москвѣ онъ перезнакомился почти со всѣми молодыми дѣятелями, имена которыхъ, такъ или иначе, связаны съ исторіей просвѣщенія Россіи.

Въ домѣ А. П. Елагиной онъ познакомился съ ея сыновьями,—братьями Кирѣевскими, съ кн. Одоевскимъ, А. И. Кошелевымъ, С. П. Шевыревымъ, М. А. Максимовичемъ, Д. В. Веневитиновымъ. Здѣсь-же, у Елагиной, бывали Языковъ, Чаадаевъ, Баратынскій, Погодинъ, Хомяковъ. Къ этому же времени пребыванія Пушкина въ Москвѣ относится знакомство его съ Ад. Мицке-

вичемъ. Эта встрѣча не имѣла никакого значенія ни для того, ни для другого: оба были уже вполнѣ сложившіеся люди, вышедшіе изъ того періода, когда люди поддаются «вліяніямъ»; за этотъ періодъ особенно сблизился Пушкинъ съ университетскимъ кружкомъ Шевырева. Поэтъ давно уже носился съ мыслями объ улучшеніи современной русской критики, о поднятіи у насъ журнальнаго дѣла: литературная чернь въ родѣ Булгарина и Греча, тогда владѣвшая положеніемъ, претила его художническому самолюбію. «Толки о журналѣ, говоритъ Погодинъ, начатые еще въ 1824 и 1825 году, въ обществѣ Раича, усилились. Множество дѣятелей молодыхъ, ретивыхъ были, такъ сказать, на лицо и сообщили ему (Пушкину) общее желаніе. Онъ выразилъ полную готовность принять самое живое участіе». Редакторомъ былъ выбранъ Погодинъ, помощникомъ ему Шевыревъ. Новый органъ носилъ названіе «Московскій Вѣстникъ»; основаніе его было отпраздновано шумно и весело. «Мы собрались въ домѣ бывшемъ Хомякова», вспоминаетъ Погодинъ: «Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновыхъ, два брата Кирѣевскихъ, Шевыревъ, Титовъ, Мальцевъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, Оболенскій, Соболевскій... Нечего описывать, какъ веселъ былъ этотъ обѣдъ, сколько тутъ было шуму, смѣху, сколько разсказано анекдотовъ, плановъ, предположеній». Новый журналъ просуществовалъ недолго, хотя «Пушкинъ, которому было по душѣ чисто-художественное направленіе журнала, поддерживалъ его всѣми силами; 33 стихотворенія его, въ томъ числѣ отрывокъ изъ «Графа Нулина» и два отрывка изъ «Евгенія Онѣгина», появились въ «Московскомъ Вѣстникѣ».

Литературная жизнь кипѣла. Тотъ же Погодинъ вспоминаетъ объ этомъ времени: «Между тѣмъ въ Москвѣ наступило самое жаркое литературное время. Всякій день слышалось о чемъ-нибудь новомъ. Языковъ присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денисъ Давыдовъ—съ Кавказа; Баратынскій выдавалъ свои поэмы; «Горе отъ ума» Грибоѣдова только что начало распространяться». Оживилась и сцена: водевили Писарева, новыя комедіи Шаховского, талантливые артисты работали въ московскихъ театрахъ (Щепкинъ и др.); Загоскинъ писалъ «Юрія Милославскаго», Дмитріевъ—переводилъ Шиллера и Гете. «Всѣ они, говоритъ Погодинъ, составляли особый отъ нашего приходъ, который вскорѣ соединился съ нами, или, вѣрнѣе къ которому мы съ Шевыревымъ присоединились, потому что всѣ наши товарищи, оставаясь, впрочемъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нами, отправились въ Петербургъ. Оппозиція Полевого въ «Телеграфѣ», союзъ его съ «Сѣверной Пчелой» Булгарина, усиленныя выходки Каченовскаго, къ которому явился вскорѣ на помощь Недоумко (Н. И. Надеждинъ), давали новую пищу. А тамъ еще Дельвигъ съ «Сѣверными Цвѣтами», Жуковскій съ новыми балладами, Крыловъ съ баснями, которыхъ выходило по одной, по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ Иліадой, Раичъ съ Тассомъ и Павловъ съ лекціями о натуральной философіи, гремѣвшими въ университетѣ, Давыдовъ съ философскими статьями. Вечера, живые и веселые, слѣдовали одинъ за другимъ: у Елагиныхъ и Кирѣевскихъ за Красными Воротами, у Веневитиновыхъ, у меня, у Соболевскаго въ домѣ на Дмитровкѣ, у княгини Волконской на Тверской. У Мицкевича открылся даръ импровизаціи. Пріѣхалъ Глинка, связанный болѣе другихъ съ Мельгуновымъ, и присоединилась музыка». Въ такомъ головокружительномъ водоворотѣ жило московское передовое общество. Пушкинъ, попавъ въ это общество, волею судебъ попалъ въ самый центръ этой шумной, интенсивной жизни. Всю зиму онъ прожилъ безвыѣздно въ Москвѣ, раздѣляя свое время между литературными сборищами, картами и пирушками, охота къ которымъ въ немъ еще не остыла. Весной поэтъ захотѣлъ побывать въ Петербургѣ. Помня наставленіе Бенкендорфа всякій разъ испрашивать разрѣшенія на такія поѣздки, онъ 24-го апрѣля 1827 г. обратился къ нему за разрѣшеніемъ, которое было дано 3-го мая съ характерной припиской: «Его Величество не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано». Очевидно, Бенкендорфъ, да повидимому, и Государь по прежнему не довѣряли поэту и третировали его по прежнему, какъ недоросля. Конечно, на впечатлительнаго поэта такія наставленія должны были дѣйствовать удручающе и,

быть можетъ, потому посѣщеніе Петербурга не доставило ему никакого удовольствія, и зима, проведенная въ Москвѣ, предстала теперь въ его воображеніи съ отрицательной стороны: праздное любопытство, предметомъ котораго онъ былъ, некультурность общества, партійность литераторовъ и ученыхъ, нескрываемая вражда людей «благонамѣренныхъ», — все то, что не бросалось въ глаза сначала, теперь выступило на первое мѣсто, и поэта стало тянуть къ той деревнѣ, изъ которой еще такъ недавно рвался онъ на свободу: «Что мнѣ сказать вамъ», писалъ онъ Осиповой, «о моемъ пребываніи въ Москвѣ и моемъ прибытіи въ С. П. Б.? Пошлость и глупость нашихъ обѣихъ столицъ одна и та же, хотя въ различномъ родѣ; и такъ какъ я имѣю претензію быть безпристрастнымъ, то скажу, что если бы мнѣ дали обѣ на выборъ, то я выбралъ Тригорское, почти такъ-же, какъ арлекинъ, который на вопросъ: предпочитаетъ ли онъ быть колесованъ, или повѣшенъ, отвѣчалъ: «я предпочитаю молочный супъ!»

Цензированіе Государемъ произведеній «блистательнаго пера» Пушкина тоже доставляло не мало горя поэту. Изъ дѣлъ III Отдѣленія ясно видно, что цензировалъ Пушкина какой-то неизвѣстный; съ его мнѣніемъ соглашался Бенкендорфъ, мнѣній-же Государя въ дѣлахъ нѣтъ. Извѣстное стихотвореніе «19-е октября» вызвало, напримѣръ, такое замѣчаніе: «вовсе не нужно говорить о своей опалѣ, о несчастіяхъ, когда авторъ не былъ въ опалѣ, но былъ милостиво и отечески оштрафованъ» за такіе поступки, за которые въ другихъ государствахъ подвергнули бы суду и жестокому наказанію. Не желательнымъ показалось Бенкендорфу упоминаніе заглавныхъ буквъ друзей и товарищей въ этомъ-же произведеніи (4 марта 1827 г.). Пушкину оставалось только благодарить: «Чувствительно благодарю Васъ за доброжелательное замѣчаніе касательно піесы «19-е октября»; непремѣнно напишу барону Дельвигу, чтобъ заглавныя буквы именъ и вообще все, что можетъ подать поводъ невыгоднымъ для меня заключеніямъ и толкованіямъ, было имъ исключено».

Между тѣмъ, Бенкендорфъ искалъ вездѣ предлоговъ, чтобы найти основаніе для такихъ «невыгодныхъ заключеній». 30-го іюня 1827 г. онъ поручилъ разузнать, самъ ли Пушкинъ выбралъ виньетку для своей поэмы «Цыгане», или это сдѣлалъ типографъ: «трудно допустить, писалъ онъ, чтобы она выбрана была случайно». Генералъ-маіоръ Волковъ, которому было поручено разузнать это, донесъ, что виньетка выбрана была Пушкинымъ, что сдѣлана она была въ Парижѣ и украшаетъ не только произведеніе Пушкина, а и другія творенія. Объяснить же истинный смыслъ рисунка онъ не брался. Дѣло о виньеткѣ на этомъ заглохло, но возбужденіе его характерно для гр. Бенкендорфа.

3-го мая Пушкинъ еще былъ въ Москвѣ. (см. письмо Бенкендорфа отъ 3-го мая 1827 г. А. А. Волкову), а 29-го іюня былъ уже въ Петербургѣ и являлся къ своему «покровителю»; 5-го іюля, 20-го іюля, судя по датамъ его писемъ, онъ все время былъ въ Петербургѣ; лишь письмо отъ 10-го сентября отправлено было изъ Опочки. Вся эта переписка была вызвана возобновленіемъ жалобы Пушкина на ст. сов. Ольдекопа, перепечатавшаго въ 1825 году текстъ «Кавказскаго Плѣнника» съ нѣмецкимъ переводомъ. Тогда, въ 1824 году, жалобу, по просьбѣ поэта, подавалъ отецъ его, но она ни къ чему не привела; теперь дѣло возобновилось: онъ ограждалъ свою «литературную собственность», но Бенкендорфъ сталъ на сторону Ольдекопа,—и Пушкину пришлось уступить.

Всю осень провелъ Пушкинъ въ деревнѣ и лишь въ октябрѣ вернулся въ Петербургъ. На возвратномъ пути, 15-го октября 1827 г., Пушкинъ на одной изъ станцій встрѣтилъ Кюхельбекера, котораго, за участіе въ мятежѣ 14-го декабря, везли въ Сибирь. Свиданіе было крайне тягостно для обоихъ: товарищи «кинулись другъ къ другу въ объятія... «Жандармы насъ растащили», разсказываетъ Пушкинъ. Фельдъегерь взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ телѣжку и ускакали».

Вернувшись поздней осенью въ Петербургъ, поэтъ повелъ тоскливое существованіе одинокаго человѣка: онъ чуждъ былъ родной семьи и въ то же время не могъ уже съ прежней юношескою жизнерадостностью отдаваться утѣхамъ холостой жизни; онъ чувствовалъ себя неизмѣримо выше общества и литераторскаго, и свѣтскаго; наконецъ, онъ сознавалъ, что не

исполнились его мечты о независимомъ существованіи, ради котораго принесено было столько жертвъ; онъ постигъ цѣну себѣ, жизнь была ясна ему,—и въ награду за эти великія знанія онъ обреченъ былъ играть по прежнему унизительную роль «поднадзорнаго»... Немудрено, что прежнее тревожное настроеніе, разсѣянное деревенской жизнью, теперь опять возвращается къ нему: онъ становится нервенъ, раздражителенъ, избѣгаетъ людей; въ обществѣ бываетъ рѣдко, а если и бываетъ, то является въ немъ или скучающимъ, или рѣзкимъ, придирчивымъ, озлобленнымъ и непріятнымъ для собесѣдниковъ. «По словамъ людей, знавшихъ поэта въ этомъ періодѣ его жизни, онъ бывалъ самимъ собою только съ близкими друзьями; но стоило войти въ комнату постороннему человѣку—и онъ мгновенно мѣнялся: веселость его становилась нервною и натянутою, начинались шутки, переходившія всякія границы, и выходки, часто до того циничныя, что слушавшіе ихъ приходили въ ужасъ и, конечно, составляли себѣ весьма невыгодное о Пушкинѣ мнѣніе. Въ многолюдныхъ великосвѣтскимъ салонахъ Пушкинъ по большей части молчитъ и скучаетъ. Повидимому, Пушкинъ плохо держалъ всѣ свои обѣщанія, данныя Бенкендорфу относительно поведенія въ Петербургѣ,—поэтъ зналъ, что каждый его шагъ, каждое слово доходитъ до ушей шефа жандармовъ. Даже изъ стихотворенія его «Друзьямъ» («Нѣтъ, я не льстецъ») сумѣли сдѣлать для него источникъ обидъ и униженій. Написанное изъ желанія оправдать себя въ глазахъ друзей, которымъ непонятна была перемѣна въ отношеніяхъ поэта къ правительству, это произведеніе было представлено государю; онъ остался «совершенно доволенъ имъ» (6-го марта 1828 г., письмо Бенкендорфа), собственноручно написавъ: «cela peut courir, mais pas été imprimé». Нельзя было глубже оскорбить поэта, какъ немедленно пообѣщавъ ему за такіе стихи «назначеніе». 5-го марта Пушкинъ не безъ волненія спрашивалъ объ этой новой «милости», но, очевидно, отвѣта не получилъ, такъ какъ 19-го апрѣля писалъ слѣдующее письмо Бенкендорфу: «По приказанію Вашего Превосходительства являлся я сегодня къ Вамъ, дабы узнать рѣшительно свое назначеніе, но меня не хотѣли пустить и позволить мнѣ дожидаться». Съ поэтомъ не церемонились: онъ такъ и не узналъ, что ему было предназначено. Отказывая Пушкину принять участіе въ походѣ, Бенкендорфъ писалъ, что Государь его не забудетъ и воспользуется первымъ случаемъ, «чтобы употребить отличныя дарованія его на пользу Отечества». Его вызывающая манера держаться по отношеніи къ «толпѣ», «черни» и была слабымъ проявленіемъ того чувства обиды, которое накипѣло въ его изстрадавшемся сердцѣ. А. П. Кернъ разсказывала, что въ эту зиму онъ бывалъ часто «мрачнымъ, разсѣяннымъ и апатичнымъ». Онъ задыхался въ Петербургѣ. Осиповой онъ писалъ, что «горитъ желаніемъ измѣнить» свое житье «тѣмъ или другимъ образомъ». «Признаюсь», пишетъ онъ, «что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и красивый берегъ Сороти». Подъ вліяніемъ этой тревоги, онъ нигдѣ не можетъ найти себѣ мѣста: изъ Петербурга ѣдетъ въ Москву, оттуда возвращается въ Петербургъ. Когда началась Турецкая война, онъ проситъ разрѣшенія отправиться къ войскамъ. Конечно разрѣшенія ему не даютъ, (отвѣтъ Бенкендорфа 20-го апрѣля 1828 г.), — и къ прежнимъ обидамъ присоединяется еще новая.

Въ это-же время тянулась очень для Пушкина тяжелая исторія съ его стихотвореніемъ «Андрей Шенье». Еще въ 1826 г. полиція напала на запрещенный отрывокъ этого стихотворенія, который ходилъ по рукамъ подъ названіемъ: «На 14-е декабря 1825 г.». Въ держаніи этихъ стиховъ и въ ихъ распространеніи оказались виновными штабсъ-капитанъ конно-егерскаго полка Александръ Алексѣевъ, прапорщикъ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона Молчановъ и кандидатъ университета Андрей Леопольдовъ. Виновные судились—первые военнымъ судомъ, а послѣдніе гражданскимъ и сидѣли въ тюрьмѣ. Судъ продолжался два года, и въ 1828 г. пришлось поэту давать объясненія; онъ указывалъ, что стихотвореніе вызвавшее нареканіе, есть отрывокъ (со словъ: «Привѣтствую тебя» до «Тамъ буря мрачная») изъ элегіи «Андрей Шенье», напечатанной цѣликомъ до 14-го декабря; приходилось давать показанія или отписываться; объяснять, что въ его произве-

деніи изображена эпоха французской революціи, а не 14-е декбря, что названіе стихотворенія, смутившее сыскную полицію, приставлено не имъ. Однажды свои показанія Пушкинъ не безъ раздраженія заключилъ восклицаніемъ: «Что же тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14-го декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?». Дѣло перешло въ Сенатъ, который призналъ сочиненіе Пушкина «соблазнительнымъ», служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ». Сенатъ прибавилъ къ этому, что Пушкина надлежало бы подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но, такъ какъ преступленіе его совершено до амнистіи, до манифеста 22-го августа 1826 г., то подвергать его наказанію не слѣдуетъ; но, принимая въ соображеніе его ненадежность, слѣдуетъ «обязать подпиской, чтобы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливался выпускать въ свѣтъ, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія». Государственный Совѣтъ усмотрѣлъ изъ приведенныхъ выше заключительныхъ словъ показанія Пушкина, насчетъ происшествія 14-го декабря 1825 года, что Пушкинъ позволилъ себѣ «неприличное выраженіе», что онъ неблагонадеженъ, и что за нимъ необходимо учредить «секретный надзоръ». Въ августѣ 1828 г. государь утвердилъ всѣ эти мнѣнія.

Такимъ образомъ, «золотыя цѣпи», наложенныя на поэта, обратились въ самыя обыкновенныя желѣзныя. Въ томъ-же августѣ приключилась съ Пушкинымъ и другая бѣда: на отставного штабсъ-капитана Митькова въ іюнѣ 1828 г. его крѣпостные донесли, что онъ ихъ развращаетъ чтеніемъ безбожнымъ сочиненій. Это сочиненіе оказалось «Гавріліадой», и 2-го августа 1828 г. Пушкину пришлось отвѣчать на вопросы: имъ-ли была писана поэма «Гавріліада», въ которомъ году, имѣетъ-ли онъ у себя сію поэму. Кромѣ того, онъ обязывался подпиской «подобныхъ богохульныхъ сочиненій впредь не писать». Пушкинъ отвѣтилъ, что сія поэма писана не имъ, что онъ въ первый разъ видѣлъ ее въ Лицеѣ въ 1815 или 1816 г., переписалъ ее, но не помнитъ куда, дѣвалъ сей списокъ». По приказанію государя (12-го августа 1828 г.) Пушкинъ долженъ былъ объявить, отъ кого именно онъ въ Лицеѣ получилъ рукопись. 19-го августа Пушкинъ отвѣчалъ, что онъ не помнитъ точно лица, у котораго взялъ поэму: «Рукопись ходила между офицерами Гусарскаго полка, показывалъ Пушкинъ, но отъ кого изъ нихъ именно я досталъ оную, я никакъ не упомню. Мой же списокъ сжегъ я, вѣроятно, въ 1820-мъ году. Осмѣливаюсь прибавить, что ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже изъ тѣхъ, въ коихъ наиболѣе раскаиваюсь, нѣтъ слѣдовъ духа безвѣрія или кощунства надъ религіею. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе, приписывающее мнѣ произведеніе жалкое и постыдное». Государь настаивалъ. Въ Коммиссіи, разсматривавшей дѣло о «Гавріліадѣ», было заявлено повелѣніе государя: «Г. Толстому призвать Пушкина къ себѣ и сказать ему моимъ именемъ, что, зная лично Пушкина, я его слову вѣрю. Но желаю, чтобъ онъ помогъ правительству открыть, кто могъ сочинить подобную мерзость и обидѣть Пушкина, выпуская оную подъ его именемъ». Въ протоколѣ Коммиссіи значится далѣе, что Пушкинъ, «видя такое къ себѣ благоснисхожденіе Его Величества, не отговаривался отъ объявленія истины, и что Пушкинъ по довольномъ молчаніи и размышленіи спрашивалъ: позволено-ли будетъ ему написать прямо Государю Императору, и, получивъ на сіе удовлетворительный отвѣтъ, тутъ-же написалъ къ Его Величеству письмо и, запечатавъ оное, вручилъ графу Толстому». Коммиссія не распечатывала письма Пушкина, и содержаніе его такъ и осталось тайной; вѣроятно, онъ признался въ авторствѣ.

Немудрено, что, подъ живымъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ неудачъ, творчество Пушкина ослабѣло. Лишь въ октябрѣ 1828 года имъ однажды овладѣлъ порывъ вдохновенія, плодомъ котораго была поэма «Полтава», написанная имъ въ три недѣли. Въ своихъ воспоминаніяхъ М. В. Юзефовичъ разсказываетъ со словъ поэта этотъ любопытнѣйшій эпизодъ изъ исторіи его творчества. «Это было въ Петербургѣ. Погода стояла отвратительная. Онъ усѣлся дома, писалъ цѣлый день. Стихи ему грезились даже во снѣ, такъ что онъ вскакивалъ ночью и записывалъ ихъ въ потьмахъ. Когда голодъ его прохватывалъ, онъ

бѣжалъ въ ближайшій трактиръ, — стихи преслѣдовали его и туда; онъ ѣлъ на скорую руку, что попало, и убѣгалъ домой, чтобы записать то, что набралось у него на бѣгу и за обѣдомъ. Такимъ образомъ слагались у него цѣлыя сотни стиховъ въ сутки. Первая пѣсня окончена была 3-го октября, вторая—9-го, третья—16-го. Конечно, произведеніе это зрѣло уже давно. Живя на югѣ, Пушкинъ нарочно ѣздилъ въ Бендеры, чтобы поговорить со старымъ казакомъ, яко-бы помнившимъ Карла XII и Мазепу; жизнь въ Каменкѣ и поѣздки въ Кіевъ познакомили поэта съ природой Малороссіи, а быть можетъ и съ ея преданіями; интересъ къ русской исторіи и, особенно, къ великимъ вождямъ ея, поставили Пушкина лицомъ къ лицу съ образомъ Петра Великаго. Несомнѣнно, сильно сказались на поэмѣ и вліянія поэмы Рылѣева «Войнаровскій», его отрывка изъ поэмы «Мазепа», его «думъ» «Богданъ Хмѣльницкій» и «Петръ Великій въ Острогожскѣ». Рылѣевъ упорно ходилъ вокругъ того художественнаго замысла, который воплощенъ Пушкинымъ; тѣ же дѣйствующія лица, многія отдѣльныя картины, даже стихи сближаютъ поэму Пушкина съ группой аналогичныхъ произведеній Рылѣева. Самый обликъ Мазепы, для Пушкина слишкомъ неестественный и напыщенный,—сложился подъ невольнымъ впечатлѣніемъ того образа, который написанъ былъ Рылѣевымъ красками яркими и кричащими. Если Пушкинъ и внесъ въ черты Мазепы смягчающія краски, то все таки, если бы самъ поэтъ подошелъ къ этому образу, онъ, конечно, нашелъ бы въ душѣ Мазепы больше свѣта; написавъ же быстро свое произведеніе, онъ не успѣлъ переварить навѣяннаго извнѣ. «Однако, какой отвратительный предметъ!», отзывался онъ о Мазепѣ: «ни одного добраго, благороднаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость! Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы,—вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все!». Интересный отзывъ въ устахъ поэта, который всегда искалъ смягчающія черты даже въ преступныхъ своихъ герояхъ и ихъ находилъ!

27-го октября Пушкинъ поѣхалъ въ Тверскую губернію, въ деревню Малинники, имѣніе Вульфовъ. Деревенская тишина, какъ всегда, сразу принесла миръ его измученной душѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вернулось вдохновеніе: 4-го ноября поэтъ окончилъ 7-ю главу «Онѣгина», 9-го—написалъ «Анчаръ», 10-го—«Отвѣтъ Катенину», «Отвѣтъ Готовцевой». Всѣ эти произведенія и къ нимъ примыкающія спокойны по настроенію. Таковы же и письма поэта, относящіяся къ этому времени. Въ письмѣ къ Дельвигу онъ веселъ, какъ безпечный ребенокъ, и съ хохотомъ разсказываетъ о своемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ: «Здѣсь», пишетъ онъ, «мнѣ очень весело! П. А. (Осипову) я люблю душевно. Жаль, что она хвораетъ и все безпокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито! Скажи это графу Хвостову. П. М. (Полторацкій) здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться; но Петръ Марковичъ ихъ взбудоражилъ; онъ къ нимъ прибѣжалъ: «дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте черносливу, поѣзжайте съ нею! Тамъ будетъ Пушкинъ: онъ весь сахарный, а задъ у него яблочный, его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку». Дѣти разревѣлись: «не хотимъ черносливу, хотимъ Пушкина!». Нечего дѣлать, ихъ повезли—и они сбѣжались ко мнѣ, облизываясь, но, увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшили». Въ слѣдующемъ письмѣ, 28-го ноября 1828 г., онъ опять повторяетъ, что ему въ деревнѣ «очень весело», т. к. деревенскую жизнь онъ любитъ. Затѣмъ, вернувшись въ Петербургъ, онъ опять заскучалъ, сталъ хандрить, опять началъ скитаться изъ одной столицы въ другую. Въ Москвѣ его вниманіе приковала къ себѣ Наталья Николаевна Гончарова (род. 27-го августа 1812 г.), расцвѣтавшая красавица, тогда еще только начавшая выѣзжать въ свѣтъ. Пушкинъ былъ утомленъ жизнью. Родной семьѣ онъ былъ чуждъ, даже рѣдко заходилъ къ родителямъ. Его сердце, всегда чувствительное къ нѣжной ласкѣ, послѣ цѣлаго ряда испытаній, теперь, къ зрѣлому возрасту, стало особенно болѣзненно ощущать потребность въ постоянной и

спокойной привязанности. Немудрено, что онъ все чаще и чаще сталъ задумываться о семейной жизни. Онъ говорилъ Вяземскому, что желаетъ окончить жизнь молодого человѣка и выйти изъ того положенія, при которомъ какой-нибудь юноша могъ трепать его по плечу и звать въ неприличное общество.

Н. Н. Гончарова, кромѣ юной красоты, ничѣмъ не выдѣлялась. Повидимому, на первыхъ порахъ это была скромная, застѣнчивая дѣвушка, съ неопредѣлившеюся нравственно физіономіею, зависѣвшая всецѣло отъ родителей. «Когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, разсказывалъ потомъ поэтъ, красоту ея только что начинали замѣчать въ обществѣ. Я ее полюбилъ, голова у меня закружилась; я просилъ руки ея». Поэтъ, не спрашивая самой Н. Н., прямо обратился къ ея матери; это указываетъ, что съ самой дѣвушкой онъ не находилъ нужнымъ считаться. У него «закружилась» голова, какъ «кружилась» не разъ, но съ тою разницею, что теперь это увлеченіе показалось ему подходящимъ для выполненія давно назрѣвшаго желанія жениться. Поэтъ даже не далъ себѣ яснаго отчета, насколько его увлеченіе глубоко: онъ нашелъ, что оно своевременно,—и воспользовался имъ. Такимъ образомъ, едва ли не впервые, «увлеченіе» у него соединялось съ «разсчетомъ»: все, что можно было сказать въ пользу холостой жизни и противъ женитьбы, говоритъ онъ, «все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было.... Мнѣ за 30-ть лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю, какъ люди, и, вѣроятно, не буду въ томъ раскаиваться».... Пресыщенный многими радостями мимолетной любви, онъ теперь искалъ не наслажденья, а «счастья», быть можетъ, увы, думая лишь только о себѣ. Онъ видѣлъ не разъ, какъ тихое семейное счастье давалось въ руки путемъ благоразумной сдѣлки съ родителями, и просилъ графа Ѳ. И. Толстого быть посредникомъ. При его содѣйствіи онъ вошелъ въ домъ Гончаровыхъ и сталъ тамъ бывать, но съ хозяйкой дома не умѣлъ установить сколько-нибудь сносныхъ отношеній: «У Натальи Ивановны была особая молельня со множествомъ образовъ, а про покойнаго Государя она выражалась не иначе, какъ съ благоговѣніемъ»: благочестія и преклоненія передъ Александромъ поэтъ былъ совершенно чуждъ; свободоязычіе оставалось по прежнему его слабостію, и на этой то почвѣ съ первыхъ же шаговъ начались столкновенія съ будущей тещей. На первое предложеніе «Пушкину напрямикъ не отказали, но отозвались, что надо подождать и посмотрѣть, что дочь еще слишкомъ молода и пр....». Этотъ уклончивый отвѣтъ объяснялся не только личной антипатіей матери къ жениху, но и тѣмъ, что Пушкинъ въ общественномъ мнѣніи представлялся отчаяннымъ повѣсой, развратникомъ и политически-неблагонадежнымъ: секретный надзоръ за поэтомъ былъ слишкомъ гласенъ. Тяжелыя минуты пережилъ Пушкинъ, держа въ рукахъ этотъ полученный имъ уклончивый отвѣтъ: по его словамъ, «тоска непроизвольная овладѣла имъ»... Онъ увидѣлъ въ этомъ новомъ ударѣ судьбы наказаніе рока за «ошибки первой юности». Онъ сознавалъ, что «онѣ были слишкомъ рѣзки, клевета преувеличивала ихъ; но несчастью молва о нихъ сдѣлалась всеобщею»...

Въ порывѣ горести Пушкинъ, безъ разрѣшенія, оставляетъ Москву и ѣдетъ на Кавказъ. Пестрота и обиліе впечатлѣній быстро разсѣяли его тоску,—по крайней мѣрѣ, съ наружной стороны онъ сталъ такъ же шумливъ и остроуменъ, какимъ былъ въ самыя счастливыя минуты своей юности. Переодѣвшись въ черкесскій костюмъ, окруживъ себя толпой сорванцовъ, онъ устраивалъ на дорогѣ шалости, порой опаснаго свойства; проѣзжая мѣстности, въ которыхъ шныряли горцы, онъ, напримѣръ, оставлялъ прикрытіе и удалялся въ сторону отъ дороги, вглубь страны, тогда еще незамиренной. Быть можетъ, эта тѣнь опасности, жажда сильныхъ ощущеній были нужны ему, чтобы заглушить тотъ внутренній голосъ, который говорилъ ему, какъ глубоко онъ несчастливъ. Какъ и раньше бывало не разъ, онъ во время пути сдѣлался любимцемъ однихъ и очень непріятнымъ спутникомъ для другихъ; въ угоду веселой толпы новоприобрѣтенныхъ друзей онъ иногда ребячился, не зналъ мѣры,—напримѣръ, дразнилъ старыхъ инвалидовъ, которые состояли при казенныхъ домикахъ, разбросанныхъ по тракту. Въ

минуту такого смѣшливаго настроенія онъ безцеремонно потѣшался надъ странностями лицъ, попадавшихся ему на пути; чуть не поплатился жизнью, разыгравъ въ одномъ аулѣ роль «шайтана»... Для зрителей все это поведеніе было «шутовствомъ», которое нѣкоторымъ могло показаться недостойнымъ великаго поэта, но оно, какъ и исканіе опасностей, было проявленіемъ его безпокойнаго духа, проявленіемъ его нервозности.

Впечатлѣнія отъ своего путешествія поэтъ разсказалъ въ «Путешествіи въ Эрзерумъ». Онъ ѣхалъ въ дѣйствующую армію, которою тогда командовалъ Паскевичъ, желая встрѣтить тамъ Н. Н. Раевскаго, брата и многихъ друзей. По дорогѣ, какъ извѣстно, онъ встрѣтилъ тѣло Грибоѣдова, которое везли въ Тифлисъ изъ Персіи.

Съ чисто-дѣтской радостью вдыхалъ Пушкинъ вольный воздухъ Кавказа,—и порой ему казалось, что и онъ такъ же свободенъ и воленъ: забывались Москва и Петербургъ, гнетущее чувство обидной неудачи, забывался жесткій профиль Бенкендорфа... «Вотъ и Арпачай!» сказалъ мнѣ казакъ. «Арпачай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующаго скитальца то по югу, то сѣверу, и никогда не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на турецкій берегъ»... Судьба и тутъ подшутила надъ поэтомъ: этотъ берегъ тогда уже былъ завоеванъ, и за границей побывать ему такъ и не удалось.

Встрѣча съ братомъ, вѣроятно, не была изъ сердечныхъ,—отношенія между ними были очень испорчены. Поэтъ передъ поѣздкой писалъ, что ѣдетъ на Кавказъ вовсе не «pour les beaux yeux» своего брата, а чтобы повидать Н. Н. Раевскаго. Конечно, едва ли это справедливо: жажда сильныхъ ощущеній привела его изъ душной Москвы въ горы Кавказа подъ пули горцевъ и турокъ.

Поэтъ съ увлеченіемъ отдался радостямъ и трудностямъ походной жизни. Въ буркѣ и цилиндрѣ, верхомъ, онъ бросался подъ пули враговъ и даже, однажды, схвативъ пику убитаго казака, бросился въ погоню за отступавшими врагами. Бой горячилъ и воодушевлялъ его. Въ мирной обстановкѣ лагерной жизни онъ былъ незамѣнимымъ собесѣдникомъ, но его старые друзья и новые знакомые нѣсколько въ немъ разочаровались: «Въ его рѣчахъ и поступкахъ», разсказываетъ М. В. Юзефовичъ въ своихъ запискахъ, «не было уже слѣда прежняго разнузданнаго повѣсы. Онъ даже оказывался, къ нашему сожалѣнію, слишкомъ воздержаннымъ застольнымъ собутыльникомъ. Онъ отсталъ уже окончательно отъ всѣхъ излишествъ, а въ большихъ грѣхахъ покаялся торжественно. Я помню, какъ однажды одинъ болтунъ, думая, конечно, ему угодить, напомнилъ ему объ одной его библейской поэмѣ, и сталъ было читать изъ нея отрывокъ. Пушкинъ вспыхнулъ, на лицѣ его выразилась такая боль, что тотъ понялъ и замолчалъ. Послѣ Пушкинъ, коснувшись этой глупой выходки, говорилъ, что онъ дорого бы далъ, чтобы взять назадъ нѣкоторыя стихотворенія, написанныя имъ въ первой, легкомысленной молодости; и если въ немъ иногда еще и замѣчались порывы страсти, міровоззрѣніе его перемѣнилось вполнѣ и безповоротно: онъ былъ уже глубоко вѣрующимъ человѣкомъ и одумавшимся гражданиномъ, понявшимъ требованія русской жизни и отрѣшившимся отъ утопическихъ иллюзій. Но если съ этой стороны поэтъ теперь успокоился, то его натура, подвижная и горячая, его впечатлительность, способность увлекаться минутой — остались при немъ. Немудрено, что его поведеніе въ войскѣ навлекло неудовольствіе главнокомандующаго. Г. Потокскій разсказываетъ, что Пушкинъ «до того рыскалъ по лагерю, что иногда посланные отъ главнокомандующаго звать его къ обѣду не находили его. При всякой перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, во время движенія войскъ впередъ, Пушкина видѣли всегда впереди скачущихъ казаковъ или драгунъ прямо подъ выстрѣлами. Паскевичъ неоднократно предупреждалъ Александра Сергѣевича, что ему опасно зарываться такъ далеко, и совѣтывалъ находиться во время дѣла неотлучно при себѣ, точь въ точь, какъ будто адъютанту». Это всегда возмущало пылкость характера и нетерпѣніе Пушкина: онъ не могъ стоять сложа руки и

бездѣйствовать. Онъ, какъ будто нарочно, дразнилъ главнокомандующаго и, не слушая его совѣтовъ, при первой возможности скрывался отъ него и являлся гдѣ, нибудь впереди — въ самой свалкѣ сраженія». Кромѣ того, Пушкинъ поддерживалъ сношенія съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, которые служили рядовыми въ арміи,—это тоже не могло нравиться Паскевичу. Наконецъ, онъ замѣтилъ, что поэтъ ему открыто не симпатизируетъ, подобно очень многимъ поклонникамъ Ермолова, тогда впавшаго въ немилость и замѣненнаго Паскевичемъ. Извѣстно, что по дорогѣ на Кавказъ поэтъ заѣзжалъ къ старику Ермолову, жившему тогда въ уединеніи. Все это вмѣстѣ взятое повело къ открытому разрыву. Паскевичъ пригласилъ поэта и сказалъ ему: «Господинъ Пушкинъ, мнѣ васъ жаль, жизнь ваша дорога для Россіи; вамъ здѣсь дѣлать нечего, а потому я совѣтую вамъ немедленно уѣхать изъ арміи обратно; я уже велѣлъ приготовить для васъ благонадежный конвой». Въ тотъ-же день, 19-го іюля, Пушкинъ отправился на сѣверъ. Онъ не торопился ѣхать въ Москву, задержался въ Тифлисѣ и на сѣверномъ Кавказѣ и лишь глубокою осенью вернулся въ Москву; въ ноябрѣ онъ былъ уже въ Петербургѣ. На родинѣ его ждали новыя непріятности: его неожиданный выѣздъ на Кавказъ «безъ разрѣшенія» озлобилъ петербургскія власти и, въ результатѣ, въ дѣлахъ III-го Отдѣленія оказалась группа бумагъ касательно новаго преступленія поэта. Сохранились здѣсь и донесенія какого то сыщика. Вотъ что онъ доносилъ: «Я вамъ сказывалъ, что Пушкинъ поѣхалъ отсюда въ деревню и одинъ. Вотъ первое о немъ извѣстіе отъ собаченки его (?), Сомова. Что далѣе узнаю, сообщу. Вспомните при семъ, что у Пушкина родной братъ на Кавказѣ, и что господинъ поэтъ, столь же опасенъ pour l'état, какъ неочиненное перо! Но онъ не затѣетъ ничего въ своей вѣтреной головѣ, ни его не возьметъ никто въ свои затѣи, это вѣрно! Laissez le courir le monde chercher des filles, des inspirations poétiques et du jeu». Далѣе высказано предположеніе, что Пушкина отправили путешествовать его заимодавцы, которые разсчитываютъ или на то, что Пушкинъ будетъ удачно играть въ карты на Кавказѣ, или напишетъ новую поэму, — и въ результатѣ его золото перейдетъ къ нимъ въ карманъ. Въ слѣдующемъ донесеніи указано, что Пушкинъ пробудетъ нѣсколько дней въ Москвѣ, «а какъ онъ изъ тѣхъ людей, qui tournent au gré de leur allumette, то можетъ быть или вовсе останется въ Москвѣ, или прикатитъ сюда назадъ». Нельзя отрицать въ этихъ курьезныхъ донесеніяхъ нѣкоторой доли пренебрежительнаго благоволенія къ поэту: значеніе его поступка доноситель старается уменьшить. Тѣмъ не менѣе Бенкендорфъ забилъ тревогу: по его требованію секретный надзоръ былъ учрежденъ за Пушкинымъ, пока онъ жилъ на Кавказѣ (приказъ отъ 26-го марта 1829 г.). 14-го октября онъ сдѣлалъ уже выговоръ поэту письмомъ, въ которомъ значится: «Государь Императоръ, узнавъ по публичнымъ извѣстіямъ, что вы, Милостивый Государь, странствовали за Кавказомъ и посѣщали Арзерумъ, Высочайше повелѣть мнѣ изволилъ спросить Васъ, по чьему позволенію предприняли Вы свое путешествіе; я же, со своей стороны, покорнѣйше прошу Васъ увѣдомить меня, по какимъ причинамъ не изволили вы сдержать даннаго мнѣ слова, отправились въ Закавказскія страны, не предувѣдомивъ меня о намѣреніи Вашемъ сдѣлать сіе путешествіе». Пушкину пришлось униженно просить прощенія. «Mon général! писалъ онъ 14-го ноября 1829 г.: c'est avec la plus profonde douleur que je viens d'apprendre que Sa Majesté était mécontente de mon voyage à Arzroum. La bonté indulgente et libérale de Votre Excellence et l'intérêt, qu' elle a toujours daigné me témoigner m'inspirent la confiance d'y recourir encore, de m'expliquer avec franchise». Свою поѣздку въ дѣйствующую армію онъ объяснялъ желаніемъ видѣть брата и Раевскаго и неудержимымъ стремленіемъ посмотрѣть сраженіе. «Je sens, продолжаетъ онъ, combien ma position a été fausse et ma conduite étourdie, mais au moins n'y a-t-il que de l'étourderie. L'idée qu'on pourroit l'attribuer à tout autre motif me seroit insupportable. J'aimerois mieux éprouver la disgrace la plus sevère que de passer pour ingrat aux yeux de celui auquel je dois tout, auquel je suis pret à sacrifier mon existence et ceci n'est pas une phrase». Теперь опять начались скитанья поэта изъ столицы въ столицу; началась прежняя жизнь, легкія ухаживанія за дѣвицами и дамами, участіе

въ литераторскихъ обѣдахъ и дрязгахъ. Вѣроятно, онъ рѣшилъ, что его браку съ Гончаровой не бывать и потому искалъ въ другихъ семьяхъ подходящей себѣ партіи. Возможно, что не надолго такой казалась ему Елизавета Николаевна Ушакова, дочь зажиточныхъ родителей, жившихъ въ Москвѣ широко и открыто: Пушкинъ въ ихъ домѣ былъ постояннымъ и желаннымъ гостемъ. Памятникомъ его кратковременной симпатіи были стихотворенія: «Вы избалованы природой», «Въ отдаленіи отъ васъ», «Я васъ узналъ, о мой оракулъ». Эти стихотворенія рисуютъ дружескія, добродушно-шутливыя отношенія поэта къ Ушаковой. Едва ли, поэтому, можно говорить въ данномъ случаѣ о сколько-нибудь глубокомъ увлеченіи.

Съ ноября Пушкинъ жилъ въ Петербургѣ, лишь на короткое время пріѣзжая въ Москву. Въ Петербургѣ онъ, между прочимъ, одно время очень интересовался журналомъ Дельвига «Литературная Газета». Скоро, однако, прежнее безпокойное чувство овладѣло имъ. Въ январѣ 1830 г. онъ проситъ разрѣшенія ѣхать за-границу или примкнуть къ миссіи, которая отправлялась въ Китай. Ни то, ни другое ему не было разрѣшено.

Въ началѣ этого года Пушкинъ опять испыталъ нѣсколько непріятностей отъ Бенкендорфа. 28 января 1830 г. послѣдній, какъ всегда, прикрываясь именемъ Государя, сдѣлалъ выговоръ Пушкину за то, что онъ на балу французскаго посла былъ во фракѣ, а не въ дворянскомъ мундирѣ. 17-го марта, узнавъ объ отъѣздѣ поэта въ Москву безъ разрѣшенія, онъ обратился къ нему со стереотипной фразою: «какія причины могли васъ заставить измѣнить данному мнѣ слову? Мнѣ весьма пріятно будетъ, если причины, Васъ побудившія къ сему поступку, будутъ довольно уважительны, чтобы извинить оный, но я вмѣняю себѣ въ обязанность Васъ предувѣдомить, что всѣ непріятности, коимъ Вы можете подвергнуться, должны Вами быть приписаны собственному Вашему поведенію».

21-го марта Пушкинъ писалъ по поводу этого письма, что, получивъ въ 1826 г. разрѣшеніе жить въ Москвѣ и дозволеніе пріѣхать въ Петербургъ, онъ пользовался этими разрѣшеніями неоднократно, никогда «не испрашивая предварительнаго дозволенія и не получая никакого замѣчанія». Далѣе онъ напоминалъ, что имѣлъ счастье лично говорить графу Бенкендорфу о своемъ намѣреніи ѣхать и даже поэтому поводу удостоился услышать милостивую остроту: «Vous êtes toujours sur les grands chemins». Не довольствуясь этимъ оффиціальнымъ письмомъ, онъ прислалъ еще другое, на французскомъ языкѣ, въ которомъ не скрылъ своего волненія...

Весной Пушкинъ возобновилъ сватовство и въ мартѣ 1830 г. онъ сталъ женихомъ Н. Н. Гончаровой. Объявляя объ этомъ Бенкендорфу 16-го апрѣля, Пушкинъ, очевидно, подъ давленіемъ тещи, пытается сгладить тѣ шероховатости, которыя существовали въ отношеніяхъ его къ правительству; онъ самъ называлъ свое положеніе «fausse et douteuse» «Мать невѣсты», писалъ онъ Бенкендорфу, страшится выдать дочь свою за человѣка, который имѣетъ несчастіе быть подъ гнѣвомъ Государя». «Mon bonheur, писалъ онъ, depend d'un mot de bienveillance de Celui pour lequel mon dévouement et ma reconnaissance sont déjà purs et sans bornes». Бенкендорфъ сообщилъ поэту, что Государь съ удовольствіемъ узналъ о рѣшеніи его и поручилъ его увѣрить, что онъ «находится не подъ гнѣвомъ, но подъ отеческимъ попеченіемъ Его Величества»; что онъ довѣренъ Бенкендорфу—не какъ шефу жандармовъ, но какъ человѣку, въ которомъ онъ найдетъ себѣ друга и покровителя, который оберегаетъ его своими совѣтами и руководитъ имъ къ его пользѣ». Письмо свое Бенкендорфъ разрѣшалъ показать всѣмъ, кому считалъ это нужнымъ Пушкинъ для своей реабилитаціи, но въ письмѣ были такія злыя строчки, что едвали Пушкинъ рискнулъ защищать себя такимъ письмомъ въ глазахъ родственниковъ невѣсты: «Sa Majesté Impériale ayant la nouvelle du mariage que vous allez contracter, a daigné observer à cette occasion qu'Elle se plait à croire que *vous vous êtes trovéles qualités de coeur et de caractère nécessaires pour faire le bonheur d'une femme* et surtout d'une femme aussi aimable et aussi intéressante que l'est M-lle Gontcharoff». Отецъ поэта написалъ ему патетическое письмо на французскомъ языкѣ,—письмо, въ которомъ нѣтъ искры истинной любви и радости и много вычурнаго пафоса. «Да будетъ благословенъ ты-

сячу разъ вчерашній день, мой дорогой Александръ, за письмо, которое мы отъ тебя получили. Оно преисполнило меня радости и благодарности. Да, мой другъ, именно подходящее слово. Съ давнихъ поръ уже забылъ я сладость слезъ, которыя проливалъ при его чтеніи....» и т. д. Друзья радовались «счастью» Пушкина,—всѣ видѣли, какъ томила его одинокая жизнь, но не всѣ, вѣроятно, одобряли выборъ поэта: холодная, спокойная, ничѣмъ не выразившая себя красавица-Гончарова не была подъ пару подвижному, пылкому поэту.

Къ тому же, теперь, когда мечта осуществилась, «счастье» было достигнуто, тревожныя мысли все болѣе и болѣе стали закрадываться въ душу поэта. Его новое «счастье» на первыхъ порахъ было омрачено рядомъ хлопотъ по устройству финансоваго обезпеченія его будущаго гнѣзда. Въ концѣ 1830 г. была, наконецъ, допущена къ печати безъ всякихъ измѣненій, безъ передѣлокъ въ романъ, трагедія «Борисъ Годуновъ», піеса —такимъ образомъ четыре года лежала подъ спудомъ. Пушкину оставалось только благодарить: «Писанный въ минувшее царствованіе, «Борисъ Годуновъ» обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня Государь, но и свободѣ, смѣло дарованной Монархомъ русскимъ писателямъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и сковать книгопечатанье» (18-го января 1831 г.). Поэту приходилось или извиняться, или благодарить, но всегда кривить душой. Отецъ выдѣлилъ ему свое нижегородское имѣніе Болдино. Поэтъ поѣхалъ туда, чтобы привести въ порядокъ имѣніе и заложить его въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Холерные карантины задержали его въ деревнѣ, и онъ былъ принужденъ провести здѣсь всю осень. Въ исторіи его творчества эти три мѣсяца были ознаменованы необычайной производительностью, никогда больше не повторявшейся: имъ написаны въ Болдинѣ: «Скупой Рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Каменный гость», «Пиръ во время чумы», «Русалка», «Повѣсти Бѣлкина», «Лѣтопись села Горохина», «Домикъ въ Коломнѣ», «Моя родословная», «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ». Изъ длиннаго ряда лирическихъ произведеній слѣдуетъ назвать элегію «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», «Мадонну», «Бѣсы», «Осень».

Лишь въ декабрѣ вернулся Пушкинъ въ Москву и опять погрузился въ хлопоты по устройству своей семейной жизни: достигнутое «счастье» упорно поворачивалось къ нему своей «прозаической» стороной. Въ январѣ 1831 г. Пушкинъ получилъ извѣстіе о смерти Дельвига,—это былъ тяжелый ударъ для поэта: въ лицѣ Дельвига онъ терялъ друга дѣтства и юности: «изъ всѣхъ связей дѣтства», писалъ онъ Плетневу 21-го января, «онъ одинъ оставался на виду: около него собиралась наша бѣдная кучка, безъ него мы точно осиротѣли».

Все это усиливало тяжелое состояніе его души. Свадьба его отлагалась, одно время даже близка была къ разрыву. Пушкинъ увидѣлъ ближе родню невѣсты, и быть можетъ сама Наталья Николаевна, «чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ», своимъ равнодушіемъ и безсодержательностью расхолодила поэта...

Въ письмахъ его ясно сказываются новыя настроенія: предстоящій бракъ пугалъ его, на сердцѣ было много укоровъ за прошлое, слишкомъ много на душѣ его накопилось разныхъ неизгладимыхъ воспоминаній. Въ то время, когда онъ былъ уже женихомъ, иныя женскія лица, полустертыя временемъ, носились передъ нимъ. Увлеченіе, отъ котораго «закружилась» голова, давно улетѣло; оставалось чувство приличія, мѣшавшее прервать затѣянное дѣло, оставалось слабое утѣшеніе: «я поступаю, какъ люди и, вѣроятно не буду въ томъ раскаиваться. Къ тому же женюсь безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не въ розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня: они входятъ въ мои домашніе разсчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью». «Жизнь жениха тридцатилѣтняго хуже 30-ти лѣтъ жизни игрока», пишетъ онъ въ другомъ письмѣ; «дѣла будущей тещи моей разстроены; свадьба моя отлагается день ото дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелестяхъ холостой жизни. Словомъ, если я не несчастливъ, то, по крайней мѣрѣ, не счастливъ». Въ отрывкѣ «Участь моя рѣшена» поэтъ оставилъ такія скорбныя строки: «Я женюсь, т. е. жертвую независимостью, прихотливою незави-

симостью, моими роскошными привычками, странствіями безъ цѣли, уединеніемъ... Я удваиваю жизнь, я стану думать: мы. Счастіе есть цѣль жизни, но я никогда не хлопоталъ о счастьѣ: я могъ обойтись и безъ него. Теперь мнѣ нужно его на двоихъ, а гдѣ мнѣ взять его?». «Я женихъ», писалъ Пушкинъ, «итакъ это уже не тайна двухъ сердецъ. Сегодня это была новость домашняя, завтра—площадная. Такъ поэма, обдуманная въ уединеніи, въ лѣтнія ночи, при свѣтѣ луны, печатается въ сальной типографіи, продается потомъ въ книжной лавкѣ и разбирается въ журналѣ.... Всѣ радуются моему счастію, всѣ полюбили меня. Всякій предлагаетъ мнѣ свои услуги: кто свой домъ, кто денегъ взаймы, кто знакомаго бухарца съ шалями. Молодыя люди начинаютъ со мною чиниться, обхожденіе молодыхъ дѣвицъ сдѣлалось проще. Дамы въ глаза хвалятъ мой выборъ, а заочно жалѣютъ о «бѣдной моей невѣстѣ»: «бѣдная»! она такъ молода, такъ невинна, а онъ такой вѣтренный, такой безнравственный». Признаюсь это начинаетъ мнѣ надоѣдать»! 18-го февраля 1831 г. въ Москвѣ, на Никитской, въ церкви Стараго Вознесенья, состоялось бракосочетаніе Пушкина. Новыя цѣпи легли на его свободолюбивую душу.

Періодъ времени отъ 1826 до 1831 г. въ жизни Пушкина былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ: всевозможныя непріятности обрушились на его голову, его мечты о примиреніи съ правительствомъ неосуществились, рѣшеніе устроить свое семейное счастье принесло тяжелыя обиды его самолюбію,—немудрено, что и въ письмахъ его, и въ его стихахъ за эти годы звучитъ самая ѣдкая горесть; но въ немъ былъ живъ прежній Пушкинъ, котораго спасалъ жизнерадостный характеръ, способность послѣ горькихъ слезъ залиться беззаботнымъ смѣхомъ, размыкать свое горе въ шуткѣ, свою обиду въ чистосердечномъ прощеніи. Онъ, такъ много испытавшій, видѣвшій, что лучшія его мечты разлетаются, а желанной свободы для развитія его дѣятельности нѣтъ по прежнему, — онъ находилъ въ себѣ всегда довольно силы, чтобы пойти навстрѣчу унывающему другу съ теплымъ, ободряющимъ словомъ. Вяземскому онъ писалъ 26-го мая 1826 года: «Судьба не перестаетъ съ тобою проказить. Не сердись на нее, не вѣдаетъ бо, что творитъ. Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадитъ ее на цѣпь? Ни ты, ни я, никто. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего». С. А. Соболевскому 15-го іюля 1828 г. онъ писалъ: «Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, то есть, по одежкѣ тяни ножки; все перемелется, будетъ мука. Ты видишь, что кромѣ пословицъ ничего путнаго тебѣ сказать не сумѣю». Правда, всѣ эти утѣшенія говорятъ о необходимости подчиняться обстоятельствамъ, примиряться съ ними; но, какъ бы тамъ ни было,—въ нихъ звучитъ искреннее сочувствіе къ страдающимъ, теплое желаніе помочь шуткой или ласковымъ словомъ. Съ лицейской скамейки онъ являлся въ роли ходатая за людей, нуждающихся въ поддержкѣ сильнаго, и теперь онъ настойчиво безпокоитъ Бенкендорфа съ просьбой помочь вдовѣ генерала Раевскаго, у которой 14-е декабря отняло и семью, и средства къ существованію... Его всепрощающая, любящая душа всецѣло отразилась въ его стихотвореніяхъ. Онъ искренно готовъ прощать обиды и оскорбленія, направленныя лично противъ него, когда имъ овладѣвала вѣра въ человѣка. Въ такія минуты онъ всегда говорилъ «языкомъ сердца», слагалъ только «свободныя хвалы»; такъ, по его словамъ, онъ «просто полюбилъ» императора Николая, очевидно, многія изъ его винъ слагая на гр. Бенкендорфа и другихъ приближенныхъ... Это—лишь одинъ эпизодъ изъ той удивительной симфоніи любви ко всему міру, которая порой звучала въ немъ. Въ коротенькомъ стихотвореніи «19 октября 1827 г.» онъ раскрываетъ всю необъятную ширь своей души: «Богъ помочь!» шлетъ онъ пожеланія друзьямъ,—тѣмъ, кто знаетъ «заботы жизни», и тѣмъ, кто трудится на царской службѣ, кто наслаждается любовью, и тѣмъ, кто въ буряхъ и въ житейскомъ горѣ, кто на чужбинѣ, и тѣмъ, кто томится «въ мрачныхъ пропастяхъ земли». Этотъ бодрый призывъ къ жизни есть, въ сущности, оправданіе человѣческой жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ... Оттого въ минуту такого возвышеннаго настроенія готовъ онъ послать привѣтъ императору Николаю и въ то-же время въ Сибирь — къ друзьямъ, томящимся въ рудникахъ! Вездѣ жизнь, вездѣ любовь. Въ его знаменитыхъ «Стансахъ» («Брожу ли я вдоль улицъ шум-

ныхъ»)— выражено это примиреніе съ жизнью; оно сказалось въ томъ безоблачномъ взорѣ, съ которымъ онъ смотрѣлъ въ глаза смерти: онъ готовъ идти ей навстрѣчу, потому что таковъ круговоротъ человѣческой жизни: старость сходитъ подъ «вѣчны своды», юность расцвѣтаетъ ей на смѣну. Съ трогательной любовью смотритъ поэтъ на эту юность, которая смѣнитъ его, и хочется ему, чтобы у его «гробового входа» играла эта «молодая жизнь»... Ни тѣни зависти или эгоизма на этомъ свѣтозарномъ міросозерцаніи. Въ стихотвореніи «Я васъ любилъ» звучитъ та же свобода отъ тяжелаго гнета эгоистическихъ чувствъ: любимую женщину онъ провожаетъ въ жизнь пожеланіемъ, чтобы она встрѣтила тамъ любовь, равную его: «Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно, какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ!» Много испытаній вынесъ онъ изъ жизни и съ полнымъ правомъ могъ сказать: «мой путь унылъ»,—но онъ не обольщался и насчетъ будущаго и къ этому восклицанію прибавляетъ другое: «сулитъ мнѣ трудъ и горе грядущаго волнуемое море!» Но тѣмъ не менѣе, въ этой жизни онъ видѣлъ смыслъ: «Но не хочу, о други, умирать!» восклицаетъ онъ,: «я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!» Онъ видѣлъ, что жизнь — сплетеніе горестей и радостей, и готовъ былъ идти ей навстрѣчу. Такимъ образомъ, жизни онъ не идеализировалъ, смотрѣлъ на нее трезво и полюбилъ ее за все: за радости и за страданія. Какъ всегда отзывчивый на всякое ласковое слово, теперь, послѣ житейскихъ столкновеній съ людской пошлостью и злобой, поэтъ особенно былъ чувствителенъ ко всякому вниманію... Старушка няня, столько любви положившая къ ногамъ великаго питомца, окружена какимъ то неземнымъ благоговѣніемъ. Съ теплымъ чувствомъ признательности отозвался онъ на стихотворное посланіе московскаго митрополита Филарета. Еще трогательнѣе «Отвѣтъ анониму», который прислалъ поэту стихотворное пожеланіе счастья по поводу его помолвки. Поэтъ отвѣтилъ благодарностью «души умиленной», но съ грустью признался, что «къ доброжелательству онъ не привыкъ», «языкъ его ему необыченъ и страненъ». Онъ не ждетъ участія у свѣта, такъ-какъ холодная толпа взираетъ на поэта, «какъ на заѣзжаго фигляра».... Съ болью въ сердцѣ жалуется онъ, что «сердечный тяжкій стонъ, стонъ сердца», воплощенный въ стихъ, принимается толпой, какъ фиглярство: «она въ ладони бьетъ и хвалитъ, или порой неблагосклонною киваетъ головой».... Поэта возмущала эта безчеловѣчность и эгоизмъ толпы; «постигнетъ ли пѣвца незапное волненье, утрата скорбная, изгнанье, заточенье» —

«Тѣмъ лучше!», говорятъ любители искусствъ:
«Тѣмъ лучше,— наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
«И намъ ихъ передастъ!»

Этотъ вопросъ о взаимоотношеніи толпы и художника занималъ поэта еще съ лицейской скамьи,—и тогда уже чувствовалъ онъ свое одиночество и свое превосходство. Иногда это сознаніе обостряясь до боли, и въ такіе моменты слагались произведенія, въ которыхъ «поэтъ» противополагался «черни». Всѣ эти произведенія вовсе не выраженіе взгляда поэта на поэзію, не проповѣдь презрѣнія—это болѣзненный крикъ, вырванный изъ сердца обидой. Съ подобнымъ настроеніемъ въ періодѣ отъ 1826 по 1831 г.— стихотворенія: «Поэтъ» (1827), «Чернь» (1828), «Поэту» (1830). Отъ всѣхъ этихъ произведеній вѣетъ именно горечью минутнаго настроенія,—всѣ они чужды обычному, «основному» міросозерцанію поэта и характерны для него только, какъ для человѣка, поддающагося впечатлѣніямъ минуты. Попытки объяснить всѣ эти произведенія вліяніемъ эстетическаго міросозерцанія «Московскаго Вѣстника», подъ воздѣйствіемъ котораго, якобы находился тогда Пушкинъ, не выдерживаютъ критики,; быть можетъ, невозмутимое «олимпійство» Гете и его подражателей и было предметомъ подражанія Пушкина, но лишь въ томъ отношеніи, что въ минуты взбудораженнаго самолюбія это «олимпійство» подсказывало ему образы «поэта - полубога» и «черни»; но дальше такого формальнаго заимствованія поэтъ не шелъ: даже во всѣхъ этихъ произведеніяхъ онъ никогда не можетъ оставаться «олимпійцемъ», напротивъ,—эти стихи—самые нервные, самые безпокойные и тревожные...

Гораздо съ большимъ правомъ можно видѣть его profession de foi, какъ поэта, въ

стихотвореніи «Эхо». Здѣсь, дѣйствительно, вѣрно уловлена характерная черта его поэзіи: ея зеркальность, отражавшая всѣ впечатлѣнія жизни—отъ грозныхъ до мирныхъ и безоблачныхъ. Но и это произведеніе надо съ большой осторожностью относить къ такимъ, въ которыхъ выразилось пушкинское пониманіе поэзіи: поэтъ никогда не укладывался въ систему, въ одно стройное міровоззрѣніе. Вотъ почему онъ всегда готовъ отказаться отъ такой пассивной роли «поэтическаго зеркала» и перейти къ такому активному творчеству, которое вноситъ «свое» въ міръ. Не даромъ признался онъ, что не прочь порою и отъ «вымысла» («надъ вымысломъ слезами обольюсь»), не даромъ онъ выше «тьмы низкихъ истинъ» поставилъ «насъ возвышающій обманъ». И въ то же время (1830) онъ написалъ изумительное по реализму произведеніе «Шалость», въ которомъ съ поразительной силой рисуетъ «тьмы низкихъ истинъ» изъ русской сѣрой дѣйствительности, безъ всякой попытки внести въ нихъ хотя-бы малѣйшую долю «возвышающаго обмана»

Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ, равнины скатъ отлогій;
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ, у низкаго забора,
Два бѣдныхъ деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засоритъ, ждутъ перваго Борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ;
Безъ шапки онъ, несетъ подъ мышкой гробъ ребенка,
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ;
Скорѣй, ждать некогда, давно бъ ужъ схоронилъ!

Вся поэзія Некрасова вышла изъ этой «шалости», надрывающей душу.

Насколько разнообразны мотивы пушкинской лирики за этотъ періодъ, видно, хотя бы, изъ того, что «Анчаръ», «Утопленникъ», «Опричникъ» относятся къ одному 1828 г.; стихотвореніе «Осень» («Октябрь ужъ наступилъ»), Испанскіе романсы («Я здѣсь Инезилья», «Предъ испанкой благородной»), «Бѣсы», «Начало сказки» относятся къ одному 1830 г. Отъ безмятежныхъ пѣсенъ до такихъ, въ которыхъ чувствуется драматизъ, отъ нѣжной исповѣди сердца къ возмущенному призыву «музы пламенной сатиры»,—въ такихъ широкихъ предѣлахъ переживалъ свои настроенія поэтъ; одни стихотворенія, написанныя въ Болдинѣ, очень разнообразны по настроенію,—ясное доказательство того, какъ по прежнему пестры и не постоянны были состоянія души поэта. Біографъ прямо не въ силахъ угнаться за живостью и неожиданностью смѣнъ, этой калейдоскопичностью яркихъ и сильныхъ эмоцій, этой сложностью душевныхъ состояній: когда горе смягчалось шуткой,-въ шуткѣ искрится слеза, раздраженіе смѣняется веселымъ хохотомъ, а все это покрывается тѣмъ свѣтлымъ, всепрощающимъ примиреніемъ, которое требуетъ любви ко всему міру, потому что во всемъ видитъ смыслъ...

Къ этому же періоду времени относится его драматическія сцены, обличающія въ Пушкинѣ ту же широту творчества; какъ въ лирикѣ у него нѣтъ излюбленныхъ чувствъ, такъ въ эпосѣ—нѣтъ любимыхъ героевъ, нѣтъ и одного излюбленнаго фона для картинъ. Испанская жизнь съ ея Донъ-Жуанами, Лаурами и Аннами, мрачный подвалъ средневѣкового замка, итальянская улица съ шумной толпой молодежи, подымающей бокалы въ честь чумы,—все это фоны, совершенно отличные одинъ отъ другого. Фаустъ и Мефистофель, Донъ-Жуанъ и Лепорелло, Моцартъ и Сальери, Скупой рыцарь и его сынъ, старый мельникъ и его дочь,—все это образы, отличные одинъ отъ другого, все яркіе и самобытные, указывающіе, до какой степени богаты и разнообразны запасы впечатлѣній у Пушкина, и какъ легко создавалъ онъ цѣлые образы изъ тѣхъ намековъ, которые ловилъ повсюду. Такъ, образъ «Скупого Рыцаря» подсказанъ Пушкину, вѣроятно, Байрономъ (Донъ-Жуанъ); кромѣ того, параллели этому образу указаны были въ комедіи Яндрича «Lyubomirovich, ili priatel pravi», въ романѣ Вальтеръ-Скотта «Пертская красавица», въ драмѣ Мильмана «Fazio». Сюжетъ драмы «Моцарта и Сальери» взятъ изъ біографіи Моцарта; «Пиръ во время чумы»—изъ трагедіи Вильсона «The City of the Plague»; «Каменный Гость» примыкаетъ къ одной изъ литературныхъ обработокъ типа Донъ-Жуана; самая идея писать, вмѣсто большой піесы, «сцены», «от-

рывки» навѣяна чтеніемъ произведеній Барри Корнвалля, Вильсона и др. подобныхъ имъ драматурговъ. Чисто-пушкинскою особенностью этихъ пьесъ надо признать способность вплетать въ эти чуждые образы и сюжеты автобіографическія черты; такъ, въ «Скупомъ Рыцарѣ» нѣкоторые моменты словно выхвачены изъ отношеній поэта къ его отцу; въ Сальери нѣкоторые критики усмотрѣли черты Баратынскаго, въ Моцартѣ—Пушкина; «Пиръ во время чумы» писался въ разгарѣ холерной эпидеміи, и на немъ, быть можетъ, отразились впечатлѣнія, пережитыя поэтомъ во время этой эпидеміи; любопытно также, что всѣ эти произведенія проникнуты тѣмъ духомъ примиренія, которымъ былъ такъ богато надѣленъ Пушкинъ, ибо всѣхъ своихъ героевъ освѣтилъ онъ свѣтомъ любви: въ Донъ-Жуанѣ, жизнерадостномъ, какъ ясный день, беззаботномъ, какъ сама юность, не остается почти ничего для суроваго судьи-моралиста; образъ преступнаго Годунова внушаетъ только глубокое сожалѣніе; Скупой Рыцарь и Сальери—несчастные мученики глубокой страсти,—одинъ—къ поэзіи золота, другой—къ божеству музыки: они тоже ни въ комъ не вызываютъ злобы. Такъ, ранѣе суровый Петръ изображенъ имъ въ моментъ примиренія съ врагами,—въ его душѣ отмѣчено Пушкинымъ мягкое чувство признательности и даже нѣжности; позднѣе, въ Пугачевѣ, мы увидимъ мягкія черты благодарности и милосердіе.

Послѣдній періодъ жизни Пушкина (1831-1837). Послѣ свадьбы Пушкинъ прожилъ съ молодой женой до 20-ыхъ чиселъ мая въ Москвѣ, а затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ и 23-го—на дачу въ Царское Село. Судя по письму его къ тещѣ, видно, что счастье его было далеко неполнымъ. «Я былъ вынужденъ оставить Москву, пишетъ онъ, во избѣжаніе разныхъ дрязгъ...» (родственники жены задержали приданое Н. Н. и еще взяли въ долгъ у поэта). Можно за то думать, что въ Царскомъ, какъ кажется, онъ былъ почти счастливъ: денегъ у него отъ залога Болдина было 40000 р., настоятельные долги были заплочены; «безтемпераментная» (слово Пушкина) красавица-жена не препятствовала поэту идеализировать ее и мечтать о полномъ счастьѣ; отъ назойливыхъ родственниковъ жены поэтъ на первое время отдѣлался, устроилъ себѣ уютное гнѣздо и зажилъ новой жизнью. «Теперь, кажется, все сладилъ, писалъ онъ Нащокину 1-го іюня, и буду жить потихоньку, безъ тещи, безъ экипажа, слѣдственно, безъ большихъ расходовъ и безъ сплетенъ». Изъ этого видно, что тревога о деньгахъ все таки не умирала въ сердцѣ поэта, и всѣ послѣдующія письма указываютъ намъ, что безпокойство это росло—тѣмъ болѣе, что почти въ каждомъ письмѣ Пушкину приходится говорить о своихъ расходахъ, о дороговизнѣ жизни и пр. Въ особенности пугала его предстоящая ему жизнь къ столицѣ. «Жду дороговизны, и скупость, наслѣдственная и благопріобрѣтенная, во мнѣ тревожится» — пишетъ онъ тому же Нащокину. 3-го іюля онъ отправилъ Плетневу уже отчаянное письмо: «Ради Бога, вели Смирдину прислать мнѣ денегъ или я самъ явлюсь къ нему, не смотря на карантины». Едва кончивъ «Повѣсти Бѣлкина», онъ послалъ ихъ Плетневу съ подробнымъ разсчетомъ, сколько онъ долженъ за нихъ получить. Тогда-же, въ іюнѣ, хлопочетъ онъ у Бенкендорфа о повышеніи на два чина, которыхъ не дали ему «за выслугу лѣтъ» во время его службы съ 1817 по 1824 г., а также о разрѣшеніи издавать политическій оффиціальный журналъ. «Если Государю Императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностью и съ усердіемъ исполнить волю Его Величества. Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыхъ у насъ не существуетъ), и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальный журналъ. Но тѣмъ не менѣе, общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветой. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны. Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать бестыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ. Съ радостью взялся бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости,

около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіемъ и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію». Въ этомъ же письмѣ онъ просилъ разрѣшенія «заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ». «Не смѣю и не хочу взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина»,—не безъ задней мысли оканчиваетъ свое письмо поэтъ; «но могу современемъ исполнить мое давнее желаніе—написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III-го». Рукою Бенкендорфа на оригиналѣ этого письма написано: «Государь велѣлъ его принять въ Иностранную Коллегію съ позволеніемъ рыться въ старыхъ архивахъ для написанія исторіи Петра Перваго». Не смотря на эту резолюцію, на службу Пушкинъ поступилъ лишь съ 1-го января 1832 г. Несомнѣнно, эти предложенія услугъ правительству вызваны были той «денежной тревогой», которая усиливалась все больше и больше. Вѣчныя хлопоты о векселяхъ, просьбы о деньгахъ и, повидимому, напряженное усиліе «творчества» ради денегъ, — вотъ печальная сторона «новой» жизни поэта... Если не разъ и раньше совѣсть его мучила, что онъ существуетъ насчетъ своего вдохновенія («Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ»), то теперь, когда поэтъ долженъ былъ писать и продавать сейчасъ же рукописи, онъ долженъ былъ чувствовать себя особенно тяжело. Къ этому присоединялось самое презрительное отношеніе къ той публикѣ, которая должна была платить эти деньги. «Если бы ты читалъ наши журналы», пишетъ онъ Нащокину 21-го іюля, «то увидѣлъ бы, что все, что называютъ у насъ критикой, одинаково гадко и смѣшно... Ни критика, ни публика не достойны дѣльныхъ возраженій». 7-го октября онъ жаловался Нащокину: «Мнѣ совѣстно быть неаккуратнымъ, но я совершенно разстроился: женясь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро». Но эти денежные разсчеты не омрачали еще счастья Пушкина,—онъ вѣрилъ, что они переходящи, а его благополучіе въ будущемъ обезпечено. Эта вѣра давала ему силы утѣшать даже другихъ: Плетневу онъ писалъ 22-го іюля: «Опять хандришь! Эй, смотри, хандра хуже холеры,—одна убиваетъ только тѣло другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ Молчановъ умеръ; погоди умретъ Жуковскій, умремъ и мы, но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомыхъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, выростетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши старыя хрычевки; а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята; мальчики станутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ то и любо. Вздоръ, душа моя, не хандри, холера на дняхъ пройдетъ, были бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы!»

Лѣто въ Царскомъ Селѣ въ 1831 г. было глухое, безлюдное: холера свирѣпствовала въ Петербургѣ; карантины, окружавшіе Царское Село, народныя волненія въ столицѣ, все это не могло способствовать подъему настроенія. Но на частной жизни Пушкиныхъ эта отдаленность отъ тревогъ и даже отъ людей отразились особенно счастливо,—они вели тихое, уединенное существованіе и видѣлись только съ Жуковскимъ да съ Александрой Осиповной Россетъ (впослѣдствіи Смирновой). «По утрамъ, разсказываетъ она въ своихъ запискахъ, и Жуковскій, и Пушкинъ были каждый при своемъ дѣлѣ: Жуковскій занимался съ Великимъ Княземъ или работалъ у себя, Пушкинъ — писалъ». Усиленная работа въ своемъ кабинетѣ, прогулки съ женой, посѣщенія Россетъ — такова была однообразная и спокойная жизнь поэта лѣтомъ 1831 г. Постоянное присутствіе Жуковскаго, этого умнаго, веселаго, дѣтски-кроткаго и душевнаго человѣка, придавало тихую прелесть немногочисленному дружескому кружку. Добродушная шутка и незлобивый смѣхъ царили въ ихъ интимныхъ собраніяхъ. Въ это лѣто, между прочимъ, оба поэта состязались въ обработкѣ народныхъ сказокъ: Жуковскій написалъ «Берендея» и «Спящую Царевну», Пушкинъ—«Царя Салтана».

Такая жизнь была Пушкину по душѣ. Чтобы быть вполнѣ счастливымъ, ему нужно было отдѣлаться отъ расходовъ. Вотъ почему онъ нѣсколько разъ въ письмахъ къ Осиповой говоритъ о пріобрѣтеніи деревни Савкина, около Тригорскаго; тамъ онъ разсчитывалъ, очевидно, поселиться съ женой ради экономіи. Отношенія къ правительству у Пушкина до нѣкоторой степени установились, хотя газеты

ему издавать не разрѣшили и вакантнаго послѣ Карамзина мѣста «исторіографа» не предоставили, но приняли на службу съ 5000 р. жалованья сверхштатнымъ чиновникомъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Какъ и раньше, такъ и въ этомъ году, стихотворные грѣхи его юности время отъ времени давали себя чувствовать. Одинъ изъ вожаковъ польскаго возстанія, Лелевель, въ одной изъ своихъ возбуждающихъ рѣчей, превознесъ Пушкина за его оппозиціонныя настроенія. Эта похвала была для поэта совершенно не кстати, и онъ поспѣшилъ высказаться публично по поводу польскаго движенія: имъ написаны были стихотворенія «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская Годовщина», въ которыхъ онъ становится на правительственную точку зрѣнія. Эти стихотворенія, вмѣстѣ съ «Стансами» (1826 г.), явно свидѣтельствуютъ, что если «Стансы» говорятъ лишь о минутномъ увлеченіи поэта личностью Императора, то эти два стихотворенія—уже несомнѣнная исповѣдь новой политической вѣры поэта: онъ рѣшительно перешелъ на сторону правительства и не считалъ нужнымъ этого скрывать передъ русской публикой.

Въ это время Пушкинъ сдѣлалъ попытку отдѣлаться отъ опеки державнаго цензора, но она не удалась. Пушкинъ писалъ Бенкендорфу: «Въ 1829 году Ваше Высокопревосходительство изволили мнѣ сообщить, что Государю Императору угодно было впредь положиться на меня въ изданіи моихъ сочиненій. Высочайшая довѣренность налагаетъ на меня обязанность быть и самому себѣ строжайшимъ цензоромъ, и послѣ того было бы для меня нескромностью вновь подвергать мои сочиненія собственному разсмотрѣнію Его Императорскаго Величества». На это письмо отъ графа Бенкендорфа послѣдовалъ отвѣтъ. «Для меня всегда пріятно быть съ Вами въ сношеніяхъ по предмету Вашихъ сочиненій, и потому я прошу Васъ всякій разъ, когда будете имѣть въ томъ надобность, обращаться ко мнѣ со всею искренностью. Вмѣстѣ съ симъ, считаю необходимымъ замѣтить Вамъ, что сколь ни удостовѣренъ Государь Императоръ въ чистотѣ Вашихъ намѣреній и правилъ но, со всѣмъ тѣмъ, однако, мнѣ неизвѣстно, чтобы Его Величество разрѣшилъ Вамъ всѣ Ваши сочиненія печатать подъ одною Вашею только отвѣтственностью. Упоминаемое въ письмѣ Вашемъ сообщеніе мое къ Вамъ 1829 года относилось къ одной лишь трагедіи Вашей подъ названіемъ «Годуновъ», а потому Вамъ надлежитъ по прежнему испрашивать всякій разъ Высочайшее Его Величества соизволеніе на напечатаніе Вашихъ сочиненій» (19-го октября 1831 г.).

Въ 20-хъ числахъ октября Пушкинъ съ женою переѣхалъ въ Петербургъ и зажилъ широкой свѣтской жизнью. Если дорого обошлось ему первое обзаведеніе, то теперь еще чувствительнѣе сказалась та жизнь, въ которую онъ втянулъ жену. Безъ преувеличенія можно сказать, что небогатая Гончарова, только что начавшая появляться въ московскихъ гостиныхъ,—женщина холодная, равнодушная и «безтемпераментная», по выраженію Пушкина,—могла и не стремиться къ разсѣянной свѣтской жизни, но самъ Пушкинъ, влюбившійся со всѣмъ пыломъ своей страстной натуры, былъ человѣкомъ слишкомъ тщеславнымъ, чтобы не вывозить своей красавицы-жены въ свѣтъ. Вѣроятно, на первыхъ порахъ она и не предъявляла ему никакихъ требованій насчетъ костюмовъ и обстановокъ,—поэтъ самъ шелъ на то, чтобы окружить ее баловствомъ, поклоненіемъ,—однимъ словомъ—всѣмъ тѣмъ, что для нея могло казаться «счастьемъ».

Онъ великодушно бралъ на себя всю черновую работу въ этомъ созиданіи ореола для своей жены. Наемъ квартиры, столкновенія съ хозяевами, экипажи, возня съ прислугой и прочія мелочныя домашнія дрязги цѣликомъ лежали на его обязанности. И комиченъ, и жалокъ былъ поэтъ нашъ въ новой и столь несвойственной ему роли домовитаго хозяина. Начались балы, выѣзды, пріемы. Наталья Николаевна сразу заняла въ свѣтѣ почетное мѣсто. Государь, а за нимъ и вся знать ласково и радушно встрѣтили появленіе красавицы. Приглашеніямъ не было конца, и Пушкинъ долженъ былъ повсюду сопровождать жену. Онъ не только тѣшилъ ее нарядами и роскошью, а тѣшилъ и себя, и въ то же время, изъ самолюбія и тщеславія, не хотѣлъ, чтобы она уступала въ чемъ-нибудь своимъ великосвѣтскимъ соперницамъ. Не мудрено, что долги его росли и грозили полнымъ разореніемъ. Ради устройства своихъ дѣлъ, онъ 6-го декабря уѣхалъ въ

Москву, гдѣ и прожилъ до 20-хъ чиселъ. Эта первая разлука съ женой причинила много тревоги и тоски поэту: письма его остались краснорѣчивымъ памятникомъ его настроенія. Супруга его рисуется въ нихъ во весь ростъ: это пустая женщина, интересующаяся только московскими сплетнями, нуждающаяся въ томъ, чтобы ее забавляли, смѣшили, чтобы за ней ухаживали, какъ за ребенкомъ; сама она совершенно безпомощна въ хозяйствѣ и въ дѣлахъ; она нуждается въ руководительствѣ и самыхъ примитивныхъ совѣтахъ; но въ то же время она уже «избалованный», капризный ребенокъ, который въ письмахъ поэта привлекателенъ только потому, что освѣщенъ трогательною любовью. Съ нею Пушкинъ можетъ только «болтать», смѣшить ее, но не совѣтоваться; не можетъ ей открывать своего сердца, такъ какъ она его не пойметъ и будетъ скучать: «Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя оставилъ», пишетъ ей Пушкинъ, «мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поѣдешь во дворецъ и, того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лѣстницы. Душа моя, женка моя, ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: ходи 2 часа въ сутки по комнатѣ и побереги себя. Вели брату смотрѣть за собою и воли не давать..... Если поѣдешь на балъ, ради Бога, кромѣ кадрили не пляши ничего; напиши, не притѣсняютъ ли тебя люди, и можешь-ли ты съ ними сладить». Въ другомъ письмѣ онъ уже не безъ раздраженія упрекаетъ жену за слабоволіе въ отношеніяхъ къ прислугѣ. «Ты пляшешь по ихъ дудкѣ; платишь деньги, кто только попроситъ—эдакъ хозяйство не пойдетъ. Впередъ, какъ приступятъ къ тебѣ, скажи, что тебѣ до меня дѣла нѣтъ; а чтобъ твои приказанія были святы! Съ Алешкой раздѣлаюсь по моемъ пріѣздѣ. Василія, вѣроятно, принужденъ буду выпроводить съ его возлюбленной». Далѣе слѣдуютъ совѣты не «стягиваться», «не сидѣть, поджавши ноги», осторожнѣе завязывать знакомства, не «дружиться съ графинями, съ которыми нельзя кланяться въ публикѣ».

Литературная дѣятельность Пушкина за этотъ годъ выразилась въ сочиненіи отрывка «Рославлевъ» и нѣсколькихъ стихотвореній. Изъ нихъ два: «Красавица» и «Отрывокъ» посвящены Гончаровой,—первое-еще невѣстѣ, когда поэтъ благоговѣлъ передъ «святыней» ея красоты, второе—уже женѣ; оно характерно тѣмъ, что обличаетъ холодность жены къ мужу,—она противилась его ласкамъ и «безъ участія и вниманія» слушала его страстныя рѣчи, его признанія, полныя раскаянья и тоски о прошлыхъ грѣхахъ. Къ этому же году относятся вышеупомянутыя стихотворенія: «Клеветникамъ Россіи», «Бородинская Годовщина». Кромѣ того, написаны имъ: «Къ тѣни полководца», «19-е октября 1831 г.» и «Эхо». Оба послѣднія произведенія очень характерны для пониманія Пушкина: въ первомъ изъ нихъ звучатъ грустныя ноты, совершенно неожиданныя у человѣка, повидимому, счастливаго первымъ семейнымъ счастьемъ. Между тѣмъ, поэта мучила мысль о скорой его смерти; пересчитавъ мѣста, опустѣвшія за смертью друзей, онъ останавливается всѣми своими помыслами на Дельвигѣ. Стихотвореніе «Эхо», прекрасно изображающее сущность пушкинской поэзіи—разнообразіе ея мотивовъ и отзывчивость на всѣ впечатлѣнія, кончается характерными признаніями, что поэту, какъ эхо, «нѣтъ отзыва»... Очевидно, сознаніе духовнаго одиночества поэта не уничтожилось съ его женитьбой,—быть можетъ, даже обострилось.

Въ февралѣ 1832 г. Пушкину опять дали почувствовать, что милостивое отношеніе къ нему правительства не есть еще освобожденіе отъ «опеки»: 7-го февраля Бенкендорфъ прислалъ ему оффиціальный запросъ, по какому праву напечаталъ онъ въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» свое стихотвореніе «Анчаръ», не испросивъ предварительно Высочайшаго дозволенія. Пушкину пришлось отвѣчать, что, по его мнѣнію, высочайшая милость представлять свои произведенія на просмотръ государю не лишила его права, даннаго всѣмъ подданнымъ, — печатать съ дозволенія цензуры. Подобныя непріятности, мелкія, но частыя, долго и чувствительно уязвляли поэта,—онъ даже охладѣлъ на время къ намѣренію взять на себя редакторство предполагаемой оффиціальной газеты,—намѣренію, которымъ до того онъ былъ сильно занятъ. Наряду съ выговорами, Пушкинъ получалъ, впрочемъ, и знаки Высочайшаго благоволенія,—такъ, 17-го февраля ему въ «подарокъ» отъ Государя былъ присланъ одинъ экземпляръ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи. Пушкинъ «съ чувствомъ глу-

бочайшаго благоговѣнія» приносилъ письменную благодарность черезъ Бенкендорфа за этотъ «драгоцѣнный знакъ царскаго благоволенія». Кромѣ того, разрѣшено было Пушкину заняться собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра I-го въ государственныхъ архивахъ; 29-го февраля 1832 г. ему позволили разобрать библіотеку Вольтера, хранившуюся въ Эрмитажѣ; затѣмъ онъ проникъ въ Петербургскій Архивъ Инспекторскаго Департамента и въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

11-го іюля Пушкинъ писалъ Погодину о томъ, что государь разрѣшилъ ему издавать политическую газету. 16-го сентября поэтъ далъ Н. И. Тарасенко-Отрѣшкову довѣренность на принятіе званія редактора дозволенной газеты, а 17-го выѣхалъ въ Москву. 1-го октября Бенкендорфъ согласился на утвержденіе этого лица редакторомъ и объ этомъ извѣстилъ Н. Н. Пушкину, но уже 2-го числа отъ Мордвинова, начальника III-го Отдѣленія, прислано было письмо съ запрещеніемъ приступать къ изданію газеты до возвращенія Бенкендорфа изъ Ревеля и до представленія Государю образцовъ газеты. Такъ дѣло съ газетой разстроилось. Всѣ эти задержки указывали на то недовѣріе, съ которымъ слѣдили за каждымъ, даже благонамѣреннымъ, въ правительственномъ смыслѣ, шагомъ Пушкина. Это и оскорбляло его, и въ то же время крайне невыгодно отражалось на его финансовыхъ обстоятельствахъ. Онъ, по прежнему, и въ этомъ году продолжаетъ употреблять всѣ усилія, чтобы какъ-нибудь извернуться: сохранилось, напримѣръ, письмо его къ М. О. Судіенко съ просьбой дать взаймы 25000 р.; письма къ Нащокину по прежнему наполнены разными хитроумными проэктами раздобыть денегъ. Въ Москвѣ онъ пробылъ съ 21-го сентября по 10-е октября, работая въ архивахъ, хлопоча о денежныхъ дѣлахъ своихъ и жениныхъ. Письма его къ женѣ все въ томъ же духѣ, что и письма 1831 года,—та же заботливость о мелочахъ ея будничной жизни, то же недовѣріе къ ея умѣнью вести хозяйство и держать себя въ обществѣ, тѣ-же страхи за ея здоровье. Поэтъ словно удивляется, получа въ Москвѣ отъ жены письмо—первое, которое оказалось, сверхъ ожиданія, «длиннымъ». «Какая ты умненькая, какая ты миленькая», восклицаетъ онъ 25-го сентября, «какое длинное письмо. Какъ оно дѣльно! благодарствую, женка. Продолжай, какъ начала, и я вѣкъ за тебя буду Бога молить!». Жутко дѣлается за великаго человѣка, который до такой степени былъ неизбалованъ счастьемъ въ жизни, что готовъ былъ въ первомъ «дѣльномъ» письмѣ подруги жизни усмотрѣть какое-то особое благополучіе! Онъ по прежнему потѣшаетъ ее московскими сплетнями, которыя всѣ группировались около нея. Попрежнему упрекаетъ онъ жену за кокетничанье: очевидно, она посылала ему отчеты о своихъ побѣдахъ, дѣлилась съ мужемъ тѣмъ, что было единственнымъ содержаніемъ ея убогой души. «Нехорошо только», писалъ ей Пушкинъ 27-го сентября, «что ты пускаешься въ разныя кокетства; принимать П—а тебѣ не слѣдовало, во первыхъ, потому, что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во вторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ. Вслѣдствіе сего деру тебя за ухо и цѣлую нѣжно какъ будто ни въ чемъ не бывало»... Очевидно, уже теперь червь ревности забрался въ его измученное сердце. 30-го сентября онъ пишетъ: «я только завидую тѣмъ изъ нихъ (друзей), у коихъ супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc. etc. Знаешь рускую пѣсню—

Не дай Богъ хорошей жены.
Хорошу жену часто въ пиръ зовутъ,

а бѣдному то мужу во чужомъ пиру похмелье».

Иногда жалобы Пушкина звучатъ очень трогательно. Нѣжность къ женѣ увеличилась у поэта съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался отцомъ: 19-го мая 1832 у него родилась дочь Марія (въ замужествѣ Гартунгъ).

Къ серединѣ октября 1832 г. поэтъ вернулся въ Петербургъ и снова повелъ разсѣянную жизнь и кропотливую работу въ архивахъ, въ разсчетѣ будущими трудами улучшить свое матеріальное положеніе.

Литературная дѣятельность его въ этомъ году была интенсивнѣе, чѣмъ въ прошедшемъ: изъ стихотвореній одно посвящено женѣ («Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ»), большинство другихъ представляетъ собою переводы и подражанія или отрывки какихъ-то стихотворныхъ «повѣстей» («Начало повѣсти», «Юдиѳь», «Альфонсъ», «Подражаніе Данту»). Пребы-

ваніе въ Москвѣ отразилось еще въ мимолетномъ увлеченіи поэта какимъ-то чистымъ дѣвическимъ образомъ: съ необыкновенной граціей выразилъ поэтъ ту свѣтлую любовную печаль, съ которою провожалъ онъ глазами это мимолетное, чистое видѣніе: «Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу волненіямъ любви безумно предаваться!» Послѣ этого тревожнаго крика, поэтъ переходитъ въ другое, болѣе мирное, спокойное настроеніе, — любить онъ не имѣетъ права, но «погрузиться въ минутное мечтанье», когда мимо него проходитъ «младое, чистое, небесное созданье» — это онъ себѣ разрѣшаетъ... И вслѣдъ уходящему юному существу онъ посылаетъ благословенье «на радость и на счастье», всѣмъ сердцемъ желаетъ ей «всѣ блага жизни сей», «веселье, миръ душѣ, безпечные досуги», —

Все,—даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

Эти заключительныя слова раскрываютъ намъ то безкорыстное, чуждое эгоизма сердце, которое своимъ чувствамъ еще раньше нашло выраженіе въ стихотвореніи «Я васъ любилъ». Изъ прозаическихъ произведеній Пушкина этого года надо назвать 14 главъ «Дубровскаго», романа, въ которомъ живо и рельефно изображена жизнь русскаго дворянства въ деревнѣ,—прекрасный фонъ для развитія сюжета, заимствованнаго изъ модныхъ тогда иностранныхъ романовъ съ «благородными» романтическими разбойниками на первыхъ роляхъ. Но, конечно, не этотъ заимствованный и избитый сюжетъ интересенъ въ романѣ, а именно фонъ — русская природа, русскіе мужики, чиновники и дворяне, которые всѣ обрисованы просто и правдиво. Если въ «Евгеніи Онѣгинѣ» герои слишкомъ выступаютъ впередъ, то въ «Дубровскомъ» они очерчены блѣднѣе и не закрываютъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Къ этому же году относятся начальныя сцены «Русалки». Эта драма на мотивы изъ народныхъ сказокъ представляетъ собою первую попытку использовать сказку для драмы. Какъ на источникъ пьесы, указываютъ и на чешскую пѣснь «Янышъ-Королевичъ», переведенную Пушкинымъ, и, съ большимъ основаніемъ, на оперу Гейслера «Das Donauweibchen»: эта опера имѣла успѣхъ и была у насъ переведена и поставлена въ 1803 г., подъ названіемъ: «Русалка, опера комическая въ трехъ дѣйствіяхъ». Сюжетъ оперы очень близокъ къ произведенію Пушкина, хотя ничего общаго не имѣетъ съ нимъ въ колоритѣ. Глубокое проникновеніе въ духъ народной поэзіи помогло Пушкину въ своемъ творчествѣ удачно соперничать съ народомъ, и въ «Русалкѣ» его способность творить въ народномъ духѣ выразилось блестяще: онъ сумѣлъ чужой сюжетъ оживить новымъ духомъ, перевоплотилъ чужое, нѣмецкое въ родное, русское.

1833-й годъ не принесъ Пушкину никакого облегченія. Жена его вполнѣ втянулась въ жизнь свѣтской, побѣдоносной красавицы, мало стѣсняясь тѣмъ, что мужъ не скрывалъ своего неудовольствія этимъ, хотя и смягчалъ его то шутками, то ласками. Денегъ становилось все меньше, семейство увеличивалось (6-го іюля у него родился сынъ Александръ), а вмѣстѣ съ тѣмъ новыя хлопоты, новыя непріятности тяжелымъ бременемъ ложились на голову поэта. Временами отчаянье овладѣвало имъ. Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ написано имъ стихотвореніе

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума...

Трудъ и голодъ, посохъ и сума кажутся поэту лучше этого состоянія. Его не страшило, что онъ лишился бы разума, если бы его оставили при этомъ на свободѣ: тогда, сливаясь съ природой, онъ жилъ бы съ ней одной жизнью и былъ бы счастливъ, но его ужасала мысль, что его «запрутъ»; «посадятъ на цѣпь дурака и сквозь рѣшетку, какъ звѣрька, дразнить придутъ». Безъ преувеличенія можно сказать, что во время, когда создавалось это стихотвореніе, такое состояніе души все чаще и чаще посѣщало поэта. Съ отроческихъ лѣтъ онъ жаждалъ независимости и свободы, вѣчно отбивался отъ всякаго рабства, отъ всякихъ оковъ; но съ каждымъ годомъ эти оковы все тяжелѣе ложились на него, — и вотъ теперь онъ видѣлъ себя уже въ клѣткѣ, откуда не было выхода: въ поведеніи Бенкендорфа поэтъ справедливо усмотрѣлъ «поддразниваніе», о которомъ онъ говоритъ въ означенномъ стихотвореніи: передъ всесильнымъ шефомъ онъ, великій поэтъ, былъ только жалкимъ, безпомощнымъ человѣкомъ, сидящимъ въ клѣткѣ на цѣпи. Въ отношеніяхъ жены—онъ, быть можетъ, тоже чувствовалъ это поддразниванье,

хотя и не злостное, а наивное, безсознательное, но оскорбительное и крайне для него болѣзненное,—такъ какъ и передъ ней онъ чувствовалъ себя также въ оковахъ, снять которыя онъ тоже не былъ въ силахъ. Русская публика, русская критика, великосвѣтское общество, многіе «друзья», отъ которыхъ Пушкину претило, все это окружило его цѣлой сѣтью зависимостей, и все это не щадило его самолюбія и дразнило легкомысленнымъ отношеніемъ къ его произведеніямъ, легковѣсной критикой, пренебреженіемъ, сплетнями, безтактными шутками, укорами и совѣтами. Понятно, какой ужасъ временами могъ охватывать поэта, по мѣрѣ того, какъ все яснѣе и яснѣе онъ начиналъ сознавать свою безпомощность и свое рабство. Вотъ почему, при всей своей любви къ женѣ, не взирая на приступы ревности и даже раздраженія, онъ былъ способенъ на нѣсколько мѣсяцевъ бросать все:—семью и общество и ѣздить по окраинамъ Россіи подъ предлогомъ собиранія на мѣстѣ матеріаловъ для своихъ научныхъ и литературныхъ работъ.

Мы видали уже, что историческими разысканіями въ архивахъ Пушкинъ занялся не по призванію, а ради увеличенія средствъ къ жизни, а быть можетъ и въ разсчетѣ на полученіе званія «исторіографа». Для архивной работы у него не было ни навыка, ни способности, ни даже и особой охоты. Самый предметъ его первоначальныхъ изысканій—Петръ Великій вовсе не былъ для него освященъ тѣмъ увлеченіемъ, которое ученаго спеціалиста можетъ приковать къ усидчивому, безраздѣльному труду: потому-то Пушкинъ такъ легко отъ петровскихъ бумагъ переходилъ къ библіотекѣ Вольтера, къ бумагамъ о Суворовѣ, о Пугачевѣ. Послѣдній восторжествовалъ надъ Петромъ: образъ мятежника и картины тогдашняго тревожнаго времени настолько захватили воображеніе поэта, что, наряду съ «Исторіей Пугачевскаго бунта», въ его головѣ стали неясно складываться, слагаться очертанія его исторической повѣсти,—первыя очертанія героевъ и содержанія «Капитанской Дочки».

Въ концѣ іюля Пушкинъ подалъ прошеніе о долгосрочномъ отпускѣ (сперва въ Дерптъ для посѣщенія вдовы Карамзина, потомъ въ Нижегородскую деревню, Оренбургъ и Казань), мотивируя его слѣдующимъ образомъ: «Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальству, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную». Такъ кривилъ душой поэтъ, называя «суетными занятіями» свою литературную дѣятельность, а службу въ Петербургѣ «важной и полезной».

Пушкину было разрѣшено съѣздить, куда онъ просился, но Государь изъявилъ желаніе знать, что побуждаетъ его къ поѣздкѣ въ Оренбургъ и Казань, и по какой причинѣ хочетъ онъ оставить занятія, здѣсь на него возложенныя» Получивъ разрѣшеніе, поэтъ 18-го августа отправился въ Казань и Оренбургъ. Свое путешествіе онъ подробно описывалъ въ письмахъ къ женѣ: разлука смягчила накипавшее раздраженіе, и тонъ этихъ писемъ опять прежній, грустно-неутѣшный, не переходящій въ упрекъ, но ясно говорящій, что непонятый человѣкъ, при всей своей любви къ подругѣ жизни, не нашелъ въ семьѣ счастья и отдыхалъ вдали отъ нея.—18-го августа Пушкинъ вмѣстѣ съ Соболевскимъ поѣхалъ по московской дорогѣ. Сначала онъ хотѣлъ заѣхать въ Ревель, къ Карамзинымъ; но, въ видахъ экономіи, рѣшился ѣхать прямо въ Оренбургъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Ярополецъ, имѣніе Гончаровыхъ, затѣмъ, въ Тверской губерніи, — въ имѣніе Вульфовъ. Въ Москвѣ онъ провелъ нѣсколько дней, остановившись, какъ всегда, у Нащокина; видѣлся съ Чаадаевымъ, Погодинымъ, Булгаковымъ, Судіенкой, Н. Н. Раевскимъ, а затѣмъ направился въ Нижній, Казань, Симбирскъ и 18-го сентября былъ уже въ Оренбургѣ. Въ Казани онъ свидѣлся съ поэтомъ Боратынскимъ. Оренбургскую губернію Пушкинъ объѣхалъ въ сопровожденіи В. И. Даля, а 1-го октября былъ уже въ Болдинѣ, гдѣ и прожилъ до половины ноября.

Письма поэта за все это время относятся почти исключительно къ женѣ. Онъ засыпаетъ ее комплиментами и восторженными восклицаніями въ родѣ: «addio, mia bella, idol mio, mio bel tesoro»; увѣряетъ

ее въ томъ, что она, прекрасна: «глядѣлась ли ты въ зеркало», спрашиваетъ онъ, «и увѣрилась ли ты, что съ твоимъ лицомъ ничто сравнить нельзя на свѣтѣ, — а душу твою люблю я еще болѣе твоего лица»; рядомъ съ этимъ просьбы: «не стращай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась, я пріѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать, а безъ денегъ сядемъ на мель. Ты лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить». Въ другомъ письмѣ онъ ей пишетъ: «Кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности, не говорю ужъ о безпорочности поведенія, которое относится не къ тому, а къ чему-то уже важнѣйшему. Охота тебѣ, женка, соперничать съ гр. С..,—ты красавица, ты-бой-баба, а она шкурка». Въ письмѣ отъ 30-го октября упреки носятъ болѣе тревожный характеръ: «Ты, кажется, не путемъ искокетничалась», — пишетъ Пушкинъ; смотри, не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурного тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься, что за тобою... бѣгаютъ...; есть чему радоваться. Не только тебѣ, но и Прасковьѣ Петровнѣ легко за собою пріучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ... Вотъ вся тайна кокетства; было бы корыто, а свиньи будутъ!». Въ этомъ же письмѣ есть характерная жалоба на то, что жена измѣнила прежнему «милому, простому, аристократическому тону и ведетъ себя не «comme il faut»; слѣдуетъ шутливая угроза развестись съ нею: поэтъ, очевидно, вспоминалъ свою жену скромной, тихой дѣвицей—красавицей, когда она впервые стала появляться въ московскихъ гостиныхъ. Но едва-ли онъ догадывался, что въ происшедшей съ женой метаморфозѣ онъ былъ очень виноватъ: своимъ раболѣпствомъ передъ ней и баловствомъ онъ развилъ въ ней всѣ дурныя стороны ея ограниченной души. Теперь оставалось или разорвать съ нею, или незамѣтно, шутливоласково направлять на путь истинный,— легкимъ упрекомъ, шуткой и жалобой; Пушкинъ, очевидно, предпочелъ второе: «Женка, женка!» пишетъ онъ ей 6-го ноября: я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу—для чего?—для тебя, женка: чтобъ ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ неразлучнымъ мущины не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc. etc.». Но, очевидно, эти попытки затронуть тонкія струны состраданія и признательности въ душѣ жены Пушкину не удались,—она по прежнему продолжала свой образъ жизни и съ непонятною жестокостью подробно описывала его мужу. Около 20-го ноября Пушкинъ вернулся въ Петербургъ.

Литературное творчество Пушкина за этотъ годъ выразилось въ цѣломъ рядѣ стихотворныхъ переводовъ: изъ Аѳенея, Кенофана Колофонскаго, Мицкевича («Воевода» «Будрысъ и его сыновья») и подражаній испанскимъ романсамъ (Родригъ) и народнымъ пѣснямъ («Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ», «Одинъ то былъ у отца, у матери единый сынъ», «Другъ мой милый, красно солнышко мое», «Царь увидѣлъ предъ собою», «Въ полѣ чистомъ серебрится»); изъ лирическихъ стихотвореній, касающихся интимной жизни пушкинскаго сердца, интересно только одно вышеприведенное: «Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума». Кромѣ того, въ этомъ году написана имъ «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ», «Сказка о Мертвой Царевнѣ», окончена повѣсть «Дубровскій» и начата поэма «Мѣдный Всадникъ» — произведеніе, сложившееся съ одной стороны, какъ результатъ изученія личности Петра, а съ другой,—какъ отраженіе того широкаго оптимистическаго міросозерцанія, которое мирило Пушкина съ временнымъ, случайнымъ зломъ въ массѣ добра... Мелкое, личное—ничто передъ широкимъ, вѣчнымъ, общечеловѣческимъ и даже общегосударственнымъ. Съ такой точки зрѣнія посмотрѣлъ Пушкинъ на несчастье Евгенія и осудилъ въ немъ дерзость муравья, возставшаго во имя своего личнаго счастья. Съ такой широкой точки зрѣнія могъ иногда смотрѣть Пушкинъ и на свою жизнь: тогда онъ прощалъ правительству мелкіе промахи во имя вѣры въ величіе будущей Россіи; съ такой точки зрѣнія могъ онъ смотрѣть по временамъ благожелательными очами на своихъ дѣтей, вообще на молодое поколѣніе: изъ узкихъ, эгоистическихъ рамокъ личнаго существованія поэтъ выросъ и приподнялся надъ современностью; и въ прошломъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ готовъ онъ былъ находить разумное, прощать зло во имя

господствующаго добра. Это сознаніе, вѣроятно, утѣшало его.

1834-й годъ былъ для поэта еще тяжелѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе. Въ январѣ мѣсяцѣ онъ былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ. Трудно сказать, было-ли это милостью, или новой цѣпью, которая еще крѣпче должна была сковать поэта, все еще внушавшаго подозрѣнія. Этой «милостью» поэтъ былъ оскорбленъ больше, чѣмъ всѣми придирками гр. Бенкендорфа: «Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (это довольно неприлично моимъ лѣтамъ)», пишетъ онъ 1-го января 1834 года въ своей записной книжкѣ. «Меня спрашивали, доволенъ-ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ? — Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только-бъ не заставили учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ». 7-го января онъ тамъ же отмѣчаетъ: «Государь сказалъ Княгинѣ Вяземской: J'espère que Pouschkin a pris en bonne part sa nomination (слѣдовательно, были основанія толковать назначеніе и въ дурную сторону!). Jusqu'à présent il m'a tenu parole, et J'ai été content de lui...». «Великій Князь намедни поздравилъ меня въ театрѣ», пишетъ Пушкинъ въ дневникѣ: «Покорнѣйше благодарю, Ваше Высочество, до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись: вы первый меня поздравили»... Неудовольствіе поэта вполнѣ объяснимо: новое званіе связано было съ обязанностями царедворца, для него обременительными; товарищи его, камеръ-юнкеры, были еще молодыми людьми, и между ними 35 лѣтній Пушкинъ слишкомъ выдѣлялся. Н. М. Смирновъ въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ по этому поводу слѣдующее: «Пушкина сдѣлали камеръ-юнкеромъ,—это его взбѣсило, ибо сіе званіе точно было неприлично для человѣка 34 лѣтъ, и оно тѣмъ болѣе его оскорбило, что иные говорили, будто оно ему дано, чтобъ имѣть поводъ приглашать ко двору его жену. При томъ, на сей случай вышелъ мерзкій пасквиль, въ которомъ говорили о перемѣнѣ чувствъ Пушкина, будто бы онъ сдѣлался искателенъ, малодушенъ, и онъ, дороживпій своей славой, боялся, чтобы сіе мнѣніе не было принято публикою и не лишило его народности. Словомъ, онъ былъ огорченъ и взбѣшенъ и рѣшился не пользоваться своимъ мундиромъ и, чтобъ не ѣздить ко двору, не шить даже мундира». Смирновы насильно заставили его купить подержаный мундиръ князя Витгенштейна.

Молва о томъ, что поэтъ почтенъ придворнымъ званіемъ ради красоты жены, очень была распространена въ городѣ: въ воспоминаніяхъ Соллогуба говорится объ этомъ: «Жена его (Пушкина) была красавица, украшеніе всѣхъ собраній и, слѣдовательно, предметъ зависти всѣхъ ея сверстницъ. Для того, чтобы приглашать ее на балы, Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ, для сопутствованія жены красавицы, игралъ роль жалкую, едва ли не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ глубоко»..

Въ томъ же январѣ принятъ былъ въ гвардію офицеромъ баронъ д'Антесъ. Это былъ красивый блондинъ, ловкій, веселый и болтливый, хвастливый и самонадѣянный... Наружность его была изъ тѣхъ, которыя нравятся свѣтскимъ женщинамъ. Онъ былъ болѣе остроуменъ, нежели уменъ, и умѣлъ оживить салонный разговоръ удачнымъ каламбуромъ, но далѣе этого способности его не шли. При ограниченномъ умѣ, онъ былъ совершенно лишенъ образованія; отличительною чертою его была привычка хвастать своими успѣхами у женщинъ: во всемъ прочемъ онъ былъ добрый малый, хоть и пошловатъ, любимъ товарищами и большинствомъ знакомыхъ; словомъ, онъ былъ вполнѣ подъ пару Н. Н. Пушкиной. Онъ «много суетился, танцовалъ ловко, болталъ, смѣшилъ публику и воображалъ себя настоящимъ героемъ бала». Поэтъ познакомился съ д'Антесомъ въ ресторанѣ, за общимъ столомъ, и, встрѣчаясь тамъ почти ожедневно, они до нѣкоторой степени сблизились. Кромѣ камеръ-юнкерства, сдѣлавшагося незаживающей язвой въ сердцѣ Пушкина, много горя пережилъ онъ въ этомъ году отъ своихъ ближнихъ родственниковъ, — родителей, брата и сестры.

Въ письмѣ къ Нащокину поэтъ разсказываетъ слѣдующую семейную сцену: «На дняхъ отецъ мой посылаетъ за мной. Прихожу, нахожу его въ слезахъ, мать въ постели, весь домъ въ ужасномъ безпокойствѣ. «Что такое?» —Имѣніе описываютъ — «Надо скорѣе заплатить долгъ»—Ужъ долгъ заплаченъ. Вотъ и письмо управителя. —

«О чемъ же горе?» «Жить нечѣмъ до октября». — «Поѣзжайте въ деревню» — «Не съ чѣмъ». Что дѣлать? Надо взять имѣніе въ руки, а отцу назначить содержаніе. Новые долги, новыя хлопоты. А надобно: я желалъ бы и успокоить старость отца, и устроить дѣла брата». Изъ слѣдующихъ писемъ видно, какъ тяжело легла эта обуза на плечи Пушкина, когда онъ взялся управлять разореннымъ имѣніемъ. «Если не взяться за имѣніе», писалъ онъ женѣ, «то оно пропадетъ даромъ: Ольга Сергѣевна и Левъ Сергѣевичъ останутся на подножномъ корму, а придется взять ихъ мнѣ же на руки, тогда то наплачусь и наплачусь, а имъ и горя мало. Меня же будутъ цыганить. Охъ, семья, семья!».

Пушкину не доставало денегъ на печатаніе «Исторіи Пугачевскаго бунта». На помощь поэту, по его просьбѣ (26-го февр.), пришелъ Государь, и, по Высочайшему повелѣнію отъ 16-го марта 1834 г., Пушкину было выдано на печатаніе его труда, «заимообразно» изъ Государственнаго казначейства 20000 р. на два года безъ процентовъ и вычетовъ. При этомъ, съ него было взято письменное обязательство о возвратѣ этихъ денегъ къ сроку. 15-го апрѣля. Н. Н. Пушкина съ дѣтьми уѣхала изъ Петербурга къ роднымъ въ Калужское имѣніе «Полотнянный Заводъ» и «Яропольцъ», и между супругами возобновилась переписка. Въ этомъ году она особенно интересна, такъ-какъ тревожное настроеніе Пушкина въ этихъ письмахъ порой доходитъ до того, что онъ уже не поддѣлывается, какъ раньше, подъ уровень пониманія своей жены, а прямо и рѣзко высказываетъ свои тяжелыя думы; очевидно, и отношенія его къ женѣ перестали быть ровными: такъ, онъ однажды распечаталъ, въ ея отсутствіе, ея письма. Если онъ по прежнему свои письма начинаетъ нѣжными словами, то кончаетъ иногда рѣзкостями. По прежнему даетъ онъ женѣ разные «совѣты», но теперь въ этихъ совѣтахъ уже звучитъ раздраженіе, даже озлобленіе. «Не читай скверныхъ книгъ дядиной библіотеки, не марай себѣ воображенія»... «Женка, женка! если ты въ эдакой бездѣлицѣ меня не слушаешь, такъ какъ мнѣ не думать..,»—краснорѣчиво прерываетъ онъ въ одномъ письмѣ приступъ ревности. А она словно не понимала его; отправленная имъ въ деревню съ дѣтьми едва ли не съ цѣлью отвлечь ее отъ ухаживателей, завела таковыхъ и въ деревнѣ, среди сосѣдей и по прежнему подробно доносила о своихъ успѣхахъ мужу. Въ отвѣтахъ своихъ онъ, очевидно, напрягалъ всѣ силы своей измученной души, чтобы сдержать приливъ раздраженія: «Просилъ я тебя по Калугамъ не разъѣзжать, да видно, ужъ у тебя такая натура... Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ, но читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно. Побранивъ тебя, деру нѣжно тебя за уши и цѣлую, благодаря тебя за то, что ты Богу молишься на колѣняхъ посреди комнаты». Поэтъ, очевидно, понялъ, наконецъ, что̀ за существо его жена,—и быть можетъ, въ это время изъ лучшихъ чувствъ, которыя когда то его воодушевляли, осталась теперь жалость къ этой пустой, безвольной и безличной матери семейства, которая не была ни его другомъ, ни хозяйкой. «Женщина, говоритъ Гальяни, est un animal naturellement faible et malade»,—пишетъ онъ женѣ; какія же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балахъ и помогаете мужьямъ мотать. И за то спасибо». Теперь только, когда первыя очарованія прошли, понялъ Пушкинъ, какой обузой была для него его прелестная жена.

Это «сознаніе» сказалось въ попыткахъ убѣдить себя и ее, что «зависимость» благотворна. «Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости, писалъ онъ женѣ; я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ... Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ». Но если въ такихъ отвлеченныхъ разсужденіяхъ онъ находилъ утѣшеніе, то порою у него все-таки прорывался, «ропотъ»: «Непріятна зависимость,—говоритъ онъ, «особенно, когда лѣтъ 20 человѣкъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя». Особенно угнетали его по прежнему денежныя и служебныя «зависимости»: «Я не долженъ былъ вступать въ службу», пишетъ онъ женѣ, «и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами... Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоно-

совъ, не хочу быть шутомъ, нижѐ у Господа Бога». Впрочемъ, въ добрыя минуты онъ старался себя увѣрить, что и служба, и денежныя обязательства были лишь временной тяготой, безъ которой нельзя было выбраться на путь свободы: «Ты понимаешь необходимость, писалъ онъ женѣ, дай сдѣлаться мнѣ богатымъ,—а тамъ, пожалуй, и путать можемъ въ свою голову». «Я деньги мало люблю», пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, «но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости». Такимъ образомъ, попавъ въ кругъ, изъ котораго ему не суждено было выбраться,—онъ дѣлалъ долги, чтобы обезпечить себѣ возможность работать и богатѣть, но творчество его ослабѣло, богатство не приходило, а долги росли, «зависимости» дѣлались все чувствительнѣе. Изъ нихъ всего легче казалось ему разстаться съ служебной и онъ сталъ мечтать о томъ, чтобы—«плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ»; «отказаться отъ всего и жить припѣваючи», «удрать на чистый воздухъ», «удрать отъ жизни, улизнуть», «отправиться во свояси»—вотъ, какія желанія стали его преслѣдовать особенно настойчиво въ этомъ году. Оскорбленный своимъ камеръ-юнкерствомъ, поэтъ рѣшилъ-было не ходить ко двору, но онъ подвергся строгому выговору; когда онъ явился однажды во фракѣ, ему сдѣлали выговоръ за то, что онъ не надѣваетъ мундира. Немудрено, что раздраженіе его росло,—у него разлилась желчь, письма его къ женѣ дѣлаются рѣзки, шутка замираетъ на устахъ, онъ извиняется предъ женой за то, что пишетъ холодно и не ласково. Онъ жалуется на царя, который его «упекъ въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ». «Все *тотъ* (т. е. Императоръ) виноватъ, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ: но Богъ съ нимъ,—отпустилъ бы лишь меня во свояси». Поэтъ изнемогалъ въ неравной борьбѣ—ему уже не хватало прежняго задора, прежней смѣлости, чтобы подвергаться новымъ «опаламъ». Къ тому же изъ своихъ жизненныхъ бурь онъ вынесъ примиреніе съ жизнью—«добродушіе, коимъ, по его собственному признанію, преисполненъ былъ до глупости, несмотря на опыты жизни». Вотъ почему: рѣшившись просить отставки, онъ заявилъ объ этомъ Бенкендорфу письменно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Des affaires de famille, nécessitant ma présense tantôt à Moscou, tantôt dans l'intérieur, je me vois obligé de me retirer du service et je supplie V. E. de m'en obtenir la permission (15-го іюня). Какъ послѣднюю милость отъ Государя, просилъ онъ не лишать его права посѣщать архивы. На это письмо онъ получилъ сухой, холодный отвѣтъ, освобождающій его отъ службы, но въ то же время запрещающій посѣщать архивы: «Государь Императоръ, писалъ Бенкендорфъ, не изъявилъ своего соизволенія, такъ какъ право сіе можетъ принадлежать единственно людямъ, пользующимся особенною довѣренностью начальства». Пушкинъ, испуганный оборотомъ дѣла, подъ давленіемъ Жуковскаго и подъ впечатлѣніемъ ужаса передъ грядущей нищетой семьи въ случаѣ немилости государя, проситъ его поданному прошенію объ отставкѣ не давать ходу, вернуть его ему. «На дняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ, разсказывалъ онъ женѣ,—съ *тѣмъ* чуть было не побранился—и трухнулъ то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь—другого не наживу. А долго на него сердиться не умѣю, хоть онъ и не правъ» «На *того* я пересталъ сердиться, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, потому что, toute réflexiont faite, не онъ виноватъ въ свинствѣ, его окружающемъ. А живя въ н...., поневолѣ привыкнешь къ... и вонь его тебѣ не будетъ противна, даромъ что gentleman». Поэтъ терялъ голову, недоумѣвалъ, почему его отказъ отъ службы непремѣнно связывался съ гнѣвомъ государя. Онъ не могъ понять, что́ такое ужасное сдѣлалъ онъ своимъ прошеніемъ, за что онъ долженъ «извиняться». «Я, право, самъ не понимаю, писалъ онъ Жуковскому, что со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствіе—какое тутъ преступленіе? Какая неблагодарность? Но государь можетъ видѣть въ этомъ что-то похожее на то, чего понять все таки не могу. Въ такомъ случаѣ я не подаю въ отставку и прошу оставить меня въ службѣ... Что мнѣ дѣлать? Просить прощенія? Да въ чемъ? Къ Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что у меня на сердцѣ. Но не знаю, почему письма мои неприличны»... Онъ до сихъ поръ еще не понималъ, что на него смотрятъ, какъ на дикаго звѣря, посаженаго въ золотую клѣтку съ тѣмъ, чтобы

обратить его въ домашнее животное, — между тѣмъ натура его слишкомъ медленно уступала прирученію, и это раздражало такихъ дрессировщиковъ, какъ гр. Бенкендорфъ. Какимъ унизительнымъ оскорбленіямъ подвергали его, великаго писателя, человѣка, отмѣченнаго царскою милостію, камеръ-юнкера Двора, видно хотя бы изъ того, что даже письма его къ женѣ прочитывались полиціей. Когда онъ узналъ объ этомъ, онъ былъ взбѣшенъ. «Мысль, что кто нибудь насъ съ тобою подслушиваетъ, писалъ онъ женѣ, приводитъ менявъ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно: безъ семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше. Это писано не для тебя!» Это характерное окончаніе указываетъ, какъ низко ставилъ Пушкинъ свою жену: она не въ состояніи этого была постигнуть. И дѣйствительно, она ничего не понимала. Въ этотъ тяжелый годъ она вдругъ рѣшила хлопотать, чтобы ея сестеръ сдѣлали фрейлинами. Пушкинъ отвѣчалъ, насколько могъ спокойно: «охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ. Во первыхъ, вѣроятно, откажутъ; а, во вторыхъ, коли и возьмутъ, то подумай, что за скверные толки пойдутъ по свинскому Петербургу. Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобъ нускаться въ просительницы. Погоди: овдовѣешь, постарѣешь, — тогда, пожалуй, будь салопницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ быть подальше отъ двора... «Но Пушкина крѣпко стояла на своемъ. Быть можетъ, сестры и мать, у которой она жила въ это время, внушили ей эту идею. Мужу она писала, что сестръ привезетъ въ Петербургъ и помѣститъ ихъ у себя. Пушкинъ предвидѣлъ новые расходы, сплетни, безпокойства; у него на шеѣ, кромѣ долговъ, были еще отецъ съ матерью, братъ съ сестрой, — теперь присоединялись еще невѣстки. «Эй, женка! смотри, писалъ онъ женѣ; мое мнѣніе: семья должна быть одна подъ одной кровлей: мужъ, жена, дѣти, покамѣстъ малы; родители, когда уже престарѣлы, а то хлопотъ не оберешься и семейственнаго спокойствія не будетъ!». Такъ — несмѣло — отстаивалъ Пушкинъ святость своего очага.

Между тѣмъ, мысль о близкой смерти начинаетъ темнымъ призракомъ носиться передъ нимъ,—онъ «не радъ жизни», умоляетъ жену уменьшить расходы, дать ему возможность работать для нея же; работалъ же онъ «до низложенія ризъ», съ ужасомъ замѣчая, что источникъ поэзіи изсякаетъ въ немъ. И мысль о судьбѣ жены и дѣтей дѣлалась для него все страшнѣе и страшнѣе. «Умри я сегодня» — восклицаетъ онъ, «что съ вами будетъ! мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку». Тоска, овладѣвшая поэтомъ, выливается у него, въ одномъ письмѣ къ женѣ, характернымъ восклицаніемъ: «свинство уже давно меня ни въ комъ не удивляетъ». Поэтъ подозрѣвалъ, что жена читала кому-нибудь его письма. Въ этотъ годъ Пушкинъ словно отошелъ отъ всѣхъ: переписывается почти только съ женой да Бенкендорфомъ, держится въ сторонѣ отъ общества,—даже отъ ресторана отказался ради одинокаго обѣда дома. Мучила его мысль и о томъ, что его когда то шумная популярность слабѣла съ каждымъ годомъ: уже Смирдинъ за его труды предлагалъ меньшій гонораръ, критика и публика не стѣснялись въ отзывахъ. Погодину онъ писалъ 6-го апрѣля: «Пишу много про себя, а печатаю поневолѣ и единственно для денегъ: охота являться передъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобъ... дураки ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ своихъ журналахъ только что не по... Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ это — вшивый рынокъ».

Среди массы всевозможныхъ непріятностей, обрушившихся на голову поэта, единственной свѣтлой полосой проходитъ нѣжная, трогательная любовь къ дѣтямъ: «Сашка и Машка»—это имена, постоянно окруженныя любовью: забота о нихъ оттѣсняетъ теперь интересы литературные, заботы о женѣ и друзьяхъ.

Изъ друзей одинъ Нащокинъ былъ по прежнему близокъ Пушкину. Поэта сближало съ нимъ сходство судьбы, — житейская неустроенность, безалаберность и сходство характеровъ, удивительное добродушіе и умная, терпѣливая снисходительность къ жизни. Нащокинъ понималъ Пушкина лучше, чѣмъ многіе изъ прежнихъ близкихъ друзей поэта. Самъ запутанный

въ долгахъ, онъ всегда шелъ къ нему съ посильною помощью, онъ умѣлъ прощать въ Пушкинѣ то, что рѣзало глазъ другимъ. Когда однажды друзья наперерывъ стали упрекать Пушкина за то, что онъ знается съ нѣкимъ Боголюбовымъ, котораго называли «уваровскимъ шпіономъ-переносчикомъ», Пушкинъ былъ смущенъ и терялся,—онъ доставалъ деньги чрезъ этого Боголюбова. Нащокинъ сумѣлъ защитить друга, такъ какъ не могъ защититься онъ самъ. 26-го августа поэтъ поѣхалъ въ Калугу; по дорогѣ, въ Москвѣ, онъ видѣлся съ А. Н. Раевскимъ. 13-го сентября онъ былъ уже въ Болдинѣ; въ сентябрѣ же вернулась въ Петербургъ его жена съ дѣтьми, а 18-го октября и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Литературная дѣятельность Пушкина за этотъ злосчастный 1834-й годъ выразилась очень скромно: онъ окончилъ и напечаталъ «Исторію Пугачевскаго Бунта», «Пиковую Даму», началъ и не окончилъ поэму «Галубъ»—любопытное произведеніе, написанное подъ вліяніемъ Шатобріана («Le génie de christianisme), въ которомъ поэтъ хотѣлъ доказать великое культурное значеніе христіанства. Можно думать, что произведеніе отразило и личныя настроенія поэта: горецъ просвѣтлѣнный ученьемъ Христа не идетъ на борьбу съ нею, уступаетъ ей—не самъ ли это Пушкинъ, старавшійся все простить, всему уступить, передъ всѣмъ смириться во имя тѣхъ высокихъ идеаловъ, которые постепенно прояснялись въ его многострадальной душѣ?

Изъ сказокъ въ народномъ духѣ написана имъ въ Болдинѣ «Сказка о золотомъ пѣтушкѣ». Изъ лирическихъ произведеній къ этому году относятся только три: «Странникъ» (изъ Буньяна), «Мицкевичъ» и «Къ Н.» Первое, хотя и переводное, имѣетъ, несомнѣнно, автобіографическое значеніе: поэтъ остановился на немъ потому, что идея удивительно отвѣчала его настроеніямъ. Странникъ былъ объятъ въ пустынѣ скорбію великой.—Уныніе его всѣмъ было непонятно, потому онъ скрывалъ свою тоску отъ жены и дѣтей. Но когда прорвалась наружу его тревога—домашніе его «съ ожесточеніемъ старались обратить его на правый путь бранью, и презрѣньемъ»... Измученный, усталый встрѣчаетъ онъ мудраго юношу и раскрываетъ ему свою душу: «я осужденъ на смерть», говоритъ онъ, и позванъ въ судъ загробный — и вотъ о чемъ крушусь: къ суду я не готовъ и смерть меня страшитъ». Юноша-мудрецъ совѣтуетъ оставить людей и идти на тотъ слабый свѣтъ, что мерцалъ передъ нимъ вдали.

«Иди-жъ»—онъ продолжалъ: «держись сего ты свѣта;
Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
Пока спасенья тѣсныхъ вратъ ты не достигъ.
«Ступай!»

И странникъ бросилъ все—семью и друзей и устремился къ свѣту,

Дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста,
Спасенья узкій путь и тѣсныя врата.

Если мрачную идею этого произведенія сравнить съ скорбными чувствами поэта, изнывающаго въ неволѣ и тоскующаго по свободѣ, мы должны будемъ признать въ странникѣ самого Пушкина. Интересно было бы изслѣдовать, насколько стихотворный переводъ Пушкина близокъ къ оригиналу «The Pilgrim's progress from this world to that which is to come».

Другое произведеніе, очень характерное для поэта,—это воспоминаніе о польскомъ поэтѣ, когда то «мирномъ, благосклонномъ», а потомъ обратившемся во врага. «О Боже! возврати Твой миръ въ его озлобленную душу!»—мольба, которой оканчивается это произведеніе, характерныя слова для того Пушкина, который теперь, въ самыя тяжелыя для себя минуты, находилъ утѣшеніе въ преклоненіи передъ свѣтлыми идеалами любви и всепрощенія.

1835-й годъ не принесъ поэту такъ много горя, какъ предыдущій, но и онъ не далъ ему желаннаго покоя. Заботы о матеріальномъ положеніи семьи мучили его попрежнему. Хотя «Исторія Пугачевскаго бунта» принесла ему доходъ, но онъ въ теченіе двухъ лѣтъ жилъ въ долгъ, а потому доходъ его уходилъ на расплату съ долгами. 1-го іюля онъ просилъ черезъ Бенкендорфа разрѣшенія на нѣсколько лѣтъ поселиться въ деревнѣ. Государь предложилъ самъ отставку. Пушкинъ отвѣтилъ, что предаетъ свою судьбу въ царскую волю и проситъ оставить за нимъ разрѣшеніе посѣщать архивы.

«Графъ!—пишетъ онъ Бенкендорфу, я имѣлъ честь быть у Вашего Сіятельства, но не имѣлъ счастія застать васъ. Осыпанный благодѣяніями Его Величества, я обращаюсь къ

вамъ, графъ, чтобы выразить благодарность за участіе, которое вы изволили принять во мнѣ, и изъяснить откровенно мое положеніе. Въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ моего пребыванія въ Петербургѣ у меня набралось около 60-ти тысячъ рублей долгу. Кромѣ того, я былъ принужденъ взять на руки дѣла моего семейства, которыя такъ затруднили меня, что я долженъ былъ отказаться отъ наслѣдства, и единственнымъ средствомъ къ приведенію дѣлъ моихъ въ порядокъ было-или удаленіе въ деревню, или заемъ, однажды навсегда, крупной денежной суммы... Для меня благодарность чувство не тягостное, и привязанность моя къ особѣ Императора, конечно, не возмущается тайною мыслью стыда или угрызенія совѣсти; но я не могу скрывать отъ себя, что не имѣю рѣшительно никакихъ правъ на благодѣяніе Его Величества, и что мнѣ невозможно просить его о чемъ-либо. Итакъ, графъ, предаю еще разъ въ ваши руки мою участь и, прося васъ принять дань моего глубочайшаго уваженія, имѣю честь быть» и пр.

Въ дѣлахъ III-го Отдѣленія письмо Пушкина сходно по мысли, но по содержанію сильно отличается отъ приведеннаго. Сперва Пушкинъ извиняется передъ графомъ за тѣ безпокойства, которыя имъ причинены, благодаритъ графа за снисходительность, затѣмъ говоритъ о недостаточности своего состоянія: онъ жилъ и живетъ только своимъ трудомъ, но это дѣлается ему тяжело. «Travailler pour vivre n'a pour moi certes rien d'humiliant, mais accoutumé à l'indépendance il m'est tout à fait impossible d'écrire pour de l'argent, et l'idée seule suffit pour me réduire à l'inaction». Затѣмъ поэтъ жалуется на дороговизну петербургской жизни, говоритъ о долгахъ, о будущемъ, которое рисовалось ему въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: по его словамъ его ждали въ будущемъ нищета и отчаянье. Далѣе онъ говоритъ, что три или четыре года отпуска въ деревню исправятъ его финансы. Но его пугало неудовольствіе государя, и потому онъ торопится оговориться: «Le moindre signe de mécontantement ou de soupçon suffirait pour me retenir dans la position où je me trouve, car enfin j'aime mieux être gêné dans mes affaires que perdre dans l'opinion de celui qui a été mon bienfaiteur» (1-го іюня). На этомъ письмѣ поэта рукою Императора написано: «нѣтъ препятствій ему ѣхать, куда хочетъ, но не знаю, какъ разумѣетъ онъ согласить сіе со службою. Спросить, хочетъ-ли отставки, ибо иначе нѣтъ возможности его уволить на столь продолжительный срокъ».

На этотъ разъ отвѣтъ Пушкина былъ твердъ: 4-го іюля писалъ онъ Бенкендорфу, что готовъ «предать судьбу свою въ Царскую волю», просить, чтобы это рѣшеніе не было «знакомъ немилости» и просить не отнимать у него права посѣщать архивы. На этотъ разъ резолюція положена была болѣе милостивая: съ поэта не хотѣли снять цѣпей: государь поручилъ сказать, что, если ему нужны деньги, онѣ будутъ выданы, а онъ можетъ получить отпускъ на 4 мѣсяца. 22-го іюля Пушкинъ благодарилъ за новую милость и указалъ, что сумма его долговъ достигла высокой цифры 60000 р. Рукой Бенкендорфа отъ имени государя положена резолюція: выдать Пушкину 10000 р. и отпускъ на 6 мѣсяцевъ съ разрѣшеніемъ продлить его, если понадобится.

26-го іюля Пушкинъ благодаритъ за вниманіе ему оказанное и проситъ хотя бы 30000 р., но не 10000 р., удерживая его жалованье (5000 въ годъ) вплоть до погашенія долга. Это было разрѣшено. Изъ этихъ 30000 р. удержано было въ погашеніе его долга 10268 р. 33 к. По его ходатайству этотъ учетъ былъ возвращенъ Пушкину (бумага изъ Мин. Фин. отъ 10-го октября 1835 г.). Просимая сумма была выдана и поэтъ на неопредѣленное время принужденъ былъ остаться на службѣ, да еще безъ жалованья. Нужно знать Пушкина, чтобы понять, что онъ пережилъ за это время.

27-го августа онъ получилъ четырехмѣсячный отпускъ и 7-го сентября, устроивъ, наконецъ, свои дѣла, отправился въ Михайловское, оставивъ жену съ тремя дѣтьми (14-го мая родился у него сынъ Григорій) подъ Петербургомъ на дачѣ. Поѣхалъ онъ въ деревню, очевидно, въ разсчетѣ на то, что тамъ вдохновеніе посѣтитъ его, но, судя по его письмамъ въ этомъ году, если онъ и чувствовалъ себя относительно спокойнѣе,—все таки тревога слишкомъ владѣла его сердцемъ и парализовала его творчество. «Писать не начиналъ и не знаю, когда начну» сообщаетъ

онъ женѣ 14-го сентября. «Я все безпокоюсь», пишетъ онъ ей же 21-го сентября, «и ничего не пишу, а время идетъ. Ты не можешъ вообразить, какъ живо работаетъ воображеніе, сидишь одинъ между четырехъ стѣнъ, или ходишь по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать, думать до того, что голова закружится. А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставилъ мнѣ имѣнія, онъ уже съ половину промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ погибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30000 р.! Все держится на мнѣ, да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны. Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ. Покамѣсть грустно». 25-го сентября онъ пишетъ: «Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому, что не спокоенъ». 29-го сентября онъ опять пытается объяснить причины своего безпокойства: «Государь обѣщалъ мнѣ газету, а тамъ запретилъ: заставляетъ меня жить въ Петербургѣ, а не даетъ мнѣ способовъ жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошко деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія, какъ безъ разсчета; твои теряютъ свое отъ глупости и безпечности покойника Ав. Ник.— что изъ этого будетъ? Господь вѣдаетъ... Я провожу время очень однообразно. Утромъ дѣла не дѣлаю, а такъ изъ пустого въ порожнее переливаю. Вечеромъ ѣзжу въ Тригорское, роюсь въ старыхъ книгахъ, да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать не думаю». Только элегія «Опять на родинѣ» осталась памятникомъ этого неудачнаго посѣщенія поэтомъ деревни: «усталымъ пришельцемъ» вернулся онъ сюда, подъ сѣнь Михайловскихъ рощъ, и здѣсь невольно вспомнилъ все утраченное съ годами; когда-то, еще не такъ давно, веселымъ юношей явился онъ сюда впервые. «Безпечно, жадно» приступалъ онъ къ жизни; теперь же онъ былъ тѣмъ «странникомъ», котораго воспѣлъ въ 1834 году — измученнымъ, оскорбленнымъ...

Поэтъ чувствовалъ, что жизнь прожита. Письма его за этотъ годъ къ женѣ почти уже не заключаютъ упрековъ ей; въ нихъ почти нѣтъ шутокъ, да и тревога въ нихъ какая-то притупленная,— словомъ, онъ какъ бы примирился со всѣмъ и ждалъ конца. Любопытны въ его письмахъ къ женѣ два мѣста. 25-го сентября писалъ онъ: «Въ Михайловскомъ нашелъ я все по старому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія молодая сосновая семья, *на которую досадно мнѣ смотрѣть*, какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу». Нащокину онъ писалъ въ октябрѣ изъ Петербурга: «Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку въ свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя молодыя поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти на молодежь, его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились». Изъ настроенія второго отрывка вылились чудныя строки элегіи «Опять на родинѣ», посвященныя молодой поросли, окружившей его знакомцевъ.

Здравствуй, племя младое, незнакомое!

Это — привѣтъ «отца» тому молодому племени, которое подрастало около него, тогда какъ молодое племя «кавалергардовъ», напоминавшее о его старости, при всей благожелательности поэта, наполняло его сердце злыми чувствами... Еще въ 1834-мъ году онъ убѣждаетъ жену, что ей «вѣритъ» «Я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь съ кавалергардомъ: изъ этого не слѣдуетъ, что я равнодушенъ и не ревнивъ». Но, конечно, онъ мучился сознаніемъ, что житейскія бури старили его съ каждымъ годомъ и отдаляли отъ молодой жены. «Все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю—пишетъ онъ женѣ,—иногда даже чистымъ русскимъ языкомъ. Наприм., вчера мнѣ встрѣтилась знакомая баба, которой не могъ я не сказать, что она перемѣнилась. А она мнѣ: «да и ты, кормилецъ, состарѣлся, да и подурнѣлъ!» Хотя могу я сказать вмѣстѣ съ покойницей няней моей: «хорошъ никогда не былъ, а молодъ былъ». Все это не бѣда; одна бѣда: не замѣчай ты, мой другъ, того, что я слишкомъ замѣчаю». Отношенія поэта къ обществу, въ которомъ онъ вра-

щался по прежнему, были натянуты, — и къ нему, и къ его женѣ многіе относились съ нескрываемой злобой, — ему даже приходилось защищаться отъ общественнаго мнѣнія за провинности, въ которыхъ былъ самъ причиненъ. П. А. Осиповой онъ писалъ въ октябрѣ: «....J'ai encore le chagrin de voir ma pauvre Natalie en bût à la haine du monde. On dit partout qn'il est affreux qu'elle soit si élégante, quand son beau-père et sa belle mère n'ont pas de quoi manger et que sa belle mère se meurt chez les étrangers».

Старики доживали послѣдніе дни такъ же безалаберно, какъ и прежде, пользуясь поддержкой «нелюбимаго» сына; и въ то же время они не скупились на жалобы, — имъ вѣрили и охотно осуждали поэта и его жену за холодность, эгоизмъ, за пренебреженіе къ старикамъ. Пушкинъ совершенно терялся и не зналъ, какъ помочь бѣдѣ: свѣтъ, такъ легко осуждавшій его казался ему «un vilain lac de boue»;—и подъчасъ жизнь ему становилась тяжкой обузой. Осиповой онъ писалъ: «la vie, toute süsse Gewohnheit qu'elle est, a une amertume qui finit par la rendre degoûtante».

Оглядываясь назадъ, онъ съ ужасомъ замѣчалъ, какъ въ малое время было много имъ пережито: «Quand je songe que 10 ans se sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me paraît, que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que de changements en tout, à commencer par mes propres idées, ma situation etc. etc».

Къ довершенію его горестей, подъ конецъ года опасно расхворалась его мать. Предчувствуя ея близкій конецъ, поэтъ почувствовалъ приливъ нѣжности къ этой женщинѣ, которая такъ много горя принесла ему въ жизни; повидимому, и она ощущала что-то похожее на раскаянье и позднюю любовь къ своему нелюбимому сыну.

Рядомъ съ этими тревогами начались хлопоты по изданію журнала, который долженъ былъ выходить въ свѣтъ съ 1836 года 31-го декабря 1835 года П. обратился къ Государю чрезъ Бенкендорфа съ просьбой разрѣшить ему въ 1836 г. издать «4 тома статей чисто литературныхъ (какъ-то повѣстей, стихотвореній), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ ежемѣсячныхъ Reviews.

Далѣе онъ старается мотивировать свою просьбу: «отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе таковой Review доставило бы мнѣ вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые».

Давнишняя мечта Пушкина о такомъ періодическомъ изданіи, которое сплотило бы лучшихъ писателей и критиковъ, чтобы сдѣлаться образцовымъ выразителемъ лучшихъ людей эпохи аристократіи мысли и чувства, осуществилась. Избранные литераторы охотно сплотились около Пушкина и первое время съ увлеченіемъ собирались то у Пушкина, то у гр. Вѣльгорскаго. По субботамъ большинство ихъ собиралось у Жуковскаго, который у себя сумѣлъ соединить всѣхъ передовыхъ представителей русской поэзіи и искусства. Крыловъ, кн. Вяземскій, кн. Одоевскій, гр. Вѣльгорскій, Гоголь, Соболевскій, Глинка и многіе другіе—вотъ наиболѣе извѣстные посѣтители этихъ «субботъ»; конечно, завсегдатаемъ ихъ былъ и Пушкинъ. Отводилъ онъ душу въ уютной гостиной Смирновой, которая также сумѣла вокругъ себя сплотить многихъ интересныхъ людей того времени,—русскихъ и иностранныхъ. Пушкинъ появлялся тамъ и чувствовалъ себя свободно и уютно,—здѣсь могъ онъ отвести душу въ веселой непринужденной бесѣдѣ, здѣсь онъ встрѣчалъ и умнѣйшихъ людей, съ которыми могъ подѣлиться своими завѣтными идеями.....

Ради жены и приличія поддерживалъ Пушкинъ связи и съ высшимъ обществомъ, но оно, холодно-враждебное, приличноравнодушное, тяготило его, и здѣсь онъ всего меньше старался скрывать свою раздражительность и дѣлался съ каждымъ днемъ все обидчивѣе, подозрительнѣе и мелочнѣе. «Всѣ муки души его, забываемыя въ минуту усиленнаго труда, всплывали съ новою ясностью въ этой, теперь ненавистной ему обстановкѣ, такъ живо напоминавшей всѣ его несчастья, неудачи и униженія. Всѣ окружающіе стали казаться ему врагами, въ каждомъ словѣ слышался ему намекъ или оскорбленіе» (Венкстернъ).

На почвѣ такихъ настроеній начались разныя столкновенія поэта съ разными лицами—съ гр. В. А. Сологубомъ изъ-за нѣсколькихъ словъ, которыя онъ позво-

лилъ себѣ сказать супругѣ поэта въ отвѣтъ на одно ея безтактное замѣчаніе. Самъ Сологубъ не придалъ значенія этой маленькой пикировкѣ и былъ очень удивленъ, когда получилъ вызовъ отъ Пушкина. Послѣ ряда недоумѣній и проволочекъ, уже въ слѣдующемъ, 1836-мъ году дѣло кончилось примиреніемъ, даже дружбой. Раздражительность и озлобленіе поэта выразились также въ сатирѣ «На выздоровленіе Лукулла», въ которой безпощадно высмѣянъ былъ гр. С. С. Уваровъ, только что передъ тѣмъ сдѣлавшій выговоръ Пушкину за эпиграмму на кн. Дондукова-Корсакова («Въ академіи наукъ»).

Изъ лирическихъ произведеній этого года большинство относится къ переводамъ изъ Анакреона, Катулла, Горація. Изъ самостоятельныхъ слѣдуетъ отмѣтить: «Полководецъ», «Туча», «Вновь я посѣтилъ». Всѣ они имѣютъ, несомнѣнно, автобіографическое значеніе.

Образъ Барклая де Толли, не понятаго «чернью», осмѣяннаго и униженнаго, слишкомъ былъ близокъ и понятенъ великому поэту,—оттого онъ и освѣтилъ его такимъ сочувствіемъ. Заключительные аккорды этого стихотворенія:

О люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!—

Это вопль, вырвавшійся изъ самаго сердца Пушкина, — здѣсь онъ говорилъ уже за себя. Стихотвореніе «Туча» рисуетъ тотъ минутный просвѣтъ примиренія съ жизнью, который слѣдовалъ у Пушкина за тѣми взрывами озлобленія и раздраженія, которые теперь все учащались. «Вновь я посѣтилъ»... — это произведеніе проникнуто безысходной грустью, — вся личная жизнь казалась прожитой, будущаго какъ будто уже не было: поэтъ жилъ уже только жизнью грядущаго своего поколѣнія, — его-же личная жизнь изсякла и отцвѣла.

Единственнымъ объективнымъ произведеніемъ былъ «Пиръ Петра Великаго», произведеніе, которое было результатомъ спокойнаго творчества. Произведеніе это доказываетъ, что и теперь любимые поэтическіе образы могли еще отвлекать поэта отъ жизни, но эти отвлеченія, столь частыя раньше, теперь единичны...

Изъ прозаическихъ произведеній Пушкина къ этому году относится отрывокъ повѣсти «Египетскія Ночи», «Русскій Пеламъ» и замѣтки «О повѣстяхъ Павлова», «Объ исторіи поэзіи Шевырева», «Лордъ Байронъ», «Мысли на дорогѣ». Изъ драматическихъ — отрывокъ «Сцены изъ рыцарскихъ временъ».

1836-й годъ былъ опять тревожнымъ въ жизни Пушкина. Размолвка съ гр. Сологубомъ, начавшаяся еще въ концѣ 1835-го года, все не улаживалась: какъ самъ Сологубъ замѣтилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, Пушкинъ велъ себя все время вызывающимъ образомъ—не столько потому, что былъ обиженъ, сколько изъ боязни свѣтской молвы. Лишь 11-го мая состоялось примиреніе между двумя писателями.

Въ это же время, 4-го февраля, послѣ ряда дерзкихъ выраженій Пушкина, С. С. Хлюстинъ вызвалъ поэта на дуэль. Дѣло произошло изъ-за повѣсти «Вастола», переведенной Люценкомъ и «изданной» Пушкинымъ. Свое имя, какъ издателя, поэтъ далъ для того, чтобы книга раскупалась лучше, такъ какъ переводчикъ былъ бѣденъ; фамилія переводчика въ книгѣ не упоминалась. Въ критикѣ и публикѣ возникли толки, что Пушкинъ «обманываетъ» покупателей, своимъ именемъ прикрывая чужое слабое произведеніе. Сенковскій написалъ по этому поводу ядовитую статью, Хлюстинъ въ присутствіи поэта цитировалъ эту статью, за что получилъ словесное оскорбленіе. Послѣ переписки дѣло уладилось,—повидимому, извинился Пушкинъ. Въ этомъ же февралѣ мѣсяцѣ возникла у Пушкина размолвка съ кн. Н. Г. Репнинымъ который заглазно осуждалъ поэта за его злостную сатиру: «На выздоровленіе Лукулла». Слова князя были переданы нѣкимъ Боголюбовымъ Пушкину, который вызвалъ кн. Репнина на письменное объясненіе. 9-го февраля обмѣнъ писемъ прекратился примиреніемъ. Вообще эта сатира, дѣйствительно неумѣстная въ положеніи Пушкина, причинила ему не мало горя.

Нѣкто Жобаръ, учитель французскаго языка въ Ригѣ и Петербургѣ, съ 1822 г. сдѣлался профессоромъ греческой, латинской и французской словесности въ Казани.

Магницкій уволилъ его, а С. С. Уваровъ не внялъ его ходатайствамъ. Тогда оскорбленный французъ перевелъ на французскій языкъ сатиру Пушкина и поднесъ Уварову, испрашивая разрѣшеніе посвятить ему это произведеніе. Свой переводъ Жобаръ разсчитывалъ печатать въ Бельгіи, снабдивъ нѣкоторыми объяснительными примѣчаніями.

Пушкину онъ послалъ свой переводъ и вызвалъ этимъ письмо поэта, въ которомъ тотъ благодаритъ за присылку перевода, превозноситъ литературныя достоинства его, но въ то же время умоляетъ не распространять этого произведенія, написаннаго въ моментъ дурного расположенія духа. Извѣстно, что С. С. Уваровъ сдѣлался непримиримымъ врагомъ Пушкина за это произведеніе. Такъ росло число Пушкинскихъ недоброжелателей, которые опасны были своей выдержанностью, хладнокровіемъ, приличіемъ поведенія и манеръ. Занятія Пушкина по прежнему вращались около архивныхъ разысканій; ради нихъ онъ съ 26-го февраля до десятыхъ чиселъ марта былъ въ Москвѣ. Вторично съ этой же цѣлью (а также по дѣламъ «Современника») пріѣхалъ онъ въ Москву 2-го мая, откуда вернулся 23-го, какъ разъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія четвертаго ребенка—Натальи. Но въ этомъ году его историческія занятія идутъ вяло: поэтъ охладѣлъ къ исторической работѣ, въ которой никогда не былъ силенъ. «Исторію Пугачевскаго бунта» издалъ онъ, не видавъ секретнаго дѣла о Пугачевѣ; съ литературой вопроса былъ плохо знакомъ. Когда М. А. Корфъ прислалъ ему списокъ сочиненій о Россіи, Пушкинъ, по его признанью, «испугался и устыдился», такъ какъ большая часть присланныхъ книгъ осталась ему неизвѣстной. За то поэтъ весь отдался журнальной работѣ. Съ этого года сталъ выходитъ «Современникъ» — журналъ, о которомъ онъ такъ долго мечталъ. Изданіе журнала опять сблизило Пушкина съ литераторскимъ кружкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ввело его въ міръ журнальныхъ дрязгъ и сплетенъ и лицомъ къ лицу поставило съ цензурой.

Предсѣдатель цензурнаго комитета М. А. Дондуковъ-Корсаковъ, высмѣянный въ эпиграммѣ Пушкина («Въ академіи наукъ»), былъ изъ людей, недоброжелательныхъ поэту, и потому изданію ставились преграды за преградами.

«Цензура — дѣло земское; изъ нея отдѣлили опричнину, а опричники руководствуются не уставомъ, а своимъ крайнимъ разумѣніемъ!»—писалъ онъ Давыдову въ сентябрѣ. «Тяжело, нечего сказать! И съ одною цензурою напляшешься; каково же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ. Не знаю чѣмъ провинились русскіе писатели, которые не только смирны и безотвѣтны, но даже сами отъ себя слѣдуютъ духу правительства, но знаю, что никогда не бывали они притѣснены, какъ нынче даже въ послѣдніе пятилѣтіе царствованіе императора Александра». Поэтому первая книга «Современника» вышла въ свѣтъ лишь 11-го апрѣля 1836 г. 29-го марта скончалась мать поэта, и 8-го апрѣля поэтъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Михайловское на погребеніе. Хотя смерть матери онъ давно предвидѣлъ, но, тѣмъ не менѣе, смерть этого самаго близкаго и въ то же время всегда далекаго существа произвела на него тяжелое впечатлѣніе. Мысли о смерти, о загробной жизни и т. п., и прежде преслѣдовавшія его, теперь переходятъ въ какое-то предчувствіе. Такъ, въ разговорѣ съ сестрой, пріѣхавшей на похороны матери, онъ выражаетъ почти опредѣленную увѣренность въ своей близкой кончинѣ — «Si vous saviez, ma chère soeur, combien l'existence m'est à charge! j'éspère que'elle ne durera pas longtemps... et je vous dirai mieux: je le sens». Въ этотъ пріѣздъ онъ купилъ себѣ мѣсто на Святогорскомъ кладбищѣ, около могилы матери.

Какъ первый томъ «Современника» вышелъ въ его отсутствіе, такъ и второй былъ выпущенъ не имъ, а его друзьями-литераторами, изъ которыхъ въ судьбахъ новаго журнала особое участіе принималъ Плетневъ. 30-го іюня цензурой былъ разрѣшенъ 2-ой томъ «Современника». Издательское дѣло, за которое ухватился Пушкинъ, казалось ему очень прибыльнымъ. Женѣ своей онъ писалъ 6-го мая, изъ Москвы: «Экое горе! Вижу, что непремѣнно нужно имѣть мнѣ 80000 р. доходу. И буду ихъ имѣть. Недаромъ же пустился въ журнальную спекуляцію, а вѣдь это все равно, что золотарство, которое хотѣла взять на откупъ мать Безобразова: очищать русскую литературу есть чистить н... и зависѣть отъ полиціи. Того и гляди

что... Чортъ ихъ побери». Такъ мрачно смотрѣлъ Пушкинъ на свои новыя занятія. Русское общество не пріучилось еще съ уваженіемъ относиться къ писателю, и это мучило Пушкина. Званіе «журналиста» стояло еще ниже, запачканное нѣкоторыми дѣльцами-аферистами, къ которымъ общественное мнѣніе относилось не безъ основанія строго. Въ одномъ письмѣ къ женѣ Пушкинъ восклицаетъ: «Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть, какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевого, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душею и талантомъ! Весело, нечего сказать!».

Вернувшись изъ Москвы 23-го мая, Пушкинъ поселился на дачѣ на Каменномъ Островѣ, гдѣ жила его семья. Мѣсто это въ то время было однимъ изъ самыхъ фешенебельныхъ, и тамошнія «Минеральныя Воды» были посѣщаемы лучшимъ обществомъ. Какъ только Н. Н. Пушкина оправилась отъ родовъ, она, по своей привычкѣ, съ увлеченіемъ стала «блистать» среди общества, посѣщавшаго эти «Минеральныя Воды». Въ это лѣто она сдѣлалась предметомъ особенно настойчиваго ухаживанья красавца Дантеса. Характерами они сходились, и, вѣроятно, легкомысленная красавица, не всегда строгая въ знаніи «тона», чувствовала себя прекрасно въ обществѣ развязнаго остроумца, иногда немного циничнаго, но всегда веселаго. Выше, еще въ письмахъ 1834 и 1835 гг., были отмѣчены нами намеки Пушкина на какого-то «кавалергарда»: не былъ ли это Дантесъ, котораго поэтъ почему-то замѣтилъ съ перваго момента появленія его на петербургскомъ горизонтѣ? Какъ бы тамъ ни было, но лѣто 1836 года оказалось роковымъ для поэта, потому что теперь «молва» впервые заговорила объ этомъ «кавалергардѣ». Еще изъ Москвы, 6-го мая, писалъ поэтъ женѣ: «Про тебя, душа моя, идутъ кой-какіе толки, которые не вполнѣ доходятъ до меня, потому что мужья всегда послѣдніе въ городѣ узнаютъ про женъ своихъ; однако же видно, что ты довела кого-то до такого отчаянія своимъ кокетствомъ и жестокостію, что онъ завелъ себѣ въ утѣшеніе гаремъ изъ театральныхъ воспитанницъ. Нехорошо, мой ангелъ; скромность есть лучшее украшеніе вашего пола». Если 6-го мая нуждалась въ такихъ наставленіяхъ женщина, которая 23-го мая разрѣшилась отъ бремени, то какъ «жизнерадостна» была она, исполнивъ все, чѣмъ, по ея понятіямъ, ограничивались обязанности матери, т. е. родивъ ребенка. Очевидно она была женщиной, около которой свѣтская молва легко могла создать подобіе истины — она вполнѣ подходила на роли героинь сплетни, какъ Дантесъ — на роли героя. Судьба сблизила эти два существа, люди, враждебно настроенные противъ поэта, наблюдали за этимъ сближеніемъ долго и, наконецъ, злорадно вынесли на свѣтъ Божій злую молву и довели ее до свѣдѣнія мужа.

Быть можетъ, на первыхъ порахъ эта молва дошла до него въ видѣ шутокъ, остротъ, намековъ. Но для него и этого было достаточно, чтобы переполнить отравой его сердце. Графъ В. А. Соллогубъ, сблизившійся съ нимъ въ послѣднее время, въ своихъ воспоминаніяхъ вѣрно опредѣляетъ положеніе поэта въ обществѣ и семьѣ: «Въ свѣтѣ его не любили, потому что боялись его эпиграммъ, на которыя онъ не скупился, и за нихъ онъ нажилъ себѣ въ цѣлыхъ семействахъ, въ цѣлыхъ партіяхъ, враговъ непримиримыхъ... Онъ обожалъ жену, гордился ея красотой и былъ въ ней вполнѣ (??) увѣренъ. Онъ ревновалъ къ ней не потому, чтобы въ ней сомнѣвался, а потому, что страшился свѣтской молвы, страшился сдѣлаться еще болѣе смѣшнымъ передъ свѣтскимъ мнѣніемъ. Эта боязнь была причиной его смерти, а не г. Дантесъ, котораго бояться ему было нечего. Когда онъ меня вызывалъ, онъ высказалъ всю свою мысль. «Имя, вами носимое, общество, вами посѣщаемое, принуждаетъ меня просить сатисфакціи». Слѣдовательно, онъ вступался не за обиду, которой не было, а боялся огласки, боялся молвы, и съ Дантесомъ было то же самое. Онъ видѣлъ въ немъ не серьезнаго соперника, не посягателя на его настоящую честь, а посягателя на его имя, и этого онъ не перенесъ».

Можно думать, что еще въ это злополучное лѣто молва коснулась ушей поэта, — но онъ выжидалъ и наблюдалъ. Впрочемъ, барону Геккерену Пушкинъ писалъ 21-го ноября: «La conduite de M-r votre fils m'était connue depuis longtemps et ne pouvait m'être indifferente; je me contentai du rôle d'observateur, sauf à intervenir lorsque je le jugerai à propos». Нужно знать Пушкина, чтобы понять, какъ терзала его роль сдержаннаго «наблюдателя» въ теченіе нѣ-

сколькихъ мѣсяцевъ (можетъ быть лѣтъ?). Это тягостное настроеніе, конечно, прорывалось. Такъ, къ лицейской годовщинѣ 19-го октября 1836-го года онъ, по обыкновенію, хотѣлъ написать стихи, но не смогъ ихъ кончить, а когда началъ читать свое произведеніе въ обществѣ товарищей, то едва могъ произнести первые два стиха:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...

— какъ голосъ его задрожалъ, оборвался, онъ зарыдалъ и бросился на диванъ...

Это была послѣдняя годовщина Лицея, на которой присутствовалъ поэтъ. Такъ простился Пушкинъ съ своими товарищами. Развязка приближалась быстро. 4-го ноября разосланы были по друзьямъ и знакомымъ Пушкина анонимные пасквили, въ сочиненіи которыхъ поэтъ подозрѣвалъ голландскаго посланника Геккерена, усыновившаго Дантеса. Содержаніе этого пасквиля слѣдующее: «Les grands Croix, Commandeurs et Chevaliers du sérénissime ordre des c... réunis au Grand-Châpitre sous la présidence du vénérable Grand-Mâitre de l'ordre S. E. D. L. Narichkine, ont nommé à l'unanimité M-r Alexandre Pouchkine coadjuteur du Grand-Mâitre de l'ordre des c... et historiographe de l'ordre. Le secrétaire perpétuel C-te Borch». Гр. Соллогубъ разсказываетъ, что и послѣ этого пасквиля Пушкинъ наружно оставался сдержаннымъ. Онъ сказалъ: «Это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ, понимается, что безъимяннымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя — ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ.» Такъ старался успокоить друзей Пушкинъ. Между тѣмъ, вызовъ былъ посланъ Дантесу немедленно послѣ полученія анонимнаго письма. Геккеренъ просилъ отсрочки поединка на двѣ недѣли, и за это время Дантесъ сдѣлался женихомъ свояченицы поэта, Екатерины Николаевны. Пушкинъ сперва повѣрилъ честности намѣреній Дантеса, но поведеніе его, а особенно барона Геккерена по отношенію къ Н. Н. опять пробудило бѣшенство въ сердцѣ поэта. Онъ убѣдилъ гр. Соллогуба, что «дуэли никакой не будетъ», но просилъ его «быть свидѣтелемъ одного объясненія», при которомъ желательно было присутствіе «свѣтскаго» человѣка. Черезъ нѣсколько дней, за обѣдомъ у Карамзиныхъ, среди веселаго разговора, Пушкинъ нагнулся къ Соллогубу и сказалъ тихо: «Ступайте завтра къ д'Аршіаку, условьтесь съ нимъ только насчетъ матеріальной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше». Вечеромъ всѣ встрѣтились на раутѣ у австрійскаго посланника гр. Фикельмона. Дантесъ ухаживалъ за свояченицей Пушкина, Екатериной Николаевной. Пушкинъ запретилъ женѣ разговаривать съ Дантесомъ, а ему «высказалъ болѣе, чѣмъ грубыхъ словъ». Соллогубъ и д'Аршіакъ были выбраны секундантами. Имъ еще разъ удалось разстроить дуэль, и Дантесъ былъ объявленъ женихомъ. Но, отказавшись отъ дуэли, поэтъ не хотѣлъ мириться съ врагомъ и разсердился на Соллогуба за то, что тотъ превысилъ данныя ему полномочія условиться *только* о матеріальной сторонѣ дуэли. Поэтъ все не вѣрилъ тому, что свадьба состоится, смотрѣлъ на помолвку, какъ на шутовское представленіе, которое приведетъ его домъ только къ вящшему сраму. Подъ впечатлѣніемъ переживаемыхъ минутъ, сочинилъ онъ письмо къ Геккерену. Письмо это онъ читалъ Соллогубу. Насколько онъ волновался, видно изъ описанія этой сцены, сохранившейся въ воспоминаніяхъ послѣдняго: «Губы его (Пушкина) задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшенъ, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно Африканскаго происхожденія». Соллогубъ на время предотвратилъ посылку письма: онъ разсказалъ его содержаніе Жуковскому, и тотъ уговорилъ письма не посылать. По словамъ того же Соллогуба, Дантесъ, женившись, «былъ хорошимъ мужемъ», а, по кончинѣ жены, «весьма нѣжнымъ отцомъ». «Онъ пожертвовалъ собой, чтобы избѣгнуть поединка. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но, какъ человѣкъ вѣтреный, онъ и послѣ свадьбы, встрѣчаясь на балахъ съ Н. Н., подходилъ къ ней и балагурилъ съ нѣсколько казарменной непринужденностью. Взрывъ былъ неминуемъ и произошелъ несомнѣнно отъ площадного каламбура. Еще болѣе, чѣмъ поведеніе Дантеса, раздражало его поведеніе барона Геккерена, который не давалъ проходу женѣ Пушкина, объяснялся ей въ любви отъ имени сына, говорилъ ей о его страданіяхъ. Письмо Геккерену, давно написанное

(21-го ноября), но не отправленное, было пущено въ ходъ. Въ этомъ письмѣ есть косвенное указаніе на то, что жена поэта, по его собственнымъ наблюденіямъ, одно время *увлекалась* Дантесомъ, но поэтъ сумѣлъ раскрыть ей глаза, указавъ на пошлость (platitude) Дантеса. Геккерену онъ писалъ: «Je fis jouer à M-r votre fils un rôle si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de platitude, ne put s'empêcher de rire et l'émotion, que peut-être avait elle ressenti pour cette sublime passion, s'éteignit dans le mépris le plus calme et le mieux mérité». Далѣе идутъ оскорбленія по адресу Геккерена: онъ обвинялся въ томъ, что подсказывалъ Дантесу его поведеніе. Кончалось письмо указаніемъ на то, что, щадя репутацію Дантеса и Геккерена, поэтъ въ первый разъ согласился прекратить дѣло подъ условіемъ, чтобы и самъ Геккеренъ и Дантесъ не осмѣливались приближаться къ его женѣ. Такъ какъ они условія этого не выполнили, то онъ и послалъ это письмо, съ повтореніемъ запрещенія отцу и сыну имѣть какое бы то ни было отношеніе къ его женѣ. Дантесъ именовался въ письмѣ ругательными кличками. Того же 21-го ноября Пушкинъ послалъ къ гр. Бенкендорфу письмо, въ которомъ разсказалъ всю исторію съ анонимными пасквилями, о первой несостоявшейся дуэли и пр. Пушкинъ просилъ его въ этомъ письмѣ видѣть знакъ довѣрія и уваженія къ гр. Венкендорфу, но просилъ его не вмѣшиваться въ дѣло.

«Etant seul juge et gardien de mon honneur et de celui de ma femme, писалъ онъ въ письмѣ, et par conséquent ne demandant ni justice, ni vengeance, je ne peux ni ne veux livrer à qui que ce soit les preuves de ce que j'avance».

Графъ Бенкендорфъ до такой степени точно выполнилъ желаніе поэта, что не сдѣлалъ ничего, что могло бы предотвратить поединокъ. За это общественное мнѣніе, современное событію, назвало его однимъ изъ косвенныхъ виновниковъ смерти поэта. Два мѣсяца продолжалось неопредѣленное положеніе. Наконецъ, Дантесъ заступился за своего пріемнаго отца, прислалъ Пушкину вызовъ — 27-го января 1837 г. между 9 и 10-ю ч. утра. Пушкинъ писалъ виконту д'Аршіаку, секунданту Дантеса, что согласенъ на дуэль, но недоволенъ тѣмъ характеромъ переговоровъ, которые были между д'Аршіакомъ и гр. Соллогубомъ, и рѣшительно отказывался отъ всякихъ предварительныхъ бесѣдъ секундантовъ другъ съ другомъ. Онъ предлагалъ привести своего противника прямо на мѣсто поединка и даже предоставлялъ барону Геккерену самому выбрать для него секунданта.

Въ 4 часа по-полудни того же 27-го января назначена была дуэль за Черною Рѣчкой, близъ Комендантской дачи. Секундантомъ Пушкина былъ его лицейскій товарищъ, подполковникъ К. К. Данзасъ. Пока шли приготовленія, Пушкинъ, по наружности спокойный, выражалъ, однако, нѣсколько разъ нетерпѣніе.

Первымъ стрѣлялъ Дантесъ, и Пушкинъ, пораженный въ животъ, упалъ, — однако отъ выстрѣла не отказался и твердою рукой сдѣлалъ свой выстрѣлъ. Увидя, что Дантесъ упалъ, онъ кинулъ вверхъ свой пистолетъ и вскрикнулъ: «браво!» Затѣмъ онъ спросилъ д'Аршіака о Дантесѣ: «Est-il tué?»—«Non, mais il est blessé en bras et à la poitrine»—отвѣтилъ тотъ.—«C'est singulier, j'avais cru que cela m'aurait fait plaisir de le tuer, mais je sens que non»—сказалъ Пушкинъ. Съ этого характернаго восклицанія до послѣдняго своего вздоха все время онъ жилъ лучшими чувствами своей души: все то злое, что накипѣло въ немъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, мѣсяцевъ, дней, исчезло съ этимъ выстрѣломъ, и послѣдніе дни умирающій Пушкинъ достигъ той душевной красоты и силы, къ которой онъ шелъ въ теченіе своей бурной жизни.

Рана Дантеса не была опасна; пуля, хорошо направленная въ грудь, только контузила ее и попала въ мякоть руки, такъ-какъ Дантесъ прикрылъ грудь рукою. Пушкинъ былъ смертельно раненъ въ правую часть живота съ раздробленіемъ кости ноги. Съ великими усиліями доставили Пушкина на квартиру. Раненый, онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы не обезпокоить жену, скрывалъ свои страданія.

Не сразу нашли доктора. Наконецъ, доктора съѣхались и опредѣлили неизбѣжность трагической развязки, — отъ Пушкина этого не скрыли. «Ночью возвратился къ Пушкину Арендтъ и привезъ ему отъ Государя для прочтенія собственноручную, карандашемъ написанную записку, почти въ такихъ словахъ: «Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и послѣдній

совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки». Пушкинъ былъ чрезвычайно тронутъ этими словами и убѣдительно просилъ Арендта оставить эту записку; но Государь велѣлъ ее прочесть ему и немедленно возвратить.

«Скажите Государю», говорилъ Пушкинъ Жуковскому, «что жалѣю о потерѣ жизни, потому что не могу изъявить ему благодарности, что я былъ бы весь его...». Пришелъ священникъ и причастилъ его. Священникъ послѣ говорилъ со слезами о немъ и о благочестіи, съ коимъ онъ исполнилъ долгъ христіанскій. Жену призывалъ Пушкинъ часто, но не позволялъ ей быть безотлучно при себѣ, потому что боялся въ страданіяхъ своихъ измѣнить себѣ, увѣрялъ ее, что раненъ въ ногу, и доктора, по требованію его, въ этомъ ее удостовѣряли. Когда мучительная боль вызывала невольно крики изъ груди его, отъ которыхъ онъ по возможности удерживался, онъ зажималъ ротъ свой и всегда прибавлялъ: «Бѣдная жена! бѣдная жена!» и посылалъ докторовъ успокоивать ее. Въ эти два дня онъ только говорилъ о ней и о государѣ. Ни одной жалобы, ни одного упрека, ни одного холоднаго, черствaго слова отъ него не слышали. Если онъ и просилъ не заботиться о продолженіи жизни его и дать ему возможность умереть скорѣе, то единственно оттого, что онъ зналъ о своей неминуемой смерти и терпѣлъ лютѣйшія мученія. Арендтъ, который видѣлъ много смертей на вѣку своемъ—и на поляхъ сраженій, и на одрѣ болѣзни, отходилъ со слезами на глазахъ отъ его постели и говорилъ, что онъ никогда не видалъ ничего подобнаго: такое терпѣніе при такихъ страданіяхъ! Еще сказалъ и повторилъ Арендтъ замѣчательное слово объ этомъ несчастномъ приключеніи: «Для Пушкина жаль, что онъ не убитъ на мѣстѣ, потому что мученія его невыразимы; но для чести жены его — это счастье, что онъ остался живъ. Никому изъ насъ, видя его, нельзя сомнѣваться въ невинности ея и въ любви, которую къ ней Пушкинъ сохранилъ» (Кн. Вяземскій).

Ближайшіе друзья были около Пушкина; имъ обязаны мы разсказами о послѣднихъ его часахъ. «Ночь съ 27-го на 28-ое января Пушкинъ провелъ безпокойно. Страшныя боли не давали ему покою, только къ семи часамъ утра муки его утихли». Толпы почитателей поэта стояли въ его передней и на лѣстницѣ; государь, наслѣдникъ, великая княгиня Елена Павловна постоянно справлялись о ходѣ его болѣзни.

Утромъ 28-го Пушкину сдѣлалось лучше. Но это улучшеніе продолжалось недолго, и скоро самъ поэтъ убѣдился въ приближеніи своей смерти. Онъ ожидалъ послѣдняго часа спокойно, щупалъ пульсъ свой и говорилъ: «вотъ смерть идетъ!». Спрашивалъ, въ которомъ часу, полагаетъ Арендтъ, что онъ долженъ умереть, и изъявилъ желаніе, чтобы предсказаніе Арендта сбылось въ тотъ же день. Прощался съ дѣтьми, перекрестилъ ихъ. Съ женою прощался нѣсколько разъ и всегда разговаривалъ съ нею нѣжно и ласково. Съ друзьями прощался онъ посреди ужасныхъ мученій и судорожныхъ движеній, но съ духомъ бодрымъ и съ нѣжностью. Кн. Вяземскому пожалъ онъ руку и сказалъ: «Прости, будь счастливъ!» Пожелалъ онъ видѣть Карамзину. За нею послали. Прощаясь съ нею, просилъ онъ ее перекрестить его, что она и исполнила. Данзасъ, желая вывѣдать, въ какихъ чувствахъ умираетъ онъ къ Геккерену, спросилъ его: не поручитъ ли онъ ему чего-нибудь въ случаѣ смерти касательно Геккерена. «Требую», отвѣчалъ онъ ему, «чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ». Послѣднія минуты жизни поэта описаны Жуковскимъ. «Ударило два часа пополудни, и въ Пушкинѣ осталось жизни только на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. Когда ее принесли, онъ сказалъ внятно: «Позовите жену, пускай она меня покормитъ». Она пришла, опустилась на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку—другую морошки, потомъ прижалась лицомъ къ лицу его. Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: «Ну, ну, ничего; слава Богу, все хорошо; поди!» Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену: она вышла какъ будто просіявшая отъ радости. «Вотъ увидите, сказала она доктору Спасскому, онъ будетъ живъ; онъ не умретъ». А въ ту минуту начался уже послѣдній процессъ жизни. Я стоялъ вмѣстѣ съ графомъ Віельгорскимъ у постели, въ головахъ; съ боку стоялъ Тургеневъ. Даль шепнулъ мнѣ: «отходитъ». Но мысли его были свѣтлы. Изрѣдка только полудремотное забытье ихъ

отуманивало: разъ онъ подалъ руку Далю и, пожимая ее, проговорилъ: «ну, подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше... ну пойдемъ!» Но очнувшись, онъ сказалъ: «мнѣ было пригрезилось, что я съ тобою лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко—и голова закружилась». Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку и потянувъ ее, сказалъ: «ну, пойдемъ же пожайлуста, да вмѣстѣ». Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше. И вдругъ, какъ бы проснувшись, онъ быстро открылъ глаза, и сказалъ: «кончена жизнь!». Даль, не разслышавъ, отвѣчалъ: «да, кончено; мы тебя поворотили». — «Жизнь кончена!»—повторилъ онъ внятно и положительно. «Тяжело дышать, давитъ!» — были послѣднія слова его. Я не сводилъ съ него глазъ и замѣтилъ въ эту минуту, что движеніе груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерывистымъ. Оно скоро прекратилось. Я смотрѣлъ внимательно, ждалъ послѣдняго вздоха, но я его не примѣтилъ. Тишина, его объявшая, показалась мнѣ успокоеніемъ, а его уже не было. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты черезъ двѣ я спросилъ. «Что онъ?» – «Кончилось!» – отвѣчалъ мнѣ Даль».

Пушкинъ умеръ 29-го января 1837 г. въ $2^3/_4$ часа пополудни. Два дня стояло его тѣло на квартирѣ; въ ночь съ 30-го на 31-ое января гробъ его былъ перенесенъ въ церковь Придворно-Конюшеннаго вѣдомства. Утромъ 1-го Февраля было отпѣваніе, а вечеромъ тѣло повезли въ Псковскую губернію, въ Святогорскій монастырь, гдѣ оно покоится и до нынѣ.

Поэтъ погибъ потому, что съ дѣтства стремился къ независимости и жилъ въ такомъ обществѣ и въ такое время, когда духъ рабства былъ господствующимъ. Самъ Пушкинъ, при всей оригинальности своего духа, впиталъ въ себя, какъ результатъ воспитанія, не мало предразсудковъ и слабостей, принижавшихъ его духъ... Эта внутренняя борьба проходитъ красной нитью черезъ всю его жизнь: онъ сознавалъ себя выше «черни», даже той, что посѣщала аристократическіе салоны столицы—и въ то же время дорожилъ ея мнѣніемъ, боялся ея суда; онъ благодаря своему генію и труду, поднялся на недосягаемую высоту и славу — и гордился своей генеалогіей; онъ далеко оставилъ за собою всю пишущую братію своего времени, онъ переросъ русскую публику — и въ то же время всегда прислушивался и къ суду критики, и ко мнѣнію публики. Эта двойственность его жизни была для него очень тягостна, но отдѣлаться отъ нея онъ не могъ. Она задерживала его стремленіе къ свободѣ жизни, но не могла убить этого стремленія. И онъ достигъ независимости своей творческой жизни, той высокой самостоятельности, когда никакія чуждыя «вліянія» не могли имѣть мѣста. А затѣмъ онъ завоевалъ независимость своей духовной жизни. Правда, это завоеваніе стоило ему жизни, но если бы у него была другая подруга жизни, если бы государь хотя немного понималъ его и цѣнилъ,—жизнь Пушкина заняла бы въ исторіи человѣчества одну изъ самыхъ прекрасныхъ страницъ. Уже въ дѣтствѣ и въ юности, когда почти для всѣхъ Пушкинъ былъ существомъ «безъ искры», она жила въ немъ, сверкала для всякаго внимательнаго, любовнаго взгляда... Затѣмъ она загорѣлась яркимъ свѣточемъ. Женитьба и «милость» правительства возмутили въ душѣ поэта уже побѣжденныя темныя силы—и огонь, запылавшій такъ спокойно и ровно, сталъ то погасать, то вспыхивать неровнымъ свѣтомъ. Два дня его предсмертной агоніи, когда все земное отошло отъ него, плоть была побѣждена,—этотъ свѣтъ засіялъ съ необыкновенной силой и невообразимой красотой: отъ прежняго несчастнаго, мятежнаго страдальца не осталось ничего,—правый путь былъ найденъ! «Жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ Жуковскому, но вообще она была элегіей!». Только мягкость души заставила его назвать «элегіей» то, что, въ сущности, было «трагедіей».

Литературная дѣятельность Пушкина въ послѣдній 1836—7 годъ выразилась въ нѣсколькихъ прочувствованныхъ произведеніяхъ. Изъ нихъ особенно интересны стихотворенія: «Когда великое свершалось торжество», «Изъ VI Пиндемонте», «Молитва», «Когда за городомъ задумчивъ я брожу», «Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный», «19-е октября 1836 г.» и «Пора, мой другъ».

Первое произведеніе навѣяно тѣми чувствами поэта, которыя овладѣли имъ, когда онъ увидѣлъ часовыхъ, поставленныхъ «для порядка» около картины Брюллова, привлекавшей много зрителей. Поэта возмутило такое сочетаніе солдатчины съ ис-

кусствомъ, и онъ, возмущенный, въ своемъ произведеніи задаетъ вопросъ:

«Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
Или распятіе—казенная поклажа,
И вы боитеся воровъ или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?».

Когда поэтъ писалъ эти строки, быть можетъ, онъ думалъ о своей судьбѣ,—его тоже распинали на глазахъ у всѣхъ и стерегли его, какъ «казенную поклажу» неизвѣстно зачѣмъ — быть можетъ даже изъ желанія «покровительствомъ спасти» его, «владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ». Отрывокъ, названный «Изъ VI Пиндемонте», еще разъ раскрываетъ намъ Пушкина, какъ искателя «независимости», — ребенкомъ онъ спасался отъ гнета гувернеровъ и родителей, въ Лицеѣ воевалъ съ начальствомъ и воспитателями, юношей — онъ мечталъ о свободѣ политической,— теперь, на краю могилы, онъ посмѣялся надъ этой «политической свободой»: республика подчиняла личность народу и потому тоже желанной свободы не давала. Онъ мечталъ о свободѣ личности независимо отъ формъ правленія.

Иныя, лучшія мнѣ дороги права,
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода!
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними! Никому
Отчета не давать; себѣ лишь одному
Служить и угождать! Для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи,
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! Вотъ права!

Въ стихотвореніи «Молитва» поэтъ выразилъ лучшія настроенія своей просвѣтлѣвшей души. Неизмѣримое разстояніе отдѣляетъ это произведеніе отъ его безпутной «Гавріліады»: здѣсь, въ этомъ переложеніи великопостной молитвы вложено очень много чисто-пушкинскаго, выстраданнаго, пережитого. Заключительныя слова: «и духъ смиренія, терпѣнія, любви и цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи» — особенно трогательно звучатъ, если вспомнить, что стихи написаны 22-го іюня 1836-го года, когда поэтъ взялъ на себя тяжелую обязанность сдержаннаго «наблюдателя» отношеній Дантеса къ его женѣ. 14-го августа того же 1836 года написано грустное стихотвореніе, проникнутое думой о скорой смерти. Поэтъ забрелъ на городское кладбище: оно противно его душѣ, какъ весь тотъ шумъ, суета и пошлость столичной жизни, которая угнетала его. И потянуло его на деревенское «кладбище родовое», — гдѣ все полно «торжественнымъ покоемъ».

Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ,
Намѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя.

21-го августа написанъ «Памятникъ». Это—спокойное признаніе того, что много сдѣлано, что жизнь прожита не даромъ. Поэтъ вѣритъ, что его душа въ завѣтной лирѣ переживетъ его «прахъ» и «тлѣнья убѣжитъ». Поэтъ знаетъ, что слава его не померкнетъ, а будетъ рости и расплываться «по всей Руси великой». Главныя заслуги свои онъ видѣлъ въ томъ, что «чувства добрыя» вынесъ онъ изъ своей жизни и этими чувствами воодушевилъ лучшія свои созданія, а затѣмъ «въ жестокій вѣкъ» воспѣлъ «свободу» — ту свободу личности, ради которой онъ боролся всю жизнь, и которую завоевалъ лишь цѣной своей крови. Послѣднее лирическое произведеніе великаго поэта — отрывокъ, посвященный женѣ:

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ,
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь — все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля!
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

Это — варіаціи на мотивы выше помѣщеннаго стихотворенія «Странникъ».—Счастья на землѣ нѣтъ, есть «покой и воля», но и они были лишь въ мечтахъ поэта: онъ разсчитывалъ ихъ найти въ деревнѣ, но онъ ошибался,—деревня не спасла бы его — одна смерть *освободила* его и успокоила.

Всѣ лирическія произведенія 1836 года удивительно разнородны по содержанію, глубоки по мысли и настроенію и родственны и близки между собой, если ихъ освѣтить пониманіемъ души поэта въ это тревожное лѣто 1836 года.

Пушкинъ предъ судомъ русской критики. Обозрѣніе критическихъ отзывовъ о Пушкинѣ цѣнно и для пониманія развитія русской мысли, постепенно углубляющейся и расширяющей свои горизонты, и для пониманія самого поэта. «Пушкинъ принадлежитъ къ вѣчно живущимъ и движущимся явленіямъ, не останавливающимся на той точкѣ, на которой застала ихъ смерть, но продолжающимъ развиваться въ сознаніи общества. Каждая эпоха произноситъ о нихъ свое сужденіе и, какъ бы ни вѣрно поняла она ихъ, но всегда оставитъ слѣдующей за нею эпохѣ сказать что-нибудь новое и болѣе вѣрное, и ни одна и никогда не выскажетъ всего». Эти слова Бѣлинскаго замѣчательно вѣрно характеризуютъ всеобъемлющую, широкую и глубокую дѣятельность всякаго геніальнаго писателя, Пушкина въ частности. Они прекрасно оправдались недавно на столѣтнемъ юбилеѣ поэта, когда многимъ критикамъ пришлось признать, что о великомъ поэтѣ не мало сказано и вѣрнаго, но много осталось еще сказать.

Правда, для многихъ Пушкинъ ясенъ вполнѣ и теперь; но, одновременно съ ихъ самоувѣренными рѣчами, мы слышимъ признаніе другихъ, болѣе чуткихъ критиковъ, что для нихъ Пушкинъ еще непонятенъ. Лермонтовъ, Гоголь, Некрасовъ — все это вполнѣ опредѣленныя физіономіи; съ именемъ же Пушкина у большинства связывается «представленіе чего-то большого, но довольно смутнаго и неопредѣленнаго». «О Пушкинѣ писано и переписано, и замѣчательно, что вы въ этихъ, по истинѣ безчисленныхъ статьяхъ почти не найдете одинаковыхъ мнѣній, и разнообразіе ихъ прямо одуряющее; чувствуешь, что какъ будто очутился среди несыгравшагося оркестра со всевозможнѣйшими инструментами и артистами, начиная съ первоклассныхъ и кончая совсѣмъ «малыми и нисколько не безсмертными». Это съ любой точки зрѣнія характерно, такъ какъ указываетъ и на трудность задачи, на сложность натуры Пушкина, и на разнообразіе мыслей и настроеній, въ его стихахъ иногда поразительное. Онъ возбуждалъ къ себѣ любовь, доходившую до преклоненія, онъ возбуждалъ и презрѣніе, и ненависть; полубогъ, пророкъ, провозвѣстникъ—для однихъ, онъ оказывался пустымъ, хотя и ловкимъ стихоплетомъ для другихъ; вызывая къ себѣ огромное вниманіе со стороны почти всѣхъ выдающихся людей пережитыхъ нами эпохъ, онъ накопилъ въ своей характеристикѣ слѣды самыхъ различныхъ историческихъ настроеній, порою глубокихъ, порою случайныхъ, и все же знаемъ мы его очень мало, а знаютъ его полностью, во всѣхъ изгибахъ его блестящей и прихотливой натуры, лишь всевѣдующіе составители учебниковъ да свадебные генералы нашей литературы». «Не только въ области критики, но и въ общественныхъ группахъ настоящее мѣсто Пушкина еще не опредѣлено. Славянофилы и патріоты называютъ его своимъ, ссылаясь на «Клеветникамъ Россіи» и «Бородино»; западники же приводятъ его слова: «чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи»... Либералы благоговѣютъ передъ «Одою на свободу», «Кинжаломъ», «Сѣятелемъ»; консерваторы указываютъ на то, что Пушкинъ былъ аристократомъ и въ концѣ жизни приблизился ко двору. Утилитаристы и педагоги привязываются къ его стихамъ: «чувства добрыя я лирой пробуждалъ», между тѣмъ какъ исповѣдующіе «искусство для искусства» декламируютъ обращеніе Пушкина къ толпѣ:

Пойдите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ.

«Долго, долго намъ еще предстоитъ углубляться и выяснять великій образъ Пушкина». Эти мнѣнія можно увеличить словами акад. Кони, проф. Дашкевича, г. Морозова,—но я думаю, что и приведенныхъ достаточно для доказательства той добросовѣстности и серьезности, къ которымъ пришла русская критика нашихъ дней.

«Пушкина мы еще не знаемъ, не понимаемъ». Печальный выводъ! И къ нему пришли мы послѣ вѣкового знакомства съ Пушкинымъ, послѣ юбилея 1887 года, на которомъ никто не говорилъ, что не знаетъ Пушкина! Но самое признаніе нашего невѣдѣнія есть первый шагъ къ серьезному изученію безъ предвзятыхъ сужденій, безъ избитыхъ общихъ мѣстъ. Тѣмъ не менѣе, оглянуться назадъ, посмотрѣть на тѣ уси-

лія, которыя были приложены для выясненія цѣны и смысла Пушкина, конечно, и любопытно и полезно. Мы видѣли уже, что время, когда развернулось во всей красѣ творчество великаго поэта, было тяжелое, мрачное. Это было время реакціи, время Аракчеева, Голицына и Фотія, время разочарованій въ *высшихъ сферахъ*...

Жизнь пробивалась свѣтлой весенней струей лишь въ кругу тѣхъ, кто помнилъ прекрасное начало Александровыхъ дней, тѣхъ, кто побывалъ за-границей въ 1813—14 гг., наконецъ въ кругу той молодежи, которая была близка къ этимъ передовымъ кружкамъ. И вотъ изъ Царскосельскаго Лицея раздался звонкій, смѣлый трескъ «Сверчка»: легкіе стишки, трепещущіе шаловливымъ сладострастьемъ, и дерзкія, вызывающія эпиграммы, разившія и Аракчеева, и Голицына, и Фотія, и очень многихъ другихъ,—все это было свѣжей струей, давно подготовленной, но таившейся до поры до времени.

Первое крупное произведеніе юнаго поэта было «Русланъ и Людмила.» Если свидѣтелями первыхъ опытовъ поэта были только его друзья, то теперь пришлось высказаться и русской критикѣ. Первымъ заговорилъ критикъ «Вѣстника Европы», журнала, издаваемаго Каченовскимъ. Этотъ критикъ былъ поклонникъ ложно-классическихъ теорій, еще твердилъ о «нашихъ старикахъ»—о Ломоносовѣ и др., осуждалъ Жуковскаго и пѣсни Кирши Данилова. Его пугали народныя выраженія «Руслана и Людмилы», ихъ онъ считалъ «дикими, ужасными, отвратительными». «Сынъ Отечества» выступилъ съ антикритикой въ защиту новой школы русскихъ «преобразователей». Въ «Невскомъ Зрителѣ» осуждена была поэма Пушкина и за недостойный поэмы сюжетъ, и за безнравственность, и за мужицкую грубость. Религіозное чувство критики было возмущено появленіемъ въ поэмѣ «Великаго Князя Владиміра—просвѣтителя Россіи», къ имени котораго критикъ требуетъ отношенія болѣе почтительнаго. «Сынъ Отечества» продолжалъ поддерживать Пушкина. Тамъ появился обширный разборъ «Руслана и Людмилы», написанный Воейковымъ. Изложено содержаніе, разобраны характеры героевъ, указаны красоты изложенія; выяснено отношеніе произведенія Пушкина къ «поэмамъ романтическимъ, шуточнымъ, волшебнымъ, богатырскимъ». Перо поэта было названо «лебединымъ», мѣсто ему было отведено «почтенное между первоклассными отечественными нашими писателями». «Прелестныя картины на самомъ узкомъ холстѣ, разборчивый вкусъ, тонкая, веселая, острая шутка» — вотъ характеристика поэмы. Воейковъ—близкое лицо Жуковскому и кружку Пушкина, быть можетъ, подъ ихъ давленіемъ написалъ хвалебную статью; такимъ образомъ, для признанія достоинствъ поэмы понадобились «личныя связи» поэта съ однимъ изъ критиковъ. Какъ бы то ни было, критика Воейкова произвела впечатлѣніе—и, начиная съ нея, мы слышимъ уже рядъ восхваленій по адресу «пѣвца Руслана». Поэма признана «прекраснымъ феноменомъ въ нашей словесности» («Благонамѣренный» 1820 г.), «однимъ изъ лучшихъ произведеній 1820 года»... Оживленіе въ русской критикѣ, споры въ публикѣ, отзывы маститыхъ поэтовъ,—все говоритъ о томъ, что шаловливая поэма юноши-пѣвца была событіемъ, цѣнность котораго, впрочемъ, ясна только для историка. Пушкинъ сразу сталъ въ первые ряды «русскихъ преобразователей»,—молодежи противъ рати стариковъ, желчныхъ Аристарховъ, вооруженныхъ правилами Буало.

Это была послѣдняя борьба нашихъ умиравшихъ «классиковъ» съ «романтиками», собравшимися вокругъ Пушкина. На знамени его красовался девизъ: «свобода творчества».

Поэмы «Кавказскій Плѣнникъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Братья Разбойники» еще болѣе обострили журнальную полемику. Для классиковъ первое произведеніе Пушкина («Русланъ») было все-таки понятно,—оно находило себѣ мѣсто въ спискѣ «дозволенныхъ» на Парнассѣ произведеній, («шутливая эпопея»), но герои «Кавказскаго Плѣнника» и «Цыганъ» были имъ чужды и непонятны. Авторы старыхъ эпопей, вродѣ «Россіяды», «Владиміра», воспѣвавшихъ цѣлыя историческія эпохи, въ глазахъ представителей старой школы казались титанами сравнительно съ юнымъ пѣвцомъ какихъ-то разочарованныхъ юношей и влюбленныхъ дѣвицъ. Въ лицѣ Пушкина старики казнили романтизмъ за ничтожность содержанія, за смѣсь мрачнаго съ сладострастіемъ, быстроты разсказа съ неподвижностью дѣйствія, пылкости страстей съ холодностью характеровъ, а у плохихъ под-

ражателей новой школы — съ разбросанностью, неоконченностью картинъ, «темнотою языка».

Но эти одинокіе, замирающіе голоса классиковъ жалко теряются въ хорѣ похвалъ: Пушкинъ завоевалъ любовь публики. Такимъ образомъ, прежніе «преобразователи» уже получаютъ неопредѣленную кличку «романтиковъ». И они не отказываются отъ нея, между нами будь сказано, не вполнѣ понимая суть романтизма. Другъ Пушкина, кн. Вяземскій предпослалъ «Бахчисарайскому Фонтану» предисловіе: «Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны». Авторъ смѣло возстаетъ противъ теоріи «правилъ» и указываетъ на требованіе одной «народности въ словесности, которая не въ правилахъ, но въ чувствахъ». Теперь критика менѣе обращаетъ вниманія на отдѣльныя выраженія, на «неудачные эпитеты» и риѳмы, а болѣе занимается уже психологіей героевъ, восхищается картинами природы и изображеніемъ чуждыхъ нравовъ, проникновеніемъ въ душу героя; это восхищеніе couleur locale — большой шагъ впередъ.

Критика зрѣла вмѣстѣ съ геніемъ Пушкина. Къ этому періоду критики относится отожествленіе нашего поэта съ Байрономъ.

Для первыхъ, робкихъ шаговъ критическаго сознанія всегда нужна какая-нибудь отправная точка или какое-нибудь авторитетное мнѣніе, или «правило«, или, наконецъ, «имя»... Въ кличкѣ «Русскій Байронъ», которою почтили современники Пушкина, слышится еще XVIII вѣкъ съ его россійскими Гомерами, Расинами и Пиндарами, слышится еще раболѣпное преклоненіе передъ чужимъ, стремленіе скорѣе завести у себя все то, чѣмъ славится Западъ. Отдѣльными главами сталъ появляться «Онѣгинъ». Публика была захвачена новымъ произведеніемъ поэта... «Пѣсни Онѣгина составляютъ въ Москвѣ общій предметъ разговоровъ: и женщины, и дѣвушки, и литераторы, и свѣтскіе люди, встрѣтясь, начинаютъ другъ друга спрашивать: «читали ли вы Онѣгина, какъ вамъ нравятся новыя пѣсни, какова Таня, какова Ольга, каковъ Ленскій»—иронизируетъ одинъ изъ противниковъ «Евгенія Онѣгина». Впрочемъ, въ критикѣ начало романа почти всѣми было признано за «лучшее произведеніе неподражаемаго Пушкина». Изъ отзывовъ слѣдуетъ отмѣтить серьезную статью Полевого: начавъ со сравненія съ Байрономъ, критикъ почувствовалъ самостоятельность Пушкина. «Поэтъ освѣщаетъ передъ нами общество и человѣка: герой его — шалунъ съ умомъ, вѣтренникъ съ сердцемъ, онъ не скопировалъ съ французскаго или англійскаго... Мы видимъ свое, слышимъ свои родныя поговорки, смотримъ на свои причуды, которыхъ всѣ мы не чужды были нѣкогда»... Въ глазахъ Полевого Пушкинъ — поэтъ народный; онъ опровергаетъ мнѣніе одного критика, упрекнувшаго Пушкина въ ненародности: «Надобно думать, говоритъ Полевой, что критикъ полагаетъ народность русскую въ русскихъ черевикахъ, лаптяхъ и бородахъ и только назвалъ-бы Онѣгина народнымъ тогда, когда на сценѣ представлялся бы русскій мужикъ съ русскими поговорками, побасенками! Народность бываетъ не въ одномъ низшемъ классѣ: печать ея видна на всѣхъ званіяхъ и вездѣ... И въ быту богачей, и въ Петербургѣ никакой иностранецъ совершенно не забудется, всегда увидитъ предметы, напоминающіе ему Русь: такъ и въ Онѣгинѣ»... Такимъ образомъ, критикъ замѣтилъ поворотъ въ дѣятельности Пушкина къ изображенію русской дѣйствительности. «Полтава» и «Борисъ Годуновъ» обличили въ поэтѣ желаніе уйти отъ настоящаго въ прошлое русской дѣятельности. Соотвѣтственно съ этимъ стала отдаляться отъ поэзіи и русская публика. Ореолъ пѣвца «Руслана и Людмилы» тускнѣлъ по мѣрѣ того, какъ поэтъ выросталъ изъ толпы. Отъ легкаго, свѣтозарнаго эпикуреизма онъ перешелъ къ «байронизму» или, если угодно, «романтизму»,—и теперь онъ предсталъ съ проповѣдью «реализма».—Это новое направленіе было слишкомъ ново, такъ какъ даже на Западѣ еще далеки были отъ этой новой школы, которой суждено было процвѣсти у насъ въ XIX столѣтіи...

Впрочемъ, одиночные голоса воздали должное поэту. Такъ, Ив. Кирѣевскій въ 1828 г. написалъ интересную статью «Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина» («Моск. Вѣдом.»). Въ статьѣ нѣтъ пустословія о романтизмѣ, нѣтъ дешевыхъ остротъ, нѣтъ придирокъ къ мелочамъ, — авторъ подводитъ итоги дѣятельности Пушкина. Признавая его первоклассным русскимъ поэтомъ, онъ указываетъ на три періода его дѣятельности. Первый, къ которому относятся его раннія произведенія и «Русланъ»,

носятъ отпечатокъ вліянія школы итальянско-французской (Парни и Аріосто). Во второмъ періодѣ Пушкинъ — подражатель Байрона, поэтъ философъ: въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» нѣтъ уже беззаботности настроеній первой поэмы, но нѣтъ еще и мизантропіи Онѣгина. Совершенно вѣрно характеризуетъ Кирѣевскій этотъ второй періодъ, какъ постепенное освобожденіе отъ гнета «міровой тоски» и приближеніе къ дѣйствительности. На рубежѣ третьяго періода стоятъ «Цыгане», «Евгеній Онѣгинъ». Но не въ героѣ видитъ «народность» критикъ, а «въ постороннихъ описаніяхъ». «Онѣгинъ — пустой, ни къ чему не способный модный франтъ»; самобытная собственность Пушкина — въ Ленскомъ, Татьянѣ, Ольгѣ, въ описаніи Петербурга, деревни, сна, зимы, въ письмѣ и пр. Это все признаки третьяго періода — русско-пушкинскаго. Рядомъ съ этими дѣльными рѣчами можно поставить слова Кс. Полевого: «Пушкинъ повторилъ собою всю исторію русской литературы. Воспитанный иностранцами, онъ переходилъ отъ одного направленія къ другому, пока, наконецъ, нашелъ тайну своей поэзіи въ духѣ своего отечества и мірѣ русскомъ». Но эти рѣчи потонули въ бранчивомъ хорѣ враговъ.

Съ одной стороны, возстали личные враги — литераторы, съ другой — старые классики опять подняли голову. Пушкинъ написалъ въ «Полтавѣ» что-то въ родѣ «эпопеи», а въ «Борисѣ Годуновѣ» — нѣчто напоминающее трагедію, — это было въ ихъ глазахъ дерзкимъ вызовомъ почтеннымъ тѣнямъ Корнеля и Расина. Нельзя не сознаться, что и эта «принципіальная» борьба была обострена личными отношеніями.

Пушкинъ не щадилъ своихъ противниковъ ни въ печати, ни въ летучихъ эпиграммахъ, ни въ личныхъ отзывахъ. Тѣмъ не менѣе, Пушкинъ тяготился этой враждой и явной холодностью публики. Отношенія его къ правительству были неровныя, семейная обстановка тяжелая; поэтъ, оскорбленный жизнью, еще дальше отошелъ отъ «толпы». Впрочемъ, онъ попытался было одно время взять въ руки общественное мнѣніе, создавъ свой органъ печати для читателей съ высшимъ литературнымъ вкусомъ. Этотъ журналъ, «Литературная Газета», издаваемый другомъ поэта барономъ Дельвигомъ, долженъ былъ улучшить вкусъ публики, забрать въ свои руки право «высшаго суда» надъ литературной жизнью того времени. Кромѣ новой брани ничего не вышло. Дельвигъ былъ ничтожествомъ; Пушкинъ, человѣкъ страстный, съ презрѣніемъ отворачивался отъ литературной «черни» въ своихъ звучныхъ стихахъ, а въ журналѣ вооружался грязной метлой и вступалъ въ потасовку съ толпою мелкихъ сошекъ.

Изъ молодыхъ критиковъ выдавался въ тридцатые годы Надеждинъ; но онъ не понялъ великаго поэта, поднявшагося въ это время на недосягаемыя высоты міровыхъ геніевъ. Надеждинъ былъ «классикъ»; онъ убѣжденъ былъ, что изъ Пушкина выработался бы русскій Аріосто, если бы поэтъ продолжалъ «Руслана», держался бы «въ предѣлахъ эстетическаго благоразумія», не прикрывалъ бы романтическаго славой антиклассическаго невѣжества». «Рѣзвое скаканіе разгульной фантазіи», творчество безъ правилъ, безъ плана,—вотъ что увидалъ суровый критикъ въ лучшихъ твореніяхъ Пушкина; «Бориса Годунова» онъ обрекалъ на сожженіе. Полевой, поддержавшій въ свое время поэта, тоже отсталъ отъ него и видѣлъ паденіе его генія въ послѣднихъ произведеніяхъ. Въ 1832 г. появилась въ свѣтъ критическая статья Гоголя: «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ». Онъ освѣтилъ Пушкина, какъ «русскаго національнаго поэта». «Пушкинъ, говоритъ онъ, есть явленіе чрезвычайное и можетъ быть единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ можетъ быть явится черезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій характеръ отразились въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла». Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ національненъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда національненъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи. Сочиненія Пушкина, гдѣ дышетъ у него русская природа, такъ же тихи и безпорывны, какъ русская природа. Ихъ только можетъ совершенно понимать тотъ, чья душа носитъ въ себѣ чисто-русскіе элементы, кому Россія—родина, чья душа такъ нѣжно организована и развилась въ чув-

ствахъ, что способна понимать неблестящія съ виду пѣсни и русскій духъ, потому что чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное, и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина.

Въ 1834 г. появились «Литературныя мечтанія» Бѣлинскаго. Онъ первый постарался возстановить связь поэта со всей предшествовавшей русской литературой, начиная съ Тредьяковскаго и Ломоносова.

Это историческое сопоставленіе Пушкина съ русскими писателями XVIII—XIX в. повторялось не разъ и въ послѣдующихъ работахъ критика. Хотя въ 1834 г. Бѣлинскій въ предшественникахъ Пушкина не видѣлъ еще «литературы, но лишь призракъ и движеніе, жизнь и даже постепенность въ развитіи», Пушкинъ, въ этомъ историческомъ освѣщеніи, подымался на большую высоту; но, къ сожалѣнію, юный критикъ взялся судить и о томъ, чего онъ еще тогда не понималъ: послѣднія произведенія Пушкина оказались и въ его глазахъ «не художественными произведеніями, а просто сказками и побасенками». Слѣдуя модѣ своего времени, юный критикъ давалъ совѣты угасающему генію, что онъ долженъ дѣлать, чего не долженъ, въ его стихахъ увидѣлъ «закатъ таланта», «одно умѣніе владѣть языкомъ и риѳмою»... А въ это время и гр. Бенкендорфъ давалъ совѣты поэту, что̀ надо вычеркнуть изъ его твореній, что̀ надо прибавить для назидательности. Немудрено, что сердце поэта, избалованнаго славою, сжималось; немудрено, что такъ глубоко-скорбно звучатъ слова его «Памятника» (1836 г.).

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна;
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Понятна скорбь, звучащая въ этихъ рѣчахъ, но удивленіе вызываетъ спокойствіе этой скорби, величавое примиреніе съ судомъ литературной «черни», гордое, но не тщеславное сознаніе:

Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ,—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ...

Въ 1837 году поэта не стало. Смерть его поразила многихъ. Гнѣвная рѣчь Лермонтова отозвалась не только въ кругу аристократіи, но и въ кругу литераторовъ.— Первые только озлобились, вторые задумались и смутились. Смерть унесла изъ ихъ круга «*личность*» Пушкина, т. е. того невыдержаннаго, страстнаго, часто несправедливаго и пристрастнаго человѣка, который былъ вооруженъ и геніемъ, и умомъ, и остроуміемъ, который вызывалъ при жизни и зависть, и ненависть... Теперь этой личности не стало... Правда, его эпиграммы до сихъ поръ пропечатаны на лбахъ многихъ его литературныхъ враговъ,— но тогда, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти, почти все было забыто, все было ему прощено. «Критика точно раскаялась въ своихъ ничтожныхъ нападкахъ на великаго поэта и свои вѣнки на гробъ ему постаралась украсить самыми лучшими, свѣжими цвѣтами» (Е. Соловьевъ). Смерть поэта отозвалась и на Западѣ замѣчательною статьею Фарнгагена фонъ-Энзе. Этотъ голосъ оттуда, куда съ униженной мольбой обращали свои взоры въ теченіе двухъ вѣковъ русскіе люди, поразилъ ихъ неожиданностію. Имъ сказали, что «русскій языкъ есть богатѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ славянскихъ», что онъ «смѣло можетъ состязаться съ языками образованнѣйшихъ народовъ современной Европы», что силу сѣверныхъ языковъ онъ соединяетъ съ благозвучіемъ итальянскаго. Имъ сказали съ Запада, что Пушкинъ «въ высокомъ смыслѣ національненъ», что онъ не подражатель Байрона, а самобытный творецъ, стоящій выше Байрона и близкій своимъ духомъ примиренія съ Гёте. Тонкій анализъ лучшихъ созданій поэта, яркая характеристика его языка, его лирики,—все это такъ совпало съ моментомъ того раскаянья, которое овладѣло русской литературой, что отношеніе къ великому поэту мѣняется.

Полевой, отошедшій въ послѣднее время отъ Пушкина, вскорѣ послѣ его смерти написалъ горячую статью о гибели «великаго лирическаго поэта и полнаго представителя своего современнаго отечества».

Слова «закатилось солнце поэзіи русской» — сдѣлались въ литературныхъ кругахъ шаблоннымъ восклицаніемъ. Бѣлинскій рѣзко измѣнилъ свое мнѣніе о послѣднемъ періодѣ творчества поэта, заговоривъ о «мнимомъ паденіи таланта» Пушкина, о его

геніальной объективности въ высшей степени: онъ превознесъ незамѣченную современниками «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ», «Каменнаго Гостя». «Великій, восклицалъ онъ въ 1839 г., неужели безвременная смерть твоя нужна была для того, чтобы мы разгадали, кто былъ ты?» Со дня смерти Пушкина Бѣлинскій задачей всей своей жизни поставилъ разрѣшеніе этого вопроса, далъ намъ нѣсколько рѣшеній, не всегда согласныхъ, но всегда правдивыхъ и честныхъ; всѣ они исходили изъ тѣхъ мучительныхъ переворотовъ міросозерцанія, которые происходили у Бѣлинскаго не разъ. Его мятежный духъ, ищущій вѣчно «смысла жизни», уводилъ его то въ абстрактный героизмъ самосовершенствованія, то въ формулу: «все существующее разумно», то въ обоготвореніе красоты и художественности; то, наконецъ, на трибуну народнаго витіи, отдавшагося треволненіямъ кипящей жизни. Разумѣется, пониманіе Пушкина въ глазахъ Бѣлинскаго мѣнялось, — поэтъ то выросталъ, то понижался. Остановимся здѣсь лишь на тѣхъ мнѣніяхъ Бѣлинскаго, которыя приняты были послѣдующей критикой и легли въ основаніе всѣхъ учебниковъ по исторіи русской словесности.

Бѣлинскій первый у насъ призналъ значеніе личности поэта для характеристики его произведеній; но онъ совершенно не замѣчалъ необходимости біографическихъ данныхъ для уясненія этой личности. Онъ первый открылъ значеніе эпохи для характера исторіи, но, къ сожалѣнію, плохо зналъ исторію и со своею страстностью никогда не могъ стать на историческую точку зрѣнія: поэзію 20—30-хъ годовъ онъ судилъ съ точки зрѣнія 40-хъ. Онъ первый заговорилъ у насъ о смѣнѣ литературныхъ направленій; но онъ не зналъ литературъ западно-европейскихъ, а о литературѣ XVIII в. имѣлъ очень поверхностное представленіе. Указавъ мимоходомъ на «гуманность» Пушкина, сказавъ о воспитательномъ значеніи его Музы, онъ не остановился подробно на этой вѣрной мысли, покоренный публицистическимъ настроеніемъ эпохи. Вотъ достоинства и недостатки его критики. И тѣ и другіе вошли въ плоть и кровь нашей исторической науки. Отъ Бѣлинскаго пошли тѣ вѣковыя недоразумѣнія, которыя до нашихъ дней заслоняютъ образъ Пушкина, хотя многія стороны творчества поэта, его значеніе въ ряду русскихъ литераторовъ во многихъ отношеніяхъ освѣщены ярко и вѣрно. Такъ, онъ первый призналъ послѣднія созданія поэта за болѣе совершенныя: «Русланъ и Людмила» — ничтожество сравнительно съ «Борисомъ Годуновымъ» и «Онѣгинымъ». Образъ Татьяны взволновалъ его и вызвалъ характеристику, съ которою до сихъ поръ считаются историки литературы.

Вотъ нѣсколько его наиболѣе характерныхъ строкъ о Пушкинѣ: «Муза Пушкина — эта дѣвушка-аристократка, въ которой обольстительная красота и граціозность непосредственности сочетались съ изяществомъ тона и благородною простотою, и въ которой прекрасныя внутреннія качества развиты и еще болѣе возвышены виртуозностью формы, до того усвоенной ею, что эта форма сдѣлалась ей природой». Пушкинъ не принадлежалъ исключительно ни къ какому ученію, ни къ какой доктринѣ; въ сферѣ своего поэтическаго міросозерцанія онъ, какъ художникъ по преимуществу, былъ гражданинъ вселенной, и въ самой исторіи такъ же, какъ и въ природѣ, видѣлъ только мотивы для своихъ поэтическихъ вдохновеній, матеріалы для своихъ творческихъ концепцій. Почему это было такъ, а не иначе, и къ достоинству или недостатку Пушкина должно это отнести? Если бы его натура была другая, и онъ шелъ по этому несвойственному ему пути, то безъ сомнѣнія это было бы въ немъ больше, чѣмъ недостатокъ; но какъ онъ въ этомъ отношеніи былъ только вѣренъ своей натурѣ, то за это его также нельзя хвалить или порицать, какъ за то, что у него черные, а не русые волосы. Чувство, лежащее въ основаніи лирики Пушкина, всегда такъ тихо и кротко, несмотря на его глубокость, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ человѣчно, гуманно! И оно всегда проявляется у него въ формѣ столь граціозной. Что составляетъ содержаніе мелкихъ пьесъ Пушкина? почти всегда любовь и дружба, — чувства, всегда болѣе обладавшія поэтомъ и бывшія непосредственнымъ источникомъ счастья и горя всей его жизни. Онъ ничего не отрицаетъ, ничего не проклинаетъ, на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ.

Самая грусть его, несмотря на ея глубину, какъ-то не обыкновенно свѣтла и прозрачна; она усмиряетъ муку души и цѣ-

литъ раны сердца. Общій колоритъ поэзіи Пушкина и въ особенности лирической — внутренняя красота человѣка и лелѣющая душу гуманность. Къ этому прибавимъ мы, что если оно человѣческое, а не животное, то у Пушкина всякое чувство еще прекрасно, какъ чувство изящное. Мы здѣсь разумѣемъ не поэтическую форму, которая у Пушкина всегда въ высшей степени прекрасна; нѣтъ—каждое чувство, лежащее въ основаніи каждаго его стихотворенія, изящно, граціозно и виртуозно само по себѣ: это не просто чувство человѣка-художника, человѣка-артиста, — есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное *во всякомъ* чувствѣ Пушкина».

«Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство *гуманности*, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка. Несмотря на генеалогическіе свои предразсудки, Пушкинъ по самой натурѣ былъ существомъ любящимъ, симпатичнымъ, готовымъ отъ полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему «человѣкомъ». Несмотря на его пылкость, способную доходить до крайности, при характерѣ сильномъ и мощномъ, въ немъ было много дѣтски-кроткаго, мягкаго и изящнаго. Придетъ время, когда онъ будетъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство.» Стараясь найти «паѳосъ» поэзіи Пушкина, Бѣлинскій говорилъ: «Въ Гомерѣ насъ всего болѣе поражаетъ въ его поэзіи древне-эллинское міросозерцаніе; въ Шекспирѣ прежде всего виденъ глубокій сердцевѣдецъ, въ Байронѣ—колоссальная личность поэта, его титаническая смѣлость, гордость мыслей и чувствъ; Шиллеръ—трибунъ человѣчества, провозвѣстникъ гуманности, страстный поклонникъ всего высокаго; Гёте—могучій властелинъ внутренняго міра души человѣческой... Въ Пушкинѣ вы прежде всего увидите художника, вооруженнаго всѣми чарами поэзіи, призваннаго для искусства, исполненнаго любви и интереса ко всему эстетически-прекрасному, любящему все и потому терпимому ко всему. Отсюда всѣ достоинства, всѣ недостатки его поэзіи, и если вы будете разсматривать его съ этой точки зрѣнія, то съ удвоенной полнотою насладитесь его достоинствами и оправдаете его недостатки, какъ оборотную сторону его же достоинствъ. Въ этихъ прекрасныхъ, вдохновенныхъ словахъ чуется уже «двойственность отношеній», тревога передъ тѣмъ судомъ времени, который надвигался на поэта, и Бѣлинскій подымаетъ вопросъ, можно ли обвинять поэта, и всѣ усилія прилагаетъ къ тому, чтобы убѣдить себя въ невозможности, въ абсурдѣ такого суда надъ поэтомъ-художникомъ.

Между тѣмъ, указаніе хотя бы на то, что въ исторіи и въ природѣ поэтъ видѣлъ только матеріалъ для вдохновеній, есть уже намекъ на равнодушіе поэта къ существу жизни. И вотъ, главная ошибка критика заключается въ томъ, что онъ самовольно отрѣшилъ поэта отъ жизни, невѣрно истолковавъ его стихи, въ которыхъ поэтъ противополагаетъ себя черни. Стихи, имѣвшіе значеніе въ примѣненіи къ конкретнымъ случаямъ жизни поэта, возведены были въ его profession de foi, — и до сихъ поръ, къ сожалѣнію, въ учебныхъ заведеніяхъ изъ году въ годъ пишутъ сочиненія на тему: «Взглядъ Пушкина на поэзію», опираясь исключительно на эти стихи. Вотъ почему, при всей своей благожелательности, Бѣлинскій вынесъ такой окончательный приговоръ поэту: «Какъ бы то ни было, но по своему воззрѣнію Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ, и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе сдѣлались теперь жизнью всякой истинной поэзіи...»

Итакъ, значеніе критики Бѣлинскаго заключается въ томъ, что онъ яснымъ провидѣніемъ, поэтическимъ инстинктомъ многое угадалъ въ Пушкинѣ и поставилъ на разрѣшеніе рядъ вопросовъ (о личности поэта, о духѣ времени, о литературныхъ направленіяхъ); но онъ ни одного изъ нихъ не разрѣшилъ удовлетворительно. Наконецъ, онъ же попытался уловить закономѣрность въ появленіи Пушкина, но не сумѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ не былъ историкомъ.

Его авторитетъ и слава бойца за прогрессъ освятили его ошибочныя мнѣнія и создали, въ результатѣ, школу критиковъ, отрицавшихъ Пушкина.—Менѣе въ этомъ отрицаніи виновенъ Чернышевскій, болѣе—

Добролюбовъ и болѣе всѣхъ—Писаревъ. Съ другой стороны, ошибочное представленіе Пушкина, какъ поэта поклонника «чистаго искусства», вызвало такое же невѣрное пониманіе великаго поэта Катковымъ и другими критиками, возславившими мнимое презрѣніе Пушкина къ «черни».

Рядомъ съ развитіемъ критики Бѣлинскаго и его продолжателей развивается критика «народниковъ», отчасти консерваторовъ. Мы видѣли уже, что о «народности» Пушкина заговорили еще при его жизни. Едва ли не первый и прямо поставилъ этотъ вопросъ нѣмецъ Фарнгагенъ-фонъ Энзе. Однимъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ и горячихъ приверженцевъ этой теоріи былъ Гоголь, къ которому примкнули Ап. Григорьевъ, Страховъ и Достоевскій. Наконецъ, третье теченіе въ Пушкинскомъ вопросѣ ясно обнаруживается тоже съ 50-ыхъ годовъ — это историческое изученіе жизни, его твореній, эпохи, его создавшей. Изданіе сочиненій Пушкина подъ редакціей Анненкова—главное событіе въ этомъ новомъ, только что народившемся отношеніи къ поэту.

Чернышевскій призналъ главою новѣйшей литературы Гоголя. Пушкинъ стоитъ внѣ опредѣленныхъ направленій, будучи художникомъ формы стиха. Это основное и невѣрное положеніе послѣдовательно и ясно развито въ его статьѣ о Пушкинѣ, во многихъ отношеніяхъ прекрасной. Онъ—первый изъ русскихъ критиковъ—заглянулъ въ душу великаго поэта и оставилъ намъ его характеристику, какъ человѣка. Отношенія поэта къ «черни» поняты въ смыслѣ Бѣлинскаго, но истолкованы своеобразно. Пушкинъ, по преимуществу,—поэтъ-художникъ, не поэтъ-мыслитель, то есть, — существенный смыслъ его произведеній — художественная ихъ красота. Если, однако, повторить вопросъ, которымъ занималась «чернь тупая» еще при жизни поэта:

О чемъ бренчитъ? чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней? —

на этотъ вопросъ «черни» Чернышевскій отвѣтилъ, что смыслъ поэзіи Пушкина заключается въ распространеніи охоты къ литературѣ и въ подготовленіи русскаго читателя къ высшему нравственному развитію. Черезъ него разлилось литературное образованіе на десятки тысячъ людей, между тѣмъ какъ до него литературные интересы занимали немногихъ. Онъ первый возвелъ у насъ литературу въ достоинство національнаго «дѣла».

Умаливъ мысль и «содержаніе» въ прекрасныхъ твореніяхъ Пушкина, Чернышевскій нѣсколько непослѣдовательно признавалъ его «человѣкомъ чрезвычайно образованнымъ»: «и нынѣ, говоритъ онъ, въ нашемъ обществѣ не много найдется людей, равныхъ Пушкину по образованности».

Добролюбова Пушкинъ интересуетъ лишь поскольку въ сочиненіяхъ его рѣшаются вопросы общественные. Свое отношеніе къ Пушкину онъ высказалъ прежде всего въ критикѣ на книгу Милюкова: «Очеркъ исторіи русской поэзіи». Эта книга написана по сочиненіямъ Бѣлинскаго; такимъ образомъ, и Добролюбовъ судилъ не великаго поэта, а тотъ образъ, что нарисованъ былъ Милюковымъ съ голоса его учителя. Пушкинъ оказался «натурой неглубокой», легкой, увлекающейся вслѣдствіе недостатка прочнаго образованія. «Его натура полна художнической воспріимчивости, но чужда упорной дѣятельности мысли»; «его генеалогическіе предразсудки, его эпикурейскія наклонности, первоначальное образованіе подъ руководствомъ эмигрантовъ конца прошедшаго столѣтія—все препятствовало ему проникнуться духомъ русской народности. Мало того, онъ отвращался даже отъ тѣхъ проявленій народности, какія заходили изъ народа въ общество, окружавшее Пушкина. Оттого-то онъ и не присталъ къ литературному движенію, которое началось въ послѣдніе годы его жизни. Напротивъ, онъ наказалъ это движеніе еще прежде, чѣмъ оно явилось господствующимъ въ литературѣ. Онъ гордо воскликнулъ въ отвѣтъ на современные, вопросы: подите прочь! Какое мнѣ дѣло до васъ! и началъ пѣть Бородинскую годовщину и отвѣчать клеветникамъ Россіи».

Время требовало новыхъ людей, свѣжихъ и бодрыхъ,—и вотъ явился Гоголь. Съ его приходомъ пѣсня Пушкина была окончательно спѣта, и смерть только избавила его отъ печальной необходимости увидѣть себя живымъ мертвецомъ посреди того общества, которое прежде рукоплескало каждому его слову. Когда появилось изданіе Анненкова, тотъ же Добролюбовъ, не отсту-

пивъ отъ главныхъ своихъ положеній, не удержался отъ восклицанія: «послѣ вялости и мелкоты, которою отличалась наша литература за семь или за восемь лѣтъ предъ тѣмъ (1857—1858), память Пушкина какъ будто еще разъ повѣяла жизнью и свѣжестью на нашу литературу, точно окропила насъ живой водой и привела въ движеніе наши окостенѣвавшіе отъ бездѣйствія члены». Признавъ здравый природный умъ Пушкина, критикъ не простилъ ему «двойственности въ жизни» и «генеалогическихъ» предразсудковъ. Не могъ простить Пушкину Добролюбовъ и его отношеній къ Радищеву и его стиховъ, возславляющихъ «насъ возвышающій обманъ»

Да будетъ проклятъ правды гласъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно.

Защищая «посредственность» и предпочитая «тьмы низкихъ истинъ» возвышающему идеализму, Добролюбовъ стоялъ на точкѣ зрѣнія своего времени, бурнаго, дѣятельнаго, когда созерцательности и мечтѣ было мало простору. Впрочемъ, «грѣхи» Пушкина критикъ старается объяснить слабостью его характера, «не имѣвшаго внутренней опоры въ серьезныхъ, независимыхъ убѣжденіяхъ и потому скоро павшаго отъ утомленія въ борьбѣ». Это объясненіе уже снимаетъ половину вины съ Пушкина,—сознательность его проповѣди замѣнена теперь безсознательнымъ отраженіемъ душевной борьбы.

Писаревъ пошелъ дальше всѣхъ въ дѣлѣ уничтоженія поэта. Его страстное, полное всякой злободневности время меньше всего склонно было къ увлеченію «чистой поэзіей», каковою слыла поэзія Пушкина. Провѣрять это установившееся мнѣніе не было ни досуга, ни охоты. Слава Пушкина принимала сухой, казенно-оффиціальный характеръ. Такимъ образомъ, статьи Писарева были лишь преувеличенно-рѣзкимъ выраженіемъ того общаго равнодушія, которое окружило въ это время поэзію Пушкина (Гриневичъ). Для него творенія поэта «усыпительны», самъ онъ легкомысленный версификаторъ, опутанный мелкими предразсудками, погруженный въ созерцаніе мелкихъ, личныхъ ощущеній и совершенно неспособный анализировать и понимать великіе общественные и философскіе вопросы нашего вѣка, создавшаго себѣ кумиръ самохвальствомъ, столь ветхій, что передъ нимъ преклоняется пишущее филистерство только по старой привычкѣ и по обязанности службы». Для своихъ дней критика Писарева, пожалуй, и была понятна, — спокойное пушкинское примиреніе съ жизнью совсѣмъ не отвѣчало бурнымъ настроеніямъ эпохи, быть можетъ, даже было вреднымъ въ тотъ моментъ, когда складывалась новая жизнь.

Ни одинъ голосъ не повторилъ того, что сказалъ Писаревъ, и на Пушкинскомъ юбилеѣ всѣми органами печати, безъ различія направленій, было осуждено несправедливое мнѣніе этого «рыцаря минуты».

Требуя отъ героевъ Пушкина послѣдовательности и прямолинейности 1860-хъ годовъ, критикъ забывалъ, что передъ нимъ люди 1820-хъ годовъ. Для него идеальной была бы Татьяна, если бы она бросила мужа, бросила бы затѣмъ ничтожнаго Онѣгина и умерла отъ нищеты или отъ разврата. — Въ томъ же видѣ, въ какомъ предстали ему герои Пушкина, они не вызывали въ немъ ничего, кромѣ злобнаго хохота. Пародіи писать нетрудно. Опереттой «Фаустъ на изнанку» осквернено и великое произведеніе Гёте. Пародіи можно писать и на Шекспира, но все это шутки плохого пошиба. Не будучи поклонникомъ Татьяны, все-таки трудно не почувствовать приступа брезгливости, когда читаешь такую передѣлку письма Татьяны: «Ужъ если вы, коварный тиранъ, не будете ѣздить къ намъ хоть разъ въ недѣлю, такъ не зачѣмъ было и показываться у насъ: безъ васъ я бы сдѣлалась вѣрною женою и добродѣтельною матерью, — теперь я по вашей милости, жестокій мужчина, пропадать должна»...

Въ силу своихъ опредѣленныхъ идеаловъ, Писаревъ, въ сущности, далъ своимъ поклонникамъ въ статьяхъ о Пушкинѣ «возвышающій обманъ», презрѣвъ тѣ «тьмы жизни истинъ» о Пушкинѣ, изъ которыхъ многія вѣрно уяснили бы ему суть дѣла.

Такъ постепенно развивались и сами собою изобличались взгляды Бѣлинскаго, при чемъ его попытки увидѣть «закономѣрность» въ дѣятельности Пушкина оставлены были безъ вниманія его продолжателями, а то «случайное», что примѣшалось къ поэзіи Пушкина, и что невѣрно было имъ истолковано, разрослось въ та-

кое пятно, которое, въ глазахъ Писарева, закрыло совсѣмъ великаго поэта. Критика Писарева—это критика на Бѣлинскаго. Теперь, когда мы знаемъ и жизнь, и творчество Пушкина, повторять мнѣніе Писарева—значитъ лгать на родоначальника русской литературы. Теперь и гимназисты въ состояніи понять, въ чемъ заключалась ошибка Писарева по отношенію къ великому поэту.

Къ Бѣлинскому примкнулъ и Катковъ. Исходя изъ пониманія Пушкина, какъ жреца «чистой красоты», онъ въ своей статьѣ далъ цѣлый рядъ вѣрныхъ соображеній по вопросу о психологіи творчества, при чемъ старался доказать, что и отъ чистаго искусства великая польза для общества. «Требуйте, говорилъ онъ, отъ искусства прежде всего истины; требуйте, чтобы художественная мысль уловляла существенную связь явленій и приводила къ общему сознанію все то, что творится и дѣлается во мракѣ жизни; требуйте этого,—и польза приложится сама собою, польза великая, ибо чего же лучше, если жизнь пріобрѣтаетъ свѣтъ, а сознаніе—силу и господство». Стихотвореніе «Памятникъ» онъ истолковалъ въ политическомъ смыслѣ: значеніе дѣятельности Пушкина главнымъ образомъ заключается въ томъ, что онъ своимъ творчествомъ объединяетъ всѣ народности Россіи, — «въ этомъ государственное значеніе его слова». По отношенію къ другимъ произведеніямъ Катковъ стоитъ на эстетической точкѣ зрѣнія, превозноситъ лирику, осуждаетъ прозу.

Другое отношеніе къ Пушкину развилось изъ критики Гоголя. Говоря о «народности» Пушкина, онъ намѣтилъ нѣкоторыя общія черты ея, но не взялся рѣшать цѣликомъ, въ чемъ ея суть. «Какъ говорятъ и чувствуютъ русскіе люди? чѣмъ отличается ихъ способъ чувствовать и говорить отъ способа другихъ націй? Вотъ вопросы, на которые не можетъ дать отвѣта настоящее, ибо Россія по преимуществу страна будущаго».

Славянофилы взялись раскрыть эту русскую народность. Наиболѣе восторженнымъ былъ въ 60-ыхъ годахъ Ап. Григорьевъ. Онъ поставилъ Пушкина рядомъ съ Гомеромъ, Дантомъ и Шекспиромъ, призналъ его «нашимъ величайшимъ народнымъ поэтомъ, величайшимъ представителемъ нашей народной физіономіи». «Смиреніе передъ дѣйствительностью — вотъ къ чему пришелъ Пушкинъ послѣ побѣды надъ Байрономъ и хищными типами Запада»...

Начавъ съ протеста, онъ «выступилъ передъ нами совершенно новый, но одинаково великій, какъ и прежде, въ своихъ новыхъ созданіяхъ, въ «Капитанской дочкѣ», «Лѣтописи села Горохина». Мы изумились. Предъ нами предсталъ совершенно новый человѣкъ. Великій протестантъ умалился до лица Ив. Петр. Бѣлкина. Пушкинъ былъ весь стихія нашей духовной жизни, отраженіе нашего нравственнаго процесса, выразитель его, столь же таинственный, какъ сама наша жизнь». Къ Ап. Григорьеву примкнулъ Страховъ, и основная точка зрѣнія этой критической школы опредѣлилась. Въ поэзіи Пушкина развѣнчивается *хищный* типъ, занесенный къ намъ съ Запада, и превозносится «смирный», принадлежащій русскому народу, опирающійся на нравственные устои старины, типъ скромный и незамѣтный, но полный героизма въ тяжелыя минуты жизни. Этотъ «смирный» типъ олицетворяетъ національно-христіанскую кротость.

Наконецъ, третье направленіе въ пушкинской критикѣ было историческое. Оно выросло подъ трескъ тѣхъ копій и мечей, которые ломались журналистами за и противъ Пушкина. Это направленіе сначала было мало замѣтнымъ и скромнымъ: собирались воспоминанія о Пушкинѣ, его стихи и письма, составились первыя робкія біографіи поэта, въ которыхъ цензура вычеркивала почти половину... Этому направленію суждено въ наши дни сдѣлаться господствующимъ.

Полемика заднимъ числомъ съ несуществующимъ Пушкинымъ замѣнилась его изученіемъ, а образъ Пушкина просвѣтлялся почти съ каждымъ новымъ трудомъ, ему посвященнымъ.

Какъ уже было сказано выше, самымъ важнымъ явленіемъ въ исторіи изученія поэта было изданіе его сочиненій Анненковымъ (1855—1857). Съ этого же времени и наука откликается на вопросы, поставленные Пушкинымъ потомству.

Рѣчи университатскихъ профессоровъ тянутся съ 1850-хъ годовъ (Буличъ, Зеленецкій). Собственно къ такимъ попыткамъ «изучить» Пушкина относится и выше названная рѣчь Каткова. Архивныя изысканія Лонгинова, Бартенева, Ефремова, наконецъ

біографія поэта, написанная Анненковымъ, и работы А. Н. Пыпина, — вотъ главнѣйшіе моменты въ исторіи «изученія» Пушкина до 1880 года. Анненковъ далъ въ своемъ цѣнномъ изслѣдованіи характеристику политическаго, умственнаго и нравственнаго состоянія общества. Пыпинъ въ первыхъ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ колеблется между историческимъ отношеніемъ къ Пушкину и между взглядами отрицательной критики. Дальнѣйшіе труды этого ученаго, доходящіе до нашихъ дней, обнаруживаютъ въ авторѣ постепенно растущее уваженіе къ поэзіи Пушкина. Открытіе памятника въ Москвѣ въ 1880 г. было великимъ праздникомъ русской литературы и русской исторической науки. Главную роль играли на немъ писатели: великаго учителя поминали его уже сѣдые ученики, — правда, далеко разошедшіеся въ разныя стороны, но дружно собравшіеся на праздникъ къ подножію его памятника. Рядомъ съ именами Тургенева, Достоевскаго, Островскаго, Аксакова, Некрасова, Потѣхина, Гончарова, Майкова, Плещеева, мы видимъ почтенныя имена митрополита Макарія, Тихонравова, Ключевскаго, Сухомлинова, Стороженко, Юрьева, Грота, Анненкова, Бартенева. Въ университетскихъ городахъ также были устроены чествованія; въ Перербургѣ говорили и писали проф. О. Ѳ. Миллеръ, Незеленовъ, Модестовъ, Градовскій; на литературномъ утрѣ читались стихи Полонскаго, Майкова, Курочкина, Голенищева-Кутузова и др.

Рѣчь Достоевскаго, по силѣ впечатлѣнія, произведеннаго на русское общество, была самымъ крупнымъ событіемъ праздника. Во взглядахъ своихъ онъ примкнулъ къ Гоголю и Ап. Григорьеву и такимъ образомъ соединилъ народничество съ моральной точкой зрѣнія, покрывъ то и другое мистическимъ славянофильствомъ. Онъ обрушился на западъ, на «хищные типы», идущіе оттуда къ нашему народу, «народу, — хрпстіанину» по преимуществу. Въ Онѣгинѣ, въ Алеко онъ усмотрѣлъ этотъ претящій ему типъ скитальца-эгоиста; въ Татьянѣ, герояхъ повѣстей Бѣлкина и «Капитанской Дочкѣ» онъ превознесъ простыхъ русскихъ людей: «Смирись, гордый человѣкъ, говорилъ Достоевскій, и прежде всего сломи гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ». «Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ, найди себя въ себѣ, — овладѣй собой и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя, и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою... Побѣдишь себя, усмиришь себя,—и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконецъ, народъ свой и святую правду»...

«Народность» Пушкина Достоевскій видѣлъ въ «способности» всемірной отзывчивости, позволившей ему вездѣ и всегда уловлять колоритъ мѣста и времени,—и въ то же время рисовать не случайныя чувства, а «всечеловѣческія». «Положительно скажу», говоритъ Достоевскій, «не было поэта съ такою всемірною отзывчивостью»... «Это только у Пушкина, и въ этомъ смыслѣ, повторяю, онъ, явленіе невиданное и неслыханное, а по нашему и пророческое, ибо тутъ-то и выразилась наиболѣе его *національная русская сила*. Эта воспріимчивость— главная особенность нашей національности» — ею объясняется и реформа Петра, когда мы устремились къ «единенію всечеловѣческому». «Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ быть, и значитъ только стать братомъ всѣхъ людей, всечеловѣкомъ, если хотите». «Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что къ всемірному, всечеловѣчески-братскому единенію сердце русское, можетъ быть, изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено; вижу слѣды сего въ нашей исторіи, въ нашихъ даровитыхъ людяхъ, въ художественномъ геніи Пушкина. Пусть наша земля нищая, но въ эту нищую землю «въ русскомъ видѣ нисходилъ благословляя Христосъ». Почему же намъ не вмѣстить послѣдняго слова Его?

Такъ воспользовался Достоевскій праздникомъ Пушкина, чтобы высказать свои горячія вѣрованья. Многія изъ его идей соприкасаются, дѣйствительно, съ идеями Пушкина, но, въ общемъ, эта пламенная рѣчь была только «возвышающимъ насъ обманомъ», съ которымъ до сихъ поръ приходится считаться историку русской литературы.

Достоевскій былъ почти послѣднимъ литературнымъ судьей Пушкина. Послѣ него оцѣнка поэта перешла исключительно въ руки историковъ литературы. Въ резуль-

татѣ такого историческаго изученія поэта появились работы Стоюнина и Незеленова, статьи Вяземскаго, Сухомлинова, Якушкина, «Puschkiniana» Межова.

Юбилей 1887 года выразился въ ученыхъ рѣчахъ и работахъ проф. Тихонравова, Ключевскаго, Морозова, Незеленова, Жданова, Яковлева, Некрасова, Кирпичникова, Булича, Архангельскаго, Грота, Спасовича и мн. другихъ. Ученая разработка пушкинскихъ вопросовъ продолжается до сихъ поръ, разрастаясь съ каждымъ годомъ.

Наступилъ 1899-й годъ, столѣтній юбилей со дня рожденія Пушкина. Опять рѣчи, статьи, празднества. Опять Бѣлинскій и Достоевскій задаютъ тонъ и педагогамъ, и журналистамъ. Теперь нѣтъ только упрековъ по адресу поэта, но много восхваленій за то, что нуждается въ провѣркѣ. Консерваторы восхваляютъ Пушкина за статью о Радищевѣ, та-же статья умиляетъ либераловъ! Разные Петровы, Федоровы назойливо приписываютъ поэту свои «философіи», и передъ читателемъ юбилейной литературы 1899 года вмѣсто Пушкина чаще всего дефилируютъ эти Петровы и Федоровы...

Но поэта спасаетъ наука: она освѣщаетъ съ каждымъ годомъ все яснѣе его образъ. Наука менѣе субъективна, чѣмъ литература, наука вооружена знаніемъ прошлаго. Цѣлый рядъ прекрасныхъ ученыхъ статей 1899 г. помогаетъ намъ до нѣкоторой степени отказаться отъ субъективныхъ освѣщеній поэта, разобраться въ томъ, что въ немъ случайно, что закономѣрно, что умретъ съ нимъ, что останется безсмертнымъ. «Нѣтъ, *весь* я не умру!» воскликнулъ поэтъ, признавая, что смертная часть его принадлежитъ эпохѣ, средѣ, «случаю», а безсмертная — вѣкамъ.

Пушкинъ передъ нами прошелъ сквозь восемь десятковъ лѣтъ русской критики. Онъ вышелъ изъ горнила «личной» критики друзей и враговъ, изъ критики журнальной, исторической, публицистической и эстетической, народнически-славянофильской и научной, — вышелъ полуразгаданнымъ. Какъ Петръ, такъ и Пушкинъ, крупнѣйшія явленія нашей исторіи, всегда будутъ занимать умы русскихъ людей. Для каждой эпохи они будутъ пробнымъ камнемъ. «Каждая эпоха скажетъ о нихъ что-нибудь новое, свое, и ни одна не скажетъ всего».

Даже этотъ бѣглый очеркъ исторіи пушкинской критики представляетъ нравоучительную картину. Великій писатель отходитъ отъ насъ и въ то же время все вырастаетъ съ каждой эпохой. Произведенія, которыя увлекали его современниковъ, замѣнены другими; идеи русской критики, бывшія въ свое время откровеніемъ, оставлены и также замѣнены или замѣняются другими... И, конечно, эти новыя идеи въ свою очередь уступятъ мѣсто другимъ. Около великаго имени долго будетъ трудиться человѣческая мысль, будетъ въ его твореніяхъ открывать такія стороны, которыхъ, быть можетъ, не подозрѣвалъ ихъ творецъ.

Библіографія. Подробный перечень статей о жизни А. С. Пушкина, его сочиненій, вызванныхъ имъ произведеній литературы и искусства съ 1813 до 1886 г. составленъ въ извѣстномъ «Библіографическомъ Указателѣ» В. И. Межова: «Puschkiniana» (С.-Пб. 1886 г.). Юбилейная литература 1899 года собрана въ «Критико-Библіографическомъ Обзорѣ» В. Сиповскаго: «Пушкинская юбилейная литература» (С.-Пб. 1902 г., 2-е изд.). Изъ наиболѣе цѣнныхъ сочиненій касательно жизни и литературной дѣятельности поэта надо указать слѣдующее: «Пушкинъ въ южной Россіи. Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина», П. И. Бартенева, 1862 г. М. и «Русскій Архивъ» 1866 г. (№ 8—10); «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія», В. П. Гаевскаго, «Современникъ» 1863 г., т. 97, № 7—8; «А. С. Пушкинъ, Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній», П. В. Анненкова. Изд. 2-е, С.-Пб. 1873 г.; «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху 1799—1826 г.», П. Анненкова, С.-Пб. 1874 г.; Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ — Біографическій очеркъ и его письма, 1799—1837 г., сост. подъ ред. Ефремова—«Русск. Стар.» 1879 г. (т. 24—28); А. С. Пушкинъ 1816—1825 г. (По документамъ Остафьевскаго Архива), кн. П. П. Вяземскаго, С.-Пб., 1880 г.; (еще «Русск. Арх.» 1884 г., № 4). «Вѣнокъ на памятникъ Пушкина» («Пушкинскіе дни въ Москвѣ, Петербургѣ и провинціи 1880 г.). С.-Пб. 1880 г.; «Воспоминанія и критическія очерки; собраніе статей и замѣтокъ» П. В. Анненкова, С.-Пб. 1881 г.; Біографическій очеркъ А. С. Пушкина, составилъ А. А. Венкстернъ (Альбомъ Московской Пушкинской выставки. М. 1882); «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I». А. Пыпина. С.-Пб. 1885). «Памяти Пушкина», Научно-литературный Сборникъ, сост. профессорами и преподавателями Имп. Унив. св. Владиміра. Кіевъ, 1899 г. (Рѣчи и статьи проф. Н. П. Дашкевича, А. М. Лобады, П. В. Владимірова); «Памяти А. С. Пушкина», Сборникъ статей преподавателей и слушателей ист.-фил. факультета Имп. С.-Пб. Унив. Спб. 1900 г. (статьи: Ѳ. Д. Батюшкова, С. К. Булича, Н. Козмина, В. П. Гиппіусъ, Н. Н. Трубицына, С. Поварнина). «Памяти Пушкина», торжественное засѣданіе учено-литературнаго общества при Юрьевскомъ Универси-

тетѣ 23-го мая 1899 г. (рѣчи и статьи: Е. В. Пѣтухова, Е. Ф. Шмурло, Б. И. Срезневскаго, В. Ф. Чижа); «Памяти А. С. Пушкина», юбилейный сборникъ журнала «Жизнь» (статьи: проф. Д. Овсянико-Куликовскаго, Алексѣя Веселовскаго, Андреевича (Евг. Соловьева), Н. П. Некрасова, А. С. Изгоева); «Пушкинскій Сборникъ», статьи студентовъ Имп. Моск. Унив., подъ ред. проф. А. И. Кирпичникова (статьи: проф. Кирпичникова, В. Миллера, Ѳ. Некрасова, И. Розанова, Евгенія Жураковскаго, Д. Щеголева, Н. Эйзенберга). М. 1900 г.; Сборникъ журнала «Русское Богатство», 1899 г. (статьи: В. Мякотина, П. Ф. Гриневича); «Сборникъ Пушкину» (статьи о Пушкинѣ), изд. Кіевскаго Педагогическаго Общества. Кіевъ, 1899 г.; «Памяти А. С. Пушкина» (Празднованіе 100-лѣтней годовщины со дня рожденія Пушкина въ учебныхъ заведеніяхъ Кіевскаго Округа» (Кіевъ, 1900 г., 3 ч.); «Чествованіе памяти А. С. Пушкина Имп. Акад. Наукъ въ сотую годовщину со дня его рожденія». Май, 1899 г., Спб. 1900 г. (Рѣчи А. Н. Веселовскаго, А. Ѳ. Кони); «Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память А. С. Пушкина, 1799—1899 г., Харьковъ, 1900 г. (статьи: И. Хрущова, И. Ѳ. Сумцова, М. Г. Халанскаго); Н. И. Черняевъ, «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ». Харьковъ, 1900 г.; «О Пушкинѣ» статьи и замѣтки В. Е. Якушкина. М. 1899 г.; «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. Первый и второй періоды жизни и дѣятельности (1799—1826 г.). Соч. А. Незеленова. С.-Пб., 1882 г., 2-е изд. 1901 г.; «Шесть статей о Пушкинѣ» А. И. Незеленова. С.-Пб. 1892 г.; «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Я. Грота. Спб., 1887 г., 2-е изд. 1899 г.; С. С. Трубачевъ, «Пушкинъ въ русской критикѣ (1820—1880 г.). Спб., 1889 г.; И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб., 1903 г.; «Календарь Имп. Лицея въ память Цесаревича Николая I. М. 1900 г.; «А. С. Пушкинъ въ южно-славянск. литературахъ, сборникъ библіографическихъ и литературно-критическихъ статей», изд. подъ ред. И. В. Ягича. Спб., 1901 г.; «А. С. Пушкинъ», соч. Л. Н. Майкова. Спб., 1899 г.; «Матеріалы для Академическаго изданія; соч. А. С. Пушкина». Спб., 1902 г.; «Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія (повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина). Спб., вып. I—IV, 1903—6 г.; «Дѣла III Отдѣленія Собств. Его Имп. Величества Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ». Спб., 1905 г.; Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло 1837 г. П. фонъ-Кауфманъ. Спб., 1900 г.; Гастфрейндъ, Н. А., «Пушкинъ. Документы Государственнаго Главнаго Архива, относящ. къ службѣ его 1831—37 г. Спб., 1900 г.; Анненскій, В. Ѳ. «Пушкинъ и Царское Село». Спб., 1899 г.; Д. Анучинъ «А. С. Пушкинъ». М. 1899 г.; А. С. Архангельскій, «А. С. Пушкинъ въ Казани»; «А. С. Пушкинъ какъ писатель народный». Казань, 1899 г.; Батюшковъ, Ѳ. Д., «Пушкинъ и Россія». (Сборн. Спб. У-та). Спб., 1899 г.; Бережковъ, М. Н., «Пушкинъ, какъ историкъ русской жизни» (Сборн. Истор.-Фил. Инст. кн. Безбородко). Нѣжинъ, 1899 г.; Бороздинъ, А. К. «А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности». (Спб., 1899 г.); Евг. Будде, «А. С. Пушкинъ, въ борьбѣ за право русскаго гражданина». (Русск. Мысль, 1900 г., № 10); Веселовскій, А-ръ, «Пушкинъ національный поэтъ». Спб., 1899 г.; Веселовскій, А-й, «А. С. Пушкинъ и европейская поэзія», (Сб. журн. «Жизнь»). Спб. 1899 г.; Владиміровъ, П. В. «Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ» (Сб. Кіевск. У-та). Кіевъ, 1899 г.; его же «Отношеніе къ Пушкину русской критики съ 1820 г.». (Сб. Кіевск. У-та). Кіевъ, 1899 г.; Гриневичъ, П. Ф. «А. С. Пушкинъ въ сознаніи русской литературы» («Сборн. Русск. Богатства». Спб., 1899 г.); его же «Пѣвецъ гуманной красоты» (тамъ-же); Дашкевичъ, Н. П., «Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени». (Сб. Кіевск. У-та). Кіевъ, 1900 г.; Ждановъ, И. Н. «Пушкинъ о Петрѣ В.». Спб., 1900 г.; его же «Русалка» и «Das Donauweibchen» Генслера (Сборн. Спб. У-та). Спб. 1900 г.; А. Залдкинъ, «А. С. Пушкинъ, какъ литературный критикъ», Тифлисъ, 1899 г.; Казанскій, Ив., «Отношенія А. С. Пушкина въ Москвѣ». (Русск. Мысль, 1899 г., № 5); его же, «Народоосвободительные взгляды Пушкина» (Книжки «Недѣли», 1899 г., № 11); Каллашъ, В. В., «Русскіе поэты о Пушкинѣ». М., 1899 г.; Кирпичниковъ, А. И. «Очерки по исторіи новой русской литературы». Спб., 1896 г.; его же «Новые матеріалы для исторіи Арзамаса» («Русск. Стар.» 1899 г., № 5); его же «Объ изученіи Пушкинскаго періода русской литературы», (Сборн. Моск. У-та). М. 1900 г.; его же, «Пушкинъ и Московскій Университетъ» (Русск. Вѣд. 1899 г., № 145); Лавровъ, П. А. «Пушкинъ и Славяне» (Сб. Новор. У-та). Одесса, 1900 г.; Истринъ, В. М. «Пушкинъ и русская литература» (Сборн. Новор. У-та), Одесса, 1900 г.; Кадлубовскій, А. П. «Гуманные мотивы въ творчествѣ Пушкина» (Сборн. Ист.-Фил. И-та кн. Безбородко), Нѣжинъ, 1899 г.; Линниченко, И. А. «Жизненная драма Пушкина» (Сборн. Новор. У-та). Одесса, 1900 г.; Маркевичъ, А. И. «Пушкинъ и Новороссійскій Край» (Сборн. Новор. У-та). Одесса, 1900 г.; Миллеръ, В. «Катенинъ и Пушкинъ» (Сб. Моск. У-та), М., 1900 г. Миллеръ, Вс. «Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ». М. 1899 г.; Никольскій, Б. «Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина». Спб. 1899 г.; Овсянико-Куликовскій, «А. С. Пушкинъ, какъ художественный геній» (Сб. журн. «Жизнь»), Спб. 1899 г.; Пѣтухова, Евг. «Два года изъ жизни А. С. Пушкина». (Сб. Юрьевск. У-та). Ю., 1899 г.; «Русско-Польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина». Спб., 1899 г.; Рыбинскій, В. С. «А. С. Пушкинъ въ с. Михайловскомъ». (Сб. Кіевск. Пед. Общ.). К. 1899 г. Сиповскій, В. «Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій». Спб. 1899 г.; его же «Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ». Спб., 1899 г.; Смирновъ, А. И. «Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни и литературной дѣятельности А. С. Пушкина» (Сб. Варш. У-та) В. 1899 г.; Соловьевъ, Влад. «Значеніе поэзіи по стихотвореніямъ Пушкина» (Вѣстн. Евр., 1899 г., № 12); Сперанскій, М. Н. «Друзья и враги Пушкина въ литературѣ» (Сборн. Ист.-Фил. Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ). Нѣжинъ. 1899 г.; Степовичъ, «Пушкинъ и Славянство» (Сборн. Кіевск. У-та). К. 1899 г.; Суворинъ, А. С. «Поддѣлка Русалки Пушкина». Спб., 1899 г.; Сумцовъ, Н. Ѳ. «Изслѣдованія о поэзіи А. С. Пушкина» (Сборн. Харьк. У-та). Х. 1900 г.; Халанскій, М. Е. «Пушкинъ и Ризничъ» (Сборн. Харьк. У-та), Х. 1900 г. Черняевъ, П. «А С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра». Казань, 1899 г.; Яворскій, И.

«Къ исторіи Пушкинскихъ сказокъ». Львовъ, 1899 г. W. «Итоги Пушкинской юбилейной литературы». (Русск. Мысль 1900 г., № 8—10).

Изданія. 1-е изданіе сочиненій Пушкина было «Посмертное» въ 1838—41 гг. въ 11 т.: Сочиненія Александра Пушкина. Съ 1899 года начало выходить академическое изданіе: «Сочиненія А. С. Пушкина», т. I, подъ ред. Леонида Майкова; въ 1900 году вышло 2-е изд. I-го тома, въ 1906 г. — т. II изданіе продолжается. Недавно закончено изданіе сочиненій Пушкина подъ ред. Ефремова (изд. Суворина) и изданіе «Просвѣщенія» подъ ред. П. О. Морозова.

В. Сиповскій.

Пушкинъ, *Алексѣй Михайловичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ; родился въ концѣ XVII—началѣ XVIII ст. и былъ сыномъ стольника Михаила Ѳедоровича Пушкина (ум. въ 1721 г.) отъ брака его съ Прасковьей Михайловной Зыковой. Въ концѣ 1716 года онъ былъ отправленъ изъ Копенгагена, гдѣ въ это время находился, въ Голландію, для изученія морскихъ наукъ; въ 1734 г., будучи подпоручикомъ морского флота, былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а въ 1740 г. — въ дѣйствительные камергеры двора принцессы Анны Леопольдовны, при чемъ получилъ «знатную денежную сумму»; 17-го сентября 1741 г., въ краткое царствованіе Іоанна Антоновича, пожалованъ былъ въ званіе сенатора, а 8-го ноября—въ званіе камергера Двора Его Величества и получилъ награжденіе въ 6000 рублей. Въ 1741—1742 гг. П. состоялъ при задержанномъ въ Россіи принцѣ Людвигѣ Брауншвейгскомъ, который, при отъѣздѣ своемъ, пожаловалъ ему брилліантовый перстень въ 300 гиней. Исключенный изъ числа сенаторовъ Императрицей Елизаветой (25-го января 1742 г.), П. въ началѣ того же года былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Испанскомъ дворѣ, выѣхалъ къ мѣсту назначенія и 1-го октября былъ въ Гаагѣ; но, вслѣдствіе замедленія въ присылкѣ министра изъ Испаніи къ Русскому двору, ему приказано было далѣе не ѣхать, вмѣсто же того онъ опредѣленъ былъ (30-го іюня 1743 г.) губернаторомъ въ Архангельскъ. П. прибылъ въ Архангельскъ лишь 21-го февраля 1744 г., а 25-го мая 1745 г. былъ назначенъ посланникомъ въ Швецію. Объ этомъ такъ сообщалось въ тогдашнихъ газетахъ: «Предъ нѣсколькими днями Ея Имп. Величество своего дѣйствительнаго камергера Алексѣя Пушкина, который отъ давнихъ уже лѣтъ при дворѣ Ея Имп. Величества служилъ и отъ нѣкотораго времени понынѣ въ Архангелогородской губерніи губернаторомъ находился, для его достоинства и искусства, своимъ же министромъ ко двору Его Королевскаго Величества Шведскаго, въ характерѣ чрезвычайнаго посланника, на мѣсто бывшаго донынѣ тамо генерала и полномочнаго министра г. барона Любераса, всемилостивѣйше назначить и опредѣлить соизволила; почему онъ, г. Пушкинъ, и о дѣйствительномъ его отъ г. Архангельскаго въ Стокгольмъ отъѣздѣ высочайшимъ Ея И. В. указомъ и потребнымъ для помянутаго его характера кредитивомъ уже снабденъ. Его же Императорское Высочество Государь Великій Князь Всероссійскій (Петръ Ѳедоровичъ III), при семъ случаѣ онаго же г. Пушкина, въ разсужденіи его оказанной къ Ея И. В. безпорочной службы и добрыхъ качествъ, кавалеріею своего достохвальнаго ордена св. Анны пожаловать соизволилъ, котораго знаки такожде къ нему, г. Пушкину, при собственной Его Имп. Высочества милостивѣйшей грамотѣ отправлены». Покинувъ Аргангельскъ 18-го іюля 1745 г., П. прибылъ въ Або 29-го октября, а въ Стокгольмъ — лишь 14-го марта 1746 г., уже послѣ того, какъ состоялось его назначеніе (23-го января 1746 г.) чрезвычайнымъ же посланникомъ въ Копенгагенъ, куда онъ и пріѣхалъ 12-го іюля. Отозванный оттуда 31-го мая 1747 г., П. 5-го августа опредѣленъ былъ Воронежскимъ губернаторомъ; получивъ 2-го ноября прощальную аудіенцію у Датскаго короля, онъ выѣхалъ изъ Копенгагена. Въ Воронежѣ П. прослужилъ до 1760 года, когда (28-го августа) Сенатомъ было назначено слѣдствіе о нѣкоторыхъ противозаконныхъ его поступкахъ; однако, слѣдствіе это, указомъ Петра III отъ 26-го декабря 1761 г. (на другой день вступленія его на престолъ), было велѣно прекратить; П. вызванъ былъ въ Петербургъ и 9-го іюня 1762 г. уволенъ отъ службы съ пожалованіемъ въ тайные совѣтники; годъ смерти его неизвѣстенъ, но въ 1775 году его уже не было въ живыхъ. Своими служебными успѣхами П., повидимому, былъ въ значительной степени обязанъ женидьбѣ своей на Маріѣ Михайловнѣ Салтыковой (р. 24-го мая 1710, ум. 18-го мая 1785 года), дальней родственницѣ и гофъ-фрейлинѣ Императри-

цы Анны Іоанновны, мать коей, царица Прасковья Ѳедоровна (ум. 1723 г.), была изъ рода Салтыковыхъ.

Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. I; П. И. Барановъ, Опись высоч. указамъ, хранящимся въ Сенат. Архивѣ за XVIII в.; Московск. Арх. Мин. Юстиціи; Н. Е. Волковъ, Дворъ Русскихъ Императоровъ въ его прошломъ и настоящемъ, С.-Пб. 1900; «С.-Петерб. Вѣдом.» 1741 г., стр. 806; «Сборн. Импер. Русскаго Историч. Общества», тт. 91, 96, 102, 103, 114; П. Пекарскій, Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, С.-Пб. 1862, стр. 159; С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. V; А. А. Титовъ, Лѣтопись Двинская, М. 1889, стр. 176 и 177; «Русск. Стар.», т. VIII, стр. 97 и т. XXV, стр. 45—46; Родосл. книга кн. Долгорукова, ч. II и IV; Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ, т. VII, С.-Пб. 1895; Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства, т. IV, С.-Пб. 1884; Записки кн. Я. П. Шаховского, С.-Пб. 1872; Архивъ кн. Воронцова; Записки княгини Е. Р. Дашковой, С.-Пб., 1907, стр. 72—73.

Б. Модзалевскій.

Пушкинъ, *Алексѣй Михайловичъ*, д. ст. совѣтн., переводчикъ драматическихъ произведеній, талантливый актеръ-любитель и извѣстный острякъ, родился 31-го мая 1771 года. Родители его были: членъ Мануфактуръ-Коллегіи, колл. сов. Михаилъ Алексѣевичъ Пушкинъ и Наталія Абрамовна, рожд. княжна Волконская. Михаилъ Алексѣевичъ, по свидѣтельству кн. Дашковой и Радищева-сына, былъ уменъ, остеръ и занимательный собесѣдникъ; о женѣ его извѣстно только, что она была женщина съ сильнымъ характеромъ, очень властная. Если А. М. и наслѣдовалъ основныя черты отцовскаго характера, то все же на нравственное и умственное развитіе его имѣли вліяніе не родители его, а люди посторонніе, такъ какъ съ родителями онъ былъ разлученъ съ первыхъ же годовъ жизни: ему не было и года, когда отецъ его попалъ въ подозрѣніе по дѣлу брата своего Сергѣя, уличеннаго въ намѣреніи дѣлать фальшивыя ассигнаціи. Императрица Екатерина приняла личное участіе въ слѣдствіи по этому дѣлу, которому придавала особенное значеніе въ виду того, что ассигнаціи незадолго передъ тѣмъ были введены въ Россіи. 25-го октября 1772 оба брата были приговорены къ смертной казни, но помилованы и осуждены: Сергѣй на заточеніе, Михаилъ—къ ссылкѣ въ Сибирь. Наталія Абрамовна, страстно любившая мужа, послѣдовала, съ разрѣшенія Императрицы, за нимъ въ сылку, оставивъ сына на попеченіе подруги своей, Прасковьи Владиміровны Мелиссино (рожд. кн. Долгоруковой). Сложилось преданіе, будто бы Императрица, желая сохранить наслѣдство за нерадившимся еще ребенкомъ, приказала не объявлять рѣшенія объ участи его отца; преданіе это, однако, опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что А. М. уже былъ на свѣтѣ, когда только еще началось дѣло братьевъ Пушкиныхъ. П.-отецъ умеръ въ Сибири, куда сынъ ѣздилъ навѣстить его, будучи офицеромъ. М. А. извѣстенъ тѣмъ, что его мундиръ княгиня Е. Р. Дашкова надѣла на себя во время похода съ Екатериной въ Петергофъ въ 1762 г. Нат. Абр. по смерти мужа вернулась въ Москву, гдѣ и умерла въ 1819 г.; кромѣ сына она имѣла дочерей: Елизавету и Варвару. Она, повидимому, не пользовалась симпатіями общества, въ которомъ жила: съ сыномъ была все время въ холодныхъ и натянутыхъ отношеніяхъ, въ чемъ, по всему вѣроятію, была сама виновата.

Покинутый родителями, П. въ домѣ куратора Московскаго университета И. И. Мелиссино нашелъ себѣ вѣрный пріютъ, а въ Прасковѣ Владиміровнѣ Мелиссино—истинную мать. Супруги Мелиссино представляли рѣдкій примѣръ удивительно дружной семейной жизни, и П. былъ окруженъ заботами и вниманіемъ. Онъ получилъ, повидимому, весьма тщательное воспитаніе. Мелиссино, увлекавшійся театромъ и сочувствовавшій любительскимъ представленіямъ, сумѣлъ привить и своему питомцу эту любовь, которой П. остался вѣренъ всю жизнь. Первое его литературное произведеніе («Женевалъ, или Французскій Барневельдтъ, драмма въ пяти дѣйствіяхъ, переведена съ Французскаго Алексѣемъ Пушкинымъ», М. Унив. Тип. Н. Новикова, 1783), очевидно, обязана своимъ происхожденіемъ вліянію Мелиссино; оно было напечатано, когда переводчику было всего 12 лѣтъ, а написано оно было, судя по предисловію, еще раньше. Книга посвящена «Императорскаго Московскаго Университета ученикамъ»; въ предисловіи переводчикъ скромно говоритъ: «Когда Вы будете читать сію драмму, вникайте въ смыслъ и нравоученія ея, снисходите десятилѣтняго отрока слогу, который хотя и исправленъ отъ болѣе знающихъ Россійскій языкъ, однакожъ довольно хорошимъ признать не осмѣливаюсь».

Записанный, согласно обычаю, съ дѣтства въ военную службу, П. въ 1773 г.

былъ капраломъ л.-гв. Преображенскаго полка, въ 1775 сержантомъ, а въ 1790 выпущенъ въ капитаны (слѣдуетъ замѣтить, что свѣдѣнія о прохожденіи П. чиновъ до капитана сообщаются разно въ двухъ сохранившихся его формулярахъ); въ 1791 онъ уже секундъ-маіоръ, въ 1792—подполковникъ, въ 1798 полковникъ, въ 1800 генералъ-маіоръ и кавалеръ разныхъ орденовъ. Въ 1790 г. онъ былъ въ дѣйствующей противъ турокъ арміи въ Молдавіи, въ должности флигель-адъютанта въ штабѣ генерала кн. Долгорукова; здѣсь онъ пробылъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, не принявъ участія ни въ одномъ сраженіи, и вернулся въ Россію на должность кригсъ-комиссара подполковничьяго ранга въ главный кригсъ-комиссаріатъ, гдѣ и прослужилъ до 1795 г., когда отправился въ походъ въ Персію. Въ отрядѣ генерала-отъ-инфантеріи Булгакова П. былъ въ бояхъ при занятіи садовъ и кладбищъ подъ Дербентомъ (3-го марта 1796), при Шемахѣ и Курѣ (24-го ноября); въ 1800 году былъ назначенъ шефомъ Нарвскаго драгунскаго полка, 19-го октября 1800 г. отставленъ отъ службы «за ложный рапортъ», а вскорѣ переведенъ съ тѣмъ же званіемъ въ Рижскій драгунскій полкъ, откуда въ 1803 г. отставленъ «безъ награжденія чиномъ». Въ 1806 г. П. состоялъ въ войскахъ народной милиціи дежурнымъ генераломъ при главнокомандующемъ VII области кн. Ю. В. Долгоруковѣ (братѣ воспитательницы его, П. В. Мелиссино), за что въ 1807 г. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ алмазами. Въ 1809 году П. опредѣлился непремѣннымъ членомъ въ Мастерскую Оружейную Палату; служа здѣсь, онъ въ 1811 г. изъ генералъ-маіоровъ переименованъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и пожалованъ въ камергеры Двора Его Императорскаго Величества. Въ Палатѣ онъ прослужилъ до 1816 года. Такъ шла его служебная дѣятельность; ни особеннаго рвенія, ни особыхъ способностей П. въ ней не проявилъ, ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ офицеровъ и чиновниковъ своего времени. За то уже съ послѣднихъ годовъ XVIII вѣка и до своей смерти онъ принималъ дѣятельное участіе въ жизни петербургскаго, а затѣмъ московскаго высшаго общества, занимая въ немъ настолько видное мѣсто, что въ воспоминаніяхъ объ этомъ времени и въ перепискѣ разныхъ лицъ мы находимъ о немъ постоянныя упоминанія. Въ концѣ XVIII столѣтія въ Петербургѣ существовало дружеское, нѣсколько разгульное общество «Галера»; въ немъ, между прочимъ, былъ и А. М. Пушкинъ, а также его дальній родственникъ В. Л. Пушкинъ и извѣстный волокита Н. Ѳ. Хитрово. Но уже въ 1799 или 1800 г. Пушкинъ женился на Еленѣ Григорьевнѣ Нѣмцовой (1778—1833), рожденной Воейковой. Эта молодая женщина, о которой сохранились самые сочувственные отзывы Жуковскаго, кн. П. Вяземскаго и К. Батюшкова, была въ первый разъ несчастливо замужемъ за генераломъ Нѣмцовымъ, женившимся на ней изъ досады, что она не увлеклась имъ, и вынудившимъ у нея согласіе на бракъ угрозою застрѣлиться. Съ Нѣмцовымъ Елена Григорьевна прожила только годъ и развелась, оставивъ родившагося у ней сына на попеченіи родителей мужа. Съ Пушкинымъ она прожила счастливо почти двадцать пять лѣтъ; они имѣли двѣнадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ только пятеро пережили своихъ родителей. Извѣстна трогательная дружба Е. Г. Пушкиной къ несчастному больному поэту К. Н. Батюшкову: она заботилась о немъ за границей, когда онъ тамъ лечился, а она—жила съ больной дочерью. Въ изданномъ отрывкѣ изъ ея дневника («Русская Старина», т. XL, стр. 415—416, 1883) мы находимъ выраженіе искренней и горячей симпатіи къ поэту, съ которымъ Пушкина познакомилась въ 1811 г. Въ домѣ молодыхъ Пушкиныхъ жила воспитательница Алексѣя Михайловича П. В. Мелиссино, которая заботилась о ихъ дѣтяхъ, давая тѣмъ возможность молодымъ и веселымъ супругамъ всецѣло отдаваться свѣтской жизни, которую оба любили.

Въ это время Пушкинъ, «соблазнительно-обворожительный», какъ его называетъ кн. П. Вяземскій, блисталъ въ гостиныхъ своимъ неистощимымъ остроуміемъ и находчивостью, смущая многихъ своимъ вольнодумствомъ и крайней приверженностью ко всему французскому. Неудивительно, поэтому, что такіе люди, какъ С. Н. Глинка, относились къ нему неодобрительно. Остались воспоминанія о томъ, что П. былъ послѣдователемъ художника Тончи, который проповѣдывалъ въ гостиныхъ, повидимому, въ легкой, салонной формѣ, «ученіе призрачностей, мнимостей», т. е., въ передачѣ

кн. П. Вяземскаго,—что все вещественное въ мірѣ и въ жизни, а особенно впечатлѣнія, ощущенія, — все это только кажущееся, воображаемое, все мнимое: «мнимая жизнь, мнимая радость, мнимое страданіе»; это ученіе, очевидно, должно было понравиться такому человѣку, какъ П., и еще сильнѣе поддерживать его врожденную и рано развившуюся склонность къ театру. Не даромъ, по общему свидѣтельству, П. былъ актеръ рѣдкаго дарованія. Кн. П. Вяземскій даетъ намъ мѣткую характеристику его сценическаго таланта: «на театральныхъ подмосткахъ былъ онъ, какъ въ комнатѣ, какъ дома. Вообще онъ не легко смущался и никогда не рисовался. Публика для него не существовала. Онъ игралъ роль свою, какъ чувствовалъ, и какъ понималъ ее, и всегда чувствовалъ и понималъ ее вѣрно, выражался непринужденно. Игра въ лицѣ его была мимическая и внѣ сцены». П., какъ и слѣдовало ожидать, предпочиталъ французскія пьесы. Еще въ 1821 г., за четыре года до смерти, онъ игралъ «Crispin rival de son maître», и вотъ что говоритъ объ его игрѣ Дмитріевъ: «Пушкинъ былъ натураленъ и простъ, но эта простота равнялась искусству». С. Т. Аксаковъ менѣе сочувственно относился къ П., какъ къ актеру, обвиняя его въ излишней самобытности, въ недостаточномъ слѣдованіи традиціи (Воспоминанія, стр. 70). Въ этомъ отзывѣ мы видимъ еще одно свидѣтельство въ пользу личности А. М. Изъ частныхъ сценъ, на которыхъ подвизался П., наиболѣе извѣстная — театръ С. С. Апраксина, знакомаго всей Москвѣ хлѣбосола. Здѣсь П. не только игралъ самъ, но, вмѣстѣ съ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, былъ режиссеромъ-устроителемъ, при чемъ завѣдывалъ французской сценой. Не довольствуясь игрой и режиссерствомъ, П. пробовалъ переводить драматическія сочиненія, и два изъ нихъ поставилъ на сценѣ. Такъ, въ 1810 г. были имъ напечатаны: «Смерть Ипполита» (Отрывокъ изъ новаго перевода Расиновой «Федры»)—«Вѣстн. Европы» 1810 г., ч. LI № 9, май, стр. 120—123. Переводъ этотъ подписанъ только буквами «А. П.», но сравненіе его съ другимъ переводомъ изъ Расина, подписаннымъ «А. М. Пушкинъ», а также свидѣтельство современниковъ, что А. М. переводилъ «Федру», не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что переводъ принадлежитъ именно ему. Другой отрывокъ—«Сонъ Гафаліи» (отрывокъ изъ Расиновой Гафаліи)—«Вѣстн. Европы» 1810 г., ч. LI № 11, іюнь, стр. 201—204. Оба перевода не лишены нѣкоторыхъ достоинствъ и читаются легко. Въ томъ же 1810 году онъ поставилъ на сценѣ свой переводъ Мольерова «Тартюфа», подъ названіемъ «Ханжеевъ»; переводъ этотъ былъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1809 году въ типографіи у Ѳ. Любія, подъ заглавіемъ: «Ханжеевъ, или лицемѣръ, комедія Мольера, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Вольный переводъ». Пьеса не была встрѣчена сочувственно: доброжелательный къ П—у кн. П. Вяземскій прямо говоритъ, что переводъ былъ «плоховатъ», а неизвѣстный критикъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1810, ноябрь, ч. LIV, стр. 71—73, № 21) замѣчаетъ: «половина комедіи переведена стихами, а другая половина самою дурною прозой»; правда, издатели журнала прибавляютъ, въ примѣчаніи къ критикѣ, что они «не принимаютъ никакого участія въ мнѣніи г-на сочинителя». Остряки-пріятели П. наградили автора насмѣшливыми стихами, которые намъ сохранилъ кн. П. Вяземскій. Неудача эта не помѣшала П. въ 1816 г. перевести «Игрока» Реньяра, который, стараніями А. И. Тургенева и кн. П. Вяземскаго, былъ поставленъ на сценѣ 30-го апрѣля 1817 г. Объ этомъ переводѣ (напечатанъ онъ не былъ) кн. П. А. Вяземскій отзывается сочувственно. Перевести игриваго, неглубокаго Реньяра было для П. гораздо болѣе легкой и благодарной задачей, чѣмъ перевести «Тартюфа». Кромѣ этихъ переводовъ, П. написалъ въ 1814 г. прологъ въ стихахъ: «Храмъ Безсмертія». Прологъ этотъ былъ поставленъ на большомъ торжествѣ, устроенномъ въ Москвѣ, въ домѣ Полторацкаго, по случаю взятія Парижа. Аллегорическій прологъ этотъ—произведеніе напыщенное и банальное, насколько можно судить по изданнымъ отрывкамъ, но написанъ довольно гладко. По поводу этого пролога Карамзинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Дмитріеву, говоритъ о П.: «Онъ скромный стихотворецъ и позволилъ нашему князю Вяземскому марать безъ милосердія его прологъ: вышло, что ты читалъ, не хорошее, но сносное».

Переводческая дѣятельность П. (повидимому, до появленія «Игрока») была шуточно оцѣнена въ «Парнасскомъ Адресъ-Календарѣ» А. Ѳ. Воейкова: «А. М. Пушкинъ служитъ при нагрузкѣ Расиновыхъ и Мо-

льеровыхъ сочиненій балластомъ». П. пробовалъ свои силы и въ писаніи стиховъ, не особенно, впрочемъ, удачно, такъ что князь П. А. Вяземскій справедливо назвалъ его плохимъ стихотворцемъ, прибавивъ впрочемъ, что П. «при этомъ настолько уменъ, что не былъ смѣшонъ при этой слабости. Вообще, онъ былъ очень парадоксаленъ и думалъ, что можно всякому писать стихи и безъ особеннаго призванія». Будучи «скромнымъ стихотворцемъ», П. мало печаталъ своихъ стиховъ, и большая часть ихъ до насъ не дошла. Намъ извѣстно только его стихотвореніе «Страшный судъ», напечатанное въ 1812 г. («Санктпетербургскій Вѣстникъ», ч. Ш, № 7, іюль, стр. 44—49) и вызвавшее тогда сочувственный отзывъ Батюшкова. Въ томъ же году П. написалъ романсъ, полный текстъ котораго, повидимому, утерянъ, но часть котораго приводится въ семейныхъ воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кологривовой. Небольшое стихотвореніе, въ 8 стиховъ: «На смерть князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго», напечатанное въ 1813 г. («Вѣстникъ Европы» 1813, LXIX, № 9 и 10, май, стр. 188), впослѣдствіи приписывалось А. С. Пушкину. Въ немъ характеренъ для человѣка, слывшаго за безбожника, послѣдній стихъ: «Возникнетъ новый вождь и будетъ съ нами Богъ». Извѣстна еще эпиграмма П. по случаю пронесшагося слуха о плѣненіи Нея («Русскій Архивъ» 1866, стр. 863). Наконецъ, объ одномъ шутливомъ французскомъ четверостишіи упоминаетъ кн. П. Вяземскій: стихи эти А. М. въ шутку приписалъ Василію Львовичу Пушкину. Въ Москвѣ онъ не ладилъ съ Ростопчинымъ, который считалъ его, повидимому, плохимъ патріотомъ, такъ какъ П. не вѣрилъ въ благопріятный для Россіи исходъ борьбы съ Наполеономъ. Передъ взятіемъ Москвы французами П. бѣжалъ съ семьей въ Нижній-Новгородъ, былъ въ отчаяніи отъ потери имущества и, чтобы забыться, игралъ съ утра до вечера въ карты. Повидимому, къ этому времени относится и крушеніе его затѣи — устройства суконной фабрики въ окрестностяхъ Можайска, въ имѣніи, которое ему подарила мать: въ августѣ 1812 г. фабрику и имѣніе разорили, и въ этотъ періодъ П. пришлось потерпѣть серьезные убытки. Его попытки въ 1813 году устроиться въ Петербургѣ не привели къ благопріятнымъ результатамъ, точно такъ же, какъ и фабричныя затѣи. Впослѣдствіи дѣла его поправились, и онъ жилъ въ достаткѣ, вѣроятно не безъ содѣйствія П. В. Мелиссино и своей матери.

Возрождающаяся изъ пепла Москва видитъ опять въ своей средѣ А. М.: въ 1813 и 1814 гг. мы слышимъ о немъ, какъ объ участникѣ литературныхъ вечеровъ Ѳ. Ѳ. Иванова, а въ 1818 году — онъ уже одинъ изъ учредителей и первый секретарь Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, создавшагося по образцу Вольно-Экономическаго. Сохранилась рѣчь, произнесенная П. во второмъ учредительномъ собраніи общества, гдѣ онъ говоритъ о важности «усовершенствованія хлѣбопашества въ Россіи». Рѣчь не особенно содержательная, состоитъ въ значительной мѣрѣ изъ общихъ мѣстъ. Въ концѣ, быть можетъ, заключается намекъ на любезную сердцу П. борьбу съ предразсудками: «Свѣтиломъ познанія, говоритъ онъ, уничтожимъ вредныя и закоренѣлыя обыкновенія и предразсудки». П. былъ два года секретаремъ Общества, не оставивъ, впрочемъ, особенныхъ слѣдовъ своей дѣятельности: свѣтская жизнь слишкомъ поглощала его.

О послѣднихъ годахъ жизни П. извѣстно лишь то, что онъ продолжалъ жить въ Москвѣ, по прежнему вращаясь въ московскихъ гостиныхъ. О смерти его Л. Н. Павлищевъ, на основаніи мало достовѣрныхъ преданій, сложилъ цѣлую легенду, основанную, повидимому, на представленіи о П., какъ о «вольтерьянцѣ», постоянно кощунствующемъ. Свидѣтельства такихъ лицъ, какъ кн. Вяземскій и Булгаковъ, знавшихъ близко П., разрушаютъ эту легенду и оставляютъ, съ одной стороны, только разсказъ о видѣніи, которое П. имѣлъ незадолго до смерти, съ другой — слова Жуковскаго, что Вяземскій, неразлучный съ П. въ эти его послѣдніе дни, говорилъ много Жуковскому о послѣднихъ часахъ жизни П. и «о твердости духа его въ тѣ минуты, хотя онъ думалъ и говорилъ о близкой кончинѣ своей». Жены П., Елены Григорьевны, не было въ то время въ Москвѣ; ради больной дочери она жила за границей. А. М. Пушкинъ скончался 25-го мая 1825 года.

Несмотря на нѣкоторые не особенно доброжелательные отзывы современниковъ о П., нельзя не признать, что сочувственная характеристика его, оставленная кн. П. Вяземскимъ, вполнѣ справедлива и

заслуженна. П. былъ человѣкъ весьма своеобразный, недюжиннаго ума и способностей, широко образованный. Нѣсколько безпорядочный въ денежныхъ дѣлахъ, онъ былъ, несомнѣнно, безкорыстенъ и отзывчивъ къ нуждѣ: извѣстно, что имѣніе, закрѣпленное за нимъ П. В. Мелиссино и полученное ею отъ брата, П., послѣ ея смерти, вернулъ этому брату, кн. Ю. В. Долгорукову, не считая себя вправѣ владѣть имъ. Изъ переписки А. И. Тургенева и кн. П. А. Вяземскаго мы знаемъ, что П. весь свой, довольно значительный гонораръ, который онъ долженъ былъ получить за переводъ «Игрока», предназначилъ на помощь одной бѣдной родственницѣ. Вообще, несмотря на всю свѣтскость, онъ былъ человѣкъ непосредственный. Врядъ ли, поэтому, справедливо высказанное по поводу нѣкоторыхъ его произведеній предположеніе, что они «написаны съ цѣлью обѣлить репутацію автора, какъ безбожника и дурного патріота». «Вольтерьянство» А. М., какъ и многихъ его современниковъ, не было глубоко, и Пушкину не было никакой надобности притворяться, чтобы писать такъ, какъ онъ писалъ. Говорить объ особенномъ отсутствіи патріотизма, вслѣдствіе галломаніи П., несправедливо, и нападки его на «Исторію» Карамзина врядъ ли коренились въ антипатріотическомъ настроеніи.

Кругъ его друзей и знакомыхъ былъ очень широкъ и разнообразенъ. Изъ лицъ, съ которыми онъ больше приходилъ въ соприкосновеніе, можно назвать: кн. П. А. Вяземскаго, В. Л. Пушкина, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, Н. И. Тончи, А. И. Тургенева, гр. Ѳ. И. Толстого (Американца), Н. Ѳ. Хитрово, К. Н. Батюшкова, И. И. Дмитріева, Д. В. Дашкова, Д. Н. Блудова и др. Во многихъ воспоминаніяхъ и письмахъ того времени мы встрѣчаемъ частыя указанія на близость А. М. П. къ его родственнику Василію Львовичу Пушкину, котораго онъ любилъ изводить своими шутками, и который въ свою очередь добродушно критиковалъ стихи А. М. Взаимное подтруниваніе сблизило ихъ настолько, что часто о нихъ просто говорили «оба Пушкина».

Нравственный обликъ А. М. П. прекрасно характеризуется словами анонимной «Эпитафіи» А. М. П....ну, напечатанной въ іюлѣ 1825 г. («Дамскій Журналъ» ч. XI, № 13, стр. 19):

«Другіе лучшими *казаться* ввѣкъ хотятъ;
Онъ *былъ* ввѣкъ лучшимъ, чѣмъ казался,—
И *добрые* о немъ скорбятъ».

Съ этими словами вполнѣ сходится отзывъ Жуковскаго въ письмѣ по поводу смерти П. къ вдовѣ его, Еленѣ Григорьевнѣ: «Всеобщее сожалѣніе о немъ доказало ясно, что онъ былъ достоинъ общей любви».

Значеніе личности П., несмотря на то, что, какъ дѣятель литературный, какъ военный и какъ чиновникъ, онъ ничѣмъ не возвышался надъ среднимъ уровнемъ, весьма значительно: мы видимъ въ немъ одного изъ широко образованныхъ, истинно-культурныхъ людей его времени, общеніе съ которымъ оставило глубокій слѣдъ на окружавшемъ его обществѣ: тотъ, кого оно считало шутникомъ и просто веселымъ собесѣдникомъ, незамѣтно и для общества, и для самого себя, былъ его учителемъ.

Родственная связь А. М. съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ слѣдующая: А. М. приходился роднымъ племянникомъ М. А. Ганнибалъ (рожденной Пушкиной) — бабушкѣ поэта — и двоюроднымъ братомъ Н. О. Пушкиной (рожденной Ганнибалъ)— матери поэта, которому онъ, такимъ образомъ, приходился, по женской линіи, дядей.

Кн. П. В. Долгоруковъ. Россійская Родословная книга. С.-Пб. 1857 г., ч. IV, стр. 187; Б. Л. Модзалевскій, Родъ Пушкина (при Соч., изд. Брокгауза, т. I, стр. 2); Письма Екатерины II-й къ князю М. Н. Волконскому (Осмнадцатый Вѣкъ М. 1869 г., кн. I, стр. 95—101, 107, 120, 453—457); М. Н. Лонгиновъ. Нѣсколько извѣстій о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й; тамъ-же, кн. III, стр. 348; А. Ѳ. Бычковъ. Сподвижники Екатерины II-й— «Русск. Стар.» 1873 г., т. VIII, стр. 697; М. Лонгиновъ. Послѣдніе годы жизни Сумарокова—«Русск. Арх.» 1871 г., стр. 1690—1693; І. Блиновъ. «О бывшемъ Пушкинѣ»—«Русск. Стар.» 1899 г., XCVII, стр. 359—364; Х. Р—ва. Любовь и сила воли—«Ист. Вѣстн.», т. LXXVIII, 1899 г., стр. 796—814; Книга формулярныхъ списковъ, доставленныхъ отъ Ригскаго драгунскаго полка за первую половину 1802 г. (по Архиву, № 481) — въ Московск. Отд. Арх. Главн. Штаба; Сенатскій Архивъ. Формулярныя Списки. 1811 г., № 2, л. 3; Петербургская Старина—«Русск. Ст.» 1880 г., LXIII, стр. 217; Кн. П. А. Вяземскій. Полное собраніе сочиненій, С.-Пб. 1882—1883 г., т. VII, стр. 396, т. VIII, стр. 52, 75, 116, 167, 176, 177, 178, 217, 255—256, 344, 351, 395, 396, 413, 471, 473, 474, 483, 484, 488—489, 491, 492, 493; Изъ старой записной книжки — «Русск. Арх.» 1873 г., стр. 1023, 1992, 2150—2152; 1874 г., кн. I, стр. 478, 479; кн. II, стр. 193; 1875 г., кн. I, стр. 306; кн. III, стр. 443, 444; 1876 г., кн. I, стр. 61; кн. II, стр. 204, 424—426; кн. III, стр. 156—157, 160; 1877 г., кн. I, стр. 512, 513; Хроника недавней старины. Изъ Архива кн. Оболенскаго - Неледин-

скаго - Мелецкаго. С.-Пб. 1876 г., стр. 315—316; Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ. С.-Пб. 1899 г., т. I и II;—Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива — «Русск. Арх.» 1866 г., стр. 224, 242, 862, 863, 884, 885; К. Н. Батюшковъ. Сочиненія. С.-Пб. 1885—1887 г., т. I, II, III; А. Ѳ. Воейковъ. Парнасскій Адресъ-Календарь—«Русск. Арх.» 1866 г., стр. 764; Записки С. П. Жихарева. М. 1891 г., стр. 25; П. Араповъ. Лѣтопись Русскаго театра. С.-Пб. 1861 г., стр. 252; Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ А. Ѳ. Брокеру — «Русск. Арх.» 1868 г., стр. 1885; Письма изъ эпохи 1812—1815 годовъ — «Русск. Арх.» 1871 г., стр. 149—151; 1812 годъ; Изъ семейныхъ воспоминаній. А. Ѳ. Кологривовой — «Русск. Арх.» 1886 г., т. II, стр. 344—345; Воспоминанія. А. Г. Хомутовой о Москвѣ въ 1812 году — «Русск. Арх.» 1891 г., т. III, стр. 318, 321—322; Старая записная книжка; П. Бартеневъ. Девятнадцатый Вѣкъ. М. 1862 г., т. II, стр. 249—250, 274—275; Н. Сушковъ. Московскій Университетскій благородный пансіонъ. Изд. исправл. и дополн. М. 1858 г., стр. 95; Изъ записокъ С. Н. Глинки — «Русск. Вѣстн.» 1866 г., № 7, стр. 39—40; П. Араповъ. Русскій Историческій Праздникъ въ 1814 году (изъ моихъ замѣтокъ и воспоминаній) — «Сѣверная Пчела» 1855 г., № 279, стр. 1475—1478 (19-го декабря); Записки Л. Н. Энгельгардта, 1766—1836. М. 1867 г., стр. 227; Грибоѣдовская Москва въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской 1812 — 1818 гг. — «Вѣстн. Евр.» 1874 г., т. IX, стр. 142, 149, 165, 166; т. X, стр. 547, 548, 553, 554, 557, 558, 561, 562, 563, 567, 578; т. XII, стр. 640, 641, 184; 1875 г., т. III, стр. 236, 237, 242, 245; М. Дмитріевъ. Кн. И. М. Долгорукій и его сочиненія. М. 1851 г., стр. 36; изд. 2 е. М. 1863 г., стр. 143; Н. Полевой. Предшественникъ Пушкина — «Истор. Вѣстн.» 1887 г., т. XXVIII, стр. 653—654; В. П. Авенаріусъ. В. Л. Пушкинъ — «Ист. Вѣстн.» 1882 г., т. VII, стр. 611; М. И. Пыляевъ. Эпоха рыцарскихъ каруселей и аллегорическихъ маскарадовъ въ Россіи — «Ист. Вѣстн.» 1885 г., т. XXI, стр. 333; П. Бартеневъ. Пушкинъ въ Южной Россіи — «Русск. Арх.» 1866 г., стр. 1139; Записки Ф. Ф. Вигеля. М. 1892—93 г., кн. IV, стр. 125; кн. VI, стр. 29—30; В. Л. Пушкинъ. Сочиненія. С.-Пб. 1895 г., стр. 82, 83, 88, 104, 155; Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. С.-Пб. 1866 г., стр. 184, 192, 206, 079, 0134; Изъ писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову — «Русск. Арх.» 1879 г., кн. I, стр. 514; Письма кн. П. А. Вяземскаго къ А. С. Пушкину — «Русск. Арх.» 1879 г., кн. II, стр. 474, 476; Письма разныхъ лицъ къ И. И. Дмитріеву — «Русск. Арх.» 1866 г., стр. 1693; Письма 1806—1823 годовъ П. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу — «Русск. Арх.» 1867 г., стр. 1080, 1098; Переписка Ф. Кристина съ кн. Туркестановой—«Русск. Арх.», Прилож. къ 1882 г., т. II, стр. 91; т. III, стр. 255, 259, 270, 334, 353, 361, 362, 394; 1883 г., т. I, стр. 475; т. II, стр. 648; т. III, стр. 789; С. Т. Аксаковъ. Литературныя и театральныя воспоминанія. Собр. сочин. М. 1896 г., т. IV, стр. 41—42; С. И. Масловъ. Историческое Обозрѣніе дѣйствій и трудовъ Имп. Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства со времени его основанія до 1846 г. М. 1846 г., стр. 10, 11, 12, 13, 14. 255, 267; А. Перепелкинъ. Историческая записка объ учрежденіи Имп. Московскаго Общ. Сельскаго Хозяйства. М. 1895 г., стр. 6, 7, 9, 12—14. Прил. стр. 29; Письма Имп. Маріи Ѳеодоровны къ кн. С. И. Гагарину — «Русск. Арх.» 1868 г., стр. 9; Н. И. Тургеневъ и гр. Генріета Разумовская — «Русск. Арх.» 1895 г., кн. II, стр. 496; Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу,—прил. къ «Русск. Арх.» 1895 г., стр. 220; Изъ писемъ А. Я. Булгакова къ его брату — «Русск. Арх.» 1900 г., кн. III, стр. 327, 343, 354—155; 1901 г., кн. I, стр. 51, 60—61, 88—89, 311, 413, 435, 456, 469, 578; кн. II, стр. 49, 76, 165, 381—182; кн. III, стр. 319; Л. Павлищевъ. Изъ семейной хроники. Кончина А. М. Пушкина — «Ист. Вѣстн.» 1888 г., т. XXXI, стр. 62—63; А. Мартыновъ. Московская Старина — «Русск. Арх.» 1878 г., стр. 289, 470; В. Соколовъ. Указатель для лицъ и зданій въ Москвѣ. М. 1826 г., стр. 11, 127; — «Моск. Вѣд.» 1825 г., № 1, 3-го января, стр. 27; № 46, 10-го іюня, стр. 1651; 1826 г., № 22, 17-го марта, стр. 830; Письма В. А. Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной, Девятнадцатый Вѣкъ. М. 1872 г., т. I, стр. 406—425; Сообщенія Б. Л. Модзалевскаго.

Н. Гайворонская.

Пушкинъ, *Андрей Никифоровичъ*, писатель, артиллеріи полковникъ; сынъ д. с. с. Никифора Изотовича П. (см. ниже), отъ брака его съ Евпраксіей Аристарховной Кашкиной (ум. 1826 г.), родился въ 1792 г., получилъ хорошее домашнее воспитаніе и въ 1812 г. (23-го октября) поступилъ на службу юнкеромъ въ л.-гв. артиллерійскую бригаду; произведенный въ 1813 г. (13-го іюня) прапорщикомъ съ переводомъ въ 30-ю конную роту 1-й запасной артиллерійской бригады, онъ отправился въ походъ противъ французовъ и былъ въ сраженіяхъ 1813 г. подъ Донау (29-го сентября), Дрезденомъ, Магдебургомъ; за отличіе въ дѣлахъ подъ Гамбургомъ, на о-вѣ Вильгельмсбургъ, при Бальведерѣ, Оксенвердерѣ и Морверденѣ (28-го января и 5-го февраля 1814 г.) награжденъ былъ орденомъ св. Анны 4 ст., а за дѣла 9-го и 12-го февраля — св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; въ 1815 г. онъ состоялъ адъютантомъ при г.-м. Рѣзвомъ, а затѣмъ—при главнокомандующемъ, генералъ-фельдмаршалѣ кн. Барклаѣ-де-Толли. Вернувшись съ войсками въ Россію, П. 23-го декабря 1815 г. переведенъ былъ въ л-гв. 1-ю артиллерійскую бригаду, будучи за три дня передъ тѣмъ произведенъ въ подпоручики; 13-го марта 1819 г. онъ былъ переведенъ въ л-гв. 2-ю артиллерійскую бригаду и былъ бригаднымъ адъютантомъ; 1-го мая 1822 г. получилъ чинъ капитана, командовалъ батарейными № 4 и № 3 ротами, а 28 октября 1824 г. вышелъ въ отставку полковникомъ. Принятый вновь на службу съ тѣмъ же чиномъ 22-го іюля 1826 г., П.

опредѣленъ былъ въ конно-артиллерійскую № 12 роту, въ январѣ 1827 г. назначенъ въ Артиллерійское Отдѣленіе Военно-Ученаго Комитета, въ февралѣ откомандированъ въ Высочайше учрежденный Комитетъ по артиллерійской части (гдѣ былъ управляющимъ дѣлами, а съ 10-го февраля 1829 г.— членомъ), въ маѣ — прикомандированъ къ л.-гв. конной артиллеріи, въ іюнѣ 1828 г., оставаясь при Комитетѣ, назначенъ командующимъ л.-гв. Сводно-артиллерійскою бригадой, въ январѣ 1829 г. опредѣленъ членомъ Коммиссіи для испытанія образцовой артиллеріи и, наконецъ, 14-го мая 1829 г.— членомъ Комитета для составленія Артиллерійскаго Устава. За время командованія своего различными частями артиллеріи П. многократно въ 1823 — 1829 г. получалъ выраженія Высочайшаго благоволенія за примѣрный порядокъ и отличное устройство ввѣренныхъ ему частей, а 8-го февраля 1829 г. награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й ст. Во время Польской войны П. состоялъ командиромъ конно-артиллерійской № 14 роты, находился въ походѣ и былъ убитъ при штурмѣ Варшавы 26-го августа 1831 г. (исключенъ изъ списковъ убитымъ въ сраженіи противъ польскихъ мятежниковъ въ приказѣ 27-го сентября 1831 г.).

Въ 1824 г. П., за представленныя имъ сочиненія, избранъ былъ въ члены-сотрудники С.-Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской словесности, а вскорѣ и въ дѣйствительные его члены; въ журналѣ этого Общества—«Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», онъ напечаталъ нѣсколько статей, напр.: «Взглядъ на военное искусство древнихъ, до изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія» (1823 г., ч. XXIV, стр. 57 — 85 и 169 — 201), «Краткія извѣстія объ образованіи въ Европѣ войскъ и объ успѣхахъ огнестрѣльнаго искусства» (1824 г., ч. XXVI, стр. 77 — 119 и 241 — 278; отд. изд., С.-Пб. 1824 г.); «О Скиѳахъ (извлечено изъ разныхъ сочиненій)»(1824 г., ч. XXVIII, стр. 113—181); «О вліяніи военныхъ наукъ на образъ войны въ Европѣ» (1825 г., ч. XXX, стр. 225—298 и отд. изд. С.-Пб. 1826); въ «Сынѣ Отечества» 1826 г. (ч. CVI—CVII) помѣщена его статья: «Взглядъ на военное состояніе Турецкой Имперіи»; въ журналѣ «Невскій Зритель» 1821 г. напечатаны: «Примѣчаніе на литье артиллерійскихъ орудій» (ч. V, стр. 75—92 и 185 — 206) и «Краткія историческія извѣстія объ артиллеріи. Извлечено изъ разныхъ сочиненій и журналовъ» (ч. VI, стр. 168—177 и 262—281), а въ журналѣ «Славянинъ» 1828 г. помѣщенъ его переводъ «Взятіе Карѳагена. Изъ Карно» (ч. VII, № XXIX, стр. 86—92). Отдѣльно изданы: «Взглядъ на успѣхи словесности и изящныхъ искусствъ на Западѣ» (s. l. et a.), «Вступленіе въ искусство укрѣпленія крѣпостей, по образцу французскихъ сочиненій составленное А. Пушкинымъ», С.-Пб. (около 1819 г., 4°, 53 стр.) и «Записки о военномъ укрѣпленіи для употребленія полевыхъ офицеровъ, составленныя артиллеріи полковникомъ А. Пушкинымъ. Печатано по Высочайшему повелѣнію», С.-Пб. 1827 (посвященіе В. К. Михаилу Павловичу подписано: С.-Пб., 2-го декабря 1823 г.), въ 2 частяхъ и трехъ книгахъ (ч. I, кн. 1—6 + VIII + 2 + 273 + 2 стр., ч. I, кн. 2 — 2 + 275—513 + 3 стр., ч. II, кн. 3—4 + 346 + 3 стр.), съ атласомъ изъ XIII таблицъ in-f°, гравированныхъ чертежей (рец. — «Сѣв. Пчела» 1828 г., № 69); сочиненіе это въ 1825 году было разсмотрѣно и одобрено Военно-Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба, который призналъ работу П. «полезною, особенно для тѣхъ, кои, по незнанію иностранныхъ языковъ, не могутъ пользоваться тѣми оригинальными книгами, изъ коихъ авторъ въ книгу свою внесъ все, что наибольшаго вниманія заслуживаетъ»; какъ видно изъ отзыва Комитета, П. пользовался сочиненіями Шасселу, Монталамбера, Мондора, Карно, Ронья, Марбо, эрцъ-герцога Карла и др. писателей. Книга была напечатана на казенный счетъ въ количествѣ 600 экз.; Пушкинъ получилъ за нее (23-го марта 1827 г.) бриллiантовый перстень отъ Императора Николая.

Архивъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія (Формул. списокъ 1831 г. и дѣло объ изданіи «Записокъ о военномъ укрѣпленіи»); Карточный каталогъ Имп. Публичной Библіотеки; Б. Л. Модзалевскій. Родъ Пушкина (при Соч., изд. Брокгауза, т. I, стр. 3 и 13); «Соревнователь Просвѣщенія» 1824 г., ч. XXV, стр. 193 и ч. XXVII, стр. 90; «Сѣв. Пчела» 1846 г., № 45; «Русск. Инвалидъ» 1831 г., № 248, стр. 990; П. Потоцкій, Исторія Гвардейской артиллеріи, С.-Пб. 1896, стр. 328 и 331; сообщеніе Н. Н. Кашкина; «С.-Пбург. Вѣд.» 1831, приб. къ № 252, стр. 2226 (объявленіе о смерти).

Б. Модзалевскій.

Пушкинъ, *Борисъ Григорьевичъ*, воевода, сынъ Григорія Григорьевича Пушки-

на-«Сулемши», отчего иногда звался Сулемшинымъ-Пушкинымъ; принадлежалъ къ той же вѣтви рода Пушкиныхъ, изъ которой происходилъ знаменитый боринъ Григ. Гавр. Пушкинъ, и приходился ему двоюроднымъ братомъ. Борисъ Григорьевичъ въ 1611 году былъ уже стольникомъ и упоминается въ «окладной книгѣ» 1616 года. Въ 1620—22 году онъ былъ воеводою въ Мценскѣ, а въ мартѣ 1622 года—полковымъ воеводою 2-ой части сторожевого полка, которая стояла въ Мценскѣ же. Въ 1626 г., 25-го марта, ему указано было быть 2-мъ (меньшимъ) воеводою въ большомъ полку, стоявшемъ въ Тулѣ. По указу Государеву (отъ 27-го іюня того 1626 года) съ іюня было велѣно второй половинѣ каждаго полка съ меньшими воеводами оставаться до осени, когда ихъ должна была смѣнить первая половина съ большими воеводами, и только въ случаѣ ожидавшагося набѣга крымцевъ обѣ половины войска должны были быть на своихъ мѣстахъ; такъ какъ набѣга не послѣдовало, то 18-го ноября 1626 года вторая половина съ меньшими полковыми воеводами была отпущена. 27-го ноября Пушкинъ былъ уже на Москвѣ. 5-го апрѣля 1632 года указано было быть по полкамъ меньшимъ воеводамъ, при чемъ Б. Гр. Пушкину по прежнему быть въ большомъ полку, стоявшемъ въ Тулѣ. Въ іюлѣ 1632 года, когда къ Государю съ гор. Ливенъ прибыла отъ Ливенскаго воеводы отписка о появленіи татаръ въ Ливенскомъ уѣздѣ, послано было на Тулу къ Б. Гр. Пушкину, какъ воеводѣ Большого полка, предупрежденіе «жить съ великимъ береженіемъ». Въ ноябрѣ того же года П. былъ отпущенъ. Въ 1634 году Государь указалъ стольнику и воеводѣ Боровскому,—кн. Ив. Ник. Хованскому, да Калужскому воеводѣ кн. Ѳ. Ѳед. Волконскому-Шерихѣ идти противъ «воровъ, калужскихъ казаковъ». Въ помощь имъ изъ Можайска велѣно было Можайскимъ воеводамъ боярамъ кн. Дм. Мамстр. Черкасскому да кн. Дм. Мих. Пожарскому послать Б. Г. Пушкина. Вслѣдствіе такого назначенія возникло мѣстническое дѣло между Гавр. Григ. Пушкинымъ, вступившимся за честь своего рода, и кн. Пожарскимъ. Борисъ Григорьевичъ также «билъ челомъ» Государю на Пожарскаго. Результатомъ мѣстническаго дѣла было: во-первыхъ, то что Бор. Пушкинъ и кн. Ѳ. Волконскій не поспѣли въ походъ, и кн. Ив. Ник. Хованскому пришлось быть одному, а во-вторыхъ бояре приговорили кн. Дм. М. Пожарскому на стольника Бор. Григ. Пушкина «дать оборонь» и посадить Бориса въ тюрьму; 2-го мая 1634 года приговоръ приведенъ въ исполненіе. Въ 1638 году онъ былъ на Москвѣ, гдѣ у него былъ дворъ на Арбатѣ, въ приходѣ церкви св. Дмитрія Солунскаго, а въ февралѣ 1639 года ему указано было быть товарищемъ городового воеводы въ Вязьмѣ, гдѣ онъ находился, вѣроятно, до сентября 1640 года. Въ 1643 году, 1-го мая, «по крымскимъ вѣстямъ», были назначены воеводы, но на этотъ разъ не по полкамъ, а «по мѣстамъ»; Бор. Гр. Пушкинъ не поѣхалъ въ Тулу, такъ какъ заболѣлъ, и былъ замѣненъ другимъ лицомъ.

«Акты Моск. Госуд.», т. I, стр. 140, 354; «Русск. Истор. Библіот.», т. IX, стр. 393, 415, 417, 421, 430, 438; «Разрядныя Книги», изд. 2-мъ отд. Собств. Е. И. В. Концел., т. I, стр. 870, 881, 922, 958, 1171, 1172, 1174, 1181, 1182, 1183, 1184, 1185, 1186, 1187, 1188, 1189, 1190, 1194, 1195, 1202, 1207, 1269; т. II. стр. 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 653, 654, 655, 658, 659, 691; «Дворцовые Разряды», т. I, стр. 303, 487, 502, 522, 791, 847, 870; т. II, стр. 10, 268, 373, 598, 638, 701, 847, 858, 873; А. П. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ»; П. И. Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ». Боярскій списокъ Н. П. Лихачева, стр. 10; «Описаніе докум. Моск. Арх. Мин. Юст.», т. I. и XI; «Переписная книга г. Москвы 1638 г.», М. 1881, стр. 243; «Чт. Моск. Общ. ист. и древн.», 1903, II, 7.

Н. В—к—въ.

Пушкинъ, *Борисъ Ивановичъ*, окольничій, сынъ Ивана большого Михайловича Пушкина, бывшаго при Шуйскомъ и въ Междуцарствіе думнымъ дворяниномъ, внукъ Мих. Ѳеод. Пушкина; принадлежалъ къ средней вѣтви рода Пушкиныхъ. Въ сентябрѣ 1610 г., уже будучи стольникомъ, посланъ былъ въ составѣ посольства кн. Голицына и митр. Филарета къ Польскому королю Сигизмунду, чтобы просить сына его Владислава на Московскій престолъ, и съ другими послами возвратился изъ Польши лишь въ 1619 году, при чемъ, находясь еще въ дорогѣ, былъ посланъ въ Вязьму «для размѣна» и въ томъ же году, 24-го іюня, за все то, что претерпѣлъ во время посольства, получилъ отъ Государя въ подарокъ шубу и «кубокъ съ кровлею». Въ 1623—24 году съ дворяниномъ Ив. Ѳед. Сомовымъ П. посланъ былъ въ Астрахань произвести слѣдствіе («сыскъ») о злоупотребленіи

яхъ дьяка Марка Поздѣева, учиненныхъ имъ по управленію жителями Астрахани. Въ 1625 году онъ былъ снова въ Москвѣ и, въ званіи «дворянина Московскаго», принималъ участіе въ придворной жизни, часто былъ назначаемъ, въ числѣ другихъ дворянъ, «дневать и ночевать на государевомъ дворѣ» во время отлучекъ государя изъ Москвы и во время его «походовъ на богомолье»; участвовалъ на пріемахъ пословъ въ свитѣ государевой и состоялъ въ числѣ лицъ, приглашаемыхъ быть «у государева стола». Но особенно часто онъ былъ назначаемъ къ столу у государя-патріарха Филарета Никитича, что̀ вполнѣ понятно, такъ какъ Б. И. Пушкинъ былъ товарищемъ патріарха по посольству и по польскому плѣну. Въ мартѣ 1630 г. Пушкину приказано было сидѣть 2-мъ воеводой въ Разбойномъ Приказѣ (при боярѣ кн. Юр. Ешшеев. Сулешовѣ). 2-го октября 1632 г. Пушкинъ съ Г. И. Горихвостовымъ и дьякомъ М. Невѣровымъ отпущенъ былъ въ Швецію посломъ для склоненія Шведскаго короля къ вступленію въ союзъ противъ поляковъ; пріѣхавъ въ Новгородъ, они узнали о смерти короля Густава-Адольфа и получили приказаніе ждать новаго указа, который послѣдовалъ 26-го марта 1633 г.: имъ было велѣно ѣхать въ Стокгольмъ къ вдовствующей королевѣ Маріи-Элеонорѣ и королевнѣ Христинѣ. Прибывъ въ Стокгольмъ 3-го іюля, послы были приняты королевой 8-го числа; 26-го августа выѣхали обратно и 11-го октября явились въ Москву, подавъ царю три грамоты, въ которыхъ королева Христина обѣщала свято хранить Столбовскій договоръ, но отказывалась, въ виду прежде заключеннаго перемирія, приступить къ войнѣ съ Польшею. Въ 1635 году (11-го января), во время общей смѣны воеводъ и дьяковъ по городамъ Сибири, стольникъ Б. И. Пушкинъ назначенъ былъ воеводою въ городъ Мангазею, гдѣ находился до 1639 года. Въ 1640 году онъ былъ воеводой на Яблоновѣ, а по возвращеніи оттуда въ 1641—42 году — опять воеводой въ Разбойномъ Приказѣ (при бояр. кн. Юр. Андр. Сицкомъ). Въ 1644 году, при пріѣздѣ къ Государю Датскаго посольства, а вмѣстѣ съ нимъ королевича Датскаго Вольдемара, Пушкину съ псковитяниномъ Степ. Парѳен. Елагинымъ, сопровождавшимъ королевича изъ Пскова на Москву, и съ дьякомъ велѣно состоять «приставами» при королевичѣ и послахъ. Въ 1646 году, 17-го марта, изъ «дворянъ Московскихъ» Пушкинъ былъ пожалованъ въ «окольничіе», и въ томъ же году былъ въ Разбойномъ Приказѣ однимъ воеводою съ дьяками. Въ 1648 году онъ былъ на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича, при чемъ ему указано «отъ отца приходить звать государя на мѣсто», а во время свадебнаго шествія онъ шелъ передъ государынею въ соборъ и «пути берегъ, чтобы никто не переходилъ». Въ 1648 году, въ мартѣ, вышелъ указъ государевъ отправить его въ послахъ въ Швецію; но отправленъ онъ былъ туда только въ слѣдующемъ, 1649 году. Въ началѣ послѣдняго (2-го февраля), во время волненія народа, боярин кн. Мих. Мих. Темкинъ-Ростовскій съ окольничимъ Б. И. Пушкинымъ были высланы къ народу для успокоенія мятежа, но имъ это не удалось: народъ ихъ не послушалъ,— и «боярина и окольничаго», говоритъ лѣтописецъ, «обезчестили и платье на нихъ ободрали, едва они въ верхъ ушли». Въ томъ же 1649 году Пушкинъ, отправленный 1-мъ полномочнымъ посломъ въ Швецію, съ титуломъ намѣстника Брянскаго, къ королевѣ Христинѣ, для договоровъ о выкупѣ перебѣжчиковъ, заключилъ въ Стокгольмѣ соотвѣтствующій договоръ. Когда, по Столбовскому миру, нѣкоторыя русскія области перешли къ Швеціи, многіе русскіе люди, боясь притѣсненія со стороны иновѣрцевъ, перебѣжали въ Россію; среди нихъ, кромѣ русскихъ, было много кореловъ и латышей; вслѣдствіе этого, было рѣшено всѣхъ перебѣжавшихъ со времени заключенія Столбовскаго договора (т. е. съ 1617 года) до 1648 года оставить въ русскомъ подданствѣ, а перебѣжавшихъ съ 1648 года возвратить Швеціи. За перебѣжчиковъ «на государеву сторону», оставленныхъ въ Московскомъ подданствѣ, условлено было заплатить 20000 рублей выкупныхъ денегъ. Часть денегъ была передана въ Москвѣ шведскому агенту Нумменсу, остатокъ же выкупной суммы приказано было, когда Нумменсъ проѣздомъ къ границѣ будетъ во Псковѣ, выдать ему натурою — хлѣбомъ изъ Псковскихъ царскихъ житницъ, въ размѣрѣ 11000 четвертей. Это и послужило причиною, такъ называемаго «Псковскаго хлѣбнаго бунта». Въ 1651 году Пушкинъ посланъ былъ воеводою на Двину, гдѣ пробылъ до 1656 года; въ этомъ году онъ строилъ деревян-

ный городъ въ Холмогорахъ, а въ 1659 году скончался. Бор. Ив. Пушкинъ оставилъ послѣ себя сына Никиту (впослѣдствіи инока Свято-Троицкаго Сергіева монастыря Нифонта), который въ 1662 г. получилъ всѣ весьма значительныя помѣстья отца — 1552 четв. съ 149 дворами; со смертью сына послѣдняго, Афанасія Никитича, прекратилась эта вѣтвь рода Пушкиныхъ.

«Акты Архивн. Эспед.» т. III, стр. 309, 35; «Акты Истор », т. III, стр. 310, 392; т. IV, стр. 24, 31; «Доп. къ Акт. Истор.», т. III, стр. 401, 406, 414—416, 418, 419, 429, 430, 432, 434, 467; т. VI, стр. 413—416, 420, 421; «Акты Московск. Госуд.», т. II; «Собр. Гос. Грам. и Договор.», т. III, стр. 31, «Полное Собр. Русск. Лѣтоп.», т. IV, стр. 338, 339; 340; «Древн. Россійск. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. III, ч. II, стр. 157; кн. XIII, ч. XVIII, стр. 176, 181, 191; кн. XVIII, ч. I, стр. 24; кн. XX, ч. I, стр. 104, 113; ч. III, стр. 385; «Русск. Истор. Библіот.», т. IX; т. XIV; «Разрядныя книги». изд. 2-мъ отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, т. II, стр. 830, 935; «Дворцовые разряды», т. I, стр. 387, 388, 408, 628, 750, 832, 844, 906, 935, 950, 969, 1001, 1029; т. II, стр. 6, 10, 18, 21, 58, 85, 123, 163, 210, 239, 275, 294, 411, 479, 661; 690, 708, 721, 724, 726, 728, 733, 735, 740, 744, 846, 847, 856; т. III, стр. 32, 33, 42, 49, 56, 57, 60, 63, 77, 80, 84, 87, 111, 158, 160, 166, 191, 197, 205, 215, 218, 219, 244, 254, 290; «Памятн. Диплом. Сношн.», т. III; И. Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», изд. 2-ое, т. XII, стр. 203, 368; Н. Н. Оглоблинъ, «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1599—1768), ч. I; Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. т—ва «Обществ. Польза», кн. II, т. IX, стр. 1301; т. X, стр. 1644; Карамзинъ, «Исторія Госуд. Россійскаго», изд. журн. «Сѣверъ», т. XII, примѣч. 616; Н. Берхъ, «Систематич. списки боярамъ, окольнич. и думн. дворянамъ съ 1468 до уничтоженія сихъ чиновъ», С.-Пб. 1833 г.; «Архивъ Истор.-Юрид. Свѣдѣній», подъ ред. Калачева (см. сооб. Глѣбова-Стрѣшнева «Списокъ бояръ, окольн. и др. чиновъ съ 1578 и до царств. ѳеод. Алексѣев.»), кн. II, половина I, отд. II, стр. 121—144; Н. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ»; П. И. Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ»; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи»; Б. Л. Модзалевскій. Родъ Пушкина (при Соч., изд. Брокгауза, т. I, стр. 12).

Н. В—н—въ.

Пушкинъ, *Василій Львовичъ*, писатель старшій братъ Сергѣя Львовича, отца знаменитаго поэта; род. въ Москвѣ 27-го апрѣля 1770 г. Дѣтство и юность онъ провелъ въ привольной обстановкѣ богатаго дома и въ гостепріимномъ московскомъ обществѣ Екатерининской эпохи; отецъ писателя, обладая большимъ состояніемъ, любилъ хорошо пожить и славился въ Москвѣ своимъ хлѣбосольствомъ. Семейная обстановка Пушкина складывалась неблагопріятно: отецъ былъ суроваго, деспотическаго характера и переполнилъ страданіями жизнь и первой, и второй своей жены. Но, повидимому, на характерѣ Василія Львовича эти черты домашняго быта не отразились: онъ навсегда сохранилъ веселый, беззаботный нравъ. Онъ не получилъ систематическаго школьнаго образованія, хотя ему было такъ легко поступить въ единственный тогда русскій университетъ—Московскій. За то полученное имъ домашнее образованіе могло, по тогдашнимъ вкусамъ, считаться «блестящимъ»: Василій Львовичъ прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ и зналъ нѣмецкій, англійскій, итальянскій и латинскій языки. Такія познанія открывали ему широко двери въ Западно-Европейскія литературы, что потомъ и сказалось на писательской дѣятельности Пушкина. Благодаря общественному положенію отца, юношѣ-Пушкину оказались легко доступны салоны московскаго барства, а его свѣтскій тактъ и лоскъ, легкое остроуміе, добродушіе и веселость скоро завоевали ему и симпатіи столичнаго общества: онъ участвовалъ въ «благородныхъ спектакляхъ», на литературныхъ вечерахъ декламировалъ монологи изъ французскихъ трагедій, находчиво сочинялъ куплеты и стихи на заданныя риѳмы. Декламировалъ онъ превосходно, и многіе москвичи съѣзжались только за тѣмъ, чтобы послушать, какъ онъ читаетъ басни. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ веселой свѣтской жизни въ Москвѣ, П. переселился въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Измайловскій полкъ, въ который былъ записанъ, по традиціонному обычаю, еще съ малолѣтства. Военная служба мало привлекала жизнерадостнаго юношу, и П. дослужился только до чина поручика. За то сѣверная столица представляла широкій просторъ и новые способы къ прожиганію жизни, чѣмъ и воспользовался веселый и хорошо обезпеченный москвичъ. Въ 1797 году онъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Москву, гдѣ задумалъ жениться; его выборъ палъ на извѣстную красавицу, Капитолину Михайловну Вышеславцеву. Семейная жизнь вышла неудачной и кончилась разводомъ. Фамильное преданіе Пушкиныхъ, а затѣмъ и литературно-біографическая традиція винили въ томъ Капитолину Михайловну. Но за послѣднее время опубликованы документы, рисующіе дѣло въ иномъ свѣтѣ. Ходатайство о раз-

водѣ возбудила предъ московскими духовными властями Капитолина Михайловна въ 1802 году, ссылаясь на незаконную связь мужа. Бракоразводный процессъ тянулся до 1806 г. и, несмотря на всѣ усилія Пушкина и его ходатайства предъ кн. А. Н. Голицынымъ, кончился не въ его пользу: указомъ отъ 22-го іюня 1806 г. Синодъ присудилъ Василія Львовича «подвергнуть семилѣтней церковной эпитиміи, съ отправленіемъ оной чрезъ (т.-е. въ теченіе) 6 мѣсяцевъ въ монастырѣ, а прочее время—подъ смотрѣніемъ его духовнаго отца», а его женѣ далъ разводъ съ правомъ выхода замужъ.

Пока тянулся судъ, П. успѣлъ совершить заграничное путешествіе. Въ 1803—1804 гг. Пушкинъ объѣхалъ Германію, Францію и Англію. Жизнерадостный путешественникъ совсѣмъ не интересовался вопросами политики, за то немало вниманія удѣлялъ искусствамъ и особенно—литературѣ. Въ письмахъ, писанныхъ изъ путешествія къ Н. М. Карамзину и напечатанныхъ тогда же въ «Вѣстникѣ Европы», П. описываетъ видѣнныя имъ произведенія архитектуры, живописи; разсказываетъ, какъ въ Берлинѣ онъ бывалъ у Августа Коцебу, наслаждался въ театрѣ игрой знаменитаго актера Ифланда. Въ Парижѣ онъ познакомился съ «славнымъ метафизикомъ» аббатомъ Сикаромъ, писателями Дюси, Бернарденомъ де-Сенъ-Пьеръ, Арно, съ m-me Рекамье и романисткой m-me Жанлисъ. Особенно привлекали нашего путешественника парижскіе театры. «Вы знаете, писалъ онъ Карамзину, мою страсть къ спектаклямъ и можете вообразить, съ какимъ удовольствіемъ бываю въ парижскихъ!» Пушкинъ успѣлъ познакомиться съ актрисою Дюшенуа, а у знаменитаго трагика Тальма бралъ даже, какъ гласитъ преданіе, уроки декламаціи.

За время своего путешествія по Германіи, Франціи и Англіи Пушкинъ ревностно собиралъ лучшія изданія французскихъ, англійскихъ и латинскихъ авторовъ, такъ что привезъ въ Россію цѣлую библіотеку, которая потомъ славилась въ Москвѣ, но погибла въ пожарѣ 1812 года.

Поселившись, по возвращеніи изъ-за границы, снова въ Москвѣ и будучи вполнѣ обезпеченъ матеріально, онъ имѣлъ возможность проводить жизнь вполнѣ свѣтскаго человѣка. Посѣщеніе театровъ и личное участіе въ «благородныхъ спектакляхъ», балы и празднества, гдѣ онъ, какъ и братъ его, Сергѣй Львовичъ, отличался въ качествѣ остроумца и импровизатора, пріятельскія пирушки, литературные вечера — смѣняли одинъ другого и поглощали все его время. Но въ будущемъ, и уже недалекомъ, П-на ждали тяжелыя испытанія: наступалъ двѣнадцатый годъ. Появленіе Наполеона въ Москвѣ застало П-на врасплохъ. 14-го декабря 1812 г. онъ писалъ кн. П. А. Вяземскому про разореніе Москвы: «Я потерялъ въ ней все движимое мое имѣніе. Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоцѣнная моя библіотека, — все сгорѣло. Я ничего вынесть не могъ; денегъ у меня не было, и никто не помогъ мнѣ въ такой крайности». По другимъ извѣстіямъ, въ пожарѣ едва не погибъ и малолѣтній сынъ Василія Львовича; преданный слуга едва успѣлъ выхватить его изъ огня. Вмѣстѣ съ другими погорѣльцами - москвичами П. перекочевалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ образовалась скоро цѣлая колонія. Пушкину приходилось тогда довольно трудно; въ письмѣ къ Вяземскому онъ говоритъ: «Ты спрашиваешь, что я дѣлаю въ Нижнемъ-Новгородѣ? Совсѣмъ ничего. Живу въ избѣ, хожу по морозу безъ шубы, и денегъ нѣтъ ни гроша». Но—таковъ ужъ былъ складъ характера и интересовъ Пушкина — въ томъ же письмѣ, забывая личныя непріятности и важныя событія борьбы за національную независимость, онъ продолжаетъ: «Кокошкинъ пишетъ изъ Ярославля, что онъ переводитъ «Федру». Читалъ ли ты подражаніе его пророку Аввакуму?» Скоро жизнь московско-нижегородской колоніи наладилась; подъ отдаленный шумъ историческихъ событій начались обѣды, ужины, балы, маскарады, и П. совсѣмъ повеселѣлъ. Въ началѣ 1813 г., побывавъ на короткое время въ Петербургѣ, Пушкинъ снова водворился въ Москвѣ; въ 1816 г. онъ опять ѣздилъ въ Петербургъ — вмѣстѣ съ Карамзинымъ и кн. Вяземскимъ—и въ этотъ пріѣздъ былъ принятъ въ члены недавно народившагося литературнаго общества «Арзамасъ». Еще раньше Пушкинъ вступилъ въ масонскую ложу «Соединенныхъ Друзей» (1810), и это дало мысль веселымъ арзамасцамъ обставить вступленіе новаго члена въ общество потѣшной обрядностью. Добродушный П.,

которому было, однако, уже 46 лѣтъ, повидимому, не догадывался, что молодежь просто потѣшается надъ нимъ,— и добросовѣстно продѣлалъ весь церемоніалъ. Въ «Арзамасѣ» онъ получилъ прозвище «Вотъ»; затѣмъ, за неудачные стихотворные опыты, присланные на судъ «Арзамаса», былъ переименованъ въ «Вотрушку», чѣмъ былъ крайне разобиженъ. Впослѣдствіи, однако, честь его была возстановлена, онъ получилъ имя «Вотъ я васъ опять!» и званіе старосты «Арзамаса». Объ этомъ онъ съ восторгомъ разсказывалъ всѣмъ знакомымъ, разъѣзжая по московскимъ гостинымъ. Веселая, беззаботная жизнь, какую Пушкинъ велъ до конца своей жизни, привела къ тому, что въ послѣдніе годы жизни онъ очень нуждался въ средствахъ и страдалъ подагрой, лишавшей его возможности вести прежній образъ жизни. Онъ умеръ въ Москвѣ 23-го августа 1830 года. Хоронить его (въ Донскомъ монастырѣ) собрались многіе литераторы, въ томъ числѣ И. И. Дмитріевъ и племянникъ А. С. Пушкинъ, бывшій тогда въ Москвѣ.

Начало литературной дѣятельности В. Л. Пушкина относится еще къ екатерининскому времени. Первое печатное стихотвореніе его появилось въ 1793 г.—въ «С.-Петербургскомъ Меркуріѣ» Крылова и Клушина. Затѣмъ онъ сотрудничалъ въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» Подшивалова и Сохацкаго, «Аонидахъ» и «Вѣстникѣ Европы» Карамзина, потомъ въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности», «Дамскомъ Журналѣ» и многихъ другихъ изданіяхъ. Его симпатіи въ области литературнаго стиля опредѣлились очень рано, и онъ, не колеблясь, сталъ на сторону Карамзина, Дмитріева и ихъ школы, проводившей тогда реформу литературной рѣчи. Литературное наслѣдіе П. въ количественномъ отношеніи довольно значительно; онъ писалъ въ различныхъ жанрахъ: сказки, басни, эпиграммы, элегіи, сатиры, посланія, анакреонтическія стихотворенія, наконецъ—повѣсть въ стихахъ. Любопытно, однако, что до насъ не дошло ни одного драматическаго произведенія Пушкина, этого страстнаго театрала. Большинство произведеній нашего поэта—не оригинальны: это или подражанія, или передѣлки и переводы изъ иностранныхъ писателей; онъ много переводилъ изъ Горація, Лафонтена, Флоріана; также — изъ Буасара, Вольтера, Парни, Мильвуа, Арно, Обера, Томсона, Оссіана, Тибулла, Катулла, Петрарки и другихъ. Въ этомъ обиліи именъ сказалось знаніе иностранныхъ языковъ, но также и нѣкоторая литературная безпринципность Пушкина. По своимъ теоретическимъ взглядамъ онъ былъ, собственно, классикъ, какъ и его авторитетъ — И. И. Дмитріевъ; объ этомъ П. заявлялъ и печатно. Въ вопросахъ литературнаго стиля онъ былъ карамзинистъ. Новыя литературныя теченія уже не затрогивали его глубоко; но онъ былъ чуткъ ко всякимъ новинкамъ и модамъ и поэтому переводилъ Оссіана, когда въ русской литературѣ обозначились преромантическія вѣянія, и подражалъ Байрону, когда тотъ становился «властителемъ думъ» молодого поколѣнія александровскаго времени. Современники—друзья П-на—какъ-то двойственно относились къ его литературной дѣятельности. Онъ стоялъ въ самыхъ близкихъ личныхъ отношеніяхъ съ такими корифеями, какъ Александръ Пушкинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Вяземскій; это былъ «свой человѣкъ» въ тѣсномъ кругу арзамасцевъ, и блескъ ихъ литературной славы отражался на его имени и могъ скрывать отъ стороннихъ наблюдателей нѣкоторые изъяны его поэтической дѣятельности. Сами арзамасцы поддерживали Пушкина въ его выступленіяхъ противъ литературныхъ старовѣровъ и готовы были защищать его отъ нападеній литературныхъ враговъ. Но въ своемъ кругу арзамасцы не прочь были потѣшиться надъ легкомысліемъ Пушкина, надъ его страстью читать всюду свои стихи, надъ безсодержательностью его произведеній. Воейковъ въ своемъ «Парнасскомъ адресъ-календарѣ» опредѣлилъ мѣсто службы Пушкина: «при водяной коммуникаціи». Жуковскій въ своемъ посланіи къ нашему писателю откровенно заявлялъ:

...Кажется, что ты подъ часъ многорѣчистъ,
Что стихотворный жаръ твой могъ бы быть живѣе,
А выраженія короче и сильнѣе.
Еще же есть и то, что ты, мой другъ, подъ-часъ
Предметъ свой забываешь.

Однако, тотъ же Жуковскій, и въ томъ же посланіи, говоритъ:

Послушай, Пушкинъ-другъ, твой слогъ отмѣнно чистъ;
Грамматика тебя угодникомъ считаетъ,
И никогда твой слогъ не ковыляетъ.

И это было также справедливо. У П-на былъ замѣчательный версификаторскій даръ. Даже въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ стихъ его является гибкимъ и звучнымъ. Правда, въ послѣдующей литературной дѣятельности мы не замѣчаемъ у Пушкина непрерывнаго совершенствованія; напротивъ, въ позднѣйшее время, когда пушкинская плеяда овладѣла граненымъ и блещущимъ стихомъ, старѣющій Василій Львовичъ уже писалъ все блѣднѣе и блѣднѣе. Но въ началѣ 1810-хъ годовъ, къ которымъ относится расцвѣтъ его дѣятельности, Пушкинъ игралъ весьма видную роль въ выработкѣ литературной рѣчи. Именно, въ стилистическомъ отношеніи замѣчательно одно произведеніе В. Л. Пушкина, содержаніе коего дѣлаетъ его, однако, совершенно неприличнымъ въ печати; оно написано въ 1811 году: «Опасный сосѣдъ». Это произведеніе быстро разошлось въ рукописяхъ; о немъ упоминали въ своихъ стихахъ Александръ Пушкинъ и другіе; имя его главнаго героя, кутилы и скандалиста Буянова стало надолго крылатымъ словомъ. Тотъ же колкій Воейковъ отмѣтилъ въ «Парнасскомъ календарѣ», что Василій Львовичъ «имѣетъ въ петлицѣ листочекъ лавра съ надписью: «За Буянова». Самъ авторъ считалъ «Опаснаго сосѣда» «лучшимъ и удачнѣйшимъ изъ своихъ стихотвореній». Даже такой мастеръ стиха и тонкій цѣнитель поэзіи, какъ Батюшковъ, писалъ объ «Опасномъ сосѣдѣ» Н. И. Гнѣдичу въ 1811 году: «Теперь посылаю тебѣ Пушкина сатиру... Стихи прекрасны. Вообще ходъ піесы и характеры выдержаны отъ начала до конца. Вотъ стихи! Какая быстрота! Какое движеніе!».

Кромѣ стилистическихъ достоинствъ, въ литературной дѣятельности Пушкина была еще одна положительная сторона. Въ періодъ борьбы шишковистовъ съ карамзинистами онъ выступилъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ партизановъ литературной реформы. Во многихъ своихъ произведеніяхъ (въ томъ числѣ и въ «Опасномъ сосѣдѣ») нашъ карамзинистъ больно задѣвалъ словесниковъ-старовѣровъ. Мѣтко изображая фанатическое пристрастіе шишковской Бесѣды, этого «собора безграмотныхъ славянъ», къ славянщинѣ, Пушкинъ удачно формулируетъ принципы новой школы. Въ посланіи къ В. А. Жуковскому (1810) онъ говоритъ:

Славянскія слова таланта не даютъ,
И на Парнасъ они поэта не ведутъ.

Защищая необходимость для литератора широко изучать классическія и западноевропейскія литературы, Пушкинъ протестуетъ противъ литературнаго націонализма и исключительности:

Въ чемъ увѣряютъ насъ Паскаль и Боссюэтъ,
Въ Синопсисѣ того, въ Степенной Книгѣ нѣтъ.
Отечество люблю, языкъ я русскій знаю,
Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю.

Обличая своеобразный фетишизмъ словъ, столь замѣтный у Шишкова, сатирикъ требуетъ отъ поэзіи содержательности, идейности, чего можно достигнуть только при томъ условіи, если писатель — образованный человѣкъ.

Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь.
Словъ много затвердить не есть еще ученье:
Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье.

Въ посланіи къ Д. В. Дашкову (1811)— самому даровитому антагонисту Шишкова— Василій Львовичъ обличаетъ и другую черту «бесѣдчиковъ» — ихъ склонность и готовность обвинять въ религіозной и политической неблагонадежности всѣхъ инако мыслящихъ.

Кто пишетъ правильно и не варяжскимъ слогомъ —
Не любитъ русскихъ тотъ и виноватъ предъ Богомъ! —

такъ формулируетъ Пушкинъ обычныя нападки шишковистовъ и ловко парируетъ ихъ:

Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости ни мало:
Она мертвитъ нашъ умъ и—варварства начало.
Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить.
Невѣжда можетъ-ли отечество любить?
Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
Кто хвалитъ все свое, чужое презираетъ;
Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
И, бѣдный мыслями, печется о словахъ!
Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному внушенью,
Чтитъ дарованія, стремится къ просвѣщенью.

Свѣтобоязнь шишковистовъ Пушкинъ осмѣялъ также въ баснѣ «Сычи» (1812). Во время солнечнаго затменія сычи вооб-

разили, что «свѣтильникъ пагубный не существуетъ болѣ», и что наступило царство тьмы; но вновь возсіявшее солнце посрамило мракобѣсовъ:

Какъ солнца свѣтлаго лучи,
Сіяютъ даръ, ученье.
Невѣжество — умовъ затменье,
Невѣжды-авторы — сычи.

Свою заслугу въ борьбѣ съ литературными старообрядцами сознавалъ и самъ Василій Львовичъ. Когда арзамасцы вздумали вышутить присланные на ихъ судъ стихи Пушкина, онъ отвѣчалъ имъ упрекомъ:

Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ быть,
Осмѣлился глупцамъ я правду говорить;
Осмѣлился сказать хорошими стихами,
Что авторъ безъ идей, трудяся надъ словами,
Останется всегда невѣждой и глупцомъ.

Остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ В. Л. Пушкина къ его знаменитому племяннику, Александру Сергѣевичу. Отношенія эти не всегда правильно изображались въ литературѣ. Существовало, напр., мнѣніе, что Василій Львовичъ долго не могъ угадать высокаго дарованія племянника и относился къ его литературнымъ работамъ пренебрежительно; будто бы къ Александру Сергѣевичу относится извѣстный стихъ Василія Львовича о юномъ поэтѣ: «Пятнадцать лѣтъ, не болѣе того? — Такъ розгами его!»—и будто бы племянникъ отомстилъ дядѣ, изобразивъ его бездарнымъ семинаристомъ, котораго Фебъ приказываетъ «поставить въ палки». М. Н. Лонгиновъ давно уже и основательно опровергъ эту легенду («Русск. Архивъ» 1863); но она вновь повторялась позднѣе («Историч. Вѣстникъ» 1882). Съ другой стороны, поэтическое вліяніе дяди на племянника слишкомъ преувеличивалось (проф. М. Г. Халанскій, П. Смирновскій). Въ судьбѣ юноши-племянника Василій Львовичъ, несомнѣнно, имѣлъ нѣкоторое вліяніе. Еще мальчикомъ Александръ Сергѣевичъ перезнакомился въ домѣ своего отца со многими литераторами, которыхъ привлекалъ туда Василій Львовичъ. Богатая библіотека дяди была также, конечно, къ услугамъ племянника. Опредѣлять мальчика въ Лицей возилъ тотъ же Василій Львовичъ. Поэтическій геній племянника дядя оцѣнилъ очень рано,— быть можетъ, одинъ изъ первыхъ. Еще въ 1815 г. онъ писалъ Макарову: «Mon cher, ты знаешь, что я люблю Александра; онъ поэтъ, поэтъ въ душѣ; mais je ne sais pas, il est encore trop jeune, trop libre». Въ 1816 г. онъ пишетъ самому Александру Сергѣевичу: «Мы отъ тебя многаго ожидаемъ» и называетъ его своимъ «братомъ по Аполлону». Племянникъ отвѣчалъ дядѣ подобными же признаніями. Въ 1817 г. онъ писалъ Василію Львовичу посланіе:

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!

Племянникъ-лицеистъ, конечно, хорошо зналъ произведенія дяди, и отмѣченныя выше ихъ стилистическія достоинства не остались безъ вліянія на выработку его собственнаго слога. Нельзя, однако, преувеличивать этого вліянія. Въ лицейскіе годы Александръ Пушкинъ имѣлъ и другихъ учителей-стилистовъ, болѣе даровитыхъ, чѣмъ Василій Львовичъ: Жуковскаго, Батюшкова. По содержанію же поэзія Пушкина-дяди была не оригинальна и часто являлась простыми перепѣвами французскихъ поэтовъ, хорошо знакомыхъ Пушкину-племяннику въ подлинникахъ. Сверхъ того, поэтическій геній Александра Сергѣевича развивался такъ быстро и такъ властно, что скоро затмилъ и даже подчинилъ себѣ дарованіе Василія Львовича. Послѣдній и самъ не скрывалъ отъ себя превосходства племянника и преклонялся предъ его талантомъ. Любопытно отмѣтить, что на старости лѣтъ Василій Львовичъ даже сталъ подражать Александру Сергѣевичу: его повѣсть въ стихахъ: «Капитанъ Храбровъ» (1829—1830) носитъ явные слѣды подражанія «Евгенію Онѣгину» и «Графу Нулину».

1) Два посланія Василія Пушкина. С.-Пб. 1811 г. 2) Стихотворенія Василія Пушкина. С.-Пб. 1822 г. 3) Записки въ стихахъ Василія Львовича Пушкина. Москва. 1834 г. 4) Опасный сосѣдъ. Лейпцигъ. 1855 г. 5) Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія В. Л. Пушкина и Д. В. Веневитинова. Изд. А. Смирдина. С.-Пб. 1855 г. 6) Сочиненія В. Л. Пушкина, изданныя подъ редакціею В. И. Саитова. Съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями. Изд. Евг. Евдокимова. С.-Пб. 1893 г. 7) В. П. Авенаріусъ. В. Л. Пушкинъ (Біографическій очеркъ). «Историческ. Вѣстн.» 1882 г., т. III, стр. 606—624. 8) М. Ха-

ланскій. О вліяніи Василія Львовича Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина. Харьк., 1900 г., 78 стр. 9) П. Смирновскій. Исторія русской литературы XIX вѣка. Вып. IV (1901 г.), С.-Пб. (стр. 56—83). 10) Михаилъ Лонгиновъ. Замѣтка объ отношеніяхъ А. С. Пушкина къ дядѣ его В. Л. Пушкину—«Русск. Арх.» 1863 г., изд. 2, стр. 868—871. 11) Его-же. Заимствованія русскихъ баснописцевъ у французскихъ писателей. «Русск. Арх.» 1905 г., т. I, стр. 174—176. 12) М. Макаровъ. А. С. Пушкинъ въ дѣтствѣ—«Современникъ» 1843 г., т. XXIX, стр. 382. 13) И. Ивановъ. Исторія русской критики, т. I, стр. 198 и сл. 14) Семейныя безобразія былого времени. Сообщилъ Н. П. Розановъ—«Русск. Арх.» 1894 г., т. XII (на стр. 554—555: Расторженіе брака В. Л. Пушкина). 15) Къ біографіи В. Л. Пушкина—«Русск. Стар.» 1903 г., т. III, стр. 515—517 (переписка о разводѣ). 16) «Библіографическія Записки» 1859 г., № 10, стбц. 306—309 (Записки А. А. Кононова). 17) Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. С.-Пб., 1866 г., стр. 66, 135, 161—165, 235, 241, 253, 302, 332, 336, 337, 057, 072, 073. 18) Кн. И. М. Долгорукій. Путешествіе изъ Москвы въ Нижній 1813 г. Изд. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ. Москва, 1874 г., стр. 44. Некрологи В. Л. Пушкина: 19) «Моск. Вѣдом.» 1830 г., №№ 69 и 70 (Мих. Макаровъ). 20) «Литературная Газета» 1830 г., № 51. 21) «Дамскій Журналъ» 1830 г., № 38, 22) «Сѣверный Меркурій» 1830 г., № 110; 23) «Галатея» 1830 г., № 35. — Рецензіи на соч. В. Л. Пушкина. 24) Соч. кн. П. А. Вяземскаго, т. I, стр. 25; «Библіотека для Чтенія» 1856 г., т. 135, январь, критика, стр. 1—11 (А. В. Дружининъ), 26) «Современникъ 1855 г., № 11; перепечат. въ полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевскаго, т. I, стр. 463—467. — См. также passim: 27) Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, 28) Полн. собр. соч. К. Н. Батюшкова, три тома, 29) Записки Ф. Ф. Вигеля, 30) М. А. Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти. 31) Л. Н. Павлищевъ. Изъ семейной хроники, М., 1890 г., 32) Сочиненія А. С. Пушкина. Изд. Академіи Наукъ, 33) Е. А. Сидоровъ, Литературное Общество «Арзамасъ»—«Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія» 1901 г., т. VI—VII.

Н. К. П—въ.

Пушкинъ, *Василій Никитичъ,* воевода; сынъ окольничаго Никиты Михаиловича П., умершаго въ 1622 году, и внукъ Михаила Ѳеодоровича, принадлежалъ къ младшей отрасли средней вѣтви рода Пушкиныхъ и приходился двоюроднымъ братомъ Борису Ивановичу Пушкину. Когда въ 1601 году царь Борисъ Годуновъ подвергъ ссылкѣ Романовыхъ, а съ ними родственниковъ ихъ и приверженцевъ — князей Сицкихъ, Черкасскихъ и прочихъ, той же участи подвергся Евстафій Михайловичъ Пушкинъ съ племянникомъ своимъ—Василіемъ Никитичемъ: они въ числѣ другихъ, подвергнувшихся при Годуновѣ ссылкѣ, съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича Романова были освобождены. Въ 1625 году, при пріемѣ (17-го мая) Кизильбашскаго посла, когда посолъ послѣ пріема былъ приглашенъ къ «столу», В. Н. Пушкинъ, бывшій въ это время дворяниномъ Московскимъ, былъ назначенъ вмѣстѣ со стольниками «въ кривой столъ пить носить» (обязанности эти исполняли обыкновенно только стольники). Въ 1627 году, 7-го марта, въ виду ожидавшагося набѣга крымскихъ татаръ, назначены были воеводы по полкамъ: въ Пронскъ 1-мъ «большимъ воеводой» назначенъ былъ В. Н. Пушкинъ; 1-го апрѣля воеводы должны были быть на мѣстѣ, а осенью (3-го октября) приказано было оставить по полкамъ «меньшихъ» воеводъ, а «большимъ» возвратиться въ Москву. Въ ноябрѣ того же (1627) года В. Н. Пушкинъ былъ уже въ Москвѣ и принималъ участіе въ придворной жизни. Въ 1636—1637 г. онъ былъ воеводою въ Чебоксарахъ; въ 1638 году—2-мъ воеводою въ Вязьмѣ при кн. Юріи Петр. Буйносовѣ-Ростовскомъ, а съ 1-го мая 1639 года—2-мъ воеводой при бояринѣ кн. П. А. Репнинѣ въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, при чемъ велѣно было быть «по мѣстамъ», а не «по полкамъ». Въ томъ же (1639) году приказано большимъ воеводамъ возвратиться въ Москву, оставивъ «меньшихъ воеводъ», и Вас. Ник. Пушкинъ, какъ «меньшій» воевода, остался въ Переяславлѣ. Когда въ 1642 году, 8-го мая, опять ввиду ожидавшагося набѣга крымцевъ, назначены были воеводы, стольникъ П. назначенъ былъ 2-мъ (меньшимъ) воеводою въ Веневъ при бояринѣ кн. Ю. А. Сицкомъ, но уже 23-го іюля того же года былъ отпущенъ государемъ въ Москву, такъ какъ «жены его не стало». Въ маѣ 1643 года Пушкинъ былъ 1-мъ воеводою на р. Ленѣ (въ Якутскомъ острогѣ), гдѣ и скончался въ 1649 году.

«Доп. къ Акт. Истор.», т. II, стр. 264—275, 278, 279; т. III, стр. 20—24, 29, 30, 32, 33—35, 37—40, 47, 56—58, 98, 99, 102, 104, 138, 139, 173, 175, 208, 214, 224, 299, 304, 320, 322, 323; т. IV, стр. 17, 120; «Акты Московск. Госуд.», т. I, стр. 208, 213; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-е, т. III, ч. II, стр. 169, 177; «Русск. Истор. Библіот.», т. IX; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ Отд. Собств. Е. И. В. Канц., т. II, стр. 925; «Дворцовые Разряды», т. I, стр. 694, 945, 947—950, 954; т. II, стр. 415, 605, 614, 617, 668, 686, 740, 841, 847, 858, 864; т. III, стр. 12; Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки въ XVI стол.»; Андріевичъ, «Исторія Сибири», т. I; Н. Н. Оглоблинъ, «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа» (1592—1768), т. I; Н. Барсуковъ, «Списки

городовыхъ воеводъ»; П. И. Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ».

Н. В-н-въ.

Пушкинъ, *Гавріилъ Григорьевичъ*, думный дворянинъ, сынъ Григорія Ивановича П.; въ 1581 г. онъ, будучи стрѣлецкимъ сотникомъ, былъ присланъ въ Ругодивъ съ Государевою грамотой къ воеводамъ, въ 1592 г. находился на службѣ въ Борисовѣ, а въ 1598 г. состоялъ головою у Касимовскихъ татаръ въ большомъ полку, въ Серпуховскомъ Государевомъ, по крымскимъ вѣстямъ, походѣ. При Борисѣ Годуновѣ онъ былъ въ опалѣ, чѣмъ и объясняется то, что въ 1601—1602 гг. онъ былъ посланъ головою въ Пелымь. Возвышеніе его началось съ 1605 г., когда онъ, вмѣстѣ съ Наумомъ Плещеевымъ, вызвался доставить въ Москву грамоту перваго Лжедмитрія. 1-го іюня 1605 г. Пушкинъ и Плещеевъ прочли эту грамоту въ Красномъ Селѣ, а потомъ, сопровождаемые красносельцами, отправились въ Москву и, по требованію народа, прочитали ее съ Лобнаго мѣста, при звонѣ колоколовъ. Въ этой грамотѣ Лжедмитрій извѣщалъ о своемъ спасеніи, доказывалъ свои права на Московскій престолъ и вспоминалъ все то зло, которое причинилъ ему Годуновъ. Въ благодарность за оказанную услугу, Лжедмитрій сдѣлалъ Пушкина великимъ сокольничимъ и думнымъ дворяниномъ. Въ 1606 г., на свадьбѣ Лжедмитрія съ Мариной Мнишекъ, П. сидѣлъ подъ дружками, а затѣмъ долженъ былъ потчивать въ Золотой Палатѣ 150 слугъ воеводскихъ и посольскихъ и «жолнеровъ лучшихъ». Послѣ смерти перваго Лжедмитрія, П. оказывалъ Тушинскому вору противодѣйствіе: это видно изъ увѣдомленія, посланнаго П-мъ, въ августѣ 1608 г., изъ Погорѣлаго Городища въ Тверь о поимкѣ имъ мужиковъ, везшихъ грамоты Тушинскаго вора о задержаніи на дорогѣ литовскихъ пословъ. Въ концѣ февраля 1611 г. П. подписался, въ числѣ другихъ лицъ, подъ грамотой Московской Боярской Думы посламъ—Ростовскому митрополиту Филарету и кн. Вас. Вас. Голицыну съ товарищи—о томъ, чтобы они ѣхали въ Вильно къ королевичу Владиславу и просили его поспѣшить пріѣздомъ въ Москву. Въ 1612 г. онъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, былъ посланъ кн. Дм. Тим. Трубецкимъ въ Троицкій монастырь съ порученіемъ къ монастырскимъ властямъ — отправить отъ себя къ ополченію, предводимому кн. Пожарскимъ, увѣщаніе, чтобы «всѣ православные христіане, соединясь, промышляли надъ польскими и литовскими людьми и надъ тѣми врагами отечества, которые завели смуту». 11-го іюля 1613 г., въ день вѣнчанія на царство Мих. Ѳеод. Романова, П. долженъ былъ стоять у сказки боярства кн. Дм. Мих. Пожарскому, но билъ челомъ, что это ему невмѣстно, потому что его родственники нигдѣ меньше Пожарскихъ не бывали. Вслѣдствіе этого царь указалъ, «для своего царскаго вѣнца, во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ» и велѣлъ этотъ указъ записать при всѣхъ боярахъ въ Разрядъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича П. продолжалъ быть думнымъ дворяниномъ. Въ 1614—15 гг. онъ былъ воеводой въ Вязьмѣ; въ 1618 г. участвовалъ на «соборѣ», на которомъ, въ присутствіи царя Михаила Ѳеодоровича, обсуждались мѣры, какъ противостоять королевичу Владиславу, приближавшемуся съ войскомъ къ Москвѣ. Когда въ Москвѣ стали готовиться къ оборонѣ отъ нападенія польскаго королевича, П. долженъ былъ «вѣдать» Срѣтенскія ворота и отъ Срѣтенскихъ до Фроловскихъ воротъ. Въ 1619 г. П. былъ посланъ въ Вязьму встрѣчать возвращавшагося изъ польскаго плѣна митрополита Филарета Никитича Романова; кромѣ него, были посланы: Макарій, архіепископъ вологодскій и великопермскій, и бояринъ Вас. Петр. Морозовъ. Въ томъ же году П. былъ товарищемъ боярина князя Бор. Мих. Лыкова, начальника Разбойнаго Приказа. Въ 1626 г. онъ былъ отпущенъ царемъ въ деревню вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями. Въ 1629 г. онъ еще значился въ спискѣ думныхъ дворянъ, съ денежнымъ окладомъ, въ Галицкой четверти, 250 р., а въ 1638 г. скончался «въ монашествѣ». А. С. Пушкинъ выставилъ его дѣйствующимъ лицомъ въ своемъ «Борисѣ Годуновѣ».

«Акты ист.», т. II, стр. 121, 383; «Акты Архивн. Эксп.», II, 89—91, 337; «Др. Росс. Вивл.», ч. XIII, 121; XX, 88; «Разр. кн.», I; «Дворцов. разр.», т. I; Долгоруковъ, кн. П. В., «Рос. родосл. кн.», т. IV, стр. 185; «Русск. Ист. Библіот.», т. IX, стр. 418, 487; XIII, 47, 577, 729; «Опис. Госуд. Разряд. Архива», стр. 8, 294; «Акты Моск. Госуд.», ч. I, стр. 139; «Новый Лѣтописецъ», стр. 67, 68, 186; Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ, т. II, стр. 95, 467; И. Голиковъ,

«Дѣянія Петра Вел.», ч. XII, стр. 118, 122, 128, 392, 512—514, 545, 551; Карамзинъ, «Ист. Госуд. Росс.», т. XI; Соловьевъ, т. VIII, стр. 111, 116, 452; IX, стр. 14, 163, 365; «Собр. Гос. Грам. и Догов.», т. II, 293; т. III, стр. 171, 175; Б. Л. Модзалевскій. Родъ Пушкина (при Соч., изд. Брокгауза, т. I).

В. Корсакова.

Пушкинъ, *Григорій Гавриловичъ*, боярин и дворецкій, затѣмъ — бояринъ и оружничій, старшій братъ окольничаго Степана Гавриловича, сынъ Гавріила Григорьевича Пушкина. Въ окладной книгѣ 1616 г. Григ. Гавр. Пушкинъ упоминается, какъ «стряпчій съ платьемъ». Въ 1625 году, уже будучи стольникомъ, онъ находился въ свитѣ государевой при пріемѣ (17-го мая) Кизильбашскаго посла, а когда, послѣ пріема, посолъ былъ приглашенъ ко столу, то Григорій Гавриловичъ былъ среди стольниковъ, которымъ было приказано «ѣсть ставить предъ государемъ». Въ 1626 году (4-го октября) Пушкинъ съ отцомъ своимъ, думнымъ дворяниномъ Гавріиломъ Григорьевичемъ, да братомъ Степаномъ Гавриловичемъ получилъ отпускъ изъ Москвы въ деревню, но уже 5-го февраля 1626 года былъ на второй свадьбѣ Царя Михаила Ѳеодоровича въ числѣ поѣзжанъ. Въ 1630 году (11-го марта), въ виду ожидавшагося набѣга крымцевъ, указано было воеводамъ быть по полкамъ, и стольникъ Г. Г. Пушкинъ назначенъ былъ 1-мъ «большимъ» воеводою сторожевого полка, стоявшаго въ Пронскѣ, откуда возвратился въ октябрѣ того же года. Въ 1632 году (5-го апрѣля) было указано ему быть «меньшимъ» воеводою въ большомъ полку въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, но въ ноябрѣ того же года полковые воеводы были отпущены. Въ 1634 году, по Поляновскому миру (заключенному 17-го мая), рѣшено было послать «межевыхъ» судей для проведенія новыхъ границъ, согласно съ условіями этого мира. Посланы они въ пять различныхъ пунктовъ, при чемъ въ Путивль были назначены: стольникъ Г. Г. Пушкинъ съ дворяниномъ Гр. Алябьевымъ и дьякомъ Нероновымъ. Въ слѣдующемъ (1635) году пограничные коммиссары («межевые судьи») опять съѣхались и опять безрезультатно. Въ августѣ 1637 года въ третій разъ былъ назначенъ пограничный съѣздъ для межеванія, при чемъ Пушкинъ былъ посланъ въ г. Брянскъ на мѣсто кн. Р. П. Пожарскаго, и только въ 1638 году удалось, наконецъ, составить запись. Въ 1639 и 1640 годахъ стольникъ Г.Г. Пушкинъ былъ городовымъ воеводою въ Путивлѣ и въ 1641 году возвратился въ Москву. Въ 1642 году (8-го мая) указано было быть воеводамъ по «мѣстамъ», и при этомъ Пушкинъ назначенъ былъ 3-мъ воеводой на Тулу. Въ 1644 году, въ февралѣ, вышелъ указъ боярину кн. Алексѣю Мих. Львову (съ титуломъ «намѣстника Суздальскаго»), да стольнику Григ. Гавр. Пушкину (съ титуломъ «намѣстника Алаторскаго») и дьяку Мих. Волошенинову отправиться въ посольство въ Польшу къ королю Владиславу III, съ порученіемъ 1) требовать наказанія и даже казни нѣкоторыхъ лицъ за умаленіе въ грамотахъ царскаго титула, 2) просить о выдачѣ плѣнныхъ и о присылкѣ межевыхъ судей (размежеваніе границъ по Поляновскому договору, несмотря на частые съѣзды, еще не закончилось) и, наконецъ, 3) требовать выдачи двухъ самозванцевъ, укрывавшихся въ Польшѣ, особенно же польскаго шляхтича Яна-Фавста Лубы, который называлъ себя сыномъ Лжедимитрія. Назначенный въ посольство, Пушкинъ въ томъ же февралѣ 1644 года былъ пожалованъ изъ «стольниковъ» въ «думные дворяне». Въ маѣ посольство отправилось изъ Москвы. Вскорѣ по пріѣздѣ послы договорились о титулѣ и рубежахъ, а наконецъ и о выдачѣ Лубы. Какъ ни старались польскіе паны отстоять шляхтича Лубу и не выдать его, но послы добились все-таки и этого, однако съ условіемъ, чтобы Государь не велѣлъ казнить присланнаго съ польскими послами Лубу, но съ ними же отослалъ обратно. Кромѣ того, послы, для вѣроятности, потребовали отъ пановъ «укрѣпленья за руками и печатями» и вдобавокъ пригрозили, что если Луба не будетъ присланъ, то заключенный теперь договоръ будетъ «не въ приговоръ и межи — не въ межу». Обѣщаніе, какъ извѣстно, было выполнено Поляками въ томъ же году. Государь былъ очень доволенъ результатами посольства, и глава посольства, бояринъ Львовъ, былъ пожалованъ «дворечествомъ съ путемъ», а Пушкинъ изъ думныхъ дворянъ пожалованъ въ окольничіе, хотя только что передъ посольствомъ, въ томъ же году, пожалованъ былъ въ думные дворяне. Кромѣ того, послы были пожалованы приглашеніемъ (17-го

ноября) къ столу Государеву, а послѣ стола награждены подарками: Пушкинъ получилъ «шубу атласъ золотной», «кубокъ», да придачу къ прежнему денежному окладу. Въ томъ же году, когда польскіе послы прибыли къ Государю и послѣ аудіенціи должны были быть «въ отвѣтѣ у бояръ», среди бояръ находился и окольничій Гр. Гавр. Пушкинъ. Въ 1646 году, 3-го января, Государь послалъ его въ товарищи-воеводы къ боярину кн. Алексѣю Никит. Трубецкому, но 4-го марта онъ получилъ важное самостоятельное порученіе отправиться посольствомъ въ Шведскую землю къ королевѣ Христинѣ, для подтвержденія прежняго Столбовскаго договора. Пушкинъ, по мнѣнію московской дипломатіи того времени, добился прекрасныхъ результатовъ: королева подтвердила договоръ, хотя въ грамотѣ къ ней имя Государя было написано съ «повышеніемъ», а имя королевы «съ умаленіемъ». Вскорѣ по возвращеніи въ Москву (15-го августа 1646 г.) Пушкинъ былъ пожалованъ изъ окольничихъ въ бояре, а 30-го января получилъ титулъ «оружничаго съ путемъ». Въ 1648 году, 16-го января, онъ былъ на свадьбѣ царя Алексѣя Михаиловича «сидячимъ бояриномъ» со стороны Государыни, вмѣстѣ съ бояриномъ кн. Мих. Мих. Темкинымъ-Ростовскимъ, а жена его, Ульяна Осиповна, была также со стороны Государыни «въ сидячихъ боярыняхъ». Несмотря на пожалованіе боярствомъ въ 1646 году, Пушкинъ еще въ 1648 году не былъ поверстанъ въ соотвѣтствующій окладъ, и только послѣ подачи, въ августѣ 1648 года, челобитной былъ поверстанъ окладомъ. Во время мятежа (3-го февраля 1649 г.) домъ Пушкина, находившійся на Дмитровкѣ, въ Москвѣ, въ Бѣломъ городѣ, наравнѣ съ домами нелюбимыхъ народомъ лицъ, подвергся разграбленію и разрушенію. Въ томъ же 1649 году (29-го ноября) указано было боярину и оружейничему Пушкину, получившему для посольства титулъ «намѣстника Нижняго-Новгорода», съ братомъ своимъ, окольничимъ Степ. Гавр. Пушкинымъ, получившимъ прежній посольскій титулъ брата — «намѣстника Алаторскаго», отправиться въ Польшу въ посольство къ новому королю Яну-Казиміру. Цѣлью посольства было поздравить новаго короля съ принятіемъ престола, подтвердить Поляновскій договоръ и требовать наказанія тѣмъ лицамъ, которые пишутъ и печатаютъ предосудительныя для Россіи книги, а также о выдачѣ самозванца Анкундинова. Выѣхавъ 8-го января 1650 года, послы прибыли въ Варшаву и послѣ переговоровъ добились того, что въ присутствіи пословъ (9-го іюля) книги, оскорбительныя для Россіи, были на площади сожжены, а съ королемъ учиненъ новый договоръ, Поляновскій же договоръ (1634 г.) подкрѣпленъ новой королевской ратификаціей. По возвращеніи изъ посольства, въ томъ же (1650) году П. былъ пожалованъ (22-го октября) за «службу посольскую» къ царскому столу, а послѣ стола ему были даны въ награду: «шуба бархатъ золотной», кубокъ, придачи къ прежнему окладу 100 рублей, да кромѣ того изъ государевыхъ дворцовыхъ волостей село Голенищево съ деревнями «въ вотчину». Въ томъ же (1650) году, когда пришла вѣсть въ Москву, что ханъ Крымскій вышелъ изъ Крыма съ войскомъ и стоитъ уже на Орлѣ и оттуда ведетъ переговоры съ Черкасами, чтобы вмѣстѣ двинуться на Украйну, то 7-го ноября этого года указано было послать воеводъ по «мѣстамъ», а не по «полкамъ», при чемъ на Тулу 2-мъ «меньшимъ» воеводою посланъ былъ боярин и оружничій Г. Г. Пушкинъ (1-мъ воеводою былъ боярин кн. Алексѣй Никитичъ Трубецкой). Когда въ 1652 году, въ одну изъ отлучекъ Государя изъ Москвы, во время «похода на богомолье», случился въ Москвѣ сильный пожаръ, то Государь напередъ себя выслалъ въ Москву съ похода 4-хъ бояръ, находившихся съ нимъ, и среди нихъ и Г. Г. Пушкина. Въ 1654 году онъ принималъ участіе въ Польской войнѣ, находясь въ походѣ Государя подъ Смоленскъ. Когда Государь, по взятіи Смоленска и другихъ городовъ, пошелъ въ Вязьму, то Смоленскъ поручилъ Пушкину и сдѣлалъ его главнымъ воеводою этого города, а воеводамъ другихъ окрестныхъ и новозавоеванныхъ городовъ приказалъ ссылаться обо всѣхъ дѣлахъ съ Пушкинымъ. Въ Смоленскѣ Пушкинъ былъ и въ 1655 году. Такъ, извѣстно, что туда 17-го марта 1655 года Государь, находясь въ то время въ Вязьмѣ, послалъ стольника Сем. Дан. Змѣева «съ своимъ государевымъ жалованьемъ, съ милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивать». Но въ маѣ 1655 года,

когда Государь изъ Смоленска возвратился въ Москву, то съ нимъ возвратился и Пушкинъ. Во время морового повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ Москвѣ въ 1654 и отчасти въ 1655 году, эпидемія произвела страшныя опустошенія и въ домѣ Пушкина въ Москвѣ, такъ что изъ 27-ми человѣкъ его дворни осталось въ живыхъ только двое. Скончался Пушкинъ въ слѣдующемъ, 1656 году. Григорій Гавріиловичъ Пушкинъ принадлежалъ къ одной изъ старшихъ вѣтвей рода и былъ не только самымъ виднымъ представителемъ своей вѣтви, но и всего рода Пушкиныхъ стараго времени; онъ пользовался большою любовью царя Алексѣя Михаиловича, который высоко цѣнилъ его дипломатическія способности.

«Акты Истор.», т. IV, стр. 351; «Дополн. къ Акт. Истор.», т. III, стр. 510; «Акты Московск. Госуд.», т. I и II; «Собр. Госуд. Грам. и Догов.», т. Ш, стр. 483, 527; т. IV, стр. 170; «Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.», т. IV, стр. 338, 340; «Лѣтопись Грабянки», стр. 93; «Лѣтопись Самовидца», стр. 227; «Лѣтопись Величко», т. I, стр. 197; «Памятн. Дипом. Сношен.», т. III, V, VI, VII, IX; «Древн. Росс. Вивліое.», изд 2-е, кн. XIII, ч. XVII, стр. 160; ч. XVШ, стр. 175, 179, 192, 193, 196, 208; кн. XX, ч. I, стр. 101, 103, 104, 111; ч. III, стр. 327, 410; «Русск. Истор. Библіот.», т. IX; И. Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», изд. 2-е, т. XII, стр. 573; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ отд. Собств. Е. И. В. Канцел.», т. II, стр. 217, 223, 248, 256, 261, 262, 263, 264, 306, 639, 641, 658, 659, 660, 661, 691; «Дворцовые Разряды», т. I, стр. 685, 691, 776, 1219, т. II, стр. 5, 124, 126, 127, 130, 170, 209, 241, 268, 345, 382, 383, 386, 392, 399, 414, 436, 514, 515, 571, 576, 614, 638, 672, 680, 703, 730, 731, 742, 743, 744, 747, 748, 751, 755, 839, т. Ш, стр. 7, 18, 24, 31, 42, 48, 56, 57, 67, 72. 76, 79, 88, 89, 95, 110, 116, 130, 140, 185, 193, 196, 197, 200, 204, 205, 209, 212, 229, 240, 249, 250, 255, 261, 265, 280, 290, 307, 313, 315, 318, 320, 331, 342, 347, 354, 358, 369, 404, 405, 413, 451, 452, 464, 479, 488; Доп. къ Ш т., стр. 21, 186; Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки въ XVI ст.»; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 г.», т. III, стр. 119, 122, 129; Олеарій, «Путешествіе Олеарія». Переводъ П. Барсова (Чт. въ М. Общ. Истор. и древн. Росс. 1870 г.); Н. Н. Оглоблинъ, «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа», т. I; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. Т-ва Общественная Польза, кн. II, т. IX, 1285 — 1290, 1643, 1645, 1679; А. П. Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», кн. IV; А. П. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ»; Н. Берхъ, «Систематич. списки бояръ, окольн., думн. двор. съ 1468 года до уничтоженія сихъ чиновъ», С.-Пб. 1833; «Архивъ Истор.-Юрид. Свѣд., подъ ред. Н. В. Калачева (см. сообщ. Ѳ. Б. Глѣбовымъ-Стрѣшневымъ «Списокъ бояръ, окольн. и другихъ чиновъ съ 1578 года до царств. Ѳеодора Алексѣев.»), кн. II, полов. I, отд. II, стр. 121—144; П. И. Ивановъ, «Указатель къ боярскимъ книгамъ»; Б. Л. Модзалевскій. Родъ Пушкина (при Соч., изд. Брокгауза, т. I).

Н. В-н-въ.

Пушкинъ, *Григорій Григорьевичъ*, по прозвищу «Сулемша». Въ 1572 г. онъ былъ «поддатней» въ походѣ къ Новгороду. Въ 1606 г., на свадьбѣ перваго Лжедмитрія съ Мариной Мнишекъ, находился въ числѣ поѣзжанъ. Стоя затѣмъ на сторонѣ царя Василія Шуйскаго, П. въ 1607 г., говоритъ Карамзинъ, «спасъ Нижній Новгородъ, усмирилъ бунтъ въ Арзамасѣ, въ Ардатовѣ и еще приспѣлъ къ Хилкову въ Каширу, чтобы итти съ нимъ къ Серебрянымъ Прудамъ, гдѣ они и истребили скопище злодѣевъ и взяли ихъ двухъ начальниковъ». Въ 1608 г. онъ былъ вторымъ воеводой въ большомъ полку, а въ 1612 г.— вторымъ воеводой въ Вологдѣ, при князѣ Ив. Ив. меньшомъ Одоевскомъ; въ 1614 г.— воеводой тамъ же, сначала при кн. Одоевскомъ, а потомъ при кн. Мих. Гр. Темкинѣ-Ростовскомъ. Сохранилось нѣсколько наказныхъ памятей вологодскимъ монастырямъ, главнымъ образомъ Прилуцкому, о сборахъ повинностей на содержаніе ратныхъ людей; но всѣ онѣ, за исключеніемъ одной, писаны отъ имени обоихъ вологодскихъ воеводъ. Единственная грамота, писанная, 27-го октября 1612 г., отъ имени П. игумену Прилуцкаго монастыря Тихону о сборѣ съ вотчинъ какъ этого монастыря, такъ и Корнильева монастыря, 48 ратныхъ человѣкъ съ самопалами, заканчивается приказомъ, «чтобъ тѣ ратные люди были молоды и рѣзвы и стрѣляти были изъ пищалей горазды, и не воры бъ и не бражники и не зернщики; а запасу бъ съ собою въ городъ въ осадъ взяли на пять мѣсяцовъ». Въ 1616—1618 гг. П. упоминается, какъ воевода въ Ярославлѣ.

«Акты Юрид.», стр. 234, 263—268; «Дополн. къ акт. ист.», I, стр. 307; «Акты Арх. Эксп.», II, 366; Ш, 73; «Разрядн. кн.», I; «Дворцов. разр.», т. I; «Синб. Сб.», стр. 32; «Др. Росс. Вивл.», XIII, стр. 17, 426; Н. Лихачевъ, «Разрядные дьяки», стр. 350; кн. П. В. Долгоруковъ, «Росс. родосл. кн.», т. IV, стр. 185; Карамзинъ, «Исторія Госуд. Россійск.», т. XII.

В. Корсакова.

Пушкинъ, *Евстафій (Остафій) Михайловичъ*, думный дворянинъ. Въ 1572 г., во время польско-ливонской войны, онъ «дозиралъ сторожи» въ царскомъ станѣ, въ

1573 г. находился въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ Ливонскаго короля Магнуса съ княжной Марьей Владиміровной Старицкой, а въ 1574 г. былъ воеводой въ Новосили и затѣмъ — полковымъ воеводой въ правой рукѣ. Въ 1576—77 гг. П. снова участвовалъ въ польско-ливонской войнѣ и былъ вторымъ воеводой въ передовомъ полку, въ 1579 г. воеводой «у наряду», а въ 1580 г.— однимъ изъ полковыхъ воеводъ въ Смоленскѣ, въ «большомъ городѣ»; по этому поводу онъ билъ челомъ царю, что писанъ послѣ кн. Ивана Гагарина, но царь указалъ увѣдомить П., что велѣно быть въ Смоленскѣ воеводамъ безъ мѣстъ со старшимъ воеводой кн. Курлятевымъ. Въ 1581 г., въ половинѣ апрѣля, было отправлено къ Стефану Баторію посольство, состоявшее изъ Пушкина (имѣвшаго титулъ намѣстника Муромскаго), Ѳ. А. Писемскаго и дьяка Трифонова. Въ наказѣ имъ говорилось, между прочимъ, слѣдующее: «Послы не должны отдавать вѣрющей грамоты никому, кромѣ короля; должны требовать, чтобъ ихъ непремѣнно предъставили Баторію; а если станутъ ихъ укорять или безчестить, или бранить, или бить, то на укоризну, безчестье и брань отвѣчать, смотря по дѣлу, что будетъ пригоже, и какъ ихъ Богъ вразумитъ, слегка, а не браниться, противъ побоевъ терпѣть, и стоять накрѣпко, чтобъ ихъ отпустили къ королю, а пока у короля не будутъ, до тѣхъ поръ грамоты вѣрющей никому не давать и посольства ни передъ кѣмъ не править». Послы были представлены королю въ Вильнѣ 27-го мая 1581 г. и передали о желаніи царя Іоанна удержать за собой четыре города въ Ливоніи: Нейгаузъ, Нейшлосъ, Нейрмюленъ и Нарву. Король требовалъ возвращенія всѣхъ городовъ, безъ исключенія, съ извѣстіемъ о чемъ и отправилъ гонца въ Москву, а польскіе вельможи сказали посламъ: «вы пришли не съ посольствомъ, а съ торговлею о Ливоніи, т.-е. опять съ бездѣльемъ».

Въ іюнѣ 1581 г. Пушкинъ и Писемскій писали царю Іоанну изъ Вильны, что бѣжавшій изъ Московскаго государства въ Литву Давыдъ Бѣльскій часто бываетъ у короля и разсказываетъ ему «про всякія Государевы дѣла». 20-го іюня Стефанъ Баторій уѣхалъ изъ Вильны и велѣлъ П-ну и Писемскому слѣдовать за собой.— По возвращеніи изъ посольства въ Польшу въ 1582 г., П. и Писемскій были назначены для переговоровъ съ папскимъ посломъ Антоніемъ Поссевиномъ, что̀ доказываетъ, что царь Іоаннъ имѣлъ высокое мнѣніе о ихъ дипломатическихъ способностяхъ.

Въ 1583 г. П. былъ въ числѣ судей, посланныхъ на литовскій рубежъ, для размежеванія спорныхъ земель, а въ 1584 г. былъ однимъ изъ воеводъ въ Новгородѣ. Въ 1588 г., въ ожиданіи прихода крымскаго хана, онъ былъ береговымъ воеводой, у обоза. Въ 1591 г. посланъ въ Астрахань разслѣдовать дѣло о скоропостижной смерти царевича Муратъ-Гирея, бывшаго приверженцемъ Россіи. По приказанію царя Ѳеодора Іоанновича, П. пыталъ «вѣдуновъ», будто бы «испортившихъ» царевича; не добившись ничего пыткой, онъ призвалъ лѣкаря арапа и велѣлъ ему допрашивать ихъ, а потомъ сжечь.

Въ 1592 г., съ титуломъ намѣстника Елатомскаго, П. былъ назначенъ вести переговоры со шведскими послами на рѣкѣ Наровѣ и 18-го мая 1595 г. подписалъ Тявзинскій договоръ о мирѣ и объ уступкѣ Россіи Кореліи. Въ 1597 г. онъ присутствовалъ при торжественномъ пріемѣ царемъ въ Золотой Палатѣ посла Нѣмецкаго императора, въ 1598 г. былъ думнымъ дворяниномъ и подписался подъ соборнымъ опредѣленіемъ объ избраніи на царство Бориса Годунова. 2-го февраля 1601 г. «послалъ царь Борисъ въ Сибирь Пушкиныхъ Остафья съ братьею за опалу, что на него доводили люди его, Филипка да Гришка; помѣстья и вотчины велѣлъ отписать, а животы распродать». Пушкинъ былъ посланъ въ это время въ Тобольскъ вторымъ воеводой, а главнымъ воеводой тамъ былъ Ѳеод. Ив. Шереметевъ; Пушкинъ умеръ въ Тобольскѣ въ 1603 г.

«Др. Росс. Вивл.», т. III, стр. 116; XIII, 101, 446, 448; XIV, 381, 439, 447; XX, 72; «Акты Арх. Эксп.» т. II, стр. 42; «Новый Лѣтописецъ», стр. 19, 20, 31; «Синб. Сборн., стр. 37, 44, 45, 46, 60, 77, 99, 144; «Отеч. Зап.» 1830 г., ч. 44, стр. 151, 163, 168; А. Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», т. II, стр. 61, 66; Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., тт. IX, X и XI; Н. Лихачевъ, Разрядные дьяки, стр. 231; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI, с. 375—376; т. VII, 436—437; кн. П. В. Долгоруковъ, Росс. родосл. книга, т. IV, стр. 185; Б. Л. Модзалевскій. Родъ Пушкина (при Соч., изд. Брокгауза, т. I).

В. Корсакова.

Пушкинъ, *Иванъ Ивановичъ*, стольникъ и воевода; въ 1615 г. былъ рындой

при пріемѣ англійскаго посла Джона Мерика. Въ 1616 г. назначенъ воеводой въ Михайловъ, но, вслѣдствіе его челобитья, отозванъ въ Москву, такъ какъ въ Переяславль, считавшійся выше Михайлова, одновременно съ нимъ былъ назначенъ воеводой Ив. Александр. Колтовской, съ которымъ Пушкину было «невмѣстно» служить въ «меньшихъ». Въ томъ же 1616 году, во время «похода» царя Михаила Ѳеодоровича въ с. Рубцово, П. смотрѣлъ тамъ въ кривой столъ. Въ 1617 г. онъ былъ посланъ въ Ярославль собирать дворянъ и дѣтей боярскихъ, Смольянъ и Вязмичей, испомѣщенныхъ въ Ярославскомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ; собравъ ихъ, онъ долженъ былъ привести ихъ въ Москву, что̀ и исполнилъ. Въ 1620—22 гг. П. былъ главнымъ воеводой въ Верхотурьѣ. Къ этому времени относится много царскихъ грамотъ П-ну, изъ которыхъ мы узнаемъ, во-1-хъ, обязанности, которыя возлагались на верхотурскихъ воеводъ, во-2-хъ, экономическія и общественныя условія жизни тамошнихъ русскихъ насельниковъ и туземцевъ-инородцевъ и фискальныя распоряженія Московскаго правительства по отношенію къ тѣмъ и другимъ; въ-3-хъ, порядки, существовавшіе въ то время относительно «сибирскаго торга»; въ-4-хъ, разныя особыя характерныя обстоятельства, имѣвшія мѣсто въ первой четверти XVII в. въ Верхотурскомъ уѣздѣ, — этомъ преддверіи Сибири. Изъ этихъ грамотъ мы извлекаемъ слѣдующія данныя: 1) Пушкинъ долженъ былъ оказать содѣйствіе Тороканову, отправленному на Верхотурье для описи острога, селъ и деревень, т.-е. дать ему подъячаго, плотниковъ для острожной смѣты, людей «въ дозоръ» и сколько понадобится пушкарей для разсылки; 2) вслѣдствіе челобитья верхотурскихъ ямскихъ охотниковъ, получавшихъ лишь по 7 рублей жалованья въ годъ и сильно обѣднѣвшихъ, прибавить имъ по 3 р. на годъ. Черезъ годъ послѣ этой прибавки верхотурскіе ямщики просили сравнять ихъ съ туринскими и тюменскими ямщиками, получавшими по 15 р. и содержавшими гоньбу лошадей на двухъ дорогахъ, тогда какъ верхотурскіе ямщики гоняли на семь дорогъ: велѣно давать имъ жалованья тоже по 15 р.; 3) имѣть строгій надзоръ за товарами, которые ввозятся въ Сибирь и вывозятся оттуда. Въ Сибирь торговые люди не смѣли безъ проѣзжихъ грамотъ провозить заповѣдныхъ товаровъ — шлемовъ, панцырей, копій, топоровъ, ножей и стрѣлъ: все это они должны были объявлять въ Верхотурьѣ и платить пошлины. Изъ Сибири велѣно отправлять служилыхъ людей съ «соболиною казною» въ Москву, выдавъ имъ роспись, къ которой поименовать всѣхъ служилыхъ людей и отправляемые мѣха; эта предосторожность была необходима для того, «чтобъ торговые люди, которые съ ними будутъ, своихъ товаровъ за нашею (т.-е. государевою) казною не провозили и не таили». Насколько значителенъ былъ отправляемый изъ Верхотурья ясакъ, видно изъ того, что по сибирской цѣнѣ, весьма низкой, въ Приказѣ Казанскаго Дворца было принято пушного товара осенью 1620 г. на 555 р. — Кромѣ желѣзныхъ издѣлій и мѣховъ, правительство было вынуждено обращать особенное вниманіе на упорядоченіе хлѣбной торговли: пріѣзжіе торговцы закупали въ Верхотурьѣ хлѣбъ и отвозили его на продажу въ Мангазею, вслѣдствіе чего богатѣли, а служилые люди терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ, вслѣдствіе его дороговизны. Чтобы заставить верхотурскихъ воеводъ строже относиться къ хлѣбному дѣлу, была прислана имъ грамота, которая заканчивалась такъ: «А будетъ у васъ на Верхотурьѣ впередъ, вашимъ небереженьемъ, учнутъ закупщики хлѣбъ въ отвозъ закупати, на продажу, и хлѣбъ вздорожатъ (sic!), и въ томъ служилымъ людемъ будутъ нужи,—и вамъ отъ насъ за то быти кажненымъ смертью»; 4) оберегать новоприбылыхъ пашенныхъ крестьянъ отъ притѣсненій и обидъ разныхъ сибирскихъ служилыхъ и проѣзжихъ людей, а также призывать и впредь вольныхъ людей на пашню на льготные годы; 5) оказать верхотурскому Покровскому женскому монастырю вспомоществованіе деньгами, выдавъ десяти старицамъ по два рубля на одинъ годъ, а затѣмъ устроить ихъ пашнею, сѣнными покосами и рыбною ловлею. Какъ видно изъ позднѣйшей царской грамоты 1645 г., ни Пушкинъ, ни его преемники не исполнили этого; 6) перевести изъ Верхотурья въ Казань Иваниса Ододурова, сосланнаго въ Сибирь со всей семьей въ государевой опалѣ, такъ такъ хлѣбъ въ Верхотурьѣ дорогъ, и Ододуровъ билъ челомъ, что ему недостаточно

отпускаемыхъ изъ казны на прокормъ денегъ; 7) перевести изъ Верхотурья въ Нижній-Новгородъ бывшую царскую невѣсту Настасью (Марію) Хлопову, съ бабкою и дядями ея Желябужскими; 8) принять хлѣбные запасы, присланные для сибирскаго архіепископа Кипріана, и выдавать ему ежегодно по сту ведеръ вина для домашняго обихода; 9) собирать въ казну хлѣбъ съ верхотурскихъ ружниковъ и оброчниковъ, занимающихся хлѣбопашествомъ; 10) наблюдать, чтобы люди Строгоновыхъ не ловили звѣрей и рыбы у Вогуличъ въ Чусовской волости; 11) прислать въ Москву списокъ съ окладныхъ книгъ и царскихъ грамотъ и наказовъ, посланныхъ на Верхотурье до Московскаго разоренья; 12) не вступая ни въ какія духовныя дѣла, служилыхъ людей унимать отъ всякаго «дурна», наказывать ослушниковъ архіерея и его десятильниковъ; строго приказывать сборщикамъ ясака съ татаръ, вогуличей и остяковъ не брать съ нихъ ничего лишняго и не причинять имъ никакихъ насилій, а самимъ воеводамъ тоже не брать посуловъ и поминковъ.

Мы не знаемъ, какого рода службу несъ П. по возвращеніи съ Верхотурья, вплоть до 1626 г., но въ этомъ году онъ былъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ, для береженья отъ огня, отъ Покровской улицы по Яузскія ворота и по Васильевскому лужку; затѣмъ отпущенъ былъ въ деревню, а на его мѣсто въ объѣздъ назначенъ князь Никиф. Яковл. Мещерскій. Въ 1626—27 гг. П. сопровождалъ царя въ Троице-Сергіевъ монастырь и въ с. Рубцово и нѣсколько разъ обѣдалъ за царскимъ столомъ. Въ 1628 и 1631 гг. былъ въ Украинномъ Разрядѣ воеводой въ большомъ полку на Тулѣ.

«Разрядн. книги», т. I и II; «Акты истор.», т. III; Русск. Историч. Библ., т. II и IX (см. указатели); «Дворц. разр.», т. I и II.

В. Корсакова.

Пушкинъ, *Иванъ Михайловичъ* Большой, думный дворянинъ. Съ 1574 по 1583 г. онъ былъ ловчимъ при царѣ Іоаннѣ IV; въ 1577—78 гг. участвовалъ въ Ливонскомъ походѣ, а въ 1582 г., съ титуломъ намѣстника Рязанскаго, ѣздилъ въ Варшаву вмѣстѣ съ дворяниномъ кн. Дм. Петр. Елецкимъ, чтобы взять съ короля Стефана Баторія присягу въ вѣрномъ соблюденіи договора. Въ 1586 г. онъ сопровождалъ въ Астрахань пріѣзжавшаго къ царю Астраханскаго царевича Муратъ-Гирея, а въ 1591 г. — былъ вторымъ воеводой въ Астрахани, при главномъ воеводѣ кн. Ив. Вас. Сицкомъ. Въ 1594 г., вмѣстѣ съ кн. Лукой Ос. Щербатовымъ, П. встрѣчалъ пословъ Нѣмецкаго императора; они же были и приставами при послахъ. Въ 1598 г. П. подписался подъ соборнымъ опредѣленіемъ объ избраніи въ цари Бориса Годунова; въ 1601 г., іюля 29-го, былъ посланъ вмѣстѣ съ окольничимъ Бутурлинымъ въ новый Борисовъ городокъ для размѣна московскихъ и крымскихъ пословъ; въ томъ же 1601 г. П., вмѣстѣ съ братомъ своимъ Леонтіемъ, былъ сосланъ царемъ Борисомъ въ Сибирь за то, что они били челомъ на кн. Андрея Елецкаго въ отечествѣ и тѣмъ «царя раскручинили...; помѣстья и вотчины у нихъ велѣно отписать, а животы распродать». Возвращенный изъ Сибири по смерти Бориса Годунова, П. въ 1608 г., на свадьбѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго, былъ дружкой у государыни, а жена его Елена — свахой. Какъ сказано въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ», онъ убитъ въ 1612 г. «въ разоренье».

«Акты ист.», т. I, стр. 436—446; «Новый Лѣтописецъ», 27; «Акты Арх. Эксп.», т. II, стр. 43; «Дворц. разр., т. I, стр. 96; «Древн. Росс. Вивл.», т. XIII, стр. 123; т. XX, стр. 53, 58, 85; «Акты Моск. Госуд.», т. I, стр. 39; «Синб. Сб.», стр. 60, 128; «Отеч. Зап.» 1830 г., ч. 44, стр. 151; Соловьевъ, Ист. Россіи, т. IX, стр. 38; кн. П. В. Долгорукій, Росс. род. кн., ч. IV, стр. 188.

В. Корсакова.

Пушкинъ, *Иванъ Никитичъ*, воевода; въ 1611 г. былъ «стряпчимъ съ платьемъ»; въ 1616 г. — стольникомъ, съ помѣстнымъ окладомъ въ 700 чети и съ жалованьемъ въ 50 рублевъ. Въ 1617 г. П. «смотрѣлъ въ кривой столъ» за царскимъ обѣдомъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ 1623 г. былъ воеводой въ Мангазеѣ, въ 1632 г.— въ Кайгородкѣ, въ 1637 г.—въ Алатырѣ, въ 1643—47 гг.—въ Казани и въ 1649 г.— въ Пелымѣ. Въ промежуткахъ между воеводствами П. бывалъ за царскимъ столомъ, сопровождалъ царя Михаила Ѳеодоровича въ загородныхъ «походахъ» и видѣлъ его «государевы очи» въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Въ 1642 г. онъ участвовалъ въ Земскомъ Соборѣ, на которомъ обсуждался вопросъ, отдать ли тур-

камъ обратно взятый у нихъ донскими казаками Азовъ, или удержать его. Въ 1648 г. П., на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Марьей Ильинишной Милославской, шелъ за санями невѣсты, когда ѣхали въ Соборную церковь, а въ 1654 г. сопровождалъ царицу Марью Ильинишну въ Троице-Сергіевъ монастырь.

«Разр. книги», т. I и II; «Дв. разр.», т. I, II и III; Русск. Ист. Библ., т. IX и X; «Собр. Гос. Грам. и Догов.», т. III, стр. 380; «Др. Рос. Вивл.», ч. III, стр. 178; ч. XIII, стр. 202; «Акты Моск. Госуд.», т. I, стр. 2; «Акты Казанскаго края», собр. Мельниковымъ, т. I, стр. 25.

В. Корсакова.

Пушкинъ, *Иванъ Ѳеодоровичъ.* Въ 1646 г. нѣсколько разъ, во время отсутствія царя изъ Москвы, въ числѣ другихъ лицъ, дневалъ и ночевалъ на государевѣ дворѣ; въ 1648 г. былъ въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Марьей Ильинишной Милославской и въ концѣ этого года пожалованъ изъ жильцовъ въ стряпчіе. Въ 1649—1651 гг. онъ сопровождалъ царя въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, въ с. Коломенское и въ с. Хорошево. Въ 1656 г., мая 4-го, когда въ Золотой Палатѣ былъ пріемъ пословъ Нѣмецкаго императора Фердинанда, и рындами были назначены два князя Прозоровскихъ и Матвѣй Степ. и Ив. Ѳеод. Пушкины,—то, вслѣдствіе челобитья Ив. Ѳсод., что это назначеніе для него «невмѣстно», по ровенству съ Матвѣемъ Степ., онъ былъ отставленъ, и его замѣнилъ Ив. Аѳ. Прончищевъ. Три мѣсяца спустя, во время Польскаго похода, послѣ взятія Динабурга, у царя Алексѣя Михайловича въ шатрѣ былъ пріемъ другихъ пословъ — венгерскихъ и молдавскихъ—и гонца отъ Бранденбургскаго курфюрста; при отпускѣ ихъ, 6-го августа 1656 г., рындами были Н. И. и М. В. Шереметевы, а въ другой парѣ—Ив. Ѳедор. и Матв. Степ. Пушкины; дѣло на этотъ разъ обошлось безъ мѣстничества. Въ 1660 и 1671 гг. П. былъ чашникомъ во время торжественныхъ обѣдовъ, на которыхъ присутствовали грузинскій царевичъ Николай Давидовичъ и польскіе посланники. Въ 1669 г. онъ дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Симеона Алексѣевича, а въ 1670 г. — при гробѣ царевича Алексѣя Алексѣевича. Съ 13-го марта 1673 г. по 9-ое марта 1676 г. П. былъ товарищемъ воеводы въ Тобольскѣ при боринѣ Петрѣ Мих. Салтыковѣ. Такъ какъ 9-го марта 1676 г. Салтыковъ «со всѣмъ домомъ своимъ поѣхалъ къ Москвѣ, по государеву указу, не дожидаяся перемѣны», то «досиживалъ до перемѣны товарищъ его — стольникъ Пушкинъ съ дьяками». Ровно мѣсяцъ спустя, 9-го апрѣля 1676 г., пріѣхалъ новый воевода, бояринъ Петръ Вас. Большой Шереметевъ. Въ краткій промежутокъ самостоятельнаго воеводства въ Тобольскѣ, Пушкину пришлось въ день Вербнаго Воскресенія участвовать въ обрядѣ «шествія на ослятѣ». Въ качествѣ исправлявшаго должность главнаго воеводы П., согласно царскому указу 1669 г., когда впервые введенъ этотъ обрядъ въ Тобольскѣ, велъ подъ уздцы осла, на которомъ сидѣлъ митрополитъ сибирскій Кипріанъ. Съ 23-го ноября 1676 г. по 14-ое января 1679 г. П. былъ воеводой въ Верхотурьѣ, но со 2-го мая до 27-го сентября 1678 г., «въ перемѣну Тобольскаго воеводы Петра Васильевича Меньшого Шереметева», находился въ Тобольскѣ, а на его мѣстѣ въ Верхотурьѣ былъ временно воеводою стольникъ Род. Мих. Павловъ. Во время воеводства на Верхотурьѣ П. получилъ много царскихъ грамотъ, касавшихся ловли кречетовъ, правилъ провоза мягкой рухляди изъ Сибири, выдачи жалованья служилымъ людямъ, заготовки хлѣба и провѣрки монастырскихъ земель. Приводимъ вкратцѣ ихъ содержаніе, а также и содержаніе донесеній Пушкина. Вскорѣ послѣ своего назначенія на Верхотурье П. доносилъ о недостаткѣ оружія не только въ новой Аятской слободѣ, но и во многихъ другихъ слободахъ и даже въ самомъ Верхотурьѣ, гдѣ имѣлось лишь четыре пушки и двѣнадцать мушкетовъ и пищалей солдатскихъ, да и тѣ безъ ложъ и безъ замковъ. Вслѣдствіе этого, П. опасался, что, въ случаѣ нападенія на разныя слободы уфимскихъ башкиръ и кунгурскихъ татаръ, нельзя будетъ противостоять имъ. О недостаткѣ оружія доносилъ и Хрущовъ, бывшій воеводой на Верхотурьѣ за два года до П., но тщетно; не знаемъ, какой отвѣтъ послѣдовалъ на донесеніе П-на, но напоминаній съ его стороны о присылкѣ оружія больше не встрѣчается.

Какъ извѣстно, царь Алексѣй Михайловичъ былъ великій любитель соколиной

охоты, а потому неудивительно, что посылались грамоты и въ Тобольскъ, и на Верхотурье съ подробными наставленіями, сколько какихъ кречетовъ и челиговъ доставлять въ Москву. Въ грамотѣ отъ 27-го іюня 1678 г. требуется присылка только самыхъ лучшихъ кречетовъ и челиговъ красныхъ, подкрасныхъ и цвѣтныхъ, а если попадутся сѣрые и крапленые — тѣхъ велѣно отпускать на волю. Если посланные кречеты и челиги умрутъ въ дорогѣ, то «помыкальщики» должны вернуться на Верхотурье и вновь взять оттуда кречетовъ, а безъ птицъ отнюдь въ Москву не являться. — Въ виду важнаго значенія торговли сибирскими мѣхами, принимались мѣры противъ тайнаго провоза ихъ: 2-го декабря 1678 г. П. получилъ изъ Сибирскаго Приказа грамоту, чтобы верхотурскіе таможенные головы строго обыскивали всѣхъ, ѣдущихъ изъ сибирскихъ городовъ въ Москву, и не допускали бы тайнаго провоза мягкой рухляди. Дозволено везти только двѣ или три шубы лисьихъ красныхъ, куньихъ или бѣличьихъ, купленныхъ для проѣзда, а остальное все отбиралось въ царскую казну. Точно такъ же, если у тобольскихъ и томскихъ большихъ воеводъ, возвращавшихся въ Москву, окажется больше, чѣмъ на 500 рублей, а у воеводъ остальныхъ городовъ, воеводскихъ товарищей и дьяковъ больше, чѣмъ на 300 рублей, то излишекъ противъ этой суммы велѣно отбирать въ казну. — Была послана царская грамота въ Тобольскъ боярину и воеводѣ Петру Вас. Шереметеву, чтобы изъ ясачной казны оставить соболей и «недособолей» для отправки въ Китай; но такъ какъ, еще до полученія царскаго указа, ясачная казна могла быть провезена изъ нѣкоторыхъ городовъ мимо Тобольска, то П-ну велѣно слѣдить за этимъ, останавливать возчиковъ на Верхотурьѣ и, отобравъ что слѣдуетъ изъ мягкой рухляди, отсылать въ Тобольскъ. — Жалованье служилымъ людямъ выдавалось не только деньгами, но и «мѣновными товарами», которые нарочно для того присылались на Верхотурье. Изъ отписки П-на видно, что такого рода товары раздавались служилымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ, что выключались изъ окладовъ стрѣльцы, принятые въ службу изъ тяглыхъ людей, а относительно дѣтей боярскихъ, поверстанныхъ на выбылыя мѣста по отпискамъ тобольскихъ воеводъ, П. находился въ недоумѣніи, давать ли имъ жалованье, или нѣтъ? — Одной изъ главнѣйшихъ заботъ правительства было снабженіе хлѣбомъ служилыхъ людей сибирскихъ городовъ. До 1674 г. хлѣбъ на Верхотурье привозился изъ Устюга Великаго, Соли Вычегодской, Вятки съ пригородами, Перми, Чердыни, Кайгородка, Соли Камской, Выми и Яренска, при чемъ сошные люди тѣхъ же поморскихъ городовъ строили на Верхотурьѣ, для нагрузки хлѣбомъ, по 40 судовъ въ годъ, и имъ выдавалось изъ государевой казны по 18 р. за работу каждаго судна. Послѣ 1674 г., вслѣдствіе неурожая въ нѣкоторыхъ изъ вышеназванныхъ мѣстностей, приказано было вмѣсто хлѣба присылать оттуда на Верхотурье деньги. П. получилъ царскій указъ править на «присыльщикахъ», что не будетъ дослано, а если на нихъ доправить нечего, то давать ихъ на Верхотурьѣ на поруки, до государева указа, а въ поморскіе города не отпускать, пока не дополучитъ оттуда деньги или хлѣбъ. — Въ 1678 г. П. получилъ царскую грамоту о провѣркѣ земельныхъ угодій, рыбныхъ ловель и крестьянъ, которыми владѣли верхотурскіе монастыри по царскимъ указамъ, и въ слѣдующемъ, 1679 г. доставилъ переписныя книги если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ монастырей.

Въ 1682 г. П. былъ назначенъ воеводой въ Черниговъ и получилъ наказъ какъ относительно пріема отъ прежняго воеводы Камынина города, хлѣбной и денежной казны, вершеныхъ и невершеныхъ дѣлъ, такъ и относительно тѣхъ требованій, которыя предъявлялись къ нему, какъ къ черниговскому воеводѣ. Онъ долженъ былъ стараться, чтобы между черкасами и казаками съ одной стороны и русскими служилыми людьми съ другой — существовали мирныя отношенія, при чемъ отъ него зависѣли судъ и расправа только надъ государевыми служилыми людьми, а въ казацкія права онъ не могъ вступаться, такъ какъ казаковъ, мѣщанъ и всякихъ черниговскихъ служилыхъ людей вѣдалъ Черниговскій полковникъ. Служилыхъ людей, посланниковъ и гонцовъ изъ другихъ государствъ велѣно принимать и отпускать въ Москву послѣ подробныхъ разспросовъ и только въ такомъ случаѣ, если въ томъ

государствѣ, откуда они выѣхали, нѣтъ морового повѣтрія. Если получатся вѣсти о приходѣ непріятеля—тотчасъ же давать знать великимъ государямъ въ Москву и воеводамъ въ Кіевъ и другіе малороссійскіе города. Относительно охраны самаго города Чернигова и содержанія воинскихъ людей сдѣланы были весьма подробныя указанія: повелѣвалось какъ можно чаще осматривать земляной валъ и городовыя крѣпости, чтобы производить починку при малѣйшей неисправности и никакъ не допускать до разрушенія; точно распредѣлить, гдѣ именно въ городѣ должны стоять солдатскій полкъ, надворная пѣхота (т.-е. стрѣльцы) и пушкари, чтобы, въ случаѣ прихода непріятеля, всякій зналъ свое мѣсто, и чтобы не произошло никакого замѣшательства; не дозволять ратнымъ людямъ жить въ землянкахъ, во избѣжаніе болѣзней, и слѣдить, чтобы деревянныя избы, предназначенныя для ихъ жилья, были достаточно просторны и исправны; не обременять ратныхъ людей излишней службой и запретить начальникамъ употреблять для своего личнаго услуженія кого бы то ни было, кромѣ денщиковъ. — Въ 1684 г. П. былъ воеводой на Теркѣ и получилъ увѣдомленіе отъ кн. Андрея Ив. Голицына о походѣ донскихъ казаковъ, для грабежа, на рѣку Куму и на Калмыцкіе улусы, и о посылкѣ противъ нихъ ратныхъ людей.

«Русск. Ист. Библ.», ч. X, стр. 333, 336, 348, 423; «Акты ист.», V, 25, 36, 43, 46; «Доп. къ акт. ист.», т. VI, 292, 295; 296, 369, 373; VII, 104, 109, 114; VIII, 63, 65, 103—104, 194—198; X, 134—141; XI, 134; «Др. Росс. Вивл.», ч. III, 205, 214, 223, 227; XIII, стр. 201; XIV, 77, 86, 94; «Дв. разр.», т. III; и «Дополн.» къ III т.; А. Барсуковъ, «Родъ Шереметевыхъ», стр. т. IV, 289.

В. Корсакова.

Пушкинъ, *Левъ Сергѣевичъ*, братъ поэта; родился 17-го апрѣля 1805 г. въ Москвѣ отъ брака Сергѣя Львовича Пушкина съ Надеждой Осиповною Ганнибалъ. Старшій братъ его—Александръ, поэтъ, имѣлъ на него значительное вліяніе, и только благодаря ему имя Льва П. не покрылось забвеніемъ. Дѣтство свое онъ провелъ въ родительскомъ домѣ, въ шумной, веселой и безпорядочной свѣтской средѣ. Родители его были типичные русскіе баре средней руки, легкомысленные, безпечные, на дѣтей вниманія обращали немного; первоначальное воспитаніе П-на было поверхностное и безсистемное, лишенное дисциплины и не внушавшее ему уваженія къ труду и стремленія къ знанію. Въ 1817 г. П. былъ опредѣленъ въ Благородный Пансіонъ при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ; тамъ онъ успѣшно занимался русскимъ языкомъ и словесностью подъ руководствомъ товарища своего брата — В. К. Кюхельбекера. Курса въ Пансіонѣ, гдѣ дѣло преподаванія было поставлено плохо, П. не окончилъ, вышелъ изъ него въ 1820 г. и провелъ нѣсколько лѣтъ въ домѣ отца, занимаясь исполненіемъ порученій брата, находившагося на югѣ, въ ссылкѣ, и перепиской съ нимъ. Старшій братъ очень любилъ его, помогалъ ему деньгами, въ которыхъ онъ постоянно нуждался (тѣмъ болѣе, что отецъ П. былъ довольно скупъ), писалъ ему наставительныя письма. Въ бумагахъ А. С. Пушкина, относящихся къ 1822 г., есть даже набросокъ посланія къ Л. П., начинающійся словами: «Братъ милый, отрокомъ разстался ты со мной»... Не отличаясь пылкой натурой, П. провелъ молодость безъ тѣхъ бурь и треволненій, которыми были полны молодые годы великаго поэта. Какъ многіе изъ тогдашней молодежи, П. писалъ стихи; учась въ Пансіонѣ, онъ началъ увлекаться поэзіей и посылалъ стихи брату; но послѣдній, повидимому, не былъ ими доволенъ. Исполняя литературныя порученія Александра Сергѣевича, П. перезнакомился со всѣмъ литературнымъ міромъ, бывалъ у Н. М. Карамзина, В. А. Жуковскаго, братьевъ Н. И. и А. И. Тургеневыхъ, подружился съ П. А. Плетневымъ и барономъ А. А. Дельвигомъ, обмѣнивался посланіями съ Е. А. Боратынскимъ. Въ ноябрѣ 1824 г. П. поступилъ на службу въ Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, но служилъ вяло и неохотно и въ октябрѣ 1826 г. вышелъ въ отставку. Въ 1827 г. онъ опредѣлился юнкеромъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ и въ томъ же году, побывавъ въ походѣ, былъ произведенъ, за отличіе въ прапорщики. Живая и дѣятельная натура П., его удивительная храбрость и находчивость нашли себѣ примѣненіе въ боевой жизни. Въ 1827 и 1828 гг. онъ принималъ участіе въ Персидской кампаніи, въ 1828 и 1829—въ Турецкой, а въ 1831 г. участвовалъ въ походѣ противъ польскихъ мятежниковъ. Выйдя въ отставку съ нѣсколькими орденами, полученными за боевыя отличія, и съ чиномъ капитана, П. опять захотѣлъ

испробовать силы на гражданскомъ поприщѣ и вступилъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, но пробылъ въ этой службѣ недолго. Въ 1836 г. П. опять вернулся въ ряды Кавказской арміи и, въ качествѣ адъютанта при другѣ своего брата, генералѣ Н. Н. Раевскомъ, сперва командирѣ Нижегородскихъ драгунъ, а затѣмъ устроителѣ и начальникѣ Черноморской береговой линіи, участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Въ 1842 г. П. оставилъ военную службу и поступилъ чиновникомъ въ Петербургскую Таможню, а затѣмъ былъ назначенъ членомъ Одесской Портовой Таможни. Въ этой должности П. умеръ въ Одессѣ 19-го іюля 1852 г.

Всѣ дошедшіе до насъ отзывы о П. людей, его знавшихъ, рисуютъ его, какъ умнаго, веселаго, добраго и даровитаго человѣка. Изъ произведеній П. почти ничего не попало въ печать. Въ іюльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1842 г. напечатано было его большое стихотвореніе «Петръ Великій», которое очень понравилось Бѣлинскому; знаменитый критикъ даже зналъ эти стихи наизусть. П-ну П. А. Ефремовъ приписываетъ шуточное стихотвореніе: «Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ»..., приписывавшееся неправильно А. С. Пушкину; его же считали авторомъ нѣкоторыхъ фривольныхъ стихотвореній, ходившихъ въ спискахъ подъ именемъ А. С. Пушкина, М. П. Погодинъ и Одесскій писатель, профессоръ Ришельевскаго лицея К. П. Зеленецкій, упросили П. написать свои воспоминанія о его великомъ братѣ,—и Л. П. написалъ небольшую записку: «Біографическое извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ до 26 года»; она появилась послѣ его смерти въ «Москвитянинѣ» 1853 г. П. былъ такъ небреженъ, что даже не сохранилъ всѣхъ писемъ своего брата къ нему; его же письма къ старшему брату совершенно не дошли до насъ. П. любилъ карты и вино, былъ очень остроуменъ и прожилъ свой вѣкъ эпикурейцемъ, небрежнымъ въ матеріальныхъ дѣлахъ, всей душою любящимъ литературу. Въ Одессѣ П. занялъ очень видное положеніе въ обществѣ. У него бывалъ во время своихъ остановокъ въ Одессѣ Гоголь. Онъ одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ талантъ Я. П. Полонскаго и Н. Ѳ. Щербины, который съ его помощью издалъ въ началѣ 1850 г. свои «Греческія стихотворенія» и посвятилъ П-ну стихотвореніе «Счастье».

Л. Майковъ, «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки», С.-Пб., 1899, стр. 1 — 40, 80, 164, 179, 180, 181, 182, 186, 201, 202, 204, 206, 208, 217, 218, 248, 256, 262, 291, 292, 320, 323, 324, 365, 388; «Сочиненія А. С. Пушкина», подъ ред. П. А. Ефремова, т. VII, С.-Пб., 1903, письма къ Льву С. Пушкину; Н. О Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», изд. 2-ое, С.-Пб. 1907; Л. Н. Павлищевъ, «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М., 1890; «Записки» Н. И. Лорера въ «Русск. Архивѣ» 1874 г.; «Записки» Г. И. Филипсона въ «Русск. Архивѣ» 1883 г.; «Русск. Вѣстникъ» 1867 г., № 11, стр. 72, ст. М. И. Семевскаго: «Къ біографіи Пушкина»; «Москвитянинъ» 1854 г., № 9, смѣсь, воспоминаніе объ Л. П-нѣ К. П. Зеленецкаго; «Космополисъ» 1898 г., № 3: Воспоминанія Я. П. Полонскаго; «Русск. Архивъ» 1880 г., Ш; «Русск. Вѣстн.» 1888 г., № 9, стр. 427—430, ст. Б. М. Маркевича; «Библіографическія Записки» 1858 г., № 1; «Отечественныя Записки» 1853 г., т. LXXXIX, отд. 5-ое, стр. 68—78; «Пушкинъ и его современники», вып. II, С.-Пб., 1904; «Истор. Вѣстн.» 1883 г.; «Новое Время» 1903 г., № 9851: «Мнимый Пушкинъ» П. А. Ефремова; «Полное собраніе сочиненій Н. Ѳ. Щербины», С.-Пб., 1873, стр. XXII и 109; «Рус. Стар.» 1901, ноябрь, 325, стат. Н. О. Лернера; «Сочиненія А. С. Пушкина», изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, С.-Пб., 1887, т. I, 275, 284, 285, 333; II, 275, 341; III, 419; V, 1; VII, 59, 85, 94, 109, 129, 133, 134, 159, 212, 243, 282, 333, 334, 337, 338, 339, 342, 345, 350, 354, 359, 364, 366, 367.

Н. Л.

Пушкинъ, *Матвѣй Степановичъ*, боринъ, умеръ въ ссылкѣ въ Енисейскѣ. Въ 1654—56 гг., во время Польской войны, онъ былъ эсауломъ у царя Алексѣя Михайловича, а въ 1655 г. посланъ «съ государевымъ жалованымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивать» боярина и воеводу кн. Алексѣя Никитича Трубецкого. Въ 1656 г. П. долженъ былъ поѣхать на-встрѣчу возвращавшемуся изъ Малороссіи боярину Вас. Вас. Бутурлину съ милостивымъ словомъ, но такъ какъ Бутурлинъ умеръ дорогой, то къ его товарищамъ вмѣсто П—на были посланы два стряпчихъ. Въ 1569 г. онъ ѣздилъ въ Быховъ къ окольничему и воеводѣ кн. Ив. Ив. Лобанову-Ростовскому съ товарищи и къ ратнымъ людямъ, съ милостивымъ Царскимъ словомъ, и о здоровьѣ спрашивать, и съ золотыми. Въ 1661 г. исполнилъ то же порученіе по отношенію къ кн. Гр. Сем. Куракину, бывшему въ Сѣвскѣ. Съ 1655 по 1663 г. П. часто бывалъ рындой при пріемахъ грузинскаго царя Теймураза, имеритинскаго царя Александра, разныхъ посланниковъ, пословъ и гонцовъ. Въ тѣ же года онъ постоянно стоялъ у государева стола за всѣми торжественными

обѣдами, не только въ Грановитой палатѣ, но и у патріарха, когда тамъ обѣдалъ царь Алексѣй Михайловичъ. Въ 1658 г. онъ представилъ царю «Сказку о Никонѣ патріархѣ», а въ февралѣ 1660 г. посланъ царемъ въ Крестный монастырь къ патріарху Никону, чтобы испросить у него письменное благословеніе на избраніе новаго патріарха. Въ 1661 г. онъ былъ на встрѣчѣ пословъ нѣмецкаго императора, за Тверскими воротами, въ Москвѣ; въ 1667 г. былъ однимъ изъ приставовъ при пріемѣ царемъ польскихъ и шведскихъ пословъ; въ 1668 г. пожалованъ въ окольничіе; въ 1669 г. дневалъ и ночевалъ у гроба царевича Симеона Алексѣевича, а въ 1670 г. у гроба царевича Алексѣя Алексѣевича. Въ 1672—1675 гг. онъ былъ вторымъ воеводой въ Смоленскѣ; 15-го января 1675 г., въ числѣ другихъ, былъ на «пріѣздѣ» у государя, и ему пожалованъ титулъ намѣстника Алатырскаго. 11-го февраля того же года боярин Арт. Серг. Матвѣевъ объявилъ, по царскому указу, боярину кн. Алексѣю Андр. Голицыну и П—ну, чтобы они на слѣдующій день были у царя «у руки» и затѣмъ немедленно ѣхали бы на службу въ Кіевъ. 7-го марта того же года имъ было велѣно, «для крымскихъ вѣстей», стоять въ Сѣвскѣ. Въ началѣ 1678 г., для обороны Кіева и другихъ малороссійскихъ городовъ, былъ посланъ кн. Мих. Алегук. Черкасскій съ большимъ полкомъ; въ товарищи къ нему назначены: боярин Петръ Вас. Шереметевъ, П—нъ и окольничій Сем. Ѳеод. Толочановъ, начальствовавшіе Сѣвскимъ полкомъ, который долженъ былъ войти въ составъ большого полка. Въ концѣ 1678 г. П. былъ въ Москвѣ, сопровождалъ царя въ его богомольныхъ «походахъ» по московскимъ монастырямъ, а 22-го октября участвовалъ въ крестномъ ходѣ. Въ 1679—80 гг. онъ былъ воеводой въ Астрахани. Въ 1682 г. П. подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества; въ томъ же году, при вѣнчаніи на царство Іоанна и Петра Алексѣевичей, онъ несъ скипетры вмѣстѣ съ Ив. Ив. Чаадаевымъ, а въ Успенскомъ соборѣ, во время самаго чина вѣнчанія, держалъ «яблоки» (т. е. державы царскія) и въ 1683 г. пожалованъ въ бояре. Въ 1684 г. П. былъ воеводой въ Смоленскѣ вмѣстѣ съ Борисомъ Бутурлинымъ. Въ этомъ году въ Польшѣ былъ посольскій съѣздъ, на которомъ присутствовалъ кн. Яковъ Никит. Одоевскій, и П—ну приходилось заботиться о выдачѣ разныхъ припасовъ лицамъ, состоявшимъ на службѣ при кн. Одоевскомъ. П. состоялъ, повидимому, въ оживленной перепискѣ съ кн. Одоевскимъ и при одной изъ своихъ отписокъ онъ препроводилъ ему, для предъявленія польскимъ комиссарамъ, нѣсколько тетрадей, въ которыхъ были записаны обиды, причиненныя поляками жителямъ Смоленска и его уѣзда. Всѣ извѣстія о событіяхъ за границею пересылались въ Посольскій Приказъ смоленскими воеводами П—мъ и Борисомъ Бутурлинымъ, которые получали ихъ въ запечатанныхъ пакетахъ отъ стольника Назарія Краевскаго. Въ 1684—89 гг. П. сопровождалъ царей Іоанна и Петра на богомолье въ разные монастыри, а въ 1690—93 гг. участвовалъ въ крестныхъ ходахъ. Въ 1685 г. онъ былъ начальникомъ Владимірскаго Приказа, въ 1693 г. — главнымъ судьей въ Приказѣ Казанскаго Дворца, въ 1696 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царя Іоанна Алексѣевича, 20-го февраля 1697 г. назначенъ въ Азовъ, но на воеводство посланъ не былъ, т. к. 28-го марта того же года ему объявленъ изъ Преображенскаго Приказа именной указъ о лишеніи его боярской чести и о ссылкѣ съ женою и съ внукомъ въ Енисейскъ за вину сына Ѳедора, участвовавшаго въ стрѣлецкомъ бунтѣ. П. умеръ въ Енисейскѣ въ 1706 году.

«Дв. разр.», т. III; «Дополн.» къ III т.; т. IV. — «Разр. кн.», II, 1046, 1048, 1056; — «Собр. Гос. Гр. и Догов.», IV, стр. 408, 655; «Полн. Собр. Зак., II, 417, 418; III, 150, 282,—«Др. Рос. Вивл.», XIV, 35, 48, 71, 80; XX, 125; — кн. П. В. Долгоруковъ, Рос. род. кн., IV, стр. 189; «Русск. Ист. Библ.», т. XI, стр. 331, 332, 337; «Опис. Гос. Разр. Арх.», стр. 334; «Акты ист.», V, 477; — «Доп. къ акт. ист.», VIII, стр. 97—100, 246—252; X, 38—40, 398; XI, 143, 147, 277, 278, 280, 282; А. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, т. IV, 272, 289; т. VI, 527—530; И. Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», I, 103; Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI, стр. 309.

В. Корсакова.

Пушкинъ, *Михаилъ Евстафьевичъ*, воевода. Въ 1611 г. Московскій дворянинъ, былъ на земской службѣ въ ополченіи князя Дм. Тим. Трубецкого; помѣстный окладъ ему 800 четей, денежный изъ чети 40 р. Въ 1613 г. онъ подписался подъ грамотой объ избраніи на царство Мих. Ѳеод. Романова. Въ 1614 г. — воевода въ Устюгѣ. По го-

судареву указу онъ долженъ былъ послать оттуда въ Тихвинъ деньги для покупки хлѣба и выдачи жалованья ратнымъ людямъ, по случаю ожидаемаго приступа къ Тихвинскому монастырю шведовъ и литовцевъ. Въ 1620—21 гг. — воевода въ Чебоксарахъ. Въ 1645 г. человѣкъ его Ивашка Ушаковъ, въ пьяномъ видѣ, донесъ на него въ Стрѣлецкомъ Приказѣ, будто бы онъ говорилъ ему съ глазу на глазъ про царя Алексѣя Михайловича, что онъ «на Московскомъ государствѣ учинился не по ихъ выбору». Когда допросили объ этомъ П—на, оказалось, что онъ ни съ кѣмъ ничего подобнаго не говорилъ, а Ивашка, протрезвившись, повинился, что онъ доносилъ спьяна; въ 1638 г. П. жилъ въ Москвѣ, гдѣ у него былъ дворъ на Рождественской улицѣ.

«Собр. Гос. Гр. и Догов.», I, 633; «Акты Моск. Гос.», I, 143; II, 167—168; «Доп. къ Акт. Ист.», II, стр. 54; Н. Лихачевъ. «Разрядные дьяки», 60, прилож.; «Переписная книга г. Москвы, 1638 г.». М. 1881 г., стр. 98.

В. Корсакова.

Пушкинъ, *Никита Михайловичъ*, окольничій; умеръ въ 1622 г. Начало его службы относится къ царствованію Іоанна IV, но болѣе видное служебное положеніе онъ занялъ лишь въ Смутное время. Въ 1570—1572 гг. онъ—«поддатня» въ походѣ къ Новгороду; въ 1577 г.—московскій дворянинъ; помѣстный окладъ ему въ Вязьмѣ 500 четей; отмѣчено «съ государемъ». Въ 1598 г. онъ подписался подъ соборнымъ опредѣленіемъ объ избраніи на царство Бориса Годунова. Въ 1603—1605 гг. мы видимъ его воеводой въ Тобольскѣ, и это можетъ навести на предположеніе, что Борисъ Годуновъ не благоволилъ къ П., удаливъ его въ почетную ссылку. Во время борьбы царя Василія Ивановича Шуйскаго со вторымъ Лжедимитіемъ, т. наз. «Тушинскимъ воромъ», въ 1608—1609 гг. П. былъ воеводой въ Вологдѣ и здѣсь сумѣлъ сыграть въ двойную игру: и Лжедимитрій, и царь Василій, каждый считалъ его своимъ человѣкомъ. Это спасло П. отъ волнъ смутнаго времени и донесло его цѣлымъ и невредимымъ до воцаренія на Московскомъ престолѣ представителя новой династіи, Михаила Ѳеодоровича Романова. Въ историческихъ документахъ за время воеводства П. въ Вологдѣ находится нѣсколько свидѣтельствъ, не только рисующихъ двойственность поведенія П—на, но представляющихъ интересныя данныя для характеристики той общей политической безурядицы, которая господствовала въ 1608—1609 гг. въ «залѣсскихъ» и «поморскихъ» городахъ Московскаго государства и сбивала съ толку мѣстныхъ обывателей, не знавшихъ, кому слѣдуетъ «прямить»: «вору» или царю Василію?—Въ виду общаго интереса этихъ данныхъ мы позволимъ себѣ подробнѣе остановится на нихъ въ біографіи П.

Получивъ отъ Ярославскаго воеводы, кн. Ѳеодора Борятинскаго, наказъ и цѣловальную запись на присягу Тушинскому вору, П., по примѣру кн. Борятинскаго, присягнулъ ему, и вологжанъ приводилъ ко кресту, и къ Тотьмѣ послалъ списокъ съ того наказа и цѣловальную запись, вслѣдствіе чего тотмичи, хотя со слезами, но крестъ цѣловали. Сначала второй самозванецъ разсылалъ къ покорившимся городамъ грамоты, гдѣ обѣщалъ служилымъ людямъ жалованье и подарки, а торговымъ и посадскимъ людямъ — тарханныя грамоты, по которымъ они будутъ освобождены отъ какихъ-бы ни было царскихъ податей, но, вслѣдъ затѣмъ, одинъ изъ тушинскихъ поляковъ, Млоцкій съ товарищами написалъ грамоты, требовавшія сильныхъ поборовъ съ населенія. Когда въ Вологдѣ эти грамоты были прочитаны передъ народомъ, то многіе заплакали и тихо говорили другъ другу: «хотя мы ему и крестъ цѣловали, но только бы Богъ свой праведный гнѣвъ отвратилъ, далъ бы побѣду государю Василію Ивановичу, то мы всею душею рады головами ему служить, пусть только другіе города—Устюгъ, Усолье и поморскіе намъ помогутъ». Устюжане, по своему отдаленному положенію, имѣли время собрать свѣдѣнія, подумать, посовѣтоваться и убѣждали вычегодцевъ не цѣловать креста—вору Димитрію, потому что если они теперь поцѣлуютъ, по грамотѣ вологодскаго воеводы Пушкина, то вся честь будетъ приписану ему, а не имъ; грамота устюжанъ заканчивалась такъ: «Пожалуйте, помыслите съ міромъ крѣпко, а не спѣшите крестъ цѣловать, не угадавъ, на чемъ совершится». Въ январѣ 1609 г. въ Устюгѣ были получены грамоты съ Тотьмы и изъ Вологды, представляющія вологодскаго воеводу П. совершенно съ

разныхъ сторонъ. Тотмичи писали: «съ Вологды Микита Пушкинъ пишетъ въ полки къ вору, а я де вамъ Вологду сдамъ, треть де и стоитъ, а два жеребья сдаются, и какъ придете,—и мы де Вологду сдадимъ; а къ Вологдѣ ходитъ, къ Микитѣ Пушкину, лазутчикъ, Тренею зовутъ, Крыловъ изъ Жилина, живетъ за Солью Галецькою». Вологжане писали устюжанамъ о походѣ литовскихъ людей съ костромскими, ярославскими, романовскими и пошехонскими мятежниками на Вологду и вслѣдствіе этого просили прислать на помощь ратныхъ людей и сибирскихъ казаковъ. При этомъ вологжане выражали удивленіе и обиду, что устюжане пишутъ прямо къ нимъ, помимо ихъ воеводы Пушкина: «а воевода Микита Михайловичъ — заканчивалась грамота — да діякъ Рахманинъ Вороновъ на Вологдѣ у государевыхъ и у земскихъ дѣлъ живутъ по прежнему и о всякихъ государевыхъ и о земскихъ и о ратныхъ дѣлахъ съ нами о всемъ радѣютъ вмѣстѣ единомышленно: и намъ, господине, въ томъ сумнѣнье, что вы къ нимъ о совѣтѣ не пишете». Такъ какъ вологжане раскаялись въ своей присягѣ Тушинскому вору и желали служить вѣрой и правдой царю Василію Ив. Шуйскому, то надо полагать, что они не вступились бы передъ устюжанами за честь своего воеводы, если бы онъ продолжалъ держаться Тушинскаго вора. Какъ видно, и самъ царь Василій Ивановичъ считалъ П. своимъ надежнымъ сторонникомъ, потому что въ февралѣ того же 1609 г. послалъ грамоту въ Пермь о сборѣ ратныхъ людей по прежнимъ наказамъ и объ отпускѣ ихъ въ Вологду, а Пушкину писалъ 28-го февраля о назначеніи головъ вологодскимъ ратнымъ людямъ, о посылкѣ ихъ противъ мятежниковъ, объ укрѣпленіи Вологды на случай осады, о соблюденіи осторожности, объ отпискѣ въ мятежные города, съ увѣщаніемъ покориться царю Василію Ивановичу, и о постоянномъ сношеніи съ поморскими и другими городами по государевымъ ратнымъ дѣламъ. Одновременно съ этимъ въ поморскіе города послано царское приказаніе ссылаться съ Пушкинымъ о всякихъ дѣлахъ. Въ половинѣ марта 1609 г. кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій писалъ въ Вологду о прибытіи шведскаго вспомогательнаго войска въ предѣлы Московскаго государства, а въ концѣ марта П. извѣщалъ Пермь и Соликамскъ, что ихъ ратные люди вмѣстѣ съ вологодскими посланы на государеву службу подъ Кострому. Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая того же года П. увѣдомилъ устюжанъ, что посланные имъ въ Ярославль нарядъ и зелье довезены туда благополучно, и что ярославцы просятъ присылки ратныхъ людей и зелья изо всѣхъ городовъ. Поэтому устюжане должны увѣдомить вычегодцевъ, тѣ въ свою очередь пермичей и т. д. 15-го мая 1609 г. царь Василій Ивановичъ послалъ Пушкину грамоту, чтобы онъ собралъ въ Вологду всякихъ чиновъ людей и объявилъ бы имъ царское прощенье, что они «неволею ворамъ крестъ цѣловали», а за службу ихъ — обѣщаніе разныхъ льготъ въ податяхъ и правъ безпошлинной торговли. Въ августѣ 1609 г. цѣловальникъ Карпикъ былъ посланъ верхотурскими воеводами съ соболиною казною; онъ пріѣхалъ въ Вологду лишь въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ 1610 г., и П. не пустилъ его въ Новгородъ, а предварительно написалъ къ Мих. Вас. Скопину, чтобы узнать, какъ распорядиться. По приказанію кн. Скопина, соболиная казна оставлена была до поры до времени въ Вологдѣ и положена на храненіе въ соборномъ храмѣ Софіи Премудрости Божіей.

Въ 1613 г. П. подписался подъ грамотой объ избраніи на царство Мих. Ѳеод. Романова. Въ томъ же году онъ былъ воеводой на Двинѣ, въ Холмогорахъ, и получилъ царскую грамоту о томъ, чтобы не править оброковъ на крестьянахъ Чюхченемскаго Никольскаго монастыря. Въ Холмогорахъ были постоянныя торговыя сношенія съ иноземными купцами, и П. доносилъ царю, сколько взято на казенный дворъ изъ купленныхъ у «Аглинскихъ Нѣмецъ» драгоцѣнныхъ камней, объярп дымчатой и лазоревой, сукна багрецу, лундышу и бархату. Лѣтомъ 1613 г. П. доводилъ до свѣдѣнія царя Михаила Ѳеодоровича о желаніи англичанина Вилема Ватцы служить ему и сообщалъ о всемъ слышанномъ отъ этого англичанина относительно положенія дѣлъ въ Швеціи и Даніи. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отвѣтилъ, что надо допросить англичанина, хочетъ ли онъ служить по найму, или выѣхалъ на «его царское имя»; въ первомъ случаѣ, поблагодаривъ англичанина за вѣсти о датскомъ и шведскомъ корояхъ, сказать, что наемные люди ненадобны, и отпустить обратно, выдавъ ему кормъ и питье на мѣсяцъ и государево жа-

лованье. Если же онъ пріѣхалъ служить «на царское имя», то, давъ ему кормъ и подводы, отпустить въ Москву. Въ 1614—1616 г.г. П. былъ воеводой во Владимірѣ на Клязьмѣ, съ помѣстнымъ окладомъ 250 четей, изъ чети 120 рублей; въ 1617 г. былъ воеводой въ Арзамасѣ, въ 1619 г. пожалованъ въ окольничіе. Въ 1619 г. П. сопровождалъ царя въ его «походѣ» къ Макаріе на Унжу, а въ 1621 г. — въ Троице-Сергіевъ монастырь. Умеръ въ 1622 г.

«Разр. кн.», I, 75, 183, 395; «Дв. разр.», I; «Акты Юрид.», 228, 229, 232; «Акты Ист.», II, 180, 203, 209, 223, 252, 254, 299—300; III, стр. 1; «Акты Арх. Эксп.», II, 43, 180, 190, 195, 203, 207—208»; «Собр. Гос. Гр. и Догов.», I, 639; II, 355, 363, 366; «Акты Моск. Госуд.», I, 41, 46, 142; «Др. Росс. Вивл.», III, 118; XIII, 410, 426; XX, 91; «Синб. Сб.», 27, 30, 32, 149; «Русск. Истор. Библ.», т. VIII, 105, 108; IX, 24; Берхъ, Древнія государственныя грамоты, собранныя въ Пермской губ., С.-Пб. 1821 г., стр. 18—21, 32—34, 37, 49, 61; кн. П. В. Долгоруковъ, Рос. род. кн., IV, стр. 188; Соловьевъ, Исторія Россіи, VIII, стр. 241, 243, 252, 253.

В. Корсакова.

Пушкинъ, *Никифоръ Изотовичъ*, членъ Кабинета Его Величества; сынъ отставного подпоручика Изота Андреевича П., род. 3-го марта 1758 г.; въ 1770 г. отданъ былъ въ Артиллерійскій кадетскій корпусъ и въ 1774 г. выпущенъ въ 1-й фузелерный полкъ штыкъ-юнкеромъ; съ 1779 г. былъ подпоручикомъ въ артиллерійскомъ Бомбардирскомъ полку, въ 1786—1789 г. состоялъ въ Коммиссіи о строеніи дорогъ въ государствѣ, а 11-го октября 1790 г., будучи капитаномъ полевой артиллеріи, опредѣленъ присутствующимъ въ Конторѣ Села Царскаго, и съ 7-го октября 1791 г. управлялъ въ этой Конторѣ Экспедиціею строенія, при чемъ, по личному избранію Имп. Екатерины, былъ опредѣленъ «къ особливому присмотру строющагося дворца Его Имп. Высочеству» и находился при этой должности до окончанія постройки. Произведенный, 28-го ноября 1796 г., въ коллежскіе совѣтники, П. 16-го декабря того же года назначенъ былъ членомъ въ Гофъ-Интендантскую Контору и Высочайшимъ указомъ опредѣленъ къ строенію Михайловскаго замка, при закладкѣ котораго подносилъ лопату Императору Павлу. «Находясь при ономъ строеніи болѣе двухъ лѣтъ, при усердномъ раченіи моемъ», говоритъ самъ П., «конюшенный корпусъ и два противу дворца флигеля отстроены вчернѣ и покрыты. О производствѣ сихъ строеніевъ... отчеты представлены, на которые послѣдовало вновь повелѣніе... объ отпускѣ добавочныхъ суммъ и бытіи въ Экспедиціи присутствующимъ. Во все время бытности моей при строеніи, заготовленіе матеріаловъ, наемъ рабочихъ дешевле смѣтныхъ цѣнъ были отыскиваемы и безъ превышенія противъ прочихъ въ казенныхъ мѣстахъ строеніевъ, и ни въ чемъ не было остановокъ»; однако, въ 1799 году, по интригамъ начальствовавшаго надъ постройкою графа Тизенгаузена, П. былъ уволенъ отъ присутствованія въ экспедиціи Михайловскаго замка. Состоя все время членомъ Гофъ-Интендантской Конторы, П. 3-го января 1800 г. произведенъ былъ въ статскіе совѣтники, а 23-го ноября того же года назначенъ членомъ коммиссіи по постройкѣ Казанскаго собора; его имя записано на доскѣ, положенной при закладкѣ храма, 27-го августа 1801 г.—Пожалованный, 1-го августа 1803 г., чиномъ дѣйств. ст. совѣтника, П. въ ноябрѣ 1804 г., «за отлично-усердную службу, опыты вѣрности и безкорыстія», оказанные имъ въ пользу казны при разныхъ строеніяхъ, получилъ, сверхъ жалованья, пожизненную пенсію по 1875 р. въ годъ изъ суммъ Кабинета, а въ 1805 г., за устройство въ Петергофѣ иллюминаціи, получилъ отъ Имп. Александра I брилліантовый перстень; въ 1806 г. онъ завѣдывалъ Таврическимъ и Каменноостровскимъ дворцами. Уволенный въ 1811 г. отъ присутствованія въ Коммиссіи о построеніи Казанскаго Собора, П. до 1818 г. состоялъ членомъ Гофъ-Интендантской Конторы; онъ умеръ отъ холеры 14-го октября 1831 г. П. былъ женатъ на дочери ген.-маіора А. П. Кашкина—Евпраксіи Аристарховнѣ, племянницѣ одного изъ пособниковъ Имп. Екатерины при восшествіи ея на престолъ.

Формулярный списокъ; Б. Л. Модзалевскій. Родъ Пушкина (при Собр. соч., изд. Брокгауза, т. I); Адресъ-Календари 1802 — 1818; дѣла Арх. Деп. Герольдіи; Сенатскій Архивъ, т. I; «Русск. Стар.» 1885, т. 45, стр. 634; «Русск. Архивъ» 1906, кн. II, стр. 561 — 562; Б. Л. Модзалевскій, «Поѣздка въ Тригорское», С.-Пб. 1903, стр. 83; Описаніе Волкова кладбища, стр. 115; «С.-Петерб. Вѣдомости» 1831 г., Приб. къ № 252, итр. 2226 (объявл. о смерти).

Б. Модзалевскій.

Пушкинъ, *Петръ Калиновичъ*, д. с. совѣтникъ, директоръ Морской Академіи,

сынъ стольника Калины Гавриловича П.; род. въ 1691 г.; въ 1708 г. опредѣленъ былъ, изъ Московской Навигацкой Школы, волонтеромъ во флотъ и въ 1710 г. посланъ, для изученія навигацкихъ наукъ, въ Голландію, откуда плавалъ, на военныхъ корабляхъ, до Португаліи и находился въ крейсерствахъ; въ 1713 г. онъ былъ въ Амстердамѣ, въ числѣ другихъ дворянъ, посланныхъ Петромъ Великимъ для ученія; вернувшись въ Россію, 27-го января 1716 г. произведенъ въ лейтенанты, а въ 1721 г.— въ капитанъ-лейтенанты; въ 1722 г. онъ былъ въ Каспійскомъ морѣ и командовалъ, во время Персидскаго похода, 4-ю эскадрою ластовыхъ судовъ, въ 1723 г. участвовалъ во взятіи г. Баку, въ 1725 г. былъ подъ судомъ за потерю на Каспійскомъ морѣ гекбота «Гиркань», но оправдался и въ январѣ 1726 г. переведенъ изъ Астрахани въ Петербургъ. Произведенный, въ декабрѣ 1727 г., въ капитаны 3-го ранга, П. 4-го января 1728 г. назначенъ былъ, въ помощь вице-адмиралу Вильстеру, директоромъ для управленія Морскою Академіей, затѣмъ, командуя кораблемъ «Рафаилъ», плавалъ въ Киль и до 24-го марта 1730 г. завѣдывалъ Морскою Конторою, черезъ годъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и уволенъ отъ службы, но въ ноябрѣ того же года опредѣленъ былъ въ Тавровъ, гдѣ пробылъ годъ; назначенный (29-го декабря 1732 г.) совѣтникомъ въ Экипажную Экспедицію, П. 16-го октября 1739 г. опредѣленъ былъ совѣтникомъ Адмиралтействъ-Коллегіи съ рангомъ контръ-адмирала, 30-го октября 1741 г. назначенъ губернаторомъ въ Архангельскъ, но черезъ мѣсяцъ—оставленъ въ прежней должности; въ 1743 г., будучи въ чинѣ д. с. совѣтника, назначенъ былъ присутствовать въ генеральномъ судѣ по дѣлу Лопухиныхъ, обвиненныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. П. умеръ 27-го сентября 1744 г. Онъ съ братомъ своимъ, стольникомъ Иваномъ Калиновичемъ П. (женатымъ на родной сестрѣ свѣтл. князя А. Д. Меншикова — Татьянѣ), получилъ всѣ имѣнія сосланнаго въ 1697 г. въ Сибирь боярина Матвѣя Степановича Пушкина.

Общій Морской Списокъ, т. I, стр. 313; «Сенатскій Архивъ», т. II; «Сборн. Истор. Общ.», т. 104 и 106; П. Казанскій, Родословная Головиныхъ, М. 1847, стр. 47; Моск. Архивъ Минист. Юстиціи; «Русск. Стар.» 1874 г., т. XI, стр. 41; Б. Л. Модзалевскій. Родъ Пушкина (при Собр. соч. Пушкина, изд. Брокгауза, т. I, С.-Пб. 1907, стр. 18).

Б. Модзалевскій

Пушкинъ, *Петръ Михайловичъ,* по прозвищу «Желтоухъ», стольникъ и воевода. Въ 1637, 1639, 1640 и 1647 гг., въ числѣ другихъ лицъ, дневалъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ во время отсутствія изъ Москвы царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. Въ 1639 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Ивана Михайловича, а затѣмъ — царевича Василія Михайловича. Въ 1645—47 гг. былъ рындой при пріемѣ литовскихъ посланниковъ. Въ 1646 г., во время похода съ Ливенъ въ Бѣлгородъ, онъ былъ есауломъ въ полку у боярина и воеводы кн. Никиты Ив. Одоевскаго; въ 1648 г. находился въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Марьей Ильинишной Милославской. Въ 1647—1652, 1655, 1656 и 1659 гг. часто стоялъ у государева стола во время торжественныхъ обѣдовъ. Въ 1648 и 1650 гг. П. былъ полковымъ воеводой въ Мценскѣ по «крымскимъ вѣстямъ», а въ 1651 г. — полковымъ воеводой въ Переяславлѣ Рязанскомъ; въ 1653—54 гг.—воеводой въ Козловѣ, основанномъ въ 1636 г. Въ случаѣ прихода крымскаго хана, ему велѣно было быть въ сходѣ съ бояриномъ Вас. Бор. Шереметевымъ, а въ Козловѣ оставить для осаднаго времени голову и ратныхъ людей по разсмотрѣнію. 21-го іюня 1653 г. П. доносилъ царю, что татары пришли на рѣку Санпуръ, и что онъ послалъ въ степь 70 человѣкъ, подъ начальствомъ боярскаго сына Дубовицкаго, разузнать по слѣдамъ и остановкамъ, много ли татаръ и куда они направились. Черезъ годъ онъ доносилъ царю, что служилые козловцы разбѣжались изъ города, иные въ Москву, а другіе записались въ солдатскую и драгунскую службу, вслѣдствіе чего некому защищать земляную и деревянную крѣпости въ случаѣ прихода татаръ. При этомъ П. просилъ прислать ратныхъ людей, такъ какъ одинъ развѣдчикъ далъ знать, что на устьѣ рѣки Волчьи-Воды, гдѣ московскіе послы ходятъ въ Крымъ и къ Соленому озеру, стоитъ 40.000 татаръ. Въ 1655 г. онъ ходилъ въ Ошмянскій уѣздъ противъ литовскихъ и польскихъ людей и побилъ ихъ; въ томъ же году былъ головой у жильцовъ третьей сотни, а затѣмъ — рындой при пріемѣ па-

ремъ пословъ нѣмецкаго императора и шведскаго короля. Въ этомъ году состоялось назначеніе П. воеводой въ Смоленскъ, но было отмѣнено вслѣдствіе того, что П. билъ челомъ царю «недружбою» на кн. Бор. Александр. Репнина, которому тоже велѣно было быть воеводой въ Смоленскѣ. Съ 5-го апрѣля 1656 г. П. былъ воеводой въ Олонцѣ. Изъ времени его воеводства тамъ извѣстно только о его столкновеніи съ Челищевымъ, присланнымъ для постройки судовъ. Челищеву велѣно было взять у П. 400 солдатъ съ начальными людьми и оружіемъ, но П. не допустилъ его до дѣланія судовъ и не далъ солдатъ. Челищевъ, помѣстившись въ Андрусовѣ монастырѣ, на островѣ Ладожскаго озера, отправилъ новгородскихъ стрѣльцовъ въ Корельскій уѣздъ противъ заставныхъ нѣмецкихъ людей, а черезъ нѣсколько дней послалъ пятерыхъ стрѣльцовъ водянымъ путемъ разузнать про ихъ дѣйствія. На устьѣ рѣки Олонца заставные русскіе люди, по приказанію П., не пропустили тѣхъ стрѣльцовъ и отняли у нихъ судно и гребцовъ, а затѣмъ П. послалъ 500 человѣкъ подъ начальствомъ Савинова и велѣлъ «сбить» Челищева съ государевою казною изъ монастыря и съ острова. Несмотря на неоднократныя отписки Челищева, П. не далъ ему людей, не велѣлъ вольнымъ людямъ записываться на службу къ Челищеву, не принялъ отъ него государевой казны и не далъ ему въ Олонцѣ двора. Неизвѣстно, послѣдовало ли за всѣ эти поступки П-на какое-либо замѣчаніе свыше, но если таковое и было, то не отразилось на его дальнѣйшей службѣ. Съ декабря 1658 до марта 1659 г. П. присутствовалъ въ Московскомъ Судномъ Приказѣ. Въ 1658 г., при пріемѣ грузинскаго царя Теймураза, ставилъ за обѣдомъ кушанья передъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, а въ 1660 г., при отпускѣ грузинскаго царевича Николая Давидовича, былъ однимъ изъ тѣхъ стольниковъ, которые ставили кушанья передъ царевичемъ. Въ 1660 г. онъ былъ назначенъ въ украинскій разрядъ на Тулу, вмѣстѣ съ кн. Алексѣемъ Ив. Буйносовымъ-Ростовскимъ, а въ 1669 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Симеона Алексѣевича. Въ 1674 г. во Владимірскій Судный Приказъ были назначены: бояринъ кн. Алексѣй Андр. Голицынъ и П., а въ Московскій Судный Приказъ—Ив. Вас. Бутурлинъ. П., считая для себя обиднымъ назначеніе Бутурлина главнымъ судьей, хотя бы и въ другой Приказъ, тогда какъ самъ былъ только «товарищемъ» судьи, билъ челомъ на Бутурлина, и за несправедливое мѣстничество и за безчестье «выданъ ему головою». Послѣ этого П. находился во Владимірскомъ Судномъ Приказѣ сначала при кн. Голицынѣ, а затѣмъ при Мих. Ив. Морозовѣ. Въ 1675 г. онъ былъ головой у четвертой сотни, на смотру и на выѣздѣ при встрѣчѣ кизильбашскихъ пословъ.

«Русск. Ист. Библ.», т. X, стр. 91, 140, 172, 215, 331, 366, 377, 414, 420; «Акты Моск. госуд.» т. II, стр. 323, 327, 381, 481, 515, 516; «Дв. разр.», т. II, III и «Доп. къ III тому»; «Доп. къ акт. ист.», т. IV, стр. 395; А. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, т. III, стр. 488; IV, 78.

В. Корсакова.

Пушкинъ, *Петръ Петровичъ*, стольникъ, сынъ Петра Тимофеевича; принадлежалъ къ одной изъ младшихъ вѣтвей рода Пушкиныхъ. Въ 1645 г. упоминается, какъ рында при пріемѣ пословъ. Въ 1646 г., въ іюлѣ, былъ въ «есаулахъ» въ большомъ полку въ Бѣлгородѣ при «большомъ воеводѣ» бояринѣ кн. Никитѣ Ив. Одоевскомъ, но въ ноябрѣ опять былъ въ Москвѣ. Въ 1648 г. (16-го января) находился среди поѣзжанъ («въ поѣзду») на первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича. Въ 1652 г., при пріемѣ царевича Грузинскаго Николая Давидовича, когда послѣ пріема царевичъ съ матерью своею, Еленою Леонтьевной, былъ приглашенъ къ столу, П. П. Пушкинъ былъ въ числѣ стольниковъ, которымъ велѣно было «ѣсть ставить предъ царевичемъ», а въ 1658 г., во время стола послѣ пріема (6-го іюля) самого царя грузинскаго Теймураза Давидовича, Пушкину велѣно было съ другими стольниками «ѣсть ставить предъ бояръ». Въ 1660 г. Пушкинъ скончался и былъ похороненъ въ Варсонофіевскомъ Дѣвичьемъ Убогомъ монастырѣ (въ Москвѣ, на Рождественской ул.). Женатъ онъ былъ на княжнѣ Анастасіи Аѳанасьевнѣ Козловской, дочери стольника князя Аѳ. Вас. Козловскаго, которая вела съ царевной Прасковьей Ивановной переписку, изъ которой сохранилось, впрочемъ, одно только письмо.

Пушкинъ принадлежалъ къ одной изъ младшихъ и захудалыхъ вѣтвей рода Пушкиныхъ, не выставившей ни одного вид-

наго представителя рода; за то къ прямымъ потомкамъ Петра Петровича, въ 5 колѣнѣ, принадлежалъ поэтъ А. С. Пушкинъ.

«Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. VIII, ч. IV, стр. 138; «Дворцовые Разряды», т. III, стр. 6, 9, 36, 50, 55, 83, 139, 198, 206, 213, 219, 281, 292, 506, 1401, 1417; И. И. Ивановъ, «Указатель къ боярск. книгамъ»; «Русскій Архивъ», 1895 г., № 3, стр. 411; «Русская Старина», 1884 г., т. XLIV, октябрь, стр. 187; Б. Л. Модзалевскій. Родъ Пушкина (при Сбори. соч., зд. Брокгауза, т. I), стр. 200; «Русская Старина» 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 604.

Н. В-н-въ.

Пушкинъ, *Степанъ Гавриловичъ*, окольничій, ум. въ 1656 г. Въ 1625 и 1628 гг. былъ при пріемѣ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ кизильбашскихъ пословъ, а въ 1631 г.—при пріемѣ шведскаго посла Антона Монира. Въ 1635 г., на обѣдѣ у царя литовскихъ пословъ, «смотрѣлъ въ кривой столъ», а на обѣдѣ кизильбашскихъ пословъ носилъ пить въ большой столъ. Въ 1637 г. былъ при пріемѣ литовскаго гонца, въ 1636, 1640, 1649—1652 гг. оставался, въ числѣ другихъ лицъ, на Москвѣ во время отсутствія изъ нея царей Михаила Ѳеодоровича, а затѣмъ—Алексѣя Михайловича. Въ 1639 г. дневалъ и ночевалъ у гробовъ царевича Ивана Михайловича и царевича Василія Михайловича. Въ 1644 г. онъ былъ воеводой въ Рыльскѣ; посылалъ воинскихъ людей въ Рыльскій и Путивльскій уѣзды противъ крымскихъ татаръ. Въ 1646 г. былъ воеводой въ Одоевѣ; когда крымскіе татары стали воевать курскія и рыльскія мѣста и Камарицкую волость, ему изъ Одоева велѣно быть съ полкомъ въ Калугѣ и затѣмъ направиться въ Курскъ въ сходъ съ воеводою кн. Сем. Вас. Прозоровскимъ. Въ томъ же, 1646 г. П. составлялъ переписныя книги г. Суздаля, дворовъ и людей и дворцовыхъ волостей въ Решемской слободѣ и помѣстныхъ и вотчинныхъ селъ, деревень и дворовъ во многихъ станахъ Суздальскаго уѣзда. Въ 1647 г. онъ былъ воеводой въ Устюгѣ Великомъ и получилъ царскую грамоту о высылкѣ въ Москву «конюховъ», собиравшихъ по царскому указу въ Устюгѣ конскую пошлину и сильно притѣснявшихъ при этомъ крестьянъ и посадскихъ людей; впредь велѣно самимъ устюжанамъ собирать означенную пошлину. Въ 1648 г., въ день Рождества Христова, П. былъ пожалованъ изъ стольниковъ въ окольничіе. Въ 1649 г., во время богомольнаго похода царя Алексѣя Михайловича въ Троице-Сергіевъ монастырь, П. ѣхалъ впереди, для приготовленія остановокъ (становъ) по дорогѣ. Въ концѣ ноября того же 1649 г., вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ Григ. Гавр. Пушкинымъ, былъ отправленъ въ Варшаву для заключенія договора между Польшей и Московскимъ государствомъ; при этомъ ему былъ пожалованъ титулъ намѣстника Алаторскаго. Надо полагать, что царь Алексѣй Михайловичъ остался доволенъ службой обоихъ Пушкиныхъ, такъ какъ въ началѣ октября 1650 г. и въ апрѣлѣ 1651 г. польскіе послы Пражмовской и Витовскій, пріѣзжавшіе въ Москву для переговоровъ, были «въ отвѣтѣ» съ Пушкиными. За посольскую службу въ Польшѣ Степ. Гавр. Пушкинъ получилъ, 22-го октября 1650 г., шубу, крытую атласомъ «золотнымъ», да кубокъ, да придачи къ прежнему окладу 70 рублей. Въ 1652 г. П. былъ посаженъ въ тюрьму за несправедливое мѣстничество съ князьями Юріемъ и Дмитріемъ Алексѣевичами Долгорукими. Въ 1653 г. онъ былъ воеводой въ Путивлѣ и назначенъ въ сходъ къ боярину Вас. Бор. Шереметеву въ Яблоновъ, для приходу крымскихъ татаръ, относительно которыхъ онъ доносилъ въ Разрядъ, что они соединились съ поляками, чтобы сообща идти на Московское государство. Въ 1654—55 гг. былъ воеводой въ Смоленскѣ, опять вмѣстѣ со своимъ братомъ Гр. Гавр. Пушкинымъ, и принималъ участіе въ походѣ царя Алексѣя Михайловича противъ польскаго короля Яна-Казиміра. Въ 1656 г., когда царь Алексѣй Михайловичъ снова отправился изъ Москвы подъ Смоленскъ, П. былъ «оставленъ» на Москвѣ, т.-е. ему былъ порученъ главный надзоръ за порядкомъ, и, по существовавшему обычаю, долженъ былъ явиться къ царю передъ отъѣздомъ его изъ Москвы. Но въ «Дворцовомъ разрядѣ» за 1656 г. читаемъ: «Окольничій Степ. Гавр. Пушкинъ у государя у руки не былъ за болѣзнью, и послѣ того его не стало».

У Степ. Гавр. Пушкина было трое дѣтей: Матвѣй и Яковъ, бывшіе боярами, и дочь Дарья (ум. 1663 г.), бывшая въ замужествѣ за Никитой Ив. Шереметевымъ (его 1-я жена).

«Опис. докум. Моск. Арх. Мин. Юст.», т. I, №№ 2564—2566; «Доп. къ акт. ист.», III, с. 100; «Др. Рос. Вивл.», XX, 106, 112; «Акты Московск.

госуд.», II, 142, 360, 361; «Русск. Ист. Библ.», т. X; «Дв. разр.», тт. I, II и III; «Полн. Собр. Закон.», т. I, ст. 238—239, 263; А. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, т. VII, 346; кн. П. В. Долгорукой, Росс. род. книга, т. IV, стр. 185 и 189; Н. Лихачевъ, Разрядные дьяки, стр. 314, 352; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. X, стр. 265.

В. Корсакова.

Пушкинъ, *Яковъ Степановичъ*, бояринъ. Въ 1675 г. онъ былъ на смотру и на выѣздѣ противъ кизильбашскихъ пословъ въ выборной сотнѣ Петра Вас. Шереметева. Въ 1677 г. у него и у его свояка кн. Ѳеодора Юрьев. Ромодановскаго, впослѣдствіи «князя-кесаря», (женатаго на княжнѣ Евдокіи Васильевнѣ Львовой), было тяжебное дѣло съ Нижегородскимъ Макарьевскимъ Желтоводскимъ монастыремъ. Вслѣдствіе ошибки подьячаго Балахонской площади, Троицкій погостъ съ починками, принадлежавшіе монастырю, были записаны въ вотчину за кн. Мих. Вас. Львовымъ, а послѣ него отказаны въ Помѣстномъ Приказѣ зятьямъ его: Як. Степ. Пушкину и кн. Ѳеод. Юрьев. Ромодановскому, женатымъ на его сестрахъ. По челобитью келаря и братіи Желтоводскаго монастыря, дѣло было разсмотрѣно вновь, и Троицкій погостъ съ починками возвращены монастырю, а «отказщику, Балахонскіе площади, подьячему Оброскѣ Вершинину... велѣли учинить наказанье въ торговой день, при многихъ людѣхъ, на козлѣ бить кнутомъ нещадно, чтобъ, смотря на то, инымъ такъ впредь дѣлать было неповадно». Въ 1684 г., за неявку въ «походъ» царя въ село Хорошево, П. былъ изъ стольниковъ написанъ въ городовые дворяне по Новгороду; но въ 1686 г.— пожалованъ въ окольничіе. Въ 1689 г. онъ сопровождалъ царя Іоанна Алексѣевича и царевну Софью Алексѣевну въ монастыри: Троице-Сергіевъ и Донской и участвовалъ въ крестныхъ ходахъ въ Москвѣ, какъ въ этомъ году, такъ и въ 1690 г.; въ 1691 г. пожалованъ въ бояре.

«Полн. Собр. Зак.», т. II, ст. 642; «Дв. разр.», т. III и IV; «Опис. док. Моск. Арх. Мин. Юст.», т. II, стр. 133; «Доп. къ акт. ист.», т. VIII, стр. 97, 99; IX, 72—76.

В. Корсакова.

Пушкинъ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, воевода. Въ 1613 г. онъ подписался подъ грамотой объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Въ 1618 г., во время осады Москвы польскимъ королевичемъ Владиславомъ, долженъ былъ вѣдать отъ Никитскихъ воротъ по стѣнамъ двѣ глухія башни и межъ башенъ до Тверскихъ воротъ. Въ 1620—1623 гг. былъ воеводой на Тюмени. Въ 1626—1628 гг. служилъ въ Помѣстномъ Приказѣ, описывалъ вмѣстѣ съ Андреемъ Строевымъ Зарѣцкую сторону въ Московскомъ уѣздѣ,—земли въ Жданскомъ, Медвенскомъ и Сѣтунскомъ станахъ. Въ 1626—1641 гг. бывалъ иногда за царскимъ столомъ, а въ 1631 г. присутствовалъ при пріемѣ шведскаго посла Антона Монира. Въ 1631 и 1633 гг. видѣлъ царскія очи въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ 1633 г. обѣдалъ съ царемъ у патріарха Іоасафа, въ 1637 г. присутствовалъ при пріемѣ литовскаго гонца, въ 1639 г. посланъ къ Лихвинской засѣкѣ и съ нимъ, для дѣланія чертежа, — одинъ чертежникъ изъ Пушкарскаго Приказа; въ 1645 г. описывалъ и межевалъ г. Хотмышъ, а въ 1652—53 гг. былъ воеводой въ Чугуевѣ; долженъ былъ быть въ сходѣ, по большимъ вѣстямъ, съ кн. Г. С. Куракинымъ, но гдѣ—неизвѣстно.

«Разр. кн.», I, 512, 570, 873, 928; «Дв. разр.», I и II; «Русск. Ист. Библ.», тт. VIII, IX и X, «Акты Моск. госуд.», II, 116, 283, 306, 321, 323, 330; «Собр. Гос. Гр. и Догов.», I, 639; III, 174; А. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, III, 89, 91, 93; 95, 97, 105.

В. Корсакова.

Пушновъ, *Аверкій Михайловичъ*, магистръ и профессоръ Кіевской Духовной Академіи, протоіерей Кіево-Подольской Введенской церкви, родился въ Калужской губ. около 1792 г., скончался 6-го апрѣля 1845 г. Образованіе получилъ въ Калужской Духовной Семинаріи въ 1815—1819 гг. и въ С.-Петербургской Духовной Академіи, гдѣ окончилъ курсъ со степенью магистра. Еще обучаясь въ Семинаріи, онъ съ 1813 г. былъ въ низшемъ отдѣленіи учителемъ греческаго языка, географіи и грамматики, по окончаніи же семинарскаго курса, въ 1814—1815 гг., состоялъ учителемъ приходского и уѣзднаго Калужскихъ духовныхъ училищъ; затѣмъ въ 1815—1819 гг. самъ продолжалъ образованіе въ Академіи и въ 1819 г. съ ученой степенью вновь вступилъ на педагогическое поприще, какъ инспекторъ и профессоръ философіи и математики въ Подольской Се-

минаріи. Въ 1821 году П. былъ вызванъ въ Кіевскую Академію, гдѣ сначала былъ баккалавромъ по каѳедрѣ церковнаго краснорѣчія и греческаго языка и помощникомъ библіотекаря, затѣмъ оставилъ за собой одинъ только греческій языкъ, былъ избранъ въ члены академической конференціи, а 28-го сентября 1824 г. рукоположенъ во священника къ Введенской церкви. Въ 1830 г. онъ былъ назначенъ библіотекаремъ Академіи и членомъ внутренняго академическаго правленія, а въ 1837 г. уволился отъ профессуры и оставался только библіотекаремъ. Въ печати извѣстны изданныя имъ въ Кіевѣ въ 1834 г. «Слова на праздничные и воскресные дни»; кромѣ того, онъ принималъ большое участіе въ переводѣ съ греческаго «Бесѣдъ св. Іоанна Златоуста на евангеліе отъ Матѳея».

Филаретъ, «Обзоръ», стр. 463; В. Аскоченскій, «Исторія Кіевской Духовной Академіи», С.-Пб. 1863 г.; А. Чистовичъ, «Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи, т. I; Формулярный списокъ 1833 г. № 7464 въ Архивѣ Св. Синода.

К. Здр.

Пущинъ, *Иванъ Ивановичъ*, декабристъ, авторъ воспоминаній. Отцомъ его былъ Иванъ Петровичъ П., генералъ-лейтенантъ, генералъ-интендантъ и сенаторъ (ум. въ 1843 г.), а матерью—Александра Михайловна, рожденная Рябинина. Пущинъ родился 4-го мая 1798 г. и былъ на годъ старше А. С. Пушкина, съ которымъ воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ (съ августа 1811 года), куда привезенъ былъ дѣдомъ, адмираломъ Пущинымъ. Уже во время экзамена П. познакомился съ Пушкинымъ: «По сходству ли фамилій», пишетъ И. И. Пущинъ въ своихъ запискахъ, «или по чему другому, только я его замѣтилъ съ перваго взгляда». Уже съ этого времени между мальчиками завязалась горячая дружба. Сближенію ихъ еще болѣе способствовало то обстоятельство, что ихъ комнаты оказались рядомъ. Въ бытность въ Лицеѣ Пущинъ былъ открытымъ, жизнерадостнымъ юношей, добрымъ и отзывчивымъ товарищемъ. Вначалѣ общая школьная семья скоро разбилась на отдѣльные кружки по взаимнымъ склонностямъ и симпатіямъ. Пущинъ и Пушкинъ принадлежали къ одному изъ такихъ кружковъ; но, несмотря на постоянную дружбу и совмѣстную жизнь, оба друга съ теченіемъ времени стали расходиться во взглядахъ. «Находясь въ постоянной дружбѣ съ Пушкинымъ», пишетъ Пущинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «мы разно смотрѣли на людей и на вещи и постоянно высказывали свои разногласія». Среди другихъ товарищей Пущинъ пользовался общею любовью, принадлежа къ числу тѣхъ юношей, «которые, по словамъ графа М. А. Корфа наиболѣе были любимы товарищами,—съ свѣтлымъ умомъ, съ чистою душой». За годъ до выпуска Государь спросилъ у директора Лицея, Энгельгардта, нѣтъ ли среди его воспитанниковъ, желающихъ поступить въ военную службу. Такихъ оказалось болѣе 10 человѣкъ, и среди нихъ Пущинъ. Два раза въ недѣлю для нихъ устраивались въ гусарскомъ манежѣ военныя упражненія подъ руководствомъ полковника Кнабенау и генерала Левашева. Наконецъ, прошелъ и послѣдній годъ пребыванія въ Лицеѣ—наступили выпускные экзамены. «Сердце дробилось», замѣчаетъ Пущинъ, «школьная семья должна была разлучиться; стали писать стихи въ альбомы»; въ альбомѣ Пущина написали Пушкинъ, Дельвигъ и Илличевскій. Альбомъ этотъ впослѣдствіи затерялся, и стиховъ Пушкина и Илличевскаго Пущинъ не помнилъ; Дельвигъ вписалъ въ его альбомъ слѣдующее шестистишіе:

Прочтя сіи набросанныя строки
Съ небрежностью на памятномъ листкѣ,
Какъ не узнать поэта по рукѣ?
Какъ первые не вспомянуть уроки
И не сказать при дружескомъ столѣ:
Друзья! у насъ есть другъ въ Хоролѣ!

9-го іюля тихо и скромно прошелъ актъ, а 29-го октября П. былъ произведенъ въ офицеры и облекся въ гвардейскій конно-артиллерійскій мундиръ. Съ этого времени дороги двухъ друзей рѣзко разошлись. Еще будучи въ Лицеѣ, Пущинъ вступилъ случайно въ кружокъ, съ которымъ не рѣшался познакомить Пушкина, боясь его неосторожныхъ выходокъ. Пушкинъ скоро замѣтилъ, что отъ него что-то скрываютъ, и засыпалъ П. вопросами и разспросами. Лѣтомъ маневры и другія служебныя занятія заставляли П. уѣзжать изъ Петербурга, но при всякой возможности онъ старался встрѣчаться съ Пушкинымъ и встрѣчалъ его обыкновенно у Дельвига. Въ январѣ 1820 г. П. долженъ былъ отправиться въ Бессарабію къ своей больной замужней сестрѣ и прожилъ тамъ 4 мѣсяца.

На обратномъ пути, во время ѣзды по скучнымъ Бѣлорусскимъ трактамъ, онъ на одной изъ почтовыхъ станцій заглянулъ случайно въ книгу, гдѣ вписывались фамиліи проѣзжающихъ и увидѣлъ фамилію Пушкина; смотритель сказалъ ему, что проѣзжалъ поэтъ Пушкинъ, что ѣдетъ онъ на службу. Только по пріѣздѣ въ Петербургъ П. узналъ отъ Энгельгардта подробности высылки Пушкина на югъ Россіи. «Какъ отрадно было-бы его обнять, говоритъ П. въ своихъ воспоминаніяхъ, въ ту минуту, если бы я выѣхалъ сутками ранѣе и встрѣтился съ нимъ по дорогѣ». Съ Пушкинымъ ему пришлось увидѣться лишь черезъ 5 лѣтъ — въ 1825 году. Еще въ концѣ 1824 года П. узналъ въ Москвѣ, что Пушкинъ изъ Одессы сосланъ на жительство въ Псковскую губенію и тотчасъ же рѣшился навѣстить его. Онъ собирался отправиться на Рождество изъ Москвы въ Петербургъ, чтобы повидаться съ родными. Оттуда онъ намѣревался съѣздить въ Псковъ къ своей сестрѣ и въ сельцо Михайловское — мѣсто ссылки Пушкина. Знакомые П. не совѣтовали ему рисковать, такъ какъ Пушкинъ находился подъ двойнымъ надзоромъ—полиціи и духовенства; то же говорилъ ему и дядя поэта, В. Л. Пушкинъ; но Пущинъ не послушался предостереженій. Друзья встрѣтились въ Михайловскомъ въ январѣ 1825 г. Встрѣча эта произвела сильное впечатлѣніе на обоихъ, и у Пушкина воспоминаніе о ней вылилось въ стихотвореніи «19 октября 1825 г.», гдѣ онъ писалъ о посѣщеніи своего друга:

Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ.

Больше друзьямъ не пришлось встрѣтиться. То, о чемъ умалчивалъ П. передъ Пушкинымъ, состояло въ слѣдующемъ: П. случайно познакомился съ кружкомъ лицъ, которыя позднѣе приняли участіе въ Союзѣ Благоденствія, въ Сѣверномъ Обществѣ и въ событіи 14-го декабря. Пущинъ былъ однимъ изъ видныхъ участниковъ этого движенія, которымъ ознаменовалась вторая половина царствованія Александра I. П. не долго оставался въ военной службѣ. Понимая, что этотъ родъ дѣятельности не дастъ ему простора для проведенія въ жизнь исповѣдуемыхъ имъ убѣжденій, онъ скоро бросилъ военную службу (въ чинѣ штабсъ-капитана) и служилъ сперва въ Петербургскихъ губернскихъ учрежденіяхъ, а затѣмъ принялъ мѣсто судьи въ 1-мъ Департаментѣ Московскаго Надворнаго Суда; перемѣна службы была вызвана желаніемъ обновить затхлую атмосферу тогдашняго чиновничества, развращеннаго взяточничествомъ, крючкотворствомъ: П. мечталъ честнымъ исполненіемъ долга подать примѣръ истинной службы на благо обществу и надѣялся «на этомъ поприщѣ оказать существенную пользу и своимъ примѣромъ побудить и другихъ принять на себя обязанности, отъ которыхъ дворянство устранялось, предпочитая блестящіе эполеты той пользѣ, которую оно могло-бы принести, внеся въ низшія судебныя инстанціи... благородный образъ мыслей, чистыя побужденія»... Поступокъ Пущина былъ настолько необыченъ, что когда, вскорѣ послѣ назначенія надворнымъ судьей, П. пришлось быть на балу у московскаго ген.-губ. кн. Голицына и когда онъ танцовалъ съ дочерью хозяина дома, одинъ изъ присутствующихъ, не знавшій раньше П., не могъ повѣрить своимъ глазамъ... «Какъ, говорилъ онъ, надворный судья танцуетъ съ дочерью генералъ-губернатора? Это вещь небывалая, тутъ кроется что-нибудь необыкновенное». Необыкновенное заключалось въ томъ, что въ среду тогдашней родовитой знати стали проникать новые, занесенные изъ Западной Европы понятія и взгляды, и Пушкинъ былъ вправѣ сказать по отношенію къ Пущину:

Ты освятилъ тобой избранный санъ;
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

Жизнерадостное настроеніе, характеризовавшее собой первую половину царствованія Александра I и явившееся результатомъ подъема общественнаго самосознанія, скоро смѣнилось реакціей. Вмѣстѣ съ этимъ поворотомъ мнѣнія въ правительственныхъ сферахъ должны были разлетѣться, какъ дымъ, мечты и надежды на лучшее будущее тѣхъ передовыхъ кружковъ, къ которымъ принадлежалъ Пущинъ, и усилиться тяготѣніе къ революціонной дѣятельности. Не имѣя возможности выступать открыто, эти кружки объединились въ тайныя общества, начавшія организоваться уже съ 1817 года. Пущинъ при-

надлежалъ къ Сѣверному Обществу и былъ однимъ изъ дѣятельныхъ его членовъ. Въ 1824 г., когда П. жилъ въ Красномъ Селѣ, Рылѣевъ, глава Сѣвернаго Общества, направилъ къ нему В. И. Штейнгеля. Въ разговорѣ съ послѣднимъ П. говорилъ, что ихъ общество основано для борьбы со зломъ и невѣжествомъ, и что онъ съ Рылѣевымъ оставилъ военную службу и поступилъ на гражданскую для изученія порядка дѣлъ. Такими глазами смотрѣло въ то время большинство членовъ на значеніе дѣятельности тайнаго общества. Но съ приближеніемъ 1825 года политическій элементъ сталъ все болѣе проникать въ ихъ программу. Въ началѣ 1825 года въ Сѣверномъ Обществѣ полагали, что къ маю 1826 года можно будетъ что-либо предпринять. Особенно сильно подѣйствовалъ пріѣздъ въ Петербургъ А. И. Якубовича. Пущинъ въ это время находился въ Москвѣ и черезъ барона Штейнгеля спрашивалъ Рылѣева, что они дѣлаютъ. Рылѣевъ на это отвѣтилъ: «вотъ увидишь, когда возвратится государь (изъ Таганрога), мы что-нибудь предпримемъ». Приближался декабрь мѣсяцъ. Пущинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и принималъ участіе во всѣхъ приготовленіяхъ и послѣднихъ собраніяхъ членовъ Общества: «Насъ, писалъ онъ въ Москву С. М. Семенову (члену общества), по справедливости назвали бы подлецами, если бы мы пропустили нынѣшній, единственный случай. Когда ты получишь это, все уже будетъ кончено. Насъ здѣсь 60 членовъ; мы можемъ надѣяться на 1500 рядовыхъ, которыхъ увѣрятъ, что цесаревичъ не отказывался отъ престола. Прощай, вздохни объ насъ, если и пр.». 12-го и 13-го декабря Пущинъ присутствовалъ на собраніяхъ, происходившихъ на квартирѣ Рылѣева. Оба эти собранія, въ виду надвигавшихся событій, должны были быть рѣшительными, но въ то же время были крайне безпорядочны.

14-го декабря Пущинъ былъ на Сенатской площади вмѣстѣ съ другими декабристами и стоялъ рядомъ съ кн. Е. П. Оболенскимъ. Одинъ изъ его лицейскихъ товарищей, Кюхельбекеръ, на слѣдствіи показалъ, что Пущинъ вмѣстѣ съ Оболенскимъ, Щепинымъ-Ростовскимъ, Бестужевыми и Одоевскимъ предводительствовалъ на площади и побудилъ его (Кюхельбекера) стрѣлять въ великаго князя Михаила Павловича и генерала Воинова. Но Пущинъ отрицалъ взведенное на него Кюхельбекеромъ обвиненіе (въ своемъ показаніи на судѣ 10-го мая 1826 г.), онъ говорилъ, что былъ увлеченъ толпой, и что въ это время увидѣлъ незнакомаго свитскаго офицера безъ шляпы и сталъ разспрашивать окружающихъ, что это значитъ. Ему отвѣтили, что это шпіонъ. Тогда онъ посовѣтовалъ остерегаться его или удалить; но кѣмъ былъ нанесенъ ударъ офицеру—не знаетъ и не видѣлъ. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, что дѣлалъ Пущинъ на Сенатской площади, остается открытымъ. Ничего не говоритъ объ этомъ Пущинъ и въ своихъ «Запискахъ Декабриста» (изд. въ Лондонѣ въ 1863 году). 14-го декабря вечеромъ Пущинъ былъ еще у Рылѣева. Затѣмъ вмѣстѣ съ другими онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. На допросахъ Пущинъ больше молчалъ или отрицалъ взводимыя на него обвиненія. Верховный Уголовный Судъ, признавъ П. виновнымъ «въ участіи въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго, въ участіи управленіемъ общества, въ принятіи членовъ и въ отдачѣ порученій и, наконецъ, въ томъ, что лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ», отнесъ его къ I разряду государственныхъ преступниковъ и присудилъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы. Указомъ, даннымъ Верховному Уголовному суду 10-го іюля 1826 г., наказаніе Пущину было смягчено: онъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, приговоренъ былъ къ ссылкѣ въ Сибирь на вѣчныя каторжныя работы. Указомъ отъ 22-го августа 1826 г. срокъ каторжныхъ работъ уменьшенъ былъ до 20 лѣтъ, а затѣмъ назначено было поселеніе въ Сибири.

Но прежде, чѣмъ попасть въ Сибирь, Пущину пришлось просидѣть нѣкоторое время въ Шлиссельбургѣ. Поэтому въ Сибирь онъ привезенъ былъ позднѣе другихъ. 5-го января, въ самый день прибытія въ Читу, Пущину былъ переданъ листокъ бумаги, на которомъ неизвѣстной рукой было написано слѣдующее стихотвореніе Пушкина:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный,
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то-же утѣшенье,

Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней!

Пушкинъ вспомнилъ о своемъ другѣ и еще разъ—въ стихотвореніи «19-е октября 1827 года»:

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ счастьѣ и въ житейскомъ горѣ,
Въ странѣ чужой, въ пустынномъ морѣ
И въ темныхъ пропастяхъ земли.

Это стихотвореніе прислалъ Пущину его бывшій директоръ Е. А. Энгельгардтъ.

По прибытіи въ Сибирь Пущину пришлось до 1839 года пробыть на каторгѣ. Жизнь на каторгѣ не была особенно тяжелой, и само названіе «каторга» въ примѣненіи къ жизни декабристовъ въ Читинской тюрьмѣ, Нерчинскихъ, Благодатскомъ и другихъ рудникахъ можетъ быть употреблено лишь въ условномъ смыслѣ: декабристы жили дружной семьей, устроивъ у себя въ казармахъ нѣчто въ родѣ университета, гдѣ они занимались умственнымъ трудомъ. Пущинъ вмѣстѣ съ Д. И. Завалишинымъ и П. А. Мухановымъ организовалъ на каторгѣ особое учрежденіе (малую артель) для обезпеченія неимущихъ членовъ въ будущемъ, по выходѣ на поселеніе. Кромѣ этой (малой) артели, существовали еще общая и газетная артель. Въ распоряженіи декабристовъ были не только всѣ журналы и газеты, но и спеціальныя книги по разнымъ отраслямъ знанія. «Читаю, пишетъ П. въ своемъ письмѣ къ Энгельгардту, все, что попадается лучшее; другъ другу пересылаемъ книги замѣчательныя, даже имѣемъ и тѣ, которыя запрещены». Живя въ Читинскомъ острогѣ, П. занялся переводомъ «Записокъ Франклина». Первую часть перевелъ самъ Пущинъ, вторую товарищъ его Штейнгель. Переводъ этой книги, посвященный Энгельгардту, вмѣстѣ съ другими переводами былъ отосланъ къ родственнику Муханова (тоже декабриста); но до 1845 года П. не имѣлъ свѣдѣній, дошелъ ли переводъ по назначенію, и что съ нимъ стало; повидимому, рукопись затерялась. Черновой же экземпляръ Пущину пришлось уничтожить во время тюремнаго осмотра, такъ какъ въ острогѣ чернила были запрещены, и декабристы пользовались ими контрабаднымъ способомъ.

9-го октября 1839 года, по Высочайшему манифесту, Пущинъ былъ освобожденъ отъ каторжныхъ работъ и водворенъ на поселеніе въ Западную Сибирь, въ г. Туринскъ. Во время четырехлѣтняго пребыванія въ Туринскѣ Пущинъ, какъ доносилъ Туринскій городничій и какъ показалъ Тобольскій губернаторъ о лицахъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи, «кромѣ чтенія книгъ ничѣмъ не занимался». Климатъ Сибири вредно дѣйствовалъ на здоровье П.: уже въ 1840 г. съ нимъ начались сильные хроническіе припадки. Ссылаясь на болѣзнь, П. исходатайствовалъ себѣ переводъ въ Ялуторовскъ, гдѣ условія жизни были лучше. Первые годы пребыванія здѣсь Пущинъ жилъ въ одномъ домѣ съ Е. П. Оболенскимъ (въ домѣ купца Бронникова); когда же Оболенскій женился, П. поселился на отдѣльной квартирѣ. Въ Ялуторовскѣ въ это время жили декабристы: Ентальцевы, М. И. Муравьевъ-Апостолъ, И. Д. Якушкинъ, Е. П. Оболенскій, В. К. Тизенгаузенъ, Басаргинъ. Время проходило незамѣтно; дважды въ недѣлю колонія собиралась въ четвергъ — у Пущина, въ воскресенье — у М. И. Муравьева; на этихъ собраніяхъ откровенно толковали о всѣхъ политическихъ событіяхъ; иногда, чтобы доставить удовольствіе старому товарищу Тизенгаузену, садились за карты; остальные дни проходили въ занятіяхъ всякаго рода, умственныхъ и механическихъ. Пущинъ пристрастился къ хозяйству и цѣлые дни проводилъ на огородѣ. Между тѣмъ, здоровье его не улучшалось, и онъ, съ разрѣшенія генералъ-губернатора Западной Сибири кн. П. Д. Горчакова, отправился изъ Ялуторовска въ Тобольскъ для совѣта съ медиками. На нѣкоторое время лѣченіе въ Тобольскѣ принесло ему облегченіе.

Во время пребыванія въ Тобольскѣ П. видался съ Бобрищевымъ-Пушкинымъ; послѣдній воспользовался пребываніемъ П., чтобы исправить сдѣланный Пущинымъ еще раньше переводъ Паскаля, который онъ затѣмъ и издалъ, но книга, повидимому, не имѣла сбыта. По возвращеніи изъ Тобольска П. нѣкоторое время чувствовалъ себя хорошо, но затѣмъ снова начались прежніе припадки, и въ началѣ 1849 года онъ обратился къ кн. П. Д. Горчакову съ просьбою разрѣшить ему отправиться для лѣченія на Туринскія воды. Эта поѣздка была ему разрѣшена, и расходы на нее, съ разрѣшенія кн. Горчакова, отнесены на счетъ казны. П. отправился на воды въ началѣ

іюня 1849 года, а въ декабрѣ того же года возвратился въ Ялуторовскъ. Во время этой поѣздки П. удалось повидаться съ Н. Бестужевымъ и нѣкоторыми другими товарищами. Вообще и самую поѣздку онъ предпринялъ не столько по болѣзни, сколько съ цѣлью повидаться съ друзьями. За все время пребыванія въ З. Сибири (16 лѣтъ на поселеніи) П. аттестовался, какъ отличающійся «хорошимъ поведеніемъ». Послѣ манифеста 26-го августа 1856 года Пущинъ выбылъ изъ Сибири.

И. И. Пущинъ былъ женатъ (съ 1858 г.) на Натальѣ Дмитріевнѣ Фонвизиной, рожденной Апухтиной (первый мужъ ея, декабристъ М. А. Фонвизинъ, умеръ въ 1854 году). Вскорѣ послѣ этого брака П. умеръ (3-го апрѣля 1859 г.) въ с. Марьинѣ, близъ г. Бронницъ Московской губ. (въ 53 верстахъ отъ Москвы). Погребенъ онъ въ Бронницахъ, около собора; его могила находится рядомъ съ могилой его товарища М. А. Фонвизина.

Кромѣ упомянутыхъ литературныхъ работъ Пущина (перевода записокъ Франклина и Паскаля), П. принадлежатъ «Записки декабриста», изданныя въ Лондонѣ въ 1863 году, и «Записки о дружескихъ связяхъ съ А. С. Пушкинымъ», напечатанныя первоначально съ сокращеніями, въ «Атенеѣ» 1859 г., ч. II, № 8; въ болѣе полномъ видѣ эти записки появились въ книгѣ Л. Н. Майкова: «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и истор.-лит. очеркъ» С.-Пб. 1899, а въ 1907 г. изданы въ С.-Пб. отдѣльною книгою («Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ») съ приложеніемъ воспоминаній о Пушкинѣ Е. И. Якушкина съ портретомъ Пущина. Нѣжное чувство, которое питалъ Пущинъ къ своему другу-поэту въ молодости, не покидало его и впослѣдствіи, и «Записки» проникнуты глубокой задушевностью и искренней братской любовью. Пущину принадлежатъ также «Письма изъ Ялуторовска» (1845 г.) къ Энгельгардту. Въ этихъ письмахъ, сообщая бывшему директору свѣдѣнія о своей собственной жизни, о г. Ялуторовскѣ, его жителяхъ, о товарищахъ, Пущинъ касается и сибирскихъ порядковъ, мѣтко характеризуетъ мѣстное чиновничество и съ особенной любовью останавливается при этомъ на законѣ 1842 года, по которому земли подъ частное владѣніе отводились не иначе, какъ при условіи обработки ихъ вольнымъ трудомъ. Въ этомъ онъ видитъ залогъ лучшаго будущаго Сибири. Вообще его письма къ Энгельгардту полны мѣткихъ замѣчаній, и въ нихъ проглядываетъ образованный, передовой человѣкъ.

«Атеней» 1859, ч. II, № 8; Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ. Біограф. матеріалы и истор.-литер. очерки». С.-Пб. 1899 г.; «Русская Старина» 1870 г., т. I, 293; 1873 г., т. 13, стр. 337, 354, 374; 1879 г., т. 25, стр. 305; 1881 г., т. 30, стр. 423—429; т. 34, стр. 472—475; 1884 г., т. 42, стр. 31—33; 1886 г., т. 52, стр. 236; 1891 г., т. 72, стр. 91—94; 1901 г., т. 105, стр. 437, 445; «Русскій Архивъ» 1870 г., стр. 1581, 1585, 1593, 1618; 1879 г., III, 469—480; 1881 г., II, 313—334; 1893 г., III, 405, 427, 438; «Историческій Вѣстникъ» 1888 г., т. 32, стр. 390, т. 34, стр. 754, 755; 1890 г., т. 39, стр. 123—125; 1896, т. 64, стр. 966; 1899 г., т. 77, стр. 268—270; Н. А. Гастфрейндъ, «Кюхельбекеръ и Пущинъ», С.-Пб. 1901 г.; Дмитріевъ-Мамоновъ, «Декабристы въ Западной Сибири», М. 1895 г.; Записки В. П. Зубкова. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго, С.-Пб. 1906 г. (съ портретомъ П-на); Альбомы Пушкинскихъ выставокъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ; В. В. Руммель, «Родословный Сборникъ», т. II, С.-Пб. 1887.

А. Е. Ельницкій.

Пущинъ, *Иванъ Петровичъ*, генералъ-интендантъ флота, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ; происходилъ изъ дворянъ и былъ сыномъ Петра Ивановича П., также генералъ-интенданта флота; родился въ 1754 г., ум. 7-го октября 1842 г. въ С.-Петербургѣ, погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Въ 1765 г. П. поступилъ въ Морской шляхетный корпусъ кадетомъ, 15-го декабря 1769 года былъ произведенъ въ гардемарины, съ 1769 г. по 1772 г. ежегодно плавалъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ на пинкахъ «Слонъ» и «Нарчинъ» и изъ Архангельска въ Кронштадтъ на кораблѣ № 1, и 15-го сентября 1771 г. произведенъ въ мичмана. Въ 1772 г. на кораблѣ «Графъ Орловъ», въ эскадрѣ контръ-адмирала Чичагова, онъ перешелъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ, а 28-го октября участвовалъ въ сраженіи при Патрасѣ; съ 1773 по 1775 г. на томъ же кораблѣ былъ въ крейсерствѣ въ Архипелагѣ, въ 1775 и 1776 гг., на фрегатѣ «Богемія», перешелъ изъ Ливорно въ Кронштадтъ, а 21-го апрѣля 1777 г. произведенъ въ лейтенанты. Въ 1778 г. П. былъ назначенъ командовать придворной яхтою «Петергофъ», съ 1779 по 1786 г. ежегодно плавалъ на судахъ галернаго флота, 1-го мая 1783 г. произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, съ 18-го марта 1784 по 25-е

апрѣля 1785 г. находился въ командировкѣ въ Смоленскѣ, для постройки судовъ, которыхъ и было имъ построено 52; за эти труды П. 29-го апрѣля 1785 г. былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. 17-го мая 1787 г. П. произведенъ въ капитаны 2-го ранга, въ томъ же году, командуя галерою «Днѣпръ», плавалъ отъ Кіева до Екатеринославля въ составѣ флотиліи, на которой находилась Государыня Императрица, а 5-го мая 1788 г. былъ опредѣленъ въ должность капитана надъ галернымъ портомъ; въ 1788 же году подъ его наблюденіемъ приготовлено и отправлено въ кампанію 27 судовъ, въ 1789 г.— 79 судовъ, въ 1790 г. — 72 судна; кромѣ того построено къ нимъ 30 дессантныхъ судовъ и 50 катеровъ. За труды по снаряженію судовъ П. въ 1789 г. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст., 1-го января 1790 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, въ 1793 г. (28-го февраля), по опредѣленію Адмиралтействъ-Коллегіи, отправленъ въ Кронштадтъ и тамъ (8-го марта) вступилъ въ должность капитана надъ Кронштадтскимъ портомъ, гдѣ производилась подъ его присмотромъ починка кораблей и фрегатовъ, а также и снаряженіе судовъ въ кампанію. 13-го ноября 1796 г. П. былъ произведенъ въ капитаны бригадирскаго ранга, 26-го марта 1797 г. назначенъ оберъ-интендантомъ, 6-го апрѣля того же года сдалъ портъ и вступилъ въ завѣдываніе интендантскою экспедиціей, а 13-го іюля того же года возвратился изъ Кронштадта въ Петербургъ и вступилъ въ должность присутствующаго въ Интендантской Экспидеціи. 23-го сентября 1798 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, 13-го ноября 1802 г.—въ генералъ-лейтенанты, въ этомъ же году состоялъ управляющимъ Исполнительной Экспедиціи съ званіемъ генералъ-интенданта, а 4-го апрѣля 1805 г. опредѣленъ временнымъ членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. 10-го марта 1806 г. П. назначенъ былъ управляющимъ Хозяйственной Экспедиціей морского генералъ-кригсъ-комиссаріата, 23-го декабря 1808 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й ст., въ октябрѣ 1809 г., вмѣстѣ съ Хозяйственной Экспедиціей Адмиралтействъ-Коллегіи, поручено ему было управленіе и Исполнительной Экспедиціей. 1-го мая 1810 г. П. Хозяйственную Экспедицію сдалъ генералъ-маіору Шишмареву, а 10-го августа 1821 г. ему повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. 29-го августа 1821 г. П. назначенъ былъ въ Межевой Департаментъ Сената, въ 1832 г.—во временное общее собраніе, и въ 1834 г. пожалованъ кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла.

Формулярный списокъ о службѣ сенатора И. П. Пущина за 1834 г.; «Общій Морской Списокъ», ч. IV, царствованіе Екатерины II, С.-Пб. 1890 г., стр. 636; Мѣсяцесловъ на 1844 г., стр. 167; «Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи» 1888 г., т. III, стр. 92; «Опись дѣлъ Рязанскаго Историческаго Архива», Вып. II; В. В. Руммель, Родословный сборникъ, т. II, С.-Пб. 1887 г.

И. Марченко.

Пущинъ, *Кириллъ Панкратьевичъ*, воевода. Въ 1655 г., іюля 30-го, будучи стряпчимъ, присланъ былъ съ сеунчемъ о взятіи московскими войсками Вильны. Въ 1656 г., іюля 19-го, въ самый день прибытія царя Алексѣя Михайловича съ войскомъ къ городу Друѣ, на берегу Двины, П. привезъ царю письмо князя Никиты Ив. Одоевскаго, съ извѣстіемъ о смерти сына его, князя Ѳеодора Никитича; царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ кн. Одоевскому съ П-мъ милостивую грамоту, въ которой просилъ его «отъ зѣльныя своея скорби и печали не сокрушаться, памятуя общее всѣмъ живущимъ едино воспріятіе смерти». Въ 1658, 1660 и 1662 гг. П. состоялъ при московскомъ посольствѣ на съѣздѣ съ польскими послами въ Вильнѣ, Борисовѣ и Смоленскѣ. Въ январѣ 1664 г. онъ былъ посланъ къ польскому королю Яну-Казиміру съ грамотой царя Алексѣя Михайловича, въ которой предлагался новый съѣздъ уполномоченныхъ. Въ февралѣ П. нашелъ Яна-Казиміра подъ Сѣвскомъ—въ с. Ушинѣ. Литовскій канцлеръ Пацъ объявилъ ему, что съ королевской стороны коммиссары готовы и что съѣзду быть въ Бѣлевѣ или въ Калугѣ. Въ это же время пріѣхалъ и крымскій посолъ и требовалъ, чтобы послы крымскаго хана присутствовали на съѣздѣ королевскихъ коммиссаровъ съ царскими уполномоченными. Канцлеръ Пацъ отвѣчалъ, что когда король заключитъ миръ съ царемъ, то можетъ помирить съ нимъ и хана. Проводя крымскаго посла, Пацъ сказалъ П-ну: «Когда великіе государи наши христіанскіе склонятся къ покою, то всѣ мечи наши оборотимъ на этихъ басурманъ». Въ 1668 г., іюля 9-го, П. былъ отправленъ въ Смоленскъ для пограничнаго размежеванія. Въ

1677—1678 гг. онъ былъ воеводой въ Царицынѣ; во время его воеводства Донскіе казаки воевали съ калмыками. Въ 1678 г. П. пожалованъ былъ въ стольники, въ 1679 г. былъ товарищемъ воеводы въ Астрахани, а въ 1682—1684 гг.—воеводой въ Самарѣ; во время этого воеводства, въ 1683—1684 гг. была длинная переписка между П. и Приказомъ Казанскаго Дворца относительно двухъ человѣкъ, пришедшихъ на Яикъ и выдававшихъ себя за московскихъ бѣглыхъ стрѣльцовъ. П., по царскому повелѣнію, посылалъ конныхъ стрѣльцовъ на Яикъ, чтобы разыскать тамъ и доставить бѣглецовъ въ Самару, но всѣ розыски оказались безуспѣшными. Въ 1687 г. онъ «ставилъ сторожи» во время крымскаго похода. 10-го іюля 1690 г., за царскимъ обѣденнымъ столомъ по случаю рожденія и крещенія царевны Ѳеодосіи Іоанновны, П. былъ приставленъ угощать архіереевъ; въ 1694 г., января 26-го, дневалъ и ночевалъ у гроба царицы Натальи Кирилловны, а въ 1696 г. правилъ посольство къ калмыцкому тайшѣ-хану Аюкѣ и отвелъ 3000 калмыцкихъ ратныхъ людей подъ Азовъ въ большой полкъ къ боярину и воеводѣ Алексѣю Семеновичу Шеину. Въ 1697 г. П. былъ награжденъ сразу за свои прежнія службы въ Царицынѣ и въ Самарѣ, а также за посылку къ хану Аюкѣ: ему пожаловано два кубка серебряные золоченые съ «кровлями», т.-е. крышками, вѣсомъ одинъ—въ 2 фунта другой въ 63 золотника; кромѣ того, золотный атласъ въ 35 рублевъ.

Изъ сохранившихся семейныхъ бумагъ рода Пущиныхъ видно, что Кириллъ Панкратьевичъ былъ человѣкъ съ большими по тому времени денежными средствами, и что онъ сильно заботился объ увеличеніи своихъ земельныхъ владѣній путемъ покупки и промѣна, а во время воеводства на Самарѣ пользовался возможностью скупать калмыковъ, татаръ и татарокъ. За свою службу онъ неоднократно получалъ въ вотчину помѣстныя земли въ Галицкомъ, Тульскомъ, Каширскомъ, Рязанскомъ и Данковскомъ уѣздахъ. Извѣстно, что въ 1703 г. П. былъ еще живъ и находился въ отставкѣ.

«Акты ист.», т. V, стр. 171, 173; «Доп. къ актамъ ист.», т. VII, стр. 233, 235 — 238, 241, 246; VIII, 247, 248; X, 385; XI, 136—137; «Опис. докум. и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст.», т. I, №№ 459, 475, 2403; А. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, т. IV, стр. 279, 280, 414; Н. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ, С.-Пб. 1902 г., стр. 12, 129, 268; «Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ», М. 1872 г., т. I, стр. 334; В. В. Руммель, Родословный сборникъ, т. II, стр. 317; Соловьевъ, Ист. Россіи, XI, стр. 224; «Описи дѣлъ Рязанскаго истор. архива», вып. II, Рязань. 1889 г., стр. 1—8.

В. Корсакова.

Пущинъ, *Константинъ Михайловичъ*, воевода. Въ 1589—1629 гг. упоминается, какъ помѣщикъ Тульскаго уѣзда; въ 1622 г. былъ окладчикомъ дворянъ и дѣтей боярскихъ Тульской десятни, а въ 1622—23 гг. былъ осаднымъ воеводой на Тулѣ и въ 1625—26 гг. составлялъ писцовыя книги церквей, посадскихъ дворовъ, лавокъ и кузницъ города Новосиля. Въ 1626 — 1627-мъ гг. П. былъ воеводой въ Болховѣ, а въ 1635—1637-мъ гг.—воеводой въ Оскольѣ. Онъ ограбилъ литовскихъ купцовъ, которые пріѣзжали въ Оскольскій уѣздъ тайно продавать вино и табакъ; за это царь велѣлъ его «по сыску казнить смертью», а сыну его и другимъ 25-ти человѣкамъ, которые также оказались виновны въ этомъ дѣлѣ, велѣлъ учинить жестокое наказаніе при литовскихъ людяхъ, пріѣзжавшихъ для сыску, и отдать этимъ послѣднимъ награбленное. Вслѣдствіе челобитья Оскольскихъ вордтниковъ о неприневоливаніи ихъ быть «наплечными мастерами» (т.-е. палачами), царь велѣлъ выбрать изъ «гулевыхъ людей», кто къ тому дѣлу похочетъ, чтобы совершить казнь надъ Пущинымъ.

«Разр. кн.», т. I и II; «Рус. Ист. Библ.», т. IX, стр. 436, 455, 461; X, 5, 44, 45, 81; А. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ, С.-Пб. 1902 г., стр. 17, 218; «Акты Моск. госуд.», т. II, стр. 2; «Оп. док. и бумагъ, хранящ. въ Мин. Юстиціи», т. II, 3214; В. В. Руммель, Родословый сборникъ, т. II, стр. 316; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 260.

В. Корсакова.

Пущинъ, *Михаилъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, комендантъ Бобруйской крѣпости, авторъ воспоминаній, братъ И. И. Пущина (см. выше), род. въ 1800 г., ум. 25-го мая 1869 г. Воспитывался въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ и въ 1816 г. (22-го декабря) былъ выпущенъ офицеромъ въ 1-й Саперный батальонъ, откуда 31-го января 1818 г. переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ прапорщикомъ, а черезъ годъ, произведенный въ подпоручики (17-го января 1819 г.),—въ лейбъ-гвардіи Конно-піонерный эскадронъ (1-го фе-

враля 1819 г.), которымъ въ 1824 г. уже въ чинѣ капитана онъ командовалъ. Не будучи, какъ его братъ Иванъ, членомъ Сѣвернаго тайнаго Общества, П., послѣ 14-го декабря 1825 г. былъ, однако, привлеченъ къ слѣдствію (отрывки изъ его Записокъ объ этой эпохѣ напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1905 г., № 8, стр. 425—430, въ статьѣ К. Я. Грота) и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. По словамъ барона А. Е. Розена, онъ «не одобрялъ намѣреній и дѣйствій декабристовъ, былъ совершенно другого мнѣнія, какъ доказываетъ его сужденіе о заговорѣ,—въ печатномъ Донесеніи Слѣдственной Коммиссіи, изъ бесѣды его съ Бестужевымъ-Марлинскимъ на квартирѣ Кондратія Рылѣева», куда онъ попалъ случайно наканунѣ возстанія; тѣмъ не менѣе, по приговору Верховнаго уголовнаго суда, П. былъ отнесенъ къ 10-му разряду государственныхъ преступниковъ за то, что «зналъ о приготовленіи къ мятежу, но не донесъ». Лишенный чиновъ и дворянства и написанный въ солдаты до выслуги, онъ былъ сосланъ въ Сибирь, въ Красноярскій гарнизонный батальонъ, откуда вскорѣ (послѣ коронаціи Императора Николая) былъ переведенъ на Кавказъ. Пріѣхавъ въ Грузію въ январѣ 1827 г., онъ принялъ участіе въ Персидской и Турецкой кампаніяхъ 1827—1829 гг., будучи зачисленъ Ермоловымъ, по ходатайству Паскевича, въ 8-й (впослѣдствіи Кавказскій) піонерный батальонъ и, начавъ съ обученія солдатъ батальона практическимъ полевымъ работамъ, въ теченіе военныхъ дѣйствій отличился цѣлымъ рядомъ геройскихъ подвиговъ, снискавшихъ ему расположеніе Ермолова, Дибича и Паскевича и имѣвшихъ вліяніе на благопріятный исходъ многихъ операцій подъ Абасъ-Абадомъ, Сардаръ-Абадомъ, Эриванью (за послѣднее дѣло П. былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, а въ мартѣ 1828 г.—въ прапорщики), Карсомъ, Хертвисомъ, Ахалцыхомъ (гдѣ былъ тяжело раненъ пулею въ грудь) и Арзрумомъ, получивъ послѣдовательно ордена св. Анны 4-й и 3-й ст. и чинъ подпоручика. Въ январѣ 1829 г. Паскевичъ, ходатайствуя о награжденіи П-на орденомъ Георгія 4-й ст.—писалъ: «въ продолженіе всей осады Ахалцыха подпоручикъ Пущинъ употребляемъ былъ для разбивки и устроенія батарей въ самыхъ опаснѣйшихъ мѣстахъ, гдѣ всегда служилъ основною точкою, на которую направлялись колонны, и при сихъ случаяхъ оставался неподвижнымъ подъ жесточайшимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ; въ самыхъ работахъ примѣромъ ободрялъ людей и всегда содѣйствовалъ успѣхамъ оныхъ. На приступѣ 15-го августа, при заложеніи ложемента и батарей въ самомъ пылу сраженія, исполняя ревностно свою обязанность, раненъ жестоко пулею въ грудь на вылетъ. Непзмѣнное усердіе, безпримѣрное мужество и спокойствіе духа подпоручика Пущина содѣлываютъ его достойнымъ всемилостивѣйшаго воззрѣнія»; однако, вмѣсто ордена Георгія, Государь далъ ему чинъ поручика. О замѣчательной дѣятельности его во время войны декабристъ А. С. Гангебловъ въ своихъ Запискахъ даетъ такой общій отзывъ: «Болѣе всѣхъ былъ на виду М. И. Пущинъ. Съ самаго поступленія въ отрядъ, еще въ Персіи, онъ оставленъ былъ при штабѣ. Паскевичъ далъ полный просторъ дѣятельности и энергіи П-а. Въ своей солдатской шинели П. распоряжался въ отрядѣ, какъ у себя дома, переводя офицеровъ и генераловъ съ ихъ частями войскъ съ мѣста на мѣсто, по своему усмотрѣнію; онъ руководилъ и мелкими, и крупными работами, отъ вязанія фашинъ и туровъ, отъ работъ киркой и лопатой до устройства переправъ и мостовъ, до трасировки и возведенія укрѣпленій, до веденія апрошей и, кромѣ того, исполнялъ множество военныхъ порученій. Онъ же, въ той же солдатской шинели, присутствовалъ на важныхъ совѣтахъ у главнокомандующаго, гдѣ его мнѣнія почти всегда одерживали верхъ... Этотъ человѣкъ какъ бы имѣлъ даръ одновременно являться въ разныхъ мѣстахъ». О своей дѣятельности въ Персидскую и Турецкую кампаніи П. оставилъ весьма любопытные и цѣнные разсказы, напечатанные барономъ А. Е. Розеномъ въ «Русской Старинѣ» 1884 г. (т. XLI, стр. 306—338). Такой-же чрезвычайно цѣнный по содержанію разсказъ о встрѣчѣ съ Пушкинымъ въ лагерѣ Паскевича въ серединѣ іюня 1829 г., о путешествіи съ нимъ на минеральныя воды изъ Владикавказа въ августѣ того-же года и о пребываніи въ Горячеводскѣ и Кисловодскѣ напечатанъ въ сборникѣ Л. Н. Майкова «Пушкинъ» (С.-Пб. 1899, стр. 387—394) подъ заглавіемъ «Встрѣча съ А. С. Пушкинымъ за Кавказомъ»; разсказъ этотъ былъ написанъ

въ 1857 г. въ Clarens, гдѣ тогда жилъ Пущинъ одновременно съ графомъ Л. Н. Толстымъ, который доставилъ его П. В. Анненкову. О Пущинѣ неоднократно упоминаетъ и Пушкинъ въ своемъ «Путешествіи въ Арзрумъ». Въ 1830 г., изъ-за непріятностей, возникшихъ у него съ Паскевичемъ, П. оставилъ службу на Кавказѣ и вернулся въ Россію, съ разрѣшенія Императора Николая, которому была извѣстна отличная служба П-на во время военныхъ дѣйствій, но который дважды отклонялъ представленія о награжденіи его орденомъ св. Георгія. Вскорѣ послѣ того П. женился на N. Петровнѣ Пальчиковой, а въ 1838 г.—на Маріѣ Яковлевнѣ Подкользиной и въ 1842 г. былъ во Псковѣ, а въ 1845 г.—въ Петербургѣ. «При Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ», разсказываетъ князь А. М. Горчаковъ (товарищъ по Лицею брата П-на, Ивана Ивановича), «въ бытность Его Величества на водахъ въ Киссингенѣ, въ 1857 году, гдѣ былъ тогда и старикъ М. И. Пущинъ, я имѣлъ случай говорить о немъ Императору. Государь принялъ въ старикѣ участіе, повелѣлъ Капитулу разыскать дѣло о представленіи Пущина къ Георгію... графомъ Паскевичемъ» и «хотѣлъ назначить старика, съ производствомъ его въ генералы, въ Петропавловскую крѣпость комендантомъ, но вакансія тамъ еще была занята»; дѣйствительно, 17-го декабря 1858 г. «отставной гвардіи капитанъ» М. И. Пущинъ «за отличіе» былъ награжденъ орденомъ Георгія 4-й ст. Въ эпоху реформъ Императора Александра II Пущинъ былъ, по словамъ барона А. Е. Розена, «попечителемъ народныхъ сельскихъ школъ и принялъ дѣятельное участіе въ приведеніи въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, когда онъ былъ членомъ Губернскаго Присутствія по дѣламъ крестьянскимъ въ Москвѣ», гдѣ въ сентябрѣ 1858 г. представлялся Императору Александру II во время его путешествія по Россіи въ связи съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ. Произведенный въ д. с. совѣтники, П. затѣмъ былъ зачисленъ по армейской кавалеріи, съ переименованіемъ (5-го мая 1865 г.) въ генералъ-маіоры и назначенъ комендантомъ крѣпости въ Бобруйскъ; на этой должности онъ получилъ ордена св. Владиміра 3 ст. (1863) и Станислава 1 ст. (1867) и скончался 25-го мая 1869 г. Отзывы людей, знавшихъ П-на, рисуютъ его въ очень привлекательныхъ краскахъ; встрѣтившійся съ нимъ во Франціи графъ Л. Н. Толстой писалъ П. В. Анненкову: «Пущинъ этотъ — прелестный и добродушный человѣкъ. Они съ женой здѣсь трогательно милы, и я ужасно радъ ихъ сосѣдству».

А. Волкенштейнъ. Исторія л.-гв. Сапернаго баталіона 1812 — 1852, С.-Пб. 1852, стр. 244; Исторія л.-гв. Сапернаго батальона, С.-Пб. 1879, по указат.; «Ежегодникъ Русской арміи» 1870 г., некр., стр. 74; «Русск. Арх.» 1879, III, 478; 1881, II, 318, 334; 1886, II, 250, 258, 259, 261, 262; «XIX вѣкъ», кн. I, 109, 182, 210; «Русск. Стар.» 1872, т. VI, стр. 261, 1881, т. XXX, стр. 25, 1882, т. XXXIV, стр. 423, 1183 г., т. 40, 1884 г., т. 41 и 1903, т. 114, стр. 482 и слл. (статья Е. Г. Вейденбаума); (Н. П. Ушаковъ), «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 г., ч. I, С.-Пб. 1836, стр. 220, 223, ч. II, С.-Пб. 1836, стр. 80; Л. Н. Майковъ, Пушкинъ, С.-Пб. 1899; Сочиненія А. С. Пушкина, изд. тов. «Просвѣщеніе», т. VI; В. Степановъ и Н. Григоровичъ, Въ память столѣтн. юбилея ордена св. Георгія, С.-Пб. 1869, стр. 226, № 10143; А. Л. Гизетти. Сборникъ свѣдѣній о георгіевскихъ кавалерахъ и боевыхъ знаковъ отличій Кавказскихъ войскъ, Тифлисъ. 1901, стр. 38—39; Адресъ-Календари 1866—1867 г.; Списокъ генераловъ по 1 дек. 1867, стр. 722; В. В. Руммель, Родословный сборникъ, т. II, стр. 312; Б. Л. Модзалевскій, Записки В. П. Зубкова, С.-Пб. 1906; «Астафьевскій Архивъ, т. III, С.-Пб. 1899, стр. 177—178; Баронъ А. Е. Розенъ. Записки декабриста, С.-Пб. 1907; М. В. Довнаръ-Запольскій, Мемуары декабристовъ, Кіевъ. 1906; «Ист. Вѣстн.» 1905, № 9 (въ статьѣ К. Я. Грота); статья Е. Г. Вейденбаума въ сборникѣ «Кавказская поминка о Пушкинѣ», Тифлисъ. 1899; «Щукинскій Сборникъ», вып. III, стр. 323—324 (письмо М. И. Пущина къ брату изъ Кисловодска, отъ 25-го августа 1829 г.); Кн. Щербатовъ, Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ; «Русск. Вѣстн.» 1869, т. 84, стр. 80; Записки Н. И. Греча, С.-Пб. 1886.

Б. Модзалевскій.

Пущинъ, *Николай Николаевичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился 9-го мая 1792 г., происходилъ изъ дворянъ Псковской губ.; его отецъ, секундъ-маіоръ Николай Ивановичъ П., опредѣлилъ сына въ Пажескій корпусъ, откуда онъ 14-го декабря 1811 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Литовскій (нынѣ л.-гв. Московскій) полкъ и въ его рядахъ принималъ участіе въ Отечественной войнѣ; раненый при Бородинѣ пулей въ лѣвую ногу на вылетъ, онъ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость»; въ 1813 г. онъ былъ въ дѣлахъ при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Дипольдтъ-Вальде, Кульмѣ и Лейпцигѣ и за участіе въ войнѣ съ французами былъ на-

гражденъ серебряною медалью и прускимъ орденомъ «Pour le mérite» (1816 г., декабря 5-го). Въ 1817 году изъ батальона, стоявшаго въ Варшавѣ, былъ сформированъ (7-го декабря) новый л.-гв. Литовскій полкъ, въ которомъ поручикъ П. и продолжалъ свою дальнѣйшую службу, 9-го апрѣля 1822 г. получивъ чинъ капитана. Люди, знавшіе его въ Варшавѣ, свидѣтельствуютъ, что это былъ человѣкъ, выдающійся изъ офицерской среды того времени по уму и серьезному, многостороннему образованію, которому онъ былъ обязанъ исключительно себѣ (онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ); его квартира была мѣстомъ собраній офицеровъ; стойкость и благородство его правилъ не допускали ни малѣйшей уступчивости тамъ, гдѣ дѣло касалось справедливости; великій князь Константинъ Павловичъ любилъ и уважалъ П., и это оказало большее вліяніе на его судьбу. Сильнаго шума надѣлалъ эпизодъ исключенія изъ своей среды, подъ вліяніемъ П., командовавшаго тогда 2-ой гренадерской ротой офицерами л.-гв. Литовскаго полка двухъ капитановъ; великій князь былъ противъ этого и, призвавъ къ себѣ ротныхъ командировъ, назвалъ ихъ сплетниками; «Вы оскорбляете мундиръ, который сами носите, Ваше Высочество, заявилъ Пущинъ, законъ не даетъ вамъ право ругать насъ». За эти слова Цесаревичъ велѣлъ судить П. въ 24 часа военнымъ судомъ, но единодушный протестъ всѣхъ капитановъ, заявившихъ себя участниками его возраженій, побудилъ великаго князя разорвать приговоръ со словами: «Я хочу съ П. помириться; все забыто». Черезъ годъ П. снова навлекъ на себя неудовольствіе Цесаревича. Когда однажды нетерпимый сослуживцами полк. Варпаховскій на ученьѣ грубо обошелся съ однимъ изъ офицеровъ, возмущенный П. обѣщалъ его «проучить» и погрозилъ ему кулакомъ. Варпаховскій подалъ рапортъ великому князю, который, позвавъ П. къ себѣ, убѣждалъ его извиниться, но примиреніе не состоялось; Константинъ Павловичъ вторично призвалъ къ себѣ П., сталъ ему выговаривать, а затѣмъ, схвативъ за желтые отвороты, рванулъ за нихъ и сказалъ: «ты недостоинъ ихъ носить». Трудно сказать, что произошло съ П.: онъ началъ срывать съ себя офицерскія принадлежности и заявилъ, что не хочетъ служить вмѣстѣ съ великимъ княземъ, послѣ чего былъ арестованъ; въ Петербургъ былъ посланъ курьеръ съ донесеніемъ Государю; затѣмъ, пожалѣвъ Пущина, Цесаревичъ послалъ другого курьера съ объясненіями, что виноватъ онъ самъ, но было уже поздно: Государь прочелъ донесеніе. Рѣшивъ раздѣлить участь П-на, всѣ офицары Литовскаго полка подали рапорты объ оставкѣ; великій князь, призвавъ ихъ, сказалъ, что они употребляютъ черезчуръ сильныя средства для спасенія товарища, котораго онъ всегда любилъ и любитъ не менѣе ихъ; «даю вамъ слово, сказалъ онъ, просить у Государя моей 30 лѣтней службой о его помилованіи». Государь, однако, отказалъ въ просьбѣ Цесаревичу, велѣлъ произвести у П. обыскъ и судить его по всей строгости законовъ. Въ бумагахъ его нашли брошюрку противъ правительства и рѣзкій отзывъ о Константинѣ Павловичѣ, что̀ послужило поводомъ къ обвиненію его въ неблагонадежности. Въ декабрѣ 1822 г. Пущинъ заболѣлъ и былъ переведенъ въ комнаты дворца, гдѣ Царевичъ доставилъ ему всѣ средства къ выздоровленію. Приговоромъ суда П. былъ осужденъ на разстрѣляніе и только благодаря усиленному ходатайству великаго князя наказаніе было ограничено разжалованіемъ въ рядовые безъ выслуги, съ лишеніемъ дворянства и орденовъ (приказъ 17-го марта 1823 г.); онъ былъ зачисленъ нижнимъ чиномъ въ армейскій Литовскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ г. Лидѣ. Прибывъ сюда, П. отпустилъ своего служителя въ деревню, жилъ въ общей казармѣ, отказавшись отъ предложенія офицеровъ поселиться съ ними, и несъ всѣ обязанности рядового. На смотру 24-ой пѣхотной дивизіи, Цесаревичъ подъѣхалъ къ ряду, гдѣ стоялъ П., слѣзъ съ коня и, взявъ его подъ руку, вывелъ передъ полкъ и сказалъ своей свитѣ: «Господа, Н. Н. Пущинъ былъ примѣрнымъ офицеромъ всей русской арміи, а теперь онъ образецъ солдата — я горжусь имѣть подъ своимъ начальствомъ столь достойнаго сослуживца», послѣ чего поцѣловалъ его нѣсколько разъ. Въ сентябрѣ 1823 года Государь дѣлалъ смотръ войскамъ подъ Брестомъ; «Я такъ всѣмъ доволенъ», сказалъ Онъ по окончаніи смотра Цесаревичу, «что не знаю, что сдѣлать для тебя», но, предугадывая просьбу великаго князя, добавилъ: «проси всего, кромѣ помилованія Пущина». Тогда, по словамъ

очевидцевъ, Константинъ Павловичъ упалъ передъ Императоромъ на колѣни. Государю это крайне не понравилось, но онъ простилъ Пущина, которому былъ возвращенъ прежній чинъ армейскаго капитана Литовскаго пѣхотнаго полка (1823 г., сентября 18-го). Переведенный Высочайшимъ приказомъ съ чиномъ капитана въ л.-гв. Литовскій полкъ въ 1826 году (января 28-го), онъ получилъ черезъ два года чинъ полковника (29-го октября 1828 г.), а 23-го іюня 1830 года—бриллiантовый перстень по случаю рожденія у него сына Павла, воспріемникомъ котораго отъ купели былъ Цесаревичъ. Въ началѣ польскаго возстанія 1831 г. Пущинъ, по распоряженію великаго князя, былъ назначенъ временнымъ военнымъ комендантомъ гор. Сѣдлеца (3-го февраля 1831 г.); при нападеніи на городъ мятежниковъ онъ быстро сформировалъ изъ выздоровѣвшихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ мѣстнаго госпиталя вполнѣ вооруженный батальонъ и командовалъ имъ въ сраженіи при Игане. Превосходныя силы поляковъ оттѣснили сѣдлецкій отрядъ генерала Герштенцвейга къ Мендзыржецу; здѣсь Пущинъ, быстро приведя въ оборонительное состояніе укрѣпленія города, дѣятельными мѣрами способствовалъ скорому вывозу казеннаго имущества и магазиновъ; командуя сначала пѣхотой отряда, а потомъ и всѣмъ отрядомъ (4 бат., 4 орудія, 1 сотня), онъ неусыпно наблюдалъ за непріятелемъ и составлялъ авангардъ генерала Розена. 20-го іюля Главнокомандующій назначилъ его, какъ извѣстнаго своей энергіей и дѣятельностью офицера, комендантомъ г. Ломжи, представлявшей важный стратегическій пунктъ, гдѣ П. и находился до подавленія возстанія, послѣ чего вернулся въ свой полкъ. За усмиреніе поляковъ онъ получилъ орденъ Анны 2-й ст. (8-го іюля 1832 г.) и польскій знакъ отличія за военныя достоинства 3-й ст. Назначенный 11-го февраля 1834 г. командиромъ Вологодскаго пѣхотнаго полка, П. получилъ черезъ мѣсяцъ (3-го марта) должность командира Дворянскаго Полка (нынѣ Константиновское Артиллерійское Училище), чинъ генералъ-маіора (1836 г., августа 1-го) и награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. за 25-лѣтнюю офицерскую службу (6-го декабря). Надо было знать, чѣмъ былъ Дворянскій полкъ до Пущина, чтобы судить, что̀ стоило ему преобразованіе этого заведенія; наполненный «недорослями», полкъ помѣщался на Петербургской сторонѣ въ ветхихъ деревянныхъ казармахъ; поведеніе воспитанниковъ заставляло обывателей сосѣднихъ улицъ бояться выходить вечеромъ за ворота; курсъ наукъ ограничивался строевыми занятіями, а при выпускныхъ экзаменахъ требовались лишь начала ариѳметики и грамоты (при выпускѣ 1832 г.—32 человѣка знали только азбуку); отъ этого лѣнивые кадеты другихъ корпусовъ старались попасть въ Дворянскій полкъ, для чего стоило только сдѣлать выходящій изъ ряда проступокъ. Желая преобразовать Дворянскій полкъ въ учебное заведеніе, которое стало бы въ уровень съ прочими корпусами, великій князь Михаилъ Павловичъ искалъ энергичнаго человѣка съ твердымъ характеромъ, и выборъ его палъ на П-а. Безъ подготовленныхъ помощниковъ онъ черезъ четыре года переродилъ Дворянскій полкъ, достигнувъ этого, правда, крайне строгими мѣрами. Въ 1838 году, 19-го января, Государь посѣтилъ полкъ и не могъ его узнать; Пущину было объявлено особенное Монаршее благоволеніе «за значительный успѣхъ въ образованіи и устройствѣ полка». «Объ этой замѣчательной личности существовало два совершенно противоположныхъ мнѣнія», говоритъ П. П. Карцевъ (бывшій воспитанникъ Дворянскаго полка): «одни считали его деспотомъ и грубымъ человѣкомъ, другіе находили въ немъ лучшія качества»; многіе воспитанники питали къ нему впослѣдствіи глубокое уваженіе. Однажды на репетиціи майскаго парада великій князь Михаилъ Павловичъ остался недоволенъ ученіемъ Дворянскаго полка и сказалъ Пущину: «вы, кажется, сами прошли хорошую школу, а служить не умѣете». Послѣ репетиціи Пущинъ подвергъ кадетъ экзекуціи, на которой одинъ изъ нихъ едва не былъ засѣченъ и вскорѣ долженъ былъ выйти въ гражданскую службу. Этотъ случай черезъ Императрицу дошелъ до Государя и сгубилъ Пущина, хотя онъ еще цѣлый годъ командовалъ Дворянскимъ полкомъ. Вскорѣ изъ-за новой экзекуціи между кадетами произошелъ бунтъ, результатомъ котораго была ссылка семерыхъ на Кавказъ юнкерами. На Пасху всѣ служащіе военно-учебныхъ заведеній явились поздравить великаго князя Михаила Павловича; христосуясь со всѣми, великій князь дошелъ до Пущина и ска-

залъ: «ты боленъ... надо непремѣнно лѣчиться, ѣхать куда-нибудь,— на воды что-ли». Вскорѣ (1847 г.) Пущинъ дѣйствительно сдалъ полкъ и уѣхалъ за-границу, долго лѣчился и тамъ ослѣпъ. Въ 1848 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 9-го іюня умеръ; Пущинъ былъ женатъ на дворянкѣ Эмиліи Антоновнѣ Гржимайло (род. 23-го декабря 1801 г., ум. 28-го мая 1882 г.), которая послѣ его смерти была назначена начальницей С.-Петербургскаго Женскаго Патріотическаго Института и имѣла орденъ св. Екатерины (1887 г.).

Архивъ Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ Заведеній въ С.-Пб., книги формул. списковъ Дворянскаго полка за 1837 г., стр. 1 и далѣе и за 1846 г., стр. 1 и далѣе; Приказъ Главнаго Директора Кадетскихъ корпусовъ полковнику Пущину 8-го іюня 1834 г.; Отношеніе Штаба Военно-Уч. Зав. отъ 5-го іюня 1837 г., № 3343; Приказъ по Военно-Уч. Завед. 13-го апрѣля 1838 г., № 198; О. Р. фонъ-Фрейманъ, «Пажи за 185 лѣтъ», Фридрихсгамнъ. 1894—97 гг., стр. 166—168, 823; Лалаевъ, «Историч. очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Главному ихъ Управленію 1700—1880 гг., С.-Пб. 1880, ч. I, стр. 102, ч. II, стр. 27—29; М. Гольмдорфъ, «Матеріалы для исторіи бывшаго Дворянскаго полка», С.-Пб. 1882 (см. портретъ Пущина); «Записки барона Андрея Евгеньевича Розена» (прил. къ «Отеч. Зап.», ч. I, гл. 2-я, стр. 484; «Русскій Архивъ», *1880 г.*, кн. I, стр. 468 (приказъ 1834 г., № 59), *1896 г.*, I, стр. 305 («Письма А. О. Смирновой»); «Русская Старина», *1873 г.*, VIII, 393, *1877 г.*, т. XX, 89, 90 («Въ Варшавѣ 1815—25 гг.»), *1882 г.*, т. XXXIV, 799, 801 («Дворян. полкъ въ 1807—59 гг.»), *1884 г.*, т. XLII, апр., 123, 127, 128, *1887 г.*, т. LIV, іюнь, 681 («Воспоминанія стараго учителя»), *1889 г.*, т. LXII, май, 491, 492, 493, т. LXIV, ноябрь, 316, 318 («Записки А. А. Одинцова»), *1891 г.*, т. LXX, 252, 256, 263, *1892 г.*, т. LXXV, 509, т. LXXVI («Воспом. Веригина»), 294—296, 300—313, *1893 г.* («Записки В. В. Веригина»), т. LXXVII, февр. 405 — 437, мартъ, 579, 580, 584, 586, 589, 592, 601, 613, 614, т. LXXVIII, апр., 113, 116; *1900 г.*, т. CI, мартъ, 629 («Цесаревичъ Константинъ Павловичъ»); «Историческій Вѣстникъ», *1895 г.*, т. LIX, мартъ, 894, 895 (Ширяевъ, «Изъ записной книжки старожила»).

Н. Артамоновъ.

Пущинъ, *Нилъ Львовичъ*, генералъ-маіоръ по Адмиралтейству, предсѣдательствовавшій въ Морскомъ Ученомъ Комитетѣ, бывшій начальникъ Главнаго Гидрографическаго Управленія, членъ многихъ ученыхъ обществъ, писатель. Его родители были помѣщики Тверской губерніи, гдѣ онъ и родился 29-го января 1837 года; въ ноябрѣ 1848 г. отданный въ Морской кадетскій корпусъ, онъ 13-го сентября 1853 года былъ произведенъ въ гардемарины, въ сентябрѣ слѣдующаго года, за выдающіеся успѣхи въ наукахъ и познанія въ кораблевожденіи, былъ назначенъ фельдфебелемъ, а 4-го мая 1855 г.—произведенъ въ мичмана, съ назначеніемъ въ 4-й флотскій экипажъ. Во время Крымской кампаніи 1853—1855 гг. П. находился при оборонѣ Кронштадтскаго порта: въ 1854 г. на кораблѣ «Фершампенуазъ», а въ слѣдующемъ году—на корветѣ «Князь Варшавскій». Въ ноябрѣ 1855 г. поступивъ въ офицерскіе классы корпуса, онъ 12-го мая 1858 г. былъ произведенъ въ лейтенанты; находясь въ офицерскихъ классахъ, онъ работалъ на Пулковской Обсерваторіи, заслуживъ полное одобреніе тогдашняго ученаго астронома А. Н. Савича; поэтому, когда онъ, по окончаніи классовъ, задумалъ посвятить себя гидрографіи, то Савичъ, видя его способности и предугадывая въ немъ будущаго ученаго, рекомендовалъ его Н. А. Ивашенцову, который былъ въ то время начальникомъ Гидрографической Экспедиціи Каспійскаго моря. Съ этого времени начинается научная дѣятельность Пущина. Войдя въ составъ этой экспедиціи, онъ принималъ живое участіе во всѣхъ ея работахъ и основательно изучилъ гидрографію, начавъ съ исполненія обязанностей производителя гидрографическихъ работъ и кончивъ отвѣтственной должностью начальника отдѣльной съемки. Въ теченіе 12-ти лѣтъ (съ 1858 г. по 1870 г.) находясь въ составѣ экспедиціи, Пущинъ ежегодно находился при работахъ и 1-го января 1869 года былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Его трудолюбіе, выдающіяся способности, глубокое знаніе гидрографическаго дѣла, которое въ теченіе двѣнадцати лѣтъ онъ изучалъ съ рѣдкимъ тщаніемъ и любовью, обратили на себя вниманіе высшаго начальства, такъ что когда, по смерти контръ-адмирала Н. А. Ивашенцова, должность завѣдующаго отдѣльной съемкой сдѣлалась вакантною, то на нее, несмотря на небольшой чинъ и сравнительную молодость, былъ назначенъ П. Начальникомъ отдѣльной гидрографической съемки Каспійскаго моря онъ состоялъ до ея окончанія, т.-е. до 1874 г.; такимъ образомъ всѣ послѣднія и вообще заключительныя работы были произведены всецѣло подъ его руководствомъ; по окончаніи съемки Каспійскаго моря П. (7-го мая 1875 г.) назначенъ былъ начальникомъ

съемки Балтійскаго моря. Уже въ іюнѣ этого же года онъ принялся за гидрографическія работы въ Абовскихъ и Аландскихъ шхерахъ, плавая на винтовой лодкѣ «Роса». Въ то же время онъ занялся обработкой данныхъ, собранныхъ еще во время работъ на Каспійскомъ морѣ. Обработка эта заняла у него около двухъ лѣтъ, и результатомъ ея явился огромный и извѣстный трудъ «Каспійское море. Гидрографическое описаніе и руководство для плаванія», сразу поставившій его въ число лучшихъ ученыхъ спеціалистовъ. Занимаясь магнитными наблюденіями на берегахъ Каспійскаго моря, П. составилъ первыя полныя магнитныя карты Каспійскаго моря, за что былъ удостоенъ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ одной изъ самыхъ его почетныхъ наградъ—большой золотой медали имени графа Ѳ. П. Литке. Начальникомъ гидрографической съемки Пущинъ оставался до 20-го сентября 1882 года, будучи произведенъ въ капитаны 2-го (1877 г.) и 1-го (1881 г.) ранговъ. Въ 1878 г. П. былъ командированъ въ распоряженіе Главнаго командира Кронштадскаго порта и вскорѣ послѣ этого назначенъ начальникомъ линіи наблюдательныхъ постовъ по южному берегу Финскаго залива. Въ то же время онъ не оставлялъ работъ по опредѣленію элементовъ земного магнетизма, а въ 1884 году, во 2-мъ № «Морского Сборника», былъ помѣщенъ новый трудъ его: «Магнитныя наблюденія, произведенныя при гидрографическихъ изслѣдованіяхъ шхеръ Балтійскаго моря въ 1875—1882 гг.» 20-го сентября 1882 года Пущинъ былъ назначенъ вице-директоромъ бывшаго Гидрографическаго Департамента, а въ 1884 году былъ назначенъ членомъ коммиссій: 1) для обсужденія мѣръ, могущихъ обезпечить единство и централизацію наблюденій, производимыхъ въ метеорологическихъ, водомѣрныхъ, газовыхъ и магнитныхъ станціяхъ, и 2) въ Лоцманскую Коммиссію. Вскорѣ послѣ этого состоялось назначеніе генералъ-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Веселаго членомъ Адмиралтействъ-Совѣта, и Пущину пришлось съ 1-го января 1885 года въ теченіе года исполнять обязанности директора Гидрографическаго Департамента. 1-го января 1886 года Гидрографическій Департаментъ былъ преобразованъ въ Главное Гидрографическое Управленіе, начальникомъ котораго былъ назначенъ вице-адмиралъ Р. И. Баженовъ, исполняющимъ же должность помощника начальника этого управленія—Пущинъ, черезъ годъ (5-го апрѣля 1887 г.), за отличіе по службѣ, произведенный въ генералъ-маіоры по Адмиралтейству и утвержденный въ занимаемой имъ должности. Спустя еще годъ, вице-адмиралъ Р. И. Баженовъ былъ уволенъ въ отставку, и исполненіе обязанностей начальника Главнаго Гидрографическаго Управленія было возложено на П. Въ 1891 году онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника Главнаго Гидрографическаго Управленія, каковымъ и состоялъ по день своей смерти. Со времени назначенія помощникомъ начальника Главнаго Гидрографическаго Управленія П. состоялъ членомъ Морского Ученаго Комитета, послѣ же Баженова былъ назначенъ предсѣдательствующимъ въ этомъ Комитетѣ. Кромѣ того, онъ состоялъ членомъ Конференціи Николаевской Морской Академіи. Неутомимый, горячо и беззавѣтно преданный своему дѣлу, рѣдкій знатокъ его, онъ безкорыстно работалъ на пользу науки. Не ограничиваясь исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей и состоя сначала членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, а послѣ и членомъ Совѣта его, онъ принималъ дѣятельное участіе во многихъ работахъ этого Общества. Такъ, напримѣръ, ему было поручено составленіе обзора гидрографическихъ работъ въ Россіи за 1875—1881 гг., исполненное имъ прекрасно и изданное Обществомъ на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Aperçu des travaux hydrographiques faits dans les mers et les lacs de la Russie de 1875 à 1881». Какъ членъ Совѣта Географическаго Общества и какъ ученый, пользовавшійся широкою извѣстностью и авторитетомъ не только въ Россіи, но и заграницей, Пущинъ въ 1879 году былъ выбранъ делегатомъ отъ Географическаго Общества на международный Географическій конгрессъ, происходившій въ Парижѣ. Скончался П. 29-го января 1891 года.

«Правительственный Вѣстникъ» 1891 г., 2-го февраля, № 28; «Новости» 1891 г., 30-го января, № 30; «Новое Время», 1891 г., 30-го января, № 5360; «Морской Сборникъ» 1891 г., мартъ, ст. Р. Зотова, стр. 1—8; «День» 1891 г., 31-го января, № 950; «Библіогр. Записки» 1892 г., № 1, стр. 36; «Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общ.» за 1891 г., С.-Пб. 1892 г., стр. 2—3; «Кронштт. Вѣстникъ»

1891 г., № 13—15; «Историч. Вѣстн.» 1891 г., т. XLIV, стр. 277; П. П. Семеновъ. Исторія Имп. Русск. Географ. Общества.

Пущинъ, *Павелъ Петровичъ*, сенаторъ, родился 19-го іюня 1769 г., происходилъ изъ дворянъ Осташковскаго уѣзда Тверской губерніи и былъ сыномъ сенатора же Петра Ивановича П. (см. ниже). На службу былъ опредѣленъ, 9-го марта 1781 г., сержантомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ и здѣсь послѣдовательно получилъ чины прапорщика (4-го декабря 1784 г.), подпоручика (1-го января 1786 г.) и поручика (1-го января 1788 г.). Съ 14-го мая по 18-е сентября 1789 года, во время Шведской войны, П. былъ въ походѣ въ Финляндской арміи. Въ 1790 году онъ перешелъ (10-го марта) волонтеромъ на гребную флотилію (съ чиномъ премьеръ-маіора), съ которой и находился во всѣхъ сраженіяхъ со шведскимъ корабельнымъ и гребнымъ флотомъ, но уже 14-го іюля того же года года былъ назначенъ подполковникомъ въ Сумскій легко-конный полкъ, изъ котораго 21-го августа 1791 г. былъ переведенъ командиромъ въ 3-ій Финляндскій егерскій полкъ. Въ 1794 г. (6-го августа) П. со своимъ батальономъ отправился Балтійскимъ моремъ до Риги и оттуда черезъ Курляндію въ Великую Литву для усмиренія вспыхнувшаго тамъ возстанія. Въ 1797 году (8-го января) онъ былъ произведенъ въ полковники и переведенъ въ Козловскій (Старобаденскій) мушкетерскій полкъ. 15-го марта 1798 г. произведенный въ генералъ-маіоры, онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Казань, а въ сентябрѣ того же года былъ сдѣланъ военнымъ губернаторомъ. 5-го февраля 1800 г. Пущинъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1801 году, сверхъ занимаемой имъ должности губернатора, сталъ управлять и гражданскою частью губерніи. Въ это время въ Петербургъ изъ Казани дошли слухи, что тамъ пыткою вынуждаютъ показанія отъ предполагаемыхъ преступниковъ. Для разслѣдованія дошедшихъ свѣдѣній былъ посланъ флигель-адъютантъ баронъ Альбединль. Тотчасъ началось производство слѣдствія, и 27-го сентября 1801 года Пущинъ былъ отрѣшенъ отъ должности и отданъ подъ судъ по дѣлу мѣщанина Яковлева, взятаго по подозрѣнію въ поджогахъ и пытками вынужденнаго къ признанію, слѣдствіемъ котораго былъ приговоръ его къ смертной казни. Несмотря на то, что во время приведенія ея въ исполненіе Яковлевъ «призывалъ всенародно Бога въ свидѣтели своей невинности», онъ долженъ былъ умереть. Этими событіями былъ вызванъ указъ Сенату, интересный между прочимъ тѣмъ, что въ немъ повелѣвалось изгнать навсегда пытку. Наконецъ, указомъ Сенату отъ 13-го ноября 1804 года Пущинъ былъ отъ суда освобожденъ въ виду того, что въ поступкѣ его не было усмотрѣно умышленнаго преступленія, за упущеніе же, которое, однако, было здѣсь признано, ему въ наказаніе вмѣнили отрѣшеніе отъ должности при самомъ началѣ слѣдствія и преданіи суду. Вслѣдъ за этимъ, 4-го сентября 1805 г., онъ былъ назначенъ шефомъ Эстляндскаго мушкетерскаго сформированнаго имъ полка, а 5-го марта 1812 г. онъ былъ сдѣланъ корпуснымъ командиромъ въ резервную обсерваціонную армію, соетоявшую подъ командою генерала-отъ-кавалеріи Тормасова. Въ 1813 году Пущинъ находился въ герцогствѣ Варшавскомъ для сформированія войскъ резервной арміи, а затѣмъ, съ этою же цѣлью, по выступленіи войскъ обсерваціоннаго корпуса на укомплектованіе полковъ Дунайской арміи, былъ назначенъ въ помощь генералъ-лейтенанту Эссену 2-му. Въ 1814 г. Пущинъ былъ назначенъ командиромъ 16-ой пѣхотной дивизіи, а 21-го января 1818 г. ему повелѣно было присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ по 4-му департаменту, находясь въ которомъ въ теченіе десяти лѣтъ безпрерывно, П. и умеръ 14-го февраля 1828 г. въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

Формулярный списокъ; надгробная надпись на Смоленскомъ кладбищѣ; «Русская Старина» 1899, августъ, стр. 244; «Камеръ-Фурьерскій журналъ 1791 года»; «Архивъ Морского Министерства», т. VI.

М. С. Леонидовъ.

Пущинъ, *Павелъ Сергѣевичъ*, генералъ-маіоръ; происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи (Новоржевскаго уѣзда), родился въ 1789 году. Его отецъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, оберъ-прокуроръ Межевого Департамента, Сергій Ивановичъ П., опредѣлилъ сына въ Пажескій корпусъ, откуда онъ былъ вы-

пущенъ изъ камеръ-пажей въ 1802 г. (4-го ноября) прапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Произведенный въ 1805 году въ подпоручики (9-го августа), онъ вмѣстѣ съ полкомъ слѣдовалъ въ Австрію; 20-го ноября участвовалъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, въ извѣстной штыковой атакѣ семеновцевъ, и за отличіе въ бою былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й ст. 29-го марта 1806 года П. вернулся изъ похода въ Петербургъ, а въ декабрѣ былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, въ армію для показанія рекрутамъ экзерцицій; въ этой командировкѣ онъ пробылъ до 12-го декабря 1807 г. Въ 1811 году (1-го мая) П. былъ произведенъ въ капитаны и въ слѣдующемъ году принималъ участіе въ Отечественной войнѣ со своимъ полкомъ, входившимъ въ составъ 5-го резервнаго корпуса 1-ой арміи. Подъ Бородинымъ семеновцы терпѣли страшныя потери въ продолженіе 14-ти часовъ отъ перекрестнаго огня французовъ и отразили съ барабаннымъ боемъ непріятельскую кавалерію; за отличіе въ этомъ бою Пущинъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст.; 6-го октября 1812 года онъ былъ въ ночной экспедиціи при Тарутинѣ, 11-го—при Мало-Ярославцѣ. Перейдя съ полкомъ Русскую границу, П., произведенный въ полковники (20-го января 1813 года), былъ въ бояхъ при Люценѣ и Бауценѣ; участвовалъ въ сраженіи при Геллендорфѣ, а 17-го августа — подъ Кульмомъ, гдѣ семеновцы потеряли въ рукопашной схваткѣ болѣе 900 человѣкъ; «не представляю о подвигахъ особенно отличившихся офицеровъ», доносилъ Ермоловъ, «надо было бы представить списокъ всѣхъ»; за отличіе въ этомъ сраженіи Пущинъ былъ награжденъ золотой шпагой съ надписью «за храбрость» и орденомъ прусскаго Желѣзнаго Креста; 4-го октября онъ былъ подъ Лейпцигомъ и, назначенный командиромъ батальона (19-го октября), слѣдовалъ за разбитыми войсками Наполеона во Францію и 18-го марта 1814 года былъ при взятіи Парижа. Будучи всего 27 лѣтъ, онъ былъ назначенъ (1816 г., 1-го января) командиромъ Охотскаго пѣхотнаго полка, а черезъ три мѣсяца (19-го апрѣля) переведенъ на ту же должность въ Нейшлотскій пѣхотный полкъ, бывшій въ составѣ 6-го армейскаго корпуса генерала Сабанѣева. Послѣдній поручилъ полковнику Пущину обучать офицеровъ 6-го корпуса «фронтовой тактикѣ» и писалъ про него Закревскому (тогда дежурному генералу Главнаго Штаба): «Пущинъ—малый рѣдкій, умный, честный, усердный—словомъ прекраснѣйшій». Произведенный въ 1818 году (1-го мая) въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командовать 2-ой бригадой 16-ой пѣхотной дивизіи, онъ былъ на хорошемъ счету и у начальника штаба 2-ой арміи П. Д. Киселева, отзывавшагося объ немъ, какъ о дѣятельномъ и полезномъ для службы офицерѣ. Въ концѣ этого года нѣсколько солдатъ Камчатскаго полка, бывшаго въ бригадѣ Пущина, подстрекаемые офицерами, состоявшими въ Союзѣ Благоденствія, произвели буйство и оказали неповиновеніе. 30-го марта 1822 года П. былъ уволенъ за болѣзнью отъ службы; впослѣдствіи онъ былъ вновь принятъ на службу, въ 1831 году участвовалъ, какъ командиръ 2-ой бригады 4-ой пѣхотной дивизіи, въ подавленіи Польскаго возстанія, за что былъ награжденъ маіоратомъ въ Царствѣ Польскомъ, и въ 1834 году былъ генералъ-лейтенантомъ. Онъ былъ основателемъ и предсѣдателемъ Кишиневской масонской ложи Овидій и былъ знакомъ съ Пушкинымъ, который написалъ ему стихотвореніе (1821 г.).

Общій Архивъ Главнаго Штаба, формулярные списки генераловъ, собранные въ 1818 г., № 383; Михайловскій-Данилевскій, «Описаніе 1-ой войны Александра съ Наполеономъ 1805 г.» (С.-Пб. 1844), стр. 144, 191, 193, 254; М. И. Богдановичъ, «Исторія Отечественной войны 1812 года» (С.-Пб. 1859), т. I, стр. 496, т. II, стр. 209, 474, 554, 578, 580; М. И. Богдановичъ, «Исторія войны 1813 года за независим. Германіи», С.-Пб. 1863, т. I, стр. 664, т. II, стр. 170, 206, 222, 228, 458; Леер, «Энциклопедія военн. и морскихъ наукъ», т. IV, стр. 245; Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества, т. 73, стр. 572, т. 78, стр. 59, 90—95, 104, 238, 256, 262; «Историч. Сборникъ», издав. П. Бартеневымъ, «*19 вѣкъ*», т. I (Москва. 1872); «Записки Н. В. Басаргина», стр. 74, примѣчаніе; Фонъ-Фрейманъ, «Пажи за 183 г.», Фридрихсгамнъ 1894 — 1897, стр. 863; «Русская Старина», 1893 г., т. 78, апр., стр. 155; соч. Пушкина, изд. «тов. Просвѣщенія», т. I.

Н. Артамоновъ.

Пущинъ, *Панкратій Константиновичъ*, воевода; женатъ на княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Козловской. Въ 1622 г. дворянинъ Тульской деятни, П. въ 1637 г. былъ письменнымъ головою при постройкѣ города на Изюмской сакмѣ у Яблоннаго лѣса, въ 1637 г.—вторымъ воеводой въ Пронскѣ, въ 1641 г.

полковымъ воеводой у Орѣховскаго пролома въ Каширѣ, въ 1648—49 гг. воеводой въ Верхососенскомъ, въ 1650—52 гг. въ Хотмыжскѣ; во время этого воеводства, въ 1650 г. онъ назначенъ былъ въ сходъ съ бояриномъ кн. Бор. Александр. Репнинымъ въ Бѣлгородъ, а въ 1652 г. въ Яблоновъ, въ сходъ съ кн. Гр. Сем. Куракинымъ. Въ 1654—58 гг. П. былъ вторымъ воеводой въ Дорогобужѣ, откуда въ 1655 г. посыланъ головою у татаръ на рѣку Березу, подъ городъ Борисовъ, «для языковъ», вмѣстѣ со стольникомъ и воеводой кн. Юр. Никит. Барятинскимъ. Въ 1658—77 гг. П. былъ дворяниномъ Московскимъ.

«Русск. Ист. Библ.», X, 409; Полн. Собр. Зак., т. II, стр. 849; Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ, С.-Пб. 1902 г., стр. 40, 68; В. Руммель, Родосл. сборникъ, т. II, стр. 317.

В. Корсакова.

Пущинъ, *Петръ Даниловичъ*, генералъ-маіоръ, шефъ Пермскаго полка, изъ дворянъ Каменецъ-Подольской губерніи, родился въ 1759 году. Зачисленный на службу рядовымъ во Флотскій батальонъ въ 1766 году, онъ въ 1782 году отплылъ унтеръ-офицеромъ на кораблѣ «Побѣдоносецъ» изъ Кронштадта въ Ливорно въ составѣ эскадры Чичагова, посланной крейсеровать въ Средиземное море для огражденія нейтральной морской торговли отъ посягательствъ воюющихъ и черезъ два года вернулся въ Россію. Въ чинѣ подпоручика (1786 г., 28-го августа) онъ принялъ участіе въ войнѣ со Швеціей: въ 1788 году проплавалъ на каикахъ въ Финскихъ водахъ, затѣмъ на кораблѣ «Мстиславъ» былъ въ упорномъ морскомъ сраженіи у Гохланда, на 100-пушечномъ адмиральскомъ кораблѣ «Ростиславъ» у Ревеля, гдѣ это судно разгромило три шведскихъ фрегата (1790 г., 2-го мая) и 22-го іюня—въ Выборгскомъ заливѣ при блокадѣ и преслѣдованіи прорвавшагося шведскаго флота. Въ 1794 году, 16-го октября, уже секундъ-маіоромъ, онъ былъ назначенъ кригсъ-коммисаромъ при Кронштадтскомъ портѣ, а черезъ три года опредѣленъ въ Московскій гренадерскій полкъ (1797 г., января 19-го) съ чиномъ полковника (6-го мая); 26-го февраля 1798 г., «за усердіе къ службѣ», награжденъ былъ 500 душами крестьянъ, а затѣмъ зачисленъ шефомъ въ Пермскій мушкетерскій полкъ (въ Оршѣ) и произведенъ въ генералъ-маіоры (1798 г., 3-го мая). Вскорѣ онъ выступилъ въ походъ противъ французовъ въ корпусѣ генерала Римскаго-Корсакова, 8-го августа 1799 г. прибылъ въ Швейцарію, гдѣ его полкъ несъ аванпостную службу вдоль праваго берега рѣки Лимашъ подъ начальствомъ генерала Дурасова; въ 1-й день Цюрихскаго боя П. прикрывалъ батарею на берегу во время демонстрацій и канонады французовъ. На обратномъ пути въ Россію, на зимнихъ квартирахъ въ Богеміи, онъ вышелъ въ отставку (3-го января 1800 года) и отправился къ себѣ въ имѣніе.

Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба, формулярные списки за 1800 годъ, по архиву № 778; Д. А. Милютинъ, «Исторія войны Россіи съ Франціей въ 1799 году», С.-Пб. 1852 — 53, т. I, гл. VI, прилож., стр. 409, т. II, прил., стр. 505, т. III, стр. 157, 159, т. IV, стр. 73, 84, 102, 293, т. V, 472; Г. А. Лееръ, «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», т. II, С.-Пб. 1885, стр. 295, 341, 563, т. VI, С.-Пб. 1893, стр. 268, 528, т. VII, С.-Пб. 1895, стр. 55; Сенатскій Архивъ, т. I, С.-Пб. 1888.

Н. Артамоновъ.

Пущинъ, *Петръ Ивановичъ*, адмиралъ, командиръ Балтійскаго гребного флота и Кронштадтскаго порта, сенаторъ. Происходилъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, родился 11-го декабря 1723 г. и 27-го апрѣля 1743 г. былъ опредѣленъ въ Морскую Академію, по окончаніи полнаго курса въ которой произведенъ въ гардемарины (1-го мая 1745 г.). Съ этого года Пущинъ плавалъ по Балтійскому морю на разныхъ судахъ и совершилъ нѣсколько кампаній. Въ 1748 году, 24-го мая, онъ былъ произведенъ въ мичмана и командовалъ канонерскимъ кораблемъ «Юпитеръ», а въ 1750 г. командовалъ фрегатомъ «Архангелъ Михаилъ» и послѣ окончанія кампаніи былъ произведенъ въ унтеръ-лейтенанты (13-го ноября 1751 г.). Въ 1752 г. П. отправился въ Ревель, гдѣ и находился въ теченіе всего 1753 года на брандвахтенномъ фрегатѣ «Св. Яковъ», въ 1755 году командовалъ фрегатомъ «Второй», въ 1756 г. (18-го марта) былъ произведенъ въ корабельные секретари, а вслѣдъ за этимъ назначенъ командиромъ корабля «Ингерманландъ». 27-го марта 1757 г. Пущинъ былъ произведенъ въ лейтенанты, а 10-го апрѣля 1762 г. былъ уже капитанъ-лейтенантомъ. Получивъ командованіе кораблемъ «Дмитрій Ростовскій», онъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го

ранга (20-го апрѣля 1764 г.), а ранѣе командованія этимъ кораблемъ командовалъ въ томъ же году кораблемъ «Св. Михаилъ» и сдѣлалъ на немъ переходъ изъ Ревеля въ Кронштадтъ, а потомъ, на кораблѣ «Дмитрій Ростовскій», плавалъ по Балтійскому морю.

По просьбѣ графа И. Г. Чернышева, очень его любившаго, Пущинъ былъ назначенъ командиромъ Галернаго порта. Чернышевъ возложилъ на него все хозяйство и, несмотря на множество дѣла, которымъ былъ заваленъ Пущинъ, не только не увеличивалъ штата его канцеляріи, а, напротивъ того, отобралъ еще нѣсколькихъ писарей, размѣстивъ ихъ по командамъ на суда. Между тѣмъ, Чернышевъ осаждалъ Петра Ивановича приказами и запросами ежедневно по 20 и болѣе разъ. Пущинъ терялся, но все же умѣлъ справиться одинъ, всегда удовлетворяя требованія Чернышева. Исполнительность П. была необыкновенна, и въ дѣятельности своей онъ доходилъ до самозабвенія.

Во время путешествія Императрицы Екатерины II въ 1765 г. изъ Петербурга въ Шлиссельбургъ П. командовалъ торншхоутомъ «Ладога», а по возвращеніи Государыни въ Петербургъ плавалъ на яхтѣ «Андрей». Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1765 года Пущинъ былъ привлеченъ къ занятію архивными дѣлами Адмиралтействъ-Коллегіи, находившимися въ большомъ безпорядкѣ. Менѣе чѣмъ въ одинъ годъ, подъ руководствомъ его, архивъ былъ разобранъ и приведенъ въ полный порядокъ. Оцѣненный Императрицею, какъ энергичный и развитой офицеръ, Пущинъ былъ переведенъ изъ корабельнаго флота въ галерный и въ 1766 году отправился въ Тверь, гдѣ руководилъ постройками галеръ, а по окончаніи этихъ работъ производилъ испытаніе сооруженныхъ судовъ посредствомъ пробнаго плаванія по Волгѣ отъ Твери до Казани. За успѣшную постройку судовъ на Волгѣ, предназначавшихся для предполагавшагося путешествія Императрицы, Пущинъ былъ 2-го мая 1767 года произведенъ въ капитаны 1-го ранга и назначенъ сопровождать Государыню во время ея путешествія въ томъ же году отъ Твери до Симбирска въ качествѣ командира 12-тибаночной галеры «Тверь». 2-го мая Государыня, въ сопровожденіи Пущина, тронулась въ путь; 5-го іюня, въ 7-мъ часу утра, П. высадилъ вѣнценосную путешественницу въ г. Симбирскѣ, пройдя, такимъ образомъ, по Волгѣ 1410 верстъ въ 27 дней. Это путешествіе заставило Императрицу Екатерину обратить вниманіе на дѣльнаго офицера. Въ 1768 году Пущинъ съ командами возвратился изъ Ярославля въ Петербургъ, а въ слѣдующемъ году былъ посланъ для надзора за описаніемъ рѣки Шексны. Командированный въ Тавровъ, онъ въ маѣ мѣсяцѣ былъ посланъ съ Икорецкой верфи къ Азову, а въ августѣ на его долю выпало главное наблюденіе за промѣромъ устья рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море. Въ октябрѣ Пущинъ отправился во флотилію, стоявшую при крѣпости св. Дмитрія Ростовскаго, гдѣ и находился до отъѣзда вице-адмирала Сенявина, послѣ чего вступилъ въ главное командованіе азовской флотиліей. Во время этого командованія Пущинъ заболѣлъ и просилъ о переводѣ въ Петербургъ, гдѣ, въ отсутствіе графа Ив. Григ. Чернышева, командовалъ галернымъ флотомъ.

Какъ опытный морякъ, долго плававшій по Балтійскому морю, Пущинъ получилъ командованіе надъ пятью галерами, предназначенными для плаванія по Финляндскимъ шхерамъ, съ практическою цѣлью обученія рекрутъ. Плаваніе это Пущинъ совершилъ на галерѣ «Свирѣпый».

Въ это время въ Россіи шла спѣшная постройка судовъ, и для этой цѣли было командировано въ разныя мѣста Россіи нѣсколько офицеровъ для заготовленія строительныхъ матеріаловъ. Одинъ изъ нихъ, капитанъ Васильевъ, замедлилъ доставкою мачтъ и вообще былъ замѣченъ въ различныхъ упущеніяхъ по службѣ; для разслѣдованія этого дѣла, а главное—для приведенія въ порядокъ всего, касавшагося предстоящей постройки судовъ, и былъ командированъ на р. Хоперъ капитанъ 1-го ранга Пущинъ; онъ отправился туда 27-го декабря 1771 г. Въ постройкѣ судовъ Пущинъ выказалъ столько пониманія и умѣнія распоряжаться этимъ сложнымъ дѣломъ, что въ 1772 году на него была возложена постройка транспортныхъ судовъ и двухъ фрегатовъ при Новохоперской крѣпости. Въ продолженіе одного года Пущинъ блестяще выполнилъ возложенное на него порученіе, за что и получилъ особую благодарность съ отдачей о томъ въ приказѣ отъ Адмиралтействъ-Коллегіи.

По сдачѣ выстроенныхъ судовъ, онъ возвратился въ Петербургъ (въ декабрѣ 1772 г.), гдѣ его ожидало отвѣтственное назначеніе—исправляющимъ должность капитана надъ Кронштадтскимъ портомъ; Высочайшимъ указомъ 17-го мая 1774 г. Пущинъ пожалованъ былъ въ чинъ бригадира и утвержденъ командиромъ порта. Много усовершенствованій и нововведеній произвелъ въ порту Пущинъ за свое 4-хъ лѣтнее командованіе имъ; за труды по должности онъ 7-го іюля 1776 г. получилъ денежную награду въ 2000 рублей, а 1-го января 1779 г. былъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ оставленіемъ капитаномъ порта, въ каковой должности и пробылъ до 28-го іюля 1782 года, когда былъ произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ генералъ-интендантомъ Флота. Въ 1784 году Пущинъ опять выступаетъ въ качествѣ судостроителя: 14-го марта онъ былъ отправленъ въ Смоленскъ для построенія на рѣкѣ Днѣпрѣ судовъ, предназначенныхъ къ предпринимаемому путешествію Императрицы «въ Полуденные края»; Высочайшимъ указомъ было повелѣно отправить подъ командованіе вице-адмирала Пущина морскихъ артиллерійскихъ служителей и мастеровыхъ для управленія этими судами, командованіе же надъ флотиліей, назначенной къ плаванію по Днѣпру до Екатеринослава, было возложено, согласно указу отъ 2-го апрѣля 1787 года, на генералъ-интенданта вице-адмирала Пущина.

Вторично Пущинъ сопровождалъ Государыню во время ея путешествія въ Крымъ, въ качествѣ командующаго флотиліей, на которой слѣдовала Императрица, и на этотъ разъ ходилъ отъ Кіева до Екатеринослава. Въ вознагражденіе за командованіе флотиліей во время путешествій Императрицы Пущинъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. По возвращеніи въ Петербургъ 19-го мая, Пущинъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей и въ томъ же году былъ назначенъ присутствовать въ Адмиралтействъ-Коллегіи. Когда наступила война съ Швеціей, и эскадра подъ командою адмирала Грейга вышла въ море, Императрица не нашла никого другого для замѣщенія должности адмирала, кромѣ Пущина, которому 27-го марта 1788 г. было поручено начальство надъ всѣми строеніями и работами, производившимися въ Кронштадтѣ, и исправленіе должности командира Кронштадтскаго порта впредь до возвращенія адмирала Грейга изъ кампаніи. Многотрудныя обязанности, лежавшія на Пущинѣ, строительныя работы, тяжелая интендантская работа, возложенная на него въ военное время, заставили Пущина просить Императрицу временно освободить его отъ командованія Кронштадтскимъ портомъ, оставивъ его при должности генералъ-интенданта и надзирающаго за строительными работами, производившимися въ Кронштадтѣ. Послѣ смерти адмирала Грейга Пущинъ былъ утвержденъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта, при чемъ въ Высочайшемъ указѣ о назначеніи его было между прочимъ сказано, что мѣстопребываніе Пущина можетъ быть по его личному усмотрѣнію: «гдѣ больше надобности находить будетъ». 18-го октября 1788 года Императрица Екатерина писала П-ну: «Сегодня получила Я извѣстіе о кончинѣ адмирала Грейга (15-го октября 1788 г.). Вы знаете его ко мнѣ усердіе, ревность къ службѣ и превосходное искусство, доказанныя многими знаменитыми подвигами, и потому судить можете, колико чувствительна мнѣ сія потеря. Если супруга его о томъ уже увѣдомлена, то я поручаю Вамъ къ ней съѣздить и объявить участіе, мною въ печали ея пріемлемое»... Оставаясь генералъ-интендантомъ и главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта, Пущинъ вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть приготовленій къ Шведской войнѣ 1788—1790 годовъ. На немъ лежали всѣ мелкія и крупныя дѣла по хозяйству, при чемъ онъ работалъ почти одинъ, являясь отвѣтчикомъ за свои распоряженія: помощниковъ возлѣ него не было; морскіе чины порта или просто завѣдывали людьми, назначенными въ ихъ распоряженіе, или же являлись только исполнителями распоряженій, исходившихъ отъ командира порта.

Подъ его личнымъ надзоромъ, кромѣ снаряженія и подготовки къ войнѣ 14-ти линейныхъ кораблей, чинились и снаряжались еще всѣ фрегаты и другія суда. Море около Кронштадта въ этомъ году вскрылось поздно, и только 14-го мая Пущину удалось вывести эскадру на рейдъ, откуда она имѣла выступить 21-го мая на помощь нашему Флоту, стоявшему въ Ревелѣ. Не успѣлъ П. подать сигнала о движеніи впередъ, какъ обнаружились недостатки въ

снаряженіи эскадры. Прежде всего 100 пушечный корабль «Двѣнадцать Апостоловъ» наскочилъ на англійское купеческое судно; а два корабля «Іезекіилъ» и «Вышеславъ» сѣли на мель. Поднялась ужасная суматоха. Пущинъ поѣхалъ самъ спасать суда, которыя неминуемо должны были бы погибнуть, если бы вѣтеръ, дувшій съ моря, усилился. При помощи разгрузки ему, однако, удалось снять корабли съ мелей, и благодаря его энергіи и знанію дѣла работы были скоро закончены, и эскадра двинулась въ путь и поспѣла во время въ Ревель. 19-го мая 1790 года Высочайшимъ указомъ Государыня повелѣла выдавать П-ну ежемѣсячно «на столъ» 300 рублей въ мѣсяцъ и произвести эту уплату со дня вступленія его на должность главнаго командира надъ Кронштадтскимъ портомъ, а въ томъ же году Пущинъ былъ произведенъ въ адмиралы, оставаясь по прежнему на своей должности. По окончаніи войны со Швеціей Пущинъ сопровождалъ Государыню, осматривавшую укрѣпленія у Красной Горки. Согласно Высочайшему указу отъ 15-го октября 1791 года, ему было поручено завѣдывать работами по исправленію канала Петра Великаго на островѣ Котлинѣ.

По вступленіи на престолъ Императора Павла, П. 17-го декабря 1796 года былъ награжденъ орденомъ св. Апостола Андрея Первозваннаго, а въ слѣдующемъ году (11-го января) Высочайшимъ указомъ было повелѣно, «чтобы о всѣхъ случаяхъ, встрѣчающихся по Кронштадтскому порту, адмиралъ Пущинъ доносилъ прямо Его Величеству, а о тѣхъ, о коихъ должна быть свѣдуща Адмиралтействъ-Коллегія, относиться въ оную по прежнему».

12-го Февраля 1797 г. адмиралъ Пущинъ былъ командированъ въ Москву, а 26-го марта того же года получилъ новое назначеніе—командиромъ дивизіи «Бѣлаго Флага». Въ день коронованія Императора, 5-го апрѣля 1797 г., Пущину Высочайше было пожаловано 1300 душъ крестьянъ въ старостовѣ Бобруйскомъ, Минской губерніи (эта награда была высшею по числу душъ, розданныхъ въ то время Императоромъ). Въ томъ же году, 7-го іюля, адмиралу Пущину были поручены работы по постройкѣ Кронштадтскихъ гаваней, а 12-го іюля Высочайшимъ указомъ онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Балтійскимъ гребнымъ флотомъ, съ оставленіемъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта. Въ то же время Императоръ подарилъ ему каменный домъ въ Петербургѣ, а 3-го августа Пущинъ былъ командированъ изъ Кронштадта въ Петербургъ, для присутствованія въ Адмиралтействъ-Коллегіи и для принятія командованія надъ гребнымъ флотомъ. Высочайшимъ указомъ 18-го августа на него было возложено производство разныхъ работъ по галерному порту, а также починка сараевъ и казармъ морского вѣдомства. Разсмотрѣвъ смѣты, представленныя архитекторами, онъ нашелъ ихъ очень преувеличенными и, написавъ свое «разсужденіе» на эту тему, заслужилъ Монаршее благоволеніе, выраженное ему 13-го октября 1797 г. Въ слѣдующемъ году, 26-го августа, ему было поручено обшить камнемъ «зюйдовую сторону» Кронштадтской крѣпости и произвести заготовку камня и другихъ матеріаловъ и для остальной части «съ зюйдъ-вестовымъ» бастіономъ. По окончаніи возложеннаго порученія Пущинъ 27-го октября 1797 г. былъ назначенъ сенаторомъ въ 4-ый Департаментъ съ оставленіемъ въ должности главнаго командира Балтійскаго гребного флота и Кронштадтскаго порта и завѣдывающаго всѣми порученными ему строеніями, работы по коимъ сдалъ своему преемнику 23-го іюня 1800 года, а затѣмъ, по прошенію, былъ уволенъ и отъ должности главнаго командира Кронштадтскаго порта.

Послѣ кончины Императора Павла Пущинъ оставался присутствующимъ сенаторомъ, но слабость зрѣнія и разстроенное здоровье заставили его просить объ отставкѣ, которую онъ и получилъ 21-го мая 1802 года. П. И. Пущинъ умеръ въ Петербургѣ 7-го декабря 1812 года; погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Будучи спеціалистомъ галернаго дѣла, П. въ продолженіе Семилѣтней войны пробылъ съ Кашкинымъ и Иваномъ Крузе на нашихъ галерахъ въ Куришгафѣ. Это былъ неутомимый дѣятель, хотя нѣсколько сухой и весьма требовательный къ подчиненнымъ. Какъ мореходный практикъ, Пущинъ не былъ выдающимся среди моряковъ; онъ даже считалъ себя совершенно несвѣдущимъ въ этой отрасли морского искусства, за то портовое хозяйство было имъ образцово поставлено. Онъ зналъ все имущество Кронштадтскаго порта наперечетъ до мель-

чайшихъ подробностей, при чемъ у него наготовѣ всегда были запасы, которые въ экстренныхъ случаяхъ не разъ сослужили Россіи хорошую службу. Эти то качества придавали ему огромный вѣсъ въ глазахъ завѣдывающаго Морскимъ вѣдомствомъ Великаго Князя Павла Петровича и вице-президента Адмиралтействъ-Коллегіи гр. И. Г. Чернышева, которые и выдвинули его по службѣ, поставивъ его на ту высоту, на которой онъ пребывалъ во время царствованій Екатерины II, Павла I и начала царствованія Императора Александра Павловича.

«Морской Сборникъ» 1867 г., № 11 и 1871 г., № 8; Архивъ Морского Министерства, т. III, С.-Пб. 1882 г.; Матеріалы сенатора Баранова въ Историч. Обществѣ; «Кронштадтскій Вѣстникъ» 1867 г., № 110; Головачевъ, Дѣйствія русскаго флота въ войнѣ со шведами. С.-Пб., 1870, стр. 23; «Русская Старина» 1872 г., т. V, стр. 145; 1876, т. XV, 497; 1888, т. LVIII, стр. 546; т. LIX, стр. 472, 473, 475; 1896, ноябрь, 434—444; «Историческій Вѣстникъ» 1881, т. VI, стр. 683; «Сынъ Отеч.» 1849 г., № 5, стр. 22.

Пущинъ, *Ѳедоръ Ивановичъ,* Томскій сынъ боярскій. Въ 1693 году Томскій воевода кн. Ив. Татевъ отправилъ Ѳ. И. Пущина изъ Томска съ казаками къ мѣсту сліянія рѣкъ Біи и Катуни, чтобы построить острогъ, который бы послужилъ оплотомъ для дальнѣйшаго движенія оттуда на югъ, для производства вообще развѣдокъ о новыхъ земляхъ и, если можно, для захвата ихъ. Пущинъ, однако, не успѣлъ выполнить возложеннаго на него порученія, не достигнувъ даже этихъ мѣстъ. Едва онъ дошелъ по р. Оби до устья р. Чумыша, какъ подвергся нападенію соединенныхъ силъ Абаки (кн. Теленгутскаго) и Девлетъ-Гирея (внука извѣстнаго Кучума, царя Сибирскаго, съ которымъ нѣкогда велъ борьбу Ермакъ). Несмотря на то, что Пущинъ съ незначительными силами въ продолженіе пяти дней выдерживалъ натискъ, ему пришлось отступить и вернуться безъ результата въ Томскъ. Въ 1654 г. мы видимъ П-на уже въ г. Якутскѣ, гдѣ не задолго до того было основано воеводство. Въ этомъ году онъ получилъ отъ Якутскаго воеводы порученіе отправиться по р. Аргуни и обложить данью («объясачитъ») тѣхъ инородцевъ, которые еще не платили «ясака» Московскимъ Государямъ. Получивъ 50 казаковъ, Пущинъ дошелъ къ зимѣ 1655 года до устья р. Аргуни и построилъ тамъ Зимовье (Усть-Стрѣлочный караулъ). Тунгусы не оказали сопротивленія, но и не подчинились, покинувъ эти мѣста. Прождавъ нѣсколько времени при устьѣ Аргуни и потерявъ надежду кого-либо въ этой мѣстности объясачить, Пущинъ поднялся вверхъ по рѣкѣ. Но и здѣсь въ теченіе трехъ недѣль не встрѣтилъ ни одного туземца: при его появленіи они разбѣгались. Видя неудачу, Пущинъ рѣшился спуститься въ Амуръ, чтобы соединиться со Степановымъ, только что принявшимъ начальствованіе надъ вольницей Хабарова, которая оперировала въ этихъ мѣстахъ. Цѣлый годъ кое-какъ пробивался Пущинъ въ этихъ мѣстахъ и только въ 1656 году выѣхалъ съ Амура, собравъ царскую ясачную казну съ Гиляковъ и Дучеровъ (свыше 120 сороковъ соболей). Многихъ изъ казаковъ онъ потерялъ въ этой командировкѣ и остался при 20-ти человѣкахъ, которыхъ теперь едва хватило для охраны царской ясачной казны. Въ 1658 году Якутскому сыну боярскому Ѳедору Пущину приказано было оправиться на волокъ, который находился въ землѣ Дауровъ, гдѣ былъ и Ерофей Хабаровъ, и принять отъ него казенныя вещи и припасы, которые и доставить новому Енисейскому воеводѣ Аѳан. Филип. Пашкову. Въ 1664 году (6 авг.) Пущинъ былъ посланъ Якутскимъ воеводою И. Ѳ. Голенищевымъ-Кутузовымъ на рѣку Охоту «приказчикомъ» и «ясачнымъ сборщикомъ» на «перемѣну» пятидесятнику-казаку Евдок. Козицину. Въ слѣдующемъ году, во время управленія Пущина Охотскимъ острожкомъ, произошло возмущеніе охотскихъ тунгусовъ. Въ острогѣ къ Пущину пришелъ одинъ знатный тунгусъ, нѣкто Зелемей, и, выставляя себя вѣрнымъ Государю, сообщилъ, что около Охотска стоятъ неясачные и ясачные, но измѣнившіе Государю тунгусы и подкарауливаютъ, чтобы украсть ясачную казну, а служилыхъ людей перебить. Тогда Пущинъ по этому извѣстію отправилъ къ неясачнымъ людямъ 50 человѣкъ казаковъ и торговыхъ людей и наказалъ имъ «всякою лаской» привести этихъ тунгусовъ подъ высокую Государеву руку. Но изъ 50 человѣкъ никто не возвратился въ Охотскъ, такъ какъ они всѣ были перебиты самимъ коварнымъ Зелемеемъ; послѣдній не только совершилъ это преступленіе, но даже сталъ развивать

передъ тунгусами планъ, какъ имъ избавиться отъ русскихъ. Онъ указывалъ, что это легко выполнить: стоитъ только изъявить желаніе и для безопасности отъ русскихъ уплачивать незначительную дань китайцамъ. Кромѣ того, самая малочисленность защитниковъ Охотска давала возможность надѣяться на успѣхъ дѣла. Въ Охотскѣ было 30 человѣкъ, въ число которыхъ входили и старые, и очень молодые, и больные цынгою. Къ тому же, такое незначительное число приходилось на 60 человѣкъ «аманатовъ», т.-е. заложниковъ, взятыхъ для вѣрности съ тунгусовъ. Нужно было и защищаться, и охранять заложниковъ. Пущинъ, узнавъ о козняхъ, проявилъ удивительную энергію: онъ велѣлъ взять подъ городомъ наиболѣе подозрительныхъ тунгусовъ, что и было сдѣлано послѣ небольшой схватки. Плѣнныхъ затѣмъ пытали и выпытали о замыслахъ. Изъ разспросовъ на пыткахъ Пущинъ узналъ, что не столько малочисленность подавала возможность надѣяться на захватъ Охотска, сколько ветхость укрѣпленій. Тогда Пущинъ велѣлъ быстро построить новую крѣпкую избу для охраны «аманатовъ», выстроить новыя укрѣпленія и поставить для устрашенія деревянныя пушки, да для той же цѣли распорядился повѣсить плѣнныхъ тунгусовъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, ему удалось не только спасти Охотскъ, но и заставить тунгусовъ принести повинную. Въ 1668 г. Пущинъ былъ «приказчикомъ» на Чечуевскомъ волокѣ. Сохранилось сыскное дѣло того же 1668 года, возникшее вслѣдствіе обвиненій, возводившихся на «боярскихъ людей» Сибирскихъ, а въ числѣ нихъ и на Ѳедора Пущина. Такъ, въ «войсковой сказкѣ», поданной казаками, возводятся на Пущина слѣдующія обвиненія: 1) посланный на Аргунь съ казаками, Пущинъ пошелъ на Амуръ, гдѣ потерялъ «своимъ самовольствомъ» 44 человѣка; 2) будучи въ Охотскомъ острогѣ, Пущинъ съ другимъ сыномъ боярскимъ, Архипомъ Лыткинымъ, «вѣшалъ» иноземцевъ, которые Государю прямили и про измѣну сказывали» (намекъ на Зелемея). Кромѣ того, упоминается и о другихъ злоупотребленіяхъ. На эти обвиненій дѣти боярскія оправдывались въ своихъ «сказкахъ». Противъ перваго изъ обвиненія Пущинъ оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ не «теривалъ» казаковъ, такъ какъ они сами ушли отъ него на Амуръ, гдѣ и были побиты. Также и побоище у Охотска произошло по винѣ самихъ же казаковъ. Вѣшалъ же онъ за убійство служилыхъ людей (намекъ на Зелемея). Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

«Акты Истор.», т. IV, стр. 358; Доп. къ Акт. Истор., т. IV, стр. 35, 37, 81—83, 89, 144—147, 175; т. V, стр. 6, 69—72; «Дворц. разряды», т. III, стр. 169; Н. Н. Оглоблинъ, «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа» (1592—1768 г.), т. I, т. II; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Т-ва Общ. польза», кн. III, т. XII, стр. 586, 587.

Н. В—н—въ.

Пфандцельдтъ, *Лука Конрадъ* (Lucas Konrad Pfandzelt), живописецъ. По метрикамъ церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, онъ родился въ Ульмѣ въ 1753 г., умеръ въ С.-Петербургѣ же, 7-го декабря 1807 г. Художественное образованіе онъ получилъ у отца своего, тоже живописца, Georg'a Friedrich'a Pfandzelt'a. Онъ писалъ портреты и копировалъ картины старыхъ мастеровъ, что и способствовало образованію изъ него искуснаго реставратора картинъ Въ качествѣ такового, онъ и былъ вызванъ въ Россію; по свидѣтельству Наглера, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1741 году (по свидѣтельству Мюллера, онъ въ 1739 г. пріѣхалъ въ Ревель, а въ 1740 г.—въ Петербургъ), гдѣ и былъ сдѣланъ придворнымъ живописцемъ-реставраторомъ. Здѣсь же онъ и женился, въ 1782 г., на дочери лифляндскаго пробста, Аннѣ Свенске. Имъ реставрировано немало картинъ, при чемъ за реставрацію, напримѣръ, картины «Сусанна», въ 1799 г., Академіею Художествъ ему заплачено было 25 р. Въ 1754 г. имъ написанъ портретъ Бюцова.

G. K. Nagler, Neues allgemeines Künstler-Lexicon. München. 1841; Fr. Müller. Die Künstler aller Zeiten und Völker. Stuttgart. 1864; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ. С.-Пб. 1866; Д. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. С.-Пб. 1886—1889; Н. П. Собко. Словарь русскихъ художниковъ. С.-Пб. 1899.

А. Новицкій.

Пфаффъ (Pfaff), *Іоганъ-Вильгельмъ*, астрономъ, родился 5-го декабря 1774 г. въ Штуттгартѣ, умеръ 26-го іюня 1835 г. въ Эрлангенѣ. Съ 1800 г. состоялъ репетиторомъ въ Тюбингенскомъ теологическомъ училищѣ, откуда перешелъ, въ началѣ 1804 г., профессоромъ математики и астрономіи въ незадолго передъ тѣмъ открытый

Университетъ въ Дерптѣ (нынѣ Юрьевъ). Здѣсь П. читалъ лекціи по чистой математикѣ (преимущественно элементарной, такъ какъ, до 1810 г., преподаваніе математическихъ наукъ въ Дерптскомъ Университетѣ носило элементарный характеръ), механикѣ и прикладной математикѣ, топографіи и астрономіи. Кромѣ чтенія теоретическихъ лекцій, онъ занимался со студентами также и астрономическими наблюденіями. Одинъ изъ его слушателей и учениковъ, Паукеръ, еще будучи студентомъ, производилъ астрономическія наблюденія и успѣшно выполнилъ большую геодезическую работу.

До перехода въ Дерптъ П. напечаталъ только двѣ статьи о «Вольтаизмѣ», въ Дерптѣ же началъ съ большимъ рвеніемъ и успѣхомъ заниматься теоретической и практической астрономіей и производствомъ астрономическихъ наблюденій. Такъ какъ обсерваторія Дерптскаго Университета въ то время еще не была построена, то П. наблюдалъ небольшими переносными инструментами во временной обсерваторіи, устроенной при его квартирѣ. Въ 1807 году Университетомъ былъ пріобрѣтенъ большой 8-ми футовый пассажный инструментъ, для установки котораго понадобилось устроить новую, также временную, обсерваторію. Нѣкоторыя наблюденія и изслѣдованія, сдѣланныя Пфаффомъ на этихъ обсерваторіяхъ, опубликованы имъ въ рядѣ статей, помѣщенныхъ какъ въ трехъ изданныхъ Пфаффомъ номерахъ перваго астрономическаго изданія Дерптскаго Университета: «Astronomische Beyträge» и въ брошюрѣ: «De tubo culminatario Dorpatensi brevis narratio», такъ и въ астрономическихъ журналахъ: «Astronomische Jahrbücher» Боде и «Monatliche Correspondenz» Цаха. Наблюденія Пфаффа, имѣвшія, между прочимъ, ближайшей цѣлью опредѣленіе широты и долготы Дерпта, сопровождались тщательной разработкой математической теоріи инструментовъ. Особенный интересъ представляютъ предложенныя Пфаффомъ формулы редукціи наблюденій полуденной трубой. П. представилъ, кромѣ того, въ удобномъ видѣ нѣкоторыя формулы сферической и практической астрономіи. По теоретической астрономіи и небесной механикѣ П. также опубликовалъ нѣсколько статей («Commentatio astronomica de calculo trajectoriarum» и статьи въ «Astronom. Jahrb.» на 1809, 1811 и 1812 гг.). Какъ упомянуто, ко времени пріѣзда Пфаффа въ Россію, постоянной астрономической обсерваторіи въ Дерптскомъ Университетѣ еще не было, и постройка ея была начата лишь въ 1809 году, при чемъ П. съ 1804 г. принималъ участіе въ засѣданіяхъ коммиссіи по этому вопросу. Производить же наблюденія на новой обсерваторіи Пфаффу не удалось, такъ какъ онъ, въ срединѣ того же 1809 года, перешелъ профессоромъ въ Реальный институтъ въ Нюрнбергѣ, гдѣ пробылъ до 1817 г. Затѣмъ онъ былъ профессоромъ университета въ Вюрцбургѣ (1817—1818 году), и получилъ въ это время вторичное приглашеніе на прежнее мѣсто въ Дерптскомъ Университетѣ, но приглашенія этого не принялъ и перешелъ въ Эрлангенъ, гдѣ былъ учителемъ высшей школы.

Всѣ упомянутыя выше наблюденія и изслѣдованія Пфаффа были произведены имъ въ теченіе кратковременнаго пребыванія его въ Дерптѣ. По возвращеніи въ Германію характеръ научной дѣятельности Пфаффа вскорѣ весьма рѣзко измѣнился. Производствомъ астрономическихъ наблюденій Пфаффъ заниматься пересталъ, сперва, впрочемъ, по неимѣнію въ Нюрнбергѣ необходимыхъ для этого инструментовъ и обсерваторіи. Затѣмъ, изъ напечатанныхъ Пфаффомъ съ 1810 по 1835 годъ довольно многочисленныхъ сочиненій и статей только немногія имѣютъ научное значеніе, нѣкоторыя же изъ остальныхъ заставили даже сомнѣваться въ нормальности состоянія умственныхъ его способностей. Такъ, онъ издалъ нѣсколько астрологическихъ сочиненій (въ томъ числѣ астрологическихъ календарей), въ которыхъ сперва съ разными неясными оговорками, а потомъ уже открыто признавалъ себя астрологомъ. Эти астрологическія фантазіи Пфаффа много способствовали слишкомъ скорому забвенію его серьезныхъ научныхъ работъ.

Г. Левицкій. Астрономы Юрьевскаго Университета съ 1802 по 1894 годъ — «Ученыя Записки Имп. Юрьевскаго Университета», 1899; «Словарь профессоровъ Юрьевскаго Университета».

Пфейлицеръ-Франкъ, баронъ *Отто Вильгельмъ Германовичъ*, таганрогскій градоначальникъ; сынъ тит. сов. Германа Казиміровича П.-Ф. отъ брака его съ Каролиной Шлиппенбахъ, род. 29-го февраля 1788 г., воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ

корпусѣ, откуда въ октябрѣ 1806 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 8-й Егерскій полкъ, но уже въ декабрѣ переведенъ корнетомъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ, съ которымъ принималъ участіе въ войнѣ съ французами въ 1807 г. и за отличіе въ сраженіяхъ получилъ орденъ Станислава 3-й ст. Во время Отечественной войны поручикъ П.-Ф. былъ, между прочимъ, въ сраженіяхъ подъ Бородинымъ (за которое награжденъ орд. Владиміра 4 ст.) и при Бріеннѣ и С.-ла-Ротьеръ (за кои получилъ Анну 2 ст.), а 4-го сентября 1815 г., уже будучи штабсъ-ротмистромъ, былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ отдѣльнаго корпуса, стоявшаго во Франціи подъ начальствомъ графа М. С. Воронцова. Въ 1816 г. (августа 1-го) онъ перешелъ въ Тверской драгунскій, а въ 1817 г. (декабря 28)—въ л.-гв. Драгунскій полкъ и, находясь въ отпуску для излѣченія ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ, назначенъ состоять по арміи съ переименованіемъ въ подполковники. Получивъ облегченіе отъ ранъ, П.-Ф. 21-го іюля 1822 г. былъ опредѣленъ адъютантомъ къ Новороссійскому генералъ-губернатору графу М. С. Воронцову, съ переводомъ ротмистромъ въ л.-гв. Уланскій полкъ, 14-го іюля 1823 г. произведенъ въ полковники съ назначеніемъ состоять при гр. Воронцовѣ, а 3-го февраля 1829 г. пожалованъ въ д. с. совѣтники и опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при Новороссійскомъ и Бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ. Въ это время на югѣ появилась чума, и П.-Ф. поручено было принять мѣры къ прекращенію заразы; онъ выказалъ большую энергію и распорядительность, которыя были награждены орденомъ св. Станислава 1-й ст. (1830); въ 1830—1831 г. онъ столь же дѣятельно боролся съ холерой, будучи предсѣдателемъ предохранительнаго комитета въ Херсонѣ и въ Одессѣ. 12-го августа 1831 г. баронъ П.-Ф. назначенъ былъ Екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторомъ, но вскорѣ (4-го іюня 1832 г.) опредѣленъ Таганрогскимъ, Ростовскимъ, Нахичеванскимъ и Маріупольскимъ градоначальникомъ, главнымъ попечителемъ купеческаго судоходства по Азовскому морю и начальникомъ таганрогскаго таможеннаго округа и въ 1834 г. получилъ орденъ св. Анны 1-й ст. Въ этихъ званіяхъ онъ оставался до 20-го октября 1843 года, когда вышелъ въ отставку; скончался въ слѣдующемъ, 1844 году.

Его братъ *Фридрихъ-Отто-Карлъ* (*Ѳедоръ Ермолаевичъ*), род. 18 августа 1786 г., съ 12-го февраля 1838 г. былъ, въ теченіе многихъ лѣтъ (до 1851 г.), Екатеринославскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и д. с. совѣтникомъ.

Формулярн. списокъ 1836 г.; Архивъ Капитула орденовъ; П. О. Бобровскій, Исторія л.-гв. Уланскаго полка, прилож. къ т. II, стр. 321; Архивъ Департ. Герольдіи.

Пфелеръ, *Филиппъ Ивановичъ* (Philipp-Friedrich Pfoehler), д. с. с., врачъ, заслуженный профессоръ Московскаго Медицинскаго Училища, былъ родомъ изъ Страсбурга, гдѣ и удостоенъ докторскаго диплома; пріѣхавъ въ Россію, онъ получилъ 8-го августа 1784 года, по экзамену въ Медицинской Коллегіи, право практики, въ 1787 году былъ принятъ на службу и опредѣленъ въ г. Саранскъ Пензенскаго намѣстничества, 8-го января 1789 г. вышелъ въ отставку, 30-го же января 1791 года поступилъ младшимъ докторомъ въ Московскій Госпиталь, откуда черезъ годъ переведенъ былъ врачемъ въ Вятское намѣстничество. Въ 1795 г. П. хлопоталъ о назначеніи его преподавателемъ физики и математики въ Московскую Медицинскую школу, почему былъ подвергнутъ испытанію, прочелъ пробныя лекціи на 3 различныхъ темы и былъ назначенъ профессоромъ. Въ 1819—1833 гг. П. состоялъ докторомъ при Московскомъ Почтамтѣ и въ 1826 г. получилъ чинъ д. с. совѣтника. Извѣстны его научныя работы, сдѣланныя въ видѣ докладовъ въ Физико-Медицинскомъ Обществѣ: «Описаніе желчнаго камня чрезвычайной величины» (доложено 4-го марта 1811 года); «О самопроизвольномъ разорваніи покрововъ лица» и «Случай воспаленія локтевого сустава» (доложено 6-го апрѣля 1812 года).

Его сынъ, *Владиміръ Филипповичъ П.*, былъ Астраханскимъ (1838—1841 г.), Рязанскимъ (1841—1843 г.) и Подольскимъ (1843—1856 г.) вице-губернаторомъ, а затѣмъ Архангельскимъ (1856 г.), Подольскимъ (1856—1860 г.) и Вологодскимъ (1860—1861 г.) гражданскимъ губернаторомъ и умеръ въ чинѣ д. с. совѣтника въ 1885 году.

А. И. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи, С.-Пб. 1883; Тарасенковъ, Историческая записка о состояніи и дѣятельности Физико-Медицинскаго Общества съ 1805 по 1855 г., Москва. 1856. *Н. Кульбинъ.*

Пчелинъ, *Тимоѳей*, дьякъ. Въ 1624 году посланъ былъ подъячимъ въ Пермь. Тамъ онъ былъ еще въ 1627 году; въ 1632 году, когда царь Михаилъ Ѳеодоровичъ объявилъ войну Польшѣ и назначилъ воеводъ для похода подъ Смоленскъ, былъ учрежденъ (на время войны) «Приказъ Нѣмецкаго суда и раздачи кормовыхъ денегъ», въ который П. былъ назначенъ дьякомъ къ дворянину В. И. Протопопову. Отправляясь на войну, они получили казну для военныхъ расходовъ (88,541 р. 6 алт. 5 денегъ) при строгомъ наказѣ, въ коемъ говорилось, между прочимъ, что, если вслѣдствіе ихъ «оплошки», государевой казнѣ будетъ какая «поруха», если они будутъ раздавать казну безъ надлежащаго разсмотрѣнія или начнутъ «имати за очи или подставкою» (т.-е. брать заочно или черезъ подставныхъ лицъ), то они, Пчелинъ и Протопоповъ, не только подвергнутся безпощадной опалѣ государевой, но и всѣ убытки велитъ Государь «доправить на нихъ». Въ 1635 году (12-го мая) Пчелинъ получилъ назначеніе быть дьякомъ вмѣсто дьяка Никифора Демидова на Двинѣ и скончался въ 1637 году въ гор. Холмогорахъ.

Акты Архивн. Экспед., т. III, стр. 294, 306; Акт. Истор., т. III, стр. 241; т. V, стр. 26; Акты Московск. Госуд., т. I; Русск. Истор. Библіот., т. II, VIII, IX; «Лѣтопись Двинская», стр. 20; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. XVIII, ч. I, стр. 24; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ отд. Собств. Е. И. В. Канцел., т. II, стр. 395, 442, 443, 444, 445, 446, 931; «Дворцов. Разр.», т. I, стр. 743, т. II, стр. 286, 341. *Н. В—н—въ.*

Пчельниковъ, *Михаилъ Игнатьевичъ*, адъюнктъ-профессоръ Главнаго Педагогическаго Института, писатель; сынъ причетника, род. въ 1810 г.; въ 1829 г. поступилъ въ только что открытый Главный Педагогическій Институтъ, въ которомъ и окончилъ курсъ настолько успѣшно, что 1-го января 1836 г. былъ оставленъ при Институтѣ подъ особеннымъ руководствомъ академиковъ Купфера и Ленца, для усовершенствованія своихъ познаній по физикѣ, при чемъ съ 8-го марта 1840 г. до 1849 г., въ званіи адъюнкта, читалъ лекціи по математикѣ на предварительномъ курсѣ Института, а съ 1836 до 1849 г.—и по физикѣ; съ 1849 г. до закрытія Института П. преподавалъ тамъ же нѣкоторыя части наукъ по тѣмъ же предметамъ. Въ 1841 г. Пчельниковъ написалъ диссертацію «О сопротивленіи тѣла человѣческаго въ отношеніи къ электрическимъ токамъ» и въ 1842 г. защитилъ ее въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, получивъ степень магистра философіи. Въ 1852 г. онъ издалъ написанныя имъ, по предложенію Совѣта Патріотическаго Института, «Чтенія о предметахъ физики» (С.-Пб., изд. 2-е—С.-Пб. 1858, съ рис.), представляющія собою руководство для женскихъ учебныхъ заведеній. Кромѣ Главнаго Педагогическаго Института, П. преподавалъ математическія науки: въ Пажескомъ Корпусѣ, Николаевскомъ Инженерномъ Училищѣ, Дворянскомъ Полку и Женскомъ Патріотическомъ Институтѣ. Умеръ въ чинѣ ст. совѣтника (съ 1-го ноября 1850 г.) въ 1860—1870-хъ годахъ.

Актъ 25-лѣтія Главн. Педагог. Института, С.-Пб. 1853, стр. 51, 56, 101, 102, 113, 167; А. Вороновъ, Ист. статист. обозрѣніе учебн. завед. С.-Пб. Учебн. Округа съ 1829 по 1853 г., С.-Пб. 1854, стр. 299; В. В. Григорьевъ, Имп. С.-Пб. Университетъ, С.-Пб. 1870, прил., стр. XIV; Д. М. Левшинъ, Пажескій Корпусъ, т. II, С.-Пб. 1902, стр. 452; Адресъ-календари.

Пшеничниковъ, *Михаилъ Петровичъ*, вице-инспекторъ Корпуса Лѣсничихъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, родился въ С.-Петербургѣ 29-го октября 1831 года. Воспитывался въ лѣсной ротѣ Лѣсного и Межевого Института; въ 1854 году окончилъ курсъ офицерскаго класса Института и выпущенъ съ чиномъ подпоручика Корпуса Лѣсничихъ. Вся служебная дѣятельность П. прошла по лѣсоустройству, сперва на лѣсоустроительныхъ работахъ, затѣмъ въ должностяхъ сперва столоначальника, а потомъ начальника отдѣленія въ лѣсоустроительномъ отдѣленіи Лѣсного Департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ. — Дѣятельность П. замѣтно сказалась на судьбѣ русскаго лѣсоустройства. Еще въ должности столоначальника онъ, подъ руководствомъ П. Р. Казицына, принималъ живое участіе въ составленіи и изданіи «Упрощенныхъ правилъ» для устройства русскихъ лѣсовъ. Правила эти, въ стремленіи по возможности ускорить ходъ лѣсоустройства, упростили его до низ-

веденія почти къ нулю. Руководя, затѣмъ, болѣе самостоятельно лѣсоустройствомъ, уже въ должности начальника отдѣленія, П. не отступалъ отъ цѣли «Упрощенныхъ правилъ», и лѣсоустройство сведено было до нѣкотораго приведенія лѣсовъ въ извѣстность. Но на ряду съ этимъ П. всегда энергично поддерживалъ разумную организацію производства лѣсоустроительныхъ работъ и институтъ лѣсоустроителей. Почти наканунѣ измѣненія основныхъ положеній лѣсоустройства, съ изданіемъ лѣсоустроительной инструкціи 1884 года, П. оставилъ должность начальника лѣсоустроительнаго отдѣленія и въ 1883 году назначенъ былъ вице-инспекторомъ Корпуса Лѣсничихъ; въ этой должности онъ умеръ 21-го февраля 1889 года.

Проф. *П. Вереха.*

Пыльневъ, *Петръ Сильвестровичъ,* архитекторъ, род. въ іюнѣ 1784 г., умеръ въ Петербургѣ 13-го марта 1850 г. Въ Академію Художествъ поступилъ въ 1796 г.; въ 1804 г. получилъ тамъ вторую серебряную медаль «за архитектурную композицію Гостинаго двора», а въ 1806 г., за программу «представить зданіе для натуральной исторіи», онъ получилъ вторую золотую медаль, аттестатъ первой степени и шпагу, хотя на слѣдующій годъ и былъ заданъ ему, въ качествѣ пенсіонера Академіи, еще «проэктъ зданію всѣхъ судебныхъ мѣстъ въ С.-Петербургѣ», съ точнымъ опредѣленіемъ мѣста постройки, — между Большою Садовою и Фонтанкою, занятаго Щукинымъ домомъ и домомъ графа Апраксина. По выходѣ изъ Академіи онъ состоялъ помощникомъ у архитектора Гваренги, а по смерти послѣдняго — у архитектора Руско, послѣ чего, съ 1834 г., былъ городскимъ архитекторомъ всего Петербурга, до половины сороковыхъ годовъ, когда дѣятельность его была ограничена только Московской и Литейной частями. Съ переходомъ же строительной части въ вѣдомство Путей Сообщенія, онъ вышелъ въ отставку. Изъ построекъ его извѣстны дома: Комарова — въ Грязной, Гусева и Гелерта — въ Стремянной, Тура — въ Поварскомъ пер., Оржевскаго — на Фонтанкѣ и др.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ. С.-Пб. 1864; Собко, Н. П. Словарь русскихъ художниковъ, С.-Пб. 1899.

А. Новицкій.

Пыпинъ, *Михаилъ Алексѣевичъ,* докторъ медицины; сынъ корнета, род. въ 1801 г., умеръ въ 1855 г.; въ 1820 г. поступилъ въ Московскій Университетъ, въ 1826 г. окончилъ курсъ съ отличіемъ, былъ награжденъ серебряной медалью и оставленъ при Университетѣ; 9-го мая 1829 г. П. получилъ степень доктора медицины, затѣмъ назначенъ въ 31-й егерскій полкъ; въ 1833 г. переведенъ въ резервный батальонъ Бѣлевскаго егерскаго полка, а въ 1836 г. — въ Семеновскій полкъ; въ 1839 г. онъ былъ назначенъ старшимъ лѣкаремъ 11-й пѣхотной резервной бригады, въ 1840 г. переведенъ въ Тифлисскій военный госпиталь, а въ 1842 г. — въ Ѳеодосійскій. Въ 1844 г. Пыпинъ былъ уволенъ, въ 1848 г. вновь принятъ на службу въ войска, въ 1853 г. назначенъ ординаторомъ въ Кишиневскій военный госпиталь, послѣ чего до конца жизни служилъ въ госпиталяхъ. Умеръ отъ тифа, заразившись имъ во время исполненія врачебныхъ обязанностей въ Севастопольскомъ военномъ госпиталѣ (въ концѣ Крымской войны). Пыпинъ напечаталъ: «De febre meningogastrica», дисс. на степ. д-ра мед., Москва. 1828 года.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. II-ая; С.-Пб. 1886 г.; его же, Словарь получившихъ степень доктора медицины въ Импер. Моск. университетѣ, С.-Пб. 1885 г.; «Военно-Мед. журналъ» 1857 г., ч. 69, смѣсь, стр. 151; «Моск. Вѣд.» 1829, № 13, стр. 626.

Н. К—нъ.

Пырскій, *Иванъ Прохоровичъ,* д. с. с., лагманъ Финляндской губерніи, происходилъ изъ дворянъ, род. въ 1752 г., службу началъ въ 1766 г. въ Сенатѣ, при переводѣ Лифляндскихъ правъ. Ученикомъ, въ 1770 г., онъ былъ переведенъ въ учрежденную при генералъ-прокурорѣ кн. А. А. Вяземскомъ секретную по иностранной перепискѣ экспедицію, изъ которой былъ посыланъ съ секретными депешами въ Венецію, къ бывшему тамъ россійскому министру; въ 1771 г. онъ былъ произведенъ въ коллежскіе переводчики при генералъ-прокурорѣ, въ 1774 г. назначенъ сенатскимъ переводчикомъ, а въ 1777 г. пожалованъ въ коллеж. ассесоры. Въ 1780 г. Пырскій былъ назначенъ членомъ Ревизіонъ-Конторы, на вакансію совѣтника, и здѣсь въ 1782 г. произведенъ «за отмѣнное къ дѣламъ раченіе» въ надворные совѣтники. Въ слѣдующемъ,

1783 г. состоялся именной Высочайшій указъ, коимъ Пырскій опредѣленъ былъ въ должность предсѣдателя Выборгскаго верховнаго земскаго суда. По случаю измѣненія губернскихъ штатовъ, въ мартѣ 1797 г. Высочайше повелѣно ему (18-го марта) быть въ Выборгѣ лагманомъ и пожалованъ ему чинъ дѣйств. стат. совѣтника. Въ 1807 г. П. былъ командированъ въ разныя помѣщичьи вотчины Финляндской губерніи для усмиренія ослушныхъ крестьянъ и за приведеніе ихъ кроткими мѣрами къ повиновенію удостоился Монаршаго благоволенія. Въ 1808 г. объявлено было Пырскому Монаршее благоволеніе за успѣшнѣйшее рѣшеніе дѣлъ по лагманскому суду. — Въ 1811 г. П. подалъ Государю просьбу, въ которой онъ высказывалъ, что примѣры соотечественниковъ, устрояющихъ благоденствіе крестьянъ своихъ, Высочайшаго благоволенія удостоенные, побуждаютъ и его доставить надлежащіе способы къ благосостоянію крестьянъ, въ его владѣніи состоящихъ, увольненіемъ ихъ, по основанію Высочайшаго указа 20-го Февраля 1803 г., въ состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ и всеподданнѣйше просилъ объ утвержденіи сдѣланныхъ имъ 30-го іюня 1811 г. условій съ крестьянами его, Тверской губ., Корчевскаго уѣзда, въ сельцахъ Гайновѣ и Вандышевѣ и деревняхъ Бандуковой и Пикаревой. 31-го октября 1811 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе просьбы П го. Въ должности лагмана Финляндской губерніи П. оставался до самой смерти, послѣдовавшей 9-го мая 1812 г.

Дѣла Сенатскаго Архива.

Н. А. Мурзановъ.

Пышницкій, *Дмитрій Ильичъ*, генералъ-лейтенантъ, ковалеръ ордена св. Георгія 3-й ст.; род. въ 1765 г. и происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи. Поступивъ на службу сержантомъ въ Апшеронскій мушкетерскій полкъ въ 1776 г., онъ съ 1779 по 1781 г. пробылъ въ Польшѣ, откуда имп. Екатерина не выводила войскъ изъ боязни усиленія здѣсь австрійской партіи. Произведенный въ поручики (1786 г., 1-го янв.), Пышницкій участвовалъ во 2-ой Турецкой войнѣ: 5-го августа 1778 года у Табора посты наши подверглись нападенію 7000 татаръ, — и изъ Табора былъ высланъ гренадерскій батальонъ, въ рядахъ котораго былъ Пышницкій; сбивъ непріятеля и преслѣдуя его, этотъ батальонъ распространилъ панику среди турокъ; за это дѣло молодой офицеръ получилъ Монаршее благоволеніе; въ слѣдующемъ году онъ отличился при Бырладѣ, во время атаки 10000 турокъ на наше небольшое каре, за что произведенъ въ капитаны (6-го апрѣля 1789 г.); затѣмъ онъ былъ въ бою у Максименъ и 20-го апрѣля у Галаца, гдѣ былъ въ рядахъ трехъ батальоновъ, предводимыхъ лично Дерфельденомъ во время трехчасовой штыковой атаки турецкой батареи; здѣсь Пышницкій былъ раненъ пулей въ локоть правой руки. Выступивъ, по заключенію мира въ 1792 г., вмѣстѣ съ полкомъ въ Польшу, Пышницкій былъ въ бояхъ при Мобарѣ, Острогахъ и, переведенный 23-го іюня въ Низовскій пѣхотный полкъ, — при Доурастѣ; въ 1794 г. онъ былъ въ сраженіи у Жмеже при разбитіи и взятіи въ плѣнъ двухъ польскихъ легкоконныхъ полковъ; потомъ — при Хельме, Слонимѣ и Поповѣ. Въ 1799 г., уже въ чинѣ маіора, онъ вмѣстѣ съ Низовскимъ полкомъ (бывшимъ въ корпусѣ ген. Розенберга), участвовалъ въ походѣ Суворова въ Италію, былъ въ бояхъ при Леко, Мурени, фортѣ Серравале, съ 15-го по 28-ое іюня содержалъ цѣпь аванпостовъ у С. Бернара; произведенный (17-го іюля) въ подполковники, онъ участвовалъ въ сраженіи при Нови. Выступивъ въ составѣ дивизіи ген. Повало-Швейковскаго въ Швейцарію, П. былъ при атакѣ С. Готарда, гдѣ его полку пришлось взбираться на отвѣсныя кручи; 20-го сентября — при Кленталѣ былъ въ отчаянной атакѣ на церковную ограду; по окончаніи войны вернулся съ полкомъ въ Россію и былъ награжденъ чиномъ полковника (8-го октября 1800 г.). Въ 1805 г. открылась война съ Наполеономъ, во время которой П. пробылъ въ Галиціи, а потомъ въ Пруссіи, не принявъ участія въ дѣлахъ съ непріятелемъ. Вернувшись изъ кампаніи, онъ формировалъ въ городахъ Ржевѣ, Зубцовѣ и Волоколамскѣ новый полкъ, названный Кременчугскимъ, и былъ назначенъ шефомъ его (6-го декабря 1806 года). Въ 1808 году онъ принималъ участіе въ войнѣ со Швеціей: былъ при взятіи городовъ Ловизы, Борго, Гельсингфорса и за отличіе въ бояхъ награжденъ золотой шпагой съ надписью «за храбрость» (22-го Февраля). Послѣ взятія Свеаборга, П. со

своимъ полкомъ отплылъ на захваченныхъ у шведовъ гребныхъ судахъ. въ Або, забирая по пути лоцмановъ и обезоруживая жителей на островахъ; 22-го іюня шведы атаковали русскую флотилію между островами Рунсало и Хирвисало, особенно напирая на лѣвый флангъ, которымъ командовалъ Пышницкій; бой тянулся весь день, и ночью шведы отступили; 18-го августа онъ командовалъ своимъ полкомъ въ морскомъ сраженіи у Зунсало, гдѣ, несмотря на двойной перевѣсъ силъ у шведовъ, бой продолжался весь день, наша флотилія разстрѣляла всѣ заряды, и изъ 24 судовъ было у насъ повреждено 19; за отличіе въ бою П. получилъ аренду. Въ 1809 г. П. высадился съ полкомъ на Аландскіе острова, откуда двинулся въ Улеаборгъ и, по заключеніи мира, вернулся въ Россію. Въ Отечественную войну, во главѣ своего славнаго полка, входившиго въ 4-ю дивизію принца Евгенія Виртембергскаго, П. участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ съ французами; подъ Смоленскомъ онъ былъ сильно контуженъ въ животъ картечью и за отличіе въ бою получилъ Монаршее благоволеніе; несмотря на контузію, на другой же день онъ былъ при д. Гедеоновой, а 24, 25 и 26-го августа—подъ Бородинымъ; въ послѣдній день боя онъ охранялъ со своимъ полкомъ (въ которомъ оставалось всего 500 чел.) батарею на курганѣ; «непріятель предпринялъ рѣшительный ударъ: сильная колонна французовъ съ быстротой бросилась на нашу батарею; еще одинъ мигъ—и батарея была-бы потеряна, но храбрый полковникъ Пышницкій съ Кременчугскимъ полкомъ съ примѣрной неустрашимостью бросился въ штыки на непріятеля, подавая личной храбростью примѣръ подчиненнымъ; въ одну минуту непріятель былъ согнанъ съ батареи.... штыками русскихъ» (донесеніе камандира 2-го корпуса ген. Багговута). За отличіе подъ Бородинымъ П. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ 4-ой пѣхотной дивизіи. 20-го апрѣля 1813 года, въ бою подъ Люценомъ, занимая дер. Эйсдорфъ, П. снова былъ раненъ пулей въ правую руку во время атаки и получилъ двѣ контузіи въ продолжительномъ ожесточенномъ бою. Еще не оправившись отъ ранъ, онъ былъ во главѣ 4-ой дивизіи въ сраженіи при Бауценѣ и въ цѣломъ рядѣ упорныхъ аррьергардныхъ дѣлъ; получивъ при Рейхенбахѣ (10-го мая) рану пулей въ лѣвую ногу, онъ былъ награжденъ золотой, усыпанной алмазами, шпагой съ надписью «за храбрость» (за дѣла съ 1-го февр. по 14-ое мая) и орденомъ Прусскаго Орла 2 ст. Затѣмъ онъ былъ въ бояхъ при Петерсвальде, Кенигштейнѣ (гдѣ отбилъ атаку густыхъ французскихъ колоннъ) и Пирнѣ; подъ Кульмомъ онъ упорно оборонялъ съ 2-мя полками дер. Кричвицъ, пока гвардія не прошла Гисгюбельскую тѣснину; атаковавъ въ первый же день Лейпцигскаго боя французовъ у д. Вахау, онъ потерялъ столько солдатъ, что въ нѣкоторыхъ его полкахъ осталось по 100 человѣкъ. Послѣ Лейпцигскаго сраженія онъ слѣдовалъ съ дивизіей за отступавшими французами во Францію, гдѣ былъ въ бояхъ у Жуанвиля, Ножана, Баръ-сюръ-Объ и 20-го февр. при занятіи города Труа, гдѣ получилъ алмазные знаки ордена св. Анны 1 кл. и Австрійскій орденъ Леопольда. Участвуя во всѣхъ послѣдующихъ бояхъ, онъ 18-го марта 1814 года подошелъ къ Парижу; при атакѣ Бельвильскихъ высотъ Пышницкій со своей дивизіей первымъ ворвался на гору Пре-сенъ-Жерве, захватилъ 17 орудій, и уже по его слѣдамъ двинулись остальныя войска. Произведенный въ генералъ-лейтенанты за отличіе подъ Парижемъ (18-го марта), онъ, по заключеніи мира, двинулся въ Россію и въ 1815 году совершилъ походъ въ Баварію изъ герцогства Варшавскаго, но вернулся обратно, дойдя до Бамберга. Получивъ въ 1816 году 12-ти лѣтнюю аренду за Кульмское сраженіе, онъ былъ назначенъ состоять по арміи (9-го апрѣля), а въ 1833 г. (20-го декабря) уволенъ за ранами отъ службы съ мундиромъ и пенсіей. Послѣ отставки онъ жилъ въ Смоленской губерніи; въ 1839 г. въ этой губерніи было много пожаровъ, разорившихъ жителей; П. дѣятельно помогалъ бѣднякамъ и въ 1840 году былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета общества о погорѣлыхъ въ городѣ Бѣломъ. Скончался онъ въ первой половинѣ 1840-хъ годовъ.

Общій Архивъ Главнаго Штаба, формуляр. списки за 1828 годъ, № 631, стр. 184; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, С.-Пб., томъ XXIX, прилож., стр. 1164; «Энциклопедія Военныхъ и Морскихъ Наукъ» Леера, С.-Пб. 1888, т. IV, 396, т. V, стр. 370; А. Н. Петровъ, «2-я Турецкая война 1787—91 г.», С.-Пб. 1880, т. I, 50, 157, т. II, 17, 18, 20—22 и Прилож. къ I тому № 2. Лит. А и Лит. В.; Д. Милютинъ, «Исторія войны Россіи съ

Франціей при Павлѣ I, 1799 г.», С.-Пб. 1852, т. I, 1, 409, т. II, 312, т. IV, 38, 147, 249, 392; Михайловскій-Данилевскій, «Описаніе 1-ой войны имп. Александра съ Наполеономъ въ 1805 г.», С.-Пб. 1844, стр. 21, 268; Михайловскій-Данилевскій, «Описаніе Финляндской войны 1808—9 г.», С.-Пб. 1841, стр. 14, 136, 138, 147, 187, 188, 295; М. И. Богдановичъ, «Исторія Отечественной войны 1812 года», С.-Пб. 1859, т. I, стр. 266, 494, т. II, 153, 183, 200, 202, 218, 587; М. И. Богдановичъ, «Исторія войны 1813 г. за независимость Германіи», С.-Пб. 1863, т. I, 186, 187, 192, 280, 549, 580, т. II, стр. 204, 206, 207, 168, 169, 171, 190, 208, 226, 234, 238, 443, 444, 456; Михайловскій-Данилевскій, «Описаніе похода во Францію въ 1814 г.», С.-Пб. 1841, стр. 350; «Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней», подъ редакціей Леера, С.-Пб. 1886, т. II, стр. 314; «Записки Алексѣя Петровича Ермолова», ч. I (Москва. 1865), приложенія, стр. 15, 242; «Журналъ Министерства Внутр. Дѣлъ», 1840 г., т. 37, приложеніе I, табель V.

Н. Артамоновъ.

Пѣвницкій, *Іоаннъ Михайловичъ,* протоіерей, писатель; род. въ 1798 г., воспитывался въ Нижегородской Семинаріи, а затѣмъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи, въ составѣ III курса (1815—1819 гг.), и выпущенъ былъ со званіемъ 1-го магистра; оставленный при Академіи баккалавромъ греческаго и нѣмецкаго языковъ, онъ въ 1821 г. перемѣщенъ былъ на классъ философскихъ наукъ и преподавалъ исторію философіи. Въ 1823 г. П. опредѣлился священникомъ въ Штутгартъ, къ православной церкви, построенной на горѣ Ротенбергѣ, на могилѣ королевы Виртембергской Екатерины Павловны, и здѣсь оставался почти 30 лѣтъ — до 1852 г., когда онъ былъ переведенъ на службу въ придворный соборъ Императорскаго Зимняго Дворца, и былъ (съ 1840 г.) законоучителемъ Принцессы, впослѣдствіи Императрицы Маріи Александровны. Возведенный въ санъ протоіерея, П. умеръ 19-го августа 1863 г. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: «Разсужденіе о томъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Сынъ Божій, Единородный Богу Отцу» (напечатано въ изданіи «Нѣкоторые опыты... студентовъ С.-Пб. Духовной Академіи III курса», С.-Пб. 1819, стр. 95—145); «О состояніи учебной части въ Виртембергскомъ королевствѣ» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1836 г., ч. IX, стр. 397 и сл.); «Всеобщее обозрѣніе Виртембергскихъ народныхъ школъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. XI, стр. 161 и сл.); «О необходимости добрыхъ дѣлъ ко спасенію», С.-Пб. 1840.

«Духовн. Бесѣда» 1863 г., № 38; А. Родосскій, Біограф. словарь студентовъ С.-Пб. Дух. Академіи 1814—1869», С.-Пб. 1907, стр. 390; «Русск. Стар.» 1901, мартъ, стр. 535, 537.

Пѣвницкій, *Петръ Ивановичъ,* извѣстный педагогъ, знатокъ классическихъ языковъ, род. въ 1808 г. въ с. Алексинѣ, Владимірской губ., гдѣ отецъ его былъ діакономъ, ум. 31-го мая 1873 г. въ селѣ Перовѣ, Московскаго уѣзда. Образованіе получилъ въ Шуйскомъ Духовномъ училищѣ, Владимірской Духовной Семинаріи и Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ предметомъ спеціальныхъ его занятій была классическая филологія. По окончаніи курса въ Педагогическомъ Институтѣ, П. былъ назначенъ (25-го февраля 1836 г.) старшимъ учителемъ латинскаго языка во 2-ю Московскую Гимназію, гдѣ онъ и прослужилъ до самой отставки, т.-е. до 18-го декабря 1871 г., посвятивъ ей главныя свои занятія. Кромѣ 2-й гимназіи, П. съ 20-го сент. 1837 г. по 21-е авг. 1845 г. состоялъ старшимъ же учителемъ латинскаго языка въ Московскомъ дворянскомъ Институтѣ, а съ 11-го сент. 1845 г. преподавалъ въ Институтѣ оберъ-офицерскихъ сиротъ Московскаго Воспитательнаго Дома. Обладая независимымъ характеромъ и твердой волей, П. не былъ въ своей дѣятельности педантомъ, а наоборотъ—человѣкомъ, который любилъ свой предметъ, гордился званіемъ учителя и считалъ своей обязанностію не только учить, но и имѣть нравственное вліяніе на учениковъ, исправлять ихъ недостатки, поддерживать ослабѣвающихъ. За эти качества онъ пользовался уваженіемъ и любовію учениковъ, а также и авторитетомъ между товарищами. Глубокій знатокъ своего дѣла, П. имѣлъ особенную способность преподавать такъ, что ученики его не только быстро успѣвали въ латинскомъ языкѣ, и при томъ всѣ почти въ равной степени, но и занимались имъ съ увлеченіемъ. Не успѣвая съ желаемой подробностію разбирать классиковъ въ назначенные учебные часы, П. давалъ ученикамъ составленные имъ комментаріи на латинскомъ языкѣ, которые они списывали и заучивали. При спрашиваніи выученнаго онъ требовалъ, чтобы отвѣчали не буквально, а въ перифразѣ, что способствовало запоминанію оборотовъ и пріучало учениковъ до такой степени владѣть языкомъ,

что объясняться по латыни для нихъ не составляло особеннаго затрудненія.

С. Гулевичъ. Историческая записка о 50-лѣтіи Московской 2-й гимназіи. 1835—1885. М. 1885, стр. 224, 322—323; Н. Малицкій. Исторія Владимірской Духовной Семинаріи, вып. III, М. 1902 г., стр. 219; Формулярный списокъ за 1848 г.; «Московскія Вѣдомости» 1873 г., № 141, некрологъ.

И. Давидовичъ.

Пѣвницкій, *Петръ Петровичъ,* старшій учитель Лицея Цесаревича Николая, род. 12-го мая 1848 года въ Москвѣ (сынъ предыдущаго). Воспитывался во 2-ой Московской Гимназіи и въ 1865 году окончилъ курсъ съ золотою медалью, послѣ чего поступилъ въ Московскій Университетъ на филологическій факультетъ. Здѣсь обратилъ на него вниманіе извѣстный въ то время профессоръ и знатокъ классическихъ языковъ Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ, который съ особеннымъ вниманіемъ занимался съ молодымъ студентомъ; въ 1869 году, при окончаніи курса, П-му предложено было остаться при Университетѣ для продолженія научныхъ занятій по каѳедрѣ древнихъ языковъ и для практическихъ занятій со студентами, но, приглашенный 1-го ноября 1869 года преподавателемъ латинскаго и греческаго языковъ во 2-ую Московскую гимназію, онъ опредѣлился туда, а въ 1870 году П. М. Леонтьевъ, одинъ изъ основателей Лицея Цесаревича Николая, пригласилъ его въ качествѣ преподавателя Лицея, при чемъ П. до сентября 1872 года не оставлялъ занятій въ Университетѣ. Въ 1873 году назначенный старшимъ учителемъ Лицея, П. отказался отъ преподаванія во 2-ой гимназіи. Въ 1875 г. вышелъ въ свѣтъ переводъ съ нѣмецкаго «Латинской грамматики» Эллендта-Зейферта, сдѣланный имъ въ сотрудничествѣ съ профессоромъ Московскаго Университета В. Г. Зубковымъ, завоевавшій себѣ выдающееся мѣсто среди другихъ учебныхъ пособій и въ теченіе десяти лѣтъ вышедшій въ шести изданіяхъ (1875, 1877, 1879, 1882, 1884, 1886 гг.). Въ 1882 году П-ну было поручено завѣдываніе филологами университетскаго отдѣленія Лицея. П. умеръ 5-го мая 1887 г. Онъ обладалъ особеннымъ умѣньемъ дѣлать переводы латинскихъ и греческихъ классиковъ точною и изящною рѣчью; нерѣдко онъ читалъ свои переводы одъ Горація и отрывки изъ трагедій Софокла, которые отличались изяществомъ языка и близостью къ подлиннику не только по смыслу, но нерѣдко и по размѣру.

Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русск. писателей, вып. VII, стр. 75.

Пѣвцовъ, *Аггей Степановичъ,* генералъ-лейтенантъ, происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1773 г. и въ 1788 г. поступилъ на службу подпрапорщикомъ въ «батальонъ Его Высочества», составлявшій въ то время всю пѣхоту Гатчинскихъ войскъ великаго князя Павла Петровича. Произведенный въ 1792 году (4-го марта) въ подпоручики, Пѣвцовъ черезъ четыре года уже дослужился до чина маіора; со вступленіемъ на престолъ императора Павла, гатчинскія войска «за вѣрную службу» поступили въ составъ разныхъ гвардейскихъ полковъ, при чемъ и Пѣвцовъ былъ зачисленъ подполковникомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ (8-го ноября, 1796 г.), куда одновременно съ нимъ назначенъ былъ полковникомъ великій князь Александръ Павловичъ. Черезъ два мѣсяца произведенный уже въ полковники (11 янв., 1797 г.), новый семеновецъ не могъ заслужить пріязни своихъ однополчанъ, какъ человѣкъ мало образованный и грубый, тѣмъ болѣе, что онъ являлся въ роли учителя новаго ненавистнаго устава. Черезъ годъ, имѣя 25 лѣтъ отъ роду, Пѣвцовъ, награжденный чиномъ генералъ-маіора, былъ переведенъ въ Екатеринбургскій мушкатерскій полкъ шефомъ (1798 г., 18-го марта); въ маѣ мѣсяцѣ 1798 года императора Павелъ назначилъ въ Казани «ревю» войскамъ Казанской инспекціи; наканунѣ смотра ген. Пѣвцовъ былъ приглашенъ къ императорскому столу и на другой день получилъ отъ государя благодарность за хорошее состояніе своей части, а 28-го сентября 1799 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст. Полкъ, которымъ командовалъ Пѣвцовъ, стоялъ въ Екатеринбургѣ, гдѣ онъ и прожилъ до своей отставки. По словамъ Вигеля, П. «казался фельдфебелемъ, только-что надѣвшимъ генеральскій мундиръ», и былъ настолько грубъ, что его подчиненные стыдились за него въ обществѣ. Произведенный въ 1800 году (8-го февраля) въ генералъ-лейтенанты, Пѣвцовъ былъ назначенъ инспекторомъ дивизіи, оставшись въ то же время шефомъ полка—и въ этой должности пробылъ до своей отставки—31-го октября 1808 года. Умеръ въ С.-Пб. въ 1812 г., 10-го ноября, 38 лѣтъ отъ ро-

ду; погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Жена Пѣвцова, *Софія Карловна* (р. 1782 г., ум. въ Москвѣ 27-го октября 1857 г.), рожд. Модерахъ, женщина чрезвычайно красивая, умная и образованная, была назначена 26-го августа 1826 г. начальницей Московскаго Училища ордена св. Екатерины; выборъ этотъ былъ сдѣланъ самою Императрицей Маріей Ѳеодоровной, до конца жизни оказывавшей ей знаки своего довѣрія и расположенія, о чемъ свидѣтельствуютъ изданныя въ 1883 г. письма Государыни къ Пѣвцовой («Cent lettres de S. M. L'Impératrice Marie Féodorovna à Madame de Pewtzoff, Supérieure de l'Institut St. Catherine à Moscou. 1826—1828», М. 1883). Оставаясь во главѣ Института болѣе 25 лѣтъ, П-ва, награжденная орденомъ св. Екатерины, оставила службу 27-го Февраля 1852 г., провожаемая общею любовью своихъ многочисленныхъ воспитанницъ.

Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба, кн. формулярн. списковъ Екатеринбургскаго мушкатерскаго полка за 1807 годъ, по архиву № 908; «Записки Л. Н. Энгельгарда 1766—1836», М. 1867, стр. 207, 208; «Записки Фил. Фил. Вигеля», М. 1892, ч. II, стр. 146, 151, 198; «Жизнь А. С. Пишчевича, имъ самимъ описанная 1784—1805», М. 1885, стр. 216; «Русскій Архивъ» 1875 г., кн. III, стр. 454—455, 1899 г., кн. I, стр. 51 («Записки А. М. Грибовскаго»), 1897, III, стр. 356 («Записки гр. М. Д. Бутурлина»); «Русская Старина», 1892, т. LXXVI, 30 («Путешествіе Павла I въ Казань»); Д. Милютинъ, «Исторія войны Франціи съ Россіей въ царств. Павла I, 1799 г.», С.-Пб. 1852, т. I, ч. 1-я, гл. III, приложенія, стр. 415; Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе», С.-Пб. 1897, т. I, 97, 142, 160; Г. А. Лееръ, «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», т. II, С.-Пб. 1885, стр. 398, 399, т. III, стр. 155.—О С. К. Пѣвцовой: В. А. Вагнеръ. Моск. Учил. Орд. Св. Екатерины», М. 1903 (съ портретомъ ея); «С. К. Пѣвцовой на случай кончины супруга ея» (стихи, С.-Пб. 1812, 8⁰); Вигель. Записки. *Н. Артамоновъ.*

Пѣвцовъ, *Никифоръ Клементьевичъ*, контръ-адмиралъ. Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1789 году, будучи еще гардемариномъ и крейсируя съ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ на кораблѣ «Князь Владиміръ», П. участвовалъ въ Аландскомъ сраженіи. Въ 1790 году (1-го мая) П. былъ произведенъ въ мичманы и на шебекѣ «Беллона» участвовалъ въ Выборгскомъ и Роченсальмскомъ сраженіяхъ, при чемъ въ послѣднемъ былъ взятъ въ плѣнъ, по возвращеніи изъ коего въ 1791 г. плавалъ на госпитальномъ суднѣ «Софія» между Кронштадтомъ и Ревелемъ. Съ 1793 по 1797 годъ П. ежегодно плавалъ на судахъ учебнаго флота, въ 1794 году (6-го марта) былъ произведенъ въ лейтенанты и въ 1798 году назначенъ командиромъ плавучей батареи «Волга» въ эскадрѣ вице-адмирала Мосолова. На фрегатѣ «Константинъ» въ 1799—1800 гг. съ десантными войсками П. перешелъ изъ Кронштадта къ берегамъ Англіи, а въ 1801 году командовалъ катеромъ «Сонка» на Кронштадтскомъ рейдѣ. Командуя гальотомъ № 1, П. въ 1804—1806 годахъ ходилъ отъ Астрахани къ берегамъ Персіи и участвовалъ въ сраженіи при взятіи Зинзини и Баку. Въ 1806 и 1807 гг. онъ командовалъ транспортомъ «Осетръ», въ Каспійскомъ морѣ, и въ 1808 г., 1-го января, произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты, съ назначеніемъ въ Астраханскій портъ командиромъ гальота № 2. Въ 1816 г., 30-го марта, П. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и назначенъ командиромъ фрегата «Аргусъ», въ 1819 г., за 18 морскихъ кампаній, награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-го класса и въ этомъ же году назначенъ командиромъ фрегата «Свеаборгъ»; въ 1828 г. (12-го мая) произведенъ былъ въ капитаны 1-го ранга, съ назначеніемъ командиромъ 4-го флотскаго экипажа, а въ 1827 г. командовалъ кораблемъ «Фершампенуазъ» и 7-мъ флотскимъ экипажемъ; въ 1822 г. (11-го сентября) П. изъ капитановъ 1-го ранга былъ переименованъ въ полковники ластовыхъ экипажей и въ 1829 г. назначенъ былъ командовать брантвахтеннымъ бригомъ «Меркурій» въ Кронштадтской купеческой гавани и 4-мъ ластовымъ экипажемъ. Въ 1830 г., 29 октября П., вновь былъ переименованъ въ капитаны 1-го ранга, и въ 1831 г. назначенъ командиромъ 45-го флотскаго экипажа. Въ 1835 г. (19-го декабря) П. уволенъ былъ отъ службы съ чиномъ контръ-адмирала.

Общій Морской списокъ, IV часть; Ѳ. Ѳ. Веселаго: Матеріалы для исторіи Русскаго флота. Выписка изъ журнала адмиралтействъ-коллегіи (1790 г. 19 апрѣля, № 2379 и 1794 г. 2 марта, № 877).

Пѣтуховъ, *Дмитрій Михайловичъ*, врачъ, писатель; род. въ 1819 г., былъ земскимъ врачемъ въ Курмышѣ, въ 1865—1866 гг. служилъ въ земской больницѣ въ Кукаркѣ (Вятской губерніи); кромѣ того,

онъ былъ врачемъ на Дедюхинскомъ солеваренномъ заводѣ въ Пермской губерніи. За время своей медицинской дѣятельности онъ написалъ слѣдующіе труды: «Мысли о занятіяхъ больныхъ въ госпиталяхъ и больницахъ»—Прот. С.-Пб. Общ. русск. врачей 1857—58 г., стр. 379; «Дедюхинскій солеваренный заводъ и его вліяніе на здоровье жителей» — тамъ же 1858—59 г., стр. 505; «Заговоры отъ болѣзней»—тамъ же 1859—60 гг. III. То же — въ «Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общ.» 1863 г., часть IV, стр. 87; «Дедюхинская заводская больница» — Прот. С.-Пб. Общ. русск. врачей 1862 — 63 г., 261; «О дѣйствіяхъ двухъ земскихъ управъ въ Вятскомъ краѣ»—«Архивъ Суд. Мед.» 1866 г., 3, V, 38—50 (по поводу этой статьи Ведерниковъ—тамъ же 1869, 1, V, 1—8, и «Отвѣты предсѣдателю Яранской земской управы» Д. Пѣтухова — тамъ же 1869 г., 3, V, 52—54); «Защита отъ болѣзней, или средство быть здоровымъ и сильнымъ помимо лекарствъ. Врачебно-охранные разсказы для народа», 1873 г.; «Странствованія земскихъ врачей»—«Мед. Вѣстн.» 1878 г., 1, 2.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. III, С.-Пб. 1887 г.; 2 дополненіе 1892 г.; Протоколы засѣданій Общества русскихъ врачей въ С.-Пб. за разн. года. *Н. К—нъ.*

Пѣтуховъ, *Онисифоръ Михайловичъ*, инженеръ-генералъ-лейтенантъ; родился въ Тамбовѣ 6-го сентября 1806 г.; въ 1820 г. отданный въ кондукторскую роту Главнаго Инженернаго (нынѣ Николаевское) Училища, онъ въ ноябрѣ 1822 г. былъ произведенъ полевымъ инженеръ-прапорщикомъ съ оставленіемъ при Училищѣ для продолженія курса наукъ, а въ январѣ слѣдующаго года зачисленъ въ С.-Петербургскую инженерную команду и прикомандированъ къ Главному Инженерному Училищу; по окончаніи верхняго офицерскаго класса, былъ выпущенъ инженеръ-подпоручикомъ, а 31-го октября 1826 г. назначенъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Николаевское Кавалерійское Училище) преподавателемъ топографіи, а затѣмъ (1826—1838 гг.) и математическихъ наукъ; произведенный въ 1854 г. (апрѣля 11-го) за отличіе въ полковники П. въ августѣ 1855 г. былъ назначенъ наставникомъ-наблюдателемъ по преподаванію въ Школѣ топографіи. По словамъ историка училища, П. «сорокъ лѣтъ съ самоотверженіемъ занимался тяжелымъ дѣломъ преподаванія, жертвуя даже скудными часами досуга на безвозмездную помощь всякому, кому она нужна была, при изученіи трудно усваиваемыхъ статей курса; въ концѣ 1866 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры, П. былъ отчисленъ отъ школы, оставивъ по себѣ самую отрадную память между искренне-уважавшими его учениками и вполнѣ симпатичное воспоминаніе между сослуживцами». Кромѣ Школы, П. былъ (съ 1833 г.) учителемъ фортификаціи во 2 кадетскомъ корпусѣ. Съ 1867 г. онъ состоялъ по инженерному вѣдомству и въ 1879 г. числился въ запасныхъ войскахъ; умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта 7-го августа 1880 г. Въ 1856 г. П. издалъ въ С.-Пб. «Руководство военной топографіи», въ основу котораго легъ трудъ капит. Усовскаго, исправленный П-мъ согласно требованію утвержденныхъ программъ курса.

Формулярный списокъ 1866 г.; Списки генераламъ 1867—1879; «Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.», т. 62, стр. 195; В. Потто, Историч. очеркъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, С.-Пб. 1873, стр. 259 и прилож., стр. 20 и 21; Н. Н. Буковскій, XXV годовщина Никол. Кавалер. Училища, С.-Пб. 1889, прилож., стр. 10; «Петерб. Листокъ» 1880, № 156; М. Максимовскій. Историч. очеркъ развитія Главн. Инженернаго Училища, С.-Пб. 1869, прилож., стр. 71.

Пѣховскій, *Осипъ Ивановичъ*, заслуженный проф. Императорскаго Харьковскаго Университета, род. 16-го марта 1815 г. въ городѣ Кожминѣ, въ Познани; воспитывался сперва дома, подъ руководствомъ отца; готовился сначала къ юридической дѣятельности и поступилъ въ Познанскую гимназію, въ которой окончилъ курсъ, а въ 1837 г. опредѣлился въ число кандидатовъ дополнительнаго педагогическаго курса въ Варшавѣ, гдѣ 2 года изучалъ филологическія науки; въ 1839 г. П. былъ отправленъ въ Московскій Университетъ, на 3-й курсъ 1-го отдѣленія философскаго факультета, откуда былъ выпущенъ 10-го іюня 1841 г. со степенью кандидата, послѣ чего былъ оставленъ при педагогическомъ институтѣ Университета для приготовленія къ профессурѣ. Въ 1843 г. (августа 17-го) П. былъ посланъ за-границу для изученія Римской словесности и древностей, на три года, при чемъ слушалъ лекціи по классическимъ наукамъ въ Берлинскомъ и Лейпцигскомъ Универси-

тетахъ. Вернувшись въ Москву въ августѣ 1848 г., П. былъ назначенъ для чтенія лекцій по латинскому языку на юридическомъ факультетѣ, а 25-го сентября 1849 г. опредѣленъ и. д. адъюнкта Московскаго Университета по каѳедрѣ греческой словесности. Защитивъ въ 1853 г. диссертацію о «Посланіи Горація къ Пизонамъ» (написанную на латинскомъ языкѣ), онъ былъ утвержденъ въ степени магистра и адъюнкта по каѳедрѣ греческой словесности, въ іюлѣ 1854 г.—избранъ и утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ апрѣлѣ 1859 г.—и. д. ординарнаго профессора, въ каковомъ званіи былъ утвержденъ 1-го іюня 1868 г., по защитѣ диссертаціи «De ironia Iliadis» и по удостоеніи его (20-го апрѣля 1868 г.) степени доктора греческой словесности (сочиненіе это было издано въ Москвѣ въ 1856 году). Выйдя въ отставку 20-го сентября 1869 г., П. 9-го октября 1871 г. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ Имп. Харьковскаго Университета по каѳедрѣ греческой словесности, 28-го декабря 1879 г. награжденъ чиномъ д. с. совѣтника и въ 1882 г. имѣлъ званіе заслуженнаго профессора. Кромѣ указанныхъ сочиненій, П-му принадлежатъ слѣдующія работы: «Что такое филологія?» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1872 г., ч. 164, ноябрь, отд. II, стр. 1—56 и декабрь, стр. 197—242) и „Разборъ «Эдипа-Царя» Софокла“ («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1870, ч. 150, августъ, отд. II, стр. 240—285).

Словарь профессоровъ Имп. Московскаго Университета, ч. II, М. 1855, стр. 327—328; Формулярный списокъ 1877 г.; П. Прозоровъ, Систем. указатель... греч. филологіи, С.-Пб. 1898.

Пѣшковъ-Сабуровъ, *Дмитрій Семеновичъ*, дворецкій и бояринъ, сынъ боярина *Семена Ѳедоровича Пѣшкова-Сабурова*. Въ 1491 году, вскорѣ послѣ присоединенія Тверского княжества къ Москвѣ, когда въ это княжество были отправлены писцы «писать Тверскія земли на сохи», Сем. Пѣшковъ получилъ назначеніе переписать «Зубцовскій и Опочецкій уѣзды». Въ 1495 году, будучи уже «дворецкимъ», находился въ числѣ свиты, которой было поручено сопровождать съ семьями великую княгиню Елену Ивановну въ Литву, гдѣ она должна была выйти замужъ за великаго князя литовскаго Александра. Вся эта многочисленная свита должна была жить при великой княгинѣ съ тѣмъ, чтобы оберегать ее въ православной вѣрѣ отъ понужденія къ принятію латинства. Самъ великій князь Александръ думалъ иначе: вскорѣ послѣ окончанія свадебныхъ торжествъ въ г. Вильнѣ онъ, почтивъ пословъ и дѣтей боярскихъ, находившихся въ свитѣ, «отпустилъ ихъ съ великою честью», оставивъ, однако, для вида на первое время «пожить при вел. княгинѣ» только кн. Вас. Вас. Ромодановскаго, Прокоп. Зин. Скурата, да дворецкаго Дмитрія Сем. Пѣшкова съ ихъ семействами, да и тѣхъ постепенно отослалъ въ Москву.

Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. I, стр. 396; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 165; т. VI, стр. 39; т. VII, стр. 229; т. VIII, стр. 223; т. XV, стр. 502; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-е, кн. XIV, ч. I, стр. 3, 19; Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. т. XXXV, стр. 163, 170, 180, 210; Карамзинъ, «Истор. Госуд. Росс.», изд. ж. «Сѣверъ», т. VI, стр. 113, 114, прил. 286. *Н. В—н—въ.*

Пѣшковъ-Сабуровъ (вѣрнѣе, Пѣшко-Сабуръ), *Семенъ Ѳедоровичъ*, бояринъ. Родоначальникомъ ихъ былъ Мурза Четъ, родоначальникъ многихъ боярскихъ фамилій. Семенъ Ѳед. былъ сыномъ праправнука Мурзы, Ѳед. Ив. Зернова, имѣвшаго прозвище «Сабура». Потомки Ѳед. Ив. Зернова стали носить фамилію Сабуровыхъ, а потомство младшаго сына его (четвертаго) Сем. Ѳедоровича Пѣшка стали называться Пѣшковыми-Сабуровыми или просто Пѣшковыми. Въ 1470 году Сем. Ѳ. Пѣшковъ былъ воеводою кн. Андрея Меньшаго Васильевича, брата вел. кн. Ивана Васильевича, на Вологдѣ и въ качествѣ воеводы Вологодскаго долженъ былъ принять участіе въ походѣ на Казань. Мѣстомъ сбора всѣхъ военныхъ силъ назначенъ былъ Нижній-Новгородъ. На Пѣшкова было возложено порученіе, придя къ Устюгу и захвативъ съ собою Устюжанъ, двинуться на судахъ къ г. Вяткѣ, жители которой незадолго до этого (въ 1468 г.) заключили союзъ съ казанскимъ царемъ Ибрагимомъ и не помогали великому князю въ борьбѣ съ ханомъ Золотой Орды Ахматомъ. Пѣшковъ отъ имени великаго князя сталъ уговаривать отказаться отъ союза и присоединиться къ нимъ. Ему удалось это сдѣлать, Вятчане отказались отъ союза съ татарами и перешли на сторону Москвы, такъ что въ слѣдующемъ (1471 г.) году вятскія войска участвовали даже въ 1-мъ походѣ Іоанна на Великій Новгородъ. Въ 1478 г. Пѣшковъ, будучи

тогда воеводою вел. княгини Маріи Ярославны, матери вел. кн. Іоанна III, принималъ участіе во 2-мъ походѣ вел. князя на Новгородъ, находясь въ полку лѣвой руки брата государева кн. Бориса Васильевича и имѣя подъ началомъ своимъ войска Галичанъ, Ярославцевъ, Романовцевъ, Угличанъ и Бѣжечанъ. Въ томъ же (1478) году Сем. Ѳедоровичъ сдѣлался бояриномъ. Скончался онъ въ 1484 году. Родъ Пѣшковыхъ-Сабуровыхъ пресѣкся въ концѣ XVI вѣка.

Акты Архивн. Экспед., т. I, стр. 354; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VI, стр. 189, 209; т. VII, стр. 237; Карамзинъ, «Исторія Гос. Росс.», изд. ж. «Сѣверъ», т. VI, стр. 13, 25, 71, 72; Н. Берхъ. «Списокъ бояръ, окольничихъ и др. чиновъ», стр. 2; П. Н. Милюковъ, «Древнѣйшая разрядная книга офиц. редакціи (по 1565 г.)».

Н. В—н—въ.

Пядышевъ, *Василій Петровичъ*, полковникъ, граверъ. Род. въ 1768 г., ум. въ С.-Петербургѣ 14-го октября 1835 г. Сынъ капитенармуса лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, онъ окончилъ курсъ въ полковой школѣ и служилъ въ военной службѣ съ 30-го мая 1777 г.; 21-го сентября 1793 г. былъ произведенъ «отъ бомбардировъ капитенармусомъ», 20-го ноября 1797 г. — «кондукторомъ перваго класса въ чинѣ арміи прапорщика по инженерному корпусу» и, проходя послѣдовательно чины, былъ пожалованъ 27-го ноября 1809 г.—маіоромъ арміи съ оставленіемъ при Депо Картъ, 23-го іюля 1817 г. — подполковникомъ, съ опредѣленіемъ въ Свиту Его Импер. Величества по квартирмейстерской части, и наконецъ 8-го апрѣля 1821 г. — полковникомъ. Въ 1830 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника V-го Отдѣленія Военно-Топографическаго Депо. Гравированію учился у Радига. Изъ работъ его извѣстны: портретъ княгини А. Куракиной; портретъ Н. А. Татищева; шесть листовъ въ брошюрѣ: «Описаніе фейерверка по окончаніи торжества на случай заключенія мира между Россійскою Имперіею и Портою Оттоманскою, представленнаго въ Санктпетербургѣ на Царицыномъ Лугу 15-го дня 1793 г., дѣланнаго лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку въ Бомбардирской ротѣ»; одна доска въ книгѣ П. Сумарокова: «Досуги Крымскаго Судьи. С.-Пб. 1803 г.»; «Клеопатра», копія съ гравюры Странжа, съ оригинала Гвидо-Рени; «Географич. атласъ Росс. Имперіи», 80 листовъ, С.-Пб. 1827, f°;—«Le savoyard».—«Atlas géographique de l'Empire de Russie en 83 feuilles. St.-Pbg. 1834»; въ 1818 г. онъ издалъ книгу «Путеводитель по всей Россійской Имперіи и Царству Польскому», ч. I, С.-Пб.; кромѣ того, издалъ: «Генеральную карту Лифляндской губерніи», С.-Пб. 1820, «Псковской губерніи», С.-Пб. 1820 и «Эстляндской губерніи», С.-Пб. 1820 (4°).

Ровинскій, Д. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. С.-Пб. 1889.—Его же. Подробный словарь русскихъ граверовъ. С.-Пб. 1895.—Собко, Н. П. Словарь русскихъ художниковъ. С.-Пб. 1899. — Ровинскій, Д. А. Описаніе фейерверковъ и иллюминацій. 1674—1891 г. С.-Пб. 1903; «Славянинъ» 1818, ч. I, стр. 448—9; «Journ. de St.-Pétersbourg» 1827, № 85, p. 360; «Библіогр. Листы» П. Кеппена, II, 1825, 589.

А. Новицкій.

Пятницкій, *Аѳанасій*, докторъ медицины, писатель; происходилъ изъ духовнаго званія, род. въ 1768 г., ум. 3-го августа 1830 г. Въ 1787 г. началъ медицинское образованіе ученикомъ въ Кронштадтскомъ Адмиралтейскомъ Госпиталѣ, въ 1789 году назначенъ подлекаремъ флота, а въ 1791 году переведенъ лекаремъ въ Оренбургскій драгунскій полкъ, тамъ пробылъ до 1797 года, когда получилъ званіе штабъ-лекаря и перешелъ на службу въ гражданское вѣдомство; съ 1799 г. онъ былъ акушеромъ Оренбургскаго Врачебнаго Управленія, въ 1801 г. назначенъ тамъ же инспекторомъ, въ 1805—6 гг. награжденъ бриліантовымъ перстнемъ и орденомъ Владиміра 4-й степени за научное сочиненіе, въ 1806 же году назначенъ дивизіоннымъ докторомъ (29-ой дивизіи), а въ 1818 г.— штабъ-докторомъ Оренбургскаго Отдѣльнаго Корпуса и одновременно старшимъ лекаремъ Оренбургскаго Военнаго Госпиталя, гдѣ и пробылъ до 1828 года. Въ 1820 году Пятницкій безъ экзамена получилъ дипломъ на степень доктора медицины и на хирурга, въ 1829 году былъ замѣтнымъ дѣятелемъ по борьбѣ съ холерою въ Оренбургѣ, а въ 1830 году умеръ отъ плеврита. Научная дѣятельность Пятницкаго имѣла значительное вліяніе на улучшеніе санитарнаго состоянія войскъ. Сочиненія его носили практическій характеръ: замѣтивъ въ войскахъ какое-нибудь опасное заболѣваніе, грозившее распространиться въ большихъ размѣрахъ, онъ изучалъ его на мѣстѣ и посылалъ въ Военно-

Медицинскій Департаментъ статью съ описаніемъ наблюдавшихся имъ явленій и съ указаніемъ мѣропріятій, необходимыхъ для борьбы съ болѣзнью. Научные взгляды его отличались замѣчательной для того времени трезвостью; гигіеническимъ мѣропріятіямъ онъ придавалъ такое же большое значеніе, какъ и руководитель дѣятельности всѣхъ русскихъ военныхъ врачей той эпохи, баронетъ Я. В. Виллié. Большинство научныхъ сочиненій Пятницкаго сохранилось въ видѣ рукописей—въ архивѣ Главнаго Военно-Медицинскаго Управленія. Тамъ въ дѣлахъ Медицинской Экспедиціи и Медицинскаго Департамента имѣются слѣды энергичной дѣятельности его по борьбѣ съ трахомой и др. повальными болѣзнями. Изъ сочиненій Пятницкаго нѣкоторыя опубликованы въ собраніи актовъ: «Мнѣніе о холерѣ 1830 г.», 67; тамъ-же о холерѣ 27, 38, 41, 43, 69, 128; «Извлеченіе изъ вѣдомости, доставленной въ Военно-Медиц. Департаментъ»—тамъ же, 288. Кромѣ того, онъ составилъ «Описаніе повальной горячки, въ 1804 г. свирѣпствовавшей», и пр.

Арх. Главн. В.-Мед. Управленія, описи дѣлъ мед. экспедиціи и мед. деп-та военн м-ства за царствов. Импер. Александра I; Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. II; С.-Пб. 1886 г.; «Военно-Мед. Журн.» 1857 г., ч. LXIX; «Столѣтіе Военн. М-ства», т. VIII, Главн. в.-мед. управленіе, ч. I; С.-Пб. 1902 г.

Н. Кульбинъ.

Пятницкій, *Николай Михайловичъ*,—писатель и переводчикъ; хорошо владѣя французскимъ и нѣмецкимъ языками, онъ еще будучи студентомъ Университета принялся за серьезное изученіе испанскаго языка и испанской литературы. Окончивъ курсъ въ Университетѣ, онъ продолжалъ свои занятія по этому предмету; въ «Библ. для Чтенія» 1843 г. (т. LVIII, кн. 5) напечатанъ его переводъ комедіи Lope de-Vega «Собака на сѣнѣ», а въ «Отечественныхъ Запискахъ» — «Садовничья собака» (1853 г., т. XC, кн. 9); затѣмъ и въ другихъ журналахъ появлялись его переводы съ испанскаго и критическіе очерки по испанской литературѣ; кромѣ того, онъ извѣстенъ и какъ драматургъ: написанныя имъ нѣсколько пьесъ въ разное время были поставлены на нѣкоторыхъ сценахъ, преимущественно Московскихъ, и пользовались успѣхомъ (наприм., «Лучшій Алькадъ»,—данная въ первый разъ на Московской Императорской сценѣ въ бенефисъ артистки Ермоловой); П. скончался 23-го декабря 1888 года въ Актарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи.

«Новости» 1889 г., 8-го января, № 8, стр. 2; «Историческій Вѣстникъ» 1889 г., т. XXXVI, май, стр. 467; «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1903, ч. 346, кн. 3, отд. II, стр. 208—209; Д. Языковъ. Обзоръ, в. IX, стр. 57—58.

Пятово (Пятый), *Григорій Дьевичъ*, дьякъ. Въ 1634 году (1-го іюля) онъ былъ пожалованъ изъ стремянныхъ конюховъ въ дьяки и назначенъ въ Конюшенный Приказъ, гдѣ находился до 1638 года, а затѣмъ снова тамъ-же съ 1641 по 1646 годъ. Въ 1644 году, когда къ Государю пріѣзжалъ изъ Даніи королевичъ Датскій Вольдемаръ, предполагаемый женихъ царевны Ирины Михайловны, Григорій Пятово состоялъ при немъ приставомъ съ Борисомъ Ивановичемъ Пушкинымъ, да со псковичемъ Степ. Парѳ. Елагинымъ. Въ 1647 году (въ іюнѣ) дьякъ Пятово съ другими лицами былъ отправленъ на Путивль—на пограничный съѣздъ съ польскими комиссарами въ качествѣ одного изъ «межевыхъ судей». Съѣздъ состоялся между Путивлемъ и Черниговомъ, при чемъ русскимъ было сдано поляками 5 городищъ.

«Русск. Истор. Библіот.», т. IX; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», т. XX, ч. III, стр. 325.

Н. В—н—въ.

Пятово, *Еремѣй Ларіоновичъ*, воевода. Въ 1673 году, будучи «капитаномъ» стрѣлецкимъ, онъ участвовалъ во встрѣчѣ пословъ Шведскаго короля въ качествѣ «головы» у людей боярскихъ; въ 1676 году былъ стряпчимъ и въ томъ же году сдѣланъ воеводою Туринскимъ. Въ маѣ 1679 года онъ возвратился въ Москву, въ 1680 году былъ пожалованъ стольникомъ, а въ 1681 году отправленъ былъ воеводою въ Илимскій острогъ. Въ 1694 году П. «дневалъ и ночевалъ» у гроба царицы Наталіи Кирилловны.

«Доп. къ Акт. Ист.», т. VII, стр. 346, 351; т. VIII, стр. 77, 192; Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. IV, стр. 352; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. III, ч. 227, 272; «Дворцов. Разряды», т. III, стр. 917; т. IV, стр. 857; Н. П. Барсуковъ, «Списки городовыхъ воеводъ»; П. Ивановъ, «Указатель къ боярск.

книгамъ»; Н. Н. Оглоблинъ, «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа», ч. I.

Н. В—н—въ.

Пятово, *Парѳеній* (онъ же *Перфилій* или *Порфирій*) *Яковлевичъ*, думный дьякъ. Въ 1673 году, будучи «ключникомъ путнымъ», участвовалъ при встрѣчѣ пословъ Шведскаго короля—графа Густава Оксенширна съ товарищами и былъ головою у сотни дворцовыхъ людей. Будучи простымъ дьякомъ, вѣроятно, — Приказа Большого Дворца, П. въ 1677 г. сдѣлался думнымъ дьякомъ въ томъ же Приказѣ, въ 1679—1680 году былъ переведенъ въ Стрѣлецкій Приказъ, а въ 1681 году—въ Приказъ Казанскаго Дворца. Въ 1682 году, какъ думный дьякъ, П. подписался подъ «соборнымъ дѣяніемъ» для уничтоженія мѣстничества и въ томъ же году былъ опять въ Приказѣ Большого Дворца.

«Доп. къ Акт. Истор.», т. VIII, стр. 61, 100, 187; т. IX, стр. 106, 110, 112; т. X, стр. 33, 415; Собр. Госуд. Грам. и Договор., т. IV, стр. 409; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-е, кн. VII, ч. VIII, стр. 395, 489; кн. VIII, ч. VIII, стр. 175; кн. XV, ч. XVIII, стр. 300; кн. XVII, ч. XV, стр. 453; кн. XX, ч. III, стр. 285; «Дворцовые Разряды», т. III, стр. 916; т. IV, стр. 41, 55, 58, 93, 94, 105, 129, 172, 188.

Н. В—н—въ.

Р.

Рабиновичъ, *Осипъ Аароновичъ*, писатель-беллетристъ, родился 14-го января 1818 г. въ г. Кобелякахъ, Полтавской губ. Выросши при благопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ получилъ и основательное образованіе. На 18-мъ году онъ женился и продолжалъ заниматься науками, въ особенности юридическими, а въ 1840 г. поступилъ студентомъ въ Харьковскій Университетъ. Его желаніе было пройти курсъ юридическаго факультета, но такъ какъ ему, какъ еврею, были закрыты служебные пути, онъ поступилъ на медицинскій факультетъ, но, въ виду стѣсненныхъ обстоятельствъ, принужденъ былъ оставить Университетъ и ѣхать на помощь къ отцу, потерявшему въ подрядахъ все свое состояніе. Онъ занялся дѣлами, но съ малымъ успѣхомъ, и осенью 1845 г. вмѣстѣ съ родителями и 8-ми лѣтней дочерью переѣхалъ въ Одессу. Годъ спустя, Р. былъ принятъ въ число присяжныхъ стряпчихъ Одесскаго Коммерческаго Суда и 1-го января 1848 г. получилъ званіе публичнаго нотаріуса. Съ этого времени къ нему, благодаря его добросовѣстности и знанію дѣла, стали притекать крупные процессы. Годомъ раньше (1847) онъ выступилъ и на литературное поприще. Въ первый разъ онъ перевелъ съ еврейскаго поэму «Гакрабъ», соч. Эйхенбаума (изд. Одесса. 1847). Затѣмъ, до 1849 г. онъ печаталъ статьи въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» о реформахъ въ религіозномъ быту евреевъ и интересные очерки жизни на богемскихъ водахъ, подъ заглавіемъ: «Франценсбадскія минеральныя воды». Въ 1849 г. Р. участвовалъ въ литературномъ сборникѣ, изданномъ въ Одессѣ подъ названіемъ «Литературные вечера». Въ этомъ изданіи напечатаны его сочиненія: «Исторія торговаго дома Фирличъ и К°» и «Моритъ Сефарди». Въ то же время онъ не переставалъ печатать статьи и въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», гдѣ появилась статья его «О Мошкахъ и Іоськахъ», надѣлавшая много шуму; въ этой статьѣ, подъ личиной шутки, онъ высказалъ самыя горькія для евреевъ истины, смягчивъ ихъ глубокой симпатіей къ соплеменникамъ. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» была напечатана его статья: «Устарѣлые взгляды при дневномъ свѣтѣ». Въ 1859 г. Р. напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью юридическаго содержанія: «Торговыя судопроизводства». Въ томъ же году, въ изданномъ въ Одессѣ профессорами Богдановскимъ и Георгіевскимъ «Новороссійскомъ Сборникѣ», помѣщенъ обширный трактатъ его: «О собственныхъ именахъ евреевъ», а въ 11-й книгѣ «Русскаго Вѣстника» появился первый разсказъ изъ его «Картинъ прошлаго» подъ названіемъ «Штрафной»; второй разсказъ: «Наслѣдственный подсвѣчникъ» появился уже въ «Разсвѣтѣ» за 1860 г. (№ 1—8). Тамъ же Р. помѣстилъ двѣ статьи историческаго содержанія: «Уголовный судъ у древнихъ евреевъ, во времена владычества римлянъ» (1860 г., № 20) и «Судьбы евреевъ въ Южной Европѣ» (1860 г., №№ 9, 11, 13, 15). Живя въ Одессѣ, Р. принималъ живое участіе въ интересахъ этого города и его жителей. Такъ, имъ были написаны статьи о хлѣбной торговлѣ подъ заглавіемъ «Время не терпитъ» — въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1862 г. (т. XXXIX, № 6, стр. 617—648) и въ «Бессарабскихъ област-

ныхъ Вѣдомостяхъ» 1863 г. (№ 1, стр. 3—5). Въ «Русскомъ Словѣ» за 1860 г. напечатана повѣсть Р. въ 2-хъ частяхъ подъ заглавіемъ «Калейдоскопъ». Кромѣ того, Р. участвовалъ въ «Современникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Вѣкѣ» и др. Съ 27-го мая 1860 г. по 19-е мая 1861 г. Р. издавалъ въ Одессѣ журналъ «Разсвѣтъ»; этимъ органомъ онъ старался познакомить русскую публику съ бытомъ евреевъ. Занимаясь общественными дѣлами, Р. принималъ участіе въ разработкѣ проекта Одесскаго муниципалитета въ 1859 г., а съ открытіемъ муниципальнаго управленія былъ избранъ въ гласные думы и долгое время работалъ въ коммиссіи, пока тяжкая болѣзнь не свела его въ могилу. Онъ умеръ отъ чахотки въ Меранѣ 16-го октября 1869 г.

Неотъемлемой и важнѣйшей заслугой Р. слѣдуетъ считать то, что онъ первый изъ русскихъ евреевъ сдѣлался русскимъ литераторомъ. Въ немъ русская литература лишилась талантливаго писателя, а евреи — одного изъ лучшихъ представителей, который первый выступилъ въ защиту своего народа въ статьяхъ на русскомъ языкѣ.

«Новоросс. Вѣдомости» 1869 г., №№ 30, 35, 37; «Одесск. Вѣстникъ», 1869 г., №№ 235, 241, 243; «День» 1869 г., №№ 7, 24, 28; «Разсвѣтъ» 1860 г., № 1—8; «Русск. Архивъ» 1871 г., стр. 506, 507; «Москов. Вѣдом.» 1869 г., № 244; «Сѣверная Пчела» 1869 г., № 64.

Н. Д. Игнатьевъ.

Рабусъ, *Карлъ Ивановичъ,* живописецъ. Родился въ С.-Петербургѣ 11-го мая 1800 г., ум. въ Москвѣ 14-го января 1857 г. Послѣ смерти отца, служившаго гувернеромъ въ Академіи Художествъ, онъ остался всего семи лѣтъ. Черезъ три года, 15-го января 1810 г., опекуны отдали его пенсіонеромъ въ Академію Художествъ; окончивъ здѣсь гимназическій курсъ, онъ избралъ-было своею спеціальностью историческую живопись, къ которой чувствовалъ сильное влеченіе, но продолжительная болѣзнь глазъ заставила его надолго прервать занятія, такъ что, за это время, онъ отсталъ отъ своихъ товарищей, и ему пришлось перейти уже на пейзажную живопись, въ классъ М. М. Иванова; послѣдній продержалъ его три года на копированіи рисунковъ и гравюръ, такъ что, получивъ, наконецъ, доступъ къ краскамъ, онъ, по собственному его признанію, почувствовалъ себя «счастливцемъ». Въ 1821 г. Рабусъ, за исполненную программу: «представить приморское мѣсто», получилъ золотую медаль второго достоинства и аттестатъ первой степени со шпагою.

По выходѣ изъ Академіи Р. отправился въ Малороссію, къ одному помѣщику, пригласившему его къ себѣ. Страстно любя природу, онъ наслаждался живописными видами береговъ Псёла, а затѣмъ переѣхалъ въ Крымъ, гдѣ сдѣлалъ много этюдовъ, которыми и воспользовался при исполненіи программы, заданной ему отъ Академіи на званіе академика: «написать масляными красками одинъ изъ Крымскихъ видовъ, снятыхъ съ натуры»; въ 1827 г. Р. получилъ это званіе за «Видъ Юрзуфа (Гурзуфа), имѣнія герцога Ришелье». Тѣми же этюдами онъ воспользовался для другой картины: «Видъ Балаклавы», купленной Обществомъ Поощренія Художниковъ.

Послѣ этого Р. опять отправился на южный берегъ Крыма, гдѣ снова исполнилъ много этюдовъ, а отсюда переѣхалъ въ Одессу и изъ нея — въ Константинополь. Дорогою онъ вынесъ сильную бурю и едва не погибъ; но во впечатлительной душѣ художника это величественное явленіе оставило глубокіе слѣды и выразилось въ томъ, что съ этихъ поръ онъ получилъ пристрастіе къ морю и съ увлеченіемъ писалъ морскіе виды.

Въ Константинополѣ художникъ былъ представленъ тамошнему русскому посланнику, графу Рибопьеру, который принялъ его подъ свое покровительство, дѣлалъ ему заказы и давалъ возможность осматривать городъ и дѣлать этюды, что̀ въ то время для европейца было очень затруднительно. Черезъ того же графа Рибопьера онъ былъ принятъ у австрійскаго и другихъ посланниковъ, для которыхъ тоже написалъ нѣсколько картинъ.

Во время плаванія по Средиземному морю Р. писалъ виды береговъ Греціи и Италіи и посѣтилъ нѣкоторые города, но въ Римъ и Неаполь попасть не могъ, потому что въ то время тамъ была холера. Затѣмъ онъ посѣтилъ Тироль, Вѣну, Нюренбергъ, Мюнхенъ, Дрезденъ и пѣшкомъ обошелъ всю Саксонскую Швейцарію, а оттуда черезъ Берлинъ вернулся въ Мало-

россію и затѣмъ въ Петербургъ, вездѣ при этомъ неутомимо работая и знакомясь съ извѣстнѣйшими художниками, литераторами и учеными.

Еще будучи въ Академіи, Р. выдѣлялся изъ среды своихъ товарищей своею начитанностью, развитіемъ и любовью къ наукамъ. Этими качествами онъ оказалъ не мало вліянія на развитіе многихъ художниковъ, изъ которыхъ нельзя не упомянуть К. П. Брюллова, съ которымъ они вмѣстѣ окончили курсъ Академіи, и А. А. Иванова, для котораго онъ переводилъ нѣмецкія книги, такъ какъ Ивановъ не зналъ этого языка. Они даже собирались вмѣстѣ ѣхать въ Италію.

Къ тому времени, о которомъ идетъ рѣчь, эти научныя занятія настолько выдвинули его изъ среды тогдашнихъ нашихъ живописцевъ, что, конечно, этому именно обстоятельству онъ и былъ обязанъ тѣмъ радушнымъ пріемомъ, какимъ пользовался со стороны графа Рибопьера, князя В. П. Кочубея и др. Благодаря тому же, и за границей передъ нимъ оказались широко раскрытыми двери не только домовъ художниковъ, какъ Корнеліусъ, Шнорръ, Ретчъ и др., но и литераторовъ и ученыхъ: у Людвига Тика онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ его литературныхъ вечеровъ, а съ археологомъ Беттигеромъ сблизился настолько, что потомъ между ними шла переписка, и Беттигеръ напечаталъ о нашемъ художникѣ статью въ «Artistischer Blatt zur Abendzeitung in Dresden», для которой Р. далъ ему автобіографическія свѣдѣнія.

Женившись, онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и поступилъ, 9-го февраля 1835 г., на службу въ Дворцовое Архитектурное Училище преподавателемъ перспективы. Потомъ онъ преподавалъ также перспективу въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ и пейзажную живопись въ Строгановской Рисовальной школѣ. 24-го марта 1844 г. онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ пейзажной живописи и перспективы въ Училище Живописи и Ваянія. Здѣсь протекала главная его преподавательская дѣятельность. Помимо указанныхъ предметовъ, онъ читалъ здѣсь теорію красокъ, на основаніи сочиненій Леонарда-да-Винчи, Рафаэля Менгса, Фальда и Гёте, и курсъ исторіи живописи. Не довольствуясь класснымъ преподаваніемъ живописи, онъ руководилъ, въ лѣтнее время, занятіями учениковъ по этюдамъ съ натуры. Какъ преподаватель, Р. оставилъ чувство неизгладимой благодарности въ сердцахъ своихъ учениковъ. Въ немъ соединялись глубокое знаніе своего предмета, ясность мысли и легкость изложенія съ самымъ сердечнымъ отношеніемъ къ учащимся, которымъ онъ оказывалъ всевозможную зависящую отъ него помощь—и нравственную, и даже матеріальную. У него собирался весь цвѣтъ московской интеллигенціи, находя интересъ въ бесѣдѣ съ умнымъ, образованнымъ и чуткимъ ко всему возвышенному художникомъ. Не менѣе охотно посѣщали его и пріѣзжавшіе въ Москву иностранные артисты. Въ числѣ ихъ былъ и Орасъ Верне, который самъ вызвался представить Государю одну изъ его картинъ: «Видъ церкви въ селѣ Измайловѣ», и дѣйствительно отвезъ ее во дворецъ. Государю такъ понравилась эта картина, что онъ выразилъ желаніе, чтобы художникъ самъ привезъ ему и другія свои работы. Въ это время у Р. были окончены двѣ большія картины: «Буря» и «Видъ Галлиполи при лунномъ освѣщеніи», которыя онъ лично и представилъ Императору. Обѣ картины были пріобрѣтены во Дворецъ.

Кромѣ упомянутыхъ картинъ, мы можемъ указать еще на слѣдующія его работы: «Спасскія ворота въ Москвѣ въ лунную ночь» (Музей Александра III);—«Видъ Кремля при лунномъ свѣтѣ» (Моск. Оружейная палата);—«Морской видъ» (Румянцевскій музей); — «Близъ Новодѣвичьяго монастыря» (Третьяковская галлерея);—«Красная площадь въ Москвѣ» (тамъ же до 1898 г.); — Картина съ тѣмъ же названіемъ (собр. И. Е. Цвѣткова); — «Видъ Алексѣевскаго монастыря, сломаннаго въ 1858 г.» (тамъ же); — «Видъ Московскаго Кремля» (пис. для графа Ланскаго);—«Саблы въ Малороссіи»; — «Видъ Василія Блаженнаго» (пис. въ 1851 г. для В. А. Кокорева);—«Звѣздочка» (пис. для Ѳ. Н. Глинки); — «Видъ Константинополя» (писанъ для Отенфельса); — «Кладбище Константинополя» (для князя Эстергази); — Крымскіе виды (для князя Кочубея); — «Молитва по погибшимъ товарищамъ» — ночной видъ на Средиземномъ морѣ близъ Майны (пис. 1849 — 1851 г.); — «Рыбачья хижина на берегу Мраморнаго моря» (пис. для А. В. Капниста); — «Водяные смерчи на Средиземномъ морѣ» (1854 г.

тоже);—«Утренній видъ на Москву съ Воробьевыхъ горъ» (пис. 1849 г.); — «Приморскій видъ горъ Албаніи»—оконченный эскизъ для большой картины (пис. 1849 г.);—«Ночной видъ изъ окрестностей Мейссена»;—«Лебеди въ высокомъ тростникѣ»;—«Мостъ въ Саксоніи»;—«Видъ Звенигородскаго Саввинскаго монастыря»; — «Видъ Мюнхена»; — «Озеро»; — «Внутренній видъ церкви Василія Блаженнаго»; — «Сладкія воды въ Константинополѣ». Кромѣ того, послѣ него осталось множество этюдовъ съ натуры, акварельныхъ и карандашныхъ рисунковъ и, въ томъ числѣ, очень остроумныя и характерныя каррикатуры. Рисовалъ онъ также и на камнѣ, для литографіи.

Но этимъ не ограничивается еще вся дѣятельность Рабуса. Въ Училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества хранится громадный неизданный трудъ его: «Руководство къ перспективѣ», а незадолго до смерти онъ началъ писать исторію живописи. Кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ газетахъ по вопросамъ искусства, о чемъ свидѣтельствуетъ фельетонъ изъ «Вѣдомостей Московской Городской Полиціи» 1851 г. подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о состояніи живописи въ Москвѣ. Изъ дневника художника», гдѣ Р. говоритъ вообще о значеніи картинныхъ галлерей для художественнаго образованія и въ частности о картинной галлереѣ графа А. Ѳ. Ростопчина, въ то время открывшейся для публики.

Подъ конецъ жизни Р. впалъ отчасти въ дальтонизмъ, не будучи въ состояніи различать желтые цвѣта, что, конечно, не могло не отразиться на его живописи.

Умеръ онъ послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни 14-го января 1857 г.

Дѣла Московскаго Художественнаго Общества №№ 37; 57; 63; 70; 80; 111; 115; — Ю. Випперъ. Исторія Училища Живописи, Ваянія и Зодчества въ Москвѣ 1833—1883. Неизданная рукопись;—Благовѣщенскій. Біографическія замѣтки. Неизданная рукопись въ собраніи А. П. Новицкаго;—Воспоминанія Н. В. Никитина, сообщенныя автору; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ. С.-Пб. 1864—1866. Т. I. Стр. 541; т. II, стр. 161, 162, 218, 222, 317; т. III, стр. 25;—Nagler. Neues allgemeines Künstler Lexikon. Т. XII. — Указатель находящихся въ Академіи произведеній. Изд. Фишера. С.-Пб. 1842; «Московскія Полицейскія Вѣдомости» 1851 г. №№ 57, 58 и 59; — «Живописная Библіотека» 1857 г. № 8;—«Русскій Вѣстникъ» 1857 г. № 2;—Н. Рамазановъ. Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи. М. 1863, стр. 25, 84—98, 201 и слѣд.; А. Сомовъ. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи Импер. Академіи Художествъ С.-Пб. 1872;—Описи художественныхъ произведеній городской галлереи бр. П. и С. Третьяковыхъ;—А. Новицкій. Художественная галлерея Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея. М. 1889;—Каталогъ выставки въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. М. 1902, стр. 51;—Е. Н. Тевяшовъ. Описаніе нѣсколькихъ гравюръ и литографій. С.-Пб. 1903 г., стр. 87 и 163; — Д. Д. Ивановъ. Объяснительный путеводитель по художественнымъ собраніямъ С.-Петербурга. С.-Пб. 1904 г.;—Баронъ Н. Врангель. Русскій музей Импер. Александра III. С.-Пб. 1904, стр. 362; — Перечень картинъ и рисунковъ собранія И. Е. Цвѣткова. М. 1904.

А. Новицкій.

Равичъ, *Іосифъ Ипполитовичъ*, тайн. сов., ординарный профессоръ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, род. въ городѣ Слуцкѣ, Минской губерніи, 5-го мая 1822 г., умеръ въ С.-Петербургѣ 9-го сентября 1875 г.; происходилъ изъ бѣдной еврейской мѣщанской семьи. Въ 1846 году Равичъ поступилъ на ветеринарное отдѣленіе С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1850 году со званіемъ ветеринарнаго врача; 5-го ноября того же года онъ былъ назначенъ ветеринаромъ въ резервную бригаду 3-й легкой кавалерійской дивизіи, 30-го ноября переведенъ въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ ветеринарнымъ помощникомъ, 21-го апрѣля 1851 года назначенъ ветеринарнымъ врачемъ въ л.-гв. Уланскій полкъ, 11-го сентября перемѣщенъ въ Кавалергардскій полкъ, а 20-го ноября того же года вновь переведенъ въ Уланскій полкъ. 3-го августа 1853 года Равичъ прикомандированъ былъ къ ветеринарной клиникѣ Медико-Хирургической Академіи для выдержанія экзамена на степень магистра ветеринарныхъ наукъ, что онъ съ успѣхомъ и выполнилъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Крымская кампанія лишила его возможности покончить въ это же время съ магистерской диссертаціей, такъ какъ 16-го марта 1854 года Равичъ снова возвратился въ Уланскій полкъ и только 20-го февраля 1856 года былъ признанъ магистромъ ветеринарныхъ наукъ совѣтомъ Дерптскаго Ветеринарнаго Института, послѣ защиты диссертаціи «Объ остромъ ревматизмѣ суставовъ у лошадей». 4-го февраля 1857 года Р. былъ назначенъ старшимъ ветеринаромъ 6-го армейскаго корпуса, а 15-го октября 1858 года прикомандиро-

вался къ штабу отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Желая поднять ветеринарное образованіе въ Россіи, Дубовицкій, бывшій въ то время президентомъ Медико-Хирургической Академіи, обратилъ вниманіе на преобразованіе ветеринарнаго отдѣленія Академіи. Прежде всего необходимо было увеличить преподавательскій составъ, такъ какъ преподаваніе многихъ предметовъ сосредоточивалось въ однѣхъ рукахъ. Равичъ, сознавая свои силы и зная объ этой недостаточности преподавательскаго персонала, рѣшился искать доцентуры въ Академіи. Въ 1859 году онъ прочелъ пробную лекцію «О сущности и патологическихъ измѣненіяхъ сапа у лошадей», получилъ званіе приватъ-доцента и былъ оставленъ при Академіи впредь до открытія штатнаго мѣста преподавателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было поручено чтеніе лекцій ветеринарнымъ студентамъ по зоофизіологіи и зоопатологіи. 27-го сентября 1860 г. Равичъ былъ командированъ для усовершенствованія въ наукахъ на два года заграницу, гдѣ слушалъ курсы нормальной гистологіи у профессора Келликера и патологической анатоміи у профессора Ферстера въ Вюрцбургѣ. 4-го марта 1861 года онъ переѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ занимался изученіемъ патологической анатоміи у профессора Вирхова, и прослушалъ курсы: физіологической химіи у доктора Кюне, физіологіи у Дюбуа-Реймона и сравнительной анатоміи у профессора Рейхарта. Кромѣ того, онъ занимался спеціальными предметами въ Берлинской ветеринарной школѣ. Изъ Берлина Р. переѣхалъ въ Вѣну, гдѣ оставался до января 1862 года и гдѣ занимался патологическою зоотоміею въ ветеринарномъ институтѣ и посѣщалъ лекціи Брюкке и Людвига по гистологіи и физіологіи. Въ началѣ 1862 года Р. занимался гистологіей у профессора Функе въ Фрейбургѣ, а затѣмъ посѣщалъ Альфартовскую ветеринарную школу и слушалъ лекціи у Клодъ-Бернара въ Парижѣ. На обратномъ пути въ Россію Равичъ посѣтилъ штутгартскій, мюнхенскій и дрезденскій ветеринарные институты. По возвращеніи изъза границы Р. началъ преподавать ветеринарнымъ студентамъ зоогистологію, зоофизіологію, общую патологію и патологическую зоотомію. Въ 1864 году онъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ, при чемъ ему поручено было, кромѣ преподаваемыхъ имъ предметовъ, читать еще лекціи по эпизоотологіи не только для ветеринаровъ, но и для медицинскихъ студентовъ. Въ 1864 году совѣтъ Петровской Земледѣльческой Академіи (около Москвы), принимая во вниманіе труды и многостороннюю дѣятельность Равича, пригласилъ его занять въ названной Академіи каѳедру зоотехніи, со званіемъ ординарнаго профессора. Р. согласился на это предложеніе, однако переходъ не состоялся, такъ какъ Дубовицкій исходатайствовалъ ему добавочное содержаніе и напомнилъ о предстоявшемъ преобразованіи ветеринарнаго отдѣленія Академіи. 8-го апрѣля 1867 года онъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ и оставался въ этой должности по день своей смерти. Въ 1869 году, вслѣдствіе раздѣленія каѳедръ, Равичъ сталъ преподавать только общую зоопатологію и эпизоотологію съ ветеринарною полиціею. Въ 1872 году онъ былъ назначенъ завѣдывающимъ ветеринарнымъ отдѣленіемъ Академіи. Будучи научно-образованнымъ и выдающимся по своимъ способностямъ человѣкомъ, Р. выдѣлялся изъ ряда другихъ ветеринарныхъ дѣятелей и потому обратилъ на себя вниманіе и завоевалъ видное положеніе. Не упуская ни единаго случая, онъ разъяснялъ значеніе ветеринаріи въ государствѣ и неотложную потребность въ хорошо подготовленныхъ ветеринарахъ. Благодаря энергіи и настойчивости Равича и тому уваженію, какимъ онъ пользовался, ему удалось найти средства къ постройкѣ новаго зданія Ветеринарнаго Института и въ значительной мѣрѣ способствовать преобразованію ветеринарной части въ Академіи. Въ 1872 году его стараніями былъ устроенъ ветеринарный отдѣлъ на Всероссійской политехнической выставкѣ въ Москвѣ; по его же настоянію было ассигновано до трехъ тысячъ рублей на пріобрѣтеніе съ выставки разныхъ предметовъ: коллекцій хирургическихъ, ветеринарныхъ инструментовъ и снарядовъ, употребляемыхъ въ ветеринарной практикѣ, для кабинетовъ и музея ветеринарнаго отдѣленія Академіи. Относительно преподавательской дѣятельности профессора Равича нельзя не отмѣтить, что его лекціи по различнымъ предметамъ отличались талантливымъ изложеніемъ и демонстративностью. Читая лекціи по зоофизіологіи и зоопатологіи, онъ не только знакомилъ

слушателей съ сущностью процессовъ кровообращенія, пищеваренія и т. д., но и сопровождалъ свои лекціи опытами надъ животными, чего раньше никто изъ ветеринарныхъ преподавателей не дѣлалъ. Онъ былъ поклонникомъ воззрѣній Вирхова на патологическія измѣненія въ тканяхъ организма, и первый познакомилъ русскихъ ветеринаровъ съ доктриной целлюлярной патологіи. Благодаря всему этому, лекціи Равича привлекали студентовъ различныхъ курсовъ. Особенно интересными были его лекціи по тѣмъ отдѣламъ эпизоотологіи, которые были разработаны имъ самимъ, а именно: по чумѣ рогатаго скота, по сапу и сибирской язвѣ. Преподавательская дѣятельность Равича не ограничивалась только Академіей; въ 60-хъ годахъ онъ преподавалъ иппологію въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. Состоя съ 15-го октября 1864 года по 26-е января 1871 года предсѣдателемъ Общества ветеринарныхъ врачей въ С.-Петербургѣ, Р. далъ научное направленіе этому Обществу. Не проходило почти ни одного засѣданія Общества, чтобы онъ не дѣлалъ какого-либо научнаго сообщенія по поводу того или другого возникавшаго въ засѣданіяхъ Общества вопроса, сопровождая эти сообщенія, при всякой возможности, интересными демонстраціями. Равичъ былъ неутомимымъ пропагандистомъ ветеринарныхъ наукъ и всюду распространялъ убѣжденіе о важности ихъ для Россіи. Такъ, напримѣръ, онъ неоднократно дѣлалъ сообщенія о повальныхъ и заразительныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ и Сельско-Хозяйственномъ Музеѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ и привлекалъ своимъ живымъ, талантливымъ изложеніемъ значительное число слушателей. Кромѣ того, онъ дѣлалъ доклады по эпизоологіи въ собраніяхъ сельскихъ хозяевъ Петербурга и Москвы. По прекращеніи изданія журнала «Записки Ветеринарной медицины», въ Обществѣ ветеринарныхъ врачей возникла мысль объ изданіи новаго повременнаго ветеринарнаго органа. Равичъ съ энергіей взялся за это дѣло. Онъ ходатайствовалъ по этому вопросу въ Ветеринарномъ Комитетѣ, который и далъ средства на изданіе «Архива Ветеринарныхъ наукъ». Основателемъ и первымъ руководителемъ названнаго журнала явился самъ Р., который и былъ назначенъ въ 1871 году редакторомъ журнала. Пользуясь довѣріемъ высшихъ административныхъ учрежденій, завѣдывавшихъ ветеринарною частью въ Имперіи, какъ ученый и дѣльный спеціалистъ, Равичъ выполнилъ значительное число командировокъ научнаго и научно-административнаго характера, преимущественно по порученію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Такъ, въ 1863 г., состоя членомъ Высочайше учрежденнаго комитета по устройству ветеринарной части и о мѣрахъ противъ скотскихъ падежей въ имперіи, онъ былъ командированъ въ Петербургскую и смежныя съ нею губерніи, для принятія мѣръ противъ сибирской язвы. Въ томъ-же году онъ былъ отправленъ, для повѣрки опытовъ чумопрививанія, въ чумопрививательные институты Херсонской и Оренбургской губерніи. Въ 1870 году Равичъ объѣзжаетъ разныя губерніи Россіи, съ цѣлью изслѣдовать причины и способы распространенія чумы рогатаго скота. Въ 1874 году Равичу опять поручаютъ борьбу съ чумой, для чего онъ ѣдетъ въ Полтавскую и сосѣднія съ нею губерніи, а также и въ Карловку, имѣніе великой княгини Екатерины Михаиловны, гдѣ ставитъ контрольные опыты чумопрививанія. Кромѣ командировокъ внутрь имперіи, Равича часто отправляли въ заграничныя командировки; первый разъ, въ 1865 году, онъ ѣздилъ въ Цюрихъ, гдѣ былъ представителемъ Россіи на международномъ конгрессѣ ветеринаровъ (здѣсь онъ былъ избранъ вторымъ вице-президентомъ); въ 1872 г.—въ Вѣну на международную конференцію по изысканію общихъ мѣръ противъ развитія и распространенія чумы рогатаго скота; черезъ три года онъ совершилъ вторичную поѣздку въ Вѣну, въ качествѣ члена коммисіи по составленію проекта санитарныхъ правилъ для торговли скотомъ, пригоняемымъ изъ Россіи въ Австро-Венгрію. На всѣхъ этихъ конгрессахъ Равичъ показалъ себя весьма знающимъ ветеринаромъ и энергично отстаивалъ интересы Россіи. За свою дѣятельность Р. былъ избранъ (19-го ноября 1869 г.) Дерптскимъ ветеринарнымъ институтомъ въ почетные члены, за время административной дѣятельности Равичъ состоялъ членомъ многихъ ветеринарныхъ и медицинскихъ коммисій. Такъ въ 1867 году онъ былъ назначенъ совѣщательнымъ

членомъ Медицинскаго Совѣта, въ слѣдующемъ году былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ вновь учрежденнаго Ветеринарнаго Комитета при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ учрежденіи и организаціи котораго принималъ самое дѣятельное участіе. Кромѣ этого комитета, Равичу-же обязанъ своимъ появленіемъ проектъ особаго ветеринарнаго отдѣленія при Медицинскомъ Департаментѣ съ особымъ вице-директоромъ изъ ветеринаровъ. Проектъ этотъ хотя и получилъ одобреніе; но не былъ утвержденъ Государственнымъ Совѣтомъ, въ виду того, что, по его мнѣнію, надо было сначала основать провинціальныя ветеринарныя отдѣленія, а ужъ потомъ объединять ихъ въ центральномъ управленіи. Въ 1869 г. Р. былъ назначенъ старшимъ ветеринаромъ въ управленіи главнаго медика и пробылъ въ этой должности годъ, послѣ чего былъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ Военно-медицинскаго Ученаго Комитета. Въ 1875 г., по окончаніи занятій въ международной коммисіи въ Вѣнѣ, Р. заѣхалъ въ Маріенбадъ, чтобы отдохнуть и полечиться, но здѣсь почувствовалъ себя настолько плохо, что долженъ былъ вернуться въ Петербургъ, куда и былъ привезенъ полуживымъ въ началѣ августа. Несмотря на принятыя мѣры, вылечить Равича не удалось: онъ скончался 9-го сентября 1875 г.

Литературная дѣятельность Равича была очень разнообразна; кромѣ редактированія «Архива ветеринарныхъ наукъ», онъ написалъ много научныхъ сочиненій, наиболѣе важныя изъ которыхъ вышли отдѣльными изданіями. Тѣ-же, которыя онъ писалъ въ видѣ небольшихъ статей, печатались имъ въ слѣдующихъ журналахъ: въ «Запискахъ ветеринарной медицины», «Военно-медицинскомъ журналѣ», «Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ», «Архивѣ судебной медицины», «Трудахъ императорскаго вольно-экономическаго общества» и пр. Замѣтки по ветеринарнымъ вопросамъ онъ помѣщалъ въ общей прессѣ: «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Сѣверной Почтѣ», «Петербургскомъ Листкѣ». Важнѣйшіе труды Равича слѣдующіе. «О распознаваніи и леченіи ревматическихъ болѣзней у лошадей»; диссертація; Дерптъ. 1856 г.; «Острый ревматизмъ суставовъ у лошадей» — «Записки ветеринарной медицины» 1857 г.; «Діагностика мыта и сапа у лошадей» — «Военно-медицинскій журналъ». 1857 г.; «Уремія. Произнодство нафротоміи» — тамъ-же, 1863 г.; «Критическій обзоръ чумопрививанія»—тамъ-же, 1863 г.; «Новѣйшія анатомо-патологическія изслѣдованія чумы рогатаго скота» — тамъ-же, 1864 г.; «Къ вопросу о чумопрививаніи» — «Журналъ минист. государств. имущ.», 1864 г.; «Докторъ Давэнъ и его бактеріи» — «Архивъ судебной медиц. и обществ. гигіены» 1865 г.; «Курсъ ученія о повальныхъ и заразительныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ (повальные катарры и дифтериты)» — «Военно-медицинскій журналъ», 1866 г.; Отдѣльное изданіе того-же года; Полный курсъ гиппологіи, 2 части; Спб. 1866 г.; «Специфическія воспаленія слизистыхъ оболочекъ и кожи у домашнихъ животныхъ»— «Военно-медиц. журн.», 1868—1869 гг.; издано отдѣльно въ 1869 году; «Къ ученію о гнилостномъ зараженіи» — тамъ-же, 1870 г.; «О чумопрививаніи (отчетъ о 1-ой выставкѣ рогатаго скота въ 1870 г.). «Къ ученію о лихорадкѣ»—«Архивъ ветеринарн. наукъ», 1871 г.; «Къ вопросу о мѣстѣ зарожденія чумы рабочаго скота»—тамъ-же, 1871 г.; «Современное ученіе о контагіи и и міазмѣ»—тамъ-же, 1871—1872 гг.; «Отчетъ о международной конференціи, бывшей въ Вѣнѣ, по вопросу о мѣрахъ противъ распространеніи чумы рогатаго скота» — тамъ-же, 1872 г.; «Руководство къ изученію патологіи и терапіи инфекціонныхъ и заразительныхъ болѣзней домашнихъ животныхъ и ветеринарной полиціи»—тамъ-же, 1873 г.; издано отдѣльно. Спб. 1873 г.; «Руководство къ изученію общей патологіи домашнихъ животныхъ»— тамъ-же, 1874 г.; издано отдѣльно, Спб. 1875 г.; «Къ вопросу о строеніи и ростѣ копытнаго рога» — тамъ-же, 1874 г.; «Zur Lehre von putriden Infection und deren Beziehung zum sogenannten Milzbrande. Experimentelle und microscopische Untersuchungen. Berlin 1872; «Typhoiden Krankheiten der Hausthiere» — «Würzbur. Med. Leit.» 1861; «Die Scrophulosis und Tuberculosis bei den Hausthieren» — «Magasin Gurlt'a» 1862; «Die Pathogenese des Rotzkrankheits» — «Virchow's Arch.» 1862; «Ueber den Einfluss des nervi vagi auf die Magenbewegund»—«Archiv für Anat. und Physiol.» 1862; «Die käsige Metamorphose»— «Virch. Arch.» 1864; «Die Musculatur des

Oesophagus» — «Virch. Arch.» 1864; «Neue Untersuchungen über die pathologische Anatomie des Rinderpest» 1865.

«Вѣстникъ Общественной Ветеринаріи» 1894 г., № 6, стр. 174—178; В. Е. Воронцовъ, Историческ. очеркъ каѳедры эпизоотологіи и бывшаго ветеринарнаго отдѣленія Имп. Медико-Хир. Академіи, С.-Пб. 1898 г., стр. 99—108; «Архивъ Ветеринарныхъ Наукъ», 1875 г., № 3, стр. 1—16; «Исторія Имп. Военно-Мед. Академіи за сто лѣтъ, подъ ред. проф. Ивановскаго, С.-Пб. 1898 г; Вальдманъ и Неготинъ, Альбомъ имматрикулированныхъ въ Дерптск. ветерин. Инст., Юрьевъ 1898 г., стр. 327; Русскій энциклоп. словарь, изд. проф. И. Березинымъ, отд. IV, т. I, С.-Пб. 1876 г., 8°, стр. 21. Пятидесятилѣтіе Общества Ветеринарныхъ Врачей въ С.-Петербургѣ, вып. I, С.-Пб. 1896 (съ портретомъ Р.); «Труды Имп. Вольно-Экономич. общества» 1875 г., т. 3, № 1, стр. 122; «Голосъ» 1875 г., № 253; «Гражданинъ» 1876 г., № 4; «Петербургскій Листокъ» 1875 г., №№ 157 и 158; «Иллюстр. Недѣля» 1875 г., № 37, стр. 591; «С.-Пб. Вѣд.», 1875, 14 сент.

Н. Кульбинъ.

Раденъ, баронесса *Эдита Ѳеодоровна*, гофмейстерина Великой Княгини Елены Павловны, камеръ - фрейлина; род. въ 1820 г., ум. 9-го октября 1885 г. По рожденію своему она принадлежала къ старинному курляндскому дворянству и обладала многими драгоцѣнными качествами, свойственными германской народности; ей были присущи: привычка къ труду, любовь къ порядку, стремленіе къ правдѣ въ жизни, заботливость о подчиненныхъ. Надѣленная отъ природы возвышеннымъ умомъ и чуткимъ ко всему доброму сердцемъ и получивъ прекрасное домашнее образованіе подъ руководствомъ своего старшаго брата, она обратила на себя вниманіе великой княгини Елены Павловны, которая умѣла цѣнить людей. Одинаковость вкусовъ и стремленій способствовала ихъ духовному сближенію, и вскорѣ Эдита Ѳеодоровна заслужила такое довѣріе великой княгини, что стала ближайшей ея помощницей въ ея общественной дѣятельности. Сначала она была фрейлиной ея двора, а потомъ гофмейстериной. К. П. Побѣдоносцевъ, хорошо знавшій и великую княгиню Елену Павловну, и Эдиту Ѳеодоровну, говоритъ: «Благодаря совокупной дѣятельности этихъ двухъ женщинъ, Михайловскій Дворецъ сдѣлался средоточіемъ культурнаго общества въ Петербургѣ, центромъ интеллектуальнаго его развитія, школою изящнаго вкуса и питомникомъ талантовъ. Все замѣчательное и выдающееся въ области государственной, въ наукѣ и въ искусствѣ стекалось къ этому центру—всѣ находили здѣсь умственное возбужденіе, оживленіе мысли и чувства,... и главнымъ двигателемъ оживленія являлась Эдита Раденъ». Она была извѣстна не только въ Петербургѣ, но и за границей; частыя и продолжительныя поѣздки съ великой княгиней по Европѣ сблизили ее съ первыми знаменитостями науки, искусства и политики и познакомили ее въ подробностяхъ съ важнѣйшими историческими памятниками. Она пользовалась уваженіемъ германскаго императора Вильгельма и князя Бисмарка, долгое время состояла въ перепискѣ съ кардиналомъ Антонелли и находилась въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ племянницею великой княгини Елены Павловны, Елисаветою, королевою румынскою, писательницею, извѣстною подъ псевдонимомъ «Карменъ Сильва».

По мысли великой княгини Елены Павловны и при дѣятельномъ участіи баронессы Р. во время Крымской войны 1854—1856 гг. была учреждена Крестовоздвиженская Община сестеръ милосердія (первое въ Россіи филантропическое учрежденіе этого рода), и отряды сестеръ отправлены въ Севастополь для ухода за ранеными. Въ первые годы царствованія Александра II великая княгиня Елена Павловна и баронесса Р. съ сердечнымъ сочувствіемъ отнеслись къ вопросу объ «эмансипаціи», какъ тогда называли освобожденіе крестьянъ. Многіе выдающіеся по уму и характеру люди, какъ, напримѣръ, князь В. А. Черкасскій, Ю. Ѳ. Самаринъ, братья Милютины, К. Д. Кавелинъ, собирались въ Михайловскомъ дворцѣ и вмѣстѣ съ великой княгиней и баронессой обсуждали предстоящую реформу.

Кончина великой княгини Елены Павловны (ум. 9-го января 1873 г.) была тяжкимъ ударомъ для баронессы Р., но энергія ея въ дѣлѣ общественной и частной благотворительности не только не ослабѣла подъ гнетомъ горести, а какъ бы усугубилась. Въ ея завѣдываньe поступили учрежденія, возникшія по мысли или въ память великой княгини Елены Павловны: Клинический Институтъ, Еленинскій Институтъ, Елисаветинская дѣтская больница, многія школы и пріюты и дешевыя столовыя для бѣдныхъ. Не имѣя сама никакихъ средствъ, баронесса Р. умѣла, пользуясь общимъ ува-

женіемъ и сочувствіемъ, привлекать къ крупнымъ пожертвованіямъ на добрыя дѣла богатыхъ людей, при чемъ вносила свою долю личнаго труда. Когда она устроила при Медико-Хирургической Академіи дешевую столовую для студентовъ, то такъ предалась этому дѣлу, что сама дежурила въ столовой. По утрамъ она принимала у себя иногда совершенно незнакомыхъ людей, приходившихъ къ ней за помощью и за поддержкой, и никого не отпускала безъ добраго совѣта или безъ слова ободренія. Къ этому времени относится приближеніе баронессы Р. къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, которая оказывала ей полное довѣріе и сдѣлала ее камеръ-фрейлиной своего Двора.

Въ теченіе Турецкой войны 1877—78 гг. Эдита Ѳеодоровна заботилась объ устройствѣ санитарныхъ отрядовъ, привлекала въ рукодѣльныя и въ склады Краснаго Креста людей высшаго Петербургскаго общества, распоряжалась отправкой вещей и припасовъ для раненыхъ. Она собственноручно написала отчетъ общества Краснаго Креста за время войны и была пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины за руководительство петербургскими его учрежденіями.

Послѣ кончины принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго (ум. 2-го мая 1881 г.), баронесса Р. была назначена помощницей Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ завѣдываніи всѣми многочисленными женскими учебными заведеніями и благотворительными учрежденіями, непосредственно подчиненными Императрицѣ.

Эдита Ѳеодоровна, какъ уже было упомянуто выше, получила прекрасное образованіе; она въ совершенствѣ владѣла нѣмецкимъ, французскимъ и русскимъ языками и вела обширную переписку, преимущественно на французскомъ языкѣ, съ разными выдающимися политическими, общественными, научными и литературными дѣятелями. Изъ этой переписки, сколько намъ извѣстно, изданы лишь нѣкоторыя письма Э. Ѳ. Раденъ къ Ю. Ѳ. Самарину и К. Д. Кавелину. Переписка съ Самаринымъ издана отдѣльной книгой въ Москвѣ въ 1893 г., а переписка съ Кавелинымъ помѣщена въ «Русской Мысли» 1899—1900 гг.

О перепискѣ съ Самаринымъ К. П. Побѣдоносцевъ говоритъ: «Эти двѣ души, равно благородныя и возвышенныя, могли понять и оцѣнить другъ друга. У обоихъ былъ умъ, воспитанный глубиною мысли, многостороннимъ образованіемъ, близкимъ обращеніемъ съ знаменитостями русскаго и европейскаго общества, у обоихъ горѣло въ душѣ чувство правды и стремленіе къ правдѣ въ духѣ и въ жизни. Оба, — хотя не съ одной точки зрѣнія, проникнуты были горячимъ чувствомъ любви къ русскому отечеству и негодованія противу всякой лжи и неправды. Но у Эдиты Раденъ это чувство раздвоялось, осложняясь любовью къ особенной ея Балтійской родинѣ, откуда приняла она первыя свои ощущенія и первыя мысли умственной культуры, откуда вынесла преданія цѣлаго ряда поколѣній. На этой почвѣ невозможно было ей избѣжать столкновенія съ мыслью Самарина — автора «Рижскихъ писемъ», издателя «Окраинъ Россіи», но дружба, основанная на взаимномъ уваженіи, исполненная неизмѣнной искренности въ мысли и въ словѣ, — выдержала и это испытаніе...; до самой кончины его отношенія ихъ оставались неизмѣнными, и сохранившаяся послѣ обоихъ переписка останется навсегда памятникомъ дружественной борьбы крѣпкаго, глубокаго мужского ума, проникнутаго сознаніемъ правоты своей, съ глубокою женскою душой, вооруженною всей горячностью чувства, ищущаго правды въ человѣческихъ отношеніяхъ».

Къ Кавелину, по словамъ профессора Д. А. Корсакова, Эдиту Ѳеодоровну «привлекали его талантливый и живой умъ, его чуткое ко всему благородному сердце, честность и правдивость его натуры; тѣ же душевныя качества плѣняли и его въ баронессѣ Раденъ. Но въ области воззрѣній, въ убѣжденіяхъ религіозныхъ, политическихъ, общественныхъ они не сходились, и Кавелинъ имѣлъ полное право, въ одномъ изъ своихъ писемъ, сказать ей: «...И съ вами, Эдита Ѳеодоровна, если пересчитать по пальцамъ, — немало найдется предметовъ, въ которыхъ мы совершенно расходимся». Эдита Ѳеодоровна отличалась замѣчательной терпимостью къ такимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, которыя она не раздѣляла,—лишь бы они были искренни. Въ одномъ изъ писемъ къ Кавелину она между прочимъ говоритъ: «У меня самое широкое воззрѣніе на вѣру. Сохраняя по возможности непоколебимой свою собственную вѣру, я братски привѣтствую все то,

что вѣритъ, будь предметомъ вѣры идеалъ, искусство, человѣческое совершенство, свобода,—лишь бы только дѣйствительно вѣрили, съ готовностью положить жизнь свою за вѣру: тогда я чувствую себя удовлетворенной и увѣрена, что мы всѣ выражаемъ одно вѣчное чувство на различныхъ языкахъ».

Эдита Ѳеодоровна была протестантка и сознательно слѣдовала ученію Лютера, идеалъ котораго — осуществленіе правды Божіей въ христіанской жизни. По поводу книги Виné о семейной жизни она между прочимъ писала: «Установить истинную связь между тѣмъ, что дѣлаешь, что думаешь и что чувствуешь, и питать свои чувства у живого источника вѣчной истины, которая есть вѣчная Любовь — какое идеальное существованіе!» Но въ то же время, по словамъ К. П. Побѣдоносцева: «въ ней не было ни малѣйшаго слѣда того лютеранскаго фанатизма, который свысока и презрительно относится къ иновѣрцамъ, полагая себя центромъ и свѣтомъ единственнаго культурнаго и разумнаго вѣрованія». Желая познакомить нѣмцевъ съ ученіемъ православной церкви, которую она почитала, Эдита Ѳеодоровна перевела на нѣмецкій языкъ предисловіе Самарина къ сочиненіямъ Хомякова и статью Хомякова о единой церкви. Этимъ самымъ она, по собственному выраженію, «внесла свою крупинку въ дѣло истины, которая, просвѣщая умы, непремѣнно должна возжечь въ сердцахъ братское состраданіе».

Скальковскій, К. К. «Наши государственные и общественные дѣятели», С.-Пб. 1890 г., стр. 281—285; К. П. Побѣдоносцевъ, «Вѣчная память». Воспоминанія о почившихъ. М. 1896, стр. 21—55.

В. Корсакова.

Радецкая, *Надежда Ѳедоровна*, сестра милосердія, извѣстная своей филантропической дѣятельностью въ Сибири, дочь Шипкинскаго героя Ѳ. Ѳ. Радецкаго. По смерти отца она поселилась въ Сибири, вся отдавшись благотворительной дѣятельности. Видя, въ какихъ ужасныхъ условіяхъ находятся переселенцы-крестьяне, она всячески старалась облегчить ихъ тяжелое положеніе. Съ этою цѣлью она устраивала въ Омскѣ ночлежные дома, пріюты, больницы, столовыя и все, что только могло быть полезно страждущему люду. Не щадя ни своего здоровья, ни даже своей жизни, рискуя заразиться, она не только оказывала матеріальную помощь нуждающимся, но нерѣдко сама, въ качествѣ сестры милосердія, ухаживала за больными брюшнымъ, пятнистымъ или голоднымъ тифомъ. Такое самоотверженіе стоило ей жизни: въ началѣ декабря 1891 года она заразилась въ Омскѣ пятнистымъ тифомъ и черезъ нѣсколько дней (9-го декабря) умерла. Смерть ея, похитившая ее совсѣмъ еще въ молодыхъ годахъ и въ то время, когда дѣятельность ея была наиболѣе необходима, въ виду бывшаго въ то время голода и эпидеміи тифа, вселила въ сердца всѣхъ, знавшихъ ее, искреннюю и глубокую скорбь.

«Семипалатинскія Вѣдомости» 1891 г., 21-го декабря; № 51, «Петербургская Газета» 1892 г., 19-го февраля, № 1328; «Русскія Вѣдомости» 1892 года, 25-го февраля, № 54; «День» 1892 г., № 1328.

Радецкій, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, членъ Военнаго Совѣта, почетный членъ Николаевской Академіи Генеральнаго штаба, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, почетный гражданинъ городовъ Полтавы и С.-Петербурга, родился въ 1820 году и происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи. Поступивъ въ 1834 году въ кондукторскую роту Главнаго Инженернаго Училища и произведенный въ 1838 г. въ унтеръ-офицеры, Р. по экзамену выпущенъ былъ въ 1839 году въ полевые инженеръ-прапорщики, съ оставленіемъ при Училищѣ для прохожденія курса наукъ въ инженерныхъ офицерскихъ классахъ. По окончаніи курса черезъ два года, Р. былъ выпущенъ изъ Главнаго Инженернаго Училища на дѣйствительную службу въ Инженерный корпусъ и получилъ назначеніе въ Варшавскую инженерную команду, откуда въ 1842 году переведенъ былъ на Кавказъ — въ Грузинскій инженерный округъ, гдѣ и началъ свое боевое поприще, оказавъ рядъ боевыхъ отличій. Въ 1843 году въ отрядѣ генералъ-маіора Безобразова онъ участвовалъ въ походѣ противъ горцевъ изъ станицы Невинномысской къ рѣкѣ Урупу, а 1—2-го мая того же года въ переправѣ черезъ эту рѣку въ виду громаднаго скопища горцевъ, а также въ передвиженіи отряда къ рѣкѣ Большому Зеленчуку и въ отраженіи непріятеля отъ станицы Бекешевской, послѣ чего преслѣдовалъ разбитаго непріятеля по Кумскому ущелью. 11-го мая назначенъ

съ отрядомъ на постройку отдѣльной оборонительной башни въ верховьяхъ рѣки Кубани, при каковой работѣ и находился по 7-ое ноября. Въ слѣдующемъ, 1844 году онъ участвовалъ въ походѣ Чеченскаго отряда генералъ-адъютанта Нейтгарда отъ Ташъ-Кичу къ рѣкѣ Ярыкъ-Су и въ переправѣ черезъ эту рѣку 7-го іюня, послѣ чего отрядъ направился къ крѣпости Внезапной близъ деревни Андреевой.—13-го іюня происходилъ бой съ горцами при селеніи Зурамакентъ и занятіе деревень Инчхе и Костала, а на другой день—движеніе отряда черезъ Хубары и Гертму къ Теренгульскому оврагу, гдѣ расположились огромныя скопища Шамиля, открывшаго канонаду по отряду. Назначенный 17-го іюня въ отрядъ генералъ-маіора Фрейтага, Радецкій участвовалъ въ походѣ черезъ Черкей въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ, по приказанію начальника инженеровъ, производилъ съемки мензулою около аула Черкей и временно завѣдывалъ работами по возведенію мостового укрѣпленія и моста въ этомъ аулѣ. 1-го іюля, за отличіе по службѣ, Р. произведенъ былъ въ подпоручики, а 7-го іюля выступилъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Бурундукъ-Кале и затѣмъ къ Ирганаю, гдѣ участвовалъ въ перестрѣлкѣ съ горцами и въ отраженіи нападенія на аріергардъ. Возвратившись обратно въ Темиръ-Ханъ-Шуру, Радецкій былъ назначенъ въ отрядъ генералъ-маіора Пассека, съ которымъ выступилъ въ Евгеніевское укрѣпленіе, гдѣ и находился до 28-го августа. Съ этого времени начинается рядъ небольшихъ походовъ, набѣговъ, рекогносцировокъ и экспедицій противъ горцевъ и непокорныхъ жителей ауловъ Новый и Старый Буртунай, Салатау, Гуни, при чемъ базой отряду служило Евгеніевское укрѣпленіе. 15-го сентября Радецкимъ былъ сожженъ аулъ Зубуту и мостъ черезъ рѣку Сулакъ подъ сильнымъ огнемъ противника, а 17-го онъ участвовалъ въ штыковой атакѣ горцевъ, засѣвшихъ въ лѣсу и тѣснившихъ нашъ аріергардъ при возвращеніи въ лагерь. Въ 1845 году въ отрядѣ, собранномъ въ селеніи Джангутай подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Кудашева, Р. участвовалъ въ походѣ отряда для усмиренія волновавшихся селеній Акуши, Оглы и Лаваши, а затѣмъ въ обратномъ движеніи черезъ Урму подъ общимъ начальствомъ Главнокомандующаго генералъ-адъютанта князя М. С. Воронцова. 5-го іюня, подъ личнымъ руководствомъ Главнокомандующаго, онъ участвовалъ въ штурмѣ горы Анчимееръ и за отличіе въ этомъ дѣлѣ произведенъ въ поручики. Послѣ сраженій при урочищѣ Буцуръ-Кале и Андріо-Дедо до соединенія войскъ главнаго отряда при укрѣпленіи Удачномъ Р. участвовалъ въ устройствѣ дороги въ Мичикальскомъ ущельѣ. 8-го и 9-го іюня Радецкій руководилъ постройкой укрѣпленія ниже перевала Киркъ, а 11-го и 12-го совершилъ переходъ на позицію при селеніи Цилитль для соединенія съ отрядомъ генералъ-маіора Д. В. Пассека; 13-го числа, съ двумя сотнями Моздокскихъ казаковъ, совершилъ рекогносцировку Бурцукальскаго прохода въ Андію и занялъ селеніе Гоцатль-Анди. Въ тотъ же день Р. участвовалъ въ дѣлѣ со скопищами Шамиля, занявшаго сильную позицію на высотахъ Азамъ, въ штурмѣ позиціи непріятеля и совершенномъ его пораженіи. 21-го іюня у Занакъ-Бака Радецкій участвовалъ въ рукопашной схваткѣ при отраженіи непріятеля. Послѣ прибытія 5-го августа въ Темиръ-Ханъ-Шуру, Радецкій выступалъ 1-го декабря въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Лабинцева противъ непріятеля, расположившагося въ Кулеумѣ и Оглы. Въ 1846 г., съ 14-го января и по 15-ое іюня, онъ находился въ Чеченскомъ отрядѣ, въ составѣ котораго совершилъ переходы къ крѣпости Грозной и оттуда въ крѣпость Воздвиженскую, а послѣ этого участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ въ Гехи, въ переправѣ черезъ Гойшу, при занятіи укрѣпленія Мартанау и во взятіи съ боя непріятельскихъ завалovъ. Со взятіемъ этого пункта Р. соединился съ отрядомъ генералъ-маіора Нестерова, послѣ чего съ 18-го по 28-ое января войска занимались вырубкой и истребленіемъ лѣса подъ безпрерывной канонадой горцевъ; въ періодѣ этого же времени Радецкимъ были построены 3 плотины на рѣкѣ Вамрикѣ для водопоя и онъ участвовалъ въ жаркихъ дѣлахъ съ чеченцами у рѣкъ Натхой и Фортанги со сбитіемъ непріятельскихъ орудій и отраженіемъ конницы; 28-го января—при слѣдованіи отряда полковника барона Меллеръ-Закомельскаго изъ крѣпости Воздвиженской въ дѣлѣ съ огромной партіей чеченцевъ и при передвиже-

ніи всего отряда къ крѣпости Грозной; 3-го февраля въ поискахъ сотни Гребенскихъ казаковъ къ аулу Гертле, схваткѣ съ чеченцами и отбитіи у нихъ 119 штукъ скота, а 15-го и 16-го въ отбитіи еще стада барановъ и другого рогатаго скота. Высланный 2-го марта изъ крѣпости Грозной въ Ханкалинское ущелье для рубки дровъ, Радецкій подвергся нападенію партіи въ 300 чеченцевъ, которые были отражены штыками. 5-го марта у Заканъ-Юрта чеченцы пытались отбить обратно скотъ, но были отброшены. Послѣ сбора всего отряда, Р. 14-го апрѣля выступилъ съ нимъ на рѣку Сунжу противъ вторгнувшагося Шамиля, при чемъ подполковникъ Костырко удачно отбилъ 5 атакъ чеченцевъ на эту колонну. Послѣ возвращенія отряда въ Грозную къ крѣпости подступилъ 20-го іюля Налба-Сибдула, который былъ отбитъ пушечнымъ огнемъ. По роспускѣ этого отряда Радецкій былъ переведенъ въ Кавказскій саперный батальонъ, гдѣ назначенъ командующимъ 3-ею саперною ротою. Въ іюлѣ 1847 года онъ отправился въ С.-Петербургъ для поступленія въ Императорскую Военную Академію (нынѣ Академія Генеральнаго Штаба), окончивъ курсъ которой по 1 разряду и съ производствомъ въ штабсъ-капитаны, отправился въ дѣйствующую армію, въ 5-ый пѣхотный корпусъ, дѣйствовавшій противъ Венгерскихъ мятежниковъ въ Трансильваніи и находившійся въ городѣ Германштадтѣ. Послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій, 23-го августа 1849 года, Р. возвратился въ придунайскія княжества и оттуда вмѣстѣ съ 5 корпусомъ (5-го апрѣля 1850 года)—въ предѣлы Имперіи. По возвращеніи въ Россію Радецкій опять просился на Кавказъ, вслѣдствіе чего былъ командированъ на службу въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, куда и отправился въ ноябрѣ того же 1850 года. За отличные успѣхи въ наукахъ въ Императорской Военной Академіи Р. былъ произведенъ (22-го декабря) въ капитаны съ переводомъ въ Генеральный Штабъ. Назначенный по прибытіи на Кавказъ въ отрядъ генералъ-маіора П. Н. Слѣпцова на Нижней Сунжѣ, Радецкій участвовалъ въ работахъ по заселенію этой области и по устройству двухъ станицъ—у бывшаго аула Алханъ-Юртъ и у аула Самашки. Эти мѣры были важны для прикрытія линіи по Тереку и для полнаго обладанія краемъ, такъ какъ онъ заселялся казаками и пѣхотными резервами. Непріятель препятствовалъ ходу работъ, но всегда былъ отбиваемъ съ большимъ для него уронамъ; особенно жестоко чеченцы были наказаны 7-го іюля, когда они бѣжали, бросивъ скотъ и оружіе. Въ этихъ враждебныхъ противъ отряда дѣйствіяхъ болѣе всего принимали участіе жители Нагорной Чечни, которые, надѣясь на свои неприступныя позиціи, не только сами постоянно нападали на насъ, но подстрекали уже покорившихся намъ Карабулаковъ и Галашевцевъ. Чтобы прекратить это, генералъ-маіоръ Слѣпцовъ скрытно собралъ въ лѣсахъ Алханъ-Юрта и на правомъ берегу Ассы два отряда, силою въ совокупности 11 ротъ пѣхоты и 5 орудій и напалъ внезапно главною колонною вверхъ по лѣсистому ущелью рѣки Чехи, съ казаками въ обходъ, на хутора гнѣздившагося здѣсь населенія, отогнавъ у жителей весь скотъ, обративъ населеніе въ бѣгство и истребивъ все ихъ имущество. Другой отрядъ подъ начальствомъ войскового старшины Предемірова такъ же удачно вторгся въ ущелье рѣки Шалажи и истребилъ или захватилъ все имущество разсѣянныхъ хищниковъ. Озлобленные потерею своего достоянія чеченцы, собравшись въ значительныхъ силахъ въ верховьяхъ рѣкъ Чехи, Шалажи, Рошни, Урусъ-Мартана и Чонта, напали на отступавшій, обремененный добычею отрядъ, но стойкость пѣхоты и казаковъ, отличный порядокъ и распорядительность начальниковъ не допустили непріятеля исполнить свои замыслы и произвести какое-либо разстройство въ войскахъ. Въ особенности главной колоннѣ пришлось вынести жаркій бой съ бросавшимися въ шашки чеченцами, отражая ихъ штыками. Здѣсь много помогли пущенныя своевременно 14 ракетъ, которыя произвели сильное разстройство въ рядахъ непріятеля. Въ этихъ дѣлахъ чеченцы потеряли своего извѣстнаго предводителя Наиба Магометъ-Мирза-Анзорова, много вліятельныхъ старшинъ и, по показаніямъ вѣрныхъ лазутчиковъ, до 200 человѣкъ убитыми и ранеными. Послѣ такого пораженія, видя, что ихъ неприступныя позиціи оказались доступными нашему оружію, многіе жители Нагорной Чечни стали искать нашего покровительства. Въ іюлѣ этого года Радец-

кій былъ командированъ Главнокомандующимъ Кавказскимъ корпусомъ генералъ-адъютантомъ княземъ М. С. Воронцовымъ въ Кубу для собиранія свѣдѣній, послѣ вторженія непріятеля въ Кайтахъ и Табасарань, о предпріятіяхъ Гафли-Мурата и Шамиля и о возможной степени содѣйствія со стороны мѣстныхъ жителей, что и было имъ исполнено съ точностью и успѣхомъ. Въ теченіе 1852 года Радецкій состоялъ въ Лучекскомъ отрядѣ подъ начальствомъ генералъ-маіора Волкова, участвовалъ въ походѣ изъ Самурскаго округа къ Гельмецу, при занятіи Курдула, при истребленіи этихъ двухъ ауловъ и до полнаго очищенія Горныхъ Магаловъ вплоть до бѣгства Даніэля-Бека 29-го іюня. Послѣ возвращенія генералъ-маіора Волкова черезъ селеніе Цухури въ Прикаспійскій край, Радецкій перевелся въ Дагестанскій отрядъ на Кутишенскія высоты. 30-го іюля отрядъ выступилъ съ Кутишенскихъ высотъ на Турчидахъ, а оттуда черезъ Дюзь-Майданъ и селеніе Губдени въ Темиръ-Ханъ-Шуру, куда и прибылъ 15-го сентября, а 17-го ноября—въ отрядъ генералъ-маіора Волкова у укрѣпленія Евгеніевскаго, затѣмъ переправился черезъ рѣку Сулакъ, участвовалъ въ ночномъ движеніи на возвышенность Дюзь-Тау, при истребленіи непріятельскихъ заваловъ въ Теренгульскомъ оврагѣ и при сожженіи запасовъ сѣна и хлѣба у Стараго Буртуная, послѣ чего 19-го ноября возвратился въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Назначенный исполняющимъ должность старшаго адъютанта въ Штабѣ командующаго войсками Прикаспійскаго края по части Генеральнаго Штаба, Радецкій за отличіе, оказанное въ дѣлахъ съ горцами на Лезгинской линіи, получилъ 16-го декабря именное Монаршее благоволеніе въ Высочайшемъ приказѣ. Съ 1853 по 1862 годъ включительно Р. все время находился въ походахъ противъ горцевъ; при чемъ особенныя отличія были оказаны имъ въ 1853 году. Произведенный въ апрѣлѣ этого же года въ подполковники, Радецкій былъ утвержденъ въ должности, а еще черезъ годъ назначенъ завѣдующимъ Штабомъ командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ. Оставаясь въ этой должности въ теченіе года, Радецкій былъ назначенъ начальникомъ штаба 21-ой пѣхотной дивизіи и войскъ въ упомянутомъ краѣ. За отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ въ 1855 году и за взятіе въ плѣнъ въ Табасарани главныхъ преступниковъ и возмутителей Р. былъ произведенъ въ полковники, а въ кампанію 1857 года, за командованіе отрядомъ въ сраженіи съ горцами при урочищѣ Джантай-Голъ и за дѣло въ Салатавіи, ему объявлено дважды Монаршее благоволеніе. Въ 1858 году, назначенный командиромъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, Радецкій совершилъ множество блестящихъ дѣлъ противъ горцевъ, вслѣдствіе чего подвиги Дагестанскаго полка стали извѣстны всему Кавказу. Въ томъ же году за отличіе въ дѣлахъ съ горцами во время дѣйствій въ Ичкеріи и Аухѣ Радецкій былъ награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость».

По окончаніи военныхъ дѣйствій на Кавказѣ Радецкій былъ назначенъ начальникомъ штаба Терской Области, и въ 1861 году принялъ дѣятельное участіе въ экспедиціи Ичкеринскаго отряда, при чемъ за отличіе въ дѣлахъ съ горцами произведенъ въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ въ занимаемой должности и съ зачисленіемъ по Генеральному Штабу. Слѣдующіе два года Р. провелъ въ экспедиціяхъ за Кубанью и въ 1863 году назначенъ помощникомъ Начальника Кавказской гренадерской дивизіи. Послѣ покоренія Кавказа Радецкій командовалъ 38-ою пѣхотною дивизіею и за отличіе по службѣ награжденъ въ 1867 году орденомъ Св. Станислава 1-й ст. съ мечами, за отличіе по службѣ въ 1868 году произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ 21-й пѣхотной дивизіи, въ 1870 году награжденъ орденомъ Анны 1-й ст. съ мечами, а затѣмъ командовалъ 9-ой пѣхотною дивизіею. Въ 1876 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 8-го армейскаго корпуса, въ каковой должности и принималъ участіе въ войнѣ 1877—78 года.

Въ первый періодъ этой кампаніи, съ объявленія войны 12-го апрѣля 1877 года, Радецкій выступилъ съ 8-мъ армейскимъ корпусомъ изъ Кишинева и 19-го апрѣля перешелъ Румынскую границу, переправившись у Леова черезъ Прутъ. Согласно маршрутамъ Главнаго Штаба, со вступленіемъ въ предѣлы Румыніи дѣйствующая армія должна была двинуться четырьмя колоннами; изъ нихъ лѣвая (въ составъ которой входили 8-й армейскій кор-

пусъ, 11-я кавалерійская дивизія, 2 горныхъ батареи, 23-й казачій полкъ, 2 сотни пластуновъ, 4-я стрѣлковая бригада и сводная Кавказская казачья дивизія, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Радецкаго) двинулась отъ Бестамака на Фальчи, Галацъ и Браиловъ, откуда 8-й корпусъ направился къ Бухаресту, 11-я кавалерійская дивизія къ Облешти-Ноу, прочія же части колонны, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева 1-го, къ Журжѣ. При выборѣ мѣста переправы черезъ Дунай, Его Императорское Высочество Главнокомандующій о своемъ рѣшеніи совершить переправу у Зимницы сообщилъ вечеромъ 9-го іюня одному только генералъ-лейтенанту Радецкому, войска котораго въ ночь на 15-е и должны были начать переправу подъ общимъ его руководствомъ и подъ непосредственнымъ начальствомъ Свиты Его Величества генералъ-маіора Драгомирова. Немедленно послѣ переправы войска вступили въ бой у Систова и взяли этотъ городъ при личномъ участіи Е. И. Высочества Главнокомандующаго и принца Александра Баттенберга. Во 2-й періодъ войны, послѣ переправы черезъ Дунай, 8-му корпусу приказано было, 18-го іюня, слѣдовать за передовымъ отрядомъ генералъ-маіора Гурко, служа ему частнымъ резервомъ. 30-го іюня головныя части корпуса прибыли въ Тырновъ, послѣ чего корпусъ сосредоточился на Янтрѣ, выдвинувъ авангарды къ Обретенику. Послѣ ряда перестрѣлокъ и мелкихъ стычекъ, со взятіемъ перевала Бердекъ и деревни Беброва, 7-го іюля былъ занятъ отрядами генералъ-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго и генералъ-маіора Гурко Шипкинскій перевалъ, а 19-го іюля Радецкому было приказано удерживать линію Сельва — Шипка — Елена. 21-го числа Гурко занялъ позицію при южномъ входѣ въ Хаинбогарское ущелье и предполагалъ, укрѣпившись здѣсь, выжидать перехода главныхъ силъ въ рѣшительное наступленіе черезъ Балканы. Но Радецкій, которому онъ былъ подчиненъ, признавая положеніе передового отряда рискованнымъ, приказалъ Гурко отступить, что онъ и исполнилъ, не тревожимый турками, 25-го числа. 7-го августа армія Сулеймана-паши приблизилась къ деревнѣ Шипка. Въ это время войска Радецкаго, около 40 тысячъ, имѣвшія назначеніемъ, кромѣ обороны перевала, еще обезпечиваніе, со стороны Ловчи, лѣваго фланга войскъ противъ Плевны и праваго фланга Рущукскаго отряда со стороны Османъ-Базара и Сливно, были раскинуты на 130-ти верстномъ пространствѣ отдѣльными отрядами, при чемъ на Шипкѣ было всего около 7 тысячъ противъ 60-ти таборовъ (около 40 тысячъ) турокъ. Радецкій предполагалъ, что армія Сулеймана вѣроятнѣе всего двинется къ Османъ-Базару на соединеніе съ арміей Мехемета-Али, или на Елену для дѣйствія во флангъ, но уже 7-го августа выяснилось, что противъ Елены у турокъ незначительное количество регулярныхъ войскъ; вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе полученія тревожныхъ извѣстій съ Шипки 8-го числа, Радецкій направилъ на перевалъ изъ Габрова 4-ю стрѣлковую бригаду. 9-го августа турки штурмовали въ лобъ сильнѣйшую часть русскихъ позицій на Шипкинскомъ перевалѣ. Отчаянныя атаки продолжались 6 дней, послѣ чего Сулейманъ отвелъ свои войска нѣсколько назадъ. Тяжело было положеніе защитниковъ Шипки и ихъ безстрашнаго доблестнаго начальника, который съ незначительными силами долженъ былъ удерживать энергичное наступленіе всей арміи Сулеймана-паши. Къ 11-му августа наши войска на Шипкѣ понесли настолько большой уронъ, что положеніе защитниковъ къ полдню этого дня стало критическимъ, такъ какъ и боевые запасы приходили къ концу. Между тѣмъ на выручку спѣшила 4-я стрѣлковая бригада, которую лично велъ генералъ Радецкій. Видя измученность людей, которые при жарѣ до 40° R. едва передвигали ноги, Радецкому пришла въ голову мысль посадить стрѣлковъ на казачьихъ лошадей. Стрѣлки по 2—3 человѣка вскочили на лошадей, усталость исчезла, и они какъ разъ во-время подоспѣли на выручку товарищей, которые уже начинали колебаться, уступая натиску превосходныхъ силъ непріятеля. Военная исторія оцѣнитъ по достоинству этотъ замѣчательный маршъ Радецкаго къ Шипкѣ. Появленіе свѣжаго отряда и безстрашнаго начальника вызвало единодушное «ура» защитниковъ, подняло мгновенно духъ солдатъ,— и турки были отброшены. Во время самаго разгара жаркаго боя генералъ Столѣтовъ посовѣтовалъ Радецкому въ одномъ мѣстѣ ѣхать рысью, такъ какъ это мѣсто безпрерывно обстрѣливалось турками. Радецкій остановилъ лошадь, постоялъ не-

много и сказалъ: «Подлецы, скверно стрѣляютъ». Въ десятомъ часу вечера Радецкій объѣзжалъ всѣ позиціи и благодарилъ храбрыхъ защитниковъ. Вообще атаки съ 9-го по 14-е августа на гору св. Николая—ключъ Шипкинской позиціи—отличались упорною настойчивостью и настолько были сильны, что, напримѣръ, 12-го августа самъ Радецкій долженъ былъ стать передъ войсками и лично водилъ ихъ въ штыки. За такую блестящую оборону перевала онъ былъ награжденъ брилліантовою шпагою съ надписью: «За оборону Шипки съ 9-го по 14-е августа 1877 года». Отбитіемъ августовскихъ атакъ дѣло еще не было окончено: надо было удерживать Шипку во что бы то ни стало. Пятинедѣльный періодъ кампаніи съ 19-го іюня по 25-е августа былъ критическимъ для русской арміи въ Болгаріи, такъ какъ рѣшительное и успѣшное наступленіе турокъ противъ одного изъ фланговъ нашего растянутаго расположенія не только вынудило бы остальные къ отступленію, но могло повести и къ отрѣзанію ихъ отъ Дуная. Особенно опасно было положеніе отряда Радецкаго, какъ наиболѣе отдаленнаго отъ Дуная, и былъ даже возбужденъ вопросъ объ очищеніи Шипкинскаго перевала, но мысль эта была оставлена послѣ личнаго осмотра перевала начальникомъ штаба арміи и совѣщанія его съ генералъ-лейтенантомъ Радецкимъ. Турки не воспользовались благопріятною для нихъ обстановкою, ограничиваясь бомбардировками и безплодными, безумными атаками на деревню Зелено-Древо и гору св. Николая, тогда какъ положеніе русскихъ съ каждымъ днемъ улучшалось: въ теченіе августа мѣсяца русская армія была усилена шестью дивизіями и одной стрѣлковой бригадой (всего 85 тысячъ), изъ которыхъ 2-я пѣхотная дивизія и 3-я стрѣлковая бригада были двинуты къ Сельви и образовали резервъ для войскъ Радецкаго. Между тѣмъ съ половины сентября наступила суровая зима, и защитникамъ Шипки выпала трудная доля бороться не только съ непріятелемъ, но и съ природою. Турки обстрѣливали Шипку безпрерывно съ трехъ сторонъ, и начальникъ штаба 8 корпуса, генералъ-маіоръ Дмитровскій находилъ положеніе отряда весьма опаснымъ, допускалъ обходъ и предсказывалъ, что если не пришлютъ подкрѣпленій, то «всѣ здѣсь ляжемъ, никто не уйдетъ». Радецкій какъ-то неохотно соглашался на прибытіе подкрѣпленій, но наконецъ согласился и вытребовалъ одну бригаду 2-й пѣхотной дивизіи. Навсегда останется въ обществѣ память о томъ утѣшительномъ впечатлѣніи, какое въ тяжелые дни одной изъ Плевненскихъ неудачъ произвела телеграмма Радецкаго, окруженнаго со всѣхъ сторонъ и уже готоваго погибнуть, не сдавая перевала: «На Шипкѣ все спокойно», что означало, что Сулейманъ бездѣйствуетъ, и потому все благополучно. 5-го сентября, послѣ четырехдневной подготовки артиллерійскимъ огнемъ, турки штурмовали гору св. Николая, но потерпѣли полную неудачу. На южномъ фронтѣ Шипкинской позиціи армія Реуфа-паши, хотя и превосходила въ силахъ войска Радецкаго, но не рѣшалась что-либо предпринять, и Реуфъ считалъ себя на то въ правѣ, разъ Сулейманъ бездѣйствовалъ; лишь обѣ стороны укрѣплялись и усиливали свои позиціи у Шипкинскаго перевала. Въ началѣ ноября Реуфъ-паша былъ назначенъ военнымъ министромъ, а его мѣсто занялъ Ахметъ-Эюбъ, который передалъ начальствованіе надъ главной частью своей арміи у Шипки Весселю-пашѣ. Желая чѣмъ-нибудь ознаменовать свое вступленіе въ командованіе, Вессель-паша 9-го ноября атаковалъ гору св. Николая, но очень неудачно, такъ какъ былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Съ половины ноября наступили лютые морозы и частые снѣжные бураны; войска страдали отъ непріятеля меньше, чѣмъ отъ морозовъ и болѣзней, и число заболѣвшихъ и отморозившихся доходило до 400 человѣкъ въ день; часовыхъ сносило вѣтромъ въ овраги. Къ концу этого мѣсяца въ 20 батальонахъ было свыше 5-ти тысячъ больныхъ, но генералъ-лейтенантъ Радецкій непоколебимо оставался на своемъ посту. Послѣ паденія Плевны, 28-го ноября, было рѣшено усилить отряды Гурко и Радецкаго, чтобы возможно скорѣе форсировать ими линію Балканъ, вслѣдствіе чего Е. И. Высочество Главнокомандующій приказалъ немедленно по прибытіи подкрѣпленій къ этимъ отрядамъ начать переходъ черезъ горы. Для обезпеченія фланговъ отряда Радецкаго былъ назначенъ отрядъ генералъ-маіора Карцова на правомъ флангѣ, а отряду генералъ-маіора Деллингаузена велѣно прикрывать лѣвый флангъ Радецкаго. 10-го

декабря отъ осадной Плевненской арміи Радецкому были посланы подкрѣпленія: 16-я пѣхотная дивизія, 3 батальона 3-ей стрѣлковой бригады, 4-й саперный батальонъ и 9-й казачій полкъ.— 3-й періодъ войны. Генералъ Радецкій, даже послѣ прибытія 16-ой пѣхотной дивизіи, считалъ атаку Весселя-паши операціей очень рискованной, такъ какъ прямая аттака турецкихъ позицій у перевала была немыслима, а обходъ по снѣгамъ невозможенъ. Поэтому, получивъ приказаніе о началѣ наступленія, Радецкій 19-го декабря телеграфировалъ Главнокомандующему, прося отложить движеніе отъ Шипкинскаго перевала до появленія отряда Гурко въ долинѣ Тунджи, что заставило бы турокъ очистить ихъ позиціи безъ боя. Но такъ какъ Гурко находился въ значительномъ отдаленіи и не могъ оказать скораго содѣйствія Радецкому, то Е. И. Высочество Главнокомандующій не изъявилъ согласія на эту телеграмму; къ тому же въ Главной Квартирѣ считали силы Весселя-паши не свыше 15-ти тысячъ, а Радецкій считалъ ихъ въ 30—40 тысячъ. Вслѣдствіе новыхъ представленій Радецкаго, ему были посланы 22-го числа еще 30-я пѣхотная дивизія и 3 полка 1-ой кавалерійской дивизіи, при чемъ было подтверждено приказаніе начать переходъ въ наступленіе 24-го декабря. Для исполненія воли Главнокомандующаго въ штабѣ 8-го армейскаго корпуса остановились на очень смѣломъ и даже рискованномъ планѣ двойного охвата турецкихъ позицій у Шипки, то-есть, оставя на перевалѣ достаточной силы заслонъ, обойти эти позиціи съ обоихъ фланговъ. Въ виду такого рѣшенія къ 24-му декабря войска были сосредоточены въ слѣдующихъ пунктахъ: центръ, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Радецкаго,—14-я пѣхотная дивизія, Брянскій полкъ и 2 саперныя роты — на Шипкѣ; правая колонна, подъ начальствомъ генерала Скобелева 2,—16-я пѣхотная дивизія, 3 стрѣлковыхъ батальона, 2 саперныхъ роты, 7 дружинъ болгарскаго ополченія, 1 казачій полкъ, Уральская сотня, одна горная и одна полевая батареи—близъ селенія Зелено-Древо; лѣвая колонна, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго, — 9-я пѣхотная дивизія безъ Брянскаго полка, 4-я стрѣлковая бригада, 30-я пѣхотная дивизія, одна рота саперъ, болгарская дружина, одна горная и двѣ полевыхъ батареи и одинъ казачій полкъ—въ городѣ Травнѣ. Правой колоннѣ предстоялъ переходъ въ 16—20 верстъ, а лѣвой около 45. Обѣ колонны должны были подойти къ турецкимъ позиціямъ къ 26-му числу, къ вечеру, а 27-го утромъ атаковать. Колонна князя Святополкъ-Мирскаго 27-го числа вошла въ соприкосновеніе съ турками и вступила съ ними въ бой. Правая же колонна встрѣтила на своемъ пути большія трудности, вслѣдствіе чего не могла выполнить планъ въ точности и подошла къ турецкимъ позиціямъ лишь утромъ 28-го числа. Генералъ Радецкій все время наблюдалъ за движеніемъ обходныхъ колоннъ съ горы св. Николая, откуда въ ясную погоду открывался обширный горизонтъ. Кромѣ того, получая все время донесенія отъ начальниковъ отрядовъ, онъ могъ составить ясное понятіе о ходѣ дѣлъ. Видя затруднительное положеніе отряда князя Святополкъ-Мирскаго и для облегченія дѣйствій обѣихъ колоннъ, Радецкій въ 12 часовъ дня 28-го числа сказалъ: «Пора кончать» и повелъ фронтальную атаку на турецкія позиціи, несмотря на то, что мѣстность для этого была весьма неудобна. Атака эта была произведена 2-ой бригадой 14-ой пѣхотной дивизіи, которая потеряла въ этотъ день 1.700 человѣкъ, но зато удержала противъ себя 22 табора турокъ и почти всю ихъ артиллерію, поставивъ турокъ въ безвыходное положеніе. Результатомъ дружнаго дѣйствія всѣхъ трехъ отрядовъ подъ общимъ руководствомъ Радецкаго было плѣненіе всей шипкинской арміи Весселя-паши. Въ этомъ дѣлѣ нами взяты въ плѣнъ 41 таборъ (около 32-хъ тысячъ), 103 орудія и 6 знаменъ. Наши же потери во всѣхъ трехъ отрядахъ простирались до 5 тысячъ. Плѣненіе арміи Весселя-паши собственно и составило конецъ всей кампаніи, остальное было лишь слѣдствіемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ Шипкинской побѣды. Всѣ турецкіе отряды, занимавшіе проходы въ Балканахъ, поспѣшно отступили къ Адріанополю, такъ же какъ и 10-ти тысячный отрядъ, спѣшившій на усиленіе арміи Весселя и находившійся отъ него всего въ нѣсколькихъ часахъ пути. Теперь же была прорвана не только оборонительная линія Балканъ, но и все расположеніе турокъ: наши войска врѣзались между арміями Сулеймана и Мехеме-

та-Али, имѣя путь открытымъ къ Семенли. За эту блестящую операцію Радецкій награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени и произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а въ апрѣлѣ 1878 года назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Е. И. Величеству и шефомъ 55-го Подольскаго пѣхотнаго полка. Чтобы использовать вполнѣ Шипкинскую побѣду, Главнокомандующій рѣшилъ, не давая времени туркамъ оправиться, наступать нѣсколькими колоннами къ Адріанополю,—изъ нихъ лѣвой, подъ начальствомъ Радецкаго, приказано двинуться черезъ Ески и Ени-Загру къ Ямболю и оттуда долиною Тунджи къ Адріанополю. 30-го декабря отрядъ сталъ спускаться съ Балканъ, и къ 6-му января войска отряда стянулись къ Казанлыку, гдѣ нашли запасы галетъ, муки, ячменя и сѣна. Турки вездѣ поспѣшно отступали, такъ какъ послѣ плѣненія арміи Весселя-паши духъ турецкихъ войскъ сильно упалъ. Появилось много дезертировъ, и къ половинѣ января въ арміи Сулеймана-паши изъ 50-ти тысячъ оставалось только 30; при отступленіи этой арміи турки потеряли почти всю свою артиллерію—114 орудій и около 2-хъ тысячъ плѣнными. 6-го января головныя части нашей арміи подошли къ Адріанополю. Въ городѣ было около 8-ми тысячъ гарнизона, но съ прибытіемъ въ этотъ же день арміи Мехемета-Али набралось до 33-хъ тысячъ защитниковъ. Кромѣ этого, городъ былъ обнесенъ 24-мя сильными фортами, вооруженными 70-ю орудіями. Въ виду того, что въ Константинополѣ въ это время гарнизонъ состоялъ всего только изъ 10 тысячъ человѣкъ, турецкое правительство, боясь за участь своей столицы, приказало войскамъ, находящимся у Адріанополя, спѣшно отступать къ Константинополю. Къ вечеру 7-го января послѣднія турецкія войска покинули Адріанополь, предварительно взорвавъ арсеналы, склады и бросивъ все вооруженіе фортовъ. Колонна Радецкаго, вслѣдствіе трудности спуска съ горъ по обледенѣлымъ кручамъ при 9—10° мороза, могла только къ 10-му января стянуться къ Ямболю и лишь 16-го головныя части подошли къ Адріанополю, то-есть черезъ 9 дней послѣ вступленія отряда генерала Струкова. 19-го января въ Адріанополѣ подписаны предварительныя условія мира, но наша армія продолжала наступать и 11-го февраля заняла Санъ-Стефано, куда была перенесена Главная Квартира. Къ этому времени 8-й армейскій корпусъ расположился въ Чаталджи и Наташъ-Кіой. 4-й періодъ. Послѣ заключенія мира 19-го февраля войска 8-го армейскаго корпуса оставались на мѣстахъ своего расположенія до 30-го августа, когда они были посажены на транспортныя суда и перевезены въ Одессу. По возвращеніи въ Россію генералъ-отъ-инфантеріи Радецкій былъ избранъ почетнымъ гражданиномъ городовъ Полтавы и С.-Петербурга, при чемъ столица поднесла ему богато украшенную саблю. Заслуги Радецкаго признаны и иностранными государями, пожаловавшими ему свои ордена. Послѣ войны имя Радецкаго сдѣлалось въ высшей степени популярнымъ—его всюду встрѣчали и чествовали, какъ національнаго героя. 19-го октября 1878 года бывшіе воспитанники Инженернаго Училища и Академіи чествовали Радецкаго, какъ своего старшаго товарища, которымъ гордились. На этомъ обѣдѣ среди присутствовавшихъ были генералы Лееръ, Романовскій, Форшъ, Кауфманъ, Орловскій и бывшіе товарищи Радецкаго писатели Достоевскій и Григоровичъ и изобрѣтатель электрической свѣчи — Яблочковъ. Послѣ командованія 5-мъ армейскимъ, а затѣмъ гренадерскимъ корпусами Радецкій былъ назначенъ, въ маѣ 1882 года, командующимъ войсками Харьковскаго военнаго округа, съ упраздненіемъ котораго перемѣщенъ на такую же должность въ Кіевскій военный округъ. Въ 1889 году Радецкій былъ назначенъ членомъ Государственнаго и Военнаго Совѣтовъ; ему предстояла служба отечеству на новомъ поприщѣ законодательной дѣятельности, гдѣ, при всей слабости своего разстроеннаго здоровья, онъ могъ еще принести пользу своею боевою и административною опытностью, но въ ночь на 14-е января 1890 года онъ скончался въ Одессѣ. Общее горе сопровождало его въ могилу.

Имя Радецкаго, доблестнаго героя Кавказа, Дуная и Шипки, навсегда будетъ «дорого каждому русскому сердцу», какъ выражено въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ въ день 50-лѣтняго юбилея его службы въ офицерскихъ чинахъ. Еще съ первыхъ лѣтъ юности, во время своего пребыванія въ Инженерномъ Училищѣ, Радецкій первый возсталъ (и положилъ тѣмъ предѣлъ) противъ обычая угнетенія младшихъ старшими, чѣмъ

проявилъ чувство уваженія къ человѣку, чувство гуманности. Въ бою глубокое чувство мѣры, непреклонная рѣшимость въ достиженіи разъ поставленной цѣли, внѣ стѣсненія частной иниціативы подчиненныхъ, безстрашіе и равнодушіе къ опасности, успокоительно дѣйствующее на окружающихъ въ самыя критическія минуты боевой обстановки—высокія качества для стратегической обороны, операціи наиболѣе трудной и тяжелой, доступной только истиннымъ талантамъ,—справедливость, постоянное горячее попеченіе о солдатѣ, скромность послѣ совершенія подвига, простота и мягкость сердца,—вотъ черты этой чисто русской натуры, столь неотразимо дѣйствовавшей на подчиненныя войска. Во всю свою продолжительную боевую дѣятельность Радецкій не встрѣчалъ ни малѣйшей неудачи: участвуя болѣе 100 разъ въ бояхъ, онъ ни разу не былъ контуженъ или раненъ; онъ ставилъ постоянно прежде всего общую цѣль, забывая о личныхъ отличіяхъ и интересахъ; вообще же онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ «отцовъ-командировъ», которыхъ распознаетъ чуткое сердце солдата, всецѣло и беззавѣтно отдающееся любимымъ начальникамъ; это тотъ типъ русскихъ людей, которые, будучи поставлены силою обстоятельствъ къ какому-либо дѣлу, свято исполняютъ его, самоотверженно несутъ его тягости: Радецкій не только посылалъ, но и водилъ въ бой ввѣренныя ему части...

Полный послужной списокъ генерала-отъ-инфантеріи Радецкаго, составленный 25 февраля 1881 года; Лееръ. «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», т. VI, стр. 239—240, т. VII, стр. 12—49; Брокгаузъ и Эфронъ. «Энциклопедическій словарь». С.-Пб. 1899, т. 26, стр. 69, т. 34, стр. 151—156; кн. В. П. Мещерскій. «Сборникъ военныхъ разсказовъ 1877—1878 г.», три тома. С.-Пб. 1880. «Тяжелые дни на Шипкѣ», воспоминанія болгарскаго ополченца, стр. 108—133; «Шипка съ 7 августа по 28 декабря 1877 года», воспоминанія казачьяго полка, стр. 134—160; «Выручка Шипкинскаго перевала», изъ воспоминаній очевидца, стр. 161—188; Паренсовъ. «Изъ прошлаго». Воспоминанія офицера Генеральнаго Штаба, ч. I. С.-Пб. 1901, стр. 400—405, ч. II. С.-Пб. 1904, стр. 2; С. П. Катраповъ. «Вѣнокъ на могилу незабвеннаго героя русско-турецкой войны Ѳ. Ѳ. Радецкаго (Въ память открытія памятника на Преображенскомъ кладбищѣ)». Одесса, 1891; М. Максимовскій. «Историческій очеркъ развитія Главнаго Инженернаго Училища 1819—1869». С.-Пб., Приложенія, стр. 98; П. П. Карцовъ. «Изъ прошлаго», С.-Пб. 1888, стр. 702, 705, 707, 711, 718, 719, 733, 740; Н. П. Глиноецкій. «Историческій очеркъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба». С.-Пб. 1882, стр. 66; «Генералъ-адъютантъ Ѳ. Ѳ. Радецкій въ средѣ бывшихъ воспитанниковъ Николаевской Инженерной Академіи и Училища въ день 19 октября 1878 года», съ портретомъ. С.-Пб. 1878; Д. А. Ровинскій. «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», т. II, С.-Пб. 1889, стр. 1580; «Нива» 1877 г. № 28, стр. 441; 1890 г. № 4, стр. 112—113; 1890 г. № 19, стр. 507; 1891 г. № 23, стр. 517. Памятникъ въ Одессѣ; «Иллюстрированная хроника войны 1877—78 гг.». Изданіе «Всемірной Иллюстраціи», т. I, стр. 53; «Всемірная Иллюстрація», т. XVII, стр. 28; «Военный Сборникъ» 1878 года, апрѣль. «Война Россіи съ Турціей въ 1877—1878 г.», стр. 247—262, 313—347, 391—396; май, «Дѣйствія отряда генералъ-лейтенанта Радецкаго съ 1 декабря 1877 года по 22 января 1878 года», стр. 162—168; іюль, «Нѣсколько дней на горѣ св. Николая», поручика Орловскаго полка В. Дацевича, стр. 135—150; ноябрь, «Два зимнихъ мѣсяца на Шипкѣ», изъ дневника 94-го Енисейскаго полка, стр. 106—130; 1879 г., мартъ, «Движеніе колонны генералъ-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго черезъ Балканы и Шипкинскій бой 27—28 декабря 1877 года», Р. Раабенъ, стр. 5—36; 1883 г., мартъ, «Движеніе къ Дунаю 8-го армейскаго корпуса и переправа у Систова въ 1877 году», М., стр. 25—60; №№ 4, 5, 6 и 7, «Пять мѣсяцевъ на Шипкѣ въ 1877 году», изъ дневника офицера Подольскаго полка; 1880 г., №№ 1 и 2, «Матеріалы для исторіи Шипки»; 1894 г., №№ 4, 5, 6, 9 и 10; 1895 г. №№ 5, 6, 7, 8 и 10; 1896 г., № 2, «Оборона Шипки. Боевая служба и жизнь артиллеріи на Шипкѣ», Участникъ; 1895 г., № 7, «Обходное движеніе черезъ Балканы восточнаго отряда князя Святополкъ-Мирскаго 2-го съ 23 по 27 декабря и бой подъ Шипкою 27 и 28 декабря 1877 года», В. Бердяева; «Развѣдчикъ» 1890 г., № 19, стр. 97, «Генералъ-адъютантъ Ѳ. Ѳ Радецкій»; «Голосъ» 1878 г., № 293, «Генералъ-адъютантъ Ѳ. Ѳ. Радецкій въ средѣ бывшихъ воспитанниковъ Николаевской Инженерной Академіи и Училища въ день 19 октября 1878 года»; «Петербургскій Листокъ» 1890 г., № 15 (некрологъ); «Новое Время» 1890 г., №№ 4986 и 4987; «Русскій Вѣстникъ» 1890 г., февраль, стр. 334; «Русская мысль» 1890, февраль, стр. 238; «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, «Переходъ черезъ Балканы отряда генералъ-адъютанта Гурко зимою 1877 года (военно-историческій очеркъ)», стр. 623; 1881 г., т. XXX, стр. 654; 1883 г., т. XXXVII, «Николаевская Академія генеральнаго штаба. 50-ти лѣтняя годовщина ея основанія», стр. 257; 1886 г., т. XLIX, «Записки генерала-отъ-инфантеріи Зотова. Война 1877 года», стр. 442, 443, 445, 447; т. LI, «Кавказъ и его военачальники 1854—1864 г.», стр. 144; «Плевненское сидѣніе 1877 года», стр. 219; т. LII, «Плевненское сидѣніе», стр. 467, 468; «Памятникъ славы въ воспоминаніе войны 1877 и 1878 г.г.», стр. 579; 1887 г., т. LV, «Русско-турецкая война въ Болгаріи 1877—78 г.», стр. 339—376; 1888 г., т. LVII, «Рущукскій отрядъ въ 1877—1878 годахъ», стр. 211, 230, 329, 348; «Санъ-Стефано и Константинополь», замѣтки князя В. Д. Дабижа, стр. 363; 1889, т. LX, «Воспоминанія художника Вас. Вас. Верещагина. Набѣгъ на Адріанополь въ 1877 году, стр. 452; т. LXI, то же. «Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ 1877—78 г.г.», стр. 627, 628; т. LXII, «Послѣдній бой за Шипку. По поводу воспоминаній В. В. Ве-

рещагина», очеркъ генералъ-маіора Л. Н. Соболева, стр. 413—450; 1889 г., т. LXIII, «Къ вопросу о болгарскомъ ополченіи въ 1877—1878 году», стр. 198; т. LXIV, «Воспоминанія и замѣтки художника В. В. Верещагина. Изъ опыта походовъ», стр. 476—477; 1895, сентябрь, «Князь В. А. Черкасскій и гражданское управленіе въ Болгаріи въ 1877 и 1878 годахъ», стр. 76, 78, 84; декабрь, то же, стр. 5—49; 1896, февраль, то-же, стр. 304—310; май, то же, стр. 251, 254, 255; 1898, августъ, «Воспоминанія офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—78 г.г.» стр. 425; сентябрь, то же, стр. 708; 1901, іюнь, «Радецкій и Скобелевъ въ сраженіи 27 и 28 декабря подъ Шипкою», В. Дмитровскаго, стр. 595—624; іюль, поправки, стр. 167; «Историческій Вѣстникъ» 1883 г., т. XI, «Шипка въ 1877 году», генералъ-лейтенанта Кренке, стр. 115, 363, 365, 366, 371—374, 379, 381; 1885 г., т. XX, стр. 182; 1890, т. XXXIX, стр. 734, 735. Некрологъ Ѳ. Ѳ. Радецкаго; 1893, т. LIII, стр. 252; 1897, т. LXVII, стр. 943; 1899, т. LXXVIII, стр. 663; 1901, январь, «Воспоминанія о войнѣ 1877—78 г.г.», С. А. Цуриковъ, стр. 120, 129—131; февраль, то же, стр. 536, 555; мартъ, «Воспоминанія военноплѣннаго», В. Н. Клевезаль, стр. 951; 1903, т. XCI, стр. 67; «Русскій Архивъ» 1887, кн. II, стр. 102; 1889 г., кн. I, «Фельдмаршалъ князь Барятинскій», А. Л. Зиссермана. Взятіе Гуниба, стр. 630, 644; 1900, кн. I, «Ординарцемъ у Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго», изъ воспоминаній Д. В. Бартенева, стр. 435, 436, 438.

Вс. Модзалевскій.

Радзивилъ, князь *Левъ Людвиговичъ,* генералъ-адъютантъ; происходилъ изъ дворянъ Минской губерніи, родился 27-го февраля 1808 г. Опредѣленный, 7-го мая 1825 г., Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ юнкеромъ, онъ за отличіе по службѣ произведенъ былъ 25-го іюня 1826 г. въ корнеты. Въ 1830 г., когда въ Варшавѣ вспыхнуло возмущеніе, Р. подъ выстрѣлами польскихъ войскъ пробился къ Мокотовскому полю, гдѣ находился Гродненскій гусарскій полкъ, въ ту же ночь со взводомъ гусаръ напалъ на мятежниковъ и послѣ жаркой схватки взялъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ. Русскія войска въ то время страдали отъ недостатка соли, и Радзивилъ произвелъ экспедицію въ городъ на соляной магазинъ, добывъ такимъ образомъ 70 бочекъ соли для всего отряда. При отступленіи русскихъ войскъ изъ Варшавы Р. состоялъ при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ и вмѣстѣ съ нимъ былъ при переправѣ черезъ Вислу подъ Пулавами. За отличія въ сраженіяхъ противъ поляковъ Р. былъ произведенъ въ поручики (1831 г.); онъ особенно отличился въ Гроховскомъ бою, нѣсколько разъ атакуя кавалерію Хлопицкаго съ эскадрономъ гусаръ. Находясь въ отрядѣ князя Шаховского, онъ участвовалъ въ сраженіи при Остроленкѣ противъ главныхъ силъ поляковъ, дѣйствовавшихъ подъ начальствомъ Скрженецкаго. Въ цѣломъ рядѣ сраженій Р. находился ординарцемъ у начальника отряда генерала Штрандмана и во время штурма и взятія Варшавы все время обращалъ вниманіе главнокомандующаго своею примѣрною храбростью, за что и былъ награжденъ орденомъ Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ.

Въ 1832 году (25-го іюня) поручикъ князь Р. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству; а въ слѣдующемъ году, за отличіе по службѣ, былъ произведенъ (6-го декабря) въ штабсъ-ротмистры и командированъ въ Москву, гдѣ состоялъ при Императорѣ.

Въ 1833 году Р. обнаружилъ разбойничьи шайки въ Минской губерніи и съ небольшимъ отрядомъ очистилъ отъ нихъ губернію. Въ 1838 году онъ сопровождалъ Императора Николая за границу и въ Варшавѣ получилъ порученіе разбирать просьбы, поданныя на Высочайшее имя, въ 1841 и въ 1842 годахъ снова состоялъ при Государѣ во время поѣздокъ его по Россіи, а въ 1843 году ѣздилъ въ Берлинъ съ дипломатическими порученіями.

Въ 1844 г. князь Радзивилъ былъ командированъ въ Гессенъ-Кассель, гдѣ отъ имени Императора Николая присутствовалъ на бракосочетаніи эрцгерцога Фридриха Гессенскаго съ Великою Княжною Александрою Николаевною, а въ маѣ мѣсяцѣ ѣздилъ въ Лондонъ съ дипломатическимъ порученіемъ и за успѣшное исполненіе его былъ произведенъ въ полковники. Во время Венгерской кампаніи князь Радзивилъ былъ отправленъ въ Трансильванію и состоялъ при главнокомандующемъ, а по возвращеніи изъ похода былъ командированъ въ Константинополь съ дипломатическимъ порученіемъ къ турецкому султану. За блестяще выполненное порученіе онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (7-го августа 1849 г.) съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества и награжденъ австрійскимъ орденомъ Желѣзной Короны 1-й степени и медалью за усмиреніе Венгріи и Трансильваніи. Во время турец-

кой войны, въ 1854 г., Радзивилъ командовалъ 2-ою резервною уланской дивизіею вмѣсто раненаго подъ г. Евпаторіею генерала Владиславлевича и затѣмъ въ маѣ 1855 г. командовалъ Сакскимъ авангардомъ. За отличія, оказанныя имъ въ это время, онъ былъ (22-го сентября 1855 г.) произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ уланской дивизіи, а 17-го ноября того же года назначенъ генералъ-адъютантомъ и въ томъ же мѣсяцѣ получилъ командованіе 6-ю легкою кавалерійскою дивизіей. Въ 1869 году князь Радзивилъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи и зачисленъ въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ,—одинъ изъ тѣхъ полковъ, которые не перешли на сторону повстанцевъ и участвовали въ подавленіи мятежа. Императоръ Александръ II глубоко цѣнилъ преданность Радзивила, любилъ его и всегда держалъ при себѣ. Женатъ былъ князь Радзивилъ на фрейлинѣ Ея Величества княжнѣ Софіи Александровнѣ Урусовой и послѣ себя не оставилъ потомства; умеръ онъ въ Парижѣ 27-го декабря 1884 г.; погребенъ въ Несвижѣ, въ фамильномъ склепѣ князей Радзивиловъ.

«Русскій Инвалидъ» 1885 г., № 8; Формулярный списокъ, хранящійся въ общемъ архивѣ Главнаго Штаба; «Исторія Гродненскаго Гусарскаго Полка», Ю. Ельца; Графъ Г. А. Милорадовичъ. Списокъ лицъ свиты, Кіевъ. 1886.

Радигъ (Radigues), Антуанъ, граверъ, род. въ г. Реймсѣ въ 1721 году и обучался гравированію въ Парижѣ, послѣ чего путешествовалъ по Голландіи, Англіи и Германіи. Въ 1764 году онъ былъ приглашенъ въ учрежденную въ Петербургѣ Академію Художествъ для обученія гравированію и остался въ Россіи на всю жизнь. Ему обязанъ своимъ первоначальнымъ образованіемъ лучшій изъ русскихъ граверовъ Н. И. Уткинъ, а также Берсеневъ. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ Радигъ прежде всего занялся гравированіемъ 30 изображеній погребенія Императрицы Елизаветы Петровны, но на этой работѣ совершенно разстроилъ зрѣніе. Позднѣе, въ 1767 г. онъ награвировалъ портретъ имп. Екатерины II, съ картины Эриксена, самый схожій изъ всѣхъ существующихъ. Въ 1768 г. Радигъ былъ уволенъ изъ Академіи, но остался въ Россіи и продолжалъ работать, гравируя мелкими штрихами и весьма тщательно различные портреты. Онъ умеръ въ Петербургѣ 20-го іюля 1809 года. Онъ награвировалъ также портреты: адмирала князя Михаила Голицына, кн. Александра Голицына (фельдмаршала) по Рослэну, княгини Дарьи Голицыной, также по Рослэну; князей: Александра Куракина — по портрету Рослэна, Бориса Куракина по Рокотову, княжны Елены Степановны Куракиной—по Ротари; дона Армана Жана де-Бутпльэ де-Рансъ (de-Bouthillierde-Rance), по Риго, Анжелика и Медора—по Тіарини; Procession de Madame de la Chasse de St. Geneviève въ 1709; Procession de Madame de la Fosse et Miracle de la Paroisse de St. Margueritte 1729; L'amant deguise по Тросту и шесть голландскихъ ландшафтовъ.

Neues allgemeines Künstler-Lexicon oder Nachrichten von dem Leben und den Werken der Maler, Bildhauer, Banmeister, bearbeitet von Dr. Nagler. München, 12 Band. 1842.

Радинъ, *Петръ Дмитріевичъ*, актеръ Петербургской драматической труппы Императорскихъ Театровъ. Родился въ началѣ 1800-хъ годовъ. Воспитывался въ Петербургскомъ театральномъ училищѣ, по окончаніи курса котораго въ 1825 году дебютировалъ на Императорской сценѣ, занялъ амплуа трагическихъ героевъ и въ теченіе болѣе двадцати пяти лѣтъ былъ весьма полезнымъ артистомъ въ петербургской драматической труппѣ. Изъ пьесъ, въ которыхъ онъ игралъ, укажемъ на «Танкреда», гдѣ онъ прекрасно произносилъ разсказъ Катана о битвѣ, «Ермака» (Хомякова), «Разбойникъ Богемскихъ лѣсовъ» (Р. Зотова), «Дмитрій Донской» (В. Озерова), «Рука Всевышняго отечество спасла» (Н. В. Кукольника), «Юрій Милославскій» (кн. Шаховского). Въ 1850-хъ гг. П. Д. Радинъ оставилъ сцену и умеръ въ 1868 году.

«Историческій Вѣстникъ» за 1892 г., май, № 5: «Воспоминанія артиста А. А. Алексѣева», стр. 418—420; «Сѣверная Пчела» за 1831 г., 2-го января, № 1, стр. 2, ст. «Русскій театръ»; «Репертуаръ русскаго театра и Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ» за 1840 г., кн. IV, ст. «Русская труппа и Александринскій театръ» стр. 257; А. И. Вольфъ, «Хроника петербургскихъ театровъ» ч. I, С.-Пб. 1877 г., стр. 8.

Радищевъ, *Александръ Николаевичъ,* писатель; род. 20-го августа 1749 года. Дворянскій родъ Радищевыхъ, по семейному преданію, происходитъ отъ татарскаго князя Куная, добровольно сдавшагося Россіи при взятіи Казани Иваномъ Грознымъ. Мурза Кунай крестился, названъ былъ при крещеніи Константиномъ и получилъ отъ Ивана Грознаго 45 тысячъ четвертей земли въ нынѣшнихъ Малоярославецкомъ и Борисоглѣбскомъ уѣздахъ. Размельчали ли земли эти при раздѣлахъ, или же предки Радищевыхъ любили широко пожить — неизвѣстно, но дѣда писателя, Аѳанасія Прокофьевича, мы застаемъ бѣднымъ калужскимъ дворяниномъ, служившимъ сперва въ «потѣшныхъ», а потомъ въ денщикахъ у Петра Великаго. Онъ женился на дочери Саратовскаго помѣщика Облязова, дѣвушкѣ очень некрасивой, но съ большимъ приданымъ, и имѣлъ возможность дать своему сыну Николаю, отцу писателя, хорошее, по тому времени, воспитаніе и образованіе. Николай Аѳанасьевичъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, богословіе, исторію и много времени отдавалъ изученію сельскаго хозяйства. При вспыльчивомъ характерѣ онъ отличался добротой и необычайно мягкимъ обращеніемъ съ крестьянами, которые, въ благодарность за его сердечное отношеніе къ нимъ, скрыли его съ семьею, при нашествіи Пугачева, въ сосѣднемъ съ имѣніемъ лѣсу и этимъ избавили его отъ смерти, постигавшей всѣхъ помѣщиковъ, гдѣ только проходили полчища Пугачева. Онъ былъ женатъ на Ѳеклѣ Саввишнѣ Аргамаковой и имѣлъ семерыхъ сыновей и трехъ дочерей. Владѣлъ онъ двумя тысячами душъ крестьянъ. Александръ Радищевъ — писатель — былъ его старшій сынъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ, какъ и всѣ дворяне того времени, по часослову и псалтири. Шести лѣтъ его воспитаніе было поручено французу, впослѣдствіи оказавшемуся бѣглымъ солдатомъ. Эта неудача заставила родителей молодого Радищева отправить его въ Москву къ родному дядѣ по матери, Михаилу Ѳедоровичу Аргамакову, весьма просвѣщенному человѣку, имѣвшему связи съ Московскимъ Университетомъ, гдѣ его родной братъ былъ куратором. Правда, что и здѣсь воспитаніе Радищева было поручено тоже французу, какому-то бѣглому совѣтнику Руанскаго Парламента, но надо думать, что Аргамаковъ, будучи самъ образованнымъ человѣкомъ, сумѣлъ выбрать и соотвѣтствующаго воспитателя какъ своимъ дѣтямъ, такъ и племяннику. Возможно, что этотъ французъ впервые зародилъ въ Радищевѣ тѣ просвѣтительныя идеи, представителемъ которыхъ онъ впослѣдствіи сдѣлался въ Россіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что преподавателями молодого Радищева были лучшіе московскіе профессора. Въ Москвѣ онъ прожилъ до 1762 года, когда, послѣ коронаціи Екатерины II, былъ зачисленъ въ Пажескій Корпусъ и отправленъ въ Петербургъ. Пажескій Корпусъ считался однимъ изъ лучшихъ въ то время учебныхъ заведеній. Онъ былъ организованъ въ царствованіе Елизаветы Петровны по плану ученаго француза, полковника барона Шуди. Въ 1765 г. система преподаванія и воспитанія юношества была поручена академику Миллеру, который во главѣ выработаннаго имъ плана поставилъ нравственное воспитаніе. Какъ и всѣ наши учебныя заведенія того времени, Пажескій Корпусъ отличался удивительной многопредметностью, но оканчивавшіе его воспитанники ничего, кромѣ свѣтскаго лоска, изъ него не выносили. Въ числѣ двадцати двухъ учебныхъ предметовъ были такіе, какъ «право естественное и всенародное» и на ряду съ нимъ «церемоніалы», а по русскому языку, напримѣръ, требовалось въ концѣ ученія умѣть сочинять «короткіе, по вкусу придворному, комплименты». Пажамъ приходилось постоянно бывать при Дворѣ въ качествѣ прислуживающихъ за столомъ, и это обстоятельство дало возможность Радищеву ознакомиться съ нравами и обычаями Екатерининскаго Двора.

Недостатокъ образованныхъ и свѣдущихъ людей въ Россіи вынуждалъ правительство XVIII вѣка, ради удовлетворенія спеціальныхъ государственныхъ нуждъ, посылать молодыхъ дворянъ въ западно-европейскіе университеты для изученія, главнымъ образомъ, юридическихъ наукъ. И вотъ, въ 1766 г., въ числѣ двѣнадцати молодыхъ дворянъ, отправленныхъ въ Лейпцигскій университетъ для изученія правовѣдѣнія, былъ и Радищевъ, которому къ этому времени исполнилось 17 лѣтъ. Инспекторомъ, или гофмейстеромъ къ этимъ молодымъ людямъ былъ назначенъ маіоръ Бокумъ. Инструкцію для надзора за юно-

шами и для учебныхъ занятій составила собственноручно Екатерина. Инструкція состояла изъ двадцати трехъ пунктовъ. Въ ней, между прочимъ, были указаны предметы, обязательные для изученія всѣмъ, и кромѣ того разрѣшалось каждому юношѣ заниматься какимъ-нибудь предметомъ по собственному выбору. Въ числѣ обязательныхъ предметовъ было указано «всенародное и естественное право», на которое Екатерина рекомендовала обратить особенно серьезное вниманіе. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что уже въ 1790 г. за тѣ же идеи «всенароднаго и естественнаго права» Радищевъ поплатился ссылкой въ Сибирь. На каждаго юношу было назначено казенное довольствіе въ 800 рублей въ годъ, впослѣдствіи увеличенное до 1000 рублей. Несмотря на такой большой денежный отпускъ отъ казны, обстановка жизни Радищева и другихъ юношей была плохая, такъ-какъ Бокумъ большую часть отпускаемыхъ денегъ употреблялъ на собственныя нужды, а воспитанниковъ держалъ впроголодь, въ сырыхъ квартирахъ и даже безъ учебныхъ пособій. Все это воспитанники покупали на свои собственныя деньги, получаемыя отъ родителей. Бокумъ былъ придирчивъ, мелоченъ, жестокъ, при чемъ, вопреки инструкціи, наказывалъ воспитанниковъ карцеромъ, розгами, фухтелями и даже подвергалъ ихъ особо придуманнымъ имъ самимъ истязаніямъ. Несмотря на неоднократныя жалобы какъ со стороны самихъ воспитанниковъ, такъ и со стороны постороннихъ, императрица ограничивалась замѣчаніями и выговорами и смѣнила Бокума только послѣ возвращенія Радищева изъ Лейпцига, т.-е. въ 1771 г.

Отсутствіе серьезныхъ развлеченій, плохой надзоръ и гнетъ Бокума были несомнѣнно причинами того, что Радищевъ и его товарищи вели довольно распутный образъ жизни, хотя это и не мѣшало имъ въ то же время много и прилежно заниматься. Одинъ изъ товарищей Радищева, Ѳедоръ Ушаковъ, очень талантливый и трудолюбивый юноша, скончался въ Лейпцигѣ отъ болѣзни, полученной имъ вслѣдствіе невоздержнаго образа жизни. Радищевъ считался самымъ способнымъ изъ всѣхъ своихъ товарищей. О немъ, спустя много лѣтъ, вспоминалъ профессоръ философіи Платтнеръ, при встрѣчѣ съ Карамзинымъ, какъ о богато одаренномъ юношѣ. Помимо обязательнаго курса, Радищевъ изучалъ Гельвеція, Мабли, Руссо, Гольбаха, Мендельсона и пріобрѣлъ большія познанія по химіи и медицинѣ. Врачебными познаніями ему пришлось воспользоваться впослѣдствіи, во время пребыванія своего въ Илимскомъ острогѣ.

Въ ноябрѣ 1771 г. Радищевъ вернулся изъ-за-границы въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Сенатъ протоколистомъ, но здѣсь прослужилъ не долго вслѣдствіе тяжелыхъ условій этой службы и перешелъ капитаномъ въ Штабъ Главнокомандующаго графа Брюса — на должность оберъ-аудитора. Въ это же время ему пришлось заниматься изученіемъ русскаго языка, который былъ имъ и его товарищами совершенно забытъ въ Лейпцигѣ. Въ 1775 г. онъ вышелъ въ отставку и женился на дочери члена Придворной Конторы — Аннѣ Васильевнѣ Рубановской, а въ 1776 г. вновь поступилъ на службу—асессоромъ въ Коммерцъ-Коллегію, президентомъ которой былъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ. На первыхъ же порахъ своей новой служебной дѣятельности Радищевъ пріобрѣлъ расположеніе своего начальника за прямоту и честность своихъ убѣжденій и большія познанія въ дѣлахъ. Этимъ расположеніемъ Воронцова онъ пользовался всю жизнь, и въ постигшей его опалѣ оно сыграло для него громадную роль. Въ 1780 г. Радищевъ былъ назначенъ помощникомъ управляющаго Петербургской таможней—Даля. Всю работу по управленію таможней выполнялъ онъ, а Даль только дѣлалъ ежемѣсячные доклады императрицѣ (его оффиціальное званіе въ 1781 г. было: «надв. сов., въ помощь при совѣтникѣ для таможенныхъ дѣлъ въ С.-Пб. Палатѣ казенныхъ дѣлъ»). Постоянныя дѣловыя сношенія съ англичанами заставили Радищева изучить англійскій языкъ, который далъ ему возможность читать въ подлинникѣ лучшихъ англійскихъ писателей. На службѣ въ таможнѣ имъ былъ разработанъ новый таможенный тарифъ, за который онъ былъ награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ. Есть много указаній на честность, неподкупность и добросовѣстность Радищева во все время его служебной дѣятельности.

Въ 1783 г. умерла его жена, оставивъ ему трехъ сыновей и дочь. 22-го сентября

1785 г. Радищевъ получилъ орденъ Владимира 4-ой степени и чинъ надворнаго совѣтника, а въ 1790 г. былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники и назначенъ управляющимъ Петербургской Таможней. Въ іюнѣ того же года вышло въ свѣтъ его сочиненіе: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», обезсмертившее его въ потомствѣ, но за то причинившее автору много нравственныхъ и физическихъ страданій. Оно было отпечатано въ количествѣ 650-ти экземпляровъ, изъ которыхъ разошлось не болѣе ста (7 книгъ роздалъ Радищевъ своимъ знакомымъ, 25 отдалъ въ книжную лавку Зотова для продажи по 2 рубля за экземпляръ, и послѣ ареста Радищева тому же Зотову удалось найти еще книгъ 50; властямъ пришлось конфисковать только десять книгъ). Въ этомъ сочиненіи Екатерина усмотрѣла призывъ къ бунту крестьянъ, оскорбленіе Величества, и Радищевъ, 30-го іюня, былъ арестованъ и отданъ подъ судъ Уголовной Палаты. Слѣдствіе велось въ казематахъ Петропавловской крѣпости подъ руководствомъ Шешковскаго, который не примѣнилъ къ Радищеву обычныхъ пытокъ только потому, что былъ подкупленъ свояченицеей послѣдняго — Елизаветой Васильевной Рубановской. 8-го, 9-го и 10-го іюля Ращевъ далъ менное показаніе по 29-ти вопроснымъ пунктамъ, гдѣ онъ (неизвѣстно—изъ страха ли передъ грознымъ Шешковскимъ, или изъ боязни за свою участь и участь своихъ дѣтей) раскаялся въ томъ, что написалъ и напечаталъ свое «Путешествіе», но не отказался отъ высказанныхъ имъ въ книгѣ взглядовъ на крѣпостное право. 15-го іюля Палата потребовала отъ него отвѣта на пять вопросовъ (какая у него была цѣль, есть ли сообщники, раскаивается ли онъ, сколько отпечатано экземпляровъ и свѣдѣнія о его прежней службѣ) и 24-го іюля вынесла ему смертный приговоръ. Судъ надъ нимъ былъ только простой формальностью, такъ какъ его обвинительный актъ былъ уже предрѣшеннымъ приговоромъ. Насколько его обвиненіе было голословно, доказываетъ то, что въ приговорѣ пришлось указывать статьи не только изъ «Уголовнаго Уложенія», но даже изъ «Воинскаго устава» и «Морского регламента». 26-го іюля дѣло было передано въ Сенатъ, и 8-го августа приговоръ Палаты былъ утвержденъ Сенатомъ. Якобы для полнаго безпристрастія, Екатерина передала дѣло еще Совѣту, и 10-го августа Совѣтъ вынесъ резолюцію, что согласенъ съ мнѣніями Палаты и Сената. 4-го сентября Императрица помиловала Радищева и замѣнила ему смертную казнь ссылкой на 10 лѣтъ въ Иркутскую губернію, въ Илимскій острогъ. Въ тотъ же день на книгу «Путешествіе» былъ наложенъ особый цензурный запретъ, который былъ съ нея окончательно снятъ только 22-го марта 1867 года.

Безъ теплой одежды, закованный въ кандалы Радищевъ 8-го сентября 1790 года былъ отправленъ въ ссылку. Благодаря хлопотамъ и заступничеству графа Воронцова, съ него были сняты кандалы, и во всѣхъ городахъ на пути къ Иркутску онъ встрѣчалъ радушный пріемъ со стороны губернскихъ властей. 4-го января 1792 года Радищевъ прибылъ въ Илимскъ. Съ 11-го ноября 1790 г. по 20-е декабря 1791 года онъ велъ дневникъ. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхала его свояченица Е. В. Рубановская (сдѣлавшаяся въ ссылкѣ его женой) съ двумя малолѣтними дѣтьми Радищева. Всѣ издержки по пути въ ссылку и пребыванію его въ острогѣ взялъ на себя графъ Воронцовъ. Благодаря ему, жизнь Радищева въ ссылкѣ была болѣе или менѣе сносной: ему присылались журналы и книги; лѣтомъ онъ охотился, а зимой читалъ, занимался литературой, химіей, училъ дѣтей и лѣчилъ отъ болѣзней крестьянъ ближайшихъ деревень. Въ Илимскѣ написанъ имъ философскій трактатъ «о человѣкѣ». 6-го ноября 1796 г. умерла Императрица Екатерина, а 23-го ноября былъ подписанъ указъ объ амнистіи, по которому Радищеву разрѣшалось вернуться въ свое имѣніе (дер. Нѣмцово, Малоярославскаго уѣзда), гдѣ и жить безвыѣздно подъ надзоромъ полиціи. Въ началѣ 1797 г. повелѣніе Павла дошло до Илимска, и 10-го февраля Радищевъ выѣхалъ въ Россію, куда прибылъ въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года. По дорогѣ, въ Тобольскѣ, умерла его вторая жена. Въ 1798 г. Радищевъ, съ разрѣшенія Императора Павла, поѣхалъ навѣстить своихъ родителей въ Саратовскую губернію, а въ 1799 г. вернулся въ Нѣмцово, гдѣ и жилъ безвыѣздно до вступленія на престолъ Александра I, который 15-го марта 1801 г. вернулъ Радищеву права, чины и орденъ,

разрѣшилъ въѣздъ въ столицу и 6-го августа назначилъ его въ «Коммиссію для составленія законовъ», съ окладомъ въ 1500 рублей въ годъ. Работая въ Коммиссіи, Радищевъ представилъ ей проектъ государственнаго переустройства, основанный на началахъ гражданской свободы личности, равенства всѣхъ передъ закономъ и независимости суда. Проектъ этотъ не понравился предсѣдателю Коммиссіи графу Завадовскому; онъ даже намекнулъ Радищеву, что за такой проектъ можно вторично проѣхаться въ Сибирь; это такъ подѣйствовало на Радищева, что онъ выпилъ азотной кислоты и 11-го сентября 1802 г. скончался въ страшныхъ мученіяхъ. Тѣло его погребено на Смоленскомъ кладбищѣ, но могила его давно уже затеряна. Послѣ его смерти осталось свыше 40 тысячъ долга, изъ коихъ 4 тысячи заплатила казна, а остальныя предлагала уплатить англійская факторія, но почему-то это предложеніе было отклонено. Съ 1774 г. по 1775 г. Радищевъ состоялъ членомъ Англійскаго собранія въ Петербургѣ.

На литературное поприще Радищевъ выступилъ впервые въ 1773 г. съ переводомъ сочиненія Мабли: «Размышленія о греческой исторіи», сдѣланнымъ по порученію общества, основаннаго въ 1770 г. на личныя средства Екатерины, «для перевода замѣчательныхъ произведеній иностранной литературы на русскій языкъ». Къ этому переводу имѣются собственныя примѣчанія переводчика, гдѣ, между прочимъ, высказана мысль, что «неправосудіе государя даетъ народу, его судіи то же, и болѣе, надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками». Существуютъ указанія, что Радищевъ сотрудничалъ въ «Живописцѣ» Новикова и въ «Почтѣ Духовъ» Крылова. Въ 1789 г. вышло въ свѣтъ его сочиненіе «Житіе Федора Васильевича Ушакова». Въ этой книгѣ авторъ даетъ описаніе жизни студентовъ въ Лейпцигѣ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Ф. Ушаковъ, самый старшій изъ всѣхъ русскихъ студентовъ, главарь кружка, скончавшійся въ Лейпцигѣ до окончанія курса. Изъ «Житія Ушакова» мы узнаемъ, какъ у Радищева грубое религіозное представленіе о Богѣ смѣняется деизмомъ. Въ немъ же авторъ даетъ юмористическое описаніе добродушнѣйшаго и бездарнаго іеромонаха Павла, ихъ лейпцигскаго наставника въ истинахъ православной вѣры, неодобрительно отзывается о дуэляхъ и отстаиваетъ право человѣка на самоубійство. Въ 1790 г. вышло «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ», написанное по поводу открытія памятника Петру I въ Петербургѣ. Въ томъ же году Радищевъ завелъ свою собственную типографію и началъ печатаніемъ свое знаменитое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Надо замѣтить, что прежде печатанія «Путешествіе» было предъявлено въ Управу Благочинія и дозволено цензурой, такъ что авторъ былъ присужденъ къ смертной казни за напечатаніе сочиненія, разрѣшеннаго цензурой. Книга вышла въ свѣтъ въ іюнѣ 1790 г. Радищевъ началъ писать свою книгу, какъ онъ самъ говоритъ, потому, что «узрѣлъ, что всѣ бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка. А потому всякій долженъ противиться заблужденіямъ и быть соучастникомъ въ благоденствіи себѣ подобныхъ». На форму изложенія «Путешествія» несомнѣнно оказали вліяніе знакомыя Радищеву произведенія Стерна и Рейналя; что же касается до его содержанія, то оно не заимствовано ни откуда, а взято цѣликомъ изъ дѣйствительной русской жизни конца XVIII вѣка: это какъ бы энциклопедія этой жизни, въ которой собрано все ея зло и указаны средства къ его уничтоженію. Въ немъ авторъ рисуетъ тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, взываетъ къ сердцу помѣщиковъ, которымъ доказываетъ, что крѣпостное право одинаково вредно какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ, которымъ угрожаетъ второй Пугачевщиной, если они во-время не одумаются. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ даетъ свой собственный проектъ этого освобожденія, при чемъ говоритъ, что освобожденіе должно вестись постепенно, такъ какъ рѣзкая перемѣна экономическихъ отношеній не можетъ совершиться безъ кровопролитія, а онъ признаетъ только мирное разрѣшеніе вопроса. Освобожденіе крестьянъ, по его мнѣнію, должно совершаться непремѣнно съ надѣленіемъ землей, и онъ ждетъ этого освобожденія отъ верховной власти, полагая, что государи сами понимаютъ его необходимость. Въ «Путешествіи» есть мысли, не утратившія и донынѣ своего значенія: авторъ возстаетъ противъ торговыхъ обмановъ, обществен-

наго разврата и роскоши, корыстолюбія судей, произвола начальниковъ, являющихся «средостѣніемъ», отдѣляющимъ власть отъ народа. Печатая «Путешествіе», Радищевъ не предполагалъ, что его постигнетъ такая жестокая кара, такъ какъ тѣ же мысли встрѣчаются и въ болѣе раннихъ его произведеніяхъ; но онъ упустилъ изъ виду одно, что взгляды Императрицы, послѣ событій 1789 года во Франціи, рѣзко измѣнились. Въ Петропавловской крѣпости написана Радищевымъ «Повѣсть о Филаретѣ милостивомъ».

Изъ произведеній Радищева, написанныхъ въ ссылкѣ, надо отмѣтить трактатъ «О человѣкѣ, его смертности и безсмертіи», который свидѣтельствуетъ о большой начитанности автора. Въ вопросѣ о «смертности» и о «безсмертіи» авторъ не приходитъ къ опредѣленному выводу, а приводитъ только доказательства въ пользу того и другого положенія, заимствованныя имъ у Гольбаха («Système de la nature») и Мендельсона («Федонъ, или о безсмертіи души»). Въ этомъ же трактатѣ слѣдуетъ отмѣтить мысли автора о воспитаніи дѣтей и скептицизмъ его въ отношеніи къ фактической сторонѣ Ветхаго Завѣта, вселенскимъ соборамъ, церковнымъ преданіямъ и духовенству. Но наряду съ этимъ онъ восхищается православіемъ, называя его превосходнѣйшей религіей. Вообще надо сказать, что всѣ сочиненія Радищева отличаются своей неопредѣленностью и противорѣчіями, и въ литературномъ отношеніи онъ величина не крупная. Колебанія его мыслей объясняются двойственностью его натуры: онъ исповѣдывалъ просвѣтительныя идеи Запада, а инстинктивно, не отдавая себѣ отчета, оставался русскимъ человѣкомъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ сыномъ своего вѣка—вѣка, который «много грѣшилъ, потому-что онъ много любилъ», и въ которомъ уживались самыя необъяснимыя противорѣчія. Заслуга же Радищева, какъ идейнаго историческаго дѣятеля,—громадна: онъ былъ первый русскій гражданинъ, заявившій въ печати о необходимости обновленія нашего государственнаго и общественнаго строя.

Есть намеки, что Радищевымъ написана исторія Россійскаго Сената, но до насъ она не дошла и, какъ говорятъ, уничтожена самимъ авторомъ. Сохранилась до нашего времени одна пѣсня и планъ сказки: «Бова, повѣсть богатырская стихами», написанной Радищевымъ между 1797 и 1800 годами. Всѣхъ пѣсенъ было написано одиннадцать, но до насъ онѣ не дошли. Повѣсть написана четырехстопными бѣлыми хореическими стихами. Содержаніе ея не заимствовано изъ русскихъ сказокъ, такъ какъ замѣтный въ ней цинизмъ несвойственъ русскому народному творчеству, а вѣрнѣе — есть подражаніе сказкамъ французскихъ писателей XVIII в., и у автора было желаніе вложить въ нее русскую душу. Въ художественномъ смыслѣ—повѣсть весьма слаба. Сохранилось начало другой поэмы Радищева съ эпиграфомъ изъ «Слова о полку Игоревѣ» и «Пѣснь историческая—обозрѣніе древней греческой и римской исторіи». Въ Илимскомъ острогѣ написано «Письмо о китайскомъ торгѣ», «Повѣствованіе о пріобрѣтеніи въ Сибири» и начата историческая повѣсть «Ермакъ». Сочиненіе «Описаніе моего владѣнія» относится, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ концу восьмидесятыхъ годовъ. Встрѣчаются указанія, что Радищевымъ переведена книга Монтескье «Разсужденія о величіи и упадкѣ римлянъ», но до настоящаго времени этого перевода не найдено. Есть нѣсколько стихотвореній Радищева, но всѣ они неудовлетворительны въ смыслѣ поэтической техники, а если и заслуживаютъ вниманія, то за оригинальность и смѣлость своихъ идей. Въ бумагахъ «Коммиссіи для составленія законовъ», учрежденной въ 1801 году, найдена собственноручная записка Радищева «О цѣнахъ за людей убіенныхъ», гдѣ онъ доказываетъ, что жизнь человѣка не можетъ быть оцѣнена никакими деньгами. Наконецъ, со времени отъѣзда Радищева въ ссылку, по пути въ Илимскъ и обратно, велся имъ собственноручный дневникъ, хранящійся нынѣ въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ. Первая половина этого дневника — «Записка путешествія въ Сибирь»—отпечатана впервые въ 1906 году въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ». Условія, при которыхъ работалъ перомъ Радищевъ, не были благопріятны для того, чтобы пріобрѣсти какое-либо вліяніе на современное ему общество. Изданное имъ самимъ въ 1790 г. «Путешествіе» разошлось въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ (не болѣе ста), такъ какъ большую часть изданія онъ

сжегъ, когда узналъ, какое впечатлѣніе произвела книга на Императрицу. У большинства его современниковъ «Путешествіе» вызвало скорѣй любопытство и удивленіе къ самой личности Радищева, рѣшившагося на такое смѣлое дѣло, чѣмъ къ содержанію книги. Послѣ судебнаго процесса многіе платили большія деньги только за то, чтобы получить книгу для прочтенія. Несомнѣнно, что гоненія на книгу и ея автора содѣйствовали успѣху сочиненія. Въ рукописи оно проникло въ провинцію и даже за границу, гдѣ были напечатаны изъ него выдержки въ 1808 году. Все это, конечно, былъ внѣшній успѣхъ сочиненія, но есть свидѣтельства, что были люди, которые оцѣнили по достоинству значеніе самыхъ идей Радищева,—но такихъ людей было немного.

«Путешествіе» въ первый разъ было напечатано въ 1858 году въ Лондонѣ, въ книгѣ «Князь Щербатовъ и А. Радищевъ», но это изданіе изобилуетъ неточностями и пропусками. Въ 1868 году оно было издано въ Россіи, но тоже съ большими сокращеніями. Въ 1872 году оно было отпечатано подъ редакціей П. А. Ефремова, въ количествѣ 1985 экземпляровъ, безъ всякихъ сокращеній, но въ свѣтъ не вышло и было уничтожено цензурой. Въ 1876 г. «Путешествіе» было издано, почти точно съ подлинникомъ, въ г. Лейпцигѣ. Въ 1888 г. вышло изданіе А. С. Суворина, но въ числѣ только 99 экземпляровъ. Въ 1901 году въ V томѣ «Библіографическаго описанія рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ» Бурцева отпечатано «Путешествіе» въ полномъ видѣ, въ количествѣ 150-ти экз. Въ 1903 году оно было издано Картавовымъ, но цензура его уничтожила. Наконецъ, въ 1905 году оно вышло полностью, свѣренное съ рукописью, подъ ред. Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. «Собраніе сочиненій, оставшихся послѣ покойнаго А. Н. Радищева», въ 6-ти частяхъ, безъ «Путешествія», вышло въ свѣтъ въ Москвѣ, въ 1806—1811 годахъ. Въ 1872 г. было напечатано, но уничтожено цензурой (1985 экземпляровъ) «Собраніе сочиненій А. Н. Р.», въ 2-хъ томахъ, подъ ред. Ефремова; въ 1907 г. вышелъ 1-й томъ собранія сочиненій, изданныхъ подъ ред. В. В. Каллаша и 1-й томъ изданія подъ ред. С. Н. Тройницкаго. Имени Радищева посвященъ богатый музей въ г. Саратовѣ, открытый по мысли его внука художника Боголюбова и съ согласія Императора Александра III.

«Свитокъ Музъ», С.-Пб. 1803 г., ч. II, стр. 116, стих. «На смерть Радищева», И. М. Борна; Д. Н. Бантышъ-Каменскій. «Словарь достопамятныхъ людей». М. 1836 г., ч. IV, стр. 258—264; «Архивъ князя Воронцова», кн. V, стр. 284—444; то же, кн. XII, стр. 403—446; «Mémoires Sécrets sur la Russie», Paris. 1800, t. II, p.p. 188—189; «Сборникъ русскаго Историческаго общества», т. X, стр. 107—131; «Русскій Вѣстникъ» 1858, т. XVIII, № 23, «А. Н. Р.» Корсунова, съ приложеніями П. А. Р. и примѣч. М. Лонгинова, стр. 395—430; «Русскій Архивъ» 1863 г., стр. 448; то же, 1870 г., стр. 932, 939, 946 и 1775; то же, 1879 г., стр. 415—416; то же, 1868 г., стр. 1811—1817; 1872 г., т. X, стр. 927—953; «Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей», 1865, кн. 3, отд. V, стр. 67—109; то же 1862 г., кн. 4, стр. 197—198 и кн. 3, стр. 226—227; «Чтенія Московскаго общества Исторіи и древностей» 1886 г., кн. 2, стр. 1—5; «Вѣстникъ Европы» 1868 г., № 5, стр. 419 и № 7, стр. 423—432; то же, 1868 г., кн. II, стр. 709; то же 1887 г., февраль, Литературное обозрѣніе; «Архивъ Государственнаго Совѣта», т. I, 1869 г., стр. 737; «Русская Старина» 1872 г., № 6, стр. 573—581; то же, 1874 г., № 1, 2 и 3, стр. 70, 71, 262; тоже, 1882 г., № 9, стр. 457—532 и № 12, стр. 499; тоже, 1871 г., сентябрь, стр. 295—299; тоже, 1870 г., № 12, стр. 637—639; тоже, 1887 г., октябрь, стр. 25—28; тоже, 1896 г., т. XI, стр. 329—331; тоже, 1906 г., май, стр. 307 и іюнь, стр. 512; «Историческій Вѣстникъ» 1883 г., № 4, стр. 1—27; то же 1894 г., т. LVIII, стр. 498—499; 1905 г., № 12, стр. 961, 962, 964, 972—974; М. И. Сухомлиновъ, «Статьи и Изслѣдованія», т. I. С.-Пб. 1889 г. «А. Н. Радищевъ» и въ «Сборникѣ отд. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ», т. XXXII; Сборникъ «Подъ знаменемъ Науки», Москва. 1902 г., стр. 185—204; Мякотинъ. «Изъ исторіи русскаго общества». С.-Пб. 1902 г., статья: «На зарѣ русской общественности»; она же въ сборникѣ «На славномъ посту»; Е. Бобровъ, «Философія въ Россіи», вып. III. Казань. 1900 г., стр. 55—256; В. Стоюнинъ «О преподаваніи русской литературы». С.-Пб. 1864 г.; С. Венгеровъ, «Русская поэзія», вып. V и VI. С.-Пб. 1897 г.; Фонъ-Фрейманъ, «Пажи за 185 лѣтъ»; Фридрихсгамнъ. 1897, стр. 41—44; «Главные дѣятели освобожденія крестьянъ», подъ ред. Венгерова. С.-Пб. 1903 г. (премія къ «Вѣстнику Самообразованія»), стр. 30—34; «Столѣтіе С.-Пб. Англійскаго собранія». С.-Пб. 1870 г., стр. 54; Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Акад. Наукъ, т. I, стр. 97—105; Гельбихъ, «Русскіе избранники», пер. В. А. Бильбасова, 1900 г., стр. 489—493; перев. князя Голицына въ «Библіографическихъ Запискахъ», 1858 г., т. I, № 23, стр. 729—735; «Helbig «Radischew», Russische Günstlinge 1809 г., стр. 457—461; «Извѣстія отд. рус. яз. и слов. Ак. Н.». 1903 г., т. VIII, кн. 4, стр. 212—255. «Рабства врагъ», В. Каллаша; Я. К. Гротъ, «Записка о ходѣ въ 1860 г. приготовительныхъ работъ по изданію Державина», стр. 34; «Державинъ», сочиненія, изд. Акад. Наукъ, т. III, стр. 579 и 757, «Библіографическія Записки», 1859 г., № 6, стр. 161 и № 17, стр. 539; тоже, 1858 г., № 17, стр. 518; тоже, 1861 г., № 4; «Современникъ» 1856 г. № 8, смѣсь, стр. 147; Д. А. Ровинскій, Словарь гравированныхъ портретовъ; «Біографія Ра-

дищева, въ «Справ. энцикл. словарѣ», С.-Пб. 1855, т. IX, ч. II, стр. 5; Русскій Энцеклопед. словарь Березина, отд. IV, т. I, стр. 30—31; Брокгаузъ и Ефронъ, Энциклопед. словарь, т. XXVI, стр. 79—85; «Русскія Вѣдомости» 1902 г., № 252, 259 и 268; тоже, 20-го октября 1905 г., № 275; тоже 1899 г., № 254; «Міръ Божій» 1902 г. № 11, стр. 278—329 и № 9, стр. 95—97; «Сборникъ статей Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н.», т. VII, стр. 206 и 213; «Литературный Вѣстникъ» 1902 г. № 6, стр. 99—104; «Иллюстрація» 1861 г., т. VII, № 159; Вейдемейеръ, Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во 2-й пол. XVIII в. С.-Пб. 1846 г., ч. II, стр. 120; «Православное обозрѣніе» 1865 г., декабрь, стр. 543; «Полное собраніе законовъ», №№ 19647 и 16901; А. Галаховъ, «Исторія русской словесности», С.-Пб. 1880 г., т. I, отд. 2-ой, стр. 273—276; П. Ефремовъ, «Живописецъ Н. И. Новикова» изд. 7, С.-Пб. 1864 г., стр. 320 и 346; «Полное собраніе сочиненій Крылова», изд. Просвѣщенія, т. II, стр. 310—312, 476, 510; «Новое дѣло» 1902 г., № 9, стр. 208—223; «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» А. Радищева, С.-Пб. 1905 г., изд. под. ред. П. Е. Щеголева и Н. П. Сильванскаго; «Одесскія Новости» 1902 г., № 5744; «Орловскій Вѣстникъ» 1902 г., № 241; «Восточное обозрѣніе» 1902 г., № 205; «Самарская Газета» 1902 г., № 196; «С.-Петерб. Вѣдомости» 1902 г., № 249; 1865 г., № 299; 1868 г., № 107; «Голосъ» 1865 г., № 317 и 1868 г. № 114; «Русск. Инвалидъ» 1865 г., № 265 и 1868 г., № 31; «Отечественныя Записки» 1868 г. № 10, стр. 196—200; «Дѣло» 1868 г., № 5, стр. 86—98; «Вѣсть» 1865 г., № 28; «Саратовскій дневникъ» 1902 г., № 147; «Харьковскій листокъ» 1902 г., № 847; «Южный курьеръ» 1902 г.; «Новое Время» 1902 г., № 9522; «Сибирскій Вѣстникъ» 1902 г., № 211; И. Порфирьевъ, «Исторія русской словесности», ч. II, отд. II. Казань. 1888 г., изд. 2, стр. 264; Н. П. Милюковъ, «Введеніе въ русскую исторію», вып. III, стр. 4—7, 53, 83; А. С. Пушкинъ «Мысли на дорогѣ» и «А. Радищевъ». Изданіе подъ ред. Морозова, т. VI, стр. 325—365 и 388—403; А. П. Щаповъ, «Соціально-педагогическія условія развитія русскаго народа»; А. П. Пятковскій, «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія». Изд. 2-ое, ч. I, стр. 75—80; Н. С. Тихонравовъ, «Сочиненія», т. III, стр. 273; А. Брикнеръ, «Исторія Екатерины II», ч. V, стр. 689—798; Walischevski, «Autour d'un trône», P. 1897 г., pp. 231—234; А. Н. Пыпинъ, «Исторія русской литературы», т. IV, стр. 177—181 и 186; Бурцевъ, «Описаніе рѣдкихъ россійскихъ книгъ». С.-Пб. 1897 г., т. IV, стр. 27—36; «Недѣля» 1868 г., № 34, стр. 1074—1081 и № 35, стр. 1109—1114; «Первый борецъ за свободу русскаго народа», К. Левина, М., изд. «Колоколъ» 1906 г.; «Галлерея дѣятелей освободительнаго движенія въ Россіи», подъ ред. Бриліанта, 1906 г. Вып. I; «Сочиненія Имп. Екатерины II». Изд. Акад. Наукъ, т. IV, стр. 241; Л. Майковъ, «Историко-литературные очерки». С.-Пб. 1895 г., стр. 36; Алексѣй Веселовскій, «Западное вліяніе». 2-е изд. М. 1896 г., стр. 118—126; С. Шашковъ Собраніе сочиненій, т. II. С.-Пб. 1898 г., стр. 290—291; Митрополитъ Евгеній, «Словарь русск. свѣтскихъ писателей». М. 1845, т. I, стр. 139; «Извѣстія отд. русск. яз. и словесности Императорской Ак. Наукъ». 1906 г., т. XI, кн. 4, стр. 379—399.

А. Лосскій.

Радищевъ, *Аѳанасій* (меньшой) *Прокофьевичъ,* полковникъ Стародубскій, дѣдъ писателя А. Н. Радищева; сынъ дворянина Московскаго Прокофія Константиновича Р., родился въ 1684 году. Въ 1703 году былъ записанъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ, откуда въ томъ же году переведенъ драгуномъ въ Астраханскій драгунскій полкъ, а затѣмъ въ Кіевскій пѣхотный полкъ прапорщикомъ. Отсюда онъ былъ переведенъ въ «шквадронъ фельдмаршала Шереметева», гдѣ былъ произведенъ въ 1706 г. въ поручики, а въ 1708 г.—въ капитаны и въ «шквадронъ маіоры». Съ 1712 года, вслѣдствіе указа не имѣть въ эскадронахъ маіорской должности, именовался вновь капитаномъ и только въ 1717 году былъ произведенъ въ маіоры, когда «шквадронъ» былъ переформированъ въ полкъ. Въ 1726 г. онъ произведенъ въ подполковники и опредѣленъ капраломъ въ Кавалергардскій корпусъ. За время своей долгой службы Р. участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и, между прочимъ, въ Полтавской битвѣ. При воцареніи Анны Іоанновны онъ подписалъ прошеніе о возстановленіи самодержавія. 23-го іюня 1731 года Р. былъ пожалованъ въ полковники изъ «подполковниковъ и кавалергардіи капраловъ» и въ томъ же году былъ уволенъ отъ службы. Затѣмъ, съ 1732 года, Р. состоялъ въ числѣ великорусскихъ членовъ Генеральнаго Суда, а 26-го января 1734 года, по указу кабинетъ-министровъ, ему, Глуховскому коменданту Кишкину и подполковнику Сенявину вмѣстѣ съ судьями Малороссійскаго Генеральнаго Войскового суда, поручено было, по случаю смерти гетмана Апостола, вступить въ управленіе малороссійскими дѣлами до прибытія въ Глуховъ генералъ-лейтенанта князя Шаховского. 11-го сентября того же 1734 года Р. былъ назначенъ полковникомъ Стародубскимъ на мѣсто Александра Дурова, отрѣшеннаго отъ этой должности, и пробылъ на этомъ урядѣ семь лѣтъ—по 23-е сентября 1741 года, когда былъ уволенъ, повидимому, по одной той причинѣ, что мѣсто его понадобилось для другого — гвардіи поручика Ѳедора Максимовича, назначеннаго вскорѣ его преемникомъ по уряду. Несмотря на довольно продолжительное полковничество Р., о дѣятельности его ничего не извѣстно. Можно думать, что онъ, какъ хорошо знавшій мѣстные порядки,—

ибо служилъ до назначенія полковникомъ въ Стародубъ тоже въ Малороссіи—умѣлъ ладить со своими полчанами; кромѣ того, примѣры его предшественниковъ на этомъ урядѣ—Пашкова и Дурова, отрѣшенныхъ отъ своихъ должностей за злоупотребленія, имѣли, должно быть, свои хорошія послѣдствія. Вскорѣ по увольненіи отъ службы Р. 23-го октября 1741 же года былъ пожалованъ чиномъ бригадира; дальнѣйшая его судьба—неизвѣстна; погребенъ онъ въ построенной имъ церкви въ Малоярославцѣ.

Дѣла Архива Департ. Герольдіи Правит. Сената о дворянствѣ рода Радищевыхъ; Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей русской земли, ч. IV, М. 1836, стр. 259; А. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. I, Полкъ Стародубскій, Кіевъ. 1889 г., стр. 51, 57; «Русскій Вѣстникъ» 1858 года, декабрь, кн. I, стр. 398; Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича, изданный подъ редакціей А. Лазаревскаго, ч. III, Кіевъ. 1897 г., стр. 384; «Русскій Архивъ» 1872 г., стр. 944; Сборникъ біографій кавалергардовъ, С.-Пб. 1901, стр. 203—204; П. Барановъ, Опись Высоч. указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ, за XVIII вѣкъ, т. II, С.-Пб. 1875, № 4865, т. III, С.-Пб. 1878, № 8609, 8636; Сенатскій Архивъ, т. VII, С.-Пб. 1895, стр. 659; Сборникъ Импер. Русскаго Историч. Общества, т. 108, Юрьевъ. 1900, стр. 120, 366, 367.

В. Гарскій.

Радищевъ, *Николай Александровичъ,* поэтъ, второй сынъ Александра Николаевича Радищева и его первой жены, Анны Васильевны, рожд. Рубановской (ум. въ 1783 г.), род. въ Петербургѣ въ 1779 году. Въ 1790 году, послѣ ссылки отца въ Илимскъ, сирота былъ отправленъ къ родному дядѣ, Моисею Николаевичу Радищеву, директору таможни въ гор. Архангельскѣ. Н. А. Радищевъ началъ свою службу въ гвардіи, въ Измайловскомъ полку, а въ 1793 г. былъ произведенъ въ сержанты и выпущенъ подпоручикомъ въ армію, въ Малороссійскій гренадерскій полкъ, въ 1797 году уволенъ по прошенію отъ службы, а въ 1801 г. вновь опредѣленъ въ Коммиссію о коронаціи. Въ 1802 году онъ служилъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Коммиссіи составленія законовъ, а въ 1803 году перешелъ въ Департаментъ Народнаго просвѣщенія на должность архиваріуса. Въ концѣ 1806 года онъ былъ уволенъ отъ службы, желая поступить въ милицію, чтобы раздѣлить труды, которые предстояли дворянству Калужской губерніи, и жилъ въ Москвѣ, гдѣ вращался въ кружкѣ Мерзлякова, Воейкова и Жуковскаго, съ которыми очень подружился. Послѣдніе годы своей жизни, съ начала 1820-хъ годовъ и до смерти, Р. былъ предводителемъ дворянства въ Кузнецкомъ уѣздѣ Саратовской губерніи и пользовался тамъ у населенія любовью и уваженіемъ. Скончался скоропостижно въ 1829 году.

Въ 1801 году Радищевъ издалъ свое первое произведеніе: «Альоша Поповичъ, богатырское пѣснотвореніе» и «Чурила Пленковичъ», то же, въ двухъ частяхъ. Эпиграфъ изъ Энеиды «arma virumque cano» къ первой части этихъ пѣснотвореній выбралъ его отецъ. А. С. Пушкинъ, познакомившійся съ этимъ сочиненіемъ въ 1815 году, ошибочно приписалъ авторство Александру Радищеву и въ статьѣ «А. Радищевъ» отозвался о немъ съ большой похвалой. Въ этихъ пѣснотвореніяхъ отношеніе ихъ къ народнымъ былинамъ выражается, однако, только въ именахъ богатырей, и самъ авторъ говоритъ, что въ описаніяхъ онъ подражалъ Виланду и Аріосту; но несомнѣнно, что на это произведеніе литературное вліяніе оказали также «Душенька» Богдановича, «Причудница» Дмитріева и «Илья Муромецъ» Карамзина, а часть содержанія взята изъ сказокъ М. Д. Чулкова. Положеніе героевъ и развитіе дѣйствія въ этихъ пѣснотвореніяхъ составляютъ самостоятельное творчество Н. А. Радищева, и черты этого творчества послужили основаніемъ для поэмы Пушкина «Русланъ и Людмила».

Между 1817 и 1819 годами печатались его переводы романовъ и повѣстей Августа Лафонтена: «Вальтеръ, дитя ратнаго поля», «Двѣ невѣсты» и другіе. Въ Москвѣ Радищевъ написалъ біографію своего отца («О жизни и сочиненіяхъ А. Н. Радищева»), рукопись которой хранилась у князя Вяземскаго и которая впервые была отпечатана почти дословно въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго, въ 1836 году; полностью эта біографія появилась въ печати въ 1872 году, въ «Русской Старинѣ».

Радищевъ перевелъ «Гьяура» Байрона и нѣсколько сельско-хозяйственныхъ книгъ; участвовалъ въ «Періодическомъ Изданіи» 1804 г. и другихъ журналахъ и былъ членомъ С.-Петербургскаго Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ.

«Русская Старина» 1872 г., т. VI, стр. 573—581;

М. И. Сухомлиновъ, «Изслѣдованія и статьи», С.-Пб. 1889, т. I, стр. 579 и 665; «Кіевскія университетскія извѣстія» 1895 г., № 6 (статья проф. Владимирова); «Русскій Вѣстникъ» 1858 г., т. XVIII, стр. 410 и 432.

А. Лосскій.

Радловъ, *Карлъ-Фридрихъ*, адъюнктъ-профессоръ Латинской словесности при С.-Петербургскомъ Университетѣ. Родомъ саксонецъ, изъ духовнаго званія, Р. родился близъ Лейпцига въ 1784 г., изучалъ въ Лейпцигѣ сначала богословскія науки, потомъ филологію и началъ педагогическую дѣятельность 19-ти лѣтнимъ юношей, поступивъ въ 1803 г. учителемъ Лейпцигской вольной школы. Въ 1806 или 1807 г., по совѣту профессоровъ, Р. принялъ предложеніе графа Ламздорфа и уѣхалъ въ С.-Петербургъ въ качествѣ учителя и воспитателя въ семьѣ графа. Въ 1811 г. онъ былъ приглашенъ профессоромъ латинскаго языка и словесности въ Конрадинской Гимназіи въ Данцигѣ, но въ томъ же году возвратился въ Россію, такъ какъ Данцигъ былъ въ это время занятъ французами. Въ Петербургѣ Радловъ сталъ преподавателемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ соучастникомъ по веденію дѣлъ весьма извѣстнаго въ свое время учебнаго и воспитательнаго заведенія пастора Ф. Муральта. Въ 1819—1822 гг. Р. преподавалъ латинскій и нѣмецкій языки въ Главномъ Нѣмецкомъ Училищѣ Св. Петра, латинскій языкъ въ С.-Петербургской Губернской (впослѣдствіи второй) гимназіи и латинскую словесность въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, замѣняя временно—съ мая по октябрь 1819 г.—проф. Гедике, уѣхавшаго по болѣзни въ отпускъ. 18-го августа 1820 г. Р. въ С.-Петербургскомъ Университетѣ защитилъ публично диссертацію: «De studio linguarum antiquarum saepe neglecto eoque melius distituendo» и 29-го сентября 1820 г. опредѣленъ адъюнктъ-профессоромъ латинской словесности при С.-Петербургскомъ Университетѣ; здѣсь онъ оставался до 30-го марта 1822 г., когда былъ уволенъ, согласно прошенію, по болѣзни. Историкъ С.-Петербургскаго Университета В. В. Григорьевъ говоритъ по этому поводу: «люди съ благородной душой и свѣжимъ умомъ не могли помириться съ деспотическими и нелѣпыми требованіями Магницкаго, и одинъ за другимъ оставляли Университетъ: вслѣдъ за Раупахомъ, Германомъ и Арсеньевымъ, лишился онъ Балугьянскаго, Плисова, Панснера, Радлова, Шармуа и Деманжа». В. В. Григорьевъ указываетъ также, что всѣ эти лица во время экстренныхъ собраній Конференціи подъ предсѣдательствомъ Д. П. Рунича, въ ноябрѣ 1821 г., «отказывались отъ подачи мнѣній на томъ основаніи, что обвиняемымъ (Раупаху, Герману, Арсеньеву и Галичу) не дано ни малѣйшихъ средствъ къ оправданію, вопреки не только нравственному чувству, но и существующимъ постановленіямъ».

18-го апрѣля 1822 г. Р. принялъ присягу на подданство Россіи; оставивъ Университетъ, онъ въ томъ же году, вмѣстѣ съ семьей, уѣхалъ въ Лифляндскую губернію и поселился въ Киббіярви, имѣніи жены своей (Филиппины-Маріанны, рожденной Самсонъ-фонъ-Гиммельшерна), въ Дерптскомъ уѣздѣ; здѣсь Р. устроилъ учебное заведеніе, гдѣ молодые люди получали научную подготовку для поступленія въ Дерптскій Университетъ. Послѣдніе годы жизни Р. провелъ въ г. Феллинѣ, гдѣ устроилъ училище и пансіонъ и гдѣ скончался въ 1842 г.

Послужной списокъ за 1822 г.; Дѣла Арх. Имп. С.-Пет. Универс. №№ 20 и 31 за 1819 г., № 80 за 1852—1865 гг., свѣдѣнія, полученныя отъ внука—Эрн. Львов. Радлова; В. В. Григорьевъ, «Императ. С.-Петерб. Университетъ», С.-Пб. 1870, стр. 32, 37, 39 и примѣч. 76; «Zur Geschichte der St. Petri-Schule in St.-Petersburg», St.-Petersburg, 1887, II, 26; «Neuer Nekrolog der Deutschen», Zwanzigster Jahrgang, 1842, Zweiter Theil, Weimar. 1844, S. 1019; «Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands», von S. von Stryk, Dorpat. 1877, S. 83.

Н. Гайворонская.

Радловъ, *Леополдъ (Левъ) Федоровичъ*, этнографъ и педагогъ, происходилъ изъ дворянъ (сынъ предыдущаго), родился 29-го октября 1818 г. Первоначальное образованіе получилъ дома, подъ руководствомъ отца, затѣмъ учился въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ въ 1839 г. окончилъ курсъ со степенью дѣйствительнаго студента. Въ томъ же году Р. назначенъ былъ старшимъ учителемъ греческаго языка въ Новгородскую Гимназію, въ 1843 г. (1-го августа) перемѣщенъ старшимъ учителемъ латинскаго языка во 2-ю С.-Петербургскую Гимназію, гдѣ и оставался до 1865 г. Съ октября 1846 г. по ноябрь 1863 г. Р. состоялъ хранителемъ

Этнографическаго Музея Императорской Академіи Наукъ и архиваріусомъ Академіи (1855—1858 гг.), въ 1860 г. былъ командированъ Академіею въ Копенгагенъ, Стокгольмъ и Мекленбургъ,—«для осмотра музеевъ, въ особенности же для пріобрѣтенія мѣной или покупкой разныхъ предметовъ, принадлежащихъ къ отдаленнѣйшимъ эпохамъ нашего материка, которые могли бы послужить для сравненія по аналогіи съ тѣми, какіе впослѣдствіи нашлись бы на русской почвѣ». 8-го февраля 1864 г. Р. былъ назначенъ исправляющимъ должность директора Ларинской Гимназіи, въ 1865 г. переведенъ директоромъ въ шестую гимназію. Скончался за границей, въ городѣ Гота, 29-го октября 1865 г., въ день своего рожденія.

Состоя 17 лѣтъ хранителемъ Этнографическаго Музея, Р. усердно занимался систематическимъ распредѣленіемъ хранящихся въ этомъ Музеѣ предметовъ, для чего подробно изучалъ описанія кругосвѣтныхъ путешествій, совершенныхъ русскими моряками, а также литературу по географіи и этнографіи сѣверной и восточной Россіи и Сибири. Одновременно онъ занимался изученіемъ языковъ сѣверо-восточной Азіи и русскихъ владѣній въ Америкѣ. Въ послѣдніе годы жизни Р. интересовался доисторическими древностями и изучалъ ихъ по памятникамъ. Знаніе языковъ англійскаго, шведскаго и датскаго дало ему возможность познакомиться съ богатой литературой о сѣверныхъ древностяхъ. Близко его знавшій П. И. Лерхъ говоритъ, что при составленіи своихъ статей о каменномъ и бронзовомъ вѣкахъ въ Европѣ онъ пользовался рукописными переводами Радлова статей Ворсо, Стенструпа и Брунеліуса. Ученыя его работы изданы Императорской Академіей Наукъ въ 1857—1861 гг. Неизданными остались матеріалы, собранные Р. о нѣкоторыхъ языкахъ сѣверо-западной Америки и многолѣтній трудъ его о языкѣ Колошъ, изучить который онъ имѣлъ возможность при помощи природнаго колоша Тихонтина, прожившаго около года въ С.-Петербургѣ, именно для того, чтобы Р. могъ ознакомиться съ языкомъ Колошъ. Академикъ Шифнеръ передалъ трудъ Р. французскому путешественнику Пинару, печатавшему сочиненіе объ Алеутскихъ островахъ. Съ 1862 г. Радловъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Археологическаго Общества и членомъ-сотрудникомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Труды его: «Einige Kritische Bemerkungen über Hrn. Buschmann's Behandlung der Kinai-Sprache» — «Bullet. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersb.», Classe H.-Ph., v. XIV, стр. 257—278 и 289—294 (1857); «Ueber die Sprache der Ugalachmut»—тамъ же, XV (1858), стр. 25—37, 49—63, 125—139; «Einige Nachrichten über die Sprache der Kaiganen»—тамъ же, стр. 305—331 (1858), XV; «Ueber die Sprache der Tschuktschen und ihr Verhältniss zum Korjakischen» — «Mém. de l'Acad. Impér. des Sciences», VII Série, t. III, N. 10 (1861); переводъ соч. Ворсо: «Сѣверныя древности Королевскаго Музея въ Копенгагенѣ», С.-Пб. 1861 г.; «Wörterbuch der Kinai-Sprache», изд. академикомъ Шифнеромъ въ «Mém. de l'Acad. Impér. des Sciences», VII Série, t. XXI, № 8.

Формулярный списокъ о службѣ (Дѣло Комитета Правленія Импер. Академіи Наукъ 1852—1863 г.г.); А. В. Кургановичъ и А. О. Круглый Историческая Записка 75-лѣтія С.-Петербургской второй гимназіи, С.-Пб. 1894 г. (1831—1880), ч. II, стр. 325—326; «Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.» 1865 г., т. I, стр. 205—206 (П. И. Лерхъ); «Извѣстія Импер. Археолог. Общ.» 1865 г., VI, стр. 72—73; «Мѣсяцесловъ» 1867 г., прилож., стр. 94; «Русск. Архивъ» 1867 г., стр. 974; »Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands», von S von Stryk., Erster Theil, Dorpat. 1877, S. 83; «Пятидесятилѣтіе С.-Петербургской Ларинской Гимназіи, 1836—1886», С.-Пб. 1886 г., стр. 40, 49; свѣдѣнія, сообщенныя сыномъ—Эрн. Львов. Радловымъ.

Н. Гайворонская.

Радожицкій, *Илья Тимоѳеевичъ*, генералъ-маіоръ артиллеріи, директоръ Тульскаго оружейнаго завода, ботаникъ, писатель; род. въ 1788 г., ум. 9-го апрѣля 1861 г. въ Воронежѣ; погребенъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ. По окончаніи курса въ Императорскомъ Военно-Сиротскомъ Домѣ (впослѣдствіи Павловскій Кадетскій Корпусъ), Р., 19 лѣтъ, былъ произведенъ (1-го іюня 1806 г.) въ подпоручики и назначенъ въ Херсонскій артиллерійскій гарнизонъ, откуда въ 1808 г. (20-го сент.) переведенъ во 2-ю полевую артиллерійскую бригаду, гдѣ 7-го янв. 1810 г. произведенъ въ поручики. 13-го іюля 1812 г. Р. получилъ орденъ св. Анны 4-й степ. за участіе съ своей бригадой (переименованной 23-го авг. 1811 г. изъ 2-й въ 11-ю) въ сраженіи при мѣстечкѣ Островно. Въ томъ же 1812 г.

Р. былъ въ дѣлѣ подъ Вязьмою, въ 1813 г. сражался при г. Бауценѣ, при г. Аурѣ, подъ Лейпцигомъ, за что дважды былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степ.— 17-го авг. и 4-го окт. 1813 г.—23-го сентября 1814 г. 11-ая бригада была переименована въ 24-ю. Въ 1814 г., 25-го декабря, Р., за отличія въ сраженіи подъ Парижемъ, произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны; въ 1815 г., по распоряженію начальства, былъ командированъ для военной съемки Гродненской губерніи, а затѣмъ во Францію и за отличное исполненіе сего порученія награжденъ третнымъ жалованіемъ; въ томъ же 1815 г., 15-го іюля, онъ, по Высочайшему приказу, переведенъ былъ изъ 24-й артиллерійской бригады въ свиту Его Императорскаго Величества, по квартирмейстерской части (впослѣдствіи Генеральный Штабъ), при которой 30-го августа 1817 г. произведенъ въ капитаны, 15-го сентября 1819 г. въ подполковники, а 27-го декабря того же 1819 г. уволенъ отъ службы. Въ 1818 г. онъ былъ командированъ начальствомъ для военной рекогносцировки Кіевской губерніи, каковое порученіе выполнилъ весьма успѣшно. 9-го февраля 1823 г. Р. снова опредѣлился на службу тѣмъ же чиномъ и былъ назначенъ въ 22-ую артиллерійскую бригаду и батарейную № 1-й роту, но 22-го апрѣля 1824 г. переведенъ изъ 22-й артиллерійской бригады въ таковую же 21-ю, съ назначеніемъ командиромъ батарейной 4-й роты и Кавказскаго подвижного запаснаго парка, при каковой должности числился до 16-го дек. 1828 г., командуя все это время 22-й артиллерійской бригадой и батарейной № 1-й ротой. Въ 1829 г. Р. участвовалъ въ Турецкой войнѣ, съ 22-го по 30-е іюля 1830 г. командовалъ дѣйствующимъ отрядомъ въ мѣстечкѣ Ашкалѣ, 9-го же сент. того же года переведенъ изъ 21-й артиллерійской бригады въ 20-ую и утвержденъ командиромъ легкой № 3-й роты, но по болѣзни не могъ принять ее въ свое вѣдѣніе и былъ назначенъ 9-го апрѣля 1831 г. кандидатомъ въ Артиллерійскій Департаментъ. 23-го іюля 1831 г. онъ былъ назначенъ исправлять должность помощника командира Тульскаго Оружейнаго Завода, и тамъ 12-го дек. 1835 г. за отличіе по службѣ произведенъ въ полковники, 21-го дек. того же года пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-го класса, а 2-го дек. 1838 г. вторично уволенъ отъ службы. Пробывъ внѣ службы около 10 мѣсяцевъ, Р. 22-го сент. 1839 г. вновь былъ опредѣленъ тѣмъ же чиномъ, съ назначеніемъ помощникомъ къ начальнику артиллерійскихъ гарнизоновъ Грузинскаго Округа; 25-го нояб. 1842 г. прикомандированъ къ штабу Его Высочества по управленію генералъ-фельдцейхмейстера, въ 1843 г. участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ. Около 1850 г. Р. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и уволенъ въ отставку.— Кромѣ своей военно-служебной дѣятельности, Радожицкій извѣстенъ еще и какъ ботаникъ и писатель. Главнѣйшій трудъ его — рукопись «Всемірная флора» въ 15 томовъ большого формата, съ атласомъ на 730 листахъ и съ 1609-ю превосходно разрисованными имъ акварелью копіями и съ натуры снятыми растеніями, съ подробнѣйшимъ и замѣчательно отчетливымъ анализомъ ихъ органовъ. Спеціально занимаясь изученіемъ ботаники въ продолженіе слишкомъ 30 лѣтъ, Р. началъ изучать любимую имъ науку по русскимъ руководствамъ, но скоро убѣдился не только въ бѣдности ботанической литературы на этомъ языкѣ, но и въ неудовлетворительности ея терминологіи и предпринялъ обширный трудъ составить «Всемірную флору». Пользуясь извѣстнѣйшими иностранными источниками на французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и англійскомъ языкахъ, онъ прежде написалъ предварительный курсъ общей ботаники съ новыми для нѣкоторыхъ органовъ терминами на русскомъ языкѣ. Затѣмъ, увлекшись сочиненіями Распайля, Р. составилъ свою классификацію, обработкой которой онъ занимался также многіе годы, встрѣчая препятствія какъ въ отсутствіи обширнѣйшихъ пособій, которыя тогда можно было найти только въ центрахъ просвѣщенія на западѣ, такъ и со стороны возраженій спеціалистовъ. Кромѣ этого, мѣсяца за два до кончины Р., по предложенію вице-президента Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы А. Г. Фишера-фонъ-Вальдгейма, занялся составленіемъ перечня своей классификаціи растеній для помѣщенія въ одномъ изъ иностранныхъ изданій. Изъ литературныхъ трудовъ Р. извѣстны также: «Походныя записки артиллериста съ 1812 по 1816 г.», М. 1835 г. (и «Отечественныя Записки»

1823 г., ч. 14, стр. 351—371; ч. 15, стр. 20—40; 1824 г., ч. 17, стр. 243—263; 1826 г., ч. 27, стр. 325—347); «Походныя записки артиллериста въ Азіи съ 1829 по 1831 г.» («Военный Журналъ» 1857 г., 1-я книжка, стр. 1—93; 2-я кн., стр. 94—164; 3-я кн., стр. 75—160; 4-я кн., стр. 154—204; 5-я кн., стр. 153—203; 6-я кн., стр. 136—175); «Историческое извѣстіе о походѣ россійскихъ войскъ въ 1796 г. въ Дагестанъ и Персію подъ командой графа В. А. Зубова» («Отечественныя Записки» 1827 г., ч. 31, стр. 127—168; 266—314); «Кызъ-Брунъ», черкесская повѣсть («Отечественныя Записки» 1827 г., ч. 32, стр. 285—310 и 451—477); «Амулатъ-Бекъ» (изъ неизданныхъ его записокъ напечатано въ «Древней и Новой Россіи» 1879 г., № 1, стр. 84—85); «Неустрашимость артиллеристовъ» («Отеч. Зап.» 1826 г., ч. 26, стр. 139—141); «Письма изъ Ставрополя» («Отеч. Записки» 1826 г., ч. 28, стр. 104—140; 1827 г., ч. 29, стр. 146—150; ч. 30, стр. 489—495; ч. 34, стр. 150—158); «Корреспонденціи» («Сѣверная Пчела» 1829 г., № 41, 80, 91, 98, 99, 101, 135, 136, 154; 1830 г., № 9, 10); «Письма» его съ Кавказа къ П. П. Свиньину («Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей», 1874 г., № 2, стр. 113—128, сообщилъ А. А. Майковъ).—Р. былъ дѣйствительнымъ членомъ ученыхъ обществъ: Московскаго любителей садоводства; Комитета акклиматизаціи животныхъ и растеній и его Воронежскаго отдѣла; Импер. Московскаго Общества испытателей природы. Въ честь Р. названъ его именемъ новооткрытый видъ растеній (Radojitskia Turez).—Оставшаяся послѣ Р. обширная библіотека, съ 15-ю книгами рукописей съ рисунками, поступила, по завѣщанію его, въ библіотеку Импер. Московскаго Общества испытателей природы.

«Московскія Вѣдомости» 1861 г., № 90, некрологъ, Н. Тарачкова; «Русскій Инвалидъ» 1861 г., № 95; «Воронежскія губ. Вѣдомости» 1861 г., № 15; «Русскій Архивъ» 1864 г., стр. 1090, краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1861 г.; Г. Геннади; «Мѣсяцесловъ» на 1862 г., стр. 142; Формулярный списокъ за 1846 г.

Радонежскій, *Платонъ Анемподистовичъ*, артистъ Императорской Московской русской оперной труппы и прекрасный пѣвецъ русскихъ пѣсенъ. Онъ родился въ 1827 году въ селѣ Коприне, Ярославской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Все семейство Радонежскихъ обладало прекрасными голосами, музыкальностью и очень любило пѣніе. У Платона же Анемподистовича былъ выдающійся голосъ. Поэтому, когда онъ поступилъ въ Ярославскую Семинарію, то тотчасъ же былъ записанъ въ пѣвческій хоръ. Въ Семинаріи онъ гораздо больше обращалъ вниманія на развитіе своего голоса, нежели на учебныя занятія и былъ выпущенъ изъ Семинаріи по второму разряду, послѣ чего поступилъ писцомъ въ Ярославское Губернское Правленіе. Прекрасный голосъ его былъ извѣстенъ всему городу; на одномъ изъ вечеровъ ему пришлось встрѣтиться съ извѣстнымъ пѣвцомъ Бантышевымъ. Эта встрѣча имѣла огромное вліяніе на всю дальнѣйшую его судьбу. Радонежскій уѣхалъ изъ Ярославля, поселился въ Москвѣ и началъ тамъ брать уроки пѣнія у Тамброни. Не имѣя никакихъ средствъ, онъ добывалъ себѣ насущный хлѣбъ, занимаясь перепиской второй части «Мертвыхъ душъ» Гоголя. Трудно было жить ему, и онъ съ труппою актеровъ отправился путешествовать по провинціальнымъ городамъ. Сначала побывалъ онъ въ Воронежѣ, потомъ въ Ярославлѣ, гдѣ молодой и неизвѣстный еще пѣвецъ распѣвалъ свои русскія пѣсни и романсы. Его могучій голосъ и та необычайная задушевность, съ которой онъ пѣлъ русскія мелодіи, обращали на себя общее вниманіе. Вскорѣ онъ бросилъ своихъ странствующихъ товарищей, такъ какъ, благодаря счастливой случайности, получилъ возможность ѣхать въ Италію, чтобы получить болѣе солидное вокальное образованіе. Въ Италіи, покровительствуемый извѣстнымъ меценатомъ Демидовымъ, Радонежскій бралъ уроки у знаменитостей музыкальнаго міра. Его голосъ былъ очень сильный, чистый и въ то же время необыкновенно мягкій, музыкальный. Всѣ учителя занимались съ нимъ очень охотно. Когда устранены были недостатки первоначальнаго музыкальнаго образованія, Радонежскій рѣшилъ наконецъ выступить предъ публикой. Впервые дебютировалъ онъ въ Италіи во Флорентійскомъ соборѣ, исполняя басовую партію въ извѣстной ораторіи Россини «Моисей»; успѣхъ его былъ громадный, и послѣ этого онъ получилъ ангажементъ въ Америку, но отказался, вернулся въ Россію и выступилъ въ Петербур-

гѣ, въ первый разъ въ концертѣ г-жи Леоновой. Его не только замѣтили, но сразу причислили къ выдающимся русскимъ пѣвцамъ. Изъ Петербурга онъ уѣхалъ опять въ Москву, гдѣ былъ принятъ на Императорскую оперную сцену. Тамъ дебютировалъ онъ въ партіи Сусанина въ операѣ Глинки «Жизнь за Царя». Голосъ дебютанта всѣми признанъ былъ особенно выдающимся. Положеніе его было упрочено. Съ тѣхъ поръ до самой смерти онъ не покидалъ Московской сцены, и каждое появленіе его вызывало бурные восторги. Изъ его ролей наиболѣе выдающимися, такими, въ которыхъ онъ былъ единственный, были роли Сусанина въ операѣ «Жизнь за Царя» и Мельника въ операѣ «Русалка». Платонъ Анемподистовичъ Радонежскій умеръ въ Москвѣ 19-го сентября 1881 г.

«Новое Время» 1881 г. 23-го сентября, № 1282 — некрологъ; «Русскій Курьеръ» 1881 г. 20-го сентября — некрологъ; Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, т. 26, стр. 98; «Воскресный Досугъ» 1867 г., № 176; «Астраханскій справочный листокъ» 1867 г., №№ 183, 189, 190, 192, 195, 196, 197; «Воронежскія Губернскія Вѣдомости» за 1868 г., № 17; «Псковскія Губернскія Вѣдомости» за 1867 г.

Раевскій, *Владиміръ Ѳедосѣевичъ*, декабристъ, писатель; сынъ Курскаго помѣщика маіора Ѳедосѣя Михайловича и его жены, рожд. Фениной, Р. родился 28-го марта 1795 года и воспитывался сперва дома, а затѣмъ въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ. Отечественная война 1812 года призвала Р. въ ряды арміи и онъ семнадцатилѣтнимъ юношей началъ службу въ артиллеріи, при чемъ за участіе въ Бородинскомъ сраженіи получилъ золотую саблю съ надписью «за храбрость». Участвуя во многихъ сраженіяхъ съ французами въ Россіи и за границей, Р. быстро подвигался по службѣ и въ 1820 году былъ уже маіоромъ 32-го Егерскаго полка, имѣя два военныхъ ордена. Еще до этого времени, по возвращеніи изъ-за границы, Р. вступилъ въ сношеніе съ членами тайныхъ обществъ, а затѣмъ вступилъ въ общество и принималъ ревностное участіе въ дѣлахъ «Союза Благоденствія», членомъ коего онъ состоялъ. Когда Р. примкнулъ къ Союзу, неизвѣстно, дѣятельность же Союза, основаннаго въ 1818 году, прекратилась въ 1821 году, послѣ чего Р., примкнулъ къ Южному тайному обществу, ареной дѣйствій котораго была 2-я армія, расквартированная на югѣ Россіи. Наиболѣе дѣятельными членами въ этомъ раіонѣ были П. И. Пестель и М. Ѳ. Орловъ; рядомъ съ ними надо поставить и Р., который служилъ адъютантомъ у Орлова и принималъ живѣйшее участіе въ предпріятіяхъ общества и въ дѣятельности М. Ѳ. Орлова, командовавшаго 16-й дивизіей въ Кишиневѣ. Вскорѣ существованіе тайнаго общества проявилось въ рядѣ движеній въ войскахъ и П. Д. Киселевъ, начальникъ штаба 2-ой арміи, очень встревоженный этими явленіями, для парализованія ихъ учредилъ въ 1821 г. при арміи тайную полицію. Р. жилъ въ это время въ Кишиневѣ, гдѣ находился и Пушкинъ, оппозиціонное настроеніе въ которомъ Р. старался поддерживать въ своихъ сношеніяхъ съ поэтомъ (сохранилась одна его записка къ Раевскому). Тайная полиція не преминула обратить свое вниманіе на Р., который, вѣрный своему рѣзкому характеру, опредѣленно и ясно проявлялъ свои взгляды, а потому вскорѣ сталъ извѣстенъ и П. Д. Киселеву «вольнодумствомъ совершенно необузданнымъ». Главную свою энергію Р. направилъ на солдатъ, съ которыми занимался въ ланкастерской школѣ, основанной М. Ѳ. Орловымъ при штабѣ дивизіи. Наконецъ, дѣятельность Р. приняла настолько ясный характеръ, что 6-го февраля 1822 года онъ былъ арестованъ. Слѣдственныя власти обратили свое главное вниманіе на характеръ преподаванія Р. въ ланкастерской школѣ и, хотя въ рукахъ ихъ и были нити заговора, но доказать принадлежность Р. къ тайному обществу, имъ не удалось. Тѣмъ не менѣе, тотчасъ послѣ ареста, Р. былъ заключенъ въ Тираспольскую крѣпость, изъ которой былъ переведенъ въ Петропавловскую; въ общей сложности онъ провелъ въ заключеніи почти 6 лѣтъ. За это время Р. былъ судимъ четыре раза, въ четырехъ военныхъ коммиссіяхъ. Приговорами этихъ коммиссій Р. былъ признанъ непричастнымъ къ обществу, результатомъ дѣятельности котораго было 14 декабря, но все же его сослали въ Сибирь на поселеніе, «какъ вреднаго въ обществѣ человѣка» (15-го окт. 1827). Въ Сибирь Р. прибылъ въ слѣдующемъ году и поселенъ былъ въ с. Олонкахъ, недалеко отъ Иркутска; здѣсь онъ вскорѣ

женился на крещеной буряткѣ и занялся хлѣбной торговлей, наймомъ рабочихъ на Бирюсинскіе золотые промыслы и другими промышленными дѣлами. Вначалѣ дѣла его пошли хорошо, но затѣмъ цѣлый рядъ несчастій надломилъ его силы и энергію. Хотя еще въ 1856 г. Р. было разрѣшено вернуться въ Россію, онъ воспользовался разрѣшеніемъ для того только, чтобы съѣздить туда на время, послѣ чего вновь вернулся въ Сибирь. Въ 1872 году онъ здѣсь и скончался.

Помимо дѣятельности «перваго декабриста», Р. извѣстенъ еще своими отношеніями къ Пушкину и отчасти литературными опытами въ стихахъ. Съ Пушкинымъ онъ познакомился во время пребыванія поэта въ Кишиневѣ и сошелся съ нимъ довольно близко, что признаетъ и самъ поэтъ, говоря, что онъ былъ съ нимъ «друженъ». Свиданія ихъ сопровождались обыкновенно спорами на литературныя или политическія темы и здѣсь Пушкинъ могъ оцѣнить Р. и привязаться къ нему, какъ къ человѣку несомнѣнно умному, образованному и прямому, котораго называли въ Кишиневѣ «спартанцемъ». Дружба Пушкина съ Р. была настолько тѣсна, что поэтъ, случайно узнавъ о готовящемся арестѣ Р., поспѣшилъ его предупредить. Однако, послѣ ареста Р., Пушкинъ какъ будто бы сталъ избѣгать съ нимъ сношеній и свиданій, хотя къ этому и представлялась ему возможность. Стихи Р. не блещутъ риѳмой, отдѣлкой и красотой формъ, но они производятъ сильное впечатлѣніе энергіей стиля, выразительностью, простотой и безусловной искренностью. Къ сожалѣнію, стихи Р., которыми восхищался Пушкинъ, при его жизни не печатались, и ихъ извѣстно очень мало; часть ихъ напечатана въ «Русской Старинѣ», 1890 г., т. 66. стр. 365—380.

П. Е. Щеголевъ. Владиміръ Раевскій и его время — «Вѣстникъ Европы» 1904 г., іюль; П. Е. Щеголевъ, Первый декабристъ Владиміръ Раевскій, С.-Пб. 1906; В. В. Раевскій, Письмо декабриста маіора Владиміра Ѳедосеевича Раевскаго къ сестрѣ его Вѣрѣ Ѳедосеевнѣ Поповой — «Русская Старина» 1902 г., мартъ и 1903 г., апрѣль; Воспоминанія И. П. Липранди — «Русскій Архивъ» 1866 г., И. П. Липранди. Замѣчанія на Записки Вигеля, стр. 82—83; «Русская Старина» 1873 г., т. VII, стр. 373, 720 и сл.; 1881 г., т. 30, стр. 873; 1882 г., т. 36, стр. 102, 1887 г., т. 56, стр. 132; «Вѣстникъ Европы» 1874 г., іюнь; С. В. Максимовъ, Сибирь и каторга, т. III, С.-Пб. 1871 г.. стр. 251, 263; «Девятнадцатый вѣкъ», М. 1872 г., кн. I, стр. 74, 100; П. А. Бѣлоголовый, Воспоминанія, М. 1897 г., стр. 57; Записки С. Г. Волконскаго, С.-Пб. 1901 г., стр. 318, 405, 409, 477; Записки И. Д. Якушкина, стр. 51, 62; Сборникъ старинныхъ бумагъ П. И. Щукина, ч. VIII, стр. 244; Л. Н. Майковъ, Пушкинъ, С.-Пб. 1899 г., стр. 81, 86, 125; Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Огареву, Génève. 1896 г., стр. 38—41.

С.

Раевскій, *Игорь Святославичъ*, зоологъ, членъ Общества Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ Университетѣ, род. въ 1849 г., ум. въ 1879 г. Образованіе получилъ въ Московскомъ Университетѣ, гдѣ занимался зоологіей подъ руководствомъ профессора А. П. Богданова. Будучи на второмъ курсѣ, онъ отправился на лѣто въ Лейпцигъ, а оттуда поѣхалъ на о. Гельголандъ, съ котораго вернулся съ своей первой научной работой: «Замѣтка о Polygordius и Ловеновской личинкѣ» («Извѣстія Общества Любителей естествознанія», т. X, вып. 1, стр. 88, и отд.), вызвавшей своими оригинальными результатами нѣсколько работъ другихъ ученыхъ. Въ слѣдующемъ году Р. участвовалъ въ плаваніи по Ледовитому океану и къ берегамъ Новой Земли въ свитѣ Великаго князя Алексѣя Александровича, а въ 1873 г. появилась его другая, весьма интересная и затронувшая много самыхъ животрепещущихъ вопросовъ работа: «Зоологическія изслѣдованія о строеніи яичника и развитіи сперматозоидовъ у Blatta orientalis» («Извѣстія Общества Любителей естествознанія», т. XVI, вып. 2, 1879 г. и отд. М. 1875). Въ послѣднее время Р-имъ была начата работа «О семействѣ Sipunculidae», обѣщавшая быть весьма интересной, но ей не суждено было выйти въ свѣтъ. Кромѣ сего, Р. участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ въ качествѣ простого рядового, былъ въ дѣлѣ при оборонѣ Шипкинскаго перевала и за храбрость былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ и офицерскимъ чиномъ.

Некрологъ, Н. Ю. Зографа, въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Московскомъ Университетѣ», т. XXXV, Антропологическая Выставка 1879 г., т. III, часть I, М. 1879 г., стр. 30; А. Богдановъ. Матеріалы для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся съ нею отраслямъ знанія, преимущественно за послѣднее 35-лѣтіе. 1850—1888. Т. I, М. 1888 г. («Извѣстія Общества Любителей Естествознанія....», т. LV, листъ 2).

И. Давидовичъ.

Раевскій, *Лаврентій Михайловичъ*, воевода, сынъ Калужскаго воеводы Михаила Ѳедоровича Р., съ 1622 по 1626 годъ былъ воеводою на Выми, въ Яренскомъ городкѣ (нынѣ г. Яренскъ). Въ 1626—27 гг. онъ былъ уже въ Москвѣ и упомянутъ подъ этимъ годомъ въ «боярскихъ книгахъ», какъ «дворянинъ Московскій». Въ 1629—30 гг. Л. М. Раевскій былъ опять воеводой въ Яренскомъ городкѣ, но въ 1630 году тамъ видимъ уже другого воеводу—Милославскаго. До 1632 года Яренскій острогъ находился на неудобномъ мѣстѣ и постоянно страдалъ отъ весенняго половодья и ледохода рѣки Вычегды, о чемъ и доносили воеводы. Въ 1632 г. вышелъ указъ перенести его на болѣе безопасное мѣсто (на версту выше по р. Вычегдѣ). Съ указомъ о перенесеніи городка присланъ былъ воеводѣ, бывшему тогда въ Яренскѣ, чертежъ для построенія новаго острожка и списокъ «со смѣтной росписи», «сколько подъ городомъ сажень и что на то городовое и острожное дѣло какихъ запасовъ надобно и т. д.». Вышеупомянутая смѣта была составлена и прислана въ Москву еще Л. М. Раевскимъ въ бытность его Яренскимъ воеводою. Въ 1631 году Раевскій находился уже въ Москвѣ и тогда былъ приставомъ у «Кизильбашскаго купчины». Въ 1632 году (5-го февраля) онъ участвовалъ при встрѣчѣ Кизильбашскаго посла, имѣлъ (1638 г.) дворъ въ Москвѣ, а въ 1642 году, 1-го декабря, былъ приставомъ у датскаго графа Матіаса Шлякова, пріѣхавшаго «на имя государево» служить въ Москвѣ и принявшаго православіе и имя князя Льва Александровича Шляховскаго. Л. М. Раевскій упоминается и подъ 1650 годомъ (22-го мая) въ числѣ дворянъ, которые были назначены слѣдовать за государыней царицей Маріей Ильиничной въ ея обычномъ съ государемъ походѣ на богомолье въ Троицкій-Сергіевъ монастырь. Былъ женатъ на Маріи Лукиничнѣ Змѣевой.

Моск. Арх. Мин-ва Юстиціи; «Акты Архивн. Экспед.», т. III, стр. 289—290; «Разрядныя книги», изд. 2-мъ Отд. Собств. Е. И. В. Канцел., т. I, стр. 929, 1036, 1152, 1248; т. II, стр. 201; «Дворцовые разряды», т. II, стр. 192, 205, 695, 952; т. III, стр. 174; П. Ивановъ, «Указатель къ боярск. кн.», 75.

Раевскій, *Михаилъ Ѳедоровичъ*, протоіерей, настоятель русской посольской церкви въ Вѣнѣ, писатель. Родился въ 1811 г. въ г. Арзамасѣ, Нижегородской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Получивъ первоначальное образованіе въ Нижегородской Духовной Семинаріи, Р. поступилъ затѣмъ въ 1829 г. въ С.-Петербургскую Духовную Академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1833 г. Назначенный послѣ этого законоучителемъ, онъ вскорѣ оставилъ педагогическую дѣятельность и получилъ мѣсто въ Швеціи—настоятелемъ русской посольской церкви въ Стокгольмѣ. Здѣсь онъ пробылъ восемь лѣтъ, а въ 1842 г. былъ перемѣщенъ на ту же должность въ Вѣну, гдѣ и оставался до своей смерти.

Горячій поклонникъ возрожденія славянства, протоіерей Раевскій всю свою долгую жизнь посвятилъ служенію этой идеѣ. Онъ поддерживалъ постоянныя сношенія со всѣми выдающимися славянскими дѣятелями на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Онъ прекрасно зналъ и собирателей преданій славянства, и воскресителей народнаго языка—Штура, Гая, Вука Стефановича и славянскихъ героевъ и вождей—князя Милоша Сербскаго, патріарха Раячича, Черногорскаго князя Петра и другихъ. Черезъ него русскіе профессора и ученые (Погодинъ, Срезневскій, Бодянскій) вступили въ сношенія со всѣми извѣстными дѣятелями въ области славянской литературы и науки. Дѣятельность протоіерея Раевскаго отличалась, однако, всегда самымъ миролюбивымъ характеромъ, и, поддерживая сношенія съ политическими дѣятелями славянства, онъ никогда не вмѣшивался въ политическія дѣла Балканскихъ народностей. Этимъ только и объясняется его продолжительное пребываніе въ Вѣнѣ, гдѣ австрійское правительство очень зорко слѣдило за всѣми мало-мальски причастными къ освободительнымъ замысламъ на Балканскомъ полуостровѣ. Раевскій пользовался даже нѣкоторой популярностью у австрійскихъ властей и имѣлъ австрійскіе ордена. Онъ оказывалъ широкое матеріальное покровительство славянской молодежи, и на его счетъ воспитывались многіе изъ студентовъ-славянъ.

Скончался протоіерей Раевскій 2-го мая 1884 г. въ Вѣнѣ, на 73-мъ году, скоропостижно. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено на Смоленскомъ кладбищѣ.

Раевскій былъ членомъ Копенгагенскаго Общества сѣверныхъ антикваріевъ и многихъ славянскихъ Обществъ. Онъ напеча-

талъ слѣдующіе труды: «Упсальскій университетъ» («Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія» 1845 г. ч. XLV); «О народныхъ элементарныхъ школахъ въ Швеціи» (тамъ же 1845 г., ч. XLVII); «Соціальныя школы въ Швеціи» (тамъ же 1846 г., ч. LI); «Le grand canon de St. André de Crête», Вѣна. 1849 г.; «Описаніе Герцеговины», Вѣна. 1850 г.; «Le vêpres de la Pentecote», Paris. 1852 г.; «Ritus der orthodox Katholischen Kirche bei der Krönung der Kaïser aller Russen», Вѣна. 1856 г.; «Gebetbuch zum Gebrauch der orthodoxen Christen», Вѣна 1861 г.; «Liturgische Bücher der orthodox-Katholischen Kirche», Вѣна. 1861 г., 3 тома; «О національномъ и религіозномъ движеніи русскаго народа въ Галиціи («Христіанское чтеніе» 1862 г., кн. 7); «Слово къ славянамъ въ день празднованія тысячелѣтія пришествію св. Кирилла и Меѳодія въ землю славянскую» («Православное Обозрѣніе» 1863 г., кн. 5). Этоже «Слово» перепечатано и въ «Кіевскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (1863 г., № 12); «Избраніе Литвиновича митрополитомъ Галицкимъ» («Духовная Бесѣда» 1864 г., № 23); то же перепечатано и въ «Сѣверной Пчелѣ» (1846 г., № 144); «Привѣтствіе М. П. Погодину» («Пятидесятилѣтіе гражданской и ученой службы М. П. Погодина», М. 1872 г., стр. 90—91); «Изъ Вѣны»—новѣйшія свѣдѣнія о церковномъ движеніи у галицкихъ уніатовъ («Духовная Бесѣда» 1864 г., № 20; «Сѣверная Пчела» 1864 г., № 121); «Окружное посланіе галиційскаго (уніатскаго) митрополита» («Духовная Бесѣда» 1864 г., № 42). Послѣ смерти М. Ѳ. Раевскаго напечатаны его «Письма къ О. М. Бодянскому» («Афиши и Объявленія» 1884 г. №№ 407, 409, 411—413. Отдѣльный оттискъ: М. 1884 г.). Его письма къ кн. П. А. Вяземскому напечатаны въ «Щукинскомъ Сборникѣ т. VI», а «Письма къ А. С. Норову» въ «Русскомъ Архивѣ» 1895 г., кн. 11, стр. 354—366. Часть библіотеки М. Ѳ. Раевскаго, по духовному завѣщанію его, поступила въ Московскую Духовную Академію.

«Газета Гатцука» 1884 г., № 18; «Московскія Вѣдомости» 1884 г., №№ 124, 127—129, 132 и 134; «Историческій Вѣстникъ» 1884 г., іюнь, стр. 700; «Православное Обозрѣніе» 1884 г., т. II, № 5—6, стр. 384 — 386; «Всеобщій календарь» 1885 г., стр. 580; «Новое Время» 1884 г. 4-го мая, № 2938; «Починъ» 1896 г., стр. 33—34; «Щукинскій Сборникъ» Т. VI, стр. 321—325:— «Сочиненія К. С. Аксакова, т. VII, стр. 725—726; Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Выпускъ IV; «Русскій Архивъ» 1896 г., 3 кн., стр. 471—472.

Раевскій, *Николай Николаевичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, членъ Государственнаго Совѣта, герой Отечественной войны; род. въ Петербургѣ 14-го сентября 1771 г. и происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, происходящей по преданію изъ Даніи, отъ графа Петра Дунина (герба Лебедь), поселившагося въ Польшѣ въ 1124 году; потомокъ его, Иванъ Степановичъ Р. (сынъ боярина Мстиславскаго удѣльнаго князя Ивана Юрьевича — Степана Есмаловича Р.) перешелъ на службу въ Москву въ 1526 году и является родоначальникомъ фамиліи Р., самымъ замѣчательнымъ представителемъ которой и является Н. Н. Раевскій. Отецъ его, полковникъ Николай Семеновичъ (сынъ прокурора Св. Синода, бригадира Семена Артемьевича), умеръ въ Яссахъ, до рожденія своего сына, а мать его, Екатерина Николаевна Самойлова, была сестрою извѣстнаго графа Александра Николаевича Самойлова, бывшаго послѣ смерти князя А. А. Вяземскаго генералъ-прокуроромъ, и племянница князя Потемкина-Таврическаго. Съ раннихъ лѣтъ записанный на службу въ л.-гв. Семеновскій полкъ, онъ былъ 30-го апрѣля 1777 года произведенъ въ сержанты, а затѣмъ, въ 1786 г. (января 1-го), въ прапорщики. Продолжая службу въ этомъ же полку, Раевскій былъ произведенъ въ подпоручики (1-го января 1788 г.) и черезъ годъ въ поручики (въ 1789 г.), а затѣмъ переведенъ (23-го февраля того-же года) въ армію—въ Нижегородскій драгунскій полкъ съ чиномъ премьеръ-маіора. Въ 1788 г. онъ былъ въ Молдавіи и Валахіи и принималъ участіе въ происходившей войнѣ съ турками, отличившись при взятіи Аккермана, а затѣмъ Бендеръ и былъ произведенъ, 1-го сентября 1790 г., въ подполковники, имѣя всего 19 лѣтъ отъ роду; при этомъ онъ получилъ въ командованіе казачій полкъ булавы Великаго Гетмана (Г. А. Потемкина, коему онъ приходился внучатнымъ племянникомъ). По заключеніи мира съ турками Раевскій вернулся въ Нижегородскій драгунскій полкъ и участвовалъ, подъ командою генерала Маркова, въ войнѣ съ Польшею. Онъ проявилъ храбрость и не-

устрашимость въ сраженіяхъ при дер. Городищѣ — 7-го іюня 1792 г., за что и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а затѣмъ 7-го іюля при мѣстечкѣ Дарагосты, находясь подъ начальствомъ генерала Тормасова, за что награжденъ золотою шпагою «за храбрость». Въ слѣдующемъ 1793 г., находясь подъ начальствомъ генерала Бергмана, Раевскій былъ посланъ съ особымъ отрядомъ для обезоруженія польскихъ войскъ въ Могилевѣ и за успѣшное исполненіе этого порученія пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени. При началѣ войны съ Персіей въ 1796 году Раевскій, командовавшій Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, состоялъ подъ начальствомъ генерала графа Зубова и принималъ участіе во взятіи Дербента и въ различныхъ дѣлахъ съ персіянами на р. Курѣ, при чемъ пріобрѣлъ себѣ новое уваженіе своихъ сослуживцевъ и начальниковъ своими распоряженіями и мужествомъ. Со вступленіемъ на престолъ Павла I-го Персидская война была прекращена; русскія войска получили приказанія возвратиться въ Россію, Раевскій же по Высочайшему приказу 10-го мая 1797 г. былъ исключенъ изъ службы, оклеветанный предъ Императоромъ, и только по вступленіи на престолъ Императора Александра I былъ вновь принятъ на службу по арміи въ чинѣ генералъ-маіора (15-го марта 1801 г.). Уступая, однако, убѣдительнымъ просьбамъ своей матери и вынужденный обстоятельствами, онъ, по прошенію своему, въ томъ же году 19-го декабря уволенъ былъ въ отставку съ правомъ носить мундиръ. Раевскій посвятилъ себя своему семейству и хозяйству, — впрочемъ не надолго. Возникшая въ 1805 году война Россіи съ Франціей призвала Раевскаго на поле битвъ: онъ былъ зачисленъ въ свиту Государя Императора въ чинѣ генералъ-маіора и вступилъ въ составъ войскъ, направленныхъ на помощь Австріи подъ начальствомъ генерала Голенищева-Кутузова. Раевскій находился въ авангардѣ, которымъ командовалъ князь Багратіонъ, и участвовалъ во всѣхъ его подвигахъ, особенно во время извѣстнаго отступленія, которое причисляется къ числу самыхъ блистательныхъ дѣлъ Багратіона и Раевскаго. Слѣдующая затѣмъ война 1806—7 гг. доставила также боевую славу Раевскому, который, въ чинѣ генералъ-маіора, находился снова въ авангардѣ князя Багратіона и участвовалъ въ сраженіи при Гутштадтѣ (24-го мая), подъ Анкендорфомъ (25-го), Деппеномъ (26-го) и подъ Гутштадтомъ (27-го), при чемъ окружилъ французовъ и нанесъ имъ большой уронъ, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовала упорная битва подъ Гейльсбергомъ, 28-го мая, въ которой Раевскій долженъ былъ удерживать деревни Беверникенъ и Ландвизе. Онъ храбро исполнилъ это, при чемъ былъ раненъ пулею въ ногу. Затѣмъ, когда намѣреніе французовъ обойти нашу армію побудило Беннигсена двинуться на Шиппенбейль, Раевскій, находясь въ арріергардѣ, прикрывалъ движеніе нашей арміи и 2-го іюня проявилъ свои выдающіяся военныя способности во время кровопролитнаго сраженія подъ Фридландомъ. Въ этомъ сраженіи Раевскій, командуя всѣми егерями передового корпуса, упорно оборонялъ находившійся впереди позиціи лѣсъ, переходившій не разъ изъ рукъ въ руки, но которымъ, наконецъ, французы овладѣли къ вечеру и принудили Раевскаго отступить, когда не оставалось уже ни малѣйшей надежды на успѣхъ; онъ вмѣстѣ со всею арміей отступилъ къ Тильзиту. За войну 1806—7 гг. Раевскій былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Вскорѣ послѣ этого былъ заключенъ миръ въ Тильзитѣ, а затѣмъ возникла въ 1808 году новая война — на сѣверѣ — со Швеціей, въ которой принялъ участіе и Раевскій. Наши войска, подъ начальствомъ графа Буксгевдена, быстро дошли до Гельсингфорса и, занявъ его, стали преслѣдовать шведовъ, отступавшихъ къ Таммерфорсу, при чемъ генералу Тучкову I приказано было двинуться изъ окрестностей Нейшлота прямо къ Вазѣ чтобы отрѣзать непріятелю отступленіе. Центръ арміи съ генераломъ Багратіономъ во главѣ долженъ былъ двигаться къ Тавастгусу. Въ этомъ отрядѣ находился и Раевскій. Багратіонъ, послѣ жаркаго дѣла, вытѣснилъ Клингспорра изъ Кумо и занялъ Бьернеборгъ, послѣ чего часть своего отряда, подъ начальствомъ Раевскаго, направилъ преслѣдовать отступавшихъ шведовъ. Исполняя данное приказаніе, Раевскій, занявъ деревню Нормаркъ — 6-го марта, а затѣмъ и гор. Христіанштадтъ (12-го марта), въ которомъ оставилъ небольшой отрядъ, присту-

пилъ къ Вазѣ и занялъ этотъ городъ 17-го марта. За эти дѣйствія Раевскій былъ произведенъ, 12-го апрѣля 1808 года, въ генералъ-лейтенанты и назначенъ (14-го апрѣля), съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества, начальникомъ 21-й пѣхотной дивизіи. Между тѣмъ шведы, отступая и стягивая къ себѣ свои отряды, усилились; мѣстное населеніе Финляндіи вооружилось и сформировало партизанскіе отряды, которые, дѣйствуя въ тылу нашемъ, лишали отрядъ Раевскаго продовольствія и поставили его въ очень затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что отрядъ Тучкова, который долженъ былъ поддерживать Раевскаго, не въ состояніи былъ этого исполнить по значительному между ними разстоянію и по сопротивленію, встрѣченному со стороны непріятеля. Въ такомъ положеніи дѣлъ Раевскій собралъ военный совѣтъ, на которомъ 11-го іюля рѣшено было отступить отъ Гамле-Карлебю къ Таммерфорсу, избѣгая сраженія и стараясь только завлекать шведовъ. При этомъ отступленіи шведы сдѣлали нападеніе на Раевскаго при Лаппо, во время котораго въ тылу русскихъ жители зажгли деревню и мостъ, по которому шелъ единственный путь. Это побудило Раевскаго, прекративъ сраженіе, отступить. Шведы заняли Лаппо. Во время отступленія Раевскаго прибылъ къ нему графъ Каменскій въ Алаво, одобрилъ всѣ его распоряженія и затѣмъ открылъ наступленіе на шведовъ. Его авангардъ потерпѣлъ неудачу при Алаво. Каменскій быстро двинулся и, пройдя въ 5 дней 170 верстъ, отдѣлявшія его отъ Алаво, разбилъ шведовъ, занялъ самъ Алаво и преслѣдовалъ шведовъ до Куортане, гдѣ Клингспорръ сильно укрѣпился. Графъ Каменскій 20-го августа рѣшилъ напасть на него и приказалъ Раевскому атаковать правое крыло шведовъ, не взирая на болота, лѣса и камни. Въ то же время отдѣльный отрядъ подъ начальствомъ Казачковскаго былъ посланъ въ обходъ непріятельской позиціи. Послѣ трехдневнаго сраженія шведы потерпѣли пораженіе и отступили. Затѣмъ Раевскій, находясь подъ начальствомъ графа Каменскаго, участвовалъ въ занятіи г. Вазы, Нюкарлеби, Гамла-Карлеби, Брагештадта и Улеаборга. Подвиги, оказанные Раевскимъ въ эту войну, доставили ему орденъ св. Владиміра 2-й степени (28-го января 1808 г.). Эта война въ Финляндіи окончилась ея завоеваніемъ; по заключенному въ 1809 г. въ Фридрихсгамѣ миру вся Финляндія была присоединена къ Россіи. Вскорѣ послѣ этого графъ Каменскій былъ назначенъ командующимъ Молдавской арміей, которая дѣйствовала противъ турокъ на Дунаѣ. Раевскій послѣдовалъ за нимъ на Дунай и выказалъ особое отличіе при осадѣ и взятіи крѣпости Силистріи въ 1810 году, за что удостоился получить шпагу съ бриллiантами и надписью «за храбрость». Позднѣе онъ отличился съ корпусомъ въ сраженіяхъ подъ Шумлою, овладѣть которою, однако, не удалось. Война затянулась, и только съ прибытіемъ въ армію Голенищева-Кутузова, послѣ кончины графа Каменскаго, неблаговолившаго къ Раевскому и удалившаго его отъ дѣлъ, хотя и съ повышеніемъ, въ Яссы, былъ заключенъ въ Бухарестѣ миръ въ 1812 году. Раевскій, будучи командиромъ 26-й пѣхотной дивизіи (съ 31-го марта 1811 г.), командовалъ 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, входившимъ въ составъ 2-ой арміи, подъ главнымъ начальствомъ князя Багратіона, и съ нимъ принялъ дѣятельное участіе въ знаменитой Отечественной войнѣ 1812 года. Быстрое вторженіе Наполеона въ предѣлы Россіи грозило воспрепятствовать соединенію нашихъ двухъ армій, но Раевскому выпалъ славный жребій задержать французовъ и тѣмъ дать нашимъ арміямъ время соединиться. Находясь въ авангардѣ арміи Багратіона, Раевскій получилъ 11-го іюля 1812 г. приказаніе сразиться съ маршаломъ Даву, который, желая удержать за собою Могилевъ, занялъ сильную оборонительную позицію при деревнѣ Салтановкѣ, имѣя около 28 тысячъ войскъ. Завязался упорный бой, но двукратный приступъ нашъ къ французскимъ батареямъ былъ неуспѣшенъ; тогда Раевскій, взявъ за руки двухъ своихъ сыновей, пошелъ съ ними въ главѣ войскъ на одну изъ батарей, закричавъ: «Впередъ ребята, за Царя и за Отечество. Я и дѣти мои укажемъ вамъ дорогу»; это такъ воодушевило войска, что батарея была скоро занята. Французы однако упорно держались на позиціи, такъ что прибывшій къ мѣсту сраженія князь Багратіонъ приказалъ, уже вечеромъ, не производить дальнѣйшихъ атакъ, тѣмъ болѣе, что наша 2-я армія, узнавъ, что Могилевъ занятъ французами, направилась на Новый Быховъ, гдѣ и го-

товилась переправиться черезъ Днѣпръ и соединиться съ арміей Барклая-де-Толли. Это соединеніе послѣдовало 22-го іюля подъ стѣнами Смоленска, но ранѣе этого Раевскому пришлось выдержать отчаянный напоръ французовъ, обрушившихся на отрядъ генерала Невѣровскаго, стоявшій у Краснаго. Раевскій былъ посланъ на подкрѣпленіе Невѣровскаго, съ которымъ и соединился уже по отступленіи послѣдняго отъ Краснаго, вблизи Смоленска. Узнавъ, что французы слѣдуютъ за нимъ, Раевскій отошелъ къ Смоленску 3-го августа и рѣшился защищать городъ до послѣдней крайности, чтобы дать время нашей арміи придти къ нему на помощь. Въ тотъ же день въ виду Смоленска появилась французская армія, и 4-го августа началось достопамятное сраженіе, въ которомъ всего 28 русскихъ баталіоновъ отражали атаки арміи Наполеона въ продолженіе цѣлаго дня. Въ полночь на 5-ое августа подошелъ Дохтуровъ со своимъ корпусомъ, а ночью собрались подъ Смоленскомъ обѣ наши арміи. Затѣмъ, по распоряженію Барклая-де-Толли, Смоленскъ былъ покинутъ нашими войсками, предпринявшими отступленіе къ Бородину, по Смоленской дорогѣ.—Во время знаменитаго Бородинскаго сраженія, 24-го — 26-го августа 1812 г. Раевскій со своимъ корпусомъ находился на правомъ флангѣ лѣваго крыла нашей арміи, противъ котораго были устремлены всѣ нападенія французовъ. Раевскій оборонялъ извѣстный редутъ, получившій названіе Раевскаго; геройская защита его доставила Раевскому орденъ св. Александра Невскаго. При дальнѣйшемъ отступленіи нашей арміи, послѣ сдачи Москвы, Раевскій принималъ большое участіе въ сраженіи подъ Малымъ Ярославцемъ, 12-го октября, защищая Калужскую дорогу отъ натисковъ французовъ. За это сраженіе Раевскій былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса. Послѣ этого Раевскій, находясь въ авангардѣ большой арміи, принималъ участіе въ преслѣдованіи быстро отступавшихъ французовъ, а также въ пораженіи войскъ маршала Даву подъ Краснымъ, при деревнѣ Мерлино, 5-го ноября, а затѣмъ— войскъ маршала Нея — 6-го ноября. Неустанная боевая жизнь отразилась на здоровьѣ Раевскаго: онъ заболѣлъ нервной горячкой, долженъ былъ покинуть армію и присоединился къ ней уже послѣ того, какъ она, оставляя предѣлы нашего отечества, вступила въ Саксонію. Раевскій получилъ командованіе гренадерскимъ корпусомъ и въ войну 1813 года, находясь подъ главнымъ начальствомъ Барклая-де-Толли, принималъ участіе въ сраженіи 7-го мая при Кенигсвартѣ, для насъ благопріятномъ. Равнымъ образомъ Раевскій явилъ личный примѣръ храбрости и неустрашимости въ сраженіи при Бауценѣ 9-го мая и прикрывалъ отступленіе нашей арміи, безпрерывно сражаясь съ наступавшими французами. По присоединеніи Австріи къ союзу съ Россіей и Пруссіей, Раевскій со своимъ гренадерскимъ корпусомъ былъ назначенъ въ составъ Богемской арміи и находился подъ начальствомъ фельдмаршала князя Шварценберга. Раевскій принималъ участіе въ сраженіи при Дрезденѣ, а затѣмъ 17-го августа въ битвѣ при Кульмѣ, куда онъ былъ направленъ, чтобы поддержать отрядъ графа Остермана-Толстого противъ нападеній французскаго маршала Вандама. Затруднительныя дороги, крутыя и утесистыя горы, топкія болота значительно замедлили движеніе Раевскаго, и это было причиною того, что онъ съ войсками принялъ участіе только во второй день этого сраженія, т. е. 18-го августа, окончившагося полнымъ пораженіемъ французовъ, при чемъ былъ взятъ въ плѣнъ и маршалъ Вандамъ. За сраженіе подъ Кульмомъ Раевскій былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-ой степени. Послѣ этого Раевскій находился 15-го августа въ сраженіи при деревнѣ Доннѣ, а 29-го августа— въ окрестностяхъ Гейльсберга. Въ послѣдовавшей вскорѣ послѣ этого трехдневной битвѣ (4—6-го октября) подъ Лейпцигомъ, Раевскій со своимъ корпусомъ находился во 2-ой колоннѣ союзныхъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Барклая-де-Толли, и долженъ былъ дѣйствовать противъ главнаго пункта позиціи у деревни Вахау. Шесть разъ атаковалъ онъ это селеніе, но безъ успѣха. Наполеонъ обратилъ всѣ свои силы на эту позицію и успѣлъ оттѣснить часть союзныхъ войскъ, но бывшія подъ начальствомъ Раевскаго удержали свои позиціи. Въ самый разгаръ боя Раевскій былъ раненъ пулею въ верхнюю часть груди, между правымъ плечомъ и шеей, но остался на лошади и командовалъ корпусомъ до окончанія сраженія, завершившагося полнымъ пораженіемъ Наполеона. За

свои подвиги Раевскій, 8-го октября 1813 года, былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи и награжденъ австрійскимъ орденомъ Маріи Терезіи 3-й степени.

Полученная имъ рана съ раздробленіемъ кости принудила Раевскаго ѣхать лѣчиться, и онъ имѣлъ возможность присоединиться вновь къ арміи лишь у береговъ Рейна. Онъ былъ отряженъ блокировать со своимъ корпусомъ крѣпость Бофоръ, а затѣмъ, 8-го февраля 1814 г., принялъ по Высочайшему повелѣнію командованіе арміей графа Витгенштейна, оставившаго ее для излѣченія раны. Раевскій находился въ авангардѣ союзной арміи и первый встрѣтился съ непріятелемъ, стремившимся задержать наступленіе союзныхъ войскъ. Онъ занялъ 9-го марта, послѣ кровопролитнаго приступа, городъ Арсисъ, а затѣмъ двинулся черезъ Витри къ Поршру. Не доходя до деревни Феръ-Шампенуаза, онъ вступилъ въ сраженіе съ французами при дер. Суде и принудилъ маршала Мармона отступить. Затѣмъ въ сраженіи при Феръ-Шампенуазѣ, 13-го марта, Раевскій наносилъ пораженія французамъ до самой ночи, а послѣ отступленія маршаловъ Мармона и Мортье двинулся за ними и черезъ нѣсколько переходовъ явился подъ стѣнами Парижа. На другой день Раевскій атаковалъ предмѣстья Пантенъ и Бельвиль и, несмотря на численное превосходство французовъ, овладѣлъ высотами Бельвиля и тѣмъ открылъ союзникамъ врата Парижа, который не замедлилъ сдаться великодушію побѣдителей. Раевскій былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-ой степени. Вскорѣ послѣ этого — 30-го апрѣля 1814 г.—онъ былъ уволенъ въ отпускъ къ богемскимъ и австрійскимъ водамъ на 4 мѣсяца, но этотъ отпускъ былъ ему продолженъ еще на такой же срокъ. Въ 1815 году онъ опять командовалъ корпусомъ въ арміи подъ личнымъ предводительствомъ Императора Александра I и 30-го августа 1815 г. удостоился Высочайшаго благоволѣнія за смотръ войскъ въ присутствіи государя при Вертю. Въ слѣдующемъ, 1816 году (13-го февраля) Раевскій былъ назначенъ командующимъ 3 корпусомъ, а затѣмъ снова командовалъ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ и удостоился, за прекрасное состояніе онаго, Высочайшаго благоволенія 1-го февраля 1820 года. Живя въ Кіевѣ, Раевскій въ маѣ 1821 г. совершилъ поѣздку на Кавказъ и имѣлъ случай оказать гостепріимство нашему великому поэту А. С. Пушкину, который былъ въ большой дружбѣ съ его сыновьями, особенно съ Николаемъ, бывшимъ нѣкоторое время однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Пушкина въ вопросахъ литературы. Пушкинъ оставилъ слѣдующій отзывъ о героѣ 1812 года, среди семейства котораго онъ, по собственнымъ словамъ, провелъ счастливѣйшія минуты жизни. «Я въ немъ (генералѣ Раевскомъ) любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душой, снисходительнаго, но попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининa вѣка, памятникъ 1812-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и оцѣнить его высокія качества» 25-го ноября 1824 года. Р. по прошенію былъ уволенъ въ отпускъ до излѣченія болѣзни. Скоро, однако, мирная жизнь Раевскаго была сильно потрясена; близкія его сердцу лица (зятья М. Ѳ. Орловъ и князь С. Г. Волконскій, братъ — В. Л. Давыдовъ, сыновья А. Н. и Н. Н. Раевскіе) были замѣшаны по дѣлу декабристовъ. При вступленіи на престолъ Императора Николая, Раевскій былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта (26-го января 1826 года) и въ этомъ званіи скончался 16-го сентября 1829 года въ своемъ помѣстьѣ Кіевской губерніи, Чигиринскаго уѣзда въ селѣ Болтышкѣ, всего на 59 году отъ рожденія. О послѣднихъ годахъ его жизни оставилъ нѣсколько воспоминаній извѣстный Денисъ Давыдовъ. По его словамъ неожиданная гроза разразилась на главѣ, уже сѣдѣвшей, но еще неостылой отъ вдохновеній воинственныхъ. Раевскій былъ пораженъ во всемъ миломъ, во всемъ драгоцѣнномъ для его сердца, созданнаго любить безъ мѣры все то, что онъ единожды полюбилъ. Новый Лаокоонъ, обвитый тѣснимый изгибами жаднаго злополучія, онъ не докучалъ Небу воплями, не унижалъ себя моленіемъ состраданія ближняго. Ни единаго ропота, ни единаго злобнаго слова не вырвалось изъ устъ его. Нѣсколько лѣтъ продолжалось оно неослабно и примѣчаемо было только по обрушавшемуся его здоровью, по измѣнявшемуся его взору и физіономіи, омраченнымъ уже глубокою тоскою, неотразимою горестью. Онъ скончался, не оставя ни единаго человѣка,

который имѣлъ бы право возстать противъ его памяти.

Раевскій около 1796 г. вступилъ въ бракъ съ дочерью коллежскаго совѣтника Софіей Алексѣевной Константиновой (внучкой М. В. Ломоносова) и имѣлъ двухъ сыновей Александра и Николая и четырехъ дочерей, изъ которыхъ Екатерина въ 1821 году вступила въ бракъ съ извѣстнымъ генераломъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Орловымъ, а Марія въ 1825 г.—съ генералъ-маіоромъ княземъ С. Г. Волконскимъ.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1898 г. напечатаны любопытныя письма Р-го къ его дядѣ графу А. Н. Самойлову.

Сочиненія Дениса Давыдова; Записки Беннигсена о войнѣ 1806—1807 годовъ; М. Богдановичъ, Исторія Отечественной войны 1812 года, а также 1813 и 1814 годовъ; Справочный Энциклопедическій Словарь, А. Старчевскаго, т. IX, 1855 г.; «Московскія Вѣдомости» 1830 г., № 1, 2; «Военный Журналъ» 1832 г., № 4; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1829 г., №№ 152—154; «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», Г. Леера, С.-Пб. 1884—1894 г.; «Военный энциклопедическій лексиконъ», С.-Пб. 1837—1851 г. барона Л. И. Зедделера, ч. XI; «Русскій Инвалидъ» 1829 и 1837 г., (№ 170): Некрологія генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевскаго; «Русскій Вѣстникъ» 1816 г., № 9, а также 1898 г. Мартъ: Н. Н. Раевскій и его письма; Дѣянія россійскихъ полководцевъ и генераловъ, ознаменовавшихъ себя въ 1812—1815 годы, т. III; А. И. Михайловскій-Данилевскій, Описаніе Финляндской войны на сухомъ пути и на морѣ въ 1808—1809 годахъ; Покореніе Финляндіи. Опытъ описанія по неизданнымъ источникамъ, К. Ордина, т. I, стр. 377—391; Сочиненія А. С. Пушкина; Архивъ князя Воронцова; «Русск. Стар.» и «Русск. Архивъ» passim.

П. Майковъ.

Раевскій, *Николай Николаевичъ*, генералъ-лейтенантъ, начальникъ Черноморской береговой линіи, сынъ генерала-отъ-кавалеріи Н. Н. Раевскаго, родился въ Москвѣ въ 1801 г., получилъ очень тщательное домашнее воспитаніе подъ надзоромъ своей матери, Софьи Алексѣевны, рожд. Константиновой, внучки М. В. Ломоносова. Зачисленный подпрапорщикомъ въ Орловскій пѣхотный полкъ (10-го іюня 1811 г.), онъ былъ взятъ отцомъ на театръ военныхъ дѣйствій и такимъ образомъ, еще ребенкомъ, участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ достопамятнаго 1812 года, находясь при своемъ славномъ отцѣ; такъ, онъ былъ въ дѣлахъ при м. Мирѣ, при Романовѣ и, 11-го іюля, при Дашковкѣ (Салтановкѣ); какъ извѣстно, это участіе юныхъ дѣтей Раевскаго въ важномъ сраженіи, когда войска наши, одушевленныя ихъ примѣромъ, удержали корпусъ маршала Даву и содѣйствовали соединенію двухъ русскихъ армій, было воспѣто Жуковскимъ, Пушкинымъ и другими писателями, запечатлѣно во множествѣ картинъ и описано въ различныхъ историческихъ сочиненіяхъ; затѣмъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ славнаго боя отца подъ Смоленскомъ, при Дорогобужѣ, въ Бородинской битвѣ, подъ Тарутинымъ, а затѣмъ во множествѣ дѣлъ при бѣгствѣ Наполеона изъ Россіи: у Вязьмы, при Царевомъ Займищѣ, при Красномъ и далѣе за границей (между прочимъ подъ Лейпцигомъ) вплоть до взятія Парижа, за отличіе въ сраженіи при коемъ награжденъ былъ орденомъ Владиміра 4-ой ст. съ бантомъ. Произведенный за дѣло при Дашковкѣ въ подпоручики (21-го декабря 1812 г.) съ переводомъ въ 5-й Егерскій полкъ, Раевскій 18-го мая 1814 г. былъ переведенъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ съ назначеніемъ адъютантомъ къ генералъ-адъютанту И. В. Васильчикову; живя въ Царскомъ Селѣ, онъ познакомился и сдружился съ лицеистомъ Пушкинымъ, и отношенія ихъ навсегда остались очень близкими, хотя пріятели, послѣ совмѣстнаго путешествія въ 1821 г. на Кавказъ и въ Крымъ, видѣлись уже рѣдко (въ 1829 во время войны, въ 1832 въ Москвѣ и въ 1834 въ Петербургѣ); въ 1819 г. (апрѣля 24-го) Раевскій получилъ чинъ ротмистра, а въ 1821 г. (23-го октября) опредѣленъ адъютантомъ къ начальнику Главнаго Штаба барону И. И. Дибичу. 12-го декабря 1823 г. Р. былъ произведенъ въ полковники съ переводомъ въ Сумскій гусарскій полкъ, но уже 1-го января 1824 г. перешелъ въ Курляндскій драгунскій, а 14-го іюня 1825 г.—въ Харьковскій драгунскій полкъ. Близкія, даже родственныя отношенія его со многими декабристами (его зятья — М. Ѳ. Орловъ и князь С. Г. Волконскій, дядя В. Л. Давыдовъ и др.) повели за собой арестъ его по подозрѣнію въ участіи въ ихъ замыслахъ, но допросъ въ Петербургѣ, куда онъ былъ привезенъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Александромъ, выяснилъ его невиновность. Съ назначеніемъ (16-го сентября 1826 г.) командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка (которымъ въ 1792—1797 г. командовалъ его отецъ) началась полная блестящихъ отличій боевая служба Р., придавшая вполнѣ заслуженную славу и его полку, съ которымъ, едва

успѣвъ стать во главѣ его, онъ принялъ участіе—сперва подъ начальствомъ Ермолова въ усмиреніи Нухинской и Ширванской провинцій, а затѣмъ, по прибытіи на Кавказъ Паскевича—во всѣхъ виднѣйшихъ дѣлахъ Персидской кампаніи, какъ-то при Нахичевани, Джеванъ-Булахѣ (за это лихое дѣло онъ получилъ орденъ Георгія 4-й ст.), Аббасъ-Абадѣ, Сардаръ-Аббадѣ, при Эривани и при взятіи ея и въ другихъ, болѣе мелкихъ сраженіяхъ. За участіе въ Персидской войнѣ Р. получилъ еще орденъ Анны 2-й ст., а полкъ, покрывшій себя славой подъ его начальствомъ,—георгіевскіе штандарты. Открывшаяся въ апрѣлѣ 1828 г. война съ Турціей снова вызвала къ дѣятельности Нижегородскій полкъ и Раевскаго. Находясь съ полкомъ подъ личнымъ начальствомъ Паскевича, онъ принималъ участіе во взятіи Карса (за что получилъ Анну 2-й ст. съ алмазами), Ахалкалакъ (за что награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст.) и Ахалцыха (за что получилъ чинъ генералъ-маіора — 1-го января 1829 г.). 4-го марта 1829 г. онъ получилъ Высочайшее благоволеніе за особенное усердіе и дѣятельность при исполненіи возложеннаго на него порученія войти въ сношеніе съ Лезгинами, обитавшими на границѣ Кахетіи, и склонить ихъ къ прекращенію грабежей и возвращенію захваченнаго. Успѣшная служба Р. и его блестящія военныя дарованія возбудили нерасположеніе къ нему Паскевича, и онъ, обвинивъ его предъ Имп. Николаемъ въ сношеніяхъ съ сосланными на Кавказъ декабристами, добился его устраненія отъ должности. Въ это тяжелое для Р. время онъ лишился своего нѣжно любимаго отца и, будучи назначенъ, 14-го декабря 1829 г., состоять при начальникѣ 5-й Уланской дивизіи, еще около двухъ лѣтъ пробылъ на Кавказѣ въ хлопотахъ по сдачѣ Нижегородскаго полка своему преемнику, испытывая рядъ непріятностей въ сношеніяхъ своихъ съ Паскевичемъ, находившимся тогда на верху своей славы и вліянія на Императора. 29-го мая 1831 г. Р. былъ назначенъ «состоять по кавалеріи», вскорѣ пріѣхалъ въ Петербургъ добиваться возстановленія своихъ правъ, утерянныхъ вслѣдствіе столкновеній съ Паскевичемъ, — и 24-го декабря былъ назначенъ состоять при начальникѣ 4-й гусарской дивизіи, а затѣмъ (2-го іюня 1833 г.) командиромъ 2-й бригады 2-й Конно-Егерской дивизіи и жилъ то въ Москвѣ, то въ своихъ имѣніяхъ въ Кіевской губерніи, то въ Петербургѣ, то, наконецъ, въ Крыму, въ своемъ помѣстьѣ Тесели, послѣ того какъ 14-го марта 1833 г. былъ снова «отчисленъ по кавалеріи». Только въ 1837 г., съ назначеніемъ (21-го сентября) Начальникомъ 1-го Отдѣленія Черноморской прибрежной линіи, Р. снова получилъ возможность найти примѣненіе къ живому дѣлу своихъ богатыхъ силъ, энергіи и знаній. Быстро ознакомившись съ новымъ для него краемъ, на который тогда было обращено особенное вниманіе Имп. Николая, стремившагося окончить замиреніе Кавказа, — Р. въ самомъ непродолжительномъ времени проявилъ свои блестящія дарованія военачальника, администратора и дипломата. Успѣшныя высадки нашихъ отрядовъ у Туапсе (1838), Субаши, Псезуапе (1839) и другихъ пунктовъ Черноморскаго побережья, возведеніе цѣлаго ряда укрѣпленій (между прочимъ форта Раевскаго, названнаго такъ по Высочайшему повелѣнію, — въ 1839), а одновременно дипломатическія сношенія съ горцами и стремленіе замирить ихъ посредствомъ установленія торговыхъ сношеній и развитія цивилизаціи, заботы о солдатѣ, о боевыхъ и другихъ запасахъ для пѣхоты и флота,—вся эта сложная работа кипѣла въ рукахъ Р.; къ сожалѣнію, однако, онъ встрѣчалъ постоянныя препятствія при исполненіи своихъ широкихъ и смѣлыхъ плановъ въ лицѣ гр. П. Х. Граббе, кн. А. И. Чернышева и другихъ лицъ, кои не безъ зависти смотрѣли на успѣхи молодого генерала. Имп. Николай, вскорѣ и лично убѣдившійся въ знаніяхъ и способностяхъ Р-го и наградившій его (9-го августа 1838 г.), за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, чиномъ генералъ-лейтенанта, 28-го августа того же года орденомъ Бѣлаго Орла при рескриптѣ, а 12-го августа 1839 г. назначившій его Начальникомъ всей Черноморской Береговой линіи, — въ скоромъ времени поддался вліянію враговъ Р-го, который, чувствуя невозможность успѣшно работать при враждебномъ отношеніи къ нему Петербургскихъ властей, устранился отъ дѣлъ: сперва онъ отчислился по кавалеріи (6-го февраля 1841 г.), а затѣмъ (26-го ноября того-же 1841 г.) и окончательно вышелъ въ отставку. Женившись (22-го января 1839 г.) на фрейлинѣ Аннѣ Михайловнѣ Бороздиной, онъ занялся сель-

скимъ хозяйствомъ въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, съ особенною любовью предаваясь трудамъ по садоводству; этимъ вопросомъ онъ занимался съ молодыхъ лѣтъ, культивируя различныя растенія въ Крыму, въ помѣстьѣ своемъ и жены; онъ состоялъ членомъ нѣсколькихъ спеціальныхъ Обществъ и находился въ постоянныхъ письменныхъ и личныхъ сношеніяхъ съ извѣстными садоводами Х. Х. Стевеномъ, Ѳ. Б. Фишеромъ, Ф. Фальдерманомъ, Н. Гартвисомъ и др. Захворавъ, по дорогѣ въ Москву, въ своемъ имѣніи «Красненькомъ», Воронежской губерніи, онъ скончался здѣсь 24-го іюля 1843 г., всего 43 лѣтъ отъ роду; здѣсь онъ и погребенъ.

Лица, знавшія Н. Н. Раевскаго, оставили о немъ самые благопріятные отзывы. Пушкинъ сошелся съ нимъ, какъ сказано было выше, еще будучи лицеистомъ, и очень цѣнилъ его литературный вкусъ и образованіе (см. письмо Р. къ Пушкину 1825 г., въ книгѣ Л. Н. Майкова «Пушкинъ», С.-Пб. 1899 г., а также ихъ переписку въ Акад. изданіи, т. I и II); въ 1838 г. братъ поэта—Левъ, состоялъ адъютантомъ при Р., а въ Персидскую и Турецкую войны 1827—1829 гг. служилъ въ Нижегородскомъ полку подъ его начальствомъ. Графъ М. С. Воронцовъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ Р. и велъ съ нимъ дѣятельную переписку, равно какъ адмиралъ М. П. Лазаревъ (переписка его съ Раевскимъ напечатана въ «Русск. Архивѣ» 1882, кн. II, стр. 133—143) и многіе дѣятели на военномъ поприщѣ въ 1826—1841 гг. Особенно тепло отзывается о Р. въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Г. И. Филипсонъ, служившій при немъ съ 1838 года и оставившій любопытныя подробности о дѣятельности Раевскаго за этотъ періодъ на берегахъ Чернаго моря. По его словамъ, «Н. Н. Раевскій былъ высокаго роста, смуглъ, крѣпко сложенъ и вообще массивенъ; черты лица его были выразительны...; онъ очень хорошо владѣлъ французскимъ языкомъ, зналъ его литературу, много читалъ...; способности ума его были болѣе блестящи, чѣмъ глубоки. У него было много остроумія и особливо доброй и простодушной веселости. Въ его обращеніи всегда видно было что-то искреннее и молодое; онъ говорилъ и писалъ очень хорошо... Физически онъ былъ крайне лѣнивъ, но умъ его всегда былъ въ работѣ. Въ обществѣ его невозможно было не замѣтить... Въ служебныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ онъ не напускалъ на себя важности и все дѣлалъ какъ бы шутя»... Вообще это была очень оригинальная и очень богато одаренная личность, которой не дали достаточно развернуться сперва недоброжелатели, а потомъ ранняя смерть.

Формулярный списокъ; «Воспоминанія Г. И. Филипсона», М. 1885, стр. 147—245; В. Потто, Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка, С.-Пб. 1894, т. III; Сочиненія Пушкина и Переписка его; Л. Майковъ, Пушкинъ, С.-Пб. 1899; «Русск. Стар.», т. VI, стр. 261, т. VII, стр. 122 и 379, т. VIII, стр. 235, т. IX, стр. 764—770; 1897, іюнь, 465; «Русск. Арх.» 1866, стр. 1101, 1115, 1120, 1136, 1140, 1213—1214, 1258; 1867, стр. 590; 1874, кн. I, стр. 388—389; 1877 г., кн. III, стр. 95; кн. I, стр. 328, 332, 334, 339; кн. III; Соч. К. Н. Батюшкова, т. II, стр. 328—9; П. Анненковъ. Матеріалы для біографіи Пушкина, С.-Пб. 1855, стр. 71—72; А. Заблоцкій-Десятовскій, Графъ Киселевъ и его время, т. IV, стр. 35, 36, 39, 41; М. Довнаръ-Запольскій. Тайное Общество декабристовъ, стр. 61; Записки Д. И. Завалишина, Мюнх. 1904, ч. II, стр. 35, 36; «Былое» 1906 г., № 10, 11; Н. Ушаковъ, Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 гг., ч. II, С.-Пб., 1836, стр. 216, 228; Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 44; Щукинскій Сборникъ, т. IV, стр. 289—300 (письма къ нему отца, 1825—1829; перепечат. въ «Русск. Арх.» 1908, № 3, мартъ); «Русск. Арх.» 1880 (Зап. М. В. Юзефовича); «Русск. Стар.» 1887, т. 56, стр. 267; 1900 г., № 11, стр. 450; Воспоминанія А. С. Гангеблова — «Русск. Арх.» 1886, кн. II, стр. 259—262; «Русск. Вѣстн.» 1869, кн. IV, стр. 701; «Русск. Стар.» 1882, т. 35, стр. 444, 445; 1893, т. 78, стр. 579—8, т. 79, стр. 566; 1896, окт., стр. 107—108; 1901, II, 400; 1903 г., т. 114, стр. 487—491; «Русск. Арх.» 1873, стр. 786; 1874 г., I, 381—417, II, 639—683; 1879, II, 269; 1883, III, 267...; Соч. А. И. Герцена, С.-Пб. 1905, т. II, стр. 131; Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 354, 361; «Пушкинъ и его современники», вып. II, стр. 14—24 (ст. Б. Л. Модзалевскаго «Изъ семейнаго архива Раевскихъ»); «Кубанск. Областн. Вѣд.» 1890, № 48—52 («Описаніе Вост. берега Чернаго моря», сост. Н. Н. Р—мъ); «Стар. и Новизна», кн. VI; «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. 122; «Акты Кавк. Археогр. Ком.», т. VII, IX; Записки Ф. Ф. Вигеля; Соч. Д. В. Давыдова; Записки князя С. Г. Волконскаго и княгини М. Н. Волконской.

Б. Модзалевскій.

Раевскій, *Николай Николаевичъ*, полковникъ, писатель, сынъ предыдущаго, родился въ Керчи 5-го ноября 1839 г., убитъ въ сраженіи подъ Алексинацемъ 20-го августа 1876 г. Потерявъ отца на 4-мъ году, Н. Н. Раевскій воспитывался подъ надзоромъ своей просвѣщенной и энергичной матери, не жалѣвшей средствъ на образованіе сыновей. Большую часть своего дѣтства онъ провелъ въ Италіи, Франціи и Англіи, а затѣмъ, съ

17 лѣтъ—въ Москвѣ. Лучшіе учителя и наиболѣе извѣстные профессора (между прочимъ—Т. Н. Грановскій) были приглашены къ мальчику, а непосредственнымъ его руководителемъ былъ самъ Грановскій. По окончаніи домашняго образованія Н. Н. Раевскій поступилъ въ Московскій Университетъ, на Физико-математическій факультетъ, здѣсь сблизился съ кружкомъ И. С. Аксакова, ознакомился съ славянскимъ вопросомъ и съ тѣхъ поръ на всю жизнь остался ярымъ славянофиломъ, защитникомъ славянскаго дѣла. По окончаніи курса въ Университетѣ въ 1862 г. со степенью кандидата, онъ 22-го февраля 1863 г., подъ вліяніемъ совѣтовъ своего родственника, князя Яшвиля, поступилъ унтеръ-офицеромъ въ командуемый имъ лейбъ-гвардіи Гусарскій Его Величества полкъ и сразу обратилъ на себя вниманіе начальства; 6-го ноября 1863 г. онъ былъ произведенъ въ корнеты, затѣмъ 19-го апрѣля 1864 г. — въ поручики, 17-го апрѣля 1866 г.—въ штабсъ-ротмистры и затѣмъ по 20-е іюля 1868 г. четыре раза подъ рядъ былъ назначаемъ временно-командующимъ эскадрономъ Его Величества. Произведенный 27-го апрѣля 1868 г. въ ротмистры, онъ съ 29-го іюля 1869 г. по 15-е марта 1870 г. былъ предсѣдателемъ полкового суда. Несомнѣнно, что, оставаясь въ гвардіи, онъ довольно быстро составилъ бы себѣ карьеру, но свѣтская жизнь гвардейскаго офицера была ему не по душѣ. 15-го марта 1870 г. онъ перевелся подполковникомъ въ 7-й Туркестанскій линейный баталіонъ и, пріѣхавъ на мѣсто, сейчасъ же принялъ участіе въ экспедиціи противъ Шахрисябскихъ бековъ, при чемъ былъ назначенъ помощникомъ подполк. Соковнина, начальника лѣвой колонны, которая должна была, обойдя Шахрисябскую долину черезъ Кара-Тюбинское ущелье, спуститься къ оплоту Шахрисябскихъ бековъ—укрѣпленію Китабу—одновременно съ правой Джамской колонной полк. Михаловскаго. Во время штурма Китаба, 13-го августа 1870 г., Раевскій командовалъ лѣвою штурмовою колонною вмѣсто Соковнина (смертельно раненаго за день передъ штурмомъ) «вполнѣ успѣшно» (какъ гласитъ донесеніе начальника отряда ген.-м. Абрамова) выполнилъ свою задачу, при чемъ былъ легко раненъ. Взятіе Китаба закончило покореніе Шахрисябскихъ бекствъ. Въ Туркестанѣ Р. пробылъ до октября 1874 г. Это время онъ, не ограничиваясь служебными обязанностями, посвятилъ всестороннему изученію края, развитію его торговой и промышленной дѣятельности. Онъ сознавалъ, что такой богатой, щедро одаренной природою области, какъ Туркестанъ, недоставало только энергичныхъ дѣятелей, которые сумѣли бы воспользоваться природными богатствами края и своимъ примѣромъ пробудить энергію въ окружающихъ. Еще во время службы въ Россіи Раевскій серьезно работалъ въ своемъ Крымскомъ имѣніи, стараясь улучшить способы винодѣлія и дѣлая опыты разведенія здѣсь хлопчатника (съ 1862 г.), образцы котораго онъ представлялъ на Московскую Россійскую Сельско-Хозяйственную Выставку; вступивъ въ 1869 г. въ члены Имп. Вольно-Экономическаго Общества, онъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ участниковъ его занятій по этимъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Въ Туркестанѣ онъ завелъ на собственныя средства хлопковыя и рисовыя плантаціи, виноградники, шелкомотальни, потративъ на это не мало своихъ денегъ. Но не одни только торгово-промышленные интересы русскихъ въ новозавоеванномъ краю занимали его: онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ русскаго вліянія въ Средней Азіи и за тѣми отношеніями, которыя устанавливались между побѣдителями и побѣжденными, между русской администраціей и оставшимися, хотя внѣшне, независимыми мѣстными властителями. Результатомъ его долгихъ наблюденій явилась напечатанная въ № 195 газеты «Голосъ» за 1872 г. довольно обширная статья Р. о нашихъ отношеніяхъ къ Средне-Азіатскимъ ханствамъ, въ которой онъ, касаясь будущей судьбы нашихъ экономическихъ и торговыхъ интересовъ на Восточной окраинѣ имперіи, доказывалъ на рядѣ примѣровъ, что всѣ трактаты, заключаемые Русскими съ Средне-Азіатскими ханами, не имѣютъ ровно никакого значенія, такъ какъ мусульмане, ненавидящіе русскихъ, могутъ уважать только силу, и поэтому вѣра въ возможность существованія какихъ бы то ни было международныхъ сношеній съ народами Средней Азіи является совершенно неосновательною. Статья эта, появившаяся въ то время, когда Туркестанскій вопросъ сильно интересовалъ об-

щество, обратила на себя вниманіе и вызвала цѣлую полемику въ газетахъ (см. статьи Маева — редактора «Туркест. Вѣд.», въ «Голосѣ» 1872 г., № 206, 1873 г., № 24, и статью бар. Каульбарса въ «С.-Пб. Вѣдом.» 1872 г., № 344). Въ началѣ 1874 г. Р. вышелъ въ отставку, желая всецѣло посвятить себя сельско-хозяйственной дѣятельности и надѣясь, что его примѣръ вызоветъ подражаніе со стороны окружающихъ и явится толчкомъ для развитія русской промышленности въ Туркестанѣ, — но надежды его не увѣнчались успѣхомъ: его начинанія не только не встрѣтили себѣ сочувствія и поддержки, но, отличаясь безкорыстіемъ и прямотою, сдѣлали его самого жертвою грязныхъ интригъ; въ октябрѣ того же 1874 года Р. уѣхалъ въ Россію и снова поступилъ на военную службу, получивъ назначеніе состоять въ распоряженіи Командующаго войсками Одесскаго военнаго округа. Недолго, однако, на этотъ разъ ему пришлось служить: какъ только вспыхнувшее въ Сербіи возстаніе приняло болѣе или менѣе значительные размѣры, Р. 29-го іюля 1876 г. вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Сербскую армію. 8-го августа Р. пріѣхалъ къ М. Г. Черняеву, который сейчасъ же поручилъ ему отдѣльный отрядъ, а 12-го августа онъ принялъ участіе въ битвѣ подъ Алексинацемъ и на голову разбилъ правый флангъ турецкой арміи. 20-го августа произошло рѣшительное и очень неудачное для сербовъ сраженіе подъ Андровацемъ. Турки, послѣ тщетныхъ попытокъ вторгнуться въ Сербію въ долинахъ Тимока и Моравы, наконецъ, обманули сербовъ, произведя наступленіе отъ Тешицы на Житковацъ по дорогѣ въ Алексинацъ; притворно отступивъ къ Тешицѣ, они сконцентрировались здѣсь на лѣвомъ берегу Моравы въ числѣ около 60-ти тысячъ человѣкъ (армія Абдулъ-Керимъ-паши, корпуса Гафиза, Сулейманъ-Меджида и Эюбапашей), затѣмъ, двинувшись влѣво, перешли Ястребацкую равнину и напали на 20-ти тысячный правый флангъ сербской арміи, которымъ командовалъ Раевскій. Раевскій былъ убитъ (20-го августа) въ самомъ началѣ боя. Потеря командира повлекла за собою полное пораженіе праваго фланга; лѣвый флангъ и центръ держались съ 8 ч. утра до 9 ч. вечера, но и они должны были уступить сильнѣйшему непріятелю. Сербы отступили къ Делиграду, а турки, занявъ Андровацкія высоты, такимъ образомъ вторглись въ Сербію. Смерть Раевскаго произвела сильное впечатлѣніе не только въ Сербіи, но и въ Россіи, гдѣ съ захватывающимъ интересомъ слѣдили за всѣми перипетіями неравной борьбы угнетаемыхъ со своими угнетателями. Почти всѣ газеты и журналы посвятили прочувствованные некрологи этому «новому мученику за святое дѣло». Сербскій король Миланъ 22-го августа прислалъ брату покойнаго, Михаилу Николаевичу Р., телеграмму слѣдующаго содержанія: «Съ чувствомъ глубокой скорби посылаю Вамъ печальное извѣстіе, что Вашъ доблестный братъ Николай Николаевичъ геройски палъ въ кровавой битвѣ противъ врага славянскаго имени и вѣры. Ваша потеря велика, но она не менѣе велика и для сербскаго войска и того святого дѣла, во имя котораго покойный геройски боролся. Я надѣюсь, что это войско, которымъ онъ командовалъ и показалъ доблестный примѣръ, отомститъ за его геройскую смерть, и прошу Всевышняго, да укрѣпитъ Ваши силы перенесть тяжелую потерю». Отпѣваніе тѣла Р. въ Бѣлградѣ было совершено митрополитомъ Михаиломъ съ большою торжественностью въ присутствіи самого короля Милана, всѣхъ министровъ и русскаго консула. Погребенъ Раевскій въ имѣніи «Еразмовкѣ». На мѣстѣ его геройской кончины, по завѣщанію его матери, на средства семьи Раевскихъ построенъ величественный храмъ св. Троицы, освященный 2-го сентября 1903 г. при торжественной обстановкѣ.

Р. основалъ и поддерживалъ своими трудами Туркестанскій Отдѣлъ Общества для содѣйствія Русской промышленности и торговлѣ; онъ напечаталъ слѣдующія работы: «Крымскій хлопокъ», М. 1864; «Руководство къ разведенію хлопчатника съ примѣненіемъ культуры его къ климату и почвѣ Крымскаго полуострова» («Таврич. Губ. Вѣдомости» 1865 г., № 7, 8, 9 и отд. изд., Симферополь. 1865 г.); «О развитіи и улучшеніи культуры хлопчатника въ Россіи и сосѣднихъ съ нею Средне-Азіатскихъ ханствахъ» — «Торговый Сборникъ» 1869 г., № 5, и отд. изд., С.-Пб. 1869; «Мѣры для развитія и улучшенія культуры хлопчатника на Кавказѣ и въ Средней Азіи. Читано въ засѣданіи редакціоннаго отдѣленія комитета Общества для содѣйствія Русской промышленности и торговлѣ 9-го

января 1870 г.», С.-Пб. 1870. Н. Н. Раевскій былъ личностью далеко не заурядною. Онъ принадлежалъ къ числу тѣмъ рѣдкихъ русскихъ натуръ, которыя всю жизнь неустанно ищутъ себѣ живого дѣла и, разъ остановившись на чемъ-либо, готовы вложить въ него всю свою душу.

Послужной списокъ полк. Раевскаго отъ 18-го іюля 1876 г.; «Отчетъ о дѣйствіяхъ Императ. Вольно-Экономическаго Общества» за 1876 г., стр. 30; «Русскій Туркестанъ», вып. 3, стр. 208—217; «Домашняя Бесѣда» 1876 г., № 34; «Пчела» 1876 г., № 35; «Всемірная Иллюстрація», 1876 г., №№ 402 и 406; «Иллюстрированная Газета» 1876 г., № 36; «Голосъ» 1872 г., №№ 195, 206; 1873 г., №№ 24, 57; 1876 г., № 234; «СПБ. Вѣдомости» 1872 г., № 344; 1873 г., № 20; «Новое Время» 1876 г., №№ 166, 174, 175, 176, 180; «Русское Обозрѣніе» 1876 г., №№ 8 и 9; «Русскій Инвалидъ» 1876 г., № 197; «Ист. Вѣстн.» 1895 г., № 4 (въ Воспоминаніяхъ В. А. Полторацкаго) и № 11 (Замѣтка В. Череванскаго); Анд. Милојевић. За Отаџбину. 1804—1904. Београд, 1904, стр. 327—335, 439; Споменица Николају Николајевићу Рајевском... на дан освећења његовог храма... Написао Милан С. Ђуричић. Ниш, 1903, «Узданица», стр. 356—371,— статья «Борба на Горњемъ Адровацу. Смрт коњичког пуковника Николе Н. Рајевског».

Раевскій, *Николай Ѳедоровичъ*, протоіерей, писатель (братъ протоіерея М. Ѳ. Р.), род. 20-го мая 1804 г., воспитывался въ Нижегородской Семинаріи и въ С.-Петербургской Духовной Академіи (1821—1825), въ которой окончилъ курсъ магистромъ, послѣ чего былъ профессоромъ математики и еврейскаго языка въ Архангельской Семинаріи; въ 1826 г. переѣхалъ въ Петербургъ, поступивъ протодіакономъ въ Петропавловскій соборъ, но уже 4-го ноября рукоположенъ въ священники къ церкви 1-го Кадетскаго Корпуса; поступивъ законоучителемъ въ 1-й Корпусъ (1828), онъ одновременно преподавалъ Законъ Божій въ Домѣ воспитанія бѣдныхъ Человѣколюбиваго Общества (1828—1840), во 2-й С.-Пб. Гимназіи (1831—1845) и въ Артиллерійскомъ Училищѣ (1833—1845), состоя съ 1846 г. главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ этого предмета въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ началѣ 1850 г. Р. былъ переведенъ протоіереемъ Воскресенскаго (Смольный монастырь) собора, въ 1854 г. назначенъ каѳедральнымъ протоіереемъ Петропавловскаго собора (въ крѣпости) и ректоромъ Петропавловскаго Духовнаго Училища, а въ 1855 г. избранъ членомъ Конференціи С.-Петербургской Духовной Академіи. Умеръ 4-го февраля 1857 г. и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Человѣкъ умный и многосторонне образованный, Р. обладалъ краснорѣчіемъ; многія изъ проповѣдей его были имъ прекрасно произносимы и производили впечатлѣніе на его многочисленныхъ учениковъ. Въ богословской литературѣ имя его появилось очень рано; еще студентомъ онъ напечаталъ свое разсужденіе: «Разсмотрѣніе мѣстъ, приводимыхъ въ посланіи къ евреямъ книгъ Ветхаго Завѣта» («Нѣкоторыя упражненія студентовъ VI курса С.-Пб. Дух. Академіи», ч. III, стр. 287—367); затѣмъ имъ изданы сочиненія: «О жизни и твореніяхъ семи знаменитѣйшихъ отцовъ церкви», С.-Пб. 1847; «Нѣсколько уроковъ изъ исторіи древней христіанской церкви», С.-Пб. 1849; «Рѣчь» и «Слово», говоренныя при погребеніи генер.-лейт. М. С. Перскаго и д. с. с. Е. П. Пражевскаго—С.-Пб. 1832 и 1841; «Избранныя слова и рѣчи», С.-Пб. 1861 — посмертное изданіе. Портретъ Р. помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» 1906 г., № 6, при біографіи.

В. Кургановичъ и А. Круглый, Историческая Записка 75-лѣтія 2-й С.-Пб. гимназіи, ч. II, стр. 326—327; «Русск. Стар.» 1906, № 6; А. Родосскій, Биограф. словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ С.-Пб. Дух. Академіи, С.-Пб. 1907, стр. 393—394; И. Чистовичъ, Исторія С.-Пб. Дух. Академіи, стр. 445.

Раевскій, *Петръ Ивановичъ*, писатель; сынъ священника, родился въ 1847 году въ мѣстечкѣ Борисполѣ, Переяславскаго уѣзда Кіевской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ Полтавскомъ Духовномъ Училищѣ, по окончаніи курса котораго въ 1862 году былъ отданъ въ Люблинскую Прогимназію, гдѣ въ 1867 году окончилъ курсъ, но смерть родителей помѣшала ему продолжать образованіе. По возвращеніи на родину изъ Люблина онъ встрѣтился съ этнографомъ П. П. Чубинскимъ, который и пригласилъ его принять участіе въ разработкѣ собраннаго имъ матеріала по этнографіи Юго-Западнаго края. Р. принялъ предложеніе, а по окончаніи работы и послѣ отъѣзда Чубинскаго въ Петербургъ поступилъ на службу въ Черниговскую Межевую Коммиссію канцелярскимъ чиновникомъ и пробылъ здѣсь три года. За это время онъ дѣятельно занимался изученіемъ русской литературы и иностранныхъ авторовъ, стараясь пополнить недостатокъ сво-

его школьнаго образованія. Въ 1875 году онъ бросилъ службу, переселился въ Борисполь и вполнѣ посвятилъ себя литературному труду; съ этого времени онъ становится постояннымъ сотрудникомъ газеты «Кіевлянинъ», въ которой онъ началъ печатать свои мелкіе разсказы и повѣсти еще съ 1869 года. До 1881 года Р. помѣстилъ въ «Кіевлянинѣ» свыше 40 повѣстей, разсказовъ и былей самаго разнообразнаго содержанія, но извѣстность ему, какъ тонкому и остроумному наблюдателю малороссійской жизни и быта, доставили его «Сцены изъ малорусскаго народнаго быта», выдержавшія съ 1871 по 1886 пять изданій, и «Эпизоды изъ жизни малороссовъ» (Кіевъ. 1872 г.). Эти сцены и эпизоды—маленькіе разсказы (въ родѣ, напримѣръ, излюбленныхъ чтецами и разсказчиками разсказовъ: «Мертвое тѣло», «Телескопъ», «На желѣзной дорогѣ» и др.), выхваченные прямо изъ жизни, написанные живымъ разговорнымъ, на-половину малорусскимъ, на-половину русскимъ языкомъ; они очень понравились публикѣ, раскрывъ передъ нею мало знакомую ей область быта и взглядовъ простого малорусскаго крестьянина. Произведенія Р., печатавшіяся въ «Кіевлянинѣ», имѣли менѣе успѣха. По содержанію ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: до 1877 г. Р. почти исключительно пишетъ сцены, эпизоды, повѣсти и разсказы изъ быта крестьянъ Черниговской губерніи и жизни Кіева; съ 1877 года онъ черпаетъ содержаніе своихъ произведеній изъ быта и преданій Полѣсья, преимущественно Волынскаго. Эта разница въ содержаніи отразилась и на характерѣ его трудовъ въ оба эти періода его литературной дѣятельности. Содержаніе его произведеній обоихъ періодовъ носитъ фантастическій характеръ, но черниговскія и кіевскія сцены, повѣсти и разсказы все же гораздо реальнѣе полѣсскихъ. Причину этого можно видѣть отчасти и въ самой разности содержанія полѣсской и украинской жизни: если Малороссія слыветъ въ поэтическихъ описаніяхъ страною таинственнаго и чудесъ, то еще скорѣе можно считать такою страною Полѣсье. Въ повѣсти «Полѣсскій Каинъ» самъ Р. замѣчаетъ, что полѣсская сторона особенно богата страшными разсказами о лѣсныхъ русалкахъ, вѣдьмахъ, лѣшихъ, разбойникахъ. Въ глухомъ Полѣсьѣ человѣкъ, окруженный таинственностью вѣковыхъ дубовъ, проводящій жизнь въ борьбѣ съ звѣрями и въ страхѣ передъ укрывающимися въ лѣсахъ разбойниками, болѣе чувствуетъ свою зависимость отъ сторонніхъ силъ, поражается явленіями природы и создаетъ иногда чудовищные образы фантазіи, какихъ не встрѣчается у жителей равнинъ. Съ другой стороны, на содержаніи произведеній Раевскаго отразились и разныя литературныя вліянія, которымъ онъ подчинялся. Въ началѣ своей литературной дѣятельности онъ несомнѣнно преклонялся передъ Гоголемъ и даже подражалъ ему настолько, что, напр., въ разсказѣ «Въ голодный годъ» скряга-помѣщикъ Хмара, называется у Раевскаго «старымъ Плюшкинымъ» и созданъ по образцу гоголевскаго прототипа; въ другомъ разсказѣ: «Что случилось въ Кіевѣ на новый годъ» почти буквально повторяются нѣкоторыя сцены изъ «Ревизора», и самый герой — кіевскій мужикъ Корольковъ, принявшій на себя роль гвардейскаго офицера для обмана богатаго старика, походитъ на Хлестакова. Вліяніе Гоголя выразилось и въ томъ, что въ своихъ украинскихъ разсказахъ Раевскій является несомнѣннымъ реалистомъ, въ большинствѣ случаевъ описывавшимъ дѣйствительную жизнь со всѣми ея добрыми и дурными проявленіями. Онъ беретъ сюжеты изъ быта малорусскаго духовенства («Подаренный гробъ», «Что значитъ иногда попадья на селѣ», отчасти «На своемъ хлѣбѣ» и «Въ разливъ Днѣпра»), кіевскаго купечества («Странница»); въ нѣкоторыхъ изъ разсказовъ («Семья погонца», «Степныя картинки») рисуетъ исключительное положеніе малорусскаго крестьянина, попадающаго въ цѣпкія руки разныхъ эксплуататоровъ, въ особенности евреевъ. Такіе разсказы являются просто отголоскомъ и наглядьнымъ воспроизведеніемъ газетныхъ извѣстій о разныхъ видахъ эксплуатаціи крестьянскаго труда. Нѣкоторыя его повѣсти («Лекарка», «Котелокъ червонцевъ», «Обгорѣлый пень», «На островѣ», «О томъ, какъ Гаврило Порохня вѣдьму убилъ», «Дочь вѣдьмы», «Коробейникъ» и т. д.) носятъ этнографическій характеръ, являясь передачей мотивовъ малорусскихъ сказокъ, пословицъ, преданій, вѣрованій и обычаевъ. Такая правдивая жизненная основа и подкладка его украинскихъ повѣстей придаетъ имъ большой интересъ. Въ полѣсскихъ повѣстяхъ и разсказахъ Р.

обращаетъ явно все свое вниманіе на внѣшній эффектъ и запутанность интриги, совершенно почти оставляя въ сторонѣ внутреннее содержаніе и бытовую правду; отъ сего эти произведенія его сильно проигрываютъ. Правда, нѣкоторые и изъ этихъ разсказовъ заключаютъ въ себѣ долю этнографическаго элемента («На нивѣ», представляющій воспроизведеніе ходячихъ на Волыни народныхъ разсказовъ о кражѣ нищими дѣтей, «Въ папоротникѣ», имѣющій въ основѣ народное повѣрье о цвѣткѣ папоротника, доставляющемъ владѣльцу его несмѣтныя богатства, и о трудности достать этотъ цвѣтокъ, оберегаемый чертями), но большинство ихъ по своей фантастичности и незначительности содержанія имѣютъ интересъ только благодаря живости, легкости и образности языка, которымъ они написаны. Герои ихъ—полѣсскіе крестьяне, жиды-шинкари, паны-ляхи, ксендзы, а чаще всего—разбойники. Характеры всѣхъ этихъ дѣйствующихъ лицъ весьма сходны; не говоря о разбойникахъ и самодурахъ-панахъ стараго времени, мало чѣмъ отличавшихся отъ разбойниковъ,— сами крестьяне-полѣщуки и даже пугливые жидки выводятся на сцену съ демоническими характерами и титаническими силами, совершаютъ дѣла ужасныя, ставятся въ необычайныя положенія; таковы повѣсти «Страшный отецъ»—изображающая религіозный фанатизмъ и изувѣрство евреевъ, «Заклятый кладъ», рисующая сребролюбіе евреевъ, а въ особенности «Что надѣлали полѣсскіе волки»—«сказка» о необычайныхъ приключеніяхъ польскихъ магнатовъ въ Полѣсьѣ— Дворницкихъ. Въ 1885 году Раевскій занялся собираніемъ всего написаннаго имъ, чтобы издать полное собраніе своихъ сочиненій въ трехъ томахъ, но не успѣлъ осуществить своего намѣренія: заболѣвъ воспаленіемъ легкихъ, онъ умеръ 20-го января 1886 г.; погребенъ на Щекавицкомъ кладбищѣ въ Кіевѣ.

«Историческій Вѣстникъ» 1882 г., кн. 9, стр. 541—552; Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Вып. VI, стр. 106; «Кіевлянинъ» 1886 г., № 17.

Раевскій, *Титъ Васильевичъ*, воевода; упоминается, какъ стряпчій, въ «боярскихъ книгахъ» подъ 1675—76 г. Какъ таковой же, упоминается въ 1679 г. (3-го сентября) въ спискѣ бояръ, стольниковъ и стряпчихъ, сопровождавшихъ царя Ѳеодора Алексѣевича въ его «Саввинскомъ отъѣздѣ» на богомолье (въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губ.). Въ 1686 году онъ былъ уже стольникомъ. Въ 1693 году (со 2-го апрѣля) назначенъ воеводою въ Тюмень, гдѣ воеводствовалъ въ послѣдующіе годы, только въ 1698 г., за отъѣздомъ изъ Тобольска тамошнихъ воеводъ, былъ «на время» изъ Тюмени переведенъ въ Тобольскъ исправлять обязанности Тобольскаго воеводы (съ 19-го января по 28-ое февраля). Возвратившись опять на старое воеводство, Раевскій оставался тамъ до 25-го марта 1699 года, когда былъ замѣненъ воеводою Осипомъ Тухачевскимъ.

«Доп. къ Акт. Истор.», т. XII, стр. 391—393, 395, 396; «Русск. Истор. Библіот.», т. VIII, стр. 709; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. III, ч. II, стр. 287; Н. Н. Оглоблинъ, «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ сибирскаго приказа (1592—1798 г.)», ч. II, стр. 63; П. Ивановъ, «Указат. къ боярск. книг.»; «Дворц. Разряды», т. IV, стр. 99.

Раевъ, *Василій Егоровичъ*, живописецъ и мозаичистъ. Род. въ 1807 г., въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губ., крѣпостнымъ графа Кушелева (который впослѣдствіи отпустилъ его на волю). Начальное художественное образованіе онъ получилъ въ Арзамасской Художественной Школѣ Ступина, откуда, въ 1829 г., были присланы въ Академію, на судъ Совѣта, его рисунки съ натуры. Члены Совѣта признали по нимъ въ молодомъ художникѣ хорошія дарованія и «хорошую наклонность къ живописи пейзажей». Вскорѣ, очевидно, Р. окончилъ уже курсъ Ступинской школы, потому что 2-го мая 1831 г. происходило засѣданіе Совѣта Академіи, въ которомъ, какъ сказано въ протоколѣ, «Члены Совѣта разсматривали работы бывшаго Арзамасской Художественной школы ученика Р., находящагося въ крѣпостномъ состояніи, и по достоинству ихъ признали его заслуживающимъ вниманія сей Академіи, а потому (рѣшено) имѣть его въ виду, съ тѣмъ, чтобы, при случаѣ, дать ему возможность къ усовершенствованію себя по части художествъ и къ полученію свободнаго званія». Но случай этотъ явился не скоро. Только послѣ того, какъ, въ 1837 г., П. Н. Демидовъ поручилъ ему снимки видовъ со своихъ Нижне-Тагильскихъ пріисковъ и заводовъ, въ которыхъ художникъ впервые

познакомилъ публику съ интересными мѣстностями и типами Урала и Алтая и прислалъ ихъ, вмѣстѣ съ перспективными видами «зданій и мастерскихъ заводовъ», Академія, 30-го окт. 1838 г., опредѣлила: «довести (объ его успѣхахъ) до свѣдѣнія Его Имп. Величества и повергнуть участь его во Всемилостивѣйшее благоволеніе». Результатомъ этого, повидимому, было освобожденіе Р. отъ крѣпостной зависимости и поступленіе его въ Академію, гдѣ онъ пользовался руководствомъ М. Н. Воробьева. Въ 1839 г. онъ получилъ, «за успѣхи въ перспективной живописи», первую серебряную медаль, а въ январѣ 1842 г. ему задана была программа на вторую золотую медаль: «написать внутренность Владимірской церкви въ верхнемъ этажѣ». Но въ это время въ немъ принялъ участіе Л. А. Перовскій и далъ ему средства на поѣздку за границу; поэтому художникъ просилъ Академію разрѣшить ему, взамѣнъ заданной программы, представить для полученія медали какой-либо изъ заграничныхъ видовъ. Совѣтъ Академіи нашелъ это неудобнымъ, ссылаясь на правило, чтобы программа на золотую медаль выполнялась «подъ надзоромъ Академіи». На счетъ Перовскаго Р. прожилъ заграницей три года, по истеченіи которыхъ Академія, по разсмотрѣніи его работъ, «во вниманіе къ сдѣланнымъ имъ успѣхамъ и въ ободреніе къ дальнѣйшимъ», назначила ему 750 р. въ годъ съ тѣмъ, чтобы къ концу этого срока онъ прислалъ въ Академію свою работу, и тогда, если найдутъ ее достойною, то продлятъ его пребываніе еще на годъ. Въ теченіе этого года какъ разъ посѣтилъ Римъ Государь Императоръ и остался очень доволенъ какъ картиною, «Видъ Рима съ Манто-Маріо», назначенную художникомъ для Академіи, такъ и «Видомъ г. Бари» и «Видами (наружнымъ и внутреннимъ) церкви св. Николая Чудотворца, гдѣ почиваютъ мощи Святителя», вслѣдствіе чего художнику и былъ продленъ такой же пенсіонъ уже на два года. Въ благодарность за это, художникъ прислалъ упомянутую выше картину въ двухъ экземплярахъ: одинъ для Академіи, а другой для президента Академіи.

Между тѣмъ, въ томъ же 1845 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Мозаическаго заведенія въ Петербургѣ, и графу Адлербергу, исправлявшему тогда, по болѣзни князя Волконскаго, должность Министра Императорскаго Двора, поручено было устроить пробную мастерскую въ Римѣ. Тогда нашъ художникъ, вмѣстѣ съ тремя другими, рѣшилъ посвятить себя мозаичному искусству и сталъ работать подъ руководствомъ Юстиніана Барбери, римскаго профессора мозаики и химика по приготовленію эмалей. Для усвоенія русскими художниками тайнъ мозаичнаго искусства, назначенъ былъ четырехлѣтній срокъ, къ концу котораго они должны были исполнить мозаичную копію съ изображенія Николая Чудотворца, находящуюся въ Ватиканской часовнѣ, что они и выполнили. Копія эта находится теперь въ часовнѣ на Николаевскомъ мосту въ Петербургѣ.

Въ 1849 г. Р. вернулся въ Петербургъ, гдѣ два года состоялъ при Мозаическомъ заведеніи, и исполнилъ, между прочимъ, голову въ иконѣ Препод. Исаакія Далматскаго, для Исаакіевскаго собора.

Въ сентябрѣ 1851 г. Академія, «по исполненнымъ имъ работамъ въ разныхъ родахъ живописи», возвела его въ званіе академика.

Въ 1854 г. Р. снова ѣздилъ заграницу, а по возвращеніи оттуда, сблизившись съ К. Т. Солдатенковымъ, переѣхалъ въ Москву и жилъ у послѣдняго, завѣдуя его художественной галлереей. Еще раньше онъ занимался по живописи не одними только перспективными видами и пейзажами, а писалъ также и историческія картины; теперь же онъ предался всецѣло религіозной живописи и расписалъ въ византійскомъ стилѣ молельную въ домѣ Солдатенкова. Умеръ онъ въ Москвѣ въ 1870 г.

Изъ работъ его, кромѣ упомянутыхъ, укажемъ еще на слѣдующія: «Римскій видъ вечеромъ» (1843 г., въ Третьяковской галлереѣ); «Алимпій, иконописецъ Печерскій» (1848 г.); виды съ высоты Адмиралтейской башни; 15 образовъ праотцевъ и пророковъ для церкви въ селѣ Тейковѣ, Владимірской губ. (1862 г.); «Видъ помѣстья г. Максимова, въ Калужской губ.» (1864 г.); Образъ Богоматери (туда же, 1864 г.); «Видъ въ Кунцевѣ на долину» (1864 г.); «Видъ изъ Кунцева на Москву»; «Видъ на Римъ» (въ собраніи Солдатенкова, въ Румянцевскомъ музеѣ); «Медвѣдково» (тамъ же).

Исторія и достопамятности Исаакіевскаго собора», С.-Пб. 1858 г.; Отчеты Импер. Академіи

Художествъ за 1862—1865 г.; В. Серафимовъ и М. Фоминъ, Описаніе Исаакіевскаго собора С.-Пб. 1865 г.; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ, Т. II и III, С.-Пб. 1865—1866 гг.; А. Сомовъ, Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи Импер. Академіи Художествъ, С.-Пб. 1872 г.; П. Н. Петровъ, Воробьевъ и его школа: «Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ» 1888 г.; Описи художественныхъ произведеній городской галлереи братьевъ П. и С. Третьяковыхъ; А. П. Новицкій, Къ исторіи Мозаичнаго искусства въ Россіи: «Искусство и Художественная Промышленность», 1906 г., № 1. Иллюстрированный каталогъ картинной галлереи Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея. Собраніе К. Т. Солдатенкова, Изд. К. А. Фишеръ, М. 1901 г.

А. Новицкій.

Развадовскій, графъ *Константинъ Ивановичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, род. въ 1814 г. и происходилъ изъ дворянъ Минской губерніи, католическаго исповѣданія, воспитывался дома и въ 1829 г. опредѣлился унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Литовскій полкъ, въ которомъ и прослужилъ до 4-го іюня 1845 г., когда былъ переведенъ подполковникомъ въ Невскій морской (потомъ 1-й пѣхотный Невскій) полкъ, въ 1846—1848 г. пробылъ въ Образцовомъ пѣхотномъ полку, а 21-го іюня 1849 г. назначенъ командующимъ Симбирскимъ Егерскимъ (потомъ 24-й Симбирскій) полкомъ, съ которымъ и принялъ участіе въ Венгерскомъ походѣ, послѣ чего былъ произведенъ въ полковники (2-го апрѣля 1850) и утвержденъ командиромъ полка, во главѣ коего пробылъ до 31-го августа 1861 г., когда былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Затѣмъ графъ Р. былъ помощникомъ начальника 4-й пѣхотной дивизіи (20-го сентября 1861 г.), Предсѣдателемъ особой слѣдственной Коммиссіи по политическимъ дѣламъ въ Ц. Польскомъ (1-го января 1863—20-е декабря 1864 г.), генераломъ для особыхъ порученій при Намѣстникѣ Ц. Польскаго (12-го декабря 1863), Варшавскимъ комендантомъ (26-го марта 1867 г.) и произведенъ въ генералъ-лейтенанты 5-го августа 1870 г.; 29-го іюня 1872 разрѣшено ему съ двумя братьями и мужемъ дочери полк. Пащенкомъ носить съ потомствомъ графскій титулъ, 26-го августа 1876 г. зачисленъ въ списки л.-гв. Литовскаго полка, наконецъ, произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и умеръ 23-го марта 1885 г. Въ 1882 г. графъ Р. получилъ орденъ св. Александра Невскаго; изъ иностранныхъ орденовъ онъ имѣлъ Австрійскій, Прусскій и Черногорскій ордена.

Графъ Р. участвовалъ въ слѣдующихъ войнахъ: въ 1830 г., во время Польскаго возстанія, въ 1849 г. — въ Венгерскомъ походѣ, въ 1854—1855 гг. во время войны съ Турціей былъ со своимъ полкомъ въ Молдавіи, Бессарабіи и Крыму, былъ въ сраженіи при р. Черной и при оборонѣ Севастополя, въ 1863 г.—во время Польскаго возстанія былъ командующимъ войсками Замковой стороны г. Варшавы.

Формулярный списокъ 1875 г.; А. Н. Маркграфскій. Исторія л.-гв. Литовскаго полка, Варш. 1887, прил., стр. 40; «Петерб. Листокъ» 1885 г., № 80.

Разинъ, *Алексѣй Егоровичъ*, журналистъ, даровитый популяризаторъ научныхъ свѣдѣній и составитель хорошихъ дѣтскихъ книгъ; происходилъ изъ крестьянъ Владимірской губерніи и родился въ 1823 г. Отецъ его былъ своего рода юрисконсультомъ у своихъ помѣщиковъ Шепелевыхъ, владѣвшихъ тогда огромными имѣніями и знаменитыми заводами, а главнымъ управляющимъ всѣхъ имѣній этихъ помѣщиковъ былъ родной дядя Разина по матери, И. М. Горностаевъ, тоже изъ крестьянъ, но уже получившій университетское образованіе. Такое привилегированное положеніе родныхъ, конечно, могло бы дать и особое воспитаніе мальчику Разину; но онъ былъ истинный «сынъ природы» и до 11 лѣтъ жилъ на полной деревенской свободѣ; когда же отецъ умеръ, оставивъ жену безъ средствъ, съ 5 дѣтьми,—Алексѣй, средній, изъ дѣтей, былъ взятъ дядей въ Петербургъ на воспитаніе. Круто измѣнившіяся обстоятельства глубоко потрясли мальчика: изъ веселаго, живого, онъ сталъ нелюдимымъ, суровымъ; дядю за эту перемѣну въ то время онъ очень не долюбливалъ. Горностаевъ приписалъ Разина къ мѣщанскому сословію и отдалъ его для ученья въ 3-ю С.-Пб. Гимназію, гдѣ ему, однако, не нравилось: сначала онъ занимался только нѣкоторыми, любимыми предметами, а затѣмъ, тяготясь зависимымъ положеніемъ въ домѣ дяди и скукой въ гимназіи, и совсѣмъ забросилъ ученіе, сталъ манкировать посѣщеніемъ гимназіи и, вѣроятно, окончательно погибъ бы, если бы не спасло его случайное знакомство съ товарищемъ по гимназіи, Зубчаниновымъ. Послѣд-

ній ввелъ Р. въ свою семью и здѣсь онъ получилъ, какъ самъ выражался, «духовное рожденіе».

Встрѣчая въ семьѣ Зубчаниновыхъ чаще всего горячо преданныхъ своему дѣлу врачей, Разинъ увлекся и рѣшилъ сдѣлаться медикомъ, но дядя требовалъ, чтобы племянникъ кончилъ курсъ въ гимназіи; это было причиной полнаго разрыва Разина съ дядей: юноша погорячился, вышелъ изъ V-го класса гимназіи и принялся самостоятельно готовиться къ поступленію въ Медицинскую Академію. Результатъ, однако, получился совершенно неожиданный: когда черезъ годъ усиленныхъ занятій Разинъ явился въ Медицинскую Академію, тамъ отъ него и прошенія не приняли, какъ отъ не окончившаго нигдѣ курса.

Эта неудача нисколько не сломила энергіи Разина: гордый сознаніемъ, что онъ болѣе правъ, чѣмъ его дядя, онъ ушелъ отъ послѣдняго и переселился къ Зубчаниновымъ, которые его приняли и пріютили.

Жизнь у Зубчаниновыхъ дала толчекъ и всей послѣдующей дѣятельности Р. Здѣсь въ 1841 году онъ узналъ, что есть возможность получить мѣсто уѣзднаго учителя въ городѣ Колѣ; Разинъ подалъ прошеніе и явился на экзаменъ въ Университетъ. Экзаменъ онъ сдалъ блестяще, а сочиненіе его обратило на себя особое вниманіе экзаменаторовъ. Въ числѣ послѣднихъ А. В. Никитенко отговорилъ Разина ѣхать въ неизвѣстную даль и обѣщалъ ему въ Петербургѣ помощь и покровительство. Молодой человѣкъ вполнѣ довѣрился этому и остался... можно сказать, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій въ Петербургѣ.

Настала самая тяжелая пора въ жизни Разина: выступила на первый планъ реальная борьба съ непокрытой нуждой, такъ какъ частные уроки мало помогали дѣлу. Р., однако, весь отдался научнымъ занятіямъ, вѣря и надѣясь, что только этимъ путемъ можно добиться чего-нибудь. Онъ увлекался въ это время особенно естественными науками, въ занятіяхъ которыми помогали ему не мало и знакомые врачи, давшіе притомъ возможность работать въ лабораторіяхъ Медицинской Академіи. Одновременно съ этимъ кружокъ молодыхъ людей, съ Разинымъ и Зубчаниновымъ во главѣ, составилъ общество «самоусовершенствованія и самообразованія», благодаря чему Р. имѣлъ возможность продолжать образованіе и расширить свои познанія и по другимъ научнымъ предметамъ. Тогда же Разинъ занялся изученіемъ англійскаго языка.

Въ 1845 г. Анна Михайловна Дараганъ (1806—1877) издала замѣчательную книжку—«Елка. Подарокъ на Рождество. Азбука съ примѣрами постепеннаго чтенія» (Спб.). Въ составленіи этой книжки принялъ весьма близкое участіе Разинъ, рекомендованный составительницѣ, какъ дѣльный помощникъ. Это была его первая литературная работа, давшая опредѣленное направленіе всей послѣдующей его дѣятельности. Помимо этого, знакомство съ Дараганъ вызвало въ молодомъ человѣкѣ горячее желаніе изучать новые языки и вмѣстѣ съ тѣмъ выступить съ самостоятельными работами въ литературѣ. Изученіе новыхъ языковъ очень легко далось Разину: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже могъ переводить съ пяти языковъ безъ лексикона. Приложеніе этихъ знаній Р. вскорѣ осуществилъ и на дѣлѣ: въ то время издавался Ѳ. К. Дершау журналъ «Сѣверное Обозрѣніе», въ которомъ Р. и нашелъ возможнымъ помѣстить свои первые переводы: это — «Записки Фельдмаршала графа Стединга» (за 1848 г., № 1, отд. 2, стр. 1—18, и № 3, отд. 2, стр. 1—27) и «Мексиканскія сцены, — нравы рудокоповъ» (1848 г., № 3, смѣсь, стр. 16—31). Въ томъ же журналѣ была помѣщена и первая самостоятельная работа Разина (за подписью: А. Р-нъ): «Жизнь и приключенія домашняго учителя». Романъ въ 4-хъ частяхъ. («Сѣвер. Обозр.» 1848 г., № 1, отд. 1, стр. 35—114, и № 3, отд. 1, стр. 1—64. Окончанія не было).

Вскорѣ Р. получилъ уроки въ пансіонѣ М. Б. Чистякова. Послѣдній увидалъ въ Разинѣ хорошаго учителя и, помимо своего пансіона, устроилъ его въ 1848 году репетиторомъ русскаго языка и словесности въ Павловскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Занятія въ учебныхъ заведеніяхъ болѣе всего отвѣчали желаніямъ Р., — въ этомъ онъ видѣлъ тогда свое призваніе, и отдался этому дѣлу всецѣло; начальство и воспитанники скоро очень полюбили молодого репетитора, начальство дало ему мѣсто штатнаго учителя, а воспитанники нашли въ немъ искренняго, сердечнаго истолкователя своихъ думъ; въ корпусѣ и внѣ его

общеніе между учителемъ и учениками было полное. Кромѣ корпуса, А. Е. вскорѣ получилъ мѣсто учителя и въ Коммерческомъ Училищѣ. Видя, какъ наши дѣти мало знакомы съ окружающею ихъ жизнію, Р. уговорилъ М. Б. Чистякова издавать «Журналъ для дѣтей. Духовное, нравственное, историческое, естествоописательное и литературное чтеніе». Журналъ началъ выходить еженедѣльно съ 1850 г. Эта въ высокой степени полезная работа доставляла однако Р-ну массу хлопотъ: дѣтскихъ журналовъ до того почти не было, типъ дѣтскаго писателя въ Россіи отсутствовалъ, и потому издателямъ приходилось отъ первой строчки до послѣдней въ журналѣ писать самимъ, — только иногда помогала имъ жена Чистякова, Софья Аѳанасьевна. Разинъ все свободное время отъ занятій по должности учителя отдалъ журналу: переводилъ для него, составлялъ самостоятельныя статьи и даже рисовалъ виньетки.

Постоянная усиленная работа и въ классахъ, и для журнала наконецъ стала утомлять Разина, не давая ему и матеріальныхъ выгодъ. При этомъ и въ отношеніяхъ къ Чистякову наступила полоса, не благопріятствовавшая работѣ, и въ 1855 г. А. Е. Разинъ участіе въ «Журналѣ для дѣтей» прекратилъ, затѣмъ постепенно отказался отъ должности учителя во всѣхъ занимаемыхъ имъ мѣстахъ и отдался составленію и изданію давно задуманнаго своего капитальнаго труда — «Міръ Божій. Руководство къ русскому языку для приготовительныхъ классовъ военно-учебныхъ заведеній». Книга эта, широко задуманная и прекрасно исполненная, по выходѣ имѣла выдающійся успѣхъ; первое ея изданіе, на которое правительствомъ было отпущено 4 тысячи рублей, быстро разошлось, и авторъ не безъ основанія строилъ на ней мечты о своемъ благосостояніи. 2-го изданія однако не пришлось скоро сдѣлать: оказалось, типографія тайно отпечатала болѣе условленнаго и продавала книгу за полцѣны. Въ виду такой неудачи Разинъ продалъ 2-е изданіе за 500 руб. книгопродавцу Вольфу, которымъ оно и было выпущено въ 1860 г. (1-е въ 1856 г.); послѣ книга переиздавалась нѣсколько разъ.

Затѣмъ Разинъ принялъ мѣсто редактора «Академическаго Календаря», а въ 1859 г., въ Іюнѣ, послѣ смерти профес. Усова, и должность редактора періодическихъ изданій Вольно-Экономическаго Общества. Но здѣсь онъ пробылъ очень недолго; какъ сказано въ «Исторіи» Общества, «не успѣвъ оправдать надеждъ, которыя возлагало на него Общество, вслѣдствіе излишней щепетильности, онъ отказался въ началѣ Сентября того-же года отъ обязанностей редактора». О «щепетильности» Алексѣя Егоровича мы скажемъ далѣе нѣсколько словъ особо, а здѣсь отмѣтимъ, что не сошедшись съ «учеными» во взглядахъ на дѣло, онъ продалъ всѣ свои сочиненія за безцѣнокъ Вольфу въ полное владѣніе и удалился въ пріобрѣтенное имѣньице въ Новгородской губерніи. Здѣсь на досугѣ Р. принялъ широкое участіе въ журналахъ и газетахъ того времени: «Эпохѣ», «Времени», «Отеч. Зап.», «Морскомъ Сборн.», «Голосѣ» и др. Во всѣхъ статьяхъ Разинъ главнымъ образомъ разрабатывалъ вопросы о воспитаніи (напр. въ «Морск. Сборн.» 1856 г.), о преподаваніи русскаго языка, географіи (тамъ-же, 1859 г., № 3) и т. п., какъ близко его интересовавшіе и хорошо ему знакомые; писалъ вообще по народному образованію, а иногда популяризировалъ и различныя научныя темы (напр. «Начала органической жизни на земномъ шарѣ» въ «Свѣточѣ» 1860 г., № 2). Дѣтской литературой, а также повѣстями для дѣтей, ставшими послѣ столь извѣстными, Р. въ деревнѣ занимался мало, и, насколько извѣстно, въ это время имъ была написана только одна повѣсть—«Гетманъ Степанъ Остряница. Повѣсть изъ русской исторіи 1638 г.», которая въ 1864 г. и была напечатана въ журналѣ «Дѣло и Отдыхъ» (т. I (Январь), отд. I, стр. 1—108); отдѣльно повѣсть издана въ 1868 г. и потомъ нѣсколько разъ переиздавалась.

Въ деревнѣ Р. очень много переводилъ, передѣлывалъ и приспособлялъ научныя темы для пониманія русскою публикою, въ различныхъ ея возрастахъ, и все это издавалъ Вольфъ. За означенное время вышли въ свѣтъ: «Историческіе разсказы и біографіи. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста». Спб. 1870 г.; «Открытіе Америки, Камчатки и Алеутскихъ острововъ. Разсказы для дѣтей». Спб. 1860 г. (эта книжка вошла въ составъ и «Зеленой Библіотеки»); «Путешествія по разнымъ странамъ міра. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста». Спб. 1860 г.; «Настоящій Робинзонъ. Приключенія Александра Селькирка и обезьяны

Мариминда на необитаемомъ островѣ Тихаго океана. Заимствовано съ французскаго». Спб. 1860 г.; «Повѣсти и разсказы для дѣтей». Спб. 1860 г.; «Разсказы о животныхъ и растеніяхъ». Спб. 1861 г.; «Разсказы о природѣ и ея явленіяхъ». Спб. 1861 г.; «Всеобщее землеописаніе. Географія для чтенія и справокъ, по плану Бланка, передѣлано и дополнено Дистервегомъ». Перев. съ 7 изд. съ измѣненіями и дополненіями по Кледену, Штедлеру и др. новѣйшимъ писателямъ А. Разина, П. Ольхина, П. Цейдлера и П. Усова. 3. тома. Спб., 1862—1866 гг.; «Путешествіе Ливингстона по внутренней Африкѣ. Съ описаніемъ замѣчательныхъ открытій въ южной Африкѣ съ 1840 по 1856 г.». Перев. съ нѣмец. подъ ред. А. Разина. Спб., 1862 г.; «Популярный курсъ математической и физической географіи по плану Бланка, съ измѣненіями и дополненіями по Кледену, Штедлеру и др. новѣйшимъ писателямъ». Переводъ. Спб. 1864 г.

Проживъ въ деревнѣ около трехъ лѣтъ, Разинъ, числившійся съ 1861 г. на службѣ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, съ откомандированіемъ для занятій въ Хозяйственный Департаментъ, въ началѣ 1864 года переселился въ Польшу, куда пригласилъ его на службу Николай Алексѣевичъ Милютинъ, для занятій по приведенію въ исполненіе положеній о сельскихъ гминахъ и крестьянахъ Царства Польскаго при учредительномъ комитетѣ. Какъ и всегда, Р. всецѣло отдался новому полезному и увлекательному дѣлу и литературой въ это время почти не занимался, помѣщая только изрѣдка статьи въ журналахъ и газетахъ (о народномъ образованіи, о народномъ хозяйствѣ, о сѣверо-западныхъ губерніяхъ). За труды по устройству крестьянъ въ Царствѣ Разинъ былъ награжденъ золотою медалью на александровской лентѣ, а по должности предсѣдателя Петроковской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ онъ былъ пожалованъ 30 марта 1865 г. денежною наградою. Какъ полезный и усердный работникъ, Р. съ 19-го іюля 1866 г. былъ опредѣленъ на службу при собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго. Но здѣсь пробылъ онъ сравнительно недолго: съ выходомъ въ отставку, въ началѣ 1867 г., Милютина, у Р. съ новымъ начальствомъ начались нелады, и 31-го декабря 1868 г. онъ былъ оставленъ за штатомъ съ содержаніемъ на два года.

Поѣздка Разина въ Польшу тяжело отозвалась на личной жизни его: по возвращеніи въ Петербургъ, онъ не былъ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи, и въ результатѣ даже пришлось разстаться съ небольшимъ имѣньицемъ, взятымъ за долги; кромѣ того, по различнымъ причинамъ онъ вынужденъ былъ вести одинокую жизнь, внѣ своей семьи. Въ служебномъ отношеніи ему также не было удачи: хотя Р. былъ прикомандированъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ, гдѣ онъ работалъ во многихъ коммиссіяхъ, какъ напримѣръ съ 18-го сентября 1871 г.—при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ для составленія правилъ о колонизаціи Амурскаго края, а съ 8-го Октября того-же года — и при Военномъ Министерствѣ для обсужденія доставленнаго генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ проэкта положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ и, кромѣ того, на него возложено было составленіе и переводъ на нѣмецкій языкъ книги подъ заглавіемъ — «Сводъ узаконеній и распоряженій правительства по устройству поселянъ-собственниковъ», за поднесеніе которой Императору Разинъ 20-го декабря 1871 г. былъ награжденъ подаркомъ; но все это дѣлалось безплатно, жалованья по этой службѣ онъ не получалъ, и потому единственнымъ средствомъ къ существованію являлся литературный трудъ, дававшій въ сущности ничтожный заработокъ. Въ силу необходимости съ этимъ пришлось мириться, и Р. занялся главнымъ образомъ дѣтскою литературою. Имя его начинаетъ снова встрѣчаться какъ подъ различными статьями въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и на отдѣльныхъ книгахъ. Изъ дѣтскихъ журналовъ Р. сравнительно много печаталъ въ «Семейныхъ Вечерахъ», гдѣ, между прочимъ, имъ помѣщены «Римскія катакомбы» за 1870 г., № 1; «Мечты и происки въ Самборѣ» за 1871 г., №№ 1, 4, 6, 7, 8, 9 и 10. Популяризація научныхъ знаній является не послѣднимъ мотивомъ въ работахъ Разина, и имя его встрѣчается въ такихъ изданіяхъ, какъ «Нива», гдѣ онъ въ 1873 г. (№№ 6 и 14) напечаталъ—«Геологическое происхожденіи Россіи». За то-же время — до смерти Разина — изданы отдѣльно: уже упомянутая ранѣе повѣсть «Гетманъ Сте-

панъ Остряница», потомъ: «Дѣдушка Гостомыслъ. Повѣсть изъ русской исторіи». С.-Пб. 1868 г.; «Разоренный годъ. Повѣсть изъ русской исторіи (1812 г.)». С.-Пб., 1868 г.; «Исторія французской революціи (1788—1799). Соч. Адольфа Тьера. Перев. подъ редакц. А. Разина». 5 томовъ. С.-Пб., 1873—1876 г.г.; «Новые разсказы для юношества. (Мечты и происки,—Дѣдушка Гостомыслъ, — Сѣверный полюсъ и др.). С.-Пб. 1873 г.; «Юные строители. Повѣсть о томъ, какъ мой племянникъ рѣшился сдѣлаться архитекторомъ». Составл. по соч. Віоле Ледюкъ. С.-Пб., 1874 г.; «Картины изъ исторіи земной коры. Наглядная геологія». Съ текстомъ Ф. Гохштетера, передѣл. А. Разинымъ. С.-Пб. 1875 г.; «Откуда пошла русская земля и какъ стала быть». Русская исторія въ повѣстяхъ, начатая А. Разинымъ и продолженная В. Лапинымъ. С.-Пб., съ 1875 г. изданіе выходило выпусками, которыхъ было 45; въ 1879 г. это изданіе, съ рисунками Н. Дмитріева-Оренбургскаго, вышло въ 3 томахъ. Въ годъ смерти (1875) вышла очень извѣстная книга Разина — «Картины русской жизни», съ рисунками Пиланта, въ 5 томахъ, хотя на выходномъ листѣ и помѣченная 1876 годомъ. Въ 1876 г. напечатана и послѣдняя работа Р. — «Мать наставница. Азбука и первое чтеніе».

Для полноты въ библіографическомъ отношеніи необходимо отмѣтить, что въ 1858 г. подъ редакціею А. Е. Разина вышелъ I-й томъ изданія — «Русская сельско-хозяйственная библіотека. Т. I. Почвы и хлѣба»; съ 1861 г. онъ вмѣстѣ съ П. Ольхинымъ редактировалъ «Вокругъ Свѣта. Журналъ землевѣдѣнія, естественныхъ наукъ, изобрѣтеній и наблюденій»; наконецъ, на 1872 г. было объявлено о выходѣ «Журнала для юношества — Міръ Божій», подъ редакц. Разина, но изданіе такого журнала, насколько извѣстно, не осуществилось.

Какъ уже было упомянуто, Разинъ въ послѣднее время былъ причисленъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ; даровая работа тамъ, правда, довела Алексѣя Егоровича до чина статскаго совѣтника, но мало удовлетворяла его, и онъ приказомъ по министерству отъ 27-го декабря 1872 г., былъ, согласно прошенію, уволенъ отъ службы.

Человѣкъ съ рѣдкимъ умомъ, характеромъ, энергіей, безкорыстностью и неутомимостью въ трудѣ, А. Е. Разинъ до конца жизни сохранилъ черты быта, изъ котораго вышелъ: въ обществѣ онъ былъ угрюмо-молчаливъ; когда говорилъ, нисколько не стѣснялся открыто высказывать свои мнѣнія и иногда бывалъ очень рѣзокъ, за что многіе не любили его и почти всѣ считали человѣкомъ гордымъ и непріятнымъ. Совсѣмъ преобразовывался Разинъ въ обществѣ людей простыхъ, безпритязательно добрыхъ: среди нихъ онъ легко находилъ и предметы для разговоровъ, и умѣлъ вызывать наружу лучшія стороны души многихъ забитыхъ людей. Онъ всегда шелъ съ охотою на помощь къ бѣднымъ: живя въ деревнѣ, близъ станціи Любань, Разинъ пріобрѣлъ тамъ всеобщую любовь и уваженіе среди мѣстнаго населенія, какъ человѣкъ добрый; обладая обширными свѣдѣніями въ медицинѣ, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ употреблялъ ихъ для оказанія помощи преимущественно бѣдному простолюдину—русскому мужику.

Умеръ Разинъ въ бѣдности и горѣ, совершенно одинокій, неожиданно (отъ разрыва сердца) 18-го апрѣля 1875 г. на 52 г. въ Петербургѣ и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

Н. Аничковъ, «Историческая Записка 50-лѣтія третьей С.-Пб. гимназіи», С.-Пб., 1873 г., прилож., стр. 134; А. И. Ходневъ, «Исторія Императ. Вольн.-Экономич. О-ва», С.-Пб., 1865 г., стр. 118; «Пятнадцатилѣтіе газеты «Голосъ», С.-Пб., 1878 г., стр. 5; Ф. Толль, «Необходимое дополнительн. приложеніе къ «Настольн. Словарю», С.-Пб., 1866 г., стр. 423; «Иллюстр. Недѣля», 1875 г., № 16, стр. 255; «Голосъ», 1875 г., №№ 108 и 111; «Владимірскія Епархіальныя Вѣдомости», 1875 г., № 9, стр. 447—450; «Нива», 1875 г., № 18; «Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества» за 1875 г., стр. 34; «Русск. Календарь» А. Суворина, на 1876 г.; «Календарь» А. Гатцука, на 1876 г.; «Гражданинъ». 1876 г., № 4; «Дѣтское Чтеніе», на 1885 г., № IV, стр. 1—4 (отъ редакціи) и стр. 5—33 (Е. Разиной); «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», т. 62, стр. 198; «Русскій энциклопедическій словарь» И. Н. Березина. Отд. IV, т. I, стр. 8, (С.-Пб., 1875 г.); «Энциклопедическій Словарь», изд. Брокгауза и Ефрона, т. 26, полут. 51, стр. 159, (С.-Пб., 1899 г.).

А. В. С.

Разинъ, *Степанъ Тимоѳеевичъ (Стенька)*, извѣстный предводитель донской и поволжской «голытьбы» въ 1667—1670 годахъ. Костомаровъ столь живо и правдиво представилъ физическій и нравственный обликъ

Разина, что мы цѣликомъ приводимъ его характеристику. «Стенька Разинъ — говоритъ онъ — былъ человѣкъ крѣпкаго сложенія, необыкновенно предпріимчивый и дѣятельный, человѣкъ непреодолимой воли, которая уже одна могла заставить преклониться передъ нимъ толпу; своенравный и непостоянный и вмѣстѣ съ тѣмъ неуклонный въ принятомъ намѣреніи, то мрачный и суровый, то разгульный до бѣшенства, то преданный пьянству и кутежу, то способный съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ переносить всякія лишенія,—то нѣкогда ходившій на богомолье въ далекій Соловецкій монастырь, то, впослѣдствіи, пренебрегавшій посты и не хотѣвшій знать ни таинствъ, ни священниковъ. Въ его рѣчахъ было что-то обаятельное. Толпа чуяла въ немъ какую-то небывалую силу, передъ которой нельзя было устоять, и называла его колдуномъ. Жестокій и кровожадный, онъ забавлялся какъ чужими, такъ и своими собственными страданіями. Законъ, общество, церковь,—все, что стѣсняетъ личныя побужденія человѣка, стали ему ненавистны. Состраданіе, честь, великодушіе — были ему незнакомы. Это былъ выродокъ неудачнаго склада общества; местью и ненавистью къ этому обществу было проникнуто все его существо».

Р. сталъ во главѣ «голытьбы», бѣжавшей на окраины Московскаго государства, главнымъ образомъ на тихій, вольный Донъ, гдѣ, по старинному казацкому обычаю, всѣмъ давался пріютъ. Бѣжавшіе туда отъ обременительныхъ поборовъ, отъ притѣсненій воеводъ и дьяковъ, стали называть себя «казаками», но правительство именовало ихъ не иначе, какъ «воровскими казаками». Голытьбу эту составляли люди рѣшительные, отчаянные; они враждебно относились къ боярамъ, воеводамъ, «приказнымъ» и вообще къ богатымъ; хотѣли поживиться на ихъ счетъ, уничтожить все то, что давитъ простой народъ, и замѣнить московскій государственный и общественный строй казацкими порядками. Во второй половинѣ XVII ст. въ Московскомъ государствѣ не только усилились побѣги, но умножились разбои. Крестьяне и посадскіе несли столько повинностей, такъ много терпѣли отъ несправедливости и произвола служилыхъ людей, что стали смотрѣть на разбойниковъ, которые грабили только знатныхъ и богатыхъ, съ сочувствіемъ, какъ на отважныхъ удальцовъ и даже покровителей страждущихъ и угнетенныхъ.

Стенька Разинъ сдѣлался вождемъ голытьбы, побуждаемый къ тому повидимому главнымъ образомъ чувствомъ личной мести. Въ 1665 г. его родной братъ, атаманъ одного изъ донскихъ казачьихъ отрядовъ, участвовалъ въ походѣ кн. Юрія Долгорукаго противъ поляковъ и, при наступленіи осени, сталъ просить объ отпускѣ на Донъ. Князь приказалъ ему остаться на службѣ, но Р., считавшій, что онъ служитъ московскому царю добровольно, а не по обязанности, все таки ушелъ со своей станицей. Ихъ догнали, и атаманъ былъ повѣшенъ, по приказанію кн. Долгорукаго. Очень возможно, что казнь произошла на глазахъ братьевъ атамана, Степана и Фрола, и заронила въ душѣ рѣшительнаго и жестокаго Степана Разина искру ненависти и мести къ московскому правительству. Собравъ вокругъ себя удальцевъ, онъ въ апрѣлѣ 1667 г. поплылъ на четырехъ стругахъ вверхъ по Дону къ тому мѣсту, гдѣ Донъ сближается съ Волгой, выбралъ бугоръ близъ городка Паншина и расположился тамъ станомъ. Ватага Р., по казачьему обычаю, была раздѣлена на сотни и десятки; атаманомъ былъ самъ Р., а эсауломъ Ивашка Черноярецъ. Изъ Паншина Р. перешелъ на Волгу, проплывъ туда вѣроятно рѣкою Камышинкою, и вскорѣ началъ свои разбойничьи подвиги нападеніемъ на весенній караванъ съ казеннымъ хлѣбомъ. Караванъ состоялъ изъ царскихъ, патріаршихъ и частныхъ струговъ, и на одномъ изъ нихъ находились ссыльные, которыхъ везли въ Астрахань. Начальникъ сопровождавшаго караванъ стрѣлецкаго отряда, симбирскій сынъ боярскій Ѳедоровъ, цѣловальники, прикащикъ гостя Шарина (владѣльца большого судна, нагруженнаго казеннымъ хлѣбомъ) и хозяева частныхъ струговъ были преданы Р-мъ пыткѣ, а затѣмъ повѣшены на мачтахъ или потоплены въ Волгѣ; той же участи подверглось нѣсколько простыхъ рабочихъ, вѣроятно за сопротивленіе. Съ ссыльныхъ были сняты оковы, и они выпущены на свободу, а чернорабочимъ и рядовымъ стрѣльцамъ Р. сказалъ: «Вамъ всѣмъ воля; идите себѣ, куда хотите; силою не стану принуждать быть у себя; а кто хочетъ идти со мной — будетъ вольный казакъ. Я пришелъ бить только бояръ, да богатыхъ

господъ, а съ бѣдными и простыми готовъ, какъ братъ, всѣмъ подѣлиться». Ватага Р. вслѣдствіе этого сильно увеличилась. Завладѣвъ стругами и запасами каравана, онъ поплылъ къ Царицыну. Со стѣнъ города стали стрѣлять изъ пушекъ въ «воровскія» суда, но, какъ сказано въ донесеніи царю Симбирскаго воеводы Дашкова, составленномъ на основаніи разспросныхъ рѣчей очевидцевъ, «ни одна пушка не выстрѣлила, запаломъ весь порохъ выходилъ». Понадобился казакамъ зачѣмъ-то кузнечный приборъ, и вотъ Р. смѣло отправилъ своего эсаула къ Царицынскому воеводѣ требовать наковальню, мѣхи и другія кузнечныя снасти. Воевода далъ все, что просили, считая Р. чуть не чародѣемъ и будучи увѣренъ, что «того атамана и ясаула пищаль, ни сабля, ниинто не возметъ и все де войско они берегутъ».

Въ концѣ мая или въ началѣ іюня Р. и его ватага на 35 стругахъ, спустившись внизъ по Волгѣ и минуя Астрахань, вошли въ Каспійское море и остановились у устья Яика. Затѣмъ они поднялись по Яику, и Р. только съ 40 казаками подошелъ къ Яицкому городку, прося начальника гарнизона этого городка, стрѣлецкаго голову Яцына, пустить его съ товарищами въ городокъ «Богу помолиться». Стрѣлецкій голова согласился. Войдя въ городъ, «воровскіе казаки» отперли ворота, впустили всю ватагу и, несмотря на то, что имъ не было оказано никакого сопротивленія, жестоко расправились со стрѣлецкимъ головой и съ сотниками: не только они, но и многіе стрѣльцы были обезглавлены. Остальнымъ стрѣльцамъ и жителямъ Яицкаго городка Р. сказалъ, что онъ даетъ имъ волю: пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ — остаются при немъ или идутъ въ Астрахань. Многіе остались въ Яицкомъ городкѣ, а за тѣми, которые пошли къ Астрахани, была послана погоня; ихъ догнали на Раковой Косѣ и такъ какъ они отказались возвратиться къ Р., то воровскіе казаки стали рубить ихъ и бросать въ воду. Все лѣто 1667 г. провелъ Р. въ Яицкомъ городкѣ, а въ сентябрѣ отправился къ устью Волги, разбилъ тамъ кочевыхъ татаръ и многихъ взялъ въ плѣнъ, ограбилъ близъ Терскаго городка какое-то турецкое судно и воротился зимовать на Яикъ. Астраханскій воевода кн. Хилковъ, а затѣмъ преемникъ его кн. Ив. Сем. Прозоровскій неоднократно посылали увѣщевать Р., но все было напрасно, и нѣкоторые изъ посланныхъ воеводами стрѣлецкихъ пятидесятниковъ поплатились жизнью.

23-го марта 1668 г. Р. со своей ватагой выступилъ въ Каспійское море, и въ Московскомъ государствѣ больше года не знали навѣрное, гдѣ онъ находится. Между тѣмъ на Дону и въ Запорожьѣ вѣсть объ удальствѣ Р. подняла много народу и отдѣльныя шайки, подъ предводительствомъ Сережки Кривого, Алешки Протакина, Алешки Каторжнаго и запорожца Боба, начали появляться на берегахъ Каспійскаго моря. Р. и его казаки вышли въ предѣлы Персіи и стали предавать разоренію села и города на пути отъ Дербента до Баку, а жителей убивали или уводили въ плѣнъ. Когда они подошли къ г. Рашу (Решту), правитель этого города Бударъ-ханъ выслалъ противъ нихъ войско, но Р. вступилъ въ переговоры и изъявилъ желаніе принять персидское подданство. Казалось бы, что, послѣ разоренія дагестанскихъ береговъ казаками, нельзя было ожидать сочувствія со стороны градоправителя, но на дѣлѣ вышло иначе: Бударъ-ханъ дозволилъ Р. послать трехъ казаковъ въ Испагань для переговоровъ о принятіи подданства персидскаго шаха, и далъ Р-ну столько же заложниковъ персіянъ. Казаки были приняты въ Испагани съ почетомъ и шахъ велѣлъ своему эхтиматъ-девлету выслушать ихъ прошеніе. Пріѣхавшій въ это время въ Испагань московскій посланникъ выяснилъ персидскому правительству, что Р. и его казаки — мятежники, а потому не слѣдуетъ принимать ихъ въ персидское подданство. Вскорѣ послѣ того до Испагани начали доходить слухи о прежнихъ опустошеніяхъ, произведенныхъ казаками на Каспійскомъ побережьѣ, и персидское правительство стало относиться подозрительно не только къ казакамъ, но и къ московскому посольству, полагая, что оно прислано для того, чтобы отвлечь вниманіе персіянъ и дать возможность казакамъ грабить персидскія области. Вслѣдствіе этого персіяне принялись, подъ наблюденіемъ какого-то нѣмца, строить флотъ, чтобы идти весной противъ казаковъ. Пока въ Испагани шли мирные переговоры, а затѣмъ военныя приготовленія, Р. со своими казаками чуть не погибъ въ Рештѣ, предавшись тамъ неумѣренному пьянству,

и спасся только благодаря преданности окружавшихъ его людей; что касается рядовыхъ казаковъ, то изъ нихъ 400 человѣкъ было убито и взято въ плѣнъ. Послѣ этого происшествія казаки поплыли къ городу Фарабату, взяли его, разграбили и сожгли не только самый городъ, но и увеселительные дворцы шаха, построенные на берегу моря, а жителей частью перебили, частью увели въ плѣнъ. На полуостровѣ противъ Фарабата Р. построилъ, съ помощью плѣнниковъ, деревянный городокъ и перезимовалъ тамъ; весной же 1669 г. онъ поплылъ на восточный берегъ Каспійскаго моря, къ «Трухменской землѣ», а оттуда къ Свиному острову, гдѣ пробылъ два съ половиной мѣсяца, дѣлая набѣги на берегъ для добыванія пищи. Въ іюлѣ персіяне выступили противъ Р. на семидесяти судахъ, подъ начальствомъ Менеды-хана. Сраженіе окончилось побѣдой казаковъ, которые получили большую добычу, убили сына Менеды-хана и взяли въ плѣнъ его красавицу дочь. Разбогатѣли казаки, стало у нихъ много золота и драгоцѣнныхъ персидскихъ тканей, завоевали они себѣ славу, но въ то же время бѣдствовали отъ недостатка хлѣба и прѣсной воды. Пришлось подумать о своевременномъ уходѣ изъ Каспійскаго моря, такъ какъ персидскій шахъ, раздосадованный неудачей, могъ выслать противъ Р. большое войско, а силы казаковъ убавились послѣ упомянутаго нами выше несчастнаго происшествія въ Рештѣ и вслѣдствіе болѣзней отъ употребленія морской воды.

Р. со своими казаками направился къ устью Волги. Ночью 7-го августа 1669 г. они напали на учугъ Басаргу, принадлежавшій астраханскому митрополиту, и захватили наловленную рыбу и разныя рыбачьи снасти. Провѣдавъ, что изъ Персіи идетъ къ Астрахани большая купеческая буса, казаки повернули въ море, напали на эту бусу, ограбили ее, взяли въ плѣнъ хозяйскаго сына Сехамбета и потребовали за него выкупу пять тысячъ рублей. Владѣлецъ этой бусы и митрополичьи рабочіе тотчасъ же донесли въ Астрахань о появленіи казаковъ. Астраханскій воевода кн. Ив. Сем. Прозоровскій немедленно отправилъ противъ нихъ своего товарища кн. Сем. Ив. Львова, съ 4000 вооруженныхъ стрѣльцовъ, на 36 стругахъ. Казаки расположились станомъ на островѣ Четырехъ Бугровъ, при устьѣ Волги, и ожидали тамъ прихода царскаго войска. Увидавъ, что имъ не сладить съ астраханцами, казаки уплыли въ море; кн. Львовъ двадцать верстъ гнался за ними, а затѣмъ отправилъ къ нимъ посланца для переговоровъ и выставилъ условія, на которыхъ они могутъ возвратиться на Донъ. Послѣ этого царское войско, съ кн. Львовымъ во главѣ, и Р. со своими казаками повернули къ Астрахани. Р. съ нѣсколькими казаками вошелъ въ городъ и положилъ въ приказной избѣ свой бунчукъ, въ знакъ послушанія. Что касается отдачи пушекъ, промѣна морскихъ струговъ на рѣчные, возвращенія плѣнныхъ и добычи, то все это было выполнено Р. лишь отчасти. Казаки провели подъ Астраханью полторы недѣли и каждый день ходили по городу, щеголяя богатой одеждой, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Расхаживая въ толпѣ, Р. привѣтливо со всѣми разговаривалъ, щедро одѣлялъ золотомъ и серебромъ и расположилъ къ себѣ астраханскую чернь. Ко времени его пребыванія подъ Астраханью относится одинъ случай, характеризующій его необузданность и жестокость. Р. съ казаками пировалъ на своемъ богато украшенномъ стругѣ; возлѣ него сидѣла плѣнная персидская княжна (дочь Менеды-хана) въ великолѣпномъ одѣяніи, украшенномъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Чтобы доказать, что слухи о вліяніи на него красавицы-княжны неосновательны, Р. схватилъ ее одной рукой за горло, другою за ноги и бросилъ въ Волгу.

4-го сентября 1669 г. Р. отправился на Донъ на рѣчныхъ и на морскихъ стругахъ и, по дорогѣ къ Царицыну, принялъ къ себѣ нѣсколькихъ бѣглыхъ служилыхъ людей. Подъ Царицынымъ къ нему явилась толпа донскихъ казаковъ съ жалобой на притѣсненія воеводы Унковскаго. Р. заявилъ воеводѣ, что онъ долженъ вознаградить обиженныхъ казаковъ, и пригрозилъ, что если онъ и впредь будетъ такъ обирать казаковъ, то не останется въ живыхъ. Изъ Царицына Р. пробрался на Донъ и устроилъ на островѣ городъ Кагальникъ, куда прибыли затѣмъ изъ Черкасска его жена и братъ Фролъ. Желая узнать о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Р-на, Московское правительство прислало въ Черкасскъ жильца Евдокимова съ царской милостивой грамотой къ казакамъ, которая и была

прочтена вслухъ донскимъ атаманомъ Корниломъ Яковлевымъ. На другой день послѣ этого Р. явился въ Черкасскъ и сталъ доказывать казакамъ, что московскіе бояре подстрекаютъ нарушать казацкія вольности, а жильца Евдокимова назвалъ лазутчикомъ, присланнымъ подсматривать за нимъ; Евдокимовъ былъ схваченъ казаками, избитъ и брошенъ въ воду.

Донскіе казаки откликнулись на призывъ Р. и весной 1670 г. многіе изъ нихъ отправились съ нимъ къ Царицыну, гдѣ все было подготовлено къ его приходу. Дорогой къ Р-ну присталъ извѣстный «воръ» Васька Усъ, который четыре года передъ тѣмъ разорилъ много воронежскихъ и тульскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ; Р. сдѣлалъ его своимъ эсауломъ. Новый Царицынскій воевода Тургеневъ приготовился къ защитѣ города, но жители Царицына передались Р-ну: казаки были впущены въ городъ, а Тургеневъ, послѣ ужасныхъ истязаній, брошенъ въ Волгу. Едва окончилась эта расправа, какъ пришло извѣстіе, что сверху плывутъ московскіе стрѣльцы, посланные для защиты низовыхъ городовъ. Не ожидая измѣны Царицына, стрѣльцы были застигнуты врасплохъ: городовыя пушки съ одной стороны, выстрѣлы казаковъ съ другой были такъ мѣтко направлены, что больше половины стрѣльцовъ погибло, а остальные триста передались Р-ну; всѣ начальственныя лица были перебиты, а рядовые стрѣльцы приняты имъ привѣтливо. Р. провелъ въ Царицынѣ около мѣсяца и ввелъ тамъ казачье устройство.

Въ Астрахани съ ужасомъ узнали, что Царицынъ захваченъ воровскими казаками, предводимыми Р-мъ. Все какъ бы предвѣщало Астрахани неминуемую бѣду: и небесныя знаменія, и землетрясеніе, и проливные дожди съ градомъ. Настроеніе стрѣльцовъ и служилыхъ людей въ Астрахани послѣ того, какъ осенью 1669 г. побывалъ тамъ Р., внушало сильныя опасенія воеводѣ кн. Ив. Сем. Прозоровскому. Онъ отправилъ противъ Р. три тысячи стрѣльцовъ, подъ начальствомъ кн. Львова, но находившіеся среди нихъ приверженцы Р. успѣли склонить ихъ на сторону своего атамана—радѣтеля народнаго блага. Когда струги Р. и астраханскихъ стрѣльцовъ встрѣтились на Волгѣ, между стрѣльцами внезапно вспыхнулъ мятежъ: рядовые стрѣльцы радостно привѣтствовали Р. и всѣ начальники, исключая кн. Львова, были ими перебиты. Услыхавъ о приближеніи Р. къ Астрахани, митрополитъ съ духовенствомъ устроилъ вокругъ города крестный ходъ, а воевода кн. Прозоровскій осмотрѣлъ городскія стѣны, разставилъ стражу и приказалъ завалить всѣ ворота кирпичемъ, чтобы помѣшать доступу въ нихъ казакамъ. Намѣреніе митрополита подѣйствовать на религіозное чувство астраханцевъ и надежда воеводы на крѣпость городскихъ стѣнъ оказались напрасными: 21-го іюня, подъ вечеръ, Астрахань безъ боя сдалась Р-ну. Воевода кн. Прозоровскій былъ тяжело раненъ; вѣрный слуга перенесъ его въ церковь, куда немедленно пришелъ митрополитъ: до слезъ растроганный положеніемъ своего друга, онъ утѣшалъ его, исповѣдывалъ и пріобщилъ Св. Таинъ. Въ церковь стали стекаться дьяки, стрѣлецкіе начальники, купцы, дворяне, дѣти боярскія, искавшіе спасенія отъ насилія казаковъ и расходившейся черни. На другое утро самъ Р. явился для суда и расправы. Первой жертвой палъ кн. Прозоровскій, собственноручно сброшенный имъ съ раската (такъ называлась церковная колокольня); вслѣдъ затѣмъ были убиты всѣ, искавшіе убѣжища въ церкви, и тѣла ихъ отвезены въ Троицкій монастырь, гдѣ и погребены въ одной общей могилѣ. Имущество убитыхъ расхищено казаками, стрѣльцами и чернью; дѣла Приказной Избы, по повелѣнію Р., вытащены на площадь и сожжены. Р. три недѣли провелъ въ Астрахани; онъ каждый день былъ пьянъ и, въ угоду разсвирѣпѣвшему народу, безпощадно мучилъ и убивалъ всякаго, кто чѣмъ-нибудь навлекалъ на себя неудовольствіе черни.

Оставивъ въ Астрахани атаманомъ Ваську Уса, Р. со своей ватагой отправился вверхъ по Волгѣ на 200 судахъ, 2000 человѣкъ конницы послалъ сухимъ путемъ, а награбленное въ Астрахани имущество распорядился отвезти на Донъ, подъ прикрытіемъ значительнаго отряда. Саратовъ сдался ему безъ сопротивленія; Самару было труднѣе взять, потому что среди ея жителей находилось немало людей, вѣрныхъ царю Алексѣю Михаиловичу. Въ это время во всѣ концы Московскаго государства были разосланы «прелестныя письма» Р., т.-е. воззванія, въ которыхъ говорилось о всеобщемъ братствѣ и объ уничтоженіи ка-

кой бы то ни было власти. Приверженцы Р. возбуждали народъ разными способами: однихъ увѣряли, что въ войскѣ Р. находится царевичъ Алексѣй (умершій 17-го января этого года), бѣжавшій будто бы отъ суровости отца и злобы бояръ; православныхъ поднимали за патріарха Никона, подвергшагося гоненію; старообрядцевъ возмущали противъ него же, за его новшества; инородцевъ (черемисъ, чувашъ и мордву) возстановляли противъ русскаго населенія; въ мусульманахъ разжигали религіозный фанатизмъ. Самъ Р., сознавая, что въ массѣ русскаго народа крѣпко держится уваженіе къ царской особѣ, говорилъ, что онъ не намѣревается быть царемъ, а хочетъ жить со всѣми, какъ братъ.

5-го сентября 1669 г. Р. подошелъ къ Симбирску и немедленно былъ впущенъ жителями въ острогъ, окружавшій городъ. Судя по такому началу, можно было ожидать скорой сдачи самаго города, т.-е. крѣпости, но сидѣвшій тамъ воевода, бояринъ Ив. Богд. Милославскій, стойко выдержалъ осаду, несмотря на то, что ни откуда не получалъ помощи. Лишь въ концѣ сентября пришелъ кн. Юрій Борятинскій, присланный казанскимъ воеводой кн. Урусовымъ. Въ первомъ же сраженіи побѣда оказалась на сторонѣ кн. Борятинскаго, а Р. былъ серьезно раненъ и едва не погибъ отъ руки какого-то смѣлаго алатырца. 3-го октября, когда кн. Борятинскому удалось освободить Милославскаго изъ осады, Р. сталъ съ обозомъ ближе къ Волгѣ. Въ слѣдующую ночь Р. повелъ свое войско на приступъ, но всѣ попытки сжечь Симбирскій кремль были безуспѣшны. Тѣснимые съ тылу однимъ изъ полковъ кн. Борятинскаго, казаки, въ ужасѣ, вообразили, что ихъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ. Р. созвалъ ихъ на совѣтъ тайно отъ крестьянъ и инородцевъ, во множествѣ находившихся въ его войскѣ, и рѣшилъ бѣжать только съ донскими казаками, оставивъ остальныхъ на произволъ судьбы. Темная ночь благопріятствовала замыслу Р.: онъ сѣлъ съ казаками на суда и уплылъ внизъ по Волгѣ.

Пораженіе Р. подъ Симбирскомъ и постыдное бѣгство его положили начало личнымъ неудачамъ его и прекращенію мятежа. Его не приняли ни въ Самарѣ, ни въ Саратовѣ, а на Дону атаманъ Корнило Яковлевъ готовилъ ему гибель. Проживъ нѣсколько времени въ Царицынѣ и оправившись отъ ранъ, полученныхъ подъ Симбирскомъ, Р. проѣхалъ въ Кагальникъ съ немногими вѣрными казаками. Въ теченіе зимы московскіе воеводы усмирили мятежъ, который охватилъ главнымъ образомъ нынѣшнія Симбирскую, Пензенскую и Тамбовскую губерніи. При этомъ народу приходилось тяжело не только отъ воровскихъ казаковъ, но и отъ воеводъ; усмиряя волненіе, они жгли села и деревни и убивали людей, такъ что, по свидѣтельству современниковъ, погибло до ста тысячъ человѣкъ. Изъ Кагальника Р. отправился на Донъ, надѣясь снова набрать тамъ удальцовъ для своего войска; но настоящіе донскіе казаки не поддались на его «воровскія» письма, не желая навлечь на себя гнѣвъ царя Алексѣя Михаиловича, и воззванія Р. не только не возбудили сочувствія, а, напротивъ, поселили вражду къ нему. Нѣсколькихъ казаковъ, которые попались ему въ руки, Р., въ пылу гнѣва и мести, сжегъ въ печкѣ вмѣсто дровъ. Въ февралѣ 1670 г. Р. пошелъ къ Черкасску, гдѣ находился донской атаманъ Корнило Яковлевъ; его не впустили въ Черкасскъ, взять городъ приступомъ онъ не былъ въ силахъ и вынужденъ былъ удалиться въ Кагальникъ. Корнило Яковлевъ немедленно послалъ въ Москву извѣщеніе о нападеніи Р. на Черкасскъ и о его безчеловѣчныхъ поступкахъ и просилъ прислать войско для защиты Черкасска и истребленія мятежниковъ. Слѣдствіемъ этого посольства было приказаніе царя: «чинить промыселъ надъ Стенькой Разинымъ и доставить его въ Москву на расправу».

Въ половинѣ апрѣля донскіе казаки подплыли къ Кагальнику, сожгли его до основанія и обманомъ взяли Степана и Фрола Разиныхъ. Сначала они были привезены въ Черкасскъ, а оттуда уже подъ стражей отправлены въ Москву. 4-го іюня совершился въѣздъ Р. въ Москву при весьма исключительной обстановкѣ: на большую телѣгу поставили висѣлицу, къ перекладинѣ которой привязали Р. за шею, а руки и ноги его прикрѣпили цѣпями къ телѣгѣ. Братъ его Фролъ бѣжалъ позади, привязанный цѣпью за шею къ краямъ телѣги. Ихъ привезли прямо въ Земскій Приказъ, гдѣ и начался допросъ. Такъ какъ Р. упорно молчалъ, то приступили къ пыткамъ: безпощадно били толстымъ ремен-

нымъ кнутомъ, клали на горящіе уголья, водили по обожженному тѣлу раскаленнымъ желѣзомъ, лили на выбритую макушку по каплѣ холодной воды. Р. перенесъ всѣ эти истязанія твердо, безъ малѣйшаго стона. Когда очередь дошла до Фрола, онъ не вытерпѣлъ и началъ стонать и кричать.

6-го іюня оба они были приведены на лобное мѣсто, гдѣ, въ присутствіи многолюдной толпы выслушали длинный приговоръ, съ изложеніемъ всѣхъ преступленій. По окончаніи чтенія, палачъ взялъ Р. подъ руки. Р. обратился къ церкви Василія Блаженнаго, перекрестился, поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ: «простите»! Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ казненъ четвертованіемъ. Видъ ужасныхъ мученій, которымъ подвергли брата и которыя ожидали и его черезъ нѣсколько минутъ, угнетающе подѣйствовалъ на Фрола, и онъ закричалъ, что знаетъ «слово государево». Казнь его была отсрочена. На допросѣ онъ сказалъ, что на одномъ изъ острововъ на Дону зарыты «воровскія» письма, полученныя его братомъ Степаномъ. Это показаніе не оправдалось, однако Фролу была дарована жизнь съ осужденіемъ на вѣчное тюремное заключеніе.

Память о Р. сохранилась до сихъ поръ въ разныхъ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ, а также и въ названіяхъ урочищъ на берегу Волги, гдѣ совершались его похожденія. Одно изъ такихъ преданій гласитъ, что Р. живъ и снова придетъ. Въ началѣ 1860-хъ годовъ Костомаровъ слышалъ по этому поводу такого рода разсужденія семидесятилѣтняго старика, очевидца Пугачевщины: «Стенька — это мука мірская! это кара Божія! Онъ придетъ, непремѣнно придетъ и станетъ по рукамъ разбирать... Передъ суднымъ днемъ придетъ. Охъ! тяжкія настанутъ времена... Не дай, Господи, всякому доброму крещеному человѣку дожить до той поры, какъ опять придетъ Стенька!».

Что касается до пѣсенъ объ удалыхъ подвигахъ Р., то слѣдуетъ замѣтить, что въ нихъ онъ идеализируется: онъ называется «батюшка Степанъ Тимофеевичъ» и является сознательнымъ врагомъ высшаго класса и богатыхъ людей и защитникомъ низшихъ, трудовыхъ слоевъ народа.

Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина (изд. «Русской Бесѣды»). М. 1857 г.; Н. И. Костомаровъ: 1, Историческія монографіи и изслѣдованія, С.-Пб. 1863 г., т. II, «Бунтъ Стеньки Разина», с. 201—381; 2, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, С.-Пб. 1874 г., вып. IV, «Стенька Разинъ», с. 325—344; 3, Собраніе сочиненій. Изд. Литературнаго фонда. С.-Пб. 1903 г., кн. 1-я, «Бунтъ Стеньки Разина», с. 407—505.

В. Корсакова.

Разореновъ, *Алексѣй Ермиловичъ*, поэтъ самоучка, авторъ извѣстной пѣсни «Не брани меня, родная». Сынъ крестьянина, родился въ 1819 г. въ сельцѣ Маломъ Уваровѣ, Коломенскаго уѣзда, научился у приходскаго понамаря начаткамъ грамоты по псалтири, — чѣмъ и закончилось все его образованіе. Полюбивъ и затѣмъ пристрастившись къ чтенію, Р—въ доставалъ, гдѣ можно, книгъ и удѣлялъ все свободное время чтенію. Былъ сначала приказчикомъ, потомъ лакеемъ, актеромъ, разносчикомъ и затѣмъ открылъ въ Москвѣ собственную мелочную овощную лавочку, въ которой и торговалъ около тридцати лѣтъ. Умеръ 22-го января 1891 г.; погребенъ въ Москвѣ, на Ваганьковомъ кладбищѣ. «Вся жизнь моя,—пишетъ Разореновъ въ автобіографіи,—прошла въ тяжелой борьбѣ за существованіе, среди нужды, лишеній, тьмы невѣжества и людей, умомъ убогихъ. Писательскія стремленія пробудились во мнѣ очень рано, но большинству первыхъ моихъ опытовъ не суждено было увидѣть печати. Писалъ много, печаталъ мало (въ «Грамотеѣ», «Разсвѣтѣ»(сборникъ, изданный И. З. Суриковымъ), «Иллюстрированной Недѣлѣ», «Воскресномъ Досугѣ», «Радугѣ», «Московскомъ Листкѣ», «Новостяхъ Дня», «Русскомъ Курьерѣ» и нѣкоторыхъ другихъ), и все, что было мной написано и напечатано, — все это явилось прямо изъ души въ такія минуты, когда я чувствовалъ непреодолимую потребность писать». А. К—скій въ фельетонѣ («Саратовск. Листокъ» 1891, № 25), посвященномъ А. Е. Разорену («Памяти незамѣтнаго человѣка»), между прочимъ, пишетъ: «Въ высшей степени оригинально было видѣть старика-лавочника въ длинноломъ (московскомъ) полукафтанѣ, декламирующаго изъ-за прилавка цѣлые монологи изъ «Гамлета», «Короля Лира», «Ляпунова», «Скопина, Шуйскаго», «Велизарія» и другихъ пьесъ и съ чисто юношескимъ увлеченіемъ произносившаго наизусть любимыя мѣста изъ «Демона», «Евгенія Онѣгина», «Бориса

Годунова» и «Громобоя»... Отдѣльнымъ сборникомъ его стихотворенія еще не были пока изданы; въ нихъ много искренняго, задушевнаго чувства; это не плоды фантазіи, а пѣсни пережитаго и перечувствованнаго. Въ память его кружкомъ Московскихъ самоучекъ изданъ былъ въ Москвѣ, въ 1896 году, сборникъ стихотвореній «Грезы», въ которомъ, кромѣ стихотвореній современныхъ самоучекъ, помѣщена автобіографія, 7 стихотвореній А. Е. Разоренова и его портретъ. Его пѣсня «Не брани меня, родная...» была написана въ Казани въ 1850-хъ годахъ, а въ печати она появилась впервые въ 1891 году, въ сборникѣ стихотвореній самоучекъ: «Родные звуки» (вып. II).

«Народный Голосъ» 1887, № 115; «День» 1891, № 947; А. К—скій, «Памяти незамѣтнаго человѣка»—«Саратовск. Лист.» 1891, № 25; А. И. Яцимирскій «Друзья русскихъ самородковъ» — «Рус. Мысль» 1902, № 7; К. А. Хрѣновъ, «Поэты изъ народа», М. 1901; Энцикл. словарь Брокгаузъ-Ефрона, XXVI т., 51 книга.

П. Дилакторскій.

Разсадинъ, *Иванъ Петровичъ*, учитель, писатель, сынъ Московскаго мѣщанина, род. въ 1832 г. въ Москвѣ, ум. тамъ же 20-го іюня 1884 года. Общее образованіе получилъ въ Московской 2-й гимназіи, по окончаніи курса въ которой, въ 1852 году, поступилъ въ Московскій Университетъ, на историко-филологическій факультетъ, откуда вышелъ въ 1856 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента, а затѣмъ (22-го ноября 1858 г.) опредѣленъ былъ преподавателемъ русскаго языка во 2-ую Московскую гимназію, гдѣ находился до 22-го августа 1861 года; затѣмъ онъ служилъ въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа (съ 1877 г.—въ Эриванской прогимназіи), былъ учителемъ въ 3-ей военной гимназіи въ Москвѣ и учителемъ Школы садоводства на дачѣ Студенецъ до 1881 года, когда вышелъ въ отставку и занялся частными уроками и литературой—Р. былъ разносторонне образованъ, обладалъ обширными познаніями въ русской, классической и новыхъ западно-европейскихъ литературахъ; прекрасно зналъ, кромѣ древнихъ языковъ, французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и нѣкоторыя славянскія нарѣчія. Онъ сотрудничалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Курьерѣ», гдѣ въ 1879 году, въ день годовщины смерти профессора Т. Н. Грановскаго (5-го октября), онъ, воспитанникъ и поклонникъ профессора, помѣстилъ горячій и глубоко прочувствованный фельетонъ подъ заглавіемъ: «На могилѣ наставника», въ которомъ съ любовію вспоминаетъ о славной эпохѣ Московскаго Университета, созданной знаменитымъ профессоромъ; также помѣщалъ иногда статьи въ «Русской Мысли» и другихъ изданіяхъ, отвѣчавшихъ его честнымъ, прямымъ взглядамъ и убѣжденіямъ, неспособнымъ ни на какіе компромиссы. Кромѣ этого, ему принадлежатъ слѣдующіе труды: «Физіономика и френологія», переводъ съ нѣмецкаго, М. 1870 г.; «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ», М. 1880 г., 40 стр.; «Бальзакъ», статья Г. Брандеса («Русская Мысль» 1881 г., кн. 6); «Лессингъ и его время», сочиненіе Куно-Фишера, М. 1883 г., переводъ съ нѣмецкаго; «Гамбургская драматургія», сочиненіе Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго, М. 1883 г.; «Возрожденіе классической древности, или первый вѣкъ гуманизма», сочиненіе Фойгта, переводъ съ нѣмецкаго, М. 1884 года, 2 тома (въ предисловіи помѣщенъ некрологъ Р., написанный проф. Стороженко).

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Вып. IV, С.-Пб. 1888 г., стр. 75—76; С. Гуревичъ, «Историческая Записка о 50-лѣтіи Московской 2-ой Гимназіи 1835—1885 гг.», М. 1885 г., стр. 221, 222, 262, 299; В. Романовскій, Историческая записка объ Эриванской гимназіи. Тифлисъ. 1890 г., стр. 168; «Русскій Курьеръ», 1884 г., № 169, некрологъ; «Ист. Вѣстн.» 1880, т. II, стр. 778; «Русск. Арх.» 1885, кн. 2, стр. 450.

Ив. Давидовичъ.

Разсохинъ (Розсохинъ, Россохинъ), *Ларіонъ Каминовичъ*, переводчикъ китайскаго и маньчжурскаго языка при Академіи Наукъ, родился въ Иркутскѣ, гдѣ и обучался въ тамошней школѣ «мунгальскаго» языка. Въ 1729 году онъ былъ отправленъ въ Пекинъ для усовершенствованія въ языкахъ. Здѣсь онъ пробылъ болѣе 10 лѣтъ и настолько хорошо изучилъ языкъ, что китайскія власти обращались къ нему за переводами на китайскій языкъ русскихъ бумагъ и поручили ему преподаваніе русскаго языка китайцамъ. Въ 1738 г. (4-го сентября), за «сысканіе» географической карты всего Китайскаго государства и за переводъ ея, онъ былъ произведенъ въ прапорщики. Затѣмъ вскорѣ онъ былъ вы-

званъ въ Петербургъ и 20-го марта 1741 г. опредѣленъ при Академіи Наукъ переводчикомъ и учителемъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ. Въ помощники ему, по его просьбѣ, былъ назначенъ китаецъ Ѳеодоръ Петровъ для практики учениковъ, набранныхъ изъ гарнизонной школы, въ разговорномъ языкѣ. Кромѣ того, Разсохинъ завѣдывалъ книжною лавкою при Академіи Наукъ. Переводы Разсохина въ большинствѣ остались неизданными и хранятся въ рукописяхъ въ Библіотекахъ Академіи Наукъ и Казанскаго Университета. Нѣкоторые были напечатаны въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» Миллера: «Извѣстіе о шелковыхъ заводахъ, какимъ образомъ они учреждены въ Китаѣ», т. V, стр. 387; «Описаніе путешествія, коимъ ѣздили Китайскіе посланники въ Россію, бывшіе въ 1714 г. у Калмыцкаго хана Люки на Волгѣ», т. XX, стр. 3, 99, 195, 291, 387; «Переводы съ Китайскаго языка», т. XX, стр. 516. Въ 1769 г. А. Ф. Бюшингъ помѣстилъ въ своемъ изданіи «Magasin für die neue Historie und Geographie, III, стр. 575 — 604, «J. von Stählin Atlas von China nebst einer geographischen Erläuterung desselben. Abgefasset von einem gebohrnen Chinesischen zu Pekin 1746 und aus der chinesischen Sprache zu S.-Petersburg 1756 von Rossochin in die Russische, aus dieser aber nun in die Deutsche übersetzt».

П. Пекарскій, «Исторія Академіи Наукъ» т. I, стр. 558, т. II, стр. 833. 960; «Матеріалы для Исторіи Имп. Академіи Наукъ» т. т. IV, V, VII, VIII и X (см. указ.); А. Н. Неустроевъ, «Историческое розысканіе о русск. повременныхъ изд. и сборн.» ч. I, стр. LVII, 56, ч. II, стр. 581; «Лѣтопись занятій Археографич. Коммисіи». Вып. VII (указ.); «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», митр. Евгенія, т. II, стр. 149; В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи, т. I, кн. 2, стр. 887, 927.

Разумихинъ, *Павелъ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, уроженецъ Эстляндской губ., род. 9-го декабря 1815 г.; получивъ образованіе въ Ревельской губернской гимназіи, онъ 13-го мая 1830 г. поступилъ рядовымъ въ Эстляндскій пѣхотный полкъ, принялъ участіе въ усмиреніи Польскаго мятежа и находился во многихъ сраженіяхъ; 28-го августа 1835 г. былъ произведенъ въ прапорщики и переведенъ въ Ревельскій Егерскій (нынѣ пѣхотный) полкъ. 8-го іюля 1838 г. Р. былъ сдѣланъ батальоннымъ адъютантомъ и въ томъ же году, 7-го ноября, былъ переведенъ въ Софійскій морской полкъ. Назначенный адъютантомъ къ начальнику 14-ой пѣхотной дивизіи съ переводомъ въ Подольскій Егерскій полкъ (въ іюнѣ 1847), онъ былъ назначенъ (30-го мая 1848) старшимъ адъютантомъ въ штабъ 14-ой пѣхотной дивизіи. Вслѣдъ затѣмъ онъ принялъ участіе въ походѣ въ Венгрію и Трансильванію, гдѣ и находился съ 23-го іюля по 29-е августа 1849 г. Оставивъ 1-го декабря того-же года службу при штабѣ, онъ былъ отчисленъ во фронтъ. Въ 1853 г. Р. былъ командированъ исправлять должность дежурнаго штабъ-офицера въ штабъ сухопутнаго отряда на Молдавской границѣ, а по упраздненіи штаба передового отряда и сдачѣ письменныхъ дѣлъ, былъ назначенъ (сентября 12-го) къ исправленію должности дежурнаго штабъ-офицера въ отрядъ генералъ-адъютанта Лидерса, гдѣ и оставался до прибытія дежурства 5-го пѣхотнаго корпуса (13-го января 1854 г.), послѣ чего подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала гр. Паскевича-Эриванскаго и генералъ-маіора Непокойчицкаго принялъ участіе въ Молдавскомъ походѣ. Получивъ въ 1854 г. порученіе завѣдывать отдѣленіемъ штаба по продовольствію войскъ, онъ 14-го іюня этого же года былъ за отличіе произведенъ въ подполковники, а 11-го февраля 1855 г. сдѣланъ командиромъ 3-го батальона. Въ 1855 г. Р. принялъ дѣятельное участіе въ Крымской войнѣ и, находясь въ рядахъ Севастопольскаго гарнизона, на Ростиславскомъ редутѣ, выдержалъ осаду Севастополя, гдѣ 26-го августа во время одного изъ самыхъ жестокихъ приступовъ непріятеля былъ раненъ въ голову осколкомъ гранаты, но изъ строя не выбылъ. Послѣ сдачи города онъ съ войсками перешелъ съ южнаго берега на сѣверный и оставался еще въ Крыму до 13-го декабря 1855 г., когда вмѣстѣ съ полкомъ двинулся въ Бессарабію. Въ февралѣ 1856 г. онъ былъ переведенъ въ 8-й запасный батальонъ Низовскаго пѣхотнаго полка, гдѣ пробылъ недолго и въ апрѣлѣ того же года былъ прикомандированъ къ Подольскому пѣхотному полку для командованія батальономъ. Назначенный 30-го апрѣля 1859 г. командиромъ 6-го резервнаго батальона Севастопольскаго пѣхотнаго полка, Р.

принялъ участіе въ походѣ противъ горцевъ сперва въ составѣ Зеленчукскаго, а потомъ Урупскаго отрядовъ, которые были заняты, главнымъ образомъ, устройствомъ станицъ, проведеніемъ дорогъ и выселеніемъ изъ верховьевъ Большой и Малой Лабы Шамовцевъ, Башильбеевцевъ и Казибековцевъ; при этомъ происходили постоянныя стычки съ горцами, иногда и очень крупныя, какъ, напр., 1-го августа 1861 г. при движеніи отряда по Шахгиреевскому ущелью. Съ этого времени до окончательнаго покоренія и присоединенія Кавказа къ Россіи служба Р. протекла въ различныхъ боевыхъ отрядахъ при частыхъ столкновеніяхъ съ горцами. Въ 1862 г. онъ находился въ Нижне-Абадзехскомъ отрядѣ, въ 1863 г. въ Раховскомъ отрядѣ, въ 1864 г. въ Камышинскомъ и Малолабинскомъ отрядахъ. 8-го февраля 1864 г. П. И. былъ переведенъ въ 152-ой пѣхотный Владикавказскій полкъ, а 22-го апрѣля 1865 г. назначенъ командиромъ Кавказскаго линейнаго № 1-й батальона; здѣсь онъ пробылъ до ноября того же года, когда былъ назначенъ командиромъ 156-го Елисаветпольскаго пѣхотнаго полка, и ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого назначенія (10-го декабря 1865 г.) произведенъ въ полковники. Въ 1866 г. въ составѣ Сухумскаго отряда принималъ участіе въ подавленіи возмущенія въ Абхазіи. Въ ноябрѣ 1876 г. Р. оставилъ строевую службу и былъ назначенъ Бакинскимъ губернскимъ воинскимъ начальникомъ, гдѣ вскорѣ былъ произведенъ (19-го декабря 1876 г.) въ генералъ-маіоры. Онъ и умеръ въ этой должности въ чинѣ генералъ-лейтенанта 2-го января 1891 г.

Формулярный списокъ о службѣ; Всеобщій Календарь 1892 г., стр. 530; «Нов. Вр.» 1891, № 5337.

Разумихинъ, *Петръ Ивановичъ*, рисовальщикъ и литографъ. Род. въ 1812, ум. въ 1848 г.; сынъ учителя Русскаго Уѣзднаго Училища въ Ревелѣ. Изъ работъ его особенною извѣстностью пользуется большая литографія съ картины К. П. Брюллова «Послѣдній день Помпеи», отличающаяся замѣчательною вѣрностью въ передачѣ оригинала. Это объясняется тѣмъ, что когда Р. дѣлалъ свой рисунокъ въ 1839 г., то къ нему въ Эрмитажъ часто заходилъ самъ К. П. Брюлловъ и не только поправлялъ во многихъ мѣстахъ его рисунокъ, но нерѣдко рисовалъ цѣлыя головы. Литографія эта теперь считается большою рѣдкостью. Кромѣ того, извѣстны еще изъ его работъ портреты: графа С. Ѳ. Апраксина; графа А. Хр. Бенкендорфа; И. Ѳ. Буша; князя С. С. Гагарина; К. К. Мердера; графа В. В. Орлова-Денисова; барона К. Притвица; Сакса; Л. А. Симанскаго; Г. И. Угрюмова; Тальони и А. З. Хитрово, и девять листовъ въ изданіи «Живописный Карамзинъ, или Русская исторія въ картинахъ», изд. К. Прево. С.-Пб. 1836 г. и др.

Д. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. С.-Пб. 1889 г.;— Его-же. Подробный словарь русскихъ граверовъ С.-Пб. 1895; Е. Н. Тевяшовъ. Описаніе нѣсколькихъ гравюръ и литографій. С.-Пб. 1903 г., стр. 23—26.

А. Новицкій.

Разумовская, графиня *Екатерина Ивановна*, рожд. Нарышкина, статсъ-дама, род. 11-го мая 1729 г. и была дочерью флота капитана Ивана Львовича Нарышкина отъ брака съ четвероюродною его сестрою Дарьею Кирилловною Нарышкиною; воспитывалась въ домѣ дяди своего, д. т. с. Александра Львовича Нарышкина, дѣтство свое провела съ двоюродными братьями Александромъ и Львомъ Александровичами Нарышкиными, столь извѣстными своею любезностью и гостепріимствомъ. Пожалованная фрейлиною ко двору Императрицы Елизаветы, она очень скоро обратила на себя вниманіе придворныхъ если не красотою, то значительнымъ состояніемъ. Въ 1746 г., 29-го іюня, она была обручена съ графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, за котораго сосватала свою внучатную сестру и фрейлину, нѣсколько даже противъ его желанія, сама Императрица Елизавета Петровна. Черезъ четыре мѣсяца, 27-го октября 1746 г., происходило торжественное бракосочетаніе при Высочайшемъ дворѣ, въ присутствіи Ея Величества, а на другой день послѣ свадьбы, 28-го октября, графиня Екатерина Ивановна объявлена была статсъ-дамою и пожалована богатымъ портретомъ Императрицы. Она доставила своему супругу довольно значительное состояніе, какъ видно изъ дошедшей до насъ рядной ея записи. Она была вѣрная супруга, попечительная мать, добрая родственница и кроткая госпожа въ домѣ, но примѣрнаго согласія между супругами, особенно въ послѣдніе

годы ея жизни, не существовало; они имѣли шесть сыновей и пять дочерей, изъ которыхъ только одна дочь, графиня Дарья Кирилловна, скончалась въ малолѣтствѣ. Графиня Разумовская скончалась, едва достигнувъ сорокалѣтняго возраста, 22-го іюля 1771 года и погребена въ С.-Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, рядомъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Надъ могилами брата и супруги графъ Кириллъ Григорьевичъ воздвигъ великолѣпный мраморный памятникъ.

А. А. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. I; Неизданный рукописный словарь А. Казадаева; Камеръ-фурьерскій журналъ 1746 года; «Русская Старина», т. II, стр. 490; «Mémoires de Catherine II», p. 112.

П. Майковъ.

Разумовская, *Наталья Демьяновна* (называлась также Розумиха или Розумова), статсъ-дама, дочь казака изъ села Адамовки, Козелецкаго повѣта Черниговской губерніи, родилась въ послѣднихъ годахъ XVII-го столѣтія, и по обычаю того времени, была рано выдана замужъ за казака хутора Лемешей Григорія Яковлева Розума, отъ котораго терпѣла не мало горя; женщина трудолюбивая, разсудительная и умная, она усердно занималась домашнимъ хозяйствомъ, ее любили и почитали во всемъ околоткѣ. Она имѣла шесть дѣтей, а именно трехъ дочерей (Агафью, Анну и Вѣру) и трехъ сыновей, изъ которыхъ самымъ старшимъ былъ Данило, а затѣмъ слѣдовали Алексѣй и Кириллъ (род. въ 1728 г.); всѣ они занимались сельскими работами, которыя и доставляли имъ скудное пропитаніе. Мужъ ея спился и умеръ, а затѣмъ умеръ и старшій сынъ Данило, оставивъ на попеченіе матери свою малолѣтнюю дочь. Второй сынъ, который могъ бы быть подмогою семьи, пропалъ, преслѣдуемый отцомъ за страсть къ ученію; Розумиха совсѣмъ упала духомъ и въ отчаяніи рѣшилась идти въ Козелецъ, надѣясь милостынею добыть кусокъ насущнаго хлѣба. По возвращеніи въ х. Лемеши, она получила извѣстіе отъ пропавшаго сына Алексѣя, а затѣмъ и незначительныя отъ него деньги, благодаря которымъ положеніе ея вскорѣ поправилось. Она завела корчму, что въ Малороссіи не считалось унизительнымъ, и благодаря своей смышлености повела дѣла успѣшно. Скоро она успѣла выдать своихъ дочерей замужъ: одну за ткача Климовича, другую за закройщика Осипа Закревскаго, а третью за реестроваго казака Ефима Дарагана, а меньшаго сына Кирилла отдала на выучку Чемерскому дьячку, съ легкой руки котораго такъ повезло ея сыну Алексѣю. Этотъ послѣдній скоро изъ придворныхъ пѣвчихъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ при дворѣ Цесаревны Елизаветы Петровны, а затѣмъ (30-го ноября 1741 года) дѣйствительнымъ камергеромъ и поручикомъ лейбъ-кампаніи съ чиномъ генералъ-поручика. Такое повышеніе его скоро стало извѣстно по всей Украинѣ, и прежнюю Розумиху, — теперь госпожу Разумовскую, знали не только по всему околотку, но даже и въ Глуховѣ. Этотъ счастливый сынъ не замедлилъ купить своей матери, въ 1744 году, домъ въ Козельцѣ. За нею былъ отправленъ особый нарочный, чтобы привезти ее въ Москву. Алексѣй Григорьевичъ выѣхалъ на встрѣчу матери, и по преданію она не узнала своего сына въ блестящемъ нарядѣ царедворца. По прибытіи въ Москву ее нарядили, нарумянили, сдѣлали модную, высокую прическу и повезли во дворецъ, предупредивъ, что она должна пасть на колѣни предъ Императрицей. Вступивъ въ дворцовыя комнаты, старушка была изумлена большимъ зеркаломъ и, увидѣвъ въ немъ себя, приняла свой новый обликъ за Императрицу и пала на колѣни. Елизавета Петровна радушно ее встрѣтила и помѣстила во дворцѣ. Но модные наряды и придворная жизнь со всею ея обстановкою пришлись не по сердцу Натальѣ Демьяновнѣ; она скоро облеклась въ свое малороссійское платье, строго придерживаясь старыхъ обычаевъ, и страдала тоскою по родинѣ. Единственнымъ развлеченіемъ ея во время пребыванія во дворцѣ были посѣщенія малороссійскихъ депутатовъ съ ихъ женами. Сидя на полу, на разостланныхъ коврахъ, она бесѣдовала съ ними о родинѣ и слушала пѣніе бандуристовъ. Когда дворъ въ началѣ октября 1742 г. сталъ помышлять о возвращеніи въ Петербургъ, Розумиха покинула Москву и была пожалована въ это время въ статсъ-дамы. По возвращеніи въ Малороссію, гдѣ ее принимали отмѣннымъ образомъ, она поселилась около своей родины, села Адамовки, на одномъ изъ хуторовъ, пожалованныхъ графу Алексѣю, выстроила себѣ усадьбу, названную Алексѣев-

щиною, съ домомъ и церковью при немъ. Тутъ она и проводила дни свои, нерѣдко обращаясь къ вліятельному сыну съ ходатайствомъ за своихъ земляковъ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій находился въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ матерью, которую нѣжно любилъ, и радѣлъ о ней, а также о всѣхъ вообще родственникахъ своихъ, которые всѣ стали если не богатыми, то зажиточными людьми.—Во время поѣздки Императрицы въ Малороссію въ 1744 г. Наталья Демьяновна, по совѣту сына, выѣхала ей навстрѣчу въ Нѣжинъ и прослѣдовала съ Государынею въ Алексѣевщину и Козелецъ, гдѣ и прожила Елизавета Петровна до конца августа у графа Алексѣя Григорьевича. Потомъ Наталья Демьяновна съ дочерьми проводила Государыню до Нѣжина и была Императрицею приглашена съ ними въ Петербургъ на свадьбу наслѣдника престола. Она дѣйствительно пріѣхала (6-го іюля 1745 г.), но не столько для свадьбы, сколько для того, чтобы повидаться съ сыномъ, который возвратился изъ-за границы. Она присутствовала на всѣхъ торжествахъ, происходившихъ при дворѣ десять дней. Хотя она жила въ Петербургѣ въ кругу семьи, среди многочисленнаго общества земляковъ, но ее тянуло опять въ Малороссію, и она, не дождавшись рѣшенія судьбы ея меньшого сына, рѣшилась разстаться съ внучатами и близкими родственниками и стала собираться домой. 18-го января 1746 г. она отправилась на 80 ямскихъ подводахъ въ Малороссію съ дочерьми, не думая, что прощается въ послѣдній разъ съ сыномъ Алексѣемъ. Внуки и внучки ея остались въ Петербургѣ и были помѣщены во дворцѣ; Государыня очень ихъ любила и ласкала. Старушка проживала преимущественно въ Алексѣевщинѣ и Козельцѣ. Когда младшій сынъ ея, гетманъ Малороссіи, прибылъ въ Глуховъ въ 1757 году, она пріѣхала къ нему навстрѣчу вмѣстѣ съ сестрами его. Тутъ она увидѣла и свою невѣстку Екатерину Ивановну, рожд. Нарышкину, которую знавала ранѣе. Графъ Кириллъ Григорьевичъ всѣми силами старался удержать мать при себѣ, свято чтилъ всѣ ея деревенскіе обычаи, нарочно для нея заказывалъ привычныя ей кушанья, оказывалъ ей всякое вниманіе и уваженіе, но старушкѣ было неловко, тѣсно въ Глуховѣ. Едва ли она могла сойтись съ невѣсткою, съ дѣтства привыкшею къ придворному обхожденію. Проживъ цѣлый годъ въ Глуховѣ, старушка вернулась въ Алексѣевщину и въ мирный Козелецъ, успѣвъ, однако, благодаря вліянію своему на сына, значительно округлить состояніе своихъ дочерей. Это, однако, ее потомъ не удовлетворяло: она хотѣла, чтобы дочери ея своимъ положеніемъ окончательно затмили малороссійскихъ пановъ, и безпрестанно приставала къ сыну съ требованіемъ новыхъ для нихъ маетностей. Дараганы, Будлянскіе обогатились тогда. Гетманъ долго противился ходатайству матери о дачѣ Будлянскому села Чемеръ, но въ пріѣздъ свой въ Украину въ 1760 г., видя свою мать больною и дряхлою, онъ уступилъ ея просьбамъ,—и Будлянскій получилъ въ вѣчное и потомственное владѣніе село Чемеръ, гдѣ нѣкогда учился грамотѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ. Вся родня Розумихи заняла видное положеніе въ Украинѣ.

Въ 1752 г. она стала строить въ Козельцѣ каменный двухъ-ярусный соборъ въ честь св. Захарія и Елизаветы и при немъ колокольню, по образцу имѣющейся въ Кіево-Печерской лаврѣ. Она не дожила до окончанія храма, нижняя часть котораго была освящена только въ 1763 г., т.-е. чрезъ годъ послѣ ея кончины; верхній же храмъ былъ освященъ только въ 1773 году, а колокольня была еще покрыта соломою. Рожденіе въ Глуховѣ внука ея, графа Андрея, въ 1752 г. заставило старушку съѣздить въ Глуховъ; она была воспріемницею новорожденнаго, послѣ чего вернулась въ Адамовку и спокойно доживала свой вѣкъ въ любимой ею Малороссіи, на хуторѣ Алексѣевщинѣ.

Среди празднества коронаціи Екатерины II, Разумовскіе получили въ Москвѣ извѣстіе о кончинѣ престарѣлой ихъ матери въ Алексѣевщинѣ, 12-го сентября 1762 г. Ее похоронили въ Козельцѣ, въ нижнемъ лѣвомъ придѣлѣ Захаро-Елизаветинскаго храма, который она начала строить. Сюда же перенесли и старый иконостасъ изъ домовой ея церкви въ Алексѣевщинѣ.

Бантышъ - Каменскій, Исторія Малороссіи, т. III, стр. 69, 199—202; Записки Марковича т. II, стр. 168, 218, 295, 310; Изъ разсказовъ В. И. Чорбиной, сообщено Г. П. Галаганомъ; Московскія Вѣдомости 1860 г., № 182 (статья: Село Лемеши); Семейство Разумовскихъ, А. А. Васильчикова, т. I, стр. 1—15; «Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей», 1867 г., Смѣсь, стр. 38;

Въ Государ. Арх. дѣло о привозѣ ко двору изъ Малой Россіи есаула Закревскаго, жены его и матери графа Разумовскаго съ дѣтьми; Щекатовъ, Словарь географическій, т. III, стр. 643.

П. Майковъ.

Разумовскій, графъ *Алексѣй Григорьевичъ*, второй сынъ реестроваго казака Григорія Яковлева Розума и его супруги Натальи Демьяновны, родился 17-го марта 1709 г. на хуторѣ Лемеши (нынѣ село на старой почтовой дорогѣ изъ Кіева въ Черниговъ, — между станціями Козельцомъ и Чемеромъ), Козелецкаго повѣта Черниговской губ. Съ ранняго дѣтства онъ занимался сельскими работами и былъ пастухомъ общественныхъ стадъ. Его привлекательная наружность, пріятный голосъ и охота къ ученію рано обратили на него вниманіе мѣстнаго духовенства, и дьячекъ села Чемеръ, къ приходу котораго принадлежали Лемеши, сталъ обучать его грамотѣ. Это ученіе очень не нравилось отцу мальчика, не разъ бившему сына, такъ что тотъ сталъ ходить учиться тайкомъ. Заставъ однажды сына своего за книгою, пьяный Розумъ схватилъ топоръ и погнался за нимъ; Алексѣй такъ испугался, что бѣжалъ изъ родительскаго дома и болѣе туда не возвращался. Онъ нашелъ пріютъ у того же дьячка и продолжалъ у него обучаться грамотѣ и духовному пѣнію. Въ началѣ 1731 года чрезъ Чемеръ проѣзжалъ полковникъ Ѳедоръ Степановичъ Вишневскій, возвращаясь изъ Венгріи, куда ѣздилъ за покупкою вина для Императрицы Анны Іоанновны, и, плѣнившись голосомъ и наружностью мальчика, уговорилъ дьячка отпустить съ нимъ въ Петербургъ его воспитанника. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Вишневскій представилъ мальчика оберъ-гофмаршалу графу Рейнгольду Левенвольде, и онъ помѣстилъ молодого малороссіянина въ хоръ при большомъ дворѣ. Алексѣй Розумъ не долго оставался въ этомъ хорѣ: Цесаревна Елизавета Петровна, пораженная голосомъ Розума, потребовала, чтобы онъ былъ ей представленъ, и затѣмъ, еще болѣе пораженная его красотою, упросила графа Левенвольде уступить ей молодого пѣвчаго. Желаніе это было исполнено, и Алексѣй Розумъ перешелъ ко двору Елизаветы Петровны, гдѣ первымъ лицомъ въ то время былъ сержантъ, камеръ-пажъ Алексѣй Никифоровичъ Шубинъ. Но очень скоро Алексѣй Григорьевичъ сталъ пользоваться особымъ почетомъ, былъ отдѣленъ отъ прочаго хора пѣвчихъ, считался наравнѣ съ камердинерами Цесаревны и получалъ равное съ ними содержаніе. При дворѣ цесаревны Розумъ встрѣтилъ много земляковъ; таковыми были священники отецъ Константій и Ѳедоръ Дубянскій, камеръ-лакей Котляревскій, секретарь Мировичъ, бандуристъ Григорій Михайловъ и т. д. Вскорѣ Шубинъ, за неосторожныя слова, былъ сосланъ въ Камчатку, и тогда цесаревна Елизавета обратила свое вниманіе на молодого Розума, потерявшаго уже голосъ и переименованнаго въ придворные бандуристы. Онъ произведенъ былъ въ управляющіе однимъ изъ Цесаревниныхъ имѣній, а затѣмъ и другими недвижимыми ея имуществами, получилъ званіе гофъ-интенданта, и весь небольшой дворъ Цесаревны очутился подъ вѣдѣніемъ Розума, тогда уже называвшагося Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Онъ занялъ вполнѣ мѣсто Шубина. Цесаревна въ письмахъ называетъ его: «другъ нелицемѣрный». У него стали заискивать самые вліятельные люди и даже близкіе родственники Цесаревны, какъ напримѣръ Гендриковы. Въ правленіе Анны Леопольдовны Р. былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ при Цесаревнѣ. Этотъ «случай» Разумовскаго отозвался и на его семьѣ, жившей въ Лемешахъ. Страстно привязанный къ родинѣ и къ семьѣ, Р. не забывалъ о ней среди относительной роскоши своей теперешней жизни, помогалъ своей матери деньгами, заботился о братѣ Кириллѣ, а также о своихъ землякахъ, нерѣдко чрезъ него ходатайствовавшихъ о различныхъ своихъ нуждахъ. — Тѣмъ временемъ скончалась Анна Іоанновна (17-го окт. 1740 г.), а затѣмъ въ ночь съ 24-го на 25-е ноября 1740 г. совершился извѣстный переворотъ, доставившій россійскій престолъ дочери великаго преобразователя Елизаветѣ Петровнѣ. Во время этого переворота Алексѣй Разумовскій оставался въ домѣ Цесаревны на Царицыномъ Лугу и наблюдалъ за порядкомъ. 30-го ноября 1741 г. Алексѣй Разумовскій былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и въ поручики лейбъ-кампаніи, съ чиномъ генералъ-поручика, хотя не имѣлъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ. Прибывшій въ началѣ февраля 1742 года племянникъ новой Государыни, Петръ-Ульрихъ герцогъ

Шлезвигъ-Голштейнъ-Готторпскій, пожаловалъ Разумовскаго кавалеромъ учрежденнаго отцомъ его, въ память покойной Цесаревны Анны Петровны, голштинскаго ордена св. Анны. При коронованіи Елизаветы Петровны, 25-го апрѣля 1742 г., Разумовскій несъ шлейфъ Государыни, отправлялъ обязанности оберъ-шенка, былъ пожалованъ оберъ-егермейстеромъ и награжденъ прямо орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Кромѣ того, ему пожаловано было немало помѣстій въ Малороссіи и въ Московской губ. (село Рождественно-Порѣчье, нынѣ графовъ Уваровыхъ).

Чувствуя, какъ онъ мало подготовленъ къ занятому имъ при дворѣ мѣсту, и какъ необходимо ему окружить себя людьми, которые могли бы выводить его изъ того положенія, въ которое его безпрестанно ставило полное отсутствіе образованія, А. Г. Разумовскій, по природному чутью, окружилъ себя людьми весьма замѣчательными: такими были Григорій Николаевичъ Тепловъ, Василій Евдокимовичъ Ададуровъ (первый адъюнктъ изъ русскихъ въ Академіи Наукъ, а позднѣе кураторъ Московскаго Университета), Александръ Петровичъ Сумароковъ, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, бывшій при немъ адъютантомъ, и т. д. Вліянію этихъ лицъ можно приписать то, что быстрое возвышеніе Разумовскаго не породило въ высшихъ Петербургскихъ кругахъ особенной зависти или недовольства. Онъ все время оставался простымъ, наивнымъ, нѣсколько хитрымъ и насмѣшливымъ, но въ то же время крайне добродушнымъ хохломъ, безъ памяти любящимъ свою прекрасную родину и своихъ родственниковъ. Такимъ онъ оставался всю жизнь, даже и послѣ того, какъ сдѣлался супругомъ Императрицы. По преданію, вѣнчаніе происходило въ 1742 г., въ подмосковномъ селѣ Перовѣ, а самый обрядъ вѣнчанія совершалъ о. Дубянскій. Возвращаясь послѣ этого въ Кремль, Императрица дорогою, на Покровкѣ, противъ церкви Воскресенія въ Барашахъ, вспомнила, что послѣ вѣнчанія не былъ совершенъ обычный молебенъ. Она приказала остановиться, вошла въ церковь и отстояла молебствіе. Въ память этого событія на куполѣ церкви Воскресенія поставлена вызолоченная Императорская корона, а на мѣстѣ, гдѣ находился домъ священника, у котораго Императрица кушала послѣ молебствія чай, возведены были, по ея приказанію, графомъ Растрелли богатыя палаты, подаренныя ею Разумовскому.—Онъ послѣ этого всюду сопутствовалъ Государынѣ, которая ему оказывала даже публично большое вниманіе. Хотя Разумовскій не принималъ никакого участія въ дѣлахъ правленія государствомъ, но онъ имѣлъ огромное вліяніе, занимая при дворѣ совершенно особое положеніе, которое удержалъ до конца жизни Елизаветы Петровны, несмотря на всѣ усилія враждебной ему партіи. Въ своихъ увеселеніяхъ дворъ поддѣлывался ко вкусамъ Разумовскаго; благодаря его страсти къ музыкѣ была заведена итальянская опера; при дворѣ состояли бандуристы, а украинскіе пѣвчіе пѣли на сценѣ и на клиросѣ; на придворныхъ обѣдахъ появились малороссійскія блюда; все украинское стало въ модѣ. Среди всѣхъ упоеній такой неслыханной фортуны, Разумовскій оставался всегда вѣренъ и себѣ, и своимъ. Онъ не добивался участія въ дѣлахъ правленія; онъ не любилъ вообще заниматься дѣлами государственными, но было два предмета изъ-за которыхъ онъ забывалъ свою природную лѣнь и отвращеніе отъ дѣлъ и смѣло выступалъ впередъ. Первымъ были дѣла духовныхъ и духовенства: Разумовскій всегда являлся предстателемъ ихъ при набожной и суевѣрной Императрицѣ Елизаветѣ и всегда ходатайствовалъ по ихъ прошеніямъ и домогательствамъ. При его посредствѣ учреждена была въ Свіяжскѣ особая Коммиссія съ цѣлью распространять христіанство въ Заволожьѣ, и миссіонеры посылались даже въ Сибирь, Камчатку и на Кавказъ. Кромѣ того, была учреждена въ Астрахани Семинарія для приготовленія проповѣдниковъ между иновѣрцами и напечатано Евангеліе и духовныя книги для грузинъ и т. д. Другою симпатіею его была Малороссія: руководимый единственно страстною любовью къ родинѣ, Разумовскій принималъ живѣйшее участіе въ ея судьбахъ и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Малороссіей. Онъ радушно принималъ малороссійскихъ депутатовъ, прибывшихъ въ столицу въ 1742 г., и содѣйствовалъ удовлетворенію многихъ ихъ ходатайствъ; онъ самъ давно грустилъ по родинѣ и думалъ, какъ бы попасть туда. По его желанію Императрица, по окончаніи войны со Швеціею, предприняла поѣздку въ Малороссію—27-го іюня 1744 г.,—въ сопровожденіи само-

го Разумовскаго, Салтыкова, Шепелева, кн. Александра Голицына и др., при чемъ великій князь съ супругой-принцессой Ангальтъ-Цербтской ѣхали впереди. Императрица остановилась въ домѣ графа А. К. Разумовскаго въ Козельцѣ, затѣмъ подъ Глуховомъ смотрѣла полки реестровыхъ казаковъ и познакомилась со всею роднею Алексѣя Григорьевича. Во все время своего пребыванія въ Малороссіи, за исключеніемъ 15 дней, посвященныхъ Кіеву, она пробыла въ гостяхъ у графа Разумовскаго. Довольствуясь ролью нелицемѣрнаго друга Императрицы, графъ Алексѣй Григорьевичъ пристраивалъ, однако, свою родню, гдѣ только могъ. Такъ, племянницу свою—Авдотью Даниловну онъ устроилъ фрейлиной къ Государынѣ, неграмотныхъ мужей трехъ своихъ сестеръ, т.-е. своихъ шурьевъ обратилъ въ бунчуковыхъ товарищей и т. д. Заботясь о роднѣ, Разумовскій не забывалъ и тѣхъ, кому былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ: полковникъ Вишневскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и сдѣлался своимъ человѣкомъ у Разумовскаго; дьячекъ, его учившій, былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ смотрителемъ въ одномъ изъ дворцовыхъ садовъ съ приличнымъ содержаіемъ, несмотря на заявленное имъ желаніе быть придворнымъ капельмейстеромъ. По ходатайству Разумовскаго и павшій Левенвольде былъ сосланъ только въ Соликамскъ, тогда какъ Минихъ былъ сосланъ въ Пелымь, а Остерманъ въ Березовъ.—Кромѣ того, Р. принималъ живое участіе въ судьбѣ своего брата Кирилла, о чемъ сказано будетъ въ біографіи послѣдняго. Въ 1744 году Алексѣй Григорьевичъ, чрезъ предстательство русскаго посланника въ Дрезденѣ графа Кейзерлинга, былъ пожалованъ Императоромъ Карломъ VI въ графы Германской Имперіи, при чемъ въ грамотѣ, данной на графское достоинство, высказывалось, что Разумовскіе происходятъ отъ знатной фамиліи польскаго Королевства Рожинскихъ. Когда извѣстіе объ этомъ пожалованіи дошло въ Малороссію, отъ всѣхъ чиновъ народа было отправлено къ Разумовскому торжественное поздравленіе. Чрезъ два мѣсяца, по случаю заключенія мира съ Швеціею въ Або (15-го іюня 1744) Разумовскій и его братъ Кириллъ возведены были въ графское достоинство Россійской Имперіи.—Пышный дворъ Елизаветы Петровны побуждалъ Разумовскаго не отставать отъ своихъ пріятелей. Онъ, по свидѣтельству Щербатова, первый сталъ носить бриліантовыя пуговицы, звѣзду, ордена и эполеты и ввелъ въ моду большую игру.

При пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, королевско-польскій и курфирсто-саксонскій полномочный министръ графъ Фицтумъ офировалъ Р-му кавалерію Бѣлаго Орла (25-го сентября 1746 года), а 25-го ноября 1745 г., въ день торжества въ память вступленія на престолъ Елизаветы, онъ былъ пожалованъ капитанъ-лейтенантомъ лейбъ-кампаніи. Въ 1747 г. (мая 27-го) онъ получилъ землю въ Копорскомъ уѣздѣ и погостъ и мызы, принадлежавшіе ранѣе Меньшикову. Наконецъ, 7-го сентября 1748 г. онъ былъ пожалованъ подполковникомъ конной гвардіи и принялъ въ свою команду этотъ полкъ. — Вліяніе А. Г. Разумовскаго на Государыню до того усилилось послѣ ихъ брака, писалъ Пецольдъ въ 1747 году, что хотя онъ прямо и не вмѣшивается въ государственныя дѣла, къ которымъ не имѣетъ ни влеченія, ни талантовъ, однако каждый можетъ быть увѣренъ въ достиженіи того, что хочетъ, лишь бы Разумовскій замолвилъ слово. Тѣсная дружба его съ канцлеромъ А. П. Бестужевымъ (Бестужевъ женилъ своего единственнаго сына на племянницѣ графа Разумовскаго, Аннѣ Даниловнѣ, фрейлинѣ Императрицы, въ 1746 году), безъ сомнѣнья, придавала большую силу канцлеру, который вмѣстѣ съ Разумовскимъ былъ сторонникомъ австрійскаго кабинета и не могъ равнодушно думать о Пруссіи и Франціи. А. Г. Разумовскій не могъ терпѣть графа Лестока (стоявшаго за Пруссію), котораго допрашивали, а затѣмъ сослали въ Устюгъ-Великій. — Послѣ ссылки Лестока Императрица и съ нею А. Г. Разумовскій переѣхали въ Москву, гдѣ Елизавета Петровна заболѣла и до крайности встревожила этимъ всѣхъ, ее окружающихъ, которые, опасаясь иностранныхъ внуковъ и стремленій наслѣдника престола (Петра III), составили планъ послѣ кончины Императрицы немедленно арестовать его съ супругою и провозгласить Императоромъ Іоанна Антоновича. Объ этомъ происходили ночныя совѣщанія у Бестужева, на которыхъ бывалъ и А. Г. Разумовскій, знавшій объ этихъ намѣреніяхъ. Впрочемъ, опасенія о жизни Императрицы скоро разсѣялись: Елизавета Петровна переѣхала въ Перово къ А. Г. Разумов-

скому и каждый день участвовала въ охотахъ, устраиваемыхъ радушнымъ хозяиномъ. Въ Перовѣ Государыня вновь заболѣла и дала обѣтъ совершить пѣшкомъ богомолье отъ Покровскаго дворца въ Москвѣ къ Троицѣ и исполнила оный, вмѣстѣ съ приближенными своего двора, въ числѣ которыхъ былъ и А. Г. Разумовскій, сопутствовавшій Императрицѣ также во время путешествія ея изъ Москвы въ Саввинъ монастырь близъ Звенигорода, а оттуда въ Воскресенскую обитель, извѣстную подъ именемъ Новаго Іерусалима. Въ народѣ очень скоро стали ходить враждебные Р-му слухи, носившіе до 1749 г. характеръ одной зависти и относившіеся преимущественно къ положенію его во дворцѣ; позднѣе же они принимаютъ серьезный оттѣнокъ и имѣютъ цѣлью представить наслѣдника престола жертвою колдуна-малороссіянина. Въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи, сохранившихся въ Государственномъ Архивѣ, имѣется цѣлый рядъ разбирательствъ по поводу вздорныхъ обвиненій добродушнаго Разумовскаго, окончившихся застѣнкомъ, дыбой, кнутомъ, батогами и т. д., потому что въ каждомъ дѣлѣ затрогивалась честь не одного Разумовскаго, но и Государыни. Всѣ эти дѣла между собою сходны и для печати неудобны. Противъ Разумовскаго начали сильно возставать также начальники новой скопческой ереси, взиравшіе на молодого Петра Ѳеодоровича, какъ на своего искупителя. Всѣ эти слухи были предвозвѣстниками перемѣны, исподволь готовившейся въ дворцовыхъ покояхъ. Враждебная Бестужеву партія искала себѣ опору внутри дворца и скоро нашла ее себѣ въ лицѣ молодого камеръ-пажа Ивана Ивановича Шувалова, котораго Императрица пожаловала въ камеръ-юнкеры 4-го сентября 1749 г. во время своего пребыванія въ Новомъ Іерусалимѣ, и притомъ по просьбѣ самого добродушнаго Алексѣя Григорьевича. Положеніе сего послѣдняго при дворѣ не мѣнялось, но «случай» Шувалова на него такъ подѣйствовалъ, что онъ тяжело заболѣлъ послѣ поѣздки въ Воскресенскъ. Депутаты, пріѣхавшіе изъ Малороссіи съ прошеніями о чинимыхъ имъ обидахъ, не могли его видѣть по причинѣ нездоровья. Но онъ мало по малу оправился, и Государыня продолжала осыпать милостями своего нелицемѣрнаго друга и крайне радушно приняла его сестру, Вѣру Григорьевну Дараганъ съ мужемъ и дядею Денисомъ Демешкою (Стрешенцовымъ) и помѣстила ее съ мужемъ къ себѣ во дворецъ.

Малороссійскіе депутаты не замедлили снова явиться къ Р-му по переѣздѣ его въ Петербургъ и подали ему меморіалъ объ остальныхъ общенародныхъ дѣлахъ, а именно о гетманѣ, о классахъ, о резиденціи въ Батуринѣ, о выводѣ Грузинъ и т. д., «о томъ всемъ довольно съ графомъ разговоръ вели и слушали отъ него декларацію о скоромъ отправѣ». Но это не осуществилось; депутаты неоднократно напоминали о себѣ, и наконецъ 13-го октября А. Гр. Разумовскій объявилъ имъ о скорой отправкѣ въ Малороссію графа Гендрикова для выбора гетмана. На дѣлѣ же они имѣли только 14-го декабря отпускную аудіенцію, и наконецъ уѣхали, получивъ богатые подарки и вымоливъ не мало льготъ для Малороссіи, жестоко пострадавшей отъ пожаровъ и саранчи.

Около этого времени князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, начальникъ Кадетскаго Корпуса, завелъ театральныя представленія въ Корпусѣ, при чемъ актеры кадеты разыгрывали трагедіи какъ французскія, такъ и русскія, сочиняемыя извѣстнымъ Сумароковымъ, въ то время адъютантомъ при А. Г. Разумовскомъ, который, узнавъ объ этихъ представленіяхъ, доложилъ о нихъ Императрицѣ. Она пожелала видѣть представленіе «Хорева» при дворѣ и очень забавлялась онымъ. Императрица стала заниматься этимъ театромъ болѣе, нежели можно было ожидать. Это поразило всѣхъ и прежде другихъ великаго канцлера, видѣвшаго, что положеніе А. Гр. Разумовскаго при дворѣ становится уже не тѣмъ, какимъ было прежде. Вниманіе Императрицы обратилъ на себя Бекетовъ, красивый юноша кадетъ, исполнявшій роли первыхъ любовниковъ, котораго Разумовскій также взялъ къ себѣ въ адъютанты. Бестужевъ имѣлъ въ виду этимъ Бекетовымъ отстранить Шувалова и его партію и приставилъ къ нему Ивана Перфильевича Елагина, служившаго подъ его начальствомъ въ Иностранной Коллегіи и бывшаго въ то же время также адъютантомъ А. Г. Разумовскаго, положеніе котораго при дворѣ казалось не измѣнившимся. Онъ попрежнему жилъ во дворцѣ, Государыня гостила зимой у него въ Гостили-

цахъ по нѣсколько дней, праздновала въ его домѣ на Царицыномъ лугу день Св. Алексѣя, человѣка Божія, съ большимъ торжествомъ. Однако, тонкій наблюдатель могъ подмѣтить, что при дворѣ многое измѣнилось, и прежняго могущества А. Г. Разумовскій уже не имѣлъ. Такъ, любимый его управляющій и уполномоченный Степанъ Пустота по доносу былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими лицами кіевскимъ губернаторомъ Леонтьевымъ, и хотя этому Леонтьеву былъ посланъ указъ 19-го февраля 1750 г. о немедленномъ отпускѣ людей, взятыхъ изъ дома графа Разумовскаго, но таковые Леонтьевымъ не были выпущены, а отправлены подъ конвоемъ въ Петербургъ.

Разумовскій, оставаясь при дворѣ, избѣгалъ всякихъ интригъ, держалъ себя вдали отъ дѣлъ государственныхъ и только поддавшись вліянію канцлера Бестужева раздѣлялъ его планъ въ случаѣ кончины Императрицы возвести на престолъ ея внука, а правительницею государства провозгласить его мать, т.-е. Екатерину Алексѣевну. Надлежало только подготовить къ этому Императрицу, которая очень боялась смерти; всякій намекъ на ея кончину могъ бы дорого стоить тому, кто на него рѣшился бы.

Разумовскій, съ тѣхъ поръ, какъ Шуваловы окончательно вошли въ милость, держался въ сторонѣ и только изрѣдка ходатайствовалъ за своихъ родственниковъ и друзей, но Императрица попрежнему не оставляла его своими милостями: такъ одинъ его племянникъ Мих. Вас. Будлянскій—былъ пожалованъ ко двору Наслѣдника камергеромъ а другой—Дараганъ—камеръ-юнкеромъ, три племянницы (двѣ Закревскія и одна Дараганъ) пожалованы фрейлинами и т. д. Въ 1756 г. Императрица подарила А. Г. Разумовскому построенный по ея приказанію гр. Растрелли Аничковскій дворецъ. Ранѣе этого она подарила ему дворецъ, въ которомъ жила до восшествія своего на престолъ, извѣстный подъ названіемъ Цесаревнинаго дворца, на Царицыномълугу, близъ Милліонной улицы. Разумовскій продолжалъ однако жить во дворцѣ, а Императрица попрежнему пріѣзжала въ Аничковскій домъ къ обѣднѣ и праздновала тамъ именины тайнаго своего супруга, который въ 1756 г. сентября 5-го, въ день тезоименитства Государыни, пожалованъ былъ въ фельдмаршалы съ полученіемъ полнаго жалованья по фельдмаршальскому чину, при чемъ по штату должны быть при немъ два генеральсъ-адъютанта, два флигель-адъютанта и одинъ секретарь. Говорятъ, что Елизавета давно собиралась возвысить А. Г. Разумовскаго, но скромный малороссіянинъ всегда отъ этого отказывался и когда наконецъ состоялось это назначеніе, сказалъ: «Государыня, ты можешь меня назвать фельдмаршаломъ, но никогда не сдѣлаешь изъ меня даже порядочнаго полковника. Смѣхъ да и только!».

Тѣмъ временемъ вліяніе Шуваловыхъ возросло до высшей степени. Молодой Ив. Ив. Шуваловъ былъ открытый любимецъ Государыни и былъ всемогущъ, но вліяніе свое по мѣрѣ силъ употреблялъ на пользу государства. При его содѣйствіи двоюродный братъ его Петръ Ивановичъ овладѣлъ довѣренностью Елизаветы Петровны, у которой отъ безпрестанныхъ недуговъ ослабли нервы. Все французское стало въ модѣ при дворѣ и въ высшемъ свѣтѣ; графъ Петръ Ивановичъ былъ явный сторонникъ Франціи, и тѣсный союзъ съ Версальскимъ дворомъ былъ любимою его мечтою; къ осуществленію этой цѣли онъ стремился безъ вѣдома канцлера А. П. Бестужева, опиравшагося попрежнему на Разумовскихъ. Наконецъ 31-го декабря 1756 года былъ подписанъ актъ приступленія Россіи къ Версальскому договору, заключенному между Австріею и Франціею, а затѣмъ пошли приготовленія къ войнѣ съ Фридрихомъ II. Русскія войска были двинуты къ прусскимъ границамъ подъ начальствомъ Степана Ѳедоровича Апраксина, находившагося въ близкихъ сношеніяхъ съ графомъ А. Г. Разумовскимъ. Походъ Апраксина кончился для него неудачно. Разбивъ пруссаковъ 19-го августа 1757 г. при Гроссъ-Егерсдорфѣ, Апраксинъ переправился обратно чрезъ Прегель и очистилъ Пруссію. Онъ былъ отозванъ отъ арміи, и графъ А. Г. Разумовскій вмѣстѣ съ гр. Петромъ Ив. Шуваловымъ старались спасти его. Вскорѣ былъ арестованъ и великій канцлеръ А. П. Бестужевъ (25-го февраля 1758 г.) и два друга графа Алек. Гр. Разумовскаго: герольдмейстеръ В. Е. Ададуровъ и любимый его адъютантъ Ив. Пер. Елагинъ; затѣмъ напали на слѣдъ переписки канцлера съ вел. кн. Екатериною

Алексѣевной, а графъ Петръ Ив. Шуваловъ всячески старался завлечь въ это дѣло обоихъ Разумовскихъ, пытаясь для этого дѣйствовать чрезъ Сумарокова, адъютанта А. Г. Разумовскаго. Оба брата Разумовскіе должны были ожидать ареста. Но бѣда миновала. Апраксинъ внезапно умеръ; Бестужевъ былъ сосланъ въ подмосковное свое село Горетово; Ададуровъ посланъ товарищемъ губернатора въ Оренбургъ и т. д. Разумовскихъ не только не арестовали, но 17-го марта 1758 г. Императрица пировала у гр. Ал. Гр. Разумовскаго въ Аничковскомъ его домѣ до 2-хъ часовъ утра, при чемъ были генералитетъ, статсъ-дамы и т. д. Можно предполагать, что кромѣ брачныхъ узъ, соединявшихъ Государыню съ Алек. Григ. Разумовскимъ и послужившихъ ему и его брату лучшею въ этомъ дѣлѣ защитою, оба они были немало обязаны заступничеству Ив. Ив. Шувалова (большого друга Разумовскаго) и графа М. И. Воронцова.

Въ разгаръ Бестужевскаго дѣла пріѣхалъ въ Петербургъ съ блестящею свитою поляковъ и нѣмцевъ принцъ Карлъ Саксонскій и немедленно отправилъ къ А. Г. Разумовскому состоявшаго при немъ въ качествѣ пѣстуна генерала Лашиналя и затѣмъ самъ сдѣлалъ ему весьма скоро визитъ. При посредствѣ В. К. Екатерины Алексѣевны сблизился съ Разумовскими и Станиславъ Понятовскій, оставившій Петербургъ въ 1758 г. — Императрица Елизавета между тѣмъ съ каждымъ годомъ все слабѣла, и въ 1761 г. не въ состояніи была выѣзжать изъ дворца. Для развлеченія ее переносили въ комнаты то Шувалова, то Разумовскаго, гдѣ она или обѣдала, или ужинала. Лѣтомъ 1761 г. съ большимъ трудомъ она переѣхала въ Петергофъ, а осенью еле живую ее перевезли обратно въ Петербургъ. Графъ А. Г. Разумовскій постоянно находился при ней. 24-го декабря вечеромъ Государыня позвала къ себѣ Великаго Князя и его супругу (т.-е. Петра III и Екатерину II) и, пригласивъ удалиться всѣхъ присутствующихъ, кромѣ А. В. Олсуфьева, потребовала отъ великаго князя, чтобы онъ въ благодарность за все, что она для него сдѣлала, обѣщалъ ей при ея послѣднихъ минутахъ не обижать въ особенности графа Ал. Гр. Разумовскаго и камергера Ив. Ив. Шувалова; также и прочихъ, находившихся на ея службѣ особъ, считать вѣрными слугами, вообще предать полному забвенію все, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло возбудить его неудовольствіе противъ нихъ. Великій Князь, чрезвычайно разстроганный, торжественно обѣщалъ точно и неизмѣнно исполнить ея послѣднія приказанія. Послѣ этого 25-го декабря въ $4^1/_2$ ч. пополудни Императрица скончалась. Графъ Алек. Гр. Разумовскій и его братъ не отходили отъ ея изголовья: слезы ихъ были слезами искренними и скорбь ихъ была вполнѣ сердечная. Покойная Государыня, возведшая ихъ изъ ничтожества на верхъ почестей, была къ нимъ постоянно и неизмѣнно добра. Разумовскіе любили ее всѣми силами преданнаго, простого сердца и въ горести ихъ слышалось не сожалѣніе о концѣ «случая», но глубокое, вполнѣ чистосердечное сокрушеніе о той, которую они оба искренно и неподкупно любили.

Первыя минуты новаго царствованія были тяжелы для графа Ал. Гр. Разумовскаго. — Другъ Бестужева, ненавистникъ иностранцевъ, онъ былъ постоянно болѣе нежели въ холодныхъ отношеніяхъ къ великому князю и сочувствовалъ намѣренію Бестужева удалить Петра III отъ престолонаслѣдія. Графъ Алек. Гр. немедленно покинулъ дворецъ и поселился въ своемъ Аничковскомъ домѣ, гдѣ его часто посѣщалъ новый Императоръ, любившій по вечерамъ выкуривать трубку въ гостепріимныхъ палатахъ графа, который по временамъ давалъ также праздники и банкеты, очень любимые Петромъ III. Графъ поднесъ ему богатую трость и просилъ позволенія присоединить къ тому милліонъ руб., чѣмъ Императоръ, нуждавшійся въ деньгахъ, остался очень доволенъ. Графъ просилъ увольненія отъ службы и 6-го марта 1762 г. послѣдовалъ указъ, чтобы графу А. Г. Разумовскому, генералъ-фельдмаршалу, быть уволеннымъ и вѣчно свободнымъ отъ всякой военной и гражданской службы, съ тѣмъ, что какъ у двора, такъ и гдѣ бы онъ жить ни пожелалъ, отдается ему по чину его должное почтеніе, обѣщая, что Его И. В. самъ сохранитъ къ нему непремѣнимую милость и высочайшее благоволеніе.

Гр. А. Гр. Разумовскій остался жить въ Петербургѣ и продолжалъ давать обѣды въ Аничковскомъ дворцѣ, на которыхъ попрежнему бывалъ Императоръ. Графъ не

принималъ участія въ подготовлявшемся переворотѣ и 27-го іюня 1762 г. давалъ въ честь Императора и Императрицы великолѣпный праздникъ въ Гостилицахъ, на которомъ Петръ III и Екатерина II видѣлись въ послѣдній разъ. Въ ночь съ 27-го на 28-е іюня произошелъ переворотъ, доставившій Екатеринѣ II всероссійскій престолъ. Петръ III, узнавъ, что въ Петербургѣ возстаніе, поспѣшилъ въ Петергофъ, гдѣ его засталъ Разумовскій. Убѣдившись, что его супруга покинула Петергофъ, Петръ III поплылъ со свитою въ Ораніенбаумъ, а оттуда послалъ въ Гостилицы за графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Онъ не медля пріѣхалъ и оставался при немъ до послѣдовавшей кончины.

Присягнувъ новой Императрицѣ, гр. А. Г. Разумовскій поѣхалъ на коронацію въ Москву и во время коронованія несъ корону, а послѣ обряда бросалъ въ народъ жетоны. Среди празднествъ коронаціи Разумовскій узналъ о кончинѣ своей престарѣлой матери, графини Натальи Демьяновны (12-го сентября 1762 г.) на хуторѣ Алексѣевщинѣ. Онъ оставался, однако, въ Москвѣ во все время пребыванія тамъ Императрицы и жилъ въ своемъ домѣ на Покровкѣ, близъ церкви Воскресенія въ Барашахъ. Графъ Гр. Гр. Орловъ не разъ намекалъ Императрицѣ Екатеринѣ II о тайномъ бракѣ Елизаветы Петровны съ гр. Ал. Гр. Разумовскимъ, и однажды Екатерина II приказала Воронцову написать проектъ указа о томъ, что въ память почившей тетки своей, Императрицы Елизаветы Петровны, Государыня признаетъ справедливымъ даровать графу Алек. Григ. Разумовскому, вѣнчанному съ Государыней, титулъ Императорскаго Высочества, каковую дань признательности и благоговѣнія къ предшественницѣ своей объявляетъ ему и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ сіе гласнымъ во всенародное извѣстіе. При этомъ Екатерина II приказала Воронцову попросить у графа А. Гр. Разумовскаго всѣ документы, касавшіеся его брака съ Императрицею Елизаветою, чтобы по нимъ составить въ законной формѣ актъ. — Воронцовъ былъ изумленъ этимъ приказаніемъ, но, получивъ настойчивое подтвержденіе, принужденъ былъ повиноваться и исполнить его. Онъ поѣхалъ къ Разумовскому и сообщилъ ему Высочайшее повелѣніе и проектъ составленнаго указа. Разумовскій пробѣжалъ указъ глазами, тихо всталъ съ креселъ, подошелъ къ комоду, на которомъ стоялъ ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выложенный перламутромъ, отыскалъ въ комодѣ ключъ, отперъ ларецъ и вынулъ изъ потаеннаго ящика бумаги, обвитыя въ розовый атласъ. Онъ развернулъ бумаги и сталъ ихъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ читать, не прерывая молчанія. Прочитавъ бумаги, онъ ихъ поцѣловалъ, подошелъ къ образамъ, перекрестился со слезами на глазахъ и съ примѣтнымъ волненіемъ подошелъ къ камину, бросилъ бумаги въ огонь и опустился на кресло.—Помолчавъ немного, онъ между прочимъ сказалъ: «Я не былъ ничѣмъ болѣе, какъ вѣрнымъ рабомъ Ея Величества, покойной Императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями превыше заслугъ моихъ. Никогда не забывалъ я, изъ какой доли и на какую степень возведенъ я десницею ея... Стократъ смиряюсь, вспоминая прошедшее, живу въ будущемъ, его же не прейдемъ, въ молитвахъ къ Вседержителю... Если бы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною, то повѣрьте, графъ, что я не имѣлъ бы суетности признать случай, помрачающій незабвенную память Монархини, моей благодѣтельницы. Теперь вы видите, у меня нѣтъ никакихъ документовъ. Доложите обо всемъ этомъ всемилостивѣйшей Государыни: да продлитъ она милости свои на меня, старца, не желающаго никакихъ земныхъ почестей. Прощайте, ваше сіятельство, да останется все прошедшее между нами тайною; пусть люди говорятъ, что имъ угодно, пусть дерзновенные простираютъ свои надежды къ ложнымъ величіямъ, но мы не должны быть причиною толковъ».—Воронцовъ возвратился къ Императрицѣ, въ подробности донесъ ей о всемъ происшедшемъ, и Екатерина II сказала: «Мы другъ друга понимаемъ. Тайнаго брака не существовало, хотя бы и для усыпленія боязливой совѣсти. Шопотъ о семъ всегда былъ для меня противенъ. Почтенный старецъ предупредилъ меня, но я ожидала этого отъ свойственнаго малороссіянину самоотверженія». Императрица при своемъ возвышенномъ умѣ не могла не быть тронута рѣдкимъ примѣромъ полнаго самоотверженія и благородства. Она всячески старалась дѣлать угод-

ное старику, и когда онъ въ 1763 г. просилъ заимообразно изъ банка 80.000 руб. съ процентами или безъ процентовъ по соизволенію Государыни, она собственноручно надписала «безъ процентовъ» и дала о томъ указъ. До конца жизни графа Ал. Гр. Разумовскаго Екатерина II оказывала ему знаки особаго уваженія и обращалась съ нимъ скорѣе, какъ съ родственникомъ, нежели, какъ съ подданнымъ. Она выходила къ нему на встрѣчу при пріѣздѣ его во дворецъ, сама сейчасъ же подвигала ему кресло и провожала до дверей своего кабинета. Совершая свою поѣздку по Балтійскому краю, Екатерина въ 1764 г. заѣхала къ старику графу въ Гостилицы; у крыльца дома встрѣтилъ ее хозяинъ со всѣми свойственниками и въ честь Высочайшаго прибытія изъ выставленныхъ предъ домомъ пушекъ производилась пальба. Императрица за обѣдомъ пила за здоровье хозяина, играла съ нимъ въ карты, каталась съ горъ и въ линеѣ по саду.—Не имѣя службы, графъ Разумовскій жилъ тихо въ обширныхъ палатахъ своихъ, окруженный воспоминаніями о родинѣ; его столъ, привычки, прислуга были чисто малороссійскіе. Онъ рѣдко посѣщалъ дворъ, гдѣ былъ, впрочемъ, всегда отмѣнно принятъ Государынею, и былъ очень доволенъ, когда царедворцы и лучшее Петербургское общество собиралось у него въ домѣ. Онъ иногда давалъ пиры Государынѣ, которая нерѣдко запросто утромъ его посѣщала. Разумовскій чуждался гордости и ненавидѣлъ коварство. Не получивъ никакого образованія, но одаренный отъ природы умомъ основательнымъ, онъ былъ ласковъ, снисходителенъ, привѣтливъ съ младшими и любилъ предстательствовать за несчастныхъ. Онъ пользовался общею любовью.—Съ годами онъ сталъ хворать и въ послѣдніе мѣсяцы 1770 года не вставалъ уже съ постели. Сумароковъ, бывшій его адъютантъ, навѣстилъ его и засталъ его очень плохимъ. 6-го іюля 1771 г. Разумовскій скончался въ своемъ Аничковомъ домѣ, имѣя отъ роду 62 года 4 мѣсяца и 10 дней. Онъ погребенъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ супругою брата его, Екатериною Ивановною, и надъ ихъ могилами графъ Кириллъ Григорьевичъ воздвигъ великолѣпный мраморный памятникъ въ видѣ тріумфальныхъ воротъ съ обычною эпитафіею. — Сумароковъ оплакалъ смерть своего благодѣтеля въ «Элегіи къ Степану Ѳедоровичу Ушакову, губернатору Санктпетербургскому, на преставленіе графа Алек. Григ. Разумовскаго».

Все состояніе умершаго графа перешло къ родному брату его, гетману Кириллу Григорьевичу Разумовскому, такъ какъ Ал. Гр. Разумовскій никакого потомства не оставилъ.

Существуютъ, однако, легенды, что отъ брака Елизаветы Петровны съ графомъ Ал. Гр. Разумовскимъ были дѣти, носившія одни имя князя и княженъ Таракановыхъ, о которыхъ писали не мало за границею и у насъ; другія же извѣстны подъ разными именами, какъ, напримѣръ, старицы Досиѳеи, присланной по секретному указу Императрицы Екатерины II въ Ивановскій монастырь въ Москвѣ въ 1785 г. и тамъ умершей въ 1808 году, при чемъ на оставшемся послѣ нея портретѣ на задней его сторонѣ имѣлась надпись: «Принцесса Августа Тараканова, въ иноцѣхъ Досиѳея, пострижена въ Московскомъ Ивановскомъ Монастырѣ и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ». Другія дочерью Елизаветы считаютъ таинственную старицу княжну Тараканову жившую отшельницею въ Московскомъ Никитскомъ монастырѣ; также инокиню Аркадію, жившую подъ именемъ Варвары Мироновой Назаровой въ посадѣ Пучежѣ, Костромской губерніи; также княжну Баратову, жившую въ Казани. Подобныя преданія сохранились въ Екатеринбургѣ, Уфѣ, Нижнемъ, Костромѣ. Двухъ сестеръ Таракановыхъ арестовалъ Гр. Гр. Орловъ въ Ливорно; ихъ обѣихъ хотѣли утопить, но одну спасъ матросъ и она прибыла въ Петербургъ и явилась къ подругѣ своей Лопухиной, которая очень испугалась, дала ей крестьянское платье и видъ своей крѣпостной дѣвушки, подъ которымъ Тараканова отправилась въ Москву и постриглась въ Никитскомъ монастырѣ.—Была извѣстная искательница приключеній, ничего не имѣвшая общаго съ Таракановыми, которая называла себя султаншей Али-Эмене, потомъ владѣтельницею Азова, принцессою Володимірскою, принцессою Елизаветою Всероссійской, графинею Пиннебергъ, графинею Селинскою и т. д.; она выдавала себя за дочь Елизаветы и казацкаго гетмана князя Разумовскаго, родственника персидскаго шаха, за сестру Пугачева и т. д. Кастера

говоритъ, что княжна Тараканова (разумѣя принцессу Володимірскую) была младшая изъ 3 дѣтей, рожденныхъ отъ брака Елизаветы Петровны съ Разумовскимъ; Дюкло и Гельбигъ заявляютъ, что у Елизаветы Петровны было 8 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ ни одинъ не былъ ею признанъ. Всѣ эти другъ другу противорѣчащія извѣстія не подкрѣпляются ни малѣйшими доказательствами. Авторъ извѣстнаго изслѣдованія «Семейство Разумовскихъ» А. А. Васильчиковъ приходитъ къ заключенію, что у Елизаветы Петровны никогда никакихъ дѣтей не было. Если бы таковыя были, то воспитывались бы во дворцѣ и современемъ получили богатство, чины, положеніе, а не томились бы по разнымъ монастырямъ. Нельзя допустить, чтобы такой рѣдкій семьянинъ, такой любящій братъ, попечительный дядя, какъ графъ Алекс. Гр. Разумовскій, оставилъ безъ всякихъ призрѣнія и присмотра дѣтей своихъ, никогда не занимался бы ими при жизни и ничего не отказалъ имъ по своей смерти. Въ основаніи разсказовъ о схимницахъ и таинственныхъ затворницахъ лежатъ обыкновенно сплетни праздныхъ женщинъ, желающихъ придать рельефность своему городу и монастырю и въ Россіи нѣтъ женскаго монастыря, который не имѣлъ бы преданія о какой либо таинственной затворницѣ. Самое имя Таракановыхъ, данное дѣтямъ Елизаветы и Разумовскаго доказываетъ нелѣпость басни о ихъ существованіи. Самъ Ал. Гр. родился въ Лемешахъ и никакой деревни или слободы Таракановки нѣтъ во всей Черниговской губерніи и не было даже среди имѣній, пожалованныхъ Разумовскому. Къ тому же нѣтъ слова тараканъ въ малороссійскомъ нарѣчіи. Существовала въ Россіи еще до Елизаветы Петровны фамилія Таракановыхъ; одинъ изъ нихъ — Алексѣй — былъ генералъ-аншефъ и александровскій кавалеръ, отличился въ турецкихъ походахъ временъ Анны Ивановны, подъ командою Миниха, получилъ деревни въ Малороссіи и умеръ въ 1760 году. Съ какой стати Государыня дала бы своимъ дѣтямъ фамилію, принадлежавшую лицу, ничего не имѣвшему съ ними общаго? — Вся эта басня получила начала изъ автобіографіи Шлёцера, бывшаго учителемъ при сыновьяхъ гетмана Разумовскаго, въ которой записано слѣдующее: «Разъ у насъ обѣдали 4 сына Императрицы Елизаветы (потому двоюродные братья нашихъ графовъ) подъ именемъ Т—выхъ (von T—v.) вмѣстѣ съ наставникомъ, нѣмцемъ подъ именемъ Д—ль (D—l.). Они остались полнѣйшими невѣждами и не по своей винѣ, а благодаря наставнику». — Кто же были лица, означенныя только начальными буквами ихъ фамиліи? Письмо дѣйствительныхъ племянниковъ графа Алек. Гр. Разумовскаго, а также двоюродныхъ братьевъ, дѣтей гетмана къ графу Алекс. Гр. Разумовскому отъ 10-го ноября 1761 г. указываетъ, что наставникъ нѣмецъ Д—ль былъ Дитцель, о перемѣнѣ котораго и просили дядю племянники его, въ томъ числѣ два Дараганa, два Закревскіе и Стрешенцовъ. Фамилія Дараганъ, неизвѣстная ранѣе въ Петербургѣ и какъ то странно звучащая, была передѣлана въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ въ Дарагановыхъ и этимъ именемъ означали всѣхъ племянниковъ Разумовскаго. Нѣмцы же по свойству своего произношенія изъ Дарагановыхъ сдѣлали Таракановыхъ, а Дитцель для пущей важности пустилъ молву за границею, что онъ путешествуетъ съ графами von Taracanoff, дѣтьми Разумовскаго и Императрицы Елизаветы. Такимъ образомъ, выдумка хвастливаго нѣмца была напечатана, какъ нѣчто несомнѣнное писателями въ родѣ Кастера и изъ чужихъ странъ проникла и въ наше отечество.

А. А. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ 1880 г., т. I; «Московскія Вѣдомости» 1860 г., № 182 (село Лемеши, статья Василенко); А. Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. II, стр. 635; Дневныя записки малоросс. подскарбія генеральнаго Якова Марковича, т. I, стр. 12—268, 361—421; Манштейнъ, Записки о Россіи, т. II, 221; Helbig, Russische Günstlinge, стр. 210; «Архивъ князя Воронцова», т. I, стр. 20, 21; — Камеръ-фурьерскій журналъ 1748, 1749 до 1760 годовъ; Исторія Россіи, Соловьева, т. XXI, XXIII и XXV; П. Пекарскій, Маркизъ де ла Шетарди, стр. 401, 429; «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», т. VI, стр. 396, 413 и т. д. (донесенія Пецольда), т. VII, стр. 290, т. XVIII, стр. 27 (донесенія Мерси д'Аржанто); Захаровъ, Путеводитель по окрестностямъ Москвы, 188; «Москвитянинъ» 1844 г., т. V, стр. 424; Записки С. Порошина, стр. 72; Вейдемейеръ, Царствованіе Елизаветы Петровны; Записки кн. Я. П. Шаховскаго, I. 64, 97; Кн. М. Щербатовъ, О поврежденіи нравовъ въ Россіи; Дневникъ Ханенки; Иванъ Ив. Шуваловъ—статья П. И. Бартенева; «Mémores de Catherine II»; Hermann, Geschichte des russischen Staats, V; «Русская Бесѣда» 1859 г., № 4; «Русскій Вѣстникъ» 1859, т. 24, статья Лонгинова; «Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей» 1866 г., кн. II и кн. III; также 1867, кн. I; «Русскій Ар-

хивъ»; «Русская Старина», издав. Мартыновымъ, годъ 2-й, стр. 87; «Русскія достопамятности», выпускъ V, 14—17; «Княжна Тараканова и принц. Владимірская» — П. И. Мельникова; Castera, Histoire de Catherine II, Paris, I, 99; Duclos, Mémoires secrets sur la France, II, 350; «Biographie Peter des Dritten», Tübingen, 1808, II, 90; August Ludwig Schlözer's Oeffentliches und privat-Leben von Ihm selbst geschrieben», 139—140.

П. Майковъ.

Разумовскій, графъ *Алексѣй Кириловичъ*, старшій сынъ гетмана Кирилла Григорьевича и его супруги Екатерины Ивановны, род. въ Петербургѣ 12-го сентября 1748 года и, записанный со дня рожденія въ военную службу, провелъ годы своего дѣтства въ домѣ родителей, старавшихся дать дѣтямъ высшее образованіе и не жалѣвшихъ на это денегъ. Позднѣе, по совѣту академика Тауберта, Разумовскій вмѣстѣ съ братьями, а также сыновьями Г. Н. Теплова, А. В. Олсуфьева и рекетмейстера Ив. Ив. Козлова былъ помѣщенъ для лучшаго воспитанія въ особо нанятый, походившій на дворецъ, большой домъ на Васильевскомъ островѣ въ 10-й линіи, вмѣстѣ съ гувернеромъ французомъ Бурбье. При нихъ состояли три учителя: извѣстный математикъ и академикъ С. Я. Румовскій, историкъ А. Л. Шлёцеръ и іезуитскій воспитанникъ изъ Вѣны. Кромѣ того различные учителя пріѣзжали давать отдѣльные уроки (на французскомъ языкѣ, такъ какъ воспитанники не знали еще нѣмецкаго). Таубертъ былъ главнымъ инспекторомъ, еженедѣльно посѣщалъ этотъ домашній пансіонъ и слѣдилъ за успѣхами учениковъ, для обученія которыхъ былъ составленъ особый планъ; въ него, по предложенію Шлёцера, была включена географія и необходимая для учениковъ наука — познаніе отечества, подъ которой разумѣлась статистика Россіи. По каждому главному предмету статистики Шлёцеръ составилъ особыя карманныя книжечки, содержаніе которыхъ было приспособлено къ тому роду службы, къ которой готовились ученики, получившіе каждый по такой книжкѣ въ золотомъ обрѣзѣ съ надписью «à l'usage de l'académie de la X-me ligne». Андрей Кирилловичъ, пожалованный въ день восшествія на престолъ Петра III въ ротмистры (14 лѣтъ отъ роду), получилъ книжку «sur le militaire», а братъ его Андрей, бывшій мичманомъ — «sur la marine» и т. д. Дѣти писали сочиненія каждый о своемъ предметѣ, и эти сочиненія представлялись ихъ родителямъ. Бурбье кромѣ французскаго языка преподавалъ исторію, но скоро упросилъ заниматься этимъ того же Шлёцера, который принялся тогда за изготовленіе подобныхъ же книжекъ по исторіи. Онъ же училъ и латинскому языку. Эта, такъ называемая академія 10-й линіи занимала очень и дворъ, и петербургскую знать.

Довершить воспитаніе своихъ сыновей отецъ-гетманъ хотѣлъ въ одномъ изъ извѣстныхъ заграничныхъ университетовъ. Въ то время своими профессорами славился Страсбургскій университетъ, куда и были отправлены сыновья Разумовскаго вмѣстѣ съ гувернеромъ Матиньяномъ въ 1765 году. Они были поручены попеченію профессора Шёпфлина (Iohann Schoepflin), отличавшагося притомъ высокою нравственностью; подъ его надзоромъ состояли уже учившіеся въ Страсбургѣ русскіе студенты Полѣновъ и Лепехинъ. Шёпфлинъ прилагалъ великое стараніе о дѣтяхъ Разумовскаго и часто ихъ экзаменовалъ.—Однако, самъ Кир. Григор. Р., посѣтивъ Страсбургъ въ 1767 г., остался недоволенъ не столько университетомъ, сколько городомъ: присутствіе военной молодежи, буйство офицеровъ и кутежи не пришлись ему по сердцу, и онъ рѣшилъ пріискать сыновьямъ болѣе скромное мѣстопребываніе заграницею, а между тѣмъ взялъ старшаго сына Алексѣя съ собою въ Италію, нанявъ для него гувернерами поэта Николаи и француза Кронье. Встрѣтивъ въ Италіи Ив. Ив. Шувалова, онъ оставилъ на его попеченіе своего сына вмѣстѣ съ его наставниками, не болѣе какъ года на полтора (до октября 1768 г.), намѣреваясь сыновей послать потомъ въ Англію. Алексѣй Кир., проживъ въ Италіи, поѣхалъ чрезъ Геную и Марсель, видѣлъ «меридіональную» Францію и, соединившись съ братьями въ Страсбургѣ, весною 1768 года поѣхалъ въ Лондонъ. Поживъ нѣсколько времени въ этомъ городѣ, онъ предпринялъ вмѣстѣ съ братьями и гувернерами путешествіе по Англіи, а затѣмъ чрезъ Голландію вернулся въ Петербургъ, куда прибыли осенью 1769 г.— Графъ Алексѣй былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ и сталъ служить при дворѣ, не смотря на то, что не любилъ придворной жизни. Служба эта его не занимала и отецъ, чтобы дать сыну занятіе, передалъ ему въ

полное управленіе свои обширныя малороссійскія имѣнія, которыя Екатерина II не дозволяла ему самому посѣщать послѣ уничтоженія гетманства. Въ это время (23-го февр. 1774 г.) молодой Алекс. Кир. вступилъ въ бракъ съ графинею Варварою Петровною Шереметевою, дочерью графа Петра Борисовича, получившею богатѣйшее приданое; она считалась по богатству первою невѣстою въ Россіи. Свадьба была отпразднована въ Москвѣ, гдѣ поселились новобрачные, отправляясь на лѣто въ малороссійскія имѣнія. Молодой Алекс. Гр. не имѣлъ никакихъ способностей къ хозяйственнымъ занятіямъ, а потому отецъ, получивъ наконецъ разрѣшеніе Государыни, пріѣхалъ въ 1774 г. въ Батуринъ и принялся самъ управлять имѣніями. Графъ Алексѣй въ іюлѣ 1775 г. былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и сталъ жить и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, смотря по тому, гдѣ имѣлъ пребываніе дворъ Императрицы, но въ 1778 г. просилъ уволить его отъ службы, «чтобы исполнить долгъ свой и отцу обремененному фамиліею въ благоустройствѣ его дома помощь дѣлать»; получивъ желаемую отставку въ 1778 г., онъ поселился въ Москвѣ и сталъ заниматься отдѣлкою выдѣленнаго ему отцомъ села Горенки. Въ 1784 г. онъ приказалъ своей супругѣ, безхарактерной, но очень набожной особѣ, съ большими суевѣріями, покинуть его домъ, оставивъ ему дѣтей, которыхъ страстно любилъ. Послѣ изгнанія жены графъ удалился отъ свѣта, къ которому всегда былъ мало расположенъ, и сталъ рѣдко видѣться не только съ знакомыми, но даже и самыми близкими родственниками. Неизвѣстно, долго ли онъ находился въ отставкѣ, но уже 27-го іюня 1786 г., въ день восшествія на престолъ Екатерины II, былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ. Позднѣе, въ 1793 г. онъ, въ числѣ трехъ кандидатовъ, былъ представленъ Сенатомъ на вакантное мѣсто Президента Комерцъ-Коллегіи, но Императрица не избрала Разумовскаго, давно домогавшагося подобнаго мѣста. Екатерина II была противъ него предубѣждена и недовольна имъ быть можетъ потому, что Разумовскій принадлежалъ тогда къ масонамъ. Въ 1795 г. онъ значится «сенаторомъ, уволеннымъ на два года». Есть преданіе что онъ не одобрялъ одного закона, переданнаго Императрицею на обсужденіе Сената, и затягивалъ пренія. Императрица, узнавъ объ этомъ, потребовала его къ себѣ и взяла обѣщаніе согласиться, причемъ онъ заявилъ ей, что нехотя повинуется волѣ Государыни. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Разумовскій вышелъ въ отставку и все время царствованія Павла I прожилъ въ Москвѣ, въ своихъ роскошныхъ палатахъ и великолѣпныхъ теплицахъ, уѣзжая на лѣто въ Малороссію.

Въ это время онъ уговорилъ отца продать обширный домъ на Знаменкѣ, (этотъ домъ купилъ графъ Николай Петров. Шереметевъ), который предназначался ему, и самъ предался также страсти къ постройкамъ подобно отцу и дядѣ. Онъ сталъ воздвигать на Гороховомъ дворѣ—мѣстѣ, пожалованномъ дядѣ его графу Алексѣю Григор. Импер. Елизаветою, богатѣйшія палаты изъ дубовыхъ брусьевъ и истратилъ на это болѣе милліона рублей. Залы блистали зеркалами, бронзою; много комнатъ было обито гобеленами и украшено картинами лучшихъ художниковъ. Въ домѣ была богатая библіотека. Домъ занималъ цѣлый кварталъ и къ нему прилегалъ садъ, имѣвшій въ окружности до $3^1/_2$ верстъ и нѣсколько прудовъ съ рыбою. Яуза извивалась среди сада, а около дома стояла церковь Вознесенія. Любимымъ пребываніемъ графа А. К. Разумовскаго было подмосковное село Горенки, гдѣ онъ устроилъ замѣчательный ботаническій садъ, вызвавъ изъ за границы для этого профессора Стефани, а потомъ Фишера. Садъ этотъ считался однимъ изъ чудесъ Москвы и имѣлъ до 2000 родовъ растеній; извѣстные ботаники ѣздили въ различныя страны Россіи для пополненія ботаническихъ коллекцій сада, при которомъ имѣлась огромная библіотека, богатѣйшая въ Россіи по естественнымъ наукамъ. Въ оранжереяхъ насчитывали до 500 большихъ померанцевыхъ деревьевъ, а садъ былъ расположенъ на двухъ квадратныхъ верстахъ. Въ теплицахъ выращивались дотолѣ неизвѣстныя растенія, получившія въ честь графа названіе «Razoumovia». Среди этихъ растеній, среди царской роскоши заперся графъ одинъ; онъ наслаждался ими безъ всякой пользы для другихъ. Онъ былъ чрезвычайно высокомѣренъ и гордъ и это породило слухъ, что онъ считаетъ себя сыномъ Елизаветы Петровны. Кромѣ того, онъ

былъ суровъ въ кругу семейства; сыновья часто выводили его изъ терпѣнія своимъ самодурствомъ и долгами. Дѣла по хозяйству шли плохо; расходы по постройкамъ и роскошнымъ затѣямъ поглощали массу денегъ, и ихъ не хватало. Съ сосѣдями онъ велъ безпрестанныя тяжбы; ко всѣмъ относился подозрительно, вѣчно былъ недоволенъ и хандрилъ. Къ нему по временамъ любилъ обращаться Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ, отставной морякъ, нѣкогда одинъ изъ замѣчательныхъ сподвижниковъ Новикова, великій мастеръ ложи Орфея, пользовавшійся сильнымъ авторитетомъ въ извѣстномъ кругу масоновъ. Гордый Разумовскій терпѣливо выслушивалъ долгія и скучныя его рацеи и Поздѣевъ давалъ ему совѣты касательно служебной его дѣятельности, руководилъ его духовною жизнію, непрестанно рекомендовалъ ему своихъ послѣдователей, былъ съ нимъ въ перепискѣ и т. д. и Разумовскій, въ молодости принадлежавшій къ членамъ ложи Capitulum Petropolitanum, великимъ мастеромъ которой былъ Людеръ, теперь снова примкнулъ къ масонству, когда оно, по вступленіи на престолъ Александра I, пробудилось съ новою силою.

Императоръ Александръ I, прибывъ для коронованія въ Москву, милостиво принялъ А. К. Разумовскаго и уговаривалъ его поступить на службу, но графъ не согласился и до 1807 г. жилъ въ Москвѣ, занимаясь ботаникою и масонствомъ. Дочь его Варвара была пожалована фрейлиною. Въ 1807 г. Разумовскій уступилъ желанію Государя, былъ 2-го ноября 1807 г. назначенъ попечителемъ Московскаго Университета и его округа (послѣ М. Н. Муравьева) и произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Вскорѣ послѣ этого графъ поѣхалъ въ Петербургъ, куда его звалъ князь Н. М. Козловскій (пользовавшійся въ то время безграничнымъ его довѣріемъ), для лучшаго устроенія домашнихъ дѣлъ и чтобы «импонировать собою и уронить вздоръ сей», т.-е., что въ Москвѣ много масоновъ-иллюминатовъ и главнымъ у нихъ графъ А. К. Разумовскій, тѣмъ болѣе, что высокое мнѣніе получили объ васъ у двора». Графъ пріѣхалъ, представлялся Императору и награжденъ былъ орденомъ Св. Александра Невскаго—«отъ удостовѣренія, что ревностныя попеченія графа совершатъ устройство учебной части какъ въ университетѣ, такъ и во всемъ его округѣ». Привыкшій къ уединенію, не любившій ни въ чемъ себя стѣснять, притомъ надменный, Разумовскій былъ мало кому доступенъ, и скоро на дѣла учебнаго округа пріобрѣлъ большое вліяніе находившійся при немъ библіотекарь, харьковскій грекъ Качони, преобразившійся со временемъ въ извѣстнаго профессора Михаила Трофимовича Каченовскаго. Разумовскій прежде всего исхлопоталъ именованіе Императорскаго Московскому Обществу испытателей природы, коего президентомъ онъ давно состоялъ, и тогда уже былъ составленъ планъ систематическаго описанія Московской губерніи. Трудъ этотъ былъ начатъ; астрономы Гольдбахъ, Панснеръ и другіе приступили къ тригонометрическимъ измѣреніямъ, но трудъ этотъ остался недоконченнымъ. По распоряженію графа въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» съ 1808 года стали печататься метеорологическія наблюденія, производившіяся профессоромъ физики П. И. Страховымъ три раза въ день. Разумовскій ходатайствовалъ объ установленіи безсмѣнности ректора Университета, хотя на нѣсколько лѣтъ, и наконецъ 16-го сентября 1809 г. Высочайше разрѣшено было производить избраніе ректора всякіе три года. Графъ въ особенности заботился о переводѣ Московскаго Университета въ болѣе пространное помѣщеніе, въ Екатерининскій или Головинскій дворецъ въ Лефортовѣ, но это не состоялось. — При немъ Московскій Университетъ удостоился небывалой до сего чести: 14-го декабря 1809 г. Императоръ Александръ I подробно осматривалъ Университетъ вмѣстѣ со своею сестрою Екатериною Павловною. Его Величество остался очень доволенъ, отозвался добрымъ словомъ о профессорахъ, коихъ удостоилъ своего разговора, о порядкѣ управленія, «а паче», писалъ П. В. Завадовскій Разумовскому, о «личныхъ вашихъ качествахъ, способствующихъ лучшему образованію сей полезнѣйшей части». — Въ это время гр. Завадовскій (бывшій министромъ просвѣщенія и находившійся въ самыхъ дружественныхъ и даже родственныхъ отношеніяхъ съ Разумовскимъ) помышлялъ объ отставкѣ. Государь по указанію своей сестры Екатерины Павловны намѣревался его замѣнить Карамзинымъ, но всемогущій въ то время Сперанскій отклонилъ это намѣреніе, предложивъ сдѣ-

лать Карамзина куратором Университета, отъ чего самъ Карамзинъ отказался. Александръ I обратилъ тогда вниманіе на графа Разумовскаго, который произвелъ столь выгодное на него впечатлѣніе въ Москвѣ, и наканунѣ новаго 1810 года Разумовскій былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія на мѣсто Завадовскаго, хотя указъ объ этомъ былъ подписанъ только 10-го апрѣля 1810 года. Разумовскій перебрался въ Петербургъ со своею дочерью и поселился на Фонтанкѣ, въ новокупленныхъ палатахъ между Семеновскимъ и Обуховскимъ мостами, стоявшихъ среди обширнаго двора, обросшаго деревьями. Въ Министерствѣ народнаго просвѣщенія ожидали его съ нѣкоторымъ трепетомъ, опасаясь различной ломки и смѣщенія главныхъ лицъ министерства, зная, что онъ и ранѣе часто осуждалъ и критиковалъ распоряженія своего предшественника и не жаловалъ директора канцеляріи ученаго Ив. Ив. Мартынова. Но эти опасенія оказались напрасными: дѣятельность Разумовскаго по министерству явилась продолженіемъ того, что было начато при Завадовскомъ. Кромѣ того, онъ обратилъ особенное вниманіе на народныя школы и въ первые два года было открыто 72 приходскихъ школы, 24 уѣздныхъ училища, одно сиротское и городское училище въ Москвѣ. При немъ же открыты гимназіи: въ Кіевѣ, Симбирскѣ, Бѣлостокѣ, греческое Александровское училище въ Нѣжинѣ и Повивальный Институтъ въ Бѣлостокѣ. Разумовскій обращалъ вниманіе на самый методъ преподаванія и требовалъ отъ попечителей, чтобы они зорко слѣдили за учебнымъ дѣломъ во ввѣренныхъ имъ округахъ. Онъ имъ предлагалъ назначать въ учителя людей, знакомыхъ съ раціональнымъ методомъ преподаванія, слѣдить, чтобы учителя не затрудняли учениковъ вытверживаніемъ наизусть уроковъ, не обременяли юношество перепискою курсовъ, составленныхъ учителями, а преподавали по книгамъ, указаннымъ начальствомъ, приглашали бы на экзаменъ постороннихъ лицъ, не дозволяя экзаменовать самимъ учителямъ, и т. д. Разумовскій припомнилъ, что еще въ 1811 г. училищными постановленіями были запрещены всякія тѣлесныя наказанія, а между тѣмъ таковыя производились и даже съ ожесточеніемъ, безъ вѣдома высшаго начальства и согласія родителей. Поэтому графъ подтверждалъ не дерзать нарушать Высочайшее повелѣніе о наказаніяхъ, подъ опасеніемъ отрѣшенія отъ должности или закрытія пансіона, если таковой содержался частнымъ лицомъ. По его предложенію въ 1811 году учреждено званіе почетныхъ при училищахъ смотрителей, избираемыхъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, и воспрещено строжайше допущеніе частныхъ заведеній для совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола. Равнымъ образомъ постановлено было коренным и неизмѣннымъ правиломъ, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, не изъемля изъ того и состоящія подъ управленіемъ иностраннаго духовенства, обучать юношество Закону Божію и при ежегодныхъ публичныхъ испытаніяхъ всегда начинать экзаменъ съ сего предмета, яко заключающаго въ себѣ главную и существенную цѣль образованія. Въ августѣ 1810 г. былъ Высочайше утвержденъ планъ Царскосельскаго Лицея, открытаго 19-го октября 1811 г.; Р. принималъ живое участіе въ жизни этого учебнаго заведенія, которое онъ считалъ своимъ дѣтищемъ. Занимаясь съ любовью дѣломъ народнаго образованія, Разумовскій какъ бы отрѣшился отъ своихъ прежнихъ космополитическихъ воззрѣній и, дѣлаясь чисто русскимъ человѣкомъ, представлялъ Его Величеству о мѣрахъ къ прекращенію вреднаго вліянія, оказываемаго воспитаніемъ юношества иностранцами: такое воспитаніе приближаетъ къ истребленію народнаго духа. Къ прекращенію этого Разумовскій предлагалъ: во всѣхъ пансіонахъ преподавать науки на русскомъ языкѣ; принимать въ пансіоны учителей для наукъ съ условіемъ чтобы преподавали на русскомъ языкѣ; во всемъ строго слѣдовать правиламъ, существующимъ для пансіоновъ; разрѣшая открытіе пансіона, обращать вниманіе на добрую нравственность лица, желающаго открыть пансіонъ и т. д. Государь утвердилъ это представленіе, и Разумовскій обратилъ свое вниманіе на домашнихъ иностранныхъ учителей, число которыхъ все возрастало. Онъ предложилъ на основаніи указа 5-го мая 1757 г. требовать отъ иностранныхъ учителей предъявленія письменныхъ свидѣтельствъ объ ихъ способностяхъ и познаніяхъ, выдаваемыхъ отъ начальства русскихъ училищъ. Комитетъ министровъ не

нашелъ возможнымъ согласиться на эту мѣру, но Разумовскій написалъ опроверженіе на такое заключеніе Комитета и Императоръ Александръ утвердилъ мнѣніе министра и предложенная имъ мѣра была принята. Разумовскій обратилъ вниманіе и на то, что въ губерніи Виленской, а также во всѣхъ бывшихъ польскихъ и остзейскихъ губерніяхъ неохотно занимаются русскимъ языкомъ, а потому предлагалъ между прочимъ: 1, изъ приходскихъ школъ переводить въ уѣздныя училища, а изъ сихъ послѣднихъ въ гимназіи только тѣхъ учениковъ, кои знаютъ по русски основательно. 2, гимназистовъ, не знающихъ русскаго языка при окончаніи курса, на службу не принимать; студентовъ же университетовъ, не знающихъ достаточно русскаго языка, хотя и принимать на службу, но не въ чинѣ 14-го класса. 3, чрезъ пять лѣтъ по утвержденіи сего положенія, принимать уроженцевъ вышеуказанныхъ губерній на службу военную и гражданскую, а равно и въ духовное званіе, не иначе, какъ изъ знающихъ русскій языкъ. Государственный Совѣтъ признавалъ пользу сихъ мѣръ, но, уваживъ, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ надлежало съ пограничными губерніями обращаться со всевозможною осторожностью, положилъ 3-го іюня 1812 года отложить эти мѣры до удобнѣйшаго времени.

При Разумовскомъ же была открыта въ 1811 г. при Московскомъ Университетѣ первая каѳедра славянской филологіи, дабы ознакомить учащихся со всѣми вообще славянскими книгами, съ показаніемъ соотношенія россійскаго языка къ славянскому и происхожденія его изъ славянскаго.

Что касается общихъ государственныхъ вопросовъ, то Разумовскій мало ихъ касался, являясь однимъ изъ самыхъ открытыхъ противниковъ Сперанскаго; онъ смотрѣлъ на его паденіе, какъ на спасеніе Россіи.

Въ началѣ 1812 г. умеръ кн. Н.М.Козловскій, пользовавшійся полнымъ его довѣріемъ; онъ запутался въ откупахъ, и завлекъ въ откупа и своего довѣрителя, который принужденъ былъ уплатить огромную неустойку. Среди года Разумовскій заболѣлъ; двухлѣтняя дѣятельность и служебныя занятія его утомили; онъ скучалъ по Горенкамъ, и Петербургская жизнь ему была не по вкусу. Онъ сталъ говорить объ отставкѣ, но упомянутый выше Поздѣевъ отговаривалъ его отъ этого. Время было дѣйствительно неудобное. Государь готовился къ войнѣ съ Наполеономъ, и просьба Разумовскаго объ отпускѣ въ Москву пришлась ему не по сердцу; съ этого времени замѣтно охлажденіе къ нему со стороны Александра I. Рескриптомъ отъ 26-го мая 1812 г. изъ Вильны Разумовскій былъ уволенъ въ просимый отпускъ, но недолго могъ пожить въ Москвѣ: приближеніе Наполеоновскихъ армій побудило его вернуться въ Петербургъ и хлопотать не мало сперва о переселеніи Московскаго Университета въ Ярославль, а потомъ о возстановленіи его снова въ Москвѣ; при пожарѣ Москвы погибъ музей Московскаго Университета, въ то время одинъ изъ первыхъ въ Европѣ, а также его библіотека; все это надо было пополнить снова. Вся западная часть Россіи была разорена, и все приходилось заводить заново. Самъ Разумовскій отъ нашествія Французовъ не пострадалъ: доходныя его имѣнія находились вдалекѣ отъ театра военныхъ дѣйствій; пострадалъ немного домъ въ Горенкахъ, но оранжереи и теплицы были спасены. — Онъ снова обратилъ вниманіе на народныя школы, состояніе которыхъ было неудовлетворительно; съ 1812 по 1816 г. открыто было 65 новыхъ уѣздныхъ, приходскихъ и повѣтовыхъ школъ, 12 уѣздныхъ училищъ, гимназія въ Харьковѣ, воспитательное заведеніе при Московской губернской гимназіи и, наконецъ, въ 1814 г. произошло полное открытіе Казанскаго Университета. Разумовскій имѣлъ мысль открыть университетъ и на Волыни, образовавъ его изъ Волынской гимназіи. Визитаторъ училищъ по Волынской губерніи графъ Платтеръ былъ въ восторгѣ отъ этого. Между сѣверомъ и югомъ нашихъ западныхъ окраинъ господствовалъ антагонизмъ, и жители Волыни не безъ ѣдкой ненависти отзывались о Виленскомъ Университетѣ и его попечителѣ. Однако, проектъ этотъ не осуществился. Служебныя обязанности видимо утомляли Разумовскаго: онъ впалъ въ мизантропію, заперся въ кабинетѣ и зажилъ замкнутою жизнью, рѣдко кого къ себѣ допуская. Главное Правленіе Училищъ, игравшее важную роль при Завадовскомъ и еще дѣятельное въ первые годы управленія Разумовскаго, стало собираться все рѣже и занималось преимущественно хозяй-

ственною частью. Къ тому же реакція отразилась и въ убѣжденіяхъ Государя, и во всемъ административномъ строѣ. Цензурный уставъ 1804 года сталъ примѣняться съ крайнею строгостью; Разумовскій поддерживалъ различныя неосновательныя требованія о стѣсненіи печати и давалъ соотвѣтствующіе циркуляры цензурнымъ комитетамъ. Онъ даже не согласился на передачу цензуры, находившейся въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, въ распоряженіе министра полиціи и доказывалъ, что она должна состоять подъ единственнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія. Подъ вліяніемъ графа Іосифа де-Местра онъ сталъ вѣрить во всякіе якобинскіе и иллюминатскіе призраки и предавался все болѣе и болѣе мрачному настроенію. Домашнія дѣла его находились въ плачевномъ состояніи; въ 1814 году онъ просилъ Государя купить у него домъ въ Москвѣ, не разъ обращавшій на себя вниманіе Александра I. Императоръ, собираясь ѣхать на конгрессъ въ Вѣну, не обратилъ вниманія на эту просьбу Разумовскаго и не имѣлъ времени принять его съ докладомъ. Разумовскій просилъ тогда о дарованіи ему увольненія отъ всѣхъ дѣлъ, въ уваженіе преклонности лѣтъ и слабости здоровья, не позволяющихъ ему продолжать служеніе съ неусыпнымъ рвеніемъ. Рескриптомъ 31-го августа 1814 г. Императоръ предоставилъ себѣ уволить его отъ службы по возвращеніи своемъ въ столицу, такъ какъ нуженъ выборъ преемника, чего въ скоромъ времени сдѣлать нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему повелѣвалось всѣ доклады по Министерству, ему ввѣренному, вносить въ Комитетъ Министровъ. Разумовскій пришелъ въ мрачное настроеніе, которое увеличивалось непріятными свѣдѣніями изъ учебныхъ округовъ: все и вездѣ шло худо, и всѣ были имъ недовольны. Въ Харьковѣ жаловались на безпорядки, на отсутствіе попечителя и представляли доносы на проф. Шада. Изъ Дерпта шли доносы на Паррота: указывали, что онъ былъ въ Парижѣ предсѣдателемъ клуба якобинцевъ и что онъ вообще человѣкъ ультра-демократическихъ убѣжденій; въ Казани ученіе находилось въ самомъ плачевномъ состояніи, а между профессорами была постоянная вражда, университетскія зданія — въ развалинахъ и т. д. Къ тому же іезуиты дѣлались все отважнѣе и совращали въ католичество почти ежедневно; это отступничество обратило, наконецъ, на себя вниманіе; обвиненія высказывались противъ любимца петербургскихъ гостиныхъ графа де-Местра, и противъ іезуитовъ стали требовать строгихъ мѣръ. — 20-го декабря 1815 г. Разумовскій совершенно неожиданно получилъ высочайшій указъ, которымъ ему предписывалось взять въ свое управленіе содержимое іезуитами училище и имѣть попеченіе какъ о содержаніи, такъ и о порядкѣ онаго и немедленно снестись съ родственниками учениковъ, дабы они взяли ихъ къ себѣ, такъ какъ училище не будетъ болѣе существовать. — Разумовскій, поддерживавшій іезуитовъ, не могъ безъ огорченія, безъ чувства оскорбленнаго самолюбія, снести карательную мѣру противъ іезуитовъ, принятую помимо его и безъ его вѣдома. Онъ не выдержалъ этой, по его мнѣнію, обиды и подалъ въ отставку. Онъ получилъ ее въ холодномъ рескриптѣ отъ 10-го августа 1816 г., въ которомъ ему назначался также пенсіонъ въ десять тысячъ рублей въ годъ. Онъ оставилъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, дѣлами котораго послѣдніе два года почти не занимался. Отмѣтимъ, что за эти послѣдніе годы онъ входилъ не разъ съ представленіями о поощреніи благотворителей къ денежнымъ пожертвованіямъ на народное просвѣщеніе. Это вызывалось скудостью средствъ его Министерства, бюджетъ котораго не превышалъ трехъ милліоновъ рублей (около 2.780.000 руб.) и при томъ съ 1812 г. постепенно уменьшался. Кромѣ того, по его представленію, въ 1816 г. было постановлено, что «еврей, доколѣ останется при своемъ вѣроисповѣданіи, не можетъ быть допущенъ къ полученію университетскихъ степеней по части юриспруденціи». — При немъ открылось также нѣсколько ученыхъ и литературныхъ обществъ, какъ-то: Московское Общество исторіи и древностей россійскихъ, получившее уставъ въ 1810 году; Общество любителей отечественной словесности при Казанскомъ Университетѣ (уст. 1814 г.); Общество наукъ при Харьковскомъ Университетѣ съ двумя отдѣленіями: словеснымъ и естественныхъ наукъ и научное Общество при Дерптскомъ Университетѣ. Разумовскій самъ былъ вице-президентомъ Библейскаго Общества и состоялъ почетнымъ попечителемъ одного

изъ отдѣловъ Русской Бесѣды, враждебной Карамзину, хотя онъ лично былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ въ Петербургѣ. Разумовскій не принималъ, впрочемъ, живого участія ни въ томъ, ни въ другомъ обществѣ.

Получивъ отставку, Разумовскій долго собирался переѣхать въ Москву, но только въ 1818 году навсегда простился съ Петербургомъ. Онъ жилъ сперва въ Москвѣ, посылалъ изъ Горенокъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, бывшей тогда въ Москвѣ, цвѣты, принималъ у себя въ роскошныхъ хоромахъ весь дворъ. Но скоро онъ простился и съ Москвою,—когда украинскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ кн. Репнинъ, женатый на его дочери,—и переселился въ имѣніе свое Почепъ, на берегу Судогости, Мглинскаго уѣзда Черниговской губерніи. На лѣто переселялся онъ въ м. Яготинъ, гдѣ его занималъ великолѣпный садъ съ рѣдчайшими деревьями. Онъ былъ въ мрачномъ настроеніи: денежныя дѣла его были въ разстройствѣ. Нравъ его сталъ почти невыносимъ; всѣ его боялись, и весь домъ дрожалъ при порывахъ его гнѣва. Съ крестьянами онъ сталъ суровъ, безпрестанно смѣнялъ управляющихъ, находя ихъ не довольно взыскательными. Прихоти его ложились тяжелымъ бременемъ на крестьянъ, а дѣла его не поправлялись. Онъ обратился въ декабрѣ 1821 г. къ Государю съ просьбою купить у него въ Черниговской губ. 2500 душъ крестьянъ или приказать выдать ему заимообразно соотвѣтствующую сумму и оказать тѣмъ пособіе на закатѣ жизни вѣрному слугѣ, ожидающему спокойствія отъ милостиваго Монаршаго воззрѣнія. Рѣшенія на его просьбу еще не послѣдовало, какъ въ мартѣ 1822 г. Разумовскій опасно занемогъ. По эстафетѣ была вызвана изъ Полтавы его дочь княгиня Репнина; она пріѣхала, несмотря на полную ростепель, но больной не въ состояніи былъ говорить и только знаками выказывалъ благодарность своей дочери. Онъ умеръ 5-го апрѣля 1822 г., на Святой недѣлѣ. Его похоронили въ Почепѣ, но когда Почепъ, по наслѣдству перешедшій къ Репнинымъ, былъ проданъ ими, то съ Высочайшаго разрѣшенія тѣло Разумовскаго въ 1838 году, по особому присланному изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія церемоніалу, Высочайше утвержденному, было перевезено въ Новгородъ-Сѣверскъ и погребено въ соборной церкви Спасопреображенскаго монастыря.

Графъ Алекс. Кир. Разумовскій отъ брака съ графинею Варварою Петровною Шереметевою имѣлъ двухъ сыновей: Петра и Кирилла и двухъ дочерей: Варвару (р. въ 1778 г.), вышедшую замужъ за князя Николая Григорьевича Репнина (Волконскаго) въ 1802 году, и Екатерину (р. въ 1783 г.), вышедшую въ 1811 году замужъ за Сергѣя Семеновича Уварова, позднѣе министра народнаго просвѣщенія и графа. Разойдясь съ женой, графъ имѣлъ пять воспитанниковъ и пять воспитанницъ, получившихъ отъ принадлежавшаго Разумовскому села Перова подъ Москвою фамилію Перовскихъ. Старшій изъ нихъ былъ Николай—позднѣе губернаторъ въ Крыму; второй Алексѣй—писатель, извѣстный подъ именемъ Погорѣльскаго; третій Левъ — современемъ графъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и членъ Государственнаго Совѣта; четвертый—Василій—будущій графъ и Оренбургскій генералъ-губернаторъ, командиръ Оренбургскаго корпуса, извѣстный своимъ походомъ въ Хиву и взятіемъ Акъ-Мечети, и пятый Борисъ — впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта. Изъ воспитанницъ графа Разумовскаго старшая, Прасковья, вступила въ бракъ съ Петромъ Александровичемъ Курбатовымъ, вторая Марія—съ комендантомъ С.-Петербургской Крѣпости генераломъ Максимомъ Константиновичемъ Крыжановскимъ; третья, Елизавета, была за сенаторомъ д. т. с. Михаиломъ Николаевичемъ Жемчужниковымъ; четвертая, Анна — за графомъ Константиномъ Петровичемъ Толстымъ (мать поэта Алексѣя Толстого) и пятая, Софья — за княземъ Владиміромъ Владиміровичемъ Львовымъ.

«Семейство Разумовскихъ», соч. А. А. Васильчикова, т. II; «Русскій Архивъ» 1865, 1875 г., кн. III; 1877 г., т. III; «Отечественныя Записки» 1867 г., августъ, кн. 2, статья Семевскаго; «Русская Старина», т. XIV, стр. 590, т. XI, стр. 244, воспоминанія Сербиновича; Списки гражданскихъ чиновъ за 1795 годъ; «Архивъ Государственнаго Совѣта», т. II, стр. 4; M-me de Staël, Dix années d'exil. 1804; Москва, или историческій путеводитель по знаменитой столицѣ, 1834 г.; Вигель, Воспоминанія т. III; Пыпинъ, Русское масонство до Новикова — «Вѣстникъ Европы», № VI; М. Н. Лонгиновъ, Новиковъ и Мартинисты, 1867; С. Шевыревъ, Исторія Импер. Московск. Университета, 383—387; Біографическій словарь профессоровъ Московск. Университета, т. I, II; Архивъ князя Воронцова; Сборникъ распоряженій по Министерству Народнаго Просвѣщенія; Кеппенъ, Матеріа-

лы для исторіи просвѣщенія въ Россіи; Селезневъ, Историческій очеркъ Импер., бывшаго Царскосельскаго, Александровскаго лицея, С.-Пб., 1861 г.; Архивъ кн. Н. В. Репнина; Записки Шишкова, т. II; De-Maistre, Correspondance diplomatique, т. II; Богдановичъ, Исторія Императора Александра I; Сухомлиновъ, Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Импер. Александра; August Schloezer's Oeffentliches und privat-Leben von ihm selbst geschriebenen, Göttingen. 1802; Министерство Народнаго Просвѣщенія. 1802—1902. Историческій очеркъ, составилъ С. В. Рождественскій.

П. М. Майковъ.

Разумовскій, свѣтлѣйшій князь *Андрей Кирилловичъ,* дипломатъ, третій, любимый сынъ гетмана и президента Академіи Наукъ графа К. Г. Разумовскаго, родился въ Глуховѣ 22-го октября 1752 г., умеръ въ Вѣнѣ 11-го сентября 1836 г. Въ дѣтствѣ графъ Р. поражалъ своихъ наставниковъ блестящими способностями, а особенно полюбилъ его извѣстный историкъ А. Л. Шлецеръ. Мальчикъ любилъ вечерами, въ часы отдыха, заходить въ комнату Шлецера и слушать его разсказы изъ исторіи и говорить о статистикѣ. Въ серединѣ 1760-хъ годовъ Р. уѣхалъ за границу и закончилъ свое образованіе въ Страсбургскомъ Университетѣ. Въ 1769 году онъ поступилъ на дѣйствительную службу во флотъ и, произведенный въ лейтенанты, былъ посланъ въ Архипелагъ къ адмиралу Спиридову и затѣмъ принималъ участіе въ Чесменскомъ бою, послѣ чего командовалъ фрегатомъ «Екатерина». Въ 1773 году, въ качествѣ камеръ-юнкера, графъ А. К. Разумовскій началъ придворную службу. Красивый, статный, вкрадчивый и самоувѣренный, Р. сумѣлъ вскружить головы всѣмъ петербургскимъ красавицамъ; любезностью и щегольствомъ онъ превосходилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Но не разъ приходилось отцу, дѣла котораго въ это время были нѣсколько запутаны, уплачивать долги молодого щеголя.

Онъ былъ очень друженъ съ дѣтства съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ. Изъ сохранившихся писемъ послѣдняго видно, что великій князь совѣтовался съ графомъ А. К. Разумовскимъ по разнымъ вопросамъ и называлъ себя его «fidèle et sincère ami». Чтобы отдаться всецѣло придворной службѣ, А. К. Разумовскій въ 1775 году оставилъ службу при флотѣ.

По смерти первой супруги Павла Петровича, великой княгини Натальи Алексѣевны (1776), были въ ея бумагахъ найдены нѣкоторыя, компрометировавшія ее въ отношеніяхъ къ французскому двору, и документы о займѣ, сдѣланномъ ею черезъ графа Разумовскаго; это возбудило гнѣвъ Императрицы Екатерины II противъ Разумовскаго, и онъ былъ высланъ въ Ревель, а вскорѣ ему разрѣшено было уѣхать къ отцу въ Батуринъ. По снятіи опалы графъ А. К. Разумовскій былъ назначенъ (1-го янв. 1777 г.) полномочнымъ министромъ и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Неаполь, въ 1784 г. переведенъ въ Копенгагенъ, а въ маѣ 1786 года — въ Стокгольмъ. Его дѣйствіями здѣсь и особенно депешами, излагавшими подробно о положеніи Швеціи Императрица Екатерина II была очень довольна и въ 1790 году назначила его сперва въ помощь послу князю Д. М. Голицыну, а затѣмъ и посломъ «къ королю Венгеро-Богемскому» — въ Вѣну.

Благодаря стараніямъ графа Разумовскаго, былъ возобновленъ договоръ между Россіей и Австріей; не мало хлопотъ и трудовъ понесъ онъ и въ переговорахъ о раздѣленіи Польши. Вслѣдствіе сближенія съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, барономъ Тугутой, и подпавъ подъ его вліяніе, графъ А. К. Разумовскій сталъ дѣйствовать иногда и въ ущербъ русскому правительству, почему и возбудилъ недовольство Императора Павла I. Въ письмахъ А. В. Суворова къ Разумовскому также встрѣчаемъ упреки по этому поводу; такъ, въ письмѣ отъ 25-го іюня 1799 г., писанномъ изъ-подъ Александріи, читаемъ: «Совѣтую вамъ, почтенный другъ, ежели случится Вашему Сіятельству съ чѣмъ ни есть къ войскамъ отнестись, чтобы мнѣ о томъ для соображенія, какъ къ ихъ начальнику, сообщить изволили. Вѣна въ воинскихъ операціяхъ не можетъ никогда, какъ я, свѣдуща быть. Не заведите другой гофкригсратъ, — и одинъ всю мою вѣру и вѣрность крушитъ. Простите мое чистосердечіе»; или въ письмѣ отъ 1-го іюля: «Оставьте вѣнскіе предразсудки, зрѣлѣе и безпристрастно судите мои дѣла» и т. под.

Вслѣдствіе жалобъ А. В. Суворова и особенно послѣ пораженія Римскаго-Корсакова при Цюрихѣ Императоръ Павелъ I приказалъ графу Разумовскому (1799) оставить Вѣну и жить въ Батуринѣ. Онъ не созна-

валъ своей вины и, предполагая лишь одно недоразумѣніе, жаловался, что не умѣли оцѣнить его дѣятельности, направленной къ возстановленію стараго европейскаго status quo.

Послѣ долгой заграничной жизни пребываніе въ Россіи ему было непріятно и его тянуло въ Вѣну. Живя въ Батуринѣ, онъ писалъ женѣ въ Вѣну: «Tout m'éloigne de mon pays, rien ne peut jamais m'y attacher».

Въ 1801 году (10-го мая) Императоръ Александръ I вновь назначилъ его посломъ въ Вѣну. Во время Наполеоновскихъ войнъ графъ Р. почти насильно заставилъ Австрію вступить въ коалицію противъ Наполеона, котораго ненавидѣлъ. Послѣ Тильзитскаго мира графъ А. К. Разумовскій вышелъ въ отставку (9-го іюля 1806 г.) и жилъ въ Вѣнѣ, какъ частный человѣкъ. Онъ занимался, главнымъ образомъ, устройствомъ своей знаменитой картинной галлереи и не менѣе славившихся въ Европѣ концертовъ, на которыхъ участвовалъ и самъ, играя вторую скрипку.

Жившіе въ Вѣнѣ три знаменитыхъ германскихъ композитора: Гайденъ, Моцартъ и Бетховенъ бывали у А. К. Разумовскаго. Гайдена поражалъ тонкій музыкальный слухъ Разумовскаго, благодаря которому онъ угадывалъ въ сочиненіяхъ Гайдена самыя сокровенныя побужденія, остававшіяся для большинства публики недоступными. Онъ оказалъ не малое вліяніе на музыкальное развитіе Бетховена, который посвятилъ Разумовскому 3 своихъ квартета.

Въ 1813 году, во время похода во Францію, Разумовскій вступилъ въ свиту Императора Александра I и въ началѣ слѣдующаго, 1814 года былъ назначенъ уполномоченнымъ для переговоровъ о мирѣ. За участіе въ Вѣнскомъ конгрессѣ, когда онъ оказалъ большія услуги Россіи, онъ былъ возведенъ въ княжеское Россійской Имперіи достоинство съ титуломъ «свѣтлости» (13-го мая и 29-го ноября 1815 г.), а въ 1819 г. получилъ чинъ д. тайн. совѣтника 1-го класса. Остатокъ жизни онъ провелъ въ любимой имъ Вѣнѣ, въ удаленіи отъ дѣлъ. Онъ жилъ широко, не останавливаясь ни передъ какими тратами: такъ, напримѣръ, для болѣе удобной ѣзды на прогулку, имъ на свои средства сооруженъ былъ каменный мостъ черезъ Дунай, который долгое время носилъ его имя.

Въ Вѣнѣ его полу-иронически звали «Erzherzog Andreas» за его гордость и высокомѣріе. Онъ былъ женатъ дважды: на графинѣ Елизаветѣ Осиповнѣ Тунъ-Гогенштейнъ (р. 1770, ум. 11-го декабря 1806) и (съ 1816 г.) на графинѣ Константинѣ-Доминикѣ Іосифовнѣ Тюргеймъ. Подъ вліяніемъ второй жены князь А. К. Разумовскій передъ смертью перешелъ изъ православія въ католицизмъ.

Кн. А. А. Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», т.т. III и IV (С.-Пб. 1882—87); Н. Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», С.-Пб. 1847; А. Г. Брикнеръ, «Война Россіи со Швеціей въ 1788—1790 гг.» (С.-Пб. 1869); Ю. Б. Иверсенъ, «Медали въ честь русскихъ государств. дѣятелей и частныхъ лицъ», вып. IV, (С.-Пб. 1882), 133—135 стр.; А. Б—нъ, «Русскій дипломатъ стараго времени» — «Истор. Вѣстн.» XXX т. (1887 г., № 10); Очеркъ исторіи Министерства Иностр. Дѣлъ, С.-Пб. 1902, стр. 94; «Русскіе портреты», изд. В. К. Николая Михайловича, т. I, № 130.

П. Дилакторскій.

Разумовскій, графъ *Григорій Кириллович*ъ, шестой сынъ гетмана Разумовскаго, родился 10-го ноября 1759 года и съ ранняго дѣтства поражалъ окружающихъ страннымъ своимъ нравомъ. Крайне нервный, сосредоточенный, упрямый и всѣхъ чуждавшійся, онъ былъ притомъ болѣзненнымъ и слабымъ ребенкомъ. Съ юныхъ лѣтъ онъ выказывалъ охоту къ ученію и воспитывался вмѣстѣ съ своими братьями, тѣмъ же порядкомъ. По окончаніи ученія онъ вмѣстѣ съ братомъ Львомъ путешествовалъ также за границею. По возвращеніи въ отечество отецъ вытребовалъ его въ Малороссію, гдѣ уже совсѣмъ овладѣла старикомъ гетманомъ графиня С. О. Апраксина, съ которою у молодого графа Григорія скоро вышли непріятности; отецъ, и ранѣе любившій этого сына менѣе другихъ, теперь совсѣмъ отъ него отвернулся; молодой человѣкъ почти все время пребывалъ у сестры своей Н. К. Загряжской и, по ея отзывамъ въ 1778 году, жилъ скромно, проявляя наклонность къ занятіямъ. Онъ былъ некрасивъ лицомъ, неуклюжъ и малъ ростомъ. Когда въ слѣдующемъ, 1779 году баронъ Строгановъ былъ отправленъ въ Стокгольмъ съ поздравленіемъ къ королю Густаву III съ рожденіемъ сына, молодой Григорій Разумовскій упросилъ отца отпустить его съ барономъ и предпринялъ долгое путешествіе по Лапландіи, направляясь въ Стокгольмъ. Затѣмъ онъ снова поѣхалъ за границу,

былъ въ Лейденѣ, слушалъ философію и естественную исторію у извѣстнаго Аллемана и подъ его руководствомъ изучалъ минералогію и геологію. Онъ до того увлекся этими предметами, что забылъ и петербургское общество, и свою семью. Отецъ его былъ имъ недоволенъ, вѣроятно по причинѣ долговъ, имъ сдѣланныхъ, и приказалъ ему ѣхать къ старому гувернеру Мариніану въ Швейцарію и находиться подъ его руководствомъ. Это продолжалось, впрочемъ, недолго: сумрачный мизантропизмъ молодого графа приводилъ Мариніана въ отчаяніе, и онъ уже въ 1783 г. уѣхалъ изъ Швейцаріи въ Саксонію, не находя возможнымъ жить съ обидчивымъ питомцемъ, который поссорился и съ знаменитымъ де Соссюромъ. Графъ Андрей Разумовскій уговаривалъ Мариніана не покидать брата и вмѣстѣ съ тѣмъ старался примирить послѣдняго съ отцомъ и писалъ старику восторженно объ ученыхъ занятіяхъ его сына. Старый гетманъ склонился на это, назначилъ сыну по 5000 руб. и писалъ: «пусть онъ изъ себя дѣлаетъ ученаго человѣка, а я въ этомъ ему препятствій дѣлать не буду. Оставляю для него дороги: военную, штатскую и придворную, яко ему не свойственныя; пусть онъ течетъ путемъ и дорогою, которую самъ избралъ. Авось сіе ему послужитъ, а можетъ и доведетъ его со временемъ къ пріятной и спокойной жизни, чего ему отъ сердца желаю». Послѣ этого Григорій Кирилловичъ основался въ Лозаннѣ, купилъ себѣ домъ и учредилъ Общество любителей физическихъ наукъ. Онъ самъ еще ранѣе написалъ минералогическое путешествіе изъ Брюсселя въ Лозанну, а также брошюру по геологіи Швейцаріи. Оба сочиненія быстро разошлись и были напечатаны вторымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Oeuvres de M. le comte Grégoire de Razoumowsky. Lausanne, chez Maures Cadet. 1784. 2 vol. Это сочиненіе было даже переведено на нѣмецкій языкъ въ Дрезденѣ Гоппе, съ примѣчаніями, въ 1788 году. Позднѣе Разумовскій написалъ другое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Histoire naturelle de Jorat et de ses environs et celle des trois lacs de Neufchatel, Morat et Brienne, précédée d'un essai sur le climat, les productions, le commerce, les animaux de la partie du pays de Vaud ou de la Suisse Romanne, qui entre dans le plan de cet ouvrage, par le comte de Razoumowsky (Lausanne, chez Jean Maures. 1789. 2 vol). Кромѣ того, онъ напечаталъ статью о малороссійскихъ конскихъ заводахъ (Von der Ukrainischen Stutereien, — въ книгѣ Цейхера «Lehrbegriff von den Krankheiten der Pferde und deren Heilung von I. C. Zeihers. Berlin. 8°).

Графъ состоялъ уже членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ и желалъ быть избраннымъ въ учрежденную въ 1783 г. Россійскую Академію. Старикъ гетманъ писалъ объ этомъ желаніи сына княгинѣ Е. Р. Дашковой. Пока шла эта переписка, графъ Григорій Кирилловичъ велъ въ Лозаннѣ тихую, уединенную жизнь, занимаясь сочиненіемъ и изданіемъ минералогическихъ изслѣдованій. Въ Лозаннѣ появились тогда же во множествѣ эмигранты изъ Франціи и въ числѣ ихъ находилось эльзасское семейство Мальсенъ (Malsen, barons de Tilborch), голландскаго происхожденія. Семья состояла изъ матери и дочери, за которою сталъ ухаживать графъ Григорій Кирилловичъ и, какъ говорили, даже сватался. Это дошло до Петербурга, и гетманъ рѣшилъ вызвать своего сына въ Россію въ концѣ ноября 1788 года. Григорію Кирилловичу приходилось вернуться въ отечество, гдѣ съ дѣтства онъ считался въ военной службѣ и былъ въ 1783 г. произведенъ уже въ капитаны; графъ былъ влюбленъ въ дѣвицу Мальсенъ и надѣялся получить отъ отца согласіе на бракъ съ нею. Предъ отъѣздомъ въ Россію онъ издалъ еще новое сочиненіе: «Essai d'un système de transition de la nature dans le règne minéral. Lausanne»; оно было переведено на нѣмецкій языкъ два раза. Прибывъ въ Петербургъ, Григорій Кириловичъ былъ произведенъ въ 1789 г. (сентября 17-го) въ бригадиры, а затѣмъ, по приказанію отца, подалъ въ отставку, при чемъ былъ уволенъ бригадиромъ же, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Вскорѣ послѣ этого, 7-го января 1790 г., онъ былъ единогласно избранъ, по предложенію кн. Дашковой, почетнымъ членомъ Россійской Академіи, ибо пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность своею естественною исторіею Жора и нѣсколькими замѣчательными изслѣдованіями. Избраніе это надѣлало много шума въ Петербургѣ, но Разумовскій весьма недолго пользовался этимъ почетнымъ титуломъ: у него вышли недоразумѣнія съ кн. Дашковою изъ-за уплаты за посланный ему

изданія Академіи. Вспыльчивый Разумовскій вернулъ не только изданія, но и дипломъ свой на званіе почетнаго члена, написавъ невполнѣ вѣжливое письмо княгинѣ и секретарю Академіи Эйлеру, вслѣдствіе чего и состоялся, 18-го февраля 1790 г., протоколъ Академіи о преданіи забвенію необдуманнаго поступка, могущаго повредить только тому, кто совершилъ его, и кто, безъ сомнѣнья, будетъ болѣе сожалѣть о своемъ дипломѣ, чѣмъ почтенное собраніе о подобномъ сочленѣ.

Въ это время пререканій съ Академіею Григорій Разумовскій только и думалъ, какъ бы вернуться въ свою любимую Швейцарію. «Я думаю, что не Швейцарія его съ ума сводитъ, а какая-нибудь швейцарка», писалъ старикъ гетманъ сыну своему Андрею и указывалъ ему, какимъ путемъ отговаривать брата отъ вступленія въ неравный бракъ: Удержать его въ отечествѣ и трудно, кажется, и не нужно... если онъ женится, чего не уповаю, то сіе будетъ съ его жестокимъ нравомъ гробъ всѣмъ его помышленіямъ, все ему омерзѣетъ, все броситъ и самъ явится къ своимъ. Дѣйствительно, графъ Григорій возвратился въ Швейцарію и скоро (въ 1790 году) писалъ отцу, что намѣренъ купить имѣніе въ тысячъ сто или двѣсти франковъ и затѣмъ вступить въ бракъ съ дѣвицею Мальсенъ и указалъ при этомъ на примѣръ старшаго брата, только что женившагося на графинѣ Тунъ, съ разрѣшенія отца. Старикъ гетманъ еще болѣе разгнѣвался на сына и не далъ ему согласія на бракъ съ Мальсенъ, тѣмъ не менѣе умная и образованная Генріетта Мальсенъ сочеталась бракомъ съ графомъ Григор. Кир. въ Парижѣ, куда они оба нарочно ѣздили. Счастье ихъ было непродолжительно: графъ Григорій въ 1793 г. разошелся съ женою, покинулъ окончательно Швейцарію и явился уже въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ съ намѣреніемъ водвориться совсѣмъ въ Россіи. Однако онъ скучалъ въ Петербургѣ. «Тяжелую голову педанта промѣнялъ на легкую петиметра и со всѣми элеганціями ведетъ скуку въ Петербургѣ», писалъ гетманъ о своемъ сынѣ. Однако, графъ Григор. Кир. до 1799 года пробылъ въ Россіи; прежнюю страсть его къ женѣ замѣнила слѣпая къ ней ненависть; съ семьею своею онъ прервалъ всякое сношеніе, такъ что неизвѣстно, гдѣ онъ провелъ первые годы девятнадцатаго столѣтія. Только въ 1804 г., послѣ смерти отца уже, гр. Григорій Кир. писалъ брату Андрею, что купилъ себѣ дачу въ Баденѣ, близъ Вѣны, а въ Тріестѣ строитъ великолѣпный дворецъ. Въ Баденѣ онъ познакомился съ нѣмкою, баронессою Терезіею-Елизаветою Шенкъ де Кастель и, несмотря на то, что былъ на 30 лѣтъ старѣе своей супруги, въ 1806 г. женился на ней въ Тріестѣ; бракосочетаніе было совершено православнымъ греческимъ іеромонахомъ Викентіемъ; поэтому самъ графъ считалъ этотъ второй бракъ единственно законнымъ. Когда началось дѣло о двоеженствѣ его, Генріетта Мальсенъ поспѣшила въ Петербургъ отстаивать свои права и доказывать незаконность второго брака графа Григорія Разумовскаго. Заручившись письмами къ графу Іосифу де Местру, она скоро съ нимъ сблизилась, а затѣмъ, при его содѣйствіи, и съ тою частью высшаго петербургскаго общества, которая явно склонялась къ католичеству. Кромѣ того, своимъ умомъ и тактомъ она успѣла плѣнить и остальную часть петербургскаго общества и даже Наталью Кирилловну Загряжскую, такъ что когда графъ Григорій Кир. прибылъ въ Петербургъ въ 1815 году, то нашелъ все петербургское общество возстановленнымъ противъ себя. Дѣло о двоеженствѣ графа тянулось. Въ Святѣйшемъ Синодѣ рѣшено было разсмотрѣніе вопроса о законности брака, совершеннаго только по чину римской церкви, передать на разсмотрѣніе римско-католическаго митрополита Сестренцевича Богуша. По его рѣшенію первый бракъ графа признанъ былъ вполнѣ правильнымъ, совершеннымъ по всѣмъ каноническимъ правиламъ римско-католической церкви. На этомъ основаніи Святѣйшій Синодъ призналъ второй бракъ графа Разумовскаго незаконнымъ, и второй его супругѣ запрещено носить титулъ и фамилію Разумовскихъ, а на самого графа наложена церковная эпитимья. Это рѣшеніе повергло въ отчаяніе достойную баронессу Шенкъ де Кастель. Надѣясь слѣпо на покровительство Государя, она обратилась къ нему съ просьбою о пересмотрѣ ея дѣла, и Императоръ Александръ I приказалъ 26-го марта 1876 года Трощинскому, министру юстиціи, вновь разсмотрѣть дѣло. Генріетта Мальсенъ, увѣренная въ успѣшномъ исходѣ процесса, уѣхала изъ

Петербурга, получивъ отъ графа Григорія Разумовскаго денежныя обязательства, которыя обезпечивали ея существованіе. Самъ графъ Григорій Кирил. въ это время продолжалъ заниматься минералогіею. Онъ былъ избранъ въ члены коммиссіи, назначенной Императорскимъ петербургскимъ минералогическимъ обществомъ для разработки разныхъ вопросовъ по народному образованію, и издалъ въ 1816 г. новое сочиненіе «Coup d'oeuil géognostique sur le Nord de l'Europe en général et en Russie en particulier», St.-Petersbourg. Онъ жилъ въ Петербургѣ въ Коломнѣ, въ небольшомъ домѣ Готовцевой, а лѣтомъ переѣзжалъ на р. Карповку, писалъ письма брату своему Льву и высказывалъ опасенія за исходъ своего дѣла. По разсмотрѣніи состоявшагося уже рѣшенія Трощинскимъ оно осталось въ своей силѣ. Тогда Разумовскій обратился прямо къ Государю съ просьбою о заступничествѣ, о дозволеніи ему ѣхать за границу и о дарованіи его супругѣ заграничнаго паспорта, какъ графинѣ Разумовской. На это именемъ Государя было отвѣчено, что Его Величество не почелъ возможнымъ входить въ продолженіе этого дѣла, такъ какъ оно было рѣшено митрополитами православнымъ и католическимъ и утверждено Синодомъ, что рѣшеніе Синода должно быть приведено въ исполненіе, что на отъѣздъ графа за границу затрудненій не имѣется, но что баронессу Шенкъ де Кастель въ паспортѣ дожно прописать только подъ этимъ именемъ, такъ какъ она на имя графа Разумовскаго правъ не имѣетъ. Несчастная вторая жена умерла отъ отчаянія въ началѣ сентября 1818 года; самъ же графъ Григорій опасно занемогъ и едва не лишился разсудка. Впрочемъ, онъ поправился, переѣхалъ на новую квартиру (около Казанскаго собора), а потому исполненіе синодскаго указа было возложено на протоіерея собора Петра Мысловскаго. Но графъ Григ. Кир. далъ отзывъ, что дѣло подлежитъ пересмотру, почему митрополитъ Михаилъ Десницкій входилъ въ сношеніе съ княземъ А. Н. Голицынымъ и сообщилъ, что если въ заграничномъ городѣ, гдѣ Разумовскій намѣренъ поселиться, есть православный священникъ, подъ началомъ котораго графъ согласенъ будетъ пройти эпитимью, то со своей стороны онъ выдачѣ паспорта не противится. Разумовскій намѣревался поселиться въ Вѣнѣ и на дачѣ своей въ Баденѣ, духовникомъ себѣ избралъ состоящаго при вѣнскомъ посольствѣ священника, но обязывался исполнять только то, что ему по дѣлу его Высочайше повелѣно будетъ.

Дочь его отъ брака съ Шенкъ де Кастель, Елизавету, взяла на воспитаніе супруга графа Льва Григорьевича, Марія Григорьевна. Съ двумя же сыновьями графъ Григорій Кир. уѣхалъ въ Вѣну, покинувъ навсегда родину. Онъ перешелъ съ дѣтьми въ протестанство, принялъ австрійское подданство и жилъ то въ Вѣнѣ, то въ Баденѣ, то въ имѣніи своемъ Рудолецъ въ Моравіи. Дѣти его были признаны въ Россіи дворянами и Разумовскими, но не графами, въ Австріи же и Германіи они постоянно титуловались графами. Одинъ изъ нихъ, старшій, Максимиліанъ былъ женатъ на графинѣ Мариспани и умеръ бездѣтнымъ во время похода Радецкаго въ Италію въ 1849 г.; второй, любимецъ отца, Левъ, былъ адъютантомъ при герцогѣ Саксенъ-Кобургскомъ и умеръ въ Ниццѣ въ 1868 г.; онъ былъ женатъ на дѣвицѣ Левенштейнъ и имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Надо замѣтить, что Григорій Кир. хотя въ письмахъ и выражалъ нѣжныя попеченія о дѣтяхъ, но собственно никогда не переставалъ быть эгоистомъ и былъ готовъ овладѣть всѣмъ, принадлежащимъ его дѣтямъ, по словамъ графини Маріи Григорьевны, чтобы только пріобрѣсти себѣ какую-либо минералогическую коллекцію. Живя въ Австріи, онъ продолжалъ заниматься наукою и оставилъ послѣ себя много неизданныхъ сочиненій. Онъ открылъ въ Силезіи новый минералъ, извѣстный до сихъ поръ ученому міру подъ названіемъ «Razoumowskin». Графъ былъ членомъ королевскихъ академій: Стокгольмской, Туринской и Мюнхенской и членомъ минералогическихъ обществъ: Петербургскаго и Іенскаго, Императорскаго Московскаго общества естествоиспытателей, Цюрихскаго физическаго общества, Базельскаго физико-медицинскаго и Туринскаго агрономическаго. Онъ скончался 3-го іюня н. ст. 1837 года въ имѣніи своемъ Рудолецъ. Его первая супруга Генріетта Мальсенъ, замѣчательная по уму и сердцу женщина, узнавъ о его болѣзни, пріѣхала въ Вѣну, желая съ нимъ видѣться, но больной ее не принялъ и вообразилъ, что

она явилась съ цѣлью обобрать его дѣтей. Она основалась въ Парижѣ, окружила себя самыми примѣчательными и лучшими людьми и вела дѣятельную и дружескую переписку съ петербурскими и туринскими друзьями. Ея салонъ въ Парижѣ былъ извѣстенъ всему Парижу; его посѣщали: Гизо, Ремюза, Кузенъ, Вильямъ, Августинъ Тьерри, Ройе-Колларъ, Брольи, Дежерандо и т. д. Она была въ дружбѣ съ Каподистріею и какъ бы сестрою для Тургеневыхъ (Николая, Александра и Сергѣя); на рукахъ ея и умеръ Сергѣй Тургеневъ. Она также дружна была съ В. А. Жуковскимъ. Все родство Разумовскихъ, посѣщавшее Парижъ, бывало у графини Генріетты. Въ концѣ 1827 г. графиня очень захворала. Николай Тургеневъ, Гизо и дѣвица Диллонъ не отходили отъ нея. 14-го декабря 1827 г. она скончалась и была погребена въ Парижѣ рядомъ съ Сергѣемъ Тургеневымъ.

А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. II.; Архивъ князя Разумовскаго, также графа А. С. Уварова; Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, т. I; Сочиненія Карамзина изд. Смирдина, ч. II, стр. 307; Masson, Mémoires secrets sur la Russie. Paris. Firmin Düot. 210; Архивъ Святѣйшаго Синода, — дѣло графа Разумовскаго; Русскій Архивъ 1875 г., т. III, стр. 314, 320 и слѣд.; Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу.

П. М. Майковъ.

Разумовскій, *Дмитрій Васильевичъ*, протоіерей, настоятель Московской церкви св. Георгія, что̀ на Вспольѣ, и профессоръ исторіи и теоріи церковнаго пѣнія въ Московской Консерваторіи. Род. въ 1822 г.; среднее образованіе получилъ въ Виѳанской Духовной Семинаріи, а высшее — въ Кіевской Духовной Академіи, по окончаніи курса которой былъ удостоенъ степени магистра богословія. Отличаясь особенною любовью, даже страстью къ церковному пѣнію, онъ еще въ Семинаріи, а потомъ и въ Академіи началъ усердно изучать какъ теорію, такъ и исторію церковнаго пѣнія и явился первымъ въ Россіи научнымъ изслѣдователемъ его, не мало потрудившись надъ освѣщеніемъ и разработкою этого предмета. До него въ нашей литературѣ по этому вопросу можно указать лишь на два-три изслѣдованія, заслуживающихъ серьезнаго вниманія. Своими работами Р. показалъ, что церковное пѣніе, и какъ научный предметъ, и какъ практическая сторона православнаго богослуженія, заслуживаетъ полнаго и серьезнаго изученія, а также можетъ быть поставлено наравнѣ съ другими предметами учебной программы, начиная съ низшихъ учебныхъ заведеній до высшихъ. Разумовскій съ любовью работалъ надъ изученіемъ избраннаго предмета, рылся въ разныхъ древнихъ книгохранилищахъ, въ монастырскихъ и архіерейскихъ библіотекахъ, разбиралъ и изучалъ знаменныя и крюковыя рукописи и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ глубокое и полное знаніе предмета. Поэтому, когда въ 1866 году Русское Музыкальное Общество учредило въ Москвѣ Консерваторію и при ней первую въ Россіи каѳедру церковнаго пѣнія, то обязанности профессора по этому предмету были предложены Д. В. Разумовскому. Выполнить эту трудную и новую еще тогда задачу могъ только онъ одинъ, такъ какъ во всей Москвѣ не было никого, кто бы въ достаточной для этого степени изучилъ и зналъ предметъ. Разумовскій составилъ полную и широкую программу лекцій — она охватывала предметъ со всѣхъ сторонъ и давала ему вполнѣ научную подготовку и законченный научный характеръ. Его лекціи — серьезныя и въ то же время живыя и чрезвычайно разнообразныя по своему содержанію, касавшіяся и теоретической, и исторической, и практической стороны церковнаго пѣнія, привлекли большое число слушателей и возбудили въ нихъ глубокій интересъ и любовь къ предмету. Р. всегда стоялъ за истинное православно-русское направленіе церковнаго пѣнія и считалъ наиболѣе кореннымъ и подлиннымъ столповой распѣвъ. Въ 1867 году, по истеченіи перваго семестра, Разумовскій издалъ, въ трехъ выпускахъ, читанныя имъ въ Консерваторіи лекціи, подъ заглавіемъ: «Церковное пѣніе въ Россіи». Эти лекціи представляютъ строго-научное изслѣдованіе, чрезвычайно разнообразное по своему содержанію и вполнѣ исчерпывающее предметъ. Р. не ограничился только тѣми данными, которыя нашелъ у митрополита Евгенія, В. М. Ундольскаго, И. П. Сахарова, А. Ѳ. Лядова, Безсонова и другихъ своихъ предшественниковъ, но и самъ много прибавилъ собственныхъ изысканій. Особенно полно освѣтилъ онъ эпоху борьбы знаменнаго періода, съ наступавшимъ нотнолинейнымъ, а также и эпоху господства При-

дворной пѣвческой капеллы. Но, касаясь исторической стороны предмета, онъ не забывалъ и теоретическую. Ему мы обязаны строгой системой и твердо установленнымъ понятіемъ о церковномъ осьмогласіи. Трудъ это былъ громадный и чрезвычайно кропотливый; нужно было, по тому пѣвческому матеріалу квадратныхъ пѣвческихъ книгъ, который былъ подъ рукой, сравнить всѣ гласы и сдѣлать выводъ относительно господствующихъ и конечныхъ нотъ каждаго изъ нихъ; но трудность и кропотливость работы никогда не пугала усерднаго изслѣдователя, и онъ даже помѣстилъ здѣсь же систематическую азбуку знаменнаго и крюкового нотописанія, изложивъ ее очень ясно и удобопонятно. Кромѣ того, онъ нашелъ еще возможность приложить азбуку, т. е. самыя начертанія столпового знамени съ сборникомъ кокизъ и ѳитикомъ, а также и начертанія доместеннаго знамени. Вся эта работа была чрезвычайно важна, особенно если имѣть въ виду, что въ ту пору не было ничего подобнаго въ литературѣ по исторіи и теоріи церковнаго пѣнія. Другимъ, не менѣе важнымъ и обширнымъ трудомъ Разумовскаго была книга «Богослужебное пѣніе православной греко-россійской церкви». Эту книгу онъ написалъ для руководства при преподаваніи церковнаго пѣнія въ духовныхъ семинаріяхъ, когда были увеличены программы по этому предмету. Въ этой книгѣ есть, между прочимъ, отдѣлъ, полно и обстоятельно знакомящій съ богослужебными пѣвческими книгами квадратной нотаціи. До того времени, во всѣхъ сочиненіяхъ, подобныхъ «Богослужебному пѣнію православной греко-россійской церкви», этотъ отдѣлъ или совсѣмъ опускался, или былъ очень незначителенъ и не полонъ. Кромѣ этихъ двухъ, наиболѣе крупныхъ и важныхъ сочиненій, Разумовскій написалъ еще много сочиненій и статей, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Такъ, въ 1881 году въ журналѣ «Полярная Звѣзда» онъ помѣстилъ статью: «Государевы пѣвчіе дьяки». Кромѣ своихъ обязанностей, какъ профессора, такъ и священника и настоятеля церкви Великомученика Георгія, онъ состоялъ еще въ числѣ ученыхъ блюстителей Московской Епархіальной Библіотеки, а также былъ членомъ Имп. Общества Любителей Древней Письменности. Особенно дѣятельное участіе принималъ онъ въ трудахъ Имп. Общества Любителей Древней Письменности, касавшихся церковнаго пѣнія. Онъ нерѣдко принималъ на себя обязанности редактора и руководителя изданій Общества. Такъ, въ 1884 году подъ его редакціей было издано Обществомъ весьма важное и обширное изслѣдованіе подъ заглавіемъ «Кругъ древняго церковнаго пѣнія знаменнаго распѣва», состоящее изъ 3-хъ большихъ томовъ. Все научно-музыкальное наблюденіе надъ этимъ изданіемъ приняли на себя Разумовскій и И. А. Фортовъ; въ этомъ изданіи къ первому тому приложено изслѣдованіе «О знаменномъ распѣвѣ», принадлежащее перу Р—го. Въ 1886 году Р. принялъ на себя редактированіе обширнаго изданія Общества: «Стихиры, положенныя на крюковыя ноты. Твореніе царя Іоанна Деспота Россійскаго», состоящаго изъ двухъ частей: знаменнаго подлинника и нотнолинейнаго перевода. Спустя нѣкоторое время послѣ изданія «Стихиръ», Общество задумало новое изданіе по церковному пѣнію — богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ квадратной нотаціи. Въ этомъ изданіи Разумовскій принималъ дѣятельное участіе, какъ по пересмотру, исправленію и дополненію издаваемыхъ книгъ, такъ и въ качествѣ лица, оффиціально назначеннаго для наблюденія за ихъ печатаніемъ. Когда поднятъ былъ вопросъ объ измѣненіи программъ по церковному пѣнію въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, то Р., какъ и всегда, горячо стоялъ за серьезную научную постановку этого предмета, а также сдѣлалъ много указаній. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1888 года онъ устроилъ публичное чтеніе о церковномъ пѣніи при Выставкѣ Общества Поощренія Трудолюбія, при чемъ лекціи его иллюстрировались пѣніемъ Синодальнаго хора. Во время перваго Археологическаго Съѣзда Р. прочелъ нѣсколько рефератовъ, которые и помѣщены въ «Трудахъ» этого Съѣзда (т. 2). Вообще Разумовскій былъ достойный труженикъ и ревностный поборникъ истиннаго православно-церковнаго пѣнія. Труды его въ этомъ направленіи измѣнили общій взглядъ на этотъ предметъ, возвысили его, заставили уважать. Разумовскій скончался въ Москвѣ 2-го января 1889 г.; похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

«Новое Время» 1889 г., № 4618; «Древности»

1890 г., т. XIII, стр. 90—91; «Церковныя Вѣдомости» 1889 г., № 5, прибавленіе къ «Церковнымъ Вѣдомостямъ», некрологъ, ст. Д. С., стр. 118—121; «Правительственный Вѣстникъ» 1889 г., № 25; «Историческій Вѣстникъ» 1889 г., т. XXXV, мартъ, стр. 778; «Московскія Вѣдомости» 1888 г., № 106 и 118, ст. «Лекціи Д. В. Разумовскаго»; Списки Виѳанской Духовной Семинаріи съ 1800 до 1897 г., стр. 31, Сергіева Лавра. 1898 г.; «Московскія Вѣдомости» 1889 г., № 4 и 5, ст. «Панихида и Похороны Д. В. Разумовскаго»; Святославскій. Лѣтопись Георгіевской церкви, М. 1875 г.

Разумовскій, графъ *Иванъ Кирилловичъ*, генералъ-маіоръ, младшій сынъ гетмана, родился 6-го августа 1761 года; онъ не получилъ уже такого, какъ прочіе братья, домашняго воспитанія: отецъ его находился въ тѣ годы подъ полнымъ вліяніемъ гр. С. О. Апраксиной, не любившей расходовъ и прихотей; на воспитаніе мальчика смотрѣли сквозь пальцы, онъ не имѣлъ, подобно братьямъ своимъ, ни выписныхъ изъ-за границы гувернеровъ, ни академическихъ профессоровъ и рано былъ отданъ въ Кадетскій шляхетный сухопутный корпусъ, гдѣ и окончилъ ученіе въ мартѣ 1782 г. Онъ былъ выпущенъ поручикомъ въ Сѣвскій мушкатерскій полкъ и 20-го того же мая поступилъ въ штабъ своего отца и назначенъ при немъ флигель-адъютантомъ. Въ этомъ званіи онъ принималъ участіе въ походахъ въ 1782—1783 гг. противъ поляковъ, а въ 1784 г. былъ назначенъ генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ и генеральсъ-адъютантомъ при своемъ отцѣ. Старикъ-гетманъ, желая вознаградить потерянное, отправилъ уже 20-лѣтняго сына въ 1785 г. за границу, въ сопровожденіи нѣкоего Фюслена, но это никакой пользы не принесло. Успѣвъ привыкнуть ранѣе къ разгульной жизни у себя въ отечествѣ, графъ Иванъ Кирилловичъ и за границею не заботился о скучныхъ лекціяхъ: онъ думалъ только о развлеченіяхъ, которыя представляла ему Европа, несмотря на то, что отецъ его имѣлъ намѣреніе удалять его отъ всѣхъ большихъ городовъ и сдѣлать настоящимъ студентомъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ Германіи или Швейцаріи и оставить учиться за границею по малой мѣрѣ года два или три. Молодой Разумовскій изъ Петербурга поѣхалъ въ Копенгагенъ, гдѣ былъ въ это время братъ его Андрей, и тамъ рѣшено было направить его въ Лозанну, куда онъ скоро и переселился и зажилъ весьма весело. Отецъ его былъ этимъ недоволенъ и скоро вернулъ сына изъ-за границы. Уже въ 1788 г. Иванъ Кирилловичъ состоялъ при Дунайской арміи. Онъ перешелъ въ штабъ фельдмаршала Г. А. Потемкина, принималъ участіе въ осадѣ и штурмѣ Измаила въ 1788 году, а въ слѣдующемъ, 1789 г., произведенъ въ полковники и опредѣленъ въ Малороссійскій гренадерскій полкъ. Съ этимъ полкомъ онъ отличился въ сраженіи при Салчѣ и въ дальнѣйшемъ преслѣдованіи турокъ; онъ участвовалъ также при взятіи Бендеръ и при обстрѣливаніи Измаила. Въ 1790 г. онъ перемѣщенъ въ Малороссійскій полкъ, перешелъ съ нимъ Дунай въ 1791 г. и участвовалъ въ извѣстной битвѣ при Мачинѣ, за которую и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса. Онъ былъ хорошій товарищъ и храбрый офицеръ, но чрезмѣрно предавался кутежамъ и картамъ и безпрестанно тревожилъ отца просьбами о деньгахъ. Наконецъ, безпутная жизнь разстроила его довольно слабое здоровье до того, что въ 1792 г. доктора отправили его за границу. Въ это путешествіе онъ тратилъ множество денегъ и надѣлалъ много долговъ; это, наконецъ, побудило отца его (20-го января 1793 г.) написать ему, что впредь онъ не намѣренъ платить по его векселямъ и «рекомендовать» ему отправиться обратно въ отечество чрезъ Вѣну, Кіевъ и Малороссію. Графъ Иванъ Кирилловичъ возвратился въ Россію въ 1794 г. и съ своимъ полкомъ стоялъ въ Польшѣ, продолжая кутить и дѣлать долги. Здоровье его было плохо: онъ имѣлъ припадки грудной болѣзни и хотѣлъ сдать свой полкъ. 1-го января 1795 г. онъ былъ произведенъ въ бригадиры, а затѣмъ, 23-го февраля 1796 г., по прошенію, уволенъ отъ службы съ производствомъ въ генералъ-маіоры. Находясь въ отставкѣ, графъ Иванъ жилъ то въ Москвѣ, то за границею, страдая злою чахоткою. Онъ надѣлалъ также и въ это время безумно много долговъ и надавалъ всѣмъ на себя «кабалы», по выраженію его отца. Въ 1801 году графъ Иванъ еле живой пріѣзжалъ еще разъ въ Батуринъ проститься съ отцомъ предъ отъѣздомъ своимъ въ Италію, куда онъ ѣхалъ, и тамъ умеръ чрезъ годъ, въ 1802 году.

А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. II. *П. Майковъ.*

Разумовскій, графъ *Кириллъ Алексѣевичъ*, камергеръ, младшій сынъ графа Алексѣя Кирилловича и супруги его Варвары Петровны, рожд. Шереметевой, род. въ 1777 году и съ ранняго дѣтства удивлялъ своими необыкновенными способностями. По просьбѣ дяди онъ въ 1799 г. былъ пожалованъ въ камергеры, послѣ чего былъ отправленъ отцомъ своимъ въ Петербургъ для представленія ко двору. Пріѣхавъ въ Петербургъ и очутившись на свободѣ, молодой графъ увлекся развлеченіями, доступными богатой молодежи. Отецъ его былъ крайне недоволенъ его образомъ жизни и въ 1804 г. вытребовалъ его обратно въ Москву. У графа Кирилла Алексѣевича въ 1804 г. въ Москвѣ проявились первые признаки умопомѣшательства. Вскорѣ онъ прибылъ снова въ Петербургъ, чтобы ѣхать въ Шотландію лѣчиться съ нѣкіимъ шевалье де Бернъ; изъ-за границы онъ возвратился вполнѣ сумасшедшимъ. Разсказывали, что во время этого путешествія гр. Разумовскій вступилъ въ сношенія съ иллюминатами, что онъ имѣлъ какія-то бумаги, указывавшія на его сношенія съ опасною сектою и т. д.

Скоро по своемъ возвращеніи изъ-за границы графъ отправился въ 1806 г. изъ Москвы въ Пензенскія имѣнія отца и дорогой производилъ разныя безчинства, какъ объ этомъ было донесено Его Величеству. Государь Императоръ, «чтобы отвратить дальнѣйшія послѣдствія, во вредъ какъ другимъ такъ и ему самому обратиться могущія», повелѣть соизволилъ 21-го августа 1806 года заключить графа Разумовскаго въ Шлиссельбургскую крѣпость. Эта мѣра принималась также и въ виду удобности, которая можетъ доставить молодому человѣку пособіе врачей по близости къ столицѣ... Пензенскому губернатору Вигелю былъ посланъ указъ объ отправленіи графа Разумовскаго въ Шлиссельбургскую крѣпость, при чемъ предписывалось принять всѣ мѣры, чтобы захватить бумаги, при немъ имѣющіяся, и арестовать графа, когда онъ будетъ внѣ дома. Все это было въ точности исполнено, но никакихъ бумагъ у Разумовскаго найдено не было. Цѣль путешествія изъ Пензы до Петербурга оставалась тайною для Разумовскаго и капитана Францова, его сопровождавшаго; послѣднему было приказано вскрыть врученный ему пакетъ только въ Новгородѣ. Въ сентябрѣ 1806 года они прибыли въ Шлиссельбургскую крѣпость. Коменданту крѣпости предписано было отвести графу приличные покои, безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія никого къ нему не допускать, снабжать приличнымъ содержаніемъ безъ всякаго излишества и наблюдать, чтобы находящіеся при графѣ люди были ограждены отъ всякихъ съ его стороны тѣлесныхъ наказаній и жестокостей.

Тѣмъ временемъ отецъ заключеннаго, графъ Алексѣй Кирилловичъ, послалъ въ Петербургъ своего довѣреннаго человѣка, масона князя Николая Михайловича Козловскаго, который долженъ былъ по возможности чаще доносить ему о всемъ, происходившемъ въ Шлиссельбургѣ; въ помощь Козловскому былъ данъ шведъ Цедергольмъ, докторъ, взявшійся за лѣченіе молодого узника. Но они оба — и Цедергольмъ, и Козловскій—занялись не столько лѣченіемъ, сколько исправленіемъ больного, лишивъ его первоначальныхъ удобствъ жизни и приставивъ къ нему часового въ его комнатѣ. Заключенному было запрещено сообщать о какихъ-либо новостяхъ, у него отобрали все, чѣмъ бы онъ могъ себѣ повредить, и на него старались безпрестанно дѣйствовать нравственными угрозами. Добродушный комендантъ Плуталовъ старался въ письмахъ своихъ изобразить несчастнаго сына въ лучшемъ свѣтѣ, — но безъ всякаго успѣха. Среди родни Разумовскаго въ Петербургѣ содержаніе несчастнаго Кирилла Алексѣевича возбудило ропотъ; многіе изъ нихъ открыто выражали свое неодобреніе и даже, какъ говорили, подали Государю записку объ освобожденіи заключеннаго. Это еще болѣе раздражило старика отца, безусловно довѣрявшаго всему, что писали ему Козловскій и Цедергольмъ. Наконецъ, рѣшено было въ концѣ 1807 года перевести узника изъ Шлиссельбургской крѣпости въ Петропавловскую для освидѣтельствованія. Окончилось это освидѣтельствованіе тѣмъ, что князь Лопухинъ 13-го мая 1808 г. увѣдомилъ графа Алексѣя Кирилловича, что его сынъ по Высочайшей волѣ отправленъ за надлежащимъ присмотромъ въ Спасо-Евфиміевъ монастырь съ порученіемъ тамошнему архимандриту стараться объ исправленіи узника, имѣть за нимъ самый

рачительный присмотръ, заботиться о внушеніи ему спасительныхъ правилъ религіи. Присмотръ за узникомъ былъ порученъ директору училищъ во Владимірѣ, Дмитревскому, который нерѣдко писалъ о немъ графу Алексѣю Кирилловичу. Изъ этихъ писемъ усматривается, что сужденія узника по большей части были странны и непонятны; что онъ находился въ положеніи непонятнаго ожесточенія къ себѣ и хладнокровія ко всему въ мірѣ, даже не оказываетъ желанія къ перемѣнѣ мѣста. У несчастнаго больного бывали видѣнія; онъ внезапно приходилъ въ ярость, и каждое полумѣсячье съ нимъ дѣлались припадки бѣшенства; признаки сумасшествія все усиливались, хотя въ свѣтлыя минуты онъ говорилъ мало, но здраво. Послѣ кончины старика-графа Репнины и Уваровъ поспѣшили перевести узника во Владиміръ. Несчастный Разумовскій вышелъ изъ монастыря идіотомъ и первое время жилъ въ домѣ владимірскаго губернатора графа Петра Ивановича Апраксина, былъ спокоенъ и тихъ. При немъ находился добросовѣстный и попечительный докторъ Лонгъ. Надъ страдальцемъ была устроена опека, его скоро перевезли въ Харьковъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1829 году.

А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. II; Свѣдѣнія о графѣ Кир. Алек. имѣются въ различныхъ семейныхъ бумагахъ, хранящихся въ архивахъ: графа Уварова, кн. Разумовскаго, кн. Н. В. Репнина (письма Цедергольма), графа Шереметева; «Русскій Архивъ» 1875 г., ч. III, стр. 452; Архивъ кн. Воронцова, т. XIX, стр. 189.

Разумовскій, графъ *Кириллъ Григорьевичъ*, третій сынъ регистроваго казака Григорія Яковлева Розума и его супруги Наталіи Демьяновны, родился 18-го марта 1728 года на хуторѣ Лемеши (нынѣ село на старой почтовой дорогѣ изъ Кіева въ Черниговъ, между станціями Козельцомъ и Чемеромъ), Козелецкаго повѣта Черниговской губ. Съ ранняго дѣтства онъ занимался земледѣліемъ, ходилъ за отцовскими волами и проживалъ довольно бѣдно, пока братъ его Алексѣй, попавъ въ милость, оказался въ состояніи помогать своимъ братьямъ и сестрамъ. Мать его не замедлила тогда отдать Кирилла въ выучку тому же дьячку въ Чемерахъ, съ легкой руки котораго такъ повезло его брату Алексѣю; и тутъ, у этого дьячка Кириллъ Разумовскій получилъ начатки своего образованія. Достигнувъ 15 лѣтъ, онъ былъ, по распоряженію брата своего Алексѣя, въ то время уже имѣвшаго большое значеніе при дворѣ Елизаветы Петровны, отправленъ (въ мартѣ 1743 г.) за границу подъ строжайшимъ инкогнито, «дабы ученіемъ наградить пренебреженное время, сдѣлать себя способнѣе къ службѣ Ея Величества, а фамиліи своей впредь собою и поступками принесть честь и порадованіе». Подъ надзоромъ Григорія Николаевича Теплова Кириллъ Григорьевичъ отправился на два года въ Германію и Францію, получивъ отъ брата весьма подробную инструкцію, какъ поступать въ чужестранныхъ государствахъ. По этой инструкціи онъ долженъ былъ соблюдать и сохранять православную вѣру, поступать благочинно и благопристойно, воздерживаясь отъ всякихъ продерзостей, праздности, невоздержанія и прочихъ, честному и добронравному человѣку не приличныхъ поступковъ и пристрастій. Онъ долженъ былъ во всемъ слушаться Теплова и безъ его воли ничего не начинать и не дѣлать, никакихъ компаній и денежныхъ расходовъ безъ его позволенія не имѣть и т. д. Главнѣйшимъ образомъ онъ долженъ былъ прилагать стараніе и неусыпное попеченіе къ тому, чтобы къ вящшей службѣ Ея Величества себя способнымъ учинить и къ тому, чтобы пренебреженное по нынѣ время своимъ прилежаніемъ въ ученіи наградить и оставшуюся еще въ немъ способность въ собственную пользу употребить.

Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій отправился изъ Петербурга подъ именемъ Ивана Ивановича Обидовскаго въ концѣ марта 1743 г. сперва въ Кенигсбергъ, гдѣ познакомились съ ученымъ Целестиномъ Флотвелемъ, а затѣмъ въ Данцигъ, гдѣ получилъ отъ Ададурова извѣщеніе, что Ея Величество 25-го апрѣля пожаловала его въ камеръ-юнкеры «во мнѣніи наивящшей къ полезнымъ наукамъ, прилежности и для побужденія его чрезъ то къ наибольшему старанію о пріобрѣтеніи надлежащей способности къ службѣ Ея Величества». Вмѣстѣ съ тѣмъ Ададуровъ сообщалъ, что братъ его, Алексѣй Григорьевичъ, на испрашиваемое соизволилъ ему первый годъ жить въ Кенигсбергѣ, чтобы выучиться особливо по-нѣмецки, а потомъ уже далѣе продолжать путь. Музыки и танцованію учиться

съ умѣренностью и того за главное свое упражненіе не начинать, но больше времени и прилежности употреблять на нѣмецкій и латинскій языки (пока французскому не начинали), на исправность и чистость въ русскомъ языкѣ и стилѣ и на исторію и географію; фехтованіе же отложить до времени». Во время пребыванія за границею Кириллъ Григорьевичъ получилъ увѣдомленіе отъ того же Ададурова о томъ, что по случаю заключенія мира со Швеціею въ Або 15-го іюня 1744 г. онъ и его братъ Алексѣй возведены въ графское Россійской Имперіи достоинство, а затѣмъ Ададуровъ писалъ ему о путешествіи Императрицы въ Малороссію, вмѣстѣ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ и другими лицами.

Достаточно подготовленный въ Кенигсбергѣ, Р. вмѣстѣ съ Тепловымъ переѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ сталъ учиться подъ руководствомъ знаменитаго Леонарда Эйлера, стараго знакомаго Теплова по Петербургской Академіи. Кромѣ Эйлера его училъ еще Фридрихъ-Генрихъ Штрубеде-Пирмонтъ, также членъ Петербургской Академіи; Разумовскій занимался и съ другими учителями и изучалъ французскій языкъ, бывшій въ общемъ употребленіи даже при дворѣ Фридриха II. Прусскій король, узнавъ о пребываніи Разумовскаго въ Берлинѣ, пригласилъ его ко двору, обласкалъ и чрезъ графа Подевильса послалъ ему золотую табакерку съ его вензелемъ изъ брилліантовъ и портретомъ, украшеннымъ алмазами. Сама Императрица имѣла попеченіе о Кириллѣ Разумовскомъ и отправила къ нему для компаніи Якима Яковлевича Борсука, сына бунчуковаго товарища, въ разсужденіе его хорошей способности для наукъ.

Окончивъ курсъ въ Берлинѣ, Р. съ Тепловымъ переѣхалъ въ Геттингенъ, гдѣ слушалъ лекціи, учился потомъ въ Страсбургѣ (куда лѣтъ черезъ двадцать въ свою очередь отправилъ и сыновей своихъ), а потомъ, проѣхавъ по Франціи и Италіи, возвратился въ Петербургъ весною 1745 г. и былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и кавалеромъ Голштинскаго ордена св. Анны. Эта поѣздка за границу совершенно преобразовала молодого Разумовскаго. Онъ былъ не безъ познаній, отлично говорилъ по-нѣмецки и по-французски, явился при пышномъ дворѣ Елизаветы Петровны истымъ вельможею по собственному достоинству и по тонкому врожденному умѣнью держать себя. Отсутствіе геніальныхъ способностей вознаграждалось страстною любовью къ родинѣ, правдивостью, благотворительностью,—качествами, которыми онъ заслужилъ себѣ всеобщее уваженіе. Къ тому же онъ былъ хорошъ собою, оригинальнаго ума, очень пріятенъ въ обращеніи и умомъ превосходилъ своего брата. Почести и несмѣтное богатство не вскружили ему голову; роскошь и всѣ послѣдствія, съ нею неразрывныя, не испортили его сердца; онъ былъ добръ, благотворителенъ, щедръ въ милостяхъ и безъ малѣйшей гордости и спѣси, всѣмъ доступенъ. Онъ вполнѣ и отъ души предавался свѣтскимъ удовольствіямъ и придворнымъ торжествамъ, происходившимъ по случаю бракосочетанія наслѣдника престола съ принцессою Ангальтъ-Цербстской 21-го августа. Торжества эти продолжались десять дней, и на всѣхъ малороссійскіе депутаты занимали почетныя мѣста. Тѣмъ временемъ 6-го марта 1746 г. состоялась декларація о бытіи гетмана, но назначеніе на это мѣсто Кирилла Григорьевича тогда не состоялось еще, потому что Императрица не любила скоро на что-нибудь рѣшаться, а главное потому, что молодому кандидату было вовсе не до гетманства: онъ и думать не хотѣлъ о выѣздѣ изъ Петербурга, пустился въ вихрь свѣта и участвовалъ на всѣхъ празднествахъ и балахъ, бывшихъ при дворѣ и у различныхъ богатыхъ вельможъ того времени, особенно у его брата Алексѣя, и находился ежедневно въ обществѣ Государыни. За это время онъ особенно сблизился съ умнымъ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышевымъ. Въ 1746 г., мая 21-го, Кириллъ Григорьевичъ «въ разсужденіи усмотрѣнной въ немъ особливой способности и пріобрѣтеннаго въ наукѣ искусства», былъ назначенъ Президентомъ Императорской Академіи Наукъ, и 12-го іюня произнесъ рѣчь, на которую отвѣчалъ Шумахеръ, а профессоръ элоквенціи Тредьяковскій, привѣтствуя юнаго Президента, выразилъ, что «Академія чрезъ ваше графское сіятельство оживотворивши всѣ свои члены и въ здравіе пришедши, какъ съ одра тяжкія болѣзни возстала». Разумовскій старался прежде всего ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ академическихъ

дѣлъ, стремился поправить ихъ, но среди развлеченій свѣтской жизни, при крайней своей молодости, относился въ дѣлу далеко не серьезно. Онъ приступилъ къ сочиненію новаго регламента Академіи, утвержденнаго Императрицею 24-го іюня 1747 г. Этотъ регламентъ, составленный Тепловымъ и Шумахеромъ, безъ участія академиковъ, возбудилъ неудовольствіе послѣднихъ. Затѣмъ Разумовскій, вслѣдствіе именного изустнаго указа Импетрицы, предписалъ въ 1748 г., дабы при Академіи переводили и печатали книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ польза и забава соединена была бы съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ. Это предписаніе долго оставалось безъ послѣдствій, вражда Ломоносова съ Шумахеромъ все ожесточалась, и, къ довершенію бѣдъ, пожаръ истребилъ значительную часть зданій и музеевъ Академіи,— въ томъ числѣ знаменитый глобусъ. Хотя дѣла Академіи шли плохо, но уже 29-го іюня 1746 г. Президентъ ея удостоился получить ленту Св. Александра Невскаго. Это послѣдовало въ день обрученія графа съ фрейлиною Императрицы Екатериною Ивановною Нарышкиною, внучатною сестрою Елизаветы Петровны, которая сама сосватала ее за Разумовскаго. Торжественное бракосочетаніе было совершено 27-го октября 1746 г. въ присутствіи Ея Величества въ дворцовой церкви. На другой день Екатерина Ивановна объявлена была статсъ-дамою съ пожалованіемъ пребогатаго портрета. При Академіи Наукъ, по случаю женитьбы Президента, напечатаны были латинскіе стихи, сочиненные профессоромъ антиквитетовъ Христіаномъ Крузіусомъ.

Позднѣе, 15-го мая 1747 г., малороссійскіе депутаты узнали, что подписанный 5-го мая того же года указъ объ избраніи гетмана въ Сенатъ присланъ. Они знали, что гетманомъ у нихъ будетъ К. Г. Разумовскій, часто у него бывали, но предназначенный гетманъ не спѣшилъ промѣнять удовольствія свѣтской и придворной жизни на скуку въ Глуховѣ. Тѣмъ временемъ у него родилась (5-го сент. 1747 г.) дочь Наталья, а чрезъ годъ (5-го сент. 1748 г.) Государыня собственноручно возложила на него знаки ордена Бѣлаго Орла, присланные ему королемъ Августомъ III, и пожаловала въ подполковники л.-гв. Измайловскаго полка. Въ слѣдующемъ, 1748 г. дворъ пріѣхалъ въ Москву, а вслѣдъ за нимъ туда же прибылъ и Кириллъ Григорьевичъ, и при немъ было учреждено въ Москвѣ Отдѣленіе академической Канцеляріи, по предложенію Шумахера, занимавшаяся по преимуществу разборомъ взаимныхъ жалобъ, неудовольствій и пререканій, происходившихъ между Шумахеромъ и знаменитымъ Ломоносовымъ.

Въ началѣ января 1750 г. малороссійскіе депутаты пріѣхали въ Глуховъ и привезли съ собою Высочайшую отпускную грамоту. Дѣло объ избраніи графа Кирилла Григорьевича въ гетманы было рѣшено въ Петербургѣ; слѣдовало только исполнить обрядъ выбора его вольными голосами. Это было поручено графу Ивану Симоновичу Гендрикову, отправленному съ этою цѣлью въ Глуховъ. Чрезъ два дня послѣ его пріѣзда генеральные старшины подписались на прошеніи въ гетманы Кирилла Григорьевича, послѣ чего Гендриковъ сталъ щедро угощать войсковую старшину, а затѣмъ 18-го февраля 1750 г. собралъ до 1,000 человѣкъ на выборы гетмана. Когда они объявили единогласно, что желаютъ графа въ гетманы, Гендриковъ приказалъ адъютанту Глуховскаго гарнизона съ музыкою разъѣзжать (21-го февраля) по Глухову и за городомъ, объявляя народу, что на другой день назначена церемонія благополучнаго гетманскаго избранія; 22-го февраля произошла, какъ выражались современники, элекція торжественная, на которой Гендриковъ, оборачиваясь на всѣ стороны, громогласно нѣсколько разъ спрашивалъ: «кого желаете себѣ въ гетманы». Всѣ отвѣчали, что за правое полагаютъ быть въ Малой Россіи гетманомъ графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, ибо самымъ вѣрнымъ и неутомимымъ ходатаемъ за нихъ былъ постоянно его братъ, графъ Алексѣй. Народъ троекратными кликами подтвердилъ избраніе; раздался 101 выстрѣлъ изъ пушекъ, казаки стали стрѣлять бѣглымъ огнемъ,— и все собраніе направилось въ церковь, гдѣ была совершена литургія съ молебствіемъ, а послѣ былъ банкетъ. Ломоносовъ, по случаю избранія гетмана, посвятилъ Разумовскому идиллію «Полидоръ». Послѣ этого приступили къ избранію депутатовъ, которыхъ надлежало послать въ Петербургъ, чтобы благодарить Государыню и поздравить новаго гетмана. Прибывъ въ Петербургъ, эти де-

путаты имѣли 24-го апрѣля аудіенцію, и имъ было объявлено, что на выборъ гетманскій послѣдуетъ высочайшее утвержденіе въ непродолжительномъ времени. Только 5-го іюня 1750 г. былъ подписанъ указъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, которымъ утверждалось избраніе гетмана, назначались ему въ жалованье различныя гетманскія маетности, повелѣвалось собирать и употреблять по прежнимъ обыкновеніямъ всѣ доходы малороссійскіе и т. д. Новый гетманъ не спѣшилъ, однако, отъѣздомъ. Между тѣмъ, Императрица подписала не мало указовъ, относящихся до Малороссіи, по которымъ войско Запорожское поступало также подъ вѣдомство малороссійскаго гетмана (31-го окт. 1750 г.), приказывалось возобновить Батуринъ и имѣть тамъ резиденцію гетману, который во всѣхъ торжествахъ, церемоніяхъ, столахъ и т. д. получилъ мѣсто съ генералъ-фельдмаршалами, считаясь съ ними по старшинству. Ему же повелѣно было сдѣлать новые, дорогіе клейноды; въ церквахъ на литургіи поминать слѣдовало по старинной формулѣ «благороднаго Кирилла гетмана», но самъ гетманъ остался этимъ недоволенъ, и Ея Величество въ 1751 г. изволила приказать вспоминать тако: «высоко и благоурожденнаго сіятельнаго графа Кирилла Григорьевича, гетмана Малыя Россіи». Но немногимъ позднѣе, въ 1752 г., слова «высоко и благоурожденнаго» были исключены, «понеже нѣкоторые священники, по природной своей тупости и не могучи оныхъ терминовъ настоящe выговорить, оные отмѣняютъ».

Въ концѣ іюля 1750 г. уѣхали обратно депутаты, получивъ богатые подарки, но самъ гетманъ оставался еще въ Петербургѣ. Его задерживали беременность жены, интересъ борьбы между партіею его брата и Шуваловыми (см. въ біографіи Алексѣя Григорьевича Разумовскаго) и, наконецъ, сама Государыня, не желавшая лишать ни себя, ни придворныхъ любезнаго собесѣдника, умѣвшаго отлично угощать, давать балы и банкеты, на которыхъ она бывала часто сама. Въ началѣ 1751 г. на Украйнѣ стали поговаривать о безпорядкахъ со стороны татаръ, и гетманъ сталъ готовиться къ отъѣзду. По приказанію Императрицы 28-го февраля, онъ былъ торжественно приведенъ къ присягѣ въ придворной церкви (13-го марта 1751 г.) въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса и знатныхъ особъ, при чемъ архіепископъ Платонъ читалъ присягу, которую громко повторялъ гетманъ, а затѣмъ и подписалъ ее. Послѣ этого гетманша тронулась въ путь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а самъ гетманъ только 22-го мая, ибо ожидалъ отъ Императрицы жалованной грамоты, которая была подписана 22-го мая. Предъ отъѣздомъ гетманъ просилъ Государыню опредѣлить въ Академію новаго Президента, ибо заведенный имъ порядокъ въ Академіи и непрерывная въ чужестранныхъ горсударствахъ корреспонденція съ учеными людьми не могутъ ни на малое время оставаться безъ главнаго въ Академіи командира; если же приказано будетъ ему оставаться президентомъ по прежнему, то полезно назначить вице-президента. На это, однако, никакой Высочайшей резолюціи не послѣдовало. Равнымъ образомъ гетманъ требовалъ отдачи ему грамоты Петра I 1711 года гетману Скоропадскому, хранившейся въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, но Государыня на это не соизволила.

Гетманъ, отправившись съ неразлучнымъ своимъ спутникомъ Тепловымъ, со множествомъ экипажей, большою прислугою, даже съ труппою актеровъ и значительнымъ обозомъ, прибылъ въ Глуховъ въ іюлѣ мѣсяцѣ и немедленно сдѣлалъ объявленіе, чтобы старшины, полковники, шляхетство и прочія особы и люди всякаго званія собрались въ Глуховъ 13-го іюля для торжественнаго и публичнаго объявленія жалованной грамоты. Послѣ этого объявленія графъ зажилъ въ Глуховѣ царькомъ; его дворъ былъ миніатюрною копіею петербургскаго двора; при гетманѣ въ родѣ тѣлохранителей состояла большая конная команда, во дворцѣ былъ цѣлый придворный штатъ; при дворѣ были всякіе казаки, бобровники, стрѣльцы, пташники и т. д. Въ торжественные и праздничные дни бывали выходы, давались банкеты, балы и игрались французскія комедіи. Такому образу жизни не удовлетворялъ прежній гетманскій дворецъ, — и немедленно приступили къ постройкѣ новаго, который былъ готовъ въ октябрѣ 1751 г. Тепловъ былъ сдѣланъ правителемъ гетманской канцеляріи и въ то же время политическимъ директоромъ, инспекторомъ, администраторомъ и ментором гетмана.

Тепловъ собственно правилъ Малороссіею; онъ пріѣхалъ въ Глуховъ, вполнѣ ознакомленный съ этимъ краемъ. Какъ маленькій властелинъ, гетманъ давалъ аудіенціи старшинамъ послѣ богослуженія, вручалъ перначъ полковому судьѣ, котораго производилъ въ полковники, поздравлялъ кого съ повышеніемъ, кого съ наградою, раздавалъ сотенные городки роднѣ своей, самъ, безъ разрѣшенія Государыни, отпустилъ двухъ братьевъ Скоропадскихъ на службу Голштинскую, произвольно распоряжался на фабрикѣ въ Почепѣ и т. д. Въ Петербургѣ, однако, слѣдили за дѣйствіями гетмана, были недовольны черезчуръ самостоятельными его дѣйствіями, которыя были осуждены лично Государынею. Уже 16-го марта 1754 г. было Высочайше повелѣно: Разумовскому впредь полковниковъ безъ указу производить запретить, а, выбирая кандидатовъ, доносить о нихъ по прежнему обыкновенію Ея Величеству; городовъ, также деревень въ вѣчное потомственное владѣніе собою безъ указовъ не раздавать, пошлинъ самовольно не собирать и т. д.; для лучшаго пресѣченія всѣхъ такихъ непорядковъ опредѣлить при гетманѣ министромъ изъ генералитета, съ вѣдома и совѣту котораго гетманъ во всѣхъ тамошнихъ дѣлахъ поступалъ бы по прежнему, какъ при Его Величествѣ Петрѣ Великомъ и при гетманѣ Скоропадскомъ было.

Ранѣе этого указа, 18-го апрѣля 1751 г., Императрица прислала гетману Андреевскую ленту, за которую гетманъ благодарилъ и ради привезенной кавалеріи устроилъ продолжавшееся съ 19-го по 25-е апрѣля торжество. Послѣ этого гетманъ совершилъ вмѣстѣ съ Тепловымъ объѣздъ по Малороссіи и осматривалъ малороссійскіе полки; его вездѣ встрѣчали съ радостію и устраивали пышные пріемы. Онъ посѣтилъ и Батуринъ, въ которомъ постройки быстро подвигались. По возвращеніи въ Глуховъ у гетмана родился (22-го октября 1752 г.) сынъ, названный, «въ воспоминаніе недавно полученной блакатной кавалеріи, Андреемъ». Послѣ различныхъ торжествъ по этому случаю гетманъ съ супругою отправился (24-го ноября) по приглашенію Государыни въ Москву, гдѣ въ то время находился дворъ и братъ гетмана, все еще могущественный, хотя уже и не всемогущій и не единственный фаворитъ. Соперникомъ ему выступалъ молодой Ив. Ив. Шуваловъ. При дворѣ происходили всякаго рода интриги, а канцлеръ А. П. Бестужевъ искалъ себѣ союзниковъ для осуществленія задуманнаго имъ плана, въ случаѣ кончины Императрицы, возвести на престолъ ея внука, а правительницею провозгласить Екатерину Алексѣевну, мать малолѣтняго внука. Бестужевъ заискивалъ также расположенія гетмана, который въ то время находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ив. Ив. Шуваловымъ; ихъ сблизилъ общій другъ ихъ графъ Ив. Чернышевъ; они трое составляли лучшій цвѣтъ тогдашней придворной молодежи. Среди придворной суеты гетманъ не забывалъ, однако, Украйны. Онъ докладывалъ Императрицѣ объ отмѣнѣ многихъ сборовъ, чрезвычайно отяготительныхъ для народа, заведенныхъ еще Самойловичемъ и Мазепою, объ отмѣнѣ таможенъ на границахъ Малороссіи и Великороссіи (объявлена была свобода торговли между сѣверомъ и югомъ); отставлены всѣ внутреннія таможни и таможенные сборы (индукты и свекты), что чрезвычайно обрадовало населеніе; для строенія крѣпости св. Елизаветы (нынѣ Елизаветградъ) стали посылать вмѣсто 2000 казаковъ только 611 и т. д.

Въ то же время гетманъ занимался дѣлами по Академіи Наукъ, которыя шли не столь удачно. Въ Москву явился къ нему Ломоносовъ, занятый мыслію о распространеніи мозаичнаго искусства. Разумовскій ласково его принялъ, а Шуваловъ (Ив. Ив.) представилъ его Императрицѣ. Ломоносовъ довольный возвратился въ Петербургъ, гдѣ его ожидали непріятности по этому поводу отъ Шумахера, и онъ писалъ объ этомъ Шувалову. При дворѣ стали поговаривать о недостаткахъ и непорядкахъ въ Академіи; Президентъ ея, Разумовскій, услышалъ непріятныя рѣчи о своемъ правленіи, вслѣдствіе которыхъ по его приказанію была учреждена Коммиссія изъ Шумахера, Ломоносова, Штелина и Миллера, «для отрѣшенія излишествъ отъ Академіи». Кромѣ того, Президентъ приказалъ собрать и напечатать на русскомъ языкѣ всѣ рѣчи, говоренныя академическими студентами, «ибо сіе въ публикѣ будетъ доказательствомъ происходящимъ въ университетѣ успѣхамъ». Разумовскій принялся за изданіе при Академіи русскаго журнала подъ заглавіемъ «Санктъ Петер-

бургскія ежемѣсячныя примѣчанія». Ломоносовъ раскритиковалъ заглавіе; пошли ссоры и непріятности, и только въ 1755 г. вышла первая книжка подъ именемъ «Ежемѣсячныя Извѣстія». Разумовскій особенно интересовался этимъ изданіемъ. Скоро онъ возбудилъ вопросъ о пересмотрѣ штата и регламента Академіи въ общемъ собраніи профессоровъ. Это вызвало большіе раздоры въ Академіи, продолжавшіеся довольно долго. Между Шумахеромъ и Ломоносовымъ шла жестокая борьба изъ-за пересмотра академическаго устава. Къ тому же въ 1754 г. на Разумовскаго былъ поданъ доносъ евреемъ Ааономъ Якубовымъ о томъ, что сотникъ Сухонскій и бунчуковый товарищъ Яковъ Тарновскій торгуютъ подъ именемъ гетмана чрезъ Польшу заповѣдными книгами. Однако, Разумовскій совсѣмъ оправдался.

Весною 1754 г. гетманъ съ семействомъ переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, вмѣстѣ съ Высочайшимъ дворомъ, поселился въ своемъ домѣ на Мойкѣ и сталъ давать обѣды, балы, маскарады, отличавшіеся особенною роскошью, которые нерѣдко посѣщала Императрица. Столъ его славился по всему Петербургу: онъ поваровъ своихъ выписывалъ изъ Парижа. Онъ держалъ открытый столъ, къ которому могли являться званые и незваные, щеголялъ экипажами и собиралъ у себя отборное общество.

Между тѣмъ, приготовленія къ войнѣ съ Пруссіею коснулись и Малороссіи: она должна была выставить не мало полковъ на границахъ съ Турціею, а также сильный отрядъ на прусскія границы, подъ начальствомъ генеральнаго есаула Якубовича. Казаки запорожскіе жаловались, что ихъ тѣснятъ; завязалась переписка; все это дѣлало присутствіе гетмана необходимымъ въ Малороссіи, и онъ получилъ 12-го ноября изъ конференціи указъ объ этомъ, вслѣдствіе котораго, донося, что готовится къ отъѣзду, просилъ милосердымъ окомъ воззрѣть на обстоятельства его опечаленной фамиліи и разрѣшить ему оставаться въ Петербургѣ до родовъ жены. Императрица это разрѣшила, и Разумовскій уѣхалъ въ 1757 году съ Г. Н. Тепловымъ, Журманомъ и прочими своими придворными; его супруга съ дѣтьми осталась въ Петербургѣ. Въ Глуховъ гетманъ пріѣхалъ 2-го марта и отправилъ Государынѣ донесеніе о состояніи Малороссіи. Онъ занялся дѣломъ о секретныхъ связяхъ съ Малороссіею эмигрантовъ (Орлика, Мировича, Нахимовскаго и другихъ, покинувшихъ Украйну послѣ Полтавскаго боя), имѣвшихъ цѣлью освободить Малороссію изъ-подъ русскаго владычества. Кромѣ того, онъ отстаивалъ предъ Сенатомъ старинныя права Малороссіи, созвалъ въ Глуховѣ особую коммиссію, чтобы составить сводъ малороссійскихъ правъ и вольностей (но сводъ, ею составленный, не понравился гетману), выхлопоталъ Запорожскому войску прибавку жалованья и снабженіе его артиллеріею. По прошенію Разумовскаго указомъ 17-го января 1756 г. всѣ дѣла Малороссійскія были перенесены изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Сенатъ и гетманъ сталъ зависѣть отъ первой въ государствѣ инстанціи. Разумовскій явно дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по побужденію Теплова, написавшаго извѣстную записку о непорядкахъ въ Малороссіи, которую онъ представилъ Государынѣ, помимо гетмана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ велъ дѣятельную переписку съ Петербургомъ, особенно съ графомъ Мих. Иллар. Воронцовымъ и Ив. Ив. Шуваловымъ. Его, однако, все тянуло въ Петербургъ и уже 27-го августа 1757 г., а затѣмъ и въ октябрѣ онъ испрашивалъ у Государыни разрѣшенія возвратиться, дабы осень и зиму пробыть въ лучшемъ воздухѣ и удостоиться видѣть Ея Величество, а притомъ пользоваться въ болѣзни, «которая кажется не по лѣтамъ моимъ къ гробу меня ведетъ». Но разрѣшеніе на это послѣдовало только въ ноябрѣ мѣсяцѣ и то чрезъ посредство И. И. Шувалова, а между тѣмъ Разумовскаго томило еще личное горе: онъ любилъ пламенно неизвѣстную намъ красавицу, которая его обманывала. Онъ поспѣшилъ немедленно отправиться въ Петербургъ, оставивъ Теплова въ Глуховѣ. Въ этотъ пріѣздъ гетманъ сблизился еще болѣе съ супругою наслѣдника престола, которая въ это время устроила бракъ Марины Осиповны Закревской (племянницы Разумовскихъ) и Льва Александровича Нарышкина; это сватовство еще болѣе сдружило великую княгиню съ Разумовскими. Гетманъ бывалъ у нея на тайныхъ вечеринкахъ и принималъ ее у себя. Среди приготовленій къ свадьбѣ Разумовскимъ грозила опасность

быть арестованными, когда были арестованы канцлеръ Бестужевъ, Елагинъ, Ададуровъ и другія лица, но гроза благополучно миновала; во всемъ слѣдственномъ дѣлѣ имя Разумовскихъ не было помянуто, и уже лѣтомъ 1758 г. Императрица провела вмѣстѣ съ статсъ-дамами пять дней въ Гостилицахъ (имѣніе Разумовскаго), а зимою крестила у него родившуюся 10-го ноября дочь.

Гетманъ скоро обратился къ Государынѣ съ прошеніемъ о дарованіи ему и потомкамъ его въ вѣчность нѣкоторыхъ деревень и земель. Просьба его была исполнена и въ маѣ 1759 г. ему подарены города Почепъ и Батуринъ съ уѣздами, а также волости Шептаковская и Бакланская.

Лѣтомъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ герцогъ Курляндскій Карлъ Саксонскій, и гетманъ былъ неразлученъ съ нимъ. Государыня часто навѣщала гетмана, жившаго на своей мызѣ Знаменкѣ по Петергофской дорогѣ, и онъ самъ почти ежедневно бывалъ ея гостемъ въ Петергофѣ, гдѣ въ честь герцога давались безпрестанныя празднества.

Въ это пребываніе въ Петербургѣ гетманъ занимался и Академіею Наукъ. Онъ распредѣлилъ всѣ возложенныя на нее дѣла между Ломоносовымъ, Штелинымъ и Таубертомъ. По его порученію Ломоносовъ приступилъ къ составленію большого атласа Россійской Имперіи, составилъ новый штатъ и регламентъ для Университета и Гимназіи, одобренные Разумовскимъ, который поручилъ въ исключительное смотрѣніе Ломоносова Университетъ и Гимназію. Разумовскій, заботясь объ учрежденіи самостоятельнаго Университета въ Петербургѣ, приказалъ для этого купить Строгоновскій домъ на Васильевскомъ островѣ. Онъ старался поддерживать Ломоносова, несмотря на то, что онъ перессорился не только съ Миллеромъ, Таубертомъ, Шумахеромъ, но съ Румовскимъ и Шлецеромъ и даже затрогивалъ нерѣдко самого Разумовскаго; несмотря на это, гетманъ безпрекословно утверждалъ все, что ни подавалъ ему Ломоносовъ относительно мѣръ, казавшихся послѣднему необходимыми для улучшенія ученой части Академіи. Только въ 1761 г., когда требованія Ломоносова сдѣлались черезчуръ неумѣренными, онъ пересталъ обращать на нихъ вниманіе.

Во время пребыванія гетмана въ Петербургѣ, онъ занялся планомъ университета, который собирался учредить въ Батуринѣ. Мысль эта возникла очевидно подъ вліяніемъ Ив. Ив. Шувалова, основателя Московскаго Университета, дружба съ которымъ гетмана все усиливалась съ годами. Проектъ университета составилъ Тепловъ во всемъ по образцу германскихъ университетовъ того времени; при университетѣ полагалась также церковь съ причтомъ, больница, карцеръ, гауптвахта, лабораторія и т. д.

Въ концѣ 1759 г. гетманъ со всѣмъ семействомъ отправился обратно въ Глуховъ и серьезно занялся дѣлами Малороссіи; онъ объѣхалъ полки и принялся за реформы съ помощью Теплова. Въ Малороссіи было пять инстанцій суда (сотникъ, полковникъ, генеральный судья, генеральная войсковая канцелярія, гетманъ). Чтобы сократить проволочку дѣлъ и возвысить судъ, универсаломъ 17-го ноября 1760 г. онъ сдѣлалъ измѣненія въ составѣ генеральнаго суда, замѣнившаго и судъ полковниковъ. Универсаломъ 6-го іюля 1761 г. онъ положилъ преграду злоупотребленіямъ, происходившимъ отъ излишняго винокуренія, дошедшаго до того, что ведро водки продавалось по 15 копѣекъ. Въ отстраненіе этихъ злоупотребленій, Разумовскій воспретилъ между прочимъ имѣть въ Малороссіи шинки и винокурни не мѣстнымъ владѣльцамъ, въ особенности купцамъ и крестьянамъ: винокуреніемъ могли заниматься одни только владѣльцы и казаки, имѣющіе грунты и лѣсныя угодья, кромѣ духовенства, купечества и посполитаго народа. Кромѣ того, онъ задумалъ заселить пустопорожнія земли на Украйнѣ раскольниками, бѣжавшими изъ Польши, и представлялъ объ этомъ 31-го августа 1760 г. Императрицѣ, но желаемой резолюціи не получилъ: Императрица была слишкомъ занята войною, и къ тому же силы ея видимо слабѣли. Скоро главный городъ Кіевъ въ мартѣ 1761 г. былъ отдѣленъ отъ гетманства и снова непосредственно подчиненъ Сенату; гетману очень прискорбно было видѣть, что главный городъ Малороссіи отходитъ отъ его вѣдомства. Изъ Глухова гетманъ велъ дѣятельную переписку съ графомъ М. И. Воронцовымъ и графинею Анною Карловною. Вдругъ въ октябрѣ 1761 года братъ

гетмана вызвалъ его ко двору, чтобы присутствовать при послѣднихъ дняхъ жизни ихъ благодѣтельницы—Императрицы; она слабѣла все болѣе и болѣе и въ концѣ 1761 г. не въ состояніи была выѣзжать изъ дворца. Гетманъ немедленно поскакалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Тепловымъ, Туманскимъ и Будлянскимъ, оставивъ семью въ Глуховѣ. Въ Москвѣ онъ вмѣстѣ со многими московскими вельможами и Тепловымъ посѣтилъ Московскій Университетъ, слушалъ лекціи многихъ профессоровъ, смотрѣлъ домъ, гдѣ жили пансіонеры, типографію, словолитню, лабораторію, минералогическій кабинетъ и библіотеку. Пріѣхавъ въ Петербургъ, К. Г. Разумовскій засталъ Императрицу еле живую, а 25-го декабря она скончалась. Разумовскіе не отходили отъ изголовья Императрицы, которую любили всѣми силами преданнаго, простого сердца; скорбь и слезы ихъ были вполнѣ искренними.

Камергеръ Петръ Кирилловичъ Нарышкинъ (дядя гетманши) поскакалъ въ Украйну съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Петра III. Гетманша съ семействомъ въ январѣ 1762 г. возвратилась въ Петербургъ. Самъ гетманъ не думалъ возвращаться въ Малороссію. Онъ повергъ къ стопамъ новаго Императора всѣ свои знаки отличія и просилъ единственно одной милости — оставить ему изъ всего огромнаго имущества одно имѣніе въ Малороссіи, Адамовку, гдѣ бы могъ провести остатки дней своихъ. Петръ III былъ этимъ тронутъ; онъ подтвердилъ всѣ жалованныя грамоты покойной Императрицы Разумовскому и постоянно выказывалъ свое благоволеніе Кириллу Григорьевичу, который неизмѣнно находился при его особѣ и былъ любимымъ его собесѣдникомъ. Къ тому же Петръ III находилъ удовольствіе заставлять старыхъ и изнѣженныхъ царедворцевъ Елизаветы продѣлывать ежедневно новое прусское ученье, только что введенное въ наши войска; всѣ фельдмаршалы и генералы получили каждый особый полкъ и должны были лично командовать, дѣлать эволюціи и т. д. Гетманъ, не имѣвшій до этого понятія о военномъ строѣ и не бравшій въ руки эспонтона, учился у себя дома прусской экзерциціи, чтобы не подвергнуть себя выговору отъ Императора и не быть предметомъ насмѣшекъ. Но какъ онъ ни трудился, ему приходилось сносить публично выговоры и насмѣшки; и это, конечно, глубоко оскорбляло гетмана, привыкшаго играть чуть не первую роль при дворѣ. Поэтому гетманъ, давнишній поклонникъ Екатерины II, тайкомъ сталъ подготовлять успѣхъ задуманному дѣлу и находился постоянно въ лучшихъ съ нею отношеніяхъ. Онъ сталъ подъ разными предлогами удалять всѣхъ нѣмцевъ изъ своего Измайловскаго полка. Многіе изъ его самыхъ близкихъ пріятелей были въ числѣ заговорщиковъ. Хотя гетманъ въ день 28-го іюня не принималъ рѣшительнаго участія, но былъ щедро награжденъ новою Императрицею. Сверхъ своихъ прежнихъ окладовъ онъ получилъ по 5.000 р. въ годъ и пожалованъ въ сенаторы и генералъ-адъютанты Государыни. Его племянникъ Мих. Васильевичъ Будлянскій былъ посланъ въ Малороссію съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Екатерины II. Самъ гетманъ получилъ (4-го іюля 1762 г.) въ командованіе всѣ пѣхотные полки, около Петербурга расположенные, и гарнизоны Петербургскій и Выборгскій. 25-го іюля Императрица посѣтила предъ вечернимъ столомъ гетмана и, въ знакъ особеннаго своего благоволенія къ нему и его супругѣ, возложила на графиню знаки ордена св. Екатерины. Затѣмъ, во время коронаціи въ Москвѣ, гетманъ, вмѣстѣ съ бывшимъ канцлеромъ А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, былъ ассистентомъ у Императрицы. Онъ оставался при Государынѣ все время ея пребыванія въ Москвѣ, т. е. до іюня 1763 г., пользовался полнымъ ея довѣріемъ и получалъ отъ нея нерѣдко самыя секретныя порученія. Онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи при Высочайшемъ дворѣ учрежденной изъ наличнаго, лучшаго генералитета для составленія новыхъ штатовъ всей арміи. Составленные штаты были конфирмованы Государынею, которая осталась вполнѣ довольною трудами комиссіи. Она поручила Кир. Григор. слѣдствіе по дѣлу о братьяхъ Гурьевыхъ и Хрущевыхъ, которое произвело на нее сильное впечатлѣніе. Затѣмъ гетманъ былъ назначенъ засѣдать въ комиссіи о русскомъ дворянствѣ, открытой 11-го февраля 1763 г. при Высочайшемъ дворѣ, чтобы учредить такія статьи, «которыя наивящше поощряли честолюбіе дворянъ къ пользѣ и службѣ нашей и на-

шего любезнаго отечества». Комиссія исполнила порученіе и представила обширный докладъ и при немъ правила дворянства въ 21 статьѣ съ примѣчаніями. Екатерина, продержавъ докладъ, возвратила его Теплову, для того, чтобы комиссія сочинила по этому поводу законы и манифесты и представила бы на Ея утвержденіе. Комиссія отъ исполненія этого почтительнѣйше отказалась, и все дѣло о вольностяхъ дворянства было отложено на долго. Среди этихъ занятій гетманъ не забывалъ Малороссіи. По его докладамъ разрѣшенъ безпошлинный вывозъ лѣса изъ Польши въ Малороссію и уничтожены въ Украйнѣ табачные и другіе откупы, стѣснявшіе торговлю.

18-го іюня 1763 г. гетманъ отправился въ Малороссію; его призывали туда дѣла управленія, да и при дворѣ ему было неловко оставаться, потому что онъ былъ не въ лучшихъ отношеніяхъ съ Г. Г. Орловымъ, съ которымъ онъ вошелъ въ столкновеніе съ первыхъ же дней воцаренія на престолъ Екатерины II. Кромѣ того гетманъ былъ во главѣ лицъ, особенно возставшихъ противъ брака Императрицы Екатерины съ Г. Г. Орловымъ (см. біографію Алек. Григ. Разум.). Впрочемъ, съ Императрицею гетманъ продолжалъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ и велъ съ нею дѣятельную переписку, до насъ, однако, не дошедшую, за исключеніемъ одного только письма, свидѣтельствующаго о частомъ обмѣнѣ мыслей между ними. На этотъ разъ Г. Н. Тепловъ уже не сопровождалъ Р. Переворотъ 1762 г. открылъ Теплову болѣе обширное поле дѣятельности; онъ былъ сдѣланъ, вмѣстѣ съ Олсуфьевымъ и Елагинымъ, секретаремъ Императрицы, сталъ въ ряды сановниковъ и забылъ своего покровителя.

Въ Глуховѣ гетманъ дѣятельно принялся за преобразованія, начало которымъ было положено еще при Императрицѣ Елизаветѣ. Казаки получили общій мундиръ для всѣхъ полковъ одного цвѣта и покроя по универсалу 1763 г. и въ полкахъ сталъ вводиться регулярный строй и порядокъ. По всей Малороссіи была произведена народная перепись въ 1764 г. и въ концѣ того же года созваны въ Глуховъ всѣ чины Малороссійскіе на генеральное собраніе, на которомъ обсуждались вопросы первой важности для Малороссіи. Прежде всего было выработано прошеніе объ уравненіи чиновъ малороссійскихъ съ великорусскими и послано Императрицѣ, удовлетворившей эту просьбу. Затѣмъ положенъ предѣлъ свободному переходу крестьянъ, чѣмъ уменьшилось бродяжничество. Гетманъ возстановилъ суды земскіе, градскіе и подкоморскіе; сотники и полковники остались чисто военными властями; власть гражданская отдѣлена была отъ военной. Вся Малороссія раздѣлена на 20 повѣтовъ; въ каждомъ былъ земскій судъ, въ которомъ 3 раза въ году собирались несмѣняемые: судья, подсудокъ и земскій писарь, избираемые вольными голосами изъ шляхетства повѣта. Въ судахъ подкоморскихъ разбирались спорныя дѣла о землѣ и ея границахъ; эти суды состояли изъ подкоморія съ двумя помощниками-коморниками. Въ каждомъ полку былъ градскій судъ для дѣлъ уголовныхъ, подъ предсѣдательствомъ полковника. Въ это же время, при формированіи въ Новороссійской губерніи поселеннаго Кавалерійскаго полка, вооруженнаго пиками и названнаго пикинернымъ или уланскимъ, стали заманивать въ этотъ полкъ заднѣпровскихъ казаковъ. Эта вербовка, названная въ Малороссіи пикинерія или вербунка, породила стычки между гетманскими казаками и вновь набранными, а затѣмъ и открытый мятежъ, когда пикинеровъ стали учить строевой службѣ; ропотъ распространился между казаками, а въ Петербургѣ это возбудило неудовольствіе противъ Разумовскаго, очень увеличившееся, когда узнали, что Разумовскій задумалъ сдѣлать гетманство наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ. На послѣднемъ генеральномъ собраніи между нѣкоторыми старшинами и полковниками зашла рѣчь, что не худо гетманство сдѣлать наслѣдственнымъ въ родѣ Разумовскаго. — Дѣлались разныя пропозиціи, возникали жаркіе споры и наконецъ выработали 23 пункта и на основаніи оныхъ сочинили челобитную Государынѣ, принятую собраніемъ, но которую многіе не одобряли и не замедлили отписать объ этомъ въ столицу. Челобитная очень разгнѣвала Императрицу. Тепловъ представлялъ всю опасность, грозившую Россіи отъ замысловъ Разумовскаго. Послѣдній былъ вызванъ въ Петербургъ, но, не подозрѣвая, что его дѣйствія возбудили неудовольствія, не спѣшилъ

ѣхать. Онъ посѣтилъ Батуринъ, отпраздновалъ Новый годъ и, ввѣривъ правленіе Малороссіею Семену Васильевичу Кочубею, Василію Григорьевичу Туманскому и Данилѣ Петровичу Апостолу, поѣхалъ 9-го января 1764 г. въ Петербургъ, оставивъ въ Глуховѣ жену и дѣтей и разсчитывая на самое короткое пребываніе въ столицѣ. Въ Петербургѣ онъ былъ принятъ очень холодно, что его очень оскорбило. Государыня была гнѣвна не только на него, но и на супругу его, пріѣхавшую тоже въ Петербургъ. Гетманъ долго держался; при дворѣ образовалась цѣлая партія въ его пользу, въ которой находился и графъ Н. И. Панинъ. Наконецъ, гетманъ рѣшился принести повинную, имѣлъ съ Императрицею экспликацію, при чемъ просилъ снять съ него столь трудный и его персонѣ опасный чинъ. Императрица приказала ему письменно изложить то, что онъ говорилъ ей, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручила Олсуфьеву изготовить инструкцію для малороссійскаго генералъ-губернатора, оставивъ на имя его мѣсто. Наконецъ, 10-го ноября 1764 г. послѣдовалъ указъ объ уничтоженіи гетманства въ Малороссіи и увольненіи Разумовскаго какъ отъ чина гетманскаго, такъ и отъ всѣхъ малороссійскихъ по оному дѣлъ. Онъ былъ переименованъ въ генералъ-фельдмаршалы, получилъ пожизненно гетманское содержаніе въ 50.000 руб. на годъ, съ прибавкою изъ малороссійскихъ доходовъ по 10.000 руб. въ годъ, городъ Гадячъ съ ключемъ, т.-е. съ селами и деревнями, Быковскую волость и домъ, построенный на казенныя деньги, въ принадлежавшемъ уже ему Батуринѣ... Такъ кончилось 14-лѣтнее управленіе Малороссіею графомъ Разумовскимъ, въ продолженіе которыхъ онъ старался быть полезнымъ родному краю. Къ сожалѣнію, корыстная родня, а затѣмъ генеральная старшина часто руководили его дѣйствіями и спѣшили забрать въ свое вѣчное и потомственное владѣніе свободныя села и земли, находившіяся еще въ Малороссіи. Утративъ гетманство, графъ К. Г. Разумовскій остался въ числѣ приближенныхъ Императрицы. Онъ сопутствовалъ ей въ поѣздкѣ по Прибалтійскому краю, безпрестанно обѣдалъ во дворцѣ, игралъ въ карты съ Государыней и бывалъ у наслѣдника престола. Но вдругъ извѣстный Мировичъ на вопросъ, кто подалъ ему мысль предпринять такое ужасное дѣло (освободить изъ Шлиссельбургской крѣпости Ивана Антоновича) отвѣтилъ: «г. гетманъ, графъ Разумовскій». Всѣ были изумлены этимъ, и хотя это заявленіе было совсѣмъ бездоказательно, однако имя Разумовскаго было замѣшано въ дѣлѣ, и онъ почелъ благоразумнымъ, а быть можетъ и получилъ совѣтъ удалиться на время отъ двора. Въ апрѣлѣ 1765 г. онъ отправился заграницу, сложивъ съ себя также званіе президента Академіи. Разумовскій, въ царствованіе Петра III и первые годы правленія Екатерины занятый Малороссіею и разными другими дѣлами, мало занимался Академіею Наукъ, въ которой происходили внутренніе раздоры между ея членами—академиками. Онъ въ 1763 г. предлагалъ членамъ Академіи впредь излишніе между собою споры оставить, наблюдая благопристойность и честь Академіи, и дѣлать то, съ чего бы вящшая государству польза слѣдовать могла. Въ это время шла ожесточенная борьба между Ломоносовымъ и Шлецеромъ, на котораго первый представилъ доносъ прямо въ Сенатъ, вслѣдствіе чего Сенатъ предписалъ президенту произвести слѣдствіе по своему благоусмотрѣнію о Шлецерѣ, и о томъ, что по этому дѣлу будетъ учинено,—донести Сенату. Разумовскій потребовалъ отъ Ломоносова объясненія, отчего онъ утруждалъ Сенатъ, помимо президента. Ломоносовъ не только не извинялся въ своемъ отвѣтѣ, но являлся какъ бы обвинителемъ самого Разумовскаго. Началась отчаянная переписка и пошли доносы и жалобы въ Сенатъ. Эти внутренніе раздоры побудили Разумовскаго въ 1764 году ввести новыя реформы въ Академіи, и онъ повелѣлъ Ломоносову и Тауберту учинить проекты, «на какомъ основаніи академическому ученому корпусу по нынѣшнему состоянію и впредь быть должно, а потомъ и прочимъ департаментамъ, только бы располагаемая сумма не превосходила аппробованнаго штата». Смерть Ломоносова и отъѣздъ Разумовскаго положили конецъ этимъ реформамъ. Со дня своего отъѣзда Разумовскій считалъ себя уже вполнѣ чужимъ Академіи, для которой онъ въ 20-лѣтнее президенство сдѣлалъ немного. Всѣ его попытки къ приглашенію извѣстныхъ ученыхъ изъ за границы остались безуспѣшными; но имъ былъ данъ толчекъ отечественной лите-

ратурной дѣятельности, хотя бы только переводной. При немъ впервые стали появляться академики изъ русскихъ; онъ защищалъ Ломоносова, который безъ его защиты былъ бы такъ затертъ, что едва ли дошелъ бы до насъ и слухъ о немъ.

Разумовскій 15-го апрѣля 1765 г. покинулъ съ сыновьями Петербургъ и направился въ Ахенъ. Дорогою онъ остановился въ Берлинѣ, представлялся Фридриху Великому, двадцать лѣтъ тому назадъ оказавшему ему свое вниманіе, а затѣмъ изъ Ахена направился въ Мангеймъ, откуда послалъ сыновей своихъ въ Страсбургъ, а самъ остановился при блестящемъ дворѣ курфюрста-палатина Карла-Теодора, старавшагося на берегахъ Рейна устроить подобіе Версаля. Изъ Мангейма онъ проѣхалъ въ Парижъ, гдѣ его путеводителемъ былъ его другъ Ив. Ив. Шуваловъ. Ознакомившись съ Парижемъ, Разумовскій предложилъ Екатеринѣ II купить богатое собраніе рѣдкостей перувіанца Педро-Франке Давила, пользовавшееся громадною извѣстностью, а самъ направился въ Италію. Посѣтивъ дорогою своихъ сыновей въ Страсбургѣ, онъ взялъ съ собою одного старшаго Алексѣя и поѣхалъ въ Миланъ чрезъ Швейцарію. Затѣмъ онъ посѣтилъ Флоренцію, Пизу, Сіенну, Римъ, Неаполь, Венецію и наконецъ остановился въ Падуѣ, гдѣ пользовался водами. Послѣ этого Разумовскій въ 1766 г. чрезъ Туринъ и Геную проѣхалъ въ Парижъ и въ октябрѣ того же года былъ уже въ отечествѣ на праздникѣ, данномъ Императрицѣ Алек. Гр. Орловымъ въ подмосковномъ селѣ Отрадѣ. Разумовскій поселился въ Петербургѣ въ великолѣпныхъ каменныхъ палатахъ на Мойкѣ, существующихъ и по настоящее время, жилъ истымъ вельможею, давалъ великолѣпные праздники и ежедневно принималъ посѣтителей. Добродушное, сердечное и благородное обхожденіе фельдмаршала, умъ и любезность его дочерей и высокія достоинства его сыновей привлекали въ его домъ множество гостей. Онъ скоро былъ, по указанію Н. И. Панина, назначенъ (въ 1768 г.) въ чрезвычайный совѣтъ при дворѣ, въ которомъ онъ и предсѣдательствовалъ. Разумовскій опять сдѣлался почти ежедневнымъ собесѣдникомъ Императрицы, часто обѣдалъ у нея, игралъ съ нею въ вистъ, а изрѣдка Екатерина II его посѣщала неожиданно и постоянно находила все готовымъ къ ея пріему. Мѣткія и колкія слова графа нравились Императрицѣ и быстро расходились по городу. Въ Сенатѣ и Совѣтѣ онъ отличался необыкновенною правдивостью и независимостью. Екатерина II ему говорила по этому поводу: «вы мнѣ настоящій другъ, ибо не допустили меня совершить несправедливость». Когда совѣтъ рѣшилъ разлучить графа Гр. Гр. Орлова, женившагося на своей двоюродной сестрѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Зиновьевой, и заключить ихъ обоихъ въ монастырь, Разумовскій отказался подписать приговоръ, который и не былъ утвержденъ Императрицею. Оригинальный образъ выраженія, малороссійское произношеніе — все это давало рельефность его рѣчамъ и усиливало его популярность. Никто не сердился на его насмѣшки, потому что въ нихъ не было ядовитости и самая колкость дышала добродушіемъ. Онъ въ эти годы велъ также переписку съ Ив. Ив. Шуваловымъ, не пользовавшимся расположеніемъ Императрицы. Скоро его постигло тяжкое горе: онъ лишился любимаго брата графа Алексѣя Григор., давно уже хворавшаго. Онъ умеръ 6-го іюля 1771 года, а чрезъ нѣсколько дней (22-го іюля) скончалась и его супруга Екатерина Ивановна. Она была вѣрная супруга, попечительная мать, добрая родственница и кроткая госпожа въ домѣ. Между супругами, особенно въ послѣдніе годы, не было примѣрнаго согласія, такъ какъ гетманъ былъ страстный поклонникъ прекраснаго пола. Онъ воздвигъ надъ могилами брата и жены въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской Лавры великолѣпный мраморный памятникъ въ видѣ тріумфальныхъ воротъ. Въ домъ Кирил. Григор. теперь переселилась его племянница, графиня Софья Осиповна Апраксина, дочь сестры его Анны Григорьевны, по мужу Закревской, особа умная, но жадная къ деньгамъ и скупая, скоро совсѣмъ овладѣвшая гетманомъ, который, съ виду суровый, особенно въ кругу домашнихъ, былъ на дѣлѣ человѣкомъ до крайности благодушнымъ, съ мягкимъ сердцемъ, притомъ очень слабохарактернымъ, такъ что было весьма нетрудно управлять имъ при нѣкоторой ловкости. Апраксина скоро, какъ выражаются, забрала его въ руки и стала полною хозяйкою въ домѣ. Это до крайности не нравилось роднымъ дѣтямъ

старика, которыхъ Апраксина старалась, и съ успѣхомъ, всячески отдалить отъ отца; одинъ только любимый сынъ Андрей, нерѣдко заискивавшій у своей всемогущей двоюродной сестры, съумѣлъ остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ отцомъ.

Оставшись совсѣмъ не у дѣлъ, Кир. Григ. продолжалъ жить въ Петербургѣ, проводя лѣто то въ Гостилицахъ, то въ Знаменкѣ, изрѣдка ѣздилъ въ Москву и посѣщалъ свои подмосковныя имѣнія. Въ Малороссію его не отпускала Императрица, которая помнила о династическихъ замыслахъ бывшаго гетмана; лишенный возможности посѣщать свои маетности, гетманъ передалъ ихъ въ управленіе старшему сыну Алексѣю и находился съ нимъ по этому поводу въ дѣятельной перепискѣ, имѣвшей предметомъ исключительно дѣла хозяйства. Графъ Кириллъ Гр. былъ чрезвычайно богатъ, онъ взялъ громадное приданое за женою, получилъ огромное наслѣдство послѣ брата Алексѣя, обѣ Императрицы — Елизавета и Екатерина пожаловали ему большія маетности въ Малороссіи. Долгая и роскошная жизнь его при дворѣ, вдали отъ имѣній, разстроила не мало это состояніе, но тѣмъ не менѣе оно оставалось значительнымъ. Разумовскій заботился о благосостояніи своихъ крестьянъ и даже интересовался вопросами, касающимися отношеній крѣпостныхъ людей къ помѣщику; онъ обѣщалъ дать въ награжденіе 35 червонныхъ за рѣшеніе предложенной Вольно-Экономическимъ обществомъ задачи о назначеніи земли подъ крестьянское тягло. Вдали отъ зоркаго его глаза хозяйство, особенно въ Малороссіи, шло плохо; сосѣди, пользуясь его отсутствіемъ, стали заводить процессы, что было нетрудно, благодаря неясности владѣльныхъ актовъ и смутнымъ понятіямъ о границахъ и правахъ на владѣніе землею и крестьянами. При этомъ дѣти постоянно требовали денегъ и надо было расплачиваться съ ихъ долгами. Старика давно тянуло на родину. Онъ наконецъ воспользовался вліяніемъ всемогущаго Потемкина, съ которымъ сблизился и былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и чрезъ него подалъ Государынѣ въ 1777 году прошеніе объ увольненіи его на два года въ деревню, послѣ того какъ онъ прожилъ въ 1775 г. цѣлый годъ въ Москвѣ, гдѣ находился дворъ ради празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира и совершилъ съ Императрицею пѣшій ходъ къ Троицѣ. Онъ получилъ желаемое увольненіе и уѣхалъ, рѣшившись продать свой Аничковъ домъ въ казну, а также цесаревнинъ дворъ. Онъ также намѣревался продать Быковскую волость или Гадяцкій замокъ съ ключемъ.

Въ началѣ 1776 г. Разумовскій былъ уже въ Батуринѣ и занялся своимъ хозяйствомъ весьма усердно и успѣшно: онъ расплатился съ долгами и привелъ дѣла свои въ блестящее положеніе. Имѣнія его не только не умалились, но были еще пріумножены. Не число душъ, говорилъ онъ, но прилежное вниманіе за экономіею и умѣренная жизнь умножаетъ имѣніе. Онъ раздѣлилъ между 5 сыновьями и 4 дочерьми 31.432 души и актъ раздѣла представилъ на утвержденіе Государыни. Въ Малороссіи Р. нашелъ перемѣну. Ему приходилось играть не первую роль, какъ прежде; отношенія его съ главнымъ правителемъ Малороссіи, графомъ П. А. Румянцовымъ, были натянутыя и даже въ началѣ враждебныя; секретари его Безбородко и Завадовскій также были въ числѣ его противниковъ. Главнымъ истцомъ противъ него былъ Скоропадскій, прежде исполнявшій всѣ его приказанія. Въ спорныхъ дѣлахъ своихъ Разумовскій сталъ обращаться за защитою къ кн. Потемкину, своему пріятелю. Кромѣ хозяйственныхъ дѣлъ, его повергло въ грустное настроеніе полученное имъ извѣстіе о кончинѣ в. к. Наталіи Алексѣевны и о нежданной опалѣ его любимаго сына Андрея, который не замедлилъ къ нему пріѣхать съ сестрою Наталіею. Скоро, однако, графъ Андрей былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь, и старикъ въ 1778 г. поѣхалъ въ Москву примириться съ дочерью своею Апраксиною, возвратился въ Петербургъ и на другой день явился въ Царское Село, гдѣ его нетерпѣливо ожидали. Однако, онъ недолго былъ при двовѣ и, продавъ свой домъ на Мойкѣ Браницкому, отправился въ 1781 году опять въ Малороссію и началъ дѣятельную переписку съ Михаиломъ Ивановичемъ Ковалинскимъ (правителемъ канцеляріи при Потемкинѣ). Проживъ въ Малороссіи года четыре, Разумовскій вернулся въ Петербургъ въ 1785 г. и во время отсутствія Императрицы, ѣздившей въ Вышній Волочекъ, управлялъ столицею и занялъ при дворѣ обыкновенное мѣсто.

Онъ бывалъ почти ежедневно у Государыни, аккуратно посѣщалъ собранія, былъ партнеромъ Императрицы. Онъ велъ переписку съ сыномъ Андреемъ, касавшуюся различныхъ придворныхъ новостей и событій, но преимущественно его домашнихъ дѣлъ и его женитьбы на дочери графа Тунъ-Гогенштейнъ въ Вѣнѣ, что было не по сердцу бывшему гетману. Весною 1784 г. К. Гр. Разумовскій окончательно покинулъ Петербургъ и, объѣхавъ свои помѣстья, поселился въ Москвѣ, гдѣ вполнѣ наслаждался тѣмъ спокойствіемъ (otium cum dignitate), о которомъ теперь изгладилось даже преданіе, сохранивъ свой независимый духъ, которымъ былъ обуреваемъ и ранѣе. Онъ поселился въ великолѣпномъ домѣ, выстроенномъ на старинномъ Романовомъ дворѣ въ 1782 г. по плану графа З. Г. Чернышева и зажилъ совершеннымъ вельможею, затемняя пышностью другихъ московскихъ вельможъ, которыхъ проживало въ то время не мало въ Москвѣ. Онъ держалъ ежедневно открытый столъ для званыхъ и незваныхъ и давалъ роскошные пиры. Лѣто проводилъ онъ въ Петровскомъ (Разумовскомъ), родовой вотчинѣ Нарышкиныхъ, любимомъ его мѣстѣ пребыванія, хотя первые годы ѣздилъ и въ Малороссію. Несмотря на роскошную обстановку, онъ оставался малороссомъ и признавался, что когда заиграютъ на бандурѣ, онъ долженъ скорѣе вспоминать, кто онъ, чтобы не пуститься плясать. Окруженный блестящимъ штатомъ, почетными караулами, толпою егерей, гайдуковъ, скороходовъ, карликовъ и всякихъ другихъ тѣлохранителей, онъ казался какимъ то колоссомъ великолѣпія и пріятной пышности. Такимъ онъ показался снохѣ, супругѣ сына Андрея, съ дѣтства привыкшей къ роскоши австрійскихъ магнатовъ. Старикъ подготовилъ ей торжественную встрѣчу въ Петровскомъ въ 1788 году; она вполнѣ очаровала старика и весь его домъ. Молодые провели около года въ Москвѣ, и наконецъ въ 1789 г. Андрей Кирилловичъ, получивъ давно желаемое разрѣшеніе, уѣхалъ въ Петербургъ. Со дня отъѣзда старикъ велъ съ сыномъ дѣятельную переписку и нерѣдко упоминалъ, что здоровье его не хорошо. Весною 1791 г. графъ былъ обрадованъ посѣщеніемъ любимаго сына и его супруги. Онъ самъ былъ въ жалкомъ положеніи: ревматизмы, астма, хирагра и подагра жестоко его мучили, на ногахъ открылись раны. Онъ долженъ былъ отказаться отъ биллiардной игры, до которой съ молодости былъ страстный охотникъ, и сталъ играть въ карты и за ними проводилъ безсонныя отъ недуговъ ночи. Онъ видимо слабѣлъ физически, но умъ его оставался тотъ же—острый, насмѣшливый, съ малорусскiйскимъ юморомъ. Онъ рѣдко являлся на свои роскошные обѣды, которые продолжались по прежнему, а если и выходилъ къ гостямъ, то въ послѣдніе годы въ ночномъ колпакѣ и шлафрокѣ, съ нашитою на немъ андреевскою звѣздою. Такъ доживалъ свой вѣкъ блестящій гетманъ, не принимавшій болѣе участія въ придворной жизни Великой Императрицы. Въ 1794 г. онъ переѣхалъ въ Малороссію, въ Батуринъ, надѣясь въ благорастворенномъ климатѣ своей родины найдти облегченіе тяжкимъ своимъ недугамъ. Онъ еще болѣе удалился отъ дѣтей своихъ, а графиня С. О. Апраксина сдѣлалась полною хозяйкою въ домѣ и, вмѣстѣ съ Михаиломъ Васильевичемъ Гудовичемъ, составляла единственное общество старика-фельдмаршала. Первые годы въ Батуринѣ онъ велъ довольно дѣятельную жизнь и предавался страсти своей къ постройкамъ. Онъ выстроилъ въ селѣ своемъ Яготинѣ совершенно круглую церковь, обведенную іоническою колоннадою; перенесъ домъ изъ Кіева въ Яготинъ, выстроилъ въ Бакланѣ домъ въ подраженіе сельскихъ домовъ близъ Рима, въ Почепѣ — великолѣпный каменный домъ, по плану де-ла-Мота, съ залами для концертовъ и библіотекою въ 5.000 томовъ. Вокругъ дома по берегамъ Судогости развелъ онъ садъ въ голштинскомъ вкусѣ. Тутъ въ Почепѣ въ 1795 г. видался съ нимъ старый его пріятель П. В. Завадовскій. Позднѣе Разумовскій былъ занятъ постройками въ Батуринѣ, на самомъ его краю; домъ существуетъ и по нынѣ; къ рѣкѣ Сейму имѣется балконъ съ колоннами Тосканскаго ордена. Тутъ же близко начата была и церковь Воскресенія Христова.

Кромѣ того, графъ занимался усовершенствованіемъ своего хозяйства. Въ 1797 г. онъ выписалъ испанскихъ овецъ въ свои имѣнія и такимъ образомъ явился однимъ изъ первыхъ основателей тонкорунаго овцеводства въ Россіи. Онъ разводилъ въ Яготинѣ шелковицу и вводилъ шелковод-

ство, усовершенствовалъ суконную и свѣчную фабрики въ Батуринѣ, заводилъ мельницы и т. д.; по преданію, онъ первый развелъ въ Малороссіи пирамидальные тополи. Кириллъ Григорьевичъ былъ примѣрнымъ хозяиномъ; крестьяне благословляли память его и были исполнены искреннѣйшаго почитанія и благодарности къ графу. Онъ ежегодно объѣзжалъ малороссійскія свои владѣнія, но главнымъ мѣстомъ его пребыванія былъ Батуринъ. Онъ жилъ въ огромномъ старомъ деревянномъ домѣ, построенномъ въ началѣ его гетманства; вокругъ дома были отдѣльныя помѣщенія для гостей; предъ домомъ имѣлся валъ, на которомъ стояли пушки, и рвы, наполненные водою. Онъ жилъ и тутъ истымъ вельможею и изумлялъ своимъ гостепріимствомъ. За обѣдомъ игралъ домашній оркестръ, а къ концу обѣда являлись пѣвчіе, и нерѣдко, услыхавъ какую-либо пѣснь, графъ говаривалъ: «вотъ эту пѣснь я пѣвалъ, будучи хлопцомъ».

Въ Батуринѣ онъ былъ опечаленъ извѣстіемъ о кончинѣ Великой Императрицы. Фельдъегерь, отправленный съ этимъ извѣстіемъ новымъ Императоромъ къ графу П. А. Румянцеву, не засталъ послѣдняго въ живыхъ и, заѣхавъ къ графу Разумовскому, спросилъ, что прикажетъ онъ о себѣ сказать Государю. «Скажи, что и я умеръ», отвѣтилъ графъ. При новомъ Императорѣ начались различныя перемѣны; въ томъ числѣ приказано было распустить военные штаты, находившіеся при генералъ-фельдмаршалахъ, не состоявшихъ на дѣйствительной службѣ. Вслѣдствіе этого всѣ генеральсъ- и флигель-адъютанты, всѣ ординарцы, почетные караулы, гусары, бывшіе при фельдмаршалѣ Разумовскомъ, покинули Батуринъ. Это было очень обидно и досадно старику, хотя штатъ разныхъ его служителей оставался, тѣмъ не менѣе, огромнымъ. Несмотря на то, что скупая С. О. Апраксина требовала неоднократно его сокращенія, графъ на это никакъ не соглашался и говорилъ ей: «Я согласенъ, что эти люди мнѣ не нужны, но спроси ихъ прежде, не имѣютъ ли они во мнѣ надобности, и если они откажутся отъ меня, то и я тогда смѣло откажусь отъ нихъ». Съ каждымъ годомъ фельдмаршалъ все болѣе и болѣе страдалъ отъ своихъ недуговъ; онъ не могъ уже болѣе разъѣзжать по своимъ имѣніямъ и едва выходилъ изъ дома. Гости его утомляли; пріемы надоѣдали, а одиночество было ему также въ тягость. Дѣти рѣдко его посѣщали. Вся батуринская обстановка и повелительный тонъ Апраксиной были ему крайне не по сердцу. Въ письмахъ къ графу Андрею онъ горько жалуется на свое одиночество. Скоро, однако, графъ Андрей, отозванный въ 1799 году изъ Вѣны, пріѣхалъ въ Батуринъ и имѣлъ счастіе застать отца въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ предполагалъ. Старикъ очень обрадовался этому пріѣзду, но радость эта была скоро прервана. Подозрительный Императоръ Павелъ I съ безпокойствомъ слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ Батуринѣ, и въ декабрѣ 1799 года отправилъ д. с. с. Николева, между прочимъ, и въ Батуринъ, чтобы взять свои мѣры и извѣститься о поступкахъ графовъ Кирилла Григорьевича и Андрея Кирилловича Разумовскихъ. Хотя Николевъ и явился съ письмомъ отъ Беклешева, въ качествѣ путешественника, но Разумовскіе тотчасъ поняли настоящую цѣль его путешествія; Николевъ доносилъ 16-го февраля 1800 года, что «нашелъ графа Кирилла Григорьевича безъ ногъ, и ходить онъ не можетъ, а возятъ его въ колясочкѣ. Также на лѣвой рукѣ у кисти на суставѣ большая шишка, отчего худо и рукою владѣетъ... Законопротивныхъ разговоровъ не слыхать, да не предвидится, чтобы были».

Графъ Андрей писалъ тогда же своей супругѣ: «Мы здѣсь совершенно одни съ батюшкою, кузиною и М. Гудовичемъ; мы живемъ, какъ въ монастырѣ; каждый знаетъ въ подробности, что дѣлаютъ другіе... Ты нашла бы въ домѣ громадную перемѣну. Чувствуется еще изобиліе во всемъ, но при этомъ общая распущенность въ прислугѣ. Лучшихъ людей уже нѣтъ. Видно, что главная пружина ослабла; ощущается недостатокъ въ энергіи. Общій видъ дома вселяетъ глубокую тоску. Никогда батюшкѣ такъ плохо не прислуживали и никогда не бывалъ онъ менѣе взыскателенъ... Я вовсе не думаю, что бѣдный батюшка въ отчаянномъ состояніи, напротивъ того, я твердо убѣжденъ, что онъ можетъ прожить еще нѣсколько лѣтъ, ежели согласится на путешествіе къ минеральнымъ водамъ, въ Баденъ». Но старикъ никуда не соглашался ѣхать. Осенью 1800 г. посѣтилъ его также сынъ его графъ Иванъ, заѣхавшій въ Батуринъ

по дорогѣ въ Италію, куда стремился въ надеждѣ излѣчиться отъ злой чахотки, а въ декабрѣ того же года уѣхалъ графъ Андрей, назначенный сенаторомъ. Старикъ началъ съ нимъ опять переписку, но не въ состояніи былъ самъ писать; онъ съ трудомъ уже только подписывалъ письма дрожащею рукою. Несмотря на страданія, онъ продолжалъ зорко слѣдить за своими дѣлами и сообщалъ о нихъ подробно въ письмахъ къ сыну. Среди своихъ немочей графъ 15-го апрѣля 1801 г. привѣтствовалъ восшествіе на престолъ Императора Александра I письмомъ, въ которомъ выражалъ, что немощи, его безпрерывно удручающія, поистинѣ настолько велики, что не токмо предпринять столь дальній переѣздъ не въ силахъ, но, бывъ лишенъ владѣнія рукъ, по сіе время не былъ въ состояніи принести поздравленіе письменно. Молодой Императоръ особымъ рескриптомъ благодарилъ за поздравленіе и за пожеланія, его сопровождавшія, и высказывалъ увѣренность, что «мольбы столь почтенной старости пріятны будутъ Небесамъ».

Между тѣмъ, страданія стараго фельдмаршала до того усилились, что онъ рѣшился ѣхать за границу, и графъ Андрей заказалъ для отца въ Лондонѣ карету особаго устройства, въ которую можно было вкатывать постель. Ввозъ иностранныхъ экипажей еще въ царствованіе Павла I былъ строго воспрещенъ, и потому необходимо было на привозъ кареты испросить разрѣшеніе Императора, который на это соизволилъ и выразилъ желаніе осмотрѣть ее на Каменномъ островѣ. Карета была доставлена въ Батуринъ, но оказалась такъ грузна, что 8 лошадей послѣ 4-хъ верстной ѣзды едва въ состояніи были довезти ее домой. Жившій при графѣ долгое время докторъ чехъ Дуссикъ, прозванный Чубукъ, безъ котораго графъ не могъ ни минуты обойтись, умеръ въ то же время. Новый выписанный изъ-за границы докторъ, французъ Бальо (Baillot), былъ не въ состояніи уменьшить физическихъ страданій больного. Онъ отправилъ описаніе его болѣзни въ Парижъ, въ медицинскій факультетъ, но доктора медлили отвѣтомъ. Старый камердинеръ графа, нѣмецъ, къ которому онъ привыкъ, отошелъ отъ него; это увеличило его нравственную и физическую тоску; графъ успѣлъ еще благословить внучку свою, графиню Варвару Алексѣевну, на бракъ съ княземъ Репнинымъ; свадьбу праздновали въ Батуринѣ. Послѣ пріѣхали къ нему сынъ его Левъ съ красавицею женою Марьею Григорьевною, скоро плѣнившею умиравшаго старика, который осыпалъ ее ласками. Графъ Кириллъ Григорьевичъ скончался 3-го января 1803 года и погребенъ въ трапезѣ Батуринской церкви Воскресенія Христова, додѣланной уже кое-какъ послѣ его кончины. Графъ Андрей Кирилловичъ, получивъ въ наслѣдство Батуринъ, поставилъ надъ могилою отца мраморный памятникъ, въ видѣ пирамиды, съ гербомъ, урною и рельефнымъ медальономъ покойнаго, окруженнымъ лавровымъ вѣнкомъ. Изъ надгробной надписи усматривается, что графъ Кириллъ Григорьевичъ жилъ 74 года 9 мѣсяцевъ и 22 дня. Отъ брака его съ Екатериною Ивановною Нарышкиною онъ имѣлъ шесть сыновей и пять дочерей; изъ нихъ Дарья скончалась въ малолѣтствѣ.

А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, 1880 г., т. I; «Московскія Вѣдомости» 1860 г., № 182 (село Лемеши, статья Василенко); «Москвитянинъ» 1852 г., № 12; «Записки Имп. Академіи Наукъ», т. VI, 1864 г. (статья Пекарскаго: Екатерина II и Эйлеръ); Архивъ кн. Воронцова, т. I, стр. 532, VI, с. 107, VII, с. 338, XII, с. 155; Gelbig, Russische Günstlinge, S. 215, 218; «Mémoires de Catherine II», т. II; «Исторія» Соловьева, т. XXII, стр. 320, XXIV, с. 62—246; XXV, с. 153, 136; Камеръ-Фурьерскіе журналы 1745, 1746 и 1755 годовъ; Пекарскій, Исторія Импер. Академіи Наукъ, т. I, стр. 117, 676, т. II, ч. XXII—XXV, с. 637—683; Дневникъ Ханенки; Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, т. III; также Словарь достопамятныхъ людей, т. IV, с. 275; Н. А. Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. VII, 426—430; Ригельманъ, Повѣствованіе о Малой Россіи, т. IV, кн. VI; Записки Якова Марковича, т. II, с. 271, 304; Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, т. I, с. 293; Дѣла Государственнаго Архива: Копія въ присяги гетмана графа Кир. Гр. Разумовскаго; «XVIII вѣкъ», изд. Бартенева, кн. I, с. 29 (статья П. И. Бартенева); П. Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, с. 070, 229, 261; Пекарскій, Приложеніе къ XII тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ, 5 («Редакторъ, Сотрудники и Цензура въ Русскомъ журналѣ»); «Русскій Архивъ» 1864 г., с. 276; Hermann, Geschichte des Russischen Staats, т. V, с. 225 и слѣд., 265; Чтенія Имп. общества исторіи и древностей 1863 г., т. II, Смѣсь; С. Шевыревъ, Исторія Московскаго Университета, стр. 91; Записки Штелина, «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.» 1866 г., т. IV, Смѣсь; Бантышъ-Каменскій, Біографіи русскихъ фельдмаршаловъ, т. I, с. 212—243; «Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества», т. VII; т. IX, с. 113; «Русская Старина» 1875 г., с. 154 и 361; Мартынова, Русская Старина, т. I и II; Фонъ-Гунъ: Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ

Москвы въ Малую Россію въ осени 1805 г.; «Записки Шишкова», т. I, стр. 19.

П. Майковъ.

Разумовскій, графъ *Левъ Кирилловичъ,* пятый сынъ гетмана, родился 8-го января 1757 года и, получивъ одинаковое съ братьями своими воспитаніе въ Петербургѣ, былъ отправленъ вмѣстѣ съ ними за границу. По возвращеніи оттуда въ 1774 г., онъ былъ зачисленъ въ блестящее посольство князя Н. В. Репнина и отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Константинополь послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ поступилъ въ дѣйствительную службу въ л.-гв. Семеновскій полкъ, въ который былъ записанъ съ ранняго дѣтства и произведенъ въ прапорщики, имѣя всего девять лѣтъ. Онъ сдѣлался однимъ изъ петербургскихъ щеголей и ловеласовъ и тратилъ много денегъ. Отецъ самъ спѣшилъ удалить его изъ столицы: «онъ первой руки мотъ», писалъ старикъ своему сыну Андрею, «и часто мнѣ своими безпутными и неумѣстными издержками не малую скуку наводитъ». Въ 1782 г., дослужившись до полковничьяго чина, графъ Левъ былъ переведенъ генеральсъ-адъютантомъ къ князю Потемкину и принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, забывъ свое столичное сибаритство, храбро дрался съ турками и не упускалъ случая кутить съ товарищами, очень его полюбившими. Онъ командовалъ егерскими полками подъ начальствомъ А. В. Суворова и былъ дежурнымъ при кн. Репнинѣ. Онъ отличился въ битвѣ при Исакчи, затѣмъ 3-го сентября 1789 г. преслѣдовалъ турокъ до Измаила и бомбардировалъ эту крѣпость, а 2-го ноября того же года участвовалъ во взятіи Бендеръ. Онъ былъ произведенъ въ 1789 г. въ бригадиры, а въ слѣдующемъ, 1790 году, за отличіе,— въ генералъ-маіоры. Въ 1791 году (28-го іюля) Р. принималъ участіе въ побѣдѣ при Мачинѣ и за свои военные подвиги награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-го класса. Со вступленіемъ на престолъ Императора Павла I, Разумовскій, числясь въ Малороссійскомъ гренадерскомъ полку, подалъ просьбу объ увольненіи отъ службы по болѣзни и отправился за границу. Пропутешествовавъ нѣсколько лѣтъ, онъ возвратился въ отечество и поселился окончательно въ Москвѣ. Отецъ надѣлилъ его огромнымъ малороссійскимъ имѣніемъ «Карловка», Можайскими вотчинами, а также Петровскимъ - Разумовскимъ. Въ 1800 г. графъ Левъ поѣхалъ для свиданія съ родственниками въ Петербургъ, но, едва пріѣхавъ, получилъ Высочайшее приказаніе немедля возвратиться въ Москву. Разумовскій долго жилъ въ допожарной Москвѣ и забавлялъ ее своими празднествами, спектаклями и балами въ своемъ прекрасномъ домѣ на Тверской, а также въ Петровскомъ. Онъ былъ человѣкъ высоко образованный, любилъ книги, науку, художества, музыку, картины, ваяніе; въ домѣ у него былъ зимній садъ. Онъ самъ былъ истинный баринъ въ полномъ и настоящемъ значеніи сего слова, добродушно и утонченно вѣжливый. Онъ дорожилъ ежедневными отношеніями съ нѣкоторыми избранными, какъ, напр., съ гр. Ростопчинымъ, кн. Вяземскимъ, Н. Карамзинымъ, Поздѣевымъ и другими масонами. По убѣжденіямъ графъ Левъ, или, какъ его звали въ обществѣ, le comte Léon, былъ масонъ, что не мѣшало ему быть глубоко вѣрующимъ христіаниномъ. Онъ былъ въ высшей степени благороднаго характера, прямодушенъ, простодушенъ и при томъ плохой хозяинъ. Вся Москва его знала и всѣ любили этого неоцѣненнаго собесѣдника. Въ началѣ 1802 года онъ надѣлалъ много шума своимъ бракомъ съ княгинею Маріею Григорьевною Голицыною (рожд. кн. Вяземскою), которая для этого развелась съ своимъ супругомъ, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, отличавшимся крайнимъ самодурствомъ и мотовствомъ (его прозвали Cosa-raga). Всѣ родственники Голицына громко возставали противъ подобнаго факта, который пришелся весьма не по сердцу близкимъ родственникамъ графа Льва, но молодая графиня сумѣла скоро привязать къ себѣ семью второго мужа и даже старика-гетмана, который не устоялъ передъ прелестью веселой и красивой невѣстки и принялъ ее очень милостиво и ласково въ Батуринѣ. Бракъ этотъ былъ самый счастливый. Графъ Левъ, обладая наслѣдственною страстью къ постройкамъ и садоводству, принялся перестраивать и отдѣлывать великолѣпную подмосковную дачу и домъ въ Москвѣ, не заботясь вовсе о вступленіи Наполеона въ предѣлы нашего отечества. Никто не подозрѣвалъ, что Наполеонъ достигнетъ Мо-

сквы. Но взятіе Смоленска принудило Разумовскихъ покинуть Петровское и бѣжать въ Тамбовъ, откуда они возвратились и увидѣли картину полнѣйшаго разрушенія своихъ домовъ и садовъ: все было обращено въ пепелъ. Графъ Левъ терпѣливо перенесъ это бѣдствіе, принялся за возстановленіе разрушеннаго и имѣлъ возможность еще разъ принимать въ Петровскомъ короля Прусскаго и его наслѣднаго принца и принца Мекленбургскаго. Это было послѣднее его празднество. 21-го ноября 1818 года графъ Левъ Кирилловичъ скончался; онъ погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Его супруга долго предавалась глубокой, искренней скорби и принуждена была ѣхать за границу для возстановленія здоровья, пострадавшаго отъ неутѣшной печали. Она поправилась и пережила супруга 47 годами: она скончалась 9-го августа 1865 года, имѣя 93 года.

Графъ Левъ Кирилловичъ законныхъ дѣтей не имѣлъ, но оставилъ одного воспитанника Ипполита Ивановича Подчаскаго (позднѣе сенаторъ и дѣйств. тайн. совѣтникъ) и двухъ воспитанницъ, изъ которыхъ одна была за Шотомъ, а другая за д'Андре.

А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. II; Архивъ кн. Воронцова, т. XIV, с. 387; архивы князя Разумовскаго и графа А. С. Уварова; «Русская Старина», т. I, с. 447 и слѣд.; «Русскій Архивъ» 1866, 1872 г., стр. 2393, 1875 г., ч. III, с. 447 и слѣд.

П. Майковъ.

Разумовскій, графъ *Петръ Алексѣевичъ*, камергеръ, старшій сынъ графа Алексѣя Кирилловича и супруги его Варвары Петровны, рожд. графини Шереметевой; род. въ 1775 году и первые годы дѣтства провелъ въ домѣ родителей, бывъ записанъ въ 1783 г. сержантомъ л.-гв. въ Измайловскій полкъ. Позднѣе, въ 1790-хъ годахъ, онъ былъ отправленъ за-границу подъ присмотромъ нѣкоего Шеля, который развилъ въ немъ пристрастіе ко всему французскому. Въ 1793 г. молодой графъ учился въ Гёттингенѣ, гдѣ въ то время слушали лекціи многіе его соотечественники и имѣлся даже русскій клубъ, состоявшій по преимуществу изъ бароновъ Прибалтійскаго края. Въ Гёттингенѣ онъ слушалъ лекціи политики, реторики и русской исторіи у Шлёцера, которому рекомендовалъ его отецъ, бывшій въ свое время ученикомъ того же Шлёцера; послѣдній теперь руководилъ занятіями сына. Молодой Разумовскій возвратился изъ-за границы въ 1795 году, будучи еще въ 1793 году произведенъ въ прапорщики. Онъ теперь былъ назначенъ адъютантомъ къ дѣду своему, гетману графу Кириллу Григорьевичу, который души не чаялъ въ своемъ внукѣ. Указъ Императора Павла I объ упраздненіи военныхъ штатовъ фельдмаршаловъ, не состоящихъ на дѣйствительной службѣ, заставилъ молодого графа П. А. Разумовскаго въ 1797 г. поступить во фронтъ: онъ былъ переименованъ въ подполковники и зачисленъ въ Астраханскій гренадерскій полкъ, а затѣмъ, въ 1798 году, мая 25-го, произведенъ въ полковники съ назначеніемъ командиромъ своднаго гренадерскаго баталіона и состоялъ въ арміи своего дяди, генерала-отъ-инфантеріи Ивана Васильевича Гудовича. Въ началѣ извѣстной Итальянской кампаніи Суворова эта армія должна была подкрѣплять войска, выступившія за границу.—1-го августа 1799 г. Разумовскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ мушкатерскаго Старо-ингерманландскаго полка (бывшаго Штейнгеля), а черезъ 6 мѣсяцевъ исключенъ изъ службы за откомандированіе, въ противность всѣхъ правилъ, штабсъ-капитана Ланга къ провіантской коммиссіи. Однако, чрезъ 8 мѣсяцевъ онъ былъ снова принятъ на службу и назначенъ въ полкъ и баталіонъ Е. И. В. Николая Павловича (нынѣ л.-гв. Измайловскій полкъ). Онъ получалъ много денегъ отъ родителей и дѣда, но находился всегда въ долгахъ; при сдачѣ же полка онъ долженъ былъ также много приплатить. 15-го мая 1801 г. Р. былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры съ исключеніемъ изъ полка и изъ генеральскаго списка. Онъ поселился въ Петербургѣ, сталъ жить вмѣстѣ съ младшимъ своимъ братомъ Кирилломъ и надѣлалъ въ Петербургѣ много долговъ; послѣднее побудило отца его, графа Алексѣя Кирилловича, хлопотать о переводѣ сына на службу въ Одессу, къ генералъ-губернатору герцогу Ришелье. Это не пришлось по сердцу молодому графу: его страшила скука въ отдаленномъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ назначенъ, въ званіи камергера и въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, чиновникомъ по особымъ порученіямъ при Новороссійскомъ губернаторѣ (1806 г.). Онъ былъ не чуждъ

умственныхъ занятій и не замедлилъ завести себѣ въ Одессѣ великолѣпную библіотеку, послѣ его кончины проданную съ аукціона. Графъ Р. умеръ въ 1835 году и похороненъ на Одесскомъ кладбищѣ. Съ нимъ прекратился въ Россіи родъ графовъ Разумовскихъ.

А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. II.

П. Майковъ.

Разумовскій, *Петръ Ивановичъ,* полковникъ Нѣжинскій; приходился племянникомъ графовъ Алексѣя и Кирилла Григорьевичей Р., воспитывался въ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, а затѣмъ служилъ въ военной службѣ, при чемъ 1-го апрѣля 1751 года былъ пожалованъ арміи полковникомъ съ назначеніемъ состоять при оберъ-егермейстерѣ графѣ А. Г. Разумовскомъ. Черезъ два года послѣ этого, 15-го февраля 1753 г., Разумовскій былъ назначенъ полковникомъ Нѣжинскаго полка, на мѣсто Семена Кочубея. Въ Турецкую войну 1769 года Разумовскій, вмѣстѣ съ бунчуковымъ товарищемъ Александромъ Безбородко (впослѣдствіи государственнымъ канцлеромъ), командовалъ шестью тысячами казаковъ, входившихъ въ составъ второй арміи. На полковничествѣ Разумовскій пробылъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1771 году въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ и погребенъ въ Петропавловской церкви.

А. Лазаревскій, Описаніе Старой Малороссіи, т. II. Полкъ Нѣжинскій, Кіевъ. 1893, стр. 3, 22, 92, 117; П. Барановъ, Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ, т. III, С.-Пб., 1878, №№ 10014, 10223; А. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. I, С.-Пб., 1880, стр. 192, 309; Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга, изданіе 2-е, т. II, С.-Пб., 1895, стр. 153; «Русскій Архивъ» 1874 г., кн. 2-я, стр. 592; Архивъ Военно-походной Канцеляріи графа Румянцева-Задунайскаго, ч. I, стр. 179; О родѣ дворянъ и графа Милорадовича. Кіевъ. 1871 г., стр. 41.

В. Модзалевскій.

Разумовскій, графъ *Петръ Кириловичъ,* сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, второй сынъ гетмана графа Разумовскаго и его супруги Екатерины Ивановны; родился въ Петербургѣ 15-го января 1751 г. и былъ записанъ чуть не со дня рожденія въ военную службу, но проводилъ годы своего дѣтства въ домѣ родителей, старавшихся дать дѣтямъ высшее образованіе, которое онъ и получилъ, подъ руководствомъ Тауберта, въ заведенномъ для него съ братьями пансіонѣ. Въ 1765 г. графъ Петръ съ братьями былъ посланъ отцомъ въ Страсбургскій университетъ, куда и отправился съ гувернеромъ Матиньяномъ. Однако, самъ гетманъ, посѣтивъ въ 1766 г. Страсбургъ, остался недоволенъ,— не столько университетомъ, сколько городомъ: ему пришлись не по сердцу присутствіе военной молодежи въ городѣ, буйство и кутежи офицеровъ и другихъ лицъ. Онъ рѣшилъ пріискать сыновьямъ болѣе скромное мѣсто пребыванія за границею и отправилъ ихъ въ 1768 году въ Англію. Прибывъ въ Лондонъ и осмотрѣвъ его, молодой графъ Петръ, вмѣстѣ съ братьями, побывалъ въ Салисбюри, Басѣ, Бристолѣ, Оксфордѣ, Бирмингамѣ, Шеффильдѣ, пріѣхалъ въ Манчестеръ, осматривая на пути различные фабрики и заводы, великолѣпные замки и сады англійскихъ лордовъ, а также Оксфордскій университетъ, а затѣмъ возвратился въ Петербургъ (въ 1769 году) и поступилъ на военную службу. Онъ сталъ расходовать много денегъ, дѣлалъ долги и скоро навлекъ этимъ на себя гнѣвъ отца, прекратившаго всякія съ нимъ сношенія за бракъ его, въ семидесятыхъ годахъ, съ вдовою Софьею Степановною Чарторижскою, рожденною Ушаковою. Графъ Петръ Кириловичъ былъ произведенъ въ 1772 г. въ полковники, въ 1779 г.—въ бригадиры, а 24-го ноября 1780 г. — въ генералъ-маіоры. Онъ числился сперва въ Ладожскомъ пѣхотномъ полку, съ 1780 по 1783 г.—въ С.-Петербургской дивизіи, а съ 1784 по 1788 годъ — при первой дивизіи. Онъ участвовалъ въ Шведской войнѣ 1789 г. и былъ пожалованъ въ генералъ-поручики съ увольненіемъ къ статскимъ дѣламъ, имѣя уже польскіе ордена Станислава и Бѣлаго Орла. Графъ Р. очень много жилъ за границею съ супругою, то въ Италіи, то въ Швейцаріи, то въ Голландіи и на югѣ Франціи,— въ Монпелье. Изъ-за границы приходили отъ него безпрерывно просьбы о высылкѣ денегъ, что не способствовало установленію благосклонности въ сердцѣ разсчетливаго графа. «Совѣтую ему возвратиться въ Москву, писалъ гетманъ къ сыну Андрею, перестать вести жизнь цыганскую и поселиться въ своемъ отечествѣ, между своими соотчичами, имѣніями и фамиліею».

По вступленіи на престолъ Императора Павла I графъ Петръ Кириловичъ былъ назначенъ присутствующимъ въ Сенатѣ и вскорѣ послѣ того пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Вернувшись изъ-за границы онъ, съ женою поселился въ Петербургѣ, въ собственномъ домѣ на углу Гагаринской пристани. Домъ былъ наполненъ цѣнными предметами роскоши, купленными за границею, особенно во Франціи при началѣ революціи. Скоро скончалась его супруга (въ 1803 г.), а онъ самъ, продавъ часть острова Крестовскаго, постоянно сталъ жить лѣтомъ въ Гостилицахъ. Въ 1814 г., августа 30-го, графъ Петръ былъ назначенъ оберъ-камергеромъ къ Высочайшему двору. Графъ имѣлъ сановитую наружность, держалъ себя въ обществѣ горделиво, не былъ одаренъ блестящими способностями, но былъ благодушный человѣкъ, никому во всю жизнь не сдѣлавшій зла. Онъ умеръ почти внезапно 14-го декабря 1823 г. и погребенъ подлѣ жены своей въ Александро-Невской лаврѣ, на старомъ Лазаревомъ кладбищѣ.

А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. II.

П. Майковъ.

Разумовъ, *Алексѣй Михайловичъ,* переводчикъ, сотрудникъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій»; сынъ солдата л.-гв. Преображенскаго полка, родился въ Петербургѣ въ 1735 г., воспитывался въ Гимназіи Академіи Наукъ, куда поступилъ 21-го октября 1748 г. Вскорѣ онъ былъ признанъ способнымъ къ дальнѣйшему образованію, съ 1-го февраля 1749 г. былъ принятъ на казенный счетъ и началъ считаться состоящимъ на службѣ. Въ 1753 году Разумовъ получилъ званіе студента, но по слабости знанія въ латинскомъ языкѣ не былъ допускаемъ до слушанія университетскихъ лекцій вплоть до 1756 г., когда академики-экзаменаторы изъ 9 подвергавшихся испытанію студентовъ признали достойнымъ его одного. 16-го ноября 1759 г. академикъ Г. Ф. Миллеръ, въ виду недостатка переводчиковъ для его журнала, просилъ назначить въ его распоряженіе С. Волкова и А. Разумова. На послѣдняго, впрочемъ, онъ больше возложилъ корректуру журнала, чѣмъ переводы. Изъ переводовъ Разумова извѣстенъ переводъ сочиненія Бюшинга, изданный подъ заглавіемъ: «Руководство къ основательному и полезному познанію географическаго и политическаго состоянія европейскихъ государствъ и республикъ». Кромѣ того, Разумовъ завѣдывалъ одно время отдѣломъ академической типографіи, который назывался «новою типографіею».

П. П. Пекарскій. Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ — въ «Сборникѣ статей, читанн. въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ», т. II, стр. 38—40, 1868 г; «Матеріалы для исторіи Имп. Академ. Наукъ», тт. 9 и 10 (см. указатель); «Протоколы засѣданій конференціи Акад. Наукъ», т. II, стр. 297, 356, 392.

Ин. Соколовъ.

Райзеръ (Рейзеръ), *Викентій Степановичъ,* президентъ Бергъ-Коллегія, дѣйствительный статскій совѣтникъ; родился въ Помераніи, обучался въ Грейфсвальдскомъ Университетѣ, послѣ чего нѣсколько лѣтъ служилъ въ Швеціи секретаремъ президента королевской Бергъ-Коллегіи, гдѣ и пріобрѣлъ большія познанія по горному дѣлу. Во время войны между Швеціею и Россіею Райзеръ, рекомендованный Петру Великому, былъ приглашенъ имъ на русскую службу и назначенъ ассессоромъ въ Бергъ-Коллегію, въ учрежденіи которой онъ принималъ большое участіе. Государь давалъ ему порученія по просмотру литературы, касавшейся горнаго дѣла, по осмотру рудокопныхъ заводовъ и по изслѣдованію мѣстностей въ разныхъ частяхъ Имперіи для открытія новыхъ заводовъ. Императрица Анна Іоанновна произвела его въ совѣтники, а Елизавета Петровна—въ президенты Бергъ-Коллегіи. Скончался Райзеръ въ преклонныхъ лѣтахъ въ 1755 году.

«Сенатскій Архивъ», т. V; Протоколы засѣданій Конференціи Академіи Наукъ, С.-Пб. 1897 г.; Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, т. II, III, V; Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, С.-Пб. 1865 г.; Куникъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ, ч. I и II, С.-Пб. 1866 г.; Дм. Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей земли русской, ч. 4. Москва, 1836 г.; Настольный словарь Ф. Толля, выпускъ IX, С.-Пб. 1864 г.; Русскій Энциклопедическій словарь, изданный при С.-Пб. университетѣ, отдѣлъ IV, томъ I, С.-Пб. 1875 г.; Сборникъ историческаго общества, т. 117; Присяга иноземцевъ на русской службѣ при Петрѣ Великомъ, Архивъ, 1869 г.; Инструкція для размноженія рудокопныхъ заводовъ, Сборникъ XI; Штелинъ, Сказанія о Петрѣ Великомъ, 1778 г.; «Русск. Стар.» 1886 г., т. 50, стр. 103.

Райко, *Николай Алексѣевичъ*, писатель, извѣстный шелководъ Новороссійскаго края; род. въ 1794 г.; отецъ мало заботился о мальчикѣ и поручилъ его попеченію своего друга, т. с. Скванчи,—Тосканца, состоявшаго въ русской службѣ. Скванчи отправилъ 14-ти лѣтняго Райко къ себѣ на родину, во Флоренцію; затѣмъ Р. посѣщалъ лекціи Падуанскаго Университета. Въ 1812 г., когда онъ узналъ о вторженіи Наполеона въ Россію, въ немъ заговорила любовь къ родинѣ, и шестнадцатилѣтній юноша тайкомъ отъ лицъ, которымъ былъ порученъ надзоръ за нимъ, ушелъ изъ Флоренціи съ намѣреніемъ пробраться въ Россію и вступить въ ряды ея защитниковъ. Но безъ средствъ, безъ законнаго вида онъ не могъ далеко уйти: его задержали на границѣ Швейцаріи и отвезли обратно во Флоренцію. Въ Россію Райко вернулся лишь въ 1815 г. и черезъ годъ опредѣлился юнкеромъ въ армейскую конную артиллерію. Батарея его стояла въ Юго-Западномъ краѣ. Въ 1824 г., уже офицеромъ, онъ былъ переведенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Драгунскій полкъ, переименованный потомъ въ Конно-Гренадерскій, а въ началѣ 1826 г. вышелъ въ отставку и въ концѣ 1826 г. уѣхалъ въ Италію. Тамъ, какъ и во всей Европѣ, выказывалось всеобщее сочувствіе къ судьбѣ Грековъ, уже шестой годъ боровшихся съ Турціей за свою независимость. Европейскіе добровольцы со всѣхъ сторонъ стекались въ Грецію; Р. тоже отправился на помощь угнетенному народу и здѣсь пробылъ нѣсколько лѣтъ, принимая дѣятельное участіе въ борьбѣ Грековъ за освобожденіе. Графъ Каподистрія скоро оцѣнилъ Р., приблизилъ его къ себѣ и многократно поручалъ ему значительныя должности. Убійство греческаго президента Каподистріи сильно повліяло на Р., и онъ вернулся въ Россію. Заслуги Р. по отношенію къ Греціи весьма велики, что констатируетъ само греческое правительство въ «увольнительномъ свидѣтельствѣ», выданномъ ему. Изъ письма графа Ивана Каподистріи къ графу Бенкендорфу видно, какъ высоко цѣнилъ графъ Каподистрія здравый умъ и душевную чистоту человѣка, за котораго онъ, не усумнясь, готовъ былъ отвѣчать Императору, какъ за самого себя. Довѣріе его къ Р. свидѣтельствуется также множествомъ писемъ къ нему президента; изъ нихъ нѣкоторыя помѣщены въ Сборникѣ Рейнара, но большая часть, — интимныя по содержанію, осталась не напечатанною. Между прочимъ, интересно, что послѣднее письмо графа Каподистріи, написанное имъ за нѣсколько часовъ до смерти, было писано къ Н. А. Райко. Насколько въ Греціи было извѣстно имя Р., свидѣтельствуетъ то, что не было грека, сколько-нибудь знакомаго съ недавнимъ прошедшимъ своей страны, который, пріѣхавъ въ Одессу, не счелъ бы долгомъ представиться Райко. Когда въ 1841 г. король Оттонъ пожаловалъ его кавалеромъ золотого креста ордена Спасителя, греки постоянно изъявляли сожалѣніе, что награда не соотвѣтствовала ни его заслугамъ, ни важнымъ должностямъ, которыя онъ занималъ въ критическія для Греціи минуты, что онъ имѣлъ всѣ права на Командорскій Крестъ. При этомъ вспоминалось не разъ, что единственно ему и португальцу Алмейдѣ, занимавшему должность коменданта Навалін, обязана была Греція предупрежденіемъ всеобщей рѣзни и анархіи, которыя грозили этой несчастной странѣ послѣ убійства президента графа Ивана Каподистріи и остановлены были лишь рѣшительнымъ образомъ дѣйствій этихъ двухъ достойныхъ людей.

По возвращеніи въ Россію, Райко поступилъ въ стоявшій на Кавказѣ Нижегородскій драгунскій полкъ (1833 г.), но вскорѣ онъ убѣдился, что всякое служебное поприще на родинѣ было для него закрыто, и потому снова вышелъ въ отставку (23-го ноября 1833 г.) въ томъ же чинѣ поручика, въ которомъ былъ уволенъ изъ гвардіи. Женившись на Ал. Ник. Антроповой, дочери ген.-маіора, командовавшаго лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи, онъ поселился въ Одессѣ. Всѣ свои усилія съ этихъ поръ онъ направилъ на развитіе благосостоянія населенія, посредствомъ введенія и распространенія шелководства. Еще юношей, въ Италіи, онъ интересовался шелководствомъ и былъ знакомъ съ главнѣйшими его пріемами; во время своего пребыванія на Кавказѣ онъ ближе познакомился съ шелководствомъ и видѣлъ большую пользу для юга Россіи этого производства въ большихъ размѣрахъ. Онъ купилъ недалеко отъ Одессы два хутора, въ которыхъ нашелъ нѣсколько тутовыхъ деревьевъ, выписалъ съ Кавказа коконы и

принялся за работу. Опыты его привели къ вполнѣудовлетворительнымъ результатамъ, и съ этихъ поръ, въ теченіе 18 лѣтъ онъ неотступно служилъ любимому дѣлу. Имѣя въ виду пріохотить населеніе къ занятію шелководствомъ, онъ постоянно разъѣзжалъ по Новороссійскому краю, предлагалъ крестьянамъ деньги за каждое посаженное имъ тутовое дерево, дарилъ имъ коконы, заводилъ у себя школы для подготовки изъ крестьянскихъ дѣтей опытныхъ шелководовъ. Три раза изъѣздилъ онъ весь Кавказъ, для того, чтобы изучить дѣло, какъ слѣдуетъ. Онъ написалъ много статей о шелководствѣ, помѣщенныхъ въ «Запискахъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи». Однако, 18 лѣтъ энергичной работы мало приблизили Р. къ его цѣли: съ явнымъ недовѣріемъ относились къ его начинаніямъ и апатичный народъ южнаго края, и Петербургскія власти. Никто не поддержалъ его, никто не сказалъ ему и спасиба за его неустанный, безкорыстный трудъ. Р. умеръ 12-го января 1854 г.

«Русск. Архивъ» 1868 г., стр. 297—308: Б. Маркевичъ, «Н. А. Райко», біографич. очеркъ; «Письмо Президента Греціи графа Каподистріи къ гр. Бенкендорфу, генералъ-адъютанту Его Величества Россійскаго Императора» — «Русск. Архивъ» 1868 г., стр. 315—317; «Русск. Архивъ» 1869 г., стр. 851—914. Н. П. Ситовскій, Обзоръ 25 л. дѣят. Кавказск. Общ. Сельск. Хозяйства, Тифл., 1875, стр. 301, 302, 305, 400; «Зап. Общ. Сельск. Хоз. Южной Россіи» 1854 г., стр. 36—37 (некрологъ, И. У. Палимпсестова); «Мѣсяцословъ» на 1855 г., стр. 240; «Журналъ Сельск. Хоз. и Овцеводства» 1854 г., № 4, стр. 1—6 (некрологъ, С. А. Маслова); «Кавказъ» 1854 г., № 43; Н. Ѳ. Дубровинъ. Исторія войны и владыч. русскихъ на Кавказѣ, т. I, ч. 3, по указат.; Автобіогр. Мурзакевича, С.-Пб. 1889, стр. 189 и сл.

Райковскій, *Сергѣй Андреевичъ*, писатель; родился въ 1828 г., воспитывался въ С.-Петербургскомъ Университетѣ и, по выходѣ изъ него, началъ службу въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, а потомъ перешелъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Скоро, увлеченный общимъ энтузіазмомъ, охватившимъ Россію въ 1853—56 годахъ, Райковскій поступилъ въ ополченіе, а затѣмъ въ стрѣлковый полкъ Императорской Фамиліи. Затѣмъ, окончивъ курсъ въ Академіи Генеральнаго Штаба, онъ прослужилъ въ немъ 10 лѣтъ, а затѣмъ состоялъ при командующемъ войсками Московскаго Военнаго Округа, въ чинѣ подполковника (1870). Служба его ознаменовалась, между прочимъ, принятіемъ въ нашей арміи малыхъ разборныхъ палатокъ, введенныхъ по его иниціативѣ. Р. принималъ дѣятельное участіе въ установленіи существующихъ нынѣ правилъ пріемки подрядовъ въ военное вѣдомство и былъ представителемъ новой пріемной коммиссіи, установленной на основаніи этихъ началъ въ С.-Петербургѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ 1863 г. онъ провелъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и участвовалъ въ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ. Въ 1865 г. на Р-го было возложено, по Высочайшему повелѣнію, собираніе свѣдѣній и матеріаловъ, относящихся къ управленію Западнымъ краемъ и къ мятежу 1863 года. Отсюда началось близкое знакомство его съ дѣлами края; ему были открыты архивы Кіева, Вильны, Варшавы, которыми онъ и пользовался съ большимъ умѣньемъ въ теченіе 1865 и 1866 годовъ, сосредоточивъ свое вниманіе преимущественно на дѣлахъ Сѣверо-Западнаго края. Плодомъ этой усидчивой и настойчивой работы былъ большой трудъ: «Сборникъ матеріаловъ по дѣламъ Западнаго края», къ сожалѣнію оставшійся неизданнымъ, несмотря на то значеніе, которое онъ могъ бы имѣть и для правительства, и для общества. Нѣкоторыя изъ объяснительныхъ статей этого сборника были напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1869 г. подъ заглавіемъ: «Польская молодежь въ мятежѣ 1863 г.». Эти статьи обратили на себя общее вниманіе безпристрастнымъ и трезвымъ взглядомъ на вещи. Одновременно съ разработкой матеріаловъ, Р. принималъ участіе въ разрѣшеніи вопроса о введеніи русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ, что, вмѣстѣ съ работой другихъ лицъ, привело къ изданію извѣстнаго указа 10-го декабря 1865 г. Съ 1864 г. Р. былъ постояннымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей», особенно въ теченіе 1867—68 годовъ. Въ 1870 г. онъ помѣстилъ въ газетѣ «Голосъ» нѣсколько статей политическаго и военнаго содержанія по поводу Франко-Прусской войны. Онъ умеръ 30-го апрѣля 1871 г.

«Голосъ» 1871 г., № 120; «Русскій Архивъ» 1873 г.; «Московскія Вѣдомости» 1871 г., № 95; «Иллюстрированная Газета» 1871 г., № 18.

Райнери, *Іосифъ Іосифовичъ*, придворный врачъ-окулистъ, род. въ Венеціи

12-го февраля 1759 года, умеръ въ С.-Петербургѣ 20-го іюня 1835 года. По окончаніи курса Медицинской Академіи въ Римѣ Р. остался работать въ больницѣ при той же Академіи и на 30-мъ году жизни получилъ званіе профессора. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ своей преподавательской дѣятельности, Р., кромѣ изученія избранной имъ спеціальности по глазнымъ болѣзнямъ, занимался механикой, результатомъ чего были многіе изобрѣтенные имъ инструменты для производства глазныхъ операцій. Не довольствуясь знаніями, пріобрѣтенными имъ въ Римской Академіи, Р. рѣшилъ пополнить ихъ, для чего отправился въ важнѣйшіе университеты и академіи Франціи, Англіи и Германіи. Въ 1795 году Р. черезъ Швецію пріѣхалъ въ Петербургъ и, выдержавъ въ Императорской Медико-Хирургической Академіи экзаменъ на званіе доктора-окулиста, занялся здѣсь практикой. Довольный оказаннымъ ему пріемомъ и большой практикой, онъ рѣшилъ остаться въ Россіи. Вскорѣ послѣ начала своей практической дѣятельности, Р. описалъ свои изобрѣтенія и способы лѣченія глазныхъ болѣзней, какъ общихъ, такъ и свойственныхъ различнымъ мѣстностямъ. Въ 1799 году, когда его дѣятельность стала общеизвѣстной, онъ былъ назначенъ придворнымъ врачемъ-окулистомъ и вскорѣ же получилъ предписаніе отправиться въ разныя мѣста Россіи для безплатнаго лѣченія глазныхъ болѣзней, главнымъ образомъ, среди казенныхъ поселянъ. Но дѣятельность Райнери не ограничивалась только исполненіемъ служебныхъ обязанностей: онъ, кромѣ нихъ, удѣлялъ много времени безплатному леченію бѣдныхъ; такъ, въ 1798, 1799 годахъ и съ октября 1804 по май 1806 года онъ занимался лѣченіемъ въ больницѣ и богадѣльнѣ Петербургскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія; съ 1806 года онъ принялъ на себя обязанности врача для бѣдныхъ отъ Медико-Филантропическаго Комитета. Въ маѣ 1811 года, пріѣхавъ въ Москву всего лишь на нѣсколько дней, онъ произвелъ болѣе 20-ти операцій въ Голицынской Больницѣ. Кромѣ того, не щадя своихъ трудовъ и расходовъ, Р. основалъ въ разныхъ городахъ, въ которыхъ ему пришлось побывать за время своихъ разъѣздовъ по Россіи, глазныя лѣчебницы, напримѣръ: въ 1806 году въ Петербургѣ при Медико-Филантропическомъ Комитетѣ, въ 1811 году въ Перновѣ, въ 1819 году въ Митавѣ и въ 1824 году въ Житомирѣ. Во время этихъ же поѣздокъ Р. занимался преподаваніемъ, знакомя врачей со способами производства операцій, и заставлялъ продѣлывать операціи на трупѣ, прежде чѣмъ допустить къ лѣченію больныхъ; онъ раздавалъ свои сочиненія и давалъ врачамъ средства для покупки инструментовъ и другихъ пособій. Въ 1812 году Р. просилъ объ увольненіи его отъ службы, желая возвратиться на родину, но, по личной просьбѣ Императора Александра I, увеличившаго его жалованіе до 4000 руб. въ годъ, онъ остался въ Россіи. Въ 1823 году Р. былъ командированъ въ Херсонъ и на Крымскій полуостровъ, для осмотра расположенныхъ тамъ войскъ и для изслѣдованія появившейся среди нихъ глазной эпидеміи. И здѣсь онъ продолжалъ свою преподавательскую дѣятельность и, кромѣ того, обучалъ полковыхъ слесарей дѣлать нужные для операцій инструменты по даннымъ имъ чертежамъ и моделямъ. Нездоровье заставило его въ 1825 году отказаться отъ практики, хотя онъ до самой смерти продолжалъ подавать безплатную помощь бѣднымъ больнымъ. Въ 1822 году Р. отказался отъ службы при Высочайшемъ дворѣ, получивъ пенсію, равную половинѣ содержанія, но продолжалъ заниматься любимой имъ механикой. Вскорѣ послѣ отставки Райнери скончался. Онъ напечаталъ слѣдующіе труды: «Описаніе инструмента для операціи глазного нароста»; «О заворотѣ рѣсничниковъ къ глазу и двойственномъ рядѣ рѣсницъ, съ описаніемъ способа лѣченія этихъ болѣзней и инструментовъ для операцій»; «О близорукости и дальнозрѣніи, съ описаніемъ машины для врачеванія этихъ болѣзней и съ показаніемъ способа ея устройства».

«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1836 г., № 224.

Н. Кульбинъ.

Райтъ, *Томасъ* (Thomas Wright), академикъ Имп. Академіи Художествъ, граверъ пунктиромъ и акварелистъ, род. въ Лондонѣ въ 1792 г.; значительную часть своей жизни провелъ въ Россіи, гдѣ работалъ съ 1822 по 1826 и съ 1830 по 1845 г.; вызванъ былъ въ Петербургъ извѣстнымъ портретистомъ Георгомъ Дау (Daw), пріѣхавшимъ сюда въ 1819 г. по вызову Александра I и написавшимъ, по плану Госу-

даря, портеты (свыше 400) для извѣстной Военной Галлереи Зимняго Дворца; эти портеты тогда же гравировались Райтомъ и Генрихомъ Дау, которые и объявили, въ 1822 г., объ изданіи «Собранія портретовъ Военной Галлереи»; изданіе было задумано въ широкомъ масштабѣ, но вышло въ гораздо меньшемъ количествѣ портретовъ. Затѣмъ Райтъ предпринялъ изданіе: «Les contemporains Russes», тетрадями по 12 портретовъ въ каждой, въ размѣрѣ 4°; изданіе это, однако, далѣе 1-го выпуска не пошло. За труды по гравированію Райтъ былъ избранъ членомъ Академій Стокгольмской и Флорентійской; Петербургская Академія Художествъ избрала его въ 1824 г. въ назначенные академики, а въ 1833 г., послѣ того, какъ Райтъ выставивъ 54 гравированныхъ имъ потрета, избрала его Почетнымъ вольнымъ общникомъ; въ 1836 г., за представленные 14 акварельныхъ портретовъ, онъ получилъ отъ нея званіе академика. Райтъ умеръ въ 1849 г.

Количество награвированныхъ имъ портретовъ огромно; не считая всѣхъ портретовъ, исполненныхъ имъ заграницей, онъ въ Россіи награвировалъ 86 портретовъ и рисунковъ, которые перечислены въ книгѣ Д. А. Ровинскаго: «Словарь Русскихъ граверовъ»; назовемъ, кромѣ портретовъ Имп. Александра и членовъ Царствующаго дома, портреты Пушкина, Жуковскаго, Греча, К. Булгакова, гр. М. Ю. Віельгорскаго, А. Н. Оленина, А. Ѳ. Львова, гр. Ѳ. П. Толстого, кн. Ант. Кантеміра, Шишкова, многихъ генераловъ и сановниковъ. Кромѣ гравюры, Райтъ занимался писаніемъ акварельныхъ портретовъ; ихъ сохранилось до нашего времени значительное количество.

Д. А. Ровинскій. Подробный Словарь Русскихъ граверовъ XIII—XIX вв., С.-Пб. 1895, ст. 550—555.

Раичъ, *Семенъ Егоровичъ*, писатель; род. въ 1792 г. въ селѣ Высокомъ, Кромскаго уѣзда Орловской губерніи. Онъ былъ сынъ сельскаго священника Амфитеатрова, но, поступивъ въ Орловскую Семинарію, по тогдашнему семинарскому обычаю, принялъ произвольно выбранную фамилію. По окончаніи семинарскаго курса, Раичъ сдѣлался преподавателемъ русской словесности въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, гдѣ въ числѣ его учениковъ былъ потомъ, между прочимъ, знаменитый Лермонтовъ. На литературномъ поприщѣ онъ дебютировалъ переводомъ «Георгикъ» Виргилія — почти въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ (въ 1821 году), а затѣмъ, не оставляя дѣятельности переводчика, сталъ писать собственныя стихотворенія и издавать журналы и альманахи. Въ 1823 г. онъ издалъ альманахъ «Новыя Аониды», а въ 1827 г., вмѣстѣ со стихотворцемъ Д. П. Ознобишинымъ, — другой альманахъ подъ названіемъ «Сѣверная Лира»; затѣмъ, въ 1829—1830 и въ 1839—1840 г. онъ издавалъ журналъ «Галатея», а въ послѣдніе годы жизни помѣщалъ свои стихотворенія въ Погодинскомъ «Москвитянинѣ». Кромѣ того, нѣсколько стихотвореній его было помѣщено имъ въ разныхъ другихъ альманахахъ,—напр., въ альманахѣ «Уранія» (въ 1826 г.). Этимъ перечнемъ не исчерпывается, однако, его значеніе въ литературѣ: Раичъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ задумалъ основать Общество молодыхъ любителей литературы, гдѣ принимали участіе Титовъ, Одоевскій, Погодинъ, Андросовъ, Кубаревъ и другіе. Вмѣстѣ съ Раичемъ, Шевыревымъ и Одоевскимъ Погодинъ замышлялъ въ 1835 г. журналъ, и хотя мысль эта была осуществлена потомъ (въ «Московскомъ Вѣстникѣ») безъ участія Раича, но вообще мы много встрѣчаемъ свѣдѣній (особенно въ біографіи Погодина), показывающихъ, что Раичъ, какъ знатокъ европейскихъ литературъ, какъ журналистъ и хорошій преподаватель, игралъ въ свое время замѣтную роль въ Москвѣ и пользовался большимъ авторитетомъ. Онъ оказывалъ услуги и покровительство такимъ людямъ, какъ Погодинъ, и производилъ своею личностью весьма внушительное и симпатичное впечатлѣніе. Слыша всюду хорошіе о немъ отзывы, родители Ѳ. И. Тютчева пригласили его къ себѣ въ домъ быть воспитателемъ ихъ сына, и Раичъ, проживъ семь лѣтъ въ этомъ домѣ, имѣлъ такое вліяніе на своего воспитанника-поэта, что послѣдній не задумывался ставить его выше также чрезвычайно уважаемаго имъ профессора Мерзлякова и утверждалъ, что Раичъ лучше можетъ перевести эклоги Виргилія, чѣмъ Мерзляковъ. Послѣ Тютчевыхъ Раичъ былъ приглашенъ Н. Н. Муравьевымъ, основателемъ Училища для колонновожатыхъ, быть воспитателемъ его младшаго сына, Андрея Николаевича (впослѣдствіи извѣстнаго сво-

имъ вліяніемъ на духовныя дѣла). И тутъ Раичемъ были довольны и хвалили его. Въ 1823 г., когда Раичъ ѣздилъ въ Одессу, онъ познакомился тамъ съ Пушкинымъ и три года спустя былъ въ числѣ приглашенныхъ на чтеніе «Бориса Годунова» въ Москвѣ, въ домѣ Хомякова (24-го октября 1826 года). Раичъ охотно и часто посѣщалъ литературные вечера Елагиныхъ, Кирѣевскихъ, Веневитиновыхъ и проч. Когда умеръ Мерзляковъ, то въ числѣ соперниковъ-претендентовъ на каѳедру называли и Раича. Мнѣнія о немъ, впрочемъ, раздѣлялись, смотря по тому, на что больше обращали вниманіе его судьи; такъ, съ одной стороны, литературная порядочность Раича была внѣ всякаго сомнѣнія, такъ что, когда въ «Галатеѣ» началась не совсѣмъ приличная полемика съ «Московскимъ Телеграфомъ», то князь Вяземскій долго не хотѣлъ вѣрить, чтобы хозяиномъ журнала былъ Раичъ; но другое дѣло, когда рѣчь заходила о дарованіяхъ; извѣстны слова Пушкина, которыя онъ сказалъ по поводу прекращенія «Литературной Газеты» Дельвига: «Соперничать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ-то совѣстно». Наиболѣе крупными трудами Раича считаются его переводы образцовыхъ произведеній итальянской литературы: «Освобожденнаго Іерусалима» и «Неистоваго Орланда», хотя и тотъ, и другой переводъ отличаются тяжеловѣсными стихами. Общее заключеніе о характерѣ и значеніи литературной дѣятельности Раича можетъ быть такое: онъ былъ довольно извѣстенъ въ современныхъ литературныхъ кругахъ, былъ близокъ въ Москвѣ къ шеллингистамъ, а позднѣе къ славянофиламъ и имѣлъ хорошую личную репутацію, но, какъ писатель, принадлежалъ къ числу тѣхъ мелкихъ тружениковъ литературы, которые сходятъ въ могилу при полнѣйшемъ равнодушіи публики и быстро забываются послѣ смерти. Раичъ умеръ 23-го октября 1855 г.

«Современникъ» 1855 г., т. XIV; «Москвитянинъ» 1855, т. VI, № 21, 22; Н. В. Гербель, «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Хрестоматія для всѣхъ»; Н. П. Барсуковъ. «Жизнь М. П. Погодина» (см. указатель къ VII тому).

Раковичъ, *Андрей Николаевичъ*, живописецъ. Поступилъ въ Академію Художествъ 20-го сентября 1824 г., при чемъ записанъ воспитанникомъ кол. асс. Воинова. 16-го января 1836 г. онъ получилъ одобреніе отъ Совѣта Академіи «за перспективную копію» и въ томъ же году окончилъ курсъ Академіи съ званіемъ класснаго художника, хотя получилъ только серебряную медаль второго достоинства за картину: «Видъ Полицейскаго моста». Послѣднія пять лѣтъ онъ состоялъ ученикомъ М. Н. Воробьева. По окончаніи курса Р. служилъ въ Петербургскомъ Строительномъ Комитетѣ, а затѣмъ, въ 1839 г., опредѣленъ въ Симбирскую гимназію учителемъ рисованія, черченія и чистописанія, въ 1841 г. перемѣщенъ на таковую же должность во 2-ю Казанскую гимназію, а 5-го іюня 1843 г. назначенъ учителемъ рисованія и живописи при Казанскомъ Университетѣ. Тамъ онъ составилъ «Краткій опытъ линейной перспективы», который въ 1845 г., черезъ ректора Университета, представилъ въ Академію. Совѣтъ Академіи поручилъ профессору А. П. Брюллову разсмотрѣть, можетъ ли эта книга быть принята въ руководство для учебныхъ заведеній; но каковъ былъ отзывъ профессора, мы не знаемъ. Въ томъ же году Р., за написанный имъ «Видъ церкви въ г. Казани», возведенъ въ званіе академика. Оставшись за штатомъ при введеніи Университетскаго Устава 1863 г., Р. преподавалъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ 1864 г. представилъ въ Академію переведенное имъ съ французскаго языка сочиненіе Ш. Клемана, содержащее біографіи «Леонардо-да-Винчи, Рафаэля, Микель-Анджело, съ обозрѣніемъ искусствъ въ Италіи до начала XVI столѣтія» (Казань. 1863), прося Академію «принять участіе въ издержкахъ по этому изданію»; Академія отказала въ такой просьбѣ, найдя, что, «къ сожалѣнію, портреты исполнены весьма слабо и отнимаютъ все достоинство книги». На выставкѣ Академіи Художествъ въ 1860 г. была его картина подъ названіемъ: «Видъ церкви Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи въ селѣ Коломенскомъ», съ явной ошибкой, ибо церковь Іоанна Предтечи находится въ селѣ Дьяковѣ, въ селѣ же Коломенскомъ—церковь Вознесенія. Которая изъ этихъ двухъ церквей изображена художникомъ, намъ неизвѣстно. Есть его произведенія (виды Казани) у мѣстныхъ любителей. Умеръ онъ въ 1867 г.

Указатель художественныхъ произведеній, выставленныхъ въ залахъ Импер. Академіи Худо-

жествъ за 1862—3 г. С.-Пб. 1864; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. С.-Петербургской Академіи Художествъ. Ч. II и III. С.-Пб. 1865—1866 гг.; П. Н. Петровъ, М. Н. Воробьевъ и его школа — «Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ» 1888 г., стр. 326—327; Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. LXII; Біогр. словарь профессоровъ Казанск. Универ., Казань. 1904, т. II, стр. 387—8.

А. Новицкій и *В. Д. Корсакова.*

Раковичъ, *Василій Лукьяновичъ*, старшій врачъ Балтійской таможенной крейсерской флотиліи, род. въ 1827 году и происходилъ изъ крестьянъ-малороссовъ; воспитывался сначала въ Кіевской гимназіи, а потомъ въ Кіевскомъ же Св. Владиміра Университетѣ, курсъ котораго по медицинскому факультету онъ окончилъ въ маѣ 1851 года. Въ августѣ этого же года Р. былъ назначенъ врачемъ въ 12-ый флотскій экипажъ и тогда же былъ исключенъ изъ податного состоянія. Черезъ три года Раковичъ перевелся въ Петербургъ, съ цѣлію держать здѣсь докторскій экзаменъ. Въ Петербургѣ въ 1854 году онъ былъ причисленъ къ С.-Петербургскому порту младшимъ врачемъ и во время Восточной войны находился при оборонѣ Кронштадтскаго порта, какъ врачъ, плавая на пароходо-фрегатѣ «Храбрый» и «Память Азова»; съ 1863 г. Р. безвозмездно состоялъ врачемъ 2-ой Адмиралтейской школы С.-Пб. женскаго патріотическаго общества. Въ 1864 году онъ былъ назначенъ старшимъ врачемъ Петербургскаго порта и въ этомъ же году былъ назначенъ въ Коммиссію пріема предметовъ съ цѣлью научныхъ наблюденій. Въ этой Коммиссіи онъ занимался химическимъ изслѣдованіемъ провіанта въ Петербургскихъ провіантскихъ магазинахъ. Въ то же время онъ принималъ участіе и въ Комитетѣ Военнаго Министерства по обсужденію спеціальныхъ вопросовъ по провіантской части. Въ 1866 году Раковичъ былъ командированъ въ Москву для занятій при такой же Коммиссіи. Р. предложилъ способъ хлороформнаго изслѣдованія качествъ ржаной муки, а затѣмъ — масла и другихъ веществъ, за что въ 1871 году получилъ золотую медаль отъ Императорскаго Петербургскаго Вольно-Экономическаго Общества. Раковичъ очень интересовался вопросами изслѣдованія пищевыхъ продуктовъ и по этому вопросу написалъ нѣсколько статей. Такъ, въ 1865 году имъ были помѣщены въ «Медицинскихъ прибавленіяхъ Морского Сборника» (стр. 559) «Замѣтки по провіантской части». Затѣмъ въ 1869 году въ «Журналѣ Русскаго Техническаго Общества» онъ напечаталъ свою статью о хлороформномъ изслѣдованіи спиртныхъ жидкостей (Оттискъ — С.-Пб. 1869 г.). Въ 1874 г. въ «Медицинскихъ прибавленіяхъ Морского Сборника» (стр. 459) появилась его статья «По поводу замѣтки Фіодоровича (помѣщенной тоже въ «Мед. Приб. Морск. Сбор.» за 1874 г., стр. 450) о хлороформномъ способѣ изслѣдованія ржаной муки». Въ 1873 году, со времени учрежденія Балтійской таможенной крейсерской флотиліи, Раковичъ поступилъ врачемъ въ управленіе флотиліи. Скончался онъ 18-го іюня 1875 года въ Петербургѣ отъ разрыва сердца. Кромѣ перечисленнаго, напечаталъ статью: «Демонстрація и объясненіе аппарата для изслѣдованія муки, напитковъ и масла» — «Практич. Кронштадтскій врачъ» 1873—1874 г.

А. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи—писатели», выпускъ II С.-Пб. 1889 г., тетрадь 5, стр. 92 и выпускъ III, С.-Пб. 1892 г. стр. 35; «Иллюстрированная Недѣля» 1875 г., 29-го іюня, № 22, некрологъ, стр. 400; Протоколы Общества Кронштадтскихъ врачей за 1873—1877 гг.; Медицинскія прибавленія Морского Сборника 1874 г., ст. Фіодоровича «Замѣтка о хлороформномъ способѣ изслѣдованія ржаной муки», стр. 450; «Медицинскій Вѣстникъ» 1867 г., № 7 и за 1871 г., № 6; «Кронштадтскій Вѣстникъ» 1875, № 72; «Голосъ» 1875, № 169.

Н. Кульбинъ и *Е. Ястребцевъ.*

Раковъ, *Третьякъ* (*Матвѣй Михайловичъ*), дьякъ государевъ. Въ 1509 году, какъ дьякъ государевъ, былъ посланъ великимъ княземъ къ двумъ воеводамъ, не желавшимъ принять назначенія по Разрядной росписи полковыхъ воеводъ этого года и споривишихъ о «мѣстахъ» съ двумя воеводами «большого полка». Раковъ долженъ былъ имъ объявить, что великій князь приказалъ, чтобы они «были на его дѣле по его наказу, тѣмъ бы послужили..., и какъ дѣло минетца... — и великій князь счетъ дастъ». Въ 1522 году (30-го ноября) дьякъ Третьякъ Раковъ отправленъ былъ при дворецкомъ Нижняго-Новгорода окольничемъ Вас. Григ. Морозовѣ-Поплевинѣ, съ Андр. Никит. Бутурлинымъ и другимъ дьякомъ Ив. Ив. Телешевымъ къ польскому королю Сигизмунду I Старому для того, чтобы присутствовать при крестномъ цѣлованіи короля на «перемирныхъ грамотахъ». Кромѣ оффиціальнаго порученія присутствовать

при присягѣ, наказъ, данный посламъ, возлагалъ на нихъ и тайное порученіе—похлопотать объ облегченіи участи плѣнныхъ: велѣно было добиваться, чтобы съ нихъ были сняты оковы и имъ дозволено было бы жить не по тюрьмамъ. Въ свою очередь позволялось посламъ дать запись въ томъ, что великій князь возвратитъ королю того плѣннаго, который, воспользовавшись свободою, убѣжитъ на родину. Достигнувъ благопріятныхъ результатовъ въ этомъ порученіи, послы 2-го мая 1523 г. возвратились въ Москву. Въ 1526 году въ одно и то же время находились въ Москвѣ послы папы Римскаго Климента VII, Цесаря Карла V и Литовскаго короля Сигизмунда I. 18-го октября была дана аудіенція этимъ посламъ, а послѣ аудіенціи торжественный въ честь ихъ столъ. Для почета къ посламъ отъ государя были отправлены гонцы звать ихъ на аудіенцію, при чемъ къ послу Римскаго папы съ кн. Б. Дм. Щепинымъ-Оболенскимъ отправленъ былъ на подворье дьякъ Третьякъ Раковъ; они же послѣ стола отправлены были провожать польскаго посла до подворья и «потчевать» ихъ тамъ. Въ 1527 г. (въ февралѣ) Третьякъ Раковъ подписался подъ грамотой «поручной по кн. Мих. Вас. Глинскомъ». Въ послѣдующіе годы онъ игралъ видную роль въ дипломатическихъ сношеніяхъ, составилъ много видныхъ грамотъ и былъ въ числѣ немногихъ лицъ, пользовавшихся особеннымъ расположеніемъ вел. князя (Ив. Юр. Шигона-Поджогинъ, дьяки: Мансуровъ, Гр. Путятинъ, Елиз. Цыплятевъ, Аѳ. Курицынъ, Тр. Раковъ, Ѳ. Мишуринъ). Онъ же, среди другихъ приближенныхъ дьяковъ, присутствовалъ при кончинѣ вел. кн. Василія III Іоанновича («быша съ нимъ дьяки его (перечисленіе) и не исходаша отъ постели (вел. кн.) нимало, обращаху его со стороны на сторону»); упоминается Третьякъ Раковъ и подъ 1542 г.

Сыновья его *Борисъ* и *Лука Третьяковы* Раковы, дѣти боярскіе, упоминаются (подъ 1550 г.) въ «Бархатной книгѣ» по городу Москвѣ. Въ 1556 году младшій изъ нихъ (Лука) былъ «поддатнемъ у рынды» въ походѣ этого года. Въ 1556 году оба брата подписались, какъ Московскіе дворяне «2-ой статьи», подъ грамотой соборной (Земскаго Собора 1556 г.). Лука позднѣе былъ 2-мъ дьякомъ въ Полоцкѣ при воеводахъ кн. В. Телятевскомъ, П. Волынскомъ и при 1-мъ дьякѣ Ржевскомъ. Въ 1579 г. король Стефанъ Баторій, готовясь къ знаменитой осадѣ Пскова, по дорогѣ, желая имѣть свободный выходъ на Западную Двину и боясь быть обойденнымъ, осадилъ по пути г. Полоцкъ, который и былъ ему сданъ воеводою и дьяками (3-го августа того года). Родъ дьяка Третьяка Ракова записанъ въ синодикѣ Московскаго Богоявленскаго монастыря.

«Акты Архивн. Экспед.», т. I, стр. 344; «Собр. Госуд. Грам. и Договоровъ», т. I, стр. 429, 430, 551; «Сборникъ кн. Хилкова», стр. 1; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VI, стр. 268; т. VII, стр. 277; «Писцовыя книги XVI вѣка», изд. подъ ред. Н. В. Калачева Имп. Геогр. Общ., т. I отд. 2 (С.-Пб. 1877—1878), стр. 165, 227; Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. XXXV, стр. 637, 643—672, 714, 718; т. LIX, стр. 65—203; «Древн. Рос. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, кн. III, ч. I, стр. 54, 57; П. Н. Милюковъ, «Древнѣйшая разрядная книга» (офиц. редакц. по 1565 г.), стр. 107; Н. П. Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI в.», стр. 59, 86, 175, 396; Н. М. Карамзинъ «Ист. Госуд. Росс.», изд. ж. «Сѣверъ», т. VII, прим. 321; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. Т-ва «Обществ. Польза», кн. I, т. V, стр. 1669.

Н. В—и—въ.

Ракушка (Ракущенко, Романовскій), *Романъ Онисковичъ*, Малороссійскій генеральный подскарбій. Извѣстія о немъ начинаются съ 1649 года, когда онъ, будучи козакомъ полковой сотни Нѣжинскаго полка, занесенъ былъ въ Реестры запорожскаго войска, составленные 16-го октября этого года послѣ Зборовскаго договора съ королемъ польскимъ Яномъ-Казиміромъ. Затѣмъ, въ 1662—63 годахъ онъ былъ сотникомъ полковой сотни Нѣжинскаго же полка, а на Нѣжинской радѣ, происходившей въ половинѣ іюля 1663 г. и избравшей въ гетманы Брюховецкаго,—былъ поставленъ имъ изъ сотниковъ первымъ генеральнымъ подскарбіемъ, назначивъ въ вѣдѣніе его всѣ войсковые сборы. Ближайшей побудительной причиной къ учрежденію новаго уряда — генеральнаго подскарбія — для Брюховецкаго послужило желаніе его привести въ извѣстность войсковое имущество, съ каковой цѣлью Ракушкѣ и было поручено описывать различныя промышленныя заведенія Малороссіи для правильнаго обложенія ихъ налогами, шедшими въ войсковую казну. Вновь поставленные: гетманъ и высшая старшина, въ числѣ которой былъ и Ракушка, были пожалованы, 21-го ноября 1663 года,

въ Батуринѣ подарками отъ Московскаго правительства, при чемъ генеральный подскарбій получилъ «пару соболей въ пятнадцать рублевъ и двѣ пары по два рубли пара». Брюховецкій, вскорѣ же послѣ своего избранія, произвелъ нѣкоторыя измѣненія въ полковомъ дѣленіи Малороссіи, къ числу которыхъ относится выдѣленіе въ 1663 году Стародубщины изъ состава Нѣжинскаго полка въ самостоятельный и отдѣльный полкъ. Для необходимыхъ распоряженій по этому дѣлу на мѣстѣ, былъ посланъ въ Стародубъ вновь учрежденный генеральный подскарбій Ракушка, произведшій и новое раздѣленіе полка на семь сотенъ. Съ 1665 года Ракушка началъ опись войскового имущества, но послѣ бунта 1668 г., во время котораго былъ убитъ Брюховецкій, — должность генеральнаго подскорбія была упразднена, какъ лишняя и мѣшавшая гетману и полковникамъ распоряжаться общественною казною. Лишившись этого уряда, Ракушка, называвшій себя уже Романовскимъ, сталъ Брясловскимъ протопопомъ и въ 1670 году отправился въ Константинополь, къ патріарху, хлопотать по разнымъ духовнымъ дѣламъ. Между прочимъ, онъ, — конечно, по порученію митрополита Кіевскаго Іосифа Тукальскаго, бывшаго врагомъ новаго гетмана Многогрѣшнаго, — выхлопоталъ себѣ у патріарха грамоту, въ которой сказано было, что гетманъ, якобы присвоившій себѣ имущество Романовскаго, приглашается немедленно возвратить все, у него взятое; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то будетъ проклятъ и испытаетъ всѣ страшныя послѣдствія отлученія отъ церкви. Возвратившись изъ Константинополя, Романовскій послалъ черезъ Тукальскаго къ Многогрѣшному копію съ грамоты, заключавшей «клятву» на гетмана, вмѣстѣ съ письмомъ отъ 8-го іюня 1670 года, въ которомъ говорилъ, что содержаніе грамоты пока держится еще въ тайнѣ, и если гетманъ согласится возвратить Романовскому награбленное имущество, самый подлинникъ будетъ присланъ къ гетману; въ противномъ же случаѣ угрожалъ, что будетъ просить Тукальскаго объ обнародованіи грамоты въ церквахъ западной Малороссіи и о посылкѣ указа отъ митрополита къ Барановичу для оглашенія проклятія и въ церквахъ Черниговской епархіи. Отправляя копію съ грамоты и письмо Романовскаго къ Многогрѣшному, Тукальскій приложилъ и свое письмо, въ которомъ тоже намекалъ на то, что, въ случаѣ неисполненія требованія Романовскаго, грамота будетъ оглашена. Многогрѣшный же, въ отвѣтномъ своемъ письмѣ къ Тукальскому отъ 22-го іюня 1670 года, прямо заявилъ ему, что никакихъ вещей у Романовскаго не отнималъ, а посланный въ это время въ Москву Нѣжинскій протопопъ Семенъ Адамовичъ ходатайствовалъ за гетмана, вслѣдствіе чего, 15-го іюля того же года, повелѣно было послать въ Константинополь къ патріарху Меѳодію грамоту, въ которой, между прочимъ, говорилось, чтобы патріархъ потребовалъ наказанія клеветника Романовскаго, и чтобы впредь подданныхъ государевыхъ не подвергалъ церковному отлученію. Чѣмъ это окончилось, и былъ ли наказанъ Романовскій, изъ обнародованныхъ документовъ не видно. Въ 1687 году онъ былъ священникомъ церкви св. Николая въ Стародубѣ и получилъ въ этомъ году отъ гетмана Мазепы село Новоселки, въ полковой сотнѣ Стародубскаго полка. Когда умеръ Романовскій, — неизвѣстно.

В. Эйнгорнъ, Очерки изъ исторіи Малороссіи XVII в. Сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича, Москва. 1899, стр. 153, 154, 179—81, 273, 339, 453, 696—99, 701, 702, 709; Списки Черниговской Ревизіонной Комиссіи 1843 г., лит. А и Б, № 1062, л. 312 об., въ Архивѣ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената; А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. I. Полкъ Стародубскій, Кіевъ. 1889, стр. 13, 87, 152, т. II. Полкъ Нѣжинскій, Кіевъ. 1893, стр. 80, 505; А. М. Лазаревскій, Люди старой Малороссіи. 5. Марковичи, въ «Кіевской Старинѣ» 1884 г., январь, стр. 61; С. Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. 1862 г., т. XII, стр. 97; Книги разрядныя, т. II, С.-Пб. 1855, стр. 991, 993, 999, 1003, 1029; Реестры всего Войска Запорожскаго, изданные О. М. Бодянскимъ, М. 1875, стр. 321; «Русскій Архивъ» 1871 г., кн. 2, стр. 1884.

В. Модзалевскій.

Ралль, *Василій Ѳедоровичъ,* генералъ-отъ-инфантеріи, изъ дворянъ Тверской губерніи, род. 12-го августа 1818 г.; 6-го декабря 1837 г. изъ юнкеровъ школы гвард. подпрапорщиковъ произведенъ былъ въ прапорщики л.-гв. Егерьскаго полка и былъ адъютантомъ-генераловъ Гурко и Офросимова; въ Егерьскомъ полку Ралль прослуживъ до 1-го января 1846 г., когда, въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ уволенъ въ безсрочный отпускъ съ переводомъ въ

л.-гв. Преображенскій полкъ; въ 1848 г. онъ снова вернулся въ л.-гв. Егерьскій полкъ, 23-го апрѣля 1850 г. перешелъ въ л.-гв. Финляндскій, а 2-го мая 1854 г. — въ л.-гв. Семеновскій полкъ, съ производствомъ въ полковники. Съ 31-го августа 1855 до 9-го іюня 1857 г. Ралль командовалъ Бѣлорусскимъ резервнымъ полкомъ, а затѣмъ состоялъ по армейской пѣхотѣ до 24-го апрѣля 1859 г., когда былъ назначенъ командиромъ Самогитскаго Гренадерскаго Эрцгерцога Франца-Карла полка. Съ 12-го ноября 1860 г. Ралль былъ командиромъ Кексгольмскаго Гренадерскаго Имп. Австрійскаго полка, 30-го августа 1861 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, 26-го августа 1863 г. назначенъ командиромъ л.-гв. Волынскаго полка, съ которымъ принималъ участіе въ подавленіи Польскаго мятежа; 30-го августа 1865 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст. и назначенъ командующимъ 36-го пѣхотною дивизіею, 29-го апрѣля 1868 г. получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, съ утвержденіемъ начальникомъ 35-й пѣхотной дивизіи, и въ этой должности награжденъ орденами: св. Владиміра 2-й ст. (1870), Бѣлаго Орла (1872) и св. Александра Невскаго (1875); 19-го февраля 1877 г. Ралль былъ назначенъ командиромъ 6-го, 4-го марта того-же года — 5-го, а 7-го сентября 1878 г. — 10-го армейскихъ корпусовъ. Назначенный вскорѣ (17-го апрѣля 1879 г.) членомъ Военнаго Совѣта, онъ въ сентябрѣ того-же года награжденъ былъ алмазными знаками къ ордену св. Александра Невскаго, 15-го мая 1883 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а въ ночь на 6-е ноября того-же 1883 г. скончался.

Исторія л.-гв. Егерскаго полка за сто лѣтъ, 1796—1896, С.-Пб. 1896, прилож., стр. 63; «Русскій Инвалидъ» 1883 г., № 246 (некрологъ); Н. М. Затворницкій, Память о членахъ Военнаго Совѣта, С.-Пб. 1907, стр. 497—498; П. Диринъ. Исторія л.-гв. Семеновскаго полка, С.-Пб. 1883, прилож., стр. 145; Ф. Ростковскій, Исторія л.-гв. Финляндскаго полка, С.-Пб. 1881, приложеніе, стр. 117.

Ралль, *баронъ Ѳедоръ Александровичъ,* капельмейстеръ Императорскихъ Театровъ; родился въ Петербургѣ въ 1802 году. Отецъ его, баронъ Александръ Александровичъ, былъ придворнымъ банкиромъ въ царствованіе императора Александра I, мать же его, Елизавета Николаевна, была дочерью богатаго сахарозаводчика Мольво. Въ домѣ родителей Ралля очень любили музыку: въ домѣ его отца почти ежедневно происходили маленькіе концерты и вообще музыкальныя собранія. Этотъ домъ былъ наиболѣе значительный изъ всѣхъ музыкальныхъ центровъ въ Петербургѣ, и его посѣщали всѣ пріѣзжіе иностранные артисты. Здѣсь можно было встрѣтить и знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, и извѣстнѣйшихъ скрипачей и піанистовъ, и концертирующихъ по Европѣ музыкантовъ. Всѣхъ ихъ принимали очень радушно, и многіе изъ нихъ нерѣдко гостили здѣсь цѣлыми мѣсяцами. Баронъ Ѳ. А. Ралль рано началъ учиться музыкѣ и еще маленькимъ мальчикомъ бралъ уроки на фортепіано у знаменитаго Джона Фильда. Успѣхи его были необыкновенные, и было очевидно, что это былъ недюжинный талантъ; дѣйствительно, со временемъ онъ сталъ выдающимся піанистомъ, но больше всего полюбилъ онъ оркестръ и оркестровые инструменты, особенно духовые, какъ мѣдные, такъ и деревянные. Онъ зналъ ихъ до тонкости, игралъ на каждомъ изъ нихъ и при томъ игралъ прекрасно. Послѣ Фильда онъ сошелся съ извѣстнымъ тогда въ Петербургѣ піанистомъ Шарлемъ Мейеромъ (который былъ одно время учителемъ М. И. Глинки) и занимался съ нимъ музыкой, преимущественно фортепіано. Успѣхи Ралля въ музыкѣ были таковы, что около 1814 года, еще двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ, онъ сочинилъ и оркестровалъ маршъ, скоро послѣ того экоссезы, вальсы и другія вещицы; однако, уже послѣ первыхъ попытокъ, онъ оставилъ композиторское дѣло и ограничился только однимъ оркестрованіемъ, къ которому у него было призваніе. Въ 1821 году Ралль поступилъ юнкеромъ въ Ольвіопольскій гусарскій полкъ, стоявшій тогда въ Вилькомірѣ (нынѣшней Ковенской губерніи), въ 1822 году былъ произведенъ въ корнеты, а въ ноябрѣ этого же года взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ Петербургъ. Такъ какъ отецъ его былъ противъ военной службы, то онъ 16-го марта 1824 года подалъ въ отставку. Черезъ два года, въ 1826 году, во время погребенія императора Александра I, онъ исполнялъ должность помощника церемоніймейстера. Послѣ этого, въ теченіе пяти лѣтъ, онъ нигдѣ не служилъ, занимаясь у себя дома музыкой, и только въ іюлѣ 1831 года былъ опредѣленъ въ штатъ Петербургской по-

лиціи, будучи назначенъ «состоять» при тогдашнемъ Петербургскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ графѣ Эссенѣ. Но служба эта была только номинальная, и всѣ почти восемь лѣтъ, которые баронъ Ралль состоялъ на ней, онъ по прежнему употреблялъ все свое время на музыкальное самообразованіе и усовершенствованіе. Въ 1833 году умеръ его отецъ; два старшихъ брата, Александръ и Николай, умерли еще раньше, всѣ сестры и мать были пристроены; Ѳ. А. нужно было заботиться только о себѣ. Имѣніе было разстроено, приходилось думать о средствахъ къ жизни. Долго думалъ онъ, что ему дѣлать, и только въ 1839 году подалъ прошеніе директору Императорскихъ Театровъ А. М. Гедеонову, прося его дать ему мѣсто въ Дирекціи по его способностямъ. Гедеоновъ назначилъ его капельмейстеромъ оркестра Императорскихъ Театровъ (собственно управляющимъ оркестра, такъ какъ капельмейстеромъ въ ту пору былъ знаменитый Кавосъ, а послѣ него А. Ф. Альбрехтъ, бывшій до тѣхъ поръ первою скрипкою въ оркестрѣ), при чемъ онъ обязанъ былъ «сочинять и набирать музыку для балетовъ, дивертисментовъ водевилей и исполнять все то, что отъ Дирекціи приказано будетъ». Черезъ полгода баронъ Ралль получилъ новое назначеніе: по распоряженію директора театровъ Гедеонова 1-го марта 1841 года ему было приказано быть «надзирателемъ нотной конторы», т. е. онъ долженъ былъ завѣдывать храненіемъ нотъ, а также и изготовленіемъ оркестровыхъ партій для исполненія оперъ, балетовъ и т. под. на нашей театральной сценѣ; 13-го января 1842 г. директоръ приказалъ: «Завѣдующему нынѣ нотною конторою, капельмейстеру барону Раллю, на основаніи его рапорта отъ 15-го декабря 1841 года, по свободности отъ другихъ по оркестру обязанностей, поручить ему полное завѣдываніе военною музыкой, при спектакляхъ употребляемой, со всѣми приготовленіями оной для представленій и арранжировкою на сценѣ, съ обязанностью перелагать и сочинять оную по надобности, дѣлать корректурныя изученія, занимаясь всѣмъ симъ въ ихъ полковой школѣ». Это назначеніе было самое желательное для барона Ралля: оно давало ему полную возможность заниматься именно только тѣмъ дѣломъ, которое наиболѣе подходило къ его способностямъ, къ его призванію. Въ 1830-хъ годахъ, съ тѣхъ поръ какъ открытъ былъ большой театръ, военную музыку на нашей оперной сценѣ всегда исполнялъ оркестръ Гвардейскаго экипажа. Еще задого до предписанія Гедеонова отъ 13-го января 1842 года, баронъ Ралль началъ заниматься этимъ оркестромъ, по полученіи же этого предписанія, онъ еще больше времени сталъ проводить тамъ, такъ что многіе даже считали его капельмейстеромъ оркестра Гвардейскаго экипажа. Такими усиленными занятіями оркестръ былъ доведенъ до полнаго совершенства, что было очень кстати, такъ какъ 10-го апрѣля 1842 года М. И. Глинка представилъ въ театральную Дирекцію свою оперу «Русланъ и Людмила», и Гедеоновъ принялъ ее. Значеніе военнаго оркестра въ этой оперѣ было такъ велико, какъ ни въ какой другой, но, несмотря на то, что М. И. Глинка былъ прекрасный оркестраторъ, онъ все-таки боялся оркестровать самъ ту часть музыки, которая предназначалась для военнаго оркестра. Это дѣло онъ рѣшилъ поручить какому-нибудь военному капельмейстеру, знающему до тонкости духовые инструменты, но нужно было, чтобы онъ былъ въ то же время и превосходный музыкантъ, вполнѣ понимавшій идеи композитора. Такимъ лицомъ какъ разъ и былъ баронъ Ѳ. А. Ралль, который и по своему служебному положенію обязанъ былъ «перекладывать на военный оркестръ то, что потребуется для театра». Ему и поручена была оркестровка оперы «Русланъ и Людмила». Глинка еще раньше былъ знакомъ съ барономъ Раллемъ. При исполненіи «Руслана» въ Петербургѣ, Ралль всегда самъ выполнялъ въ оркестрѣ партію фортепіано (употребленіе котораго въ оркестрѣ было введено у насъ впервые Глинкой и именно въ этой оперѣ). Въ 1845 г. въ Петербургъ пріѣхала знаменитая итальянская оперная труппа съ Рубини, Тамбурини, Віардо и другими звѣздами того времени. Русская опера была заброшена, все вниманіе было поглощено итальянцами. Многія партитуры въ это время были отправлены въ Москву, въ томъ числѣ и партитуры «Руслана», участь которой оказалась очень печальной: всѣ партіи военнаго оркестра, съ такимъ стараніемъ арранжированныя барономъ Раллемъ, были кѣмъ-то и когда-то утеряны. Къ счастью для

автора, онъ не зналъ объ этомъ, и ему не пришлось испытать и пережить утрату лучшаго и самаго значительнаго труда всей своей жизни. Онъ умеръ 4-го іюля 1848 года, отъ холеры.

По натурѣ своей баронъ Ралль былъ нрава мало общительнаго, очень много занимался музыкой и писаніемъ партитуръ. Впрочемъ, музыкой занимался онъ только у себя дома, не ходилъ почти никогда въ концерты и на музыкальные вечера и особенно не любилъ квартетной струнной музыки. Кабинетъ его всегда былъ заваленъ партитурами, преимущественно оперъ Мейербера и другихъ современныхъ ему композиторовъ. Изъ музыкальныхъ друзей его, съ которыми онъ охотнѣе всего проводилъ время, были сначала Глинка, а послѣ его отъѣзда за границу—А. Ѳ. Львовъ и братья Лядовы (Александръ и Константинъ). Въ послѣдній годъ его жизни особенную радость доставили ему концерты Берліоза, данные въ Петербургѣ въ апрѣлѣ 1847 года, и Ралль до послѣднихъ дней своихъ восхищался какъ геніальностью этого музыканта и дирижера, такъ и вообще его оригинальной натурой. Баронъ Ѳ. А. Ралль не ограничивался однимъ только дирижированіемъ и разучиваніемъ съ оркестромъ Гвардейскаго экипажа; наиболѣе способнымъ изъ своихъ музыкантовъ онъ давалъ еще отдѣльные уроки по теоріи музыки. Изъ такихъ его учениковъ особенно выдѣлялся старшій музыкантъ оркестра Сидоровъ, рано умершій отъ чахотки.

«Русская Старина» 1893 г., ст. В. Стасова: «Помощникъ Глинки», стр. 300—315; «Ежегодникъ Императорскихъ театровъ» за 1892—3 г., ст. В. Стасова: «Капельмейстеръ баронъ Ѳедоръ Александровичъ Ралль», стр. 485—490; «Библіотека для Чтенія» на 1843 годъ, ноябрь, ст. кн. Одоевскаго: «Музыкальныя новости», стр. 1—4.

Ралль, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ,* генералъ-маіоръ; род. въ 1786 году; изъ пажей былъ выпущенъ въ 1803 г. въ Лейбъ-гренадерскій (впослѣдствіи Л.-Гв. Гренадерскій) полкъ, въ рядахъ котораго сражался подъ Аустерлицемъ; въ чинѣ поручика переведенъ въ 1806 г. въ Л.-Гв. Егерскій полкъ; за отличіе въ сраженіяхъ при г. Гейльсбергѣ и подъ Фридландомъ (1807) награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Во время Отечественной войны принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ г. Смоленскомъ, при Бородинѣ, при Тарутинѣ и подъ Малымъ Ярославцомъ; былъ въ заграничномъ походѣ въ 1813 г., раненъ подъ Кульмомъ и за отличіе въ этомъ сраженіи награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.; въ 1814 г. Р. сражался подъ стѣнами Парижа и, по окончаніи военныхъ дѣйствій, возвратился морскимъ путемъ въ Россію. Въ 1815 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 1-го Карабинернаго полка, которымъ командовалъ не долго, такъ какъ въ 1818 г. былъ уволенъ отъ службы за ранами. Въ 1826 г. полковникъ Ѳ. Ѳ. Ралль снова поступилъ на службу, будучи назначенъ командиромъ пѣхотнаго Фельдмаршала герцога Веллингтона полка; съ открытіемъ Турецкой войны (1828—1829 гг.) онъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ за Дунаемъ; за отличіе при вытѣсненіи непріятеля стрѣлками изъ м. Праводы былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ 3-й бригады 10 пѣхотной дивизіи. Въ 1829 году, за оказанныя во время осады м. Праводъ отличія, награжденъ золотою шпагою, украшенною алмазами и съ надписью «за храбрость»; при усмиреніи Польскаго мятежа онъ командовалъ 3-й бригадой 9-й пѣхотной дивизіи. Послѣ преобразованія армейской пѣхоты онъ былъ назначенъ командиромъ 2 бригады 7 пѣхотной дивизіи въ 1833 году, а черезъ два года вышелъ въ отставку; умеръ 7 іюня 1837 г.

Архивъ Главнаго Штаба, Дѣло № 42 по 3 столу 1 отд. Инспек. Деп. Воен. Минист. за 1835 годъ № 856; О. фонъ-Фрейманъ. Пажи за 185 лѣтъ. Фридрихсгамъ. 1898 стр. 135; Дѣло Историч. Муз. Паж. Корпуса; Арх. Капитула Орденовъ; «Русскій Инвалидъ» 1901 г., № 257.

Рамазанова, *Софья Александровна,* артистка Петербургскихъ Императорскихъ театровъ; дочь извѣстныхъ артистовъ А. Н. и А. И. Рамазановыхъ, родилась въ 1818 году. По смерти родителей она была помѣщена въ Петербургское Театральное Училище, гдѣ пробыла до 20-го марта 1836 года. Выпущенная въ драматическую труппу съ жалованьемъ по 700 рублей въ годъ, Р. заняла вторыя роли, но вскорѣ, несмотря на свои молодые годы, перешла на роли старухъ. Въ этомъ амплуа она быстро сумѣла завоевать себѣ симпатіи публики, которая не охладѣвала къ ней до самаго конца ея артистической карьеры. Въ 1841 году С. А. Рамазанова вышла замужъ за Н. А. Смирнова, учителя Пав-

ловскаго Кадетскаго Корпуса, но сцены не оставила и прослужила въ драматической труппѣ Императорскихъ театровъ двадцать лѣтъ, до 1856 года, когда (7-го апрѣля) была уволена съ пенсіей по 450 рублей въ годъ. Послѣ этого Р. прослужила на казенной сценѣ еще два года въ благодарность за назначенную пенсію и только 31-го марта 1858 г. окончательно оставила театръ; она умерла въ февралѣ 1885 г.

Архивъ Дирекціи Императорскихъ театровъ, Дѣло 1858 года за № 220.

Рамазановъ, *Александръ Николаевичъ,* артистъ Императорскихъ Петербургскихъ театровъ. Род. въ 1792 году, воспитаніе получилъ въ Театральномъ Училищѣ, будучи еще ученикомъ котораго въ 1810 г. игралъ уже на сценѣ; до окончанія Училища, въ теченіе трехъ лѣтъ, продолжалъ онъ появляться на сценѣ, занимая подчасъ значительныя роли. Изъ училища Рамазановъ былъ выпущенъ въ 1812 году, и имя его тогда уже хорошо было извѣстно публикѣ, которая успѣла оцѣнить и полюбить молодого артиста. Будучи ученикомъ Воробьева, онъ оказался вполнѣ достойнымъ своего учителя: его игра, какъ въ водевиляхъ, такъ и въ операхъ, пользовалась большимъ успѣхомъ. Лучшею ролью этого артиста была роль Фигаро, затѣмъ роль слуги въ комедіи Мольера «Школа Женщинъ» и въ комической оперѣ «Сандрильона» роль Дандини; вообще онъ прекрасно исполнялъ комическія роли, напримѣръ, въ «Казакѣ Стихотворцѣ» или роль Грюрьяка въ водевилѣ «Фениксъ, или утро Журналиста». Кромѣ драматическаго таланта, онъ прославился, какъ отличный танцоръ, превосходно исполнявшій русскую пляску въ дивертисментахъ, которую онъ почти всегда сопровождалъ припѣвомъ пѣсни: «Жду красотку я мою». Современники, видѣвшіе, какъ онъ исполнялъ эту пляску, единодушно утверждаютъ, что никто не имѣлъ такой чисто русской плясовой ухватки, какъ Рамазановъ. Кромѣ того, онъ былъ прекраснымъ преподавателемъ танцевъ и обучалъ имъ воспитанниковъ въ разныхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и въ кадетскихъ корпусахъ. А. Н. Рамазановъ былъ замѣчательный талантъ своего времени. Главными и лучшими достоинствами его были — неподдѣльная постоянная веселость и живость. Единственнымъ недостаткомъ его, по словамъ Р. Зотова, было излишество жестовъ, однако и этотъ недостатокъ выкупался живостью его игры, за что охотно прощали ему подчасъ лишній жестъ. Его игра была одинаково прелестна какъ въ роляхъ простодушныхъ, такъ и въ роляхъ хитрыхъ слугъ. Нравъ онъ имѣлъ веселый, пріятный, характеръ былъ у него добрый, за что и любили его всѣ товарищи. Въ 1827 году Рамазановъ серьезно заболѣлъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (28-го сентября) умерла жена его, Александра Ивановна, 29 лѣтъ, тоже артистка Императорскихъ театровъ. Смерть ея, по свидѣтельству современниковъ, такъ сильно подѣйствовала на артиста, что онъ умеръ 23-го іюня 1828 г., на 36-мъ году жизни. О той любви, которою пользовался этотъ артистъ среди своихъ товарищей, можно судить по тому, что, послѣ его смерти, они собрали по подпискѣ тысячу рублей, чтобы соорудить на его могилѣ достойный такого человѣка надгробный памятникъ. Послѣ смерти Рамазанова осталось шесть человѣкъ дѣтей — круглыхъ сиротъ. Дирекція Императорскихъ Театровъ, желая, съ одной стороны, почтить память прекраснаго артиста, а съ другой, желая хоть немного обезпечить оставшихся послѣ него сиротъ, назначила бенефисъ въ ихъ пользу 9-го іюля 1828 года. Въ этотъ день была дана драма «Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока».

«Артистъ» 1891 г., кн. 18, ст. А. Н. Сиротинина: «Очеркъ развитія русскаго сценическаго искусства», стр. 46—47; «Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ» 1840 г., ч. I, кн. I стр. 83; «Сѣверная Пчела» 1828 г., 7-го іюля, № 81, стр. 3, некрологъ; «Репертуаръ русскаго театра» 1840 г., ч. II, кн. VII, ст. Р. Зотова: «И мои воспоминанія о театрѣ», стр. 28; Энциклопедическій словарь, изданіе Брокгауза и Ефрона, т. 26, стр. 244; «Сѣверная Пчела» 1828 г., 26-го мая, № 3, ст.: «Русскій Театръ», стр. 3; 12-го іюля № 83, ст.: «Русскій Театръ», стр. 3; 1830 г., 26-го августа, № 102, ст.: «Русскій Театръ», стр. 3; А. И. Вольфъ, «Хроника Петербургскихъ театровъ», С.-Пб. 1877 г., вып. I, стр. 8, 18.

Рамазановъ, *Николай Александровичъ,* скульпторъ и писатель по исторіи искусства. Род. въ Петербургѣ 24-го января 1817 г., умеръ въ Москвѣ 18-го ноября 1867 г. Происходя изъ артистической семьи, такъ какъ отецъ и мать его были актерами Императорскихъ театровъ, дѣдъ — балетмейстеромъ, тетка — М. И. Валберхова — извѣстной драматической артисткой, а дядя по матери

Гольцъ—извѣстнымъ балетмейстеромъ, Р. съ самаго ранняго дѣтства росъ въ сферѣ искусства. Семилѣтнимъ ребенкомъ онъ танцовалъ уже на сценѣ Большого Театра, въ бенефисы отца и тетки, и даже помогалъ отцу въ обученіи малолѣтнихъ воспитанниковъ Академіи Художествъ, когда тамъ, по почину президента А. Н. Оленина, устраивались спектакли. Когда пришло время отдавать мальчика въ учебное заведеніе, то отецъ предоставилъ ему самому выборъ между двумя поприщами—поступить въ Театральное Училище или въ Академію Художествъ, такъ какъ къ этому времени уже выказались его способности къ рисованію и онъ началъ уже учиться у Ѳ. Г. Солнцева, впослѣдствіи извѣстнаго художника-археолога. Послѣ недолгаго колебанія, мальчикъ выбралъ Академію Художествъ, куда и поступилъ въ октябрѣ 1827 года.

Это время совпало съ двумя тяжелыми событіями въ жизни Р.: 28-го сентября 1827 г. умерла его мать, а 23-го іюня 1828 г.—отецъ. Братьевъ и сестру нашего художника взяла на свое попеченіе упоминавшаяся М. И. Валберхова, вполнѣ посвятившая имъ свою жизнь.

При своихъ способностяхъ и горячей любви къ искусству, Р. былъ до чрезвычайности увлекающеюся натурою. Отъ усидчивыхъ занятій своимъ предметомъ его отвлекали то музыка, то литература, то театры, то балы и кутежи съ товарищами.

«Разъ я былъ въ натурномъ классѣ въ чрезвычайно разстроенномъ состояніи духа», вспоминаетъ онъ самъ о годахъ своего ученія.» Работа моя не шла такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось; я видѣлъ, что отстаю въ успѣхахъ отъ моихъ товарищей: это меня мучило, и я завидовалъ имъ, называлъ ихъ счастливцами, потому что мысли ихъ были единственно устремлены на натурщика, между тѣмъ какъ въ моей головѣ бродили тысячи предположеній, которыхъ я не могъ угомонить, при всемъ моемъ стараніи устремить вниманіе на предстоявшую работу. То рисовалась предо мною картина Страшнаго суда, то создавался планъ повѣсти, то являлось непреодолимое желаніе постигнуть законы музыки».

Даже и въ передѣлахъ академическихъ занятій у Рамазанова одинъ порывъ быстро смѣнялся другимъ: то онъ приходилъ въ восторгъ отъ отношенія къ преподаванію своего профессора Б. И. Орловскаго, то всѣми силами стремился перейти отъ него къ другому профессору, С. И. Гальбергу, находя, что здѣсь онъ остается все равно, что безъ руководителя, а «при всѣхъ моихъ способностяхъ, восклицаетъ онъ, мнѣ необходимы совѣты, наставленія... я погибну безъ руководителя»! Онъ то устраиваетъ съ товарищами спектакли, то издаетъ рукописный журналъ, который, по его словамъ, «долженъ имѣть первою цѣлью—образовать слово художника, дабы онъ, при открытіи тайнъ въ своемъ искусствѣ, могъ передать эти драгоцѣнныя тайны другому; второю—родить соревнованіе между товарищами и поддерживать любовь къ художествамъ; третьей—указывать имъ отечественное, обращать ихъ фантазіи на поприще русской исторіи, русскаго быта, которые до сихъ поръ забыты». Журналъ этотъ назывался «Момусъ», а потомъ былъ переименованъ въ «Досуги художника», сотрудниковъ было двѣнадцать человѣкъ, а за полтора года до выпуска изъ Академіи издавалась тоже рукописная «Домашняя Художественная Газета», съ иллюстраціями, въ которой, кромѣ академистовъ, принимали участіе: одинъ артиллерійскій офицеръ, О. И. Константиновъ, впослѣдствіи основавшій газету «Кавказъ», и П. П. Каменскій. Нѣкоторыя статьи изъ этой газеты были потомъ напечатаны въ «Художественной Газетѣ» А. Н. Струговщикова.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на все это, съ внѣшней стороны занятія Р. въ Академіи шли обычнымъ порядкомъ. Въ 1829 г. онъ получилъ награду первой степени за успѣхи въ наукахъ; въ 1833 г. переводится въ казеннокоштные академисты, въ 1836 г., «за лѣпленіе съ натуры», получаетъ вторую серебряную медаль и поступаетъ въ классъ профессора Б. И. Орловскаго; на слѣдующій годъ, «за барельефъ, изображающій искушеніе Спасителя въ пустынѣ», удостоивается первой серебряной медали, въ 1838 г., за группу «Милона Критонскаго, терзаемаго львомъ», получаетъ вторую золотую медаль и, наконецъ, въ 1839 г. оканчиваетъ курсъ Академіи со званіемъ художника XIV-го класса и съ первою золотою медалью, за круглую фигуру «Фавна съ козленкомъ». Вмѣсто послѣдней статуи у него было намѣреніе вылѣпить «Яна Усмовича», но профессора нашли, что такая

тема не по его силамъ, и эскизъ не былъ утвержденъ.

Въ этомъ же году онъ работалъ въ мастерской Троду «готическія статуи Весны и Лѣта», для Зимняго Дворца и на выработанныя деньги рѣшилъ поѣхать въ Москву, куда онъ давно уже стремился, такъ какъ никуда еще не выѣзжалъ изъ Петербурга, а Москва влекла его къ себѣ, какъ историческій памятникъ. Проводникомъ его по обозрѣнію московскихъ достопамятностей былъ прекрасный знатокъ Москвы С. П. Кампіони, въ благодарность за что молодой художникъ вылѣпилъ его бюстъ.

Послѣ этой поѣздки Р. принялъ участіе въ исполненіи памятниковъ Карамзину въ Симбирскѣ и Державину въ Казани, оставшихся неоконченными послѣ смерти С. И. Гальберга. На его долю, въ первомъ памятникѣ, достался барельефъ, изображающій «Карамзина, читающаго императору Александру I-му Исторію Государства Россійскаго», и колоссальный бюстъ исторіографа. Второй памятникъ имъ исполненъ вмѣстѣ съ К. М. Климченко.

По окончаніи этихъ работъ, Р. былъ отправленъ пенсіонеромъ Академіи въ Италію и въ сентябрѣ 1843 г. выѣхалъ за границу. Свое путешествіе и первое время пребыванія въ Италіи онъ описалъ подробно, и оно было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1877 и 1878 гг. Въ этомъ описаніи мы встрѣчаемъ разсказы о всевозможныхъ праздникахъ, прогулкахъ и пирушкахъ и очень мало—объ искусствѣ. Онъ и самъ обратилъ на это вниманіе и замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ: «Еще серьезно не занимаюсь. Почему? спросишь ты. Отвѣчаю: по случаю скопленія впечатлѣній, въ головѣ такое броженіе, какого я не ожидалъ. Все, что было задумано, затѣяно въ Петербургѣ, всѣ планы, всѣ цѣли перепутались, и я до сихъ поръ не могу освободиться отъ этого лихорадочнаго состоянія мозга; но надѣюсь на скорый переломъ болѣзни».

Однако, надежда эта не оправдалась вполнѣ и до конца его пребыванія за границей. Кружокъ, въ которомъ онъ вращался и даже былъ душою его, все время занимался болѣе прожиганіемъ жизни, чѣмъ усовершенствованіемъ въ искусствѣ, и если Р. прожилъ въ Римѣ не вполнѣ безполезно, то лишь благодаря большимъ способностямъ, которыми надѣлила его природа.

Приступивъ къ работѣ, онъ составилъ сразу пять проектовъ: «Неаполитанскаго мальчика, слушающаго шумъ въ раковинѣ», «Играющаго въ бильбоке», «Ребенка, плачущаго надъ разбитыми яицами», «Нимфу, которая ловитъ на плечѣ бабочку» и «Вакханки, отнявшей у Фавненка свирѣль». Рисунки этихъ проектовъ отвезъ въ Петербургъ бывшій въ то время директоромъ русскихъ художниковъ въ Римѣ П. И. Кривцовъ, который, по возвращеніи оттуда, передалъ Р. заказъ сдѣлать изъ мрамора, для Государя Императора, группу «Нимфу, ловящую на плечѣ бабочку». Въ это же время художникъ вылѣпилъ эскизъ другой группы, которая должна была составить pendant къ группѣ П. А. Ставассера, — «Сатира, выпрашивающаго поцѣлуй у Нимфы при фонтанѣ», а потомъ собирался приняться за статую «Діогена съ фонаремъ, ищущаго человѣка», и сдѣлалъ уже эскизъ ея.

Въ концѣ 1845 г., пріѣхалъ въ Римъ императоръ Николай I. Объѣзжая мастерскія русскихъ художниковъ, онъ былъ и у Р. Сообщая объ этихъ посѣщеніяхъ Академіи Художествъ, графъ Ѳ. П. Толстой писалъ: «Глиняною статуею пенсіонера Николая Р.: «Нимфа, ловящая на своемъ плечѣ бабочку» Его Императорское Величество остался очень доволенъ и хотѣлъ заказать ему ее изъ мрамора; но послѣ отвѣта художника, что она уже Его Императорскимъ Величествомъ заказана и купленъ мраморъ, Государь Императоръ обратилъ свое вниманіе на алебастровый эскизъ-группы, которую Р. сочинилъ въ pendant группѣ Ставассера, именно: «Сатиръ, выпрашивающій поцѣлуй у Нимфы при фонтанѣ», и изволилъ сказать: «Сочиненіе этой группы хорошо, но слишкомъ выразительно. Ты сдѣлай ее поскромнѣе, иначе мнѣ нельзя будетъ поставить ее въ моихъ комнатахъ». Сверхъ того, Р. теперь занятъ рисунками собственно имъ сочиненной греческой сказки «Красота и Искусство».

Къ этому же времени относятся его работы: бюстъ С. Л. Левицкаго, небольшая статуя дѣвочки и эскизы горельефовъ для храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Горельефы эти были исполнены, впрочемъ, уже гораздо позднѣе и представляютъ: на восточной сторонѣ храма, въ средней ар-

кѣ — образъ Владимірской Божіей Матери, а въ четырехъ малыхъ, боковыхъ—образа Св. Царицы Александры, Св. Маріи Магдалины, Св. Анны Пророчицы и Св. Вмч. Екатерины; на правомъ углу храма — Воскресеніе Христово, и на сѣверной сторонѣ, при оконныхъ аркахъ выступа, — Св. Благовѣрнаго князя Даніила Московскаго и Св. Саввы Звенигородскаго.

Лѣтомъ 1846 г. у Р-ва, изъ-за одного товарища, произошло очень крупное столкновеніе съ замѣнившимъ къ тому времени П. И. Кривцова Л. И. Килемъ, послѣ чего Килю нельзя было остаться на прежнемъ мѣстѣ, и Р. былъ вызванъ въ Россію, куда и вернулся 1-го октября 1846 г.

Между тѣмъ, въ Московскомъ Училищѣ Живописи рѣшено было открыть классъ ваянія, и жившему тогда въ Петербургѣ члену Совѣта Московскаго Художественнаго Общества, при которомъ состояло Училище, И. Г. Сенявину, поручено было пригласить на должность преподавателя входившаго тогда въ славу Н. Г. Пименова; но такъ какъ послѣдній въ это время, по Высочайшему повелѣнію, былъ оставленъ въ Италіи на неопредѣленный срокъ, по возвращеніи же въ отечество его уже ожидало мѣсто преподавателя въ Академіи, а Р. какъ разъ къ этому времени пріѣхалъ, то И. Г. Сенявинъ и пригласилъ его. Онъ сразу же далъ свое согласіе, но вступилъ въ исправленіе своей должности лишь 19-го октября 1847 г.: задержало его сперва исполненіе работъ, заказанныхъ ему адмираломъ М. П. Лазаревымъ, по рекомендаціи графа Ѳ. П. Толстого, а затѣмъ исправленіе неожиданно обрушившейся одной изъ колоссальныхъ полуфигуръ, исполненныхъ имъ въ строившуюся тогда церковь Конногвардейскаго полка.

Своею преподавательскою дѣятельностью Р. вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Правда, онъ не внесъ въ это дѣло ничего оригинальнаго и неуклонно придерживался принциповъ своихъ бывшихъ профессоровъ, Б. И. Орловскаго и С. И. Гальберга, заботясь о строго классическомъ направленіи скульптуры; но въ этомъ направленіи онъ вложилъ всю свою душу въ дѣло преподаванія. Достаточно упомянуть, что изъ среды его учениковъ вышли такіе скульпторы, какъ М. А. Чижовъ, С. И. Ивановъ, В. С. Бровскій и мн. др. Имѣя дѣло съ учениками, выходящими изъ бѣдной и угнетенной среды, Р. не щадилъ своихъ скудныхъ средствъ, съ полной готовностью приходя къ нимъ на помощь: кому удѣлялъ онъ помѣщеніе въ своей и безъ того небольшой квартирѣ, кого ссужалъ деньгами или выхлопатывалъ субсидію отъ Общества, кому добивался освобожденія отъ крѣпостной зависимости, для кого покупалъ рекрутскую квитанцію; не оставлялъ безъ помощи и бѣдныхъ товарищей или семьи умершихъ художниковъ, дѣлясь и съ ними всѣмъ, что̀ имѣлъ.

Не ограничиваясь преподавательскою дѣятельностью въ Училищѣ, Р. заботился и о художественномъ развитіи Общества. Состоя сотрудникомъ, съ самаго основанія журнала, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а также и въ «Москвитянинѣ» и, въ теченіе пяти лѣтъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», онъ постоянно знакомилъ публику съ молодыми талантами, съ замѣчательными произведеніями искусства и со всѣмъ, что̀ заслуживало вниманія въ этой области. При этомъ сужденія его всегда основывались на упомянутомъ принципѣ стремленія къ возсозданію классическаго искусства, и все, что̀ отступало отъ такого стремленія, вызывало съ его стороны строгій приговоръ. Такъ, напримѣръ, онъ рѣзко осудилъ извѣстный выходъ изъ Академіи Художествъ, въ 1863 г., тринадцати учениковъ, образовавшихъ потомъ артель, а впослѣдствіи составившихъ ядро Товарищества Передвижныхъ выставокъ. Но, во всякомъ случаѣ, его «Художественная Лѣтопись» была для того времени явленіемъ выдающимся, такъ какъ онъ первый заговорилъ съ публикой о художественныхъ вопросахъ во всеоружіи знанія, соединеннаго съ литературнымъ талантомъ. Лучшимъ подтвержденіемъ такой характеристики служатъ слова Ѳ. И. Буслаева, выразившагося о немъ такъ: «Я уважалъ Р., какъ даровитаго и образованнаго литератора, который, въ теченіе многихъ лѣтъ, проводилъ въ публикѣ здравыя понятія объ искусствѣ. Его литературныя связи съ такими журналистами, какъ Погодинъ и Катковъ, достаточно свидѣтельствуютъ о пользѣ, которую онъ, кромѣ скульптурнаго рѣзца, приносилъ обществу и перомъ».

Статьи свои Р. задумалъ собрать въ отдѣльныя книжки и одну такую книжку успѣлъ издать при жизни, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи художествъ въ

Россіи. М. 1863». Академія Художествъ выразила ему за это благодарность и пріобрѣла полтораста экземпляровъ за 225 р., «въ видѣ поощренія предпринятаго имъ труда». Вторая книга была имъ приготовлена уже къ печати, но при жизни издать ее онъ не успѣлъ, а по смерти его Академія пріобрѣла рукопись для изданія, но изданіе не состоялось и до сихъ поръ.

27-го сентября 1849 г. Совѣтъ Академіи, разсуждая, какъ сказано въ протоколѣ, «что состоящій учителемъ скульптуры при Московскомъ Училищѣ Живописи и Ваянія Р. произвелъ разныя скульптурныя работы, какъ въ бытность его за границею, такъ и по возвращеніи, свидѣтельствующія о дарованіи, познаніяхъ его въ художествѣ и отличныхъ успѣхахъ, и что онъ преподаваніемъ скульптуры въ означенномъ Училищѣ приноситъ особенную пользу ученикамъ», возвелъ его въ званіе академика, а 3-го апрѣля 1858 г., «во вниманіе къ особенному искусству и отличнымъ познаніямъ по части художествъ, доказаннымъ трудами, заслужившими извѣстность», президентъ Академіи возвелъ его въ степень профессора скульптуры.

Вслѣдствіе происшедшихъ непріятностей между нимъ и администраціею Училища, Р. 13-го мая 1866 г. принужденъ былъ выйти въ отставку, а 18-го ноября 1867 г. онъ умеръ, оставивъ послѣ себя вдову, сына и двухъ дочерей. Погребенъ Р. въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, гдѣ надъ могилою его сооруженъ памятникъ его товарищами и учениками.

Изъ произведеній его, кромѣ упомянутыхъ выше, извѣстны еще слѣдующія: эскизы горельефовъ, изображающихъ «Скульптуру», «Живопись», «Архитектуру» и «Музыку», для украшенія скульптурной залы дома графа Уварова, въ Порѣчьѣ; первый эскизъ былъ уже вылѣпленъ, но ни одинъ изъ нихъ исполненъ не былъ.—Бюстъ Н. В. Кукольника, случайно погибшій въ глинѣ.—Четыре барельефа, изображающіе «Четыре времени года», для генерала Давыдова (1848 г.).—Бюстъ графа Ѳ. П. Толстого.—Бюстъ А. С. Пушкина.—Статуя «Татьяны», изъ «Евгенія Онѣгина».—Украшенія въ Московскомъ Кремлевскомъ Дворцѣ (1850 г.). — Маска съ умершаго Н. В. Гоголя (1852 г.).—Мраморный бюстъ его же (1854 г.). — Маска съ умершаго графа С. С. Уварова (1855 г.).—Мраморное надгробіе, по порученію М. А. Офросимова (1862 г.).—Мраморная фигура молящагося Ангела, для П. Г. Осокина (1864—5 г.).—Мраморный бюстъ графини П. С. Уваровой (1864—5 г.).—Модель изъ воска для серебряной статуэтки «Богатыря» со знаменемъ, на коемъ начертано: «Единеніе Россіи», по порученію гг. московскихъ дворянъ (1864—5 г.). — Эскизы группы «Освобожденіе крестьянъ» для В. А. Кокорева (1884—5 г.). — Фигуры для Московской Этнографической выставки (1866 г.). — Кромѣ скульптурныхъ работъ, не мало осталось послѣ него и рисунковъ, изъ которыхъ портретъ М. И. Лебедева былъ гравированъ Ф. И. Веревкинымъ.

Въ заключеніе добавимъ, что изъ упомянутыхъ раньше произведеній «Нимфа, ловящая на своемъ плечѣ бабочку», высѣченная уже изъ мрамора, разбилась при перевозкѣ изъ за границы, и уцѣлѣлъ лишь рисунокъ ея, изданный въ «Русскомъ Художественномъ Архивѣ».

Дѣла Московскаго Художественнаго Общества №№ 12; 47; 61; 70 и 80; Ю. Випперъ, Исторія Училища Живописи, Ваянія и Зодчества. Неизданная рукопись; Благовѣщенскій. Рукописныя замѣтки, изъ собранія А. П. Новицкаго; Воспоминанія вдовы Р.— Люб. Макс. Рамазановой, рожд. Григорьевой, сообщенныя автору; «Художественная Газета» 1841 г., № 4. — «Иллюстрація» 1845 г., № 20.—Москвитянинъ 1848 г., № 11;—Отчеты Имп. Академіи Художествъ 1862—3 и 1864—5 гг.—Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. С.-Петербургской Академіи Художествъ. Т. II и III. С.-Пб. 1865 и 1866 гг.—Н. Рамазановъ Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи. М. 1863 г.—Его же: П. А. Ставассеръ.—«Русскій Вѣстникъ», т. XLIV.—Его же: М. И. Скотти — «Русскій Вѣстникъ» 1868 г., іюнь.—«Иллюстрированная Газета» 1867 г., №49. — «Московскія Вѣдомости» 1867 г., № 258, Некрологъ.—«Голосъ» 1868 г., № 3, Некрологъ.—О маскѣ Гоголя.—«Русская Старина» 1872 г., январь, стр. 128.—Н. Рамазановъ, Русскій художникъ за границей въ сороковыхъ годахъ. Семейныя письма—«Русскій Вѣстникъ» 1877 г., ноябрь и 1878 г., февраль и апрѣль.—Н. С. Поправки и дополненія, «Древняя и Новая Россія» 1878 г.—М. Мостовскій Исторія храма Христа Спасителя въ Москвѣ, М. 1883 г. — И. Н. Крамской, его жизнь, переписка и проч. С.-Пб. 1888 г.—Ровинскій Д. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, С.-Пб. 1889 г.—Дневникъ и записки Н. А. Рамазанова — «Русскій Художественный Архивъ» 1892 г.—Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, Кн. XI. С.-Пб. 1897 г., стр. 493; кн. XIV, стр. 158; 279 и 365.—Каталогъ выставки въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. М. 1902.—Каталогъ историко-художественной выставки русскихъ портретовъ 1905 г., С.-Пб.

1905 г.; В. И. Саитовъ и Б. Л. Модзалевскій, Московскій Некрополь, т. II, С.-Пб. 1908, стр. 6.

А. Новицкій.

Рамазановъ, *Петръ Петровичъ,* камеръ-музыкантъ, солистъ оркестра Петербургской Императорской оперы, скрипачъ. Род. въ началѣ 1800-хъ годовъ; отецъ его, Петръ Рамазановъ, былъ также камеръ-музыкантомъ и рано началъ учить сына играть на скрипкѣ. Мальчикъ выказалъ большія способности къ музыкѣ и скоро сдѣлалъ въ ней значительные успѣхи. Дальнѣйшее воспитаніе и образованіе онъ получилъ въ Петербургскомъ Театральномъ Училищѣ, по окончаніи курса котораго былъ зачисленъ, 1-го ноября 1823 г., камеръ-музыкантомъ въ оркестръ Императорской оперы и назначенъ исполнять на скрипкѣ соло. Первое время Дирекція Императорскихъ Театровъ была имъ очень довольна. По ея отзыву, данному въ виду просьбы П. П. Рамазанова о пособіи передъ свадьбой, «Рамазановъ, будучи отличнымъ музыкантомъ въ оркестрѣ, дававшій много разъ съ отличнымъ успѣхомъ концерты на скрипкѣ», вполнѣ заслуживалъ просимой награды. Въ концѣ 1825 года Рамазановъ женился на актрисѣ Натальѣ Александровнѣ Строгоновой; послѣ концерта, даннаго имъ 25-го марта 1827 года, Дирекція, «въ поощреніе таланта и отличнаго поведенія музыканта Петра Рамазанова», приняла на себя всѣ расходы по этому концерту. 1-го ноября 1833 года исполнилось десять лѣтъ — срокъ обязательной службы—по выпускѣ артиста изъ Театральнаго Училища, но Р. выразилъ желаніе быть оставленнымъ на дальнѣйшую службу, при чемъ ему была сдѣлана значительная прибавка къ содержанію. Но съ этихъ поръ отношеніе къ нему директора Театровъ, А. М. Гедеонова, сильно измѣнилось: послѣдній весьма часто былъ недоволенъ Рамазановымъ, иногда даже за то, что артистъ не игралъ соло въ тѣхъ операхъ, въ которыхъ его для скрипки и нѣтъ. 1839 г. для П. П. Рамазанова былъ особенно тяжелымъ. А. М. Гедеоновъ и врачъ при Дирекціи Императорскихъ Театровъ находили его сумасшедшимъ и три раза отправляли его въ больницу «Всѣхъ Скорбящихъ», но каждый разъ, по истеченіи одного-двухъ мѣсяцевъ, главный врачъ больницы выписывалъ его, сообщая А. М. Гедеонову, что послѣ самыхъ тщательныхъ наблюденій у Рамазанова никакихъ признаковъ умопомѣшательства онъ не замѣтилъ. Въ 1840 г. Р. разошелся съ женой. Въ началѣ слѣдующаго года, въ виду продолжавшагося на него неудовольствія А. М. Гедеонова, Р. былъ переименованъ просто въ оркестровые скрипачи, а 31-го декабря того же года уволенъ въ отставку. Съ этого времени, въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, онъ оставался безъ дѣла, а въ 1844 году просилъ директора Театровъ снова принять въ оркестръ. Гедеоновъ согласился и 15-го іюня того же года отдалъ распоряженіе назначить Рамазанова музыкантомъ въ оркестръ, но безъ жалованья. Р. прослужилъ еще два съ половиной года и умеръ 3-го декабря 1846 года.

Архивъ Императорскихъ Театровъ; дѣло 1841 года, за № 243.

Рамбахъ, *Фридрихъ-Эбергардъ,* профессоръ и ректоръ Дерптскаго Университета, родился въ Кведлинбургѣ 3-го іюля н. ст. 1767-го года. Высшее образованіе онъ получилъ въ Университетѣ въ Галле, гдѣ въ 1793 г. былъ удостоенъ степени доктора философіи. Въ 1791 г. Р. занялъ мѣсто субректора или проректора Фридрихской гимназіи, а затѣмъ получилъ должность профессора древностей въ Берлинской Академіи изящныхъ искусствъ и прикладныхъ наукъ. Въ 1801 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Института для молодыхъ женщинъ, а 18-го мая 1803 г. ему было предложено занять каѳедру камеральныхъ и финансовыхъ наукъ и торговли въ Дерптскомъ Университетѣ, съ званіемъ ординарнаго профессора; 30-го мая 1804 г. онъ былъ избранъ непремѣннымъ членомъ школьной комиссіи и оставался имъ до 1813 г., при чемъ относился къ своимъ обязанностямъ крайне добросовѣстно, объѣздивъ, напримѣръ, всѣ училища 8 разъ; кромѣ этого, Р. съ 1804 г. по 1806 г. безденежно исполнялъ должность директора Дерптскихъ Училищъ. 1-го августа 1804 г. онъ былъ избранъ деканомъ философскаго факультета въ первый разъ; вторично — 1-го августа 1811 г. Въ 1814 г. Р. былъ избранъ ректоромъ Дерптскаго Университета и въ 1815 г. это избраніе повторилось. Въ 1816 г. онъ былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго совѣтника и въ третій разъ избранъ въ деканы фило-

софскаго факультета. Въ 1812 г. Р., въ началѣ іюня, былъ, по Высочайшему повелѣнію, вызванъ въ Вильно, въ главную квартиру дѣйствующей арміи для учрежденія и управленія полевой типографіей. Умеръ Р. 30-го іюня 1826 г. въ Ревелѣ, куда поѣхалъ для поправленія морскими купаньями своего разстроеннаго здоровья.

Извѣстенъ Р. слѣдующими своими сочиненіями: Diss. «De Mileto eiusque coloniis» Halae 1790—«Denkmahl dem Jahr Siebzehnhundertneunzig errichtet», 1791, Hamburg; «Theseus auf Kreta», ein lyrisches Drama. Leipzig, 1791; «Hiero und seine Familie», Berlin, 1793; «Margot oder das Missverständniss», Dessau, 1793; «Die eiserne Maske» Leipzig, 1792; «Romantische Gemählde», Halle, 1793; «Die Fürsten», Berlin, 1793; «Ritter, Pfaffen, Geister», Leipzig, 1793; «Aylo und Dschadina, oder die Pyramiden». Zerbst. 1794; «Ueber die Bildung des Gefühls für das Schöne in öffentlichen Schulen», Berlin, 1794; «Einige Gedanken über den Werth und Nutzen der Alterthumskunde für den bildenden Künstler», Berlin. 1794; «Zwei Reden am Geburtstage des Königs etc.», Berlin, 1795; «Der grosse Kurfürst vor Rathenau» etc. Berlin, 1795; «Abriss einer Mythologie für Künstler zu Vorlesungen», Berlin, 1796; «Der Römer als Bürger und Hausvater», Berlin, 1796; «Otto mit dem Pfeil, Markgraf von Brandenburg», Berlin, 1797; «Stochverrath oder der Emigrant», Leipzig 1798; «Margot oder das Missverständniss», Leipzig, 1798; «Die Brüder», Leipzig, 1798; «Graf Mariano oder der Schuldlose Verbrecher», Leipzig, 1798; «Schauspiele (4 вышеупомянутыхъ драмы), ч. I и II, Leipzig, 1798; ч. III, Leipzig 1800; «Friedrich von Zollern», Berlin, 1798; «Die drei Räthzel», Leipzig, 1799; «Der Verstossene», Leipzig, 1799; «Theoretisch-practische Anleitung zum Geschäftsstyl», Berlin, 1799; «Fragmente über Deklamation», Berlin, 1800; «Vaterländisch — historisches Taschenbuch auf alle Tage im Jahr», Berlin, 1801; Königsberg 1803, 1808; «Fragmente über Deklamation» Berlin, 1801, 1803; Von der Erziehung zum Patriotismus» etc. Berlin, 1802; «Die Kuhpocken» Berlin, 1802; «Dionisiaka» etc. Berlin, 1802; «Neue deutsche Sprachlehre» etc., Berlin, 1802; «Abriss einer Geschichte des Vaterlandes», Berlin, 1802; «Dramatische Gemälde», Berlin, 1803; «Der Triumph des Frohsinns» etc., Berlin, 1804; «Der Nabob oder das Geheimniss», Berlin, 1804; «Die Terne oder Künstlerglück», Berlin, 1804; «Ueber Staatswirthschaft» etc., Riga, 1804; «Ankündigung eines allgemeinen Adress Kalenders» etc. Dorpat, 1807; «Deutsche Sprachlehre» etc. Mitau, 1808; «Jakob Johann Graf Sivers» etc., Dorpat, 1809; «An die Deutschen» etc. Riga, 1812; «Hermann» etc. Riga, 1813; «Rede am Friedensfeste» etc. Dorpat, 1814; «Ueber den Krieg» etc. 1807. Dorpat; Стихотворенія Р. помѣщены въ: «Morgensterns Dorpt. Beitr.» I, 368 и «Ruthenia» 1809, II, 233. — Кромѣ того, Р. издалъ много сочиненій другихъ авторовъ.

«Ostsee-Provinz. Blatt.», 1826 г., с. 151; «Merkels Zuschauer», 1826 г., № 2056; «Nekrolog der Deutschen» 4-ter Jahrg. ч. II, с. 941; Recke u. Napiersky, «Allg. Schrift. u. Gelehrt. Lexic.», т. III, с. 464—469; «Nachträge und Fortsetzungen». Наперскаго къ этому лексикону, 1859 г., I, с. 129, 130; Форм. спис. 1817 г. въ Сенатск. Архивѣ (1817 г., № 50, л. 22); Словарь профессоровъ Юрьевскаго Университета, т. II, Юрьевъ, 1903 г., стр. 602—604.

Рамбургъ, *Иванъ Степановичъ*, генералъ-лейтенантъ, корабельный мастеръ, генералъ-казначей и членъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Сынъ учителя танцевъ при дворѣ Петра Великаго Степана Рамбурга, въ 1715 году поступилъ на службу въ корабельные ученики, гдѣ скоро обрисовались его способности. Обративъ вниманіе на быстрые успѣхи, оказываемые въ дѣлѣ кораблестроенія молодымъ Рамбургомъ, а также и изъ расположенія къ его отцу Петръ Великій приказалъ въ 1718 году зачислить его въ свои собственные ученики, и съ этого года онъ уже занимался изученіемъ кораблестроенія подъ личнымъ наблюденіемъ Царя. Въ 1724 году послѣдній послалъ Р. во Францію для изученія тамошнихъ системъ кораблестроенія, гдѣ онъ провелъ четыре года, получая на свое содержаніе по 400 рублей въ годъ. Въ 1730 году онъ вернулся въ Россію и, какъ бы въ видѣ экзамена, ему вмѣстѣ съ другимъ корабельнымъ мастеромъ — Окуневымъ, поручено было, по Высочайшему повелѣнію, составить проектъ и построить 32-хъ пушечный фрегатъ («Митау»). Черезъ два съ половиной года фрегатъ былъ оконченъ, и Р., по Высочайшему повелѣнію, въ награду за труды, получилъ 300 рублей. Слѣдующая его работа была постройка

54-хъ пушечнаго корабля «Азовъ», которую онъ произвелъ одинъ въ теченіе 1734—1738 гг. 23-го іюня 1735 года Р. былъ пожалованъ въ званіе дѣйствительнаго корабельнаго мастера маіорскаго ранга съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ, а 2-го февраля 1737 года назначенъ совѣтникомъ Интендантской Экспедиціи. Въ слѣдующемъ году, за спускъ по французской системѣ корабля «Азовъ», награжденъ годовымъ окладомъ жалованья. Въ 1739 г., по его иниціативѣ, въ русскомъ судостроеніи были введены, по французскому образцу, желѣзныя кишты вмѣсто деревянныхъ, а вскорѣ затѣмъ онъ былъ назначенъ совѣтникомъ Экспедиціи надъ верфями и строеніями. Въ этой должности ему пришлось принимать участіе въ обсужденіи и рѣшеніи многихъ важныхъ въ исторіи морского дѣла вопросовъ, какъ-то: о мѣстонахожденіи новаго эллинга, о лучшемъ мѣстѣ для постройки 66-ти и 54-хъ пушечныхъ кораблей и др., а также неоднократно быть депутатомъ отъ Адмиралтействъ-Коллегіи. 30-го іюня 1741 года Р. былъ пожалованъ полковничьимъ рангомъ, а въ 1743 году ему назначено было жалованье по 1000 р. въ годъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ посланъ въ Москву для исправленія «маскараднаго корабля». Выполнивъ это порученіе и вернувшись снова въ Петербургъ, онъ въ 1747 году принялся за постройку 66-ти пушечнаго корабля «Іоаннъ Златоустъ второй», при чемъ имъ были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія (въ размѣрахъ) отъ принятаго образца, что едва не послужило поводомъ къ забракованію его проекта. Однако, ему удалось отстоять свое нововведеніе, и въ 1749 году «Іоаннъ Златоустъ второй» былъ спущенъ. Въ томъ же году Р. былъ командированъ для описи корабельныхъ лѣсовъ въ Галицкую провинцію а потомъ въ Казань — для наблюденія за заготовкою лѣса. Въ Казани онъ пробылъ четыре года и только въ 1754 году вернулся въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ назначенъ присутствовать въ Оберъ-Серваерской Конторѣ. 5-го мая 1757 года Р. былъ пожалованъ бригадирскимъ рангомъ, а въ 1759 году снова принялся за постройку 80-ти пушечнаго корабля «Киръ-Іоаннъ». 6-го мая 1762 года онъ былъ пожалованъ рангомъ генералъ-маіора, при чемъ ему Высочайше повелѣно было присутствовать въ Адмиралтействъ-Коллегіи. Вскорѣ, въ виду разстроеннаго здоровья и преклоннаго возраста, онъ сталъ проситься въ отставку, но по волѣ Императрицы Екатерины II былъ оставленъ до окончанія постройки начатаго имъ 80-ти пушечнаго корабля. Корабль этотъ («Киръ-Іоаннъ») оконченъ былъ въ концѣ 1762 г. но и тогда, признавая присутствіе Рамбурга необходимымъ въ Адмиралтействъ-Коллегіи, Императрица не согласилась на его отставку. 5-го іюня 1764 года онъ былъ пожалованъ въ генералъ-казначеи при Адмиралтействъ-Коллегіи и только 30-го декабря 1765 года былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ генералъ-лейтенанта; скончался около 1770 года.

«Общій морской списокъ», т. I, С.-Пб., 1885 г., стр. 315—316; «Матеріалы для исторіи Русскаго флота», т. VII, С.-Пб., 1879 г., стр. 515—516, 528, 539, 544, 545, 567—568, 616, 661, 673, 685, 720, 726 и 729; т. VII, С.-Пб., 1883 г., стр. 27—28, 169, 171, 258, 315, 342, 450, 475—476, 522, 566, 709 и 710; т. IX, С.-Пб., 1882 г., стр. 126, 318, 378, 387, 510 и 577; т. X, С.-Пб., 1883 г., стр. 26, 318, 322, 402, 509, 629, 667 — 668, 683, 685, 687 и 698; «Морской Сборникъ» за 1872 г., № 7.

Рамзай, баронъ *Эдуардъ Андреевичъ*, уроженецъ Вел. Княжества Финляндскаго, род. въ 1808 году и, получивъ домашнее воспитаніе, былъ опредѣленъ въ Пажескій Его Величества Корпусъ, гдѣ окончилъ курсъ ученія въ 1818 году и былъ выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Прослуживъ въ полку восемь лѣтъ, Р. обратилъ на себя вниманіе начальства, какъ отличный стрѣлокъ и, кромѣ того, какъ знатокъ оружія и стрѣлковаго дѣла. Въ 1828 г., уже въ чинѣ капитана, Р. былъ назначенъ командиромъ Финскаго учебнаго баталіона, а въ слѣдующемъ, 1829 г. сдѣланъ начальникомъ л.-гв. Финскаго стрѣлковаго батальона, только что сформированнаго подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Неутомимымъ усердіемъ къ службѣ и вниманіемъ къ дѣлу Р. довелъ этотъ баталіонъ въ отношеніи стрѣльбы и фронта до прекраснаго состоянія, за что и былъ пожалованъ въ званіе флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества (въ 1830 году) и произведенъ въ полковники. Вмѣстѣ съ своимъ баталіономъ Р. принималъ участіе въ войнѣ противъ польскихъ мятежниковъ, въ продолженіе которой баталіонъ заслужилъ Георгіевское знамя, а полковникъ Р. былъ по-

слѣдовательно награжденъ орденами: св. Анны 2-й степени, св. Владиміра 3-й степени, а также польскимъ знакомъ отличія за военныя достоинства 3-й степени.

По окончаніи войны 1831 г. Императоръ Николай I обратилъ особенное вниманіе на развитіе стрѣлковаго дѣла и формированіе въ войскахъ стрѣлковыхъ частей и образовалъ съ этою цѣлью особую Комиссію, въ которой полковникъ Р. принималъ живѣйшее участіе. Кромѣ того, онъ былъ командированъ въ Пруссію для изученія тамъ организаціи стрѣлковыхъ частей при войскахъ. По возвращеніи изъ этой командировки, Р. было поручено формированіе такъ называемой команды артиллерійскихъ стрѣлковъ, а также новаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона. Въ 1838 г. Р. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ инспекторомъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Должность эту онъ отправлялъ 18 лѣтъ и все время усердно и съ рвеніемъ занимался формированіемъ стрѣлковыхъ частей, обученіемъ и спеціальнымъ усовершенствованіемъ ихъ, въ особенности въ отношеніи стрѣльбы. Кромѣ того, онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи, боевыхъ силъ изъ уроженцевъ Великаго Княжества Финляндскаго: онъ сформировалъ 1-й финскій стрѣлковый баталіонъ, а также 1-й финскій флотскій экипажъ, который находился подъ его начальствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Р. былъ предсѣдателемъ верховнаго военнаго суда финскихъ войскъ. Произведенный въ генералъ-лейтенанты, Р. въ продолженіе Восточной войны командовалъ отрядами, расположенными на прибрежьѣ Финляндіи и участвовалъ два раза въ отраженіи десанта англо-французскихъ войскъ въ 1854 году у г. Экнеса и у мѣст. Рунсала. Въ 1855 г., при бомбардированіи Свеаборга, онъ командовалъ правымъ флангомъ оборонительной линіи. По окончаніи войны, Р. былъ возведенъ въ 1856 году въ баронское достоинство Великаго Княжества Финляндскаго, а затѣмъ назначенъ командиромъ Отдѣльнаго Гренадерскаго Корпуса. Въ этотъ періодъ службы баронъ Р. неоднократно удостоивался Высочайшихъ благоволеній и наградъ и былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ Его Величества въ 1858 году. Послѣ шестилѣтняго командованія Корпусомъ баронъ Р., по прошенію, былъ освобожденъ отъ этой должности и зачисленъ въ 1-ый лейбъ-Екатеринославской гренадерскій Его Величества полкъ.

Возникшіе безпорядки и мятежъ въ Царствѣ Польскомъ призвали барона Рамзая въ 1862 г. снова къ дѣйствительной службѣ. Онъ былъ назначенъ командующимъ войсками въ Царствѣ Польскомъ и, несмотря на свое разстроенное здоровье, немедленно прибылъ изъ-за границы къ своему посту и вступилъ въ командованіе войсками. Чрезъ годъ здоровье Р. потребовало серьезнаго лѣченія. Это побудило его просить увольненія отъ занимаемой должности. Онъ былъ уволенъ въ 1863 г. и награжденъ при этомъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго.

Позднѣе баронъ Рамзай былъ назначенъ (въ 1867 г.) помощникомъ главнокомандующаго войсками Варшавскаго Округа, а въ 1868 г. отпраздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своей службы въ офицерскихъ чинахъ, при чемъ былъ назначенъ вторымъ шефомъ лейбъ-гв. Финскаго стрѣлковаго баталіона.

Будучи членомъ Военнаго Совѣта, Р. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ этомъ званіи скончался 30-го апрѣля 1877 года въ г. Гельсингфорсѣ, гдѣ и погребенъ.

«Русскій Инвалидъ» 1877 г., № 103. Фрейманъ. Пажи, стр. 199—209; Записки В. А. Докудовскаго, Рязань, 1900 г.; «Моск. Вѣд.» 1868 г., № 69; Георгіевскіе кавалеры, 1861 г., вып. 11—12, стр. 1—30.

Рангъ, *Михаилъ Михайловичъ*, писатель, род. 12-го іюня 1823 г. въ Тамбовѣ, умеръ въ ночь на 7-е марта 1876 г. въ г. Владимірѣ; получилъ образованіе въ Институтѣ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, куда вступилъ кадетомъ 1-го іюля 1837 г.; 3-го іюля 1841 г. былъ произведенъ въ портупей-прапорщики, въ 1842 г. причисленъ къ Корпусу инженеровъ путей сообщенія съ оставленіемъ при Институтѣ для продолженія курса наукъ, въ 1844 г. (20-го іюня) началъ службу въ V округѣ путей сообщенія, гдѣ въ сентябрѣ того же года былъ назначенъ помощникомъ столоначальника, а въ 1845 г. — адъютантомъ къ начальнику V округа; въ 1850 г. Рангъ былъ опредѣленъ начальникомъ 4 дистанціи 1 отдѣленія того же округа, а потомъ 6 дистанціи и получилъ чинъ штабсъ-капитана. Во время постройки Московско-Нижегородской желѣзной дороги Рангъ

пріѣхалъ во Владиміръ, здѣсь женился, поселился и прожилъ до конца жизни. Выйдя въ отставку, онъ служилъ по выборамъ — мировымъ судьей въ Суздальскомъ уѣздѣ и былъ земскимъ гласнымъ.—Живой, образованный и начитанный человѣкъ, имѣвшій свою довольно большую и хорошо составленную библіотеку, Рангъ принялъ участіе въ изученіи мѣстнаго края. Первыя печатныя статьи Ранга появились на страницахъ «Влад. Губ. Вѣдомостей» въ 1857 г. и затѣмъ продолжали печататься почти до самой его смерти, какъ въ «Вѣдомостяхъ», такъ и въ «Трудахъ Владим. Губ. Статистич. Комитета», въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ» и въ «Русской Старинѣ». Нѣкоторыя изъ его статей были изданы и въ отдѣльныхъ оттискахъ. Изъ статей его, имѣющихъ значеніе и до сего времени, можно отмѣтить: «Графъ И. П. Салтыковъ, Владимірскій намѣстникъ и генералъ-губернаторъ» (1867 г.), «Кн. И. М. Долгорукой, Владимірскій гражданскій губернаторъ», «Хронологическій списокъ архіереямъ, управлявшимъ Суздальскою и Владимірскою епархіями» (есть отд. оттиски), «Объ открытіи намѣстничества во Владимірѣ» (1868 г.), «Къ біографіи Виктора епископа суздальскаго», «Алексій митрополитъ» и мн. др.

Формулярный списокъ; «Владим. Губ. Вѣдом.», 1876 г., № 13; «Матеріалы для біографіи К. Н. Тихонравова», Владиміръ. 1900 г., стр. 399—408; «Библіографич. указатели къ «Влад. Губ. Вѣд.», А. Смирнова, къ «Русск. Старинѣ»; «Библіографія Влад. губ.», т. I. И. Ф. Масанова.

А. В. О.

Раппапортъ, *Маврикій Яковлевичъ*, театрально-музыкальный критикъ, род. въ 1827 г. ум. 17-го ноября 1885 г. въ Петербургѣ. Высшее образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, на юридическомъ факультетѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1849 г. Еще въ Университетѣ началъ журнальную дѣятельность, окончивъ же образованіе, отдался ей всецѣло. Онъ былъ сотрудникомъ въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», «С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ», «Сынѣ Отечества». (съ 1856 по 1868 гг., въ редакторство г. Старчевскаго), гдѣ велъ музыкальный отдѣлъ, «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (К. В. Трубникова), парижской газетѣ «Menestrel» и въ «Свѣтѣ» (г. Комарова). Въ 1856 году Р. сталъ издавать свой спеціальный органъ «Музыкальный и театральный Вѣстникъ». Въ 1883 году Раппапортъ вмѣстѣ съ В. В. Комаровымъ пытался возобновить «Музыкальный Вѣстникъ», но съ декабря 1883 года онъ снова прекратился. 10-го октября 1884 года Р. было разрѣшено переименовать прежній «Вѣстникъ» въ «Основу», но и ее постигла та же судьба: она была пріостановлена на первомъ нумерѣ за 1885 годъ. — Послѣ Раппапорта остались интересныя записки, которыя онъ велъ съ начала своей журнальной дѣятельности до послѣдняго времени своей жизни. Онъ былъ страстнымъ театраломъ и особенно любилъ оперу, между артистами которой пользовался любовію за доброту и незлобіе въ критикѣ; своими разумными совѣтами онъ многимъ изъ нихъ оказалъ не малыя услуги. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтнихъ сезоновъ Р. вмѣстѣ съ М. Г. Вильде арендовалъ Лѣтній и Ораніенбаумскій театры, и здѣсь подъ его антрепренерствомъ впервые выступили на сцену нѣкоторые извѣстные артисты, какъ: О. Козловская, Варламовъ, Правдинъ и др.

«Музыкальн. и театральн. Вѣстникъ», 1884 г., № 65; «Историческій Вѣстникъ», 1885 г. кн. I, стр. 226; 1892 г., кн. 10, статья А. Старчевскаго: «Воспоминанія стараго литератора», стр. 30—33, 50—51. Д. Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. IV, С.-Пб., 1888 г., стр. 76. «Новь», 1884 г., кн. 3, стр. 201.

Ив. Давидовичъ.

Раппе, *Егоръ Федоровичъ*, докторъ медицины. Род. въ г. Витенбейнѣ. Въ Россію пріѣхалъ въ началѣ 1770-хъ годовъ и по экзамену 18-го іюня 1773 года получилъ право практики. Въ 1774 году былъ принятъ на службу въ 1-ю армію лѣкаремъ въ Браиловскій госпиталь; 28-го іюня 1774 г. переведенъ въ Гренадерскій баталіонъ, бывшій за Дунаемъ, а 17-го марта слѣдующаго года перешелъ оттуда въ Сибирскій карабинерный полкъ, 15-го февраля 1775 года былъ уволенъ отъ полковой службы въ арміи и поступилъ лѣкаремъ въ г. Сѣнно, Могилевской губерніи. Поѣхавъ затѣмъ въ Кенигсбергъ, онъ слушалъ тамъ профессорскія лекціи въ Университетѣ, а потомъ напечаталъ диссертацію, за которую и былъ (3-го марта 1781 г.) удостоенъ степени доктора медицины; по возвращеніи въ Россію и послѣ экзамена въ Медицинской Коллегіи (8-го августа 1782 г.) получилъ право практики и былъ назначенъ

докторомъ Украинской дивизіи, а 6-го февраля 1783 года переведенъ въ Кавказскій корпусъ. Здѣсь онъ занялся изученіемъ фауны Кавказа и прослужилъ до 1796 года. Когда поднятъ былъ вопросъ объ учрежденіи губернскихъ врачебныхъ управъ, ему было поручено открыть врачебную управу въ Астрахани и остаться тамъ инспекторомъ; однако, обязанности его, какъ врача Кавказскаго корпуса, затормозили это открытіе. Больныхъ въ персидской арміи было очень много, и Раппе около года провелъ еще въ Георгіевскѣ. Наконецъ онъ пріѣхалъ въ Астрахань и открылъ Врачебную Управу; въ маѣ 1797 года онъ послалъ на имя императора Павла I двѣ рукописи своего сочиненія: одну подъ заглавіемъ «Физическое и топографическое медицинское описаніе, касающееся до причинъ и свойства болѣзней, на Кавказской линіи примѣчаемыхъ, и особливо надъ военно-служителями, также о родѣ ихъ лѣченія и о средствахъ отъ нихъ предохраняющихъ», другую подъ заглавіемъ «Nonnullae physiologico-pathologicae animadversiones ex methaphysica» (обѣ эти рукописи напечатаны у Я. Чистовича въ его «Очеркахъ изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII столѣтія», въ статьѣ «Кизляръ и его медицинская топографія за 100 лѣтъ назадъ»). Павелъ I приказалъ наградить Раппе чиномъ надворнаго совѣтника (26-го іюня 1797 года) и перевести инспекторомъ въ Калужскую Врачебную Управу. Р. умеръ въ Калугѣ около 1810 года. Генералы Текелли, Бибиковъ, графъ Гудовичъ 2-ой, графъ Марковъ и Кнорингъ 2-ой отзывались о немъ съ большими похвалами.

Я. Чистовичъ: «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи». С.-Пб, 1883 г., Приложеніе, стр. CCLXX—CCLXXI; Я. Чистовичъ: «Очерки по исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII столѣтія», С.-Пб., 1870 г., ст. «Кизляръ и его медицинская топографія за 100 лѣтъ назадъ», стр. 52—53 и 78—84.

Распопова, *Нина Николаевна,* писательница; дочь полковника, служившаго въ Суворовскихъ войскахъ, Р. воспитывалась въ Смольномъ Монастырѣ, а затѣмъ была назначена воспитательницей великихъ княженъ Ольги и Вѣры Константиновны. Кромѣ педагогической дѣятельности, Р. трудилась на литературномъ поприщѣ и состояла въ числѣ сотрудниковъ журнала «Лучи». Р. умерла въ Тюбингенѣ лѣтомъ 1865 г. Изъ ея сочиненій извѣстны слѣдующія: «Годъ за границей», 1856—1857» въ «Лучахъ» 1858 г., № 3, 10 и 12; «Письмо къ русскимъ друзьямъ за границей», тамъ же № 9; «Черты русскаго народнаго воспитанія» — тамъ же 1852 г. Т. 5; «Поѣздка на гору Св. Креста» — тамъ же 1854 г. № 3; «Грузино» тамъ же, № 12. «Лампада вдовы» тамъ-же Т. 18; «Мертвый левъ» тамъ-же Т. 9; «Нѣсколько разсказовъ и описаній для дѣтей отъ 8 до 14 лѣтъ», переводы и сочиненія съ картинками. С.-Пб. 1863 г.; «Письмо къ другу» въ «Лучахъ» 1852 г. Т. 5. «Хроника Смольнаго монастыря въ царствованіе Императрицы Екатерины II». С.-Пб. 1864 г.; «Хроника» представляетъ цѣнный трудъ по массѣ собраннаго матеріала и очень интересныхъ фактовъ, характеризующихъ преимущественно внутренній бытъ воспитанницъ Смольнаго института въ царствованіе Екатерины II».

Князь Н. Голицынъ: «Словарь русскихъ писательницъ». С.-Пб. 1889 г., стр. 204; Геннади въ «Русск. Архивѣ», 1867 г., №5 и 6, стр. 974; Его же: «Списокъ русскихъ анонимныхъ книгъ», С.-Пб. 1874 г., стр. 46; Рецензія Д. Семенова въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1864 г., стр. 154, № 5, стр. 389—409.

Распоповъ, *Владиміръ Александровичъ,* докторъ медицины; сынъ дьякона, род. въ Пермской губ. въ 1851 г., умеръ 13-го ноября 1886 г.; началъ образованіе въ Пермской Духовной Семинаріи, а въ 1871 г. поступилъ на ветеринарное отдѣленіе С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, но уже въ слѣдующемъ году вышелъ изъ нея. Послѣ этого онъ поступилъ учителемъ въ Великолуцкое уѣздное училище, гдѣ въ 1876 г. былъ назначенъ помощникомъ класснаго наставника. Въ 1878 г. Р. вновь поступилъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію, на медицинское отдѣленіе. Окончивъ курсъ въ 1882 г. лѣкаремъ съ отличіемъ, Р. былъ оставленъ при Клиническомъ военномъ госпиталѣ врачемъ для усовершенствованія. Черезъ три года онъ защитилъ диссертацію объ азотистомъ и фосфорномъ обмѣнѣ и получилъ степень доктора медицины. Въ 1886 г. Р. былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ въ Абасъ-Туманскій военный госпиталь и младшимъ врачемъ 19-го летучаго артиллерійскаго парка, а вскорѣ послѣ этого скончался.

Онъ напечаталъ слѣдующіе труды: «Объ усвоеніи и выдѣленіи азота и фосфорной кислоты при болѣзняхъ костей у человѣка»; дисс. на ст. д. мед.; С.-Пб. 1885 г.; «Санитарное состояніе Великолуцкаго уѣзда» — «Здоровье» 1879 г., №№ 109—113; «Нѣсколько словъ по поводу вопроса объ оспѣ»; тамъ же 1879 г., №№ 124—126; «Объ организаціи оспопрививанія» — тамъ же 1880 г., № 139; «Объ оспопрививаніи въ Валдайскомъ уѣздѣ и объ организаціи этого дѣла вообще» — тамъ же 1881 г., №№ 156—161 и «Врачъ» 1880 г., № 52; «Фосфатурія днемъ и ночью у здоровыхъ и больныхъ костями (въ клиникѣ Богдановскаго)» — «Врачъ» 1884 г., №№ 29 и 30 и «Русская медицина» 1884 г., №№ 32 и 33; «Два случая ложнаго мужского гермафродитизма» — «Врачъ» 1884 г., № 50; «О вліяніи умственной работы на обмѣнъ азота и фосфорной кислоты» — «Врачъ» 1885 г., № 45.

Л. Ѳ. Змѣевъ: «Русскіе врачи-писатели», тетр. 5, С.-Пб., 1889 г., стр. 93; «Историческій Вѣстникъ», 1889 г., № 7, стр. 107—108; Н. П. Петровъ: «Библіографическій Указатель русскихъ диссертацій по медицинѣ и ветеринаріи, 2-е изд., С.-Пб. 1892 г., стр. 35; «Военно-Медиц. Журналъ», 1885 г. ч. 153, іюнь, ч. ОФФ., стр. 45; ч. 154, октябрь, ч. ОФФ., стр. 47; 1886 г., декабрь, ч. ОФФ., стр. 47; Д. Языковъ. Обзоръ, вып. VI.

Н. Кульбинъ и *Е. Я.*

Распутинъ, *Иванъ Андреевичъ*, содержатель Нижегородскаго театра съ 1827 по 1838 годъ. По смерти основателя этого театра, кн. Шаховского купилъ его у наслѣдниковъ князя. Съ первыхъ дней своего управленія театромъ Распутинъ дѣятельно принялся за его преобразованіе: передѣлалъ самое зданіе театра, обновилъ декораціи, увеличилъ гардеробъ и разныя сценическія принадлежности, наконецъ выписалъ нѣсколько новыхъ хорошихъ артистовъ. При немъ ставились на сцену не только драмы, комедіи и водевили, но также и оперы и балеты и притомъ не безъ успѣха. Такъ, одно время довольно часто шла «Русалка», не смотря на то, что постановка этой оперы требовала большихъ трудовъ на столичной сценѣ. Практическое веденіе дѣла доставило Распутину не только почетную славу, но и хорошій доходъ, и, хотя онъ сильно увеличилъ жалованье артистамъ и не жалѣлъ средствъ на улучшеніе своего театра, все же онъ получалъ чистаго барыша отъ 15-ти до 20-ти тысячъ рублей въ годъ. Объ его прекрасныхъ отношеніяхъ къ артистамъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, то, что, не будучи обязанъ контрактомъ давать бенефисы актерамъ, перешедшимъ къ нему изъ труппы князя Шаховского, онъ все-таки назначалъ ихъ лучшимъ артистамъ, какъ напримѣръ Минаю Полякову и нѣкоторымъ другимъ. Управленіе Нижегородскимъ театромъ Р-на было эпохою наибольшаго развитія и процвѣтанія сценическаго искусства не только въ Нижнемъ-Новгородѣ, но и во всемъ Поволжьѣ, такъ какъ его артисты считались украшеніемъ каждой провинціальной сцены. Въ 1838 году, когда окончился срокъ контракта съ артистами труппы князя Шаховского, многіе изъ нихъ потребовали черезчуръ высокаго гонорара. Не надѣясь при такихъ условіяхъ вести дѣло на прежней высотѣ, да къ тому же и утомленный болѣе чѣмъ десятилѣтней антрепренерской дѣятельностью, Р. передалъ театръ московскому комику, знаменитому Василію Игнатьевичу Живокини. Своимъ умомъ, обходительностью, любовью къ сценическому искусству, интересами котораго онъ никогда не поступался, даже въ виду обязательныхъ убытковъ, Распутинъ заслужилъ признательность тогдашней нижегородской публики. Артисты же его очень любили.

«Пантеонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ», 1840 г., ч. 3, кн. 7, ст. А. Глѣбова: «Нижегородскій театръ», стр. 99; А. С. Гацискій: «Нижегородскій театръ», (1798—1867), Нижній-Новгородъ, 1867 г., стр. 18—19, 20, 21—23, 30.

Растворовскій, *Антонъ Кесаріевичъ*, сенаторъ, род. 10-го марта 1789 г. Поступилъ въ военную службу Герцогства Варшавскаго 10-го апрѣля 1809 г. подпоручикомъ Апликаціоннаго Артиллерійскаго инженернаго училища, Р. въ 1811 г. былъ переведенъ въ конную артиллерію и 12-го января 1812 года назначенъ старшимъ адъютантомъ; онъ былъ въ компаніяхъ 1809 и 1812 годовъ и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ; подъ Можайскомъ ему пушечнымъ ядромъ оторвало лѣвую руку, вслѣдствіе чего 15-го августа 1814 года онъ былъ помѣщенъ въ Инвалидный корпусъ съ чиномъ капитана конной артиллеріи, полученнымъ имъ въ предыдущемъ 1813 году. (20-го февраля) 10-го декабря 1816 года

Р. вышелъ въ отставку, а 9-го февраля 1831 года, по подавленіи Польскаго востанія, былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи Люблинскаго воеводства, и въ августѣ пожалованъ званіемъ экстраординарнаго Статсъ-Совѣтника, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, «въ награду отлично ревностной и усердной службы и оказанной имъ вѣрности къ престолу, во время бывшаго Польскаго мятежа», пожалованъ орденомъ Станислава I-ой степени. 28-го сентября 1836 года Растворовскій назначенъ былъ къ постоянному присутствію въ Государственный Совѣтъ Царства Польскаго, а 30-го октября 1840 г.—членомъ Комитета, учрежденнаго для составленія административныхъ законовъ Царства Польскаго. 6-го сентября 1841 года онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ съ правомъ присутствовать въ общемъ собраніи Варшавскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената; умеръ 3-го апрѣля 1843 г.

Формулярный списокъ.

Растовская, *Марія Ѳедоровна*, писательница, рожд. Львова (сестра композитора Алек. Ѳед. Львова), жена д. с. с. Андрея Александровича Растовскаго; скончалась 10-го іюня 1872 года и погребена въ С.-Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ. Въ 1864 г. она основала дѣтскій журналъ «Семейные Вечера», который въ 1870 г. передала С. С. Кашперевой. Журналъ этотъ пользовался въ свое время большимъ успѣхомъ и издавался съ подраздѣленіемъ на младшій и старшій возрасты, такъ что, по словамъ газеты «Голосъ» (1867 № 261): «Издательница была со всѣхъ сторонъ засыпана благодарственными письмами юныхъ читателей и читательницъ, ихъ отцовъ и матерей; дѣти восхищались всѣмъ, что помѣщалось въ журналѣ». Ея разсказы охотно читались дѣтьми; по отзыву о нихъ извѣстной писательницы Е. Н. Водовозовой — Семевской, они «написаны хоть и не типичнымъ, но весьма легкимъ и правильнымъ языкомъ и читаются дѣтьми не безъ интереса, такъ какъ сюжеты ихъ довольно разнообразны. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ знакомятъ съ несчастною жизнью и трудами нашего простолодина и могутъ, пожалуй, вызвать въ ребенкѣ минутное желаніе помочь бѣдняку». Отдѣльными изданіями вышли слѣдующія сочиненія Растовской: «Пони, приключенія эмскаго осла». Повѣсть для дѣтей (С.-Пб. 1852, 1876, 1894 — три изданія); «Сельцо. Лебяжье» Повѣсть для дѣтей (Казань. 1856, С.-Пб. 1882, 1895 — три изданія); «Четыре времени года». Разсказы изъ деревенскаго быта (С.-Пб. 1858, 1884, 1895—три изданія); «Дѣти». Разсказы для перваго возраста (С.-Пб. 1862); «Веніаминъ Франклинъ». Разсказъ для юношества (С.-Пб. 1862); «Поѣздка на Сергіевскія минеральныя воды» (С.-Пб. 1863); «Повѣсти» (С.-Пб. 1863); «Крестьянская школа» (С.-Пб. 1866, 1867, 1875, 1894—четыре изданія); «Аренсбургскія грязи и морскія купанья» (С.-Пб. 1868); «Звѣздочки». Повѣсти и разсказы (С.-Пб. 1876, 1877, 1895—три изданія); «Разсказы изъ путешествій» (С.-Пб. 1882).

«Гражданинъ», 1873 г., № 3 (некрологъ); «Русск. Арх.», 1874 г., № 12; Сочиненія Державина, подъ ред. Грота, т. I и IX; Кн. Н. Голицынъ: «Библіографич. Словарь русскихъ писательницъ», С.-Пб. 1889; Словарь Брокгаузъ-Ефрона; «Голосъ». 1887 г., № 261; Е. Н. Водовозова-Семевская: «Сочиненія г-жи Растовской» («Учитель», 1869 г., № 8, 13).

Пр. Д—скій.

Растопчины — см. **Ростопчины.**

Растрелли, графъ *Варѳоломей Варѳоломеевичъ*, архитекторъ и скульпторъ, сынъ Карло Бартоломео Растрелли (см. ниже) род. около 1700 года во Франціи, гдѣ проживалъ тогда его отецъ, скоро переселившійся въ Петербургъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ. Ребенокъ обучался скульптурѣ и отливкѣ изъ мѣди у своего отца и рано проявилъ свои блестящія дарованія. Уже въ 1723 г. любовались плафонамъ лѣпной работы, сдѣланный по его рисунку въ домѣ Шафирова. По восшествіи на престолъ Екатерины I, онъ былъ отправленъ за границу для довершенія своего художественнаго образованія. Пробывъ въ чужихъ краяхъ около пяти лѣтъ, молодой Растрелли вернулся въ Россію и вскорѣ, по требованію Импер. Анны Іоанновны, представилъ проектъ постройки великолѣпнаго зимняго дворца, на мѣстѣ дома Апраксина, перешедшаго по завѣщанію послѣдняго въ собственность Императора Петра II. Проектъ былъ сперва составленъ только на фасадъ, обращенный къ зданію Адмиралтейства, а за тѣмъ распространенъ и на остальные

фасады. Постройка эта, производившаяся подъ руководствомъ Растрелли съ 1735 г. по 1739 г., приблизила его къ придворной сферѣ и доставила ему возможность найти себѣ покровителей среди вельможъ того времени, а также снискать расположеніе Бирона; Растрелли по его просьбѣ былъ сдѣланъ придворнымъ оберъ-архитекторомъ и занимался сооруженіемъ по своимъ проэктамъ дворца Бирона, близъ Митавы, и другихъ его построекъ на мызѣ Ругендаль. Онъ руководилъ постройкой Анненгофскаго и Лефортовскаго дворца въ Москвѣ. Послѣ паденія Бирона, Растрелли былъ отозванъ, привлеченъ къ допросу, между прочимъ и за то, почему онъ называетъ себя графомъ и оберъ-архитекторомъ. Пользованіе этимъ титуломъ ему было воспрещено и повелѣно называться фонъ Растрелли.

По возвращеніи Императрицы Елизаветы Петровны изъ Москвы послѣ коронаціи, начинается весьма усиленная дѣятельность Растрелли. Онъ приступилъ къ перестройкѣ въ Царскомъ Селѣ скромнаго дома въ существующій и по нынѣ великолѣпный дворецъ. Послѣ этого Растрелли возвелъ рядъ выдающихся въ столицѣ сооруженій какъ то: домъ Воронцова, нынѣ домъ Пажескаго корпуса, домъ Строгонова у Полицейскаго моста, Смольный Монастырь, домъ Григорія Орлова, впослѣдствіи домъ Бобринскаго (нынѣ Воспитательный Домъ) и, кромѣ того, церковь Владимірской Богородицы въ Петербургѣ, главную церковь въ Троицко-Сергіевской пустынѣ, близь Стрѣльны, Андреевскій Соборъ въ Кіевѣ, Соборъ Св. Николая въ Петербургѣ на Николаевской площади. Но самое замѣчательное его созданіе — Смольный монастырь и его соборъ, отстроенныя вчернѣ въ 1755 году, оставались при его жизни незаконченными по неимѣнію средствъ; они докончены уже гораздо позднѣе, при Императорѣ Николаѣ. Растрелли умеръ въ 1770 году въ С.-Петербургѣ. Онъ былъ женатъ и оставилъ послѣ себя одну дочь. Онъ жилъ скромно, безо всякой роскоши, занималъ небольшое казенное помѣщеніе близъ церкви всѣхъ Скорбящихъ по Шпалерной улицѣ.

Neues allgemeines Künstler Lexicon odes Nachrichten von dem Leben und den Werken der Maler, Bildhauer, Bäumeister etc. etc. von Nagler. Band 12. München 1842; Allgemeines Künstler Lexicon von Singer. Band IV, 1901; Зодчій за 1876 г., № 5, стр. 55 и слѣд.

Растрелли, *Карло Бартоломео*, скульпторъ, родился въ XVII вѣкѣ въ Италіи и былъ по занятію скульпторъ и литейщикъ; впослѣдствіи онъ купилъ себѣ во Франціи графскій титулъ и проживалъ въ Парижѣ. Въ 1715 г., по приказанію Петра I, онъ отлилъ поясной бюстъ артиллеріи маіора Сергѣя Бухвостова, хранившійся въ Академіи Художествъ. Позднѣе, въ 1716 г. Растрелли былъ приглашенъ Петромъ Великимъ въ Петербургъ для литья пушекъ и производства различныхъ художественныхъ работъ по украшенію новой русской столицы. Онъ дѣлалъ различныя бронзовыя фигуры на мотивы басенъ Эзопа, украшавшія берега Невы, а также свинцовыя статуи, стоявшія въ садахъ: Лѣтнемъ и Петергофскомъ. Эти произведенія Растрелли не дошли до насъ. Кромѣ того, онъ отлилъ бронзовый бюстъ Петра Великаго, хранящійся въ такъ называемой Аполлоновой залѣ Зимняго Дворца, а также барельефы Петровскаго монумента на площади предъ Инженернымъ замкомъ и еще бронзовую статую Анны Іоанновны въ сопровожденіи пажа; эта статуя теперь находится въ Музеѣ Императора Александра III. Годъ смерти Растрелли и подробности его жизни неизвѣстны.

Neues allgemeines Künstler Lexicon oder Nachrichten von dem Leben und den Werken der Maler, Bildhauer, Bäumeister etc. etc. von Nagler. Band 12. München 1842.

Ратиславскій (онъ же Ротиславскій, а иногда и Ростиславскій), *Иванъ Ивановичъ*, воевода. Какъ бояринъ Московскій, упоминается въ боярскихъ книгахъ подъ 1628—1629 г. Въ 1633—1634 году былъ «головой» у Татаръ въ Можайскѣ при полковыхъ воеводахъ въ томъ же городѣ, при боярахъ кн. Дм. Мамстр. Черкасскомъ и кн. Дм. Мих. Пожарскомъ. Въ 1639 году (5-го февраля) участвовалъ при встрѣчѣ Казильбашскихъ пословъ. Въ февралѣ 1644 г. онъ былъ воеводою въ Черномъ Яру, гдѣ находился до 1647 г. Въ 1650, 1651, 1652 гг. имя его встрѣчается въ спискѣ дворянъ, которые должны были слѣдовать за Царицей Маріей Ильиничной въ ея «походахъ» на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь. Въ бояр-

ских книгахъ онъ упоминается еще въ 1667—68 г.

«Русск. Истор. Библіот.», т. X, стр. 311; «Дворц. Разряды», т. II, стр. 396, 955; т. III, стр. 174, 232, 260, 317; А. П. Барсуковъ: «Списки городовыхъ воеводъ».

Н. В—и—въ.

Ратмановъ, *Макаръ Ивановичъ,* вице-адмиралъ; род. въ Торопецкомъ уѣздѣ Псковской губ. 7-го іюля 1772 г. Въ 1784 г. былъ опредѣленъ въ Морской кадетскій корпусъ, по окончаніи курса въ коемъ произведенъ былъ (1-го января 1789 г.) въ мичманы; лѣтомъ того же года Р. поступилъ подъ команду Капитанъ-Лейтенанта Холостьянова на шебеку «Легкій», состоявшую въ гребномъ флотѣ, который, подъ начальствомъ вице-адмирала Принца Нассау-Зигена, назначенъ былъ дѣйствовать противъ Шведовъ. За храбрость, оказанную 13-го августа 1789 г. при пораженіи Шведскаго флота близъ Роченсальма, М. И. произведенъ былъ въ лейтенанты и получилъ годъ старшинства по службѣ. Прослуживъ годъ на гребномъ флотѣ Нассау-Зигена, М. И. на той-же шебекѣ въ 1790 г. поступилъ въ корабельную кронштадтскую эскадру вице-адмирала Круза и за новыя отличія, оказанныя имъ при отраженіи шведскаго флота отъ Кронштадта 23-го мая и при пораженіи его 27-го мая адмираломъ Чичаговымъ въ Выборгскомъ заливѣ, удостоился старшинства еще 2-хъ лѣтъ. По заключеніи мира со шведами, М. И. отправился въ Ревель. Въ 1792 г. онъ находился при проводѣ въ Кронштадтъ новопостроеннаго корабля «Борей», въ 1793 г. былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ и назначенъ командиромъ бригантины «Ахиллъ». Въ 1798 г. Р. опять является на театрѣ военныхъ дѣйствій. Императоръ Павелъ I приказалъ части Черноморскаго флота подъ начальствомъ вице-адмирала Ушакова итти въ Константинополь, а оттуда, соединившись съ турецкимъ флотомъ, въ Архипелагъ и далѣе. М. И. былъ въ числѣ офицеровъ, отправившихся на этомъ флотѣ; онъ командовалъ взятой при его содѣйствіи корсарской шебекой «Макарій». Въ 1794 г. М. И. принималъ дѣятельное участіе въ аттакѣ укрѣпленія Корфу; 22-го февраля 1794 г. ему было поручено доставить гарнизонъ этой крѣпости въ Анкону; въ это время М. И. командовалъ уже бригомъ. Возвратясь изъ Анконы, Р. представилъ Главнокомандующему планъ гавани и береговыхъ укрѣпленій,—свѣдѣнія, которыя оказались весьма полезными при блокадѣ Анконы.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля Главнокомандующій Соединеннымъ флотомъ отрядилъ въ Адріатическое море Вице-Адмирала Пустошкина, при которомъ былъ Р., командовавшій бригомъ съ 2-мя 74-хъ пушечн. русскими кораблями, 80 пушечн. турецкимъ, двумя турецкими фрегатами и бригомъ; послѣднимъ командовалъ Ратмановъ. Не доходя до Фану, съ эскадры замѣтили, что по дорогѣ въ Фану изъ Синигаліи двигался отрядъ, высланный генераломъ Монье изъ Анконы для наблюденія надъ дѣйствіями союзниковъ. Лейтенантъ Р., получивъ приказъ рязсѣять непріятеля, вскорѣ принудилъ этотъ отрядъ ретироваться въ Синигалію. Въ полдень 14 мая 1798 г. союзники аттаковали укрѣпленія Фану. Вскорѣ гарнизонъ отступилъ въ Синигалію и авангардъ союзниковъ овладѣлъ укрѣпленіями этого города. Непріятель двинулся по дорогѣ въ Анкону, преслѣдуемый картечью съ брига, командуемаго Р. Наконецъ Французскій гарнизонъ принужденъ былъ вступить въ переговоры, для чего и былъ посланъ Р. За подвиги, оказанныя въ кампаніи 1798 г., Р. получилъ орденъ Св. Анны 3-ей степени. Занявъ Фану, графъ Войновичъ усилилъ дессантъ и направилъ его къ Синигаліи подъ прикрытіемъ брига, командуемаго Р., а самъ вошелъ въ Синигалію, гдѣ былъ встрѣченъ восторженными восклицаніями жителей и поднялъ Русскій флагъ. Затѣмъ русскій отрядъ двинулся къ Анконѣ. Р., устроивъ три баттареи, громилъ стѣны Анконы и съ горстію регулярныхъ войскъ отражалъ каждодневныя вылазки Французовъ. 29-го сентября въ приступѣ къ Анконѣ онъ отбилъ сильную вылазку и спасъ инсургентскаго Генерала Лагоца. Затѣмъ онъ сдалъ баттареи союзникамъ и получилъ командованіе надъ флотиліей, имъ самимъ сформированной въ Синигаліи. 18-го окт. онъ аттаковалъ съ ней анконскую гавань и потопилъ французскій линейный корабль; 21-го окт. овладѣлъ французской купеческой тартаной съ 2-мя пушками, пробиравшейся въ Анкону съ богатымъ грузомъ, проданнымъ впослѣдствіи за 42 тысячи гульденовъ. Ночью 3-го ноября Р. взялъ

съ боя 18-ти пушечный бригъ. 4-го ноября флотилія вошла въ Анконскую гавань, и Анкона сдалась. Р. вступилъ опять въ командованіе бригомъ и пробылъ съ эскадрой графа Войновича 2 года въ Адріатическомъ морѣ. Въ 1801 г. онъ возвратился въ Николаевъ. Высочайшее благоволеніе и орденъ св. Анны 2-й степ. были наградой за храбрость и распорядительность, оказанныя Р. при осадѣ Анконы. Въ 1802 году снаряжалась эскадра въ первое кругосвѣтное плаваніе, и начальствовавшій ею капитанъ-лейтенантъ Крузенштернъ пригласилъ Р. старшимъ лейтенантомъ на фрегатъ «Надежда». Эта экспедиція продолжалась 3 года: съ іюля 1803 г. по августъ 1806 г. Въ продолженіе этой экспедиціи Р. 24-го февраля 1803 г. былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а 26-го ноября получилъ орденъ св. Георгія 4-го класса. По возвращеніи въ Кронштадтъ, Р. въ 1806 г. (8-го августа) былъ награжденъ чиномъ капитана 2-го ранга, въ 1807 г. былъ назначенъ командиромъ линейнаго корабля «Побѣда», состоявшаго въ Черноморскомъ флотѣ, и находился въ эскадрѣ контръ-адмирала Пустошкина при взятіи крѣпости Анапы. Послѣ этой экспедиціи Р. былъ еще разъ переведенъ въ Балтійскій флотъ и въ неудачную кампанію 1808 г. противъ англо-шведскаго флота командовалъ 74-хъ пушечнымъ кораблемъ «Сѣверная звѣзда», бывшимъ въ эскадрѣ адм. Ханыкова. 1-го марта 1810 г. Р. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а 20-го іюля, за маневры, произведенные въ Высочайшемъ присутствіи, ему былъ пожалованъ брилліантовый перстень. До 1812 г. Р. оставался въ Кронштадтѣ, командуя 10-мъ корабельнымъ экипажемъ, а послѣ 1-ю флотскою бригадою, въ маѣ же 1812 г. былъ назначенъ командиромъ корабля «Борей», на которомъ онъ доставилъ изъ Свеаборга въ Ревель сухопутныя войска, а потомъ перевезъ въ Свеаборгъ воспитанниковъ Морского кадетскаго корпуса, удаленныхъ изъ Петербурга по опасности прихода непріятеля. Осенью 1812 г. Р. отправился въ эскадрѣ контръ-адмирала Коробки въ Англію и тамъ, состоя подъ главнымъ начальствомъ великобританскаго адмирала Юнга, участвовалъ въ блокадѣ Голландскихъ береговъ, преимущественно Флиссингена, откуда возвратился въ сентябрѣ 1813 г. въ Кронштадтъ. 16-го марта 1816 г. Р. былъ назначенъ командиромъ 11-го флотскаго экипажа, а въ 1817 году командовалъ кораблемъ «Гамбургъ», употребленнымъ въ эскадрѣ вице-адмирала Крона для перевоза нашихъ войскъ изъ Кале въ Кронштадтъ. Въ 1818 г. Р. отводилъ въ Кадиксъ три фрегата, уступленные испанскому правительству. За благополучное доставленіе этихъ фрегатовъ король испанскій Донъ-Фернандъ пожаловалъ ему командорскій орденъ Карла III-го. Весною 1819 г. Р. вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ ему предложили начальство надъ экспедиціей, снаряжавшейся въ путешествіе вокругъ свѣта и въ Южный Ледовитый океанъ. Р. отказался принять это порученіе, такъ какъ страдалъ глазною болѣзью. Въ 1820 г. Р. былъ произведенъ въ капитанъ-командоры; въ 1822 и 1823 гг. онъ былъ въ должности директора Кронштадскаго порта и лѣтомъ 1823 и 1824 гг. командовалъ легкой эскадрой, плававшей около Кронштадта. Это была 28-я и послѣдняя кампанія заслуженнаго мореплавателя, послѣ чего онъ былъ назначенъ директоромъ Аудиторіатскаго Департамента Морского Министерства и генералъ-аудиторомъ флота. Въ 1826 г. Р., получивъ чинъ контръ-адмирала и орденъ св. Анны 1-й степ., назначенъ былъ дежурнымъ генераломъ Морского Штаба, а въ началѣ 1827 г.—директоромъ образованнаго тогда Инспекторскаго Департамента того же Штаба. Отличное исполненіе должностей доставило ему въ 1829 г. орденъ св. Владиміра 2-го класса и чинъ вице-адмирала. Скончался Р. 21-го декабря 1833 г. Тѣло его погребено въ Сергіевской пустынѣ, въ 15 верстахъ отъ Петербурга.

«Морской Сборникъ» 1855 г., т. XV (№ 3), отд. IV, стр. 331—355; «Записки Ученаго Комитета Морского Штаба» 1833 г., ч. II, стр. 352—355; «Справочный Энциклопедическій Словарь», Старчевскаго, С.-Пб. 1855 г., т. IX, ч. II, стр. 18; «Сѣверная Пчела» 1834 г., № 72, 73, 74, 75, 76 и 78; «Яхта» 1876 г., стр. 424; «Военно-Энциклопедическій Лексиконъ», изд. 2-е, т. XI, стр. 102—104.

Ратмановъ, *Адріанъ Григорьевичъ,* дьякъ; сперва былъ подъячимъ Помѣстнаго Приказа, гдѣ въ 1682 году сдѣлался дьякомъ, а затѣмъ переведенъ въ «Приказъ военныхъ дѣлъ» (образованный въ 1700 г. изъ сліянія Рейтарскаго и Иноземнаго Приказовъ и названный въ

1701 году «Приказомъ военныхъ дѣлъ»). Въ 1703 году Ратмановъ, будучи дьякомъ Приказа военныхъ дѣлъ, былъ отправленъ въ Сибирскіе города (Верхотурье, Тюмень, Пелымь, Туринскъ), съ порученіями: произвести перепись жителей, взять годныхъ изъ нихъ въ солдаты, а также собрать съ торговыхъ и промышленныхъ людей «десятую деньгу». Въ его распоряженіе съ нимъ были посланы «для дѣлъ и письма» нѣсколько человѣкъ подѣяихъ (двое старыхъ подъячихъ, да пятеро молодыхъ, да «средней статьи»). Пословъ его въ эту трудную командировку, Московское правительство выдало ему за 1703 годъ жалованье впередъ (100 руб. въ годъ); за прочее время командировки велѣно (грамотой на имя Туринскаго воеводы) выдавать ему изъ городовыхъ таможенныхъ доходовъ; кромѣ-того по недѣльно продовольствіе, въ дѣлахъ же «чинить ему всякое вспоможеніе».

«Памятники Сибирск. ист.», т. I, стр. 211, 212, 213, т. II, стр. 405; «Древн. Росс. Вивліоѳ., изд. 2-е, кн. XX, ч. III, стр. 437; «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. XI, стр. 59, 60, 172, 180, 184, 287. Голиковъ: «Дѣяніи Петра Великаго», изд. 2-е, т. VI, стр. 400; «Памятн. Диплом. Сношн.», т. VII, стр. 673; Н. Н. Оглоблинъ: «Обозрѣніе столбцевъ и книгъ Сибирскаго Приказа (1592—1768)», т. I, стр. 148, 198; П. Ивановъ: «Указ. къ боярскимъ книгамъ».

Н. В-н-въ.

Ратчъ, *Василій Ѳедоровичъ,* генералъ-лейтенантъ, военный писатель, преподаватель Михайловскаго Артиллерійскаго Училища, помощникъ начальника артиллеріи Виленскаго Военнаго Округа; дворянинъ Псковской губерніи, родился 16-го октября 1816 года, умеръ 20-го января 1870 года; получилъ образованіе въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ, въ 1837 году окончилъ курсъ и былъ оставленъ при Училищѣ для продолженія образованія. Въ 1839 году Р. былъ переведенъ въ л.-гв. 2-ю артиллерійскую бригаду съ оставленіемъ при Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ преподавателемъ артиллеріи и исторіи; эту должность онъ занималъ до 1848 года, когда былъ переведенъ въ строй, гдѣ и служилъ до чина полковника. Въ 1851 году Ратчъ издалъ первую свою работу: «Свѣдѣнія объ артиллеріи Гатчинскихъ войскъ», за которую Императоръ Николай I пожаловалъ автору золотой перстень, украшенный брильянтами. Съ 1857 г. работы Р. начинаютъ появляться въ «Артиллерійскомъ Журналѣ», «Военномъ Сборникѣ», «Вѣстникѣ Юго-Западной и Западной Россіи». Въ 1858 году Р. вернулся къ преподавательской дѣятельности: на него были возложены теоретическія и практическія занятія съ офицерами гвардейской артиллеріи. Въ 1859 году онъ состоялъ членомъ нѣсколькихъ спеціальныхъ Коммиссій временнаго Артиллерійскаго Комитета. Въ 1860 году Ратчъ, произведенный въ генералъ-маіоры, завѣдывалъ полигонными занятіями артиллеріи Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса. Въ 1861 году онъ командовалъ л.-гв. 2-й артиллерійской бригадой, а въ 1864 году занялъ должность помощника начальника артиллеріи Виленскаго Военнаго Округа. Бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ графъ М. Н. Муравьевъ поручилъ ему составить описаніе мятежа 1863 года въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ, для чего далъ ему возможность пользоваться богатымъ архивнымъ матеріаломъ. Въ 1867 и 1868 годахъ вышли первые два тома его труда по этому вопросу подъ заглавіемъ: «Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ». Этотъ трудъ, несмотря на его незаконченность, содержитъ богатый матеріалъ для исторіи борьбы русскаго правительства съ полонизмомъ и доставилъ Р. извѣстность въ русскомъ обществѣ. Еще раньше, въ 1866 году, когда Р. собиралъ матеріалы для своей работы, Н. Цыловъ, авторъ «Сборника распоряженій графа М. Н. Муравьева», посвятилъ ему это сочиненіе. Непріятное столкновеніе по службѣ съ новымъ генералъ-губернаторомъ Потаповымъ не дало Р. возможности закончить свой трудъ, такъ какъ въ 1869 году онъ былъ принужденъ выйти въ отставку. Вскорѣ послѣ увольненія, 2-го января 1870 года, онъ скончался въ Тамбовской губерніи.

Его труды: «Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ Россіи», 2 тома, 1867—1868 г.; «Свѣдѣнія объ артиллеріи Гатчинскихъ войскъ», С.-Пб. 1851 г.; «Петръ Великій, какъ артиллеристъ»—«Артиллерійскій Журналъ» 1857 г.; «Публичныя лекціи по артиллеріи»—ib. 1860 г., № 4 и 5; «Свѣдѣнія объ Ермоловѣ» — ib. 1867 г., № 7 и 11; «Свѣдѣнія объ Аракчеевѣ», С.-Пб. 1864 г.; «Бомбардиры въ потѣшныхъ войскахъ

Петра Великаго» — «Военный Сборникъ» 1860 г., № 11; «Десятидневный мятежъ 1863 года въ Могилевской губерніи» — «Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи» 1865 г.; «Возсоединеніе уніатовъ при Императрицѣ Екатеринѣ II» — ib.; «Польская эмиграція» — ib.;

Архивъ Главнаго Штаба (послужной списокъ В. Ѳ. Ратча, составленный въ 1868 году); А. Платовъ и Л. Кирпичевъ: «Историческ. очеркъ образованія и развитія Артиллерійскаго Училища», С.-Пб., 1870 г.; П. Потоцкій, «Исторія гвардейской артиллеріи», С.-Пб. 1896 г.; П. Потоцкій, «Столѣтіе русской конной артиллеріи», С.-Пб. 1894 г.; М. Корфъ: «Жизнь графа Сперанскаго», 2 т., С.-Пб. 1861 г.; Сочиненія Державина подъ редакціей Я. Грота, С.-Пб. 1883 г.; «Военный Сборникъ» 1860 г., № 1; 1863 г., № 5 и 12; 1864 г., № 1; 1867 г., № 12; 1869 г., № 7; «Артиллерійскій Журналъ» 1857 г., 1860 г., № 4 и 5; 1861 г., № 7 и 11; «Виленскій Вѣстникъ» 1870 г., № 23; «Голосъ» 1870 г., № 56; «Русская Старина» XL т., декабрь, 1883 г.; Н. Цыловъ, «Сборникъ распоряженій графа М. Н. Муравьева по усмиренію польскаго мятежа въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ 1863 г.», Вильно, 1866 г.; «Энциклопедическій Словарь», т. XXVI, изд. Брокгауза и Ефрона, С.-Пб. 1899 г.

В. Кульбинъ.

Ратша, тіунъ великаго князя *Всеволода Ольговича,* въ Кіевѣ. Въ 1146 г., послѣ смерти Всеволода, братъ его Игорь требовалъ, чтобы кіевляне поклялись ему въ вѣрности, и затѣмъ распустилъ ихъ по домамъ. Но кіевляне, возмущенные притѣсненіями княжескихъ тіуновъ, открыли вѣче и послали звать князя Игоря для дальнѣйшихъ переговоровъ. Игорь не явился, а вмѣсто него пріѣхалъ братъ его Святославъ, спрашивая, чего они желаютъ. Кіевляне отвѣчали, что они желаютъ правосудія, желаютъ, чтобы не было такихъ тіуновъ, какъ Ратша, который опустошилъ Кіевъ, и какъ Тудоръ, разорившій Вышгородъ. Святославъ, а затѣмъ и самъ великій князь Игорь обѣщали назначить тіунами добросовѣстныхъ людей, которые будутъ довольствоваться установленною пошлиною и не станутъ обременять ихъ налогами. Несмотря на это обѣщаніе, кіевляне не успокоились и разграбили домъ ненавистнаго имъ Ратши.

Карамзинъ: «Исторія Государства Россійск.», т. II, стр. 123, примѣч. 290.

В. Корсакова.

Рауловъ, *Иванъ Петровичъ,* академикъ, акварелистъ и миніатюристъ; род. въ 1828 г., ум. въ 1869 г. Воспитывался въ Академіи Художествъ, въ качествѣ вольноприходящаго ученика. Въ 1851 г., «за акварельный портретъ съ натуры», получилъ вторую серебряную медаль; въ слѣдующемъ году, за такой же портретъ, удостоился «похвалы»; въ 1853 г., по представленіи имъ акварельнаго «портрета съ чиновника Фрике», опредѣлено «за превосходные успѣхи въ миніатюрной живописи» наградить его второю золотою медалью. Портретъ этотъ находился потомъ на академической выставкѣ того же года. Въ слѣдующемъ году Р. получилъ снова серебряную медаль за рисунки съ натуры, а въ 1855 г., за прекрасный акварельный портретъ вице-президента Академіи Художествъ графа Ѳ. П. Толстого, получилъ первую золотую медаль, съ правомъ ѣхать за-границу пенсіонеромъ Академіи. Тамъ онъ отступилъ временно отъ портретной живописи и занялся «картиною собственной композиціи по сюжету, заимствованному изъ процессіи католическаго обряда: шествіе священника съ дарами въ домъ больного», бывшей потомъ на Лондонской всемірной выставкѣ. Пробывши шесть лѣтъ за-границею, Р. вернулся въ 1862 г. въ Россію, получивъ въ 1861 г. званіе академика, и съ тѣхъ поръ занимался почти исключительно портретною живописью.

Кромѣ упомянутыхъ его работъ, еще извѣстны портреты: графа Г. А. Кушелева-Безбородка (1861 г.); свѣтлѣйшей княгини Е. В. Голицыной (1852 г.); князя Э. В. Голицына; кромѣ того: картина «Итальянка» (1859 г., въ Музеѣ Александра III) и «Итальянскій мальчикъ съ осломъ» (тамъ же).

«Указатель художественныхъ произведеній годичной выставки Импер. Академіи Художествъ, за 1861—2 г.», С.-Пб. 1862 г.; «Выставка въ пользу Общества Любителей Художествъ. Каталогъ картинъ, находившихся на Лондонской всемірной выставкѣ», М. 1863 г.; «Отчетъ Импер. Академіи Художествъ, за 1864—1865 г.», С.-Пб. 1866 г.; «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ», т. III, С.-Пб. 1866 г.; бар. Н. Врангель: «Русскій музей Импер. Александра III», С.-Пб. 1904 г.; «Каталогъ историко-художественной выставки русскихъ портретовъ 1905 г.», С.-Пб., 1905 г.

А. Новицкій.

Раупахъ, *Эрнстъ-Веніаминъ-Соломонъ,* ординарный профессоръ Имп. С.-Петербур-

скаго Университета и извѣстный драматическій писатель; родился въ Силезіи, въ селѣ Штраупицъ, близъ Лигница, 21-го мая 1784 г. Отецъ его былъ пасторомъ и оказалъ вліяніе на развитіе своего сына. Тринадцати лѣтъ Р. поступилъ въ гимназію, а въ 1801 г. началъ слушать курсъ богословскихъ наукъ въ Галльскомъ Университетѣ, курсъ котораго и окончилъ со степенью доктора философіи. Р. отличался выдающимися способностями и любовью къ наукѣ, но стѣсненныя обстоятельства семьи заставили его бросить научную дорогу. Въ 1804 г. онъ занималъ мѣсто домашняго учителя въ Вирзевицѣ, близъ Лигница: это былъ первый шагъ въ его педагогической дѣятельности. Лѣтомъ 1804 г. онъ пріѣхалъ въ Россію и въ началѣ 1807 г. занялъ въ Петербургѣ мѣсто воспитателя въ домѣ г-жи Новосильцовой. Занимаясь педагогической дѣятельностью, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ трудиться надъ своимъ научнымъ образованіемъ и началъ литературную дѣятельность: въ 1811 г. онъ написалъ двѣ драмы «Die Fürstön Chowansky» и «Die Matrone von Ephesus». Нѣкоторое время онъ занималъ мѣсто пастора въ нѣмецкомъ приходѣ. Р. былъ пылкимъ германскимъ патріотомъ и въ 1813 г. написалъ горячее воззваніе къ нѣмцамъ о возстаніи противъ Наполеона. Этотъ памфлетъ тогда же былъ переведенъ на русскій языкъ и изданъ Ф. Синельниковымъ въ С.-Пб. въ 1813 г. Въ 1814 г. онъ оставилъ домъ Новосильцовой и сталъ давать частные уроки французскаго языка и исторіи. Къ этому времени онъ пріобрѣлъ въ Петербургѣ такую извѣстность, что въ 1816 г. былъ приглашенъ въ Главный Педагогическій Институтъ въ качествѣ ординарнаго профессора нѣмецкой литературы, а съ 1819 г. былъ назначенъ профессоромъ всеобщей исторіи въ только что открытомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Р. началъ свои историческія чтенія на французскомъ языкѣ. Исторію каждаго народа онъ раздѣлялъ на періоды подъ названіями: младенчество, юность, мужество, старость. Студентамъ Историко-Филологическаго факультета Р. читалъ исторію на латинскомъ языкѣ, какъ наиболѣе понятномъ для большей части слушателей, вызванныхъ почти исключительно изъ семинарій. Р. имѣлъ обширныя свѣдѣнія по древней исторіи и выражался свободно и краснорѣчиво по-латыни, но особенности его выговора сильно затрудняли пониманіе его лекцій, такъ что лишь немногіе изъ слушателей болѣе или менѣе ясно представляли себѣ то, о чемъ говорилъ профессоръ. Р. обыкновенно приносилъ съ собой лекціи, написанныя на нѣмецкомъ языкѣ, и въ аудиторіи переводилъ ихъ на латинскій. Экзамены показали, что студенты ничего не выносятъ изъ лекцій Р. Тогда въ 1821 г. Р. было предписано читать лекціи на русскомъ языкѣ. И въ этомъ случаѣ Р. поступилъ, какъ и прежде: онъ приносилъ съ собой нѣмецкія лекціи и передъ аудиторіей переводилъ ихъ на русскій. Это чрезвычайно затрудняло и профессора, и слушателей. Сверхъ того, не меньшимъ затрудненіемъ для студентовъ служило то, что Р. раздробилъ среднюю исторію на множество мелкихъ періодовъ и подъ ея небольшіе отдѣлы подводилъ исторію каждаго народа въ этнографическомъ порядкѣ. Р. успѣлъ довести среднюю исторію до XI вѣка. Древнюю исторію, преимущественно азіатскихъ народовъ, Р. излагалъ вполнѣ научно и критически, обращая главное вниманіе на религію, учрежденія и бытъ народовъ, въ духѣ раціоналистической Землеровской школы, господствовавшей въ Галле, когда онъ тамъ учился. Средніе вѣка, по свидѣтельству одного изъ его слушателей, Р. разсматривалъ гораздо поверхностнѣе, а для Новой Исторіи предлагалъ въ руководство учебникъ Кайданова или Шрекка. Р. среди профессоровъ пользовался большимъ вѣсомъ. Такъ, напримѣръ, при выборѣ перваго ректора С.-Петербургскаго Университета Р. и Балугьянскій получили одинаковое количество голосовъ. По предложенію попечителя, выборъ рѣшенъ былъ жребіемъ, и жребій палъ на Р. Однако, Комитетъ Министровъ призналъ избраніе ректора по жребію не сообразнымъ съ существующими для выборовъ постановленіями и назначилъ ректоромъ, по предложенію министра народнаго просвѣщенія, профессора Балугьянскаго.

Раціоналистическіе взгляды, высказанные Р. въ лекціяхъ по древней исторіи дали поводъ обвинить его въ безвѣріи и революціонной пропагандѣ. Въ 1821 г., по распоряженію министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія и по настоянію попечителя М. Л. Магницкаго, была собрана коммиссія для разслѣдованія дѣла по обви-

нению профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева въ томъ, что они «проповѣдуютъ обманно явную систему невѣрія». Затѣмъ перечислялись другія преступленія, въ коихъ эти профессора обвинялись исправляющимъ должность Попечителя и, между прочимъ, «въ Маратизмѣ и Робеспьеризмѣ». Результаты слѣдственной коммиссіи привели къ тому, что Раупахъ и обвиненные вмѣстѣ съ нимъ въ неблагонадежности профессора Германъ и Арсеньевъ были немедленно удалены изъ Университета. Профессора требовали суда «компетентныхъ лицъ»; тогда Главное Правленіе Училищъ постановило предать ихъ суду уголовнымъ порядкомъ. Министръ же народнаго просвѣщенія былъ противъ уголовнаго суда: онъ, сначала, предлагалъ просто выслать Р. и Германа за границу и, по долгу, налагаемому Священнымъ Союзомъ, предостеречь союзныя державы отъ этихъ опасныхъ людей. Но профессора нашли заступниковъ, и дѣло ихъ было перенесено въ Комитетъ Министровъ, который рѣшилъ передать его разсмотрѣніе особой Коммиссіи. Затѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе считать это дѣло прекращеннымъ, а профессоровъ невиновными. Осенью 1822 года Р. получилъ разрѣшеніе отправиться за границу. Зиму онъ провелъ въ Италіи, а весной 1823 г. вернулся въ Германію, на родину. Онъ рѣшилъ больше не возвращаться въ Россію и отказаться отъ службы; 18-го августа 1823 г. Р. получилъ отставку. Остальное время своей жизни Р. посвятилъ научной и литературной дѣятельности. Переселившись въ Берлинъ, онъ занималъ одно время мѣсто управляющаго Королевскимъ Театромъ. Р. прославился, главнымъ образомъ, своими многочисленными драматическими произведеніями. Между прочимъ, онъ заимствовалъ нѣсколько сюжетовъ для своихъ пьесъ изъ русской жизни. Ко времени Наполеоновскихъ войнъ съ Россіей и Германіей относится его драма: «Timoleon der Befreier»; дѣйствіе происходитъ въ Сиракузахъ, но подъ древними именами выведены современныя лица и главный герой—Timoleon—изображаетъ собой Александра I-го. Изъ эпохи стрѣлецкихъ бунтовъ Р. заимствовалъ драму: «Die Fürsten Chowansky». Однако, кромѣ собственныхъ именъ дѣйствующихъ лицъ: Милославскаго, Лыкова, Долгорукаго и др., во всей драмѣ нѣтъ ничего русскаго. Картина крѣпостного права изображена Раупахомъ съ свойственной ему идеализаціей въ трагедіи: «Die Leibeigenen oder Isidor und Olga». Изъ неисторическихъ драмъ Р. наибольшей извѣстностью пользуются: «Die Erdennacht», dramatisches Gediht in fünf Akten, появившаяся въ Берлинѣ въ 1821 г. и др., а изъ комедій — первая, написанная имъ въ 1825 г.: «Lasst die Todten ruhen»; «Kritik und Antikritik», драма въ 4-хъ д., появившаяся въ 1825 г., «Die Bekehrten», 1826 г.; «Shleichhändler», 1828 г. и др. Кромѣ того, имъ написано между 1825—32 г. «Kromwelltrilogie» и 15 драмъ, изображающихъ исторію Гогенштауфеновъ, начиная съ Фридриха Барбароссы. Р. умеръ въ Берлинѣ 18-го марта 1852 г.

Историческая записка о дѣлѣ С.-Петербургскаго Университета въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ», 1862 г., книга III; Словарь Ф. Толля, вып. IX, часть III, С.-Пб. 1864 г., стр. 273; М. И. Сухомлиновъ, «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію», С.-Пб. 1889 г., т. I, стр. 245, 250—252, 258—266, 287—298, 302—303, 310—316, 350—352, 373—378; Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М. 1892 г., т. V, стр. 60; «Остаф. Архивъ», т. II; «Рус. Архивъ» 1870 г., стр. 2141; 1871 г., стр. 0261, 0262, 0264; 1874 г., стр. 1558; И. Ѳеоктистовъ, «Магницкій, матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи», С.-Пб. 1885 г., стр. 35; В. Григорьевъ, «Имп. С.-Пб. Университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія», С.-Пб. 1870 г., стр. 15; «Allgemeine deutsche Biographie», B. XXVII, S. 430—445; «Morgenblatt», 11 Apr. 1852; «Allgemeine Zeitung», 26 und 28 März 1852; Pauline Raupach, B. S. Raupach. 1854; Nekrolog 1852, S. 63; Eduard Genast, aus dem Tagebuche eines alten Schauspielers, B. III, S. 21—51; Karl von Holtei, Eharpin, B. I, S. 124.

П. Д. Ивановъ.

Раухъ, *Егоръ Ивановичъ* (Georg-Adolph-Ditrich), докторъ медицины и хирургіи, лейбъ-медикъ, совѣщательный членъ Медицинскаго Совѣта при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, тайный совѣтникъ; род. 14-го іюня 1789 года въ приходѣ Якоби, Эстляндской губерніи, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ, умеръ 30-го апрѣля 1864 года въ С.-Петербургѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ Ревельской гимназіи, а въ 1806 году поступилъ для изученія медицины въ Дерптскій Университетъ. Защитивъ диссертацію: «De initiis morborum» (16-го іюля 1811 года), Р. получилъ степень

доктора медицины и хирургіи и отправился въ Петербургъ, гдѣ занялся практикой. Въ 1812 году онъ поступилъ ординаторомъ въ Обуховскую Больницу и былъ назначенъ докторомъ въ Финляндскій егерскій полкъ. Однако, его частная практика все болѣе и болѣе увеличивалась и потому, еще въ 1814 году онъ отказался отъ службы въ полку, а въ 1828 году покинулъ и Обуховскую Больницу. Въ 1829 году, когда прочно установилась его репутація, какъ одного изъ лучшихъ врачей столицы, Раухъ былъ приглашенъ къ заболѣвшей Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и назначенъ ея лейбъ-медикомъ. Въ 1833 году онъ сопровождалъ ее въ путешествіи за границу. Въ должности лейбъ-медика Раухъ пробылъ 16 лѣтъ. Съ 1831 года онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ занятіяхъ Медицинскаго Совѣта, въ качествѣ совѣщательнаго члена его. Въ 1837 году Р. былъ приглашенъ въ число членовъ Комитета, наблюдавшаго за придворной аптекой; въ слѣдующемъ году, за отсутствіемъ лейбъ-медика Рюля, онъ исполнялъ обязанности инспектора по медицинской части надъ заведеніями, состоявшими подъ покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ 1857 г. будучи избранъ членомъ Коммиссіи, которой было поручено высказаться относительно прививокъ чумы рогатому скоту, сдѣланныхъ въ 1853 и въ 1856 годахъ въ Новороссіи, по порученію Министерства Государственныхъ Имуществъ, Р. сталъ усердно заниматься ветеринаріей, лично посѣтилъ чумо-прививательные институты въ Херсонской губерніи и представилъ обстоятельный и детально разработанный докладъ по этому вопросу. Дерптскій Ветеринарный Институтъ отмѣтилъ труды Рауха, избравъ его, когда онъ справлялъ 50-лѣтній юбилей своей дѣятельности, почетнымъ членомъ Института. 17-го декабря того-же года Р. былъ избранъ почетнымъ членомъ Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи. Кромѣ того, онъ состоялъ почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ и Минералогическаго Общества въ Петербургѣ.

Труды Рауха: «De initiis morborum, cum appendice sistente duas morborum chirurgicorum historias», Dorpati. 1811; «Ueber die Krankheiten des Gehörganges und des Trommelfells» — «Petersb. vermischte Abhandl. aus dem Gebiete der Heilkunde», 1821, I, 71—98; «Beobachtung einer Krankheit des rechten Eierstockes oder der Tuba Fallopii» — тамъ-же, II, 95—102; «Beobachtung einer Durchlöcherung des Magens am Pylorus» — тамъ-же, стр. 143—175 (1823 г.); «Verlauf einer Scharlachkrankheit ohne bemerkbares Exanthem» — тамъ-же, III, 156—164 (1825 г.).

«Русскій Архивъ» 1866 г., № 4, стр. 576—577; Ф. Германъ, «Историческій очеркъ Обуховской Больницы за 100 лѣтъ», С.-Пб. 1884 г., стр. 30; «Приложенія къ Исторіи Императорской Военно-Медицинской Академіи», С.-Пб. 1898 г., стр. 205; «S.-Petersburger Medicinische Zeitschrift» 1864, тетр. 1, стр. 256—258; I. Рекке и К. Напіерскій, Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexikon der Provincen Livland, Esthland und Kurland, Bd. 3, Mitau. 1831, стр. 474; A. Hirsch, Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte aller Zeiten und Völker, Wien und Leipzig, Bd. IV, 1886, стр. 677; А. Гассельблатъ и Отто, Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat. 1889, стр. 21.

Раухъ, *Оттонъ Егоровичъ,* генералъ-лейтенантъ, командиръ 15-го армейскаго корпуса; изъ дворянъ Эстляндской губ., род. 16-го января 1834 г., ум. 29-го іюня 1890 г. въ Варшавѣ. По окончаніи курса въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (Николаевское Кавалерійское Училище), Р. выпущенъ былъ въ 1851 г. на службу прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, откуда черезъ 2 года поступилъ въ Императорскую Военную Академію (нынѣ Николаевская Академія Генеральнаго Штаба), курсъ въ которой окончилъ въ 1855 г. и, получивъ за отличные успѣхи въ наукахъ чинъ штабсъ-капитана, былъ назначенъ на службу въ гвардейскій Генеральный Штабъ, гдѣ въ теченіе 25 лѣтъ и занималъ различныя должности. Съ 1857 до 1865 гг. онъ былъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ въ кавалерійской и пѣхотныхъ дивизіяхъ гвардейскаго корпуса, а также занималъ должность оберъ-квартирмейстера Отдѣльнаго гренадерскаго корпуса, въ 1862 г. былъ произведенъ въ полковники, затѣмъ состоялъ въ распоряженіи военнаго министра и генералъ-квартирмейстера штаба Его Имп. Величества, а въ 1865 г. назначенъ начальникомъ штаба завѣдывающаго военно-сухопутною частію въ Кронштадтѣ. Въ 1864 г. Р. былъ также начальникомъ штаба 14-й пѣхотной диви-

зіи, а въ 1865 г.—24-й, затѣмъ былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба Одесскаго Военнаго Округа и въ 1867 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Съ мобилизаціей штаба дѣйствующей арміи, въ ноябрѣ 1876 г., Р. былъ назначенъ для особыхъ порученій при главнокомандующемъ дѣйствующей арміей и успѣшно исполнилъ рядъ порученій его: перешелъ границу въ составѣ 1-й бригады 32-й дивизіи, участвовалъ въ дѣлахъ у Барбашскаго моста и Ольтеницы, а также въ перестрѣлкѣ Турнскихъ батарей съ крѣпостію Никополемъ. По переходѣ черезъ Дунай, онъ былъ назначенъ въ 1877 г. помощникомъ начальника передового отряда, сформированнаго подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Гурко. Въ этой должности Р. участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ передового отряда. Перейдя черезъ Дунай, онъ направился къ Тырнову; трудно доступный Ханкіойскій проходъ имъ былъ приведенъ въ состояніе, возможное для слѣдованія не только кавалеріи и пѣхоты, но и артиллеріи. Во время дѣйствій передового отряда за Балканами Р. былъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ начальника отряда какъ въ управленіи дѣйствующими войсками, такъ и въ исполненіи различныхъ административныхъ и хозяйственныхъ порученій. 19-го іюля 1877 г. войска передового отряда должны были одновременно вести бой съ отрядомъ Реуфа-паши и съ арміей Сулеймана-паши. Р. въ то время былъ при генералъ-адъютантѣ Гурко, сражавшемся съ отрядомъ Реуфа. Когда пришло извѣстіе, что наши войска атакованы арміей Сулеймана и находятся въ безысходномъ тяжеломъ положеніи, Р. получилъ приказаніе принять начальство надъ атакованными войсками; онъ поскакалъ черезъ ряды отряда Реуфа-паши, не обращая вниманія на опасность, принялъ командованіе отрядомъ, быстро ознакомился съ положеніемъ дѣла и отразилъ нападеніе Сулеймана-паши; затѣмъ, видя численное превосходство враговъ, онъ отступилъ съ отрядомъ къ Казанлыку, оттуда къ Шипкѣ, и здѣсь уже привелъ сильно разстроенный неравнымъ боемъ отрядъ въ порядокъ. Назначенный временно командующимъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей, Р. напутствовалъ энергичными словами лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ при штурмѣ Горнаго Дубняка. Благодаря распорядительности командующаго, полки 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи много способствовали сдачѣ Османа-паши подъ Плевной. Когда Гурко двинулся къ Балканамъ, на долю Р. выпало командовать колонной, направленной въ обходъ сильной турецкой позиціи подъ Правцемъ. Пришлось съ невѣроятными усиліями то подымать орудія въ заоблачныя выси, то спускать ихъ въ глубину ущелья рѣки Искера. Люди умирали отъ истощенія; Р. своею твердостію подавалъ другимъ примѣръ къ преодолѣнію препятствій, непріятельская позиція была достигнута, противникъ атакованъ и отброшенъ въ Орханійскую долину. Тогда почти всѣ предгорія Балканъ очутились въ нашихъ рукахъ. При переходѣ черезъ Великія Балканы Р. командовалъ авангардомъ главныхъ силъ, сбилъ непріятеля съ Нечашевской позиціи и прервалъ сообщеніе турецкой арміи съ Софіей. Въ Такписенскомъ бою онъ выбилъ непріятеля изъ трехъ редутовъ, а вскорѣ затѣмъ, на берегахъ Искера, разбилъ на голову высланныя противъ него изъ Софіи войска. Послѣ трехдневнаго Филиппопольскаго боя дивизія Р. расположилась бивуакомъ въ виду Константинополя. Во время продолжительной стоянки подъ С.-Стефано въ дивизіи свирѣпствовалъ тифъ; Р. ежедневно посѣщалъ санитарныя учрежденія и оказывалъ больнымъ дѣятельную помощь.—За боевыя отличія Р. былъ награжденъ золотой саблей съ надписью: «за храбрость», орд. св. Георгія 4-й степ., орд. св. Анны 1-й ст. съ мечами (въ 1877 г.), орд. св. Георгія 3-й ст. (въ 1878 г.) и въ этомъ же году назначенъ въ Свиту Его Величества. По окончаніи войны Р. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, назначенъ начальникомъ 22-й пѣхотной дивизіи, а въ 1889 г. командиромъ 15-го армейскаго корпуса.

«Варшавскій Дневникъ» 1890 г., № 168; «Русскій Инвалидъ» 1890 г., № 170; «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ» Леера, т. VI, С.-Пб. 1892 г., стр. 264; «Новое Время» 1890 г., № 5178, 5181, 5192; «Нива» 1890 г., № 41, стр. 1034—1035; «Всемірная Иллюстрація» 1890 г., № 1125, стр. 115; «Русскій Календарь», А. Суворина», 1891 г., стр. 284; «Всеобщій Календарь», Г. Гоппе, 1891 г., стр. 511; «Герои и дѣятели русско-турецкой войны», 1877—1878 гг. Изд. 2-е, В. Турбы, С.-Пб. 1878 г., стр. 103; Кн. В. П. Мещерскій, «Альбомъ портретовъ дѣятелей войны 1877—1878 г.».

Ив. Марченко.

Рафаилъ (въ мірѣ *Михаилъ* **Заборовскій**), митрополитъ Кіевскій и Галицкій, родился въ 1677 году въ польскомъ мѣстечкѣ Заборовѣ, находящемся вблизи города Львова; скончался въ Кіевѣ 22-го октября 1747 года. Отецъ его былъ польскій шляхтичъ; первоначальное образованіе Михаилъ Заборовскій получилъ въ польскихъ школахъ, а по смерти отца, когда мать переѣхала въ Кіевъ, онъ поступилъ въ Кіевскую Духовную Академію, а затѣмъ перешелъ въ Московскую Заиконоспасскую, гдѣ, еще учась, принялъ монашество съ именемъ Рафаила. По окончаніи полнаго курса онъ былъ назначенъ въ ту же Заиконоспасскую Академію учителемъ риторики, затѣмъ служилъ нѣкоторое время іеромонахомъ во флотѣ, а въ 1723 году назначенъ архимандритомъ Троицкаго Калязинскаго монастыря и ассессоромъ Святѣйшаго Синода.

15-го августа 1725 года Рафаилъ Заборовскій хиротонисанъ былъ во епископа Псковскаго и Порховскаго, а 23-го августа того же 1725 г. назначенъ Совѣтникомъ Святѣйшаго Синода, каковую должность онъ и занималъ до 15-го іюля 1726 г. Во Псковѣ епископъ Рафаилъ открылъ школу, чуть ли не первую въ городѣ. 13-го апрѣля 1731 онъ былъ назначенъ архіепископомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и всея Малыя Россіи.

Въ Кіевѣ Рафаилъ прежде всего обратилъ вниманіе на Духовную Академію въ Братскомъ монастырѣ, которая находилась въ очень печальномъ положеніи. Въ отвѣтномъ письмѣ Рафаилу Ѳеофана Прокоповича (1736 г.) читаемъ: «писалъ ко мнѣ преосвященство ваше, черезъ господина Величковскаго, что училищный у васъ монастырь Братскій пришолъ въ крайнюю скудость, и таковую, что и къ повседневному пропитанію не имѣютъ довольства учители и прочіи братія, и не могло бы уже мѣсто оное въ состояніи пребыть, естьли бы особливымъ святыни вашей призрѣніемъ снабдѣваемо не было». Рафаилъ Заборовскій устраиваетъ сборъ въ пользу Академіи, жертвуетъ свои 1640 руб. и въ очень короткое время строитъ новыя зданія для Академіи и для общежитія воспитанниковъ и церковь въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, которая и была освящена 1-го ноября 1740 г. Онъ помогалъ нуждающимся воспитанникамъ Духовной Академіи, посылалъ нѣкоторыхъ окончившихъ курсъ Академіи на свой счетъ за границу для продолженія образованія, заботился о болѣе успѣшномъ преподаваніи въ Академіи и о привлеченіи болѣе лучшихъ учителей. Благодаря ему, въ Кіевской Академіи въ 1738 году были открыты каѳедры языковъ: греческаго, нѣмецкаго и еврейскаго.

Кіевская Духовная Академія, какъ пишетъ митроп. Евгеній, «прославилась многими вышедшими изъ нея знаменитыми учеными людьми, отличившимися во всѣхъ состояніяхъ, и въ его время она изъ благодарности называла себя Кіево-Могило-Заборовскою». 16-го іюня 1743 года, по докладу Св. Синода, Императрица Елизавета Петровна указала быть въ Кіевѣ митрополіи, а архіепископу Рафаилу именоваться митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ.

Рафаилъ написалъ много поученій, но они не изданы. Его инструкція Академіи издана въ книгѣ В. И. Аскоченскаго: «Кіевъ и его академія» (2-ая часть, 102—108 стр.); переписка его съ Маркевичемъ напечатана въ «Обзорѣ Гамалѣевскаго монастыря». По словамъ митр. Евгенія, Рафаилъ Заборовскій напечаталъ въ Москвѣ въ 1735 году два поученія.

Рафаилъ скончался въ Кіевѣ 22-го октября 1747 г. и погребенъ 30-го ноября, т.-е. въ сороковой день его кончины. При погребеніи надгробную рѣчь говорилъ Георгій Конисскій. Вотъ небольшой отрывокъ ея: «кто не видѣлъ безприкладную милость его къ учащимся, кому невѣдомо было великое призрѣніе его къ учащимся? Не хочу я о семъ многа слова простирать, лучше за меня проповѣдуютъ, хотя и безгласная оная нововодруженная, царскимъ чертогамъ подобающая, училищная зданія, многимъ иждивеніемъ преосвященнаго архипастыря состроенная! Недоволенъ единъ языкъ того исповѣсти; нехай убо многочисленный оный домъ, общее учащихся нищихъ прибѣжище, бобиле, глаголю, бурсацкіе, безгрунтовіи, безденежніе чрезъ 16 лѣтъ милостію преосвященнаго архипастыря оправляеми, огрѣваеми и многообразно ежечастнымъ его знаніемъ, подаяніемъ снабдѣваеми!».

Митр. Евгеній (Болховитиновъ), «Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви», т. II (С.-Пб.

1827); Н. Новиковъ, «Опытъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ», С.-Пб. 1772 г.; архіеп. Филаретъ (Гумилевскій), «Обзоръ духовной литературы 1720—1858», книга II. С.-Пб. 1861; Молчановъ, «Протекторъ Кіевской Академіи Рафаилъ Заборовскій, митрополитъ Кіевскій» — «Кіевск. Епарх. Вѣд.» 1876, № 5, 7; Игум. Іаковъ, ibid. 1893, № 1; «Списки архіереевъ іерархіи всероссійской и архіерейскихъ каѳедръ со времени учрежд. свят. прав. Синода (1721—1895)», С.-Пб. 1896; Смирчатскій, «Истор. статист. сборникъ свѣдѣній о Псковской епархіи», Островъ. 1895, стр. 59—66

П. Димакторскій.

Рафаловичъ, *Артемій Алексѣевичъ,* докторъ медицины, совѣщательный членъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; сынъ купца, родился въ Подоліи 13-го ноября 1816 года, ум. въ Петербургѣ 3-го мая 1851 года; первоначальное образованіе получилъ въ гимназіи при Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ, куда поступилъ въ 1830 году. Окончивъ курсъ Гимназіи въ 1834 году, Р. отправился за границу и поступилъ на медицинскій факультетъ Берлинскаго Университета, прослушалъ здѣсь полный курсъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ, много работалъ въ большихъ берлинскихъ больницахъ, гдѣ обращалъ вниманіе, главнымъ образомъ, на хирургію и повивальное искусство, и, сдавъ экзамены, получилъ въ 1838 году степень доктора медицины и хирургіи. Въ этомъ же году Р. вернулся въ Россію и защитилъ диссертацію на степень доктора медицины и акушера при Дерптскомъ Университетѣ. Въ 1839 г. онъ вернулся въ Одессу и занялся частной практикой. Въ 1840 г. при юридическомъ отдѣленіи Ришельевскаго Лицея была учреждена каѳедра судебной медицины, и Р. былъ назначенъ туда профессоромъ. Чтеніе лекцій онъ началъ съ 1841 года, но недолго занимался педагогическою дѣятельностью: волновавшій въ это время всю Европу вопросъ о способахъ борьбы съ чумою заинтересовалъ и его; онъ подробно изучилъ всѣ главные способы борьбы съ распространеніемъ чумы, особенно карантинные уставы и, какъ результатъ этой работы, послалъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ обстоятельный докладъ по этому вопросу. На докладъ Р. въ Министерствѣ обратили вниманіе, вызвали его въ 1845 году въ Петербургъ и предложили принять участіе въ ученой экспедиціи, которая отправлялась на Востокъ для спеціальнаго изслѣдованія чумы. Р. согласился, въ январѣ 1846 года былъ переведенъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и назначенъ старшимъ членомъ этой экспедиціи. Весною того же года онъ выѣхалъ изъ Россіи черезъ Одессу и прибылъ въ Константинополь, гдѣ была его первая остановка, пробылъ здѣсь четыре съ половиною мѣсяца, переѣхалъ черезъ Смирну въ Александрію, а отсюда въ Каиръ, гдѣ принялся за изученіе арабскаго языка, считая, что безъ знанія туземнаго нарѣчія нельзя изучить страну. Зимой 1846 и 1847 г. Р. изслѣдовалъ Нижній Египетъ, весной, на верблюдахъ, объѣхалъ Палестину, а лѣтомъ изучалъ Сирію, послѣ чего, въ концѣ августа, черезъ Бейрутъ вернулся въ Александрію. Отсюда онъ отправился по Нилу для изслѣдованія Верхняго Египта и Нижней Нубіи. Вернувшись отъ вторыхъ Нильскихъ пороговъ опять въ Каиръ, Р. пробылъ здѣсь конецъ 1847 года и начало 1848 г., а затѣмъ отправился сухимъ путемъ изслѣдовать мѣстность Нильской Дельты. Окончивъ свои наблюденія, Р. въ половинѣ марта 1848 г. опять вернулся въ Александрію и здѣсь былъ приглашенъ участвовать въ консультаціи относительно умственныхъ способностей владѣтеля Египта, Мехмеда-паши. Возвращаясь въ Россію, онъ посѣтилъ сѣверные берега Африки и европейскіе порты: Геную, Марсель, Барцелону, Виго, Ливорно—для изученія здѣсь карантиннаго устройства. Прямыхъ опытовъ борьбы съ чумой Р. не пришлось производить, такъ какъ чума прекратилась до его пріѣзда. Отчеты Рафаловича объ этомъ путешествіи печатались въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» и немедленно переводились въ заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ того, во время пребыванія Р. въ Марсели, его статья «О Нижнемъ Египтѣ въ медико-административномъ отношеніи», написанная на французскомъ языкѣ и читанная имъ еще въ Александрійскомъ «Совѣтѣ Здравія», была напечатана въ «Courrier de Marseille». За успѣшное исполненіе порученнаго ему дѣла Р., по возвращеніи въ Россію, былъ награжденъ орденомъ Владимира 4-й степени и оставленъ на службѣ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, съ порученіемъ привести въ порядокъ свои

путевыя записки и выпустить ихъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ. 26-го января 1849 года Р. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и приписался къ отдѣлу этнографіи. Онъ былъ избранъ дѣлопроизводителемъ этого отдѣла и около того же времени сталъ принимать участіе въ занятіяхъ отдѣла статистики. На службѣ Р. работалъ надъ пересмотромъ старыхъ карантинныхъ уставовъ и выработкой новаго. Осенью 1850 г. онъ былъ избранъ въ члены Медицинскаго Совѣта, но вскорѣ послѣ этого, 3-го мая 1851 года, умеръ отъ чахотки, которая обнаружилась у него еще въ студенческіе годы, во время его пребыванія въ Берлинѣ. Литературная дѣятельность Рафаловича во время его пребыванія въ Одессѣ была посвящена различнымъ медицинскимъ вопросамъ, — главнымъ образомъ, медико-статистическимъ изслѣдованіямъ города Одессы; послѣ возвращенія изъ путешествія онъ печаталъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» отрывки изъ своихъ путевыхъ записокъ, часть которыхъ ему удалось собрать и выпустить въ свѣтъ въ сочиненіи: «Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты», С.-Пб. 1850 г. Остальные труды Рафаловича: «De syphilide ejusque curatione antiphlogistica, secundum observationes in praxi nosocomiali»—Диссертація, 1838 г.; «О животномъ магнетизмѣ» — «Сынъ Отечества» 1842 г.; «Вступительная лекція въ судебную медицину» — «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія» 1842 г.; «О вредномъ вліяніи употребляемыхъ въ хозяйствѣ металлическихъ приготовленій» — «Записки общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ» 1841 г., № 3; «Объ употребленіи главнѣйшихъ наружныхъ лѣкарствъ, прописываемыхъ врачами» — тамъ же, 1844 г., № 2; «О морскихъ одесскихъ купальняхъ»— «Одесскій календарь» 1842 г.; «Медико-статистическія разысканія о вліяніи климата и мѣстности Одессы на здоровье ея жителей» — тамъ же 1842 г.; «Новые матеріалы для медицинской статистики Одессы за 1842 г.» — тамъ же 1844 г.; «Движеніе народонаселенія и общественное здоровье въ Одессѣ въ 1843 году» — тамъ же 1845 г.; «О предубѣжденіи публики противу вскрытія мертвыхъ тѣлъ въ частной медицинской практикѣ» — «Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ» 1843 г.; «Описаніе одесскихъ центральныхъ карантиновъ» — тамъ же; «Медицинская статистика Одессы за 1842 г.»—тамъ же.

Формулярный списокъ о службѣ доктора медицины Рафаловича, 1847 г.; «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1851 г., ч. I; то-же, 1852 г., ч. IV; «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1851 г., ч. 71.

Н. Кульбинъ.

Рафаловичъ, *Карпъ Матвѣевичъ,* генералъ-лейтенантъ; род. въ 1793 г. и происходилъ изъ дворянъ; поступивъ на службу подпрапорщикомъ въ бывшій 20-ый Егерскій полкъ, онъ въ началѣ 1812 года былъ переведенъ въ Черниговскій полкъ, съ которымъ принималъ участіе въ Отечественной войнѣ и въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ. Черниговскій полкъ, въ составѣ котораго находился Р., принималъ участіе почти во всѣхъ сраженіяхъ съ Наполеономъ. Такъ, 14-го іюля Р. былъ въ сраженіи при Витебскѣ, 4-го и 5-го августа при Смоленскѣ, 7-го августа при селеніи Заболотнѣ, 26-го числа въ Бородинскомъ сраженіи, 6-го октября при Тарутинѣ и во многихъ другихъ. Въ Турецкую войну 1828 — 1829 гг. Р. за боевыя отличія былъ произведенъ въ полковники; съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1830 году въ Польшѣ онъ былъ отправленъ въ отрядъ, дѣйствовавшій противъ корпуса Дверницкаго, и командовалъ Кременчугскимъ полкомъ, отличившись при взятіи Варшавы, гдѣ заслужилъ награду орденомъ св. Георгія 4-ой ст. Въ Венгерскую кампанію Р. находился въ составѣ дѣйствующихъ войскъ и отличился въ сраженіяхъ подъ Вайценомъ и Дебречиномъ (28-го августа 1848 года), за которыя и былъ награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость». Въ войнѣ 1853—1854 гг. онъ принималъ дѣятельное участіе, будучи уже въ чинѣ генералъ-маіора и командуя цѣлымъ отрядомъ, при чемъ взялъ съ бою у турокъ мостъ на Сомовомъ Гирлѣ, и за это блестящее дѣло пожалованъ орденомъ Анны 1-ой ст.; во время Севастопольской кампаніи, Р. находился въ составѣ войскъ Крымской арміи. Въ 1857 г. онъ вышелъ въ отставку, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. По-

селившись затѣмъ въ Житомірѣ, онъ скончался 25-го сентября 1871 г.

«Русскій Инвалидъ» 1871 г., № 230, некрологъ.

Е. Я.

Рафановичъ, *Александръ Васильевичъ,* штабъ-лѣкарь; происходилъ изъ духовнаго званія; умеръ 17-го августа 1849 г. Медицинское образованіе получилъ въ Петербургской Медико-Хирургической Академіи, въ которой окончилъ курсъ со званіемъ лѣкаря въ 1827 году, и, какъ казенный воспитанникъ, поступилъ на службу въ 4-й флотскій экипажъ. Въ 1828 г. Р. былъ переведенъ въ 43-й экипажъ Черноморскаго флота и въ томъ же году прикомандированъ къ временному военному Севастопольскому госпиталю. Во время Турецкой войны 1828 года Р. находился въ Варнѣ и выдвинулся своимъ усиленнымъ трудомъ при бывшей тамъ чумной эпидеміи. Въ 1830 г. онъ получилъ званіе штабъ-лѣкаря, съ 1832 до 1838 года былъ старшимъ врачемъ Охотскаго морского полугоспиталя, послѣ чего былъ переведенъ въ 6-й рабочій экипажъ при Ижорскихъ заводахъ, одновременно съ прикомандированіемъ къ Петербургскому Морскому Калинкинскому госпиталю. Уволенный отъ службы въ 1839 году и въ томъ же году вновь принятый въ нее, онъ былъ назначенъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ и прикомандированъ къ Тифлисскому военному госпиталю. Оттуда Р. былъ переведенъ въ этомъ же году главнымъ лѣкаремъ въ Ахалцыхскій военный госпиталь. Въ 1841 году онъ былъ перемѣщенъ для исполненія должности старшаго доктора въ Темирханшуринскій военный госпиталь, а въ слѣдующемъ году назначенъ тамъ же старшимъ докторомъ. Въ 1843 году Р. былъ переведенъ на ту же должность въ Кутаисскій военный госпиталь, въ 1847 г. состоялъ главнымъ врачемъ во временномъ военномъ госпиталѣ въ Царскихъ Колодцахъ, а въ 1848 г. былъ назначенъ докторомъ 19 пѣхотной дивизіи. 19-го августа 1849 г. онъ умеръ отъ холеры. За время своей службы во флотѣ онъ участвовалъ въ пяти морскихъ кампаніяхъ. Рафановичъ напечаталъ слѣдующіе труды: «Инфлуэнца въ Охотскѣ. Съ примѣчаніемъ доктора Фигурина» — «Другъ Здравія» 1838 г., № 46; «Чума въ Ахалцыхѣ и окрестностяхъ въ 1839 году» — «Военно-Медицинскій Журналъ» 1840 г., ч. 36, II.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. 2, С.-Пб. 1886 г., стр. 79—80; «Военно-Медицинскій Журналъ», 1849 г., ч. 52, II; A. Hirsch, «Biografisches Lexikon der hervorragenden Aerzte aller Zeiten und Völker», Wien und Leipzig, 1886, Bd. IV, S. 660.

Н. Кульбинъ и *Е. Я.*

Рахау, *Иванъ Карловичъ,* академикъ и профессоръ архитектуры, род. въ 1817 г. Воспитываясь въ Академіи Художествъ, онъ въ 1842 г. получилъ серебряную медаль перваго достоинства «за архитектуру» и въ томъ же году ему была задана программа на вторую золотую медаль: «сочинить проэктъ гостиннаго двора». Вскорѣ же онъ окончилъ курсъ Академіи и поступилъ въ помощники къ К. А. Тону, по сооруженію Храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Въ 1844 г. Р. прислалъ въ Академію рисунки, представляющіе конструкцію и каменную кладку купола упомянутаго храма, за что Совѣтъ Академіи выразилъ ему благодарность и положилъ «предложить г. профессору К. Тону, строителю означеннаго храма, чтобы онъ дозволилъ Р. сдѣлать съ рисунковъ копіи для руководства въ архитектурномъ классѣ Академіи».

Такъ какъ въ 1847 г. Р. работалъ также и при постройкѣ С.-Петербургской станціи Николаевской желѣзной дороги, то опять представилъ въ Академію рисунки, изображающіе устройство стропилъ, которыя считались, въ то время, по широтѣ своей первыми въ Европѣ. Рисунки эти Совѣтъ Академіи постановилъ «передать въ классъ строительнаго искусства для руководства, поручивъ Р. также сдѣлать для Академіи рисунки конструкціи купольнаго свода и кружалъ Храма Спасителя въ Москвѣ». На слѣдующій годъ, за программу «проэктъ публичныхъ бань», Р. былъ возведенъ въ званіе академика по части архитектуры, а въ 1877 г., «въ уваженіе долговременныхъ и особыхъ трудовъ по художественно-архитектурнымъ работамъ, произведеннымъ имъ въ храмѣ Спасителя, въ Москвѣ, произведенъ въ профессора архитектуры».

При постройкѣ храма Спасителя Р. находился въ теченіе сорока лѣтъ, до самаго окончанія постройки, завѣдуя тамъ техническою стороною дѣла. Кромѣ упомянутыхъ двухъ построекъ и разныхъ частныхъ

заказовъ, онъ участвовалъ также въ сооруженіи Большого Кремлевскаго дворца и Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

«Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императ. С.-Пб. Академіи Художествъ», т. II и III, С.-Пб. 1865—1866 г.; «Отчеты Императ. Академіи Художествъ за 1862—3, 1872—3 и 1877—8 гг.».

А. Новицкій.

Рахау, *Карлъ Карловичъ,* академикъ архитектуры; род. въ Петербургѣ 12-го іюня 1830 г., ум. въ Зальцбургѣ 27-го іюня 1880 г. Сынъ биржевого маклера, онъ еще въ раннемъ дѣтствѣ почувствовалъ влеченіе къ искусству, почему и поступилъ въ Академію Художествъ, гдѣ былъ ученикомъ А. А. Тона. 10-го января 1853 г. онъ получилъ первую серебряную медаль за программу по архитектурѣ: «сочинить проэктъ торговаго дома дамскихъ одеждъ, уборовъ, обуви и пр.» и въ томъ же году работалъ, уже на вторую золотую медаль, проэктъ «большого торговаго дома»; однако онъ получилъ упомянутую медаль лишь въ слѣдующемъ году, за «проэктъ публичной библіотеки». Точно такъ же и первую золотую медаль онъ получилъ не сразу: въ 1855 г. онъ работалъ надъ заданною программою «загороднаго дворца, не столь великолѣпнаго, сколько удобнаго для жилья», а въ слѣдующемъ году получилъ искомую медаль за «проэктъ выспаго театральнаго училища на 1000 человѣкъ и при немъ публичнаго театра на 1200 человѣкъ». Въ томъ же, 1857 г., онъ былъ отправленъ, въ качествѣ пенсіонера Академіи, за границу на шесть лѣтъ. Тамъ Р. работалъ очень усердно и особенно занялся, въ сотрудничествѣ съ товарищемъ своимъ по пенсіонерству, К. К. Кольманомъ, реставраціею дворца Альгамбры въ Гренадѣ (la Torre de les infantas). Эта реставрація, на Парижской выставкѣ 1862 г., получила золотую медаль, а въ Мюнхенѣ — одобрительный почетный дипломъ; Петербургская Академія также благодарила авторовъ «за отличные труды». По окончаніи срока пенсіонерства, Р., съ разрѣшенія Академіи, остался еще на годъ за границею съ цѣлью путешествовать по Италіи, уже на свой счетъ. По возвращеніи въ Россію, въ 1864 г., онъ былъ возведенъ въ званіе академика архитектуры. Въ 1866 г. онъ поступилъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ только что сосредоточено было завѣдываніе гражданскою строительною частью въ Имперіи, а въ слѣдующемъ году, — въ Строительное отдѣленіе Губернскаго Правленія. Въ томъ же году, такъ какъ профессора Гриммъ и Эппингеръ находились за границею, Академія Художествъ пригласила Р. въ преподаватели архитектуры, назначивъ его адъюнктъ-профессоромъ, а въ 1870 г., «за многія самостоятельныя постройки и труды по занятіямъ въ архитектурныхъ классахъ Академіи», возвела его въ званіе профессора, назначивъ при томъ членомъ Совѣта Академіи.

При переходѣ, въ 1871 г., строительной части отъ Губернскаго Правленія въ вѣдѣніе Городского общественнаго управленія, Р. перешелъ на должность старшаго городского архитектора, а въ 1873 г., сверхъ того, приглашенъ былъ на должность члена Строительнаго Комитета при Собственной Е. И. Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

Изъ построекъ его первою была, кажется, надгробная часовня-церковь надъ могилами семьи графовъ Левашевыхъ, на кладбищѣ при Александро-Невской лаврѣ, гдѣ впослѣдствіи имъ же сооруженъ надгробный памятникъ г-жѣ Нарышкиной. Кромѣ того, по его проэктамъ построены имъ: загородный дворецъ вел. кн. Михаила Николаевича въ Айтодорѣ (въ Крыму), гостиница для пріѣзжающихъ при минеральныхъ водахъ въ Эссентукахъ, на Кавказѣ, деревянная дача г. Шварца, въ Парголовѣ, зимній садъ, куполъ и звонница для Аничковскаго дворца, доходный домъ и фабричныя зданія для Санъ - Галли, по набережной Лиговки, конюшни при домѣ князя В. А. Меньшикова, пятиэтажный каменный домъ Р. К. Санъ-Галли, по Новой улицѣ, домъ Л. Кенига, на 4-й линіи Васильевскаго Острова, каѳедральный соборъ въ г. Житомірѣ, всѣ зданія Рыбинско-Бологовской жел. дор. и мн. другія.

Кромѣ того, по порученію губернатора, имъ составленъ проэктъ центральнаго зданія рынка для Сѣнной площади, не осуществленный въ свое время изъ-за того, что проэктъ этотъ былъ предложенъ къ исполненію Городской Думѣ безъ ея предварительнаго на то согласія, и возобновлена послѣ пожара построенная раньше

архитекторомъ Ю. А. Боссе реформатская церковь на Б. Морской улицѣ.

Утомленный усиленною дѣятельностью, Р. 7 мая 1880 г. отправился въ Висбаденъ и Гастейнъ, гдѣ послѣдовательно выдержалъ курсъ лѣченія купаньемъ и, почуствовавъ себя окрѣпшимъ и поздоровѣвшимъ, направлялся уже обратно въ Россію, но на пути въ Мюнхенъ внезапно подвергся нервному разстройству и, вслѣдъ затѣмъ, потерѣ разсудка. Его помѣстили на излѣченіе въ Зальцбургѣ, но 27-го іюня его уже не стало.

Указатель художественныхъ произведеній, выставленныхъ въ музеѣ Импер. Академіи Художествъ, С.-Пб. 1857 г.; Отчеты Импер. Академіи Художествъ за 1862 — 3, 1864 — 5, 1872 — 3 и 1877—8 гг.; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. С.-Пб. Академіи Художествъ, т. III, С.-Пб. 1866 г.; «Зодчій» 1880 г. (некрологъ) и 1882 г., стр. 12—13; Указатель всероссійской промышленно-художественной выставки 1882 г. въ Москвѣ, С.-Пб. 1882 г.; Архитектурная выставка при I-мъ съѣздѣ русскихъ зодчихъ, С.-Пб. 1892 г.; Труды перваго съѣзда русскихъ зодчихъ, С.-Пб. 1892 г.

А. Новицкій.

Рахманиновъ, *Иванъ Герасимовичъ*, издатель и переводчикъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ скудны, неизвѣстно даже ни времени его рожденія, ни времени его смерти; по происхожденію онъ былъ дворянинъ, сынъ богатаго помѣщика, служилъ л.-гв. въ Конномъ полку, гдѣ 1-го января 1782 г. былъ изъ вахмистровъ произведенъ въ корнеты, въ 1790 г. въ ротмистры, а 1-го января 1793 г. изъ ротмистровъ Конной гвардіи былъ уволенъ къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ бригадира, и больше не служилъ.

Еще будучи на службѣ, онъ завелъ въ Петербургѣ типографію, въ которой и печаталъ свои переводы и издававшійся имъ съ апрѣля 1788 по апрѣль 1789 года еженедѣльный журналъ «Утренніе часы», въ которомъ сотрудничали В. С. Подшиваловъ, А. Ѳ. Лабзинъ, И. И. Дмитріевъ, И. А. Крыловъ и др.

Въ 1791 году И. Г. Рахманиновъ переѣхалъ въ свое имѣніе (село Казинка) въ Козловскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи. С. П. Жихаревъ въ «Запискахъ» своихъ, подъ 9 февраля 1807 г., пишетъ про И. Г. Рахманинова: «я зазналъ его ужъ старикомъ и помѣщикомъ деревенскимъ въ полномъ значеніи слова» и далѣе приводитъ отзывы о немъ И. А. Крылова и Г. Р. Державина. По мнѣнію перваго, Р. «былъ очень начитанъ, самъ много переводилъ и могъ назваться по своему времени очень хорошимъ литераторомъ. Рахманиновъ былъ гораздо старѣе насъ и, однакожъ, мы были съ нимъ друзьями; онъ даже содѣйствовалъ намъ къ заведенію типографіи и далъ намъ слово участвовать въ изданіи нашего журнала: «Санктпетербургскій Меркурій», но по обстоятельствамъ своимъ долженъ былъ вскорѣ уѣхать въ Тамбовскую деревню. Мы очень любили его, хотя, правду сказать, онъ не имѣлъ большой привлекательности въ обращеніи: былъ угрюмъ, упрямъ и настойчивъ въ своихъ мнѣніяхъ»; по словамъ Г. Р. Державина, Р. «человѣкъ былъ умный и трудолюбивый, но большой вольтеріанецъ».

Вотъ списокъ переводовъ И. Г. Рахманинова, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ выхода изданій: «Три разговора», изъ соч. Вольтера (С.-Пб. 1777. Полное заглавіе см. у Смирдина подъ № 6396); «Ночныя мысли» Юнга (С.-Пб. 1778); «Королева Голкондская» (С.-Пб. 1780); «Любовь Сафо и Фаона» (С.-Пб. 1780); «Мемнонъ, или желающій быть мудрымъ». Соч. Вольтера (С.-Пб. 1782); «Аллегорическія, философическія и критическія сочиненія» Вольтера (С.-Пб. 1784); «Собраніе сочиненій Вольтера», 3 части (С.-Пб. 1785—1789); «Политическое завѣщаніе» Вольтера (С.-Пб. 1785); «Извѣстіе о болѣзни, исповѣди и о смерти Вольтера, объясняющее о его сочиненіяхъ съ критическими разсужденіями о другихъ писателяхъ» соч. І. Дюбоа (С.-Пб. 1785); «Ненависть, побѣжденная любовію, Тосканская повѣсть» (С.-Пб. 1785); «Уединенный кабинетъ, или собраніе для пріятнаго и полезнаго чтенія различныхъ матерій, удобныхъ произвести удовольствіе разуму и сердцу», перев. съ франц. (С.-Пб. 1787); «Россіянинъ въ Парижѣ, или разговоръ между парижаниномъ и россіяниномъ», Вольтера (С.-Пб. 1788); «Философическія рѣчи о человѣкѣ», Вольтера (С.-Пб. 1788); «Колесо счастія, или собраніе нѣкоторыхъ повѣстей, заключающихъ въ себѣ доказательства, что жизнь человѣческая подвержена многимъ неожиданнымъ превратностямъ», перев. съ франц. (С.-Пб. 1788); «Микромегасъ, повѣсть философическая», Вольтера (С.-Пб. 1789); «Сатирическій духъ» Вольтера (2 части, С.-Пб. 1789);

«Мой спальной колпакъ», соч. Мерсье (С.-Пб. 1789).

По переѣздѣ въ село Казинку, И. Г. Рахманиновъ открылъ типографію въ своемъ имѣніи и напечаталъ въ ней «Полное собраніе всѣхъ до нынѣ переведенныхъ на россійскій языкъ и въ печать изданныхъ сочиненій господина Вольтера. Второе изданіе, съ поправленіемъ противъ прежнихъ и съ присовокупленіемъ жизни сего знаменитаго писателя и многихъ вновь переведенныхъ его сочиненій, кои никогда еще изданы не были» (Козловъ. 1791). Въ 1793 году Козловскій городничій Сердюковъ, будучи въ ссорѣ съ Рахманиновымъ, послалъ въ Петербургъ доносъ, что типографія Рахманинова находится не въ гор. Козловѣ, а въ селѣ Казинкѣ, и что книги въ ней печатаются безъ всякаго указного дозволенія. Этотъ доносъ былъ извѣстенъ Императрицѣ Екатеринѣ II и по ея приказу генералъ-прокуроръ Самойловъ писалъ Тамбовскому губернатору: «Чтобы вы какъ наискорѣе и безъ малѣйшаго разглашенія приказали помянутую типографію у Рахманинова запечатать и печатаніе запретить, а книги всѣ конфисковать и ко мнѣ всѣмъ онымъ прислать реэстръ». Дѣло производствомъ затянулось до слѣдующаго царствованія; въ 1797 году типографія вмѣстѣ, съ оставшимися книгами, сгорѣла, послѣ чего дѣло о Рахманиновѣ было прекращено и было лишь повелѣно оставшіеся у разныхъ лицъ экземпляры этого изданія «собрать и безъ изъятія сжечь».

«Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ» (съ приложеніемъ герба и родословныхъ таблицъ). Кіевъ, 1895 г.; «Русскій Архивъ», 1895 г., № 11; «Библіограф. Записки» 1858 г., № 9; «Древняя и Новая Россія» 1878 г., № 3; «Извѣстія Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи», вып. XVIII, Тамбовъ. 1888 г.; «Антикваръ» 1902 г., № 6; Записки С. П. Жихарева. Изданіе «Русск. Архива», 1890 г.; А. Неустроевъ, «Историческія розысканія о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703 — 1802 гг.», С.-Пб. 1874 г.; Д. Д. Языковъ, «Вольтеръ въ русской литературѣ»; Словарь Брокгауза и Ефрона; Сопиковъ, Смирдинъ, Плавильщиковъ и др. каталоги; «Полный списокъ шефовъ, полковыхъ командировъ и офицеровъ л.-гв. коннаго полка», С.-Пб. 1886 г.

Рахманова, *Христина Ѳедоровна,* артистка Петербургскихъ Императорскихъ театровъ, рожденная Логинова. Совоспитанница своего мужа, Сергѣя Ефимовича Р., бывшаго сначала актеромъ, а послѣ главнымъ надзирателемъ театральнаго училища, Рахманова начала свою сценическую дѣятельность въ труппѣ Книппера, образованной И. И. Калиграфомъ. Ея амплуа были роли молоденькихъ любовницъ. Когда собственно начала она свою артистическую дѣятельность, въ точности не извѣстно, но въ афишахъ Книпперовскаго театра отъ 26-го декабря 1779 года имя ея встрѣчается въ оперѣ «Гостинный Дворъ», гдѣ она играла роль свахи. При Дирекціи начала служить она съ 1-го сентября 1783 года, вѣроятно, когда вся Книпперовская труппа вошла въ составъ придворнаго театра. Она думала и на Императорской сценѣ занимать свое прежнее амплуа — молодыхъ любовницъ, но, несмотря на всѣ старанія И. А. Дмитревскаго, непремѣнно хотѣвшаго сдѣлать изъ нея актрису въ «благородныхъ» роляхъ, она не нравилась публикѣ, и ей не разрѣшали играть въ Эрмитажѣ. Съ теченіемъ времени, когда Р. немного постарѣла и ее можно было перевести на амплуа комическихъ старухъ, она сразу заняла видное мѣсто среди артистовъ Императорскихъ театровъ, такъ какъ была одарена рѣдкою способностью перенимать и передавать ею видѣнное, и ея артистическое дарованіе соотвѣтствовало не столько каррикатурнымъ ролямъ Мольеровскихъ комедій, какъ ролямъ въ національныхъ пьесахъ, представляющихъ русскій помѣщичій или крестьянскій бытъ. Она наслѣдовала всѣ роли Авдотьи Михайловны Михайловой, и хотя и была ниже ея въ роляхъ старыхъ кокетокъ, какъ, напримѣръ, въ «Недорослѣ», но за то превосходила ее, да и вообще всѣхъ современныхъ петербургскихъ артистокъ въ «Лизѣ» Ильина и во всѣхъ крестьянскихъ и «сарафанныхъ» роляхъ. Особенный успѣхъ имѣла Р. въ роли Сумбуровой въ «Модной Лавкѣ» Крылова; роль Сумбурова въ этой пьесѣ игралъ В. Ѳ. Рыкаловъ, лучшій комикъ своего времени, и ихъ совмѣстная игра приводила зрителей въ восторгъ. По словамъ С. П. Жихарева, они не только заставляли смѣяться, но также заставляли поражаться той вѣрностью, съ какой они представляли своихъ персонажей. Вигель, мало цѣнившій русскихъ актеровъ, говоритъ, однако, что Рахманова была забавна и оригинальна въ изображеніи сварливыхъ помѣщицъ, типическія черты которыхъ — мелочную злость и ворчливость, происходившую отъ отсутствія дѣла и жи-

выхъ интересовъ въ ихъ скучной жизни, она передавала въ совершенствѣ. По словамъ Р. Зотова, Р. была неподражаема въ своемъ амплуа, особенно въ національныхъ пьесахъ, и игра ея была замѣчательно естественна. Вообще же эту артистку Зотовъ называетъ однимъ изъ театральныхъ феноменовъ, которые весьма рѣдко появляются на сценѣ. Несмотря на то, что Рахманова была первоклассной артисткой, дѣятельность которой не должна быть обойдена будущимъ историкомъ театра, въ литературѣ о ней сохранилось мало воспоминаній. На сценѣ родному искусству Рахманова прослужила около 50 лѣтъ и скончалась 9-го марта 1827 года; погребена она на кладбищѣ Большой Охты въ Петербургѣ.

«Русская Талія» за 1825 г., стр. 425; П. Араповъ. «Лѣтопись русскаго театра», С.-Пб. 1863 г., стр. 107, 140, 163, 175, 201, 205; «Сѣверный Вѣстникъ» 1805 г., ч. VIII, стр. 261; «Отечественныя Записки» 1855 г., № 10; С. Жихаревъ, «Дневникъ Чиновника», № 9, стр. 377; «Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ» 1840 г., ч. I, ст. Ѳ. Булгарина; «Театральныя воспоминанія», стр. 86; Воспоминанія Вигеля, ч. 2, стр. 56; «Артистъ» 1891 г., кн. 16, ст. А. Н. Сиротинина: «Очеркъ развитія русскаго сценическаго искусства», стр. 86; «Энциклопедическій Словарь», изд. Брокгауза и Ефрона, т. 26, стр. 382; «Репертуаръ русскаго театра» 1840 г., ч. I, кн. IV, ст. Р. Зотова: «И мои воспоминанія о театрѣ», стр. 6; «Репертуаръ русскаго театра» 1840 г., ч. 2, кн. XI, ст. князя А. А. Шаховского: «Лѣтопись русскаго театра», стр. 17 и 18.

Рахмановъ, *Григорій Николаевичъ,* сенаторъ, сынъ генералъ-поручика Николая Михайловича Рахманова (ум. 27-го марта 1793 г.), род. въ 1761 г. Съ 4-го апрѣля 1803 года онъ состоялъ въ вѣдомствѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и имѣлъ званіе камеръ юнкера, 27-го марта 1806 г. причисленъ къ Герольдіи, а 3-го марта 1808 года былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при Херсонскомъ военномъ губернаторѣ герцогѣ де-Ришелье; въ слѣдующемъ году (16-го ноября) онъ былъ назначенъ Херсонскимъ гражданскимъ губернаторомъ, черезъ годъ (12-го ноября 1810 года) получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, 8-го мая 1811 г. — орденъ Анны 1-й ст., а 13-го ноября 1813 г. былъ пожалованъ въ тайные совѣтники; выйдя въ оставку (1815 г.), Рахмановъ находился не у дѣлъ до 19-го октября 1820 года, когда былъ назначенъ сенаторомъ и присутствовалъ въ 8-омъ Департаментѣ Сената до 29-го декабря 1825 года, когда получилъ отпускъ на 1 годъ. Къ дѣламъ болѣе Рахмановъ не возвращался, и 10-го ноября 1827 года вышелъ въ отставку. Будучи помѣщикомъ Слободско-Украинской и Херсонской губерній, Рахмановъ состоялъ дѣйствительнѣмъ членомъ Филотехническаго общества (съ 29-го декабря 1814 года) и Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Въ 1838 году Рахмановъ былъ утвержденъ Харьковскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; въ этомъ званіи былъ и въ концѣ 1841 г.; умеръ до 1846 г.

«Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собств. Е. Имп. Вел. Канцеляріи». Вып. II, стр. 47а, 486, С.-Пб., 1876—1899; Мѣсяцословы и Адресъ-Календари; С. Масловъ. Ист. обозр. Имп. Моск. Общ. Сельск.-хоз., 1846; А. П. Перепелкинъ. Ист. записка объ учрежденіи Имп. Московск. Общ. Сельск.-хоз., М. 1895; «Моск. Вѣд.» 1827 г., № 96. стр. 3922.

Рахмановъ, *Дмитрій Александровичъ,* сенаторъ, происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1768 году; 4-го апрѣля 1779 г. былъ зачисленъ сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ и 1 января 1790 года произведенъ въ прапорщики. Въ это время началась Шведская война; Р. принялъ въ ней участіе и находился въ походахъ и сраженіяхъ съ 13-го марта по 3-ье сентября 1790 года; 1-го января 1792 года онъ былъ произведенъ въ подпоручики, въ 1794 г. въ поручики, а 15-го сентября перевелся подполковникомъ въ армію и былъ назначенъ въ 5-ый шестиротный мушкетерскій полковой баталіонъ, вошедшій въ составъ полка Архарова 2-го. 1-го мая 1797 года Р. былъ произведенъ въ полковники въ томъ же полку, а черезъ годъ (14-го апрѣля) въ генералъ-маіоры, при чемъ назначенъ былъ комендантомъ въ Кіевъ и былъ сдѣланъ шефомъ гарнизоннаго полка. 26-го мая 1798 года Р. былъ отставленъ отъ службы и въ такомъ положеніи пробылъ до 17-го декабря 1800 года, когда былъ причисленъ къ Герольдіи, при чемъ черезъ мѣсяцъ былъ переименованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; 3-го сентября 1805 года онъ опредѣленъ былъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 7-мъ департаментѣ Сената. Въ 1810 году Рахмановъ находился при сенаторѣ Алябьевѣ во время ревизіи имъ Московской губерніи, а 1-го января

1813 года назначенъ управляющимъ Вотчиннымъ Департаментомъ въ Москвѣ; 22-го января 1819 года онъ вступилъ въ исправленіе должности оберъ-прокурора 7-го департамента, 5-го февраля того же года былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ къ присутствію въ 7-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената; 20-го мая 1824 года Р. уволился въ отпускъ, въ которомъ, за небольшимъ перерывомъ въ 1 годъ (съ 1-го января 1826 г. по 1-ое января 1827 года), оставался до своего увольненія отъ службы, состоявшагося 10-го ноября 1827 г.; умеръ въ Москвѣ 28-го декабря 1832 г., погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Формулярный списокъ; «Моск. Вѣд. «1833 г., № 16, стр. 744 (объявленіе о смерти).

М. С. Леонидовъ.

Рахмановъ, *Павелъ Александровичъ,* тайный совѣтникъ (братъ предыдущаго), род. 1769 г.; службу началъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку и 1-го января 1790 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1792 г.— въ подпоручики, въ 1794 г. — въ поручики 17-го декабря 1796 г. — въ капитанъ-поручики и 13-го апрѣля 1797 — въ капитаны; 8-го сентября 1798 г. по прошенію былъ уволенъ изъ Преображенскаго полка полковникомъ; 21-го марта онъ опредѣленъ былъ командиромъ Шлиссельбургскаго мушкатерскаго полка, но уже 20-го декабря вышелъ въ отставку генералъ-маіоромъ. Выбранный въ 1804 г. Волоколамскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, Р. занималъ эту должность до 1-го января 1828 г., т. е. въ теченіе восьми трехлѣтій. Съ образованіемъ земской милиціи, Р. былъ избранъ Уѣзднымъ Начальникомъ Волоколамскаго Земскаго войска; подъ его вѣдѣніемъ собралось войско семи уѣздовъ Московской губерніи, которое онъ устроилъ и отправилъ къ дѣйствующей арміи; за труды эти Р. награжденъ былъ орденомъ Анны 2-й ст. и золотою медалью (12-го іюня 1808 г.), а 17-го іюля 1812 г. — орденомъ Владиміра 3-й ст. за дѣятельность по устроенію внутренняго ополченія. 6-го сентября 1823 г. Рахманову былъ пожалованъ чинъ тайнаго совѣтника. Живя въ отставкѣ въ Москвѣ, Р. былъ очень популярною личностью въ высшемъ Московскомъ обществѣ, и въ перепискѣ того времени имя его часто упоминается; онъ умеръ въ 1845 году.

Формул. списокъ; Архивъ Капитула Орденовъ; Исторія л.-гв. Преображенскаго полка, т. IV, С.-Пб. 1883, прил., стр. 182; Журналы Комитета Министровъ, т. II.

Рахмановъ (по его собственному правописанію **Рохмановъ**), *Петръ Александровичъ;* докторъ философіи, онъ служилъ, однако, въ военной службѣ и былъ раненъ. Въ этомъ выборѣ военной карьеры при ясно выраженномъ призваніи къ чистой наукѣ и къ литературной дѣятельности едва-ли не слѣдуетъ видѣть уступку традиціямъ древняго дворянскаго рода, изъ котораго происходилъ Р. Занятія военнымъ дѣломъ и его теоріею шли у Рахманова рука объ руку съ изученіемъ чистой математики, къ которой онъ чувствовалъ особенное влеченіе.

Очень преувеличивая въ началѣ, по собственному признанію, научное значеніе сочиненій академика Гурьева и особенно его «Опыта о усовершеніи элементовъ геометріи» и находясь, поэтому, подъ ихъ вліяніемъ, Р. началъ свои самостоятельныя работы въ области математики со способа предѣловъ, которому вслѣдствіе этого и посвятилъ свое первое появившееся въ печати сочиненіе: «Новая теорія содержанія и пропорціи Геометрической соизмѣримыхъ и несоизмѣримыхъ количествъ, и въ послѣднемъ случаѣ основанная на способѣ предѣловъ, предложенная Петромъ Рохмановымъ» (8°, Москва 1803). Вторымъ печатнымъ трудомъ Рахманова было появившееся въ журналѣ «Другъ просвѣщенія» «Изъясненіе теоріи аеростатовъ, или воздушныхъ шаровъ» (1804; Январь, № 1; стр. 53—61).

Скоро послѣ выхода этихъ сочиненій въ свѣтъ Р. для пополненія и усовершенствованія своихъ математическихъ познаній отправился въ Парижъ, гдѣ знаменитый Лежандръ записалъ его въ число слушателей Политехнической Школы. Онъ же познакомилъ его и со многими изъ выдающихся парижскихъ математиковъ. Кромѣ лекцій Политехнической Школы Р. слушалъ, повидимому, также и лекціи математическихъ наукъ въ Collège de France. Успѣхи въ изученіи математики, сдѣланные Р. въ Парижѣ, были такъ значительны, что не только открыли ему доступъ въ кругъ «зна-

менитѣйшихъ» и «первѣйшихъ» геометровъ, но и заставили избрать его въ члены-корреспонденты Парижскаго Академическаго Общества. Послѣдовавшее, за пребываніемъ въ Парижѣ, посѣщеніе Р-мъ Германіи и въ частности Геттингенскаго Университета выразилось въ его избраніи въ члены Геттингенскаго Физическаго Общества. Отправившись, затѣмъ, въ Вѣну, онъ напечаталъ тамъ въ 1805 году свое сочиненіе: «Essai sur quelques usages de la Methode des limites», посвященное, такъ же, какъ и предшествовавшее, русское, методу предѣловъ. Своими личными отношеніями къ парижскимъ математикамъ и своимъ званіемъ члена многихъ иностранныхъ ученыхъ обществъ Р. пользовался во время своего пребыванія за-границею не только для цѣлей усовершенствованія своихъ познаній, но также и для распространенія въ средѣ иностранныхъ ученыхъ свѣдѣній объ изданныхъ на русскомъ языкѣ трудахъ русскихъ математиковъ. Такъ какъ этихъ трудовъ было очень немного и главная ихъ часть принадлежала академику Гурьеву, представляясь упомянутымъ уже выше его «Опытомъ о усовершеніи елементовъ геометріи» и прибавленіями къ его переводу на русскій языкъ «Дифференціальнаго и Интегральнаго Изчисленія» Кузеня (С.-Пб. 1801), то изслѣдованія и взгляды этого ученаго и сдѣлались едва-ли не единственнымъ предметомъ патріотической пропаганды Р-ва. По собственному признанію послѣдняго, высказанному позднѣе, одинаковое съ Гурьевымъ право на вниманіе при этой пропагандѣ имѣлъ и П. Я. Гамалѣя; но, вслѣдствіе своей скромности, онъ остался въ тѣни. «Оба они» (Гамалѣя и Гурьевъ), писалъ въ 1812 г. Р. («Военный Журналъ», книжка XXIV, стр. 41—42), имѣютъ у насъ въ Россіи большую репутацію, и весьма заслуживаютъ оную, ибо они суть первые, которые стали довольно пространно писать на нашемъ языкѣ о вышнихъ частяхъ Математики. Но различіе слога сихъ двухъ писателей произвело на меня совершенно различныя дѣйствія. Скромныя предисловія перваго, безпрестанныя ссылки на источники, изъ которыхъ онъ почерпалъ, и, наконецъ, собственное признаніе, что сочиненія его изданы только для учениковъ и для людей, посвящающихъ себя одному роду службы; все сіе имѣетъ истинную цѣну свою только въ глазахъ людей зрѣлыхъ лѣтъ. Напротивъ того, жаркія возраженія противу знаменитѣйшихъ писателей; безпрестанныя упоминанія объ ошибкахъ великихъ мужей и, наконецъ, претензія на ихъ исправленіе несравненно разительнѣе; и найдя все сіе въ «Опытѣ объ усовершенствованіи Геометріи» Г. Гурьева и въ его прибавленіяхъ къ переводу интегральнаго и дифференціальнаго исчисленія Г. Кузеня, я былъ восхищенъ, что Русской открываетъ недостатки въ Евклидѣ, Архимедѣ, Невтонѣ, Даламбертѣ и Лежандрѣ! Пристрастіе къ своимъ согражданамъ, столь свойственное всякому дворянину, заставило меня думать, что сочинитель нашъ едва ли не превышаетъ сихъ великихъ людей». Подъ вліяніемъ этихъ мыслей Р. переводилъ на французскій языкъ болѣе значительныя мѣста изъ упомянутыхъ сочиненій Гурьева и свои переводы давалъ разсматривать парижскимъ математикамъ. Послѣднимъ пришлось, такимъ образомъ, ознакомиться съ идеями и изслѣдованіями Гурьева по теоріи параллельныхъ линій, по ученію о пропорціяхъ въ приложеніи къ несоизмѣримымъ величинамъ, по способу предѣловъ и даже съ его доказательствомъ предложенія, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками. Къ удивленію Рахманова, нѣкоторое значеніе было признано только за усовершенствованіями, внесенными Гурьевымъ въ способъ предѣловъ; все-же остальное, такъ же какъ и приложеніе этого способа къ дифференціальному исчисленію, оказалось отвергнутымъ, какъ несправедливое и, въ лучшемъ случаѣ, какъ безполезное. Не больше успѣха имѣла и попытка добиться признанія научнаго значенія трудовъ Гурьева отъ ученыхъ обществъ, избравшихъ Рахманова въ свои члены. «Я подавалъ», говоритъ онъ въ той-же статьѣ, «въ сіи общества упомянутыя извлеченія, дѣлалъ разныя предложенія; изъ учтивости предложенія мои не отвергали, и мнѣ казалось, что они приняты съ удовольствіемъ; однако же, и по сіе время не сдѣлано по нимъ ни малѣйшаго исполненія». Всѣ эти неудачи не оказались, однако-же, въ состояніи немедленно освободить Рахманова отъ его преувеличенныхъ мнѣній о значеніи ученой дѣятельности Гурьева, что и выразилось въ напечатанной имъ въ 1806 году въ «Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 35, стр. 272—274) хвалеб-

ной рецензіи на новое сочиненіе Гурьева: «Основаній геометріи», части 1-я, 2-я и 3-я (морского учебнаго курса часть первая; С.-Пб. 1804—6).

Успѣхи, сдѣланные Р. во время пребыванія за-границею, заставили его, по возвращеніи въ Россію, усиленно предаться ученолитературной дѣятельности. Въ 1805 году онъ представилъ въ Петербургскую Академію Наукъ сечиненіе: «Essai sur quelques propositions d'Analyse», которое, однако же, не было признано заслуживающимъ помѣщенія въ академическихъ изданіяхъ. Въ этомъ сочиненіи, по его словамъ, онъ преслѣдовалъ двѣ цѣли: во-первыхъ, «помочь» разъясненію нѣкоторыхъ неточностей и неясностей, допущенныхъ Лагранжемъ въ его изложеніи «Théorie des fonctions analytiques» «строжайшей теоріи дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій», и, во-вторыхъ, «отвѣчать тѣмъ геометрамъ, которые ниспровергаютъ удобность и строгость теоріи Лагранжа». Дальнѣйшія размышленія Р. о тѣхъ же предметахъ заставили его посвятить имъ напечатанные въ 1806 году и посвященные Гамалѣю «Отрывки аналитики» (4°, С.-Пб., 79 стр.). Кромѣ этого сочиненія, Рахмановымъ были изданы въ томъ-же году и еще два: «Опытъ о поверхностяхъ вращенія» (4°, С.-Пб., 24 стр.) и «Опытъ о цилиндрическихъ и коническихъ поверхностяхъ» (С.-Пб. 4°, 27 стр.). Первое изъ нихъ вызвало со стороны академика В. И. Висковатова рѣзкую рецензію, написанную въ 1807 году, но напечатанную въ журналѣ «Санктпетербургскій Вѣстникъ» (№ 9, стр. 285—308) только въ 1812 году. Въ 1807 году Р. нашелъ зачѣмъ-то нужнымъ вновь перепечатать всѣ свои три изданныя въ предыдущемъ году сочиненія, соединивъ ихъ въ одну книгу подъ общимъ громкимъ заглавіемъ «Собраніе сочиненій Петра Рохманова». Часть первая (4°, 131 стр. С.-Пб.).

Занятія Р. математикою и его ученолитературная дѣятельность, при крайней рѣдкости въ его время въ Россіи людей, увлеченныхъ чисто-научными интересами, не могли не обратить на него съ этой стороны вниманія какъ правительства, такъ и тѣхъ кружковъ образованнаго общества, которые не были чужды физико-математическимъ наукамъ. Выраженіемъ этого вниманія было избраніе Р. въ дѣйствительные члены Московскаго Общества Испытателей природы и въ почетные члены Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента и Общества Математиковъ, образовавшагося при Московскомъ Университетѣ въ 1811 г. Кромѣ того, военное вѣдомство, много заботившееся о привлеченіи людей съ солиднымъ математическимъ и военнымъ образованіемъ на службу въ Генеральный Штабъ, который назывался тогда Свитою Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, не только зачислило Р. въ составъ офицеровъ этого учрежденія, но и очень быстро повышало его въ чинахъ. Дѣйствительно, начавъ свою службу въ квартирмейстерской части въ 1807 году въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ въ 1808 г. былъ уже капитаномъ, а въ 1810 г., будучи въ чинѣ маіора, вышелъ въ отставку. Къ оставленію военной службы онъ былъ побужденъ, повидимому, происшедшимъ въ этомъ году значительнымъ расширеніемъ его учено-литературной дѣятельности. Отвлечь его отъ этой дѣятельности и заставить снова вступить въ войска могло только патріотическое воодушевленіе, вызванное отечественною войною 1812 года. Преждевременная смерть, бывшая слѣдствіемъ этого послѣдняго увлеченія Рахманова, прервала его учено-литературную дѣятельность едва ли не въ самомъ началѣ ея расцвѣта. Онъ былъ убитъ въ 1813 г. въ сраженіи подъ Лейпцигомъ.

Военнымъ писателемъ Р. выступилъ впервые въ 1808 году, помѣстивъ въ «Артиллерійскомъ Журналѣ, издаваемомъ Ученымъ Комитетомъ по артиллерійской части» статью «Доказательство нѣкоторой физической истинны и ея примѣненіе къ артиллеріи» (№ IV, стр. 34—37). Давая на своихъ страницахъ мѣсто также и статьямъ математическаго содержанія, этотъ журналъ напечаталъ въ томъ-же году еще и чисто математическую статью Р.: «Доказательство Тайлоровой теоремы и распространеніе оной на случай многихъ перемѣнныхъ количествъ» (№ III, стр. 38—62). Вторая посвященная военному дѣлу статья Р. появилась въ томъ-же журналѣ въ 1809 году подъ заглавіемъ «О конной артиллеріи» (№ II, стр. 106—114).

Распространять изученіе въ Россіи главнаго предмета своихъ занятій, Высшаго Анализа, Р. старался не только посредствомъ печати, но и путемъ устнаго преподаванія. Съ этою цѣлью онъ читалъ въ Пе-

тербургѣ у себя на квартирѣ для желающихъ и прошедшихъ уже курсъ элементарной математики (ариѳметику, геометрію и часть алгебры) безплатныя лекціи по Высшему Анализу и Аналитической Геометріи. Слушателями его были студенты Педагогическаго Института, офицеры и даже учителя. Одинъ изъ слушателей, Николай Тенигинъ, издавшій въ 1810 году прослушанныя имъ «Лекціи Г-на Рохманова о Дифференціальномъ Изчисленіи» (4°, VI+108 стр., С.-Пб.), сообщаетъ о нихъ въ предисловіи къ своему изданію слѣдующія свѣдѣнія. «Долгое время я со всевозможнымъ прилежаніемъ учился Чистой Математикѣ, прошолъ Ариѳметику, Геометрію, Алгебру, Дифференціальное и Интегральное исчисленіе и думалъ, что имѣю достаточныя по симъ частямъ познанія, какъ нечаянной случай доставилъ мнѣ знакомство человѣка, котораго я зналъ лишь по имени. Слышно было, что есть господинъ Рохмановъ, занимающійся съ успѣхомъ Математическими и Физическими науками, и изъ одной приверженности къ онымъ и къ отечеству преподаетъ лекціи всякому, кто только прошолъ первыя основанія Математики... Я, полагая, что знаю несравненно болѣе сего, прихожу къ нему, нахожу у него нѣсколько студентовъ Педагогическаго Института, офицеровъ и даже учителей, которымъ онъ преподавалъ уроки, и прошу его принять меня въ число учениковъ своихъ. «Охотно», отвѣчалъ мнѣ г. Рохмановъ, «долгъ дворянина есть посвящать отечеству всѣ свои умственныя качества; правительство, охраняя мою собственность, по наслѣдству отъ моихъ родителей мнѣ доставшуюся, обеззабочиваетъ меня со стороны житейскихъ моихъ нуждъ и чрезъ то даетъ мнѣ средства исполнять сію священную обязанность, которую я и исполняю по мѣрѣ моихъ силъ». Г. Рохмановъ сталъ мнѣ давать разныя книги по тѣмъ частямъ, которыя мнѣ были болѣе извѣстны, заставлялъ меня ихъ сравнивать, цѣнить методы, въ нихъ употребляемыя, и чрезъ то нечувствительнымъ образомъ освобождалъ меня отъ предразсудковъ... Г-нъ Рохмановъ преподавалъ своимъ слушателямъ дифференціальное изчисленіе по собственному своему способу. Кончивъ же курсъ важной сей вѣтви Аналитики, онъ занялъ насъ исторіею оной и изложеніемъ всѣхъ теорій, по которымъ объяснено дифференціальное изчисленіе. Сіе сдѣлало меня безпристрастнымъ какъ въ разсужденіи методовъ, такъ и въ разсужденіи сочинителей. Тѣ, которые знали болѣе меня, при началѣ сего курса думали, что преподаваемая имъ теорія дифференціальнаго изчисленія есть совершенно новая и не имѣетъ никакой связи съ другими; но тутъ мы увидѣли, что она есть непремѣнное слѣдствіе всѣхъ умствованій по сей части, что изъ нея съ невѣроятною легкостію могутъ быть произведены почти всѣ прочія теоріи сей части, и что сіи послѣднія суть ни что иное, какъ частные ея случаи, иногда запутанные посторонними вещами. Сіе заставило меня тщательно собирать всѣ записки, которыя господинъ Рохмановъ намъ раздавалъ въ своемъ курсѣ, и просить отъ его множество особыхъ объясненій, въ которыхъ онъ никому не отказываетъ» (стр. I—II). Признаніе научно-литературныхъ заслугъ Рахманова со стороны правительства, образованнаго общества и учащейся молодежи не раздѣлялось, однако же, многими изъ русскихъ спеціалистовъ-математиковъ и прежде всего членами Академіи Наукъ.

Первыми изданными сочиненіями Р-ва были: «Опытъ о теоріи наибольшихъ и наименьшихъ величинъ функцій многихъ перемѣнныхъ количествъ» (въ Санктпетербургѣ. Въ Морской Типографіи 1810 года; in—4°, 2+14 стр.) и «Опытъ о различныхъ теоріяхъ Дифференціальнаго Изчисленія и о сравненіи оныхъ» (въ Санктпетербургѣ. Въ Морской Типографіи 1812 г.; in—4°). Въ первомъ изъ этихъ двухъ сочиненій, изданныхъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ на казенный счетъ, авторъ занимался приведеніемъ теоріи, составляющей предметъ сочиненія, къ «желаемому совершенству». Къ этому онъ былъ побужденъ незаконченностью, съ которою эта теорія вышла изъ рукъ Эйлера, впавшаго при ея разработкѣ въ ошибку, и Лагранжа, исправившаго эту ошибку. Во второмъ сочиненіи, послѣ подробнаго «описанія Ферматова и доктора Барро способовъ наибольшихъ и наименьшихъ величинъ и касательныхъ, Ньютоновой и Маклореневой теоріи флюкцій и Лейбницевой, Эйлеровой и Далембертовой теорій Дифференціальнаго Изчисленія», авторъ вывелъ изъ ихъ «сравненія и сближенія» новую, по его мнѣнію, теорію

Дифференціальнаго Исчисленія. Сравнивъ ее съ тѣми, отъ которыхъ она произошла, онъ далъ въ заключеніе книги «описаніе Лагранжевой и Арбогастовой теоріи функцій производныхъ и сравненіе оной съ предыдущими теоріями». По свидѣтельству слушателей Р-ва, изложеніемъ, можетъ быть, сокращеннымъ содержанія этого сочиненія онъ заканчивалъ обыкновенно свои лекціи Дифференціальнаго Исчисленія.

Неудачи, постигшія Рахманова въ его дѣятельности на поприщѣ математической литературы, заставили его обратиться къ обѣщавшей быть болѣе благодарною военной литературѣ. Чтобы занять въ ней опредѣленное и прочное положеніе, онъ предпринялъ съ 1810 г. изданіе на собственныя средства «Военнаго Журнала», цѣлью котораго было «открыть поприще, на которомъ въ мирное время ученые между нашими воинами могли-бъ блеснуть своими свѣдѣніями и дарованіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ руководствовать молодыхъ офицеровъ въ распространеніи ихъ познаній». Въ программу Журнала входили также математическія и вообще точныя науки. Журналъ выходилъ книжками въ 4-ю долю листа при объемѣ каждой въ 60—100 стр. и обыкновенно съ приложеніемъ плановъ, чертежей и картъ. Сроки выхода книжекъ не были строго опредѣлены, хотя издатель и обѣщалъ «стараться, чтобъ въ теченіи мѣсяца выходило по книжкѣ». Всего вышло за все время изданія журнала, то-есть за промежутокъ 1810—1812 годовъ, 24 книжки. Предпріятіе Р. нашло большое сочувствіе въ военномъ мірѣ, и одинъ изъ первыхъ подписчиковъ на него былъ Имп. Александръ. Съ теченіемъ времени не только разошлись всѣ печатаемые 1200 экземпляровъ журнала, но пришлось еще отказать болѣе, чѣмъ по 400 требованіямъ. Несмотря на такой выдающійся для своего времени успѣхъ издавія, Рахмановъ, послѣ выхода 12-й книжки, «претерпѣлъ убытокъ» «по причинѣ», какъ онъ говорилъ, «безпрестанно возрастающей цѣны бумаги и по необыкновенной дороговизнѣ чертежей». По его словамъ, изданіе первыхъ 12 книжекъ, содержавшихъ 948 печатныхъ страницъ и 25 листовъ съ чертежами, планами и картами, обошлось ему почти въ 17000 рублей. Понесенный убытокъ заставилъ Рахманова передать изданіе «Военнаго Журнала», начиная съ XIII-й книжки, въ собственность Ученаго Комитета по артиллерійской части. Удерживая за собою редакторскія обязанности, онъ объявлялъ читателямъ, что «сей Комитетъ, имѣя множество собственныхъ занятій и обязанъ будучи изданіемъ особаго Журнала (Артиллерійскаго), отказался отъ всякаго участія въ содержаніи Военнаго Журнала», принявъ на свою Типографію только печатаніе онаго и всѣ издержки, на сіе потребныя». Освобожденіе Рахманова отъ издательскихъ обязанностей выразилось прежде всего во введеніи строго систематическаго расположенія печатаемыхъ статей. Каждая книжка журнала дѣлилась теперь на четыре части: дидактическую, историческую, критику и прибавленіе. Въ послѣднюю входили письма, анекдоты, біографіи, проекты, извѣстія и пр. Чтобы имѣть болѣе времени для составленія и печатанія въ журналѣ собственныхъ произведеній, Р. пригласилъ въ соредакторы лицо, фамилія котораго, къ сожалѣнію, остается пока намъ неизвѣстною; мы знаемъ о немъ только, что оно служило въ артиллеріи.

Отсутствіе именъ авторовъ при большинствѣ статей «Военнаго Журнала» лишаетъ изслѣдователя возможности съ увѣренностью опредѣлить, какія изъ нихъ были написаны самимъ Рахмановымъ. Несомнѣнно принадлежащимъ ему можетъ быть признанъ только рядъ критическихъ статей на математическія сочиненія, начавшій появляться съ XIX книжки. Вполнѣ достаточными основаніями для такого признанія являются какъ выборъ предметовъ статей, такъ и содержащіяся въ нихъ прямыя указанія. Статьями этого ряда были критическіе разборы книги Кузмина «Опытъ о способѣ предѣловъ и о примѣненіи его къ элементамъ Геометріи» (книжка XIX, стр. 59—61) и сочиненій академика Гурьева: «Трансцендентная Геометрія кривыхъ поверхностей» (книжка XIX, стр. 54—59), «Основанія Дифференціальнаго исчисленія съ приложеніемъ онаго къ Аналитикѣ» (книжка XX, стр. 31—35), «Науки исчисленія книга первая, содержащая въ себѣ основанія Ариѳметики» (книжка XXI, стр. 49—51) и «Основанія Геометріи» (книжки XXIII, стр. 68—75, и XXIV, стр. 33—43). Изъ многихъ помѣщенныхъ въ «Военномъ Журналѣ» критическихъ статей на сочиненія по предметамъ военнаго дѣла съ увѣренностью можно приписать

Рахманову только рецензію о книгѣ «Полной и новой курсъ военной Архитектуры или Фортификаціи, изданный Гавриломъ Мягкимъ» (книжка XI, стр. 48—54). Статьи о сочиненіяхъ академика Гурьева показываютъ, что Р. не только вполнѣ отрѣшился отъ своихъ прежнихъ преувеличеній въ оцѣнкѣ научнаго значенія произведеній этого ученаго, но и перешелъ къ противоположной крайности—къ рѣзкому ихъ осужденію. Совершенно иначе, чѣмъ къ Гурьеву, отнесся Р. къ Кузмину, о которомъ въ своей критической статьѣ, посвященной его сочиненію, онъ отзывается съ похвалой, гдѣ указываетъ, что «опытъ г-на Кузмина о способѣ предѣловъ весьма полезенъ для учащихся» (стр. 61).

Сочиненія П. А. Рахманова; Записки С. П. Жихарева; Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 62.

В. В. Бобынинъ.

Рахмановъ, *Сергѣй Ефимовичъ*, артистъ Петербургскихъ Имп. театровъ, инспекторъ Театральной школы; род. въ 1759 г. и воспитывался въ Сиротскомъ Домѣ. Какъ и многіе изъ воспитанниковъ этого учрежденія, онъ поступилъ на сцену и сначала находился «при вольномъ россійскомъ театрѣ», а 1-го сентября 1783 г. былъ принятъ на службу Дирекціи Имп. Театровъ. 1-го августа 1785 г., кромѣ обычныхъ актерскихъ занятій, ему была поручена еще должность рольнаго копіиста; черезъ мѣсяцъ онъ оставилъ эту должность, но съ августа 1787 года былъ назначенъ копіистомъ и библіотекаремъ русскаго театра. Въ должности копіиста онъ пробылъ до 10-го декабря 1791-года, а въ должности библіотекаря до 1-го января 1793 года. Съ этого времени начинается его служба при Театральномъ Училищѣ въ качествѣ надзирателя или, вѣрнѣе, воспитателя, такъ какъ 1-го января 1793 года ему было поручено не только обучать, но и содержать восемь воспитанниковъ Театральной Школы, которые и находились у него до 1-го марта 1798 года. Въ то же время Р. не оставлялъ и сценической дѣятельности, появляясь довольно часто то въ той, то въ другой роли. Такъ, между прочимъ, въ этотъ періодъ времени онъ участвовалъ въ трагедіи «Альзара, или Американцы,» «Боязливый, или домовыми изувѣченный» (роль Ивана), «Поскорѣй, пока не провѣдали, или Отмѣнный случай» (роль Гробкона), «Самолюбивый стихотворецъ» (роль Крутона), «Принужденная женидьба» (роль Алкандора), «Школа злословія» (роль Безпечкина) и въ нѣкоторыхъ другихъ. Особенно хорошо ему удавались нѣкоторыя шаржированныя роли, какъ, напримѣръ, роль бригадира въ пьесѣ Фонъ-Визина того же названія и роль Скотинина, въ «Недорослѣ». Около 1810 года Р. оставилъ сцену и былъ назначенъ Инспекторомъ Театральнаго Училища. Подъ его руководствомъ развилось не мало талантовъ на нашей сценѣ, и всѣ артисты, которые въ то время воспитывались, съ благодарностью вспоминали о немъ. Такъ, напримѣръ, П. А. Каратыгинъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что Р. былъ добродушный, хорошій человѣкъ, и что онъ нерѣдко заступался за воспитанниковъ предъ жестокимъ Дидло. Р. умеръ 26-го января 1810 года.

«Архивъ Дирекціи Императорскихъ театровъ»; «Артистъ» 1891 г., книга 16, ст. А. Н. Сиротинина: «Очеркъ развитія русскаго сценическаго искуства», стр. 86; «Записки Петра Андреевича Каратыгина»; С.-Пб. 1887 г.; «Репертуаръ русскаго театра и Пантеонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ» 1840 г., кн. IV, ст. Р. Зотова: «И мои воспоминанія о театрѣ», стр. 6.

Рачинскій, *Александръ Викторовичъ*, писатель-историкъ, род. въ 1826 г., получилъ домашнее образованіе, началъ службу съ 1841 года въ канцеляріи Новгородскаго гражданскаго губернатора канцелярскимъ служителемъ и до начала 1855 г. перемѣнилъ нѣсколько вѣдомствъ въ Новгородской, Московской и Кіевской губерніяхъ. Во время Крымской кампаніи Р. 27-го марта 1855 г. поступилъ въ дружину № 29 Смоленскаго Государственнаго подвижнаго ополченія прапорщикомъ, пробылъ съ 25-го іюня 1855 года по 13 апрѣля 1856 года въ гарнизонѣ крѣпости Измаила, гдѣ успѣлъ изучить сербскій и болгарскій языки. 14-го октября 1859 года Р. опредѣлился въ Министерство Иностр. Дѣлъ и 21-го числа того же мѣсяца назначенъ управляющимъ вице-консульствомъ въ Варнѣ; эту должность онъ занималъ до 1-го мая 1862 г. Вернувшись въ Россію, Р. поселился въ своемъ имѣніи, селѣ Мининѣ, часто видѣлся съ своими друзьями Погодинымъ, Хомяковымъ, Бодянскимъ и др., занимался небольшими литературными работами и основательно изучилъ польскій языкъ. 3-го октября 1863 г.

Р. уѣхалъ въ Вильно, служилъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, былъ Мировымъ Посредникомъ, а 27-го февраля 1865 г. перешелъ на мѣсто дѣлопроизводителя Комиссіи по устройству Виленскаго Музея древностей. Эта послѣдняя должность была какъ нельзя болѣе по душѣ ему. Къ этому времени относятся двѣ его небольшія статейки въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1866 года: «Типографская дѣятельность Вильны въ періодъ 1853—64 гг.», и «Графъ Ал. Толстой: «Смерть Іоанна Грознаго». 16-го февраля 1866 года Р. былъ командированъ сопровождать попечителя Виленскаго Округа при поѣздкѣ его по Витебской и Могилевской губерніямъ для собиранія археологическихъ и археографическихъ древностей. Въ 1867 г. онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Ниловой пустыни (Тверской губ. Осташковскаго уѣзда), гдѣ занялся изученіемъ монастырскаго архива, результатомъ чего явился его историческій очеркъ: «Нилова пустынь въ первые полтораста лѣтъ ея существованія» (Изд. Общ-ва Исторіи и древн. россійскихъ, Москва. 1876 г.). Въ 1868 же и 1869 году были напечатаны еще его двѣ статьи: «Ополяченіе и обрусѣніе» («Моск. Вѣд.» 1868 г., № 35) и «Переписка въ 44 письмахъ епископа князя Симона Гедройца съ главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій ст.-секр. Д. Н. Блудовымъ во время польскаго мятежа 1831 года» («Русск. Арх.» 1869 г., № 9). 22-го января 1875 года онъ опять поступилъ на службу—въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ дѣлопроизводителемъ VIII класса и эту должность занималъ до самой смерти, послѣдовавшей 9-го апрѣля 1877 года. Архивныя занятія онъ любилъ, какъ видно изъ статьи его: «Русскіе коммиссары въ Токаѣ въ XVIII ст.» («Моск. Вѣд.» 1875 г., № 176); за время его службы въ Архивѣ имъ было напечатано много статей въ «Русскомъ Вѣстникѣ» («Первые русскіе гардемарины за-границей», 1875 г., Т. 120, № II с. 83—110), «Московскихъ Вѣдомостяхъ» («Опытъ воспитанія русскихъ дворянъ въ Лейпцигѣ въ XVIII ст.» 1875 г., № 197; «Нѣчто о Сербіи и Герцоговинѣ въ XVIII ст.» 1875 г. № 230, «Амураты въ Турціи»—1876 г., № 126), «Русскомъ Архивѣ» («Изъ воспоминаній объ А. С. Хомяковѣ» 1876 г., № 5, стр. 101—104) и «Русской Старинѣ» («Кириллъ Флоринскій—епископъ Сѣвскій 1763 г.»—1876 г., № 2, стр. 454—458). Передъ смертью онъ занимался разборомъ бумагъ, оставленныхъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ и переданныхъ его племянникомъ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ Московскому Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Изъ этихъ бумагъ онъ напечаталъ нѣсколько драгоцѣнныхъ историческихъ документовъ: «А. В. Суворовъ. Письма къ кн. А. М. Голицыну 1773 и 1774 гг. о женитьбѣ Суворова» («Русск. Ст.» 1876 г., № 2, с. 450—451), «Къ біографіи гр. Орлова-Чесменскаго» («Русск. Архивъ» 1876 г., № 7, с. 270—284), «Мысли объ освобожденіи крестьянъ въ XVII и XVIII ст.» и «Русскіе цѣнители Гельвеція въ XVIII ст.» («Русск. Вѣстникъ» 1876 г., Т. 121, стр. 856—872 и Т. 123, стр. 285—302). Въ общемъ, Р. былъ личностью далеко недюжинною, съ своеобразными взглядами и убѣжденіями, всю жизнь искавшею живого дѣла, къ которому можно было бы примѣнить его богатыя природныя способности.

Полный послужной списокъ отъ 1-го января 1875 года; «Русская Старина» 1880 г., октябрь, стр. 433,—1876 г., февраль, стр. 450—451 и 454—458; 1885 г., октябрь, стр. 105, 106, 111; 1891 г., октябрь, стр. 147; «Московскія Вѣдомости» 1868 г., № 35; 1875 г., №№ 197, 230; 1876 г., №№ 120, 121, 126; «Русскій Вѣстникъ» 1876 г., т. 121, стр. 856, 872, т. 123, стр. 285—302, 1875 г.; т. 119, стр. 182—218, т. 120, стр. 83—110; «Русскій Архивъ» 1869 г., № 9, стр. 1486—1542, 1876 г., № 5, стр. 101—104, № 5, стр. 101—104, № 7, стр. 270—284; «Виленскій Вѣстникъ» 1866 г., №№ 22 и 95.

Рачинскій, *Андрей,* Новгородсѣверскій сотникъ, композиторъ; происходилъ изъ древней шляхетской фамиліи воеводства Бѣльскаго, города Августова. Образованіе свое получилъ во Львовѣ, былъ здѣсь потомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ регентомъ при епископской капеллѣ, гдѣ и изучилъ итальянское пѣніе. 20-го января 1753 года онъ переѣхалъ въ Малороссію и поступилъ къ гетману графу Кириллу Разумовскому. Исполняя всевозможныя порученія гетмана, въ числѣ которыхъ было и завѣдываніе постройкою казенныхъ зданій, и будучи въ то же время регентомъ гетманской капеллы, онъ вскорѣ пріобрѣлъ особенное расположеніе графа и въ 1763 году былъ произведенъ въ Новгородсѣверскіе сотники на мѣсто Степана Судіенка. Между тѣмъ, введенное имъ у графа Разумовскаго итальянское пѣніе на-

чало быстро распространяться по всей Малороссіи. Рачинскій, страстно любя музыку и въ особенности пѣніе, отдавалъ все свое свободное время занятію этимъ любимымъ дѣломъ. Не довольствуясь простымъ управленіемъ пѣвчими гетмана и введя въ гетманской капеллѣ итальянское пѣніе, онъ написалъ много музыкальныхъ сочиненій, употребляя все свое стараніе на то, чтобы приспособить итальянскую музыку къ православному богослуженію. Впослѣдствіи многія его духовныя сочиненія Г. Н. Тепловымъ были привезены въ Петербургъ и послужили началомъ къ введенію у насъ итальянскаго пѣнія. Прослуживъ у графа Разумовскаго болѣе тридцати лѣтъ, А. Рачинскій послѣдніе годы своей жизни доживалъ уже на покоѣ, обращая все свое вниманіе на воспитаніе сына. Онъ умеръ въ концѣ XVIII столѣтія или въ самомъ началѣ XIX, около 70-ти лѣтъ отъ роду.

«Черниговскія Губернскія Вѣдомости» 1843 г., приложенія къ № 47, ст. Ѳедора Китченко: «Знаменитый скрипачъ Гавріилъ Андреевичъ Рачинскій», стр. 289; «Другъ Просвѣщенія» 1815 г., ч. 3: «Продолженіе опыта историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ», стр. 155; «Отечественныя Записки» 1823 г., ч. XIV, ст.: «Придворная пѣвческая капела», стр. 424; «Русская Старина» 1871 г., т. III, стр. 267.

Рачинскій, *Гавріилъ Андреевичъ*, скрипачъ; род. въ 1777 году въ Новгородсѣверскѣ и при рожденіи былъ записанъ сержантомъ въ Измайловскій полкъ, но до 12-ти лѣтъ находился дома. Будучи сыномъ прекраснаго музыканта и композитора, онъ съ раннихъ лѣтъ началъ увлекаться музыкой, обнаруживая недюжинныя способности. Отецъ старался дать ему правильное и серьезное музыкальное образованіе. Въ 1789 году его отвезли въ Кіевскую Духовную Академію, въ которой онъ пробылъ шесть лѣтъ и, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, изучалъ латинскій, французскій и нѣмецкій языки, продолжая въ то же время попрежнему заниматься музыкой. Въ 1795 году Р. оставилъ Академію и отправился въ Москву, гдѣ поступилъ въ Университетскую Гимназію, въ 1797 году окончилъ курсъ ея и остался при ней въ качествѣ учителя высшаго музыкальнаго класса, который велъ до 1805 года, когда вышелъ въ отставку, все болѣе и болѣе отдаваясь музыкѣ. Въ это же время появляются его первыя русскія пѣсни съ варіаціями: «Чѣмъ тебя я огорчила» и «Скучно, матушка, весною жить одной». Къ 1815 году Рачинскій пріобрѣлъ такую широкую извѣстность, особенно среди москвичей, своими концертами, заканчивавшимися русскими пѣснями, что ему посвящено было нѣсколько стихотвореній. Не довольствуясь одной Москвой, онъ началъ предпринимать концертныя поѣздки и въ другіе города Россіи: побывалъ въ Калугѣ, Твери, Орлѣ, Курскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Кіевѣ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ, вездѣ пользуясь симпатіями публики, причемъ наибольшимъ успѣхомъ пользовалось его исполненіе русскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ 1828 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Концертъ его, данный 20-го мая въ залѣ Филармоническаго Общества, собралъ много публики, желавшей послушать московскую знаменитость; артистически владѣя смычкомъ, Р., естественно, скоро завладѣлъ вниманіемъ слушателей, когда же въ концѣ концерта онъ перешелъ къ исполненію русскихъ пѣсенъ и сыгралъ: «Чѣмъ тебя я огорчила», «Не бѣлы снѣги въ чистомъ полѣ забѣлѣлися», «Скучно, матушка, весною жить одной», «За горами за долами» и нѣкоторыя другія, то симпатіи публики перешли въ шумный восторгъ, и рукоплесканія долго не умолкали. Давая отчетъ объ этомъ концертѣ, «Сѣверная Пчела», между прочимъ, писала: «Рачинскій долженъ служить примѣромъ для всѣхъ литераторовъ и художниковъ. Хотите ли быть любимы отечествомъ, публикой, быть извѣстными, имѣть пламенныхъ приверженцевъ—будьте національны, вотъ и вся тайна» Р. дѣйствительно былъ національенъ. Прекрасно исполняя многія трудныя сочиненія Тица, Роде, Віоти, Мастрина и другихъ знаменитыхъ скрипачей-композиторовъ, онъ въ то же время болѣе всего увлекался самъ и увлекалъ другихъ исполненіемъ чисто національныхъ русскихъ пѣсенъ. Всѣ его варіаціи русскихъ пѣсенъ такъ хороши, такъ мелодичны и въ то же время такъ народны, что производили на слушателя захватывающее впечатлѣніе. Заботясь прежде всего, чтобы варіація вполнѣ передавала народный мотивъ, онъ старался ловить его во время пѣнія то русскаго мужичка-хлѣбопашца, то русскаго коробейника. Впрочемъ, не одни рус-

скіе мотивы и не однѣ русскія пѣсни клалъ на музыку и тѣмъ сохранялъ ихъ Рачинскій: уроженецъ Украины, онъ съ неменьшимъ искусствомъ и талантомъ положилъ на музыку нѣкоторыя украинскія пѣсни и болѣе десяти польскихъ. Какъ тѣ, такъ и другія отличаются своею мелодичностью и вѣрностью народному мотиву. Владѣя гитарой съ неменьшимъ искусствомъ, чѣмъ смычкомъ, онъ одушевлялъ ее своей игрой. Да и не одни простые слушатели восторгались его игрою: по отзывамъ лучшихъ современныхъ музыкальныхъ критиковъ, Рачинскій совершенно постигъ національность русской пѣсни, и темы длинныя, трудно варіируемыя, и короткія, веселыя и унылыя передавалъ онъ во всемъ совершенствѣ народнаго выраженія. Его адажіо дышало особенно пріятнымъ чувствомъ и какою-то индивидуальностью, ему одному свойственною. «Его варіаціи отличались точнымъ подражаніемъ коренному русскому напѣву и строгимъ соблюденіемъ оригинальности мотивовъ. Самая игра его блестѣла чистотою отдѣлки и въ особенности утонченнымъ вкусомъ. Всякая нота подъ смычкомъ его имѣла особенное выраженіе, напоминавшее каждому русскому несравненную мелодію отечественныхъ пѣсенъ». Конечно, такая чистота игры не могла явиться сама собою, даже и при тѣхъ огромныхъ способностяхъ, какія были у Рачинскаго. Такого совершенства въ игрѣ онъ достигъ только благодаря долговременнымъ усиленнымъ занятіямъ музыкой. Онъ избралъ и, такъ сказать, создалъ особенный родъ игры, который довелъ до возможнаго совершенства. Возвратясь изъ Петербурга въ 1828 году, онъ еще въ теченіе одиннадцати лѣтъ продолжалъ концертировать въ Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ ближайшихъ городахъ. Всѣ знали уже его, какъ прекраснаго музыканта, и встрѣчали всегда восторженно. Въ концѣ 1830-хъ годовъ у него стала развиваться чахотка; въ 1839 году онъ покинулъ Москву и вернулся въ Новгородсѣверскъ. Несмотря на успѣхъ, которымъ пользовались его концерты и на почти 35-лѣтнюю дѣятельность въ качествѣ виртуоза, Рачинскій—поэтъ и художникъ по натурѣ—не сумѣлъ матеріально обезпечить свою старость, а потому послѣдніе годы испытывалъ нужду и послѣ своей смерти оставилъ семью безъ всякихъ средствъ. Пріѣхавши на родину, Р. не бросилъ музыки и всегда охотно игралъ у знакомыхъ помѣщиковъ по просьбѣ гостей. Изъ сочиненій его (которыхъ до 50-ти) наибольшимъ распространеніемъ пользуются слѣдующія пѣсни: «За горами за долами», русская пѣсня съ варіаціями, «Не бѣлы снѣги въ чистомъ полѣ забѣлѣлися», русская пѣсня съ варіаціями, «Здравствуй, милая, хорошая моя», русская пѣсня съ варіаціями, «Я по цвѣтикамъ ходила», «Среди долины ровныя», русскія пѣсни съ варіаціями; украинская пѣсня «Віютъ вітры, віютъ буйны» и нѣсколько польскихъ пѣсенъ. Въ 1843 году, 18-го марта, онъ скончался въ Новгородсѣверскѣ, гдѣ и погребенъ.

«Сѣверная Пчела» 1828 г., 8-го мая, № 55, стр. 4; 22-го мая, № 61, стр. 4; 12-го іюня, № 70, стр. 1; «Отечественныя Записки» 1823 г., ч. XIV, ст. Н.П. «О концертахъ» (въ Москвѣ), «Сынъ Отечества» 1817 г., № 9; «Русскій Вѣстникъ» 1816 г., кн. I, стр. 85 и 1824 г., кн. 4; «Славянинъ» 1828 г., іюнь; «Черниговск. Губернск. Вѣдомости» 1843 г., приложеніе къ № 47, стр. 279—281 и къ № 48, стр. 293—296, ст. Ѳедора Китченко: «Знаменитый скрипачъ Гавріилъ Андреевичъ Рачинскій; «Москвитянинъ» 1843 г., ч. 6, № 11, некрологъ, стр. 260—261 и за 1850 г., ч. 2, № 5, кн. I, стр. 12—13, ст. «Г. А. Рачинскій» (біографическій очеркъ).

Рашетъ, *Владиміръ Карловичъ*, горный инженеръ, умеръ 25-го сентября 1880 года. По окончаніи курса въ Горномъ Корпусѣ уѣхалъ для изученія горнаго дѣла въ Швецію, гдѣ и пробылъ два года, а затѣмъ поступилъ управителемъ Нижнетуринскаго завода на Уралѣ, откуда перешелъ помощникомъ управляющаго Александровской мануфактуры и потомъ управителемъ бывшаго завода герц. Лейхтенбергскаго. Здѣсь при Рашетѣ были построены первые въ Россіи паровозы. Послѣ Крымской войны онъ былъ назначенъ управляющимъ Нижнетагильскимъ Горнымъ Округомъ Демидова-Санъ-Донато. Здѣсь имъ изобрѣтены новой системы доменныя печи, носящія его имя, чѣмъ Р. обратилъ на себя вниманіе европейскихъ металлурговъ. Въ 1861 году Р. былъ назначенъ директоромъ Департамента Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ, преобразованнаго вскорѣ въ Горный Департаментъ. При немъ были улучшены наши казенные заводы, снабжены надлежащими машинами, усовершенствована техника заводовъ и проч.; при немъ же былъ

устроенъ въ Пермской губерніи сталелитейный заводъ, впервые введено чугуннолавильное производство на югѣ Россіи и изданы новые уставы о золотопромышленности и нефтяномъ промыслѣ.

Въ 1876 году, когда Горное Вѣдомство перешло въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, Рашетъ оставилъ свою должность и былъ назначенъ членомъ Горнаго Совѣта и Горнаго Ученаго Комитета. Послѣдніе годы онъ проводилъ, изъ-за разстроеннаго здоровья, большею частію за-границей и умеръ въ Безансонѣ 25-го сентября 1880 года.

«Новое Время» 1880 г., № 1651; «Всеобщій Календарь» на 1882 годъ; о его печахъ: «Горный Журналъ» 1871 г., ч. II, № 6.

Пр. Д—ій.

Рашетъ (Rachette), *Жанъ-Доминикъ*, скульпторъ; род. въ Копенгагенѣ 22-го декабря 1744 г.; ум. въ Петербургѣ 10-го іюня 1809 г. Французъ по происхожденію, онъ родился и воспитался въ Копенгагенѣ, гдѣ, въ 1764 г., получилъ отъ тамошней Академіи Художествъ малую золотую медаль. Артистическая его дѣятельность, на первыхъ же порахъ, имѣла большой успѣхъ, и онъ сразу пріобрѣлъ извѣстность среди мѣстной аристократіи, что открыло ему двери въ дома многихъ знатныхъ и вліятельныхъ лицъ. Однимъ изъ первыхъ такихъ лицъ былъ министръ фонъ-Доккумъ, дочь котораго, Эстеръ-Христина, вскорѣ страстно увлеклась молодымъ художникомъ. Отецъ, охотно покровительствовавшій художнику, тѣмъ не менѣе, вовсе не пожелалъ имѣть его своимъ зятемъ и не только пересталъ принимать его къ себѣ въ домъ, но и дочери своей устроилъ нѣчто въ родѣ домашняго заключенія. Однако, имъ удалось устроить побѣгъ, и 25-го октября 1765 г. они повѣнчались. Послѣ этого пришлось имъ подвергнуться гоненію, и жизнь ихъ проходила въ упорной борьбѣ съ нуждою, пока, наконецъ, въ 1772 г. они не переѣхали въ Гамбургъ, гдѣ работы его пошли успѣшнѣе. Вскорѣ онъ получилъ званіе члена Берлинской Академіи Художествъ. Между тѣмъ, въ это время, устраивался въ Петербургѣ Имп. Фарфоровый Заводъ; выписывая для него лучшихъ техниковъ изъ-за границы, директоръ его А. Н. Щепотьевъ въ качествѣ модельнаго мастера пригласилъ (1-го мая) въ 1779 г. Рашета. Здѣсь въ немъ принялъ большое участіе адъюнктъ-профессоръ Академіи Гордѣевъ, по рекомендаціи котораго, 29-го января 1782 г., ему задана была программа на званіе академика: «Представить рѣку Волгу со всѣми ея признаками, въ круглой фигурѣ, въ величину обыкновенную» и исполнить ее въ мраморѣ. 20-го іюля 1785 г. онъ произведенъ былъ въ академики скульптуры, въ 1794 г. избранъ въ адъюнктъ-профессоры, а въ 1800 г. получилъ званіе профессора.

Изъ работъ его извѣстны: Медальонъ академика Леонарда Эйлера.—Мраморный бюстъ его же.—Статуя богини Сивиллы, изображающая императрицу Екатерину II, «во вкусѣ древнихъ греческихъ статуй», исполненная по заказу графа А. А. Безбородка; она была отлита мастеромъ Василіемъ Мажаловымъ изъ мѣди и вѣсила 200 пудовъ;—это была первая крупная отливка изъ мѣди въ нашей Академіи Художествъ; сперва она находилась на дачѣ графа Безбородка—«Кушелевкѣ», а теперь—въ Царскомъ Селѣ.—Бронзовая статуя фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, въ ростъ, по заказу гр. П. В. Завадовскаго, находящаяся въ с. Глуховѣ, которой И. И. Дмитріевъ посвятилъ стихотвореніе.—Мраморный бюстъ Г. Р. Державина (1793 г.), которому посвящено стихотвореніе поэта «Мой истуканъ», и который находится въ библіотекѣ Казанскаго университета.—Мраморный бюстъ Е. Я. Державиной, первой жены поэта (1793 г.).—Маленькая сидящая фигура Юпитера-Громовержца, въ Академіи Художествъ.—Дитя, тоскующее о потерѣ птички, которая вылетѣла изъ клѣтки, въ собраніи П. П. Свиньина.—Десять мѣдныхъ вызолоченныхъ барельефовъ, въ Агатовой комнатѣ холодной бани, въ Царскомъ Селѣ, и 12 разныхъ фигуръ въ наружныхъ нишахъ той же бани (1785—1787 гг.).—Мраморный бюстъ княгини Е. И. Гагариной, рожд. Балабиной, на надгробномъ ея памятникѣ, на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ Невской Лавры.—Павелъ I, барельефъ, въ собраніи С. С. Боткина, въ Петербургѣ.—Императрица Марія Ѳеодоровна, барельефъ, въ томъ же собраніи.—Павелъ I, горельефъ въ собраніи А. А. Бахрушина, въ

Москвѣ. — Графъ С. Р. Воронцовъ, горельефъ, у графини Е. А. Воронцовой-Дашковой, въ с. Андреевскомъ, Владимірской губ.—Гипсовый бюстъ Прокофія Акинфіевича Демидова, въ Академіи Художествъ.—Его же бронзовый бюстъ (1780 г.), въ С.-Петербургскомъ Коммерческомъ училищѣ. Кромѣ того, имъ выполнены въ 1779 г., изъ мрамора, по рисункамъ Козлова, «изобрѣтенные Н. А. Львовымъ аллегорическіе барельефы для залы общаго собранія Правительствующаго Сената въ Петербургѣ, и памятникъ надъ могилою князя А. А. Безбородко, въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры въ Петербургѣ, тожѣ по идеѣ Н. А. Львова (1801 г.); бюстъ исполненъ изъ бронзы, а самый памятникъ—изъ мрамора.

Изъ керамическихъ работъ Р. извѣстны небольшой бисквитный бюстикъ Екатерины II, въ собраніи Д. Ѳ. Кобеко, и ваза, въ родѣ веджвуда, съ ласкаронами и скульптурною гирляндою, изображающею сборъ амурами винограда.

«Московскія Вѣдомости» 1785 г., № 8; Краткая опись предметовъ, составляющихъ русскій музеумъ Павла Свиньина, С.-Пб., 1829 г.; И. Яковкинъ. Исторія Села Царскаго, С.-Пб., 1831 г.; Фишеръ. Указатель находящимся въ Академіи произведеніямъ, С.-Пб., 1842 г.; Записки Г. Р. Державина, М. 1860; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. С.-Пб. Акад. Художествъ, т. I. С.-Пб. 1864; Wassiltschikoff. Liste de portraits russes, St.-Ptrsb. 1875; Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества, т. XXIX, стр. 338—339; 494; 653. С.-Пб. 1881; Д. Ѳ. Кобеко. Скульпторъ Ж. Д. Рашетъ и его произведенія. — «Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ» 1883 г., стр. 636—646; Д. А. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, С.-Пб. 1889; «Художественныя сокровища Россіи», 1902 г., стр. 277 и 296; Каталогъ Историко-Художественной выставки русскихъ портретовъ 1905 г., С.-Пб. 1905 г., вып. VII—VIII.

А. Новицкій.

Рашпиль, *Григорій Антоновичъ,* генералъ-лейтенантъ; происходилъ изъ казаковъ-дворянъ Черноморскаго Казачьяго войска, род. въ 1801 году и воспитывался въ домѣ родителей; 3-го марта 1814 г. Р. поступилъ на службу казакомъ въ Черноморское казачье войско, 25-го апрѣля 1817 г. произведенъ въ сотенные эсаулы и въ 1818 г. съ полкомъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и былъ произведенъ въ портупей-юнкера въ 7-ой Черноморскій эскадронъ л.-гв. Казачьяго полка (19-го ноября 1819 года). Въ 1821 году Р. былъ произведенъ въ корнеты. Во время бунта 14-го декабря 1825 г. онъ находился въ рядахъ войскъ, вѣрныхъ Имп. Николаю I, и получилъ Монаршее благоволеніе. Въ 1826 г. Рашпиль былъ назначенъ на должность адъютанта къ ген.-лейт. Иловайскому, а 8-го ноября произведенъ въ поручики. Въ томъ же 1826 г. онъ, въ составѣ русскаго отряда, отправился въ походъ въ Грузію, а въ 1827 г. (съ 12-го мая) находился въ походѣ до крѣпости Сардаръ-Абада; 28-го мая находился при рекогносцировкѣ крѣпости Абазъ-Абада и участвовалъ въ перестрѣлкѣ съ кавалеріею, вышедшею изъ крѣпости. Также онъ принималъ непрерывное участіе въ дѣлахъ во время осады этой крѣпости и до сдачи ея. Когда персидскія войска, предводительствуемыя принцемъ Абазъ-Мирзой, дали генеральное сраженіе нашимъ войскамъ при Джеванъ-Булахѣ, Р. все время находился въ сферѣ огня, передавая приказанія отъ главнокомандующаго начальникомъ дѣйствующихъ частей. При взятіи Эривани (20-го октября 1827 г.) онъ одинъ изъ первыхъ вошелъ на верки крѣпостныхъ валовъ, за что былъ произведенъ въ ротмистры и награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ бантомъ. Въ январѣ 1828 г. онъ былъ отчисленъ отъ должности адъютанта и принялъ эскадронъ; съ 7-го по 19-е октября былъ въ походѣ отъ Эривани къ Тавризу, при занятіи Салмасской провинціи и взятіи укрѣпленія Делижанъ. По взятіи г. Хой, онъ съ русскими войсками въ ноябрѣ мѣсяцѣ двинулся обратно въ Россію. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, рѣдко хваливший своихъ подчиненныхъ, не разъ выражалъ Рашпилю свою благодарность въ приказахъ по войскамъ Гвардейскаго корпуса за тотъ молодецкій духъ и видъ, который царилъ въ его эскадронѣ. На обратномъ пути въ Петербургъ, не дойдя до города двухъ переходовъ, онъ былъ командированъ для охраны границы Россіи отъ чумы, появившейся уже въ Бессарабіи, гдѣ и пробылъ съ 31-го іюля по 8-е ноября 1830 года. Въ 1831 году Р. былъ утвержденъ въ должности командира эскадрона и въ томъ же году отправился на театръ войны въ Польшу. Прибывъ въ Гродно, онъ

былъ назначенъ въ правую колонну войскъ Гвардейскаго корпуса и, дойдя до мѣстечка Тыкочины, былъ командированъ съ эскадрономъ въ Бѣлостокъ для охраны императорской походной квартиры; состоя при ней, онъ находился въ неоднократныхъ дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ. 25-го и 26-го іюня Рашпиль участвовалъ въ штурмѣ и взятіи приступомъ передовыхъ Варшавскихъ укрѣпленій и самаго города. До возвращенія въ Россію Р. находился въ непрерывныхъ разъѣздахъ и въ столкновеніяхъ съ шайками повстанцевъ. Въ январѣ 1832 г. Рашпиль былъ произведенъ въ полковники, а 7-го марта возвратился съ полкомъ въ Петербургъ. Въ 1841 г., будучи въ Черноморской области, Рашпиль лично отразилъ нападеніе 4000 абадзеховъ, напавшихъ на мирные аулы, и за эти блестящія дѣла былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (16-го апрѣля 1841 г.); исправляя съ 11-го мая 1841 г. должность начальника Штаба Черноморскаго Казачьяго войска, Р. въ 1842 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность наказного атамана Черноморскаго казачьяго войска и командующимъ Черноморскою кордонною линіею. Въ 1846 г., собравъ отрядъ въ Ольгинскомъ укрѣпленіи, Рашпиль двинулся съ нимъ за Кубань, выдержавъ цѣлый рядъ перестрѣлокъ съ горцами. За блестяще выполненныя задачи Р. былъ награжденъ (19-го февраля 1847 г.) орденомъ Станислава 1-ой степени. Порученіе, данное Рашпилю построить казармы для войскъ, расположенныхъ въ Черноморіи, также не обошлось безъ столкновеній съ туземцами; каждая рубка лѣса сопровождалась битвой, такъ что въ 1848 г. Р., командуя отрядами, принужденъ былъ предпринимать цѣлый рядъ военныхъ дѣйствій съ цѣлью добыть строевой матеріалъ и жизненные припасы для крѣпостей. Цѣлый годъ прошелъ въ безпрерывныхъ бояхъ съ горцами. 3-го апрѣля 1849 г. Р. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ концѣ года награжденъ орденомъ Анны 1-ой ст.

Въ 1850 г. Рашпиль переправился черезъ Кубань и предпринялъ наступательное движеніе на скопища Магомета Алима для защиты отъ него Божедуховъ, разбилъ его и двинулся на защиту Хамышеевцевъ, затѣмъ—въ землю Абадзеховъ, гдѣ совершенно разбилъ горцевъ. Въ 1850 г. Р. снова предпринялъ цѣлый рядъ военныхъ дѣлъ противъ горцевъ; онъ отправился съ отрядами въ землю Хамышеевцевъ для побужденія этого народа къ принятію присяги на вѣрноподданство Россіи. Эта задача вполнѣ удалась Рашпилю, и почти всѣ аулы перешли подъ власть Россіи. 1-го октября 1852 г. Рашпиль былъ уволенъ отъ занимаемой должности и, въ награду за полезную дѣятельность на Кавказѣ, пожалованъ 1500 десятинами земли. Въ 1855 г. онъ снова былъ опредѣленъ на службу съ назначеніемъ состоять при отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ и съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи и въ это время неоднократно участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ и исполнялъ различныя порученія Главнокомандующаго на Кавказѣ генер.-лейт. Муравьева. Прослуживъ затѣмъ на Кавказѣ еще 5 лѣтъ, Рашпиль 19-го февраля 1865 года зачисленъ въ запасныя войска съ отчисленіемъ отъ Кавказской арміи и съ оставленіемъ по армейской кавалеріи. Скончался 14-го ноября 1871 г.

«Русская Старина» 1888 г., т. LX, стр. 174; т. LIX, стр. 609; «Русск. Арх.» 1888 г., т. I, стр. 614; т. II, стр. 421; 1890 г., т. I, стр. 452; «Сынъ Отеч.» 1871 г., № 283; Формулярный списокъ въ Архивѣ Главнаго Штаба.

Реадъ, *Николай Андреевичъ*, генералъ-адютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, членъ Государственнаго Совѣта; происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи, родился въ 1793 г.; получивъ домашнее образованіе, онъ былъ опредѣленъ унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, 3-го апрѣля 1808 года былъ переименованъ въ подпрапорщики, а въ 1810 году — произведенъ въ прапорщики и переведенъ въ Корпусъ инженеровъ путей сообщенія на правахъ инженера 3-го класса, въ каковомъ званіи и былъ произведенъ, въ 1811 году, въ капитаны. Свою военную дѣятельность Р. началъ въ Отечественную войну; состоя въ резервѣ Корпуса инженеровъ путей сообщенія, Р. участвовалъ въ первый разъ въ дѣлѣ противъ французовъ 15-го іюня 1812 года при Витебскѣ и за храбрость получилъ орденъ св. Владиміра 4-ой степени съ бантомъ; затѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ прикрытіи отступленія русской арміи отъ Витебска, участвовалъ

въ сраженіи при деревнѣ Орловѣ, въ нѣсколькихъ перестрѣлкахъ съ французами, а также былъ въ прикрытіи батарей при Смоленскѣ. При переправѣ русскихъ войскъ черезъ Днѣпръ, Р. выказалъ свою распорядительность въ порученной ему, какъ инженерному офицеру, обязанности, а въ сраженіи при Вязьмѣ оказалъ рядъ подвиговъ самоотверженной храбрости. Однако, вѣнцомъ первоначальныхъ боевыхъ подвиговъ молодого Р. было участіе его въ Бородинской битвѣ, послѣ которой онъ былъ произведенъ, «за боевое отличіе», въ маіоры, оставаясь попрежнему въ передовомъ отрядѣ дѣйствующей арміи. Затѣмъ Р. принималъ участіе въ дѣлахъ при дер. Вороновѣ, г. Боровскѣ, при Тарутинѣ и подъ Краснымъ. За оказанное въ этихъ дѣлахъ мужество Р. былъ произведенъ въ подполковники, а когда, въ 1813 году, русская армія перешла въ наступленіе — и онъ двинулся вмѣстѣ съ нею, участвовалъ въ штурмѣ Дрездена, а при селеніи Оберсвальдѣ принималъ участіе въ томъ сраженіи, во время котораго было нанесено сильное пораженіе арміи Наполеона. Спустя мѣсяцъ Р. находился подъ Лейпцигомъ. Мужество и примѣрная храбрость, которыя проявилъ онъ въ этихъ дѣлахъ, а въ особенности въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, были отмѣчены награжденіемъ его орденомъ св. Анны 2-ой ст. и саблею съ надписью «за храбрость». Въ 1814 году Реадъ ни на одинъ день не покидалъ дѣйствующихъ отрядовъ, дѣятельно и неустанно принимая участіе во всѣхъ сраженіяхъ, выпадавшихъ на долю авангарда, какъ въ качествѣ строевого офицера, принимавшаго на себя различныя опасныя порученія и производившаго рекогносцировки, такъ и исполнителя, въ нужныхъ случаяхъ, обязанностей инженернаго офицера, при чемъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени и Прусскимъ орденомъ Pour le mérite. За время пребыванія въ Парижѣ Р., какъ и большинство русскихъ офицеровъ, увлекся масонствомъ и поступилъ въ число членовъ одной изъ масонскихъ ложъ, а впослѣдствіи, по возвращеніи въ Россію, состоялъ членомъ одного изъ тайныхъ обществъ, сильно тогда распространенныхъ по всей Имперіи. Однако, Р., какъ человѣкъ всецѣло занятый своей службой, не принималъ дѣятельнаго участія въ собраніяхъ общества и планахъ его членовъ, а потому избѣжалъ участи, постигшей его товарищей послѣ 14-го декабря 1825 года. Въ декабрѣ 1824-го года Р. былъ произведенъ въ полковники, былъ назначенъ командиромъ Ольвіопольскаго Гусарскаго полка и за прекрасное командованіе имъ былъ назначенъ (3-го сентября 1828 г.) флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ томъ же году, во время Турецкой войны, Реадъ сопровождалъ Императора Николая I, въ числѣ приближенныхъ къ Государю лицъ (какъ-то: Бенкендорфъ, Потемкинъ и Суворовъ), въ его поѣздкахъ черезъ Елизаветградъ, Браиловъ и Тирасполь. За время этой поѣздки Государь оцѣнилъ Р. и до самой своей кончины оставался къ нему неизмѣннымъ. Въ 1831 году Реаду пришлось принимать близкое участіе въ подавленіи Польскаго возстанія. И здѣсь, какъ и во время Отечественной войны, онъ выказалъ обычное мужество и распорядительность. Особенно отличился Р. въ генеральномъ сраженіи подъ Прагою, во время котораго поляки потерпѣли полное пораженіе. Р. своей лихой и своевременной атакой смялъ польскихъ уланъ и, обративъ ихъ въ бѣгство, преслѣдовалъ по пятамъ со своимъ полкомъ. За это дѣло Реадъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ въ занимаемой должности командира полка (31-го марта 1831 г.). 23-го марта два эскадрона ввѣреннаго ему полка, подъ начальствомъ самого полкового командира, близъ Гарвалина встрѣтили отрядъ повстанцевъ, атаковали его и обратили въ бѣгство. Во время усиленной рекогносцировки, произведенной русскими около мѣстечка Лоповичъ, Р. со своимъ полкомъ находился въ авангардѣ арміи, и ему пришлось принять самое дѣятельное участіе въ этой рекогносцировкѣ. Кромѣ вышеуказанныхъ, Р. участвовалъ еще въ дѣлѣ на рѣкѣ Ливицѣ, окончившемся блистательной побѣдой русскихъ, а также въ дѣлѣ близъ Венгрова и, наконецъ, въ сраженіи подъ Минскомъ 14-го апрѣля. Подъ Остроленкой (14-го мая), когда польская армія, разбитая на голову перешла въ безпорядочное отступленіе, Р. со своими гусарами не разъ участвовалъ въ схваткахъ съ польской кавалеріей, а послѣ этого дѣла, по переправѣ черезъ нижнюю Вислу, вмѣстѣ съ полкомъ при-

соединился къ главной арміи, которая двинулась усиленными маршами къ Варшавѣ. Здѣсь въ генеральномъ сраженіи Р. также принималъ близкое участіе, а послѣ паденія Варшавы участвовалъ съ полкомъ въ преслѣдованіи бѣжавшихъ остатковъ арміи повстанцевъ до Прусской границы. Въ 1840 г. Р. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Изъ порученій, какія возлагались за этотъ періодъ на Р., особенное значеніе на его дальнѣйшую службу имѣла командировка въ Петербургъ для узнанія новыхъ правилъ кавалерійской службы въ отдѣльномъ гвардейскомъ корпусѣ, при чемъ, по Высочайшему повелѣнію, онъ командовалъ нѣкоторое время 3-ею легкою кавалерійскую дивизіею, а въ 1850 году, за отсутствіемъ командира 1-го пѣхотнаго корпуса, исправлялъ его должность. При открытіи Венгерской компаніи Р. находился въ составѣ русской арміи и совершилъ переходъ черезъ Карпаты, но во время этого движенія онъ заболѣлъ и долженъ былъ вернуться въ Россію. Вскорѣ затѣмъ (6-го ноября 1851 года) Р. былъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ корпусомъ съ оставленіемъ по кавалеріи. Въ февралѣ 1852 г. Р. пріѣхалъ въ Тифлисъ и съ первыхъ же мѣсяцевъ своей службы пріобрѣлъ полное расположеніе и довѣріе главнокомандующаго на Кавказѣ князя М. С. Воронцова. Назначенный инспекторомъ всѣхъ мѣстныхъ войскъ, Р. принужденъ былъ много разъѣзжать по Кавказу, и эти поѣздки давали ему возможность ближе знакомиться съ бытомъ и нуждами новаго, еще не смирившагося края. Въ 1853 году Р. былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, а въ слѣдующемъ году ему было поручено замѣстить хворавшаго князя Воронцова; 2-го марта 1854 года Р. вступилъ въ командованіе Кавказскимъ корпусомъ и войсками, къ нему прикомандированными, на правахъ командира Отдѣльнаго корпуса. Въ тяжелое время вступилъ въ новую должность Р.: на Кавказѣ все время кипѣла ожесточенная война; постоянные набѣги горцевъ и замиренное населеніе покоренныхъ областей доставляли не мало заботъ главному начальнику Кавказа. Изъ писемъ князя Воронцова къ М. П. Щербинину видно, какъ былъ доволенъ князь управленіемъ и распорядительностью своего преемника. «Я не могу достаточно возблагодарить храбраго генерала Реада», писалъ князь; «благодарю Бога, что въ рукахъ Реада находится гражданское и военное управленіе на Кавказѣ» и т. под. Въ первое же время своего командованія, Реаду пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ опасностью, угрожавшею ввѣренному ему краю (напр., попытка горцевъ напасть на Тифлисъ), но онъ не растерялся, а дѣятельно принялъ соотвѣтствующія мѣры. Положеніе на Кавказѣ въ это время становилось весьма опаснымъ: Шамиль собиралъ большія полчища, угрожая всюду опустошительными набѣгами; ожидались серьезныя военныя дѣйствія, и на случай ихъ Р. имѣлъ выработанную программу, оставленную ему еще княземъ Воронцовымъ. Главной заботой Р. было обезпечить центръ Кавказа отъ послѣдствій близости войны, пылавшей во всѣхъ его окраинахъ, и онъ достигъ намѣченной цѣли. Благодаря его заботамъ, административное устройство Кавказа шло своимъ чередомъ; не были забыты имъ и образованіе народа, и торговля, и промышленность, даже искусства и увеселенія. Вообще время Реада на Кавказѣ ознаменовано сложными заботами какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ; онъ самъ старался во все вникать, всѣмъ интересовался. Въ 1855 году вмѣсто князя Воронцова, окончательно оставившаго Кавказъ, былъ назначенъ генералъ-отъ-инфантеріи Н. Н. Муравьевъ 1-й, а Реадъ былъ призванъ къ своей прежней боевой дѣятельности: онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству (29-го ноября 1854 г.), Членомъ Государственнаго Совѣта и командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса. Полезная дѣятельность Реада на Кавказѣ такъ была отмѣчена въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на его имя: «Оказанныя Вами.... дѣятельность и распорядительность пріобрѣли Вамъ полное право на мое благоволеніе, и мнѣ пріятно за заслуги Ваши изъявить Вамъ искреннюю мою признательность». Отъѣздъ Р. съ Кавказа былъ ознаменованъ самыми сердечными проводами населенія. Теперь на долю Р. выпало сдѣлаться защитникомъ Севастополя, и онъ бодро, съ радостью, какъ и въ прежніе годы, принялъ назначеніе въ дѣйствующую армію. По прибытіи въ Бахчисарай, гдѣ находился

въ то время Штабъ 3-го корпуса, Реадъ вскорѣ вмѣстѣ съ нимъ перешелъ на рѣку Бель-Бекъ и оставался тамъ до 3-го августа, командуя на лѣвомъ флангѣ. Въ это время у него оставалось подъ командованіемъ три полка 6-ой дивизіи и стрѣлковый баталіонъ. Только передъ самымъ сраженіемъ на рѣкѣ Черной онъ былъ перемѣщенъ на правый флангъ и подъ свою команду принялъ колонну, состоявшую изъ 12-ой и 7-ой резервныхъ дивизій, составленныхъ изъ полковъ трехъ-баталіоннаго состава при 62-хъ орудіяхъ.

Князь Горчаковъ, главнокомандующій арміей Севастополя, рѣшился послѣ военнаго совѣта, состоявшагося 28-го іюля, атаковать союзниковъ со стороны рѣки Черной. Генералу Реаду было приказано стать съ двумя дивизіями противъ Федюхиныхъ горъ, занятыхъ непріятелемъ, и завязать съ нимъ артиллерійскій бой, но не переходить въ наступленіе безъ особаго на то приказанія. Намѣреніе Горчакова было, по овладѣніи Чоргунскими высотами, основательно обозрѣть позицію близъ рѣки Черной, атаковать Гасфортовскія высоты и въ подкрѣпленіе къ войскамъ Липранди двинуть пѣхоту Реада, оставивъ его артиллерію противъ Федюхиныхъ горъ подъ прикрытіемъ своей кавалеріи. Все это было объявлено Реаду, но Горчаковъ былъ неувѣренъ въ своихъ дѣйствіяхъ и предписалъ Реаду быть готовымъ къ атакѣ Федюхиныхъ горъ, если Госфортовскія высоты будутъ заняты русскими войсками; въ послѣднемъ случаѣ Реада должны были поддержать войска генерала Липранди. 3-го августа штабъ Реада отъ рѣчки Бельбекъ перешелъ на Инкермановскія высоты, а въ 2 часа ночи спустился въ долину рѣки Черной. Заря начала заниматься, когда отрядъ Реада, въ числѣ прочихъ войскъ, двинулся двумя колоннами; артиллерія выѣхала на позицію, и вскорѣ послышались выстрѣлы съ лѣваго фланга: то стрѣляла артиллерія Липранди; батареи Реада также открыли огонь. Черная рѣчка была покрыта густымъ туманомъ, и слѣдить за движеніемъ сосѣднихъ войскъ не было никакой возможности. Реадъ со своимъ штабомъ стоялъ позади 12-ой дивизіи на небольшомъ пригоркѣ, недалеко отъ каменнаго столба близъ дороги, ведущей къ мосту. Въ это время начальникъ артиллеріи подъѣхалъ къ нему и доложилъ о недѣйствительности огня, такъ какъ ядра не долетали и ложились на откосахъ горъ.

Между тѣмъ, каждые четверть часа отъ князя Горчакова пріѣзжали и уѣзжали адъютанты, а также посылались постоянныя донесенія къ барону Остенъ-Сакену, начальнику гарнизона Севастополя. Вслѣдствіе ошибочнаго, преждевременнаго распоряженія князя Горчакова «начать сраженіе», Реадъ открылъ артиллерійскій огонь и приступилъ къ атакѣ Федюхинскихъ горъ и началъ уже карабкаться на эти горы; почти одновременно Липранди занялъ высоты Чоргуна. Непріятель сразу усилилъ позиціи у Федюхинскихъ горъ, гдѣ его сосредоточилось 50.000 человѣкъ. Несмотря на помощь подоспѣвшей 5-ой дивизіи, полки Реада были отброшены французами и отступили. Во время атаки Галицкаго полка у Реада, слѣдившаго за ходомъ сраженія, лопнувшей надъ нимъ гранатой была сорвана голова, и въ виду поспѣшности отступленія его обезглавленное тѣло не было подобрано и осталось непріятелю. По отзывамъ Остенъ-Сакена, князя Паскевича и другихъ, Реадъ былъ свѣтлою личностью, въ высшей степени правдивымъ человѣкомъ, имѣвшимъ всѣ данныя военноначальника.

«Русская Старина» 1872 г., т. VI, стр. 430, 431; т. VII, стр. 599; 1874 г., т. XI, стр. 330 и 778; 1875 г., т. XII, стр. 196, 301; т. XIV, стр. 552. 1876 г., т. XV, стр. 227; XVI, стр. 163—170; т. XVII, стр. 363, 364; 1877 г., т. XVIII, стр. 112; 1878 г., т. XXI, стр. 603; 1879 г., т. XXV, стр. 670; 1880 г., т. XXVII, стр. 102; 1881 г., т. XXX, стр. 196; 1882 г., т. XXXIV, стр. 741, 742; 1883 г., т. XL, стр. 374, 375, 529—531; 1886 г., т. LI, стр. 55, 56, 57, 58; 1889 г., т. LXI, стр. 97; 1892 г., т. LXXV, стр. 607; 1893 г., т. LXXVIII, стр. 115; 1894 г., LXXXI, апр., стр. 152, 153; май, 172—176; 182, 189—193; іюнь, LXXXII, дек., стр. 167, 169; «Русскій Архивъ» 1870 г., ст. 2157, 2170, 2171, 2172, 2180, 2182, 2191, 2199, 2220, 2204; 1874 г., т. I, 306, 372, 1358, 1360, 1362, 1363, кн. II, 207, 210, 211, 213, 219; 1875 г., кн. III, 427; «Исторический Вѣстникъ» 1888 г., XXXVI, 696; 1893 г., LIII, 593; 1899 г., LXXVI, 1092. «Описаніе обороны Севастополя» Тотлебена, гл. XXXIX (часть 2-я, отд. 2-й: «Сраженіе при рѣкѣ Черной»); Мѣсяцословъ на 1857 г., стр. 248; «Кавказъ» 1855 г., № 79; «Акты Кавк. Археогр. Ком.», т. X, стр. XXIX.

Ребиндеръ, *Иванъ Михайловичъ*, генералъ-поручикъ; происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, ведущаго свое происхожденіе изъ Вестфаліи, откуда

предки его въ началѣ XV-го вѣка выѣхали въ Прибалтійскій край. Родился 8-го мая 1733-го г. въ нѣмецкой семьѣ и, по обычаю того времени, съ юныхъ лѣтъ былъ записанъ въ военную службу. Состоя въ русскихъ войскахъ, Ребиндеръ скоро сдѣлался извѣстенъ молодой Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и упоминается въ числѣ первыхъ ея приверженцевъ при восшествіи ея на Престолъ. Въ это время онъ находился въ Данцигѣ, назначенный туда 8-го марта 1762 г. въ качествѣ резидента русскаго Правительства, и получилъ отъ Императрицы порученіе съѣздить къ Ангальтъ-Цербтскому принцу съ извѣщеніемъ о вступленіи ея на Престолъ, при чемъ принцъ Цербтскій не преминулъ воспользоваться возвышеніемъ своей близкой родственницы, ходатайствуя черезъ Ребиндера о всевозможныхъ матеріальныхъ выгодахъ и о заступничествѣ передъ Прусскимъ Королемъ. Вернувшись въ Данцигъ къ своей прежней должности резидента, Р. въ слѣдующемъ, 1763 году былъ посланъ Императрицей въ Любекъ для встрѣчи владѣтельной ландъ-графини Гессенъ-Дармштадтской, которую Екатерина собственноручнымъ письмомъ, отвезеннымъ Ребиндеромъ, приглашала въ Россію. Встрѣтивъ ландъ-графиню, Р. сопровождалъ ее морскимъ путемъ до Ревеля, гдѣ она остановилась въ замкѣ Катеринеталь. Ребиндеру даны были тайныя инструкціи разъузнать о намѣреніяхъ ландъ-графини. Произведенный 4-го сентября 1764-го г. въ вице-полковники Кирасирскаго полка, онъ вернулся къ своей прерванной дѣятельности въ Данцигѣ, гдѣ ему приходилось дѣлать отпоръ стремленіямъ Фридриха II и поддерживать интересы Россіи и не окрѣпшаго еще тогда правительства Екатерины. За время довольно продолжительнаго пребыванія своего въ Данцигѣ въ качествѣ резидента въ самое смутное время, переживаемое тогда этимъ краемъ, Р. вполнѣ проявилъ свои дипломатическія способности и своей дѣятельностью возбудилъ сильное неудовольствіе Короля Прусскаго. Въ 1767-мъ году Р. склонилъ магистратъ города Данцига приступить къ диссидентской конфедераціи, за что Императрица обѣщала сохранить городу права и привилегіи, данныя ранѣе русскимъ правительствомъ. Иногда Р. поддерживалъ Данцигскій магистратъ вопреки даже предписаніямъ русскаго правительства, возставая противъ стремленій Прусскаго Короля завладѣть Данцигскимъ портомъ. Въ 1774 году Р. получилъ отпускъ и уѣхалъ изъ Данцига; по этому поводу Прусскій Король писалъ 15-го марта 1774-го г. своему повѣренному въ Петербургѣ, графу Сольмсу, слѣдующее: «Отпускъ, данный Россіей своему резиденту въ Данцигѣ, является при настоящихъ обстоятельствахъ весьма кстати. Человѣкъ этотъ, занимаясь самъ торговлей и преслѣдуя лишь интересы негоціантовъ, увлекался корыстными цѣлями и всячески старался въ донесеніяхъ опровергать мои неоспоримыя права, а потому я чрезвычайно доволенъ, что онъ на время удаленъ отъ дѣлъ». Въ 1775 г. Р. окончательно покинулъ Данцигъ.

Произведенный въ генералъ-маіоры, онъ былъ сдѣланъ Полоцкимъ губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ «правящимъ должность правителя Бѣлорусскаго намѣстничества». Въ 1783 году Р. былъ назначенъ Нижегородскимъ губернаторомъ, а въ 1786 г. онъ былъ сдѣланъ генералъ-губернаторомъ Нижегородскимъ и Пензенскимъ. Въ этой должности онъ и скончался въ Нижнемъ-Новгородѣ 1-го марта 1792-го г. На своемъ высокомъ посту въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ снискалъ всеобщую любовь и уваженіе своимъ простымъ обращеніемъ и отзывчивостью къ нуждамъ жителей.

«Воинскій Календарь» 1765 г., стр. 22; Брокгаузъ Ефронъ «Энциклопедическій Словарь» стр. 414; Кн. И. М. Долгорукій, «Капище моего сердца»; Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей земли русской». Часть IV, стр. 273; «Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества», т. III, стр. 303—309; т. XXVI, стр. 56, 57, 61, 270, 271, 274; т. XXVII, стр. 177; т. XLII, стр. 287; т. XLVIII, стр. 20; т. LI, стр. 180, 181, 332; т. LXII; т. LXVII, стр. 144, 192, 193, 226, 257, 258, 311, 313, 366, 368, 371, 418, 419, 457, 477, 552; LXXII, стр. 291, 292, 294, 295, 300, 338, 563; LXXXVII, стр. 101, 167; «Русская Старина» 1884 г., т. XLIII, стр. 72; т. XLIV, стр, 286, 630; «Русскій Архивъ» 1870 г. стр. 966, 1886 г. т. I, стр. 169; т. III, стр. 115; 1899 г., т. II, стр. 123; Памятники дипломатическихъ сношеній.

Ребиндеръ, *Максимъ Васильевичъ,* сподвижникъ Суворова, род. въ 1730, скончался 10-го февраля 1804 года. Въ военную службу вступилъ въ 1750 году. Во время турецкихъ войнъ онъ состоялъ въ Азовскомъ мушкетерскомъ полку и про-

славился безстрашіемъ; въ 1787 году въ чинѣ полковника находился въ военныхъ дѣйствіяхъ за Кубанью и 20-го сентября (1787 г.) первымъ достигъ непріятельскаго стана; Шахъ Мансуръ, потерявъ много войскъ, принужденъ былъ отступать, и русскія войска менѣе, нежели въ двѣ недѣли, очистили отъ мятежныхъ татаръ всю страну отъ устья р. Лабы вверхъ по Кубани до Снѣжныхъ горъ. Этимъ походомъ Ребиндеръ пріобрѣлъ громкую извѣстность и былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора. Затѣмъ онъ участвовалъ въ Суворовскомъ Италіанскомъ походѣ, принималъ участіе въ битвѣ при Нови (4-го августа 1799 г.) и на другой день былъ въ жаркомъ и удачномъ для насъ арріергардномъ дѣлѣ противъ французовъ. Во время вступленія Суворова въ Швейцарію Ребиндеръ шелъ въ головѣ колонны Розенберга, посланной въ обходъ Гюдена, занимавшаго гору С.-Готардъ; онъ атаковалъ непріятеля, который побѣжалъ къ своему резерву, расположенному въ долинѣ р. Рейсса. Ребиндеръ спустился съ горъ со всевозможной тишиною и выстроился внизу къ бою. Послѣ удачнаго спуска наши войска съ крикомъ «Ура!» пошли въ штыки. Французы сначала стояли твердо, но принуждены были отступать шагъ за шагомъ и оставили на полѣ битвы 5 пушекъ. 14-го сентября онъ участвовалъ при атакѣ Суворовымъ страшной тѣснины Чортова моста. Суворовъ, какъ извѣстно, лицъ, которыхъ любилъ, уважалъ, цѣнилъ,—обыкновенно называлъ не по фамиліи, а по имени. Такихъ лицъ было не много, и къ числу ихъ принадлежалъ и Ребиндеръ. При достиженіи русскими войсками Альтдорфа Суворовъ рѣшился поворотить въ Мутинскую долину и оттуда въ Граубинденъ. Предводителями передового авангарда были назначены М. А. Милорадовичъ и Ребиндеръ. Суворовъ, назначивъ ихъ на это опасное мѣсто, воскликнулъ: «Михайло, ты впереди — лицомъ къ врагу, а тебѣ, Максимъ,—слава!»

19-го сентября, когда пришлось спускаться въ Мутинскую долину подъ пули непріятельскихъ войскъ, Ребиндеръ обходилъ войска, одушевлялъ ихъ и приказывалъ: «бить врага и бить храбро, дружно и живо; стрѣлять мѣтко, налетовъ класть штыками!» Ребиндеръ со своимъ полкомъ былъ впереди полка Милорадовича. Въ эту битву было много убитыхъ какъ съ нашей стороны, такъ и съ непріятельской, но нами было взято въ плѣнъ до 2000 человѣкъ и досталось 5 пушекъ.

Ребиндеръ былъ очень заботливъ о своихъ солдатахъ. Такъ, въ Гларусъ наши войска прибыли въ ужасномъ положеніи, и Ребиндеръ обходилъ своихъ солдатъ въ ботфортахъ безъ подошвъ: сѣдовласый, почти 70-лѣтній старецъ, не отдохнувъ самъ, спѣшилъ осмотрѣть свои войска, поздравить съ прибытіемъ и сказать утѣшеніе. За такое заботливое отношеніе солдаты любили своего начальника и говорили: «Ребиндеръ отецъ, а не начальникъ, храбрый изъ храбрыхъ, силачъ, левъ, черта не струситъ!»

«Справочный Энциклопедич. Словарь». Старчевскаго, т. IX, ч. II. (С.-Пб. 1855 г.); «Военный Энциклопедическій Лексиконъ». Изданіе второе, т. XI. С.-Пб. 1856 г.); И. Петрушевскій, «Генералисимусъ князь Суворовъ». Изданіе второе, С.-Пб. 1900 г., стр. 597, 598, 601, 607, 686 и 688.

Пр. Дилакторскій.

Ребиндеръ, *Николай Романовичъ*, сенаторъ; род. въ 1810 году. По окончаніи курса наукъ въ бывшемъ благородномъ пансіонѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ (впослѣдствіи I-я С.-Петербургская гимназія), въ сентябрѣ 1830 г. поступилъ въ Департаментъ Внѣшней Торговли, съ 27-го октября 1833 по 20-е февраля 1835 г. былъ чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ Гродненскаго таможеннаго округа, а 26-го мая 1837 года поступилъ столоначальникомъ въ Департаментъ Министерства Юстиціи. 11-го мая 1842 года былъ причисленъ къ Министерству внутреннихъ дѣлъ съ порученіемъ исправлять должность вице-директора Департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (утвержденъ 6-го декабря 1842 года). 25-го сентября 1850 года Р. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ слѣдующемъ, 1851 году, 8-го іюня былъ назначенъ Градоначальникомъ въ Кяхту. Въ этой должности Ребиндеръ оставался до 12-го апрѣля 1856 года, когда былъ назначенъ исправляющимъ должность попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа. За свое пребываніе въ Сибири онъ имѣлъ возможность познакомиться съ многими «декабристами» и

даже женился на дочери одного изъ нихъ, Александрѣ Сергѣевнѣ Трубецкой. Затѣмъ онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ братьями Бестужевыми, которыхъ постоянно посѣщалъ, бывая проѣздомъ въ Иркутскѣ. Что касается его служебной дѣятельности, то въ 1853 году, въ августѣ мѣсяцѣ, ему пришлось имѣть свиданіе съ ургинскимъ амбанемъ Бэйсе,—событіе важное тѣмъ, что подобное свиданіе произошло въ первый разъ послѣ 200 лѣтъ сношеній русскихъ съ китайцами. Въ бесѣдѣ съ амбанемъ онъ, между прочимъ, говорилъ объ уступкѣ русскимъ устья Амура, для обоюдной защиты отъ занятія его англичанами или Америкою. Наконецъ, когда, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, былъ образованъ Сибирскій Комитетъ для обезпеченія русской торговли съ Китаемъ, то генералъ-губернаторъ Муравьевъ (Амурскій) назначилъ Ребиндера своимъ представителемъ на немъ и уполномочилъ его доложить Комитету и Министерству Финансовъ обо всемъ, касающемся до Кяхты. Результатомъ было то, что, хотя и съ ограниченіями, Комитетъ разрѣшилъ вопросы о торговлѣ съ Китаемъ въ направленіи большей свободы ея на Кяхтѣ, т.-е. въ томъ духѣ, какъ это представилъ Ребиндеръ отъ лица Муравьева. Затѣмъ, по переводѣ въ Кіевъ, Ребиндеръ 5-го ноября 1856 года былъ утвержденъ въ должности попечителя Учебнаго Округа, въ которой и оставался до 18-го іюня 1858, когда былъ переведенъ на ту же должность въ Одесскій учебный округъ. 28-го февраля 1859 года Ребиндеръ былъ назначенъ директоромъ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія и членомъ Главнаго Правленія Училищъ, а 12-го апрѣля получилъ чинъ тайнаго совѣтника. Въ 1861 году Ребиндеру было повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ по 8-му Департаменту; онъ умеръ, состоя на службѣ, 14-го сентября 1865 года въ Москвѣ, скоропостижно. Имя Ребиндера часто встрѣчается въ дневникѣ А. В. Никитенко, который отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ благородномъ, умномъ, но раздражительномъ.

Формулярный списокъ; «Русская Старина», т. 32, стр. 393, 654, 655; т. 48, стр. 342—355; т. 67, стр. 148, 589—592; т. 69, стр. 49, 51, 54, 69, 78, 79, 97, 742; т. 71, стр. 92, 98, 106; «Русскій Архивъ» 1878 года, стр. 275, 276, 277, 279; 1899 годъ, II т., стр. 423, 445, 540.

М. С. Леонидовъ.

Ребиндеръ, *графъ Роберть-Генрихъ Ивановичъ,* статсъ-секретарь по дѣламъ великаго княжества Финляндскаго, членъ Государственнаго Совѣта, род. 15—4 іюля 1777 года въ помѣстьѣ Виксбергъ близъ Або, умеръ 8-го марта (24-го февраля ст. ст.) 1841 года въ Петербургѣ. Въ 1787 г. онъ былъ записанъ въ Шведскій лейбъ-драгунскій полкъ, а въ 1791 году, выйдя въ отставку корнетомъ, поступилъ въ Абоскій Университетъ и, по окончаніи курса въ 1795 г., поступилъ аускультантомъ въ Абоскій Гофгерихтъ и черезъ два года перешелъ канцелярскимъ чиновникомъ ревизіонной Коммиссіи въ Стокгольмѣ, гдѣ въ 1802 г. былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера Шведскаго двора. Въ 1805 году Ребиндеръ возвратился на родину и поступилъ въ Абоскій Гофгерихтъ, гдѣ въ 1807 году былъ назначенъ ассессоромъ. Въ этомъ званіи его застала Финляндская война, и въ слѣдующемъ, 1808 году, когда послѣдовало присоединеніе Финляндіи къ Россіи, Ребиндеръ находился въ числѣ депутатовъ, отправленныхъ въ Петербургъ къ Императору. Въ 1809 году онъ присутствовалъ на сеймѣ въ Борго и былъ членомъ коммиссіи, составленной для образованія Правительствующаго Совѣта. Въ томъ же 1809 г. онъ, какъ чиновникъ, основательно знавшій Финляндскіе законы и постановленія и пользовавшійся уваженіемъ своихъ согражданъ, былъ опредѣленъ помощникомъ къ М. М. Сперанскому, назначенному статсъ-секретаремъ по дѣламъ великаго княжества Финляндскаго. Въ 1809 г. Ребиндеръ пожалованъ камергеромъ Высочайшаго двора, въ 1811 году назначенъ статсъ-секретаремъ по Финляндскимъ дѣламъ и совѣтникомъ Абоскаго Гофгерихта. Въ 1812 году онъ находился въ свитѣ Имп. Александра I въ его поѣздкѣ въ Або, гдѣ было свиданіе съ наслѣднымъ Шведскимъ принцемъ Карломъ-Іоанномъ. Въ 1819 году Р. снова сопровождалъ Императора въ его путешествіи изъ Архангельской губерніи по Финляндіи, черезъ Куопіо, Каяна и берегомъ Ботническаго залива до Або и далѣе черезъ Таммерфорсъ, Тавастгусъ и Гельсингфорсъ. Въ 1820 году Р. былъ про-

изведенъ въ тайные совѣтники, а въ 1826 году, при коронованіи Имп. Николая I, пожалованъ въ графское великаго княжества Финляндіи достоинство и назначенъ исправлять должность канцлера Абоскаго Университета.

Въ 1828 году на университетскомъ юбилеѣ Р. былъ провозглашенъ докторомъ философіи; онъ состоялъ также почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ. Въ 1834 году Ребиндеръ переименованъ въ министры статсъ-секретари и пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ началѣ 1841 года онъ былъ уволенъ отъ должности министра-статсъ-секретаря съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Графъ Ребиндеръ умеръ въ Петербургѣ 8-го марта (24-го февраля) 1841 года; тѣло его было перевезено на родину и погребено въ Пемарскомъ приходѣ, въ семейномъ склепѣ, недалеко отъ пастората св. Якова. Александровскій Гельсингфорскій Университетъ почтилъ его память 14—2 октября траурнымъ торжествомъ и выбилъ къ этому дню медаль съ изображеніемъ графа Ребиндера.

«Сѣверная Пчела» 1841 г., № 74; Иверсенъ, «Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ». Вып. IV, Спб. 1882 г.; «Московск. Вѣдом.» 1830 г., № 72; «Мѣсяцесловъ» на 1842 г.; «Русск. Стар.» 1893 г., № 5; Справочн. Словарь Старчевскаго.

Ребровъ, *Алексѣй Ѳедоровичъ*, извѣстный шелководъ и винодѣлъ, Кавказскій областной предводитель дворянства, писатель; родился въ Москвѣ 21-го февраля 1776 года, умеръ въ Пятигорскѣ 23-го октября 1862 г. Обучался у дьячка; въ серединѣ 1780-хъ годовъ отецъ его, служившій въ Сенатѣ и не имѣвшій возможности содержать семейство, перешелъ на службу въ Астрахань, гдѣ въ 1786 году десятилѣтній Ребровъ былъ опредѣленъ на службу въ Земскій Судъ. Его трудолюбіе и необыкновенныя способности были замѣчены начальствомъ, и въ 1795 году онъ былъ произведенъ въ первый чинъ и переведенъ на Кавказъ—секретаремъ канцеляріи Кавказскаго генералъ-губернатора графа Гудовича. Въ должности секретаря онъ оставался при главныхъ начальникахъ Кавказскаго края: графѣ Морковѣ, Киселевѣ, кн. Ураковѣ и Кноррингѣ. Такъ какъ Кнорригъ худо владѣлъ русскимъ языкомъ, то А. Ѳ. Реброву пришлось всюду сопутствовать своему начальнику; Р. понравился брату грузинскаго царя, который и подарилъ ему со своей руки перстень съ камнемъ, весьма рѣдкимъ на Востокѣ. За особые труды по присоединенію Грузіи къ Россійской Имперіи Ребровъ былъ произведенъ, въ 1801 г., въ чинъ коллежскаго ассессора и ему пожаловано было 200 душъ крестьянъ, а въ 1803 году онъ находился при усмиреніи мятежныхъ Кабардинцевъ; выйдя затѣмъ въ отставку, Р. въ 1812 году избранъ былъ Кавказскимъ областнымъ предводителемъ дворянства; независимо отъ этихъ обязанностей, ему, какъ знатоку края, приходилось исполнять порученія главныхъ начальниковъ Кавказскаго края; такъ, въ 1819 и 1820 годахъ на него было возложено описаніе всѣхъ земель Кавказской области съ опредѣленіемъ границъ казенныхъ, казачьихъ и частныхъ земель и начертаніе предварительныхъ правилъ для размежеванія ихъ (за этотъ трудъ ему былъ пожалованъ орденъ Владиміра 3-й степени); въ 1821 году ему было поручено составить правила объ отношеніяхъ Кабардинскихъ владѣльцевъ къ своимъ подвластнымъ; въ 1822 году онъ вновь поступилъ на службу, чиновникомъ особыхъ порученій къ главному начальнику Кавказа А. П. Ермолову. По этой должности онъ составилъ Положеніе объ управленіи Кавказскою Областью, правила о надѣленіи казачьяго линейнаго войска землями, правила устройства Кавказскихъ минеральныхъ водъ хозяйственнымъ образомъ, Положеніе объ управленіи магометанскими инородцами и калмыками, кочующими въ Ставропольской губерніи; ему было поручено также обозрѣть и назначить мѣста для новыхъ станицъ отъ Пятигорска до Прочнаго Окопа, для поселенія линейныхъ казаковъ, и водворить ихъ на избранныхъ мѣстахъ. Въ 1827 году Ребровъ вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника и посвятилъ себя всецѣло сельскому хозяйству. Онъ былъ женатъ на дочери генерала-отъ-кавалеріи И. Д. Савельева и получилъ въ приданое за женою богатое село «Володиміровка», находящееся на Кавказѣ; здѣсь Ребровъ занимался шелководствомъ и винодѣліемъ. Солончаки, топкія и недоступныя къ воздѣлыванію земли, онъ превратилъ, посредствомъ канавъ, въ

шелковичныя плантаціи и виноградные сады. Все это ему стоило не малыхъ трудовъ и огромныхъ издержекъ. Шелковичныхъ червей онъ выписывалъ изъ Китая, Аравіи, Франціи и другихъ странъ. Имъ изобрѣтенъ снарядъ для размотки и сращенія шелка; за шелководство имъ получено 5 золотыхъ большихъ медалей; его шелкъ славился, какъ одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ, о чемъ Ребровъ былъ увѣдомленъ французскимъ Королевскимъ обществомъ шелководства, а въ 1851 году получилъ дипломъ съ признаніемъ экспертами Лондонской выставки шелка Реброва превосходнымъ по качеству и бѣлизнѣ.

Въ 1831 году въ «Земледѣльческомъ Журналѣ» Ребровъ помѣстилъ статьи «О шелководствѣ въ Россіи» и «О новоизобрѣтенномъ на Кавказѣ шелкомотальномъ снарядѣ» и затѣмъ почти ежегодно въ этомъ журналѣ печаталъ свои годовые отчеты и статьи по шелководству.

Въ своемъ имѣніи онъ устроилъ безплатную школу для крестьянскихъ мальчиковъ, въ которой по зимамъ учили грамотѣ и начаткамъ закона Божія и ариѳметики, а лѣтомъ — шелководству. Кромѣ того, онъ Московскому Императорскому Обществу сельскаго хозяйства въ 1833 году внесъ единовременно сумму денегъ и затѣмъ ежегодно вносилъ деньги для устройства шелководства въ Москвѣ. Съ этою же цѣлію онъ ежегодно присылалъ съ Кавказа въ Общество тутовые кусты и сѣмена для безплатной раздачи желающимъ заняться шелководствомъ. Онъ разводилъ до 40 различныхъ видовъ винограда и между прочимъ Ширазскій (овальный, не имѣющій зернышекъ). Для выдѣлки столоваго вина имъ былъ приглашенъ изъ Бургундіи винодѣлъ Анго, а для выдѣлки пѣнистаго вина, по образцу шампанскаго, онъ выписалъ француза Тилье, одного изъ главныхъ винодѣловъ заведенія вдовы Клико. Вина Реброва славились не только въ Россіи, но и за границей. Ребровъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ многихъ обществъ: такъ, съ 1831 г. — Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, съ 1834 Импер. Московскаго Общества испытателей природы, съ 1850 г. Кавказскаго Общества сельскаго хозяйства, съ 1853 г. Императорскаго Вольно-Экономическаго общества, Импер. Русскаго Географическаго Общества и другихъ.

«Журн. Импер. Моск. Общества Сельскаго Хозяйства» 1865 г., № 11 (441—457 стр.); «Журн. для Сельск. Хозяевъ» 1863 г., № 1; «Ставропол. Губернскія Вѣдомости» 1863 г., № 1; С. Масловъ, «Историч. Обозрѣніе дѣйствій и трудовъ Импер. Москов. Общества Сельскаго Хозяйства со времени его основанія до 1846 г.». (М. 1850 г.); Перепелкинъ, «Историч. записки объ учрежденіи Импер. Москов. Общества Сельскаго Хозяйства», М. 1895 г.; Ситовскій, «Обзоръ 20-ти-лѣтія дѣятельности Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства», Тифлисъ. 1875 г.

Редега (Рededя), князь Касожскій, жилъ въ концѣ X — началѣ XI вв. Касоги — народъ черкесскаго (адигскаго) племени (предки теперешнихъ кабардинцевъ), жившій по нижней Кубани и упоминаемый въ русскихъ лѣтописяхъ въ X—XIII вв. Наиболѣе громкимъ событіемъ, связаннымъ съ именемъ касоговъ, является занесенное въ начальную лѣтопись подъ 1022 (6530) г. сказаніе о единоборствѣ тмутороканскаго князя Мстислава Владиміровича († 1034—1036 гг.) съ касожскимъ княземъ-богатыремъ Рededею, окончившемся смертью послѣдняго. Сказаніе передаетъ, что Рededя предложилъ рѣшить сраженіе поединкомъ: «что ради губивѣ дружину межи собою, но съидевѣ ся сама боротъ; да аще одолѣеши ты, то возмешь имѣнье мое и жену мою и дѣти моѣ и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то возму твое все». Мстиславъ принялъ предложеніе, но во время борьбы началъ изнемогать, «бѣ бо Рededя великъ и силенъ», и, видя бѣду, обратился къ помощи Богородицы: «аще бо удолѣю сему, созижжю церковь во имя твое». Сказавши это, онъ ударилъ Рededю о землю и зарѣзалъ его. Результатомъ этого единоборства было покореніе касоговъ: Мстиславъ наложилъ на нихъ дань и въ слѣдующемъ, 1023 г. пошелъ вмѣстѣ съ ними на брата своего Ярослава. Единоборство Мстислава Тмутороканскаго съ Рededею пользовалось извѣстностью въ старой Руси и послужило матеріаломъ для одной изъ княжеско-дружинныхъ пѣсенъ: авторъ «Слова о полку Игоревѣ», говоря о пѣвцѣ Боянѣ, вспоминаетъ, какъ онъ «пѣснь пояше.... храброму Мстиславу, иже зарѣза Рededю предъ полки касожскими».

«Полное собраніе русскихъ лѣтописей» (Начальная лѣтопись подъ 6430 г.); Брокгаузъ-Ефронъ, Словарь; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи (Указ.); Н. М. Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго (Указ.); А. В. Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья (Указ.). *III.*

Редеръ, *Александръ Христофоровичъ,* ординарный профессоръ Института Инженеровъ путей сообщенія, родился въ 1809 г., умеръ въ С.-Петербургѣ 26-го ноября 1872 года; погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Въ 1826 году, по окончаніи курса въ Военно-Строительномъ училищѣ путей сообщенія, Р. былъ прикомандированъ къ Институту Корпуса инженеровъ путей сообщенія, откуда въ 1830 году и былъ выпущенъ съ чиномъ поручика и опредѣленъ въ Депо Картъ, состоявшее при бывшей Коммиссіи проектовъ и смѣтъ, а въ 1843 г. былъ назначенъ здѣсь помощникомъ начальника чертежной, гдѣ и служилъ до 1851 года. Въ 1837 году Р. былъ назначенъ преподавателемъ начертательной геометріи въ Училищѣ гражданскихъ инженеровъ, а при преобразованіи Института въ 1864 г., согласно избранію Конференціи, былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ начертательной геометріи съ приложеніями. Свой предметъ Р. постоянно стремился приспособить какъ можно ближе къ требованіямъ инженернаго искусства: исключивъ изъ программы теоретическіе вопросы, онъ упражнялъ воспитанниковъ въ черченіи предметовъ, встрѣчающихся въ практическихъ наукахъ, преподаваемыхъ въ Институтѣ; онъ первый ввелъ въ употребленіе способъ изометрическихъ проекцій, соединяющій въ себѣ выгоды перспективы, относительно ясности изображенія и выгоды ортогональной проекціи, относительно опредѣленія истинныхъ размѣровъ изображаемаго предмета. Студенты любили Редера за его доступность, простоту и постоянную готовность помочь при исполненіи ими сложныхъ рисунковъ и чертежей.

Съ 21-го ноября1861 года по 1864 г. и вторично въ 1867—1872 годахъ Р. состоялъ инспекторомъ въ Институтѣ Инженеровъ путей сообщенія. Онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и, принимая горячее участіе въ его дѣлахъ, былъ избираемъ предсѣдателемъ II отдѣленія, непремѣннымъ секретаремъ и членомъ Совѣта.

Кромѣ нѣсколькихъ статей въ «Журналѣ Министерства Путей Сообщенія», ему принадлежатъ отдѣльно изданныя: 1) «Одонтографъ—приборъ, служащій для правильнаго начертанія формъ зубцовъ привода», С.-Пб. 1852, 2) «Приложеніе начертательной геометріи къ рисованію. Теорія тѣней, блестящія точки и правила тушеванія» (съ атласомъ), С.-Пб. 1858; 3) «Объ изометрической проекціи» (съ атласомъ), С.-Пб. 1861.

«Журн. Мин. Путей Сообщ.» 1872 г., № 5—6 (ноябрь, декабрь); «С.-Петерб. Вѣдом.» 1872 г., № 331; С. Житковъ, «Біографіи инженеровъ путей сообщенія». Вып. 1, С.-Пб. 1889 г.; С. Житковъ, Институтъ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I. Истор. очеркъ, С.-Пб. 1899 г., стр. 151, 205; «Русск. Арх.» 1874 г., № 12; «Отчетъ о дѣйствіяхъ Вольн. Эконом. Общества» за 1872 г.; А. Ходневъ, «Исторія Импер. Вольнаго Экономическ. Общества», С.-Пб. 1865 г., стр. 239, 648, 653.

Редеръ, *Христоферъ Ѳедоровичъ* (Johann-Christ. Reder), живописецъ; род. въ Лифляндіи въ 1769 г., ум. въ Петербургѣ въ 1828 г.; происходилъ изъ лифляндскихъ мѣщанъ, получилъ художественное образованіе въ Дрезденѣ, гдѣ, съ 1785 по 1792 г., занимался подъ руководствомъ Фр. Казановы. Въ 1791 г. на Дрезденской выставкѣ находилась его картина, «изображающая большое семейство». Вернувшись въ Россію, Р. всю остальную жизнь посвятилъ художественному воспитанію юношества, поступивъ сперва, въ 1801 г., учителемъ рисованія въ Горный Корпусъ, а затѣмъ, кромѣ того, въ 1815 г.—въ Петербургскую гимназію, а въ 1818 г.—въ Институтъ Женскаго Патріотическаго Общества. Сверхъ того, у него не мало было и частныхъ уроковъ; послѣ него остались рисунки и литографіи; изъ послѣднихъ извѣстны: портретъ доктора Іоанна-Генриха Буссе (1821 г.) и поясной портретъ, въ овалѣ, въ листъ: «Angelica Catalani»; Р. былъ также большимъ любителемъ музыки.

«Горный Журналъ» 1828 г., № 9, стр. 145—152; Д. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, С.-Пб. 1889 г.; Е. Н. Тевяшовъ, Описаніе нѣсколькихъ гравюръ и литографій, С.-Пб. 1903 г., стр. 164.

А. Новицкій.

Редлихъ, *Адольфъ Ѳедоровичъ,* докторъ медицины, членъ-учредитель Хирургическаго Общества въ Москвѣ; умеръ въ Баденъ-Баденѣ 1-го мая 1874 года.

Медицинское образованіе Р. получилъ въ Московскомъ Университетѣ, въ кото-

ромъ, по окончаніи курса наукъ въ 1846 году, былъ удостоенъ степени лѣкаря съ отличіемъ. Въ этомъ же году онъ былъ назначенъ ассистентомъ при терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники, гдѣ оставался въ продолженіе двухъ лѣтъ, послѣ чего отправился съ научной цѣлью за границу. По возвращеніи оттуда онъ выдержалъ экзамены и защитилъ диссертацію на степень доктора медицины и въ 1852 году поступилъ на должность оператора при больницѣ и странноприимномъ домѣ графа Шереметева въ Москвѣ, которую и занималъ до 1867 года.

Съ 1856 г. по день смерти Р. состоялъ консультантомъ и операторомъ въ больницѣ для чернорабочихъ въ Москвѣ. Кромѣ того, въ 1848, 1853 и 1854 годахъ онъ завѣдывалъ временными холерными больницами, при чемъ проявилъ большія способности къ работѣ и самоотверженіе, и былъ удостоенъ Высочайшихъ наградъ. Съ 1856 года онъ завѣдывалъ принадлежавшимъ ему водолѣчебнымъ и гимнастическимъ заведеніемъ. Въ качествѣ члена-учредителя Хирургическаго Общества въ Москвѣ, Редлихъ много работалъ надъ его уставомъ. Онъ напечаталъ слѣдующіе труды: «De collodio ejusque in medicina et chirurgia usu; дисс. на степ. д-ра мед. 1885 г.; «Леченіе коллодіемъ воспаленія яичка и его придатка»—«Московскій Врачебный Журналъ» 1854 г.; «Леченіе врѣзавшагося ногтя»—тамъ же; «Операція заячьей губы»—тамъ же; «О дѣйствіи холодной воды въ хроническихъ болѣзняхъ»—тамъ же 1855 г.; отдѣльное изданіе—Москва. 1858; «Коллодій при mastitis и нарывахъ вообще»—тамъ же; «Леченіе orchitidis согрѣвающими компрессами»—тамъ же; «Дѣйствіе соломенныхъ подошвъ»—тамъ же; «Объ окрашиваніи языка въ черный цвѣтъ»—тамъ же; «Критическій обзоръ исторіи употребленія воды, какъ лечебнаго средства»—тамъ же, 1850 г.; отд. изданіе Москва 1856 г.

Лѣтопись Хирургическаго Общества въ Москвѣ, т. I, вып. II, Москва. 1876 г., стр. 697; Л. Ѳ. Змѣевъ, Словарь врачей, получившихъ степень доктора медицины въ Имп. Моск. Университетѣ, С.-Пб. 1885 г., стр. 49.

Н. Кульбинъ.

Редлихъ, *Генрихъ Самуиловичъ,* академикъ гравированія; род. въ Ласкѣ, близъ Варшавы, въ 1840 г., ум. въ Берлинѣ въ ноябрѣ 1884 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Бреславлѣ, затѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, работалъ въ заведеніи одного литографа, послѣ чего пять лѣтъ изучалъ портретную и бытовую живопись и отчасти гравированіе—въ Варшавской художественной школѣ. Получивъ здѣсь, въ 1861 г., награду за гравюру, онъ поѣхалъ въ Дрезденъ и Мюнхенъ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ Ю. Тетера. Съ 1866 г. по 1873 г. онъ прожилъ въ Вѣнѣ, а затѣмъ поселился въ Варшавѣ, откуда переѣхалъ въ Берлинъ лишь незадолго передъ смертью. За работы, находившіяся на Парижской всемірной выставкѣ 1878 г., Р. получилъ большую золотую медаль и орденъ почетнаго легіона, а въ 1876 г. удостоенъ нашею Академіею Художествъ званія академика гравированія. По живописи онъ писалъ портреты и альпійскіе виды.

Изъ гравюръ его извѣстны: Мадонна Темпи, съ Рафаэля; «Вступленіе польскаго войска въ Гартгузенъ въ 1659 г.», съ I. Брандта; «Проповѣдь Петра Скарги предъ королемъ Сигизмундомъ III-мъ», съ Матейко; «Коперникъ, излагающій свою систему міра въ присутствіи ученыхъ», съ В. Герсона (1876 г.); Люблинская унія, съ Матейко (1876 г.); портретъ И. С. Тургенева; портретъ Краевскаго.; портретъ Замойскаго (1878 г.).

Отчеты Императорской Академіи Художествъ за 1875—6 и 1876—7 гг.; Exposition Universelle. Catalogue de la section russe. Paris. 1878; Указатель выставки въ залахъ музея Импер. Академіи Художествъ 1881 г., С.-Пб. 1881 г.; Н. Ситовскій и П. Дворкевичъ, Объяснительный путеводитель по художественному отдѣлу Всероссійской выставки 1882 г., въ Москвѣ. М. 1888 г., стр. 96, 97, 99, и 101; «Художественныя Новости» 1884 г., стр. 607; Д. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ граверовъ, С.-Пб. 1895 г.; Е. Н. Тевяшовъ, Описаніе нѣсколькихъ гравюръ и литографій, С.-Пб. 1903 г.

А. Новицкій.

Редовскій, *Иванъ Ивановичъ,* ботаникъ, адъюнктъ Академіи Наукъ, род. 1-го янв. н. ст. 1774 г. въ семьѣ купца, въ Мемелѣ, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе, а затѣмъ учился въ Кенигсбергскомъ Университетѣ и въ Лейпцигѣ медицинѣ, главнымъ же образомъ—ботаникѣ; получивъ степень доктора медицины и философіи, Р. пріѣхалъ въ Ригу, гдѣ занимался преподаваніемъ въ частныхъ домахъ, а въ началѣ 1799 г. поселился въ Москвѣ; здѣсь,

черезъ профессора Θ. Х. Стефана, онъ познакомился съ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ Разумовскимъ, который вскорѣ и поручилъ ему завѣдываніе своимъ знаменитымъ ботаническимъ садомъ въ Горенкахъ, подъ Москвою. Служба здѣсь весьма благопріятствовала научнымъ занятіямъ Редовскаго, такъ какъ графъ Разумовскій превосходно обставилъ его въ смыслѣ пособій; онъ вступилъ въ переписку съ извѣстнѣйшими ботаниками Европы, получая черезъ нихъ новыя книги и сѣмена растеній и пріобрѣтая извѣстность за границей, какъ талантливый ученый; въ это время онъ былъ избранъ членомъ разныхъ иностранныхъ обществъ естествоиспытателей. Почти ежегодно Р. печаталъ каталоги растеній, находящихся въ Горенкахъ, съ прибавленіями новыхъ пріобрѣтеній; послѣдній такой каталогъ былъ изданъ имъ въ 1805 году, подъ заглавіемъ: «Enumeratio plantarum in horto excellentissimi Comitis Alexii a Razumowsky, Augustissimi Omnium Russiarum Imperatoris a Consilio secretioribus, Cubicularii, rel. in pago Mosquensi Gorinka vigent.», 1805, въ коемъ заключалось болѣе 4.500 растеній, въ томъ числѣ много рѣдкихъ, едва извѣстныхъ въ другихъ мѣстностяхъ Европы.

Еще въ 1803 г. Редовскому предложено было принять участіе, въ качествѣ ботаника, въ кругосвѣтномъ путешествіи Крузенштерна и Лисянскаго, но онъ отказался отъ этого предложенія; въ началѣ 1805 г. ему была снова предложена поѣздка — въ Китай, въ составѣ посольства графа Юрія Александровича Головкина; согласившись отправиться въ это путешествіе, Р. пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ Имп. Академія Наукъ избрала его, 27-го марта 1805 г., адъюнктомъ ботаники; Академіи онъ былъ извѣстенъ уже ранѣе этого, и въ ея «Mémoires» и «Nova Acta» напечатано нѣсколько статей его, изъ коихъ замѣчательнѣе другихъ: «Additio quaedam ad Catalogum plantarum septentrionalium» (1804); кромѣ того, избранный въ члены С.-Петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества и Общества испытателей природы при Имп. Московскомъ Университетѣ, онъ въ «Mémoires» послѣдняго помѣстилъ (1806, т. I) извлеченіе изъ письма своего къ графу А. К. Разумовскому, писаннаго послѣ путешествія вокругъ озера Байкала (изъ Кяхты, отъ 10-го ноября 1805 г.). Къ Экспедиціи Р. присоединился уже въ Москвѣ, 1-го іюня 1805 г.; въ 1806 г. онъ посѣтилъ Алданскій хребетъ, Удской острогъ, Камчатку и Курильскіе острова и мѣстности за Леной. Уже отправившись для обозрѣнія Сахалина и Шантарскихъ острововъ, Р. въ октябрѣ или ноябрѣ 1806 г. прибылъ въ г. Гижигинскъ, но за сутки до своего отъѣзда въ Нижне-Камчатскъ вдругъ заболѣлъ и 8-го февраля 1807 г. скончался, на 33 г. жизни. Въ лицѣ Редовскаго Академія и наука лишились талантливаго и весьма ученаго ботаника; онъ зналъ, кромѣ русскаго и нѣмецкаго, языки латинскій, англійскій, французскій, итальянскій и испанскій. Часть собранныхъ имъ растеній попала въ Камчатку, гдѣ пріобрѣлъ ихъ ботаникъ Шамиссо, съ гербаріемъ котораго они были куплены въ Ботаническій Музей Академіи Наукъ. Въ честь Редовскаго установленъ былъ родъ растеній: Redowskia Ch. et Schl. (изъ Cruciferae) и названы Andromeda Redowskiana Ch. et Schl., Artemisia Redowskyi Led., Campanula Redowskiana Cham. и многія другія растенія.

Г. Спасскій. Воспоминаніе о ботаникѣ И. И. Редовскомъ—«Отеч. Зап.» 1852 г., окт., отд. VIII, стр. 144—152; И. Бородинъ. Коллекторы и коллекціи по флорѣ Сибири, С.-Пб. 1908 г., стр. 101, 139, 184, 185; Б. Л. Модзалевскій. Списокъ членовъ Императ. Академіи Наукъ, С.-Пб. 1908 г., стр. 33—34; «Вѣстн. Евр.» 1810 г., ч. 52, стр. 59; Свѣдѣнія о рукописяхъ печатныхъ изданіяхъ и др. предметахъ, поступившихъ въ Рукоп. Отдѣл. Библіотеки Импер. Академіи Наукъ въ 1904 г., С.-Пб. 1907 г., стр. 76.

Б. Гарскій.

Резанецъ, *Степанъ,* иконописецъ XVII-го вѣка; работалъ въ качествѣ иконописца Оружейной Палаты съ 1643 по 1673 г., при чемъ долгое время былъ во главѣ жалованныхъ иконописцевъ. Въ 1664 г. онъ составлялъ «смѣту Архангельскому письму», а въ 1666 г. завѣдывалъ починкою стѣнописи Московскаго Успенскаго собора. Имъ же написаны иконы Харитонія Исповѣдника, муч. Кондрата и Спасовъ образъ въ хоромы къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. Въ 1673 г. у него отнялись нога и языкъ, и онъ подалъ тогда прошеніе, чтобы на его мѣсто назначенъ былъ сынъ его Тимофей. По росписи 1675 г. у него значился дворъ въ Нижнихъ Садовникахъ. Его учениками были Ѳедоръ Юдинъ и Григорій Можевитиновъ Степа-

новъ. Его сынъ *Тимоѳей* Резанецъ, — въ 1674 г. былъ принятъ на освободившееся, за болѣзнью его отца, мѣсто въ жалованные иконописцы, хотя и въ послѣдній разрядъ. При испытаніи его Симонъ Ушаковъ съ товарищами дали о немъ отзывъ, что онъ «иконному художеству наученъ и впредь будетъ къ тому дѣлу проченъ; а старыхъ иконъ къ починкѣ и травному письму гораздо наученъ». Изъ работъ его извѣстно, что въ 1676 г. онъ «расцвѣчивалъ икону о сотвореніи свѣта», въ хоромы царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ.

Г. Филимоновъ, Симонъ Ушаковъ и современная ему эпоха русской иконописи—«Сборникъ на 1873 г.». М. 1873 г.; И. Е. Забѣлинъ, Перечень иконописныхъ и живописныхъ работъ московскихъ дворцовыхъ и городовыхъ мастеровъ XVII вѣка — «Русскій Художественный Архивъ» 1894 г.; А. И. Успенскій. Исторія стѣнописи Успенскаго собора въ Москвѣ — «Древности», Т. XIX, М. 1902 г.; Д. А. Ровинскій. Обозрѣніе иконописанія въ Россіи до XVII-го вѣка. С.-Пб. 1903 г.

А. Новицкій.

Резановъ, *Александръ Ивановичъ,* архитекторъ; род. въ Петербургѣ 10-го августа 1817 г., ум. тамъ же 18-го ноября 1887 г. Сынъ аудитора, онъ былъ крестникомъ императора Александра I; начальное образованіе получилъ въ школѣ на Аптекарскомъ островѣ и въ то же время бралъ уроки рисованія у нѣкоего старика-учителя Соколова; когда мальчику минуло девять лѣтъ, его отдали въ Академію Художествъ (15-го октября 1826 г.).

Занятія въ Академіи, какъ научныя, такъ и художественныя, шли у Р. очень успѣшно, и онъ и по тѣмъ, и по другимъ неоднократно получалъ отъ Совѣта Академіи похвалы и награды. Въ 1837 г. Р. получилъ заразъ обѣ серебряныхъ медали: одну—за проэктъ «павильона», а другую—за проэктъ «ресторана» и, кромѣ того, похвалу «за хорошіе успѣхи въ художествахъ» за «виды Москвы съ натуры», а въ 1839 г.—за проэктъ «театральнаго училища», ему дали прямо большую золотую медаль, минуя малую золотую, и онъ окончилъ курсъ со званіемъ класснаго художника и съ правомъ поѣздки за границу на шесть лѣтъ въ качествѣ пенсіонера Академіи. Въ академическомъ курсѣ Р. былъ временный перерывъ, когда, 1-го января 1838 г., онъ поступилъ на службу въ качествѣ «рисовальщика» при Коммиссіи по постройкѣ Храма Христа Спасителя въ Москвѣ, гдѣ пробылъ до 1839 г. По окончаніи курса, 28-го мая 1840 г., онъ снова поступилъ на службу, подъ руководство къ тому же К. А. Тону,—«архитекторскимъ помощникомъ» въ вѣдомство Московской Дворцовой Конторы по сооруженію Новаго Кремлевскаго дворца. Тамъ онъ прослужилъ до 2-го іюля 1842 г., а 28-го октября того же года поѣхалъ, въ качествѣ пенсіонера Академіи, въ Италію. Пріѣхавъ туда, онъ вмѣстѣ съ товарищами своими по пенсіонерству Н. Л. Бенуа и А. И. Кракау занялся изученіемъ знаменитаго собора въ Орвіето, копируя его подробно, со всѣми деталями и возстановляя его въ первоначальномъ видѣ. Трудъ этотъ доставилъ художникамъ почетную извѣстность среди знатоковъ, а Академія взялась, по ихъ просьбѣ, исходатайствовать у правительства пособіе на изданіе этихъ рисунковъ въ гравюрѣ, съ объясненіемъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Дѣйствительно, это изданіе впослѣдствіи вышло, но уже въ 1877 г., въ Парижѣ, подъ заглавіемъ «Monographie de la cathédrale d'Orvieto».

Кромѣ того, Совѣтъ Академіи, разсмотрѣлъ эти рисунки, въ 1848 г., и, какъ сказано въ протоколѣ засѣданія, «по разсужденію, что изъ означенныхъ художниковъ Бенуа, по возвращеніи въ прошломъ году въ отечество, за успѣхи въ архитектурѣ возведенъ въ академики, что таланты Р. и Кракау принадлежатъ къ разряду превосходныхъ, трудолюбіе и ученіе ихъ примѣрны, и что они желаютъ изслѣдовать памятники мавританской архитектуры въ Гренадѣ и Кордовѣ, срокъ же шестилѣтняго пребыванія ихъ за границею оканчивается, единогласно положилъ ходатайствовать у Государя Императора объ отсрочкѣ пребыванія за границею Р. и Кракау еще на годъ, со дня окончанія назначеннаго имъ срока, т.-е. по 2-е февраля 1850 г., съ производствомъ содержанія имъ изъ Государственнаго Казначейства по 300 червонныхъ каждому». Однако, пробыть весь этотъ срокъ за границею имъ не пришлось, такъ какъ, изъ-за политическихъ событій, въ слѣдующемъ же году государь распорядился, чтобы «и находящіеся въ Гренадѣ пенсіонеры Р. и Кракау были также высланы въ Россію, съ выдачею по сто червонцевъ изъ Государственнаго Казначейства».

По возвращеніи Р. въ Россію, въ 1850 г., министръ двора, князь П. М. Волконскій опредѣлилъ его «старшимъ архитекторомъ» Департамента Удѣловъ. Эту должность Р. сохранялъ до конца своей жизни, посвящая большую часть своего времени на утомительную и неблагодарную работу по провѣркѣ безчисленныхъ смѣтъ и по ремонту всевозможныхъ зданій въ удѣльныхъ имѣніяхъ, разбросанныхъ по всей Россіи, что почти не давало ему возможности заниматься частной практикой. Въ томъ же году Академія, «въ уваженіе искусства и познаній въ архитектурномъ художествѣ, доказанныхъ исполненными имъ трудами во время путешествія за границею», возвела его въ званіе академика, а въ 1852 г., за проэктъ «Греко-россійской церкви на кладбищѣ» — въ званіе профессора архитектуры.

Въ 1854 г. началась и преподавательская дѣятельность Р-ва. Сперва ему поручено было преподаваніе «строительнаго искусства и архитектурнаго черченія» въ Землемѣрномъ Училищѣ Департамента Удѣловъ, а съ 1-го мая 1855 г., по случаю отъѣзда за границу профессора Жилязевича, — и чтеніе лекцій строительнаго искусства въ Академіи, въ званіи адъюнктъ-профессора.

Мѣсто профессора-преподавателя архитектуры Р. занялъ въ 1865 г., а въ 1871 г. занялъ онъ и постъ ректора архитектуры. Преподаваніе у него не ограничивалось стѣнами обоихъ упомянутыхъ заведеній, но простиралось и на цѣлый рядъ учениковъ и пенсіонеровъ, работавшихъ въ его мастерской на «Литейномъ дворѣ» Академіи. Онъ образовалъ цѣлую школу молодыхъ архитекторовъ, изъ которыхъ не мало вышло прекрасныхъ строителей.

Кромѣ упомянутой службы по Департаменту Удѣловъ и преподавательской дѣятельности, Р. еще состоялъ членомъ Строительной Коммиссіи Министерства Государственныхъ Имуществъ (съ 1858 г.) и архитекторомъ Высочайшаго Двора (съ 1864 г.).

Строительная дѣятельность Р., не считая ремонтныхъ работъ, началась съ перестройки, въ стилѣ рококо, церкви въ Красномъ Селѣ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ онъ построилъ въ Москвѣ домъ-особнякъ К. Т. Солдатенкова, въ греческомъ стилѣ, а въ концѣ шестидесятыхъ годовъ перестраивалъ домъ въ имѣніи М. Н. Муравьева (село Сырецъ) и построилъ тамъ же деревянную церковь.

Въ 1863 г., по усмиреніи польскаго возстанія, М. Н. Муравьевъ вызвалъ Р. въ Вильно, для реставраціи и сооруженія православныхъ храмовъ. Онъ возобновилъ тамъ митрополитальный соборъ Богоматери; выстроилъ на развалинахъ древней православной церкви—храмъ св. Параскевы Пятницы; исправилъ и украсилъ соборъ св. Николая Чудотворца и построилъ часовню Архистратига Михаила и часовню во имя Александра Невскаго, въ память русскихъ воиновъ, павшихъ при усмиреніи возстанія. Всѣ эти постройки исполнены имъ или въ романскомъ, или въ русскомъ стилѣ, по мотивамъ, открытымъ подъ штукатуркой древней Никольской церкви въ Вильнѣ. Эти работы закончились только въ 1866 г.

Въ это же время Р. перестроилъ конференцъ-залъ Академіи Художествъ и построилъ, въ Красномъ Селѣ, на мѣсто сгорѣвшихъ, четырнадцать новыхъ деревянныхъ зданій, въ томъ числѣ: большую столовую палатку, домъ для иностранныхъ принцевъ и посланниковъ, конюшенные дворы Его Величества и Наслѣдника Цесаревича, три кавалерскихъ дома, водопроводное зданіе, желѣзную кухню и прачешную. Затѣмъ онъ выстроилъ деревянный дворецъ въ с. Бородинѣ и ферму въ с. Ильинскомъ, подъ Москвою, въ русскомъ стилѣ, съ богатыми рѣзными украшеніями.

Въ 1867 г. онъ возобновилъ удѣльную церковь въ Царской Славянкѣ и началъ постройку дворца великаго князя Владиміра Александровича на Дворцовой Набережной въ Петербургѣ.

Въ 1868 году Р. построилъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры памятникъ графу М. Н. Муравьеву, началъ перестройку Императорскаго дворца въ Твери, въ стилѣ эпохи Людовика XVI-го, и построилъ ферму въ с. Усово, подъ Москвой, и домъ въ русскомъ стилѣ тамъ же, съ богато отдѣланной столовой.

Въ 1869 г. онъ перестроилъ «Чайный домикъ» въ Дудергофѣ и построилъ мастерскія въ Красномъ Селѣ, а въ слѣдующемъ году — школу въ Ропшѣ и церковь въ с. Богославѣ, за Кіевомъ. Около этого же времени построенъ имъ и домъ-особнякъ графа Ю. И. Стенбока въ Москвѣ. Въ

1871 г. имъ выстроено лѣтнее помѣщеніе для Императрицы, на Эрикликѣ, надъ Ливадіею. Участіе, которое онъ давно уже принималъ въ постройкѣ Храма Христа Спасителя, увеличилось, когда, 25-го декабря 1872 г., послѣдовало Высочайшее соизволеніе на назначеніе его Товарищемъ Главнаго Архитектора по этому сооруженію, а впослѣдствіи, въ 1880 г., по смерти Тона, онъ былъ назначенъ уже Главнымъ Архитекторомъ, такъ что на его долю выпало окончаніе этой постройки. Здѣсь онъ, главнымъ образомъ, руководилъ внутреннею отдѣлкою зданія, — орнаментной живописью на стѣнахъ и сводахъ, исполненіемъ мозаичныхъ половъ и мраморныхъ частей. Ему принадлежитъ исполненіе двухъ малыхъ иконостасовъ на хорахъ и проэктъ главнаго мраморнаго иконостаса.

Въ 1872 г. Р. составилъ два превосходныхъ проэкта зданія Городской Думы для Москвы, въ которыхъ такъ удачно примѣнилъ русскій стиль, что до сихъ поръ это остается лучшимъ разрѣшеніемъ подобной задачи. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ этихъ проэктовъ не былъ осуществленъ, по ихъ дороговизнѣ.

Въ 1874 г. Р. наблюдалъ за работами по Петергофской Гранильной фабрикѣ, перестраивавшейся его помощникомъ Гуномъ, и составилъ проэкты каменной церкви въ с. Кунцевѣ, надъ могилою г-жи Солдатенковой, склепа надъ тою же могилою и памятника надъ могилою графа П. Д. Киселева въ Донскомъ монастырѣ.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Р. отдѣлалъ построенную вчернѣ профессоромъ Шуруповымъ церковь на Калашниковской пристани въ Петербургѣ, а съ 1881 г. приступилъ къ постройкѣ дома М. Н. Журавлева, въ Рыбинскѣ.

Строительная дѣятельность Р. не ограничивалась чисто архитектурными постройками, но порою переходила уже въ инженерную.

Не разъ онъ участвовалъ на всемірныхъ и другихъ выставкахъ и получалъ различныя награды. На Парижской выставкѣ 1866 г. ему присуждена золотая медаль; на Московской выставкѣ 1872 г. — большая золотая медаль; на Лондонской выставкѣ того же года — благодарность и на Вѣнской выставкѣ 1873 г. — медаль за искусство; 5-го іюня 1876 г. онъ признанъ Почетнымъ членомъ и корреспондентомъ Королевскаго Института Британскихъ архитекторовъ.

Много времени и труда Резановъ посвящалъ разнымъ комитетамъ и коммиссіямъ. Такъ, онъ состоялъ членомъ въ Комитетѣ по сооруженію Храма Воскресенія Христова въ Петербургѣ, Комитета по возобновленію придворнаго Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, Коммиссіи по сооруженію въ Москвѣ памятника Императору Александру II, Коммиссіи по сооруженію памятника Императору Александру II въ С.-Петербургскомъ Биржевомъ домѣ, Коммиссіи по построенію церкви въ Гавани въ Петербургѣ и мн. др. Кромѣ того, начиная съ семидесятыхъ годовъ, онъ участвовалъ въ жюри почти всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся архитектурныхъ конкурсовъ. Высшимъ изъ полученныхъ имъ орденовъ былъ орденъ св. Александра Невскаго (1883 г.).

Не смотря на такую неутомимую дѣятельность и на преклонный уже возрастъ, онъ до конца жизни оставался крѣпкимъ, бодрымъ и энергичнымъ. Еще 4-го ноября 1887 г. онъ не только присутствовалъ на годичномъ академическомъ актѣ, но и произносилъ спичи за обѣдомъ, послѣдовавшимъ за этимъ актомъ, а за недѣлю до смерти отправился на засѣданіе Коммиссіи по сооруженію памятника Имп. Александру II въ Кремлѣ въ Москву, гдѣ отъ послѣдовшаго нервнаго удара умеръ 18-го ноября; погребенъ въ Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ.

Его сынъ *Дмитрій Александровичъ* (р. въ С.-Пб. 29-го августа 1851 г., ум. тамъ-же 24-го апрѣля 1884 г.), архитекторъ, воспитывался въ Имп. Академіи Художествъ (1871—1874), въ 1879 г. за проэктъ Инвалиднаго дома былъ награжденъ золотой медалью и командированъ за границу, куда уѣхалъ въ 1881 г. и откуда присылалъ въ «Недѣлю Строителя» 1882 г. «Дорожныя замѣтки пенсіонера Имп. Академіи Художествъ». Чахотка, развившаяся у него за границей, свела его въ могилу, не давъ ему выказать вполнѣ свои недюжинныя дарованія.

Дѣла Архива Московской Дворцовой Конторы. Опись № 5, св. № 191, дѣло № 993. Отчеты Импер. Академіи Художествъ за 1850—51 г. (С.-Петербургскія Вѣдомости 1851 г. № 246); за 1862—3 — 1885—6 гг. — Н. Рамазановъ, П. А. Ставассеръ.— «Русскій Вѣстн.» 1863 г.; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. С.-Петербургской Академіи

Художествъ. Т. II и III. С.-Пб. 1865—1866 гг.; М. П. Боткинъ, А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка. С.-Пб. 1880 г., стр. 184 и 267; Указатель промышленно-художественной выставки 1882 г. въ Москвѣ. Отдѣлъ художественный. Классъ III. Архитектура. С.-Пб. 1882 г., стр. 8, 10 и 11; «Всемірная Иллюстрація» 1883 г., № 750 и 1887 г., № 985; «Художественныя Новости» 1887 г., № 23, стр. 609—613 и 1884 г., стр. 259; Н. П. Собко. Жизнь и произведенія Ѳ. И. Іордана. — «Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ» 1884 г., стр. 275; «Зодчій» 1888 г., №№ 5 и 6; Архитектурная выставка I-го съѣзда русскихъ зодчихъ. С.-Пб. 1892 г.; Труды I-го съѣзда русскихъ зодчихъ въ Петербургѣ 1892 г. С.-Пб. 1894 г. стр. XXXI; М. П. Степановъ. Село Ильинское. Историческій очеркъ. М. 1900 г.

А. Новицкій.

Резановъ (Рѣзановъ, Рязановъ), *Аѳанасій Дмитріевичъ*, дворянинъ Московскій, посолъ, младшій изъ 6-ти сыновей Дмитрія Резанова, служившаго на Рѣшотчатомъ Приказѣ въ Новгородѣ; род. около 1542 года. Въ 1580 году (6-го марта) царь Іоаннъ IV Грозный отправилъ Резанова въ гонцахъ къ Рудольфу II, напомнить императору, чтобы онъ прислалъ въ Москву полномочныхъ пословъ для заключенія наступательнаго союза противъ Турокъ, на условіяхъ, предложенныхъ его отцомъ, Максиміліаномъ II. Ѣхать нужно было кружнымъ путемъ, черезъ Данію и нѣмецкія государства, въ томъ числѣ и черезъ Саксонію, на Вѣну. Получивъ для проѣзда черезъ Данію и Саксонію «опасныя» грамоты, Резановъ 12-го марта выѣхалъ изъ Москвы въ Данію. Въ это время Имп. Рудольфъ находился въ Прагѣ, а не въ Вѣнѣ, какъ предполагалось, а потому Резанову пришлось миновать Саксонію, и 24-го сентября онъ былъ въ Прагѣ. Императоръ въ то время былъ боленъ, но 28-го сентября назначилъ Резанову пріемъ, принялъ ласково, увѣрялъ въ дружбѣ своей къ Іоанну и извинялся, что не присылалъ до сихъ поръ своихъ пословъ, а 6-го октября того-же (1580) года отпустилъ его. Тѣмъ же путемъ съ отвѣтомъ, приписаннымъ на царской грамотѣ, Резановъ 26-го марта слѣдующаго (1581) года прибылъ въ Москву. Въ 1588 году (20-го января), уже при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, будучи тогда дворяниномъ Московскимъ, Р. вторично былъ посланъ къ Имп. Рудольфу. Царь Ѳеодоръ хотѣлъ договориться относительно польскаго престола, добиться избранія одного изъ нихъ въ польскіе короли. Въ 1592 г. (26-го апрѣля) Р. опять былъ отправленъ гонцомъ, на этотъ разъ въ Варшаву, къ польскому королю Сигизмунду III, съ жалобой на поляковъ за то, что они безъ объявленія войны завладѣли Велижскою областью, а затѣмъ одинъ изъ пановъ радныхъ (Вишневецкій) построилъ на русской землѣ, на Путивльской границѣ, городъ «Лубны». Кромѣ того, было поручено извѣстить короля о рожденіи у царя Ѳеодора дочери Ѳеодосіи. Какъ извѣстно, жалобы остались безъ результата; мало того, было даже объявлено гонцу, что Велижъ давно принадлежитъ Польшѣ.

«Доп. къ Акт. Историч.», т. I, стр. 111—112; «Пам. диплом. сношен.», т. I, стр. 765, 769, 770, 772—784, 817, 820—828, 831—834, 836, 1004, 1012, 1013, 1019, 1020, 1022, 1025—1040, 1042, 1045—1049, 1058, 1067, 1068, 1078, 1081—1083, 1096, 1155; т. V, стр. 1198; «Древняя Росс. Вивліоѳ.» т. XII, стр. 178; Н. Н. Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣшнихъ сношеній», т. I, стр. 11, 12, 299; т. II, стр. 255; т. III, стр. 109; Карамзинъ «Исторія Госуд. Росс.», изд. журн. «Сѣверъ», т. IX, примѣч. 541, т. X, примѣч. 170, 291; С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. Т-ва «Обществен. Польза», кн. II, т. VII, стр. 585, 586; Ю. И. Щербачевъ, «Датскій Архивъ. Матерьялы по исторіи древней Россіи, хранящіеся въ Копенгагенѣ, 1326—1690 г.», М. 1893 г.

Н. В—н—въ.

Резановъ (Рѣзановъ, Рязановъ) *Евсевій* (Евсей, Овсей) *Дмитріевичъ*, воевода; въ 1608 году царь Вас. Ив. Шуйскій отправилъ въ Новгородъ своего племянника князя Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго вести переговоры со Шведами о заключеніи договора противъ Поляковъ и о присылкѣ на помощь наемнаго Шведскаго войска. Между тѣмъ Тушинцы послали противъ него отрядъ Запорожцевъ подъ начальствомъ Кернозицкаго, который на пути къ Москвѣ занялъ города Торжокъ и Тверь. Скопинъ, видя, что Кернозицкій преградилъ путь, хотѣлъ отправить отрядъ, но это ему не удалось, и Кернозицкій подступилъ къ Новгороду. Скопинъ находился въ затруднительномъ положеніи. Въ это время неожиданно для него стали прибывать отдѣльные отряды, спѣшившіе на выручку къ Новгороду: такъ, изъ Тихвина съ отрядомъ пришелъ воевода Степ. Горихвостовъ, а нѣсколько позже—Евсевій Резановъ, набравшій отрядъ въ Заонежскихъ погостахъ, и Кернозицкій отступилъ. Сѣверъ Россіи, такъ

называемые поморскіе города, поддерживали Шуйскаго, и тамъ образовывались отряды, дѣйствовавшіе противъ Тушинцевъ. Лисовскій, находившійся въ то время на службѣ у Тушинскаго вора сталъ въ галичскомъ уѣздѣ, готовясь дать бой. Но Владимірскій уѣздъ отъ Тушинцевъ отпалъ, а съ нимъ и другіе города. Отряды Поморскихъ городовъ, стоявшіе въ Тотьмѣ и Вологдѣ, двинулись за ушедшими Тушинцами и Лисовскимъ, сначала на Кострому, а оттуда на Ярославль. Въ то время, какъ Лисовскій съ своимъ отрядомъ (Лисовчиками) двинулся къ Суздалю, Поморцы настигли Тушинцевъ у Ярославля и разбили ихъ на голову. Скопинъ, желая послать помощь Поморянамъ, отправилъ отряды подъ начальствомъ Григорія Бороздина, Никиты Вышеславцева и Евсевія Резанова. Но отряды не подоспѣли во время на Вологду. Въ томъ же году (1609), приблизительно въ апрѣлѣ, Резановъ сдѣлался осаднымъ воеводой въ Ярославлѣ при 2-хъ городовыхъ воеводахъ кн. Силѣ Ив. Гагаринѣ и Ник. Вас. Вышеславцевѣ. Въ 1613 году Евсевій Резановъ находился въ посольствѣ съ новгородскими послами въ Швецію, откуда они привезли въ Новгородъ грамоту Густава-Адольфа.

«Акты Архивн. Экспед.», т. II, стр. 216, 235; «Акты Истор.», т. II, стр. 237, 270, 972, 294, 304; Доп. къ Акт. Истор., т. II, стр. 5, 6, 18; Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. II, стр. 368; С. Ѳ. Платоновъ. «Очерки по ист. смуты въ Московск. Государствѣ XVI—XVII стол.», стр. 299, 303, 483; Соловьевъ. «Истор. Россіи», изд. Т-ва «Обществ. Польза», кн. II, т. VIII, стр. 884; Карамзинъ. «Исторія Госуд. Россійск.», изд. ж. «Сѣверъ», т. XII, стр. 96, прим. 469. А. П. Барсуковъ. «Списки городовыхъ воеводъ».

Н. В—н—въ.

Резановъ, *Николай Петровичъ,* посланникъ въ Японію, одинъ изъ учредителей Россійско-Американской Компаніи; родился въ С.-Петербургѣ 28-го марта 1764 г., умеръ въ Красноярскѣ 1-го марта 1807 года.

Получивъ домашнее воспитаніе, онъ въ 1778 году поступилъ въ военную службу сначала въ артиллерію, откуда перешелъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ. Въ серединѣ 1780-хъ гг. онъ оставилъ военную службу и поступилъ ассессоромъ въ Псковскую Палату Гражданскаго Суда, гдѣ прослужилъ около пяти лѣтъ и былъ переведенъ въ С.-Петербургскую Казенную Палату; черезъ два года перешелъ правителемъ канцеляріи къ вице-Президенту Адмиралтействъ-Коллегіи графу И. Г. Чернышеву, а затѣмъ — экзекуторомъ названной Коллегіи. Съ назначеніемъ Г. Р. Державина секретаремъ для доклада по сенатскимъ меморіямъ, Н. П. Резановъ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи Державина и былъ употребляемъ иногда Императрицею Екатериною II для особыхъ порученій. Затѣмъ, прослуживъ нѣкоторое время въ штатѣ князя Пл. А. Зубова, онъ въ 1797 г. опредѣленъ въ Сенатъ секретаремъ, а черезъ мѣсяцъ — оберъ-секретаремъ. Здѣсь ему, между прочимъ, было поручено составить «Уставъ о цѣхахъ», который и былъ Высочайше одобренъ, и учредить раскладку поземельнаго сбора въ Петербургѣ и Москвѣ; за эту послѣднюю работу Н. П. Резановъ награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й степени и пенсіономъ въ 2000 руб. въ годъ. По вступленіи на престолъ Императора Александра I, Р. былъ посланъ съ другими членами въ Финляндскую Коммиссію.

Въ первой половинѣ 1790-хъ гг. Н. П. Резановъ ѣздилъ въ Иркутскъ, гдѣ отецъ его, Петръ Гавриловичъ Резановъ, служилъ Предсѣдателемъ Совѣстнаго Суда. Здѣсь Н. П. Резановъ познакомился съ извѣстнымъ путешественникомъ, купцомъ Г. И. Шелеховымъ, который посвятилъ его во всѣ свои планы. Резановъ, женившись на дочери Шелехова, еще болѣе ознакомился съ дѣлами тестя и по смерти Шелехова (1795 г.) подалъ на Высочайшее имя прошеніе объ учрежденіи Общества Россійско-Американской Компаніи. Въ іюнѣ 1798 года послѣдовалъ Высочайшій указъ объ учрежденіи названной Компаніи, которая была принята подъ Высочайшее покровительство, и ей дарованы особыя привилегіи. Сначала главное правленіе Компаніи было учреждено въ Иркутскѣ, а уполномоченнымъ ея въ Петербургѣ былъ назначенъ Резановъ; 19-го октября 1800 года Высочайшимъ указомъ было разрѣшено перевести главное правленіе въ Петербургъ и, благодаря Н. П. Резанову, Императоръ Александръ I и многіе члены Императорскаго Дома сдѣлались акціонерами Компаніи, а затѣмъ и многія лица изъ высшаго Петербургскаго общества и именитое купечество стали пріобрѣтать эти акціи, такъ что число акціонеровъ къ концу 1802 года изъ небольшой цифры 17 возросло до 400.

Для скорѣйшаго и болѣе дешеваго сношенія съ Америкой предположено было отправлять товары не сухимъ путемъ черезъ Сибирь, а воднымъ, и для этого были куплены въ Англіи два торговыхъ судна, переименованныхъ въ «Надежду» и «Неву»; капитанами на эти судна приглашены И. Ѳ. Крузенштернъ и Ю. Ѳ. Лисянскій.

10-го іюня 1803 года Н. П. Резановъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны I-й ст., пожалованъ въ званіе камергера Высочайшаго двора и назначенъ посланникомъ въ Японію. При этомъ онъ получилъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ: «Избравъ васъ на подвигъ, пользу отечеству обѣщающій, какъ со стороны японской торговли, такъ и въ разсужденіи образованія Американскаго края, въ которомъ вамъ ввѣряется участь тамошнихъ жителей, поручилъ Я канцлеру вручить вамъ грамоту, отъ меня Японскому императору назначенную, а министру Коммерціи по обоимъ предметамъ снабдить васъ надлежащими инструкціями, которыя уже утверждены Мною. Я предварительно увѣряюсь по той способности и усердію, какія Мнѣ въ васъ извѣстны, что пріемлемый вашъ отличный трудъ увѣнчается отмѣннымъ успѣхомъ, и что тѣмъ же трудомъ открытая польза отечеству откроетъ вамъ новый путь къ достоинствамъ, а симъ вмѣстѣ несомнѣнно болѣе еще къ вамъ же обратитъ и Мою довѣренность».

Инструкція была составлена очень подробно: въ ней описанъ былъ, такъ сказать, каждый шагъ, каждое слово Посольства, которое имѣло цѣлію получить разрѣшеніе отъ Японскаго императора для прохода русскихъ торговыхъ судовъ въ Нагасаки или домогаться учрежденія мѣновой торговли на Матсмаѣ (островъ Эзо), узнать, кому принадлежитъ часть острововъ Ликейскихъ и, «буде оные отъ собственныхъ царей зависятъ, то не возможно ли будетъ вамъ до нихъ достигнуть и тамо Нашъ торгъ распространить».

Съ Н. П. Резановымъ отправлялись и подарки Японскому императору и его главнѣйшимъ сановникамъ; ему приходилось запастись и товарами для начала торговыхъ сношеній. 27-го іюля 1803 года Резановъ выѣхалъ изъ Кронштадта на судахъ «Надежда» и «Нева». Согласно инструкціи, главнымъ начальникомъ экспедиціи являлся Резановъ, во время же путешествія И.Ѳ. Крузенштернъ, который въ донесеніяхъ въ Главное Правленіе Россійско-Американской Компаніи неоднократно писалъ: «что онъ, Крузенштернъ, призванъ по Высочайшему повелѣнію командовать надъ экспедиціей, и что оная ввѣрена Резанову безъ его вѣдѣнія, на что онъ никогда бы не согласился; что должность его не состоитъ только въ томъ, чтобы смотрѣть за парусами»... На судахъ вскорѣ произошелъ бунтъ, и Резанову пришлось вытерпѣть много непріятностей и оскорбленій, такъ что онъ принужденъ былъ удалиться въ свою каюту, изъ которой и не выходилъ до прихода въ Петропавловскъ. Здѣсь онъ обратился къ представителю административной власти, генералъ-маіору Кошелеву, который началъ формальное слѣдствіе. Такъ какъ дѣло стало принимать для Крузенштерна неблагопріятный оборотъ, то онъ извинился публично передъ Резановымъ и просилъ Кошелева не давать дальнѣйшаго хода этому дѣлу.

26-го сентября 1804 года русскія суда прибыли въ Японію; здѣсь Резановъ окруженъ былъ вниманіемъ и всевозможными знаками почтенія и уваженія, но въ сущности его пребываніе тамъ было не что иное, какъ почетный плѣнъ, который японцы старались замаскировать вѣжливостью и ссылкой на древніе обычаи. Завязать торговыя сношенія Резанову не удалось, и въ отвѣтной грамотѣ, данной ему, между прочимъ, читается: «Могущественный государь Россійскій присылаетъ посланника и множество драгоцѣнныхъ подарковъ. Принявъ ихъ, властитель Японскій долженъ бы, по обычаямъ страны, отправить посольство къ Императору Россіи съ подарками, столь же цѣнными. Но существуетъ формальное запрещеніе жителямъ и судамъ оставлять Японію. Съ другой стороны, Японія не столь богата, чтобы отвѣтить равноцѣнными дарами. Такимъ образомъ, властитель Японскій не имѣетъ возможности принять ни посланника, ни подарковъ».

6-го апрѣля 1805 года Резановъ оставилъ Японію и, посѣтивъ Американскія селенія, въ 1806 году прибылъ въ Охотскій портъ; отправивъ корабль, онъ самъ поѣхалъ въ Петербургъ сухимъ путемъ. Надорванное здоровье заставляло Резанова дѣлать остановки для лѣченія и, не

доѣхавъ до Петербурга, онъ умеръ въ Красноярскѣ 1-го марта 1807 года.

Во время путешествія онъ велъ дневникъ, который хранится въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Это же путешествіе описано И. Ѳ. Крузенштерномъ въ книгѣ: Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 4, 5 и 1806 годахъ по повелѣнію Его Имп. Величества Александра I на корабляхъ «Надеждѣ» и «Невѣ» (въ 3 частяхъ, С.-Пб. 1809, 1810, 1812) и Ю. Ѳ. Лисянскимъ — «Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 4, 5 и 6 годахъ, по повелѣнію Его Имп. Величества Александра I на кораблѣ «Невѣ» (С.-Пб. 1812).

«На пути еще въ Японію», пишетъ митроп. Евгеній Болховитиновъ, «Резановъ отъ бывшихъ съ нимъ въ семъ пути японцевъ научился ихъ языку и сочинилъ: 1) «Словарь Японскаго языка» и 2) «Руководство къ познанію Японскаго языка», содержащее азбуку и первоначальныя грамматическія правила и разговоры. Обѣ сіи книги, въ 1805 г., прислалъ онъ изъ Камчатки къ Президенту Петербургской Академіи Наукъ» (онѣ остались неизданными), которая избрала Резанова, 26-го іюня 1803 г. своимъ почетнымъ членомъ.

Митроп. Евгеній (Болховитиновъ), «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. II, М. 1845 г.; «Лицей» 1806 г., № 2, 3, 4; К. Военскій, «Русское посольство въ Японію въ началѣ XIX вѣка (посольство Резанова въ Японію въ 1803—1805 г.) — «Русская Стар.» 1895 г., № 7, 10; В. Турковскій, «Кругосвѣтное путешествіе нѣсколькихъ японцевъ черезъ Сибирь, сто лѣтъ назадъ» — «Истор. Вѣстн.» 1898 г., № 7; Б. Л. Модзалевскій, «Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ, С.-Пб. 908, стр. 82; Словари Брокгаузъ-Ефрона, Старчевскаго и др.

Резановъ, *Орестъ Александровичъ,* приватъ-доцентъ Казанской Духовной Академіи, род. въ 1847, ум. 18-го ноября 1877 года; учился сначала въ Воронежской Духовной Семинаріи, а съ 1871 года — въ Казанской Духовной Академіи, по окончаніи курса въ которой въ 1875 году, со степенью кандидата, былъ по ходатайству богословскаго отдѣленія Академіи оставленъ, послѣ публичной защиты своего сочиненія (pro venia legendi) и двухъ пробныхъ лекцій, при той же Академіи приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ св. писанія (съ 25-го ноября 1875 года) и читалъ студентамъ I-го курса св. писаніе Ветхаго завѣта. За время съ 25-го ноября 1875 по 1-ое марта 1876 года Р. успѣлъ обнаружить свое трудолюбіе и способности къ преподаванію, и совѣтомъ Академіи допущенъ былъ съ 8-го марта 1876 г. къ чтенію лекцій по вакантной каѳедрѣ св. писанія Ветхаго завѣта и на другихъ курсахъ, въ томъ же званіи приватъ-доцента. Въ 1876—7 академическомъ году онъ былъ избранъ въ составъ коммиссіи для составленія къ синодальному русскому переводу Библіи объясненій непонятныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ пророческихъ книгахъ. Въ томъ же 1876—7 году отдѣленіемъ Академіи было представлено на премію и удостоено ея сочиненіе Резанова: «Климентъ и Оригенъ, какъ апологеты христіанства». Вскорѣ послѣдовавшая послѣ этого смерть прекратила дѣятельность этого талантливаго молодого ученаго.

Отчеты о состояніи Казанской Духовной Академіи, за 1875—76 учебный годъ, стр. 4, 10—12, 20; за 1876—77 годъ, стр. 5, 19, 37, 39; Протоколы засѣданій Совѣта Казанской Духовной Академіи, за 1871 годъ, стр. 319 и 323; за 1875 годъ, стр. 89 и 92; за 1877 годъ, стр. 316; Адресъ-Календарь на 1878 г., ч. I, С.-Пб. 1878 г., стр. 284.

Ив. Давидовичъ.

Резенеръ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ,* замѣчательный педагогъ, писатель; род. въ 1825 г., ум. 25-го августа 1881 года въ Петербургѣ. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ лишился родителей, и первые годы его протекли среди нужды и лишеній, а затѣмъ онъ былъ отданъ въ Гатчинскій Сиротскій Институтъ. Тяжелое дѣтство и суровая школа рано закалили характеръ Резенера, выработали изъ него сильнаго духомъ человѣка, всегда умѣвшаго справиться съ собой, могшаго идти упорно къ намѣченной цѣли, и ради идеи или убѣжденія способнаго доходить до самоотверженія. Рано пробудилась въ немъ и любознательность, перешедшая потомъ въ неудовлетворимую жажду знаній. По окончаніи курса въ Институтѣ онъ, въ числѣ лучшихъ учениковъ его, поступилъ въ Петербургскій Университетъ на юридическій факультетъ. Здѣсь ему пришлось пробиваться кое-какъ, дешевыми уроками и переводами и почти всегда жить въ проголодь. Необыкновенныя способности, даже при отсутствіи достаточнаго свободнаго времени, дали ему возможность образовать себя въ Университетѣ самостоятельно

и разносторонне. Будучи студентомъ, Р. основательно изучилъ философію и, всегда интересовавшую его, исторію педагогики. На I курсѣ онъ, пожелавъ въ англійскомъ оригиналѣ прочитать какую-то книгу, захотѣлъ выучиться этому языку (нѣмецкимъ и французскимъ онъ овладѣлъ еще въ Институтѣ) и, раздобывъ англійскую грамматику, лексиконъ и два евангелія—русское и англійское, онъ заперся въ своей комнаткѣ, и, въ два мѣсяца, одинъ, самоучкой, прочтя нѣсколько разъ англійское евангеліе, овладѣлъ языкомъ на столько, что могъ переводить для журнала сочиненія Маколея, а впослѣдствіи явился единственнымъ у насъ переводчикомъ «Логики» Милля. Въ 1849 году Резенеръ окончилъ курсъ Университета съ званіемъ дѣйствительнаго студента и поступилъ на службу въ Военное Министерство, но, не чувствуя охоты и желанія къ этой службѣ, вышелъ въ 1858 году въ отставку. Жилъ онъ послѣ этого на небольшой заработокъ отъ переводовъ въ журналахъ. Выступившее около этого времени на сцену педагогическо-общественное движеніе захватило и Р., и онъ принялъ дѣятельное участіе въ открывшемся тогда, подъ редакціей О. И. Паульсона, журналѣ «Учитель». Тогда же небольшимъ кружкомъ — изъ студентовъ Петербургскаго Университета и нѣсколькихъ молодыхъ людей, уже окончившихъ свое образованіе (въ составъ кружка входили: В. И. Струбинскій, К. Д. Кавелинъ, П. В. Макалинскій; морскіе офицеры: Д. К. Глинка, Старицкій, А. Н. Страннолюбскій и Н. Н. Страннолюбскій; вольнослушатель Университета Н. М. Пальминъ и студенты: Н. К. Веберъ, Виньери, Н. А. Гомзинъ, В. П. Острогорскій, А. Е. Скобельцынъ, В. М. Сорокинъ и А. Сперанскій), было основано Василеостровское безплатное училище. Случайно узнавъ объ этомъ, Р. заинтересовался кружкомъ и прямо явился въ его собраніе. Вскорѣ онъ сталъ во главѣ кружка и руководилъ имъ. Онъ привлекъ къ занятіямъ новыхъ членовъ, привелъ собранія въ систему и порядокъ и побудилъ членовъ болѣе серьезно приняться за подготовку къ будущей дѣятельности. Резенеръ знакомилъ кружокъ съ сущностію теорій Руссо, Песталоцци, Дистервега и др. Къ теоретической части собраній присоединились изученіе и составленіе отдѣльныхъ методикъ и практическія занятія. Съ 1859 и по 1866 годъ онъ былъ въ числѣ учителей Василеостровской школы. Много труда и лишеній пришлось перенести Р. въ должности учителя. Матеріальная необезпеченность школы заставляла его выискивать, гдѣ только можно было, пожертвованія деньгами, книгами и школьными вещами. Часто по цѣлымъ ночамъ сидѣлъ онъ за переводами и статьями, съ большими хлопотами доставалъ переводы другимъ членамъ кружка, редактировалъ эти переводы и вообще съ удивительной энергіей отдавался заботамъ о томъ, чтобы пополнять скудный бюджетъ школы, или чтобы купить платье и книги почти нищимъ ученикамъ. Благодаря ему, школа скоро обогатилась многими учебниками, отличной библіотекой, состоявшей изъ лучшаго, что являлось въ литературѣ для дѣтскаго чтенія. Кромѣ матеріальныхъ невзгодъ Р., какъ человѣку, беззавѣтно преданному педагогическому дѣлу, приходилось страдать отъ тѣхъ инсинуацій, которыя были бросаемы и въ литературѣ, и въ обществѣ на эти безплатныя школы. Много мужества нужно было имѣть, чтобы устоять, не пасть духомъ въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Успокоеніе отъ всего этого Резенеръ находилъ только среди дѣтей, къ которымъ его теплое, сердечное отношеніе давало удивительные результаты: они быстро привязывались къ школѣ, съ охотой учились и становились мягче и добрѣе даже въ играхъ и въ отношеніяхъ какъ товарищескихъ, такъ и дисциплинарныхъ. Заботы Р. о дѣтяхъ не ограничивались школой; онъ зналъ семейное положеніе каждаго ученика, принималъ участіе во всѣхъ его радостяхъ и горестяхъ, тѣшилъ ихъ подарочками и лакомствами; на собственныя скудныя средства снабжалъ ихъ книжками и письменными принадлежностями, организовалъ, раньше существовавшую случайно, помощь платьемъ, обувью, а въ крайности даже и пищей, не говоря уже о лекарствахъ для больныхъ. Не смотря ни на какія невзгоды, извѣстность школы быстро росла, съ разныхъ сторонъ пріѣзжали сюда учиться преподаватели и знакомиться со школой интеллигентныя лица. Чиновники Министерства Народнаго Просвѣщенія также посѣщали школу и осыпали ее самыми лестными похвалами. Школа быстро разрослась и приходилось

нѣсколько разъ мѣнять помѣщеніе. Въ 1860 году Резенеръ былъ избранъ, для приданія единства школѣ и для опредѣленнаго порядка, «постояннымъ лицомъ», какъ-бы выборнымъ инспекторомъ. Съ 1866 года, съ закрытіемъ Василеостровской школы, и до 1869 года педагогическая дѣятельность Резенера на время прекратилась. Онъ въ это время почти исключительно занимался литературой. Въ 1869 году Комитетъ общества для устройства въ Россіи земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, намѣтивъ въ лицѣ Резенера будущаго директора Пріюта, командировалъ его за границу, съ цѣлію изученія способовъ исправленія дѣтей. Черезъ годъ Р., посѣтивъ прусскія, саксонскія, бельгійскія, голландскія и виртембергскія исправительныя заведенія, возвратился изъ-за границы и представилъ о своемъ путешествіи замѣчательный отчетъ, напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» за 1870 г. (№ 10), а въ 1871 году былъ назначенъ директоромъ ремесленнаго Пріюта. Здѣсь дѣятельность Резенера была по истинѣ изумительна. Въ уставѣ заведенія былъ, между прочимъ, пунктъ, по которому однимъ изъ воспитательныхъ средствъ должно быть «личное вліяніе директора», и Р., считая этотъ пунктъ наиболѣе священнымъ, буквально жилъ среди своихъ питомцевъ, не имѣя особой комнаты; одѣвался, какъ они, въ блузу, ѣлъ съ ними за однимъ столомъ и ту же грубую пищу, не пилъ чаю, пересталъ курить. Работалъ онъ съ ними цѣлый день, отъ ранняго утра до ночи, а ночью, когда всѣ спали, подготовлялся къ урокамъ слѣдующаго дня; былъ и воспитателемъ, и учителемъ, и работникомъ, и даже товарищемъ игръ и дальнихъ прогулокъ питомцевъ, которыя всегда сопровождалъ живыми разсказами изъ области естествознанія. Мало того, онъ и жалованье свое почти все тратилъ на этихъ порочныхъ, отверженныхъ ребятишекъ, покупая имъ книжки, лакомства и игрушки, чтобы хоть чѣмъ-нибудь потѣшить ихъ, вознаградить для нихъ отсутствіе близкихъ къ нимъ лицъ. И дѣти любили его, какъ отца, были откровенны съ нимъ, и самый легкій выговоръ его считали величайшимъ для себя наказаніемъ. Члены комитета не разъ ѣздили въ колонію учиться у Р. и всегда выносили самое отрадное чувство. Но черезъ три года, въ 1873 году, Резенеръ по болѣзни, къ крайнему своему сожалѣнію, долженъ былъ оставить эту должность. Въ періодъ времени съ 1875 по 1878 годъ, зная плодотворное воздѣйствіе его на умы и сердца малолѣтнихъ преступниковъ, его нѣсколько разъ упрашивали поступить въ воспитатели малолѣтняго отдѣленія сперва тюремнаго замка, а потомъ Коломенской части, съ самыми широкими правами въ выборѣ себѣ помощниковъ и способовъ исправленія, съ большимъ жалованьемъ, но онъ каждый разъ, не смотря на крайнюю матеріальную нужду, отказывался, — потому что считалъ невозможнымъ перевоспитать дѣтей въ тюремныхъ стѣнахъ. За нѣсколько лѣтъ до смерти Резенеръ былъ старшимъ воспитателемъ въ пріютѣ Тименкова и Фролова на Выборгской сторонѣ, откуда ушелъ вслѣдствіе вмѣшательства въ его воспитательскую дѣятельность и неисполненія его разумныхъ требованій; затѣмъ Министръ Народнаго Просвѣщенія Сабуровъ, имѣвшій въ виду дать со временемъ Р. достойное его, болѣе широкое поле педагогической дѣятельности, назначилъ его учителемъ русскаго языка въ Митавскую гимназію; но распущенность, неурядицы и враждебное отношеніе къ нему сослуживцевъ, не дававшія ему работать сколько-нибудь разумно и добросовѣстно, заставили его черезъ два-три мѣсяца уйти изъ гимназіи. Не задолго до смерти онъ получилъ мѣсто преподавателя педагогики въ Тверской Учительской Женской Семинаріи, но вскорѣ у него открылось психическое разстройство, какъ слѣдствіе непрестанныхъ трудовъ и лишеній всей его жизни; онъ былъ перевезенъ въ Петербургъ, въ Удѣльную больницу, и тамъ черезъ три мѣсяца скончался на 56 году отъ роду. Кромѣ учительской и литературной дѣятельности, Резенеръ былъ еще членомъ С.-Петербургскаго педагогическаго Общества, Комитета грамотности при Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Резенеру принадлежатъ слѣдующіе труды: «Смыслъ русскихъ предлоговъ и предложныхъ глаголовъ» («Учитель» 1866 г., стр. 14, 57 и 149); «Психо-физіологическіе этюды А. Бэна», переводъ съ англійскаго, С.-Пб. 1869 г.; «Отчетъ о путешествіи» («Вѣстникъ Европы» 1870 г., кн. 10); «Міръ въ картинкахъ, Германа Вагнера», переводъ

съ нѣмецкаго, С.-Пб. 1870 г.; «Руководство къ обученію грамотѣ», С.-Пб. 1870 г. (вмѣстѣ съ г. Волковымъ); «Книжка для чтенія при обученіи грамотѣ», С.-Пб. 1870 г. (тоже съ Волковымъ); изд. 2-е, С.-Пб. 1874 г.; «Школьные годы Тома Брауна», повѣсть, переводъ съ нѣмецкаго, С.-Пб. 1875 г.; «Святочные разсказы Чарльза Диккенса», переводъ. съ англійскаго, С.-Пб. 1875 г.; «Что окружаетъ насъ», чтеніе для дѣтей средняго и старшаго возраста, С.-Пб. 1876 г.; «Сборникъ древнихъ классиковъ для русскихъ читателей: Цицеронъ въ изложеніи Лукаса Коллинза», переводъ съ англійскаго, С.-Пб. 1876 г.; «Древніе классики для русскихъ читателей: Гомеръ и Платонъ въ изложеніи Коллинза», переводъ съ англійск., С.-Пб. 1876 г.; «Новая Библіотека для юношества: жизнеописаніе замѣчательныхъ женщинъ съ портретами и рисунками въ текстѣ», С.-Пб. 1878 г.; «Буквы-картинки», пособіе при обученіи грамотѣ, С.-Пб. 1879 г. Кромѣ того, онъ участвовалъ въ переводѣ «Исторіи Шлоссера» (С.-Пб. 1861—1865 г.) и «Системы логики Милля» (С.-Пб. 1864 г.) и сотрудничалъ въ «Учителѣ», гдѣ проводилъ въ статьяхъ, которые останутся въ ряду лучшихъ страницъ русской педагогической литературы,—свои гуманныя воспитательныя идеи, въ «Женскомъ Образованіи», «Дѣтскомъ Чтеніи» и «Народной Школѣ».

«Вѣстникъ Европы» 1881 г., № 11, стр. 421—427. Некрологъ В. Острогорскаго; В. Острогорскій, «Изъ исторіи моего учительства», Спб. 1895 г., стр. 142—198; «Русская Старина» 1888 г., № 12, стр. 638—647, статья: Воспоминанія стараго студента», В. М. Сорокина; Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Вып. I, С.-Пб. 1885 г., стр. 42; Энциклопедическій Словарь Ф. А. Брокгауза, т. XXVI, С.-Пб. 1899 г., стр. 476; «Учитель», 1866 г.

И. Давидовичъ.

Резимонъ, *Иванъ Степановичъ*, профессоръ и и. д. Директора Института Инженеровъ Путей Сообщенія; род. въ 1768 г.; въ 1809 г., при открытіи Института Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, Р. былъ назначенъ туда профессоромъ, съ чиномъ маіора, 11-го апрѣля 1829 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и впослѣдствіи былъ помощникомъ Директора Института по учебной части; въ концѣ 1835 г. онъ временно исправлялъ должность Директора, въ 1833 г. получилъ орденъ св. Анны 1-й ст., а въ 1836 г., вышелъ въ отставку; умеръ 2-го марта 1844 г. въ Петербургѣ. Р. былъ дѣйствительнымъ членомъ Имп. Минералогическаго Общества.

«Моск. Вѣд.» 1833 г., № 58; «Мѣсяцословъ» на 1845 г.; С. М. Житковъ, Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія Импер. Александра I, С.-Пб. 1899 г.; Списокъ членовъ Имп. С.-Петербургскаго Минералогическаго Общества, С.-Пб. 1902 г., стр. 76.

Рейеръ, *Карлъ Карловичъ*, докторъ медицины, членъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета, род. 23-го октября 1846 г. въ Ригѣ, умеръ 30-го декабря 1890 года. Первоначальное образовсніе получилъ въ гимназіи, окончилъ курсъ въ 1865 году, поступилъ на медицинскій факультетъ Дерптскаго Университета и въ 1870 году вышелъ изъ него врачемъ. Еще будучи студентомъ, Р. выдѣлялся своими способностями, и это было особенно замѣтно въ любимой имъ хирургіи, которой онъ почти всецѣло отдавался еще съ первыхъ шаговъ своей медицинской дѣятельности. Съ этою цѣлью онъ много трудился надъ техникой производства операцій, подъ руководствомъ лучшихъ спеціалистовъ Университета, каковыми въ то время были Адельманъ и Бергманъ. Кромѣ занятій въ Университетѣ, онъ постоянно работалъ, въ качествѣ ассистента, въ Рижской больницѣ. Благодаря этимъ занятіямъ Рейера, его посылали нѣсколько разъ, на казенный счетъ, за границу. Во время одной изъ такихъ командировокъ, когда Р. былъ посланъ въ Англію, онъ привезъ въ Россію ученіе объ антисептическомъ, т. е. противогнилостномъ способѣ производства операцій и леченія ранъ. По окончаніи курса Университета Р. отправился, уже на свой счетъ за границу, желая пополнить свое медицинское образованіе въ иностранныхъ университетахъ и попутно принять участіе въ происходившей въ то время франко-прусской войнѣ, работая въ германскихъ лазаретахъ. Во время войны Р. принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Вейсенбургомъ, Вертомъ и Гровельтомъ, въ качествѣ госпитальнаго врача. Въ продолженіе своего двухлѣтняго пребыванія за-границей, Р. работалъ во многихъ германскихъ и англійскихъ университетахъ, слушалъ профессоровъ Листера, открывшаго антисептическій способъ леченія, и Фолькманна и закончилъ свое заграничное путешествіе

довольно продолжительной работой въ Мангеймѣ и Нанси, въ которомъ онъ состоялъ ассистентомъ профессора Гейне.

Пріѣхавъ изъ-за-границы, Р. началъ медицинскую карьеру ассистентомъ профессора Бергманна въ хирургической клиникѣ Дерптскаго Университета. Въ 1872 г. онъ получилъ въ этомъ же Университетѣ степень доктора медицины, послѣ защиты диссертаціи «Zur Pathologie und Therapie der Cholera (13 Bluttransfusionen)» и былъ зачисленъ приватъ-доцентомъ хирургіи, а въ 1877 г. — штатнымъ доцентомъ.

Въ 1876 году Р. принялъ участіе въ Сербско-Турецкой войнѣ, а въ 1877 году — въ Русско-Турецкой. Въ продолженіе всей послѣдней кампаніи онъ состоялъ хирургомъ-консультантомъ Кавказской арміи, завѣдывалъ перевязочнымъ пунктомъ и принималъ участіе въ активныхъ дѣйствіяхъ арміи во время бомбардировки Карса. Во время этихъ войнъ онъ, работая въ Красномъ Крестѣ, примѣнилъ на практикѣ въ широкихъ размѣрахъ антисептическій способъ лѣченія ранъ и достигъ въ этомъ самыхъ благопріятныхъ результатовъ; это видно по многимъ доброжелательнымъ отзывамъ о его дѣятельности, появившимся въ военно-хирургической литературѣ, какъ нашей, такъ и иностранной. На международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ 1881 году онъ былъ членомъ комитета по военно-медицинскому отдѣлу. По возвращеніи съ войны въ Петербургъ, Р. продолжалъ прерванную научную и практическую дѣятельность. Онъ былъ назначенъ главнымъ врачемъ Семеновскаго военнаго госпиталя и членомъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета. Кромѣ того, онъ завѣдывалъ и другими больницами и лазаретами въ Петербургѣ и былъ преподавателемъ хирургіи въ амбулаторной клиникѣ женскихъ врачебныхъ курсовъ.

Рейеръ принадлежалъ къ числу предпріимчивыхъ хирурговъ и любилъ операціи. Въ то время, когда въ Дунайской арміи операція горлосѣченія вообще считалась почти излишней, въ Кавказской арміи у Р. было сдѣлано очень много трахеотомій. Оперировалъ онъ очень искусно и чисто.

За время своей научной дѣятельности Р. напечаталъ много работъ и журнальныхъ статей, изъ которыхъ особенно выдѣляются его изысканія въ области болѣзней суставовъ и горловыхъ операцій. Тутъ онъ, одинъ изъ первыхъ, рѣшился, пользуясь методомъ Бильрота, вырѣзать зѣвъ и замѣнять его искусственнымъ. Онъ напечаталъ, по преимуществу въ иностранныхъ изданіяхъ, слѣдующія статьи: «Zur Pathologie und Therapie der Cholera», Диссертація. Дерптъ, 1872 г.; — «Über Laryngostrictur, ihre Heilung und den künstlichen Kehlkopf» — «Verhandl. d. deutschen Gesellsch. f. Chir. IV Congress»; — Über Veränderung der Gelenke bei dauernder Ruhe»—«Deutsch. Zeitschr. f. Chir.», III, съ рис.;—«On the cartilages and synovial membranes of the joints» — Journ. of Anat. and Physiol.», VIII; — «Studien über die Entwickelung der Extremitäten des Menschen und besonders der Gelenkflächen»—«Протоколы Вѣнской Академіи Наукъ» (вмѣстѣ съ В. Генке);—«Antiseptische und offene Wundenbehandlung» — «Архивъ Лангенбека», XIX; — Gydrocölenschnitt» — «St.-Petersb. med. Wochenschr.», 1875 г.; — «Zur Behandlung der Pseudarthrosen», тамъ-же, 1876 г.;—«Zur Laryngotomie und Kehlkopfexstirpation», тамъ-же; — «Нашъ торфъ, мохъ и примѣнимость его при перевязкѣ ранъ» — «Военно-Медицинскій Журналъ» 1890 г., № 8.

А. Гассельблаттъ и Отто. Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat, Dorpat. 1889; «Врачъ» 1890 г., №15. — Тоже, 1891 г., №1; «Новое Время» 1891 г., 1-го января; — Библіографическ. Указатель Россійской мед. литературы, изд. К. Змигродскій. Годъ I, 1890 г. С.-Пб. 1891 г.; «Военно-Медицинскій Журналъ» 1890 г., т. 169, кн. 12, декабрь, стр. 2—9, ст. «Докторъ К. К. Рейеръ (біографія-некрологъ)», официальная часть, стр. 146; «Большая Газета Боткина» 1891 г., № 1, стр. 25; «Медицинская Бесѣда» 1891 г., №3, стр. 82; «Русская Медицина» 1891 г., № 1, стр. 17—18; «Всеобщій Календарь» на 1892 г., стр. 530; «Правительственный Вѣстникъ» 1891 г., 5-го января, № 9; «Новости» 1891 г., № 5 и № 7; «Новое Время» 1891 г. 1-го января, № 5331; Рѣчь доктора Н. А. Вельяминова на могилѣ К. К. Рейера, «Новости» 1891 г., № 5; Рѣчь доктора И. И. Иванова на могилѣ К. К. Рейера, «Новости» 1891 г. № 5; MacCormick, Antisept. rurgery 1880, p. 43; Britisch Med. journ, № 1083; Longmore, Dissuss, on antisept. rurgery, p. 556; его-же Introduct. lecture 1880, p. 8; Nussbaum, Leitfaden d. Chirurgie etc. 1879, p. 125; Tischer's Krieg-Chirurgie. B. 1—2; Hueter's Klinik, 1876, p. 195—196; Н. И. Пироговъ. «Военно-врачебное дѣло», стр. 181—182.

Реймерсъ, *Вильгельмъ-Василій Густавовичъ*, адмиралъ; образованіе получилъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, куда по-

ступилъ 12-го іюня 1830 года; 7-го января 1837 года былъ произведенъ въ гардемарины и плавалъ до 1839 года на фрегатѣ «Александръ Невскій» въ Балтійскомъ морѣ. 31-го декабря 1838 года произведенъ въ мичмана и назначенъ въ Черноморскій флотъ. Съ 1839 по 1844 гг. на фрегатѣ «Бургасъ» и кораблѣ «Султанъ Махмудъ» плавалъ у Абхазскихъ береговъ и на бригѣ «Ѳемистоклъ» перешелъ изъ Севастополя въ Константинополь, а оттуда въ Архипелагъ и обратно. 26-го марта 1844 года произведенъ въ лейтенанты и до 1853 года на кораблѣ «Султанъ Махмудъ», фрегатахъ «Браиловъ» и «Флора», пароходѣ «Молнія», пароходо-фрегатѣ «Громоносецъ» и бригѣ «Персей» плавалъ по Черному и Средиземному морямъ. Съ началомъ Севастопольской обороны Р. находился въ Севастополѣ, первое время на фрегатѣ «Месемврія» и кораблѣ «Уріилъ», а потомъ въ составѣ гарнизона 3-го бастіона. За отличіе, оказанное при оборонѣ Севастополя, онъ былъ произведенъ (1854 г.) въ капитанъ-лейтенанты и получилъ орденъ св. Анны 3-ей ст. съ мечами, св. Владиміра 4-ой ст. съ мечами и св. Георгія 4-ой ст. 26-го мая 1855 года, находясь на 3-мъ бастіонѣ, Р. былъ раненъ осколкомъ бомбы въ лѣвую щеку съ раздробленіемъ челюстныхъ костей. Оправившись, онъ вернулся на бастіонъ, однако изъ-за раны вышелъ въ 1858 году въ отставку; 8-го января 1862 года Р. вновь поступилъ на службу съ чиномъ капитанъ-лейтенанта и былъ прикомандированъ къ Морскому Кадетскому Корпусу, гдѣ и прослужилъ 17 лѣтъ, и 15-го декабря 1875 года былъ произведенъ въ контръ-адмиралы; скончался 14-го января 1879 г.

«Общій Морской Списокъ», т. XI, С.-Пб. 1900 г., стр. 334—335.

Е. Я.

Реймерсъ, *Иванъ Ивановичъ* (Johann Reimers), медальеръ, скульпторъ и живописецъ. Род. въ Петербургѣ въ 1818 г., ум. тамъ же 25-го ноября 1868 г. Сынъ мебельнаго мастера, онъ воспитывался въ Академіи Художествъ, по медальерному классу, и въ 1835 г. получилъ вторую серебряную медаль «за успѣхи въ лѣпкѣ и за вырѣзанный на стали ликъ императора Александра I»; въ слѣдующемъ году онъ отданъ былъ подъ руководство къ профессору медальернаго искусства П. Уткину, въ 1837 г. заслужилъ одобреніе Совѣта Академіи «за вылѣпленный перстъ» и получилъ вторую серебряную медаль «за вылѣпленную и вырѣзанную имъ на стали фигуру Гарпократа»; въ слѣдующемъ году Р. получилъ первую серебряную медаль за вылѣпленный изъ воска барельефъ: «Пріамъ испрашиваетъ у Ахиллеса тѣло Гектора»; а въ 1839 г. окончилъ курсъ со званіемъ художника XIV-го класса и со второю золотою медалью, полученною за вылѣпленную и вырѣзанную на стали группу: «Самсонъ, раздирающій льва», которую ему поручено было при этомъ сформовать. Въ 1841 г. ему задана была программа на полученіе первой золотой медали—группа «Лаокоонъ»; но, по семейнымъ обстоятельствамъ, онъ принужденъ былъ оставить дальнѣйшія занятія въ Академіи.

Вскорѣ (въ 1843 г.) онъ вошелъ въ компанію съ товарищемъ по Академіи, Д. И. Іенсеномъ, съ которымъ они устроили, въ 1845 г., «первую въ Россіи обжигальню для изготовленія предметовъ искусства и декорацій изъ терракоты и при ней студію». Дѣла пошли настолько хорошо, что въ слѣдующемъ же году имъ поручено было «производство украшеній Императорскаго Эрмитажа, т. е. изготовка моделей для фасадныхъ человѣческихъ фигуръ, превосходящихъ человѣческій ростъ, барельефовъ, каріатидъ, а также гипсовыхъ портретовъ-медальоновъ старыхъ художниковъ внутри зданія», и, кромѣ того, всѣ украшенія фасада изъ терракоты. Въ виду послѣдняго условія, они пригласили къ себѣ въ компаніоны еще одного товарища, К. Клейна, какъ спеціалиста по терракотовой фабрикаціи. Впрочемъ, этотъ послѣдній оставилъ ихъ, какъ только окончилъ упомянутый заказъ. Р. же оставался въ компаніи до 1852 г., когда уѣхалъ за-границу.

Но дѣло это оставляло нашему художнику достаточно времени и для другихъ работъ: въ 1844 г. онъ участвовалъ въ конкурсѣ на исполненіе четырехъ вогнутыхъ барельефовъ для нишъ въ Исаакіевскій соборъ, гдѣ состязался съ профессоромъ барономъ П. К. Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ, П. Свинцовымъ, Маркезини, М. Г. Крыловымъ и Р. К. Залеманомъ; для этого конкурса имъ исполнены были эскизы: «Избіеніе младенцевъ», «Несеніе креста

Спасителемъ» и «Ангелъ, извѣщающій пастырей о рожденіи Христовомъ».

Въ декабрѣ 1846 г. Совѣтъ Академіи, признавъ его «назначеннымъ въ академики», задалъ ему программу — сдѣлать группу: «Бой за трупъ Патрокла», изъ «Иліады» Гомера; но, повидимому, программы этой онъ не исполнилъ, а въ 1852 г. уѣхалъ на собственный счетъ за-границу, гдѣ забросилъ и медальерное искусство, и скульптуру, а пріѣхавъ въ Мюнхенъ принялся за живопись и при томъ съ большимъ успѣхомъ, такъ что присланныя имъ оттуда на академическую выставку, въ 1855 г., картины: «Лоттерейный билетъ», «Видъ въ окрестностяхъ Мюнхена» и «Простонародное сходбище въ придворной пивоварнѣ въ Мюнхенѣ», обратили на себя всеобщее вниманіе, а за послѣднюю изъ упомянутыхъ картинъ Совѣтъ Академіи, въ засѣданіи 30-го декабря 1855 г., удостоилъ художника званія «академика по живописи народныхъ сценъ».

Въ 1858 г. Р. пріѣхалъ въ Римъ и немедленно приступилъ къ работѣ надъ картиной «Площадь Пантеона». Живя въ Чербарскихъ горахъ, онъ написалъ три жанровыхъ картины и вообще собралъ много этюдовъ, шесть изъ которыхъ находились на академической выставкѣ 1860 г.

Въ 1861 г. онъ прислалъ картины: «Горе на чужбинѣ», «Причащеніе» и «Гротъ», прося удостоить его за нихъ званія профессора; но такъ какъ это было уже послѣ того засѣданія, на которомъ присуждаются званія, то прошеніе его было отложено до слѣдующаго года. На выставку слѣдующаго, 1861—2 г. Р. прислалъ: «Бесѣду передъ домомъ, въ мѣстечкѣ Nemé, въ Альбанскихъ горахъ», «Этюдъ изъ Римской Кампаніи, Ponte Nomentano», «Закатъ солнца, фонтанъ близъ Cervara» и «Сборъ винограда въ окрестностяхъ Рима». За послѣднюю картину, въ августѣ 1862 г., по возвращеніи художника въ Петербургъ, Академія удостоила его званія профессора.

27-го августа 1863 г., по смерти А. Лямина, Р. занялъ мѣсто профессора по медальерному классу въ Академіи, каковое и сохранялъ до самой смерти, и исполнилъ медаль на столѣтіе Академіи — лучшую свою работу въ этомъ родѣ искусства, за которую онъ признанъ, въ 1865 г., профессоромъ медальернаго искусства.

Кромѣ упомянутыхъ его работъ, извѣстны еще замѣчательныя плато, исполненныя для Наслѣдника Цесаревича (1863 г.), одно изъ которыхъ повторено для вел. кн. Маріи Николаевны; медаль въ память 50-лѣтняго юбилея К. А. Тона, вырѣзанная по его модели В. Алексѣевымъ, и картина «Похороны молодой дѣвушки въ Италіи» (1863 г. Музей Александра III; была на Парижской выставкѣ 1867 г. и на Московской 1882 г.); «Сцена изъ Итальянской жизни» (Академія Художествъ), «Римскій вечеръ», «Пейзажъ изъ окрестностей Рима», «Горе матери при видѣ умирающаго ребенка», два пейзажа и «Сытый голодному не товарищъ» (всѣ находившіяся въ галлереѣ В. А. Кокорева), «Видъ на южномъ берегу Крыма», «Видъ г. Кутаиса», «Дорога изъ Екатеринодара во Владикавказъ», «Деревня Ватаго въ Саратовской губ.», «Селеніе Сіонъ, по Военно-Грузинской дорогѣ», «Итальянецъ», «Причащеніе умирающей», бывшая на Лондонской выставкѣ, «Похороны въ Италіи», «Итальянская сцена» (пріобрѣтенная въ 1862 г. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ), «Genzano» (пріобрѣтенная въ томъ-же году Государыней Императрицей), «Базаръ близъ Рима» (Румянцовскій музей), «Воспоминаніе изъ Черваро, въ окрестностяхъ Рима» (тамъ-же) и эскизы образовъ для храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

Указатели художественныхъ произведеній годичныхъ выставокъ Императорской Академіи Художествъ. С.-Пб. 1857, 1860, 1862 и 1880 гг.; Отчеты Имп. Академіи Художествъ за 1862—3 и 1864—5 гг., Н. А. Рамазановъ. Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи, М. 1863 г., стр. 289—290; Письмо М. И. Статьи изъ Рима, отъ 1858 г., тамъ-же; Выставка въ пользу Общества Любителей Художествъ; Каталогъ картинъ, находившихся на Лондонской всемірной выставки. М. 1863 г.; А. Н. Андреевъ. Указатель картинъ и художественныхъ произведеній галлереи В. А. Кокорева. М. 1863 г.; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. С.-Петербургской Академіи Художествъ. Т. II и III. С.-Пб. 1865—1866 г.; «Иллюстрированная Газета» 1868 г., № 49; А. И. Сомовъ. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи Имп. Академіи Художествъ, С.-Пб. 1872 г., стр. 73—74 и 211—212; Н. Ситовскій и П. Дверковичъ. Объяснительный путеводитель по художественному отдѣлу всероссійской выставки 1882 г. въ Москвѣ. М. 1882 г., стр. 78; Ю. Б. Иверсенъ. Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Т. II. С.-Пб. 1883 г., стр. 254; Каталогъ художественныхъ произведеній выставки въ пользу вдовъ и сиротъ архитекторовъ, въ зданіи Имп. Академіи Художествъ. С.-Пб. 1888 г.; А. П. Новицкій. Художественная галлерея Московскаго Публичнаго

Румянцовскаго Музея. М. 1889 г., стр. 244—245; Выставка картинъ старыхъ и новыхъ школъ. С.-Пб. 1892 г.; Иллюстрированный каталогъ картинной галлереи Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ, изд. К. А. Фишеръ. М. 1901 г., стр. XVI; Автобіографія Д. И. Іенсена—«Русскій Архивъ» 1903 г., № 12, стр. 655—657; бар. Н. Врангель. Русскій Музей Имп. Александра III. С.-Пб. 1904 г., стр. 363—364; Перечень картинъ и рисунковъ собранія И. Е. Цвѣткова. М. 1904 г.

А. Новицкій.

Реймерсъ, *Карлъ Ивановичъ*, архитекторъ; род. въ 1815 г., ум. 12-го мая 1886 г., въ Петербургѣ. Еще до поступленія своего въ Академію Художествъ, онъ занимался архитектурною практикою, такъ что, пробывъ тамъ всего годъ, онъ получилъ уже, 28-го декабря 1832 г., званіе неклассnаго художника, а 30-го сентября 1838 г. былъ уже возведенъ въ званіе академика за «проектъ художественнаго музея». Въ 1841 г. участвовалъ въ конкурсѣ на сооруженіе церкви на полѣ Полтавскаго сраженія, въ которомъ ему пришлось состязаться, между прочимъ, съ А. П. Брюлловымъ, А. А. Тономъ, Ѳ. Ѳ. Рихтеромъ, А. Горностаевымъ и др. Не смотря на такихъ сильныхъ конкуррентовъ, проэкты оказались настолько равны по достоинствамъ, что Совѣтъ Академіи не рѣшилъ дать которому-нибудь изъ нихъ предпочтеніе и постановилъ: «такъ какъ каждый изъ сихъ проэктовъ имѣетъ болѣе или менѣе достоинствъ въ художественномъ отношеніи, то препроводить оные, для дальнѣйшихъ распоряженій, къ г. Главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями». Два раза ему задавались программы на званіе профессора: въ 1846 г. — «проэктъ Академіи художествъ съ музеумомъ» и въ 1850 г. — «проэктъ университета», но, по неизвѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, послѣдняго званія онъ не получилъ. Главнымъ образомъ, Р. заслужилъ извѣстность, какъ весьма опытный строитель. Онъ состоялъ членомъ Техническо-Строительнаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; кромѣ того, состоялъ на службѣ въ Вѣдомствѣ Императрицы Маріи и въ Морскомъ Министерствѣ. Имъ самимъ или по его проэктамъ произведено много какъ казенныхъ, такъ и частныхъ построекъ, не только въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, но и въ другихъ городахъ, — въ Кронштадтѣ, въ Вильнѣ, въ Костромѣ, въ Оренбургѣ, въ Перми, въ Петропавловскомъ портѣ и др. Укажемъ изъ нихъ: Каменную церковь на Митрофаньевскомъ кладбищѣ; Повивальный Институтъ великой кн. Елены Павловны (1851); зданіе Бердовскаго чугунно-литейнаго завода, на Матисовомъ островѣ; ночлежный пріютъ на 1000 человѣкъ съ общенародною столовою, въ Нарвской части (1873); домъ г-жи Воейковой, въ стилѣ Людовика XVI, на Невскомъ проспектѣ (1873 — 1874); центральный рынокъ въ Нарвской части (1876—1877); казармы на 2000 человѣкъ, въ Перми (1878); театръ, педагогическій институтъ, домъ дворянскаго собранія и домъ для пріюта бѣдныхъ въ Оренбургѣ (1870); дома почтоваго вѣдомства въ г. Вильно (1881) и мн. др. Кромѣ того, онъ реставрировалъ татарскую мечеть въ Оренбургѣ (1880), составилъ проэктъ на перестройку Литовскаго тюремнаго замка и выстроилъ вновь, на основаніи обмѣровъ Ѳ. Ѳ. Рихтера, древнюю церковь св. Ирины, при Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, бывшемъ домѣ Нарышкиныхъ въ Москвѣ.

Отчеты Имп. Академіи Художествъ за 1850—51; 1862—3; 1864—5; 1872—3 — 1885—6; «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. С.-Петерб. Академіи Художествъ». Т. II и III. С.-Пб. 1865—1866 г.; «Указатель всероссійской промышленно-художественной выставки 1882 г. въ Москвѣ. С.-Пб. 1882 г.; Н. В. Султановъ. Успѣхи русской художественной археологіи въ царствованіе Имп. Александра II — «Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ» 1885 г., стр. 231; «Художественныя Новости» 1885 г., стр. 344.

А. Новицкій.

Реймерсъ, *Яковъ Ивановичъ*, академикъ, архитекторъ, род. 23-го февраля 1818 г., ум. 15-го октября 1877 г. Получилъ образованіе въ Имп. Академіи Художествъ, гдѣ въ 1838 г. получилъ за архитектурную композицію вторую серебряную медаль, а въ слѣдующемъ году окончилъ курсъ со званіемъ художника XIV-го класса. Въ 1842 г., «по извѣстнымъ познаніямъ въ архитектурномъ художествѣ», онъ былъ признанъ «назначеннымъ въ академики», при чемъ ему задана была программа: «сочинить проэктъ дома богатаго вельможи въ деревнѣ»; но званіе академика онъ получилъ лишь въ 1848 г. за другую программу: проэктъ военной богадѣльни на 400 человѣкъ нижнихъ чиновъ и 25 офицеровъ.

Въ 1863 г. «во вниманіе къ любви и познаніямъ въ художествахъ», онъ былъ признанъ почетнымъ вольнымъ общникомъ Академіи.

Отчетъ Имп. Академіи Художествъ за 1862—3 г. С.-Пб. 1864 г.; «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. С.-Петерб. Академіи Художествъ». Т. II и III. С.-Пб. 1865—66 г.

А. Новицкій.

Рейнботъ, *Ѳедоръ Антоновичъ*, д. с. с., писатель, род. 11-го октября 1802 г. въ Петербургѣ, воспитывался въ бывшемъ при Царскосельскомъ Лицеѣ Пансіонѣ. Окончивъ курсъ въ 1827 г., онъ опредѣлился въ Министерство Финансовъ, гдѣ и прослужилъ до самой своей смерти, въ продолженіе 61 года, будучи въ послѣднее время чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ. Широкую извѣстность Р. пріобрѣлъ въ сферѣ технической дѣятельности, къ которой имѣлъ склонность и которыми занимался со времени окончанія учебнаго курса. Р. составилъ рядъ серьезныхъ работъ въ области технической литературы, которыя и завоевали ему вполнѣ заслуженную извѣстность, какъ искуснаго популяризатора и хорошо изучившаго свой предметъ спеціалиста. Многія изъ его работъ выдержали по нѣскольку изданій, какъ, напр., сочиненіе «Отвѣты на вопросы дѣтей, какъ и изъ чего это дѣлается и какъ называется. Изъ области техническихъ производствъ», имѣвшее, съ 1870 г., шесть изданій. Изъ другихъ его работъ укажемъ: «Объ устройствѣ американскихъ мельницъ и способъ приготовленія на нихъ муки», С.-Пб. 1838; «Общая и частичная технологія», перев. сочиненія Поппе, С.-Пб. 1844; «Словарь нѣмецко-русскихъ техническихъ словъ по фабричнымъ, мануфактурнымъ и заводскимъ производствамъ, постройкамъ желѣзныхъ дорогъ, химіи и минералогіи», С.-Пб. 1885; «Геометрическое линейное черченіе», С.-Пб. 1842; «Начертанія технологіи», Гермштедта, С.-Пб. 1838—1839, 2 ч. Кромѣ этихъ сочиненій, Р. напечаталъ много статей, разбросанныхъ по разнымъ журналамъ. Увлекаясь техническими вопросами, онъ старался о популяризаціи техническихъ знаній; когда возникла мысль объ устройствѣ дѣтскаго техническаго музея въ Соляномъ Городкѣ, онъ принялъ въ этомъ дѣлѣ ближайшее участіе, и его техническія познанія принесли пользу, между прочимъ, тѣмъ, что собранныя имъ богатыя коллекціи, составленныя изъ матеріаловъ въ разныхъ видахъ ихъ обработки, онъ пожертвовалъ частью въ пользу музея, а частью въ пользу нѣкоторыхъ женскихъ учебныхъ заведеній; скончался Р. 24-го января 1889 г.; погребенъ онъ на кладбищѣ села Мурина.

«Новое Время» 1889 г., 28-го января, № 4640; Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ русск. писателей, вып. IX, М. 1905 г., стр. 59—60.

Е. Я.

Рейнгардъ, *Филиппъ Христіанъ (Христіанъ Егоровичъ)*, публичный ординарный профессоръ философіи и естественнаго права въ Московскомъ Университетѣ, родомъ изъ Вюртембергскаго королевства, сынъ пастора и суперинтендента, ум. въ Нижнемъ Новгородѣ 7-го ноября 1812 г., на 48 г. жизни. Образованіе получилъ въ Университетахъ Тюбингенскомъ, Іенскомъ и Марбургскомъ. Былъ въ Кёльнѣ профессоромъ политической и ученой исторіи, въ 1803 году пріѣхалъ въ Москву, по приглашенію попечителя М. Н. Муравьева, и, въ званіи ординарнаго профессора, опредѣленъ былъ на каѳедру практической философіи, исторіи философіи и правъ естественнаго и народнаго въ Московскомъ Университетѣ. Р. читалъ лекціи по своимъ собственнымъ запискамъ; впослѣдствіи онъ былъ деканомъ Отдѣленія этико-политическихъ наукъ, членомъ училищнаго комитета и инспекторомъ казенныхъ студентовъ Университета и воспитанниковъ академической при немъ Гимназіи. Р. напечаталъ слѣдующіе труды: 1) «Abriss einer Geschichte der Entstehung und Ausbildung der religiösen Ideen», Iena, 1794; 2) «Versuch einer Theorie der gesellschaftlichen Menschen» Gera, 1797; 3) совмѣстно съ Ант. Кейлемъ, «Vollständiges Handbuch für Maire und Adjuncten, Polizei-Commissaire, Municipalräthe u. s. w. der vier neuen Departemente des linken Rheinufers», 2 Bde., Köln, 1802; 4) «Neue Organisation des Religionswesens in Frankreich», Cöln, 1803.

Въ Москвѣ Рейнгардъ издавалъ съ Я. И. де-Сангленомъ ежемѣсячный журналъ «Аврора» въ 1805—1806 гг. (первый № вышелъ 2-го октября 1805 г.; всего 6 №№-овъ).

Въ бытность Р. въ Россіи, были напечатаны слѣдующія его сочиненія: 1) «De fructibus, qui ab universitatibus litterarum in Imperio Russico tam conditis, quam con-

dendis, expectandi sunt. Oratio die festo sacrorum inaugurationis Universitatis Litterarum Caesareae Mosquensis anniversariorum semisaecularium, XXX Juni a. MDCCCV habita», Typis Caesareae Universitatis; 2) «Система практической философіи Х. Ф. Рейнгарда..., переведенная съ французскаго языка кандидатомъ Семеномъ Кувичинскимъ», М. 1807; 3) «Естественное право, содержащее въ себѣ: 1) собственно такъ называемое естественное право чистое, 2) право прикладное, то есть: право частное, публичное и народное. Сочиненіе Ф. Хр. Рейнгарда. Перевелъ съ латинскаго подлинника Иванъ Сычуговъ», Казань. 1816. Въ 1804 г. Рейнгардъ читалъ, для желающихъ, два публичныхъ отдѣльныхъ курса на французскомъ языкѣ: 1) L'état actuel de la philosophie и 2) La philosophie du goût. Кромѣ того, имъ была произнесена рѣчь въ память его товарища Иде.

Краткая исторія Имп. Московскаго Университета съ 1-го іюля 1812 г. по 8-е іюля 1814 г., стр. 7; Ch. G. Kayser. Vollständiges Bücher-Lexicon. Th. IV. Leipzig, 1834 г., стр. 472; Митрополитъ Евгеній. Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей. М. 1845 г., т. II, стр. 142; С. Шевыревъ. Біографическій словарь профессоровъ Имп. Московскаго университета. М. 1855 г.; С. Шевыревъ. Исторія Импер. Московскаго университета. М. 1855 г.; «Русск. Арх.» 1866 г., стр. 567; Н. М. Лисовскій. Русская періодическая печать. Вып. 1-й, стр. 11.

Н. Мичатекъ.

Рейнгольдъ, *Эмилій Ивановичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, лейбъ-медикъ Двора Его Имп. Величества; род. въ 1787 г., воспитывался, съ 24-го іюня 1803 г., въ Имп. Медико-Хирургической Академіи, 14-го марта 1807 г. окончилъ въ ней курсъ первымъ по успѣхамъ, со званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія, и 2-го апрѣля опредѣленъ врачемъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ, въ составѣ котораго былъ въ сраженіи подъ Фридландомъ и во время Финляндской войны 1808—1809 гг.; 6-го марта 1812 г. Р. былъ переведенъ и. д. полкового штабъ-лѣкаря въ Кавалергардскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ походахъ 1812—1814 г., за Бородинское сраженіе награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й и св. Анны 2-й ст., а за Фершампенуазъ и за Парижъ — тѣмъ-же орденомъ съ алмазами и въ 1815 г. утвержденъ въ должности полкового штабъ-лѣкаря; въ 1820 г. Р. получилъ степени доктора медицины и хирургіи. Въ 1825 г. онъ находился при Имп. Александрѣ I въ Таганрогѣ, куда пріѣхалъ 23-го сентября, въ свитѣ Имп. Елисаветы Алексѣевны, находился при больномъ Императорѣ вплоть до его кончины, послѣдовавшей 19-го ноября, и затѣмъ бальзамировалъ его тѣло; послѣ этого онъ сопровождалъ Имп. Елизавету въ ея путешествіи и находился при ея кончинѣ въ Бѣлевѣ. Пожалованный, 13-го февраля 1826 г., въ лейбъ-медики Высоч. Двора, Р. 9-го января 1828 г. оставилъ службу въ полку и затѣмъ состоялъ докторомъ при княгинѣ Ловичъ, супругѣ Вел. Кн. Константина Павловича; въ 1836 г. онъ былъ 7-го апрѣля назначенъ совѣщательнымъ членомъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1843 г. опредѣленъ непремѣннымъ членомъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета, а 18-го февраля 1844 г. назначенъ состоять по Главному Штабу и числиться при Особѣ Его Величества и 6-го декабря 1849 г. пожалованъ въ тайные совѣтники; послѣ смерти М. А. Маркуса (1865), Рейнгольдъ былъ назначенъ Управляющимъ Медицинскою Придворною частію и въ 1866 г. награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; 9-го января 1867 г. Э. И. Рейнгольдъ скончался въ Петербургѣ. Онъ былъ (съ 16-го сентября 1850 г.) почетнымъ членомъ Имп. С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи и состоялъ членомъ: Общества Русскихъ врачей въ Петербургѣ, Московскаго Общества Испытателей Природы, Варшавскаго Медицинскаго, Баденскаго Судебно-Медицинскаго, Леопольдинскаго Испытателей Природы и Королевскаго Греческаго Медицинскаго Общества въ Аѳинахъ.

«Русск. Стар.» 1872 г., т. VI, стр. 104, 123, 124, 128, 129, 153; «Русск. Архивъ» 1880 г., кн. III; «Сборникъ біографій кавалергардовъ», т. IV, С.-Пб., 1908 г., стр. 400—401 (съ портретомъ); Н. К. Шильдеръ. Импер. Александръ I, С.-Пб. 1898 г., т. IV, стр. 356, 389—391, 569, 574, 580; «Русск. Арх.» 1889 г., кн. I, стр. 512, 516; Архивъ Департамента Герольдіи; Адресъ-Календарь на 1866—1867 г., ч. I, стр. 24; «Иллюстр. Газета» 1867 г., № 39; «С.-Петерб. Газета» 1867 г., 15-го января, № 8; Исторія Имп. Военно-Медиц. Академіи, прилож., С.-Пб. 1898 г.

Б. Г.

Рейнегсъ, *Яковъ* (Jacob Reinegs), докторъ медицины; по пріѣздѣ въ Россію ему удалось быть представленнымъ князю Потемкину и послѣдній предложилъ ему быть

своимъ частнымъ коммиссіонеромъ, при чемъ это званіе маскировало настоящую миссію Рейнегса, которому Потемкинъ поручилъ склонить Грузинскаго царя Ираклія искать формальнаго покровительства Екатерины II. Рейнегсъ дѣйствовалъ не безъ успѣха, и въ 1782 году Потемкинъ вызвалъ его къ себѣ для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ. Осенью того же года онъ отправился снова въ Грузію, но вскорѣ вызвалъ неудовольствіе Потемкина, ввиду излишняго своего хвастовства и фантазёрства, и 10-го іюня 1783 года былъ отозванъ въ Россію. Съ этихъ поръ начинается дѣятельность Рейнегса въ качествѣ врача. Еще до пріѣзда его въ Россію состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи его въ Астраханскую губернію докторомъ съ жалованіемъ по 700 руб. въ годъ, а спустя три года ему было повелѣно присутствовать въ Медицинской Коллегіи въ должности ученаго секретаря. Въ началѣ 1787 года Р. былъ назначенъ исполнять обязанности инспектора врачебной школы при С.-Петербургской Екатерининской больницѣ. О служебной дѣятельности Р. въ качествѣ члена и ученаго секретаря Медицинской Коллегіи сохранились отрицательные отзывы; но слѣдуетъ сказать, что онъ былъ прекрасно образованный человѣкъ, знавшій многія изъ кавказскихъ нарѣчій. Плодомъ его жизни на Кавказѣ явилась его книга «Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus», 2 части, 1796—1797 г. Рейнегсъ умеръ въ 1793 году въ Петербургѣ и погребенъ на лютеранскомъ кладбищѣ.

«Русскій Архивъ» 1879 г., кн. II: «Письма гр. П. С. Потемкина къ кн. Г. А. Потемкину», стр. 432; «Русская Старина» 1876 г., т. I, стр. 26 и 36; т. II, стр. 56; П. Г. Бутковъ, «Матеріалы для новой исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 гг.», С.-Пб., 1869 г., ч. I, стр. 386, прим. 3, ч. II, стр. 118, 121 пр. 2 и 155, пр. 1, ч. III, стр. 164, 165, 166; Я. Чистовичъ, «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», С.-Пб. 1883 г., стр. 522 и приложенія, стр. CCLXXIII—CCLXXIV; К. Н. Бѣгичевъ, Объяснительный каталогъ библіотеки В. К. Георгія Александровича въ Абастуманѣ. Тифлисъ, 1894 г., стр. 155.

Е. Я.

Рейнеке, *Михаилъ Францовичъ*, вице-адмиралъ, извѣстный русскій гидрографъ; сынъ надворнаго совѣтника Франца Францовича Рейнеке и жены его Маріы Васильевны Липовцовой, Р. родился 10-го ноября 1801 г., на мызѣ Гротгузенсгофъ, Венденскаго уѣзда Лифляндской губ., принадлежавшей его отцу. Первоначальное воспитаніе Р. получилъ сперва въ домѣ своихъ родителей, а затѣмъ—въ частномъ пансіонѣ г. Ульриха, въ Петербургѣ, гдѣ учился до поступленія, въ 1814 г., въ Морской Кадетскій Корпусъ; въ іюнѣ слѣдующаго года онъ выдержалъ экзаменъ на гардемарина, 20-го января 1818 г. произведенъ въ унтеръ-офицеры, а 9-го февраля—въ мичманы флота. По окончаніи курса въ Корпусѣ, Р. былъ зачисленъ въ 3-й флотскій экипажъ, въ Кронштадтѣ, подъ команду капитанъ-командора Е. П. Гетцена, который сразу назначилъ его экипажнымъ адъютантомъ; въ этой должности Р. прослужилъ три года, изъ которыхъ 4 мѣсяца провелъ въ практическомъ плаваніи по Финскому заливу, на кораблѣ «Берлинъ». Въ мартѣ 1821 г. Р. отправился съ командою сухимъ путемъ въ Архангельскъ, откуда вернулся въ Кронштадтъ на только что построенномъ въ Архангельскѣ фрегатѣ «Вѣстовой». Въ мартѣ 1823 г. Р. былъ произведенъ въ лейтенанты, а лѣтомъ сдѣлалъ переходъ опять въ Архангельскъ на военномъ транспортѣ «Уралъ». Въ слѣдующемъ году Р. плавалъ въ Бѣломъ морѣ на бригѣ «Кетти», подъ командою лейтенанта Демидова, которому было поручено сдѣлать промѣръ для опредѣленія мелей, называемыхъ «Сѣверныя кошки». Экспедиція не достигла желаемыхъ результатовъ, хотя и опредѣлила большую Орловскую мель, сдѣлала опись берега въ нѣсколькихъ мѣстахъ и астрономическія наблюденія въ нѣкоторыхъ избранныхъ пунктахъ. Плаваніе это было для Р. первою школой практической гидрографіи и эта школа имѣла вліяніе на всю его жизнь, заставивъ его полюбить свою будущую спеціальность. Въ 1825 г. Р. снова сдѣлалъ переходъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ,—на этотъ разъ на фрегатѣ «Елена»; во время этой кампаніи онъ велъ записки, куда ежедневно вносилъ все, сколько-нибудь касающееся кораблевожденія и мореходства. Въ послѣднія четыре плаванія Р. достаточно ознакомился съ Бѣлымъ моремъ; поэтому, когда извѣстному гидрографу Ѳ. П. Литке, тогда капитану, было предложено избрать офицера для выполненія его проекта — описи береговъ заливовъ Варангскаго и Кольскаго, Литке вы-

бралъ Р. Молодой лейтенантъ въ февралѣ 1826 г. былъ назначенъ начальникомъ экспедиціи, отправлявшейся къ берегамъ Лапландіи. Р. немедленно отправился въ Архангельскъ и оттуда, пользуясь концомъ сѣверной зимы, выѣхалъ въ Колу съ двумя помощниками и съ необходимѣйшими инструментами. Прибывъ въ Колу, Р. тотчасъ же принялся снаряжать шлюпки для дальнѣйшаго плаванія: лѣто 1826 г. экспедиція провела въ работѣ, описывая берега всего Кольскаго залива, рѣки Туломы и западной части Лапландіи отъ острова Кильдина до губы Ересъ; 10-го декабря Р. выѣхалъ изъ Колы и черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ въ Архангельскъ, гдѣ составилъ карту и лоцію, которыя и представилъ вмѣстѣ съ отчетомъ Адмиралтейскому Департаменту. За труды по этой экспедиціи онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. Съ этого времени начинается вполнѣ самостоятельная гидрографическая дѣятельность Р., посвященная практическому изученію Бѣломорья, Финскаго залива и восточной части Балтійскаго моря. Въ 1826 г., съ Высочайшаго разрѣшенія, были выстроены въ Архангельскѣ бригъ «Лапоминка» и двѣ небольшія шкуны, спеціально предназначавшіеся для гидрографическихъ работъ въ Бѣломъ морѣ. Начальство надъ этой экспедиціей было поручено Р. Въ продолженіе шести лѣтъ, плавая каждое лѣто около трехъ мѣсяцевъ, Р. производилъ гидрографическія изслѣдованія, которыя закончилъ осенью 1832 г. За свои труды онъ былъ награжденъ прибавочнымъ жалованьемъ и производствомъ въ чинъ капитанъ-лейтенанта. Результатомъ шестилѣтней работы экспедиціи былъ трудъ, появившійся въ 1833 — 34 г.: «Атласъ Бѣлаго моря и Лапландскаго берега», текстъ къ которому вышелъ въ двухъ томахъ, въ 1843 и 1850 гг., подъ заглавіемъ: «Гидрографическое описаніе сѣвернаго берега Россіи, составленное кап.-лейт. М. Рейнеке». За это сочиненіе Р. былъ удостоенъ Императорскою Академіею Наукъ полной Демидовской преміи. Плавая по Бѣлому морю и вступая постоянно въ сношенія съ бѣломорами, Р. заинтересовался ихъ примитивнымъ мореходствомъ и, сознавая необходимость для нихъ хотя бы начальнаго знанія морскихъ наукъ, сталъ ходатайствовать объ открытіи въ Архангельскѣ и Кеми шкиперскихъ курсовъ, что и было исполнено въ 1842 г. Вообще Р. не мало сдѣлалъ для упорядоченія мореходства по Бѣлому морю; такъ, по проекту, представленному генералъ-гидрографу, устроены были три маяка: на мысѣ Терскомъ-Орловѣ и на островахъ Морховцѣ и Жижгинѣ, что имѣло большое значеніе для судовъ, плавающихъ въ этихъ водахъ, тѣмъ болѣе потому, что, когда Р. совершалъ свою экспедицію, на Бѣломъ морѣ еще вовсе не было маяковъ. Съ 1833 г. по 1852 г. Р. лѣтомъ производилъ гидрографическія изслѣдованія въ водахъ Балтійскаго моря; исключеніе составляетъ 1841 г., когда онъ былъ отпущенъ въ Германію (Карлсбадъ и Теплицъ) для поправленія своего разстроеннаго здоровья. По окончаніи каждой кампаніи онъ представлялъ начальству полный отчетъ о своихъ работахъ и, кромѣ того, составлялъ «Обзоръ съемки и промѣра Балтійскаго моря съ 1828 г. по 1843 г.», напечатанный во 2-й части «Записокъ Гидрографическаго Департамента». Въ 1840 г. Р., производя работы въ западной части Аландскихъ Острововъ, воспользовался близостью Швеціи, чтобы подробно ознакомиться со шведскимъ Гидрографическимъ Департаментомъ и съ новой тогда Стокгольмской магнитной обсерваторіей. Въ августѣ онъ вернулся на островъ Аландъ, гдѣ продолжалъ свои изслѣдованія. Составленное имъ краткое описаніе Аландскихъ Острововъ напечатано въ V-й части «Записокъ Гидрографическаго Департамента». Между прочимъ, не лишнее отмѣтить, что съ 1835 г. Р. принялъ въ своей экспедиціи новый способъ промѣра, изобрѣтенный лейтенантомъ Сиденснеромъ, однимъ изъ подчиненныхъ ему офицеровъ, — способъ, который впослѣдствіи примѣнялся при всѣхъ гидрографическихъ работахъ нашего флота, а тогда еще никому, кромѣ Р. не былъ извѣстенъ. Для характеристики трудовой промѣрной жизни экспедиціи могутъ служить отчеты Р., гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ, что партія человѣкъ въ сто каждое лѣто въ теченіе двухъ мѣсяцевъ жила на голомъ, пустомъ и безводномъ островѣ Калькшеръ, лежащемъ нѣсколько южнѣе Борго, оторванная отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ.

Кромѣ лѣтней, собственно морской службы, Р. исполнялъ, еще съ 1838 г., и береговую должность начальника 2-го Отдѣле-

нія Гидрографическаго Департамента, которую оставилъ въ 1849 г. по производствѣ въ генералъ-маіоры. Результатомъ его трудовъ на этомъ мѣстѣ было: составленіе подробныхъ и систематическихъ каталоговъ по архиву атласовъ, картъ и журналовъ; приведеніе въ порядокъ, такъ называемыхъ, инструментальныхъ камеръ военныхъ портовъ; изданіе «Записокъ Гидрографическаго Департамента», первые четыре тома которыхъ вышли подъ редакціей Р.; изданіе «Извѣстій о перемѣнахъ по лоціи» (1839—1855); установленіе ежедневнаго наблюденія надъ высотой горизонта воды; составленіе, по новымъ съемкамъ и промѣрамъ, новыхъ шхерныхъ и морскихъ картъ, а также изданіе къ нимъ лоціи и др. Между тѣмъ, труды Р. подвигали его и по службѣ: 6-го декабря 1849 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ переводомъ въ корпусъ штурмановъ и съ оставленіемъ при Департаментѣ. Съ весны этого же года здоровье Р. начинаетъ слабѣть; ему уже трудно становится выходить въ море, и онъ, пользуясь тѣмъ, что работы экспедиціи стягивались къ островамъ Даго, Мону и Эзелю, лѣтомъ жилъ на этихъ островахъ или въ Гапсалѣ, откуда и дѣлалъ необходимыя распоряженія. Въ началѣ 1853 г. болѣзнь Р. приняла такой оборотъ, что врачи рѣшительно предложили ему оставить дѣла и ѣхать отдыхать на югъ. Тогда онъ, сдавъ работы по съемкѣ барону Врангелю, отправился въ Крымъ, имѣя, между прочимъ, порученіе осмотрѣть портовыя управленія въ Николаевѣ и Севастополѣ и составить проектъ портоваго регламента. Изъ Севастополя Р. послалъ Генералъ-Адмиралу проектъ о предварительномъ исправленіи карты Каспійскаго моря и о новой подробной его описи. Предпріятіе это давно занимало Р.,—и еще въ 1839 г. онъ подавалъ записку объ этомъ дѣлѣ; пользуясь досугомъ, онъ снова сталъ хлопотать о немъ. Въ іюнѣ 1855 г. Р. вернулся въ Петербургъ и былъ назначенъ членомъ Морского Ученаго Комитета, съ переименованіемъ въ контръ-адмиралы. 30-го августа того же 1855 г. онъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ директоромъ Гидрографическаго Департамента, инспекторомъ Корпуса флотскихъ штурмановъ и предсѣдателемъ Морского Ученаго Комитета. Въ 1856 г. Генералъ-Адмиралъ поручилъ Р. осмотрѣть, вмѣстѣ съ директоромъ балтійскихъ маяковъ, состояніе этихъ маяковъ и гидрографической части балтійскихъ портовъ. Отчетъ объ исполненіи ими этого порученія напечатанъ въ № 1 «Морского Сборника» за 1857 г. По предложенію этого отчета, въ 1859 г. были учреждены до того времени несуществовавшія спасательныя станціи при маякахъ, числомъ пять. Въ декабрѣ 1857 г. Р. былъ уволенъ отъ должности инспектора корпуса штурмановъ, а въ маѣ 1858 г. отправился за-границу для возстановленія своего совсѣмъ разстроеннаго здоровья. Лѣто онъ провелъ на водахъ въ Швальбахѣ и въ сентябрѣ пріѣхалъ на зиму въ Гейдельбергъ. Въ началѣ весны онъ отправился во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ и скончался 16-го апрѣля 1859 г.

Р. былъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и членомъ-корреспондентомъ Имп. Академіи Наукъ (съ 1856 г.). Въ 1851 г., по порученію перваго, Р., вмѣстѣ съ А. Д. Озерскимъ, занимался составленіемъ «Свода инструкцій для Камчатской экспедиціи», вышедшаго въ свѣтъ въ 1852 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ Р. былъ назначенъ предсѣдателемъ Комитета для работъ астрономическихъ, физическихъ и геодезическихъ, учрежденнаго при Имп. Русскомъ Географическомъ Обществѣ въ виду предполагавшейся, но не приведенной въ исполненіе большой экспедиціи къ берегамъ Камчатки.

Кромѣ упомянутыхъ выше, Р. принадлежатъ еще слѣдующія сочиненія: «Описаніе г. Колы въ Россійской Лапландіи»—въ «Сынѣ Отеч. и Сѣверн. Архивѣ» 1830, т. X и XI; «Морской Сборникъ» 1859 г.: № 6, письмо Р. къ генералъ-адъютанту Глазенапу; «Наставленіе для дѣланія метеорологическихъ наблюденій въ военныхъ портахъ и объ исправленіи погрѣшностей корабельныхъ компасовъ» 1843 г.; «Обзоръ фарватеровъ въ финляндскихъ шхерахъ» 1840 г.; «Описаніе входовъ въ нѣкоторые порты Балтійскаго моря» 1841 и сл.; «Воспоминаніе о лейтенантѣ В. К. Кошкулѣ» въ «Морскомъ Сборникѣ» 1858 г., № 5; «Протоколъ частной моей переписки, съ начала самостоятельной моей жизни 1821 г. до самой смерти»—въ рукописи и др.

«Морской Сборникъ» 1869 г., № 5, статья Крашенинникова; «Морск. Сборн.» 1859 г., № 5;

«Отчетъ Академіи Наукъ» 1859 г.; «Мѣсяцесловъ» на 1860 г.; «Отчетъ Имп. Русскаго Географическаго Общества» за 1859 г. «Сѣверная Пчела» за 1841 г., №№ 276, 282; «Записки Гидрографическаго Департ.», ч. II, стр. 22—25; «Морской Сборн.» 1851 г., № 2; «Кронштадтскій Вѣстникъ» 1863 г., № 17.

Б. С.

Рейнсдорпъ, *Иванъ Андреевичъ*, генералъ-поручикъ, Оренбургскій генералъ-губернаторъ; въ службу вступилъ рядовымъ въ 1746 г. и вскорѣ былъ произведенъ въ прапорщики. Во время Семилѣтней войны онъ находился въ арміи фельдмаршала Степана Апраксина; быстро двигаясь по службѣ, Р. 14-го апрѣля 1759 г. былъ произведенъ въ полковники, а 14-го марта слѣдующаго года Высочайшимъ указомъ ему было пожаловано 1000 рублей и маетности (помѣстья) въ Лифляндіи; 3-го марта 1763 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1768 г. (29-го сентября) назначенъ Оренбургскимъ губернаторомъ и 22-го сентября 1769 г. получилъ орденъ Анны 1-й степени. Дѣятельность Р. въ качествѣ губернатора заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ въ это время совершились два весьма важныхъ событія въ Оренбургскомъ краѣ: бѣгство 30.000 калмыцкихъ кибитокъ въ Китай и Пугачевскій бунтъ. Выдвинувшійся всегда пунктуальнымъ исполненіемъ приказаній начальства, Рейнсдорпъ, однако, не отличался ни находчивостью, ни рѣшительностью въ своихъ самостоятельныхъ дѣйствій: при тѣхъ или другихъ крупныхъ затрудненіяхъ онъ терялся, а время было такое, когда всякій день приносилъ новыя осложненія. Прибывъ къ мѣсту своего назначенія, въ Оренбургъ онъ объѣхалъ почти всю губернію, при чемъ убѣдился, что положеніе было очень серіозное: яицкіе казаки жаловались на притѣсненія старшинъ, которые уже нѣсколько лѣтъ не выдавали имъ жалованья; среди калмыковъ бродили китайскіе агенты и подстрекали ихъ къ бунту и грабежу; на Волгѣ чуть не ежедневно совершались грабежи и убійства; въ народѣ и среди казаковъ ходили слухи, что Императоръ Петръ III живъ. О всемъ этомъ Рейнсдорпъ не замедлилъ составить и отправить къ Императрицѣ весьма обстоятельную записку. Но этимъ и ограничилась пока дѣятельность новаго губернатора. Узнавъ, еще въ концѣ 1769 года, о намѣреніи калмыковъ уйти въ Китай, онъ заблаговременно не принялъ никакихъ мѣръ къ предупрежденію этого побѣга, и годъ спустя калмыки въ числѣ 30000 кибитокъ дѣйствительно передвинулись въ киргизскія степи. Военная Коллегія, узнавъ объ этомъ, предписала Рейнсдорпу собрать всѣ оренбургскія войска и нарядить башкиръ, чтобы воспрепятствовать движенію калмыковъ. Между тѣмъ, эти послѣдніе вступили въ земли яицкаго войска. Не смотря на всѣ предписанія Рейнсдорпа, войско отказывалось выступить противъ калмыковъ, которые, благодаря этому, и ушли свободно въ Китай. Ободренные успѣшнымъ бѣгствомъ калмыковъ, башкирцы въ свою очередь задумали уйти въ киргизскія степи и послали просьбу владѣтелямъ Малой и Средней Орды, въ которой говорили о своемъ желаніи быть подданными киргизъ, такъ какъ въ Россіи имъ живется плохо. Рейнсдорпъ все болѣе терялся и не зналъ, что предпринять. Между тѣмъ, положеніе на Яикѣ становилось все серіознѣе. Присланный въ Яицкій городокъ для производства слѣдствія о безпорядкахъ среди казаковъ генералъ-маіоръ Траунбенбергъ былъ убитъ вмѣстѣ съ большею частью своей команды. Рейнсдорпъ не предпринималъ ничего рѣшительнаго и только уговаривалъ казаковъ успокоиться, грозя въ противномъ случаѣ прекратить доставку изъ Оренбурга хлѣба и другихъ припасовъ, но это мало помогало: казаки не хотѣли выдавать зачинщиковъ, такъ что когда для ихъ усмиренія былъ командированъ Военной Коллегіей генералъ-маіоръ Фрейманъ съ 3000-мъ корпусомъ, то они сожгли степь и вышли къ нему на встрѣчу въ числѣ 10000; въ происшедшемъ сраженіи казаки были разбиты, и Фрейманъ занялъ Яицкій городокъ. Не смотря на непрекращавшіеся безпорядки въ Оренбургскомъ краѣ, Императрица Екатерина видимо благоволила къ Рейнсдорпу, и 30-го іюля 1771 года онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики. Между тѣмъ, помимо безпорядковъ среди калмыковъ, башкиръ и казаковъ, возникло еще новое осложненіе. Въ народѣ разнесся слухъ, что въ Пермской и Кунгурской провинціяхъ можно селиться всякому, даже бѣглому. Начались учащенные побѣги туда крѣпостныхъ крестьянъ, но ихъ ловили и водворяли на мѣсто. Наконецъ, появились слухи, что императоръ Петръ III находится среди

яицкихъ казаковъ. Въ Оренбургъ эти слухи дошли почти одновременно съ извѣстіями о первыхъ успѣхахъ самозванца. Рейнсдорпъ узналъ объ этомъ во время бала 22-го сентября 1773 г., бывшаго у него по случаю дня коронованія Императрицы. Однако, нѣсколько дней онъ никому объ этомъ не сообщалъ и не принималъ никакихъ мѣръ, чѣмъ далъ Пугачеву полную возможность усилиться и взять еще нѣсколько крѣпостей. Спустя нѣсколько дней, Рейнсдорпъ предписалъ бригадиру Билову съ четырьмя сотнями солдатъ, пѣхоты и конницы и шестью орудіями выступить изъ Оренбурга и идти къ Яицкому городку на выручку подполковника Симонова, котораго уже окружили полчища мятежниковъ. Командиру Верхне-Озерной дистанціи, бригадиру барону Корфу было приказано идти какъ можно скорѣе къ Оренбургу, а подполковнику Симонову — отрядить маіора Наумова для соединенія съ бригадиромъ Биловымъ. Однако, эти распоряженія не принесли никакой пользы, такъ какъ никѣмъ не были въ точности исполнены. Между тѣмъ, каждый день приносилъ новыя вѣсти объ успѣхахъ Пугачева. Рейнсдорпъ отрядилъ противъ него изъ Оренбурга башкиръ, но тѣ вернулись съ дороги и сообщили, что Пугачевъ двигается къ Оренбургу. Рейнсдорпъ растерялся, собралъ совѣтъ изъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и предложилъ рѣшить, что предпринять. Только одинъ помощникъ губернатора, дѣйствительный статскій совѣтникъ Старово-Милюковъ, бывшій артиллеристъ, предлагалъ со всѣмъ имѣющимся подъ руками войскомъ идти на Пугачева и постараться разбить его, остальные же высказались за оборонительную тактику. Рейнсдорпъ, хотя и раздѣлялъ мнѣніе Старово-Милюкова, однако не пошелъ противъ большинства (интересную картину этихъ Оренбургскихъ совѣтовъ находимъ мы у Пушкина въ его «Капитанской дочкѣ», гл. IX). Въ виду весьма возможнаго нападенія на Оренбургъ, Рейнсдорпъ сталъ приводить городъ въ оборонительное положеніе: велѣлъ вычистить рвы, осмотрѣть и поправить укрѣпленія, перевезти въ городъ сѣно. Дѣйствительно, Пугачевъ не заставилъ себя долго ждать, и уже 5-го октября шайки его появились въ виду города. Чтобы удержать жителей отъ перехода на сторону самозванца, имъ было объявлено Рейнсдорпомъ, что всѣ понесенныя во время осады потери и убытки будутъ потомъ возмѣщены; 6-го октября созванъ былъ новый совѣтъ, на которомъ было рѣшено сжечь предмѣстье (форштадтъ), вооружить всѣхъ жителей, могущихъ носить оружіе, и поручить надъ ними начальство оберъ-коменданту генералъ - маіору Валленштерну; артиллерія была поручена д. с. с. Старово-Милюкову; кромѣ того, организованы были пожарныя дружины подъ начальствомъ директора таможни Обухова. 8-го октября мятежники большой толпой устремились на монетный дворъ съ цѣлью его ограбить; посланная противъ нихъ команда разбила ихъ и обратила въ бѣгство. Рейнсдорпъ хотѣлъ воспользоваться этимъ и вывести всѣ войска въ поле, чтобы, не давъ мятежникамъ оправиться, нанести имъ рѣшительный ударъ, но начальники отдѣльныхъ частей донесли, что войско ненадежно, легко можетъ измѣнить, почему и пришлось остаться въ городѣ. Началась осада. Пугачевъ, боясь неудачи и жалѣя людей, рѣшилъ голодомъ заставить городъ сдаться, въ виду чего не дѣлалъ приступовъ. Рейнсдорпъ нѣсколько разъ посылалъ войска въ большомъ числѣ на вылазки, но все неудачно. Силы Пугачева все увеличивались: въ началѣ осады въ Оренбургѣ было 2900 человѣкъ солдатъ и 70 орудій, у Пугачева же 10000 человѣкъ и 100 орудій, а черезъ двѣ недѣли уже 15000 человѣкъ. Съѣстные припасы начали истощаться, цѣны на все сильно возросли. Не надѣясь отбиться отъ бунтовщиковъ силою оружія, Рейнсдорпъ рѣшилъ подослать къ Пугачеву убійцу. Для этой цѣли былъ выбранъ бѣглый каторжникъ Хлопуша, но послѣдній, явившись къ самозванцу, все ему разсказалъ и просилъ позволенія остаться въ его шайкѣ. Такъ же неудачно окончилась и другая мѣра, принятая Рейнсдорпомъ: онъ, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ изъ Казани, увѣщевая казаковъ выдать самозванца, въ одномъ изъ своихъ писемъ выразился о послѣднемъ такъ: «Онъ (Пугачевъ) за рядъ злодѣйствъ наказанъ кнутомъ, съ поставленіемъ на лицѣ его знаковъ, но чтобы онъ въ томъ познанъ не былъ, для того предъ предводительствуемыми имъ никогда шапки не снимаетъ»; эта ложь (хотя, кажется, неумышленная) тоже принесла только одинъ

вредъ. Будучи нерѣшительнымъ администраторомъ, Рейнсдорпъ, однако, весьма умѣло поддерживалъ порядокъ въ осажденномъ городѣ, не смотря на особо-затруднительныя обстоятельства. Наконецъ, послѣ многихъ мѣсяцевъ осады, Оренбургъ былъ вырученъ княземъ Голицынымъ. Послѣ смерти Бибикова, по его идеѣ, слѣдственная коммиссія о мятежѣ была раздѣлена на двѣ: Оренбургскую и Уфимскую; первая, до пріѣзда П. С. Потемкина, была подчинена Рейнсдорпу. Несмотря на цѣлый рядъ крупныхъ его промаховъ, Императрица Екатерина, прекрасно понимая тѣ тяжелыя обстоятельства, при которыхъ приходилось ему работать, не измѣнила къ нему своей благосклонности и 1-го мая 1774 года пожаловала ему орденъ св. Александра Невскаго. Дальнѣйшіе годы службы Рейнсдорпа были направлены къ устройству и водворенію порядка въ Оренбургскомъ краѣ. Интересны отношенія Рейнсдорпа къ извѣстному дѣятелю Оренбургскаго края Петру Ивановичу Рычкову: первое время ихъ совмѣстнаго служенія Рейнсдорпъ относился къ нему очень хорошо, но когда узналъ, что Рычковъ не одобряетъ многихъ его распоряженій, отношенія ихъ сдѣлались натянутыми; они еще болѣе ухудшились послѣ того, какъ Рычковъ составилъ описаніе ухода калмыковъ, написанное по извѣстіямъ его сына Андрея, и послалъ это сочиненіе академику Г. Ф. Миллеру, не показавъ его Рейнсдорпу. Послѣ освобожденія Оренбурга, по предложенію князя Голицына, Рычковъ написалъ исторію Пугачевскаго бунта, но хотя и пользовался губернаторскимъ дневникомъ, однако, по окончаніи работы, не показалъ ее Рейнсдорпу, изъ чего послѣдній не безъ основанія вывелъ, что авторъ не вполнѣ одобрялъ его дѣйствія; отношенія совсѣмъ обострились послѣ того, какъ графъ Панинъ, предписавъ (25-го октября 1774 года) Рейнсдорпу составить два краткіе историческіе экстракта о киргизскомъ народѣ и о башкирскомъ, спустя нѣкоторое время передалъ эту работу П. И. Рычкову, назначивъ послѣдняго помощникомъ Оренбургскаго губернатора, съ порученіемъ принять участіе въ управленіи инородцами и «вѣдать пограничныя дѣла». Рейнсдорпъ, однако, не пріостановилъ начатое сочиненіе экстрактовъ и въ началѣ 1775 года представилъ ихъ графу Панину, а Рычковъ представилъ свои. Въ 1780 г. изъ двухъ областей — Оренбургской и Уфимской—было образовано Оренбургское Намѣстничество, и генералъ-губернаторомъ его былъ назначенъ Рейнсдорпъ, пробывшій въ этомъ званіи до 16-го февраля 1781 г.; онъ скончался въ концѣ того-же 1781 года.

Д. Н. Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», М. 1836 г., ч. IV, стр. 275—277; «Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, т. 23, ст. К. Василенко «Пугачевщина», стр. 752—753; «Русскій энциклопедическій словарь», изд. И. Н. Березина, отд. IV, т. I, стр. 155; А. Алекторовъ, «Исторія Оренбургской губерніи», изд. 2-ое, Оренбургъ. 1883 г., стр. 51—71; «Памятная книжка Уфимской губерніи» за 1873 г.. ч. II, стр. 140—142; В. Н. Витевскій, «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край», историческая монографія, Казань. 1889—1897 гг., стр. 265, 296, 399—404, 616 и приложеніе, стр. 16; П. П. Пекарскій, «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова», стр. 55, 130, 131—135, 140—141, 150—152; П. Барановъ, «Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ», т. III, С.-Пб. 1878 г., стр. 400 и 426, указатель къ III т. «Описи», стр. 227; «Военный сборникъ» 1869 г., №№ 5 и 6, ст. Д. Анучина: «Первые успѣхи Пугачева» и 1872 г., февраль, № 2, ст. Ф. Лобысевича: «Главные начальники Оренбургскаго края», стр. 49—51; «Русскій Вѣстникъ» 1861 г., № 12, приложенія, стр. 59; «Мѣсяцесловъ» 1776 г., стр. 236, на 1777 г., стр. 294, на 1778, стр. 320, на 1779, стр. 393, на 1780 г. стр. 424; «Вѣстникъ Европы» 1866 г., № 1, ст. Д. Мордовцева: «Пугачевщина»; 1870 г., іюнь, № 6, «Пугачевскій бунтъ по запискамъ современника и очевидца», ст. Середы (пересказъ записокъ А. Е. Поспѣлова), стр. 625—626, 630; Н. Ѳ. Дубровинъ, «Пугачевъ и его сообщники С.-Пб. 1884 г. т. I, II, III; «Современникъ» 1862 г., т. 92, ст. Д. Анучина: «Происшествія на Яикѣ 1772 г.»; «Памятники новой русской исторіи», изд. В. Кашперова, т. II: «Волненіе на Яикѣ передъ Пугачевскимъ бунтомъ», записка капитана Саввы Маврина; «Оренбургскія губернскія вѣдомости» 1868 г., № 48 и 1869 г., № 26 (записки А. Е. Поспѣлова «Пугачевскій бунтъ») стр. 145; Русская Старина 1870 г., т. II, стр. 399; А. С. Пушкинъ, «Исторія Пугачевскаго бунта» ч. I, стр. 12—18, 19, 26, 30—33, 42—43, примѣчанія, стр. 91 (40) и 94 (59), ч. II, Приложенія, стр. 129 и 132 (Именной указъ Оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу), 141, «Осада Оренбурга» (лѣтопись П. И. Рычкова), стр. 168—171, 178—179, 193, 200—202, 214, 218, 232, 237, 257, 259, 261; «Списокъ Воинскому Департаменту» на 1776 г., стр. 38; «Русскій Архивъ» 1867 г., стр. 502; 1870 г., стр. 1431; 1877 г., т. I, стр. 174; 1879 г., т. II, стр. 0389—0390, 0394—0396, 0398—0401, 445—448, 455; 1889 г., т. II, стр. 376; 1891 г., т. II; стр. 12; 1896 г., т. II, стр. 12, 13, 18, 27—29, 162—165, 174, 176, 180, 181; 1900 г. т. I, стр. 151; Вейдемейеръ. Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи, ч. I, С.-Пб. 1846, стр. 153; Н. Чернявскій.

Оренбургская Епархія въ прошломъ ея и настоящемъ, вып. II, Оренб. 1903, стр. 907; Ильенко и Масловскій. Опись дѣлъ секретнаго повытья Моск. Отдѣл. Общ. Арх. Главн. Штаба, М. 1890, стр. 148, 149 и 191.

Е. Я.

Рейнъ, *Гавріилъ*, профессоръ исторіи и статистики въ Александровскомъ Университетѣ въ Гельсингфорсѣ, род. въ 1801 г. въ с. Яскисъ, близъ Иматры (Выборгской губ.), воспитывался въ Университетѣ въ г. Або и тамъ же былъ лекторомъ исторіи. Въ 1834 г. Р. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ исторіи въ Университетѣ въ Гельсингфорсѣ и оставался въ этой должности до выхода своего въ отставку въ 1861 г. со званіемъ заслуженнаго профессора. Во время своей службы при Университетѣ Р. былъ четыре раза избираемъ въ должность ректора и пользовался любовью и уваженіемъ какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Р. всецѣло былъ преданъ изученію исторіи и статистики своей родины. Въ первые годы своей ученой дѣятельности онъ издавалъ свои сочиненія преимущественно на латинскомъ языкѣ, а впослѣдствіи—на шведскомъ; кромѣ того, нѣсколько трудовъ написаны имъ на нѣмецкомъ языкѣ. Между прочимъ, изданъ на нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ статистическій очеркъ Финляндіи («Statistik teckning of Storfurstendömet Finnland», 1834). Русскій языкъ онъ зналъ основательно и могъ свободно говорить по-русски; долгое время онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Имп. Русскаго Географическаго Общества, которому присылалъ свои корреспонденціи, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1856 г. Р. былъ возведенъ въ дворянское достоинство и, какъ представитель дворянскаго сословія, участвовалъ въ дѣятельности обоихъ финляндскихъ сеймовъ; на послѣднемъ изъ нихъ, въ 1867 г., его ходатайство о сохраненіи памятниковъ родной старины было принято всѣми четырьмя сословіями и представлено въ видѣ петиціи отъ Сейма къ верховной власти. Р. умеръ въ Гельсингфорсѣ 12-го (24) іюня 1867 г., на 67-мъ году.

Р. принадлежитъ къ числу наиболѣе заслуженныхъ ученыхъ Финляндіи. Изъ наиболѣе важныхъ трудовъ Р. по исторіи укажемъ слѣдующіе: «Попытки къ соединенію Финляндіи съ Россіей»; «Густавъ III-й и Аньяльскій заговоръ»; «Kriget i Finnland åren 1788 och 1790. Helsingfors. 1860. (Война въ Финляндіи въ 1788 — 1790 г); «Specimen historicum de vetere Carelia ante occupationem svecanam».

«Мѣсяцесловъ» на 1868 г., стр. 299; «Отечественныя Записки», 1865 г., № 20, окт., кн. 2-я, и № 21, нояб., кн. 1-я, стр. 557—584 и 113—131. Статья Д. Ш—ва; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1867 г., № 175; Отчетъ Императ. Русскаго Географическаго Общества за 1867 г., составленный барономъ Ф. Р. Остенъ-Сакеномъ, стр. 8; Библіографическіе листы Кеппена 1825 г., № 1, стр. 307

Рейпольскій, *Иванъ Николаевичъ*, профессоръ Харьковскаго Университета по каѳедрѣ патологіи и терапіи, род. въ 1789 г., ум. въ Харьковѣ 21-го сентября 1863 г.; происходилъ изъ духовнаго званія; получивъ первоначальное образованіе въ Харьковскомъ Коллегіумѣ, онъ въ 1810 г. поступилъ въ Императорскую Медико-Хирургическую Академію, гдѣ окончилъ курсъ и былъ произведенъ въ лѣкари 1-го отдѣленія 25-го іюля 1814 г. 30-го іюля того же года Р. опредѣленъ былъ на службу въ Новоградъ-Волынскій госпиталь, а затѣмъ послѣдовательно служилъ въ Луцкомъ военномъ госпиталѣ (съ 28-го сентября 1814 г.), въ Рязанскомъ пѣхотномъ полку (съ 1-го апрѣля 1815 г.), въ 1-мъ Егерьскомъ (съ 26-го августа 1817 г.), въ Одесскомъ пѣхотномъ (съ 25-го марта 1819 г.) и въ 39-мъ Егерьскомъ (съ 21-го апрѣля 1821 г.). 3-го октября 1822 г. онъ былъ опредѣленъ ординаторомъ въ Симферопольскій дивизіонный госпиталь, а 27-го января 1823 г. уволенъ изъ военнаго вѣдомства и опредѣленъ въ Харьковскій Университетъ адъюнктомъ патологіи и терапіи. 17-го Февраля 1826 г. Р. произведенъ былъ въ экстраординарные профессоры. Съ 6-го апрѣля 1829 г. онъ состоялъ секретаремъ Медицинскаго Факультета, а въ 1832 г., съ 15-го февраля по 6-е іюня, сверхъ собственнаго предмета, преподавалъ ботанику. Чтеніе лекцій въ Харьковскомъ Университетѣ Рейпольскій окончилъ въ 1836 — 1837 учебномъ году. Остальное время своей жизни онъ состоялъ врачемъ въ учебныхъ заведеніяхъ Харькова.. Онъ отличался необыкновенною оригинальностью, при крайней добротѣ: почти никогда онъ не отказывалъ въ своей помощи, не различая при этомъ сословій и состояній. Въ темную ночь и въ

непогоду онъ шелъ къ бѣдному и богатому, не разсчитывая на вознагражденіе; напротивъ, нерѣдко больной получалъ отъ него и лекарство, и необходимую пищу.

Рейпольскій обладалъ обширными и многосторонними свѣдѣніями. Изъ работъ его извѣстно его разсужденіе «О холерѣ», читанное на университетскомъ актѣ 1831 года, любопытное въ томъ отношеніи, что авторъ приводитъ здѣсь наблюденія изъ своей собственной практики въ Харьковѣ и Курскѣ надъ свойствами болѣзни и надъ ея леченіемъ. Между прочимъ, онъ здѣсь высказывается довольно рѣшительно противъ заразительности холеры. Другое, болѣе обширное его сочиненіе, вышло въ 1823 году въ Харьковѣ подъ заглавіемъ: «Новѣйшее начертаніе естественной исторіи, заключающей въ себѣ подробное и любопытнѣйшее описаніе млекопитающихъ животныхъ, съ полезнѣйшими хозяйственными замѣчаніями и леченіемъ болѣзней домашняго скота».

Формулярный списокъ, составленный въ 1833 году; Обозрѣніе публичнаго преподаванія наукъ въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ на 1833—1834 учебный годъ, стр. 8—9; на 1834—1835 уч. г., стр. 8; на 1836—1837 г., стр. 9; Прибавленіе къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1863 г., № 93, Некрологъ; Д. Ильченко. Императоръ Николай въ 1-ой Харьковской гимназіи въ 1848 году («Русск. Стар.» 1882 г., № 9, стр. 628—629; «Южный край» 1883 г., № 722; Харьковскій Сборникъ. Вып. IV (Харьк., 1890 г.), стр. 99—104; Вып. VI (Харьк. 1892 г.), стр. 149; «Истор. Вѣстн.» 1891 г. т. 45, стр. 390—392; Проф. Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета. Т. II., стр. 500, 579, 592, 622 и 721 (и указатель).

Н. Мичатекъ.

Рейссигъ, *Корнилій Христіановичъ,* директоръ Механическаго Отдѣленія Военно-Топографическаго Депо Главнаго Штаба, писатель; род. въ 1781 г. и былъ родомъ изъ Гессенъ-Касселя, гдѣ отецъ его былъ инспекторомъ Математическаго Кабинета; пріѣхавъ въ Россію, онъ пріобрѣлъ расположеніе графа Е. Ф. Канкрина и въ 1810 г. представилъ проектъ учрежденія при Главномъ Штабѣ механической мастерской, въ которой могли бы изготовляться разнаго рода математическіе инструменты для нуждъ Квартирмейстерской части, Депо картъ и Инженернаго Департамента. 10-го января 1811 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ астрономіи въ эту мастерскую, а по утвержденіи ея штатовъ, опредѣленъ ея директоромъ. Должность эту онъ занималъ до самой смерти и за свою полезную дѣятельность по изобрѣтенію и изготовленію множества математическихъ инструментовъ былъ, 19-го апрѣля 1831 г., произведенъ въ д. с. совѣтники; кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, онъ съ 9-го августа 1834 г. состоялъ членомъ Мануфактурнаго Совѣта и, съ того-же года,— членомъ Техническаго Комитета при Технологическомъ Институтѣ, а кромѣ того, почетнымъ вольнымъ общникомъ Имп. Академіи Художествъ; за научныя свои заслуги въ области механики, Р. былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Имп. Академіи Наукъ (16-го августа 1814 г.), корреспондентомъ Вольнаго Экономическаго Общества (18-го сентября 1815 г.) и членомъ Имп. Московскаго Общества Испытателей Природы (15-го сентября 1834 г.) и Общества Естественно-историческихъ обществъ въ Галле, Іенѣ и Ганау. Р. издалъ слѣдующіе научные труды: «Новая мензула, построенная въ Механическомъ Заведеніи, учрежденномъ при Главномъ Штабѣ Е. И. В., описанная Корн. Рейссигомъ на Россійскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ» (С.-Пб. 1816); «Таблицы Хордъ для всѣхъ угловъ четверти окружности, служащія къ наложенію на бумагу измѣренныхъ угловъ, съ описаніемъ принадлежащаго къ сему прямого циркуля; вычислены и изданы Корн. Рейссигомъ» (С.-Пб. 1817); «Созвѣздія, представленныя на XXX таблицахъ, съ описаніемъ оныхъ и руководствомъ къ удобному ихъ отысканію на небѣ, составленнымъ для учебныхъ заведеній и любителей астрономіи» (С.-Пб. 1829; рец.: «Сѣв. Пчела» 1835 г., № 1, стр. 1—3).

К. Х. Рейссигъ умеръ въ 1860 году.

«Краткій историческій очеркъ о С.-Пб. Практическомъ Технологическомъ Институтѣ. 1828—1878», С.-Пб. 1878, стр. 17, 19, 29, 186; «Историческ. очеркъ дѣятельности Корпуса военныхъ топографовъ», стр. 33, 35, 36; Адресъ-календари; Ю. Иверсенъ «Медали въ честь русскихъ государствен. дѣятелей и частныхъ лицъ. Вып. IV (С.-Пб. 1882, стр. 140—141); Н. Глиноецкій, «Исторія русскаго Генеральнаго Штаба», т. I С.-Пб. 1883, стр. 218, 219, 293, 334; Формулярный списокъ; Б. Л. Модзалевскій. Списокъ членовъ Имп. Академіи Наукъ, С.-Пб. 1908; А. И. Ходневъ. Исторія Имп. Вольнаго Экономическаго Общества, С.-Пб. 1865 г., стр. 502.

Рейсснеръ, *Эрнестъ* (Ernest Reissner), докторъ медицины, профессоръ Юрьев-

скаго Университета, род. 12-го сентября 1824 года въ Ригѣ, умеръ 4-го сентября 1878 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Ригѣ, а медицинѣ обучался въ Дерптскомъ Университетѣ, въ который поступилъ въ 1845 г.; окончивъ курсъ въ 1850 г. со степенью докторанта, Р. черезъ годъ получилъ степень доктора медицины и вскорѣ получилъ должность прозектора при каѳедрѣ анатоміи, которую въ то время занималъ профессоръ Рейхертъ. Въ 1853 г. Р. получилъ право на чтеніе лекцій, а въ 1857 г., когда Рейхертъ уѣхалъ въ Бреславль, онъ былъ избранъ на его мѣсто профессоромъ анатоміи. Во время своей научной дѣятельности Р. побывалъ нѣсколько разъ за-границей съ научными цѣлями; въ 1875 г. онъ вышелъ въ отставку, послѣ чего жилъ не долго: въ 1878 г. онъ умеръ въ Рухентальскомъ замкѣ, въ Курляндской губерніи. Кратковременность научной дѣятельности не помѣшала ему рядомъ замѣчательныхъ изслѣдованій по анатоміи сдѣлать извѣстнымъ въ наукѣ свое имя. Такъ, стѣнка перепончатаго улиточнаго хода называется его именемъ «Рейсснерова перепонка», Membrana vestibularis Reissneri. Его научные труды слѣдующіе: «De auris internae formatione», Dorpati Liv. 1851 г. (докторск. дисс.); «Nonnulla de hominis mammaliumque pilis», 1853 г. (Диссерт. на право чтенія лекцій); «Beitrag zur Kenntnis der Haare des Menschen und der Säugetiere», Breslau. 1854; «Zur Kenntnis der Schnecke im Gehörorgane der Säugethiere und des Menschen» — «Müller's Archiv für Anatomie» u. s. w. 1854; «Uber die Schwimmblase und den Gehörapparat einiger Silurviden»— «Müller's Archiv», 1859; «Beitrag zur Kenntnis vom Baue des Rückenmarkes von Petromyzon fluviatilis»—«Müller's Archiv», 1860; «Neurologische Studien»—«Müller's Archiv», 1862; «Der Bau des centralen Nervensystems der ungeschwänzten Batrachier. Mit 12 Tafeln», Dorpat. 1864.

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго Университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902), под. ред. проф. Г. В. Левицкаго, т. II. Юрьевъ, 1903 г.; Всеобщ. мед. списки за 1850 годъ.

В. Кульбинъ.

Рейсъ, *Фердинандъ Ѳедоровичъ (Фердинандъ-Фридрихъ),* докторъ медицины и хирургіи, заслуженный профессоръ химіи Московскаго Университета; род. въ Тюбингенѣ 8-го февраля 1778 г.; первоначальное научное образованіе получилъ подъ руководствомъ своего отца, тоже ученаго. Въ 1801 г. переѣхалъ въ Гёттингенъ и здѣсь получилъ степень доктора медицины и хирургіи и званіе приватнаго преподавателя медицинской химіи. Въ это время онъ уже былъ извѣстенъ въ ученомъ мірѣ химическимъ изслѣдованіемъ лимфы и млечнаго сока лошади; вѣроятно, благодаря этому труду Р. приглашенъ былъ въ Московскій Университетъ экстра-ординарнымъ профессоромъ медицинской химіи (1803 г.). Кромѣ Университета, онъ много лѣтъ читалъ лекціи въ Московскомъ Отдѣленіи Медико-Хирургической Академіи (1817—1839 гг.), которое оставилъ съ званіемъ почетнаго члена и академика (24-го февраля 1828 г.). Состоя непремѣннымъ секретаремъ (съ 1804 г.), а впослѣдствіи предсѣдателемъ (съ 1822 г.) Физико-Медицинскаго Общества при Московскомъ Университетѣ, Р. принималъ весьма близкое участіе въ дѣятельности этого Общества, постоянно докладывая въ его засѣданіяхъ о своихъ научныхъ трудахъ. Въ числѣ многихъ открытій, сдѣланныхъ имъ въ области медицинской химіи, первое мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ наблюденному имъ движенію воды, находящейся между полюсами Вольтова столба, отъ одного къ другому. Дѣйствіемъ этой силы — водогонной — объясняется, какъ онъ доказывалъ, появленіе минеральныхъ и обыкновенныхъ ключей, объясняется движеніе соковъ въ растеніяхъ и даже — крови у человѣка и животныхъ (особенно у неимѣющихъ сердца). Пользуясь своимъ открытіемъ, Р. изъ найденной имъ въ Нескучномъ саду минеральной воды, могъ, по произволу, получать воду любого качества, прибавляя къ ней ту или другую соль. Въ 1822 г. Р. принялъ на себя завѣдываніе Университетской библіотекой; памятникомъ этой его дѣятельности остались два каталога, лично имъ составленные, — систематическій и алфавитный.

Въ 1839 году Р. оставилъ службу въ Московскомъ Университетѣ за выслугою лѣтъ и переселился въ Штутгардъ, гдѣ и умеръ 2 (14) апрѣля 1852 г,

Труды его слѣдующіе: I. Въ «Запискахъ Физико-Медицинскаго Общества» напеча-

таны статьи т. I—а) «Описаніе химическихъ дѣйствій гальваническаго электричества»; б) «Theoremata de miasmatum contagiosorum origine, nature, proprietatibus et agendi modo»; т. II. а) «Опыты, относящіеся къ фармаціи»; б) двѣ статьи подъ заглавіемъ «Наблюденія надъ различными лекарствами»; в) «Разложеніе противолихорадочнаго начала хинной корки»; г) «Физико-химическіе опыты надъ животнымъ магнетизмомъ»; д) «О водогонной силѣ (potestas hydragoga) гальваническаго электричества», открытой Рейсомъ, и объ участіи ея въ различныхъ явленіяхъ природы (статья о томъ-же — «Записки Имп. Моск. Общ. Испыт. Природы», т. II.); е) «Анатомо-физіологическое изслѣдованіе силъ, движущихъ кровь, которымъ доказывается, что главная изъ нихъ есть водогонная сила электричества»; ж) «О дѣйствіи различныхъ средствъ, особенно растенія scutellaria laterifolia противъ водобоязни»; т. III. а) «Замѣчанія относительно того, что врачамъ слѣдовало бы къ своимъ метеорологическимъ наблюденіямъ присоединять и геологическія»; б) «Наблюденія надъ средствомъ Каде де Во (Cadet de Vaux) противъ ломоты и ревматизма»; в) «Замѣчанія объ изумительномъ дѣйствіи сѣрно-кислой мѣди въ крупѣ»; г) «Замѣчанія о болѣзни—asthma aculum periodicum Millari»; II. Доклады въ Физико-Медицинскомъ Обществѣ: 1) «О химическомъ сродствѣ»; 2) «Разсужденія объ опытахъ съ Вольтовымъ столбомъ, произведенныхъ Ф. Пакіяни»; 3) «Метеорологическія наблюденія»; 4) «Разсужденія о пользѣ новѣйшаго химическаго именословія (nomenclatura) съ опытомъ перевода химическихъ терминовъ на русскій языкъ»; 5) «Разсужденіе о перегонномъ снарядѣ, изобрѣтенномъ В. Каразинымъ»; 6) «Новые опыты объ измѣненіи(metamorphosis) воды гальваническимъ электричествомъ»; 7) «Описаніе (historia) химическаго дѣйствія гальваническаго электричества»; 8) «Описаніе опыта, доказывающаго образованіе газовъ (aerogenesis) дѣйствіемъ гальваническаго электричества изъ воды въ самой рѣкѣ, часть которой на значительномъ даже пространствѣ служила проводникомъ для соединенія полюсовъ Вольтова столба»; 9) «Извѣщеніе о новомъ, до того времени неизвѣстномъ дѣйствіи гальваническаго электричества»; 10) «Химическія замѣчанія о сѣрныхъ и кислыхъ Кавказскихъ источникахъ»; 11) «Химическое разложеніе Семеновскихъ (Московской губ.) желѣзистыхъ минеральныхъ водъ»; 12) «Наблюденія и опыты надъ свекловичнымъ сахаромъ»; 13) «Замѣчанія о различныхъ видахъ хинной корки, встрѣчающихся въ аптекахъ и торговлѣ»; 14) «Разсужденія о свойствахъ и различіяхъ человѣческой мочи въ видѣ введенія къ химико-терапевтическимъ замѣчаніямъ о средствахъ, разрушающихъ мочевые камни (lithontriptica)»; 15) «Полное химическое разложеніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ»; 16) «Замѣчанія (notitia) о минеральныхъ водахъ Тверской губ., изслѣдованныхъ и описанныхъ по повелѣнію Его Свѣтлости Принца Ольденбургскаго»; 17) «Совѣты для экономической постройки удобныхъ и здоровыхъ домовъ»; 18) «Опыты, относящіеся къ усовершенствованію фармаціи»; 19) «Наблюденія надъ крупомъ»; 20) «Объ успѣшномъ употребленіи углекислаго кали (sal tartari) въ крупѣ»; 21) «Объ употребленіи животнаго фосфорнаго масла въ темной водѣ и химическія замѣчанія объ этомъ средствѣ»; 22) «Исторія больной, спасенной отъ угрожавшаго смертью крупа дѣйствіемъ средствъ, возбуждающихъ чиханіе»; 23) «Замѣчанія о нѣкоторыхъ народныхъ русскихъ лекарствахъ»; 24) «Разсужденіе о нѣкоторыхъ лекарствахъ»; 25) «Наблюденія надъ крупомъ (tracneitis) двухлѣтняго ребенка, излеченнаго отъ этой болѣзни углекислымъ кали (sal tartari); 26) «Рѣчь о врачебномъ дѣйствіи растенія geranium scabrum». Другіе труды: 1) «Описаніе Семеновскихъ минеральныхъ водъ»; 2) «Наставленіе, какъ употреблять средство, предохраняющее отъ моровой язвы и другихъ заразительныхъ болѣзней»; М. 1807; 3) «О самовозгораніи (De incendis spontaneis eorumque legibus et causis oratio)»; 4) «Рѣчь» на актѣ 1809 г.—De studiorum academicorum rectius instituendorum prosperius celebrandorum et felicius absolvendorum ratione»; 5) «Рѣчь» на актѣ 1825 г.—«Memoria coronationis et sacrae unctionis Imperatoris ac domini nostri Nicolai Primi»; 6) «Объ употребленіи хлора для предохраненія отъ холеры», М. 1830.

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета, т. II; Памятная записка о профессорахъ Моск. Унив. (1831 г.) «Русск. Стар.» 1880, VIII; В. Рихтеръ, «Исторія медицины въ Россіи», ч. III, стр. 392—396.

Н. Кувшинскій.